

Маска таштыкской эпохи
(Уйбатский „Чаатас", Хакассия)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

С 157/32 [5 вкл.]
801-08/1608

С. В. КИСЕЛЕВ

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1951

Первое издание «Древней истории Южной Сибири» в 1950 году удостоено Сталинской премии второй степени.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
51-13643



ПРЕДИСЛОВИЕ

КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Первое издание «Древней истории Южной Сибири» вызвало много откликов: напечатаны рецензии и получено немало писем, с советами и пожеланиями.[1] Уже поэтому при новом издании нельзя было оставить книгу без изменений. Но прежде всего изменений требовало развитие советской науки, которая непрерывно совершенствуется. Это постоянное движение вперед обусловлено тем, что в основе советской науки лежит марксизм. «Марксизм, как наука, не может стоять на одном месте, — он развивается и совершенствуется».[2]

В развитии советской исторической науки совершенно исключительна роль работ И. В. Сталина по вопросам марксизма в языкознании. Они разоблачили идеалистическую сущность так называемого «нового учения о языке» Н. Я. Марра и показали, что Н. Я. Марр «был всего лишь упростителем и вульгаризатором марксизма».[3] Вместе с тем эти работы И. В. Сталина осветили ряд важнейших проблем, далеко выходящих за пределы одного только языкознания и особенно важных для истории и археологии.

Вполне очевидно, что прежде всего необходимо было рассмотреть книгу, исходя из этих величайших достижений в области марксизма.

Не будучи последователем Н. Я. Марра, я писал свою книгу вразрез с его «историческими» положениями и в частности с его идеалистической «теорией» стадиальности, ничего общего не имеющей с марксистско-ленинским учением о развитии общества и ослаблявшей позиции советской исторической науки по ряду важнейших вопросов истории. Достаточно вспомнить хотя бы ту путаницу, которую создали последователи Н. Я. Марра, сконструировав «кимерскую», «скифскую», «готскую» и т. п. «стадии». Втискивая в них всю историю древности от неолита до раннего средневековья, они лишали ее конкретности и увлекали доверчивых исследователей на путь стадиальной фантастики.

---

[1] Рецензии на книгу С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири». МИА, № 9, Изд. АН СССР, 1949: А. В. Арциховский и Г. Б. Федоров («Вопросы истории», 1949, № 7), А. Л. Монгайт («Вестник Академии Наук СССР», 1949, № 10), А. П. Смирнов («Советская книга», 1950, № 3), С. В. Бахрушин («Новый мир», 1950, № 4), Б. В. Лунин («Известия Академии Наук УзССР», 1949, № 5), Н. Н. Воронин («Огонек», 1950, № 26), Бернштам А. Н. Вестник Ленинградского университета, 1950, № 4). Токарев С. А. (Советская этнография. 1950, № 3). K. Majewski («Przeglad Historyezny», Warszawa, 1950, t. XLI).

[2] И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 55.

[3] И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 33.

Здесь необходимо подчеркнуть, что «эпохи» в моей книге прямо противоположны этим стадиям. Эпохи характеризуют развитие действительно существовавших сообществ людей в определенных социально-экономических условиях и обстановке, сложившейся в данное время и в данном месте.[1]

Решая вопросы происхождения тюрок Алтая и кыргыз Енисея, я стремился всегда находиться в пределах конкретной истории древних племен, их взаимоотношений и внутреннего социально-экономического развития. Однако, когда приходилось пользоваться данными языков, я не провел четкой грани между языком и культурой и некритически использовал результаты терминологического анализа Марра и его учеников. В новом издании я постарался это выправить.

Пришлось пересмотреть так же определение древнетюркского и кыргызского государств. В первом издании к ним применялся термин «варварские государства», заимствованный у Ф. Энгельса. Дальнейшая работа привела к выводу о неправомерности расширительного применения этого термина. Вместе с тем выяснилось большое сходство во внутреннем состоянии и направлении социально-экономического развития древних государств Южной Сибири и Центральной Азии с тем состоянием и направлением развития, которыми И. В. Сталин, А. А. Жданов и С. М. Киров характеризовали дофеодальный период в истории Руси и ряда других народов.[2] Эти народы развивались в обстановке, слагавшейся после крушения крупнейших центров рабовладельческого строя — Рима и Восточно-Римской империи, и миновали рабовладельческий строй.

Народы Южной Сибири развивались в близких условиях, сложившихся после крушения крупнейших центров рабовладельческого строя на Востоке и прежде всего крушения рабовладельческого строя в Китае. Поэтому они также могли миновать полное развитие рабовладения, пережив дофеодальный период, когда создавались предпосылки будущего феодального строя. Его отличие от феодализма и здесь заключалось прежде всего в том, что «крестьяне еще не были закрепощены».

Кроме того, в новом издании отмечено, что именно в этот период истории алтайских тюрок и енисейских кыргыз их государства захватывали власть над обширнейшими территориями Центральной Азии, населенными другими народностями и племенами. В такие времена расширявшиеся государства алтайцев и кыргыз становились весьма близкими к тем империям древности и средневековья, «которые не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения»[3].

В книгу внесены также другие дополнения. Прежде всего значительно расширены «вводные замечания» ко второй части, где показана историческая обстановка развития племен Южной Сибири в гунно-сарматское время. Кроме того, включены или хотя бы названы новые материалы из раскопок последних лет и учтены замечания рецензий и писем, с которыми я смог согласиться.

Глубокой признательностью всем, оказавшим мне товарищескую помощь деловой критикой, заканчиваю я свое предисловие.

С. КИСЕЛЕВ

---

[1] А. Н. Бернштам даже и теперь остается на позициях «теории» стадиальности, сожалея в своей рецензии об отсутствии в моей книге «стадий» (см. ВЛУ, 1950, №, 4, стр. 164).

[2] И. Сталин, А. Жданов, С. Киров. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР (Сб. «К изучению истории», Госполитиздат, 1938, стр. 22—24).

[3] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 12.

ПРЕДИСЛОВИЕ

К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Интерес к изучению древней истории Сибири возник давно. Уже при Петре I собирались археологические раритеты и описывались сибирские памятники. Весь XVIII и первую половину XIX в. продолжалась собирательская работа. Однако каких-либо широких задач научного исследования при этом не ставилось; интересовались только древним бытом — дальше этого не шли изучавшие Сибирь ни при Гмелине, ни при Спасском.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась прогрессом двух отраслей языкознания, имевших непосредственное отношение к сибирской древности,— тюркологии и исследования финно-угорских языков. И не случайно, что в этот новый период исследования древностей Сибири действовали М. А. Кастрен и В. В. Радлов. Однако у преемников Кастрена — финнов И. Аспелина, А. Гейкеля, И. Грено и других, задачи археологического изучения, тесно сплетаясь с реакционными взглядами националистической панфиннистской лингвистики, все дальше отходят от исторической достоверности к стремлению доказать древность и широту распространения финно-угорских элементов на востоке. Что касается учеников В. В. Радлова, то большинство из них — П. Мелиоранский, К. Иностранцев, С. Малов и другие, наоборот, уходят от археологического материала в область чисто лингвистическую и литературную; их связь с древностью поддерживается лишь работой над древними текстами и эпиграфическими памятниками.

Археологические исследования в Сибири в дореволюционный период оказываются в руках главным образом местных краеведов-любителей, которые произвели многие значительные раскопки, но дальше выполнения раскопочных работ и более или менее обстоятельного их описания эти исследователи не шли. Ни Кузнецовы, ни Адрианов, ни Савенков, ни Гуляев и другие не ставили перед собой задач исторического исследования. Между тем историческая важность сибирских археологических материалов становилась все более очевидной.

Первые попытки их систематизации и привлечения к решению вопросов древнейшей истории были сделаны в отношении бронзового века — В. А. Городцовым и А. М. Тальгреном, в отношении скифо-сарматского времени — Н. П. Кондаковым и И. И. Толстым, И. Е. Миннзом и М. И. Ростовцевым, а применительно к среднему железному веку — Д. Н. Анучиным и А. А. Спицыным. Однако при всей важности сделанных наблюдений и остроумии предложенных гипотез их научному утверждению препятствовала буржуазная ограниченность анализа, ведшегося по традиционной миграционистской схеме. Эта методологическая несостоя-

тельность и полная несистематичность и отрывочность археологических материалов из Сибири оставляла одинаково неподтвержденными, исключающие одна другую, схемы этнических передвижений, конструированные Городцовым и Тальгреном на основании распространения типов сибирских кельтов, и также во многом противоположные теории скифо-сибирских связей, созданные Миннзом и Ростовцевым. По той же причине могли существовать весьма далекие от науки расистские построения панфиннистов или реакционные «исследования» В. М. Флоринского.

Величайший подъем культуры и науки, ознаменовавший жизнь нашей страны после Великой Октябрьской социалистической революции, решительно изменил положение в области археологического исследования Сибири. Это дело перешло в руки советских археологов, поставивших перед собой цели исторического изучения сибирских древностей. В связи с этим стала первоочередной задача систематизации накопленных коллекций. Умело поставленными раскопками собирался надежный, систематизированный контрольный материал, который и помог заговорить языком истории всей массе сибирских древностей.

Первые и решающие шаги на этом новом пути были достигнуты при изучении памятников среднего Енисея.

Трудами В. И. Громова, Н. К. Ауэрбаха и Г. П. Сосновского был детально изучен енисейский палеолит, впервые ставший известным еще в дореволюционное время. Благодаря этим новым исследованиям выяснился мадленский возраст большинства стоянок и, кроме того, были выделены стоянки послепалеолитической стадии.[1]

С. А. Теплоухов и С. В. Киселев ту же работу по систематизации выполнили для бронзового и железного века Минусинской котловины, выделив ряд археологических культур и их стадий, отразивших культурно-историческое развитие древних племен долины среднего Енисея.[2]

На Алтае систематические работы были выполнены М. П. Грязновым, а более поздние раскопки палеолитической стоянки у с. Сростки Г. П. Сосновским и курганов бронзового и железного века С. В. Киселевым позволили дополнить и уточнить созданную классификацию.[3]

Аналогичная работа была проведена и на востоке. Г. П. Сосновский обследовал палеолитические местонахождения Забайкалья и расклассифицировал древности

---

[1] Сосновский Г. П. Палеолитические стоянки Северной Азии. Труды II Международной конференции АИЧПЕ, вып. V, 1934; его же. Поселение на Афонтовой горе; его же. Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины; Ауэрбах Н. К. и Громов В. И. Материалы к изучению Бирюсинских стоянок (все — в Изв. ГАИМК, в. 118, М.—Л., 1935). Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии четвертичного периода. Труды ИГН, вып. 64, М., 1948.

[2] Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии, т. III, в. 2, Л., 1927; его же. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Материалы по этнографии, т. IV, в. 2, 1929; Киселев С. В. Тагарская культура. Труды секции археологии ИАИ РАНИОН, в. IV, М., 1929.

[3] Грязнов М. П. Древние культуры Алтая. Материалы по изучению Сибири, вып. 2, Новосибирск, 1930; Сосновский Г. П. Палеолитические находки в предгорьях Алтая. и его же. Палеолитические стоянки около Бийска. Труды АИЧПЕ, в. III, Л., 1932; Киселев С. В. и Евтюхова Л. А. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Труды ГИМ, в. XVI, М., 1941; Киселев С. В. Алтай в скифское время. ВДИ, 1947, № 2.

долины Селенги раннего железного века.[1] А. П. Окладников своими систематическими раскопками в Прибайкалье, по Ангаре и верховьям Лены сделал возможным хронологическое определение обнаруженных там памятников от палеолита до X—XIV вв. н. э.[2]

Работы А. П. Окладникова по среднему и нижнему течению Лены в Якутии дали первые материалы для систематизации древностей на севере Сибири.[3]

Нам остается упомянуть исследования М. П. Грязнова и О. А. Граковой в Северном и Северо-Западном Казахстане, а также работы П. А. Дмитриева по Восточному Приуралью и В. Н. Чернецова в низовьях Оби, Иртыша и на полуострове Ямал[4], позволившие составить первое представление о развитии населения Западной Сибири.

В результате этих и многих других исследований, разбираемых в моей книге, археологический материал Сибири оказался в большей своей части систематизированным, наглядно представляющим культурно-историческое значение областей Сибири в соответствующие хронологические периоды, взаимоотношения этих областей и особенности судеб их древних обитателей.

В кратком введении невозможно даже сжато описать все наблюдения, сделанные при систематизации древностей Сибири. Этому посвящены последующие главы.

Успехи в области археологической периодизации поставили на очередь выяснение причин наблюдаемых изменений в хозяйстве и культуре древнего населения Сибири.

Первые попытки в этой области еще не отличались полнотой исследовательских приемов. Как и в аналогичных опытах над археологическим материалом Европейской части СССР, и здесь дело ограничивалось схематическим показом в истории древних сибирских племен общих закономерностей развития первобытно-общинного строя, сформулированных в работах классиков марксизма-ленинизма.

Примером такого построения является работа С. В. Киселева «Разложение рода и феодализм на Енисее», опубликованная в 1933 г. В ней еще сильно сказывается

---

[1] Сосновский Г. П. О находках древней каменной индустрии и остатков страуса в Селенгинской Даурии. Сообщения ГАИМК, 1932, № 11—12; его же. Следы пребывания палеолитического человека в Забайкалье. Труды Комиссии по изучению четвертичного периода; вып. III, 1933; его же. Ранние кочевники Забайкалья. Краткие сообщения ИИМК, VIII, его же. Плиточные могилы Забайкалья. Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, в. I, Л., 1941.

[2] Окладников А. П. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. ВДИ, 1938, № 1; его же. Каменные рыбы. Советская археология. 1936, № 1; его же. Буреть — новая палеолитическая стоянка на Ангаре. Советская археология, 1940, № 5; его же. Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья. Краткие сообщения ИИМК, в. V; его же. Погребения бронзового века в Ангарской тайге. Краткие сообщения ИИМК, в. VIII; Герасимов М. М. Мальта — палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931, и его же. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальта. Изв. ГАИМК, в. 118, М.—Л., 1935.

[3] Окладников А. П. Ленские древности, в. 1—3. Якутск, 1945, 1946 и 1950; его же. Исторический путь народов Якутии. Якутск, 1943.

[4] Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Зап. Казахстане. Сб. «Казаки», Л., 1927; его же. Казахстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казаки». Л., 1930. Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948. Дмитриев П. А. Линчинская неометаллическая стоянка. Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН, т. II; его же. Мысовские курганы (там же, т. IV); Чернецов В. Н., Древняя приморская культура на полуострове Ямале. Советская этнография, 1935, № 4—5.

социологический схематизм, господствовавший в нашей науке до выступлений тт. Сталина, Жданова и Кирова по основным вопросам истории.[1]

Разработка общетеоретических вопросов истории и связанная с этим исследовательская работа над материалом заставили во многом пересмотреть первоначальные взгляды. Это коснулось и таких кардинальных вопросов истории первобытного общества, как процесс возникновения патриархальных отношений и проблема перехода от первобытно-общинного строя к классовому. Углубленное исследование материала показало упрощенность прежнего понимания раннеклассовых форм у народов Южной Сибири и Центральной Азии как форм только раннефеодальных, основанных на раннефеодальных видах эксплоатации. Выяснилась очень большая роль рабовладения, на основе которого первоначально и осуществлялось развитие индивидуального хозяйства аристократии, именно на этой основе постепенно освобождавшегося от связывавших его норм первобытно-общинного строя. Вместе с тем было обращено большое внимание на местные особенности хозяйства, быта, культуры и «международных» отношений племен, обитавших в различных областях Сибири. Это позволило наметить ряд направлений в развитии древних племен Сибири. Наконец, этот новый период в исследовании древней истории Сибири ознаменовался и первыми попытками решения вопроса о происхождении современных сибирских народов. Эти проблемы впервые встали перед археологами, работавшими на Саяно-Алтае.

Все это нашло свое первое отражение в выпущенных в 1938 г. Академией Наук СССР на правах рукописи первых двух томах «Истории СССР». В соответствующих разделах этого труда, составленных М. П. Грязновым, А. П. Бернштамом, С. В. Киселевым, А. П. Окладниковым, Л. П. Потаповым, Г. П. Сосновским и С. П. Толстовым, была дана попытка исторического обобщения нового археологического материала по Сибири с ярко выраженным стремлением к выяснению особенностей развития различных племен.

К сожалению, дальнейшая работа была задержана Великой Отечественной войной. Однако тотчас же после войны работа вновь оживилась. Уже в 1946 г. вышла книга А. П. Бернштама «Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VII—IX вв.». Она имеет несомненное значение для выяснения общей картины исторического развития населения Южной Сибири и Центральной Азии. Она разрешает ряд очень важных частных вопросов истории тюркоязычных племен Саяно-Алтайского нагорья, а также впервые широко ставит этногенетическую проблему. Но вместе с тем эта книга имеет и ряд существенных недостатков, проистекших главным образом от некритического использования из вторых рук археологического материала, которым автор оперировал весьма произвольно. Это позволило А. П. Бернштаму создать ряд весьма спорных конструкций, из которых утверждение некоего орхоно-енисейского древнетюркского единства является несомненно наиболее порочным, подменяющим умозрительным построением реальную историю нескольких тюркоязычных народов: алтайских тюрок — туг-ю, енисейских кыргызов — хакасов и прибайкальских курыкан (последние, судя по исследованиям А. П. Окладникова, сыграли решающую роль в сложении самого северного из тюркоязычных — якутского народа).

---

[1] И. Сталин, А. Жданов, С. Киров. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР. Сб. «К изучению истории», стр. 22—24, Госполитиздат, 1938 г.; И. Сталин, С. Киров, А. Жданов. Замечания о конспекте учебника новой истории. Там же, стр. 25—27.

Предлагаемая работа стремится учесть предшествующий опыт исследования истории древних племен Южной Сибири и Центральной Азии. В ней ставится задача рассмотреть весь важнейший археологический и письменный материал, накопленный по настоящее время, и на основе его изучения сделать выводы о реальном ходе исторического развития и его причинах в двух основных областях Южной Сибири — в Минусинской котловине и на Алтае. При этом автор стремится подобрать возможно полнее все материалы по происхождению современных народов Южной Сибири и прежде всего алтайцев и хакасов (енисейских кыргызов), привлекая самые разнообразные виды источников.

Состояние источников и степень их изученности для разных эпох в этих областях различны. Поэтому в одних случаях можно было ограничиваться необходимым напоминанием хорошо исследованных фактов и главное внимание сосредоточить на историческом анализе и выводах. В других же случаях было необходимо проделать всю источниковедческую работу и лишь после нее перейти к обобщениям. К сожалению, таких случаев было немало, и источниковедческий элемент в книге велик. Однако я считал обязательным строгое обоснование всех выводов, а это неизбежно влекло к оценке фактов, обосновывающих эти выводы. Насколько мог и умел, я старался рационализировать изложение источниковедческих разделов, но не мне, конечно, судить о достигнутом.

Читатель пусть судит и о том, насколько правильно я осветил сложные пути истории южносибирских племен в их многовековом развитии от первобытной матриархальной родовой общины к сложению народов Саяно-Алтая и их древних государств.

Руководствуясь образцами анализа, осуществленного в исторических работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина, я прежде всего стремился показать исторический процесс во всей сложности его проявлений и вместе с тем старался не терять основных его направлений.

Конечно, решение этой задачи было бы мне совершенно не по силам, если бы не поддержка и помощь моих сотоварищей по работе в Сибири. Все они с готовностью предоставляли мне свои материалы и охотно делились со мной своими предположениями и выводами. Я приношу им за это самую глубокую благодарность.

Моя работа в значительной мере написана на основании исследований, осуществленных во время поездок по Сибири и двадцатилетних экспедиций, руководимых Л. А. Евтюховой и мною. Эти экспедиции были организованы Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР и Государственным историческим музеем при постоянной поддержке местных учреждений, из которых Минусинский музей и Хакасский научно-исследовательский институт сделали особенно много. Поэтому я благодарю все эти научные учреждения особо. Вместе с тем я всегда буду помнить тот радушный прием и содействие, которые я встречал в руководящих органах Хакасской, Тувинской и Горно-Алтайской областей, а также со стороны работников всех центральных и сибирских музеев от Тюмени до Владивостока.

Я должен также вспомнить о тех скромных простых людях, русских, хакасах, тувинцах и алтайцах, которые делили с нами все трудности наших экспедиций и, работая на раскопках, добыли тот материал, который лег в основу моей работы. Я стремился им отплатить посильным разъяснением древнейших периодов нашей славной многовековой истории.

С. Киселев

Часть первая

ДРЕВНОСТЬ

*

Часть первая

ДРЕВНОСТЬ

*

Глава I

ЮЖНОСИБИРСКИЙ НЕОЛИТ

В противоположность значительным нашим знаниям о палеолите Саяно-Алтая его неолитические памятники остаются мало изученными.

В лучшем положении находится таежная область по Ангаре, в Прибайкалье и по Лене, где энергичными исследованиями иркутских археологов, а в последнее время А. П. Окладниковым, собран обширный материал. Недавно он был классифицирован в сводных исследованиях. Нужно согласиться с их автором А. П. Окладниковым в определении памятников серовской стадии как памятников матриархально-родовых групп таежных охотников и рыболовов.[1]

Серовские памятники неолита Прибайкалья и Ангары, дающие довольно ясное представление об оставившем их населении, имеют и еще одно очень важное значение.

Отдельные весьма характерные предметы из числа этих памятников путем, вероятно, длительного этапного обмена между соседившими охотничьими родовыми группами распространились довольно далеко за пределы собственно серовской территории и могут служить ценнейшими документами для синхронизации прибайкальских древностей с происходящими из других областей.

Из числа этих памятников прежде всего следует отметить находки каменных изображений рыб.[2]

В Прибайкалье и на Ангаре они увязываются с неолитическими погребениями серовского типа. Они найдены там в могилах Коркинского, Середкинского,

---

[1] Окладников А. П. Каменные рыбы. Советская археология, 1936, в. 1, стр. 215—245; его же. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. ВДИ, 1938, № 1, стр. 244—260; Третьяков П. Н. Первобытная охота в северной Азии. Из истории родового общества на территории СССР, Л., 1934.

[2] Летом 1948 г. руководитель Иркутского музея П. П. Хороших обнаружил на территории стадиона «Локомотив» (б. Циклодром) погребения, сопровождавшиеся аналогичными изображениями рыб, сделанными из кости («Восточно-Сибирская Правда» от 17 октября 1948 г. № 206, (8444), стр. 4).

Лисихинского и раннего Глазковского могильников. Это подтверждается и стратиграфией находок обломков аналогичных фигурок рыб на стоянке Улан-Хада (между IX и III слоями).

Западнее основной области серовских памятников каменные изображения рыб найдены на сильно испорченной выдувами Базаихской стоянке близ Красноярска, [1] затем в Минусинском крае — три:[2] одно на севере, в устье р. Сисима, другое южнее, у с. Лепешкина, и третье в неизвестном точно месте Минусинской котловины. Кроме того, одна каменная рыба была найдена еще дальше на запад в Барабинской степи.[3] Все эти находки показывают, что в серовскую эпоху ангарско-прибайкальского неолита в соседних к юго-западу областях жило население, оставившее после себя эти датирующие памятники.

Какие же местные находки могут быть отнесены ко времени занесения каменных рыб на Енисей?

К сожалению, южная часть бассейна среднего Енисея — Минусинская котловина — не может дать материала даже для предварительного ответа. Состояние культурных слоев местных стоянок более чем печально. Повидимому, древний скотоводческий режим издавна способствовал растаптыванию скотом растительного покрова дюнных холмов, вследствие чего усиливался процесс выдувания песков, хранивших культурные наслоения. Поэтому только кропотливая работа на песках, вдоль рек и в районе боровых гряд может привести к открытию отдельных фрагментов нетронутых слоев древних поселений. В настоящее время эту работу небезуспешно проводит Минусинский музей, но пока найденные археологом музея В. П. Левашовой и ее сотрудниками слои относятся к позднейшим временам. Главная же масса дюнных стоянок края предстает перед обследователем в виде беспорядочно перепутанных материалов всех эпох.

Поэтому сейчас приходится воздерживаться от подбора комплексов неолитического инвентаря минусинских стоянок и от оценки их возраста, тем более, что находки каменных орудий в позднейших погребениях края демонстрируют длительность бытования весьма архаических неолитических форм, например наконечников стрел. Однако неправильно было бы на основе столь печального состояния памятников и на фактах переживания неолитических типов орудий в позднейшее время отрицать самое наличие неолитической стадии на Среднем Енисее.

Против этого, прежде всего, говорит несовпадение уровня развития культуры, выясняемого по позднепалеолитическим материалам Минусинской котловины и

---

[1] Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов Музея Приенисейского края. Красноярск, 1929, стр. 36.

[2] Хранятся в Минусинском музее им. Мартьянова (Окладников А. П. Каменные рыбы. Советская археология, 1936, № 1, стр. 228).

[3] Анучин Д. Н. О некоторых своеобразных древних каменных изделиях из Сибири Труды Археологического съезда, 1886, т. I.

по фактам раннеметаллического времени. Исследования последних лет расширили сведения о позднейших палеолитических стоянках Енисейской долины. Это — раскопки Г. П. Сосновского на стоянках в районе с. Кокорева («Забочка» и «Красный лог»), около с. Бузуновой и на стоянке у Красноярского «Переселенческого пункта», начатой исследованием С. М. Сергеевым еще в 1912 г. Сюда же относятся раскопки Н. К. Ауэрбаха и В. И. Громова на Бирюсе (горизонты В—С) ,[1] а также раскопки Г. П. Сосновского, В. И. Громова и Н. К. Ауэрбаха на стоянках Афонтова гора II (верхний горизонт), Афонтова гора IV и Гремячий ключ.[2]

Все перечисленные стоянки исследователи относят к послеледниковому времени. Они лишь выделяют нижний горизонт Бирюсы (С), Переселенческий пункт, Забочку и Бузуново как более древние, принадлежащие к первой половине поздней стадии верхнего палеолита долины реки Енисея.[3] «Это время, — говорил Г. П. Сосновский,— характеризуется появлением над поверхностью воды 9—12-метровой надлуговой террасы, сухим континентальным климатом, полным исчезновением мамонта, уходом песца к северу, преобладанием в составе фауны, окружавшей палеолитического человека, северного оленя и лошади.

По западноевропейской классификации рассматриваемая эпоха должна соответствовать самому концу мадлена или началу азиля».[4]

Остальные из названных стоянок относятся к III группе по классификации В. И. Громова. Они соответствуют азильским европейской классификации и характеризуются дальнейшим развитием сухого режима с господством степной фауны, с преобладанием лошади и дикого быка, а в горах — горного барана и сайги. Лишь северный олень, повидимому, еще долгое время сохранялся в этой новой обстановке.[5]

Материалы, собранные на стоянках енисейского азиля, позволяют сделать некоторые выводы об образе жизни их населения.[6]

---

[1] Сосновский Г. П. Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины. Палеолит СССР, Л., 1935. Ауэрбах Н. К. и Громов В. И. Материалы к изучению Бирюсинских стоянок близ Красноярска. Палеолит СССР, 1935.

[2] Ауэрбах Н. К. Доисторическое прошлое Приенисейского края. Каменный период. Красноярск, 1929; Сосновский Г. П. Поселения на Афонтовой горе. Палеолит СССР; Ауэрбах Н. К. и Сосновский Г. П., Материалы к изучению палеолитической индустрии и условий ее нахождения на стоянке Афонтова II. Труды Ком. по изуч. четв. периода, 1932, т. I; Сосновский Г. П., Палеолитические стоянки Сев. Азии. Труды II Международной конференции АИЧПЕ, М.— Л., 1934, стр. 246 и сл.

[3] Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии Четвертичного периода. Труды ИГН, вып. 64, М., 1948.

[4] Сосновский Г. П. Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины. Палеолит СССР, М.— Л., 1935, стр. 212.

[5] Там же, стр. 190—191 (ср. Громов В. И. К вопросу о возрасте сибирского палеолита. Доклады Акад. Наук СССР, 1928, и Ауэрбах Н. К. Доисторическое прошлое Приенисейского края. I. Каменный период. Красноярск, 1929, стр. 13).

[6] Там же, стр. 212—218.

В составе инвентаря стоянок намечаются изменения в сторону улучшения и дифференциации орудий. Возрастает количество резцов, улучшается качество ножей — продолговатых призматических каменных пластинок, вставлявшихся в рукоятку. Приобретают симметрично листовидную форму остроконечники, служившие, повидимому, наконечниками копий. В области рубящих орудий наряду с прежними дисковидными ручными рубилами появляются новые эбошевидные топоры с полукруглыми лезвиями, обделанными с обеих сторон, возможно вставлявшиеся уже в рукоятку. Также наблюдается дифференциация и среди всевозможных мелких каменных инструментов. Зато замечается сокращение костяного инструментария. Пищевые остатки, так же как и набор орудий, убеждают в господстве охоты уже не на мамонта, а на лошадь, оленя, быка, косулю, зайцев и куропаток.

Однако в основном прежняя охотничья оснастка при наличии только ручного метательного оружия не могла обеспечить постоянный приток добычи с ограниченной территории, и это обусловило усиление подвижности и уменьшение размеров отдельных охотничьих групп.

Более древний тип стоянок с культурным слоем большой мощности сменился в это время новым, отличающимся многими тонкими слоями, разграниченными стерильными прослойками. Это говорит не о постоянстве, но о периодичности жизни на стоянках, которые часто оставлялись и вновь занимались передвигавшимися в поисках дичи охотниками. Многие черты этого нового уклада напоминают то, что можно наблюдать и в ранненеолитических слоях поселений Прибайкалья, также отличающихся малой мощностью и ограниченностью площадей и содержащих орудия еще прежней ручной метательной охоты.[1]

Таковы в общих чертах наши сведения о жизни человека в Минусинской котловине к началу неолитического времени. Учитывая их, можно смело утверждать невозможность непосредственного перехода от этой, только что обрисованной ступени, к той, о которой говорят раскопки раннеметаллических афанасьевских погребений. Там мы уже встречаемся с наличием скотоводства, постоянным употреблением лука, обработкой металла, развитой керамикой, сложностью космогонических представлений в погребальной обрядовости.

На это же указывают и находки в Минусинской котловине каменных рыб.

Ниже будет случай убедиться в том, что памятники Прибайкалья китойской стадии, следующей за серовской (для которой характерны каменные рыбы), довольно точно синхронизируются именно с афанасьевскими материалами. Следовательно, серовские каменные рыбы, найденные на Енисее в песках около с. Лепешкина

---

[1] Повидимому, этому соответствует и аналогичный процесс на Западе, где также меняется облик самих поселений, которые получают вид по большей части кратковременных стойбищ охотничьих орд, состоящих из групп шалашей, раскинувшихся где-нибудь на речном берегу или морском побережье (ср. Ефименко П. П. Капсийцы — охотники и собиратели. Из истории докапиталистических формаций. М.— Л., 1933, стр. 92).

и в устье Сисима, должны принадлежать к минусинской неолитической культуре, более древней, чем афанасьевская.

Таким образом, уже имеются известные основания допускать наличие в Минусинской котловине между енисейско-азильскими и раннеметаллическими памятниками особой стадии развитого неолита, люди которого одни только и могли быть современниками изготовления прибайкальских каменных рыб.

Справедливость такого допущения подтверждается и другими фактами. Среди них прежде всего должны быть упомянуты немногие сохранившие остатки культурных слоев Минусинские местонахождения, которые «подозреваются» в принадлежности к неолиту.

Н. К. Ауэрбах во время своих исследований по Тубе открыл стоянку Богуртак, которую ни он, ни хорошо знакомый с его материалами Г. П. Сосновский не смогли отнести к енисейско-азильской группе стоянок. Стоянка Богуртак оказалась более поздней, несомненно неолитической. К сожалению, результаты ее исследования пока не опубликованы.

С. А. Теплоухов еще в 1929 г. сообщил мне, что в окрестностях Батеней он отыскал остатки многослойного поселения.

Нижний слой этой стоянки имел лишь одни каменные орудия, гладкую керамику, покрытую штриховкой от вытертости травой. Кости встречались исключительно диких животных. С. А. Теплоухов видел в этом слое неолитическое, «доафанасьевское», местонахождение.[1]

Там же С. А. Теплоухов нашел и неолитическое доафанасьевское погребение. По словам Г. Ф. Дебеца, обследовавшего скелет из этой могилы, его череп весьма своеобразен. Он не похож на позднейшие мужские афанасьевские, среди женских же может рассматриваться как их крайняя вариация. Во всяком случае он не связывается с монголоидным типом, господствовавшим у неолитического населения таежной Енисейско-Ангарской зоны. По ряду особенностей он близок к неолитическим из окрестностей Красноярска, для которых Г. Ф. Дебец устанавливает

[1] Эти данные нельзя дополнять материалами Г. Мерхарта, так как все стоянки, которые он считал неолитическими (около Означенной, Лугавского, Батеней и др.), он видел в разрушенном состоянии. Это ограничило его работу случайным подбором материала. Несмотря на такое состояние источников, Мерхарт совершенно произвольно построил схему взаимодействия якобы трех неолитических культур — местной, связанной с палеолитом, «ангарской», сравнительно слабо действующей в Минусинском крае, и, наконец, особой культуры гребенчатой керамики, которая будто бы «пришла» с далекого Запада, широко распространилась по Енисею и докатилась до Байкала. Между тем керамика, на которую ссылается Г. Мерхарт, в большинстве своем не имеет никакого отношения к неолиту. В Минусинской котловине она главным образом афанасьевская. Севернее по Енисею она может быть и еще более поздней. В окрестностях Красноярска она связывается со слоями городищ I тысячелетия н. э. Керамика эта столь же распространена на Востоке, как и на Западе, и поэтому нет никаких оснований заставлять ее совершать переселение (Merhart G., Neolithikum — Reallexikon d. Vorgeschichte, v. M. Ebert. Bd. 12, Berlin, 1928, S. 62).

смешанность европеоидных и монголоидных признаков (Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 61—63 и 68, 69).

Наличие неолита в Минусинской котловине подтверждают и наблюдения по неолиту соседнего Красноярского района. В кратком обзоре приенисейских азильских стоянок уже приведены данные об азильских местонахождениях в этой более северной области.

Повидимому, жизнь на неолитических стоянках Красноярского района мало чем отличалась от быта красноярских стоянок азильского типа.

Именно это демонстрируют материалы из нижнего горизонта раскопанной В. Г. Карцовым Усть-Собакинской стоянки.[1]

К сожалению, здесь найдены не орудия, а только осколки. Зато обнаружено значительное количество костей животных. Судя по костям, жители стоянки по-прежнему были охотниками-звероловами.

По определению В. И. Громова, нижний слой заключает в себе в особенно большом количестве кости лося, затем косули, дикого кабана, медведя, белки, волка и птиц. Он мало чем отличается от слоев позднейших азильских стоянок. Чрезвычайно показательно также отсутствие в этом слое керамики.

Кажется вероятным весьма близкое соотношение нижнего слоя Усть-Собакинской стоянки с позднейшими слоями азильских стоянок (стоянки Кипирного и Каменного лога близ с. Кокорева, Афонтова II — верхний горизонт, Афонтова IV, Гремячий ключ, Бирюса В—С). Однако имеется и отличие — почти полное исчезновение костей северного оленя и преобладание лося, до этого в позднеазильских слоях енисейских стоянок не найденного. Это обстоятельство указывает также и на известную связь с последующим, вышележащим слоем Усть-Собакинской стоянки, относящимся уже к эпохе бронзы и содержащим кости домашних животных.

В. Г. Карцов считает, что режиму нижнего слоя Усть-Собакинской стоянки предшествовал режим, отображенный в слое стоянки, расположенной на территории Ермолаевского городища.[2]

Такое мнение кажется неправильным. Нужно считаться с тем, что нижний слой Усть-Собакинской стоянки не содержит никаких керамических остатков, тогда как на стоянке Ермолаевского городища обломки сосудов найдены в достаточном количестве. Они имеют при этом орнаментацию, близкую к украшающей черепки III слоя Усть-Собакинской.[3] Такому определению времени Ермолаевской

---

[1] Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск, 1929, стр. 6, 22, 23, 27 и сл.

[2] Карцов В. Г., ук. соч., стр. 24, прим. 3. Описание стоянки там же, стр. 7 и 21, 24 и у Карцова В. Г. Ладейское и Ермолаевское городища. Труды Ин-та арх. и искусствозн. РАНИОН, вып. IV, стр. 559—567.

[3] Карцов В. Г. Ладейское и Ермолаевское городища. Труды Ин-та арх. и искусствозн. РАНИОН, вып. IV, табл. 5, 9 и 10, стр. 566.

стоянки (между нижним и III слоями Усть-Собакинской стоянки) на первый взгляд препятствует отсутствие в строении ее слоев каких-либо признаков перерыва.

Однако это могло бы иметь значение, если бы слои Собакинской стоянки были древнего происхождения. Между тем они получены путем произвольного деления исследователем культурного слоя Собакинской стоянки на равные горизонты мощностью в 20 см каждый.[1]

В силу этого невозможно утверждать непрерывность усть-собакинского слоя.

К сожалению, отсутствие точных промеров залегания вещей в культурном слое Усть-Собакинской стоянки заставляет оперировать слоями В. Г. Карцова как чем-то целым. При таком положении мы должны весь III слой, как он дан в описании исследователя, считать более поздним, чем ермолаевский. В этом прежде всего убеждает отсутствие в ермолаевском слое костей домашних животных, имеющихся в III усть-собакинском слое (кость барана и, может быть, свиньи), а также близость состава костей диких животных к IV, нижнему, усть-собакинскому слою (кроме отсутствующего в последнем оленя).

Пренебрегать здесь данными фаунистических различий невозможно.

В. Г. Карцов определяет возраст стоянки Ермолаевского городища как совпадающий с изучаемыми ниже афанасьевскими памятниками. Но такое определение как раз противоречит устанавливаемой им же стратиграфии. Ведь это заставило бы докерамический IV слой Усть-Собакинской стоянки, по Карцову более поздний, чем ермолаевский, отнести чуть ли не к послеафанасьевскому времени, т. е. ко времени по меньшей мере конца вышележащего III слоя!

Между тем отнесение ермолаевского слоя к промежутку между IV и III усть-собакинским позволяет вполне последовательно разместить все памятники, что подтверждается также и рассмотрением их инвентаря.

Нижний, IV, слой Усть-Собакинской стоянки, сближаясь с позднеазильскими памятниками Енисейской долины, весьма напоминает докерамический, XI, слой Улан-Хада. Инвентарь Ермолаевской стоянки демонстрирует, как и стоянки Прибайкалья, дальнейшее развитие неолита — распространение лука (найдены наконечники стрел) и изготовление керамики. Следующий этап в керамическом деле отражен III, уже энеолитическим слоем Усть-Собакинской стоянки. Такому размещению, на первый взгляд, противоречит мнение В. Г. Карцова о том, что керамика Ермолаевской стоянки имеет афанасьевский облик. Действительно, из двух типов орнаментации, представленных исследователем, один, выполненный «гусеничным» чеканом, находит себе аналогию в афанасьевской керамике.[2] Однако нельзя не согласиться с замечанием самого В. Г. Карцова, что эта деталь, равно как и яйцевидность формы, «встречается в целом ряде неолитических культур»[3]

---

[1] Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района, стр. 22, прим. 2 (Культурный слой «во время раскопок условно был разделен на 4 горизонта по 20 см»).

[2] Карцов В. Г. Ладейское и Ермолаевское городища, стр. 565, рис. 5, фиг. 10.

[3] Там же, стр. 566.

и, следовательно, сама по себе доказательством афанасьевского возраста ермолаевского слоя служить не может.

Таким образом, с известными трудностями мы находим в Красноярском крае некоторые памятники, которые можно относить к дометаллической стадии, видя в них дальнейшее развитие уклада, представленного азильскими стоянками.

Правильность такого взгляда подтверждает и находка изображения рыбы ангаро-прибайкальского типа, сделанная на площади одной из самых известных дюнных стоянок Красноярского края, расположенной у с. Базаиха против Красноярска.

Обследование этой стоянки в последние годы обнаружило признаки бывшей ранее многослойности ее культурных отложений.[1]

В подъемном же материале с этой стоянки среди вещей разных эпох мы находим и такие, которые могут быть связаны с только что разобранными памятниками неолитического облика, особенно в части керамики, наконечников стрел, топоров, вкладышевых орудий и пр.[2]

Конечно, часть этих вещей может происходить из древнейших слоев, однако находка вместе с ними изображений рыбы серовской стадии ангаро-прибайкальского неолита позволяет предположить для известной части ранних базаихских находок неолитический возраст. Таким образом, и здесь, и в Минусинской котловине находки каменных рыб заставляют увереннее говорить о наличии на Енисее неолитической стадии, близкой к серовской Прибайкалья и Ангары.

То же, повидимому, можно сказать и о районах к северо-западу от Саяно-Алтая. К сожалению, мы не имеем оттуда пока материалов из научно проведенных раскопок. Налицо лишь разрозненные факты. О неолите в Барабинской степи, близком серовскому, можно говорить на основании находки там каменного изображения рыбы ангаро-прибайкальского типа.[3] Южнее, в предгорных степях Бийска, Барнаула и Семипалатинска, пока совершенно нет каких-либо удовлетворительно исследованных неолитических памятников, однако это зависит исключительно от недостаточного изучения этих районов.

В предвоенное время, благодаря энергичной работе в окрестностях Бийска С. М. Сергеева и А. П. Маркова, Г. П. Сосновский смог исследовать верхнепалеолитическую стоянку у спуска Чуйского тракта в долину Катуни на Сросткинских высотах.[4] Это первая палеолитическая стоянка Западной Сибири, не считая известного местонахождения кремней вокруг останков мамонта на территории «так назы-

---

[1] Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского края, стр. 6.

[2] Там же, стр. 27—29.

[3] Окладников А. П. Каменные рыбы. Советская археология, 1936, № 1, стр. 219—220.

[4] Сосновский Г. П. Палеолитические находки в предгорьях Алтая. Труды АИЧПЕ, вып. II, стр. 37—41; его же. Палеолитические стоянки около г. Бийска. Труды АИЧПЕ, вып. III, стр. 144—158; его же, Раскопки палеолитической стоянки в долине р. Катуни. Советская археология, 1940, № 5, стр. 297—298.

ваемого Лагерного Городка» г. Томска.[1] Она с несомненностью устанавливает обитаемость Западной Сибири в четвертичном периоде, еще недавно отрицавшуюся некоторыми исследователями сибирского палеолита.

Но если, с одной стороны, мы находим на Алтае поселение верхнепалеолитического возраста, то следующим, определенно установленным комплексом памятников являются находки афанасьевского типа, относящиеся к палеометаллу (см. ниже). Резко различаясь в хронологии и в уровне развития (палеолитическая «метательная» охота и афанасьевское оседлое рыболовство, охота, начатки разведения скота), обе эти стадии и здесь не могут быть соединены непосредственно. Между ними, несомненно, существовала неолитическая ступень. Ее отдельные памятники в виде ямочной керамики и известной части кремневых орудий уже давно известны обследовавшим дюнные стоянки по верхней Оби. 1936 год принес очень много для постановки проблемы алтайского неолита. При исследовании Г. П. Сосновским афанасьевских курганов на урочище Куюм на Катуни ему удалось на той же площадке под курганными насыпями обнаружить остатки древнего поселения.[2] Верхний слой этого поселка близок афанасьевским курганам. Он содержит типично афанасьевскую керамику, кремневые наконечники стрел, кости животных.

Нижний слой Куюмской стоянки отделен от верхнего 20 см стерильного наноса. В нем оказались более архаические остатки: каменные скребки, нуклевидные орудия, ножевидные пластинки с ретушью по краю, фрагмент костяного орудия, сделанного вкладышевой техникой — в его желобке была зажата кремневая пластинка. Керамика отличалась и по орнаменту и по технике. Особенно показателен в этом отношении большой сосуд, украшенный елочкой (табл. VI, рис. 19). Стенки его в отличие от афанасьевских — гладкие. На их поверхности нет характерной для афанасьевских сосудов штриховки — следов вытирания травою. Эту керамику, присоединяя к ней некоторые случайные находки, можно сближать с открытой в 1939 г. С. П. Толстовым посудой так называемой «кельтеминарской» культуры дометаллического Хорезма. С кельтеминарским же комплексом сближают нижний слой Куюмской стоянки и совпадения в кремневых изделиях — особенно ножевидные пластинки с боковой ретушью, нуклевидные орудия и скребки.[3]

---

[1] Кащенко Н. Ф. К вопросу об одновременности существования человека и мамонта. Труды X Археологического съезда, 1896, т. I, стр. 64—76; его же. Скелет мамонта со следами употребления в пищу современным ему человеком. Записки Акад. Наук по физ.-мат. отделению, 1901, VIII, т. XI, № 7.

[2] Материал хранится в Гос. Эрмитаже. Некоторые сведения см. в сборнике «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», Л., изд. ИИМК, 1941, стр. 305—306.

[3] Некоторые вещи и другие данные о «кельтеминаре» см. Толстов С. П. Хорезмская экспедиция 1939 г. Кратк. сообщения ИИМК, вып. VI, стр. 71, рис. 14; его же. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 156—159, рис. 2 и табл. 1, и его же: Древний Хорезм, М., 1948, стр. 59—66.

К нижнему слою Куюмской стоянки близко (но еще более архаично) погребение, найденное под культурным слоем стоянки Чудацкая гора близ Барнаула.[1] Там в яме на глубине 0.75 м лежал на спине, вытянуто, костяк взрослого мужчины. При нем были найдены 4 составных удильных крючка из рога, сходных с китойскими Ангаро-Прибайкалья, роговой гарпун и до 20 каменных орудий. Из них особенно выделяется серия ножевидных пластинок с боковой ретушью, совершенно аналогичных древнейшим куюмским и кельтеминарским. Больший архаизм погребению на Чудацкой горе придает отсутствие керамики. Вытянутое положение лежащего на спине покойника также архаизирует погребение, отличая его от афанасьевских погребений Алтая.

Промежуточное положение между Чудацкой могилой и афанасьевскими погребениями Алтая, вероятно, займут памятники, пока представленные двумя погребениями, исследованными С. И. Руденко на р. Ян-Улаган в горном Алтае.[2] Костяки и здесь лежали вытянуто на спине и также при них не было найдено глиняной посуды. Они уже были окрашены посыпкой охры, как и афанасьевские, и так же, как и афанасьевские, их отмечали земляные курганы. Физический тип удалось установить только по ян-улаганским скелетам. Они оказались принадлежащими к тому же палеоевропейскому типу, что и афанасьевские Алтая и Минусинска.

Как ни малы изложенные данные, все же они достаточно ясно показывают, что доафанасьевская, неолитическая эпоха на Алтае была весьма сложной. С одной стороны, ее культура обладала чертами северосибирского неолита, а с другой, в ней бытовали особенности, указывающие на связи с Юго-Западом, со Средней Азией. Эти связи не прекратились на Саяно-Алтае и позднее.

Недостаточность материала не позволяет сейчас делать какие-либо выводы относительно образа жизни неолитического населения к западу от Ангаро-Прибайкальского бассейна. Значительное сходство в инвентаре и характер поселений позволяют предполагать на Енисее и на Алтае близкое подобие тому, что А. П. Окладников отметил восточнее. Мелкие матриархальные коммуны рыболовов-охотников, знавших лук, сети, полирование и натачивание камня,— это нам кажется бесспорным. Несомненно, однако, что были и чисто местные специфические особенности, обусловленные своеобразием обстановки. Эти отличительные особенности развивались в более южных степных районах — в Минусинской котловине и предгорных степях Алтая.

Этому, несомненно, помогали западные и юго-западные связи неолитического населения Саяно-Алтая, подготовившие почву для того, чтобы первая же местная металлическая культура — афанасьевская — оказалась столь близкой даже к зауральскому западу.

---

[1] Грязнов М. П. Древние культуры Алтая. Материалы по изучению Сибири, 1930, вып. 2, стр. 4, табл., рис. 1—3 и 6—9.

[2] Грязнов М. П., ук. соч., стр. 4—5, табл., рис. 10. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.— Л., 1948, стр. 67, 68.

Глава II

АФАНАСЬЕВСКАЯ ЭПОХА

В Минусинской котловине наиболее ранними после неолитических являются афанасьевские памятники, в настоящее время известные уже в весьма значительном числе. В основном — это погребения (до 80) и некоторое количество находок на развеянных дюнных стоянках.

1. АФАНАСЬЕВСКИЕ МОГИЛЬНИКИ

Афанасьевские погребения сгруппированы в небольшие могильники, обычно расположенные возможно ближе к воде или современной пойме (исключение представляют лишь 5 могил в «двух седловинах гор», раскопанных в 1925 г. около Батеней. Погребения последующего времени всегда находятся дальше от края террасы).

Могильники сейчас открыты около с. Батеней, под Афанасьевой горой, от которой и пошло название всей серии,[1] и «в двух седловинах гор»[2] — раскопки С. А. Теплоухова, около с. Сыда, около с. Тесь и около с. Малые Копены — раскопки С. В. Киселева,[3] а также около улуса Красный Яр под южным склоном Оглахтинских гор — раскопки В. П. Левашовой.[4]

---

[1] Теплоухов С. А. Древние погребения Минусинского края. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, Л., 1927.

[2] Его же. Отчет о произведенных раскопках в районе с. Батеней Хакасского окр. в 1925 г. (хранится в архиве ГАИМК, дело № 169 за 1925 г.).

[3] Киселев С. В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Минусинск, 1929 и его же. Афанасьевские курганы у с. Сыды и Теси. Советская археология, 1936, № 2.

[4] Левашова В. П. Раскопки близ улуса Красный Яр Чарковского района 9—15 августа 1930 г. (хранится в архиве ГАИМК, дело № 137 за 1931 г.).

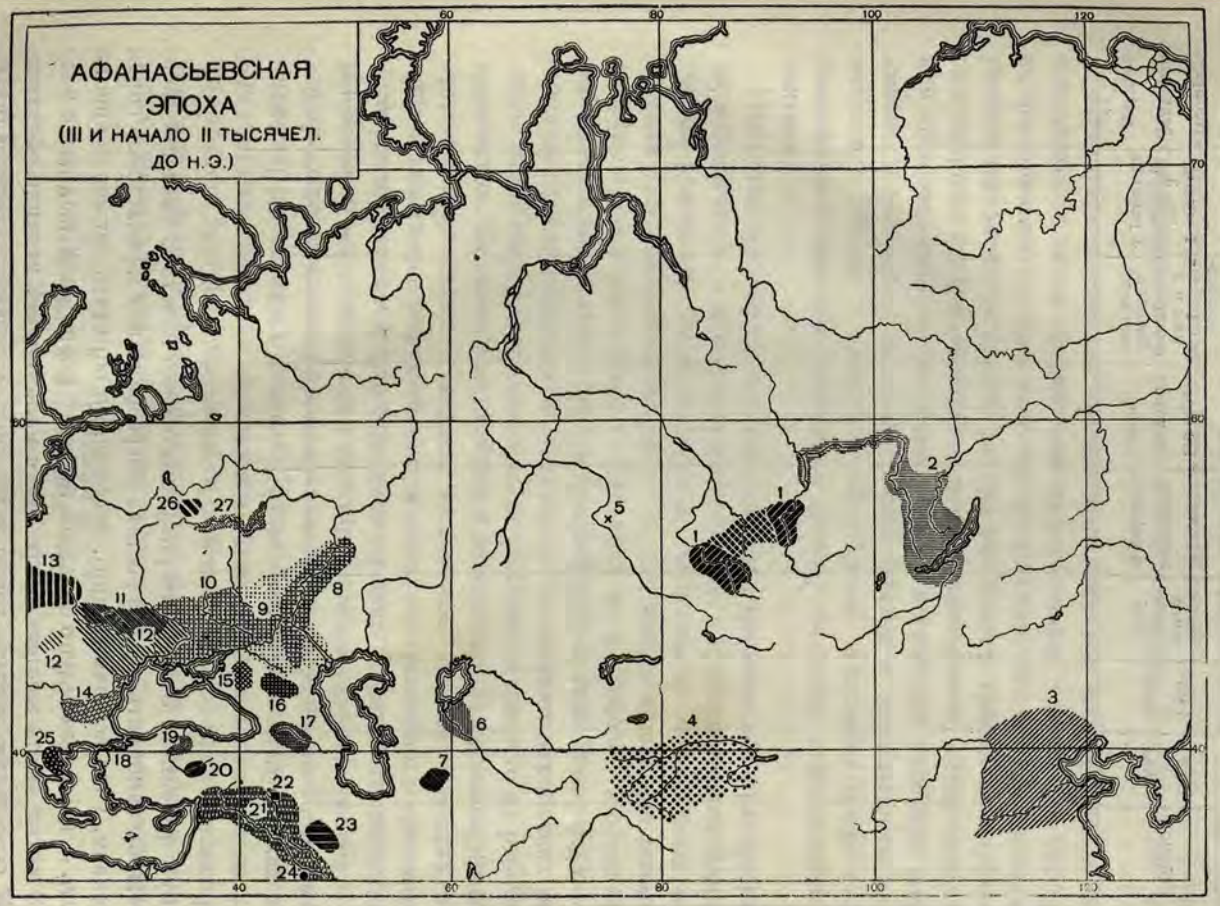
Ввиду того, что описания большинства могильников в настоящее время уже изданы, мы обратим внимание лишь на самое существенное, отсылая за деталями к специальным публикациям.

Могильник под Афанасьевой горой у с. Батеней расположен на надпойменной террасе по дороге от пристани в село. Могилы, которых С. А. Теплоухов насчитал до 25 (раскопаны в 1920, 1921 и 1923 гг.), еще заметны на поверхности по одинаково выступающим камням и иногда небольшим впадинкам. Эти камни являются частью сплошных округлых каменных площадок от 2 до 7 м в диаметре, плоско лежащих на уровне почвы, современном постройке могилы. Под каждой округлой выкладкой обнаруживалась одна могильная яма, овальная или подчетыреугольная в плане, обычно заваленная на всю глубину камнями. Размеры ям зависели от числа погребенных (от 16 до 0.5 кв м при глубине главным образом около 1.5 м).

В могилах найдены мужские и женские погребения как индивидуальные, так и коллективные. Чтобы легче представить себе состав погребений Афанасьевского могильника, приводим сводную таблицу (см. стр. 26).

При рассмотрении таблицы следует отметить случаи ярусного расположения костяков, несомненно указывающие на последовательность использования одной и той же могильной ямы. Повидимому, было не безразлично, как хоронить — коллективно или индивидуально. Покойников не просто подкладывали к ранее погребенным, но хоронили изолированно сверху, иногда при этом также не в одиночку, но коллективно. Однако коллективные могилы в Батенях — явление сравнительно редкое. Если суммировать все индивидуальные погребения (вместе с детскими), то их окажется 16, т. е. почти 73%, а если сюда прибавить и 2 погребения женских с младенцами, то процент возрастет до 82. Однако и это еще не все — погребение могилы 15, где найдены в беспорядке и на различных уровнях кости одного мужчины, трех женщин и трех детей, по замечанию исследователя, могло быть ярусным и, возможно, еще повысило бы, при лучшей сохранности, процент индивидуальных погребений. Во всяком случае, мы не можем считать его коллективным. Остаются только 3 несомненно коллективных погребения. Одно содержит пару костяков, не определенных в половом отношении (№ 12, I ярус). Во втором погребении (№ 11, II ярус) открыты костяки мужчины, женщины и младенца, причем руки мужчины и женщины соединены. Вряд ли можно сомневаться в наличии здесь семейной пары, причем едва ли все трое оказались в одной могиле в результате естественной, одновременной смерти.

В третьем погребении (№ 6) находились костяки женщины и ребенка и рядом с ним три, к сожалению, не определенные исследователем. Можно, правда, предположить, что два из этих костяков представляют собой такую же пару, как и в предшествующем погребении. Они также лежали один на правом, другой на левом боку, и лица их были обращены друг к другу. Возможно, что и третий костяк — мужской, парный женщине с ребенком. Это погребение интересно и еще в одном отношении. Весь весьма богатый инвентарь (главным образом горшки) окружает



1. Афанасьевские племена на Енисее и на Алтае; 2. Китойские племена; 3. Племена Янь-Шао; 4. Поздний неолит (энеолит?) бассейна Тарима; 5. Отдельные находки афанасьевского типа; 6. Кельтеминарские племена; 7. Анау; 8. Полтавкинские племена; 9. «Ямные» племена; 10. «Катакомбные» племена; 11. Средне-днепровские племена; 12. Трипольские племена; 13. Унетицкие племена; 14. Нижне-дунайские племена; 15. Майкопские племена; 16. Северо-кавказские племена; 17. Цалка; 18. Троя I и II; 19. Протохетская культура Анатолии; 20. Каппадокийские колонии Ашура 1900 г. до н. э.; 21. Государства Нарамсина и Хаммурапи; 22. Ашур; 23. Сузы; 24. Ур; 25. Культура Сескло, Димини и Орхомена; 26. Древнейшие фатьяновские племена; 27. Окский «неолит».

ТАБЛИЦА II

№ могилы	Ярус	Ребенок	Мужчина	Женщина	Женщина и ребенок	Мужчина, женщина и ребенок	Неопределено двое	1 женщина с ребенком и 3 неопределенного возраста	1 мужчина, 3 женщины, 3 ребенка	Неопределимый 1
1		+								
2				+						
3			+							
4			+							
5	I									+
5	II									+
6								+		
7					+					
8										+
9	I									+
9	II									+
10		+								
11	I									+
11	II					+				
12	I						+			
12	II									+
13					+					
14		+								
15	Возм. ярусы								+	
16		+								
17		+								
18										+
Итого		5	2	1	2	1	1	1	1	8(+3)
%		22.7	9.1	4.5	9.1	4.5	4.5	4.5	4.5	36.7

только женщину с ребенком. Этим подчеркнуто особенно почетное значение женщины-матери. Чтобы закончить анализ состава погребений под Афанасьевой горой (выводы мы сделаем, учтя все памятники), необходимо обратить внимание еще на одну особенность — на сравнительно большой процент погребений женщин с младенцами. На 18 могил шесть женщин погребено с маленькими, недавно родившимися детьми. К сожалению, нельзя точно установить отношение этих 6 случаев к общему числу женских погребений могильников,— мешает все та же неопределенность большинства костяков. Но даже если из неопределенных мы примем за женщин половину, т. е. шесть, получится, что 50% всех женщин, погребенных под Афанасьевой горой, были похоронены вместе с младенцами.

В отношении остальных обрядовых подробностей могилы Афанасьевой горы чрезвычайно однообразны. Все уцелевшие костяки лежат скорченно, преимущественно на правом боку, все головой на юго-запад. Большинство окрашено кровавиком.

Инвентарь составляют прежде всего глиняные сосуды. Из них 79% яйцевидных остродонных, затем сферические круглодонные, только два плоскодонны (у них на дне орнамент) и одна вазочка-курильница. Все сосуды сделаны от руки спирально-ленточной техникой; внутри выглажены травой или зубчаткой. Снаружи они покрыты преимущественно елочным орнаментом, нанесенным зубчатым чеканом. Яйцевидные сосуды афанасьевских погребений особенно живо напоминают ямные, а вазочка-курильница очень близка к курильницам из южнорусских катакомб. Обилие керамики в погребениях и наличие среди сосудов крупных экземпляров едва ли говорят в пользу большой подвижности быта их владельцев.

Из остальных предметов прежде всего укажем своеобразное каменное орудие типа колотушки, с одного конца массивной, с другого отшлифованной в виде более тонкой рукоятки. Такие колотушки известны из катакомбных погребений юго-востока Европейской части СССР.[1] О. А. Гракова нашла два экземпляра в позднеандроновской стоянке близ г. Кустаная на р. Тоболе.[2] Но что особенно важно, совершенно аналогичные колотушки найдены на горе Темир в Хакассии[3] и на Калбинском хребте в Восточном Казахстане,[4] в древних выработках медной руды или около них. Осмотр всех «колотушек» убеждает в том, что их рабочим концом была «рукоятка». Ее конец всегда оббит и исщерблен. Повидимому, именно этим краем орудие соприкасалось с твердым материалом. Вполне возможно, что оно употреблялось как своего рода зубило или клин, забивавшийся в трещины, образованные в породе нагреванием, для отделения кусков. То же обстоятельство, что на противоположном массивном конце почти нет следов ударов, говорит о том, что удары эти при загонке клина в трещину наносились орудием из более легкого материала, например деревянным молотом. Последнее было, пожалуй, даже необходимо, так как при сильном ударе каменным молотом по каменному же клину разлетелся бы или тот или другой, в зависимости от относительной крепости материалов, из которых они сделаны.[5] Находки в древних выработках каменных молотов, известные еще со времени Эйхвальда,[6] не могут служить здесь опровержением. Молоты могли

[1] Городцов В. А. Бронзовый век. БСЭ.

[2] Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948, стр. 96, рис. 28.

[3] Хранятся в Минусинском музее.

[4] Хранятся в ИИМК АН СССР (находки С. С. Черникова).

[5] Повидимому, именно такой же деревянный молот был доставлен из Барнаула в МАЭ АН СССР (хранится там под № 1522—4). Лев Д. К истории горного дела, Л., 1934, стр. 17, рис. 20.

[6] Эйхвальд Э. О чудских копях. Труды ВОРАО, III, 1856; Лев Д., К истории горного дела. Л., 1934.

употребляться для совершенно других работ, в первую очередь для размельчения руды, а может быть, и для загонки деревянных клиньев.

Поскольку «горняцкий» характер сибирских колотушек можно считать установленным, находка подобного орудия в погребении под Афанасьевой горой приобретает особое значение. Наличие обработки меди подтверждается находкой в шестой могиле медных оковок — единственных пока металлических предметов описываемого могильника. Из других вещей следует упомянуть каменные терочки, самые размеры которых вряд ли позволяют связывать их с растиранием зерен. Кроме того, были найдены каменный пест, костяное шило, иглы и игольник, ланцетовидный кремневый наконечник стрелы и ожерелья из нескольких десятков раковинок — Corbicula fluminalis, с подвесками из рога благородного оленя и из верхнего клыка кабана.

Среди этих находок исключительный интерес представляют просверленные Corbicula fluminalis. Они могли попасть на Енисей только при наличии каких-то связей с племенами, обитавшими на Аму-Дарье, наиболее близкой из всех рек, в которых водится этот пресноводный моллюск. Находка Corbicula fluminalis на Енисее — явление того же порядка, что и аналогии в доафанасьевской керамике Алтая и кельтеминарской Хорезма. Какого-либо резкого различия по качеству и количеству предметов, содержащихся в афанасьевских погребениях, наметить нельзя. Исключение составляет лишь женщина с младенцем из могилы № 6 (похоронена с 3 взрослыми), о которой мы уже говорили. У нее одной, особенно ярко окрашенной, стояли шесть сосудов, около них лежали все 4 терки, а на самом костяке был найден игольник с иглой-шилом. Здесь же оказались все медные оковки и изделия из рога оленя, т. е. вся главная масса находок. Особую важность имели в могильнике под Афанасьевой горой находки костей. Определены следующие животные: бурундук, лисица, косуля — встречены вместе один раз; олень, кабарга, дикий бык — встречены каждый по одному разу, то же щука и раковины Helix. В двух погребениях найдены кости быка и в двух же кости лошади (один раз вместе с быком). Овца оказалась в четырех могилах. Таким образом, существование наряду с древней охотой и рыболовством нового скотоводства и притом со всеми основными животными здесь отмечено достаточно ясно. Но, конечно, этих находок еще мало, чтобы судить об удельном весе отдельных отраслей хозяйства.

Пять афанасьевских могилок «на седловинках» близ Батеней отличаются от только что описанных лишь тем, что на поверхности их отмечают не круглые площадки из камней, а кольца, выложенные из камней на поверхности почвы. Повидимому, все они были разграблены. Они дали только сильно истлевшие, беспорядочно сваленные кости, среди которых в одной яме нашелся черепок грубого обжига с архаическим орнаментом «в елочку».

Остальные могильники по ряду особенностей объединяются в отдельную группу.

Среди них особенно интересен могильник под Георгиевской горой около с. Тесь. Он расположен на лёссовой террасе, прислоненной к южному склону Георгиевской

горы. Здесь близко друг от друга находятся 15 курганов. Шестнадцатый курган, оставшийся неисследованным, находится в 1.5 км к СЗ, в устье лога. Семнадцатый (№ 1) отстоит от остальной группы на 0.5 км к В, ближе к с. Теси. В 0.5 км к В от этого кургана, ближе к трактовой дороге в г. Минусинск, оказалось еще 5 курганов. Таким образом, всего около Георгиевской горы были обнаружены 22 афанасьевских кургана. Из них 16 мы раскопали в 1928 г. и 5 в 1932 г.[1]

Все афанасьевские погребения этого могильника на поверхности были отмечены земляными курганными насыпями, иногда довольно значительными (до 10 м диаметром и до 0.9 м высотой). Все насыпи имели вершину в северной части. На всех курганах были выложены проходящие через вершину и спускающиеся в южной части почти до самой подошвы насыпи кольца из обломков плитняка девонского песчаника. У большинства курганов плитки колец лежали плашмя в 2—3 слоя. На курганах, раскопанных в 1932 г., такая кладка перемежалась с отрезками колец, образованными плитками, врытыми вертикально.

Уже эти особенности свидетельствуют о значительно большей сложности погребальной обрядовости данного могильника по сравнению с предыдущими у Афанасьевой горы. Но отличия идут и дальше. Там под каждой площадкой всегда была одна погребальная яма, в Теси же из 20 курганов 5 имели по две. Зато ярусных был всего один, правда, с тремя погребениями, расположенными одно над другим. Чтобы облегчить анализ погребений по их составу, даем сводную таблицу (см. стр. 30).

К сожалению, сравнительно плохая сохранность большинства костяков затрудняет выводы. Но по счастливой случайности большинство плохо сохранившихся погребений падает на одиночные и тем самым мало влияет на основные выводы подсчетов. При суммарном подсчете как будто становится заметнее малое количество коллективных.[2] Однако это нуждается в оговорке. Прежде всего, обращает на себя внимание курган № 21, содержащий две могильные ямы.

В одной из них оказалась женщина, в другой — мужчина. Конечно, это еще не говорит об одновременности их погребения, но все же указанное обстоятельство должно быть отмечено как нечто новое по сравнению с могильником Афанасьевой горы. Особенно это следует подчеркнуть потому, что и другие курганы с двумя ямами дают известное основание предполагать различия по полу у похороненных в каждой яме. Это, прежде всего, два трупосожжения, в обоих случаях имеющие в соседней яме трупоположение (к сожалению, неопределимое по полу).[3]

---

[1] Из последних один не сохранил афанасьевских остатков, исчезнувших при сооружении в нем тагарского погребения.

[2] Парных всего 3, т. е. 18%, и одно с большим количеством костяков, но оно наполовину разрушено впускным тагарским, вследствие чего нельзя с точностью установить, кто лежал в разрушенной части.

[3] Справедливость такого предположения поддерживается и находкой в парном погребении к. № 13 вместе с остатками трупоположения следов сожжения другого костяка. Оба других парных содержали трупоположения мужчины и женщины.

№ могилы	№ погребения	Ярус	Мужчина	Женщина	Неопределенный	Сожжение	1 мужчина и 1 женщина	2 мужчин, 3 женщины и 1 неопределенный	1 неопределенный и 1 сожжение
1928 г.									
1	I				+				
	II			+					
7			+						
9					+				
10					+				
12	I					+			
	II				+				
13									+
14	I				+				
	II				+				
15	I				+				
	II					+			
16				+					
17			+						
18					+				
19		I	+						
		II	+						
		III	+						
20			+						
21	I			+					
	II		+						
							+		
22									
29									
1932 г.								+	
10	II						+		
11									
8					+				
9					+				
Итого			7	3	10	2	2	1	1
				84%			8%	4%	4%

Все это заставляет с особым вниманием относиться не только к случаям парности в одной яме, но и к встреченному здесь впервые наличию двух ям под одним курганом. Не исключено, что они отражают одинаковые изменения в жизни населения, оставившего афанасьевские памятники.

Погребение кургана № 10 (1932 г.), содержащее останки многих людей, несмотря на свою дефектность, в одном отношении также важно. Курганный



Каменные и медные орудия и глиняные сосуды из афанасьевских курганов у с. Теси (раск. 1928 г.). Рис. 1 — кость; рис. 2, 3, 5, 6, 9 — медь; рис. 4, 7, 8, 10—13— камень; рис. 14—29 — керамика.

могильник у с. Тесь, как и могильник под Афанасьевой горой, можно считать исследованным почти целиком (остались в первом один курган, во втором две-три могилы).

И в обоих случаях среди массы одиночных и известного количества парных мы встретили по одному достоверному «многолюдному» погребению. При этом замечательно, что в сохранившемся полностью «многолюдном» погребении Афанасьевой горы особо выделяется женщина с ребенком. Мы уже отметили черты разнообразия в обрядовости Тесинского могильника. Здесь отличается и ориентировка и положение костяка. В могильнике Афанасьевой горы преобладающим было скорченное на правом боку положение костяка (на левом только один из парных) и всегда головой на юго-запад. В Теси из 13 позволяющих установить положение 8 положены скорченно, на правом боку, 4 — на спине с согнутыми ногами, коленями кверху, и 1 — на левом боку (в одиночном). Из 16 же, сохранивших ориентировку, головой на запад оказалось 5, на запад-северо-запад — 3, на запад-юго-запад — 4, на юго-запад — 1, на север — 1, на юго-восток — 1 и на восток-северо-восток — 1.

Укажем и на новые черты в конструкции погребальных ям. В Афанасьевском могильнике они все овальные или округленные с пологими стенками, заполненные камнями. Они имели, повидимому, весьма легкое деревянное покрытие (всего один раз замечены бревна наката).

В Теси все ямы оказались четыреугольные (несколько квадратных) с отвесными стенками. Сверху ямы были покрыты или накатом из лиственничных бревен (14%) или песчаниковыми плитами, иногда поддерживавшимися 1 или 3 переводинами. Только в одном случае не сохранилось никаких следов покрышки. Если в Афанасьевском могильнике в ямах не было никаких сооружений, то в Теси в 3 могилах на дно были поставлены четыреугольные срубы, рубленные в лапу из лиственничных бревен в один или три венца. Кроме того, одна яма по стенкам была обставлена песчаниковыми плитами в виде четыреугольного ящика.

Хотя большинство тесинских погребений было ограблено, все же собранный инвентарь весьма интересен. Вещи были расположены разнообразно, за исключением сосудов, которые постоянно находились в ногах.

Сравнению с афанасьевской подлежит, прежде всего, керамика — наиболее употребительный материал. По технике изготовления она весьма близка к афанасьевской, но формы, если и подобны, то встречены в несколько иных соотношениях. В Афанасьевском могильнике наиболее архаичных яйцевидных сосудов 79%, в Тесинском же всего 52%, остальное падает на горшкообразные плоскодонные — 16%, на вазочки-курильницы — 12% и на большие пифосообразные — 4% (см. табл. III, рис. 14—29 и табл. V, рис. 3 и 4).

В орнаментации тесинских сосудов впервые встретилась раскраска. Обычно это однотонная красная покраска курильниц. Но однажды на большом горшке из кургана № 14 была обнаружена роспись — пять полос рисунка, нанесенного белой краской, изображающего поставленные вертикально от плечей до дна лесенки

с парными боковыми линиями, к которым примыкают снаружи основаниями треугольные городки (табл. III, рис. 28). Эта роспись имеет аналогии в культурах крашеной керамики в Европе и в Средней Азии. В Триполье лесенки и городки довольно часты среди узоров росписной посуды стадии B_2 и C_1, датируемой Т. С. Пассек второй половиной третьего и началом второго тысячелетия до н. э.[1] Столь же близкое применение этих узоров мы имеем в Анау, где они встречаются в I и II культурах и сохраняются даже в позднейшей росписи III культуры.[2] Таким образом, так же как в Сузах и в Муссиане,[3] они возникают в древнейшей росписи Анау IV—III тысячелетий, но, так же как в Иране и Закавказье,[4] сохраняются в III культуре конца третьего и половины второго тысячелетия до н. э. Это — время наиболее широкого распространения росписной керамики и в Причерноморье, и на Кавказе,[5] и в Иране.[6] Возможно, что отражением этих связей является столь близкая Анау II роспись афанасьевского сосуда из Теси.[7] Остальной инвентарь из-за ограблений сохранился в большинстве курганов Теси лишь частично. Собраны спиральные медноироволочные височные колечки, столь характерные для эпохи бронзы, медный трубчатый игольник с костяной иглой, подобной афанасьевской (в ее ушке сохранился кусок шерстяной, крученой вдвое нити), шлифованный из речной гальки резак, сломанная грабителями костяная кинжаловидная привеска от ожерелья с резным линейным орнаментом, живо напоминающая кинжаловидные костяные изделия позднего прибайкальского неолита (табл. III, рис. 1). Кроме того, отыскались три медных ножа (табл. III, рис. 5, 6 и 9), из них два листовидных, без черешка; к ним близок найденный в Глазковском погребении

[1] Штерн Э. Т. Доисторическая греческая культура на юге России. Труды XIII Археологич. съезда, т. I, табл. IV, 10 и 11, табл. VII, 7; Passek T. La ceramique tripolienne. Leningrad. 1935, и ее же. Трипільска культура. Київ, 1941, стр. 19—20, 57—58.

[2] Кабранов Е. Историческое и культурное значение Анау. Ашхабад, 1927, табл. 12. 4; табл. 15, 2, 4; табл. 17, 7; табл. 20, 2; табл. 36, 4; табл. 37, 6.

[3] Delegation en Perse. Paris, t. VIII, fig. 260; Contenau G., Manuel d'Archeologie orientale, t. I, Paris. 1927, p. 313, fig. 216; p. 325, fig. 233.

[4] Например в Шамирамальти II (Jenny, Schamiramalti. Prähistorische Zeitschrift, XIX, 1928, S. 280 и сл.), в Тепе-Сиалк (см. Herzfeld E., Iran in the Ancient East, London — New York, 1941, рис. 215), позднее в Кизил-Ванке и Шахтахтах (Алекперов А., Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванское царство. Советская археология, 1937, № 4, стр. 249 и след., и Пиотровский Б. Б., Новая страница древнейшей истории Кавказа. Изв. Арм. фил. АН СССР, 1943, № 1, стр. 53 и след.).

[5] Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети, т. I, Тбилиси, 1941.

[6] Herzfeld E., ук. соч., гл. I; D. Mc Cown. The material Culture of Early Iran Journal of Near Eastern Studies. Vol. I, Oct. 1942, N 4.

[7] Исследованиями профессора Хуан-Вен-би в окрестностях Лоб-нора и около Урумчи установлено широкое распространение керамики с геометрической росписью в энеолитических поселениях этой части Азии. Это имеет выдающееся значение для установления наличия связей между Древним Китаем и Передним Востоком в энеолите (см. Хуан-Вен-би. Коллекция посуды. Атлас. Табл. I и II и его же исследования в окрестностях Лоб-нора. Пекин. 1948 — на китайском языке).

под Иркутском.[1] Третий нож — треугольный, черешковый. Подобные ножи найдены на западе в катакомбных и современных им погребениях, например около ст. Зайковской б. Донской обл., у с. Белозерки, б. Мелитопольского у., близ с. Скели в Байдарской долине, около нос. Александровского и хут. Кру, б. Майкопского у.[2]

Из всех погребений Тесинского могильника выделяется по сохранности и составу инвентаря мужское второго яруса из трехъярусной могилы в кургане № 19. Мужчина здесь был положен на берестяной подстилке головой на запад, скорченно на левом боку, с руками, несколько согнутыми в локте, кистями у таза. При костяке оказались: у левого плеча каменный шлифованный топор (был воткнут в землю вертикально) и рядом с ним каменный шлифованный метательный шар; под коленями кремневый ланцетовидный наконечник стрелы, аналогичный афанасьевскому. Несколько ниже колен — один на другом два шлифованных треугольных плоских точильных камня, между которыми был заложен тонкий медный листок, дискообразная «секира» с ручкой и цилиндрический пест, близкий к афанасьевскому. У левого локтя, в остатках деревянной рукоятки, в расщеп которой он был вставлен, лежал медный пластинчатый ланцетовидный нож без черешка, весьма близкий к ножу, найденному в соседнем кургане № 18, и аналогичный глазковскому (табл. III, рис. 8, 13, 11, 12, 7, 10, 6). Мы остановились на этом погребении потому, что его исключительная сохранность и богатство инвентаря дают наиболее полное представление о вещах мужчины афанасьевского времени.

Заканчивая обзор инвентаря тесинских курганов, нельзя не отметить отсутствия в них костей животных, несмотря на почву, обеспечивавшую их сохранность. Очевидно, это результат особенностей местного ритуала.

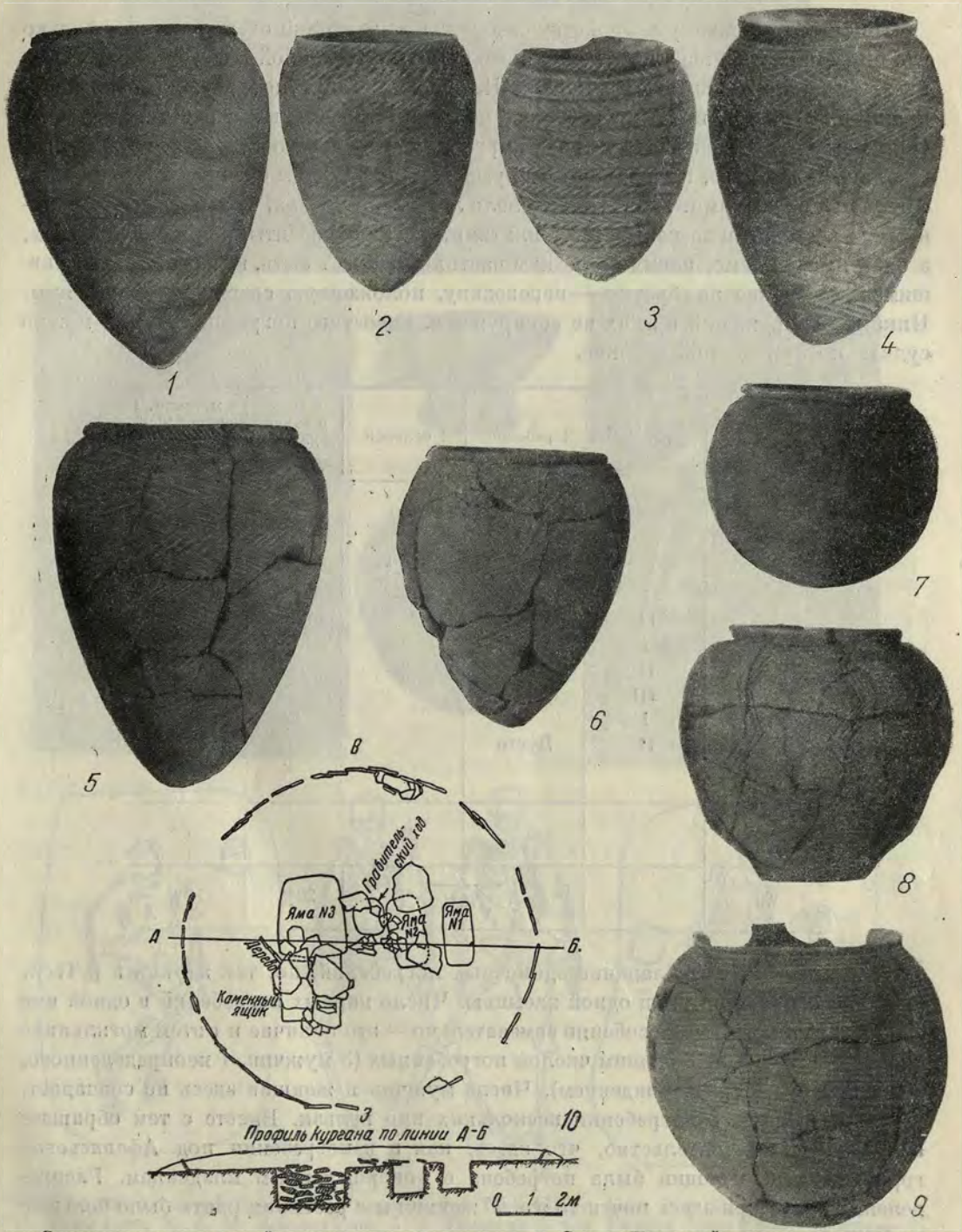
При издании отчета и дневников раскопок тесинских курганов уже было указано на возможную меньшую древность их по сравнению с могилами Афанасьевой горы. За это говорят усложнение и видоизменение погребальных обрядов, уменьшение количества яйцевидных форм в керамике, наконец, совпадение в формах ножей с глазковским. Но, конечно, «молодость» тесинских курганов была относительной, что подтверждает параллельность черешкового ножа катакомбным и наличие росписи сосудов, перекликающейся с Трипольем и Анау. Мы говорим о такой «молодости» только по сравнению с могильниками Афанасьевой горы.

Третий значительный афанасьевский могильник был исследован в 1929 г. на надпойменной террасе правого берега р. Сыды к западу от села Сыды, в его поскотине. Здесь мы насчитали до 12 курганчиков, под которыми можно ожидать открытия афанасьевских погребений. К сожалению, мы могли раскопать здесь всего 7 насыпей.

---

[1] Бортвин Н. Из области древней сибирской керамики. Записки отд. русск. и славянск. археологии Русск. арх. о-ва, 1915, т. XI, рис. 3.

[2] Хранятся в ГИМ.



Глиняные сосуды из афанасьевских курганов у с. Сыды. План афанасьевского кургана у с. М. Копены, Хакассия.

По своему внешнему устройству сыдинские курганчики очень близки к только что описанным тесинским. Это земляные насыпи с вершиной в северной части, по насыпям из плиток выложены кольца. На двух курганах кольца образованы уже целиком плитками, врытыми вертикально, подобно овальным оградкам андроновских могил. Под насыпями четырех курганов оказалось по одной могильной яме, под двумя — по две, и одна насыпь скрывала три. Все ямы были четыреугольные, с отвесными стенками. Покрытие уцелело лишь в 5 случаях. Четыре ямы были покрыты массивными песчаниковыми плитами, частично разбитыми при ограблениях, а одна яма, видимо, каким-то легким настилом (может быть, из камыша), опиравшимся посредине на бревно — переводину, положенную сверху по длине ямы. Никаких сооружений в ямах не обнаружено. О составе погребений в них можно судить по приводимой таблице.

№ кургана	№ погребения	1 ребенок	1 человек	2 неопределен.	3 мужчин, 1 неопределен., 2 женщины, 1 женщина с ребенком
11			+		
12			+		
13			+		
14	I		+		
	II				+
15	I		+		
	II		+		
	III	+			
16	I			+	
	II	Пусто			
17				+	
Итого		1	6	2	1
%		70%		20%	10%

Здесь заметно преобладание одиночных погребений, но, так же как и в Теси, имеется несколько ям под одной насыпью. Число парных погребений в одной яме также невелико. Но что особенно замечательно — это наличие и в этом могильнике одного погребения с большим числом погребенных (3 мужчин, 1 неопределенного, 2 женщин и матери с младенцем). Число мужчин и женщин здесь не совпадает, так что говорить о погребении нескольких пар нельзя. Вместе с тем обращает внимание то обстоятельство, что здесь, как и в погребении под Афанасьевой горой, одна из женщин была погребена с новорожденным младенцем. Распределение инвентаря здесь почти то же. У женщины с ребенком опять было большое



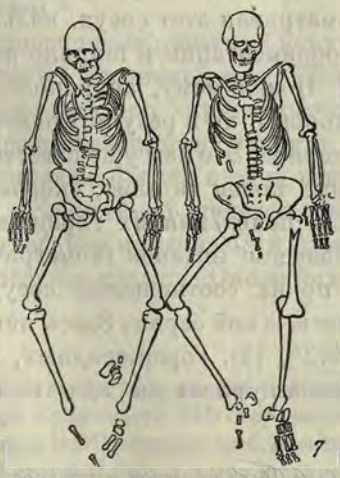














Глиняные сосуды из афанасьевского кургана у с. Теси 1932 г. (рис. 3 и 4). Виды погребений у с. Сыды (рис. 2), с. М. Копены (рис. 5) в Хакассии и у с. Курота (рис. 1,6—8) на Алтае.

количество вещей — медная оковка, костяной наконечник стрелы и три сосуда. Большинство остальных вовсе ничего не имели. Только один сосуд был найден у головы неопределимого костяка и два — у головы седьмого, мужского скелета. Однако это не может ослабить впечатления о главном положении и здесь женщины с младенцем.

Положение костяков в сыдинских курганах не может быть выяснено точно, многие из них разрушены при ограблении. Можно привести следующие данные: головой на юг лежали двое, на запад — 1, на запад-юго-запад — 5 (все из коллективного), 1 — на северо-северо-восток (женщина с младенцем) и 1 на восток-северо-восток (также и из коллективного).[1] Скорченность преобладала (на правом боку лежали — 4, на левом — 5), лишь один костяк лежал на спине коленями кверху (табл. V, рис. 2). Инвентарь сыдинских курганов весьма невелик. Упомянутая медная оковка с привесными колечками, наконечник стрелы из кости, рожок, сделанный из отростка рога оленя, медное спиральное височное колечко, каменная шлифованная тарелочка, подобная афанасьевским, галька, по форме близкая к «колотушкам», и футляр (может быть, игольник) из трубчатой кости — вот и все, кроме посуды, находившейся почти во всех погребениях (табл. IV, рис. 1—9).

По технике сыдинская посуда ничем не отличается от афанасьевской — та же лепка, накладной бортик и выглаживание стенок изнутри травой или зубчаткой.

В отношении орнаментации можно отметить наличие наряду с украшенными елочкой совсем не орнаментированных сосудов или украшенных вертикально идущими полосами резных зигзагов. Кроме того, встречен один сферический сосуд, на котором орнамент образует спускающиеся по плечам пары ромбов, состоящих сплошь из оттисков крупной зубчатки. Ниже в два горизонтальных ряда идут сложные ромбические фигуры из полос наклонных вдавлений плоско заточенной палочкой. Все несколько уплощенное дно сосуда покрыто беспорядочными оттисками крупной зубчатки. Рассматривая этот сосуд, нельзя не обратить внимания на несомненную близость его орнаментации к широко распространившейся позднее на андроновских горшках. Повидимому, андроновские отличительные черты явились не внезапно и не со стороны, но в результате местной подготовки в предшествующий «афанасьевский» период. Это нам уже известно в отношении скотоводства, металлургии, погребальных колец из плит, скорченного положения покойников, плоскодонности сосудов, появления их горшковидных форм. Сейчас мы познакомились с этим и в отношении мотивов геометрической орнаментации.

По разнообразию форм и по их соотношению сосуды сыдинских курганов ближе к тесинской, чем к афанасьевской серии. Здесь яйцевидных всего 50% (13), круглодонно-сферических — 19.2% (5), горшковидных, плоскодонных и круглодонных — 19.2% (5), одна вазочка-курильница, один миниатюрный плоскодонный

---

[1] Последний покойник, может быть, был положен и позднее: еле помещаясь в яме, он лежал так, что его ноги приходились поверх другого костяка.

баночный сосудик [1] и один очень большой толстостенный сферический «пифос» емкостью в несколько ведер, реставрированный в Гос. Эрмитаже.

Так же как тесинские, сыдинские курганы отличаются отсутствием среди погребального инвентаря костей животных и в их числе домашних. Повидимому, это нужно ставить в зависимость от местных вариаций обряда, тем более, что найденный не в могиле, но под курганной насыпью (№ 16) вместе с каменной терочкой астрагал овцы свидетельствует, что в районе сыдинских курганов уже разводился скот.

Сыдинские курганы очень близки к тесинским. Но тесинские курганы, на основании ряда признаков, мы отнесли к более поздним по сравнению с могилами под Афанасьевой горой. Повидимому, это предположение подкрепляется наблюдениями в сыдинских курганах. Там впервые встречаются широко распространившиеся впоследствии в андроновских памятниках геометрические формы зубчаточеканного узора и типичные для андроновских могил кольца из плиток, врытых на ребро.

Еще одна группа афанасьевских курганов состоит из четырех курганов, разбросанных среди памятников других эпох по надпойменной террасе под южным склоном Оглахтинских гор близ улуса Красный Яр Абаканского района Хакассии. Их в 1930 г. отыскала и раскопала археолог Минусинского музея В. П. Левашова.

Курганы эти земляные, до 12 м диаметром и высотой до 0.6 м. На них также находятся кольца, выложенные из мелкого плитняка. От тесинских и сыдинских эти кольца отличаются значительной шириной их кладки, достигающей 1 м. Но имеются и другие особенности. Так, у первых двух курганов вся поверхность насыпи внутри кольца также почти сплошь заложена плитками, образующими на кургане уже не кольцо, а как бы диск. Кроме того, три кургана у Красного Яра имеют примыкающую с одной стороны к кольцу четыреугольную площадку, плотно выложенную камнем.[2]

При раскопках под площадками ничего обнаружить не удалось. Первые три кургана покрывали по одной могильной яме.[3] Под четвертым их оказалось три. Ямы были подчетыреугольными, со скругленными углами. Стенки земляные, несколько покатые (ср. Афанасьевский могильник), укрепленные в двух случаях низким срубом из лиственничных бревен в один венец (способ рубки не выяснен). Сверху уцелели остатки бревенчатых накатов, покрывавших ямы. Особняком стоит «афанасьевское» погребение кургана № 6, признанное исследователем вводным, т. е. сооруженным позднее насыпи. Оно заключено в четыреугольном ящике из песчаниковых плит.

---

[1] Стоял около младенца, погребенного вместе с женщиной.

[2] У кургана № 1 площадка примыкает с ЮВ стороны на 4 м при ширине в 2.6 м. У кургана № 2 площадка примыкает с ВЮВ стороны на 0.75 м при ширине в 1.3 м. У кургана № 3 площадка примыкает с ЮЮВ стороны на 4.2 м при ширине в 3.2 м.

[3] Наряду с нею встречены более поздние вводные в курган № 1.

К сожалению, плохая сохранность костяков, в большинстве подвергшихся ограблению, не позволяет делать полных выводов относительно состава погребения. Можно привести лишь следующие данные.

№ кургана	№ погребения	1 человек неопределенн.	2 человека неопределенн.	3 человека неопределенн.
1			+	
2		+		
3		+		
6	I (ящ.)	+		
	II			+
	III	+		
Итого		4	1	1

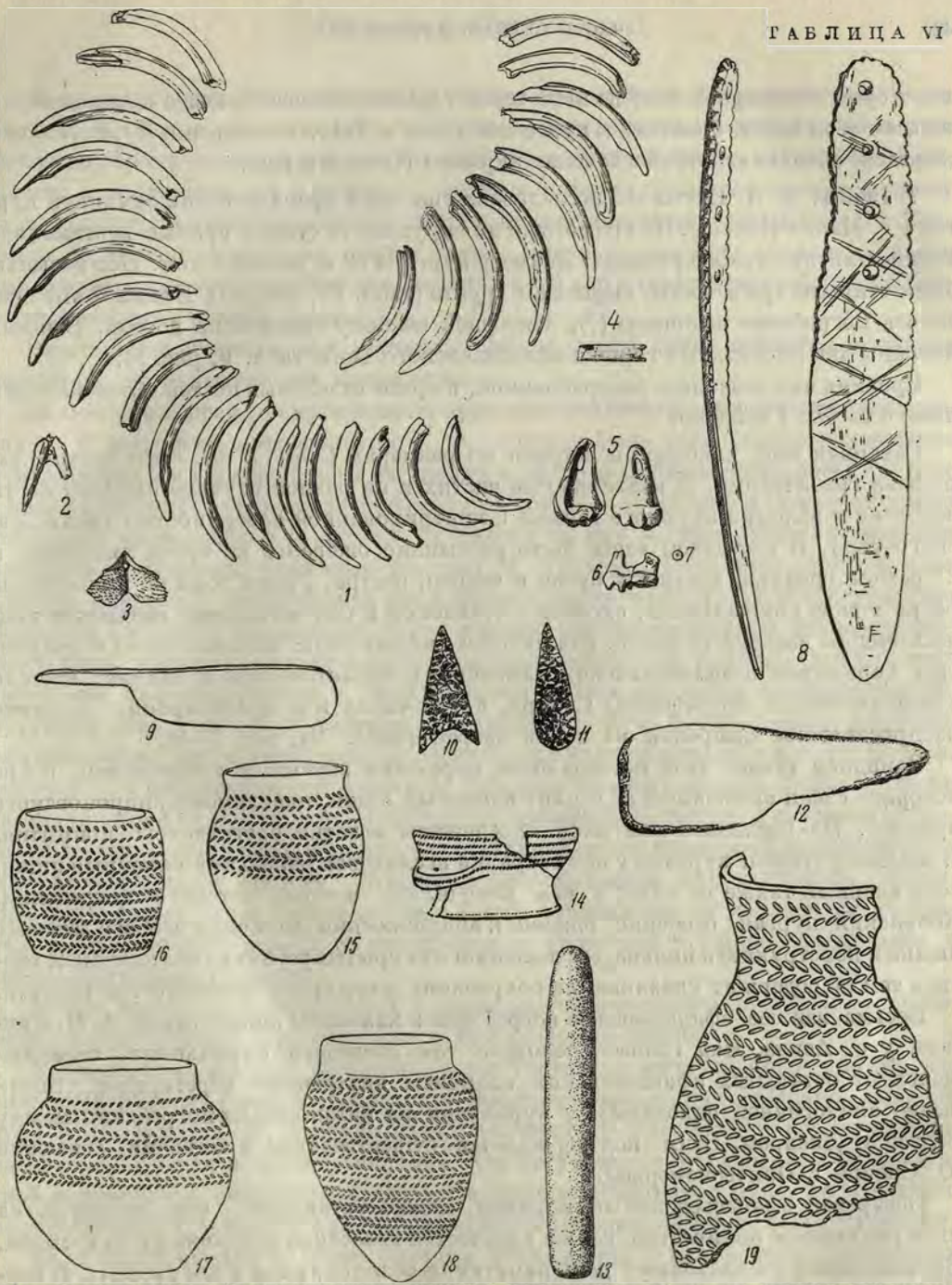
Из таблицы видно, что в курганах Красного Яра, как и во всех других афанасьевских, преобладают одиночные погребения. Иногда несколько из них находится под одной курганной насыпью; имеется и парное погребение. Наконец, есть и одно погребение с несколькими костяками.

Уцелевшие в разных погребениях Красного Яра 4 костяка все лежали скорченно на правом боку. Головой они были ориентированы: 3 — на северо-запад и — на юго-запад. При них сохранилось много вещей. Найдена «колотушка», очень близкая к афанасьевской (к. № 6, погр. I), медная тонкая пластинка (к. № 6, погр. I), кремневый наконечник стрелы (к. № 6, погр. I) и костяной конический остроконечник (к. № 3).

Сосуды оказались во всех погребениях, кроме кургана № 2, вообще не содержавшего никаких вещей. По технике и орнаментации в елочку они ничем не выделяются из числа других афанасьевских. По форме среди найденных сосудов 3 яйцевидных, 2 сферических — круглодонных, один плоскодонный — горшковидный, одна вазочка-курильница и одна квадратная тарелочка, очень напоминающая находимые на Кавказе в погребениях эпохи ранней бронзы. Кроме того, встречались обломки яйцевидных сосудов, уничтоженных при ограблении.

В погребениях курганов Красного Яра также обращает внимание отсутствие в инвентаре костей домашних животных.

Курганы Красного Яра отличаются известным своеобразием — наличием дополнительных площадок при кольцах, заполнением площади внутри кольца настилом из плиток. Последнее может быть истолковано как переживание древнейшей формы афанасьевских надмогильных сооружений, тех каменных круглых площадок, которые отмечают могилы Афанасьевой горы. Что же касается остальных черт — наличия кургана, конструкции могильных ям, состава инвентаря,



Украшения из афанасьевского кургана у с. М. Копены в Хакассии (рис. 1—8). Каменные и медные орудия и глиняные сосуды из афанасьевских курганов и селища у с. Куюм (рис. 9—11, 19) и у с. Курота (рис. 12—18) на Алтае.

в котором яйцевидные сосуды явно теряют былое господствующее положение, то во всем этом видна близость к курганам Сыды и Теси, с которыми и следует, как кажется, объединять афанасьевские курганы Красного Яра.

В 1940 г. Л. А. Евтюхова исследовала еще один афанасьевский земляной курган у с. Малые Копены. На его насыпи по окружности стояли врытые вертикально тонкие плитки разного размера. Диаметр кургана 12 м, высота 60 см. Под насыпью были открыты три могилы, вырытые в грунте (табл. IV, рис. 10). В южной яме оказалось погребение женщины (?), лежавшей на боку головой на восток. В ногах найдены два яйцевидных горшка афанасьевского типа (табл. V, рис. 5).

Средняя яма оказалась разграбленной, и кроме отдельных костей человека в ней ничего не было найдено.

Северная яма, наиболее обширная по размерам (2.40 · 2 м), была сильно разрушена грабителями. В различных ее частях и на разной глубине найдены кости человека и обломки крупного горшка с заштрихованной поверхностью афанасьевского типа. В восточной части было рассыпано ожерелье из зубов хищников и 27 резцов грызуна, костяных бусин и чешуек осетра. Рядом лежала привеска из ребра в виде кинжальчика, сходная с тесинской и напоминающая китойское кинжаловидное изделие из кости. Эта находка, может быть, особенно ярко подчеркивает пережитки в афанасьевских памятниках неолитической традиции. Именно в неолитических погребениях Сибири, в том числе и в красноярских, особенно распространены ожерелья из зубов зверей (табл. VI, рис. 1—8).

Западная стенка этой могилы была нарушена впускным погребением, в яме которого стоял сложенный из 6 плит каменный ящик, повидимому андроновского времени. На горизонте над ямой прослежены остатки бревенчатого покрытия. В западной стороне кургана у плит оградки исследован маленький каменный ящик, составленный также из плит; в нем находились остатки детского погребения. Копенский курган особенно близок к андроновским наличием особого детского ящика и конструкцией кольца, составленного из врытых вертикально плиток. И вместе с тем он содержит указание на сохранение в это время особенностей неолита.

Весьма важное афанасьевское погребение в каменном ящике нашел А. Н. Липский у с. Аскиз. Над головой человека там оказалась курильница, отличающаяся от остальных афанасьевских наличием внутренней перегородки, совершенно аналогичной находимым у курильниц из катакомбных погребений между Волгой и Днепром. Этим подтверждается существование в то время сношений Ю. Сибири с Причерноморьем.

Обозревая афанасьевские могильники, можно установить, что, несмотря на их ограниченное количество, все же намечается известное различие их во времени. Все найденные по настоящий день памятники объединяются в две группы. В первую входят погребения окрестностей с. Батени — могильник под Афанасьевой горой и могилы «по седловинкам гор», отмеченные на поверхности круглыми площадками.

Во вторую группу включаются курганные могильники окрестностей с. Теси, Сыды и М. Копен, отличающиеся большим разнообразием особенностей погребального обряда и инвентаря, наличием в том и в другом черт, позволяющих говорить о появлении тех элементов, которые получат распространение в эпоху андроновских памятников. К этой группе примыкают и курганы Красного Яра, имеющие, однако, некоторые особые черты. Будущее покажет, являются ли они выражением местного своеобразия или эти черты свидетельствуют о большей близости к могилам первой группы.

Важнейшим вопросом при изучении афанасьевской эпохи является проблема населения, оставившего эти погребения.

За последнее время немало нового принесли палеоантропологические исследования. В частности, антропологом Г. Ф. Дебецом было установлено размещение монголоидного и европеоидного населения в древней Сибири. Оказалось, что уже с палеолитического времени таежные зоны Сибири — примерно к северу от линии сибирской магистрали и к востоку от Енисея на юге — были заняты племенами явно монголоидными, близкими по типу к тунгусам. Наоборот, степная зона Сибири, начиная с Минусинской котловины и далее через Алтай и пространства Западной Сибири и Казахстана, была издавна занята населением палеоевропейского типа, восходящего к кроманьонцам палеолитической Европы. Останки этих сибирских палеоевропейцев и были найдены в большом числе в афанасьевских курганах Минусинской котловины. Суммируя в этой связи данные раскопок афанасьевских погребений, можно сказать, что «афанасьевцы» среднего Енисея, отличаясь в физическом отношении от соседних таежных племен, были первыми насельниками Ю. Сибири, осваивавшими скотоводство. В третьем и в начале второго тысячелетия они уже выделялись «из остальной массы варваров», продолжавших жить на севере и на востоке, охотничье-рыболовческим неолитическим бытом. Все культурные связи «афанасьевцев» были направлены на запад и на юго-запад, о чем говорит импорт и совпадения в инвентаре с ямнокатакомбными и среднеазиатскими формами.

Встает вопрос — в силу каких причин могли возникнуть этническое своеобразие «афанасьевцев» и их западные и юго-западные связи?

К сожалению, мы уже убедились в неизученности минусинского неолита, что сильно затрудняет ответ на только что поставленный вопрос. Однако едва ли прав А. П. Окладников, отрицая самую возможность связи между неолитическим населением Енисея и «афанасьевцами».[1] Он аргументирует сравнением афанасьевской керамики с... байкальской. Сходства здесь действительно мало, но это ничего не доказывает. С Байкала и не предполагалось выводить афанасьевскую культуру.

Если приглядеться к более близким параллелям — к керамике древнейших культурных слоев Красноярского района, имеющей к тому же немало аналогий

[1] Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока. Кратк. сообщ. ИИМК, вып. IX, стр. 13 и 14.

в недатированном подъемном материале с минусинских дюн, то обнаруживается определенное сходство с афанасьевской. Это отметил еще В. Г. Карцов — и в форме, и в орнаменте, и в характерной «вытертости» стенок зубчатой лопаточкой или травой.[1]

Это сходство в керамике поддерживается и другими фактами. Выше уже отмечалось, что в погребениях таежного неолита Сибири распространеннейшим видом украшений являются ожерелья из зубов различных животных и из сверленого перламутра. Найдены они и в красноярских неолитических могилах. Но мы уже знаем, что и в афанасьевском кургане около с. Копен оказалось ожерелье того же типа. Нельзя также пройти мимо находок в афанасьевских курганах костяных кинжаловидных привесок,[2] для которых мы уже отмечали аналогии из погребений позднего таежного неолита.[3]

Таким образом, что касается археологических материалов, то они не дают оснований для отрицания связи между сибирским неолитом и афанасьевской культурой на Енисее. Разобранные в первой главе находки каменных рыб и пр. позволяют допускать наличие и в Минусинской котловине в доафанасьевское время культурных комплексов, близких к одновременным с ними неолитическим тайги. Но кто были носители этой доафанасьевской культуры? Монголоиды тайги, вытесненные в афанасьевское время, как думает А. П. Окладников, или предки «афанасьевцев»?

Для решения этого вопроса недостаточно одних археологических материалов, хотя их показания и нужно учесть. Необходим палеоантропологический материал. Но мы уже знаем, что пока известен лишь один доафанасьевский череп, найденный в погребении у с. Батени. Череп этот весьма своеобразен. Выше уже приводилось мнение обследовавшего его Г. Ф. Дебеца. Все вместе взятое позволяет видеть в формировании афанасьевской культуры на среднем Енисее длительный процесс, в котором местные элементы играли немалую роль наряду с новыми, проникавшими с запада. Такая длительность сложения афанасьевской культуры, начинающегося со времен неолита, объясняет и полное своеобразие афанасьевского европеоидного типа, которое Г. Ф. Дебец считает одним из основных аргументов против тезиса А. П. Окладникова о независимости афанасьевской культуры от местного развития.[4] Имелось достаточное время для того, чтобы на окраинах таежного мира выработались четкие различия между афанасьевскими европеоидами и сохранявшими неолитическую культуру монголоидами тайги.

---

[1] Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск, 1929, стр. 38—39, табл. V.

[2] Киселев С. В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край 1928 г., Минусинск, 1929, табл. I.

[3] Окладников А. П. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. ВДИ, 1938, № 1, стр. 252.

[4] Дебец Г. Ф. Проблемы заселения Сев.-Зап. Сибири по данным палеоантропологии. Кратк. сообщ. ИИМК, вып. IX, стр. 15.

2. ЖИЗНЬ „АФАНАСЬЕВЦЕВ" НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ

К сожалению, до сих пор не удалось отыскать хорошо сохранившейся афанасьевской стоянки. Имеющиеся скудные подъемные материалы, главным образом керамика, могут служить лишь выяснению географического распространения афанасьевских остатков.

Обломки афанасьевских сосудов известны с развеянных дюнных стоянок окрестностей с. Теси на Тубе, Усть-Абаканского, М. Минусы, г. Минусинска и лога Джесос,[1] с. Означенного, Восточного, Лугавского,[2] с. Батени, Сарагаш и Анаш.[3] Кроме того, вполне уверенно к этому же времени могут быть отнесены два каменных песта из с. Быскар и Казанцевой, весьма близкие к найденному в могильнике Афанасьевой горы.[4]

Прослеживая по карте Минусинской котловины распространение афанасьевских находок, легко убедиться в их сосредоточении преимущественно на самом берегу р. Енисея. Здесь могильники и стоянки протянулись очень длинной линией, от с. Означенного, на границе с таежной зоной южного Енисея, и до с. Анаш, далеко на севере. Лишь изредка они выходят за пределы речной долины. Другие афанасьевские местонахождения располагаются по притокам р. Енисея — Сыде, Тубе, Лугавке и Ое, главным образом в нижнем их течении, ближе к тому же Енисею. Характерно, что пока не обнаружено ни одного афанасьевского памятника на солончаковых степях к западу от Енисея, в долинах рек и речек, на которых издавна сосредоточивалось кочевое скотоводческое население Минусинской котловины. Правобережье же Енисея и в недавнее время, а судя по материалам раскопок и в более отдаленные периоды послечетвертичной эпохи, отличалось лесостепным ландшафтом. При этом определенно выяснено, что современные луговые долины рек правобережья представляли собой заросли ели и сосны, а на боровых террасах росли сосны, лиственница и местами кедр. Береза также имела здесь широкое распространение. Есть все основания предполагать, что и полосы боров по широко протянувшимся в восточных районах Минусинской котловины дюнным грядам имели тогда более мощное развитие. Степи, прорезанные березовыми колками, и теперь в этой местности носят во многих случаях луговой характер. Они покрыты гораздо более мощным травяным покровом, чем солончаковые степи левобережья, и гораздо плотнее закрываются снеговым покровом. Остаются свободными от снегов лишь верхние плато приенисейских и потубинских возвышенностей. Реки здесь и сейчас еще содержат большое количество рыбы, а предания столетней давности рассказывают о ее изобилии. Наконец, и в охотничьем отношении восточная половина Минусинской котловины представляла собой много

---

[1] Хранятся в Гос. музее им. Мартьянова в Минусинске.

[2] Хранятся в Музее Приенисейского края в г. Красноярске.

[3] Теплоухов С. А. Древние погребения... и т. д., стр. 76.

[4] Хранятся в Гос. музее им. Мартьянова, в Минусинске.

преимуществ. Ее боры и лесные долины были непосредственно связаны с массивами Манской, Казыро-кизирской, Заамыльской и Ойской горной тайги (черни), которая до сих пор отличается прекрасными охотничьими угодьями. Это не могло не отразиться на образе жизни афанасьевского населения. И не случайно, что даже в погребальных инвентарях находят следы охоты и рыболовства. Но лучшим доказательством значительности этих промыслов является топография афанасьевских стоянок и могильников, всегда тесно связанных с рекой и речной долиной, кишевшими в то время всяким зверьем и рыбой. О том же говорят признаки значительной оседлости афанасьевского населения. То обстоятельство, что нет такой афанасьевской могилы, в которой не было бы двух и более горшков, убеждает в этом. Указывает на это и наличие во всех могильниках, кроме Афанасьевой горы, срубов. Они сооружались как жилище мертвых, отражавшее реальное жилище живых.

В каком отношении эта оседлость была к скотоводству, признаки которого обнаружены в могильнике Афанасьевой горы? Здесь прежде всего встает вопрос об удельном весе афанасьевского скотоводства. Однако правомочны ли мы делать какие бы то ни было заключения на основании костей, встречаемых в погребениях, где мясо было элементом ритуала? В. И. Равдоникас, исследуя памятники эпохи бронзы в степях Северного Причерноморья, приходит к выводу, что отсутствие костей животных в погребениях не может приниматься в расчет при оценке хозяйственной деятельности древнего населения. Он считает, что кости отсутствуют потому, что скот в ту эпоху являлся общественной собственностью, а с покойником-де клали только вещи, бывшие в его личном пользовании.[1] Это остроумное замечание несомненно должно приниматься во внимание. Однако неправильно рассматривать могильный инвентарь только как личную принадлежность покойника. Едва ли в постоянном личном пользовании каждого покойника были те сосуды, которые, обычно, по нескольку штук, а иногда и очень больших размеров, ставились в могилу с какими-то кушаньями (среди них, судя по нагару, преобладали жидкие варева). Для этого пришлось бы предположить чудовищные аппетиты и неожиданную высоту гигиенических требований — индивидуальную посуду. Здесь дело несомненно проще — для посмертного существования умершего требовалась пища, и она ему давалась в сосудах и просто кусками мяса.[2] Это, конечно, не исключает того, что из украшений, орудий и пр. клались только те, которыми пользовался покойник[3]. В правильности такого взгляда убеждает осуществленный

Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Сев. Причерноморья. Готский сборник, Л., 1932, стр. 51, 59—60.

[2] Между тем, В. И. Равдоникас сам указывал, что в погребениях бронзовой эпохи Сев. Причерноморья всегда встречается именно мясо — куски, части животных, а не скот как таковой, но тут же находил возможным сравнивать этот материал с действительно совершенно иным по своему значению из скифских могил, где скот находится уже как имущество.

[3] Круглов А. П. и Подгаецкий Г. В. Родовое общество степей Восточной Европы, М.— Л., 1935, стр. 90—109 и 149—155.

А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким аналитический разбор костных материалов из тех же погребений эпохи бронзы в степях Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья, на которых строил свои выводы и В. И. Равдоникас. Их подсчеты свидетельствуют о невозможности получить совершенно точную характеристику скотоводства, особенно состава стада, по одним находкам в погребениях. Однако те же подсчеты А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого убеждают в том, что процент находок костей в погребениях, особенно на первых этапах развития скотоводства, когда оно еще отличалось новизной (ямно-катакомбный этап), в основном соответствует степени развития самого скотоводческого хозяйства. Вычисленные по материалам раскопок В. А. Городцова в б. Изюмском уезде для ямных 1.9% костей домашних животных, а для катакомбных 67.6% и в Н. Поволжье соответственно 10.5% и 41.6% не могут быть объяснены одним только изменением погребальной обрядовости. К этому нужно прибавить, что данные, полученные статистическим путем относительно преимущественного нахождения костей скота в мужских погребениях и отсутствия некоторых видов при женщинах и детях, также убеждают в весьма реалистическом отражении составом погребального инвентаря таких особенностей жизни того времени, как принадлежность скота преимущественно мужчине, как возрастные запреты пищи и т. п. Поэтому я все же считаю себя вправе видеть в наличии или отсутствии костей домашних животных в погребениях указание на значение скотоводства, а не одно только указание на общественную или посемейную собственность на скот.

Исходя из этого, я считаю возможным рассматривать вопросы афанасьевского скотоводства в свете находок в погребениях. Конечно, нельзя не оценить значительной редкости находок костей домашних животных. Лишь в могильнике Афанасьевой горы из 18 раскопанных погребений 6 содержали остатки овцы (2), овцы и быка (1), быка и лошади (1), быка (1) и овцы и лошади (1). Тесинский могильник не дал ни одной находки костей домашних животных, так же как и могильник Красного Яра, и только в одном из семи сыдинских курганов под кладкой кольца нашлась одна косточка овцы. Едва ли можно сомневаться, что, даже принимая во внимание местные различия, все же столь слабое наличие продуктов скотоводства в пище покойника, при очевидной допустимости их ритуалом, не может не свидетельствовать об относительно ограниченном еще значении домашнего скота в хозяйственной деятельности афанасьевского населения. Повидимому, мы застаем в это время лишь первые шаги разведения скота на р. Енисее, правда, уже в обычном объеме состава стада — есть и корова, и овца, и даже лошадь. О соотношении этих животных в стаде говорить пока нельзя. То обстоятельство, что роль скотоводства была ограниченной, находит себе подтверждение в особенностях быта афанасьевского населения и прежде всего в его относительно слабой подвижности, в тяготении к лесистой речной долине. Очевидно, скотоводство этого времени еще не развилось до того уровня, когда оно должно было сломать старый, неолитический быт приречного охотника-рыболова. Стада были

малочисленны. Они довольствовались ближайшими угодьями, и продукты, ими доставляемые, в пищевом бюджете населения были еще количественно близки к продуктам охоты, рыболовства и собирательства, свидетельства о которых в виде костей рыбы, раковин и диких животных доставили афанасьевские погребения. Среди этих материалов особо следует отметить кости марала и дикого быка. О значении охоты в добывании мяса особенно убедительно говорит одно погребение под Афанасьевой горой: там мясо дикого быка было положено наряду с мясом домашних животных.

Встает также вопрос об афанасьевском земледелии. В связи с ним важно отметить обнаруженные признаки значительной оседлости афанасьевского населения, разбросанного небольшими группами в местах, весьма благоприятных для начальных этапов земледелия — около рек на надпойменной террасе с мощным гумусным слоем и достаточной влажностью. В других местах в аналогичных условиях при возникающем скотоводстве находятся остатки примитивного земледелия, являвшегося обычно уделом женщин. К сожалению, наши «афанасьевские» материалы не содержат ни мотыг, ни других явно земледельческих орудий. Однако одна группа находок в связи с только что сказанным обращает на себя внимание — это небольшие терки-куранты. 4 из них найдены в могиле № 6 под Афанасьевой горой и 1 — в кургане № 16 близ Сыды. Все найденные в могиле № 6 лежали вместе с другими вещами *вокруг женского костяка*. Терочка, найденная в кургане № 16 Сыды, лежала под насыпью, но не в могильной яме. Возможно, что она была из нее выкинута грабителями. В яме оказалось сильно нарушенное парное погребение. Это позволяет предполагать и здесь принадлежность терочки к женскому инвентарю. Однако этих находок еще недостаточно для того, чтобы говорить об афанасьевском земледелии, тем более, что терки могли применяться и для других целей: для растирания корней, красок и т. п.

Приведенные наблюдения рисуют следующую картину хозяйства у населения Минусинской котловины в афанасьевскую эпоху. Обитатели небольших поселков, разбросанных по берегу р. Енисея и нижнему течению его правых лесных притоков, не бросали прежних «неолитических» занятий охотой и рыболовством. Вместе с тем они впервые в Минусинском крае стали разводить домашний скот, лошадей, коров и овец. Однако эта отрасль еще не была, повидимому, главным источником существования. Скотоводство еще не требовало перекочевок. Стадо было небольшим и могло удовлетворяться кормами ограниченных пространств, ближайших к местам поселений. Наличие мотыжного земледелия пока ничем не подтверждается, но нет оснований и к полному его отрицанию. Об остальных афанасьевских промыслах мы знаем очень мало. Очевидно, существовали обработка кожи, прядение шерсти, резьба из дерева и кости, прекрасное по приемам шлифование и пунктирная обработка каменных орудий, которым придавалась любая, даже весьма сложная форма. Также было известно строительство деревянных срубов, выделка глиняной посуды и добывание и обработка руды с изготовлением медных орудий.

Последнее, вероятно, было делом тех, кто жил вблизи месторождений меди, довольно распространенных по среднему Енисею.

Уровень афанасьевской металлургии был весьма низок — мы не знаем пока предметов этого времени, целиком отлитых в форме. Все изделия — пластинчатые, полученные не только отливкой, но и последующей отковкой.

В предшествующей главе, привлекая сравнительный этнографо-исторический материал, была дана характеристика охотничье-рыболовческих групп населения сибирского неолита, как небольших матриархальных родов.

Применимо ли это определение и для афанасьевского населения Минусинской котловины?

Мы только что убедились в значительном развитии его культуры по сравнению с предшествующим временем. Начатки скотоводства и, может быть, земледелия, появление металлов и ряд других «новшеств» — признаки новой ступени. Рост скотоводства имел огромное значение в общественном развитии. Ф. Энгельс связывает с ним первое крупное общественное разделение труда, когда «пастушеские племена выделились из остальной массы варваров»,[1] а также падение материнского права.[2] Однако следует отметить, что Ф. Энгельс вовсе не представлял себе эти крупнейшие изменения в виде каких-то мгновенных переворотов. Наоборот, даже в своем весьма сжатом изложении процесса укрепления значения, а потом и власти мужчины-скотовода и утери женщиной ее былого господства Ф. Энгельс показывает, что перед нами сложный процесс накопления новых особенностей, противоположных прежнему социальному укладу, который они взорвут, достигнув известного уровня и силы. Таким образом, вовсе не следует при находке первой же кости домашнего животного поспешно объявлять новую эру отцовского права. Для нас, археологов, это должно быть тем более очевидно, что мы знаем блестящий пример Триполья. Там наряду с земледелием имелось и скотоводство. Однако, не играя еще ведущей роли в производстве, оно уживалось с ярко выраженной матриархальностью общественного строя. Это же надо учесть и для афанасьевских родовых групп. Вместе с тем нужно иметь в виду примитивность первичных форм скотоводства, когда для ряда операций, например, для поимки и приручения животных, для их охраны и использования требовалось объединение всего коллектива. Такая особенность древнего скотоводства, как и прежние охотничьи и рыболовные промыслы, несомненно поддерживала родовой уклад жизни и в афанасьевское время. Открытые афанасьевские могильники представляют собой места погребений отдельных родовых групп. Последние были еще сильно обособлены друг от друга, на что между прочим указывают и особые для каждого могильника детали погребального обряда (ср., например, различия в ориентировках, наличие в Теси обряда трупосожжения и особенности в орнаменте посуды).

---

[1] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Госполитиздат, 1947, стр. 180.

[2] Там же, стр. 182—183.

На какой ступени развития находился афанасьевский род? Сохранялись ли в нем прежние матриархальные отношения или новые особенности хозяйственной жизни уже дали себя знать в его общественной организации? Известный ответ на это дают афанасьевские могильники.

Сводная таблица состава афанасьевских погребений

Индивидуальные погребения (в том числе ярусные неодновременные)	30	60%	64 % одиночных
Женщина и ребенок	2	4%	
Индивидуальные в 2 ямах под одной насыпью	5	10%	12 %—может быть установлена известная парность
Мужчина, женщина и ребенок в 3 отдельных ямах под одной насыпью	1	2%	
Пара в одной яме	6	12%	14% парных
Женщина с ребенком и мужчина в одной яме	1	2%	
1 женщина с ребенком и 3 неопределенн. взрослых в одной яме	1	2%	8% с больш. колич. костяков (в каждом могильнике по одному погребению)
1 женщина с ребенком, 2 женщины, 3 мужчин и 1 неопределенн. взросл. в одной яме	1	2%	
3 женщины, 2 мужчин и 1 неопределенн. взрослый в одной яме	1	2%	
3 взрослых в одной яме (пол не определен)	1	2%	
1 мужчина, 3 женщины и 3 ребенка, возможна ярусность в расположении костяков	1	2%	2%
	50	100%	

На приведенной таблице сведены данные по составу погребений четырех главнейших афанасьевских могильников. Наибольшее число погребений — одиночных мужских и женских (64%). Это означает, что сохраняется та особенность ритуала, которая господствовала в неолите и заметна в современных афанасьевским китойских погребениях неолитоидного населения Прибайкалья. Описывая афанасьевские могильники, мы уже обращали внимание на наличие в каждом из них одного погребения с большим количеством костяков (всего 8%). Характерно, что в них не может быть установлена закономерная парность (в одном число мужчин даже превышает число женщин). Малое число этих погребений не позволяет окончательно решить вопрос об их значении. Однако едва ли будет ошибкой ставить их в связь с группой одиночных, т. е. с той стадией развития семейных отношений в Сибири, для которой была еще характерна матриархальная система. За это говорит и то, что из числа погребенных выделяется усиленной окраской и особенно богатым инвентарем одна женщина с новорожденным. Таким образом, до 72% всех афанасьевских погребений по своей обрядовости связаны с прежней, идущей из неолита матриархальной традицией. Зато следующие группы свидетельствуют уже об ином.

12% падает на одиночные погребения, пол которых определен не во всех случаях: часть из них — женские, объединенные с другими под одной насыпью кургана. Их неслучайную связь друг с другом подчеркивает нахождение под одним курганом отдельных погребений мужчины, женщины и ребенка. Повидимому, в них можно видеть уже отражение более прочной связи мужчины и женщины. Заключительная стадия развития древнего цикла семейных отношений, очевидно, находит в афанасьевском ритуале свое отражение.

Ф. Энгельс подчеркивал, что эпоха парного брака совпадает с господством матриархата, иллюстрируя это примером древних семейных отношений ирокезов, описанных Артуром Райтом.[1] Самое возникновение парного брака Ф. Энгельс считал делом женщин.[2] Вместе с тем он видел в этой форме завершение древних отношений, когда группа была сведена путем парного брака к своей минимальной единице, ее двухатомной молекуле: к одному мужчине и одной женщине. «Естественный подбор завершил свое дело путем все дальше проводимых изъятий из брачного общения; в этом направлении для него уже ничего не оставалось делать. И если бы, следовательно, не начали действовать новые, *общественные* движущие силы, то не было бы причины, в силу которой из парного сожительства должна была бы возникнуть новая форма семьи. Но такие движущие силы вступили в действие».[3] И далее Ф. Энгельс излагает значение введения скотоводства, доставившего мужчине господствующее положение в роде.

Особенности афанасьевского погребального ритуала подтверждают именно такое построение.

Мы уже отметили признаки упрочения парных связей. Однако этим еще не исчерпан материал сводной таблицы. В ней обращает особое внимание 14% парных погребений. Здесь также не все костяки определены по половой принадлежности. Однако в двух ямах из шести находятся определенно мужчина и женщина, а погребение третьей можно считать аналогичным с ними по составу, исходя из разницы в ритуале для женщины и мужчины (повидимому, здесь сожжен мужчина, поскольку именно для мужчин устанавливается эта новая форма погребения по другим могилам). Кроме того, неслучайность этого вида погребений подчеркивается седьмым случаем — могилой № 11 Афанасьевой горы, где в одной яме оказались лицом друг к другу с застывшими в рукопожатии руками мужчина и женщина и между ног у них маленький ребенок. Следует при этом отметить, что нет пока никаких оснований предполагать последовательное использование могильной ямы сначала для одного покойника, а затем для «добавляемого» второго. Могила № 11 самым положением костяков подчеркивает одновременность их захоронения. В остальных нет никаких следов повторного вскрытия погребальных сооружений.

---

[1] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Госполитиздат, 1947, стр. 57.

[2] Там же, стр. 61, 62.

[3] Там же, стр. 62.

Но если покойники в подобных погребениях клались одновременно, то они, повидимому, и умирали вместе. Едва ли можно допустить, чтобы 16% всех известных нам афанасьевских умерших оканчивали жизнь в такой трогательной супружеской согласованности. Кажется, более правильным видеть здесь пример наиболее грубого проявления нового положения в семейных отношениях. Афанасьевские погребения мужчины и женщины в одной яме мы склонны расценивать так же, как расценивал аналогичные катакомбные погребения М. И. Артамонов. Он видел в них указание на ритуальное убийство женщины при погребении вместе с мужчиной, доказательство утери женщиной ее главенствующего значения и приобретения его мужчиной.[1] Напомним при этом, что в Поволжье обнаружены и прямые доказательства насильственной смерти женщины, погребенной с мужчиной,— следы преднамеренных ранений, приведших к смерти.[2]

Таким образом, рассмотрение погребальной обрядовости афанасьевских могильников вскрывает в ней ряд типичных особенностей истории семейных отношений населения Минусинской котловины. Мы имеем древнейшие формы в виде одиночных погребений; отражение укрепления парного брака в погребениях женщины, мужчины и ребенка, объединенных под одним курганом, и, наконец, свидетельство о «ниспровержении материнского права» — погребения с насильственно умерщвленными женщинами, погребавшимися вместе с мужчиной.

Однако предстоит решить, можно ли рассматривать последнее явление как широко распространенное, характеризующее «афанасьевский» род, как отцовский.

По аналогичному вопросу применительно к памятникам Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья были высказаны различные мнения.

В. И. Равдоникас на основании сравнительно малого числа коллективных погребений (ямно-катакомбных и срубных) нашел возможным предположить для их времени господство матриархата, признавая лишь начальные признаки будущих патриархальных отношений.[3]

Противоположную позицию заняли А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Они привели много новых данных в пользу значения коллективных погребений, как доказательства господства патриархальных отношений. Одновременно они показали значительность распространения коллективных погребений, особенно ко времени катакомб. Вместе с тем они остроумно парировали ссылки В. И. Равдоникаса на малочисленность коллективных погребений. «Именно эта малочисленность коллективных погребений среди довольно большого количества погребений одиночных и позволяет нам,— говорили эти исследователи,— рассматривать первые как погребения глав патриархальных семей... Скорее можно притти в недоумение

---

[1] Артамонов М. И. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками. ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 108—125.

[2] Круглов А. П. и Подгаецкий Г. В. Родовое общество степей Восточной Европы, стр. 144—145.

[3] Равдоникас В. И., ук. соч. Готский сборник, стр. 54 и сл.

от большого количества коллективных погребений, а не ссылаться на их недостаточность».[1] Однако нельзя не заметить здесь известного перегиба в другую сторону. В. И. Равдоникас ошибочно видел в истории «кимерского» общества «монотонный» процесс развития матриархальных родов чуть ли не от неолита и до скифской эпохи. Правильно протестуя против такого «монотонного» изображения, А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий своим утверждением о полном господстве патриархата уже в эпоху катакомбных погребений несомненно допустили преувеличение и тем лишились возможности удовлетворительно объяснить все последующие изменения. Они попали, таким образом, в то же положение, что и В. И. Равдоникас, но с другой стороны. Отрицая матриархальную «монотонность», они, сами того не замечая, утверждают «монотонность» патриархального развития, заявляя, что во второй период II стадии, т. е. во время срубных погребений, «происходит лишь дальнейший процесс укрепления патриархально-семейных отношений». Однако у наших авторов еще во время катакомб все очень «укреплено»: есть патриархи, зарождение частной собственности и рабы.

В этой связи кажется более правильным разрешение вопроса, предложенное М. И. Артамоновым.[2] Последний, подвергнув коллективные погребения скорченных специальному исследованию, нашел неудовлетворительным аргумент В. И. Равдоникаса в пользу господства матриархальных отношений. Он, между прочим, показал, что относительное количество коллективных захоронений в скифскую эпоху, для которой В. И. Равдоникас не сомневается в наличии отцовского рода, куда меньше, чем в катакомбных могилах, где они достигают местами 20%. Затем детальным анализом М. И. Артамонов доказывает несомненную связь коллективных погребений с патриархальными нормами. Однако, отмечая для катакомбного времени признаки развития патриархальных отношений, М. И. Артамонов тщательно регистрировал и все признаки большой еще силы традиций материнской стадии.

Отсюда особенную убедительность приобретает его характеристика катакомбного времени как переходной эпохи от матриархата к патриархату. Становится убедительным и его объяснение наличия большего числа коллективных погребений именно в эту переходную эпоху, а не позднее. Сопротивление прежней традиции вызывало, по мнению М. И. Артамонова, необходимость в насильственном ее преодолении. Поэтому приобретение жены влекло ее изъятие из всей совокупности ее прежних связей тем или иным насильственным путем. Это делало женщину в большей, чем когда-либо, степени простой принадлежностью добывавшего ее мужчины и вело ее вслед за ним в могилу, так как со смертью мужа она теряла основу для своего существования в недрах чужого ей рода. Такое решение вопроса,

---

[1] Круглов А. П. и Подгаецкий Г. В. Родовое общество степей Восточной Европы, стр. 164—166.

[2] Артамонов М. И. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками. ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 108—125.

объединяя все наиболее ценное из обоих крайних построений, оставляет вместе с тем полную возможность для детального изучения всех изменений, претерпеваемых новым патриархальным родом на протяжении срубного и позднейших периодов. Приблизительно таково же положение и в изучении памятников Нижнего Поволжья, где в катакомбное время обнаруживаются лишь слабые признаки будущего патриархата.

Так обстоит дело с решением этой важнейшей проблемы по археологическим материалам с территории Европейской части СССР.

Едва ли было бы правильным, несмотря на общую близость, просто перенести одно из изложенных построений на афанасьевский материал. Но вместе с тем нельзя и не учитывать имеющегося опыта.

Изучение хозяйственных условий уже показало наличие в жизни афанасьевских родов особенностей, способствовавших сохранению старых общественных отношений. В соответствии с этим анализ погребений убедил в существовании еще сильных традиций предшествующей стадии. Особое положение женщины-матери в афанасьевских могильниках, не имеющее себе параллели на западе, например, в катакомбных курганах, как бы подчеркнуло жизненность этих традиций. Одновременно пришлось отметить незначительность числа парных погребений, в Минусинской котловине более редких, чем в степях Восточной Европы. Эти погребения по отдельным афанасьевским могильникам насчитываются буквально единицами. Однако недоучет этих погребений был бы совершенно неправильным. Несомненно, они свидетельствуют о важных сдвигах в организации афанасьевских родов, причем выясняется и основа этого процесса. Она связана с теми новшествами, которые мы наблюдали в виде распространения скотоводства, пусть еще и в ограниченных размерах.

Поэтому можно признать, что афанасьевское время на среднем Енисее характеризуется в области общественных отношений первыми шагами нового уклада.[1] Однако это только начало укрепления патриархальных связей. К сожалению, наши материалы не позволяют определить, кто были первыми носителями этого уклада. Судя по числу погребений, таких лиц было немного. Нельзя, следовательно, говорить о каком-то широком социальном слое. Вполне возможно, что это были немногие родовые старейшины, предводители на войне. Их более высокое значение в роде способствовало первым шагам в накоплении ими нового имущества — скота. А это ставило их в новое положение обладателей наиболее важных для семьи ресурсов, что, в свою очередь, приносило им новое господствующее положение в доме. Вне этого ограниченного круга мы видим господство еще

[1] В одной из своих работ А. П. Окладников, касаясь окрашенности костяков сибирского палеометалла, указывает на широко распространенное символическое значение термина «кровь», как выражения родства по отцу, сменившего родство по матери, символизировавшееся «молоком» (ВДИ, 1938, № 1, стр. 253—254).

старого уклада, где принципы матриархальности еще служат общественным законом. Ни погребальные обычаи, ни самый характер инвентаря не обнаруживают при этом никаких признаков имущественного различия внутри каждой афанасьевской родовой группы, но вместе со всеми данными о производстве подтверждают коммунистические формы общежития, когда «держалась общая связь, самое общество, дисциплина, распорядок труда силой привычки, традиций, авторитетом или уважением, которым пользовались старейшины рода... и когда особого разряда людей-специалистов, чтобы управлять, не было».[1]

Даже защита родовых угодий и стад, даже нападение на соседей было, повидимому, в афанасьевское время еще общим делом той «самодействующей вооруженной организации населения», которую Ленин вслед за Энгельсом считал столь отличной от органов принуждения классового общества. До сих пор не найдено среди афанасьевских материалов никаких признаков выделения военного дела в особую «специальность», не присущую всем членам рода.

Между тем война к этому времени становится частым явлением в жизни афанасьевских родов. Известное отражение этого мы находим в первом шаге к усовершенствованию дела защиты и нападения. Впервые на Енисее появляются специально военные орудия — каменные секиры типа тесинской,[2] впервые происходит обособление оружия от орудий труда.

Ф. Энгельс видит в первобытной войне средство разрешения противоречий, возникающих между древнейшими родами. Военные столкновения могли происходить из-за угодий, водопоев, месторождений руд и пр., т. е. из-за неравенства естественных условий, которые как раз и могли обусловливать те различия в степени обеспеченности отдельных афанасьевских родов, которые нашли отражение в различном содержании инвентаря афанасьевских могильников, в целом то более богатых, то более скромных. Необходимо также учесть, что с афансьевской эпохи возможные поводы к столкновениям усугублялись появлением нового вида родового имущества — скота, постоянно наличествующего и легко захватываемого.

3. АФАНАСЬЕВСКИЕ ПАМЯТНИКИ АЛТАЯ

В первой главе уже были рассмотрены древности Алтая доафанасьевского времени. На основании изучения находок в нижнем слое Усть-Куюмской стоянки и в погребениях на Чудацкой горе и на р. Ян-Улаган мы пришли к выводу, что доафанасьевская неолитическая культура на Алтае была сложной. Она обладала

---

[1] Ленин В. И. О государстве, Соч., изд. 3-е, т. XXIV, стр. 366.

[2] Киселев С. В. Материалы археологических экспедиций в Минусинский край в 1928 г., стр. 25, табл. I, рис. 7.

чертами сходства с северосибирским неолитом, но в ней также имелись особенности, сближающие ее со Средней Азией, в частности, с кельтеминарской культурой Верхнего Хорезма. Вместе с тем очень важно отметить, что население Алтая доафанасьевского времени по своему физическому облику было весьма близко к типу, господствовавшему позднее, в эпоху афанасьевских погребений. Этим, как и некоторыми вещественными находками, подчеркиваются местные основы афанасьевской культуры на Алтае.

Первое типично афанасьевское погребение на Алтае было исследовано в 1932 г. Горно-Алтайским музеем в урочище Куюм на р. Катуни. В 1936 г. работы были продолжены Г. П. Сосновским.[1] Всего в Куюме изучено 11 погребений под невысокими курганчиками из камней, перемешанных с землей. Погребений мужчины с женщиной здесь не встречено. Лишь в двух случаях со взрослыми погребен ребенок и подросток. Любопытно, что костяк ребенка лежал сбоку женщины, но голова его, повидимому отчлененная, была положена у нее между ног. Большинство костяков лежало на спине с согнутыми ногами, которые первоначально могли стоять коленями вверх (в двух случаях это и было доказано). Один костяк оказался лежащим на груди лицом вниз, в вытянутом положении. Лишь в четырех могилах покойники были окрашены охрой. В погребениях были обнаружены различные вещи. Прежде всего отметим три находки костей барана, что говорит о наличии и на Алтае в афанасьевскую эпоху скотоводства. Найдена также посуда — 9 яйцевидных горшков. Так же как и афанасьевские на Енисее, они украшены елочным орнаментом, либо «вытерты» зубчатой лопаточкой или комком травы. Некоторые из них несколько отличает наличие довольно высокой прямой или даже расширенной кверху шейки. Очевидно, это местная особенность, так же как и ушки у двух сосудов. Кроме горшков, найдены костяное шило и рукоятка для пластинчатого медного ножа. Последний отличается и от афанасьевских с Енисея и от близких к ним ямно-катакомбных из восточноевропейских степей. Он имеет для скрепления с рукояткой черешок, выступающий не посредине верха клинка, а с одного края по одной линии с клинковым обушком (табл. VI, рис. 9). Эта особенность, а также округлость нижней части клинковой пластины сближает куюмский нож с так называемыми «казахстанскими» конца бронзового века Западной Сибири.[2] Может быть, подобные ножи были в свое время предшественниками «казахстанских». Во всяком случае в этой форме ножа можно видеть еще одно указание на юго-западные связи афанасьевцев Саяно-Алтайского нагорья.

Большой удачей Г. П. Сосновского следует считать открытие на территории куюмских курганов остатков древнего поселения. Его нижний, доафанасьевский слой был рассмотрен раньше. Верхний слой Куюмского поселка близок курганам.

---

[1] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., Л., изд. ИИМК, 1941, стр. 304.

[2] Грязнов М. П. Казакстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казаки», вып. III, 1930, стр. 155, рис. 3.

Он содержит типично афанасьевскую керамику, кремневые пластинки, наконечники стрел и кости животных.

В Горном Алтае на восточном берегу речки Куроты, в 1.5 километра от ее впадения в р. Урсул, нам удалось обнаружить афанасьевские курганы, свидетельствующие о продолжении того развития, которое зафиксировали исследования в Куюме. Все 9 курганов земляные. На них выложены из камня круги. В одном случае было два концентрических круга (курган № 2). Кроме курганов здесь же расположены 3 каменные кольцевые выкладки. Мы раскопали 7 курганов и 2 кольца.

В кургане № 1 на горизонте было обнаружено своеобразное сооружение из лиственничных бревен и палок. Центр его составлял сильно сгнивший, провалившийся вниз накат, покрывавший могильную яму. Пространство с могилой в центре было огорожено рамой из длинных бревен, которые лежали, образуя прямые углы на северной, восточной и южной сторонах. Западная сторона ограды не была прямой, но состояла из двух бревен, сходившихся под тупым углом, обращенным вершиной к западу. Таким образом, все сооружение имело пятиугольный план. Следует также отметить, что в вершине тупого угла лежал очень большой камень, притащенный от близлежащей горы.

Наличие в первом кургане многоугольной ограды из бревен должно обратить на себя внимание. Как и накат над могилой, ограда указывает на конструктивное использование дерева. Погребальные сооружения часто воспроизводят формы жилища. Позднее, в майэмирское и пазырыкское время, деревянные склепы-дома были широко распространены. Может быть, здесь мы имеем их первичную форму.

Другие курганы не имели подобных сооружений. Только в кургане № 9 были замечены остатки наката. Могильная яма № 7 была плотно закрыта массивными плитами.

Могильные ямы в плане были четыреугольные со скругленными углами.[1]

---

[1] Размеры ям:

Кург. № 1 длина с З на В 2,3 м, ширина 1.6 м, глубина 1.1 м,
» № 2 » » С » Ю 2.6 м. ширина 2.2 м, глубина 1.1 м,
» № 3 » » З » В 1.9 м, ширина 1.15 м, глубина 1.6 м,
» № 4 » » ЗЮЗ » ВСВ 2.5 м, ширина 1.6 м, глубина 1.5 м,
» № 5 » » ЗЮЗ » ВСВ 2.5 м, ширина 1.5 м, глубина 1.5 м,
» № 6 » » З » В 2.8 м, ширина 1.5 м, глубина 2 м,
» № 7 » » ЗСЗ » ВЮВ 2.25 м, ширина 1.7 м, глубина 1.25 м,
» № 8 » » ЗСЗ » ВЮВ 1.3 м, ширина 0.75 м, глубина 1 м,
» № 9 » » ЗСЗ » ВЮВ 2.2 м, ширина 1.5 м, глубина 1.4 м.

Остатков сооружений внутри могильной ямы обнаружено не было.

На грунтовом полу ямы обычно можно было заметить тончайший гуммированный прослоек, возможно остаток какой-нибудь подстилки. Во многих случаях пол участками был окрашен красной краской, которой обсыпали покойника.

В большинстве курганов покойники лежали по-одному. В кургане № 9 их оказалось двое, в кургане № 2 — трое. Скелеты лежали на спине. Руки были вытянуты вдоль тела, иногда согнуты в кистях, которые были как бы подсунуты под таз. Ноги у пяти покойников, лежавших на левом боку, были согнуты в коленях. У остальных они были также согнуты и первоначально обращены коленями вверх. Со временем кости упали, иногда приняв форму ромба, иногда же берцовые и бедряные кости перекрывали друг друга. Кости стопы в большинстве случаев сохранили первоначальное прямое положение (табл. V, рис. 1, 6—8). Ориентировка головы была чаще восточная (на восток — 6, на восток-северо-восток — 1, на запад — 2, на запад-северо-запад — 2). В парном погребении ориентировка была единой — головой на восток, в тройном — на восток 2 и на запад 1. Большинство костяков оказалось окрашенным в интенсивный красный цвет. Краска — тонко растертый минеральный порошок — кучками и «брызгами» находилась возле покойников (чаще у левого плеча).

Из вещей отмечу каменную колотушку, лежавшую под коленями покойника из № 3 (табл. VI, рис. 12), и прекрасный пест из № 2 (табл. VI, рис. 13), оба аналогичны найденным в Минусинской котловине. Остатки медных проволочных височных колец были встречены в ряде случаев, но цельных оказалось только два (№ 5). Из рога искусно выточен перстень, найденный на пальце правой руки покойника в кургане № 3. Костяные предметы вроде ложечек или лопаточек, возможно служившие для плетения, оказались в нижней части грабительского хода в кургане № 6. Кости животных весьма редки. В кургане № 6 были найдены кости нижней части ног (копыта и обломок фаланги), повидимому, яка. Кроме того, в том же кургане было встречено 8 когтей беркута.

Особый интерес представляет глиняная посуда. Обычное место сосудов — около плеча или против середины плечевой кости (в Куюме — в ногах и однажды у локтя). Два сосуда оказались яйцевидными. Один из них — типично афанасьевский, остродонный (курган № 2, табл. VI, рис. 18); другой с плоским дном (курган № 7, табл. VI, рис. 15). Два сосуда плоскодонных, бомбовидных (курганы № 2 и № 7 — табл. VI, рис. 17). Кроме того, найдена типично афанасьевская вазочка-курильница (курган № 2 — табл. VI, рис. 14). Из ограбленных погребений дошли лишь обломки горшков. Все сосуды имеют на стенках характерную для афанасьевских вытертость. Орнаментация обычно елочная, афанасьевская. Кроме того, встретился узор из квадратных вдавлений и полукруглые резные фестоны. Последние два узора необычны для афанасьевской керамики, но встречаются и на кельтеминарской. Особо следует остановиться на баночном плоскодонном сосуде, украшенном елочным орнаментом (из кургана № 4, табл. VI, рис. 16). Он живо напоминает

баночные древнеандроновские горшки из Минусинска, относящиеся к середине второго тысячелетия до н. э.[1] Это обстоятельство не случайно. Обращает на себя внимание обломок сосуда из кургана № 1: на нем геометрический орнамент, нанесенный зубчатым чеканом, также напоминающий древнеандроновские образцы.

Особенности керамики, наряду с наличием (в противоположность Куюму) парных погребений, служат аргументом в пользу большей молодости куротинских афанасьевских курганов. Они особенно интересны тем, что демонстрируют зарождение в афанасьевском комплексе Алтая новых андроновских черт. На Енисее в раннеандроновских погребениях можно видеть продолжение этой связи.

К сожалению, очень ограничены наши сведения о распространении афанасьевских памятников на запад от горного Алтая. Обломки афанасьевских сосудов прослежены лишь по Оби до Барнаула и на Иртыше под Семипалатинском. Однако можно предполагать и более западное распространение афанасьевской культуры. За это говорит, во-первых, наличие в афанасьевском инвентаре признаков связи с ямно-катакомбной культурой, во-вторых, широкое распространение позднее на западе Сибири андроновской культуры, на Алтае очень близко связанной с афанасьевской, и, в-третьих, следы импорта даже на Енисее из аральского бассейна. Для того чтобы такой импорт стал возможен, необходимо предположить какую-то культурную близость промежуточных звеньев. Вероятнее всего эта близость подкреплялась и близостью физического типа. Вполне возможно и более южное распространение афанасьевских форм к югу от Семипалатинска. Может быть, в пользу этого говорит родство с афанасьевской керамикой, украшенной елочным орнаментом, которую А. Стейн нашел в низовьях Яркенд-Дарьи.[2]

Подведем итоги. Есть все основания предполагать, а для Саяно-Алтая и утверждать, наличие в степях Сибири, вплоть до Енисея на востоке, в самом начале бронзового века весьма однородной афанасьевской культуры, носителями которой были племена палеоевропейского типа, знавшие уже скотоводство. При самом сложении этой афанасьевской культуры заметны отдаленные связи, главным образом с Западом, доходящие до Поволжья, может быть даже до Причерноморья, население которого к тому же было очень близко к афанасьевскому по своему физическому облику (табл. II).

В формировании афанасьевского комплекса принимала участие и местная поздненеолитическая культура. Однако своеобразие афанасьевского типа и глубокая древность его не позволяют предполагать, что носителями этой поздненеолитиче-

[1] Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии, т. III, в. 2, Л., 1927, табл. VII.

[2] За предоставление этих сведений, почерпнутых из Innermost Asia, v. III, приношу глубокую благодарность С. П. Толстову.

ской культуры Минусинской котловины и долин Алтая было население, резко отличное от позднейшего (скажем, таежные охотники-монголоиды). Вместе с тем необходимо отметить, что при изучении афанасьевских памятников обнаруживаются связи с юго-западом — с энеолитом Средней Азии времен Анау и Суз, который предшествовал афанасьевскому. Такая пережиточность в афанасьевское время влияний среднеазиатского энеолита подтверждается обнаруженными в доафанасьевском слое Куюма (Алтай) признаками близости со Средней Азией через кельтеминарскую культуру, в свою очередь связанную с энеолитом типа Анау. Эти факты уводят нас уже в очень отдаленное время, к сожалению, еще весьма слабо освещенное источниками. Указывают ли эти связи со Средней Азией на какие-то этногенетические пути, или европеоиды сибирских степей эпохи позднего неолита и энеолита являются, наряду с населением степей Восточной Европы, потомками охотников кроманьонцев, широко распространившихся здесь еще в очень древнее время,— можно будет решить только после новых археологических работ, главным образом в области изучения неолита Сибири и Средней Азии.

4. СИБИРСКАЯ ТАЙГА В АФАНАСЬЕВСКОЕ ВРЕМЯ

Наиболее яркими, подробнее всех изученными в таежной зоне Сибири для афанасьевского времени являются памятники Ангары и Прибайкалья. Они объединяются в несколько хронологически различных групп. Наиболее древняя из них, следующая за неолитической серовской,— так называемая китойская группа памятников. Она названа так по имени Китойского могильника, раскопанного в 1880 и 1881 гг. Н. И. Витковским. Могильник расположен в 50 км ниже г. Иркутска, на левом берегу р. Ангары при впадении в нее р. Китоя.[1] Здесь всего раскопано 22 отдельные могилы. Таким же является могильник на иркутском циклодроме.[2]

Две могилы этого же типа были исследованы Г. П. Сосновским близ с. Распутино на левом берегу р. Ангары в 180 километрах ниже Балаганска.[3] Наконец, одна могила была открыта на стоянке Чадобец в низовьях Ангары.[4]

---

[1] Витковский Н. И. Краткий отчет и раскопки могилы каменного периода... и т. д. Изв. ВСОРГО, т. IX, № 3—4. Его же. Отчет о раскопках могил каменного века в Иркутской губ. Изв. ВСОРГО, 1882, т. XIII, № 1—2.

[2] Окладников А. П. Археологические данные о древней истории Прибайкалья. ВДИ, 1938, № 1, стр. 251.

[3] Сосновский Г. П. Остатки доисторического прошлого у с. Распутино. Записки Иркутского музея, 1924, вып. I.

[4] Merhart G. Neolithikum. Reallexikon d. Vorgeschichte, v. M. Ebert. Bd. 12, Berlin, 1928, S. 62.

Китойские поселения, обнаруженные в слоях Улан-Хада и Песчаной на Байкале и по Ангаре в ряде мест вплоть до низовьев,[1] не содержали каких-либо признаков особого отличия быта от предшествующего времени. Как и погребения, они говорят все о тех же охотниках-рыболовах, хотя и достигших в ведении своего хозяйства некоторых новых приемов. В пользу этого говорит массовое распространение составных удильных крючков, становящихся как бы символом китойского времени. Пока еще преждевременно делать выводы о том, какое влияние оказало это и другие китойские «нововведения» на весь общественный уклад. О том же, что в китойское время условия жизни изменились, свидетельствуют те новые черты, которые заметны в обрядах, в появлении парных погребений, в «обратной» ориентировке женских костяков, в большем богатстве мужских могил и в наличии мужских изображений. Все эти черты в других местах, в условиях развития скотоводства, заставляют исследователей говорить о росте значения мужчины. В особой обстановке таежной зоны эти изменения могли явиться результатом иных причин, связанных с развитием местных производительных сил.

* * *

К китойской тесно примыкает другая группа памятников Прибайкалья, особо ярко представленная погребениями, исследованными М. П. Овчинниковым в предместье Иркутска Глазково.[3]

За последние годы благодаря работам А. П. Окладникова во много раз увеличились наши знания о глазковской группе памятников. Могильники глазковского типа были исследованы на верхней Лене, в устье р. Илги, в урочище Хабсагай у с. Коркиной, на Селенге у с. Фофановского, в Усть-Уде и в нескольких местах на Ангаре между Иркутском и Братском (Сухая падь, Нижняя Буреть, падь Нохой, Ленковка, Пономарево, Семеново, Аносово), а за предвоенные годы — и на нижней Ангаре, на р. Копте, у д. Материковой, на р. Чириде и в других пунктах.[4]

---

[1] Окладников А. П. Неолитические находки в низовьях Ангары. ВДИ, 1939, № 4, стр. 181 и сл.

[2] Артамонов М. И. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками. ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 108 и сл.; Круглов А. П. и Подгаецкий Г. В. Родовое общество степей Восточной Европы, Л., 1938, стр. 114—145 и 159—167.

[3] Овчинников М. Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях Иркутска. Изв. ВСОРГО, т. XXXV, № 3. Бортвин Н. Из области древней сибирской керамики. Записки Отд. русск. и славянск. археологии Русского арх. о-ва, 1915, т. XI, стр. 183.

[4] Окладников А. П. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. ВДИ, 1938, № 1, стр. 254 и сл.; его же. Неолитические находки в низовьях Ангары. ВДИ, 1939, № 4, стр. 181 и сл.; его же. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока. Кратк. сообщ. ИИМК, вып. IX, стр. 5—14.

Глазковские памятники Прибайкалья и Ангары находят себе параллели на верхней Лене, на Селенге и на Енисее в Красноярском районе. Зато от них отличны находки на Амуре и, конечно, древности лесной полосы Европейской части СССР, хотя и можно заметить некоторые признаки существовавших между этими областями сношений. Глазковская группа принадлежит к древней местной культуре сибирской тайги. Ее непосредственными предшественниками были «Китой», «Серово» и «Исаково», связанные в свою очередь с традициями глубокой древности прибайкальского палеолита. Однако значение глазковских материалов в том, что они убеждают в прямой зависимости от этой древней культуры таежного неолита современного населения тех мест, прежде всего эвенков. А. П. Окладников блестяще доказал эту зависимость анализом глазковского костюма, украшений и священных изображений идольчиков.[1] То же на основании изучения прибайкальских и ангарских неолитических и глазковских скелетов доказано антропологом Г. Ф. Дебецом [2] и Я. Я. Рогинским.[3] Г. Ф. Дебец пришел к выводу, что антропологический тип (А) неолитического населения Прибайкалья обладает и теперь «этногеографической реальностью в полной мере». Я. Я. Рогинский в результате изучения новых сравнительных материалов по эвенкам также обнаружил, что «байкальская раса имеет бóльшую древность, чем существующие ныне этнические и языковые подразделения Северной Азии, что она ниоткуда не приходила, но образовалась на обширном пространстве лесной Сибири». Касаясь этого вопроса относительно степных областей Южной Сибири, мы уже отмечали наличие там еще в предафанасьевское время другого типа населения с ярко выраженными палеоевропейскими особенностями.

Из новых черт, характеризующих глазковскую группу, особенно важны в археологическом отношении появление курганной насыпи, каменные ящики и некоторые вещи — нефритовые кольца и диски, цилиндрические бусы и медные ножи и браслеты. Они позволяют подойти к вопросу о хронологии китойских и глазковских памятников.

В. А. Городцов, описывая глазковские находки,[4] остановился на белонефритовых кольцах. Он проследил их распространение и, приняв во внимание, что под

---

[1] Окладников А. П. Неолитические находки в низовьях Ангары. В[illegible], 1938, № 1, стр. 185.

[2] Дебец Г. Ф. Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита. Русский антропологич. журнал, 1930, т. XIX, в. 1—2; его же. Палеоантропология СССР, стр. 56 и сл.

[3] Рогинский Я. Я. Материалы по антропологии тунгусов северного Прибайкалья. Антропологический журнал, 1934, № 3, стр. 105—127.

[4] Городцов В. А. Бронзовый век (статья в БСЭ) и его же неопубликованный доклад о результатах командировки в Сибирь в 1924 г., читанный на заседании Археологической секции Института археологии и искусствознания РАНИОН в ноябре 1924 г.

Иркутском имеются залежи белого нефрита, пришел к выводу, что находимые на западе и, в частности, в Сейминском могильнике белонефритовые кольца — сибирского происхождения.

Так как на месте своей выработки белонефритовые кольца впервые появляются в эпоху глазковских погребений, то В. А. Городцов датирует эти памятники одним временем с Сеймой. В. А. Городцов обратил затем внимание на наличие в глазковских погребениях бус из пасты. Имея сведения о нахождении этих бус в ближайшем от Прибайкалья районе и погребениях карасукского типа на среднем Енисее, В. А. Городцов нашел возможным синхронизировать глазковские находки с карасукскими, отнеся их ко второй половине второго и началу 1-го тысячелетия до н. э.

В настоящее время с накоплением новых фактов выводы В. А. Городцова могут быть дополнены и уточнены. Прежде всего, последние исследования в области китайского нефрита доказали, что белонефритовые кольца и диски со сверлиной, часто орнаментированные совершенно так же, как и глазковские, концентрическими кругами врезанных линий, появились на Хуанхэ еще в эпоху Шан-Инь, т. е. между XVIII и XII ст. до н. э. Раскопки в иньской столице в Аньяне также отметили наличие белого нефрита в XV--XIII вв.[1] Таким образом, мы получили и на востоке дату белонефритовых колец. При этом китайские материалы указывают на возможность более древнего происхождения производства белонефритовых дисков и колец сравнительно с сейминской находкой.

Выше уже отмечалось большое сходство медных ножей, найденных мною в 1928 г. около Теси в афанасьевских курганах, с обнаруженными Овчинниковым в глазковских могилах около дачи «Луна» и около глазковской церкви. Описывая тесинские находки, я видел в их сходстве с глазковскими одно из доказательств несколько более поздней даты тесинских афанасьевских курганов по сравнению с могилами Афанасьевой горы.[2] Но, разумеется, это позволяет только до известной меры понижать дату афанасьевских курганов близ с. Теси, и, конечно, не может быть и речи об отнесении их к карасукскому времени, минуя лежащую между ними андроновскую эпоху. А между тем это становится неизбежным, если оставить полностью даты В. А. Городцова. Нельзя даже допустить, что глазковские ножи существовали в Прибайкалье позднее, чем в Минусинском крае, скажем, во время, соответствующее карасукскому. Такому взгляду противостоит наличие в Прибайкалье многочисленных находок карасукских ножей как минусинского, так и забайкальского варианта.[3]

---

[1] Greel H. G. La naissance de la Chine. Paris, 1937; 3000 Years of Chinese Jade. New-York, 1939, № 36.

[2] Киселев С. В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Минусинск, 1929, стр. 32.

[3] Хранятся в Иркутском музее (№ 7788—138, 1304—2, 7857—1, а также с выдувов Улан-Хада).

Идентичность глазковских ножей с позднеафанасьевскими из курганов близ Теси позволяет датировать их не позднее времени раннеандроновских памятников. Ведь только к ним могут быть близки поздние афанасьевские в Минусинском крае.

Этому не противоречат и другие глазковские находки. Еще в 1924 г. В. А. Городцов сближал китойские памятники с афанасьевскими, что безусловно правильно. При рассмотрении глазковских погребений мы обнаружили их близкую связь с китойскими и вместе с тем признаки несколько более позднего времени. Это подтверждает возможность сопоставления глазковских могил с андроновскими. Последние по сравнению с афанасьевскими (в основном современными китойским) представляют следующий этап минусинской и даже шире — всей западносибирской истории бронзового века. Установлению такого соотношения не противоречит и указание В. А. Городцова на сейминские находки глазковских белонефритовых колец, а также на наличие в Глазкове цилиндрических бус, свидетельствующих, по его мнению, о связи с карасукским временем.

В. А. Городцов несомненно прав в своем определении сибирского происхождения белонефритовых колец, найденных в Сейме. Однако едва ли можно ожидать полного совпадения во времени их бытования в области выделки и на далекой, отделенной 4000 километров, окраине их распространения. Конечно, здесь могут быть известные расхождения во времени, но и они были не очень велики.

Благодаря исследованиям М. П. Грязнова можно считать установленной принадлежность к среднеандроновской группе памятников Западной Сибири и тех предметов сейминских форм, которые встречаются на той же территории, т. е. кельтов с пояском и ромбами и копий с втулкой. Вместе с ними следует назвать и кинжалы с выемками у основания черешка, одинаково характерные и для андроновской и для срубной группы памятников.[1] Таким образом, находка глазковского белонефритового кольца в Сейминском могильнике, вещи которого имеют признаки сходства с карасукскими вещами, не опровергает устанавливаемого соотношения глазковских памятников с андроновскими.

Остается решить вопрос о цилиндрических бусах. Свое первое распространение в Сибири они находят именно в андроновское время. Еще в 1926 г. М. П. Грязнов нашел их в андроновских погребениях в местности Урал-Сай в Северо-Западном Казахстане (район Актюбинска).[2] Однако эти западные находки не могут служить окончательным доказательством, потому что здесь андроновские формы бытовали очень долго и многие из них были одновременны карасукским на Саяно-Алтае. Однако цилиндрические бусы известны и далее к востоку из раннеандроновского

---

[1] Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Зап. Казахстане. Сб. «Казаки», Л., I, 1927, стр. 172—221.

[2] Там же, стр. 172.

кургана (№ 2) у с. Красный Яр в окрестностях Бийска.[1] Эти бусы были найдены и на среднем Енисее в Андроновской могиле близ с. Андроново на р. Сереж при прокладке полотна Ачинско-Минусинской железной дороги в 1914 г.[2] Находки указывают на возможность сопоставления глазковских цилиндрических амальгалитовых бус не только с карасукскими, но и с древнеандроновскими, относящимися на среднем Енисее ко времени, непосредственно следовавшему за афанасьевским. Установление такого хронологического соответствия оправдывается наличием в Прибайкалье особых «гробничных» погребений, более поздних, чем глазковские, в которых и находят карасукские вещи.[3]

После ознакомления с наиболее изученными памятниками Ангаро-Байкальской таежной зоны можно обратиться к находкам афанасьевского времени, сделанным в лесистых окрестностях г. Красноярска.

Раскопками В. Г. Карцова на уже упоминавшейся в I главе стоянке в устье реки Собакиной было установлено наличие в нижнем слое, характеризуемом отсутствием костей домашних животных, верхнего прослоя, в котором уже имеется керамика, в высшей степени напоминающая афанасьевскую Минусинской котловины. Исходя из того, что позднейшие формы орнаментации красноярской керамики воспроизводят геометрические мотивы, явно зависящие от близкой сейминской орнаментации красноярских бронз, В. Г. Карцов находит возможным относить эту керамику ко времени, близкому к афанасьевскому. Одновременно он устанавливает, что это время в окрестностях Красноярска не отличалось каким-либо изменением более раннего неолитического охотничье-рыболовческого режима[4].

С этим нельзя не согласиться еще и по другим причинам. В окрестностях Красноярска уже неоднократно находили погребения. До сих пор их рассматривали суммарно. Между тем среди них ясно намечаются две группы. Одна из них представлена погребениями типа открытых И. Савенковым на дюне «Борок» близ д. Базаихи. По многим признакам, в том числе по наличию металлических орудий характерных форм, эта группа должна относиться к более позднему времени (см. ниже). Вторая группа, тесно связанная с Ангаро-Прибайкальской, отличается особенным обилием вещей и полным отсутствием металлических изделий. Это, прежде всего, погребения, открытые в 1894 г. В. В. Передольским в районе с. Перевозного.[5] Особенно интересны здесь три костяка. У первого из них ноги

[1] Коллекция и дневники Бийской археологической экспедиции О-ва изучения Сибири 1930 г. под начальством С. М. Сергеева (хранится в Гос. Эрмитаже — в Секторе доклассового о-ва. Коллекционный № 251).

[2] Теплоухов С. А. Древние погребения... и т. д., стр. 80.

[3] См. о них в главе IV.

[4] Карцов В. Г. Отчет о раскопках стоянки у устья Собакиной. (Хранится в Архиве ИИМК за 1929 г. № 19). Ср. также уже цитированную его работу. Материалы по археологии Красноярского района. 1929, стр. 81, 82 и 83.

[5] Ауэрбах Н. К. Доисторическое прошлое Приенисейского края. Каменный период. Красноярск, 1929, стр. 5.

были покрыты 7 пластинами из мамонтовой кости, имеющими по краям сверлинки. Возможно, что это остатки панцыря. У второго головной убор был сплошь зашит маленькими костяными кружочками, которых исследователь собрал несколько тысяч. Третий костяк был замечателен тем, что принадлежал человеку, убитому стрелами: два кремневых наконечника лежали внутри грудной клетки, а третий засел в тазовой кости.

В 1934 г. аналогичное погребение было обнаружено А. Ф. Катковым в ложкѣ у дачи Юдина на Афонтовой горе. На поверхности погребение не было ничем отмечено. Оно было заключено в неглубокую (сантиметров до 40) яму. В ней при перепутанных костях скелета было собрано до 100 привесок и пронизок из костей и зубов диких животных.[1]

Эти материалы подтверждают, что население красноярских окрестностей долго жило, сохраняя старые неолитические формы, подобно тому, как это было и в Прибайкалье. И там, и здесь занимались рыболовством и охотой. Собака являлась единственным домашним животным. Физический облик красноярских охотников-рыболовов также был близок к монголоидам прибайкальского неолита. Наличием в более северных, таежных районах среднего Енисея населения с архаическим бытом особенно подчеркивается значение процесса, происходившего в афанасьевское время в Минусинской котловине и на Алтае. Переход к разведению скота, как бы ограниченно его ни представлять, несомненно отмечал там начало процесса, когда, по Энгельсу, «пастушеские племена отделились от основной массы варваров». Мы уже проследили влияние этого события на различные стороны жизни минусинского населения.

Происшедшие за афанасьевское время изменения весьма значительны, но они являются результатом внутренних причин — динамики развития древнейших родовых групп. Нет никаких оснований связывать хотя бы некоторые из этих изменений с какими-либо внедрениями новых групп со стороны. Все данные говорят в пользу тесной связи древней неолитической культуры сибирских степей и новой афанасьевского типа. Антропологические исследования это подтверждают. К сожалению, отсутствие сведений по археологии неолита и ранней бронзы казахстанских степей, а также южных центральноазиатских областей не позволяет пока обсуждать указанные изменения в широком историческом плане. Однако то обстоятельство, что на Северном Алтае мы обнаруживаем явления, аналогичные минусинским афанасьевской эпохи, позволяет надеяться, что мы начинаем вскрывать обширный исторический пласт. Его характерные особенности на широких территориях обусловлены одинаковыми причинами и прежде всего «первым значительным общественным разделением труда».

---

[1] Об этой находке мне любезно сообщил В. Г. Карцов.

Глава III

АНДРОНОВСКАЯ ЭПОХА

Следствия применения скотоводства были очень многообразны. Энгельс подчеркивал их сложность. Он указывал, что переход от приручения к разведению скота влек за собой дальнейшее совершенствование хозяйства. Запасание на зиму корма приближало древних к луговодству и земледелию. Впервые широко распространялась обработка металла и ткачество.[1]

Именно такую сложность развития и демонстрируют андроновские и карасукские памятники Минусинской котловины и Алтая.

Послеафанасьевская серия памятников минусинского палеометалла названа андроновской по месту первых раскопок у с. Андроновой б. Ачинского округа.

Прослеживая по карте распространение андроновских памятников, мы обнаруживаем некоторое отличие от предыдущего времени. Если афанасьевские памятники занимали только долину Енисея и низовья его главных притоков, то андроновские охватывают более обширные пространства. Они занимают, повидимому, все зоны Минусинской котловины, кроме горно-таежной. Так, андроновские находки на востоке имеются из с. Сагайского на р. Амыле, служащей как раз восточной границей лесостепного района. То же можно сказать и о южных пределах. Здесь находки зарегистрированы около с. Калы, в предгорье Балтыргана. По Абакану также имеются андроновские находки, правда, пока только в нижнем его течении под хребтом Изых. Распространение на запад фиксируется могильником близ Окунева улуса на Уйбате и находками у с. Знаменки на р. Ербе. Наконец, на севере и северо-западе андроновские находки не только оказываются несколько севернее, в долине Енисея, но также и в стороне от него открывается обширная новая область в степях южных пределов б. Ачинского и Красноярского округов. Там имеются находки у с. Белоярского и с. Светлолобова на р. Чулыме

[1] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Госполитиздат, 1947, стр. 183, 184.

и могильники у с. Андроновой на р. Сереже и близ улуса Орак возле озера того же названия. Таким образом, вся площадь с афанасьевскими памятниками и прилегающие районы оказываются занятыми серией находок нового типа (табл. VII).

1. ОПИСАНИЕ АНДРОНОВСКИХ МОГИЛЬНИКОВ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Могильники для андроновской эпохи остаются основными источниками из-за разрушенности культурных слоев большинства стоянок.

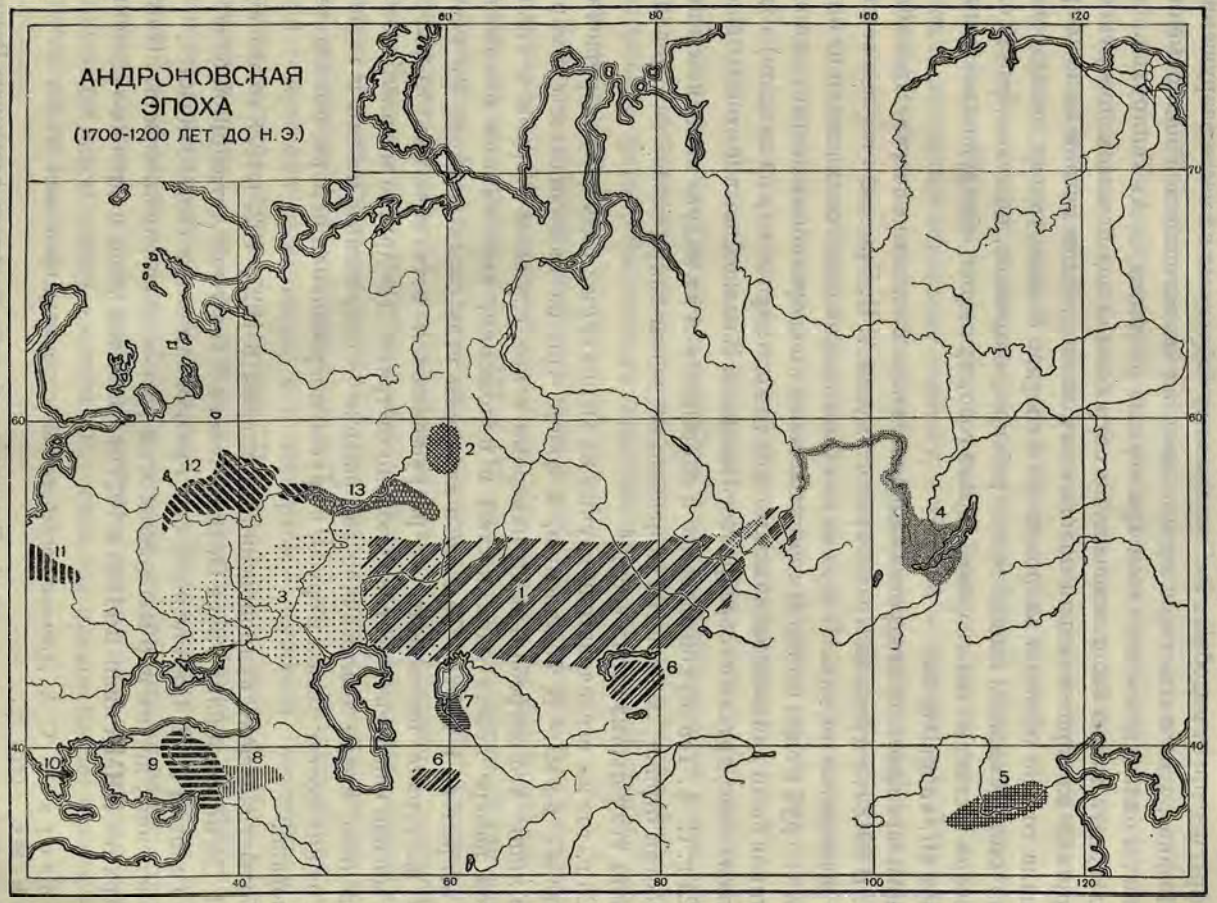
Андроновские могильники различны по величине: то это группки в 3—4 могилы, то более обширные некрополи в 50 могил. По внешнему виду даже в пределах одного могильника могилы не однородны. Наряду с плоскими, без всякой насыпи округлыми оградками из врытых на ребро плиток, встречаются курганчики с кольцом из камней на насыпи. Кроме того, зарегистрированы овальные в плане курганы значительных размеров. На их насыпи построены овальные и подчетыреугольные оградки, соприкасающиеся друг с другом в виде сложной сетки (улус Орак). Эти особенности устройства надмогильных сооружений, с одной стороны, как бы связывают их с афанасьевскими (курган с кольцом из плиток), а с другой — они весьма напоминают карасукские могильники, также отличающиеся сложной сеткой смыкающихся друг с другом оград.

В настоящее время открыты и исследованы андроновские могильники близ с. Андроновой Ужурского района, близ улуса Орак, улуса Окунева, улуса Подкунинского, с. Усть-Ербинского и с. Батеневского Хакасской автономной области и близ с. Новоселово Красноярского края.

Самый северный, давший название всей серии, Андроновский могильник близ с. Андроновой был обнаружен при прокладке в 1914 г. полотна Ачинско-Минусинской железной дороги. Уцелевшие в зоне строительства три могилы были исследованы А. Я. Тугариновым.[1] На поверхности они были отмечены камнями, положенными по кругу. Под ними открылись четыреугольные ямы глубиной до 3 м. В одной из них стоял ящик из плит, в двух других лежали в виде рамы, но без скрепления, четыре обрубка бревен. В каждой могиле оказалось по одному костяку, лежавшему головой на юго-запад скорченно, на левом боку. В головах у двух стояло по плоскодонному орнаментированному сосуду. Кроме того, были найдены кости барана, фрагмент конической шапочки с наушниками, сделанной из шерстяной, плетеной в елочку тесьмы, сшитой спиралью,[2] обломок ложки из комлевой части тальника, бусина из красной пасты и обломанная бронзовая пластинка. Так же невелик

[1] Тугаринов А. Я. Андроновские могилы. Сибирская живая старина, 1926, № 1; Теплоухов С. А. Древние погребения Минусинского края, Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, стр. 80.

[2] Сосновский Г. П. Древнейшие шерстяные ткани Сибири. ПИДО, 1934, № 2, стр. 92.



1. Андроновские племена; 2. Шигирские племена; 3. «Срубные племена; 4. Глазковские племена; 5. Государство Шан-Инь; 6. Стоянки с керамикой андроновского типа. 7. Тазабагъябские племена; 8. Древняя Ассирия; 9. Хетты; 10. Микены; 11. Унетицкие племена; 12. Фатьяновские племена; 13. Абашевские племена.

ТАБЛИЦА VII

материал и из Новоселовского могильника.[1] Отсюда еще в 1916 г. С. М. Сергеев и И. А. Пикулевич доставили в Красноярский музей 10 целых андроновских сосудов и 11 фрагментов от подобных им, повидимому собранных на месте разрушенных могил. Позднее, уже в советское время, здесь же на затопляемой надпойменной террасе под мощным намытым слоем три могилы раскопал С. А. Теплоухов.

Могилы здесь также были отмечены на погребенной под намывом поверхности почвы кругами из горизонтально положенных плиток. Одна могила была разрушена и дала только обломки андроновского сосуда. В двух других оказалось по ящику из плит. В каждом ящике лежал ребенок, скорченно, на левом боку, головой на северо-восток, и стоял горшок. Кроме того, при одном обнаружилась лодыжка Gazella aff. subgutturosa.

Сильно поврежден ветрами третий андроновский могильник на песках «Ярки» близ Батеней. В 1913 г. сотрудник Красноярского музея А. П. Ермолаев исследовал там три полуразвеянные могилы.[2] В двух из них в могильной яме стояли ящики из плит, в третьей — сруб в один венец. В ящиках лежало по скорченному костяку, на висках костяков были найдены височные кольца (по одному кольцу на каждом). Одна пара была из меди, другая из серебристого металла. В каждой могиле стоял горшок.

В 1924 г. С. А. Теплоухов здесь же в открывшемся на выдуве каменном ящике нашел костяк отрока, лежавшего скорченно на левом боку головой на юго-запад. В западном углу ящика стоял сосуд.[3]

В 1926 г. тот же исследователь изучил на «Ярках» еще пять полуразрушенных андроновских могил.[4] К сожалению, в отчете три из них описаны суммарно. Указано лишь, что погребальными камерами в них служили и срубы и ящики. В каждой камере лежал один костяк в положении, аналогичном положению отрока, открытого в 1924 г. Так же в западном углу стоял горшок. На костях пятнами выступала окись меди от разрушившихся металлических предметов. В одной могиле нашлось берестяное кольцо от туяса. Две другие могилы, описанные раздельно, имели аналогичное содержание — скорченный костяк и горшок. В одной из них костяк лежал в срубе, в другой погребальная камера, повидимому, отсутствовала.

Наиболее уцелевший андроновский могильник в 1925, 1927 и 1928 гг. исследовал Г. П. Сосновский близ улуса Орак на севере Хакасской Автономной области. Здесь, по словам Г. П. Сосновского, было раскопано за три года 45 могил.

К сожалению, до сих пор материалы этих раскопок не опубликованы. В отчетах же Архива ИИМК лишь по 1925 и 1927 гг. имеются более подробные сведения,

---

[1] Теплоухов С. А. Древние погребения Минусинского края, стр. 77—78.

[2] Там же, стр. 78.

[3] Краткий отчет о раскопках С. А. Теплоухова, произведенных по поручению Русского музея летом 1924 г. в Минусинском крае. Архив ИИМК за 1924 г., № 55.

[4] Выписки из дневников раскопок могил в районе с. Батени и Окунева улуса Хакасской обл., произведенных С. А. Теплоуховым в 1926 г. Архив ИИМК за 1926 г., № 62.

о раскопках же 1928 г., наиболее обширных, можно узнать лишь по суммарному описанию. Правда, некоторую помощь при обследовании состава погребений оказывают здесь сведения, опубликованные Г. Ф. Дебецом.

В 1925 г. Г. П. Сосновский раскопал три могилы,[1] отмеченные на поверхности небольшими всхолмлениями, по которым располагалась округлая оградка из вертикальных плиток. На значительной глубине в ямах оказались камеры.

Одна имела вид четыреугольной цисты, сложенной из горизонтально налегающих друг на друга плиток и покрытой бревенчатым накатом.

Две другие были образованы просто парой бревен, лежавших вдоль длинных стенок ямы. На них опирался поперечный бревенчатый накат. В двух могилах лежало по одному взрослому костяку, в третьей — два детских. У первого взрослого стояло три сосуда, у виска лежало медное кольцо и на левой ноге сохранились остатки обуви или одежда в виде кусков кожи с медными бляшками. У второго взрослого оказался один сосуд, два бронзовых кольца и также остатки кожаной одежды с медными бляшками. Около детских останков, тронутых грабителями, были найдены обломки трех горшков и «кости животных».

В 1927 г. Г. П. Сосновский сосредоточил работы на двух довольно высоких овальных курганах,[2] замечательных тем, что на их поверхности оказалась не одна оградка, а несколько, примыкающих одна к другой. Они имели овальную и прямоугольную форму. Раскопками было выяснено, что каждой оградке соответствовала могильная яма.

В первом кургане оказалось четыре ямы. Их погребальные камеры состояли из четыреугольных цист со стенками, сложенными из горизонтально лежащих плиток. В двух погребениях (III и IV) этого кургана костяки были разрушены грабителями. Во втором погребении положение костяков было аналогично всем другим андроновским — они лежали на левом боку скорченно, головой на юго-запад. В первом же погребении костяк лежал вытянуто на спине головой на северо-восток. По составу эти погребения также выделяются. В каждом из них есть взрослые, но наряду с двумя одиночными (I и III), во втором погребении оказалась пара — мужчина и женщина, а в четвертом — мужчина, женщина и ребенок. Инвентарь и здесь весьма скуден. В первом погребении найдена лишь стрела в полости груди — вероятная причина смерти погребенного. В третьем встретились лишь обломки сосуда. В четвертом — обрывки прошитой бересты, берестяной кружок и обломки сосуда. Лишь во втором погребении оказались три сосуда, «кости животных» и при женщине височное медное кольцо, медная коническая бляшка (на левом плече), костяная пуговица (на правом плече) и внизу на ногах остатки ткани и медные бусы.

---

[1] Сосновский Г. П. Предварительный отчет о раскопке могил андроновской культуры около улуса Орак Хакасского округа Енисейской губернии. Архив ИИМК № 168.

[2] Сосновский Г. П. Отчет о раскопках 1927 г. около улуса Орак в Хакасском округе Сибирского края. Архив ИИМК за 1927 г., № 128.

В кургане № 2, во всех отношениях аналогичном первому, в 1927 г. Г. П. Сосновский раскопал лишь одну яму. Она в нижней части разделена земляной перегородкой. В каждой половине стояла перекрытая корой рама из не скрепленных между собой горбылей. В каждой камере лежало по одному костяку в обычном для того времени положении. Найдено по одному сосуду, обрывки кожи (под черепом) и ткань.

В 1928 г. раскопки в Ораке продолжались.[1] Был, повидимому, докопан второй курган, давший семь андроновских и три позднейших карасукских погребения. Положение костяков в андроновских могилах было аналогично всем, описанным выше. Захоронение было произведено в каменных цистах, в каменных ящиках и просто в ямах, покрытых деревянным накатом. При костяках стояли глиняные орнаментированные сосуды. На черепе одного из костяков (могила № 37) оказалась нижняя часть вязанной из шерсти шапочки. Обрывки шерстяной ткани находились и в других погребениях 1928 г. (№ 32 и 35). Они сделаны уже с применением челнока.[2] Характерно отмеченное исследователем в 1928 г. наличие медных бус на ногах только женских скелетов. Встречались также и кости животных. О составе погребений Орака мы узнаем по сводке Г. Ф. Дебеца.[3]

Небольшая группка в три андроновские могилы была исследована С. В. Киселевым на надпойменной террасе под северным склоном хребта Коровы на правом берегу р. Ербы близ с. Усть-Ерба Хакасской автономной области. Материал издан,[4] и поэтому будем кратки. С поверхности могилы были отмечены только округлыми оградками из плиток, врытых на ребро. В первой могиле была одна погребальная яма, во второй четыре и в третьей три. В трех случаях в ямах стояли цисты, сложенные из плиток, горизонтально налегающих одна на другую. Остальные содержали четыреугольные ящики из плит. Однако два из них отличались тем, что имели одну стенку в виде кладки, аналогичной кладкам цист. Покрытия всюду были сделаны из плит. В одном случае плитами выстлано и дно, обычно грунтовое. Все камеры содержали по одному покойнику, положенному «по-андроновски» — скорченно, на левом боку головой на запад-юго-запад (только один имел ориентировку головой на запад). Исключением является первое погребение могилы № 3, где найдены остатки перенесенного со стороны трупосожжения. Интересно отметить, что могила № 2, где состав погребений установлен полностью, содержала только мужские костяки и один детский. Инвентарь также традиционен—в каждой камере по одному сосуду. Лишь в двух погребениях найдены другие

---

[1] Информационный отчет о летней работе 1928 г. научного сотрудника разряда палеоэтнологии ГАИМК Г. П. Сосновского. Архив ИИМК за 1928/1929 г., № 128.

[2] Сосновский Г. П. Древнейшие шерстяные ткани Сибири. ПИДО, 1934, № 2, стр. 92.

[3] Дебец Г. Ф. Расовые типы Минусинского края в эпоху родового строя. Антропологический журнал, 1932, № 2, стр. 40—43; см. его же: Палеоантропология СССР, стр. 70—74.

[4] Киселев С. В. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакассии. Советская этнография, 1935, № 4—5, стр. 206—210.

вещи. В могиле № 1 — костяной наконечник стрелы, кусочки ткани и 45 медных бус; в могиле № 2, погребение III — костяной футляр (м. б. игольник) и костяная долотообразная миниатюрная пластинка. Обращает на себя внимание также находка на площади третьей оградки двух скелетов собаки и отдельных костей овцы, а также установка над западным-юго-западным (головным) краем ящика III могилы № 3 большого камня, напоминавшего кавказские могилы с каменными конусами. В заключение напомним, что рядом с этими ербинскими могилами было открыто погребение переходного «андроновско-карасукского» типа.

Шестой андроновский могильник исследовала В. П. Левашова в 1930 и 1931 гг. около улуса Подкунинского Хакасской автономной области.[1] За два года было раскопано четыре кургана с кольцами из плиток и одно плоское кольцо. Из курганов интересен № 2 (1931 г.), имевший на насыпи три смыкающиеся одна с другой округлые оградки подобно курганам улуса Орак. В трех случаях оказалось по одной погребальной яме и в двух по две (в третьей оградке кургана № 2, 1931 г., нашлись только кости коровы).

Три ямы не имели никаких сооружений. Они были лишь покрыты накатом из бревен или плитами. В двух стояли рубленые по углам срубы. Бревна одного из них были с внутренней стороны стесаны. В одной яме оказалась четыреугольная циста со степками, сложенными из плиток. Наконец, встретилась оригинальная рама из четыреугольных в сечении массивных каменных брусьев.

В трех погребениях находились перенесенные со стороны трупосожжения, в двух — детские одиночные захоронения, в одной — женское с маленьким ребенком и в одной — коллективное, ярусное. В верхнем ярусе один взрослый и в ногах перпендикулярно его оси подросток лет 12. Под ними же на дне еще один взрослый с иной ориентировкой. Положение скелетов здесь иное, чем в других андроновских могильниках. Скорченные лежат на спине, на животе, на правом и на левом боку. Подросток, положенный перпендикулярно оси ориентировки взрослого, лежит вытянуто. Ориентировка головой на запад, северо-восток, восток-юго-восток. Инвентаря почти нет. В двух погребениях найден горшок, в трех — кости коровы.

О седьмом андроновском могильнике, исследованном С. А. Теплоуховым около улуса Окунева на р. Уйбате, сведений, кроме антропологических (по таблицам, опубликованным Г. Ф. Дебецом), нет. В настоящее время мы располагаем работой М. Н. Комаровой, детально описывающей материал и определяющей этот могильник как образец наиболее ранних андроновских памятников, который, так же как и могильники у Абаканской Управы, на «Ярках» и у Абаканской церкви, еще сохраняет много афанасьевских черт.[2]

---

[1] Описание группы курганов андроновской культуры близ улуса Подкунинского. Хранится в Секторе доклассового о-ва Гос. Эрмитажа. См. также: Раскопки андроновской культуры близ улуса Подкунинского Хакасской автономной обл. на левом берегу Енисея 22 июля 1931 г. Архив ИИМК за 1932 г., № 137.

[2] Комарова М. Н. Погребения Окунева Улуса. С. А. IX. 1947, стр. 47—60.

Восьмой андроновский могильник, едва ли не самый древний из всех вышеописанных, удалось исследовать летом 1945 г. силами сотрудников Хакасского научно-исследовательского института и Саяно-Алтайской археологической экспедиции АН СССР.[1]

Могильник расположен на площади перед церковью г. Абакана. Он был обнесен квадратной оградой из каменных плит, врытых на ребро. Внутри ограды оказалось девять погребений, заключенных в каменные ящики. В одном из них обнаружены останки двух мужчин и женщин; в другом — женщина и юноша. В третьем ящике сохранились останки одного взрослого. В трех ящиках лежали женщины с ребенком 3—5 лет, а в трех других встретились останки детей. Из вещей прежде всего обращает на себя внимание каменный наконечник стрелы, найденный в груди одной из женщин. Судя по его положению, выстрел был произведен в спину, под лопатку. Это заставляет и здесь подозревать насильственную смерть женщины.

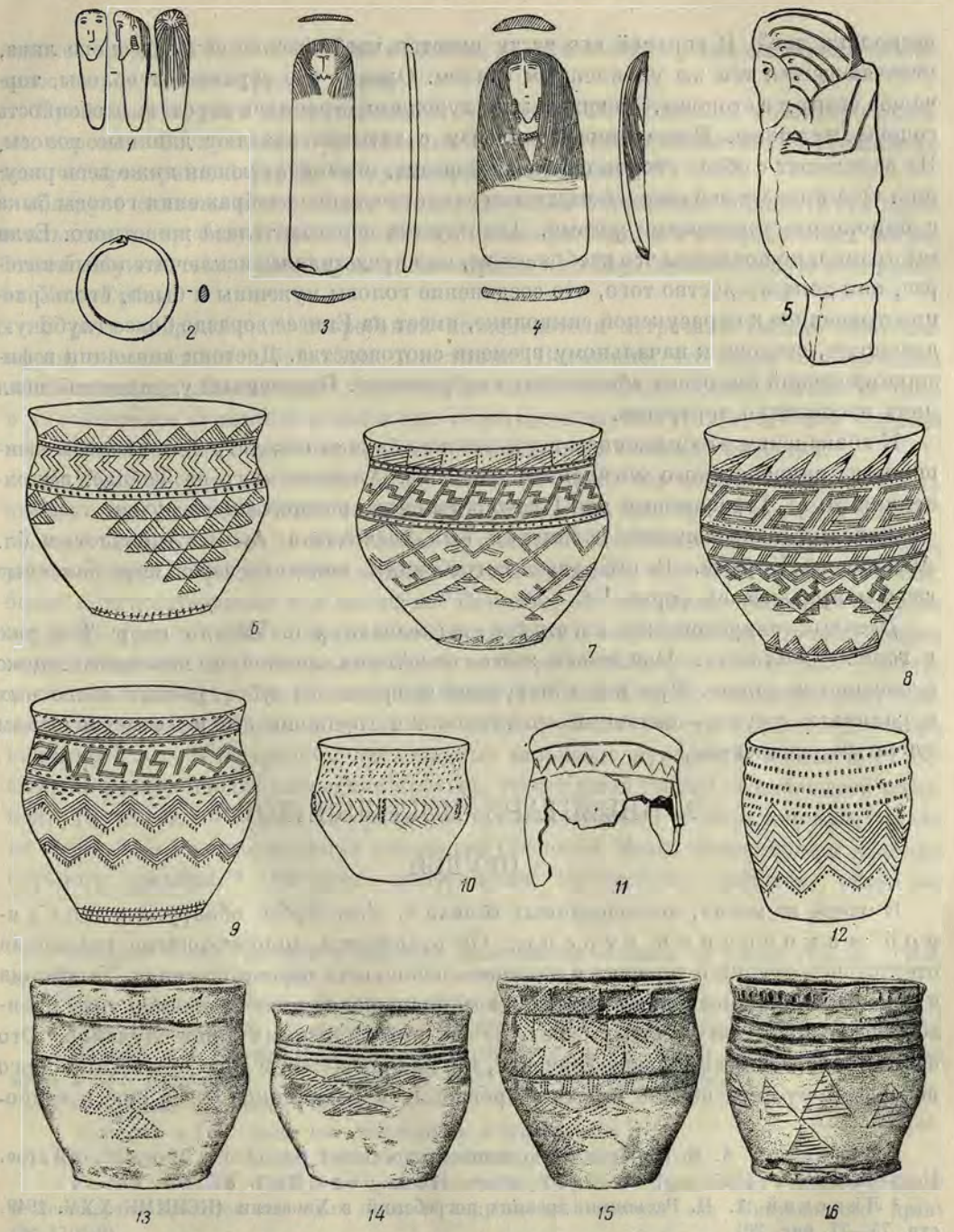
Кроме каменной стрелы в большинстве могил были найдены небольшие баночно-конические сосуды из коричневой глины. Снаружи они покрыты узором — чаще всего горизонтальными рядами подчетыреугольных вдавлений. Подобные сосуды С. А. Теплоухов вполне обоснованно считал древнейшими из андроновских, еще сохранявшими афанасьевские особенности (они покрыты орнаментом сплошь, от яйцевидных их отличает лишь уплощенность дна). В других андроновских могильниках такие сосуды только сопровождают характерно андроновскую горшковидную посуду. В Абаканском могильнике они господствуют. В этом нельзя не видеть указания на его больший архаизм. Из украшений в Абаканском могильнике встретились бронзовые спиральные височные кольца и бусы из синего камня и светлой пасты.

Особый интерес представляют найденные в погребении № 4 две костяные пластинки (табл. VIII, рис. 3 и 4). На одной из них с большим мастерством тонким резцом выгравировано женское лицо, обрамленное длинными, расчесанными на прямой пробор волнистыми волосами. На шее видно ожерелье, и от ушей спускаются украшения из низок бус. По совершенству рисунка и качеству гравировки это изображение стоит впереди многих произведений искусства бронзового века Сибири. Оно гораздо совершеннее одновременных глазковских фигурок людей из таежной зоны.[2] В нем можно видеть прямого предшественника реалистических человеческих личин некоторых карасукских стел.[3] Рисунок на второй пластинке

[1] Раскопки производили: Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев, В. П. Левашова и А. Н. Липский. Находки хранятся в Хакасском областном музее в г. Абакане.

[2] Окладников А. П. Неолитические находки в низовьях Ангары. ВДИ, 1939, № 4, стр. 181 и сл. и таблица на вклейке.

[3] Грязнов М. и Шнейдер Е. Древние изваяния минусинских степей. Материалы по этнографии, 1929, т. IV, вып. 2, стр. 64, рис. 1; Киселев С. В. Значение техники некоторых енисейских писаниц. Труды Секции археологии РАНИОН, 1930, вып. V, табл. VII, рис. 4. Найденные в Абаканском могильнике изображения андроновцев не единичны — см. случайную находку, изображенную на табл. VIII, рис. 1, и стелы, хранящиеся в Эрмитаже (табл. VIII, рис. 5) и в Минусинском музее (Грязнов М. и Шнейдер Е., ук. соч., табл. VI, рис. 49). Все они имеют одинаковую прическу и сходную трактовку лица.



Андроновские изваяния из камня (рис. 1, 5). Находки в андроновских могилах в г. Абакане (рис. 3, 4), ок. улуса Орак (рис. 2, 6—10, 12), ок с. Усть-Ерба (рис. 13—16) и в раннекарасукском погребении у с. Усть-Ерба (рис. 11) в Хакассии.

несколько иной. В верхней его части имеется изображение человеческого лица, отличающегося тем же удлиненным овалом. Однако его обрамляют волосы, торчащие вверх и в стороны. Очевидно, этим художник стремился передать особенность головы мужчины. Ниже лица по плечам с затылка спадают длинные волосы. Их пересекает с обеих сторон глубокая борозда, ограничивающая ниже весь рисунок. Она придает его нижней части вид схематического изображения головы быка с широко расставленными рогами. Два кружка передают глаза животного. Если мы правильно понимаем это изображение, оно представляет исключительный интерес, как доказательство того, что соединение головы мужчины и быка, столь распространенное в карасукской символике, имеет на Енисее гораздо более глубокую древность, восходя к начальному времени скотоводства. Достоин внимания и физиономический тип обоих абаканских изображений. Отмеченный удлиненный овал лица несомненно портретен.

К абаканским изображениям поразительно близка реконструкция головы женщины из андроновского могильника близ пос. Алексеевского на Тоболе, выполненная М. М. Герасимовым для Государственного исторического музея.

Девятый андроновский могильник был исследован А. В. Адриановым бл. Абаканской Управы. В его двух погребениях найдены небольшие баночные сосуды архаической формы.[1]

Десятый андроновский могильник исследован у с. Усчуль на р. Тёе уже в горной местности. Найденная здесь покойница лежала в каменном ящике скорченно на спине. При ней обнаружено ожерелье из зубов разных животных и глиняные сосуды — баночный архаический и горшковидный с геометрическим зубчатым орнаментом.[2]

2. ИНВЕНТАРЬ МОГИЛЬНИКОВ

ОРУДИЯ

В одной из могил, исследованных вблизи с. Усть-Ербы, обнаружен костяной наконечник стрелы. Он отличается миниатюрными размерами отсутствием втулки и черешка и наличием небольших отростков снизу. Его форма и отростки снизу позволяют видеть в нем подражание в кости одному типу бронзовых массивных втульчатых стрел, до сих пор найденных лишь случайно.[3] Это обстоятельство имеет большое значение, так как позволяет и для Саяно-Алтайского нагорья допустить начало выделки бронзовых наконечников стрел еще в андро-

---

[1] Адрианов А. В. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск, 1902—1924, стр. 68—72. Сосуды см. Комарова М. Н. Ук. соч. Рис. 5.

[2] Липский А. Н. Раскопки древних погребений в Хакассии (КСИИМК XXV. 1949, стр. 75—77, рис. 26)

[3] Киселев С. В., Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакассии. Советская этнография, 1935, № 4—5, стр. 207, рис. 1.

новское время. В более западных областях андроновские бронзовые стрелы также известны, но имеют другую форму.[1]

Бронзовые орудия представлены в собранном погребальном инвентаре более чем скромно. Заслуживают упоминания бронзовое шило обычной для бронзового века четырехгранной формы [2] и бронзовая кованая игла.[3]

Следует сказать и о находке в андроновском погребении вблизи Усть-Ербы игольника из трубчатой кости; такие игольники находили и в карасукских погребениях. Нужно также упомянуть миниатюрную костяную долотовидную пластинку из Усть-Ербы.

В ряде андроновских погребений исследователи встречали сильно окислившиеся, рассыпавшиеся бронзовые пластинки. Возможно, что среди них остались неопознанными пластинчатые листовидные кинжалы «андроновско-срубного» типа с характерным сужением клинка при переходе к черешку). До сих пор в целом виде они найдены в андроновских погребениях лишь к западу от Алтая.[4]

В Минусинской котловине пока известны лишь случайные находки таких кинжалов у с. Светлолобовой на верхнем Чулыме,[5] у с. Каратуз на Верхнем Амыле,[6] около с. Сон и на горе Изых.[7] На р. Узунжул найден более массивный кинжал, уже имеющий посредине клинка ребро и отличающийся черешком в виде стержня, более приспособленным для насадки.[8] Впрочем, он, вероятно, относится к более позднему времени в Минусинской котловине, уже к карасукскому. За это говорит находка аналогичного кинжала в одном из погребений Старшего Томского могильника, относящемся к позднеандроновскому, т. е. для Енисея к карасукскому времени. Ко времени, близкому к карасукскому, очевидно, следует отнести случайно найденный под Минусинском листовидный кинжал с рукояткой в виде двух несколько расходящихся посредине прутьев, увенчанный сверху гвоздевидной кнопкой.[9] Несмотря на небольшие размеры и плохое литье, в этом кинжале нельзя не видеть прямого подражания кинжалам Сосновой Мазы, относящимся к концу срубного времени.[10] Очевидно, минусинский кинжальчик является такой же

---

[1] Находка О. А. Граковой в землянке Алексеевской стоянки на Тоболе (Труды ГИМ, вып. XVII, стр. 108, рис. 33).

[2] Орак I, могила № 13, хранится в МАЭ, № 3343-8.

[3] Орак I, могила № 30, хранится в ИИМК.

[4] Находки в М. Койтасе Семипалатинской обл. (Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Зап. Казакстане. Сб. «Казаки», Л., 1927, стр. 209, рис. 25, фиг. 1.)

[5] Коллекция Лопатина, № 88.

[6] Хранится в Гос. музее им. Мартьянова в Минусинске.

[7] Теплоухов С. А. Древние погребения... и т. д., стр. 90.

[8] Радлов В. В. Сибирские древности, табл. X, рис. 7. Кроме того, в МАЭ АН СССР в Ленинграде хранится еще один плоский андроновский кинжал «из Минусинского края» (№ 1705-9).

[9] Хранится в Минусинском музее.

[10] ИАК, 1909, вып. 29, стр. 65 и сл.

разновидностью сосново-мазинских на далеком востоке, какой на севере следует считать сейминские и галические.[1]

С. А. Теплоухов [2] и М. П. Грязнов [3] к находкам андроновского времени причисляют и вещи сейминского типа — кельты с пояском и ромбами и копья с вильчатым стержнем. Последние, впрочем, в Минусинском крае не найдены. Что же касается кельтов, то единственный экземпляр из Минусинского края (найден у с. Бейского), может быть, осторожнее будет относить ко времени карасукских памятников. Дело в том, что местные формы кельтов, наиболее близкие к сейминскому, относятся по времени к карасук-тагарскому периоду. Верхне-метляевский клад подтверждает это относительно кельтов так называемого «красноярского типа», встреченных там вместе с тагарскими вещами (см. ниже). Особенно ярко то же подчеркнуто на половинке литейной формы из Томского университета, изданной Тальгреном[4] и мною.[5] На ней наиболее близкая сибирская разновидность сейминского кельта и типично сейминское вильчатое копье вырезаны вместе с ножом со всеми особенностями, принадлежащими уже к карасук-тагарской серии. Когда придется решать вопрос об андроновско-карасукских связях, будет случай убедиться в закономерности этого явления. То, что может принадлежать к андроновской серии Западного Казахстана, нельзя безоговорочно связывать с более древними андроновскими памятниками Саяно-Алтая.

УКРАШЕНИЯ

Набор андроновских украшений главным образом составляют бусы и височные кольца. Особенно часто встречаются бронзовые бусы, слегка боченковидные или гладкие, но всегда сделанные из пластинки, согнутой в колечко таким образом, что концы ее или сомкнуты или заходят одна на другую. Бус, отлитых в форме целиком, не встречено.[6] Гнутые бусы являются наиболее архаичными и обычно встречаются в ранних погребениях бронзового века.

---

[1] Городцов В. А. Культуры бронзовой эпохи средней России. Отчет ГИМ за 1941 г., стр. 203, рис. 49 и 50; его же. Галические клад и стоянка. Труды Секции археологии РАНИОН, вып. III, стр. 13 и сл.

[2] Теплоухов С. А. Древнейшие погребения... и т. д., стр. 90.

[3] Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Зап. Казакстане, стр. 212, 213 и 214; его же: Древняя бронза Минусинских степей. Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, том I, Л., 1941, стр. 237 и сл., табл. I и II.

[4] Suomen Museo. XXII, 1915, Kuv. 19.

[5] Киселев С. В. Литейная форма из Сибири. Труды Секции археологии РАНИОН, вып. III.

[6] Бусы найдены: боченковидные — Усть-Ерба, 45 экз; ул. Орак I, мог. № 1, мог. № 32, скелет I; гладкие—ул. Орак I, мог. № 4 (около 30 экз.), мог. № 5, мог. № 30 (на левой и правой ногах), мог. № 32, скелет I (на правой ноге).

В Сибири они продержались и до более позднего времени. Однако и в позднеандроновских погребениях Западной Сибири [1] и в карасукских погребениях Саяно-Алтая[2] они сопровождаются боченковидными бусинами, уже отлитыми целиком.

Кроме бронзовых, в одной из могил у с. Андроновой были обнаружены бусы из красноватой пасты.[3] Это наиболее древние из всех известных в Сибири пастовых бус. Аналогичные им найдены на востоке в Глазковском могильнике (в Иркутске), представляющем первую стадию бронзового века Прибайкалья. Пастовые бусы лишь позднее получают широкое распространение. Они в значительном количестве найдены в карасукских погребениях саяно-алтайских степей,[4] а также в позднеандроновских могилах Западной Сибири.[5]

Вопрос о том, можно ли связывать эти пастовые бусы с широко распространенными в конце бронзового века пастовыми украшениями Кавказа, техника изготовления которых, очевидно, была заимствована из стран классического Востока, пока остается нерешенным.

Характерной формой отличаются серьги, находимые как в мужских, так и в женских андроновских погребениях.[6] Сделаны они из серебряного или бронзового прута, один, более тонкий, конец которого заострен. Другой конец, наоборот, расплющен и свернут в коническую трубку. Ее полость служит приемником для острия, когда серьга «заперта» (табл. VIII, рис. 2). Подобные серьги найдены и в приалтайских андроновских погребениях, например в Мало-Койтасском могильнике близ Семипалатинска.[7] Близки к ним и серьги, найденные в тех могилах Старшего Томского могильника, которые содержат и позднеандроновские и карасукские вещи. Однако там же найдены и другие серьги. По ним видно, что постепенно утрачивалась самая идея приемника. Коническую втулку заменила гвоздевидная шляпка — серьга представляет собой простую, согнутую в кольцо гвоздевидную булавку, по типу близкую к тагарской.[8] Такие серьги, согнутые из бронзовых гвоздей с округлой шляпкой, встречены также в карасукских погребениях приалтайских степей.[9] Серьги с раструбом находятся и в западно-андроновских могилах. Они обнаружены Б. Н. Граковым при детском погребении Кожумбердынского могильника, где использовались как браслеты;[10] найдены они также

---

[1] Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Зап. Казахстане, стр. 205.

[2] См. след. главу.

[3] Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае, стр. 80.

[4] О карасукских см. ниже.

[5] Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Зап. Казахстане, стр. 210.

[6] «Ярки», раскопки 1913 г.; Орак I, могилы № 5, 10, 30, 32, 34.

[7] Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи... и т. д., стр. 209, рис. 25, 7.

[8] Коллекция из раскопок А. В. Адрианова, хранится в ГИМ.

[9] С. Красный Яр, раскопки С. М. Сергеева 1930 г., кург. № 2, погр. I. Хранится в Гос. Эрмитаже, колл. 251.

[10] Труды ГИМ, вып. XVII, стр. 165, рис. 73.

М. П. Грязновым на р. Урале [1] и О. А. Граковой и В. В. Соколовым в Алексеевском могильнике.[2] Сравнение серег, найденных Г. П. Сосновским на Енисее в андроновских погребениях вблизи улуса Орак, с малокойтасскими и особенно алексеевскими обнаруживает больший примитивизм изготовления оракских.

ОДЕЖДА

Одежда сохранилась в андроновских погребениях более чем фрагментарно.

Еще при раскопках Андроновского могильника А. Я. Тугариновым в 1914 г. были найдены остатки шапочки с наушниками и оторочка рукава (?). Материалом для изготовления служила толстая шерстяная нитка.[3] Как шапочка, так и оторочка состояли из отдельных плетеных тесмяных полосок. Однако тесмяные полоски шапочки были сплетены так, что при свертывании в окружность давали коническую поверхность. Отдельные тесмяные кружки были сшиты между собой и образовывали коническую шапочку. Наушник был также сплетен, причем концы нитей были связаны внизу пучком.

В 1928 г. остатки древних шерстяных изделий обнаружил Г. П. Сосновский в могилах №№ 32, 35 и 37 андроновского могильника вблизи улуса Орак.

В могиле № 32 кусок плетеной тесьмы был найден у ног одного из костяков. Он интересен тем, что сохранил окраску грубой шерстяной пряжи краппом и первоначально имел яркокрасный цвет или красный с фиолетовым оттенком. Краппом добывался из корней марены *Rubia tinctorum*. В могиле № 35/2 оказалось несколько обрывков шерстяной ткани от одежды. Они уцелели на шее, на левом плече и у пяток костяка. Ткань сделана способом басонного плетения при помощи челноков. Нитка не крученая. Выпрядена из шерсти тонкорунной овцы или из пуха грубошерстной. Так же как и в могиле № 32, пряжа и здесь окрашена краппом.

В могиле № 37 Г. П. Сосновский нашел остатки шапочки. Образующая ее полоска связана крючком из крученой шерстяной нитки способом тамбурного вязания или «в рубчик полустолбиком». При этом работа велась так, что рубчики идут под углом один к другому, образуя елочный узор. Этим шапочка из Орака весьма напоминает андроновскую. Близость их подчеркивает и аналогичное вязание на конус.

Кроме остатков шерстяных изделий, в андроновских могилах Орака были найдены обрывки кожи от обуви и шапочек. Г. П. Сосновский в специальной

---

[1] Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи... и т. д., стр. 205, рис. 24, 3.

[2] Из раскопок Соколова: ESA, IV, стр. 119, рис. 9. Из раскопок Граковой: труды ГИМ, вып. XVII, рис. 37.

[3] Тугаринов А. Я. Андроновские могилы. Сибирская живая старина, 1926, № 1, стр. 158.

статье, посвященной остаткам андроновской одежды, находит возможным следующим образом ее реконструировать: «На голове мужчины и женщины носили шерстяные и кожаные шапочки. Верхняя одежда их, как показывают находки в могильниках около д. Андроновой и улуса Орак, состояла также из шерстяных тканей и была, по всей вероятности, двухбортная или имела разрез в верхней части (застегивалась на одну пуговицу с левой стороны). На ногах носилась кожаная обувь».[1]

Находки шерстяных тканей имеют значение не только как свидетельство реконструкции ткачества и вязания. Весьма важно, что в андроновское время разводились две породы овец — грубошерстная и тонкорунная. Очевидно, скотоводство продолжало развиваться. Поэтому андроновцы вполне могли иметь от стада «не только молоко, молочные продукты и мясо..., но также шкуры, шерсть, козий пух и все возраставшее с увеличением массы сырья количество пряжи и тканей. Это впервые сделало возможным регулярный обмен».[2] Замечательно, что первые плоды обмена мы действительно можем проследить именно в это время в единстве форм керамики и бронзовых изделий.

ПОСУДА

Судя по находкам на среднем Енисее, посуда в андроновское время была разнообразна. Так, в одной из могил у с. Андроновой была найдена деревянная резная ложка.[3] В погребении, обнаруженном в 1926 г. на Ярках около с. Батеней, оказалось кольцо от берестяного туяса.[4] Однако основную группу и здесь составляют глиняные горшки.

Изготовлены они обычно ленточным способом из коричневатой после обжига глины, содержащей значительную примесь песка. Внутри стенки их иногда выглажены травой или зубчаткой и имеют ту специфическую бороздчатую поверхность, которая столь характерна для более древней афанасьевской керамики. Снаружи стенки тщательно выглажены и часто даже отполированы лощилом. Кроме того, подавляющее большинство сосудов снаружи орнаментировано с помощью зубчатого и других видов чекана.

Вся серия андроновских сосудов Енисея может быть разделена по форме на две группы: баночные и горшковидные. По количеству сосудов обе группы почти одинаковы (горшковидных 55% и баночных 45%).

---

[1] Сосновский Г. П. Древнейшие шерстяные ткани Сибири. ПИДО, 1934, № 2, стр. 95—96.

[2] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Госполитиздат, 1947, стр. 180.

[3] Тугаринов А. Я. Андроновские могилы. Сибирская живая старина, 1926, № 1.

[4] Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии, 1927, т. III, в. 2, стр. 77.

Еще в 1927 г. С. А. Теплоухов отметил связь между баночными андроновскими сосудами и яйцевидными афанасьевскими.[1]

Действительно, их форма представляет собой как бы дальнейшее развитие афанасьевских яйцевидных. Главное отличие заключается лишь в том, что исчезает остродонность, заменяющаяся плоским или уплощенным дном. Впрочем, эта замена началась еще в афанасьевское время, когда появились первые плоскодонные горшки.[2] Особенно интересен в этом отношении яйцевидный сосуд, найденный в афанасьевском кургане около с. Курота на Алтае. Еще не вполне уплощенное дно его является как бы первым шагом к развитию плоскодонной баночной формы. Переход от афанасьевской к андроновской керамике обнаруживают и другие находки в курганах Куроты; укажу, например, на обломок сосуда с геометрическим узором, близким к андроновскому, из кургана № 1.

Это же подтверждает и орнаментация баночных андроновских горшков. Из известных мне из Минусинской котловины 24 орнаментированных 9 украшены совершенно в афанасьевском стиле горизонтальными полосами елочек. У большинства сосудов елочки покрывают стенки сверху донизу.[3] Украшения других 9 сосудов представляют собой ближайший вариант горизонтального елочного орнамента, где елочные полосы из горизонтальных превратились в вертикальные (табл. VIII, рис. 12).[4] От афанасьевской орнаментики сохранилось также украшение двух андроновских баночных сосудов горизонтальными рядами наклонных вдавлений зубчатого чекана.[5] Наконец, и орнаментация округлыми ямками, встреченная на трех баночных андроновских сосудах, также находит себе аналогию в афанасьевских.[6] При этом зависимость от афанасьевских прототипов подчеркивается еще двумя особенностями. У двух андроновских баночных сосудов, украшенных ямками, вдоль бортика имеется ряд выпуклостей, выдавленных изнутри. То же и у аналогичных афанасьевских. Кроме того, и те и другие отличаются тем, что, несмотря на сильную уплощенность дна, имеют узор по всей его плоскости. Очевидно, они сохраняют орнаментацию дна по традиции украшения острого дна яйцевидных сосудов.[7]

---

[1] Теплоухов С. А. Древние погребения... и т. д., стр. 83.

[2] Там же, стр. 74, рис. 7 и 8.

[3] Новоселово — 3 экз. (Теплоухов С. А. Древние погребения... и т. д., табл. VII, *6* и *7*, и табл. IX, *3*), Батени — 1 экз. (там же, табл. IX, *8*) и Орак I, погреб. №№ 12, 24, 32, 36 и 39.

[4] Новоселово — 2 экз. (Теплоухов С. А. Древние погребения... и т. д., VII, *4* и *8*), Батени — 2 экз. (там же, табл. VII, *3* и *5*) и Орак I, погреб. №№ 1, 12, 22 и 35 (2 экз.).

[5] Батени — 1 экз. (Теплоухов С. А. Древние погребения, табл. VII, *2*) и Орак I, погреб. № 10.

[6] Батени (Ярки) — 2 экз. (Теплоухов С. А. Древние погребения, табл. VII, 1, и табл. IX, 1) и Орак I, погреб. № 31.

[7] В этом отношении наблюдается полное сходство с превращением керамики ямной в катакомбную и полтавкинской в срубную (Гракова О. А. Генетическая связь ямной и катакомбной культуры. Труды ГИМ, вып. VIII, стр. 33).

Вместе с тем узоры андроновских баночных сосудов имеют и типично андроновскую орнаментацию. Это — расположенные вдоль бортика заштрихованные треугольники, часто отграниченные снизу горизонтальными резными линиями,[1] треугольные фестоны, заполненные штрихами или ямками,[2] и горизонтальные желобки, покрывающие верхнюю часть сосуда.[3] Все эти украшения особенно часто встречаются в орнаментике *горшковидных* андроновских сосудов.

Горшковидные сосуды, столь характерные для андроновских погребений Минусинской котловины и Алтая, отличаются более или менее расширенными, но всегда округлыми боками, переходящими без резкого перелома в широкий, слегка отогнутый венчик. Соотношение их высоты и ширины различно; высокие и узкие столь же часты, как и широкие, приземистые. Внимательное изучение их профилей не позволяет видеть в них какую-то совершенно новую форму, возникшую неожиданно, вне зависимости от предшествующего развития глиняной посуды на Саяно-Алтайском нагорье.

Выше уже отмечалось, что между афанасьевской посудой с Енисея и Алтая существует единственное различие — алтайские яйцевидные сосуды имеют довольно высокий венчик. Благодаря этому уплощение дна сразу же превращает их в подобие горшковидных. И действительно, сравнение уже упомянутого сосуда с уплощенным дном из афанасьевского кургана вблизи Куроты на Алтае с высокими и узкими горшковидными сосудами из андроновских погребений позволяет установить связь между ними. Является ли при этом не случайным наличие елочного орнамента афанасьевского типа преимущественно на высоких горшковидных андроновских сосудах,— это должны показать дальнейшие находки. Если такая неслучайность будет устаповлена, она также подтвердит связь между афанасьевскими яйцевидными сосудами в их алтайском варианте и андроновскими высокими горшковидными, на которых так част елочный орнамент.[4]

Орнаментация горшковидных андроновских сосудов связывается с предшествующей афанасьевского времени только елочными мотивами. В остальном она глубоко своеобразна. Ее отличает зональность расположения разнообразных узоров. При этом место того или иного узора в зонах обычно одно и то же. В этом можно видеть и шаг вперед и сразу же возникающую, столь обычную для первобытного искусства традиционность. Самые формы узоров сложны, и далеко не все представляют собой простой элемент украшения. Геометрические и особенно меандровые узоры, вполне вероятно, осознавались и в своей условной символичности.

Орнаментика горшковидных андроновских сосудов Минусинской котловины может быть описана в следующих комплексах узоров (табл. VIII, рис. 6—16).

---

[1] Орак I, погреб. № 1.

[2] Орак I, погреб. № 28.

[3] Орак I, погреб. №№ 24, 1, 35, 1.

[4] Новоселово — 1 экз. (Теплоухов С. А. Древние погребения... и т. д., табл. VII, *10*), Орак I, погреб. №№ 38 и 39.

А. Наклонные и елочные вдавления зубчатого чекана. Из известных мне экземпляров семь особенно просты. Дополнением к елочке служат только горизонтальные чеканные или резные линии, подчеркивающие зональность.[1] Один сосуд, кроме того, имеет на перегибе налепы в виде вертикальных валиков с поперечной нарезкой.[2] У другого на днище по краю идет ряд наклонных вдавлений.[3] Украшение остальных четырех сосудов этой группы осложнено наличием вдоль бортика ряда заштрихованных прямых или косых треугольников.[4] Елочный орнамент одного из них заканчивается треугольными фестонами; прямые треугольники украшают и основание его стенок.[5] Другой горшок по плечам покрыт шестью желобками и на днище украшен кругом елочек.[6] Уже у этих сосудов проявляется типичное для андроновской керамики зональное расположение узоров — на венчике, на плечах, на туловище и у дна. Особенно ярко это подчеркнуто у последнего сосуда этой группы.[7] Елочки у него очень скромны и помещены только ниже плеч. Над ними по плечам имеются два ряда косых треугольников, расположенных так, что фон между ними образует схему ели. Вдоль бортика и у дна прямые заштрихованные треугольники.

Б. В этой группе основным мотивом являются горизонтальные зигзаги лент, составленных из трех или четырех резных линий.[8] Зональность расположения узора проявляется и здесь. Так, один из сосудов этой группы имеет две зоны зигзагов: нижнюю по тулову и верхнюю по плечам, отграниченную и снизу резной лесенкой. Кроме того, вдоль бортика помещены косые, а у дна прямые заштрихованные треугольники.[9] Два других сосуда отличаются тем, что на плечах у них нанесены обращенные друг к другу вершинами косые и прямые треугольники. При этом они расположены так, что незаштрихованное поле между ними образует зигзаг.[10] Наконец, последний вариант этой группы отличается наличием на плечах сложного меандрового узора.[11]

В. Третью группу горизонтального орнамента андроновских сосудов отличает украшение тулова фестонами, составленными из заштрихованных треугольников.

---

[1] Батени (Теплоухов С. А. Древние погребения, табл. VII, *9*), Орак I, мог., №№ 19, 29, 38 и 39, Новоселово — 2 экз. (Теплоухов С. А., там же, табл. VII, *10* и табл. IX, *6*).

[2] Орак I, мог. № 29.

[3] Батени (Теплоухов С. А. Древние погребения, табл. VII, *9*).

[4] Анаш и Ярки (Теплоухов С. А. Древние погребения, табл. VII, *16* и табл. IX, *7*), Орак I, мог. № 1 и № 34.

[5] Орак I, мог. № 34, погреб II.

[6] Анаш (Теплоухов С. А. Древние погребения, табл. VII, *16*).

[7] Новоселово (Теплоухов С. А. Древние погребения, табл. VII, *11*).

[8] Орак I, мог. № 5.

[9] Орак I, мог. № 21.

[10] Орак I, мог. № 15 и Знаменка (Теплоухов С. А. Древние погребения, табл. VII, *15*).

[11] Орак I, мог. № 38, погр. II.

Наиболее простые по плечам украшены различными линиями или желобками, а вдоль бортика — прямыми или косыми треугольниками.[1] Другие сосуды этой группы украшены треугольниками и по плечам.[2] Третьи имеют наиболее пышную орнаментацию благодаря нанесению по плечам простого меандрового[3] и сложного узора.[4]

Г. Четвертая группа украшений горшковидных андроновских сосудов характеризуется наличием меандровых узоров не только на плечах, но и на тулове. В одном случае нижний горизонтальный пояс ритмически повторил верхний ряд.[5] Во всех других случаях сложное сплетение меандрового узора образовало треугольные фестоны, спускающиеся от плечей вниз.[6] У наиболее пышно украшенных сосудов эти фестоны обрамлены еще заштрихованными треугольниками, образующими зигзагообразную гирлянду. Сложность рисунка и точность его распределения у таких сосудов поразительны и могут быть сравнены с самыми сложными узорами среднеазиатских ковров.[7]

Эта пышно украшенная «ковровыми» узорами посуда несомненно представляет собой новое, специфически андроновское явление. Однако пережитки старых традиций обнаруживаются и здесь. Выше уже отмечалась возможность происхождения горшковидной формы андроновского сосуда от афанасьевской яйцевидной, особенно от алтайского варианта. О том же говорит и распределение узоров на горшковидных андроновских сосудах. На них встречается, правда, гораздо реже, чем на баночных, архаическое украшение плоскости дна рисунком.[8]

Однако в основном эта новая андроновская орнаментика глубоко своеобразна. Она более развита в отношении композиции. Афанасьевская орнаментация основана на принципе простого ритмического повторения одного мотива — елочки, ямки или наклонной линии. Дополнения очень редки. Лишь на позднейших афанасьевских горшках появляется фигурный узор. Характерно, что его форма геометрична, треугольна и этим предвосхищает позднейшую андроновскую. Андроновская орнаментика, в свою очередь, не отказывается от старого принципа ритмического повторения одного мотива. Однако наряду с ним широко применяется теперь фигурный узор, геометрический и меандровый. Разнообразие узоров ставит новые, гораздо более сложные композиционные задачи. В связи с этим, очевидно,

---

[1] Орак I, мог. № 12 и № 40. Усть-Ерба, мог. № 2, погр. III, мог. № 3, погр. III (Киселев С. В. Андроновские памятники у с. Усть-Ерба в Хакассии. Советская этнография, 1935, № 4—5, рис. 4—6).

[2] Андроново (Теплоухов С. А. Древние погребения, табл. VII, *14*), Усть-Ерба, мог. № 2, погр. 1, погр. II (Киселев С. В. Андроновские памятники у с. Усть-Ерба. Советская этнография, 1935, № 4—5, рис. 2—3).

[3] Орак I, мог. №№ 1, 2, 29.

[4] Орак I, мог. № 9 и Батени (Теплоухов С. А. Древние погребения, табл. VII, *12*).

[5] Орак I, мог. № 15.

[6] Орак I, мог. № 14.

[7] Орак I, мог. №№ 5, 16, 32 и 37.

[8] Орак I, мог. № 5.

вводится и принцип зонального распределения различных узоров, позволяющий при помощи еще весьма примитивных приемов решать вопросы усложнившейся композиции. Орнаментация андроновской посуды настолько далеко ушла от афанасьевской, что не может быть объяснена одними внутренними законами развития и усложнения узоров и композиций. Геометрический и особенно меандровый узор указывает на новый уровень представлений и интересов, занимающих «андроновцев». Древнейшая простая ритмичность орнаментального искусства осложняется теперь введением тематических фигур. Их особый смысл, символическое значение подчеркивается их особой сложностью. Среди искусствоведов распространено мнение о связи геометрического и меандрового орнамента с кругом представлений и символикой солнечного культа земледельческих племен. Этнографические примеры не позволяют считать это общеобязательным. Археологические материалы также предостерегают от некритического использования данного наблюдения. Однако в отношении андроновской орнаментики можно присоединиться к такому объяснению ее геометричности. Ниже мы еще увидим доказательства значительной роли земледелия у племен, оставивших андроновские памятники.

Нельзя также пройти мимо изменений в форме андроновской посуды. Андроновские сосуды все плоскодонны, вне зависимости от того, найдены ли они в могилах или на древних поселениях, имеют ли они баночную или горшковидную форму. Это заставляет предполагать изменения в использовании посуды. Форма и размеры андроновских горшков позволяют видеть в них прежде всего посуду для изготовления и принятия пищи. Находка ложки указывает на усовершенствование приемов извлечения кушанья из горшка, но это не могло особенно резко отразиться на его форме. Очевидно, изменение формы и, прежде всего, плоскодонность андроновской посуды зависели от изменения способа нагрева горшка. Последний уже *не висел* над огнем, зажатый между камнями очага, подобно своим круглодонным предшественникам,— он *стоял*. Стоял ли он на плоском полу усовершенствованного очага или на поду печи — пока сказать нельзя из-за отсутствия достаточных раскопочных данных. Однако в обоих случаях такое усовершенствование очага может быть поставлено в связь только с усилением оседлости. А способствовать усилению оседлости в данных условиях мог прежде всего рост значения андроновского земледелия.

3. ДАННЫЕ ОБ АНДРОНОВСКИХ СТОЯНКАХ В МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЕ

Число андроновских стоянок, открытых на среднем Енисее, пока весьма невелико. При этом большинство из них разрушено повторными движениями дюнных холмов, на которых они обычно расположены. От них остались лишь скопления черепков андроновской посуды. Такие скопления андроновской керамики были обнаружены на выдувах дюнных холмов в окрестностях с. Тесинского, на р. Тубе,

около с. М. Минусы, на Тагарском острове вблизи Минусинска, у с. Знаменки и в районе хребта Изых на Абакане.[1]

Не нарушенные выдувами культурные слои андроновских стоянок были исследованы только в двух пунктах — у с. Батени и близ с. Анаш на Енисее. Там были найдены типично андроновские обломки сосудов «вместе с кремневым скребком и каменной теркой».[2] Больше никаких деталей не известно.

4. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИБИРИ АНДРОНОВСКОЙ ЭПОХИ

Соседние с Минусинской котловиной восточные и северные области Сибири дают пока весьма суммарный материал.

Для Прибайкалья это, прежде всего, памятники типа Глазковского могильника.[3] Как говорилось выше, их инвентарь и обрядовость мало чем отличались от китойских. Едва ли можно предполагать какие-либо существенные отличия и в быте оставившего их населения по сравнению с охотничье-рыболовческим китойской эпохи. То же можно сказать и о Красноярском районе к северу от Манско-Чулымской горно-таежной полосы. Судя по раскопкам В. Г. Карцова на стоянке в устье речки Собакиной, кости домашних животных — овцы и свиньи — попадаются лишь в слое, непосредственно подстилающем тагарский и относящемся если не к ранней стадии тагарской культуры, то во всяком случае ко времени не древнее карасукских памятников Минусинского края.[4]

Таким образом, восток и север и в андроновское время населяются теми же охотничье-скотоводческими группами, из которых в наиболее благоприятных районах выделяются скотоводы.

Другую картину рисуют материалы из бассейна верхней Оби, с Алтая, из семипалатинских степей и Центрального Казахстана. Еще в 1927 г., когда впервые были выделены андроновские памятники Минусинского края, было указано, что ближайшую аналогию к ним представляют памятники именно этих областей, в частности исследованные Каменским в урочище Малый Койтас на р. Кызыл-Су (в 80 км от Семипалатинска по дороге на Усть-Каменогорск и в 25 км от ст. Убинской), в местности Кара-Узяк (в 16 км от Усть-Каменогорска) и около Кокпектов-

---

[1] Теплоухов С. А. Древние погребения..., стр. 81 и 83.

[2] Теплоухов С. А. Древние погребения... стр. 83.

[3] Овчинников М. Материалы для изучения памятников древности в окрестностях Иркутска (Изв. ВСОРГО, т. XXXV, № 3); Бортвин Н. Из области древней сибирской керамики. Записки Отд. русск. и славянск. археологии Русск. арх. о-ва, 1915, т. XI, стр. 183; Окладников А. П., Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. ВДИ, 1938, № 1, стр. 154—158, рис. 9.

[4] Карцов В. Г. Отчет о раскопках стоянки у устья р. Собакиной. Архив ИИМК за 1939 г. № 129.

близ Караджана (в 25 км от ст. Убинской).[1] Тогда же было указано на находки отдельных андроновских сосудов и их обломков «из Алтайской области по учету В. В. Радлова и по сборам М. П. Грязнова в 1925 г.», а также по известной коллекции Белослюдовых. Фрагмент небольшого андроновского сосуда оказался найденным в это же время в полуразрушенной могиле у оз. Сары-Булак (хребет Чингиз).[2] М. П. Грязнов позднее упомянул о своих находках в андроновских могилах у с. Клепиковой Учпристанского района (возле Оби между Барнаулом и Бийском).[3] Наконец, в 1929 и 1930 гг. экспедициями под руководством С. М. Сергеева андроновские погребения были исследованы около с. Красноярского, Смоленского района, Кемеровской обл.

Первое, что бросается в глаза при просмотре всех перечисленных материалов, — это их большая пестрота в формах надмогильных сооружений. Так, в раскопках Каменского оказались плоские могилы, отмеченные кольцом из камней, и наряду с ними расплывчатые курганы с четыреугольными оградками на поверхности. В раскопках Сергеева земляные курганы не выше 0.3 м оказались совершенно лишенными каких-либо оградок или колец. Не отметил оградок и Грязнов для могил у с. Клепиковой. Известную долю этих различий можно относить за счет местного своеобразия, которое в данном случае интересно потому, что показывает, повидимому, большую связь Семипалатинско-Каменогорского района с западом, где аналогичные формы надмогильных сооружений встречаем вплоть до Тобола и Урала. Однако различия в пределах одного могильника, например Койтасского, возможно, говорят и о других внутренних причинах.

Погребальные камеры в раскопках Каменского в большинстве случаев были построены из плит в виде четыреугольных ящиков, иногда довольно обширных (могила № 1—3.4 × 1.26 м). Только у могилы № 2 в Кара-Узяке яма оказалась без ящика и была закрыта плитами.

В Клепиковой М. П. Грязнов установил наличие в могиле № 1 рамы из четырех незарубленных бревен. В раскопках С. М. Сергеева (мы располагаем деталями только по 1930 г.) ни разу не было обнаружено в ямах каких-либо сооружений или даже покрытий. Всего в 1930 г. около с. Красноярского было раскопано три андроновских кургана, но под ними, не считая впускных позднейших, были обнаружены только детские погребения (в могилах № 1 и № 2 было по три и в могиле № 3 — два). Все уцелевшие лежали скорченно на левом боку, головой на запад, с согнутыми руками. В головах детей стояло по горшку.

Состав погребений, раскопанных Каменским, по отчету неясен. Можно лишь констатировать, что под его курганчиками было по одной яме и ямы эти содержали

---

[4] Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае, стр. 85—87; Грязнов М. П., Погребения бронзовой эпохи в Зап. Казакстане, стр. 200 и 209, рис. 22 и 25.

[1] Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае, стр. 90.

[2] Грязнов М. П. Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930, стр. 5 и 10—11, рис. 29, 30.

кости одного, а иногда и нескольких покойников. Повидимому, здесь наблюдалась та же картина, что и в могильниках Западного Казахстана, исследованных М. П. Грязновым по левому берегу р. Урал западнее г. Орска, где наиболее обширные ямы содержали погребения мужчины, женщины и иногда ребенка.[1]

В могилах, раскопанных Каменским, обращает на себя внимание неравномерное распределение вещей. В погребениях под курганами встречены в значительном количестве украшения — серьги, бляшки, привески и пуговицы. Однако характерно не только их число, но и качество. Большинство этих предметов, будучи выделано из меди, покрыто золотыми листками. О том, что такая роскошь не является простым результатом близости к району Калбинского хребта — древнейшего центра добычи золота в Казахстане,[2] — говорит отсутствие золотых предметов в раскопанных там же плоских могилах, отмеченных одними кругами камней. Они содержат более чем скромный инвентарь — горшок, несколько бусинок или медных бляшек. Может быть, не случайно, что и кинжал найден Каменским не в плоской могиле, но под курганом. Так как инвентарь приалтайских андроновских погребений составляют главным образом находки Каменского, уже дважды изданные, мы не будем описывать менее выразительную их часть в виде нашивных бляшек полусферических, ромбических и треугольных, подвесок из камня и зубов, височных колец в виде традиционной спирали. Отметим из металлических изделий прежде всего медный плоский кинжал с выемками в основании черешка, поскольку он уже приведен был как предмет, аналогии которому встречены и на востоке и на западе области андроновских погребений. Заслуживают также внимания серьги, найденные в ряде могил Койтаса. Для них характерен полый раструб на одном конце кольца; в раструб входит острый конец серьги. Подобные серьги находил Г. П. Сосновский в андроновских погребениях в Минусинском крае (вблизи улуса Орак).[3] Мы еще встретим их в Старшем Томском могильнике. Браслеты со спиральными концами, найденные в могиле № 3 Койтаса, живо напоминают аналогичные предметы из андроновских могил Западного Казахстана, например в Урал-Сае[4] или около Тулайкина аула[5] на р. Урал, а также из Томского могильника.[6] Наконец, не можем мы пройти и мимо пары золотых привесок из могилы № 3,

---

[1] В этих могилах, наиболее сходных с погребениями Каменского по обряду, парных было 53.3%, одиночных 40% и одно погребение (6.7%) содержало два мужских костяка.

[2] Древняя металлургия Сибири и Казакстана и проблема олова. Доклад А. Иессена на XV пленуме ГАИМК. Тезисы напечатаны в однодневной газете «К XV пленуму ГАИМК 25—28 февраля 1936 г.». Черников С. С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949.

[3] Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Зап. Казакстане, стр. 210, примечание 1.

[4] Там же, стр. 205, рис. 24—*1*.

[5] Граков Б. Н. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—33 г., т. II, 1935, рис. 67—*7*, *8*.

[6] Адрианов А. В. Томский могильник. ОАК за 1899 г., рис. 31.

живо напоминающих позднейшие лапчатые привески карасукских могил Минусинского края.[1] Может быть, с дальнейшим накоплением андроновских материалов эти привески помогут выделить в приалтайском районе более древние и более новые андроновские погребения.

Обращает на себя внимание отсутствие в приалтайских андроновских погребениях костей животных. Керамические материалы здесь весьма богаты. Мы не будем описывать уже изданные находки Каменского [2] и М. П. Грязнова.[3] Отметим только, что все найденные ими сосуды — или баночные или горшковидные. Украшены они совершенно аналогично минусинским. На баночных чаще всего елочный узор афанасьевского типа, на горшковидных — прекрасные образцы меандровых композиций. Большинство из них находит себе прямые аналогии среди описанных выше украшений андроновских горшков из улуса Орак I.

Что касается находок, сделанных в 1930 г. экспедицией С. М. Сергеева при раскопках андроновских погребений у с. Красный Яр близ Бийска, то они только пополнили составившуюся ранее приалтайскую серию андроновских вещей. Здесь были найдены главным образом баночные плоскодонные сосуды. Горшковидных оказалось всего три. Возможно, что такое преобладание баночных объясняется происхождением всех сосудов, найденных С. М. Сергеевым, из детских погребений. Последние же и в Минусинской котловине чаще содержат банки. Орнаментация на баночных сосудах весьма незатейлива — все те же, знакомые по минусинским, елочки, ямки и резная ломаная линия. На одном из сосудов, как и на минусинских, орнамент перенесен на дно.[4]

Эти новые находки в приалтайских степях андроновских баночных сосудов только подкрепляют наблюдения М. П. Грязнова, что приалтайская андроновская керамика даже наличием большого числа банок ближе к минусинской, чем к западноказахстанской.[5] Из горшковидных сосудов, найденных С. М. Сергеевым, только один богато украшен геометрическими и меандровыми узорами.[6] Два других горшка отличаются простотой рисунка.

Андроновские стоянки и в приалтайских степях, как и в Минусинской котловине, найдены в сильно разрушенном состоянии. Осмотр выдувов на дюнах рр. Бии и Катуни, произведенный М. П. Грязновым, А. П. Марковым и С. М. Сергеевым, позволил отметить ряд остатков андроновских поселений (около с. Клепиково, Большепереченского, Быстрый Исток, Усть-Чарышская Пристань и др.). То же

---

[1] Грязнов М. П. Древние культуры Алтая, стр. 10, рис. 29 и 30.

[2] Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи, стр. 209, рис. 25—*3*.

[3] Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае, стр. 85—87; Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Зап. Казакстане, стр. 200, рис. 22.

[4] С. Красный Яр, кург. № 3, погр. IV, № 18. Хранится в Гос. Эрмитаже, колл. № 251.

[5] Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Зап. Казакстане, стр. 201.

[6] С. Красный Яр, кург. № 1, погр. детск. № 3. Хранится в Гос. Эрмитаже, колл. № 251.

было проделано и на дюнах Иртыша в окрестностях Семипалатинска Белослюдовыми. Однако, кроме отдельных каменных орудий и разрозненных находок обломков андроновской керамики, вполне аналогичной найденной в погребениях, приалтайские стоянки пока ничего не дали.

Сравнение андроновских находок в Минусинской котловине с приалтайскими обнаруживает их большое сходство. Оно проявляется и в формальных особенностях и в особенностях бытового уклада. Так же, как и в минусинских степях, приалтайское «население этой эпохи занимается охотой и в то же время обладает всеми основными домашними животными (лошадь, корова, овца, собака) и прекрасно знакомо с техникой изготовления тканей». К этому надо прибавить одинаковый уровень развития металлургии, выразившийся не только в применении одних и тех же технических приемов отливки и отковки, но и в поразительном сходстве внешнего вида орудий и украшений. Следует также отметить и замечательное андроновское гончарство, особенно подчеркивающее единством форм и орнаментации культурную близость населения Минусинской котловины и приалтайских степей. Наконец, необходимо иметь в виду особенно ярко выраженные именно на Алтае признаки генетической связи андроновской культуры с местной афанасьевской. Наряду с такими же, как и в Минусинской котловине, пережитками афанасьевских особенностей в андроновской посуде именно здесь мы встречаемся с явными признаками зарождения андроновских форм и орнаментации еще в афанасьевское время. Очевидно, на Алтае, так же как и на среднем Енисее (а может быть, и в еще большей степени), афанасьевская культура послужила основой для сложения андроновской. Однако и там и здесь обе эти культуры отличались однородными особенностями. Выше уже говорилось о возможной роли земледелия в развитии этих особенностей. Андроновские памятники приалтайских степей, за исключением косвенного признака — господства геометрических и меандровых узоров в орнаментике, не дали пока других указаний на земледелие. Однако предполагать его наличие здесь имеются все основания, особенно если принять во внимание результаты раскопок соседних андроновских стоянок и могильников в более западных районах Сибири, Приуралья и Казахстана.

* * *

В 1926 г. М. П. Грязнов произвел археологическое обследование северной части Актюбинского уезда. При этом было выявлено очень большое количество различных археологических памятников — главным образом курганы и могилы, отмеченные на поверхности кругами, выложенными из камней. В четырех пунктах — на р. Киргильде, у г. Жалгыс-Тюбе и на р. Терекле в устье логов Кунак-Бай-Сай и Урал-Сай — тогда же были произведены раскопки могильных сооружений. В восемнадцати из них были найдены погребения, содержавшие скорченных

покойников с вещами андроновского типа.[1] При описании этих погребений М. П. Грязнов указал на ряд более ранних раскопок андроновских могильников, оставшихся, однако, вне поля зрения археологов. Так, еще в 1893 г. А. Гейкель нашел ндроновские погребения в кургане № 8 близ д. Курганской около г. Кургана и даже еще севернее — в кургане № 5 близ д. Томиловой Тобольского округа.[2] Ф. Д. Нефедов находил андроновские погребения в курганах Илецкого уезда.[3] И. А. Кастанье собрал андроновские черепки в могиле, имевшей вид «каменного кольца», на р. Жаксы-Курган в 20 км от Актюбинска.[4] В 1911 г. Ю. П. Аргентовский обнаружил андроновские курганы около г. Петропавловска,[5] а в 1914 г. В. Я. Толмачев раскопал андроновскую могилу в с. Балакланске на р. Миасе близ г. Челябинска.[6] В 1924 г. С. Н. Дурылин изучил андроновские курганы также под Челябинском, близ пос. Сухомесова и Исакова.[7] Наконец, в 1925 г. геологи П. И. Преображенский и Ю. А. Орлов исследовали две андроновские могилы на р. Ишиме, против с. Ефимовки, Кокчетавского уезда.[8]

Публикация М. П. Грязнова явилась толчком к новым раскопкам андроновских погребений, главным образом в Северо-Западном Казахстане. К сожалению, далеко не все результаты этих работ удалось напечатать. В 1928 г. Б. Н. Граков раскопал андроновские погребения близ с. Нижинска Чкаловской области. Он же исследовал в 1930 г. на правом берегу р. Ори в 60 км от Орска Кожумбердынский могильник, имеющий очень важное значение. В связи с проектированием гидроэлектростанций в 1933 г. Б. Н. Граков исследовал ряд андроновских могильников по р. Уралу. Среди них интересен Каратугайский.[9] В 1938 г. К. В. Сальников раскопал андроновские погребения близ озера Алакуль в Челябинской области. Начались работы и в Центральном Казахстане. В 1933 г. экспедиция ГАИМК произвела раскопки андроновских погребений на р. Нуре около Ален-Аула и на реке Чурубай-Нура близ аула Дындыбай, хутора Центрального и с. Долинского. В 1940 г. С. В. Киселев исследовал андроновские могилы и курган близ аула

---

[1] Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Зап. Казакстане. Сб. «Казаки». Л., 1927.

[2] Heikel A. Antiquitées de la Sibérie occidentale. Mémoires de la Societé Finno-Ougrienne. VI. 1894.

[3] Нефедов Ф. Д., Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье. Материалы по археологии вост. губ., III.

[4] Кастанье И. А. Древности киргизской степи и Оренбургского края. Труды Оренбургск. уч. архивной комиссии, XXII, 1910.

[5] ОАК за 1911 г.

[6] ОАК за 1913—1915 гг., П., 1918, стр. 174.

[7] Дурылин С. Н. Раскопки под Челябинском. Записки Уральского о-ва любителей естествознания, т. XI, вып. 2.

[8] Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае, стр. 88.

[9] Граков Б. Н. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. Археологические работы на новостройках, т. II, Л., 1935.

Бес-Оба Каркаралинского района Карагандинской области. Однако самым существенным в изучении западных районов распространения андроновской культуры явились раскопки О. А. Граковой в 1930, 1931, 1935, 1936 и 1939 гг. открытого еще в 1921 г. Алексеевского могильника [1] и расположенных рядом с ним селища и жертвенного места (левый берег р. Тобол, близ с. Алексеевского Кустанайского района).

В результате всех этих работ выяснилось, что андроновские памятники занимают на западе обширнейшую территорию. К северу она простирается до южных пределов б. Тобольского округа, а к западу — занимает юго-восточное Прпуралье и достигает г. Чкалова. Ее границы на юге точно пока не выяснены. Известно лишь, что в районе гор. Улу-тау (к северу от Джезказгана) встречена типично андроновская керамика (сборы геолога Чудинова). Что же касается влияний андроновской культуры, то они отмечены еще южнее на памятниках тазабагъябской культуры Хорезма, стоянки которой исследованы С. П. Толстовым в Кизыл-Кумах.[2]

Исследования в окрестностях Караганды и в Каркаралинском районе позволяют установить непрерывность расселения «андроновцев» на востоке.

Раскопки О. А. Граковой андроновской стоянки, жертвенного места и могильника около с. Алексеевского на Тоболе (Кустанайский район) прежде всего ценны тем, что они выясняют условия жизни «андроновцев».[3] Пять прямоугольных землянок Алексеевского поселения отличаются обширностью размеров (до 250 кв. м) и монументальностью постройки. Судя по наличию в них наряду с центральными каменными очагами, служившими для обогревания, нескольких кухонных очагов, нужно предполагать, что в каждой землянке жило по нескольку отдельно питавшихся групп. Возможно, что это были семьи, объединенные под одной кровлей родственными узами. Подобное положение можно наблюдать в ряде этнографически известных и изученных случаев, например в длинных домах ирокезов.

Уже прочность алексеевских жилищ (их обширные кровли опирались на десятки бревенчатых подпорок) позволяет предполагать длительное проживание в них их обитателей. На это же указывают и следы неоднократного ремонта и многочисленные замены бревенчатых подпорок крыши, а также значительные размеры зольников — куч отбросов около землянок. Открытие возле землянок ям для хранения припасов также говорит в пользу долговременности поселка.

К жилым землянкам примыкали загоны для скота. Это — отгороженные пространства, близко напоминающие своим расположением и неправильным округлым

---

[1] Krivtsov-Grakova O., Une trouvaille d'objets de l'âge du bronze dans la région du haut Tobol. ESA, T. IV.

[2] Толстов С. П. Древности Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, и его же: Древний Хорезм, стр. 66—68.

[3] Заимствуем приводимые ниже данные из докладов О. А. Граковой, читавшихся в Гос. историческом музее, и из экспозиции алексеевских материалов в IV зале ГИМ, а также из ее работы: Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948, стр. 60—172.

планом пристройки и жилища, которые до сих пор служат укрытием для скота на казахских зимниках.[1]

Скотоводство несомненно играло в хозяйстве обитателей Алексеевского поселка очень важную роль. Достаточно сказать, что из 1206 костей, найденных главным образом в землянках и зольниках и определенных покойным Н. А. Сугробовым, только 12 принадлежат диким животным, добытым, очевидно, на охоте.[2] Однако мясная пища не была не только единственной, но и главной. Об этом говорит количество особей скота, кости которых найдены при раскопках (на территории пяти жилых землянок). Там найдены остатки 8 лошадей, 12 коров и быков, 23 овец и коз. Если даже увеличить это число, принимая во внимание, что не все сохранилось,[3] то и тогда количество мяса будет очень невелико. Ведь нужно принять во внимание и значительную населенность пяти землянок и длительность их существования (замена подгнивавших массивных столбов, поддерживавших кровли производилась, конечно, спустя большие промежутки времени).

Очевидно, кроме скотоводства, земледелие также играло большую роль в хозяйстве. На его наличие указывают прежде всего находки в двух землянках каменных мотыг. Они подтреугольной формы, с выемками по бокам. В выемках помещался ремень, привязывавший мотыги к глаголевидной рукоятке. В землянке № 4 был найден бронзовый серповидный нож, или «секач», сходный с известными орудиями из сосново-мазинского клада. В. В. Гольмстен весьма убедительно предположила, что эти орудия являются не серпами, а косарями для расчистки под посевы пойменных участков, обычно поросших тальником и другими кустарниками.[4]

В условиях верхнего Тобола пойма с ее плодородным увлажненным илистым грунтом несомненно должна была использоваться древним земледельцем раньше, чем участки степи. Серпов на Алексеевском поселении найдено не было. Однако о форме их можно судить по замечательной находке бронзового серпа в женском погребении № 3 андроновского могильника, раскопанного Б. Н. Граковым у аула Тулайкина.[5] Найденная близ г. Чкалова каменная литейная форма (хранящаяся в Гос. историческом музее), приспособленная для одновременной отливки трех серпов такого типа, свидетельствует о большой потребности у местного андроновского населения в этих земледельческих орудиях.

Особенно ярким доводом в пользу значения земледелия в хозяйстве Алексеевского поселка служат находки на жертвенном холме, расположенном на северо-западной его окраине. Здесь в специальных ямках обнаружены остатки жертво-

---

[1] Глухов А. Н. Зимнее жилище актюбинских и одоевских казаков. Сб. «Казаки», Сообщение Н. А. Сугробова, сделанное зимой 1940/41 г. в МОИИМК АН СССР.

[3] Впрочем, поправка не должна быть большой, поскольку от каждой особи уцелело значительное число костей (в среднем от каждой лошади 51, от коровы 25 и от овцы 20).

[4] Гольмстен В. В. «Серпы» из Сосновой Мазы (ПИМК, 1933, № 5—6, стр. 32—37).

[5] Граков Б. Н. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. Археологические работы на новостройках, вып. II, Л., 1935, стр. 93, рис. 67, *6* и стр. 95.

приношений. Лишь в двух случаях сожжены кости животных. Во всех остальных ямках стояли один или два горшка типичной андроновской формы и орнаментации (всего их найдено 56). Горшки были покрыты крупными обломками больших андроновских сосудов. На стенках сохранился нагар от пищи. О. А. Гракова считает, что этот нагар остался от растительной пищи, поскольку ни в одном горшке не нашлось ни одной кости. Однако особый интерес представляют пять жертвенных ям на восточном склоне холма. В них, так же как и в двух ямах, содержавших остатки сожжения мяса, не было горшков. Зато на дне их были найдены остатки сожжения хлеба в виде пережженных зерен и стеблей пшеницы. Такое повторенное несколько раз применение пшеницы в культовом обряде несомненно говорит в пользу значительности роли андроновского земледелия.

О его распространенности у жителей поселка говорят и находки на всех алексеевских землянках зернотерок и курантов к ним.

Помимо уже приведенных находок костей животных и предметов, характеризующих земледелие в Алексеевском поселке, на жертвенном месте и в могильнике было найдено большое количество различных вещей. Важно отметить, что этими находками устанавливается местная обработка меди — дробление руды колотушками, сходными с афанасьевскими, плавление руды в неглубоких чашеобразных плавильных ямах, отливка изделий, а также холодная выделка из листовой меди при помощи плющения различных «штампованных» украшений. Наряду с медными применялись в Алексеевском поселке каменные и костяные орудия — стрелы, шилья, мотыги, булавы, песты. Детальный анализ всего этого материала заслуживает специального исследования. Здесь же нужно обратить внимание на те предметы, которые позволяют выяснить место алексеевских находок в цепи андроновских памятников. Многочисленные украшения — различные бляшки, бусы, браслеты со спирально закрученными концами, очковидные привески и серьги с раструбом, найденные на Алексеевском поселке и в могильнике, находят себе аналогии в находках на других западноандроновских памятниках.[1] Некоторые являются новостью. К ним относятся перстни с закрученными в спираль концами, своими очертаниями напоминающие карасукские перстни с двумя коническими выпуклостями. С карасукскими же сходны и нагрудники, сделанные из скобкообразных оковок, укрепленных в несколько рядов на ременной основе.[2] Среди найденных на Алексеевском поселении бронзовых орудий плоские листовидные ножи с едва намеченным перекрестьем представляют типичную форму, широко распространенную среди находок как в андроновских, так и в срубных могильниках и стоянках.[3]

---

[1] Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Зап. Казакстане, рис. 24, 25; Гракова Б. Н. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. Археологические работы на новостройках, т. II, стр. 91.

[2] См. сл. главу.

[3] Городцов В. А. Результаты исследований в Изюмском уезде. Труды XII Археолог. съезда, т. I, 1902, табл. IX.

Уже локализуются другие орудия. Выше упоминался косарь сосново-мазинского типа. Подобные косари, найденные в количестве 56 штук в известном кладе близ Сосновой Мазы б. Саратовской губ., все относятся к концу «срубной» культуры (к той ее стадии, которую В. А. Городцов в Поволжье назвал «хвалынской», а в степях Причерноморья «киммерийской»[1]). К этому же времени относится и кинжал, найденный в зольнике землянки № 3, сходный с сосново-мазинским и другими «киммерийскими» на юге СССР,[2] с кинжалом из Томского могильника, с кинжалом, вырезанным на литейной форме, найденной около древних выработок на стоянке у Мынчункура в верховьях Иртыша,[3] и со случайно найденными в Минусинской котловине на востоке.[4] На ту же позднейшую ступень бронзовой эпохи указывают и найденные в землянке № 1 обломки двух коленчатых ножей, типичных для карасукской культуры Саяно-Алтая. В следующей главе будет показано, что XIII — XII вв. до н. э. являются наиболее ранней датой появления в Южной Сибири карасукских форм. К концу эпохи бронзы относятся и узкие длинные кельты, подобные найденному в зольнике землянки № 3. Копьевидный втульчатый бронзовый наконечник стрелы с Алексеевского поселения строением втулки и техникой выделки настолько близок к древнескифским, что вряд ли может быть отнесен к более раннему времени, чем предскифское.

Резюмируя наблюдения над металлическими вещами, найденными на Алексеевском поселке и в могильнике, можно определенно сказать, что все они относятся к концу эпохи бронзы. На востоке им современны карасукские, а на западе, в нижнем Поволжье, позднесрубные («хвалынские») памятники. Судя по алексеевскому наконечнику стрелы, поселок еще был обитаем населением, пользовавшимся утварью андроновского типа в то время, когда в степных районах Евразии начинали разрабатывать новые формы вещей, ставших характерными для скифской и других близких ей культур.

Замечательно, что изучение богатейших керамических находок, сделанных в Алексеевском, приводит к аналогичным выводам.

Весьма значительную серию составляют здесь баночные сосуды. Своей формой и частым применением орнаментации елочкой или зигзагом они целиком совпадают с баночной посудой из андроновских погребений Саяно-Алтая. Вместе с тем многим из них, особенно не орнаментированным, можно найти аналогии и среди подобных же сосудов из срубных погребений Нижней Волги, Дона, Донца. О том, что последнее сопоставление не случайно, свидетельствуют находки в Алексеевском типично срубных остроребериых горшков. Очевидно, жители поселка были

---

[1] Городцов В. А. Бронзовый век. БСЭ.

[2] Городцов В. А. К вопросу о киммерийской культуре. Труды Секции археологии РАНИОН, вып. II. 1928, стр. 46 и Tallgren A. M. La Pontide Préscythique (E. E. A., II, fig. 109—4, 7, 8, 9).

[3] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., стр. 296, рис. 81.

[4] См. след. главу.

знакомы с керамическими формами, бытовавшими у более западных племен. Об этом же свидетельствует и находка колоколовидного сосуда, своей формой и орнаментом целиком воспроизводящего «абашевскую» колоколовидную керамику из курганов Чувашии [1] и с селища Балан-баш близ Стерлитамака.[2] Таким образом, подобно некоторым бронзовым изделиям, значительная часть алексеевской посуды оказывается или общераспространенной и в области срубной и в области андроновской культуры или говорит о знакомстве алексеевских гончаров с изделиями Саяно-Алтая, Н. Волги, Дона и Донца. И совершенно так же, как и в серии бронзовых изделий, среди алексеевской керамики имеются прямые указания на сравнительно позднее ее время. Прежде всего, обратим внимание на многочисленные находки на поселении обломков крупных сосудов, украшенных горизонтальным налепным валиком, концы которого не сомкнуты, но опущены книзу. Валик обычно покрыт косой нарезкой или елочкой. Подобный орнамент особенно часто встречается на скифских бронзовых котлах. На глиняных сосудах он отмечен среди находок конца эпохи бронзы, например на сосудах Кая-Кентского могильника [3] и на черепках известного Ивановского селища Хвалынской стадии.[4] На это же позднее время указывают и два узкогорлых сосуда из землянки № 1. Своей формой они весьма напоминают скифские корчагообразные сосуды. Но особенно близки они не только по форме, но и по украшению плеч зигзагом или полосой треугольников к узкогорлым сосудам предскифского времени, найденным А. А. Спицыным в 1895 г. при раскопках в с. Норки Саратовской области [5] и Д. Я. Самоквасовым у с. Гамарни в б. Чигиринском уезде Киевской губ.[6]

Так и металлический и керамический материал согласно указывают на сравнительно позднюю дату Алексеевского поселка, заставляя относить его к концу бронзовой эпохи, к предскифскому времени.

Ярко выраженный андроновский облик культуры Алексеевскому поселению, жертвенному месту и могильнику придают находки целых и многочисленных разбитых горшковидных сосудов. Они не столь универсальны, как баночные, и принадлежат к так называемой западноандроновской керамической группе, выделенной еще в 1927 г. М. П. Грязновым.[7] Следует заметить, что не все установленные М. П. Грязновым отличительные признаки восточной и западной групп

---

[1] Смолин В. Ф. Абашевский могильник. Труды О-ва изучения Чувашского края, т. I, вып. 1, Чебоксары, 1928, стр. 1—56.

[2] Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.— Л., 1941, стр. 131—136, табл. XX—XXII. Находки на Балан-баше одновременно и медных и железных шлаков указывают, по мнению исследователей, на позднюю дату, около 1000 года до н. э.

[3] Хранятся в ГИМ (ОАК за 1898 г., стр. 141—157).

[4] Хранятся в Саратовском музее (Орехов В. Ф. Две раскопки на церковной земле с. Ивановки, Хвалынского уезда Саратовской губ. Труды Сарат. археологич. ком., 1913, вып. 33).

[5] Хранятся в ГИМ. (Отчет А. А. Спицына находится в Архиве ИИМК АН СССР за 1895 г.).

[6] Самоквасов Д. Я. Каталог коллекций древностей, № 347.

[7] Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Зап. Казакстане, стр. 200—201.

андроновской керамики могут быть приняты после новых раскопок. Это прежде всего относится к особенностям орнамента, поскольку они обнаружены теперь и на западе, и на востоке.[1] Зато наличие уступа, отделяющего плечи от тулова горшковидного сосуда, может считаться и теперь характернейшей особенностью западноандроновской посуды. До сих пор ни в верховьях Иртыша и Оби, ни на среднем Енисее не найдены уступчатые андроновские сосуды. Однако, если обследовать горшковидные сосуды из западноандроновской серии, то среди них встретятся и восточные формы без уступа. Из случайных находок отметим два горшка, найденных у ст. Кваркентской, близ Орска, и у с. Смольникова, около г. Челябинска.[2] Судя по могильным инвентарям, горшковидные сосуды без уступа на западе очень редки и особенно редко встречаются в одном погребении с уступчатыми. При этом они оказываются в меньшинстве. Исключение составляет Кожумбердынский могильник, раскопанный Б. Н. Граковым. В нем также найдены совместно горшковидные сосуды с уступом и без него. Однако здесь больше последних. В связи с этим особенно существенно, что Кожумбердынский могильник считается более древним по сравнению с другими западноандроновскими могильниками.[3]

Совершенно справедливо, например, в одном из своих докладов О. А. Гракова, анализируя кожумбердынскую керамику, обратила внимание на сходство между некоторыми кожумбердынскими сосудами и горшками переходных андроновско-карасукских форм со среднего Енисея. И тут и там сходство подчеркнуто сильной округлостью тулова и наличием обособленного поддона.[4]

Относительно большая древность Кожумбердынского могильника, будучи сопоставлена с большим числом горшковидных сосудов без уступа в составе его керамики, позволяет по-иному расценивать различия между горшковидными сосудами с уступом и без него. М. П. Грязнов в 1927 г. видел в этом различии только территориальную вариацию. Теперь можно говорить о том, что это различие обусловлено

---

[1] Возьмем хотя бы такой признак, как «косой» (т. е. тупоугольный) или «прямой» (т. е. равнобедренный) заштрихованный треугольник. М. П. Грязнов считал первый характерным мотивом восточной, а второй — западной андроновской орнаментики. Между тем подсчеты показали, что «прямые» треугольники найдены поровну и на восточной и на западной андроновской посуде, а «косые», правда, в меньшем числе (всего 7.5%), найдены на западноандроновской.

[2] Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Зап. Казакстане, стр. 199, рис. 21—*1* и *3*.

[3] Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Зап. Казакстане, стр. 173 и 197, Киргильда I, мог. № 1 — у трех горшковидных один без уступа; стр. 176 и 197, Киргильда II, мог. № 1 — у четырех горшковидных один без уступа. Труды ГИМ, вып. XVII, стр. 150.

[4] Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае, стр. 102 и табл. XII, *2*, *9*, и стр. 90, рис. 15. Дальнейшее развитие этой формы, не установленное пока на востоке, можно проследить на западной окраине области распространения карасукских могильников. Примером служат кубковидные сосуды из поздне-карасукского погребения у аула Дынды-бай близ Караганды. Археологические работы на новостройках, т. II, 1935, стр. 47, рис. 21—*13* и *14*].

и временем. На востоке андроновская культура в силу ряда причин в XIII—XII вв. до н. э. видоизменилась. Распространились карасукские формы, поэтому там не развились уступчатые андроновские горшки. «Уступ» появился на Енисее, но уже в виде характерной особенности карасукской круглодонной посуды (см. след. главу). На западе андроновская культура просуществовала до конца эпохи бронзы Сибири (т. е. еще четыре — пять столетий). Необходимо учитывать, что именно к этому времени относится большинство пока известных западноандроновских памятников. Между тем именно в них господствуют уступчатые горшковидные сосуды, а горшки без уступа встречаются в единичных случаях (в виде пережитка). Но как только встречается могильник большей древности — увеличивается число горшков без уступа. Это имеет очень большое значение, так как позволяет реконструировать на западе в Приуралье раннюю стадию андроновской культуры, которая была одновременна древним андроновским могильникам Саяно-Алтайского нагорья.

Такая реконструкция оправдывается не только обнаружением в Приуралье более древних андроновских могильников. Выше уже говорилось о признаках связи западноандроновской культуры с более древней, имевшей те же черты, что и афанасьевская на востоке. При этом нет никаких оснований предполагать наличие в Западной Сибири еще одной культурной стадии между древнейшей, сходной с афанасьевской, и позднейшей западноандроновской. Наличие непосредственных афанасьевско-андроновских связей в Западной Сибири подтверждается также развитием соседних областей. В Нижнем Поволжье отмечена преемственность между сходной с афанасьевской древнеямной и родственной с андроновской срубной культурой.[1] Так же и на юге: в Хорезме тазабагъябской культуре, сопоставлявшейся с андроновской, предшествовала кельтеминарская, имеющая много сходства с афанасьевской.[2]

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы видим, таким образом, что андроновские памятники имеют в Советской Азии широкое распространение. Очевидно, подобно афанасьевским, они отмечают новый этап развития, пройденный населением степных и горно-степных областей на гигантской территории от Енисея до Урала.

После раскопок О. А. Граковой в Алексеевском можно выяснить и то новое, что легло в основу андроновской культуры. Повидимому, это — земледелие, занявшее важное место в андроновском хозяйстве. Именно с ним связываются и многие андроновские особенности — оседлость, проявляющаяся не только в жилище, но даже в плоскодонности сосудов, появление деревянных конструкций

[1] Rau P., Hockergräber der Wolgasteppe. 1928; ср. переходную полтавкинскую стадию — стр. 12—19.

[2] Толстов С. П. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 155 и сл.

и характерные черты идеологии (в религии — культ солнца [1] и жертвы хлебом, в искусстве — геометрический и меандровый орнамент).

Андроновский культурный этап не был изолированным. Уже неоднократно отмечалось большое сходство андроновских памятников со срубными нижневолжских, донских и донецких степей. Исследования В. А. Городцова,[2] О. А. Граковой,[3] А. И. Тереножкина, М. И. Артамонова[4] и особенно А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого[5] убедительно показали, что главной особенностью срубных поселений была значительная роль земледелия в хозяйстве их обитателей.

Таким образом, выясняется, что одно и то же содержание было общим для культурного развития населения обширнейшей территории, простиравшейся от Днепра до Енисея. Историческую важность наличия в центре Евразии такого культурного единства нельзя недооценить. Ниже еще не раз придется его вспомнить в связи с той культурной сплоченностью, которая отличала степной мир и на более поздних этапах его истории.

Усиление значения земледелия в хозяйстве вызвало большие перемены у населения сибирских степей. Были затронуты все стороны жизни, вплоть до области искусства и религии. Однако на первом этапе андроновская эпоха не ознаменовалась какими-либо значительными сдвигами в общественном строе. Возможно, что сила вековой традиции оказывала здесь могущественное влияние. Выше уже отмечалось, что на древнеандроновской стадии, которая лучше всего известна по памятникам Минусинской котловины, наряду с новыми особенностями быта устойчиво сохранялись старые, еще афанасьевские черты. Особенно ярки афанасьевские пережитки в андроновской посуде (баночные, плоскодонно-яйцевидные формы и елочная орнаментация). Но о том же говорят и другие факты. Так, среди конструкций погребальных сооружений в андроновских могильниках на среднем Енисее продолжали применяться все афанасьевские формы. Попрежнему встречаются небольшие курганчики с кольцами из положенных плашмя плиток и с кольцами из плиток, врытых на ребро, а также плоские могилы, отмеченные, как и в могильнике под Афанасьевой горой, одними кольцами. Новым оказывается только «длинный» курган с несколькими, примыкающими одна к другой кольцевыми и подчетыреугольными оградками (улус Подкунинский и Орак). В этой сравнительно еще редкой форме можно видеть предшественницу характерной карасукской конструк-

[1] Культ солнца у андроновцев ярко отображен в ритуальном сооружении, найденном мною в Бес-Обе Каркаралинского района. Оно представляло округлую площадку с остатками сожжений и андроновских горшков, которую окружали лучеобразно положенные каменные плиты.

[2] Городцов В. А. Культура бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Исторического музея за 1914 г.; его же. Бронзовый век. БСЭ, т. VII.

[3] Кривцова-Гракова О. А. Памятники бронзовой эпохи у сс. Мокшан и Пустынь. Труды ГИМ, т. XII, 1941, стр. 85—104.

[4] Артамонов М. Донская экспедиция ГАИМК, 1933 г., стр., 51—55.

[5] Круглов А. П. и Подгаецкий Г. В. Родовое общество степей Восточной Европы. М.— Л., 1935.

ции, в которой отразилось укрепление семейных связей. Внутреннее устройство афанасьевских и андроновских могил также имеет много общих черт. И там и здесь наряду с ничем не отделанными грунтовыми ямами встречаются каменные ящики, деревянные рамы и накаты. Отличие заключается лишь в увеличении числа внутримогильных сооружений и в их усовершенствовании (наряду с деревянной рамой появляется сруб, наряду с ящиком из четырех каменных плит — четыреугольная циста со стенками, сложенными из мелких плиток).[1]

Обряд андроновского погребения в Минусинской котловине также весьма напоминает афанасьевский — скорченное положение костяков, лежащих преимущественно на боку. Можно отметить лишь большую стандартизацию их ориентировок. Вероятно, это явилось следствием большей связанности между собою групп андроновского населения. Весьма близки друг другу андроновские и афанасьевские погребения и по составу. Это не позволяет говорить о резком изменении общественных отношений. Напомним, что в афанасьевских погребениях встречено 64% одиночных захоронений, у 12% парность может только предполагаться, 14% было парных, 8% с большим количеством костяков и выделенной среди них одной женщиной с ребенком; 2% падало на неясные. Из приводимой здесь таблицы видно, что в древних андроновских могильниках Минусинской котловины наблюдается почти аналогичная картина:

Индивидуальные погребения	21	67.8%	67.8%	одиночных
Индивидуальные погребения в двух ямах под одной насыпью	3	9.7%	19.4%	Может быть установлена парность
Индивидуальные погребения мужчин и женщины в двух ямах под одной насыпью	2	6.5%		
Индивидуальные погребения мужчины, ребенка и сожжен. (женщины?) в трех ямах под одной насыпью	1	3.2%		
Пара в одной яме	1	3.2%	6.4%	парных
Мужчина, женщина и ребенок в одной яме	1	3.2%		
1 пара, 1 пара с ребенком и 2 индивидуальных взрослых в четырех ямах под одной насыпью	1	3.2%	3.2%	группа семей
3 взрослых мужчин и 1 ребенок в четырех ямах под одной насыпью	1	3.2%	3.2%	
	31	100.0%		

Так же как и в афанасьевских, в андроновских могильниках наибольший процент (67.8) падает на архаический тип одиночных погребений. За ним следует

[1] Развитие погребальных конструкций можно выразить следующими цифрами: в афанасьевских могилах неукрепленных ям — 92.3%, имеющих ящики — 4.6%, имеющих деревянные рамы — 3.1%. В андроновских могилах неукрепленных ям — 10.5%, имеющих ящики — 37%, имеющих каменные цисты — 23.5% и имеющих деревянные срубы или рамы — 29%.

группа парных (25.8%), совпадающая по количеству с афанасьевскими. Таким образом, основной фон остается, повидимому, прежним, свидетельствуя о значительной силе старых родовых традиций. Однако, если признаки их изменений в сторону укрепления отцовского права в афанасьевское время можно было увидеть лишь в появлении парных погребений, то теперь находятся новые факты, в частности, встречается указание на ту семейную форму, которая являлась господствующей при патриархате, — на большую семью. Под курганом № 1 (раскопки 1927 г.) около улуса Орак обнаружено четыре погребальных ямы. В двух из них оказались пары — мужчина и женщина (один раз еще и с ребенком), а в двух других лежали по-одному взрослый мужчина и женщина (возможно, также связанные друг с другом).

Все погребения были объединены не только общей покрывающей их насыпью, но и конструктивно единой сеткой оградок из плит, отмечающих их расположение на поверхности кургана. Как уже говорилось, эта деталь более характерна для последующего карасукского времени. Здесь же, будучи очевидно еще весьма редкой, она лишь указывает на основную тенденцию происходящих изменений.

Древнейшая ступень андроновской культуры, которую только и пережило население Саяно-Алтая, еще мало отличалась от афанасьевской, особенно в укладе общественной жизни. Очевидно, земледелие, получив большее распространение, вызвало больше внешних, чем внутренних, перемен. Возможно, что оно даже способствовало замедлению развития тех общественных форм, которые возникли на предшествующей ступени, когда афанасьевское скотоводство впервые поколебало устои старого родового быта. Земледелие в своей первоначальной форме могло вновь усилить хозяйственное значение женщины. Общий же уровень развития при еще весьма оседлом афанасьевском скотоводстве, при неразвитости металлургии и меновых связей не мог оказывать решающего сопротивления таким консервирующим влияниям.

Населению Саяно-Алтая еще предстояло многое пережить, прежде чем наметившиеся в афанасьевское время перемены привели к конечному результату — падению господства родового строя.

Здесь, может быть, следует отметить, что в Западной Сибири в позднеандроновское время замечается та же тенденция, что и в конце срубной культуры. Появляются крупные курганы, насыпавшиеся, очевидно, над выдающимися членами рода. Нам удалось исследовать такие курганы в м. Бес-Оба под Каркаралинском. Они, несомненно, по своему значению аналогичны погребениям представителей племенной знати конца срубной культуры, вроде раскопанного П. С. Рыковым десятиметрового кургана в урочище «Три брата» близ г. Степного. Они предвосхищают пышные погребения племенной знати скифской архаики.

Последний вопрос, который необходимо рассмотреть в заключительной части, касается характеристики и судеб самого андроновского населения.

Г. Ф. Дебец, особенно много работающий по палеоантропологии Сибири, пришел в отношении андроновского населения к следующим выводам.[1] «В основном черепа характеризуются теми же особенностями, что и афанасьевские, но лицо еще более широкое, орбиты еще ниже, а черепная коробка несколько короче и шире, чаще всего мезоцефальная по указателю. Эти особенности делают череп андроновского типа очень характерным и легко выделяющимся из ряда краниологических типов Европы и Азии, связанных с расами верхнего палеолита». Несколько ниже Г. Ф. Дебец находит возможным предполагать «сходство в строении скелета афанасьевского и андроновского типов, в чем нет ничего невероятного».[2] Наконец, в этой же части своей работы он отмечает полное сходство андроновских черепов и костей скелета из минусинских и западноказахстанских могил (описанных М. Н. Комаровой).

Во второй части цитируемой статьи Г. Ф. Дебец отмечает сохранение вплоть до тагарской эпохи (VII—III вв. до н. э.) пережитков афанасьевского и андроновского типов, очевидно сохранявшихся и сосуществовавших в карасукское время, несмотря на то, что Минусинская котловина была наводнена переселенцами с юго-востока, из Северного Китая (см. след. главу). Вместе с тем, отрицая возможность видеть в андроновском населении потомков «афанасьевцев», Г. Ф. Дебец приходит к выводу, что «население афанасьевской культуры, по крайней мере в известной части, было вытеснено из Минусинского края переселившимися с Запада (Алтай? Бараба?) носителями андроновской культуры».

Эти же утверждения повторены Г. Ф. Дебецом в его докторской диссертации «Палеоантропология СССР».[3]

Выводы эти были обоснованы всем имеющимся сейчас палеоантропологическим материалом, причем резко отличались от заключений по другим районам СССР, где автор, наоборот, обнаружил сохранение до настоящего времени древних типов населения. Все это не позволяет видеть в характеристике взаимоотношений афанасьевского и андроновского населения на среднем Енисее результат случайности. Необходимо считаться с фактом невозможности, с точки зрения антропологии, прямой преемственности между афанасьевским и андроновским населением Минусинской котловины. Очевидно, происходило смешение благодаря внедрению каких-то новых этнических групп.

Однако нельзя видеть в этом процессе простое переселение в Минусинский край носителей андроновской культуры откуда-то с Алтая или Барабы, как это делает Г. Ф. Дебец. Прежде всего, нет никаких оснований допускать на западе более раннее сложение андроновской культуры, чем на востоке, на Енисее. Наоборот,

---

[1] Дебец Г. Ф. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя (К вопросу о миграциях в доклассовом обществе). Антропологический журнал, 1932, № 2, стр. 123.

[2] Там же, стр. 28, 29.

[3] Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР, М.— Л., 1948, стр. 70—76.

пока именно на востоке найдены древнейшие андроновские могильники (на западе один из самых ранних, Кожумбердынский, относится ко времени самого конца древнеандроновского этапа). Самое большее, что можно допустить,— это одновременное сложение андроновских особенностей как на востоке, так и на западе.

Изучением археологического материала выяснено, что афанасьевская культура послужила основой для сложения андроновской не только на среднем Енисее, но и на Алтае. В Западной Сибири и Южном Приуралье такой древней основой была культура, весьма близкая к афанасьевской и кельтеминтрской.

Если это сопоставить с утверждениями Г. Ф. Дебеца, то придется считать, что участие нового этнического элемента в формировании андроновской культуры имело место на широком пространстве от Урала до Енисея.

Приходится, очевидно, говорить не о простом проникновении на Енисей уже сложившихся где-то на неопределенном «западе» «андроновцев», но о широком внедрении на всем пространстве от Енисея до Урала новых, очевидно родственных между собою, этнических групп, способствовавших своим участием в историческом развитии окончательному сложению андроновской культуры.

Откуда могли проникать в сибирские степи эти новые этнические группы,— об этом можно говорить лишь предположительно. Не следует, например, забывать находок С. П. Толстова в Хорезме, где тазабагъябская культура имеет много черт, более широко развитых в андроновских памятниках.[1] Необходимо также учитывать находки на дюнных стоянках Семиречья и бассейна Иссык-Куля керамики и металлических изделий, самым ближайшим образом напоминающих андроновские.[2] Возможно, что в связи с этим придется особо рассмотреть вопрос о наличии в палеоантропологических материалах сибирских степей весьма заметной примеси памиро-ферганского типа, обнаруженной исследованиями Г. Ф. Дебеца. Но прежде всего надо учесть влияние новых условий, вызванных развитием земледелия.

Наряду с этим возникает вопрос об отношении между андроновскими и срубными памятниками. Пока можно только сказать, что здесь имелось тесное взаимодействие. При этом нельзя не отметить явного превосходства даже раннеандроновской керамики над родственной ей срубной. Что касается позднеандроновского времени, то здесь также имеется характерная особенность.

Позднейшие бронзы степей Поволжья, Дона, Донца и восточного Приднепровья, бытовавшие, следовательно, в области распространения срубных погребений, разделяются на две группы. Западная имеет очень много общего с кладами южной части правобережной Украины. Такие, например, памятники, как клады у с. Райгородка под Харьковом, у Кобеляк и на Хабаковых хуторах близ Полтавы и около с. Кардашинки на восточном берегу нижнего Днепра, принадлежат к

---

[1] Толстов С. П. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 159; его же, Древний Хорезм, стр. 66—68.

[2] Труды Семиреченской археологической экспедиции. МИА № 14, стр. 104—106.

группе бронз, которую В. А. Городцов выделял под названием «киммерийской»[1] Наиболее характерным ее представителем является столь близкий к Кардашинке Красномаяцкий клад литейных форм из-под Одессы.[2]

Восточная группа поздних бронз на территории срубной культуры представлена так называемыми хвалынскими памятниками. Наиболее характерным примером их является известный клад у Сосновой Мазы. В этой группе имеются необычные для запада формы бронзовых изделий. Таковы прежде всего кинжалы со сквозной рукояткой и своеобразные типы серповидных ножей или секачей. Отсутствуя среди западных, «киммерийских» находок, обе эти формы на востоке в конце бронзового века, наоборот, были распространены весьма широко (см. об этом выше).

Дальнейшие исследования должны показать, где находились основные центры этого «хвалынского» комплекса — к западу или к востоку от Урала. Вместе с тем остается открытым вопрос о южных связях. Судя по далеко на юг прослеживаемому распространению андроновских форм (прежде всего керамики), эти связи могли быть очень важны для андроновской культуры. Решение здесь зависит от дальнейшего развития исследований западноандроновских, срубных, тазабагъябских и семиреченских древностей. Тогда же уточнится и вопрос о начальной дате андроновских памятников. Пока же можно считать, что значительная близость и параллельность развития андроновских и срубных форм указывают и на временную их близость. Допустимо предположить, что подобно срубным формам андроновские впервые распространились в XVII—XVI столетиях до н. э. Этому не противоречат и те наблюдения, которые можно было сделать в предыдущей главе по вопросу об афанасьевских, глазковских и андроновских соотношениях и в связи с наличием в одновременных андроновско-глазковских погребениях белонефритовых дисков и колец, впервые распространяющихся в Китае в эпоху Шан-Инь, т. е. начиная с XVIII—XVII вв. до н. э.

---

[1] Tallgren A. M. La Pontide Prescythique. E.S.A., II, fig. 87, 96. Городцов В. А. К вопросу о киммерийской культуре, рис. 9—23.

[2] Известен по докладу О. А. Граковой, сделанному в ИИМК в 1944 г.

Глава IV

КАРАСУКСКАЯ ЭПОХА

Наиболее распространенным, издавна уже обратившим на себя внимание путешественников видом древних погребальных сооружений в Минусинском крае являются обширные кладбища, могилы которых отмечены на поверхности четыреугольными оградками из врытых на ребро песчанниковых плиток. Иногда несколько оградок соединяется вместе, образуя сплошную сетку; иногда к главной большой оградке примыкают маленькие боковые; местное население называет их «прирубами» (как прируб у избы). Оградки расположены или непосредственно на земле или на невысокой плоской курганной насыпи.

Академик Гмелин по сходству оградок с наполненными ямами для гашения извести назвал их «творильными». Академик Радлов выделил их в особый, IV, тип погребений Минусинской котловины. Д. Клеменц описал их в III разделе своей классификации намогильных сооружений.[1] С. А. Теплоухов, впервые раскопавший эти могилы на речке Кара-сук, около с. Батени в Хакассии, назвал их «карасукскими».[2] Это название утвердилось в современной археологической литературе.

В настоящее время мы располагаем различными карасукскими памятниками. Наиболее многочисленны могилы, зарегистрированные во многих пунктах Минусинской котловины. Затем следуют остатки стоянок, каменные изваяния и значительное число случайных находок карасукских предметов.

Рассмотрим сначала могильники.

1. КАРАСУКСКИЕ МОГИЛЬНИКИ

РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Одна черта отличает распространение могильников бронзового века Минусинской котловины. Афанасьевские располагаются главным образом вдоль Енисея и его главных притоков и не встречаются вдали от них, в степях около озер и других

[1] Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея, Томск, 1886, стр. 12.

[2] Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае, стр. 91 и сл.



1. Карасукские племена; 2. «Гробничные» племена; 3. Сев.-китайские племена; 4. Китай династий Чжоу; 5. Андроновские племена; 6. Казахстанская бронза; 7. Томские племена; 8. Андреевские племена; 9. «Срубные племена»; 10. Хвалынские племена; 11. Киммерийские племена; 12. Лужицкие племена; 13 Кавказская (кобанская) бронза; 14. Митанни; 15. Амирабадские племена; 16. Сейминские могильники и клады; 17. Памятники эпохи бронзы в Якутии. × Отдельные карасукские находки; + Копья с вильчатым стержнем; О—Белонефритовые кольца.

ТАБЛИЦА IX

более мелких водоемов. Андроновские могильники занимают гораздо более обширную территорию, встречаясь и вне речных долин. Карасукские могильники отмечают еще более широкое расселение древних по весьма отдаленным от Енисея местностям.

При этом Минусинская котловина разделяется на две различные зоны. К востоку от Енисея карасукские могильники не уходят по притокам дальше тех пунктов, где были и более ранние кладбища: по Тубе не дальше Теси и Шалаболина, по Сыде не дальше с. Сыдинского. То же можно сказать и о долинах р. Он на юге и р. Сисима на севере. Иную картину видим мы в западной части на енисейском левобережье. Здесь карасукские могильники оказались далеко за пределами границ более ранних кладбищ. По Абакану они встречаются южнее с. Аскыза. По Уйбату они находятся на всем его степном участке (до ст. Уйбат), а по притокам его расположены даже в горной зоне. То же продвижение далеко на запад заметно и в бассейне рр. Теси и Ербы. Мы видели карасукские могильники около с. Баграда и даже Б. Ербы. В более северных районах андроновские могильники найдены далеко на запад от Енисея — около д. Андроновой и улуса Орак. Поэтому наличие карасукских кладбищ в Ужурском районе около того же улуса Орак не является неожиданностью. Оно только подтверждает их более широкое общее распространение на запад. К этому вопросу еще придется возвратиться. Здесь же рассмотрим самые карасукские могильники.

В нашем распоряжении материалы по следующим могильникам: Аскызскому,[1] раск. И. Кузнецовым, Мохову на Уйбате, раск. Левашовой,[2] Окуневу, раск. Теплоуховым,[3] Нининскому, раск. Кузнецовым,[4] Бейскому и Уйбатскому, раск. Киселевым,[5] Лугавскому, раск. Тугариновым,[6] Кривинскому, раск. Киселевым,[7] Тагарскому, раск. Адриановым,[8] Быстрянскому, раск. Левашовой[9] и Киселевым,[10] Подкунинскому, раск. Левашовой,[11] трем Тесинским и Усть-Тесинскому, раск.

---

[1] Кузнецов-Красноярский И. П. Древние могилы Минусинского округа, Томск, 1889.

[2] Дневник экспедиции 1930 г. Находки хранятся в Гос. Эрмитаже.

[3] Отчет раскопок 1926 г. хранится в Архиве ИИМК, отчет раскопок 1927 г. хранится в Архиве ИИМК за 1927 г., дело № 62.

[4] Кузнецов-Красноярский И. П. Отчет в Археолог. комиссии обследования летом 1913 г. Архив ИИМК за 1913 г., дело № 43.

[5] Киселев С. В. Раскопки Карасукского могильника на р. Бее в Хакассии летом 1936 г. Советская археология, № 4, стр. 322—327.

[6] Теплоухов С. А. Древние погребения..., стр. 100—101

[7] Киселев С. В. Материалы археологической экспедиции 1928 г., стр. 59—66.

[8] Выборки из дневников курганных раскопок, стр. 44, и ОАК за 1894 г.

[9] Дневник и находки хранятся в Гос. Эрмитаже, № 248.

[10] Киселев С. В. Карасукские могилы. Советская археология, № 3, стр. 147—152.

[11] Дневник и находки хранятся в Гос. Эрмитаже, № 240.

Киселевым,[1] Джесосскому, раск. Адриановым[2] Сыдинскому, Усть-Сыдинскому и Усть-Ербинскому, раск. Киселевым,[3] Карасукскому и Батеневскому, раск. Теплоуховым,[4] Оракскому, раск. Сосновским[5] и Абаканским, раск, А. Н. Липским[6].

ОПИСАНИЕ

Особенностью большинства карасукских могильников является значительность числа погребений. В афанасьевскую и андроновскую эпохи редко бывали группы свыше 10—15 курганов. В карасукских же могильниках нередко насчитывается больше сотни погребений.

Так же, как и расширение районов, занятых карасукскими могильниками, и несравнимая с предыдущим большая их частота, количественный рост в них погребений свидетельствуют о сильном увеличении населения в Минусинской котловине в карасукское время.

Всего в могильниках исследовано до 250 погребений. Однако материалы, полученные в результате этих исследований, оставляют желать многого, в особенности потому, что многие могильники сильно ограблены. Нередки случаи, когда даже широко поставленными раскопками, как например, на Усть-Ербинском могильнике (42 погребения), не удается обнаружить н и о д н о г о целого погребения. На других могильниках единичные находки неразграбленных могил уже можно считать большим успехом. Вследствие легкой доступности карасукских могил исчезало и то, что не представляло ценности для грабителей; например, часто погибали останки самого покойника, от которого обычно сохраняются единичные кости. Находки черепов очень редки.

Ограбленность могильников лишает нас возможности применить статистические приемы в том объеме, какой был бы необходим и возможен при ином состоянии всегда сравнительно обширного материала. Другой отрицательной чертой исследования карасукских могильников является скромность самих раскопок. Мы имеем исследования множества могильников, но раскопаны на них в лучшем случае 10—15 погребений. Между тем могильники состоят из многих десятков и даже сотен погребений. Это также затрудняет характеристику открытых кладбищ.

Подавляющее большинство карасукских могильников состоит из погребений, отмеченных на поверхности четыреугольными оградками врытых на ребро плит.

---

[1] К и с е л е в С. В. Материалы 1928 г., стр. 66—81. Е г о ж е. Карасукские могилы. Советская археология, № 3, стр. 163—164.

[2] А д р и а н о в А. В. Выборки из дневников, стр. 41 и сл., и ОАК за 1894 г.

[3] К и с е л е в С. В. Карасукские могилы. Советская археология, № 3, стр. 139—147, 152.

[4] Т е п л о у х о в С. А. Древние погребения в Минусинском крае, стр. 91 и сл.

[5] С о с н о в с к и й Г. П. Отчет о раскопках 1927 г. около улуса Орак. Хранится в Архиве ИИМК за 1927 г., № 128.

[6] Л и п с к и й А. Н. Раскопки древних погребений в Хакассии в 1946 году (КСИИМК XXV. 1949, стр. 77—81).

Между оградками встречаются отдельные неогороженные могилы. В настоящее время можно легко разыскать и эти последние, так как часто на поверхности выступают верхние края погребальных каменных ящиков (таковы могильники Аскызский, Кривинский, Мохов, Бейский, Нининский, Быстринские, Подкунинский, Усть-Тесинский, Ильинской горы, Сыдинский, Усть-Сыдинский и Усть-Ербинский). Другая группа карасукских могильников характеризуется наличием наряду с могилами без оградок и с огороженными четыреугольниками — могил, отмеченных на поверхности круглыми оградками из плит, врытых вертикально или положенных плашмя (таковы могильники: Окуневский, Уйбатский, Тесинский, Батеневские (3) и Оракский).

Распределяя могильники на карте, мы не получили какой-либо обособленной локализации обеих групп. Однако следует отметить, что особенно многочисленны погребения, обозначенные на поверхности округлой оградкой в северо-западной части Минусинской котловины (Батени — Орак). В более южных районах округлые оградки встречаются в карасукских могильниках единицами. Округлая оградка, как мы видели выше, была особенно характерна для надмогильных сооружений андроновского и афанасьевского времени. Вопрос о том, не является ли она в карасукскую эпоху пережитком,— придется решать в связи с другими вопросами андроновско-карасукских взаимоотношений.

Мы уже отмечали, что у некоторых карасукских оградок имеются дополнительные, маленькие оградки. Встречаются также сдвоенные и даже строенные большие оградки. Однако такого вида оградки не общераспространенны. Так, из раскопанных могильников они имеются только в Быстрянском, Моховом, Подкунинском, Тесинском, Уйбатском, Усть-Ербинском, в двух Батеневских и Оракском. Да и в них они далеко не часты (например, в Усть-Ербинском их всего 3 из 22 исследованных). Отметим, что устройство дополнительных боковых оградок в Минусинской котловине встречено также и в начале следующей, тагарской, эпохи.

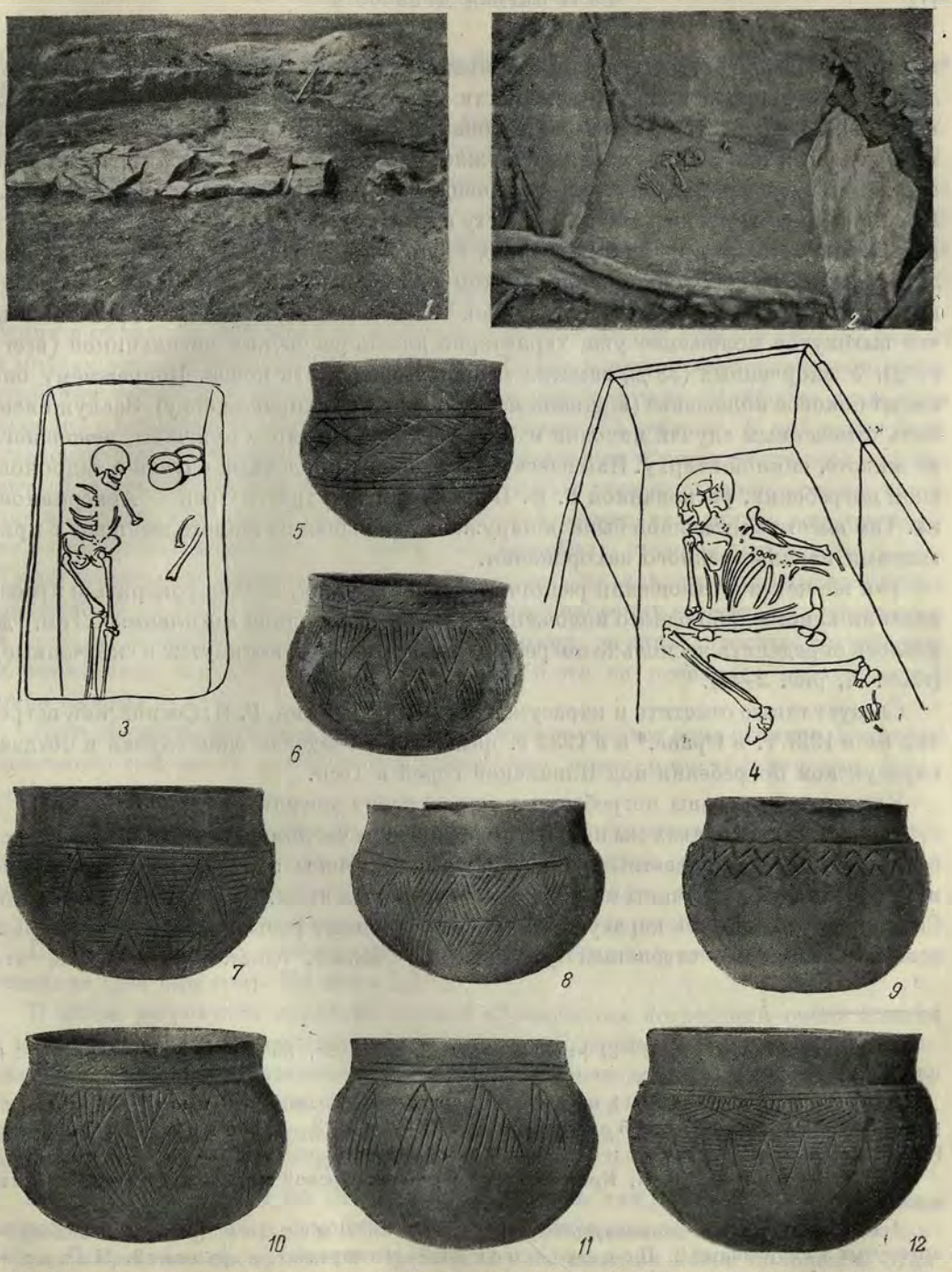
Погребение в карасукское время совершалось обычно в ямах, стенки которых обставлялись плитками девонского песчаника.

Замечено, что в трапециевидных ящиках покойники положены головой в более широкой их части. Вследствие ограбленности большинства карасукских погребений очень редко удается установить ориентировку покойника. Трапециевидные ящики оказывают здесь некоторую помощь.

У большинства из них передней, более широкой стенкой является восточная или северо-западная. Гораздо реже встречаются ящики с широкой стенкой с западной стороны.[1]

Такую ориентировку подтверждает и статистика положения умерших в погребениях, не разрушенных грабителями или разрушенных частично. Большинство ориентировано головой на восток — 67.5% (с отклонениями к востоко-северо-

[1] Ориентированных на В — 24+ВСВ—3, всего 27; на СВ—13; на З—5+ЗЮЗ—2, всего 7.



Виды карасукских погребений у с. Уйбат (рис. 1, 2), у с. Усть-Сыды (рис. 3, 4). Глиняная посуда из карасукских погребений у с. Усть-Ерба в Хакассии (рис. 5—12).

востоку и северо-востоку). Остальные имеют западную ориентировку.[1] Отражают ли различные ориентировки особенности ритуала, характерного для остальных кладбищ,— сказать трудно, так как слишком мало ориентированных погребений исследовано в каждом могильнике. Можно лишь отметить, что обе ориентировки постоянно встречаются вместе, хотя, повидимому, и в различных соотношениях.[2] Различий ориентировки по полу, возрасту и тому подобным признакам не замечено. Покойники лежали в каменных ящиках прямо на грунтовом дне. 52% из определимых оказались на спине в вытянутом положении. Близки к ним лежавшие вытянуто, но на боку (лев.— 12%, прав.— 3%). Таким образом, можно считать, что вытянутое положение уже характерно для карасукских могильников (всего 67%). У скорченных (33%) заметна меньшая согнутость колен. Попрежнему они имеют боковое положение (в равной мере на левом и на правом боку). Заслуживает быть отмеченным случай находки в Усть-Сыде скорченного мужчины, лежавшего на животе, спиной кверху. Нам известен только один подобный случай в андроновском погребении, раскопанном Г. В. Подгаецким [3] на трассе Орск — Аккермановка. Там вместе с мужчиной была обнаружена лежавшая на животе женщина с признаками насильственного захоронения.

Так же как и в отношении различных ориентировок, нельзя говорить о преобладании какого-либо одного положения покойников в одном могильнике. Там, где удалось определить несколько погребений, встретились и вытянутые и скорченные [4] (табл. X, рис. 2—4).

Следует также отметить и карасукские трупосожжения. Г. П. Сосновский встретил их в 1927 г. в Ораке,[5] а в 1932 г. нами был исследован один случай в позднекарасукском погребении под Ильинской горой в Теси.

Как сгруппированы погребения в карасукских могильниках?

В предыдущих главах мы имели дело с большим числом индивидуальных погребений, а также с совместными погребениями мужчины и женщины в одной яме и с погребениями мужчины и женщины в отдельных ямах, но под одной насыпью. Сильная ограбленность карасукских могил затрудняет разыскания в этом направлении, особенно по отдельным могильникам. Можно, однако, утверждать, что

---

[1] Ориентированных на В—21+ВСВ—2+СВ—6, всего 29; на З—6+ЗЮЗ—5+ЗСЗ—2++СЗ—1, всего 14.

[2] Кривинское — из 11 определимых ориентировано на В—8 и на З—3. Быстрая (раск. Левашовой) — из 5 ориентировано на В—1 и на З—4. Мохов — все 5 ориентированы на В. Подкунинский — из 3 определимых ориентировано на В—1 и на З—2.

[3] Подгаецкий Г. В. Краткий отчет о работах Орской экспедиции. Советская археология, № 4, стр. 332.

[4] Кривинское — вытянутых 5, скорченных 3,. Быстрая (раск. Левашовой) — вытянутых 3, скорченных 2. Подкунинский — вытянутых 1, скорченных 2. Мохов — вытянутых 1, скорченных 2.

[5] Орак, 1927, могилы № 3 и 6.

господствующей формой погребения в карасукскую эпоху является одиночная могила (ящик).

Это подтверждается подсчетом. Из доступных изучению 140 памятников 106, или 70%, составляют одиночные (93 взрослых и 13 детей различного возраста). Погребения мужчины и женщины одновременно в одном ящике в карасукскую эпоху, повидимому, весьма редки. Мы зарегистрировали только 2 несомненных случая (1.4%). Следующие 8.5% составляют 12 случаев захоронения в пределах одной ограды в отдельных ящиках двух взрослых. При легкой доступности карасукских ящиков с поверхности земли нельзя утверждать об одновременности погребения в обоих. Постоянная же симметрия в расположении ящиков говорит только в пользу одновременности их сооружения. Более понятны немногочисленные погребения взрослых и детей, объединенные в одной ограде. Наиболее ясна одна оградка с отдельными ящиками мужчины, женщины и ребенка. К ней могут быть присоединены еще три с погребениями двух взрослых и последовательно одного, двух и четырех детей. Сюда же можно причислить и одну из оградок с совместными погребениями, где, кроме ящика с двумя покойниками, находились еще два ящика — взрослого и ребенка. В целом эта «семейная группа» составляет 3.5 %. Такой показатель очень близок к полученному для аналогичных андроновских погребений (3.2%). Так же, как и среди андроновских курганов, встречаются и «многолюдные» оградки. В одной, например, четыре взрослых погребения. К сожалению, пол здесь остался неизвестен, и это не позволяет делать какие-либо выводы.

Быть осторожным в таких случаях особенно заставляет одна оградка, в которой оказались три ящика со взрослыми женщинами, повидимому объединенными родством.

Наконец, особую группу составляют погребения взрослого и одного или двух детей (7%). Обычно в них видят могилы матерей с детьми. Однако среди карасукских имеется погребение мужчины и ребенка. Надо быть осторожным в выводах в тех случаях, когда пол и возраст взрослого остается невыясненным.

Последнюю группу составляют карасукские оградки с несколькими детскими ящиками (два или три). Их всего 2.2%.

В целом результаты изучения состава карасукских погребений очень близки к полученным для предшествующего времени. Попрежнему основная группа — одиночные могилы, попрежнему имеются немногочисленные совместные погребения мужчины и женщины, попрежнему встречаются единичные погребения нескольких взрослых, объединенных родством. Оградка, с тремя ящиками с останками женщин архаизирует этот последний тип.

Вместе с тем нельзя не отметить устойчивость так называемых «семейных» погребений. Повидимому, семейная пара приобретает иногда особую самостоятельность. Погребение же мужчины с ребенком указывает на новое положение отца по отношению к детям.

Таким образом, и для времени карасукских могильников мы можем говорить о признаках развития новых основ родового строя, когда родство по мужской линии приобретает большое значение.

2. НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ В КАРАСУКСКУЮ ЭПОХУ

В вопросе о населении мы опираемся на многолетние исследования Г. Ф. Дебеца, который изучил почти все карасукские черепа и скелеты, хранящиеся в различных музеях Москвы, Ленинграда, Томска, Красноярска и Минусинска.

Еще в 1931 г., впервые подводя итоги изучению тогда еще сравнительно небольшой серии карасукских черепов, Г. Ф. Дебец писал: «Особенно резко выступают различия между карасукскими черепами и андроновскими. По некоторым признакам (лицевой указатель) разница почти равна амплитуде межгрупповой его вариации у человека. При этом лицо у карасукцев выше и у́же, что противоречит обычному характеру внутригрупповой связи между этими размерами и указывает на самостоятельный ход развития лицевого скелета в обеих группах. В таком же соотношении находятся черепной и лицевой указатели. В пределах внутригрупповой изменчивости более короткоголовые имеют и более широкие лица — в наших двух группах это соотношение обратное. Далее, короткоголовые карасукцы имеют значительно более удлиненное лицо. Общие размеры черепа карасукцев значительно меньше, кости тоньше, все строение более «грацильно». Головной деформизм у карасукцев гораздо менее резко выражен, чем у андроновцев. Что касается происхождения карасукского типа, то и о нем пока нельзя ничего сказать. Нет, конечно, необходимости приводить его с Памира, но вообще в более близких районах подобные типы пока неизвестны. В карасукской стадии уже можно определенно говорить о примеси афанасьевского элемента и с большей долей вероятности — андроновского».[1]

В 1932 году Г. Ф. Дебец опубликовал статью «Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя (к вопросу о миграции в доклассовом обществе)».[2] В этой статье Г. Ф. Дебец вновь подчеркивает резкое отличие большинства исследованных им карасукцев от их предшественников — людей афанасьевской и андроновской эпохи. Вместе с тем, автор указывает несколько черепов из карасукских могильников около Лугавского и Кокоревой, обнаруживающих сходство с афанасьевскими, а также череп из могилы № 23, погребения III, у с. Усть-Ербы, в мощном надбровии которого можно видеть результат влияния андроновского типа. Таким образом, вновь подчеркиваются случаи смешения старых физических

---

[1] Дебец Г. Ф. Антропологические типы Минусинского края на стадии родового общества. Тезисы доклада, читанного на заседании МОГАИМК в декабре 1931 г.

[2] «Антропологический журнал», 1932, № 2, стр. 26—48.

типов минусинского населения с новыми, столь резко отличными от них. Что касается этой новой, основной в карасукских могильниках группы, то в 1932 г. Г. Ф. Дебец дает такое определение ее места в расовой систематике: «Высокое лицо, округлые высокие орбиты, довольно большой процент средневыступающих или даже плоских носов не встречается у европеоидных рас и скорее указывает на монголоидное происхождение этого типа. Средние размеры ширины лица как будто не характерны для монголоидов вообще, но тем не менее некоторые монголоидные типы имеют еще меньший скуловой диаметр [например, неолитические черепа из Китая — 132.2; современные северные китайцы, по Блэку — 132.7 (14)]. Некоторая наклонность к мезогнатности, наблюдаемая на карасукской серии, и средненаклочный лоб также ведут к той же группе дальневосточных рас. Пока у нас нет материала для более точного определения, но надо заметить, что основное различие карасукцев от северокитайского типа заключается в 23 единицах черепного указателя».[1] Так впервые было сформулировано положение о сходстве карасукцев с дальневосточными расами. При этом в специальном примечании Г. Ф. Дебец признал ошибочными свои прежние сближения карасукских черепов с памирским типом, монголоидный облик которого «является результатом значительно более поздней метисации».[2]

Дальнейшая работа над новыми карасукскими материалами заставила Г. Ф. Дебеца еще более подчеркивать смешанность карасукского населения. В 1937 г. он характеризует карасукские костяки как тип крайне смешанный. «Весьма вероятна примесь монголоидных узколицых типов Дальнего Востока».[3] Наконец, за последние годы, работая над своим капитальным трудом «Палеоантропология СССР», Г. Ф. Дебец окончательно пришел к выводу о наличии в карасукскую эпоху проникновения населения с юго-востока на средний Енисей. Попрежнему он подчеркивает исключительную смешанность карасукского типа и указывает примеры пережитков старых типов. Однако общая тенденция развития физического облика карасукцев заключается в своеобразной монголизации, при которой сохраняется заметная узколикость. Вырабатывается особый тип, наиболее близкий к северокитайскому, маньчжурскому и корейскому. Кроме того, спорадически наблюдается новый европеоидно-брахикранный элемент, который станет довольно распространенным в следующую за карасукской тагарскую эпоху.[4]

---

[1] Дебец Г. Ф. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя. К вопросу о миграциях в доклассовом обществе. Антропологический журнал, 1932, № 2, стр. 30.

[2] Антропологический журнал, 1932, № 2, стр. 30, примечание.

[3] Тезисы доклада Г. Ф. Дебеца. «Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья», читанного 1 апреля 1937 г. на заседании Совета Ин-та антропологии МГУ.

[4] Я имел возможность с любезного разрешения Г. Ф. Дебеца неоднократно знакомиться с его «Палеоантропологией СССР» еще в рукописи. Кроме того, в декабре 1940 г. Г. Ф. сформулировал все изложенные здесь взгляды в докладе «Основные итоги изучения палеоантропологии СССР», прочтенном на заседании Ин-та антропологии. См. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР, стр. 79—82.

Таким образом, долголетние палеоантропологические исследования карасукских костяков привели к выводу о сильнейшей инфильтрации монголоидных элементов северокитайского типа с юго-востока и о сохранении в этом измененном населении старых афанасьевско-андроновских типов, которые, повидимому, сливались с пришельцами. Появление европеоидов-брахикранов интересно уже в связи с вопросом о позднейших судьбах среднеенисейского населения в тагарскую эпоху.

Перейдем теперь к изучению инвентаря карасукских могил. При этом удается сравнить только что изложенные выводы палеоантропологии с археологическими.

3. ИНВЕНТАРЬ

Естественно, что ограбления карасукских могил особенно неблагоприятно отразились на их инвентаре. Часто остается неизвестным даже размещение вещей на костюме, в убранстве и в снаряжении. Мы почти лишены также возможности сравнивать погребения одно с другим по количеству содержащихся в них предметов.

Можно все же заметить, что инвентарь карасукских погребений весьма однообразен. Однако по количеству вещей карасукские могилы различны. В каждом могильнике, где не все могилы ограблены, мы встретим погребения со значительным количеством различных украшений, глиняных сосудов и других изделий, но одновременно попадутся и такие, которые содержат всего одну-две вещи. Но в такой неодинаковости инвентаря нельзя видеть отражения какого-либо имущественного различия. Качественно все вещи и в тех и в других погребениях совершенно одинаковы. Кроме того, известны случаи находок в «бедных» инвентарем погребениях более значительных изделий. Сошлемся хотя бы на могилу № 8 исследованного в 1938 г. могильника около Уйбат, где кроме глиняного сосуда Г. Ф. Дебец нашел всего один предмет, но это был прекрасный, массивный бронзовый нож. То же имело место в 1927 г. в могильнике около улуса Окунева, где в могиле № 9 также был найден только сосуд и хорошей работы бронзовый нож, гораздо более ценный, чем многочисленные бронзовые украшения из соседних погребений.[1]

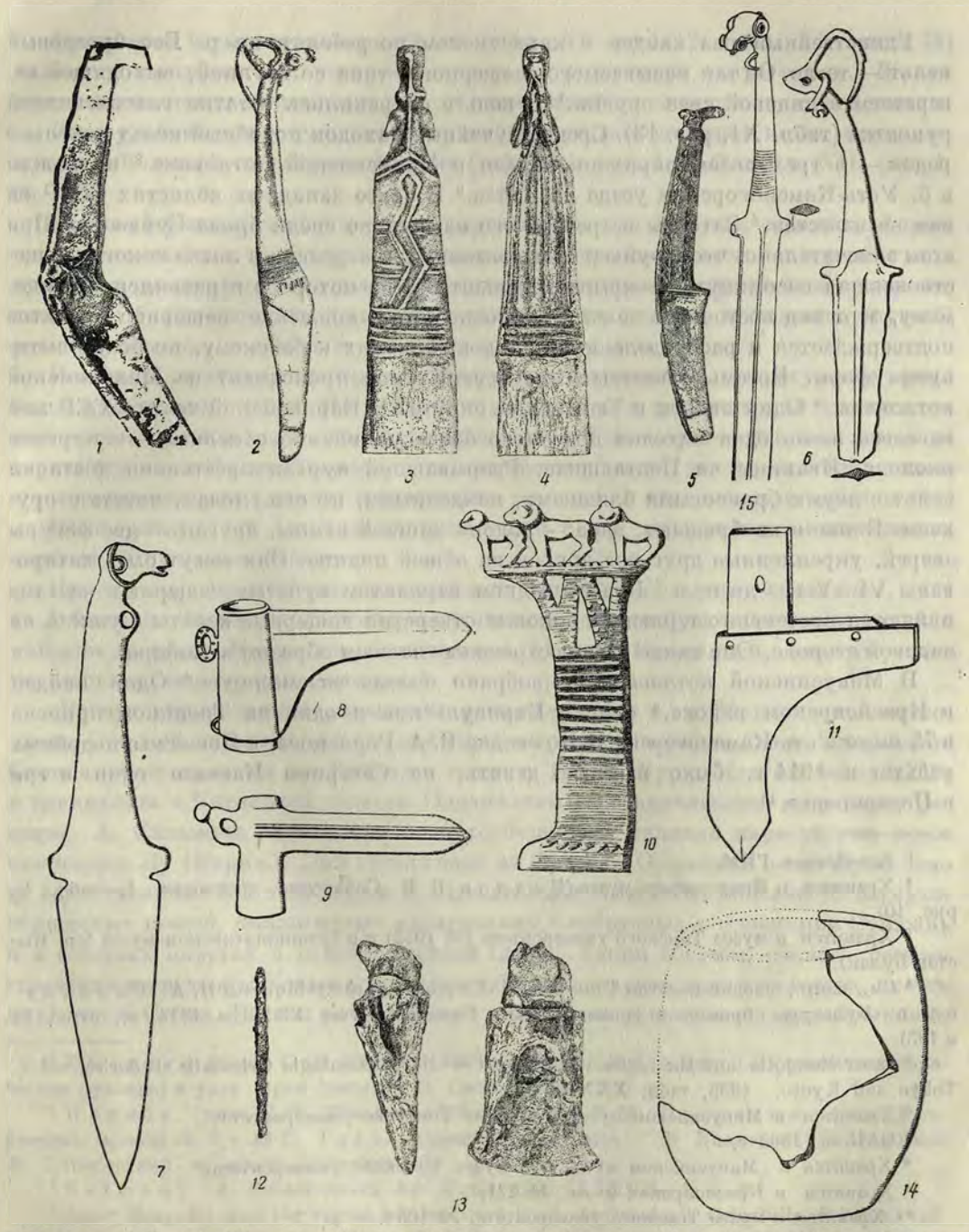
Переходим к рассмотрению отдельных вещей, найденных в карасукских могилах.

ОРУДИЯ И ОРУЖИЕ

Грабителей, очевидно, привлекали главным образом массивные бронзовые вещи, прежде всего орудия и оружие. Поэтому их мы находим в карасукских могилах особенно редко.

---

[1] Архив ИИМК за 1927 г., дело № 62.



Бронзовые орудия карасукского времени из Минусинской котловины (рис. 1, 2, 5, 9, 12, 13), из Бурят-Монгольской АССР (рис. 6), из Читинской обл. (рис. 7, 15—последний из с. Боты, длиной 80 см.) из Сеймы, бл. Горького (рис. 3—4), из Турбино, Молотовской области (рис. 10). из провинции Суйюань (рис. 8). Нефритовый клевец из Северного Китая (рис. 11). Глиняный сосуд из позднекарасукского погребения ок. с. Теси на среднем Енисее (рис. 14).

Единственный раз найден в карасукском погребении на р. Бее бронзовый кельт — тесло. Он так называемого «пещерного» типа со втулкой, выходящей отверстием в лицевой срез орудия.[1] В кельте сохранились остатки глаголевидной рукоятки (табл. XI, рис. 13). Среди случайных находок подобный кельт довольно редок — в трех экземплярах он найден в Минусинской котловине [2] и дважды в б. Усть-Каменогорском уезде на Алтае.[3] В более западных областях СССР он нам не известен.[4] Зато мы встречаем его на востоке среди бронз Суйюани.[5] При этом замечательно, что у суйюанского экземпляра передана в литье некогда существовавшая несомкнутость крыльев пальштаба, из которого и развился, повидимому, этот вид восточного кельта. Восточное происхождение «пещерных» кельтов подтверждается и распределением находок, близких к бейскому, но более вытянутых форм. Восемь известных мне экземпляров происходят из Минусинской котловины.[6] Один найден в Тюменском округе. В Европейской части СССР мне известна лишь одна находка подобного более удлиненного кельта — в кургане около с. Иваницы на Полтавщине. Разрывавший курган крестьянин доставил кельт с двумя бронзовыми бляшками, найденными, по его словам, вместе с орудием. Бляшки изображают: одна — голову хищной птицы, другая — две фигуры зверей, укрепленные друг под другом на общей планке. Они могут быть датированы VI—V вв. до н. э.[7] Более поздним вариантом простых пещерных кельтов являются постепенно теряющие боковые отверстия пещерные кельты с ушком на лицевой стороне. Они также распространены главным образом в Сибири.

В Минусинской котловине их собрано восемь экземпляров.[8] Один найден в Красноярском районе,[9] один в Барнаульском и один на Троицком прииске в 75 км от Усть-Каменогорска.[10] По сводке В. А. Городцова, в Поволжье подобных кельтов в 1914 г. было известно девять, на Северном Кавказе один и три в Поднепровье.[11]

---

[1] Хранится в ГИМ.

[2] Хранится в Минусинском музее (Радлов В. В. Сибирские древности, I, табл. V, рис. 10).

[3] Хранится в музее Томского университета (№ 1085) и в Семипалатинском музее (ср. Кыстав-Булак).

[4] См., напр., сводки кельтов Тальгрена в «La pontide prèscythique» и В. А. Городцова в «Культуры бронзовой эпохи средней России» (Отчет ГИМ за 1914 г., стр. 192 и 193).

[5] Inner Mongolia and the region of the Great Wall. Archaeologia Orientalis. B Series, vol. 1, Tokyo and Kyoto, 1935, табл. XXXVI, 14.

[6] Хранятся в Минусинском музее и в музее Томского университета.

[7] ОАК за 1895 г.

[8] Хранятся в Минусинском музее и в музее Томского университета.

[9] Хранится в Красноярском музее, № 221.

[10] Хранится в музее Томского университета, № 1084.

[11] Городцов В. А. Культура бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Исторического музея за 1914 г., стр. 193.

Бронзовые четырехгранные шилья (табл. XI, рис. 12, табл. XII, рис. 48) являются инструментом, часто находимым в карасукских погребениях.[1] Шилья этого типа постоянно встречаются среди памятников бронзового века нашей страны.

Из орудий в карасукских могилах находят также бронзовые ножи, принадлежащие к большой своеобразной серии (табл. XI, рис. 1, 2, 5, табл. XII, рис. 1, 60—63).

Все карасукские ножи мы можем разделить на три больших отдела по форме: ножи «коленчатые», у которых обушок как бы переламывается под тупым углом при переходе от рукоятки к клинку; «вогнутообушковые» — часто также коленчатые, но с обушком, как бы вогнутым в нижней части клинка, и, наконец, «дугообразнообушковые» — с обушком, выгнутым плавной дугой.

Наиболее распространенными в Минусинской котловине в карасукское время были «коленчатые» ножи. Их найдено там случайно в различных местностях сто два экземпляра. Кроме того, четыре встретились в Красноярском районе и два на севере Ачинского. Помимо коленчатости, все они отличаются выступом, отделяющим спереди рукоятку от клинка, и навершием рукоятки в виде полукруглой шляпки.

Коленчатые ножи уже давно сравнивали с так называемыми «монетными» ножами Китая эпохи Чжоу.

Приведенные ниже факты позволяют это сделать с большим основанием.

В большинстве своем близкие к «коленчатым» вогнутообушковые ножи случайно найдены на полях Минусинской котловины (51 экз.). Кроме того, они четырежды встречены в карасукских могилах.[2]

«Вогнутообушковые» ножи широко распространены и вне Минусинской котловины. Один из них найден в районе Красноярска, четыре на Алтае, один около Семипалатинска, один на Байкале, один в Тунке (Бурят-Монгольская АССР) и тринадцать в Читинской области. Однако этим не ограничивается их распространение. А. Сальмони описал три вогнутообушковых типично карасукских ножа коллекции Лу (Париж). Они происходят из Ордоса.[3] Ордосские ножи Лу далеко не единственные. В I томе серии B «Archaeologia Orientalis» описано 18 вогнутообушковых ножей, аналогичных карасукским,[4] собранных в провинции Суйюань и в соседних округах в районе Великой Стены. Таким образом, область распространения вогнутообушковых ножей может быть расширена далеко на восток, вплоть до Великой Стены. Весьма разнообразно завершение рукояток вогнутообушковых

[1] Быстрая (раск. С. В. Киселева 1929 г.), могила № 1 (найден в костяном цилиндрическом футляре) и улус Орак (раск. Г. П. Сосновского в 1927 г.).

[2] Кривая (раск. С. В. Киселева 1928 г.), могила № 21; Лугавское (раск. Тугаринова), могилы № 3 и № 6; Тесь, Ильинская гора (раск. С. В. Киселева 1932 г.), могила № 1 (последний не имеет коленчатости).

[3] Salmony A. Sino-Siberian Art. Paris, 1933, XXXVII—3, 5, 6.

[4] Inner Mongolia and the region of the Great Wall. Archaeologia Orientalis. B Series, vol I. Tokyo and Kyoto, 1935, табл. IV—4, 5, 6; V—1, 5; VI—4, 5, 6, 8, 10, 11; IX—8; XLI—4; XLIII—1, 3, 4, 6, 8, 9.

ножей. Мы видим здесь и полукруглые колпачки, как у коленчатых, и кольца, и овальные петли, и простые округлые отверстия в рукоятке. Особо выделяются вогнутообушковые ножи, увенчанные литой скульптурой, изображающей не голову, а целую фигуру животного. Об этих скульптурах мы еще будем говорить ниже. Здесь лишь отмечу, что схематический рельеф изображения зверя, стоящего на навершии ножа, найденного в карасукской могиле № 3 с. Лугавского,[1] представляет собой первую попытку разработки фигуры зверя, которая станет столь характерной для украшения наверший ножей и кинжалов в следующую, тагарскую, эпоху.

Необходимо еще отметить вогнутообушковые ножи, имеющие навершие в виде дужки, утвержденной на выступающем над ручкой *кронштейне*.

Один из них найден в карасукском погребении под Ильинской горой около с. Тесь на Тубе, замечательном тем, что в нем оказались обломки баночных сосудов вполне тагарского вида (табл. XII, рис. 60, табл. XI, рис. 14). Это одно из переходных карасук-тагарских погребений (см. ниже).

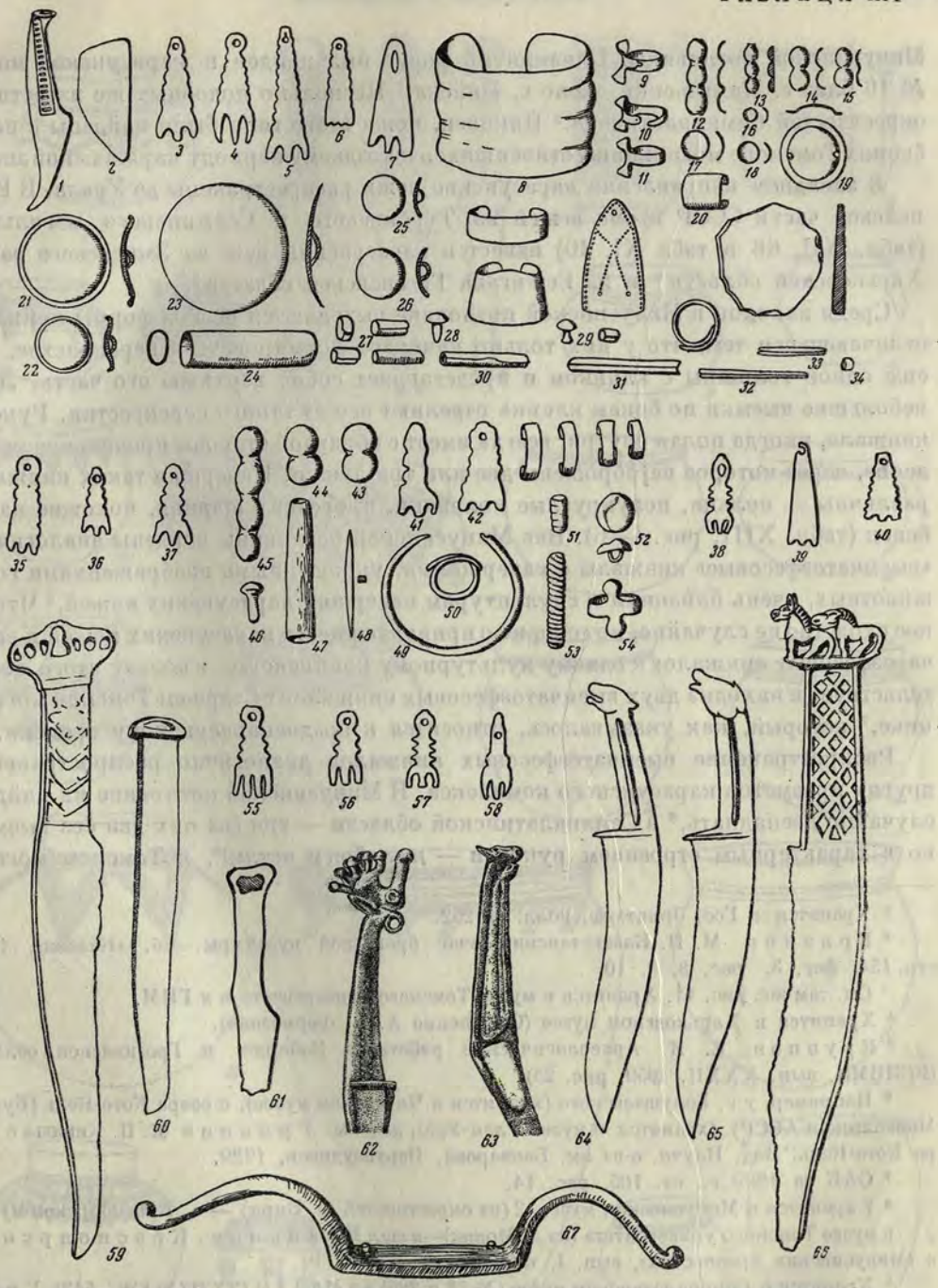
Ножи с кронштейном распространены главным образом в Минусинской котловине, где их найдено случайно 26 экземпляров. На Алтае встречен всего один, под Красноярском — один, в Старшем Томском могильнике — один и один в Тунке (Бурят-Монгольская АССР).

Массивные бронзовые карасукские ножи с дугообразным обушком по строению своей рукоятки, по ее орнаментации и по наличию спереди выступа, отделяющего рукоятку от клинка, очень близки к коленчатым и вогнутообушковым. Трижды они встречены в карасукских погребениях.[2] Кроме того, 31 нож найден случайно на полях Минусинской котловины. Дугообразнообушковые карасукские ножи имеют широкое распространение. Они найдены на Алтае (Чемал — 1), в Томском могильнике (1), на Байкале (стоянка Улан-Хада — 1), в окрестностях Кяхты (1) и в Читинской области (4). Кроме того, дугообразнообушковые ножи найдены также в районах к северу от Китайской Стены — в «Archaeologia Orientalis» их описано 16 экземпляров. До 10 известны из МНР.[3] Завершение рукояток дугообразнообушковых ножей аналогично вогнутообушковым. Особенно распространены полукруглые колпачки и кольца Последних иногда бывает два, тесно соприкасающихся друг с другом. Встречаются также и скульптурные навершия, о которых нам еще придется говорить ниже. Отметим особо распространение плоских дугообразнообушковых ножей, не имеющих навершия у рукоятки. Один из них найден Г. П. Сосновским в карасукской могиле близ улуса Орак, в северной части

[1] Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, Л., 1927, табл. XI, рис. 36 (хранится в Красноярском музее).

[2] Р. Бея (раск. С. В. Киселева 1936 г.), могила № 3; Уйбат (раск. Г. Ф. Дебец, 1938 г.), могила № 8 (на рукоятке кольцо); улус Орак (раск. Г. Г. Сосновского 1927 г.) — плоский.

[3] Archaeologia Orientalis. B Series, vol. I. табл. IV—23; V—4, 6, 7; VI—7; XVI—3, 6—11, XLII—II; XLIII—5, 7, 12, 16. Киселев С. В. Монголия в древности. Известия АН СССР. Серия истории и философии, т. IV, № 4, 1947, стр. 359, рис. 2, г.



Бронзовые украшения и орудия карасукского времени из Минусинской котловины (рис. 1—58, 60—63, 67), из Сеймы Горьковской обл. (рис. 66), из Иркутской обл. (рис. 59), из Аньяна, пров. Хэнань, Китай (рис. 64, 65).

Минусинской котловины. Близкий по форме был найден в карасукской могиле № 16 близ с. Камышенки около г. Бийска.[1] Несколько подобных же известно из окрестностей Семипалатинска.[2] Наконец, ножи этого типа были найдены в погребениях Томского могильника, относящихся к позднему периоду карасукской эпохи.[3]

В западном направлении карасукские ножи распространены до Урала. В Европейской части СССР кроме ножей из Турбинского и Сейминского могильника (табл. XII, 66 и табл XI, 10) известен карасукский нож из Змиевского района Харьковской области[4] и из Божигана Грозненской области[5].

Среди находок в Минусинской котловине выделяются особой формы кинжалы, отличающиеся тем, что у них только начинает формироваться перекрестие. Оно еще одной толщины с клинком и представляет собой верхнюю его часть. Лишь небольшие выемки по бокам клинка отделяют его от такого перекрестия. Рукоять кинжала, иногда полая внутри, всегда имеет с обратной стороны продольное углубление, через которое переброшены две или три дужки. Навершия таких кинжалов различны — кольца, полукруглые колпачки, прорезные шарики, похожие на бубенец (табл. XIII, рис. 4—6). Вне Минусинской котловины найдены аналогичные «выемчатоэфесовые» кинжалы с навершиями, украшенными изображениями голов животных, очень близкими к скульптурам наверший карасукских ножей.[6] Что такое сходство не случайно, но говорит о принадлежности карасукских ножей и выемчатоэфесовых кинжалов к одному культурному комплексу, — в пользу этого свидетельствует и находка двух выемчатоэфесовых кинжалов в Старшем Томском могильнике,[7] который, как указывалось, относится к позднекарасукскому времени.

Распространение выемчатоэфесовых кинжалов аналогично распространению других предметов карасукского комплекса. В Минусинской котловине их найдено случайно двенадцать,[8] в Семипалатинской области — три (из них два без выемок, но с характерным строением рукояти — желобок и петли)[9], в Томском могиль-

---

[1] Хранится в Гос. Эрмитаже, колл. № 252.

[2] Грязнов М. П. Казакстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казаки», 1930, стр. 154, фиг. 3, рис. 8, 9, 10.

[3] См. там же, рис. 11. Хранятся в музее Томского университета и в ГИМ.

[4] Хранится в Харьковском музее (Сообщение А. А. Формозова).

[5] Крупнов Е. И. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области (КСИИМК, вып. XXXII. 1950, рис. 25).

[6] Например, у с. Голушаевского (хранятся в Читинском музее), с озера Кото-Кель (Бурят-Монгольская АССР) (хранится в музее Улан-Удэ); изданы: Грязнов М. П. Кинжал с озера Кото-Кель. Изд. Научн. о-ва им. Банзарова. Верхнеудинск, 1929.

[7] ОАК за 1889 г., ст. 105, рис. 14.

[8] 7 хранятся в Минусинском музее, 2 (из окрестностей с. Биря) — в Красноярском музее, 2 — в музее Томского университета (из д. Монок)—издал Кузнецов-Красноярский в «Минусинских древностях», вып. I, табл. 15.

[9] Хранятся в Семипалатинском музее (№ 78 и 285) и в МАЭ АН СССР (№ 839—542). Грязнов М. П. Кинжал с озера Кото-Кель, рис. 3, и он же. Казакстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казаки», Л., 1930, рис. 18 и 19.



Бронзовые кинжалы и глиняные сосуды карасукского времени из Минусинской котловины

нике — два и на востоке — в Забайкалье — два,[1] в Северном Китае — семь.[2] Заслуживает также внимания единственный пока длинный бронзовый выемчато-эфесовый меч, во всех деталях сходный с кинжалами.[3] Он найден на дне высохшего озера Спльгумдже в 150 км от г. Вилюйска в Якутии.

Среди бронзовых *клевцов*, найденных случайно в Минусинской котловине, имеется один вид, не встреченный в тагарских курганах. Он имеет подконическую втулку и плоское острие. Оно или треугольное или более ровное, заостряющееся лишь к концу. Вместо обушка к тыльной стороне втулки в верхней части примыкает петля в виде дугообразного ушка, иногда имеющего сверху выступ — кнопку (табл. XI, рис. 9). Находки подобных клевцов очень редки. Всего два экземпляра известны мне из Минусинской котловины[4]. Два происходят из долины р. Уса на границе с Тувинской Авт. областью, к югу от Саян.[5] Наконец, два найдены в Старшем Томском могильнике.[6] Последняя находка позволяет нам и минусинские экземпляры относить к карасукскому времени.

Это вполне подтверждается историей клевца в Китае. В эпоху Шан-Инь там широко распространены нефритовые и бронзовые клевцы, отличающиеся плоским острием и скреплением с рукояткой при помощи плоского шипа — черена. Для подобных клевцов, найденных в Аньяне и относящихся к XV — XIV вв. до н. э., характерно наличие перед череном направленного вниз выступа — бородки, плавным изгибом переходящей в острие [7] (табл. XI, рис. 11). Во Внутренней Монголии найден бронзовый клевец, всеми своими особенностями близкий к карасукским из Сибири. Однако он еще сохранил от шан-иньского прототипа, несмотря на наличие массивной удлиненной втулки, выступающую под острием бородку.[8] Это заставляет видеть в монгольском клевце связующее звено между клевцами Аньяна и карасукскими из Сибири. Так же как и в ножах, и здесь обнаруживается указание на генетическую связь карасукских бронз Сибири и Суйюани с культурой

---

[1] См. выше.

[2] Minns E. H. Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, fig. 151; Salmony A. Sino-Siberian Art, pl. XXXVI—2; Archaeologia Orientalis. B Series, vol. I, corpus II, A, 1—4 pl. XL—1,5.

[3] Anoutchine D. Notice sur quelques épées anciennes en bronze, trouvées dans la Russie et en Sibérie. Travaux du Congr. de l'Archèologie préhistorique à Moscou, 1892, т. I, p. 342—345; Сосновский Г. П. Заметки по археологии Прибайкалья. Труды Секции, 1925, табл., рис. 1.

[4] Хранятся в Минусинском музее (2) и в ГИМ (1).

[5] Хранятся там же.

[6] Изданы: Кузнецов С. К. Отчет об археологических раскопках в окрестностях Томска, табл. IV рис. 3; ОАК за 1889 г., стр. 104, рис. 6.

[7] Creel G. La naissance de la Chine. Paris, 1937; Illustrated Catalogue of Chinese Government Exhibits for the International Exhibition of Chinese Art in London. Vol. IV, Nanking, 1937, p. 137, 77, 78.

[8] Janse O. L'empire des steppes. Pl. V, fig. 13; Revue des Arts Asiatiques, 1935, vol. IX.

собственно Китая в цветущую эпоху Шан-Инь (табл. XI, рис. 8). К карасукскому времени следует также отнести и некоторые орудия, найденные случайно в Минусинской котловине.

В погребении найден только один кельт пещерного типа (табл. XI, рис. 13).[1] Однако по находкам в Старшем Томском могильнике и в погребении на Базаихе около Красноярска можно считать карасукскими и другие формы. Это прежде всего низкие простые клиновидные кельты. Вполне возможно, что многие из них относятся и к более позднему тагарскому времени, однако впервые они появились в карасуке. Распространены они главным образом в Минусинской котловине.

Затем по литейной форме, найденной в Старшем Томском могильнике,[2] к концу карасукского времени можно относить клиновидные гладкие кельты с ушком на широкой грани.[3] Наконец, карасукскими же можно считать сверху овальные, а в нижней части гранчатые кельты типа Базаихи, отличающиеся наличием вертикальной выпуклости на плоской грани (прототип «носа» раннетагарских кельтов).[4]

К карасукскому же времени относятся так называемые «секачи» сосново-мазинского типа.[5] Они, очевидно, западного происхождения. Путь их распространения на восток отмечают два экземпляра, хранящиеся в Омском музее. Нам уже известна форма андроновского серпа, для которого характерна округлость верхнего конца.

С другой стороны, серию выдержанно однообразных форм составляют серпы тагарского времени.[6] Однако есть среди минусинских бронз такие серпы, которые отличаются и от андроновских и от тагарских. Они уже не черешковые, как андроновские. Для прикрепления к рукоятке в них имеется отверстие, как у тагарских. Но от последних их отличает небрежность отливки, большие размеры отверстий и своеобразие формы. Они, так же как и тагарские, заострены на конце, но конец этот несколько отогнут. Благодаря такой особенности эти серпы напоминают западно-европейские бронзового века, а главное, они сближаются с вогнутообушковыми карасукскими ножами. Незначительное количество находок таких серпов, может быть, объясняется меньшим значением земледелия в Минусинской котловине в карасукскую эпоху.[7] Ниже мы увидим, что для этого имеются и другие причины.

---

[1] Большой курган карасукского могильника на р. Бее около ст. Уйбат.

[2] ОАК за 1889 г., стр. 109, рис. 37.

[3] 35 — хранятся в Минусинском музее, 2—в Красноярском и 3 — в музее Томского университета.

[4] Хранятся в МАЭ АН СССР, № 1259—26.

[5] Радлов В. В. Сибирские древности, табл. XV, рис. 1. Хранятся в Минусинском музее (9 экз.).

[6] См. след. главу.

[7] Радлов В. В. Сибирские древности, табл. XV, рис. 2, 3. В Минусинском музее хранятся 2, в Красноярском — 1, в музее Томского университета — 1. Последний интересен пилообразной заточенностью лезвия (№ 4045).

Суммируя все сказанное об орудиях и оружии карасукского времени, мы прежде всего должны отметить значительную высоту техники их выделки, что свидетельствует о большом шаге вперед бронзовой индустрии. Весьма увеличивается и разнообразие видов и форм изделий, отражающее растущую специализацию орудий. Вместе с тем карасукские орудия и оружие отличаются впервые в бронзовом веке Сибири особенно характерными формами, для которых можно проследить область их распространения. Характерность карасукских бронз позволяет поставить вопрос и об их происхождении.

Для Южной Сибири, несомненно, Минусинская котловина является центром наибольшего распространения карасукских форм оружия и орудий.

К западу только Алтай и район Семипалатинска регулярно дают известное количество карасукских бронз.[1]

Далее на запад они встречаются только единицами, и их находки отделены одна от другой сотнями километров. Это еще раз подчеркивает случайность их проникновения. При этом характерно, что находки сделаны главным образом в северных районах, а не в степных.

Этапами распространения карасукских бронз на севере можно считать Старший Томский могильник как ближайший к Енисею пункт, а затем находки между Обью и Тоболом.[2] Ниже мы увидим, что это направление имеет продолжение и дальше на запад.

К югу от Минусинской котловины лежат мало изученные в археологическом отношении Тува и Монголия. В Монголии много находок карасукских бронз, хранящихся в Национальном музее. Есть они и в музее Кызыла.

Красноярский север, так же как и горнотаежные районы к востоку от Енисея, дали пока сравнительно редкие находки карасукских бронз.[3] Иное дело — район южного Байкала и Забайкалья, окрестности Читы и долина Селенги. Там найдено очень большое количество ножей и кинжалы карасукских форм. Иные из них тождественны с минусинскими и, кажется, что они сделаны в одной литейной форме.

Однако это не крайний предел распространения карасукских орудий на востоке. Уже зарегистрированы находки отдельных карасукских ножей на востоке Монгольской Народной Республики. Наконец, во Внешней Монголии, в Ордосе, в провинции Суйюань мы встречаем район многочисленных находок ножей, кинжалов и кельтов карасукских форм.

Мы видим, таким образом, что район распространения карасукского оружия и орудий существенно отличается от андроновского. В андроновское время ясно прослеживались тесные культурные связи населения среднего Енисея с западом,

---

[1] Грязнов М. П. Казакстанский очаг бронзовой культуры, Л., 1930.

[2] Хранятся в ГИМ.

[3] Киселев С. В. Монголия в древности, стр. 359—361, рис. 2; Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района, Красноярск, 1929, стр. 36—38.

с андроновскими племенами Алтая и Казахстана и даже с еще более удаленными на запад районами срубно-хвалынских поселений. Андроновский пластинчатый нож с выступами в основании черешка одинаков от Енисея до Урала и ничем не отличается от срубного ножа Дона, Десны и Волги. То же можно сказать об андроновском кинжале и о других вещах, вплоть до посуды и украшений. При этом Енисей в андроновское время представляется наиболее восточным пределом их распространения. Карасукские орудия и оружие, наоборот, не обнаруживают западных связей и имеют на запад от Саяно-Алтая более чем ограниченное распространение. Зато на восток от Енисея мы видим по крайней мере три области — Забайкалье, МНР и Северный Китай, где карасукские ножи, кинжалы и кельты встречаются весьма часто.

Встает вопрос о происхождении карасукских форм — мы обсудим его при оценке карасукского инвентаря в целом.

УКРАШЕНИЯ

Из украшений, особенно характерными для карасукских могил являются бронзовые литые *«лапчатые» привески*, находимые обычно по нескольку экземпляров.[1] В отношении найденных в могиле № 9, около села Кривинского, удалось определить, что лапчатые привески вплетались в косу вверху одна над другой по одной и на конце пучком из шести штук. Вероятно, закинутую на грудь косу украшали и лапчатые привески одного из погребений около Батеней, где они располагались одна над другой, наискось по груди. Кроме карасукских погребений, лапчатые привески находили и случайно в различных местах Минусинской котловины. В Минусинском музее таких случайно найденных привесок хранится до 35 экз.[2] (табл. XII, рис. 3—7, 35—42, 55—58).

Вне пределов Минусинской котловины лапчатая привеска, употреблявшаяся как крючок, была найдена С. Кузнецовым в могиле № 8 Старшего Томского могильника.[3] Далее на запад находки лапчатых привесок почти отсутствуют. Лишь в коллекциях Омского музея хранятся две привески с мало говорящей этикеткой: «Из Омской области». М. П. Грязнов, анализируя андроновское погребение из М. Койтаса Семипалатинской области, раскопанное Каменским еще в 1927 г., обратил внимание на найденную там золотую привеску с рельефным орнаментом, заканчивающимся тремя зубцами, и поддержал мнение С. А. Теплоухова, что

---

[1] Лапчатые привески найдены в карасукских погребениях у с. Кривинского (№ 9 и № 15), Тагарского озера (№ 36 и № 39), с. Каменки, с. Теси (№ 5), с. Быстрой, 1930 г. (№ 3, 6 и 7), с. Усть-Сыды (№ 5, IV), с. Быстрой, 1929 г. (№ 1), с. Сарагаш (№ 5).

[2] Найдены: с. Казанцева — 1. М. Ничка — 1, Калы — 1, Уты — 1, Шалоболино — 1, Сабинское — 1, без. пасп.— 1, Н. Суэтук — 2, Бейское — 2, Аскыз — 2, Ключи — 2, Изых — 3, Сев.-зап. часть Минусинской котловины — 4, Беллык — 5, Лугавское — 5.

[3] Кузнецов С. К. Отчет... и т. д., стр. 51, № 4197.

эта андроновская привеска представляет собой предшественницу карасукской лапчатой.[1] Это кажется особенно правдоподобным, если учесть наличие только что упомянутой лапчатой привески в Томском могильнике. Ведь представленная им культура развивалась под перекрестным и карасукским и позднеандроновским воздействием.

На востоке лапчатые привески мне не известны. Имеется сведение о том, что они были найдены в Тувинской Автономной области.[2] Среди северокитайских бронз также нет точных аналогий. Японцы предлагают из серии суйюаньских находок сопоставлять с карасукскими лапчатыми привесками бронзовые привески, состоящие из членистого столбика с отходящими от него вниз двумя овально заостренными ушками. Возможно, что в них мы действительно имеем восточный заменитель лапчатых привесок. Однако отсутствие черт непосредственного сходства заставляет принимать это мнение лишь в виде предложения. В МНР найдена более близкая к карасукским, но также своеобразная форма.[3]

Перстни с двумя конусовидными выступами спереди (табл. XII, рис. 9—11, 54) довольно часто встречаются в карасукских могилах. Носили их на пальцах обеих рук. Перстни находили как сплошные, так и с несомкнутыми концами. На концах последних имеются шпеньки и отверстия для запора. Кроме карасукских погребений [4] их находили и случайно, но исключительно в пределах Минусинской котловины.[5]

Браслеты встречались трех типов — спирально-проволочные, широко- и узкопластинчатые. Пластинчатые имеют обычно рубчатую поверхность, причем широкие иногда украшены розетками и пунктиром [6] (табл. XII, рис. 8). Вне Минусинской котловины один пластинчатый браслет найден на территории Старшего Томского могильника [7] и один в карасукском кургане № 12 у с. Камышенки на Алтае.[8]

---

[1] Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Зап. Казакстане. Сб. «Казаки», Л., 1927, стр. 204.

[2] Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, Л., 1927, стр. 106.

[3] Archaeologia Orientalis. B Series, vol. I. Pl. XV—1—16. Киселев С. В. Монголия в древности. рис. 2,б.

[4] Найдены в могилах: с. Кривинское, № 8; Тесь, № 6; Тагарское озеро, № 36 и № 39; Лугавское, № 3; Каменка, Усть-Ерба, № 11.I; Быстрая, № 4, 7, 8; Аскыз II, № 1 и 6 (последние положены в виде заготовок — несогнутыми).

[5] Хранятся в Минусинском музее.

[6] Найдены в могилах: широкопластинчатый — Кривая, № 8; узкопластинчатый — Усть-Тесь, № 4 и 13; проволочные — Аскыз II, № 15; Батени, № 24 (2 экз.); Усть-Ерба, № 26, II (последнее найдено вместе с сосудом, плоскодонным, остроребериым срубно-андроновского типа). Случайно найдены широкопластинчатые (2 экз.), хранятся в Минусинском музее и в ГИМ.

[7] Хранится в музее Томского университета, № 4233—34.

[8] Хранится в Гос. Эрмитаже, коллекция № 252—31.

Нередки находки *спиральных височных колец* из бронзовой проволоки. Размер их различен. В могиле № 3 на р. Бее мы обнаружили у висков женщины по три кольца.[1] Вне Минусинской котловины такие кольца найдены в карасукских погребениях на Алтае, около с. Камышенки,[2] а также в Томском могильнике.[3]

Часты находки в карасукских погребениях остатков ожерелий, состоявших из пронизок, свернутых из листка бронзы, бус и бисера.

Пронизки (табл. XII, рис. 24, 27, 30—33) встречаются особенно часто.[4] Они или цилиндрические или вытянуто-конические, гладкие и рубчатые. На запад от Минусинской котловины их находили в переходном от андроновской эпохи к карасукскому времени кургане № 2 около с. Красный Яр близ г. Бийска [5] и в карасукских погребениях Алтая около Камышенки,[6] а также и в андроновских курганах Казахстана и южного Приуралья.[7] Целиком сохраняются они и в инвентаре более поздних тагарских курганов.

Бусы (табл. XII, рис. 34, 29) встречены самые разнообразные из различных материалов. Бронзовые бусы найдены двух видов. Одни— массивные, литые, биконической или боченковидной формы (табл. XII, рис. 34) совершенно аналогичные андроновским и тагарским.[8] Другие свернуты из бронзового листика. Найдены они были дважды — в могиле № 36, около с. Батеней (уроч. «Ярки»)[9] и в могиле № 21, I, около с. Усть-Ербы.[10] В обоих случаях вместе с бусами была найдена керамика, сближающаяся с андроновской.[11] Оба вида бронзовых бус найдены и в карасукских погребениях Алтая около с. Камышенки, а также в карасукско-андроновском кургане № 2, около с. Красный Яр.[12]

---

[1] Найдены в могилах: крупные — Батени, № 24 (2 экз.); Сарагаш № 1; Бея, № 3; маленьких размеров — Усть-Тесь, № 12; Тагарское озеро, № 37; Кривая и Каменка, «развеянные курганы»; Усть-Ерба, № 24 (7 экз.), № 25, II; Ярки, № 36; Аскыз I, № 1 и 2; Аскыз II, № 2, 4, 5, 15; Быстрая, № 3; Подкунинский улус, № 3, II; Окунев, № 10.

[2] Хранятся в Гос. Эрмитаже, коллекция № 252/2, 14, 49, 72—74. Найдены в карасукских могилах № 1, 7, 16, 17.

[3] Хранятся в Музее Томского университета, № 4192, 4214, 4236.

[4] Найдены в могилах: Кривая, № 9 и 10; Тесь, № 2; Усть-Тесь, № 6, 10, 12, 19; Тагарское озеро, № 36, 38; Усть-Сыда, № 11; Быстрая — раск. Киселева, № 1, раск. Левашовой — № 1, 4, 8; Аскыз II, № 1, 5, 6; Окунев, № 3 и 10.

[5] Хранится в Гос. Эрмитаже, коллекция № 251—10, круг. № 2 , погр. I.

[6] Хранится там же, коллекция 252—16, 76, 79, 80—84, могила № 8 и 17.

[7] Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Зап. Казакстане, стр. 205, рис. 24.

[8] Сарагаш, № 3 и улус Орак.

[9] Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае, табл. XI, рис. 10.

[10] Киселев С. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1934 гг., стр. 132.

[11] Теплоухов С. А. Ук. соч., рис. 15.

[12] Хранится в Гос. Эрмитаже, коллекция 252, 4 и 5 и 252—17, 21, 26, 44, 78; Красный Яр, № 2, I и Камышенка, № 8—10, 16, 17.

Однажды была встречена бусина из свинца.[1] Наряду с металлическими бусами встречается перламутровый бисер,[2] аналогичный андроновскому.[3]

Из каменных бус только один раз была найдена округлая сердоликовая.[4]

Гораздо распространеннее цилиндрические бусы из белой пасты.[5] Они найдены также в карасукских погребениях на Алтае у с. Камышенки и в карасукско-андроновском кургане № 2 у с. Красный Яр,[6] а кроме того в Старшем Томском могильнике.[7]

Выше уже отмечалось, что цилиндрические бусы распространялись по Сибири в андроновское время. Тогда они бытовали и в Прибайкалье, где найдены в глазковских могильниках.

Особо многочисленными и разнообразными по форме и окраске пастовые бусы стали в тагарское время.

Тогда же широко распространились пастовые, подражавшие раковине *Cyprea moneta*. Однако первые пастовые подражания этой раковине встречены в карасукских погребениях,[8] возможно, сравнительно поздних, более близких к тагарской эпохе.

Рядом с ожерельями из бус следует упомянуть нагрудники. Один из них, найденный в могиле № 1 у с. Быстрой, составлен 76 бронзовыми скобкообразными обоймочками из желобчатой бронзовой пластинки, расположенными в восьми горизонтальных рядах (табл. XII, рис. 43). Первоначально обоймочки были укреплены на восьми ремешках, которые в свою очередь укреплялись на какой-то основе. Другой нагрудник, найденный в могиле № 3 на р. Бее, представлял собой своеобразный «кулон» из пяти ремешков, отходящих вниз от одной круглой медной бляхи. Каждый ремешок был обложен медными скобкообразными обоймочками.[9] Скобкообразные обоймы, из которых состоят описанные нагрудники, едва ли не самые распространенные предметы в карасукских могилах на Енисее.[10] Они же характерны и для карасукских погребений Алтая.[11]

---

[1] Сарагаш, № 3.

[2] Окунев улус, № 10; Усть-Ерба, № 25, II и 21, I (в последней могиле бисер того же качества, что и в андроновских).

[3] Киселев С. В. Карасукские могилы, стр. 162.

[4] Окунев улус, № 10.

[5] Тесь, № 2; Джесос, № 4; Орак, № 3, I; Мохов, № 1, II.

[6] Хранится в Гос. Эрмитаже, коллекция № 251 и 252.

[7] Хранятся в музее Томского университета, № 4218.

[8] Улус Мохов. № 1, II (2 экз.) и Сарагаш, № 3 (23 экз.)

[9] Киселев С. В. Раскопки карасукского могильника на р. Бее в Хакассии летом 1936 г. Советская археология, 1937, т. IV, стр. 326.

[10] Кривинское, № 15, 20; Усть-Тесь, № 5, 19; Тагарское озеро, № 36, 38, 39; Окунев улус, № 10, Бея, № 3, могила, развеянная в 1910 г., Каменка, Быстрая (раск. Левашовой), № 4 и Быстрая (раск. Киселева) № 1 (76 экз.) и № 2. В последнем погребении обоймочки найдены вместе с баночным сосудом.

[11] Хранятся в Бийском музее.

На востоке эти обоймы встречены в так называемых гробничных погребениях Забайкалья. В частности, под Нерчинском, в устье Куенги они были открыты в гробнице вместе с вогнутообушковым ножом, близким к карасукским.[1]

Пуговицы, одна из которых украшала бейский нагрудник, также часто находят в карасукских могилах Минусинской котловины. Среди них можно выделить более крупные и более мелкие, гладкие и украшенные по краю выпуклым кантом (табл. XII, рис. 21—23, 25, 26, 52) или расходящимися от центра рубчиками.[2] Совершенно аналогичные пуговицы с таким же ушком с обратной стороны найдены и в карасукских погребениях на Алтае,[3] а также в Старшем Томском могильнике.[4] Характерны они и для бронз карасукского типа из Суйюани.[5]

Одним из характернейших карасукских украшений являются *бляшки* (табл. XII, рис. 12—19, 44, 45), состоящие из двух, трех и даже четырех округлых выпуклостей, вытянутых по одной линии. Иногда эти бляшки массивны, иногда выдавлены из тонкого бронзового листка. Прикреплялись они или посредством петель, расположенных с обратной стороны, или просто пришивались через отверстия, пробитые по краям. Назначение бляшек различно. Некоторые из них, несомненно, украшали одежду, другие входили в состав ожерелий.[6]

Бляшки с несколькими выпуклостями известны и вне Минусинской котловины. Они найдены в карасукских погребениях Алтая[7] и в Старшем Томском могильнике.[8] На востоке они известны в большом числе среди суйюаньских находок.[9] Кроме описанных, на одежды нашивались полушарные и овальные бляшки различных размеров, а также плоские овальные и треугольные пластинки.[10] Они также находят себе аналогии в карасукских находках на Алтае.[11]

В карасукских ящиках часто обнаруживают бронзовые гвоздеобразные заклепки[12] (табл. XII, рис. 28, 46). Однажды удалось найти эти заклепки в

---

[1] Хранится в Читинском музее.

[2] Быстрая, № 6; Подкунинский, № 1, 3, III; Кривинское, № 9, 15; Усть-Тесь, № 4, 10, 11, 12; Тагарское озеро, № 37; Усть-Ерба, № 15, улус Орак; Бея, № 3.

[3] Камышенка, № 10, Красный Яр, № 2, I.

[4] Раск. Адрианова на Малом Мысе, могилы № 3 и 5. Хранятся в ГИМ.

[5] Inner Mongolia and the region of the Great Wall. Archaeologia Orientalis. B Series, vol. I. Tokyo and Kyoto, 1935, pl. XVII, 10, 19; fig. 36, 37, 52.

[6] Тесь, № 5, 6; Кривинское, № 15; Усть-Тесь, № 4, 5, 10, 19; Тагарское озеро, № 36, 37, 39; Каменка; Быстрая (раск. Левашовой), № 6; улус Мохов, № 1, I; Ярки, № 36, 37; Аскыз II, № 5, 6 и яма I; Усть-Сыда, № 1, II, Окунев, № 10.

[7] Камышенка, № 10 и 12.

[8] Раск. Адрианова на Малом Мысе, могила № 1 и 3. Хранятся в ГИМ.

[9] Inner Mongolia..., pl. XV, 22—26, 32—35.

[10] Кривинское, № 21, Аскыз I, № 2, 5 и Аскыз II, № 6; Быстрая (раск. Левашовой), № 2, 3, 9; Орак; Подкунинский, № 1 и 3, II; Окунев улус, № 2 и 10.

[11] Камышенка, № 11, 12, 16.

[12] Кривинское, № 15; Усть-Тесь, № 7; Тагарское озеро, № 36; Аскыз I, № 3; Быстрая (раск. Левашовой), № 6 и 7; Быстрая (раск. Киселева), № 1; улус Мохов, № 1, I. Окунев улус, № 10.

непотревоженном грабителями погребении.[1] 9 гвоздевидных заклепок и 9 трубчатых пронизок лежали у ступней покойника. Очевидно, они принадлежали к отделке обуви.

Итоги рассмотрения украшений, встреченных в карасукских могильниках, очень близки к полученным в результате изучения оружия и орудий.

Территория их распространения выходит далеко за пределы Минусинской котловины. На западе карасукские украшения находятся и в северной зоне около Томска и южнее на Северном Алтае, около Бийска. Отдельные экземпляры так же, как и оружие, проникли вплоть до Иртыша (Омск). На юге, в Тувинской Автономной области также находили украшения карасукского типа.[2] Особенно их много в Забайкалье, где они встречаются в так называемых «гробничных» погребениях. Наконец, они обнаружены в МНР и в Северном Китае, главным образом в провинции Суйюань, где обычно встречаются вместе с многочисленными находками оружия и орудий выдержанно карасукских форм.

Последнее обстоятельство приобретает особый интерес в свете новейших палеоантропологических исследований останков карасукского населения Минусинской котловины, обнаруживших проникновение на средний Енисей элементов, родственных древнему некитайскому населению Суйюани и Жехэ.

ПОСУДА

Сосуды, найденные в карасукских погребениях, все леплены от руки. Материалом служила глина, содержащая большую примесь песка. После обжига в изломе она двуцветна — снаружи коричнево-серая, внутри темная, с синеватым оттенком. Стенки сосудов очень тонки. Не исключено расколачивание их при формовке колотушкой. Наружная сторона всегда тщательно сглажена еще в мокром виде. Возможно применялась и обмазка сверху глиняным раствором иного качества и состава — в пользу этого говорят случаи отслаивания тонкой поверхностной корки.

Однако наряду с наиболее типичной техникой в карасукских могилах находим и более архаическую. Так, в 1928 г. в Ораке были обнаружены обломки очень толстостенного сосуда. Его стенки были сплошь покрыты штрихами. Это следы сглаживания поверхности сосуда зубчаткой, та самая вытертость, которая столь характерна для афанасьевской и отчасти андроновской керамики. Третий вытертый сосуд баночной формы, приближающийся к андроновским, найден около с. Усть-Ерба в могиле № 4, погребение I (в соседнем погребении II сосуды были типично карасукские). Вытертую же поверхность имеют и большие конические

---

[1] Быстрая (раск. Киселева 1929 г.), № 1.

[2] Об этом мне сообщил покойный С. А. Теплоухов.

сосуды, найденные случайно около Минусинска.[1] По составу глины, по технике изготовления и по нахождению вместе с ними эллипсоидного сосуда они могут быть отнесены только к карасукскому времени. Уже этих фактов достаточно, чтобы установить известное переживание в карасукской керамике некоторых технических приемов, бывших характерными для более ранней стадии бронзового века — для посуды андроновской и особенно афанасьевской.

Рассмотрим теперь карасукскую глиняную посуду в отношении ее формы (табл. X, XIII). Здесь очевидны резкие изменения по сравнению с предшествующим периодом. В андроновское время преобладали горшковидные и баночные плоскодонные сосуды, близко напоминающие памятники срубной культуры Причерноморья (см. выше). Теперь вновь, как и в афанасьевскую эпоху, наиболее распространенными становятся круглодонные сосуды (из 205 учтенных круглодонны 177, или 86,3%).

Из круглодонных в свою очередь наиболее частыми оказываются сферические или «реповидные» горшки с прямой, средней высоты шейкой (таких 83%). К ним очень близки немногочисленные эллипсоидные сосуды, вытянутые кверху. Три из них круглодонны, а у одного дно несколько уплощено (всего 2%). Наконец, особую группу составляют яйцевидные (11 экз., 5.5%). Нельзя сказать, что все они аналогичны яйцевидным афанасьевским сосудам, однако у некоторых это сходство несомненно и подчеркивается наличием елочного орнамента, столь характерного для афанасьевского времени (ср., например, сосуд, найденный в 1928 г. около с. Тесь в могиле № 8).[2] Другие карасукские яйцевидные сосуды, например найденные под Минусинском,[3] отличаясь от афанасьевских отсутствием плеч и имея тем самым скорее неолитическую форму, заглажены по стенкам зубчаткой чисто афанасьевским способом. Учитывая эти особенности, можно предполагать, что при выделке некоторых яйцевидных карасукских сосудов, действительно, и в столь позднее время сохраняются приемы, форма и орнамент далекого прошлого. Однако они связаны и с карасукскими керамическими приемами. Так же, как и многие сферические и эллипсоидные, некоторые яйцевидные имеют уступы при переходе плеч в шейку. Уступы эти можно считать на среднем Енисее характерной особенностью карасукской керамики.

Выше уже говорилось, что на горшках из андроновских погребений среднего Енисея уступы отсутствуют. Не знает их и большинство древнеандроновских сосудов Западной Сибири, Приуралья и Северного Казахстана. Зато у позднеандроновской керамики, столь ярко представленной в раскопках О. А. Граковой на Алексеевской стоянке и в могильнике, уступ оказывается не менее распространенным, чем у карасукской на востоке.

---

[1] Теплоухов С. А. Древние погребения..., табл. XII, рис. 7.

[2] Киселев С. В. Материалы Археологической экспед. 1928 г., стр. 56, табл. II, рис. 5.

[3] Хранится в Минусинском музее (Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае, табл. XII, рис. 7).

Вариантом сферических круглодонных сосудов являются сферические плоскодонные (6 экз., 8%). Еще недавно казалось, что собственно карасукская керамика на Енисее исключительно круглодонная. Этим она резко отличалась от карасукской керамики приалтайских степей, где господствует плоское дно.

Теперь резкое отличие можно уже до известной степени смягчить и безоговорочно считать алтайскую карасукскую посуду, так же как и сферические сосуды из погребений Старшего Томского могильника, ближайшей аналогией карасукским Минусинской котловины.

Более обособленную группу составляют плоскодонные сосуды других форм, найденные в карасукских могилах на среднем Енисее. Сюда прежде всего нужно отнести два биконических сосуда из могил № 21, I и № 26, II около с. Усть-Ерба. Своей формой они очень напоминают сосуды, найденные на том же могильном поле в андроновских могилах.[1] Сходство это подчеркнуто и геометрическим орнаментом второго сосуда, выполненным гребенчатым штампом, вполне аналогичным примененному для орнаментации андроновских горшков.

Архаическими чертами отличаются и некоторые плоскодонные баночные сосуды из карасукских могил. Два из них, найденные в могиле № 4, I, около Усть-Ербы и обнаруженные в могиле № 1 около улуса Окунева (1926 г.), отличаются довольно массивными стенками, поверхность которых покрыта следами того выглаживания зубчаткой, которое мы уже отмечали как технический прием, сохранившийся в карасукской керамике от более раннего времени. Учитывая эти особенности, можно видеть в обоих сосудах своеобразный афанасьевско-андроновский пережиток. Возможно, что пережитком более древних керамических форм является и баночный сосуд с геометрическим узором, найденный в 1926 г. в могиле № 3 около улуса Окунева, а также грубо сделанная банка, обнаруженная в 1925 г. на «Ярках» около с. Батеней в могиле № 38. Эта могила отмечена на поверхности типично карасукской четыреугольной оградкой, в центральной могиле которой (№ 35) был найден замечательный рюмкообразный сосуд, уже упоминавшийся в связи с анализом андроновской керамики. На Енисее он имеет аналогии среди сосудов из андроновского могильника около улуса Орак, а на западе к нему близки сосуды из Кожумбердынского могильника, раскопанного Б. Н. Граковым.[2] Последний относится к ранней стадии андроновской культуры в Западной Сибири. То обстоятельство, что подобный сосуд найден в карасукской могиле на «Ярках», говорит, во-первых, о переживании некоторых андроновских форм керамики в карасукское время, а во-вторых, о большей древности могил № 35—38 на «Ярках» в сравнении с другими карасукскими погребениями.

---

[1] Киселев С. В. Андроновские памятники у с. Усть-Ерба. Советская этнография, 1935. № 4—5.

[2] Доклад О. А. Граковой о керамике Алексеевской стоянки и могильника, читанный в I Отделе ГИМ 21 февраля 1941 г. См. также ее работу: Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, в. XVII, рис. 67—70.

Другую группу плоскодонных сосудов, найденных в карасукских могилах, составляют гладкие, несколько боченковидные банки, отличающиеся характерным профилем стенки, более тонкой в середине и заметно утолщающейся к бортику, обычно плоско срезанному. В изломе черепок почти черный, на поверхности темно-коричневый. Внешняя сторона стенок тщательно заглажена. И по своей форме, и по профилю стенки, и по технике выделки эти баночные сосуды имеют полное сходство с керамикой последующей, тагарской, эпохи.[1]

В могиле № 2 около с. Быстрой в 1929 г. вместе с баночным сосудом тагарского типа был найден горшковидный сосуд (табл. XI, рис. 14). Все особенности его техники аналогичны характерным для баночных. Это позволяет и его включить в группу позднейшей карасукской посуды, характеризующейся наличием тагарских признаков. Быстрянский сосуд не единичен. Весьма близки к нему горшки, найденные И. П. Кузнецовым-Красноярским в первом Аскызском могильнике в могилах № 2 и 3. Особый интерес представляет баночный сосуд, расширяющийся книзу, найденный А. Н. Липским в одной из карасукских могил г. Абакана. Он весьма близок к сосудам иньской эпохи из Жехэ.[2]

Карасукская керамика представляет собой совершенно своеобразную серию, в которой вновь господствуют круглодонные формы, бывшие совершенно неизвестными на Енисее в андроновское время. Повидимому, происходит какое-то сильнейшее изменение быта, приводящее к отходу от плоскодонности. Вместе с тем обнаруживаются особенности, которые можно сопоставить с аналогичными особенностями позднеандроновской посуды Западной Сибири и Южного Приуралья,— прежде всего, это уступ в основании шейки. Столь своеобразная по форме и технике карасукская керамика среднего Енисея находит себе аналогии в посуде Старшего Томского могильника, погребения которого содержат и другие карасукские вещи. Аналогична карасукской среднего Енисея посуда, найденная в карасукских погребениях степей северного Алтая. Она отличается лишь преобладанием плоского дна. Впрочем, теперь и на среднем Енисее встречены сферические карасукские сосуды с уплощенным и даже плоским дном.

Сферические формы особенно характерны для карасукского комплекса. Однако наряду с ними уже в ряде карасукских погребений обнаружены и другие сосуды, составляющие, как мы видим, две группы. Одна из них архаична и позволяет установить некоторую преемственность между карасукской керамикой и афанасьевско-андроновской. Другая объединяет баночные и горшковидные сосуды, форма, техника и глина которых позволяют утверждать, что уже в позднекарасукское время возникает посуда, впоследствии господствующая в тагарском инвентаре.

---

[1] Три баночных сосуда тагарского типа найдены в карасукских могилах: около с. Быстрой в 1929 г., могила № 2 под Ильинской горой в 1932 г., могила № 1, I и II и в карасукской могиле в г. Абакане.

[2] Ср. Липский А. Н. Раскопки древних погребений в Хакассии. КСИИМК, XXV. 1949, стр. 78, рис. 27, 4 и Archaeologia Orientalis A Series Vol. IV, pl. XXXIV.

Обратимся теперь к орнаментации сосудов, найденных в карасукских погребениях Минусинской котловины.

Прежде всего обращает на себя внимание группа архаических орнаментов.

В двух карасукских погребениях — около Окунева улуса в 1926 г., могила № 1, и близ с. Усть-Ерба, могила № 4, погребение I,— найдены обломки сосудов, поверхность которых покрыта беспорядочно направленными штрихами — следами заглаживания зубчаткой или комком травы. Так же отделаны стенки пяти конических сосудов, найденных случайно около г. Минусинска.[1] Такая штриховка или «вытертость» стенок является характернейшим приемом афанасьевской керамики. В андроновское время этот прием применялся сравнительно редко. Тем не менее, как видно, он сохранился до карасукской эпохи.[2]

Горизонтальные ряды елочного узора также особенно характерны для афанасьевской посуды. Среди андроновских памятников среднего Енисея елочный узор встречен, главным образом, на баночных сосудах, сохранявших архаические черты. То же можно сказать и про украшения горизонтальными рядами елочки карасукских сосудов (табл. XIII, рис. 7). В карасукских погребениях около с. Лугавского и около села Теси (1928 г., могила № 8) горизонтальная елочка встречена на яйцевидных сосудах, следовательно, архаичных и по форме и по орнаменту. Однако они имеют и типично карасукские черты — уступ в основании шейки и три горизонтальные линии в верхней части. Горизонтальные полосы встречены и на других сосудах, уже типично карасукской сферической формы — Аскыз II, могила № 1, Солонечный лог близ с. Батени (раскопки 1925 г.) и с. Тесь, могила № 2 (раскопки 1928 г.). Орнаментация двух последних сосудов — солонечного и тесинского — весьма близка к орнаментации замечательного рюмковидного сосуда из могилы № 35 на «Ярках» близ Батеней, на своеобразной форме которого мы уже останавливались выше (табл. XIII, рис. 23) и пришли к выводу о тесной связи ее с андроновской керамикой. Таким образом, и здесь, как и в первых двух случаях, где горизонтальные ряды елочек оказались на архаических яйцевидных сосудах, подтверждается связь этого вида узора с докарасукской, афанасьевско-андроновской орнаментацией.[3]

Следующая, также архаическая группа орнаментов на карасукской посуде представлена геометрическими фигурами, выполненными главным образом зубчаткой. Здесь прежде всего обращает на себя внимание биконический типично андроновский сосуд, найденный в карасукской могиле № 26, II около Усть-Ербы. В соответствии с древней формой он украшен двумя рядами выполненных чеканом заштрихованных треугольников, обращенных друг к другу так, что гладкое поле,

---

[1] Хранятся в Минусинском музее.

[2] Всего «штриховых» или «вытертых» сосудов, относящихся к карасукскому времени,— 7, или 4%.

[3] Всего в карасукских погребениях найдено 6 сосудов, украшенных елочным орнаментом (3.4%).

заключенное между ними, имеет вид ромбов. Аналогичный орнамент имеется еще на сосуде из карасукской могилы № 6, раскопанной в 1930 г. около улуса Мохова. Выполненные зубчатым чеканом треугольники и ромбические фигуры характерны при орнаментации андроновской посуды.[1] Такую же связь с андроновской орнаментикой обнаруживает и узор на сферическом сосуде из карасукского погребения № 3, исследованного около улуса Орак в 1925 г. Вся нижняя часть этого сосуда, начиная от плечевого пояса треугольников, покрыта лентой, образованной двумя параллельными линиями и штриховкой между ними. Лента причудливо изгибается углами и образует сложно переплетенный меандровый узор, покрывающий даже выпуклое дно. Подобный, напоминающий «ковровый» орнамент широко распространен на андроновской посуде как среднего Енисея, так и Западной Сибири, причем в обеих областях встречаются андроновские сосуды, на которых такой ковровый узор покрывает сплошь все стенки, от плечей до дна.[2]

Еще одна группа карасукской геометрической орнаментации обнаруживает прямую связь с узорами андроновской посуды. Это одиночные или повторенные несколько раз горизонтальные зигзаги (табл. XIII, рис. 1, X, 9). Они образованы или резными,или чеканными линиями, или лентами со штриховкой, аналогичными ковровым. Большинство сосудов, украшенных горизонтальными зигзагами, имеет обычную карасукскую сферическую форму.[3] Однако один из них, найденный около с. Усть-Ерба, в могиле № 21, отличается биконической формой и плохой глиной, резко отличной от глин большинства карасукских сосудов Усть-Ербинского могильника.[4] Зато и форма и качество весьма сближают его с андроновской керамикой. То же можно сказать и о резном зигзаге ,украшающем его плечики (табл. VIII, рис. 11). Вместе с другими зигзагами на карасукской посуде он находит аналогии в андроновской орнаментике.[5]

Вполне возможно, что к архаической группе орнаментов следует отнести и горизонтальную полоску крестиков, изредка встречаемую как на карасукских сосудах,[6] так и среди андроновских орнаментов.[7]

---

[1] Теплоухов С. А. Древние погребения..., табл. VII, рис. 12, 14, 17, 23; табл. VIII, I, 6, 8, 28; Грязнов М. Погребения бронзовой эпохи, рис. 20, 21, 22.

[2] Теплоухов С. А. Древние погребения..., табл. VIII, рис. 14—25, 33 и особенно стр. 90, рис. 14; Грязнов М. Погребения бронзовой эпохи..., рис. 20 и 22. Особенно близки к описанному карасукскому сосуды с «ковровым» орнаментом, найденные мною в 1940 г. в андроновской оградке № 1 в группе «Джаман-тас» в степи Бес-Оба Каркаралинского района Карагандинской обл. Казахской ССР (хранятся в Карагандинском областном музее).

[3] Таковы три сосуда, найденные случайно около Минусинска, около с. Нижний Суэтук и на «Ярках» около Батеней, а также встреченные в могиле № 1, I и № 4, I около улуса Мохова, около с. Усть-Ерба — № 8, № 25, III, № 26, III.

[4] Советская этнография, 1935, № 4—5, стр. 209. рис. 7.

[5] Теплоухов С. А. Древние погребения..., табл. VII, рис. 3—5, 8, 15; табл. VIII, рис. 13 и рис. 13 на стр. 90.

[6] См., например, сосуд, найденный на Тагарском острове, могила № 44.

[7] Теплоухов С. А. Древние погребения..., табл. VII, рис. 18 и 19.

Итак, уже начало рассмотрения орнаментики карасукской посуды позволило выделить две группы узоров, являющихся воспроизведением более древних афанасьевских и андроновских мотивов.[1]

Как в карасукской, так и в позднеандроновской культуре большое распространение получает треугольный фестон, спускающийся по плечам.[2] То же можно сказать о зигзаге из нескольких параллельных линий,[3] а также о распространении ромбического орнамента, на древнеандроновской керамике почти не известного.[4] Такой параллелизм в сложении мотивов геометрической орнаментации карасукской и позднеандроновской керамики позволяет предполагать, что и та и другая явились результатом дальнейшего развития принципов украшения раннеандроновской керамики. Это облегчалось тем, что в конце бронзового века и в других областях СССР геометрические узоры получили широкое распространение. Достаточно вспомнить сейминские кельты и копья, геометрические узоры на кельтах сеймино-андроновского типа из Зауралья, геометрическую орнаментацию карасукских бронз. При этом характерно, что карасукские изделия (включая и найденные в Прибайкалье) оказываются наиболее восточными из всех перечисленных бронз, отличающихся геометрической орнаментацией. Близкие к карасукским бронзы Суйюани и Ордоса уже гораздо реже украшены геометрическим узором.[5] Также и керамика района Великой Стены и Монголии не имеет в интересующую нас эпоху развитой геометрической орнаментации.[6] Все это говорит в пользу высказанного предположения, что геометрические узоры карасукской посуды являются результатом дальнейшего развития местных древнеандроновских орнаментов.

Чтобы закончить рассмотрение карасукской посуды, остается упомянуть о значительной группе неорнаментированных горшков. Большинство из них круглодонные, сферические.[7] Лишь один имеет уплощенное дно.[8] Встречаются

---

[1] Среди изученных карасукских сосудов число украшенных узорами «афанасьевской традиции» составляет 13, или 7,4%; имеющих чисто андроновские черты в орнаментике также 13, или 7,4%.

[2] Грязнов М. Погребения бронзовой эпохи, рис. 20—*4*, *7*, рис. 21—*2*, рис. 22—*3* и *6*.

[3] Там же. рис. 20—*8*, *11*, рис. 21—*2*, рис. 22—*4* и *7*; Подгаецкий Г. В. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска МАССР. Табл. I, рис. 5 и 6.

[4] Теплоухов С. А. Древние погребения, табл. VIII, 28—31, VII, 20, 22, 23.

[5] Inner Mongolia..., табл. XXXV, I и corpus 1—14, 15 и 50.

[6] Там же, см. часть I, табл. I—XIV, часть III, табл. I—XVI. Archaeologia Orientalis Ser. A, v. IV.

[7] Кривая, № 4, 16, 21; Усть-Тесь, № 15; Тесь, № 3; Верхнекарасукский, № 33 и 34; Нижнекарасукский, № 9 и 10; Усть-Сыда, № 7, II; Сыда, № 1, I; Быстрая 1929 г., № 1 и кольцо № 1, IV; Усть-Ерба, № 4, II, № 6, III (2 экз.), 14, 16, 20, I, № 23, III, № 25, VI; Окунев 1927 г., № 1, 3, 9; Орак, № 3; Сарагаш, № 1 и № 5; Быстрая 1930 г., № 1, 3, I, II, № 6.

[8] Усть-Ерба, 23, II. Всего неорнаментированных сферических горшков найдено в карасукских погребениях 33, или 18,5%.

неорнаментированные сосуды вместе с украшенными. Повидимому, они бытовали на всем протяжении карасукской эпохи.

К сожалению, те несколько баночных и горшковидных плоскодонных сосудов которые, будучи найдены в карасукских погребениях, представляют собой уже новые формы, характерные для последующего, тагарского, времени, все лишены орнаментики. Однако они должны быть учтены и здесь, так как отделкой и цветом своей поверхности, так же как и формой, резко отличаются от собственно карасукских (табл. XI, рис. 14).[1]

Подведем итоги изучению карасукской посуды. Даже в древнейших карасукских погребениях глиняные сосуды отличаются совершенно новыми формами. Вместо плоскодонных андроновских горшков получают широкое распространение сферические, главным образом круглодонные, сосуды. Здесь различие настолько велико, что не может объясняться простым развитием из предыдущего. Очевидно, сильно изменились самые условия использования посуды. Однако ряд особенностей и прежде всего геометрическая орнаментация позволяют считать характерно карасукскую сферическую посуду местной, а не принесенной со стороны. За это же говорят и те детали, которые позволяют сравнивать карасукскую посуду с позднеандроновской Западной Сибири — уступ при переходе шейки в плечо сосуда и некоторые мотивы орнамента (ромб, зигзаги, треугольные фестоны, спускающиеся по плечам). Очевидно, ход развития от раннеандроновской керамики к позднеандроновской повторился в карасукской керамике не случайно, но благодаря известной связи между керамическим делом енисейского «андрона» («древнего андрона») и керамическим мастерством карасукской эпохи. Последнее имело одинаковый источник с позднеандроновским гончарством Западной Сибири — раннеандроновскую керамику, которая и на Енисее и на Урале была весьма однородна.

Что же касается конкретных подтверждений связи карасукской керамики с более древней, то мы обнаружили их достаточно: яйцевидные, «вытертые», украшенные елочным орнаментом карасукские горшки сохранили даже афанасьевские традиции. Еще больше указаний на связи с андроновской керамикой дают плоскодонные, даже остроребериые сосуды. Геометрические и «ковровые» (меандровые) узоры, выполненные зубчатым чеканом, уже отмечались по этому поводу.

Все это позволяет нам считать посуду, находимую в карасукских погребениях, местной, енисейской, сохранившей многочисленные признаки происхождения от более древней андроновской, но претерпевшей коренные изменения в отношении формы, вероятно под влиянием изменившихся условий бытования. В конце карасукского времени наступает новый перелом в керамическом деле — в карасукских

[1] Среди всех исследованных карасукских сосудов их 8, или 4,5%; найдены баночные: Быстрая 1929 г., № 2 и Ильинская гора 1932 г., № 1, I—II; горшковидные — Быстрая 1929 г., № 2 (2 экз.), Аскыз I, № 2 и 3 и случайно около с. Кривой (Теплоухов, С. А. Древние погребения..., табл. XII, рис. 10).

могилах около Теси под Ильинской горой, около с. Быстрой и в других местах находят уже новую баночную посуду, которая в дальнейшем становится характерной для тагарской керамики. Эти выводы особенно важны в связи с результатами рассмотрения оружия, орудий и украшений карасукского времени. Там мы имели дело с такими карасукскими формами, связь которых с предшествующими заметна весьма слабо. Керамика, как и особенности обряда, до известной степени смягчает такую изолированность. Это соответствует и результатам палеоантропологического изучения. Последним вскрываются группы населения, проникшие в карасукское время со стороны, но вместе с тем отмечаются и архаические местные элементы афанасьевско-андроновского происхождения.

ОСТАТКИ ОДЕЖДЫ

При ограбленности карасукских погребений трудно ожидать большого количества остатков одежды. Не способствует этому и очень мелкое захоронение в карасукских могильниках, обусловившее легкое истлевание органических остатков. Ткани от одежды сохранились лишь случайно — будучи пропитаны окисью меди от лежавших рядом украшений. Таких находок три. В 1938 г. в большом карасукском кургане Бейского могильника, около ст. Уйбат, мы нашли обрывок шерстяной ткани простого переплетения. Обрывок такой же ткани был найден в 1930 г. в могиле № 3, около улуса Подкунинского. Третий кусок шерстяной ткани найден в 1928 г. около с. Тесь в могиле № 6. Он отличается более сложной техникой тканья в рубчик («диагональ»).

ОСТАТКИ ПИЩИ

Лишь единичные сосуды из карасукских могильников сохранили на своих стенках остатки нагара или отпечатки уровня находившейся в них жидкости. Однако на основании этого едва ли можно делать вывод об установке в большинстве могил пустых сосудов, никогда не бывавших в употреблении. Против этого говорят находки горшков, хотя и не имеющих внутри нагара или других следов пищи, но заботливо починенных после длительного употребления (чаще всего применялось стягивание трещин бронзовой скобой). Окончательно разрешить вопрос о видах пищи, заключавшейся в горшках из погребений, можно будет только после соответствующих анализов. Сейчас можно лишь отметить, что это была, повидимому, или жидкость (молоко, суп) или густое варево из растений или зерен, давшее нагар. Характерно, что ни в одном карасукском горшке не было обнаружено костей животных. Очевидно, мясо в них не клалось. Горшков в каждой могиле обычно несколько. Трудно предположить, чтобы в них было заключено нечто однородное.

Далеко не во всех карасукских погребениях оказались кости животных.

Из 290 просмотренных инвентарей лишь в 63 (22%) имелись кости животных. Распределены эти находки очень неравномерно. Есть довольно «богатые мясом», например Сарагашинский могильник, где из 12 погребений, раскопанных в 1921 г.,— 10 содержали кости животных. Другие дают более скромные находки.

Так, из раскопанных в 1926 и 1927 гг. 14 могил близ улуса Окунева только в 7 были найдены кости животных. Наконец, имеются и такие могильники, в которых совершенно не найдено остатков мяса. Таков, например, могильник около с. Сыда (1929 г.) и особенно Усть-Ербинский, в котором в 1931 г. было исследовано 49 погребений и ни в одном не найдено костей животных. Нужно думать, что такие различия зависят от особенностей ритуала отдельных карасукских родов. Предполагать отражение в них степени богатства тех или иных родов невозможно, хотя бы потому, что ряд могильников при «бедности мясом» оказывается весьма богатым остальным инвентарем, даже бронзовыми изделиями (например, могильник около улуса Окунева). Трудно также видеть в отсутствии остатков мяса в 43 могилах Усть-Ербы доказательство отсутствия скотоводства у карасукского населения. Усть-Ербинские могилы тщательно ограблены. Это заставляет предполагать, что они заключали в себе предметы, достаточно ценные для того, чтобы оправдать усилия грабителей. В пользу их богатства говорит и керамика, значительно более высокого качества, чем в ряде других могильников.

В виде остатков погребальной пищи встречены в карасукских могильниках кости только домашних животных. Если суммировать подсчеты по всем находкам,

Места находок	Овца	Корова	Теленок	Лошадь	Верблюд
Мохов	—	—	—	—	—
Усть-Сыда	5	2	—	—	—
Сыда	—	—	—	—	—
Кривая	1	4	1	—	—
Усть-Тесь	2	5	—	—	—
Георгиевская	1	—	—	1	1 (?)
Быстрая 1930 г.	3	6	—	—	—
» 1931 г.	—	—	—	—	—
Подкунинская	1	2	—	—	—
Ярки 1926 г.	2	—	—	—	—
Ниня 1908 г.	1	1	—	—	—
Тесь 1928 г.	3	—	—	—	—
Ильинская гора	1	—	—	1	1
Орак 1927 г.	1	—	—	—	—
Быстрая 1929 г.	1	—	—	—	—
Окунев 1926 г.	2	—	—	—	—
Окунев 1927 г.	5	—	—	—	—
Сарагаш 1926 г.	8	—	—	—	—

то получим 37 случаев (58.6%) находок костей овцы, 21 случай (33.3%) коровы, 4 случая (6.3%) лошади, 1 случай (1.8%) находки передней ноги верблюда. Кроме того, в могиле № 8 около улуса Окунева в 1927 г. был обнаружен скелет домашней собаки. Распределение костей животных по могильникам приведено на стр. 14.

Как видно, наиболее распространенным оказывается обычай класть в могильники мясо овцы. Из семнадцати могильников кости овцы были найдены в пятнадцати, тогда как коровы всего в шести, а лошади только в трех. То обстоятельство, что кости коровы часто встречались в одной могиле вместе с костями овцы, как будто исключает обусловленность такого распределения обычаем. Скорее следует предполагать, что в погребальном обряде в этих случаях отражалось большое значение овцеводства в карасукское время.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ О КАРАСУКСКИХ МОГИЛЬНИКАХ

Судя по количеству могильников, население Минусинской котловины в карасукскую эпоху увеличилось настолько сильно, что едва ли можно объяснить это естественным приростом очень редкого населения андроповской эпохи. То же можно сказать и относительно размеров тех общественных групп, которые оставили нам карасукские могильники. Чаще всего то были, повидимому, многолюдные объединения, кладбища которых нередко насчитывают до ста и более могил.

В распространении карасукских могильников по Минусинской котловине не обнаруживается столь резкого различия сравнительно с предыдущим временем. Соответственно сильно возросшему количеству населения могильники лишь более густо покрывают все те же берега Енисея и низовья его главных притоков. Значительное расширение, очевидно, вновь освоенной территории можно проследить лишь в юго-западном и западном направлениях, где территория карасукского расселения достигает горно-таежной зоны. Значительнейшее уплотнение населения Минусинской котловины в карасукское время при сравнительно малом расширении освоенной территории заставляет предполагать совершенствование производства, позволившее более интенсивно использовать относительно сильно сократившиеся угодья. И это мы видим даже на тех материалах, которые дают нам карасукские могильники. Однако рассмотрим раньше вопрос о происхождении карасукцев.

* * *

Мы уже ознакомились с результатами антропологического исследования по этому вопросу. Значительные массы населения карасукского времени являются новопришельцами в Минусинскую котловину. Если судить по их физическим особенностям, то следует считать Северный Китай той областью, откуда они направились к Енисею. На новых местах карасукцы встретились со сравнительно редким андроновским населением, повидимому быстро объединившимся с ними

в культурном отношении. Параллельно шло и этническое скрещивание — об этом говорят метисные типы. Вместе с тем сохранились и древние коренные группы. Все это подтверждается и вышеприведенным рассмотрением карасукского инвентаря. Бросается в глаза совершенно новое распространение характерно-карасукских предметов. Афанасьевские и андроновские вещи имели многочисленные аналогии на западе. Афанасьевские и андроновские комплексы на Алтае, в Западной Сибири, Северном Казахстане и Приуралье тесно связывали Минусинскую котловину с западом, с Причерноморским катакомбно-срубным миром. Минусинская котловина в афанасьевское и андроновское время явилась восточной окраиной степной культуры Евразии. В карасукское время все резко изменилось. Карасукские вещи лишь единицами в виде случайно заброшенных встречаются на западе. Основной же карасукский комплекс находит себе аналогии на западе только на Алтае и около Томска. Дальше на запад, в степях Казахстана, продолжают господствовать андроновские формы. Лишь местами заметны некоторые признаки карасукского влияния, но они единичны и не характерны (например, в Джурубай-Нуре к югу от Караганды). Зато на востоке и юго-востоке — в Прибайкалье, Монголии и в районе Великой Китайской Стены обнаружено очень большое количество находок, главным образом бронзовых изделий типично карасукских форм. Могут ли они считаться результатом своеобразного карасукского экспорта из Минусинской котловины? На этот вопрос нужно ответить отрицательно. При всей близости форм карасукских ножей и кинжалов из Прибайкалья, Монголии и Северного Китая лишь некоторые из них точно совпадают с минусинскими. Большинство же отличается: ножи — большей небрежностью отливки, своеобразием строения навершия рукоятки [1] или преувеличенным отгибом назад нижней части клинка,[2] кинжалы — наличием выступающего эфеса или резко выраженного стержня вдоль середины клинка [3] (табл. XI, рис. 6), не свойственных «выемчатоэфесовым» карасукским из Минусинской котловины. При общем сходстве отличаются и бронзовые украшения. Мы уже отмечали это при сравнении карасукских лапчатых привесок с суйюаньскими двухлопастными. Можно дополнить сказанное указанием на особенность строения выпуклых бляшек, часто гораздо более рельефных на востоке.[4] Наконец, симптоматично и отсутствие на востоке параллелей для многих характернейших «карасукских» предметов. Так, среди украшений мы не видим ничего похожего на типично карасукские перстни с двумя выпуклостями и на браслеты (особенно широкопластинчатые). Вместе с тем на востоке встречаются карасукообразные формы, несомненно связанные с Китаем, но

---

[1] Часты «петельные» (Inner Mongolia..., corpus III, 33, 34, 38, 48, 49), а также дисковые — «прорезные» (Inner Mongolia..., табл. XLI—11 и хранящийся в Читинском музее).

[2] Inner Mongolia..., corpus III—29, 34, 40, 47 и рис. 24.

[3] Salmony A. Sino-Siberian Art. Pl. XXXVI, 2; Inner Mongolia..., рис. 16—A; Грязнов М. П. Бронзовый кинжал с оз. Кото-Кель, рис. 1.

[4] Inner Mongolia..., 115—1.

совершенно чуждые Минусинской котловине. Среди них, прежде всего, следует отметить ножи, отличающиеся от карасукских необыкновенно широким и массивным клинком. Их можно назвать резаками.[1] Однако с карасукскими ножами северокитайские резаки сближают принципы строения — коленчатость, наличие выступа в основании рукояти, иногда вогнутость обушка, сходство кольчатых и дужковых наверший и детали орнамента. Можно также указать ряд переходных форм от резаков к карасукообразным ножам Северного Китая. Все это заставляет видеть в резаках родственную карасукообразным ножам суйюаньскую форму. Резаки и сходные с ними карасукообразные ножи из Суйюани, в которых следует видеть местные изделия, приобрели сейчас совершенно исключительное значение. Правительство Китайской Народной Республики демонстрировало на выставке китайского искусства в Москве в 1950 г. находки, сделанные при раскопках в Аньяне (Ю.-В. Шаньси) развалин столицы династии Шан-Инь. Найденные остатки относятся к XVI—XV вв. до н. э. Среди демонстрированных коллекций и фотовоспроизведений богатейших находок можно было видеть массивные ножи, почти точно совпадающие с только что описанными суйюаньскими карасукообразными ножами и резаками (табл. XII, рис. 64, 65).[2]

Прямое сходство можно также установить и между бронзовыми и нефритовыми плоскими наконечниками шан-иньских клевцов (табл. XI, рис. 11)[3] и клевцами из Суйюани, постепенно разрабатывающими карасукские черты,— скрепление при помощи втулки и петлю на обушке для подвешивания на ремень (табл. XI, рис. 8).[4] Все это позволяет видеть в карасукообразных бронзах Суйюани местные формы, сделанные по образцам более древних шан-иньских собственно Китая.

Выше уже отмечалось, что ряд особенностей не позволяет карасукообразные вещи Востока выводить из Минусинской котловины. Теперь для карасукообразных ножей и клевцов Суйюани есть основания утверждать не только местное изготовление, но и местную китайскую традицию.[5] Отметим здесь же, что при таком решении вопроса становится более понятным и давно уже отмеченное сходство между карасукообразными коленчатыми ножами и так называемыми «монетными» ножами эпохи Чжоу (1122—255 гг. до н. э.).[5] Эти ножи не могли быть заимство-

---

[1] Inner Mongolia..., corpus III, 2, 50, 51, 53, 56—59.

[2] Не менее поразительные параллели из Аньяна были демонстрированы в фотографиях О. Н. Глухаревой во время ее доклада «Искусство Шань-Инь по памятникам Аньяна», прочитанном 26 июня 1940 г. на конференции по истории китайского искусства в Гос. музее восточных культур.

[3] Illustrated Catalogue of Chinese Governement Exhibits for the International Exhibition of Chinese Art in London. Vol. IV. Nanking, 1937, стр. 137, N 77, 78; John E. Lodge A. Descriptive and illustrative Catalogue of Chinese Bronzes. Washington, 1946, pl. 48.

[4] Janse O. L'empire de Steppes. Journal des Arts Asiatiques, 1935, vol. IX, pl. V, fig. 13; John E. Lodge, ук. соч., табл. 49, 34/13.

[5] Münsterberg O. Chinesische Kunstgeschichte, 1913, Bd. I.

ванными у степняков Северного Китая. Трудно представить себе, чтобы ножи варваров стали монетой народа, столь много терпевшего от них. Но суйюаньские и монетные ножи могли происходить от одного прототипа — массивных ножей эпохи Шан. Этим была обусловлена близость их форм, в дальнейшем, может быть, увеличенная подражанием степных литейщиков Суйюани коленчатому строению монетных ножей Чжоу, попадавших им в руки.[1]

Все изложенное позволяет считать, что среди предметов, характерных для карасукского инвентаря Минусинской котловины, имеются принесенные на Енисей пришельцами юго-восточного, северокитайского происхождения. Это можно утверждать относительно ножей и клевцов и предполагать для кинжалов и некоторых украшений. Вместе с тем и высокий расцвет бронзовой индустрии карасукской эпохи на Енисее, не имеющей ничего похожего в Западной Сибири, следует, повидимому, во многом связывать с юго-востоком. Некоторые факты позволяют при этом предполагать, что движение из Китая на север могло начаться еще в эпоху Шан-Инь (1766—1122 гг. до н. э.).

Среди карасукообразных вещей Иркутского музея выделяется большой вогнутообушный нож с решетчатой ажурной рукояткой, украшенной сверху фигурами животных (табл. XII, рис. 59). Размеры и массивный клинок позволяют сравнивать его с китайскими резаками. Однако еще большее сходство в размерах и в форме, в решетчатом ажуре рукоятки и в украшении навершия фигурами стоящих животных обнаруживается у него с двумя ножами далекого запада — сейминским (Горьковская область, табл. XII, рис. 66) и турбинским (Пермская область, табл. XI, рис. 10).[2] Последние резко отличны от других ножей и кинжалов сейминского типа, а также и от более южных срубно-хвалынских. Это не позволяет считать их местными волго-камскими. Зато только размеры отличают их от карасукских, а при сравнении с иркутским отпадает и это различие. Смущает лишь расстояние. Однако большая часть его представлена карасукскими вещами — на Тоболе найден карасукский клевец. Но есть и более убеждающие находки. Еще в 1913 г. В. А. Городцов обратил внимание на белонефритовые кольца Сейминского могильника и заподозрил их восточное происхождение.[3] Предположение В. А. Городцова подтвердилось, когда оказалось, что кольца из белого нефрита были необходимым украшением костюма в глазковских погребениях Прибайкалья;[4] при этом была установлена их местная выработка из нефрита с р. Иркут.[5]

---

[1] Монетный нож из Суйюани (Inner Mongolia..., fig. 115—11).

[2] Сейчас, к сожалению, изданы только их верхние части Д. Эдингом (Резная скульптура Урала, М. 1940, рис. 73 и 76).

[3] Городцов В. А. Культура бронзовой эпохи.

[4] Окладников А. П. Неолитические находки в низовьях Ангары. ВДИ, 1939, № 4, стр. 169.

[5] Городцов В. А. Бронзовый век. БСЭ. (Белый нефрит в СССР имеется только на Карпатах, в Таджикистане и на р. Иркуте в Сибири).

Белый нефрит, как известно, является также излюбленным материалом китайских художников-резчиков.

Раскопки в Аньяне выяснили, что впервые в Китае этот камень стал широко применяться в эпоху Шан, т. е. одновременно с его распространением по Сибири и Приуралью.[1]

Проникновение белого нефрита на запад вполне подтверждает существовавшую некогда связь между сейминским Волго-Камьем, Сибирью, Прибайкальем и Северным Китаем. По путям нефрита вполне могли переноситься и формы ножей-резаков, столь сходные в Сейме, Турбине, Прибайкалье, Суйюани. По этим же путям распространялись и другие вещи, найденные в Сейме: кельты и копья с ромбическим стержнем. Сейчас уже нельзя считать их продуктом одного запада. Кельты, найденные в Аньяне, очень близки к сейминским,[2] особенно к их зауральскому варианту, более массивному, украшенному только треугольниками, без ромбов. Аналогичные имеются и в Суйюани. То же можно сказать и о копье. Широта распространения сейминских копий, от Молдавии до Южной Сибири и от Волги и Камы до Иссык-Куля, не позволяет сейчас приурочивать их происхождение к какому-нибудь определенному центру всей огромной территории. Изучение типов копий бронзового века Западной Европы и Ближнего Востока также не дает параллелей. Зато Дальний Восток, к которому находки сейминских копий протянулись через Сибирь, дает близкие формы в виде копий также с ромбическим стержнем, найденных все в том же Аньяне. Наконец, о том же говорят сделанные А. П. Окладниковым на Сепенчинских стоянках находки глиняных трехногих сосудов, совершенно сходных с китайскими типа «дин» и «ли»[3].

Таким образом, связи на север и северо-запад протянулись от Китая еще в эпоху Шан (точнее, во вторую ее, Иньскую половину, в те же даты, что и Сейма XIV—XII вв. до н. э.). Судя по тому, что сеймино-иньские связи осложняются первоначально еще глазковско-сейминскими,[4] можно предполагать, что и карасукообразные бронзы Суйюани формировались в конце эпохи Шан. Затем они проникли (путем ли обмена или вместе с переселенцами — это пока неизвестно) в Прибайкалье. Это время и отмечается иркутским, турбинским и сейминским

---

[1] Greel H. G. La naissance de la Chine. Paris, 1937 и доклад Глухаревой О. Н. «Памятники эпохи Шан», читанный на конференции по истории китайского искусства 26 июня 1940 г. в Музее восточных культур; «3000 years of Chinese Jade», New York, 1939.

[2] Демонстрировались О. Н. Глухаревой на докладе в Музее восточных культур 26 июня 1940 г.

[3] Окладников А. П. Археологические исследования в Б.-М. АССР (КСИИМК XXVI. 1949, стр. 9).

[4] В связи с этим приобретает особое значение нож, опубликованный А. П. Окладниковым в глазковском комплексе (ВДИ, 1938, № 1, стр. 255, рис. 9 — 7). Нож архаический, бронзовый, листовидный, но он вставлен в костяную рукоятку под углом так, что получается коленчатая форма, может быть подражающая «новинкам» из Китая эпохи Шан-Инь.

ножами. Для Прибайкалья это время распространения так называемых «гробничных погребений», сменяющих глазковские.

Вероятно, в то же время начинается проникновение северокитайских переселенцев с суйюаньскими бронзами и на Енисей. В Минусинской котловине начинается новая, так называемая карасукская эпоха.

Пришельцы встретили на среднем Енисее редкое андроновское население и, повидимому, соседили с ним.

В пользу этого говорят прежде всего антропологические данные (не только метисность, но и реликты). Это подтверждается и наличием в карасукском инвентаре афанасьевско-андроновских пережитков (главным образом формы и орнаментика керамики).

Возможно, что такое сожительство пришельцев и аборигенов обусловливалось и другими причинами. Земледелие, повидимому, играло большую роль в жизни андроновских племен как на западе, так и на востоке, на Алтае и среднем Енисее. Наоборот, в племенах юго-восточного происхождения едва ли можно видеть склонных к оседлости земледельцев. К этому их не располагали ни природа стран, из которых они происходили, ни их прежний быт, ни те длительные передвижения, в результате которых, переходя через труднодоступные горы и таежные чащи, они выходили к Енисею.

Недаром все изменения в материальной культуре карасукской эпохи меньше всего могут быть объяснены оседло-земледельческим бытом (круглодонная керамика, кибитка и т. п.).

Однако широко известно на примерах современных скотоводческих народов (ср. монголов, казахов, туркменов и др.), а также на примерах истории (тюрок, уйгуров, монголов и мн. др.), что скотоводы всегда стремятся войти в сношения с земледельческим населением соседних областей, будучи заинтересованы в получении оттуда недостающих продуктов.[1] Вполне возможно, что в известной мере и в начале карасукской эпохи этот мотив способствовал сохранению среди новопришельцев старых андроновских элементов.

5. КАРАСУКСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ

Где сосредоточивалось новое население? Мы уже знаем это для Минусинской котловины, где были заняты берега Енисея, низовья его главных притоков и пространства на запад по рекам, текущим с Кузнецкого Алатау. Восток осваивался меньше, так как был более лесистым (табл. IX).

Еще дальше на восток простирались таежные пространства, вероятно занятые совершенно иным населением, которое и позднее сохраняло черты быта, более архаичного, чем карасукский.

[1] См. по этому вопросу работы С. П. Толстова и А. Н. Бернштама.

На севере, в Красноярском районе, также выявляется археологическая культура, очевидно более сходная по темпам своего развития с ангаро-прибайкальскими поздненеолитическими памятниками.

Под Красноярском была исследована В. Г. Карцовым уже упоминавшаяся выше Усть-Собакинская стоянка, мощный верхний культурный слой которой исследователь разделил на 4 горизонта. Нижний горизонт сейчас нам особенно интересен, так как еще при разведочных работах 1919 г. Г. П. Сосновский нашел обломок типично карасукского круглодонного сосуда и бронзовое проволочное кольцо, также сходное с карасукским.[1] Таким образом, устанавливается некоторая связь красноярского севера с югом. Наличие подобной связи подтверждают и некоторые другие, случайные находки карасукских вещей (у с. Базаиха лапчатая привеска и бляшка,[2] на Усть-Собакинской коленчатый нож [3] и в неизвестном месте под Красноярском выемчатоэфесовый кинжал).[4]

Однако это перечисление говорит не в пользу единства уровня развития Красноярского района и Минусинской котловины в карасукское время. Карасукские вещи на севере, под Красноярском, гораздо более редки, чем, скажем, в южном Прибайкалье. Они, очевидно, заброшены туда случайно. В этом убеждают и основные находки, сделанные в нижнем горизонте Усть-Собакинской стоянки. Местная керамика здесь еще весьма архаична и скорее может сопоставляться с афанасьевской яйцевидными формами и елочной орнаментацией.[5] Архаичен и остальной инвентарь, состоящий из каменных орудий, мало чем отличающихся от более древних неолитических Ангаро-Байкальского края. Показателен состав костей животных, найденных в нижнем горизонте Усть-Собакинской стоянки: еще совершенно нет домашних животных, зато преобладает лось, а также найдены кости косули, кабана, медведя, белки, волка и птицы. Все эти находки, если присоединить к ним еще грузила, создают картину задержавшегося неолитического охотничье-рыболовческого хозяйства, которому совершенно неизвестно скотоводство, достигающее в карасукскую эпоху в Минусинской котловине высокого развития.

Население Красноярского района, оставившее столь примитивную культуру, также отличалось от минусинских карасукцев.

В упоминавшемся уже могильнике у с. Базаиха, по времени близком к карасукской эпохе, обнаружены останки людей, родственных тому монголоидному типу, который, согласно выводам Г. Ф. Дебеца, был традиционным для неолитического населения Ангары и Прибайкалья.

---

[1] Карцов В. Г. Материалы по археологии Красноярского района, Красноярск, 1929, стр. 22 и, особ., 26.

[2] Карцов В. Г., ук. соч., стр. 38, табл. III, рис. 15 и 16.

[3] Там же, стр. 37, табл. III, рис. 17.

[4] Там же, стр. 43, табл. III, рис. 4.

[5] Там же, стр. 38—39, табл. V.

Несколько в ином положении находился район современного Томска. Здесь еще в 1887 и 1889 гг. был исследован замечательный могильник «лагерного сада» на высоком левом берегу р. Томи, вблизи того места, где проф. Кащенко открыл первое в Сибири палеолитическое местонахождение. Могильник относится к трем эпохам — к концу карасукского времени, ко времени около начала н. э. и к XIV—XV вв.[1] Нас здесь интересует древнейшая часть, которая выше при сравнении вещей именовалась Старшим Томским могильником.

К сожалению, не все материалы Старшего Томского могильника находятся в достаточном порядке. Это особенно относится к большинству могил, разрытых А. В. Адриановым, который тогда еще не разделил вещи по погребениям. Однако достаточный контрольный материал для понимания всего комплекса составляют несколько удовлетворительно раскопанных Адриановым могил так называемого «Малого Мыса»,[2] а также погребения, тщательно изученные С. К. Кузнецовым.

Несмотря на неудовлетворительность раскопок Старшего Томского могильника, можно сделать некоторые выводы. Кажется, что наиболее самобытен и архаичен его участок на Малом Мысу, где были найдены погребения, датированные гладкими ножами, кинжалом «киммерийского» типа и маленькими биконическими сосудиками — все вещами западного, андроновского происхождения. Затем следует основная масса погребений, датирующихся карасукскими памятниками, которые здесь, однако, едва ли относятся к первой половине карасукского времени. Скорее они приурочиваются к концу «карасука», когда складываются уже древнейшие тагарские формы, которых, немало найдено обоими исследователями могильника.

В связи с этим можно сослаться на хорошо описанное С. К. Кузнецовым погребение № 1 на Правом Мысу. В нем найдены наконечник копья, уже далеко ушедший от своего сейминского образца и близкий к древнеананьинскому, зеркало тагарского типа и карасукский петельнообушный клевец.[3] Эти факты заставляют видеть в Томском могильнике памятник, оставленный населением, подвергшимся сильнейшему карасукскому влиянию в конце карасукской эпохи. Это влияние было настолько сильным, что оно перекрыло, очевидно, более древние западно-андроновские связи, первоначально прочно отразившиеся даже в местной керамике. Появление наряду с карасукской бронзой также и круглодонной керамики позволяет, как мне кажется, ставить вопрос и о каком-то проникновении самих карасукцев на северо-запад, к Томску. Замечательно, что инвентарь Старшего Томского могильника не дает права говорить о населении, его нам оставившем, как об охотниках и рыболовах лесной зоны. Нет в могилах ни грузил, ни крючков, столь обычных в инвентаре населения, скажем, восточного Приуралья того

---

[1] Вещи из раскопок С. К. Кузнецова хранятся в музее Томского университета. Дневники к ним см. в «Томских Университетских Известиях» за 1889 г., кн. II. Вещи из раскопок А. В. Адрианова хранятся в ГИМ. Описание и отчет в ОАК за 1889 г.

[2] ОАК за 1889 г., стр. 104, рис. 5.

[3] Томские Университетские Известия, стр. 43—45.

времени, нет и кремневых или костяных наконечников стрел.[1] Оставшиеся неопределенными многочисленные кости животных, находившиеся в Старшем Томском могильнике, возможно принадлежали и домашним видам. Наряду со скотоводством можно подозревать здесь и земледелие. Не указывают ли на растирание зерен цилиндрические и четыреугольные шлифованные камни, которые были найдены С. К. Кузнецовым в могилах № 5, 8 и 9 Правого Мыса? Во всяком случае весь облик материальной культуры Старшего Томского могильника ближе к современным ему степным скотоводческо-земледельческим, чем к таежным охотничье-рыболовческим комплексам, хотя район Томска и тогда можно было считать лесным.

Это также до известной степени поддерживает предположение о проникновении в низовья Томи не только южных карасукских влияний, но и их носителей из Минусинской котловины.[2] Связывать Старший Томский могильник со среднеенисейским (минусинским) карасуком, а не с верхнеобским (алтайским), с которым его соединяла великая река, заставляют два обстоятельства: во-первых, енисейский тип карасукской керамики Томского могильника, отличный от алтайского, и, во-вторых, наличие тагарских вещей, которые в карасукском инвентаре появились только в Минусинской котловине.

Таким образом, Старший Томский могильник оказывается очень важным памятником. Он показывает, что сильнейшее воздействие карасукской культуры сопровождалось, очевидно, продвижением населения из Минусинской котловины, через Ачинские степи и сравнительно ровный таежный район Мариинска (к северу от отрогов Кузнецкого Алатау) до низовьев Томи. Вполне вероятно, что этим отмечается и тот путь, которым карасукские элементы продвигались дальше на запад, к Алтаю. К сожалению, остается совершенно неизученным более южный район по р. Томи — Кузнецкий. Обнаруженный около Старо-Кузнецкой крепости неолитический могильник относится, повидимому, к более раннему времени. Других памятников пока там не обнаружено.

* * *

Мы встречаем своеобразный карасукский комплекс уже гораздо западнее, в степях, прилегающих к Алтаю с севера, на верховьях Оби, по Бие и Катуни. Здесь же на дюнных стоянках Оби между Барнаулом и Бийском еще в 20-х годах была найдена керамика и бронзовые предметы, весьма схожие с карасукскими Минусинской котловины. На дюнах у с. Большереченского были отысканы остатки

---

[1] Дмитриев П. А. Мысовские курганы и стоянки. Труды Секции археологии РАНИОН, вып. IV, стр. 180 и сл.

[2] Подтверждается это и тем, что более ранние памятники Томска и прежде всего материалы из нижнего культурного слоя под могильником, изобилующего каменными орудиями, носят весьма архаический характер реликтового лесного неолита (камни хранятся в ГИМ).

четырех погребений. При них была найдена керамика и различные вещи, близко напоминающие карасукские Минусинской котловины. Все это позволило М. П. Грязнову выделить в 1930 г. карасукский этап «бронзовой эпохи Алтая».[1]

В том же 1930 г. экспедиция Бийского музея и Общества изучения производительных сил Сибири под руководством С. М. Сергеева произвела раскопки карасукских погребений близ с. Камышенки Уч-Пристанского района и с. Красный Яр Смоленского района. Раскопки в с. Камышенка были продолжены и позднее. В 1935 г. Бийским музеем были еще раскопаны остатки карасукского могильника у с. Суртайского Старо-Бардинского района. Хорошо описанные раскопки у с. Красный Яр и с. Камышенка позволяют довольно подробно характеризовать карасукские погребения Северного Алтая, хотя и здесь помехой служит сильная ограбленность.[2]

В Камышенке все погребения были скрыты под невысокими, сильно расплывшимися курганчиками. В Красном Яре единственное исследованное в 1930 г. карасукское погребение было скрыто под одной насыпью с андроновскими.

В Камышенке всего было обнаружено 25 погребений, но лишь 12 из них сохранились настолько, что можно судить о ритуале. Большим недостатком исследования является невыясненность размеров и форм ям, очертание которых не было отмечено С. М. Сергеевым.

Глубина залегания останков (очевидно, глубина ям) колебалась от 0.45 до 1.25 м.

Все покойники в Камышенке лежали скорченно на правом боку. У большинства ориентировка головой на запад (6) и юго-запад (5); лишь один лежал головой на юг.

В Красном Яре положение аналогичное и ориентировка также западная. Парные погребения мужчины с женщиной сравнительно редки (в Камышенке 2 из 12 определимых [3]). Кроме того, в Камышенке найдена могила, в которой рядом лежали 4 человека.[4]

Единственное погребение Красного Яра было женским.

Вещи, находившиеся в погребениях, располагались обычно в следующем виде: у головы два сосуда и иногда бронзовый нож (если находили третий сосуд, то обычно он стоял в ногах). На лбу — венчик из бус или в виде бронзовой пластинки, на шее — ожерелье. У висков височные кольца, на предплечье и плечевой кости — браслеты, на пальцах рук (чаще на безымянных) — перстни. Часто около рук встречались довольно крупные трубочки, свернутые из бронзового листка, очевидно пришивавшиеся к одежде.

---

[1] Грязнов М. П. Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930, стр. 5—6, рис. 37—45.

[2] Все материалы по этим раскопкам и добытые вещи хранятся в Гос. Эрмитаже. Красный Яр — коллекция 251 и Камышенка — коллекция 252.

[3] Камышенка, № 1 и № 12, II.

[4] Камышенка, № 16.

Среди этих предметов можно выделить бронзовые, уже известные нам по карасукским погребениям Минусинской котловины. Таковы, например, кольца, согнутые из бронзовой проволочки, носившиеся как височные кольца [1] и как перстни.[2] К ним нужно присоединить проволочные спирально-цилиндрические перстни, имеющие аналогию на карасукском Енисее.[3] Особенно характерны для карасукской эпохи бронзовые спаренные бляшки,[4] а также пуговицы различных размеров с ушком на оборотной стороне.[5] На Енисее эти пуговицы иногда украшали нагрудник, здесь они найдены в составе диадемы из бус.[6] Менее выразительны пронизки [7] и бусы,[8] свернутые из бронзового листка, а также бронзовые литые боченкообразные бусы.[9] Их можно встретить на Енисее и в карасукских и в андроновских могилах. Много их и в позднеандроновских могилах Западной Сибири. Остальные бронзовые вещи, найденные в карасукских погребениях Северного Алтая, более своеобразны.

Н о ж и, обычно очень массивные, не длинные, с отверстием в верхней части.[10] У одного заметна некоторая отогнутость назад нижней части клинка;[11] один более удлиненный.[12] Беря их в целом, их можно скорее сопоставить с раннетагарскими, чем с карасукскими или казахстанскими. Они сходны также с ножами из Старшего Томского могильника.

Совершенно своеобразны очень длинные иглы [13] и гвоздевидная булавка.[14] Найденный в Камышенке (погребение № 15) точильный брус с отверстием для привешивания весьма близок к находкам на Алтае в погребениях «скифской эпохи».[15]

---

[1] Камышенка, № 1, 4, 16.

[2] Камышенка, № 16 и 17. Аналогичные найдены и в Белореченских погребениях, но не определены.

[3] Камышенка, № 17; Красный Яр, № 2, I (Т е п л о у х о в С. А. Древние погребения..., табл. XI, рис. 3).

[4] К а м ы ш е н к а, № 10 и № 12.

[5] Красный Яр, курган № 2, погр. I, Камышенка, № 10, 11 и 16. Белореченская отличается наличием выпуклостей по краю и сходна этим с андроновскими.

[6] Камышенка, № 10.

[7] Белореченское, Камышенка, № 8 и 17 (8 экз.), Красный Яр, № 2, I (2 экз.).

[8] Камышенка, № 1, № 4 (5 экз.), № 8 (2 экз.), № 9, № 10 (9 экз.), № 15, № 16 (28 экз.), № 17 (30 экз.), Белореченское.

[9] Камышенка, № 4 (6 экз.).

[10] Камышенка, № 1 и 12.

[11] Камышенка, № 10.

[12] Камышенка, № 16.

[13] Камышенка, № 12.

[14] Белореченское (Г р я з н о в М. П. Древние культуры Алтая, рис. 43).

[15] Ср. курган, раскопанный под Семипалатинском у с. Вавилонки (табл. XXIX, рис. 1—10). Датирован скифским акинаком. (Хранится в Семипалатинском музее).

Диадемы из узкой или более широкой бронзовой пластинки [1] не находят себе аналогий ни в андроновских, ни в карасукских древностях; зато они очень распространены позднее, в скифскую эпоху.

Особый интерес представляют серьги (или височные кольца?), сделанные из согнутой гвоздевидной булавки.[2] Они имеют лишь одну, и то отдаленную, аналогию в согнутой из булавки серьге, найденной в могиле № 3 участка Малый Мыс Старшего Томского могильника.[3] Не имеет себе близких аналогий серьга из могилы № 16 в Камышенке. Это цилиндрическая спираль из бронзовой проволочки, один конец которой выпущен вверх и загнут крючком.[4] Подобные серьги известны из ананьинских погребений Прикамья. В могиле № 12 Камышенки найдены две широкие бронзовые пластинки с загнутыми краями. Если бы не их расплющенность и нахождение около головы, в них можно было бы видеть детские карасукские браслеты. Такую же отдаленную аналогию с карасукскими представляет и гвоздик из могилы № 15. Однако его отличает от минусинских заостренность (те имеют конец расплющенный, как у заклепки) и отсутствие массивной выпуклой головки. Своеобразны и пластинчатые браслеты с выпуклостями на концах.[5] Возможно, что эти выпуклости подражают спиральным концам известных позднеандроновских браслетов Западной Сибири и Старшего Томского могильника. Некоторую параллель в позднеандроновских Западной Сибири могут найти две бронзовые пронизки из Красного Яра, представляющие собой как бы соединенные друг с другом биконические бусы.[6] Найденные в Красном Яре привески из зубов марала встречаются среди находок главным образом скифского времени в Южной Сибири,[7] но совершенно оригинальна «подвеска» в виде просверленной фаланги марала.[8] В ней нельзя не видеть амулета, вероятно связанного с пережитками почитания марала. Дважды в карасукских погребениях Северного Алтая были найдены и цилиндрические бусы из белой пасты.[9] Выше мы уже неоднократно касались истории распространения по Сибири белопастовых украшений. На востоке они встречены вплоть до Прибайкалья, где найдены в глазковских могилах. В Минусинской котловине их впервые встречают в близких по времени к глазковским андроновских погребениях, а затем они широко распространяются в карасукское время. На западе Сибири они также найдены в андроновских могилах.

---

[1] Камышенка, № 12, 16 и 17.

[2] Камышенка, № 17 (2 экз.) и Красный Яр., № 2, 1.

[3] См. выше.

[4] Камышенка, № 16. (Хранится в Гос. Эрмитаже № 252/48).

[5] Камышенка № 17 (2 экз.). Близкий, но без выпуклостей, найден в белореченских могилах (Грязнов М. П., Древние культуры Алтая, рис. 42).

[6] Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Зап. Казахстане, рис. 4, 10 и 11.

[7] Красный Яр, № 2, I, 251/6.

[8] Красный Яр, № 2, I, № 251/7.

[9] Красный Яр, № 2, I, Белореченские погребения (Грязнов М. П. Древние культуры Алтая, рис. 40).

Керамика карасукских могил Северного Алтая весьма своеобразна. Она аналогична енисейской по технике выработки и по форме. Ее характеризуют та же тонкостенность, достигаемая расколачиванием, та же тщательность мокрого заглаживания поверхностей и их полировка, те же слегка развернутые цилиндрические шейки и общая округлость тулова. Однако в форме имеется существенное отличие. Если карасукские сосуды Енисея в большинстве своем сферические или «репообразные», круглодонные, то на Алтае они почти все плоскодонные и чаще всего имеют сферо-коническую, горшкообразную форму.[1] Это очень сближает их с местными древнеандроновскими горшками. Вместе с тем у многих карасукских сосудов Алтая, как и у енисейских, имеется уступ при переходе от шейки к плечу. Выше уже отмечалось, что подобные уступы особенно характерны для западносибирской позднеандроновской посуды (табл. XVI).

Орнаментация карасукской посуды Алтая также близка к енисейской, но имеет и своеобразные черты. Так же как и у енисейской, основой орнамента служит пояс из трех-четырех параллельных линий, идущий горизонтально в основании шейки. Однако на Алтае один, без дополнений, этот узор встречается очень редко.[2]

Прием отграничения шейки от плеч параллельными линиями широко применялся еще в древнеандроновское время в Южной Сибири и на Енисее, и на Алтае. Сохранился он и на позднеандроновской керамике Западной Сибири.

Характерно, что в андроновской орнаментации, как и в карасукской Алтая, изолированно этот узор почти не встречается, хотя и служит необходимым элементом композиции. На карасукских сосудах Алтая его осложняют дополнения в двух ярусах, по шейке и плечам. Наиболее скромные дополнения по шейке состоят из поясов наклонных штрихов,[3] иногда заключенных между параллельными линиями.[4] К ним можно присоединить округлые вдавления, располагающиеся в два ряда в шахматном порядке вдоль шейки,[5] и зигзаги, разделенные по переломам округлыми углублениями.[6]

При такой скромной орнаментации шейки на плечах встречены следующие узоры: зигзаг, сходный с шейным,[7] правильные[8] косые,[9] заштрихованные треугольники, обрамленные точками,[10] и треугольные фестоны, состоящие из заштрихованных и незаштрихованных треугольников, также отграниченных точками. Фестоны чередуются в этом случае с парами изогнутых заштрихованных полосок, также

[1] Из 28 только 1 круглодонный и 1 со слегка уплощенным дном.
[2] Камышенка, № 8 (т. е. 1 из 32 случаев, или 3%).
[3] Камышенка, № 7 и Белореченское (Грязнов М. П. Древние культуры Алтая, рис. 44).
[4] Камышенка, № 6, № 12, № 16 (3 экз.).
[5] Камышенка, № 15.
[6] Камышенка, № 16.
[7] Камышенка, № 12.
[8] Камышенка, № 6 и № 16 (3 экз.).
[9] Белореченское (Грязнов М. П. Древние культуры Алтая, рис. 44).
[10] Камышенка, № 12.

заканчивающихся точками.[1] Если не считать этих полосок, косых треугольников и отграничения точками, описанные узоры найдут себе параллели в карасукской орнаментике Минусинской котловины. Косые треугольники вершинами вниз не находят себе параллелей в карасукских вещах на Енисее, зато они имеются на древнеандроновских сосудах как на востоке, так и на западе.[2] Изогнутые полоски—своеобразные усы, очевидно, местное явление. Введение в линейный узор «точечных пауз» наблюдается также в андроновской орнаментике.[3]

Более сложен орнамент, характерной чертой которого является ромбический узор по шейке. Этот узор редок на Енисее, но зато очень распространен на Алтае и при этом в одной выдержанной форме: гладкие, незаштрихованные ромбы.[4] На происхождение этого узора, может быть, указывает наличие его в андроновской орнаментации, правда, в «заштрихованном» варианте.[5]

На карасукских сосудах Алтая полоска ромбов на шейке, снизу ограниченная параллельными линиями, часто встречается без дополнений, являясь единственным узором сосуда,[6] в других случаях ниже по плечам располагаются заштрихованные треугольники в один или два яруса,[7] треугольные фестоны, заполненные внутри заштрихованными треугольниками,[8] косые кресты.[9] Так же, как и у предыдущей группы, часты обрамляющие точки.

Из других орнаментальных комбинаций упомянем еще полосу треугольников, вершинами вверх, идущую по шейке, и расположенные под ними по плечам, под чертой, треугольники вершинами вниз, также с точечным обрамлением.[10] Этот узор описан и на карасукских сосудах из Минусинской котловины, где он очень распространен. Часто встречается он и на андроновских горшках. Наконец, необходимо отметить один карасукский плоскодонный сосуд из могилы № 7 Камышенки, на дне которого штрихами был нанесен прямой крест в круге. Если принять во внимание господство плоскодонности у карасукской керамики Алтая, то в этом украшении плоского дна по образцу круглого нельзя не видеть очень древней

---

[1] Камышенка, № 12.

[2] Новоселово на Енисее (Теплоухов С. А. Древние погребения..., см. табл. VII, 11); Сары-Булак и М. Койтас близ Семипалатинска (там же, табл. VIII, 2 и рис. 14; Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи, рис. 22, 6).

[3] Близ г. Петропавловска, раск. Аргентовского (Теплоухов С. А. Древние погребения... табл. VII, рис. 21.).

[4] Из 32—20 случаев, т. е. 62.5%.

[5] Теплоухов С. А. Древние погребения... табл. VII, 20—23, табл. VIII, 28—31.

[6] Камышенка, № 1 (2 экз.), № 8, № 9, № 16 (6 экз.), № 17 (3 экз.) и Белореченское (Грязнов М. П. Древние культуры Алтая, (рис. 45).

[7] Камышенка, № 1, № 15, Красный Яр, № 2, I.

[8] Камышенка, № 4 (2 экз.).

[9] Камышенка, № 10.

[10] Красный Яр, курган № 2, I.

традиции, которая на Саяно-Алтайском нагорье уже отмечалась для андроновских сосудов.[1]

Отсутствие в рассмотренных карасукских погребениях Алтая костей животных пока, при ограниченности раскопок, не может считаться симптоматичным. Ведь и на Енисее известны карасукские могильники, в которых не найдено остатков мяса.

Даже краткое описание карасукских памятников Алтая вскрывает их большое своеобразие. В погребальном обряде оно выражается в отсутствии каменных ящиков и оградок, в господстве архаического скорченного погребения. В металлическом инвентаре своеобразие сказывается в отсутствии предметов, характерных для карасукской эпохи на Енисее (например, перстней с коническими выпуклостями спереди, лапчатых привесок, рубчатых широкопластинчатых браслетов, гвоздевидных бляшек, заклепок). Орудия также отличны — коленчатые ножи почти неизвестны, их заменяют однодырчатые, весьма близкие к раннетагарским Енисея. Далее, на Алтае имеются вещи, не свойственные карасукским погребениям на Енисее (например, серьги, сделанные из согнутой гвоздевидной булавки). Но особенно велико различие в керамике. По своей технике она карасукская. Ее орнамент, более однообразный, чем на Енисее, также в основном близок к карасукской орнаментике сосудов Минусинской котловины. Так же как и там, в этой орнаментике можно заметить точки соприкосновения с древнеандроновской (особенно во всевозможных фестонах с треугольниками). Зато форма карасукских сосудов Алтая совершенно отлична от минусинских. Почти нет сосудов круглодонных; редки сферические. Повсеместно — плоскодонные сфероконические горшки, очень близкие по форме к древнеандроновским, от которых они отличаются только уступом при переходе от шейки к плечам. И по форме и по орнаментации, если бы не карасукская керамика Енисея, алтайскую карасукскую посуду можно было бы принять за позднейшее производное от древнеандроновской.

Во всяком случае особенности карасукских погребений Алтая говорят о более тесной связи с андроновским прошлым и о меньшей роли тех новых элементов, благодаря которым на Енисее сложился особенно своеобразный, характерно карасукский комплекс. Насколько мне известно, и палеоантропологические материалы не подчеркивают столь резкого отличия на Алтае людей карасукской и андроновской эпохи, выраженного так ярко в Минусинской котловине. Возможно, что на Оби в противоположность Енисею осталось господствующим старое андроновское население. Однако его культура подвергалась весьма сильному воздействию с востока, вследствие чего в значительной степени утратила сходство с предшествующей древнеандроновской и позднеандроновской соседних более западных областей Сибири и Казахстана.

Как определяется область алтайских карасукских погребений?

---

[1] Теплоухов С. А. Древние погребения, стр. 13 и табл. VI—1, IX—2; Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи..., рис. 22, 1а—2а.

В Южном Алтае пока лишь в одном случае мы получили некоторое указание по этому вопросу. При раскопках в Курайской степи в 1935 г. в группе к востоку от села Курай были обнаружены две обширные площадки, ограниченные кругом оградкой из больших камней. В обоих случаях в центре под небольшой каменной выкладкой были открыты индивидуальные погребения взрослых, лежавших несколько на боку со слегка согнутыми ногами, в положении, весьма близком к карасукскому на Енисее. При одном из погребений у головы были собраны обломки, повидимому, округлого сосуда, по технике напоминающего карасукский.

Что касается более южных областей Западного Алтая, окрестностей Семипалатинска и других районов в бассейне верхнего Иртыша, то там для интересующего нас здесь периода, к сожалению, приходится ограничиваться одними случайными находками. При этом большим недостатком является сравнительно малое количество керамики. Однако некоторые наблюдения возможны.

Выше, в главе об андроновских находках, уже говорилось, что в бассейне верхнего Иртыша исследованы андроновские могильники, очень близкие к древнеандроновским Алтая, Минусинской котловины и Южного Приуралья. Это подчеркнул и М. П. Грязнов, изучивший случайные находки верхнеиртышского района и установивший, что в древнеандроновское время еще нет дифференциации «на минусинскую и казахстано-алтайскую культурные провинции. Оружия обеих областей принадлежат одним и тем же типам. Исключение составляет лишь плоский топор, встречаемый только в пределах Восточного Казахстана».[1]

Иное мы видим в последующее время, синхроничное карасукскому, на Северном Алтае. Среди подъемного керамического материала, хранящегося в Семипалатинском музее и в МАЭ АН СССР (коллекция Белослюдовых), можно лишь отдельные черепки условно сблизить с карасукскими. Зато немало попадается обломков горшков с уступом, типичных для позднеандроновского типа Северного Казахстана и Южного Приуралья. То же впечатление оставляют и коллекции, собранные С. Черниковым во время разведок и раскопок в районе Калбинского хребта. Судя по этим материалам, нельзя утвердительно говорить о распространении в Семипалатинской области карасукской керамики. Этому соответствуют и наблюдения над случайно найденными в бассейне верхнего Иртыша бронзовыми орудиями. По мнению М. П. Грязнова, «ко второму этапу бронзовой культуры (синхроничному карасукскому времени.— *С. К.*) можно отнести ножи и кинжалы с обособленной рукояткой. Существенно отличаясь от ножей и кинжалов второго этапа минусинской бронзы (т. е. карасукской — *С. К.*), они в то же время имеют и некоторые черты сходства с последними».[2] Перечислив эти сходства, из которых самым существенным является близость в строении рукояток кинжала к карасукским

[1] Грязнов М. П. Казакстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казаки». Л., 1930, стр. 162.

[2] Там же.

выемчато-эфесовым, М. П. Грязнов все же делает вывод, что в средней бронзе «наблюдается самостоятельный ход развития культуры на западе и на востоке, в результате чего мы имеем сравнительно бедную казахстано-алтайскую культуру и очень богатую культуру минусинскую».[1] С этим выводом вполне можно согласиться, исключая два момента, которые стали ясными уже после опубликования цитированной статьи. Во-первых, нельзя теперь весь Алтай объединять в одну «культурную провинцию» с Восточным Казахстаном — мы видим, что Северный Алтай после раскопок дал памятники, более близкие к карасукским Енисея. Очевидно, граница карасукской «провинции» лежит гораздо ближе к Семипалатинску. Возможно, что ею служат водораздельные пространства между верхней Обью и верхним Иртышом. Вторая поправка касается проводимого М. П. Грязновым сравнения обеих «провинций» по степени богатства. Сейчас, когда открыты многочисленные памятники древнего металлодобывающего промысла в Казахстане и всюду оказались орудия «казахстанского» типа, говорить применительно к области их распространения о «бедности» не приходится. К юго-западу от Бийских «западнокарасукских» степей начинается область иной культуры, для которой характерны прочно удерживавшиеся традиции андроновской керамики и орудия, лишь отдельными особенностями напоминающие карасукские, в целом же вполне оригинальные (особенно это можно сказать о ножах, которые ничего общего с карасукскими не имеют).[2]

Мало известны памятники, расположенные в степях к западу от Бийска и Барнаула. Не исключена возможность, что в Кулундинском районе и в окрестностях Павлодара, на пространстве между Обью и Иртышом, будут найдены древности, связанные с карасукскими. В пользу этого говорит замечательная находка, сделанная М. П. Грязновым в еще более западном районе, в Центральном Казахстане, к югу от г. Караганды, около аула Дынды-бай, на р. Чуру-бай-Нура.[3] Вместе с тем возникает вопрос, имеем ли мы право видеть в таком распространении карасукских форм далеко на запад указание на широкое расселение по Сибири пришельцев из Монголии и Суйюани? Уже для североалтайских степей, учитывая силу андроновских традиций в материальной культуре и сохранение старого андроновского типа, выше была сделана оговорка. С еще большей необходимостью она

---

[1] Грязнов М. П. Казахстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казаки». Л., 1930.

[2] Какова область распространения этих «казахстанских» ножей «с обособленной рукояткой»,— сейчас сказать полностью трудно. Можно с уверенностью считать, что они не проникли на северо-восток дальше Барнаула — Бийска, да и там встречены, по сводке М. П. Грязнова, в трех экземплярах. Тем более интересно в связи с этим, что один из них найден в Суйюани и имеет выдержанно «казахстанский» вид. Вполне возможно, что он попал туда каким-то южным центральноазиатским путем (Inner Mongolia, corpus III, рис. 5).

[3] Археологические работы на новостройках. Известия ГАИМК, выпуск 110, 1935, рис. 21, 32—36. Раскопки в 1948 г. аналогичных погребений в С.-В. Прибалхашье Л. Р. Кызласовым доставили бронзовые стрелы предскифского типа.

должна быть сделана для более западных районов. Однако это нисколько не уменьшает того огромного значения, какое имело некогда для формирования «предскифской» культуры Южной Сибири и Северного Казахстана распространение там карасукских высокоразвитых технических приемов и многообразного и дифференцированного ассортимента орудий, оружия и украшений. Можно прямо сказать, что события карасукского времени имели для нашего Востока такое же значение, как и воздействие на бронзовый век Кавказа и Причерноморья великих культур Передней Азии.

6. КАРАСУКСКИЙ БЫТ

Еще очень мало собрано сведений, могущих пролить свет на быт населения Минусинской котловины в карасукское время. Случайные находки и могильники остаются и в этом вопросе почти единственной нашей опорой.

Нетронутые остатки стоянок, относящихся к карасукскому времени, пока найдены только в двух местах — около с. Анаш и на «Ярках» у с. Батеней.[1] Культурный слой их очень тонок — 20—30 см. Он содержал, однако, значительное количество обломков посуды. Обилие находок керамики при небольшой мощности культурного слоя позволяет предполагать, что карасукские стоянки заселялись густо, но не на очень длительное время. Такое же впечатление создается и при осмотре разрушенных стоянок вдоль Енисея и Тубы. Там можно собрать очень много обломков керамики, капельки бронзы, пролитой при литье, изредка каменные орудия — скребки и наконечники стрел, но фрагменты культурного слоя, если они уцелели, всегда тонки. Предполагаемая многослойность карасукских стоянок находится в прямом соответствии с обширными размерами могильников.

Неизвестно, были ли обнаружены остатки каких-либо сооружений на Анашенской и Батеневской стоянках. На развеянных стоянках находились лишь камни, подвергнутые сильному обжигу. Иногда они лежали гнездами и среди них удавалось отыскать угли. Повидимому, это остатки очагов.

Распространенность развеянных стоянок с карасукской керамикой не позволяет видеть в населении того времени только кочевников-скотоводов. Противоречит этому и широкое применение глиняной посуды, переполняющей в равной мере коллекции из могильников и со стоянок. Очевидно, по образу жизни «карасукцы» не слишком сильно отличались от «андроновцев», малоподвижность которых запечатлена в их плоскодонной керамике. Небольших раскопок на двух стоянках, конечно, недостаточно для окончательных выводов, однако уже было отмечено, что сравнительно тонкие культурные слои обоих содержат вместе и андроновские и карасукские черепки. Не наблюдая резкого послойного разграничения этих

[1] Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае, стр. 102—105, табл. XIV, XV и XVI.

групп, их исследователь вправе был сделать вывод о том, что стоянки около Анаша и Батеней относятся к переходному андроновско-карасукскому времени.[1] Однако мы теперь знаем, что этот переход сопровождался изменением не только материальной культуры, но и состава населения Минусинской котловины. В таком случае содержание слоев Анашенской и Батеневской стоянок указывает на значительный период, когда старое и новое сосуществовали. Очевидно, проникновение новых карасукских юго-восточных элементов не сопровождалось вытеснением старого андроновского населения. Во всяком случае в то время, когда накапливались 20—30 см культурного слоя Анаша и Батеней, обе группы уживались друг с другом. Это, очевидно, и обеспечило ту преемственность между андроновским и карасукским временем, которую позволяют предполагать и особенности карасукской керамики, сохранившей много андроновских пережитков.

Занятия, обеспечивавшие жизнь карасукских поселков, были различны. Несомненно, скотоводство занимало среди них заметное место. В погребениях найдены все виды домашнего скота, кроме свиньи.

При этом бросается в глаза особенно частое нахождение костей овцы. Среди произведений карасукского искусства также встречаются, наряду с изображениями других животных, изображения барана. Однако и здесь обращает на себя внимание какое-то особенное его значение. Именно бараньи головы увенчивают священные стелы карасукцев, стоявшие в степи около улуса Усть-Бирского на р. Уйбате и около улуса Биджинского на р. Бидже (табл. XIV, рис. 4 и 6).[2]

Вполне возможно, что во всем этом отражается относительно большая роль овцеводства в хозяйстве населения Минусинской котловины в карасукское время Если это так, то едва ли можно представить себе жизнь этого населения вполне неподвижной. Без запасов сена (а наличие их предполагать в ту эпоху нет никаких оснований) по крайней мере часть жителей карасукских приречных поселков должна была жить зимою с отарами вне заснеженных речных долин, передвигаясь по высоким местам, где снег, сдуваемый ветром, не мешал слабосильным овцам добывать корм. Такая подвижность могла выразиться и в сравнительно недолговременном обитании на одном и том же месте, о чем свидетельствует малая мощность культурных слоев карасукских стоянок. На это же, возможно, указывает и отсутствие в погребальном ритуале карасукцев деревянных конструкций. Еще в афанасьевское время дерево применялось для устройства наката над могилой. В андроновских погребениях нередко встречались уже более сложные сооружения — деревянные рамы, которые, несомненно, указывают на деревянное строительство. В карасукских могилах, несмотря на то, что их раскопано гораздо больше, чем андроновских, деревянных сооружений нет. Господствует каменный ящик — отвлеченное воспроизведение «дома». Наконец, нельзя не учитывать и того

[1] Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае, стр. 105.

[2] Грязнов М. П. и Шнейдер Е. Р. Древние изваяния Минусинских степей. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2, 1929, рис. 41 и 45.

возвращения к круглодонности, которое наблюдается в карасукской керамике. Это возвращение не было полным, но все же господствующими стали сферические и реповидные круглодонные горшки. Мы уже говорили о том, что карасукская керамика сильнее, чем другие группы карасукских вещей, связана с предшествующим временем. Однако это не касается формы. Вместе с тем, форму эту нельзя считать принесенной с юго-востока. Подъемный материал на древних поселениях Монголии и Ордоса не дает большого числа находок круглодонной посуды. Неизвестна она и южнее Великой Стены в эпоху Шан-Инь и Чжоу. Таким образом, можно считать, что круглодонность карасукской керамики развилась благодаря местным причинам уже на среднем Енисее. Этими причинами могли быть новые особенности быта, обусловленные большей подвижностью, например переходом к упрощенному очагу в более легком жилище, отсутствием постоянных подставок и т. п.

На передвижения карасукцев указывает и высеченное на карасукской стеле из с. Знаменки Баградского района изображение четырехколесной кибитки, а также находки миниатюрных изображений ярма, аналогичных чжоуским [1] (табл. XII, рис. 67). Наличие у жителей южносибирских степей в карасукскую эпоху четырехколесной кибитки нельзя считать неожиданным. Достаточно вспомнить, что в Нижнем Поволжье в то же время подобный экипаж существовал. Его остатки найдены в кургане Три Брата около г. Степного. Не говорю уже о Северном Китае, где вполне возможны колесные повозки, бывшие в широком употреблении южнее в эпоху Шан-Инь. Пользование в карасукскую эпоху легким разборным жилищем также вполне возможно, поскольку в последующее, тагарское, время настоящая кошмовая юрта была, повидимому, достаточно распространена, если нашли необходимым изобразить ее на скальном рисунке тагарского поселка в одном ряду с деревянными и саманными избушками.[2] Не нужно, однако, переоценивать подвижность карасукцев. Наличие земледелия привязывало их к возделанным участкам плодородной земли, располагавшимся, вероятно, вблизи от жилья. Земледелие у карасукцев, несомненно, шагнуло вперед сравнительно с предыдущим временем. Выше уже говорилось о бронзовых массивных серпах карасукской эпохи в Минусинской котловине, не имевших предшественников, не похожих и на древнекитайские, но, несомненно, являющихся прототипом тагарских.

Наряду со скотоводством и земледелием охота занимала, повидимому, очень скромное место в карасукском хозяйстве. Бросается в глаза отсутствие охотничьего оружия и прежде всего стрел в инвентаре погребений. Между тем стрелы, конечно, были, и даже бронзовые. Последние воспроизводили древние китайские образцы и были похожи на стрелы, найденные в столице династии Шан-Инь в Аньяне.[3]

---

[1] Грязнов М. П. и Шнейдер Е. Р. Древние изваяния..., рис. 21. Чжоуское ярмо см. International Exhibition of Chinese Art. Illustrated Supplement to the Catalogue. London, 1935—1936, № 204, 206.

[2] Грязнов М. П. Боярская писаница. ПИМК, 1933, № 7—8, стр. 41.

[3] Радлов В. В. Сибирские древности, табл. XXI, рис. 27.

Едва ли значительным аргументом в пользу охоты может служить и открытое в 1927 г. близ улуса Окунева карасукское погребение собаки. О карасукском рыболовстве вообще нет никаких данных. Однако отрицать этот промысел едва ли возможно. И раньше и позднее на Енисее рыбу ловили. Могли делать это и карасукцы, жившие подолгу по берегам рек.

Другие промыслы карасукцев принадлежат к обрабатывающим. При рассмотрении инвентаря могильников было отмечено техническое совершенство карасукской посуды, для изготовления которой был применен впервые в Сибири прием расколачивания; благодаря этому получались очень тонкие и плотные стенки. Этот прием, как и круглодонность карасукской посуды, нельзя считать занесенным с юго-востока, где господствовала совершенно иная техника (в Суйюани главным образом сетчатая керамика).

В карасукское же время огромный шаг вперед был сделан на Енисее в области металлургии. Именно тогда была широко применена отливка изделия в форме в его окончательном виде. Ковка перестала служить главным приемом формовки и стала употребляться, наряду с полированием, только для отделки бронзовых изделий.

Усовершенствование бронзолитейного дела на среднем Енисее в карасукскую эпоху нужно связывать с воздействием металлургической культуры Северного Китая. В этом убеждает близость изделий карасукских литейщиков Минусинской котловины по форме и технике отделки не только к бронзовым вещам карасукских же типов из района Великой Стены, но и к китайским бронзам, найденным при раскопках столицы династии Инь в Аньяне (XV—XIV вв. до н. э.), а также к бронзам раннего Чжоу (1122—722 гг. до н. э.).

Металл в карасукское время в Минусинской котловине уже во многом заменил камень. Все основные орудия — ножи, топоры-кельты, копья, кинжалы, клевцы, серпы — делались из бронзы. Их изготовление, как и других предметов (принадлежностей одежды и украшений), достигает очень большой высоты, не уступая суйюаньским. Однако лишь в отдельных случаях можно говорить об известной специализации литейщиков, да и то только в отношении бронзолитейного художественного мастерства. Очевидно, каждый карасукский поселок самостоятельно справлялся с литейным делом. На это указывает наличие среди остатков карасукских поселков обязательно следов медного литья. В пользу необособленного положения карасукского литейного дела говорит и сравнительно малая стандартизация форм изделий. Только главнейшие признаки общи для значительных групп вещей (например, для ножей — коленчатость, отогнутость острия, уступ или шип при переходе от клинка к рукоятке). В остальном же, в строении рукоятки, ее навершия и в орнаментации обнаруживается почти столько же вариантов, сколько имеется образцов.[1] Несомненно, при обособлении бронзолитейного промысла как занятия особых мастеров, обслуживающих род или часть его, подобное

[1] Martin T. R. L'âge du bronze au Musée de Minoussinsk. Stockholm, 1893, pl. 11—13.

разнообразие в формах изделий должно было бы исчезнуть. И действительно, на следующей, тагарской, стадии, когда начало складываться общинное мастерство, стандартизация достигает в бронзовом литье большого развития. Единообразными стали тогда не только типичные формы вещей, но и их размеры и детали орнаментики.[1] То обстоятельство, что среди карасукских бронз имеются прекрасные образцы высокохудожественного литья,[2] не противоречит только что высказанной общей ее характеристике. В этих случаях мы имеем дело не с какой-то специально ремесленной дифференциацией, а с различием в качестве художества, зависевшем от высоты художественного навыка исполнителей.

Очевидно, еще не стало необходимым выделение особых мастеров-литейщиков, только «особое искусство в изготовлении оружия и орудий могло вести к временному разделению труда».[3] Единственным производством, издавна существовавшим более обособленно на среднем Енисее, была добыча меди. Судя по наблюдениям горного штейгера Г. Г. Тихонова на Глафиринском руднике Уленского промысла, проверенным недавно во время геологической разведки на горе Темир, древнейшие выработки меди в Хакассии рисуются в следующем виде. Копи идут обыкновенно по залеганию рудных масс, несколько наклонно. Внутри всегда сильно обожжены. Форма их неправильная, глубина до 20 м. Вблизи копей всегда имеются большие отвалы шлаков, располагающихся обычно двумя дугообразными возвышениями, обращенными вогнутой стороной к находящемуся между ними костру. Можно заключить, что добыча руды велась с помощью обжига: забой наполнялся горючим материалом, при сгорании которого разрушался известный слой породы. Этот слой затем легко было оббить, что и выполнялось при помощи каменных молотов или так называемых колотушек катакомбно-афанасьевского типа, доживших, судя по находке О. А. Граковой, до позднеандроновского времени. Обломок молота был найден в древней шахте Глафиринского рудника, колотушку нашли геологи Минусинско-Хакасской базы в древнем забое на горе Темир. Оббитая руда деревянными лопатами ссыпалась в кожаные мешки-тулунки и выносилась из копи.

Для плавки руды, по мнению Г. Г. Тихонова, складывался костер в 4—6 м диаметром. Слой руды в костре чередовался со слоем дров. Под костром находилось углубление, куда стекали продукты плавления. Штейн, т. е. серная медь, более тяжелая по удельному весу, оказывалась на дне углубления, а шлак по остывании снимался застывшими корками и отбрасывался на стороны по бокам кострища. Шлак здесь всегда с большим содержанием меди. Попадается кусочками самородная медь и реже — переплавленная порода, чего не может быть при плавке в печах.

---

[1] Там же, табл. 14—20.

[2] Цыганков. Некоторые уникаты археологической коллекции в Минусинском музее, Ежегодник Гос. музея им. Мартьянова, т. IV.

[3] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., Госполитиздат, 1947, стр. 180.

Когда около ямы накапливались два навала шлаков, затрудняя доступ к костру, плавку переносили на новое место. Из полученного на костре штейна сера удалялась простым обжиганием, практикуемым и в настоящее время на некоторых заводах (так называемое обжигание в кучах). Получавшуюся при этом черновую медь очищали в обыкновенных простых горшах, наподобие кузнечного. Инженер Деларю и Тихонов находили глиняные фурмы от этих горнов диаметром в 2—3 дюйма. Выработку меди тут же около шахт подтверждает и отсутствие на стоянках степной зоны руды и шлаков меди.[1] К сожалению, не выяснено, откуда получалось в карасукское время олово, применявшееся для изготовления бронзы.[2]

Выделение добычи меди вряд ли может быть принято как показатель новой производственной дифференциации. Здесь более простой случай, когда население, живущее вблизи месторождений, начинает, по мере возрастания нужды других районов в металле, разрабатывать залегающие под рукой руды. На среднем Енисее большинство медных месторождений находится в горно-таежном районе, где, очевидно, не жило основное карасукское население, тяготевшее к большим рекам и прилегавшей к ним степи. Неудивительно поэтому, что здесь мы встречаемся с территориальным обособлением горного дела,— формой, характерной для времени первого общественного разделения труда. «Различные общины,— говорит Маркс,— находят различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами».[3]

Из других обрабатывающих промыслов, если не считать практиковавшейся иногда обработки камня для выделки орудий и для других целей, нужно упомянуть об изготовлении тканей, судя по уцелевшим обрывкам,— разнообразных.

Кожа также обрабатывалась. Из тонкого ее сорта был сделан футляр для кельта, найденного в Уйбатском могильнике.

7. КАРАСУКСКОЕ ОБЩЕСТВО

Из-за разграбленности могильников, к сожалению, очень трудно разгадать, что представляли собой поселения карасукцев со стороны их общественного устройства.

Рассматривая могильники, можно сделать вывод, что они, очевидно, были кладбищами большей частью довольно многолюдных общин. Однако хозяйство этих

---

[1] Сведения Г. Г. Тихонова извлечены из отчета Г. И. Савенкова (сына). (Хранится в МАЭ АН СССР № 39—37).

[2] Иессен А. А. и Сосновский Г. П. К истории использования олова в Приенисейском крае. КСИИМК, в. V, стр. 45—47.

[3] Маркс К. Капитал, т. I; К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VII, стр. 387—388.

последних, несмотря на несомненные успехи, повидимому еще не достигло такого уровня развития, когда на его основе могло совершиться переустройство общественного быта. Этому вполне соответствует уже отмеченная выше, при рассмотрении карасукских могил, однородность их инвентаря и одинаковость его распределения. Карасукские могильники не содержат признаков нарушения первобытного единства сородичей.

При изучении обрядовости карасукских могильников также было отмечено, что и состав их погребений мало чем отличается от андроновского и афанасьевского. Главное место попрежнему занимают индивидуальные погребения, которые столь характерны для древних кладбищ еще в неолитическую эпоху. Близко к андроновскому и количество «семейных» погребений мужчины, женщины и детей в пределах одной оградки (5.5%). Это не позволяет в карасукской эпохе видеть время сложения обособленных семейных организаций. Очевидно, родовая община еще связывала семейные группы.

Так же как и в предшествующее время, сравнительно невелик процент совместных погребений женщины с мужчиной, указывающих, однако, на продолжающееся ослабление древних матриархальных традиций. В связи с этим следует отметить и погребение ребенка с мужчиной. Возможно, что здесь перед нами еще одно указание на постепенное изменение отношения отца к детям.

Дополнительные очень важные сведения по общественному устройству карасукских общин можно получить, изучая минусинские каменные изваяния. Их карасукский возраст был доказан М. П. Грязновым и Е. Р. Шнейдером.[1] Попытка выяснить значение их изображений была сделана мною.[2] Теперь можно сделать новые выводы (табл. XIV и XV).

Как известно, большинство карасукских изваяний представляют собой каменные стелы характерной саблевидной, заостряющейся кверху формы. Основное изображение обычно помещается в нижней части передней грани камня, невысоко над землей. Изредка это изображение представляет собой более или менее реалистическое рельефное воспроизведение лица человека.[3] В большинстве же случаев перед нами своеобразная схема, в которой человеческие черты сочетаются с животными. Отличительными особенностями этих личин являются бычьи или оленьи рога и уши, змейчатая лента, поднимающаяся вверх до вершины стелы, частое обрамление лица змейчатыми линиями, разграничение лица на зоны поперечными

---

[1] Грязнов М. П. и Шнейдер Е. Р. Древние изваяния Минусинских степей. Материалы по этнографии, т. IV, в. 2, 1929, стр. 63—95. В настоящее время М. П. Грязнов склонен все эти изваяния отнести к андроновской эпохе (см. его работу Минусинские каменные бабы. Сов. Археология, XII, 1950, стр. 128—157). Однако его доводы могут быть приняты в отношении только одного типа (табл. VIII, рис. 5).

[2] Киселев С. В. Семантика орнамента карасукских стел. ИГАИМК, вып. 100. Л., 1933, стр. 280—292.

[3] Грязнов М. П. и Шнейдер Е. Р. Древние изваяния Минусинских степей, рис. 32, 35, 36, 40 и в тексте рис. 7.

бороздами ниже глаз, под ноздрями и по подбородку, наличие у большинства из них, наряду с глазами, обычно переданными двумя концентрическими кругами, третьей аналогичной фигуры на лбу. Кроме того, следует отметить постоянно встречающееся на боковых гранях, а иногда и на передней (под личиной) изображение четырехлучевых звезд с кругом в центре. К этой же группе памятников нужно причислить и плоские стелы, на широкой грани которых нанесены такие же личины.[1] Совершенно исключительно по сложности рисунка изображение на гранитном столбе, стоявшем близ улуса Тазмина на р. Бире (табл. XV, рис. 4).[2] Это изображение сохранило особенно много черт китайского происхождения.

Авторы сводки данных о карасукских стелах, М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер, уже отметили, что вне пределов Минусинской котловины такие изваяния не встречаются нигде. Однако и с местным примитивно-реалистическим искусством карасукского времени с трудом можно связать разве лишь немногие изображения реального человеческого лица. Остальные причудливые схемы, осложненные символическими и орнаментальными дополнениями, совершенно не вяжутся со строгостью карасукского стиля. Нет их отголосков и среди позднейших тагарских изображений. Это и заставило наряду с местными основами их происхождения искать объяснения их особенностям в соседних странах, прежде всего в Китае, откуда многое было привнесено в карасукское время. Эпоха Шан-Инь и раннее Чжоу характеризуются широким применением символических изображений в орнаменте изделий из бронзы, глины, нефрита и других материалов. Среди этих украшений особенно часто встречается личина Тао-те — символа благополучия и счастья. Чаще всего Тао-те изображается в виде сильно загеометризированной морды барана.[3] Впрочем, иногда его рога даны вполне реалистичным рельефом.[4] Реже встречается личина Тао-те с рогами быка.[5] Уже Тао-те — баран во многих случаях сильно напоминает карасукские личины. Тао-те — бык еще сильнее подчеркивает это сходство. Еще более его увеличивают детали. Так, например, в ряде случаев нос Тао-те, начинающийся значительно выше глаз остроребериым выступом, целиком не изображался. Внизу давались только ноздри и крылья, а верхняя часть носа заменялась ромбом на середине лба.[6] Этот ромб находился как раз на

---

[1] Грязнов М. П. и Шнейдер Е. Р., ук. соч., рис. 51—55 и в тексте рис. 2, 3.

[2] Грязнов М. П. и Шнейдер Е. Р., ук. соч., стр. 75, рис. 3.

[3] Tch'ou Tö-Yi. Bronze antique de la Chine. Paris, 1924, pl. III, VIII, IX, XII, XIV-Illustrated Catalogue of Chinese Governement Exhibits for the International Exhibiton of Chinese Art in London, vol. I, Nanking, 1936, fig. 5—7, 28, 31, 39, 66, 71, 74, 78.

[4] Illustrated Catalogue..., vol. I, 1936, fig. 41.

[5] Bushell S. W. Chinese Art., vol. I, 1924, fig. 45 и Illustrated Catalogue of Chinese Governement Exhibits for the International Exhibition of Chinese Art in London, vol. I, Nanking. 1936, fig. 3.

[6] Illustrated Catalogue of Chinese Governement Exhibits for the International Exhibition of Chinese Art in London, vol. I, 1936, fig. 5; First Exhibition Chinese Art. Mills College, 1934, pl. 3; Tch'ou Tö-Yi, Bronze antique de la Chine. Paris, 1924, pl. VIII, IX, XII и XIV.















Каменные изваяния карасукского времени из Минусинской котловины.

том месте, где у минусинских личин изображен над такими же, как у многих Тао-те, круглыми глазами, третий круг.

Над минусинскими личинами часто вверху по стеле вьется змейкой орнаментальная лента. Пояс ленты иногда заменялся перекрещивающимися линиями, а по краям окружался усиками. То же самое мы видим на одной китайской костяной ручке эпохи Шан-Инь из собрания археологического Онтарио-музея в Торонто.[1] При этом сходство с минусинскими изображениями усиливается наличием на ручке совершенно аналогичной минусинским четырехлучевой звезды с кругом в центре. Вместе с тем здесь получают разгадку и змейчатые ленты карасукских стел. На шаньской ручке змейчатым узором передан подползающий снизу ящер, с которым борется Тао-те. Этот ящер, очевидно, был забыт на Енисее и превратился в простой орнамент, помещавшийся уже над головой личины. Впрочем, и в Китае имеются древние изображения Тао-те со змейчатым дополнением не снизу, а сверху, как на карасукских стелах.[2]

Все приведенные сопоставления позволяют видеть в изображениях на карасукских стелах Минусинской котловины отражение схем, принесенных извне и в конечном итоге нисходящих к символике древнего Китая. Однако группа символов, повидимому связанных с иконографией Тао-те, попав на Енисей, проделала весьма показательную эволюцию. Китайские символы эпохи Шан-Инь и Чжоу не антропоморфизированы. Тот же Тао-те всегда является только стилизацией звериной морды. На Енисее мы видим иное. Наряду с чисто условными изображениями, например быка,[3] и наряду с изображениями, в которых можно видеть, так же как и в китайских, застилизованную голову зверя,[4] даже в числе очень схематичных личин можно встретить явно очеловеченные. Уже самый овал этих личин, имеющий чисто человеческие пропорции, указывает на такую тенденцию.[5]

Наконец, уже говорилось, что на многих стелах изваяны вполне реалистические или подвергшиеся незначительной стилизации человеческие лица, их только сопровождают зооморфные детали — уши и рога (табл. XV, рис. 1).[6]

Очевидно, звериные образы интересовали в данном случае карасукцев Минусинской котловины меньше, чем человеческие. Однако ниже мы увидим, что в орнаменте карасукских бронз повсеместно господствовали как раз звериные изображения. Это позволяет сделать вывод, что функционально изображения на бронзах и на стелах различны. М. Грязнов и Е. Шнейдер убедительно доказали несвязанность карасукских изваяний с могильниками и считали их изображениями

---

[1] First Exhibition Chinese Art. Mills College, 1934, pl. 2.

[2] Pelliot P. Jades archaiques de Chine. Paris, 1925, pl. XXXVIII.

[3] Appelgren-Kivalo. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Helsinki, 1931, рис. 130.

[4] Грязнов М. П. и Шнейдер Е. Р. Древние изваяния Минусинских степей, рис. 33, 41, 55 и др.

[5] Там же, рис. 11, 26, 52, стр. 75, рис. 3 и стр. 77, рис. 5.

[6] Там же, рис. 4, 22, 32, 36, 40 и стр. 79, рис. 5.













Каменные изваяния карасукского времени из Минусинской котловины.

божеств.[1] Касаясь этого вопроса, я в свое время видел в человеческих изображениях на карасукских стелах «лица родовых предков, старейшин».[2] Сейчас у меня нет основания изменить этот вывод. Наоборот, проведенное только что с новых точек зрения рассмотрение изображений на карасукских стелах лишь укрепляет мнение о неслучайности и местном происхождении антропоморфности личин. Стремление к изображению именно человека преодолело и готовую схему китайского образца и местную, очень сильную традицию «звериного стиля».

Очень показателен состав карасукских человеческих изображений. Часть изваяний можно считать изображениями женщин, поскольку на ряде стел изображены груди и, повидимому, женский половой орган.[3]

Остальные, очевидно, являются изображениями мужчин.[4] Такое появление мужских изображений на памятниках, имевших, несомненно, очень большое значение у современников, заслуживает большого внимания. Вполне возможно, что в этом гораздо более четко отразились те перемены в положении мужчины в роде, на которые указывают также совместные погребения женщины с мужчиной, появившиеся еще в афанасьевское время, и погребения отца с ребенком. Мужчина уже обгоняет женщину в своем общественном значении, но традиции матриархата в карасукское время еще действенны. Об этом говорят женские изваяния и в целом архаическая погребальная обрядовость.

Изучение дополнительных изображений на стелах также может дать новые штрихи для характеристики карасукского населения Минусинской котловины. Выясняя происхождение символики карасукских стел, мы видим, что такие, например, детали, как бычьи уши и рога, являются принадлежностью тех китайских символов, которые послужили основой для изображений на минусинских. Однако обращает внимание та устойчивость, с которой эти животные детали сохраняются на Енисее при общей тенденции к очеловечению личин. Повидимому, бычьи уши и рога импонируют каким-то представлениям карасукского населения Минусинской котловины. Возможно, что здесь отражен культ быка, близкий земледельческо-скотоводческому быту карасукцев. Но едва ли культ быка мог иметь в это время древний тотемический характер. Против этого говорит безраздельное господство бычьих символов на карасукских стелах в самых различных местностях Минусинской котловины. Очевидно, в карасукскую эпоху культ быка, несомненно развившийся из тотемической формы, стал широко распространенным и был, вероятно, более крепко связан уже с другим кругом идей. Бык во многих

---

[1] Грязнов М. П. и Шнейдер Е. Р. Древние изваяния..., рис. 86.

[2] Киселев С. В. Семантика орнамента карасукских стел, стр. 282.

[3] Грязнов М. П. и Шнейдер Е. Р., ук. соч., рис. 11, 14, 17, 30, в тексте рис. 8; Appelgren-Kivalo. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Helsinki, 1931, рис. 164.

[4] Грязнов М. П. и Шнейдер Е. Р., ук., соч., рис. 1 и 11, 12, 13, 15, 16, 18—29, 31—45; Appelgren-Kivalo. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Helsinki, 1931, рис. 141, 145, 152, 154, 156, 157, 170, 173, 175—178, 235, 237, 285.

случаях также являлся символом солнца. Сочетание бычьих деталей со «змейками» и звездами только подтверждает культовое значение быка в карасукской символике.

Однако внимательный просмотр изображений на карасукских стелах обнаруживает еще одну деталь. Некоторые рога карасукских личин, явно бычьи, в изображении имеют черты сходства с оленьими: приданные им завитки-крючочки то превращают рог быка в почти реальную ветку оленьего рога (например, на известной Бирской бабе),[1] то лишь намекают на это скорее орнаментальным символом, чем осознаваемой как реальность изобразительной деталью.[2]

Эта особенность карасукских изваяний интересна прежде всего тем, что не может быть выведена из китайской символики. При просмотре очень большого числа изображений Тао-те и других символов древнекитайского орнамента не было найдено ясных указаний на наличие в них оленьих мотивов.[3]

Если же это особенность местного енисейского происхождения, в ней следует видеть отражение очень древних традиций. Олень играл какую-то роль в афанасьевскую эпоху. Его рога и астрагалы были найдены в нескольких афанасьевских погребениях. Позднее, вероятно в связи с тем, что охота и в андроновское и в карасукское время вообще потеряла свое значение, образ оленя стал меньше занимать скотовода-земледельца. На первое место в символике священных изображений выдвинулись быки и бараны, и только в виде воспоминаний иногда среди бычьих схем оживали старые оленьи черты, иногда очевидно уже непонятные.[4] Однако это вовсе не означает, что олень совершенно не интересовал карасукцев. Среди замечательных скульптур, украшающих карасукские бронзы, можно видеть прекрасную голову оленя. Но там он реалистичен и едва ли имеет символическое значение.

Мы видим, таким образом, и в символических изображениях стел и в погребальном обряде указания на изменения, происходящие в общественной жизни

---

[1] Киселев С. В. Значение техники енисейских писаниц. Труды Секции археологии, т. V, табл. VIII; Грязнов М. П. и Шнейдер Е. Р. Древние изваяния..., табл. IV, рис. 32 и в тексте рис. 1; Appelgren-Kivalo, ук. соч., рис. 145.

[2] Appelgren-Kivalo, ук. соч., рис. 152; Грязнов М. П. и Шнейдер Е. Р., ук. соч., рис. 41. (Чрезвычайно характерно, что оленьи роговые отростки явно несознательно приделаны к весьма реалистически изображенным рогам быка).

[3] Были встречены лишь два «подозрительных» Тао-те. Оба напоминают оленя благодаря тому, что под бараньими рогами были помещены два дракона с меандровыми лапами, крылья которых создавали впечатление ветвистых рогов. (Illustrated Catalogue of Chinese Governement Exhibits for the International Exhibition of Chinese Art in London. Vol. I, Nanking, 1936, fig. 78. Tch'ou Tö-Yi. Bronze antique de la Chine. Paris, 1924, pl. III).

[4] Совершенно не прав М. П. Грязнов, утверждающий, что карасукское искусство не знало изображений домашних животных (см. СА, т. XII, стр. 153). Помимо каменных изваяний (табл. XIV, рис. 4, 6, 7) бараны и бык изображены на карасукских бронзовых ножах (табл. XI, рис. 1, 7, 10 и табл. XII, рис. 63). При этом следует заметить, что на каменных изваяниях баранов рога загнуты вперед совершенно аналогично изображениям на бронзах карасукского времени.

карасукской эпохи. Темп этих изменений еще не быстр. Однако многое уже осталось позади. Под влиянием роста производства карасукский род все в большей степени теряет свою матриархальность. Древние тотемические культы также уступают место более сложным космическим. И соответственно основному общественному сдвигу новый культ прежде всего освящает мужчину — предка рода, избирая его основной темой символических изображений. При этом с замечательной силой перерабатываются в новые формы, более соответствующие всему строю жизни карасукцев Енисея, заимствованные из Сев. Китая животные символические стилизации. А ведь возможно, что первоначально, в раннюю Шан-Иньскую эпоху, древние жители Суйюани воспринимали эти стилизации более непосредственно, и последние прямо служили тогда еще живой тотемической символике.

8. КАРАСУКСКОЕ ИСКУССТВО

Разыскивая сведения об общественном устройстве населения Минусинской котловины в карасукскую эпоху, мы рассмотрели большую группу произведений древнего искусства.

Однако этим еще не исчерпана сокровищница карасукского художественного мастерства. В Минусинском музее хранятся пять бронзовых ножей типично карасукской формы, навершия которых украшены скульптурными изображениями животных. Наиболее схематична головка горного барана на ноже из окрестностей улуса Красный Яр близ г. Абакана.[1] Глаз здесь дан еле заметной выпуклостью, уши —простыми стержнями, соединяющими затылок с дугами рогов. Однако даже эту схему нельзя считать результатом стилизации. Четкость передачи отличительных черт породы, отсутствие черт, привнесенных художником в угоду субъективизму или фантастике мифа, заставляет видеть в этом произведении реалистический примитив, прямо противоположный искусству более позднего, скифо-тагарского времени (табл. XI, рис. 2).

В реалистичности бронзовых скульптур карасукской эпохи еще более убеждают изображения на других ножах. Прекрасна реалистическая схема головы лося на ноже из с. Марьясова Ужурского района (табл. XII, рис. 62).[2] Рядом с этими произведениями можно поставить голову быка, украшающую нож из улуса Красный Яр близ г. Абакана (табл. XII, рис. 63).[3] Близка к этим изображениям несколько попорченная дикой патиной головка барана на ноже из с. Беллык Индрин-

[1] Martin T. R. L'âge du bronze au Musée de Minoussinsk. Stockholm, 1893, pl. 11, fig 4.

[2] Левашова В. П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, рис. 6; Флоринский В. М. Первобытные славяне. Известия Томского университета, 1895, кн. IX, рис. 108.

[3] Цыганков С. Р. Описание некоторых уникат археологической коллекции Минусинского музея. Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартьянова, т. IV, вып. I, Минусинск, 1926, стр. 88, № 6; Левашова В. П. Далекое прошлое южной части Красноярского края, 1939, рис. 5.

ского района (табл. XI, рис. 5)[1] и голова барана на ноже из карасукской могилы, раскопанной на Набережной ул. г. Абакана.[2] Последнее произведение позволяет присоединить к рассматриваемой группе реалистических карасукских скульптур уже упоминавшиеся выше головки баранов, увенчивающие каменные стелы из окрестностей Усть-Бирского и Верхне-Биджинского (табл. XIV, рис. 4 и 6).[3] Их некоторая схематичность не мешает видеть в них очень точное воспроизведение натуры, сделанное мастером реалистического примитива.

Наш обзор карасукских изображений из Минусинской котловины будет не полон, если не упомянуть еще об одной находке. В 1924 году в карасукской могиле № 3 у с. Лугавского Я. Тугариновым был найден бронзовый нож, снимок которого впоследствии был опубликован С. А. Теплоуховым.[4] На навершии ножа, хранящегося в Красноярске, можно различить переданную весьма схематично грубым литьем фигурку стоящего зверя. Дан его общий контур с приподнятой головой, прогибом спины и несколько выпуклым крупом. Это пока единственное изображение стоящего зверя карасукского времени из Минусинской котловины (табл. XII, рис. 61). Несмотря на схематичность, оно привлекает к себе внимание не только новизной сюжета, но и тем, что дает первый эскиз стоящей фигуры зверя, которая сделается затем одним из излюбленнейших украшений тагарских ножей и кинжалов. Сходство в схеме рисунка здесь настолько велико, что вполне позволяет видеть в нем указание на связь между творчеством карасукских и более поздних тагарских художников. Мы еще увидим, что это указание не одиноко.

Невозможно в настоящее время ограничиваться рассмотрением лишь перечисленных минусинских скульптур карасукской эпохи. Так же как и другие карасукские изделия, они имеют прямые аналогии вне пределов Минусинской котловины. Голова горного барана, очень близкая к минусинской, увенчивает кинжал карасукского типа, найденный на озере Кото-Кель в Баргузинском аймаке Бурят-Монгольской АССР.[5] Не менее близкую аналогию головке домашнего барана из Красного Яра представляет скульптурное навершие выемчатоэфесового кинжала из Забайкалья, хранящегося в Читинском областном музее (табл. XI, рис. 6 и 7).[6]

Что карасукской бронзовой скульптуре было действительно не чуждо изображение стоящего зверя, схему которого мы только что видели на ноже из

---

[1] Цыганков С. Р. Описание некоторых уникат... и пр., стр. 88, № 5; Martin T. R. L'âge du bronze..., pl. 12, fig. 1.

[2] Липский А. Н. Раскопки древних погребений в Хакассии в 1946 году (КСИИМК, XXV, стр. 79, рис. 28).

[3] Грязнов М. П. и Шнейдер Е. Р. Древние изваяния... табл. V, рис. 41 и стр. 76, рис. 4; Киселев С. В. Значение техники енисейских писаниц, табл. III; его же. Семантика орнамента..., рис. 3; Appelgren-Kivalo. Alt-Altaische Kunstdenkmäler, рис. 152.

[4] Теплоухов С. А. Древние погребения..., табл. XI, рис. 36; Archaeologia Orientalis, B Series, vol. I, fig. 26—*4*.

[5] Грязнов М. П. Бронзовый кинжал с озера Кото-Кель. Верхнеудинск, 1929, рис. 1.

[6] Salmony A. Sino-Siberian Art. Paris, 1933, pl. XXXVI, I.

Лугавского, это подтверждается наличием в Забайкалье крупного карасукского ножа, навершие рукоятки которого украшено фигурами двух животных, стоящих головами друг к другу. Характерно, что и здесь изображение целой фигуры животного отличается значительным схематизмом. Головы животных вообще не выделены: они сливаются, образуя дужку петли (табл. XII, рис. 59). Однако при всей схематичности своих изображений забайкальский нож Иркутского музея имеет выдающееся значение. Своими размерами, формой, орнаментом плоскостей рукоятки и наличием скульптурных изображений животных на навершии забайкальский нож представляет прямую аналогию украшенным фигурками животных ножам из Сейминского могильника около Горького [1] и из могильника у с. Турбино Молотовской области.[2] Сближения этих ножей с западными были малоубедительны тем более, что отсутствовали посредствующие звенья. Восточное же их происхождение, как уже указывалось выше, помимо типологического сходства, подтверждается наличием вполне ясных связей между Сеймой, Уралом и Восточной Сибирью. О них нам говорит распространение сейминских вещей в Южной Сибири, а карасукских — вплоть до Тобола и особенно наличие в Сейме белонефритовых колец иркутского происхождения.[3] Еще раз мы убеждаемся в исключительно важном значении культуры южносибирских племен в карасукское время, многие стороны которой отражались на огромном пространстве сибирского запада и европейского востока.

Недавно, изучая деревянную скульптуру Урала, Д. Н. Эдинг вновь рассмотрел вопрос о примитивно реалистическом искусстве лесной зоны Восточной Европы и Сибири. При этом он доказал самую тесную связь между названным искусством и скульптурами животных, украшающими рукоятки сейминских ножей.[4] Вместе с тем не было обнаружено никакой принципиальной разницы между несомненно местной, связанной множеством нитей с той же уральской резьбой головкой лосихи на сейминском ланцетовидном ноже, снимок которого был воспроизведен еще В. А. Городцовым (табл. XI, рис. 3 и 4), и фигурками лошадей и баранов на карасукских ножах Турбина и Сеймы. В обоих случаях перед нами произведения одного круга. Произведения карасукского «звериного стиля» находятся в непосредственной близости от мест находок примитивно реалистических скульптур в древних могилах и на поселениях сибирских таежных охотников и рыболовов. О некоторых из этих памятников таежного искусства, совпадающих с карасукским временем, мы уже говорили. К ним, например, принадлежат звериные скульптуры из погре-

[1] Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала. Москва, 1940, рис. 73.

[2] Там же, рис. 76.

[3] Городцов В. А. Бронзовый век СССР. БСЭ; Окладников А. П. Неолитические находки в низовьях Ангары. ВДИ, 1939, № 4. Первое применение белонефритовых колец в Китае относится к эпохе Шан-Инь, совпадая по времени с «андроно-глазковской» и «карасукско-гробничной» стадиями истории Минусинской котловины и Прибайкалья. (P. Pelliot. Jades archaiques de Chine, Paris, 1925).

[4] Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала, М., 1940, гл. IV.

бения в Базаихе близ Красноярска.[1] А. П. Окладников раскопками в низовьях Ангары доказал, что это «звериное» искусство таежной зоны имеет очень длительную историю и в нем нельзя видеть результат карасукского влияния на север. На о. Жилом удалось обнаружить прекрасную скульптуру двух голов лося в погребении, относящемся еще к раннекитойскому времени (соответствующему афанасьевскому на юге).[2]

Сравнивая карасукские скульптуры со звериными изображениями древних таежных охотников, нельзя не отметить такое же сходство, какое Д. Н. Эдинг и В. А. Городцов устанавливали для произведений сейминских художников. Эту близость можно наблюдать даже у карасукских скульптур Суйюани, в частности на примере головки лосихи с приоткрытым ртом (весьма близкой и к сейминской лосихе). При этом родство обеих скульптурных групп сказывается даже в такой особенности, как наблюденный Д. Н. Эдингом прием удлинения морды животного, одинаковый для скульптур Урала (например, Горбуновская лосиха), таежного Енисея (в Базаихе) и Ангары (на о. Жилом) и у карасукских бронз Минусинской котловины, Прибайкалья и Суйюани (ср., например, сильно вытянутые морды горных баранов и барана из Красного Яра). Все эти наблюдения заставляют видеть в карасукской звериной реалистической скульптуре нечто более сложное, чем простой результат дифференцированного развития приводимых ниже аньянских образцов (XV—XIV вв. до н. э.). Замечательно, что эти последние известны пока лишь в виде единичных плоскостных головок животных, украшающих ножи. Они представляют собой обособленную группу изображений, не имеющих аналогий в других видах шан-иньской скульптуры и орнаментального барельефа.[3] Поэтому следует с особым вниманием отнестись к несомненному сходству карасукских звериных скульптур с таежными и считать возможным для них такую же преемственность, какая установлена для сейминских бронз. И как там эта преемственность от лесного искусства была только укреплена влиянием карасукского реализма, так в свою очередь карасукские звериные скульптуры, сохранявшие традиции таежного искусства, были поддержаны влиянием реалистического стиля известной группы шан-иньских бронз.

Особенно велико количество звериных скульптурных украшений на ножах и кинжалах карасукского типа, найденных в Северном Китае. Большинство из них представляет аналогии минусинским и забайкальским. Так, мы находим здесь изображение домашнего барана, очень близкое к читинскому и

---

[1] Savenkov J. Sur les restes de l'epoque neolitique, trouvès dans le gouvernement de Jenisseisk. Congrés International d'Archeologie et Antropologieé pérhistorique Session Moscou, 1893, vol. II, p. 323—330 et une planche.

[2] Окладников А. П. Неолитические находки в низовьях Ангары. ВДИ, 1939, № 4, стр. 181, рис. 1.

[3] Там господствуют иные принципы, более родственные позднейшей, скифо-тагарской, стилизации.

беллыкскому.[1] Более схематичен эскиз головы быка.[2] Зато четыре ножа, украшенные головой горного барана, являются более чем близкой аналогией и минусинскому и кото-кельскому.[3] В Северном Китае нашлась и особенно совершенная скульптура этой группы. Тонко моделированная, с передачей мельчайших деталей, вплоть до рубчатости рогов, скульптура горного барана карасукского типа увенчивает трубчатое навершие, в котором А. Сальмони видит наконечник дышла колесницы.[4] Однако в Северном Китае на ножах карасукского типа имеются и такие изображения голов горного барана, в которых нельзя не видеть отхода от первоначального реалистического рисунка, может быть вызванного и непониманием его. Подобные скульптуры отмечаются своеобразным «клювовидным» (снизу вверх) разрезом рта и иным изгибом рогов, которые завернуты сильно вперед и на конце имеют утолщения, подобно химерам китайской скульптуры более позднего времени.[5] Начало отхода от древнекарасукских принципов здесь несомненно. Оно еще ярче выступает при сравнении этих скульптур с очень близким к ним по общему контуру, но исполненным во вполне реалистической манере изображением головы лосихи на ноже карасукской формы из района Великой Стены.[6]

Уже говорилось выше, что карасукские ножи Минусинской котловины, Прибайкалья и районов к северу от Великой Китайской Стены находят свой прототип в бронзовых ножах, найденных при раскопках китайскими археологами столицы династии Шан-Инь в Аньяне, относящейся к XV—XIV вв. до н. э. Даже такая деталь, как продольная прорезь рукоятки шанских ножей, редкая для карасукских, очень часто отмечена специальным орнаментом на рукоятках ножей из Суйюани, Минусинской котловины и Прибайкалья. Но на ножах из Аньяна имеются, правда, плоскостные, изображения голов животных (табл. XII, рис. 64 и 65). Эти изображения своими пропорциями, общим контуром и полураскрытым ртом весьма напоминают некоторые скульптуры на рукоятках карасукских ножей.[7]

Таким образом, мы получаем еще одно основание видеть в ножах карасукского типа Суйюани и других районов к северу от Великой Китайской Стены формы, производные от аньянских XV—XIV вв. до н. э. Это еще лишний раз подкрепляет наш вывод о юго-восточном происхождении очень многих черт карасукских вещей Минусинской котловины. К нему подводят самые разнородные факты.

---

[1] Archaeologia Orientalis. B Series, vol. I, Tokyo and Kyoto, 1935; fig. 21, 27. pl. IV, 7.

[2] Там же, pl. VI, 7.

[3] Salmony A. Sino-Siberian Art. Paris, 1933, pl. XXXIV—4, 5; Archaeologia Orientalis, B Series, vol I., fig. 24-F; corpus III; fig. 1.

[4] Salmony A. Sino-Siberian Art. Paris, 1933, pl. XLII, fig. 2, 3; p. 96, 118.

[5] Salmony A. Sino-Siberian Art. Paris, 1933, pl. XXXVI, fig. 2; Archaeologia Orientalis, B Series, vol. I, Tokyo and Kyoto, 1935, fig. 24-A. Archaeologia Orientalis. B Series, vol. I, corpus III, fig. 17.

[6] Salmony A. Sino-Siberian Art. Paris, 1933, pl. XXXVI, 3.

[7] В 1950 году на художественной выставке Китайской народной республики в Москве показан бронзовый нож эпохи Шан-Инь, украшенный головкой животного, совершенно аналогичный карасукским типа (по рукоятке) табл. XI, 2, 6, 7, 15; XII, 63.

Такой вывод имеет очень большое значение. Если, с одной стороны, принять во внимание отмеченное выше отражение высокой культуры южносибирских племен в карасукское время на огромных пространствах вплоть до Караганды, Среднего Урала и даже низовьев Оби, а с другой,— всегда учитывать явную связь карасукской культуры с Северным Китаем, то распространение карасукских изделий, технических приемов и произведений искусства явно укажет на проникновение далеко на запад выдающихся достижений эпохи Шан-Инь.

Заканчивая рассмотрение реалистических памятников карасукского искусства, нужно еще раз отметить архаизм их стиля. Он настолько еще активен, что позволяет художнику преодолеть условности китаизированной схемы изображения предка и в ряде случаев дать на стелах прекрасные скульптуры человеческого лица.

Этот древний архаический реализм, уживающийся с условностью изображений предков и геометризмом керамического орнамента, вполне соответствует уровню хозяйственного и общественного развития карасукских общин. Последний характеризуется еще очень сильным переживанием древних родовых форм, пока существующих вместе с новыми, при которых мужчина завоевывает все более заметное место.

Такая сложность в хозяйственном, общественном и идеологическом развитии карасукской эпохи имеет очень большое значение и для понимания тех изменений, какие мы будем наблюдать на следующем этапе истории Минусинской котловины — в тагарское время.

9. ХРОНОЛОГИЯ КАРАСУКСКОЙ ЭПОХИ

После рассмотрения различных сторон жизни населения Минусинской котловины так, как они отражаются в карасукских древностях, можно поставить и некоторые хронологические вопросы.

Уже неоднократно указывалось на то, что смена андроновских форм культуры карасукскими, обусловленная в большой степени проникновением новых поселенцев с юго-востока, не представляла собой катастрофического изменения. Ряд наблюдений, особенно из области керамики и стратиграфии андроновско-карасукских поселений, убеждает в сосуществовании старых и новых форм, во всяком случае достаточно длительном для того, чтобы могла возникнуть известная преемственность различных сторон культуры. Палеоантропологические наблюдения также не говорят об исчезновении андроновского элемента в карасукское время из Минусинской котловины.

Мы также знаем, что распространение карасукских форм не осталось бесследным даже в тех областях степей сибирского запада, где андроновские формы продолжали существовать вплоть до скифского времени. Там возникли своеобразные позднеандроновские культурные особенности, обусловленные не только

причинами внутреннего развития, но и воздействием сторонних, в том числе и карасукских влияний.

Датировка позднеандроновских памятников дается пока в общих чертах. Их считают одновременными карасукской культуре на востоке и хвалынской и кимерийской культурам на западе (последние обычно датируются временем 1200—700 гг. до н. э.).[1] Нельзя, однако, представлять себе все происшедшие изменения в виде мгновенного переворота. Значительное время потребовалось для формирования карасукского комплекса на Енисее, и не мало времени прошло, пока его формы распространились на Томь и затем на Обь к Алтаю и дальше на запад вплоть до Караганды. При этом нужно иметь в виду, что в ряде областей распространялись не отдельные предметы, а культурно-целостный комплекс, вероятно свидетельствующий и о продвижении каких-то групп населения, для которых он был характерен. Следует попытаться выяснить этапы его распространения. Прежде всего предстоит решить, к какому времени можно относить формирование карасукского комплекса на среднем Енисее.

Мы уже знаем, что карасукообразные бронзы Суйюани представляют собой индустрию, развившуюся к северу от Великой Стены в эпоху Шан-Инь. Материалы из раскопок иньской столицы в Аньяне, существовавшей в XV—XIV вв. до н. э., дают формы, которые разрабатывали и степные мастера. Следовательно, аньянский комплекс в целом может считаться параллельным для карасукообразных форм развитого бронзового века Суйюани. Когда эти карасукообразные формы проникали на север?

Ответ на этот вопрос облегчают данные Прибайкалья. Позднейшие глазковские погребения содержат белые цилиндрические бусы, которые не встречаются в древнеандроновских погребениях. Следовательно, проникновение карасукообразных бронз на север не может быть отнесено ко времени более раннему, чем время позднеглазковских погребений, датируемых белыми цилиндрическими бусами, которые едва ли можно относить в Восточной Сибири раньше, чем к XII веку до н. э. Эту дату как будто подчеркивают и сейминские находки. Среди них имеются типично-глазковские белонефритовые кольца и вместе с ними нож с куланами. Если принять за наиболее раннюю дату Сеймы XIII век до н. э.,[2] то этот близкий к карасукским нож не будет в ее комплексе древнейшим предметом восточного происхождения; он — позднее глазковских нефритовых колец.

Вместе с тем у нас нет никаких оснований сильно отдалять проникновение на север карасукообразных бронз от времени их распространения в районе Великой

---

[1] Гракова О. А. Поздняя бронза в Приуралье и на Волге. Тезисы докладов на археологической сессии Ученого совета ГИМ 19—22 марта 1941 г., М., 1941, стр. 7.

[2] Городцов В. А. Культура бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Исторического музея за 1914 г., М., 1915, стр. 222; Tallgren A. M. La Pontide préscythique. ESA, II, Helsinki, 1926.

Стены. Связи с Севером были достаточно прочны. На это прежде всего указывают белонефритовые кольца глазковских погребений, совершенно аналогичные аньянским. В пользу этого говорит и близость суйюаньского реалистического звериного стиля к таежному сибирскому.[1]

Тогда можно, кажется, притти к выводу, что параллельно с бронзами аньянского периода возникали в XIV—XIII вв. до н. э. «карасукские» формы Суйюани. В начале XII века суйюаньский карасукообразный комплекс был широко распространен в северном направлении. В это же время в Минусинскую котловину стали проникать юго-восточные этнические элементы. Однако освоением среднего Енисея не закончилось распространение карасукских форм.

Находки в Старшем Томском могильнике показывают, что карасукские вещи здесь одновременны позднеандроновским (позднесрубным).[2] Это заставляет относить карасукское проникновение на низовья Томи ко времени, когда уже сложились такие, например, формы, как черешковый срубно-хвалынский кинжал. Поскольку подобные формы характерны для позднеандроновских погребений Западной Сибири, которые сосуществуют с карасукскими, нужно думать, что не через Томск шел основной путь распространения карасукских элементов на запад. О том, что здесь движение началось сравнительно поздно, говорит одновременное нахождение в Старшем Томском могильнике в ряде погребений и карасукских, и позднеандроновских, и раннетагарских вещей. Основной путь мог лежать южнее, притоками верхней Томи (например, Инёй); этим путем раньше распространилось карасукское культурное влияние на Обь, в приалтайские степи. Судя по тому, что в степях северных предгорий Алтая не найдено позднеандроновских погребений, такое более раннее, чем у Томска, проникновение карасукских элементов на Обь действительно имело место. XII век до н. э. может быть временем, когда это совершилось.

Время более западного распространения карасукских форм определить труднее. Тот факт, что там заметно смешение позднеандроновских памятников с карасукскими, следует считать указанием на то, что это произошло позднее. Уточнение зависит от дальнейшего развертывания археологических работ в Центральном и Северо-Восточном Казахстане.

Как бы ни рассматривать «карасукское движение», несомненно археологии и палеоантропологии удалось выяснить очень важные события в истории населения Южной Сибири, Монголии и Суйюани. В ту эпоху возникла культурная общность этих районов, оставшаяся и в дальнейшем, в скифо-тагарский период, весьма значительной.

---

[1] Помимо уже отмеченных параллелей в украшениях суйюаньских ножей, можно сослаться на находку в Монголии бронзовой головки лося, поразительно близкой к известным олонецким и финляндским скульптурам. (J a n c e O. L'empire des steppes, pl. III, fig. 5).

[2] См. находки Адрианова в погребениях Малого Мыса, хранящиеся в ГИМ.

К сожалению, слишком темны страницы китайских хроник и легендарных преданий для того, чтобы точно связать наблюдавшиеся их авторами события с теми сведениями по истории варварских племен Китая, которые они содержат. Между тем несомненно, что среди легендарных описаний многочисленных войн и передвижений этих племен многое может относиться к интересующей нас здесь эпохе расцвета позднего бронзового века Монголии и Сибири. Разрешение этой проблемы с синологической стороны не входит в задачу археолога. Однако необходимо поставить некоторые вопросы.

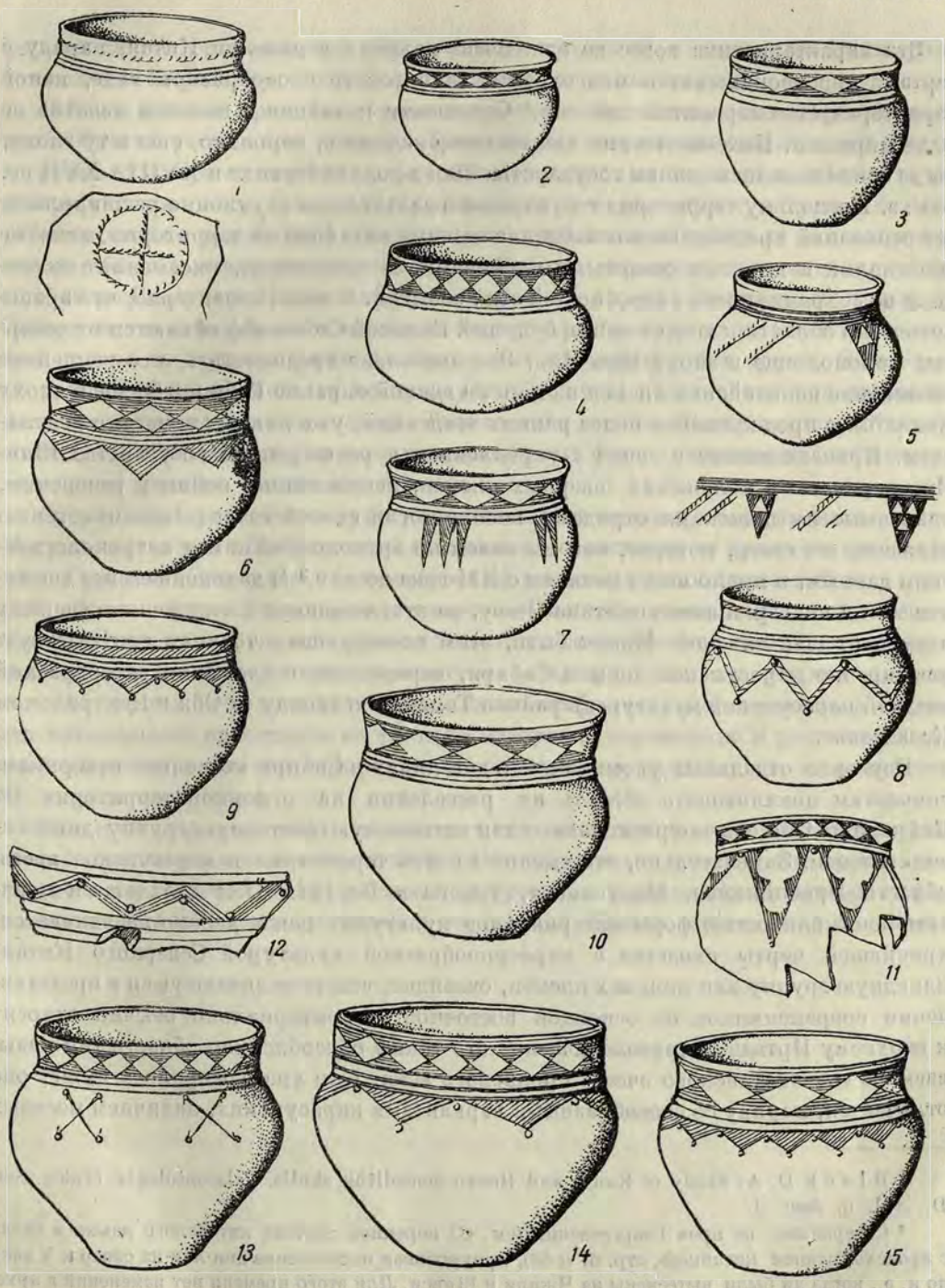
Со времени Абель Ремюза и Клапрота наряду с другими многочисленными племенами Северного Китая, исследователи сталкиваются с ди, ди-ли, дин-линами. Вопросу об их судьбах посвящена значительная литература.[1]

В настоящее время можно считать общепринятым, что дин-линские племена, наряду с другими, в XV веке до н. э. населяли области между Гоби и Хуанхэ. Они представляли собой население, отличавшееся по внешнему виду от китайцев, которые были господствующим элементом в империи Шан-Инь и позднее в эпоху Чжоу и называли себя черноволосыми. Однако китайские летописи сохранили нам только одно прямое указание на внешний облик дин-лин. В «Бэй-ши» сказано, что народное название чи-ди (красные ди) было ди-ли.[2] Конечно, это указание очень важно, однако от него еще очень далеко до того объявления древнекитайских дин-лин белокурыми и голубоглазыми европеоидами, которое получилось у сторонников так называемой «белокурой расы» и ее «особой роли» в судьбах Центральной Азии. Ведь если отбросить их соображения о высоких носах, бородах и бакенбардах некоторых древнекитайских императоров и вождей хунну, то основными доказательствами будут уже палеоантропологические материалы из области позднейшего расселения дин-линских племен в Сибири, относящиеся к тагарскому времени, когда европеоидный тип населения, осложненный карасукской примесью, на ряд веков стал господствующим на Енисее и Алтае. Но эти материалы, доказывая устойчивость древнего европеоидного населения Сибири, не могут служить каким-либо аргументом в пользу сильнейшей европеоидности дин-лин в эпоху их обитания в Северном Китае. Так же должны быть расценены и все позднейшие упоминания, например о «рыжих волосах и румяном лице» кыргызов, что указывает на устойчивость европеоидных черт у населения Енисея, уже испытавшего ко времени этого сообщения сильную монголоидную примесь в таштыкское время. Поэтому нам кажется более осторожным не расширять для древнейших дин-лин, при отсутствии палеоантропологического материала, той характеристики, какая была дана их внешности в «Бэй-ши».

---

[1] Библиографию см. Дебец Г. Ф. Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии. Советская Азия, 1931, кн. 5—6 и Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Л., 1927.

[2] De Groot. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Bd. 1. Berlin und Leipzig, 1921.



Глиняные сосуды из карасукских могил у с. Суртайского на Алтае.

Эта характеристика вовсе не исключает наличия у дин-лин Китая, наряду с чертами европеоидными, и монголоидности в том ее своеобразном виде, какой характеризует северокитайский тип.[1] Отношения китайцев и дин-лин издавна не были мирными. Вытеснение дин-лин на север началось, вероятно, еще в ту эпоху, когда закладывались основы государства Шан в долине Хуанхэ в XVIII—XVII вв. до н. э. Поскольку территория государства в дальнейшем неуклонно расширялась, нет оснований предполагать ослабление нажима китайцев на территории, занятые дин-линами и другими северными племенами. К сожалению, письменные источники не сохранили нам подробностей этих событий. Однако характерно, что археологически области к югу от линии будущей Великой Стены обособляются от северных районов еще в эпоху Шан-Инь. Это позволяет предполагать, что усиленное вытеснение некитайских племен в степи на южной окраине Гоби и в Ордос в эпоху Чжоу было продолжением более ранних тенденций, уже давших заметные результаты. Происходившие в связи с укреплением и расширением государства Шан-Инь перемены в положении северных племен, непрестанные войны и разорения, наносимые им шанскими отрядами, вполне могли способствовать возникновению движения на север, которое, как мы знаем по археологическим и антропологическим данным, и имело место начиная с XII века до н. э.[2] В дальнейшем это движение могла поддерживать политика Чжоу, не отличавшаяся в отношении северных племен от шан-иньской. Может быть, этим последующим толчкам соответствует расширение карасукской зоны в Сибири, отраженное в сложении своеобразной поздней карасукской культуры в районе Томска и к западу от Оби в Центральном Казахстане.

Изучение отдельных упоминаний о дин-линах в Сибири позволило историкам-синологам локализовать область их расселения на огромной территории. От Байкала до Оби обычно располагают так называемую восточную группу дин-линских племен. Замечательно, что именно на этой территории в карасукское время области Прибайкалья, Минусинска, Томска и Верхней Оби отличаются поразительной близостью форм материальной культуры, даже далеко на западе сохранившей черты сходства с карасукообразной культурой Северного Китая. Западную группу дин-линских племен, очевидно, чем-то отличавшуюся в представлении современников от основной восточной, территориально обычно относят к верхнему Иртышу. Археологически это также обособленная область так называемого «казахстанского очага» бронзового века. Как уже говорилось выше, она отличается, наряду со своеобразными вариантами карасукских, наличием местных

---

[1] Black D. A. Study of Kansu and Honan aeneolithic skulls. Palaeontologia Sinica. Ser. D., vol. 6, fasc. 1.

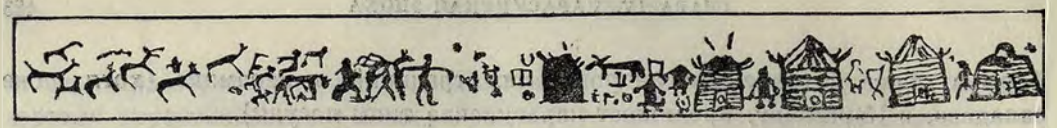
[2] Совершенно не прав Георгиевский (см. «О коренном составе китайского языка в связи с происхождением китайцев», стр. 67 и 68), приурочивая переселение дин-лин на север к V веку до н. э., когда ди были вытеснены из Чжили и Шанси. Для этого времени нет изменений в археологическом материале Сибири и Монголии.

форм, а также сохранением андроновских традиций в керамике (хотя даже западнее, в Караганду, проникают карасукские типы посуды).

В более позднее время на огромном пространстве, отводимом китайской традицией области расселения племен, объединяемых названием дин-лин, мы уже не встретим того поразительного культурного единства, какое можно наблюдать там в карасукскую эпоху. Даже в тагарское время пути развития культуры отдельных районов сильно разойдутся. Очевидно, местные силы нарушат ту нивелировку, которая была вызвана появлением на юге Сибири дин-линских элементов, несших с собой из Северного Китая новые, карасукские, формы материальной культуры. Совершенство этих форм обеспечило им широкое распространение, вероятно вышедшее далеко за пределы оседания принесших их дин-линских групп. Затем уже вторичный признак сходства по культуре обусловил объединение под названием дин-лин самых различных племен. Только этим можно объяснить поразительное совпадение области распространения карасукских форм с территорией, на которой китайские хроники размещали дин-лин.

Судьбы карасукской культуры увлекательны не меньше, чем ее происхождение. Мы уже знаем, что в Минусинской котловине она достигла не меньшего расцвета, чем в Суйюани. Сложился тот своеобразный южносибирский бронзовый век, который своими достижениями может спорить с высоким развитием эпохи поздней бронзы Причерноморья, а в одном отношении даже превосходит ее. Разумею здесь замечательную карасукскую скульптуру, ставшую, как мы увидим дальше, основой для развития творчества художников скифо-тагарского времени. Уже одна эта возможность проследить на местном материале зарождение и развитие «скифских» форм звериного стиля оправдывает то внимание, какое нужно сосредоточить на карасукской эпохе.

К сожалению, еще очень невелико число памятников, освещающих переход от карасукского времени к тагарскому. Он совершился, судя по дате древнейших тагарских погребений, в VII в. до н. э. и протекал в условиях, отличных от формирования карасукского комплекса на среднем Енисее, пятью веками раньше.



Глава V

ТАГАРСКАЯ ЭПОХА

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Теплоухов, С. А., много лет раскапывавший древние могилы Минусинского края, первый дал классификацию минусинских памятников скифо-сарматского времени. Однако он вынужден был ограничиться чисто описательной и интуитивной их группировкой, без доказательств произведенного деления. При этом, использовав результаты только своих раскопок, он и в этом ограниченном материале сосредоточил внимание преимущественно на изменениях в строении курганной насыпи и находящейся на ней ограды из плит и менгиров.[1]

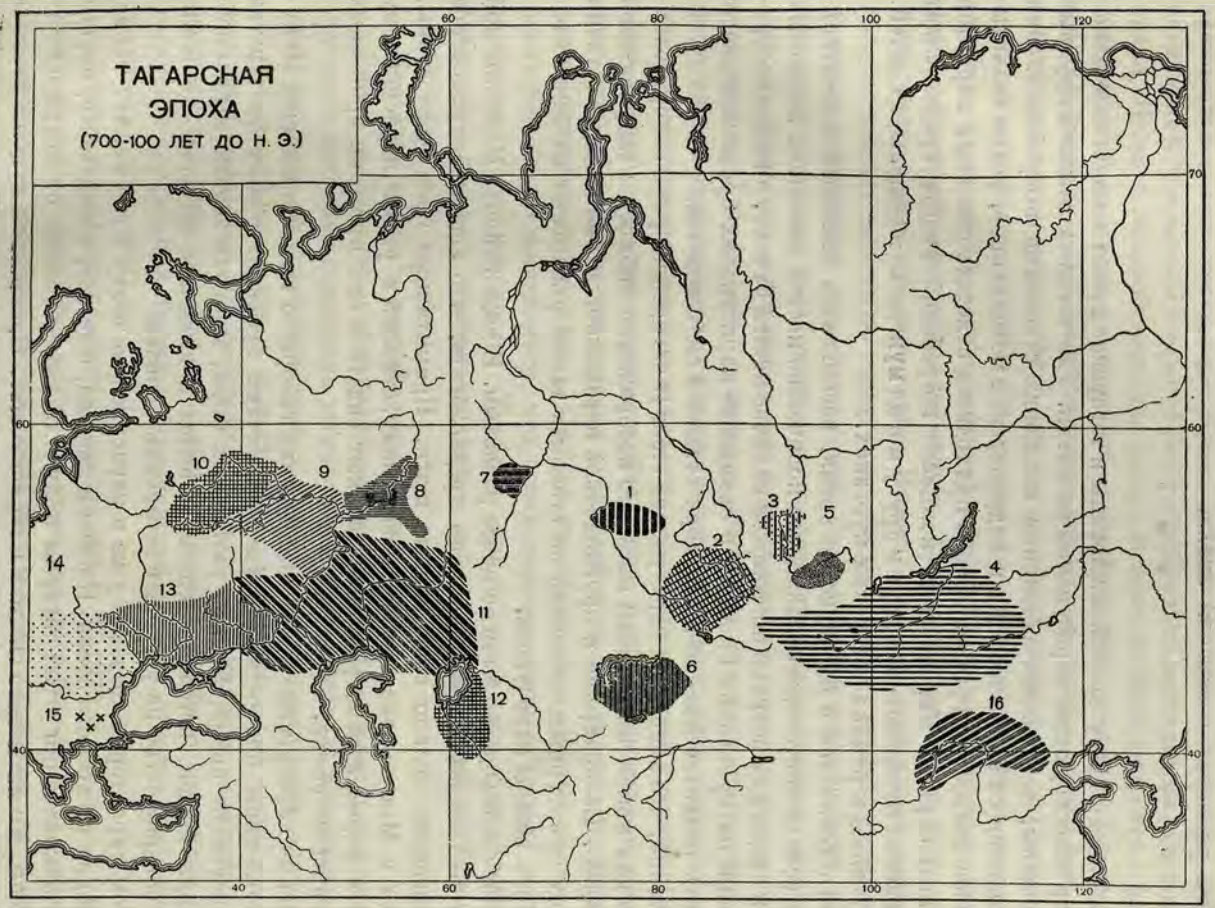
В 1929 г. С. В. Киселев пытался расклассифицировать послекарасукские памятники I тысячелетия до н. э., оперируя преимущественно курганными погребальными комплексами. Их совокупность была названа тагарской культурой по месту первых раскопок «тагарских» курганов на острове Тагарском близ Минусинска и по месту наиболее замечательных находок в курганах около оз. Тагарского. Однако доказательства этой классификации также не были опубликованы. При этом автора интересовали главным образом изменения комплексов вещей. Исторические вопросы не решались. В своих последующих работах С. В. Киселев стремился исправить этот пробел, пытаясь нарисовать историческую картину жизни минусинских племен в тагарское время. Однако там не было дано комплексного решения археологических и исторических вопросов, что неизбежно приводило к схематизации.[2]

Между тем необычайный рост полевых исследований в Минусинском крае и соседних областях настолько увеличил наш запас фактов, что старые обобщения оказываются устаревшими даже по своему фактическому содержанию. Это побуждает

---

[1] Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (Материалы по этнографии, том IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 46—50).

[2] Киселев С. В. Тагарская культура. Труды Секции археологии РАНИОН, т. IV, 1929; его же. Разложение рода и феодализм на Енисее. Л., 1932.



1. Омские племена; 2. Майэмирские племена; 3. Тагарские племена; 4. Племена культуры плиточных могил; 5. Верхнеенисейские племена; 6. Семиреченские племена; 7. Андреевские племена; 8. Ананьинские племена; 9. Городецкие племена; 10. Дьяковы племена; 11. Савроматские племена; 12. Античный Хорезм; 13. Скифские племена; 14. Скифское влияние на Западе; 15. Фракийские курганы. 16. Поздние северокитайские бронзы.

ТАБЛИЦА XVII

вновь пересмотреть весь доступный тагарский материал и попытаться, изучив изменения в комплексах памятников материальной культуры, сделать выводы об историческом развитии тагарской эпохи.

* * *

История племен Минусинской котловины в тагарское время во многом основывалась на предшествующем карасукском развитии. Уже тогда сложились крупные родовые общины, оставившие обширные кладбища с сотнями погребений. Они резко отличаются от афанасьевских и андроновских могильников, редко насчитывающих более двадцати курганов. Особо приходится отметить семейный характер погребального обряда. Карасукский комплекс погребений иногда представляет собой соединение примыкающих друг к другу могил мужчины, женщины, их детей. То же мы увидим в ранних тагарских курганах.

В области хозяйства в карасукское время, несомненно, наиболее замечательными были успехи скотоводства. Большое количество костей домашних животных в могилах и среди них впервые постоянное наличие костей барана, а также изображения барана на культовых стелах и в орнаменте карасукских бронз позволяют предполагать развитие именно в эту пору стадного скотоводства.

Не случайно, что именно на карасукской стеле (в тагарское время использованной просто для покрытия могилы) высечено изображение кибитки с запряженной в нее лошадью. Возвращение к круглодонной керамике и весьма сходные остатки карасукских культурных наслоений на стоянках также указывают на более подвижной образ жизни карасукцев.

Тагарское скотоводство было не менее развитым. В ряде районов Минусинской котловины оно господствовало. Можно предполагать, что еще в андроновское время земледелие делало свои первые шаги. Примитивные бронзовые серпы, хранящиеся в Минусинском музее, повидимому, относятся уже к карасукскому времени. Их форма и конструкция позволяют видеть в них прототип бронзовых серпов тагарской эпохи.

Прекрасные карасукские бронзовые изделия говорят о том, что племена Минусинской котловины полностью овладели высотами бронзолитейного мастерства еще в карасукское время. Кельты различных форм, многочисленные и разнообразные серии ножей, петельнообушные клевцы и выемчато-эфесовые кинжалы по своему совершенству не уступают тагарским бронзам.

При этом характерно создание уже в карасукскую эпоху вооружения, типичного потом для тагарского воина. Клевец и кинжал, а также, повидимому, первые бронзовые наконечники стрел тагарцы получили уже готовыми от предшествующего времени. То же можно сказать и об искусстве. Прекрасная художественная бронза тагарской эпохи, все эти мчащиеся олени и хищники, то спящие, свернувшись в клубок, то готовящиеся к решительному прыжку, монументальные медведи, быки и козлы многим представляются неожиданно возникшими в чьем-то гениаль-

ном творчестве. Самое происхождение их объясняется исключительно как результат скифосарматского влияния, воспринятого талантливой средой.[1] Между тем знакомство с художественной бронзой Минусинской котловины и Забайкалья показывает, что высоты звериной скульптуры стали доступными еще в карасукское время. Ножи с головой теленка, барана и лося из Минусинского музея, замечательный нож из Читы, украшенный головой барана, и нож из Иркутского музея с парой фигурок коней, отлитые карасукскими мастерами, могут быть поставлены в один ряд с шедеврами тагарского мастерства. Однако если технически карасукские скульптуры не уступают тагарским, то в отношении стиля они существенно отличны. Для них еще характерен первобытный реализм, вершины которого пленяют в костяной скульптуре палеолита. Тагарской бронзовой скульптуре также свойственны реалистические черты. Может быть, наиболее ярким выражением их следует считать известную серию бронзовых тагарских ножей, украшенных замечательно сделанными головками коней. Однако не эти изображения, весьма близкие к карасукскому реалистическому примитиву, характеризуют тагарское искусство. Изображение дополняется такой детализацией, которая характеризует качество натуры. Хищная экспрессивность, быстрота или монументальная медлительность как бы описываются художником в произведении. Оно получает эмоциональное напряжение, которого не знало искусство карасукского времени. (Я не говорю здесь о других, не менее важных особенностях — об изображениях, прокламирующих силу, об условности приемов детализации, о геральдичности композиции, о новом орнаментализме и пр.). Однако все новые характерные черты тагарского искусства не устраняют того, что всеми корнями своими уходит в карасукское изобразительное творчество. Техника, выбор персонажа, способность скупыми средствами передать видовые отличия — и в тагарском и в карасукском искусстве одинаковы.

Перейдем теперь к погребальным памятникам.

Уже С. А. Теплоухов обратил внимание на сходство строения оградок над карасукскими могилами и ранними тагарскими погребениями. И там и здесь — небольшие квадраты, иногда соединенные по два, по три; и там и здесь к основным квадратам нередко примыкают «дополнения», «прирубы» — маленькие оградки над детскими могилками. Не замеченное Теплоуховым наличие невысоких курганных насыпей над карасукскими могилами еще более усиливает сходство. Древнейшие тагарские погребения также в большинстве случаев отличаются очень низкими плоскими холмиками.

Однако можно продолжить сопоставления. В 1929 г. около с. Быстрая, под Минусинском, я раскопал шесть карасукских погребений. Их внешнее строение было типично: каменные ящики, построенные в грунтовой яме, чуть ниже уровня почвы, и вокруг них по поверхности — четыреугольные оградки из плит. В пяти

[1] Borovka G. Skythian Art. London, 1928.

из них оказался выдержанно карасукский инвентарь. Но в ящике могилы № 2, по устройству ничем не отличающейся от всех остальных, были сделаны весьма важные находки. На дне ящика в беспорядочной груде лежали кости взрослой женщины; отсутствовал череп. Среди костей в центральной части ящика были встречены две бронзовые скобчатые обоймочки, совершенно сходные с найденными в карасукской могиле № 1, где из них был сделан своеобразный нагрудник. Однако вместе с этими типично карасукскими обоймочками в типично карасукской могиле оказались обломки двух плоскодонных сосудов из темной глины. Один из них имел горшковидную форму, а другой баночную и был украшен вдоль края рядом выдавленных изнутри выпуклостей. Ни форма, ни орнаментация, ни техника изготовления этих сосудов не оставляют сомнения в принадлежности их к тагарскому типу керамики.[1]

Известен и другой случай.

В 1932 г. мы исследовали одну из восьми могил, расположенных в 5 км к югу от с. Тесь на р. Тубе под северным склоном самой высокой части Ильинской горы. Как и другие могилы, исследованная была отмечена невысоким овальным курганчиком с четыреугольной оградкой из камней. Посредине с запада на восток оградка была перегорожена на две равные части — южную и северную. В погребальном ящике южной оградки были обнаружены остатки ограбленного покойника, лежавшего вытянуто на спине, головой на запад. При нем оказались кости передней ноги барана и лопатка лошади. В северо-западном углу встретились обломки плоскодонного баночного сосуда из темной глины, типичной для посуды тагарских курганов (табл. XI, рис. 14). В ящике северной оградки на грунтовом дне лежали грудкой сожженные кости человека. У западной стенки были собраны обломки баночного плоскодонного сосуда из темной глины с рядом выпуклостей вдоль верхнего края, типично тагарского облика. В северо-западном углу оказался бронзовый нож с петлей на «кронштейне» сверху рукоятки, с несколько отогнутым назад лезвием. Эта черта заставляет видеть в нем позднего представителя так называемых «хвостатых» ножей, распространенных в карасукское время в Минусинской котловине, Прибайкалье, Западной Сибири и Казахстане (табл. XII, рис. 68).

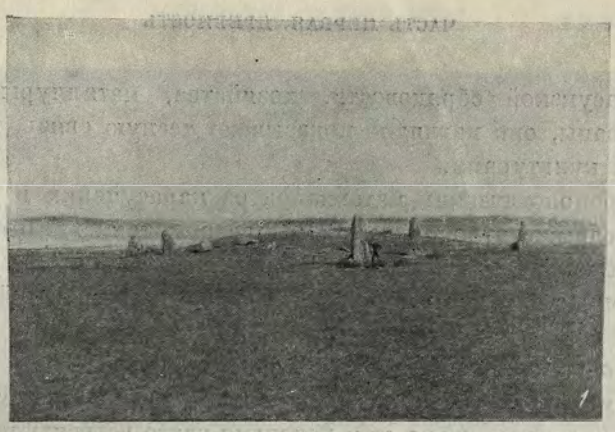
Таким образом, мы встречаемся с фактами сосуществования типично тагарской посуды с еще карасукской оградкой, разделенной пополам, с каменными ящиками и с архаической формой бронзового ножа. Третий факт зарегистрировал А. Н. Липский, раскопавший возле церкви в г. Абакане среди типично карасукских погребений одно, во всем аналогичное окружающим, но содержавшее баночный тагарский сосуд.[2]

Приведенные факты не могут считаться случайностью. Правильно понять их помогают те наблюдения, которые мы привели относительно соотношения

---

[1] Киселев С. В. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг. Советская археология, № III, стр. 149.

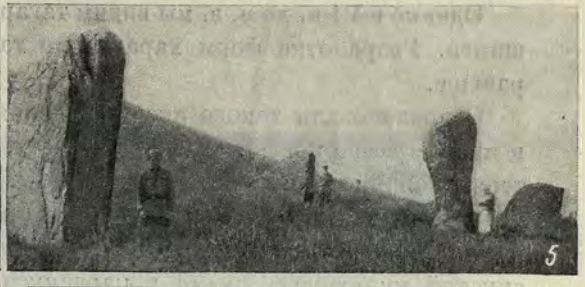
[2] Липский А. Н. Цитир. соч., стр. 81.



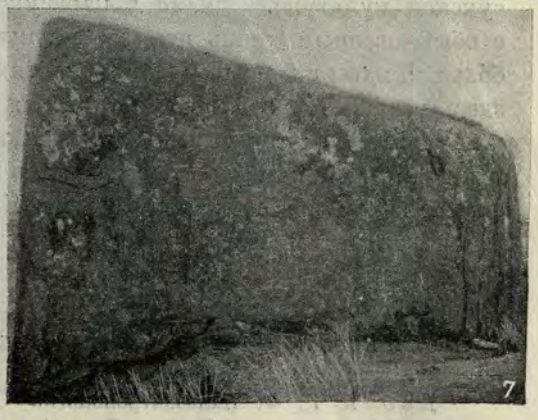












Виды тагарских курганов: «Ханская могила» (рис. 1), курганы в урочище Салбык (рис. 2—7) в Хакассии.

тагарской и карасукской обрядовости, хозяйства, металлургии и общества. Будучи суммированы, они наглядно показывают тесную связь между карасукской и тагарской культурами.

Изучение антропологических материалов из карасукских и древнетагарских погребений, проводимое антропологом Г. Ф. Дебецом, также не позволяет говорить о каком-то перерыве, о кардинальном изменении населения. То своеобразие черт, которое было привнесено в Минусинский край за карасукский период, нашло свое отражение и в тагарских скелетах.[1]

Когда происходили карасук-тагарские изменения?

Ниже, когда мы будем специально знакомиться с инвентарем древних тагарских курганов, мы увидим, что в них довольно часто встречаются бронзовые наконечники стрел таких типов, которые характерны для архаических скифских погребений. Такими являются пирамидально-шипастые, ромбические и ромбическо-шипастые, трехгранные, пулевидные и конические, точно воспроизводящие скифские образцы VII, VI и начала V века.

Это же время подтверждают находки в древнетагарских курганах плоскообушных клевцов, совершенно аналогичных бронзовому клевцу, найденному в одной из древнейших могил Ананьинского могильника, датируемой не позднее VI в. до н. э.

Однако в VI в. до н. э. мы видим тагарский инвентарь уже совершенно сложившимся. Разработка форм характерно тагарских вещей, очевидно, происходила раньше.

Основание для такого предположения дает рассмотрение карасукских вещей и прежде всего ножей. Принято считать, что для карасукского инвентаря характерны ножи коленчатые и «хвостатые», т. е. такие, у которых или переламывается углом («коленом») обушок при переходе в рукоятку, или отгибается «хвостом» низ лезвийной части. Действительно, эти ножи относятся исключительно к карасукской культуре. Однако в карасукских могилах мы встречаем также ножи с обыкновенным, лишь немного выгнутым обушком. От тагарских их отличает бóльшая массивность и иная орнаментика. Вполне возможно предполагать именно здесь разработку этой формы, которая затем господствует у тагарцев. При этом у нас есть доказательство, что довольно легкие формы ножей, характерные скорее для тагара, чем карасука, создавались в весьма раннее время. Это устанавливает анализ изданной Тальгреном и С. В. Киселевым [2] половинки каменной литейной формы, хранящейся в музее Томского университета. С одной стороны на ней вырезана форма для отливки типично сейминского копья с вильчатым стержнем, а с другой три формы: для отливки безухого кельта, простого четырехгранного шильца и ножа. Кельт не находит себе точной аналогии в известных сейчас типах,

---

[1] Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР, стр. 124—129.

[2] Tallgren A. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk. Helsingfors, 1917; Киселев С. В. Литейная форма из Сибири. Труды Секции археологии РАНИОН, М., 1928, вып. III.







Писаница на скале «Бояры» (рис. 1). Изображение оленя на камне у кургана «Ханская могила» (рис. 2) и каменное изваяние барана, хранящееся в Минусинском музее (рис. 3).

однако особенности его формы, удлиненной, шестигранной в сечении, с переходом к овалу только вверху, а также характер орнаментации — поясок в виде лесенки и треугольные фестоны, ясно доказывают его принадлежность к сейминскому кругу. Этому не противоречат и его значительные размеры: в коллекции из Сеймы, хранящейся в Горьковском музее, наряду с экземплярами средней величины находятся крупные, близкие по размерам к отливавшемуся в томской форме. Нож, отливавшийся одновременно с кельтом и копьем сейминских типов, имел несколько выгнутую спинку и прямое лезвие, отделенное уступом от плоской рукоятки, украшенной поперечными рубчиками, а сверху шариком. Форма ножа — характерно тагарская. Украшение же навершия шариком, чаще прорезным, особенно распространено на карасукских ножах и выемчатоэфесовых кинжалах.[1] Известны, однако, прорезные шарики, украшающие так называемые вкладыши. Ножи же и кинжалы со вкладышем в рукоятке — одни из древнейших тагарских. Таким образом, можно утверждать, что ножи, весьма близкие к древнейшим тагарским, выделывались еще в то время, когда в Сибири употреблялись типично сейминские копья и кельты. Принимая во внимание время карасукских памятников, мы можем зарождение тагарских форм относить к самому концу бытования сейминских вещей, т. е. к рубежу II—I тысячелетий до н. э.

2. КЛАССИФИКАЦИЯ ТАГАРСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Предстоит разобраться в огромном количестве тагарских вещей, сосредоточенных во многих музеях. Материал этот пестр и разнообразен. Прежде всего, он различен по способу находки: то это вещи, найденные случайно при распашке, то — вырытые кладоискателем, то — предметы из раскопанных курганных погребений. Степень его изменчивости весьма велика. Изменяются материал, форма, способы орнаментации и т. п.

В основу классификации тагарских памятников кладется статистика совместных находок различных вещей, сделанных при раскопках погребений.*

На особой таблице дается детальное описание находок тагарских кинжалов, клевцов, топоров, втоков к ним, наконечников стрел, ножей, зеркал, форм и орнаментики сосудов и различных видов погребальной обрядовости, обнаруженной при раскопках тагарских курганов. Их выбор обусловлен тем, что в отношении этих памятников замечается более ясная изменчивость, тем, что эти памятники являются наиболее многочисленными из всех находимых при раскопках, что они благодаря

---

[1] Грязнов М. П. Кинжал с оз. Кото-Кёль, Archaeologia Orientalis. B Series, vol. I, corpus II, A, 1, 2.

* Приложенные к этому разделу таблицы А — З содержат указания на места находок и ссылки на рисунки.

этому более точно датируются, и, наконец, тем, что они отражают и технический и социальный прогресс тагарской эпохи.

Здесь ограничимся лишь итоговыми замечаниями по истории отдельных их видов.

Наиболее детально удалось изучить историю минусинских кинжалов. Привлечение случайно найденных экземпляров позволило сделать поверочные наблюдения над изменениями их форм. Не менее показательны изменения форм наконечников стрел, особенно бронзовых, в основном повторяющих последовательность, наблюдаемую в скифских курганах. Немногими четко разграничиваемыми формами характеризуется история клевцов — этого распространеннейшего оружия тагарской эпохи. На изменениях вооружения строятся первые заключения.

Древнейшими минусинскими кинжалами являются выемчатоэфесовые, относимые по находке одного из них в погребении Старшего Томского могильника к карасукскому времени. Древнетагарские погребения содержат кинжалы с крыльевидными (или бабочкообразными) перекрестьями и с навершием в виде валика или овального колпачка. Одновременны с валиковыми и колпачковыми кинжалами фигурные и вкладышевые. Все они встречаются вместе с вещами, наиболее близкими раннескифским формам, и с клевцами, аналогичными найденным в древнейших могилах Ананьинского могильника. Характерно, что уже во время господства валиковых кинжалов получил распространение обычай класть в могилу с покойником миниатюрные изображения нормальных предметов. Встречаются валиковые миниатюрные кинжалы, но их найдено мало. Они находятся только в таких погребениях, обрядовость которых сходна с древнейшей тагарской, тогда как крестовые миниатюрные встречаются уже в погребениях нового типа, характеризующихся коллективностью.

Все это заставляет предполагать, что обычай миниатюр лишь возникал в эпоху валиковых кинжалов. Позднее господствовали крестовые миниатюрные кинжалы. Первоначально они отличались вполне нормальными пропорциями всех частей и действительно представляли вполне точные, тщательно выполненные копии крупных. Они встречаются в коллективных погребениях под довольно высоким курганом. В таких же погребениях находятся рубчатообушные втульчатые клевцы. Судя по находкам в этих погребениях бронзовых ромбических и ромбическошипастых втульчатых наконечников стрел, они не могут быть позднее конца V в. до н. э. К этому времени относится введение железа. Имеется крестовый крыловидноэфесовый кинжал, у которого рукоять железная, а клинок и эфес бронзовые. То же наблюдаем и у одного крыловидноэфесового кинжала с парой головок грифов на навершии. Остальные бронзово-железные крестовые и грифоновые кинжалы имеют бронзовые рукоятки и железные клинки, т. е. отмечают уже полную победу железа.

На этот период падает дальнейшее изменение миниатюр кинжалов, находимых в погребениях. Постепенно утрачивается реальность изображения. У одних

несоразмерно вытягивается рукоятка, у других укорачивается клинок. Детали — навершие и перекрестье — отмечаются более чем схематично. Наконец, к концу тагарской эпохи относятся миниатюрные изображения крестовых кинжалов, сделанные из железа. Наблюдения над миниатюрными изображениями кинжалов позволяют предполагать, что крестовый кинжал остается господствующим в поздней тагарской культуре IV—II вв. до н. э. Клевец также переживает изменения. К сожалению, находок крупных клевцов неизмеримо меньше, чем кинжалов. Поэтому некоторые формы можно устанавливать только по миниатюрным изображениям.

Выше уже говорилось, что вместе с валиковыми миниатюрными кинжалами находят рубчатообушные — миниатюрные клевцы. Как и древнейшие круглообушные и плоскообушные, они имеют выступающую втулку («втульчатые»). Позднее втульчатые клевцы весьма редки. Зато господствуют клевцы без выступающей втулки. Рукоятка у них укрепляется между острием и обушком в обычном проушном отверстии. Таких клевцов больше всего железных. Однако появление железа произошло еще при втульчатых клевцах. Имеются клевцы с бронзовой втулкой и железным острием и обушком. Повидимому, это «современники» бронзово-железных кинжалов.

Здесь речь идет только о тех кинжалах, которые были найдены в погребениях и поэтому имеют значение для определения комплексов вещей. В приложении дается более детальное описание всей серии кинжалов, найденных в Минусинском крае. Там можно было сделать заключение и о других видах кинжалов, найденных случайно (о грифоновых, рогатых, кольчатых, кнопковых, дисковых и многих других), пытаясь найти и их место в истории минусинского кинжала. Здесь не место этим деталям. Однако они важны тем, что подтверждают основные положения, только что изложенные.

То, что сказано выше об истории тагарских кинжалов и клевцов, позволяет составить таблицу, где отмечаются случаи совместного их нахождения в погребениях (табл. 1).

Рассматривая эту таблицу, очевидно можно подразделить ее на три отдела. Первый, древнейший,— с валиковыми, фигурными и вкладышевыми кинжалами и плоскообушными, овальнообушными, гранчатообушными и круглообушными клевцами, а также валиковыми миниатюрными кинжалами и круглообушными и гранчатообушными уменьшенными клевцами. Второй отдел заключает в себе главным образом миниатюрные формы, найденные в тагарских курганах. Однако важно отметить, что все эти миниатюры воспроизводят уже иные формы клевцов и кинжалов. Среди последних господствуют крестовые; обломок одного крестового нормального кинжала встретился в погребении вместе с копирующими его миниатюрами. Третий отдел представлен только одной формой — железным миниатюрным кинжалом. Применение железа для изготовления ритуальной миниатюры свидетельствует о его окончательной победе. Инвентарь и самые погребения,

Таблица 1

	Вкладышевый (бр., крыловидноэфесовый)	Фигурный I (бр., крыловидноэфесовый)	Валиковый (бр., крыловидноэфесовый)	Валиковый миниатюрн. (бр., крыловидноэфесовый)	Крестовый (бр., крыловидноэфесовый)	Крестовый миниатюрн. (бр., крыловидноэфесовый)	Рогатый (бр., крыловидноэфесовый)	Кольчатый (бр., крыловидноэфесовый)	Крестовый миниатюрн. (железн., крыловидноэфесовый)	Стадии
Плоскообушный (бр., втульчатый)	1	1	2	—			—	—	—	I
Овальнообушный (бр., втульчатый)	—	—	1	—	—	—	—	—	—	
Круглообушный (бр., втульчатый)	—	—	1	—	—	—	—	—	—	
Гранчатообушный (бр., втульчатый)	—	—	1	—	—	—	—	—	—	
Круглообушный уменьшен. (бр., втульчатый)	—	—	—	1	—	—	—	—	—	
Круглообушный миниатюрн. (бр., проушный)	—	—	—	—	$1\left(\frac{1}{9}\right)$	$5\left(\frac{27}{35}\right)$	$1\left(\frac{1}{2}\right)$	$1\left(\frac{1}{9}\right)$	—	II
Плоскообушный миниатюрн. (бр. проушный)	—	—	—	—	$1\left(\frac{1}{7}\right)$	$2\left(\frac{16}{8}\right)$	$1\left(\frac{1}{7}\right)$	$1\left(\frac{1}{7}\right)$	—	
Рубчатообушный миниатюрн. (бр., проушный)	—	—	—	—	—	$1\left(\frac{4}{3}\right)$	—	—	—	
									(позднее их всех)	III
Стадии	I				II				III	

(Первая цифра — число случаев совместной встречаемости типов кинжалов и клевцов, вторая цифра, в скобках, — число встреченных экземпляров, верхняя — кинжалов, нижняя — клевцов)

в которых найден железный миниатюрный кинжал, настолько своеобразны, что вполне оправдывают свое выделение в позднейшие.

Наблюдения над находками датирующих вещей позволяют видеть в разделах таблицы 1 первые указания на наличие в тагарскую эпоху трех последовательно сменяющих одна другую стадий.

Таблица 2 дает нам подсчет совместной встречаемости всех важнейших вещей в погребениях и распределение самих форм погребального обряда.

Таблица 2

Предмет	Определение	Стадии		
		I	II	III
Кинжалы	Вкладышевый (бр., крыловидноэфес.)	100(1)	—	—
	Фигурный (бр., крыловидноэфес.)	100(2)		
	Валиков. (бр., крыловидноэфес.)	100(11)	—	—
	Валиков. миниат .(бр., крыловидноэфес.)	100(2)		
	Крестовый (бр., крыловидноэфес.)	—	100(1)	—
	Крестовый миниат. (бр., крыловидн. асимметр.)	—	100(28)	—
	Трубчатый миниат. асимметр. (бр., крыловидн.)	—	100(1)	—
	Рогатый миниат. асимметр. (бр., крыловидн.)	—	100(1)	—
	Кольчатый миниат. (бр., крыловидноэфес.)	—	100(1)	—
	Крестовый миниат. асимметр. (железн., крыловидноэфес.)	—	—	100(1)
Клевцы	Плоскообушный (бр., втульч.)	100(7)	—	—
	Овальнообушный (бр., втульч.)	50(1)	50(1)	—
	Круглообушный (бр., втульч.)	100(3)	—	—
	Круглообушный уменьшен. (бр., втульч.)	100(1)	—	—
	Гранчатообушный (бр., втульч.)	100(1)	—	—
	Гранчатообушный уменьшен. (бр., втульч.)	50(1)	50(1)	—
	Рубчатообушный (бр., втульч.)	—	100(17)	—
	Фигурнообушный (бр., втульч.)	—	100(1)	—
	Плоскообушный (бр., проушной)	—	100(8)	—
	Круглообушный (бр., проушной)	—	100(12)	—
Втоки	Клиновидный (бр., втульч.)	100(3)	—	—
	Колоколовидный (бр., втульч.)	100(5)	—	—
	Конический (бр., втульч.)	100(3)	—	—
	Конический (кост., втульч.)	100(1)	—	—
	Пирамидальный (бр., втульч.)	100(2)	—	—
	Лопатчатый (бр., втульч.)	—	100(2)	—
	Конический миниат. (бр., втульч.)	—	100(4)	—
	Лопатчатый (бр., втульч.)	—	100(22)	—
	Параболоидный миниат. (бр., втульч.)	—	100(3)	—
Топоры	Плоскообушный (бр., проушной)	100(4)	—	—
	Фигурнообушный (бр., проушной)	100(1)	—	—
Наконечники стрел	Пирамидальный шипаст. (бр., втульч.)	100(1)	—	—
	Трехперый треугольный (бр., втульч.)	100(14)	—	—
	Трехперый овальный (бр., втульч.)	100(1)	—	—
	Челночковый (бр., втульч.)	100(1)	—	—
	Овальный (бр., втульч.)	100(1)	—	—
	Ромбический шипаст. (бр., втульч.)	—	100(2)	—
	Ромбический (бр., втульч.)	100(6)	—	—
	Пулевидный (бр., втульч.)	100(1)	—	—
	Трехперый (бр., черешковый)	100(1)	—	—
	Конический (кост., втульч.)	100(1)	—	—
	Трехгранный (кост., втульч.)	100(10)	—	—
	Четырехгранный (кост., втульч.)	100(10)	—	—

Таблица 2 (продолжение)

Предмет	Определение	Стадии		
		I	II	III
Наконечники стрел	Пулевидный (кост., втульч.)	100(1)	—	—
	Пирамидальный (кост., втульч.)	100(2)	—	—
	Плоск. (кост., черешк.)	50(1)	50(1)	—
	Плоский вырезной (кост., черешк.)	75(3)	25(1)	—
	Четырехгранный (кост., черешк.)	100(17)	—	—
	Обелисковый (кост., черешк.)	88(7)	12(1)	—
	Вильчатый (кост., зажимной)	100(2)	—	—
	Крыловидный (кост., зажимной)	100(1)	—	—
	Листовидный (железн., черешк.)	—	—	100(1)
Ножи	Вкладышевый (бр., дугообразнообушн.)	100(5)	—	—
	Фигурный I (бр., дугообразнообушн.)	50(1)	50(1)	—
	Фигурный II (бр., дугообразнообушн.)	100(1)	—	—
	Трехдырчатый (бр., дугообразнообушн.)	100(3)	—	—
	Двудырчатый (бр. дугообразнообушн.)	100(2)	—	—
	Однодырчатые (бр., дугообразнообушн.,)	Равномерно во всех стадиях (55)		
	Трехпетельный (бр., дугообразнообушн.)	100(1)	—	—
	Двупетельный (бр., дугообразнообушн.)	100(1)	—	—
	Однопетельный (бр., дугообразнообушн.)	96(52)	4(1)	—
	Кольчатый (бр., дугообразнообушн.)	60(3)	40(2)	—
	Дужковый (бр., дугообразнообушн.)	—	100(8)	—
	Ажурный (бр., дугообразнообушн.)	—	100(2)	—
	Однопетельн. уменьш. (бр., дугообразнообушн.)	—	100(26)	—
	Крючковый (бр., дугообразнообушн.)	—	100(1)	—
	Гладкий уменьшен. (бр. змейчатообушн.)	—	100(4)	—
	Однодырчатый I (бр., змейчатообушн.)	—	100(17)	—
	Однодырчатый II (бр., змейчатообушн.)	—	100(18)	—
	Трехдырчатый (бр., змейчатообушн.)	—	100(2)	—
	Однопетельный (бр., змейчатообушн.)	—	100(2)	—
	Двупетельный (бр., змейчатообушн.)	—	100(1)	—
	Прорезной (бр., змейчатообушн.)	—	100(1)	—
	Дужковый (бр., змейчатообушн.)	—	100(8)	—
	Кольчатый (железн., дугообразнообушн.)	—	—	100(2)
	Крючковый (железн., дугообразнообушн.)	—	—	100(1)
Зеркала	Дужковое (бр., дисковое)	Равномерно во всех стадиях (68)		
	Дужковое миниат. (бр., дисковое)	—	100(49)	—
	Дужковое закраинное (бр., дисковое)	100(4)	—	—
	Гвоздковое (бр., дисковое)	—	100(1)	—
	Петельное (бр., дисковое)	—	100(1)	—
	Кнопковое (бр., дисковое)	—	76(6)	24(2)
	Фигурное (бр., сердцевидное)	—	90(10)	100(1)
Сосуды	Баночный (гл., плоскодонный)	Равномерно во всех стадиях (100)		

Таблица 2 (продолжение)

Предмет	Определение	Стадии		
		I	II	III
Сосуды	Эллипсоидный I (гл., плоскодонный)	100(1)	—	—
	Эллипсоидный II миниат. (гл., плоскодонный)	—	100(3)	—
	Конический (гл., плоскодонный)	Равномерно во всех стадиях (102)		
	Эллипсоидный (гл., на поддоне)	100(1)	—	—
	Рюмковидный (гл., на поддоне)	—	80(15)	20(4)
	Котловидный (гл., на поддоне)	9(1)	50(6)	41(5)
	Усеченноконический (гл., круглодонный)	—	100(2)	—
	Зонный (бр., плоскодонный)	—	100(1)	—
	Кубический (камен., плоскодонный)	—	—	100(1)
	Чашевидный (камен., на поддоне)	—	100(1)	—
Погребения	№ 1	100	—	—
	№ 2	100	—	—
	№ 3	—	100	—
	№ 4	—	100	—
	№ 5	—	—	100
	№ 6	—	—	100

За основу деления приняты результаты наблюдений таблицы 1 — разделы (стадии) I, II и III истории тагарских клевцов и кинжалов.

По стадиям таблицы 2 распределяются на основании совместных находок все важнейшие вещи погребальных инвентарей. При этом для большей полноты и для связи с предыдущим изложением в двух первых разделах таблицы 2 повторяется распределение по стадиям форм кинжалов и клевцов. Цифры, стоящие в рубриках, показывают: первая — процент случаев совместной встречаемости отдельных форм с кинжалами и клевцами и вторая (в скобках) — число находок. Сравнивая их, можно наглядно видеть движение форм во времени на всем пути тагарской истории.

Таблица 2 позволяет конкретно обсуждать классификацию тагарских памятников.

Таблица 2 служит, таким образом, базой для всего дальнейшего изучения тагарских памятников, проводимого в трех основных группах, характеризующих три, последовательно сменявшие одна другую стадии тагарской культуры.

Необходимо, однако, оговориться, что при использовании данных таблицы 2 для классификации вновь добываемых материалов следует принимать во внимание не один из имеющихся в ней признаков, а всю возможную их сумму. Так поступать заставляет наличие среди тагарских памятников форм, существующих в обеих

соседних стадиях (не говорю уже о нехарактерных, встречающихся на всем протяжении тагарской истории).

Совершенно очевидно, что ссылка только на одни такие формы еще не сможет служить основанием для определения места вновь открытых вещей в предлагаемой хронологической схеме.

Сопоставление полученных результатов с уже упоминавшейся классификацией тагарских памятников С. А. Теплоухова (1929 г.) обнаруживает значительные расхождения. Как уже говорилось, классификация Теплоухова построена в основном на изменениях форм погребальных сооружений, направления которых определены по принципу «от простого к сложному». Выделенные С. А. Теплоуховым четыре основных типа тагарских курганов явились основой четырех стадий культуры. Возможность их одновременного существования автором совершенно исключена. Между тем из вышеприведенных таблиц видно наличие именно сосуществования нескольких курганных обрядов в тагарской стадии.

Неправильность расположения тагарского материала в работе Теплоухова обнаруживается и при рассмотрении тагарского искусства. Всецело полагаясь на им самим составленную схему развития погребального обряда и конструкции тагарских курганов, Теплоухов оказался вынужденным для первой стадии, непосредственно следующей за карасукской, отрицать наличие изобразительного искусства. Лишь одна схематическая фигурка животного с геральдически расположенными двумя головами и со всеми признаками позднейшего развития тагарской звериной орнаментики [1] призвана, по Теплоухову, служить образцом того «примитивизма», из которого позднее развился богатый тагарский звериный стиль. Основанием этому служит только то обстоятельство, что характер погребения, в котором найден этот предмет, является типичным, с точки зрения автора, для начала тагарской эпохи. Однако конструирование такого периода «примитивизма» в развитии изобразительного искусства на Енисее в начале тагарского времени совершенно недопустимо. Уже говорилось о тесной связи между тагарской звериной орнаментикой и карасукскими весьма реалистическими скульптурами зверей. Указывалось и на общую тесную зависимость тагарской материальной культуры от карасукской. Не наблюдая перерыва в развитии обоих этапов, трудно допустить факт исчезновения карасукского искусства и зарождения нового из примитивных схем. Изумительные головки лошади, оленя, барана и бычка, характерные для древнетагарского прикладного искусства, целиком связываются с карасукскими, знаменуя лишь изменения стиля.

Следуя выводам вышеприведенных таблиц, мы можем относить уже к самому началу тагарской эпохи памятники тагарского звериного стиля, продолжающие в новой трактовке карасукские образцы.

---

[1] Самая геральдичность головок, отсутствие округлой лепки, а также покрытие всего изображения точечным орнаментом, как мы увидим ниже, отнюдь не является в тагарском искусстве архаизирующим признаком.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТАБЛИЦЫ НАХОДОК ВЕЩЕЙ В ТАГАРСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ

Здесь приведены данные по известным мне раскопкам тагарских курганов. Они обосновывают цифры таблиц 1 и 2 и позволяют связать определения с таблицами рисунков. Параллели для стрел взяты из скифских погребений, инвентари которых хранятся в Гос. Эрмитаже.

Таблица А

ТАГАРСКИЕ КИНЖАЛЫ

Места находок, номера курганов, погребения	Бронзовые								Железные
	Крыловидноэфесовые								Крестовидноэфесовые
	Вкладышевый (табл. XXV, рис. 1)	Фигурный (табл. XXV, рис. 2 и 3)	Валиковый (табл. XXV, рис. 4)	Крестовый (табл. XXV, рис. 5)	Трубчатый (табл. XXV, рис. 6)	Рогатый (табл. XXV, рис. 7)	Кольчатый (табл. XXV, рис. 8)	Дисковый	Крестовый (табл. XXV, рис. 9)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Узун-Оба, № 5	—	—	1 мин.	—	—	—	—	—	—
Самохвал, № 4, 1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Тагарский о-в (1895), № 2, 1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Тагарское оз., № 32, 1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Тагарское оз., № 33, 1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Усть-Сыда, № 1, II	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Сыда, № 6, II	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Узунжул-курган	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Копьево, № 11	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Батени, № 5, XII	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Батени, № 3,	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Батени, № 6, 1	—	—	2	—	—	—	—	—	—
Саргов, II, № 4	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Убиенка, № 3	—	—	1 мин.	—	—	—	—	—	—
Тускольское, № 2, I	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Ачинск (Клеменц)	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Малая Иня, № 2, I	—	—	—	—	1 мин.	—	—	—	—
Малая Иня, № 4	—	—	—	1 мин.	—	—	—	—	—
Барандат курган	—	—	—	25 мин.	—	1 мин.	—	1 мин.	—
Частоостровское, № 1	—	—	—	1 мин.	—	—	—	—	—
Назаровское, курган	—	—	—	1 мин.	—	—	—	—	—
Красноярск (Проскуряков)	—	—	—	1 мин.	—	—	—	—	—
Тагарское оз., № 33, II	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Тесь, курган Аспелина	—	—	—	—	—	—	—	—	1 мин.
Итого	1	2	13	30	1	1	1	1	1

ТАГАРСКИЕ КЛЕВЦЫ

Таблица Б

Места находок, номера курганов, погребения	Бронзовые							
	Втульчатые						Проушные	
	Плоскообушный (табл. XXIV, рис. 1)	Овальнообушный (табл. XXIV, рис. 2)	Круглообушный (табл. XXIV, рис. 3)	Гранчатообушный (табл. XXIV, рис. 4)	Рубчатообушный (табл. XXIV, рис. 5)	Фигурнообушный (табл. XXIV, рис. 6)	Плоскообушный (табл. XXIV, рис. 12)	Круглообушный (табл. XXIV, рис. 11)
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Узун-Оба, № 5	—	—	1	—	—	—	—	—
Кызыл-Куль, № 1, I	2	—	—	—	—	—	—	—
Кызыл-Куль, № 2, I	—	—	—	1	1	—	—	—
Тагарский о-в 1895 г., № 2, I	—	—	1	—	—	—	—	—
Тагарский о-в, № 3, II	—	—	1	—	—	—	—	—
Тагарское оз., № 32, II	1	—	—	—	—	—	—	—
Тагарское оз., № 33, I	1	—	—	—	—	—	—	—
Тагарское оз., № 35, I	—	1	—	—	—	—	—	—
Тагарское оз., № 35, II	—	—	—	—	1	—	—	—
Усть-Тесь, № 1, I	1	—	—	—	—	—	—	—
Усть-Сыда, № 1, I	1	1	—	—	—	—	—	—
Сыда, № 5, X	—	—	—	—	2	—	—	—
» № 5, XIII	—	—	—	—	2	—	—	—
Саргов, II, № 1	—	—	—	—	2	—	—	—
» II, № 4	—	—	1	—	—	—	—	—
Узунжул курган	—	—	—	1	—	—	—	—
Учум, № 1, I	1	—	—	—	—	—	—	—
Малая Иня, № 1, I	—	—	—	—	—	1	—	—
» » № 3, I	—	—	—	—	—	—	—	1 мин.
» » № 4	—	—	—	—	—	—	—	1 мин.
Тесь, Большой курган	—	—	—	—	4 мин.	—	—	—
Барандат курган	—	—	—	—	—	—	1 мин.	7 мин.
Назаровское	—	—	—	—	—	—	7 мин.	—
Ачинск (Проскуряков)	—	—	—	—	—	—	—	3 мин.
Убиенка, № 1	—	—	—	—	3 мин.	—	—	—
» № 2	—	—	—	—	2	—	—	—
» № 3	—	—	—	1	—	—	—	—
Итого	7	2	4	3	17	1	8	12

Таблица В

ТАГАРСКИЕ ТОПОРЫ

Места находок, номера курганов, погребения	Бронзовые проушные	
	Плоскообушный	Фигурнообушный
Абаканская Управа, № 4, I	1	—
Самохвал, № 6, III	—	1
» № 8	1	—
Сыда, № 6, II	1	—
Оз. Тускольское, № 1, I	1	—
Итого . . .	4	1

Таблица Г

ТАГАРСКИЕ ВТОКИ

Материал	Бронзовые									Костяные
Способ скрепления с рукояткой	Втульчатые									Втульчатые
Места находок, номера курганов, погребения	Клиновидный	Колоколовидный (табл. XXV, рис. 11)	Конический (табл. XXV, рис. 13)	Пирамидальный	Стреловидный (табл. XXV, рис. 10)	Лопатчатый (табл. XXV, рис. 12)	Конический миниатюрный (табл. XXV, рис. 14)	Лопатчатый миниатюрный (табл. XXV, рис. 15)	Параболоидный миниатюрный (табл. XXV, рис. 16)	Конический
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Узун-Оба, № 2, I	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
» № 2, II	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
» № 5, I	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
» № 5, II	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—
Кызыл-Куль, № 1, I . . .	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кызыл-Куль, № 2, I . . .	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—
Абаканская Управа, 1899 г., № 1, II . .	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Тагарское оз., № 32, I . .	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Тагарское оз., № 35, I . .	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Усть-Тесь, № 2, II	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—

Таблица Г (продолжение)

Материал	Бронзовые									Костяные
Способ скрепления с рукояткой	Втульчатые									Втульчатые
Места находок, номера курганов, погребения	Клиновидный	Колоколовидный (табл. XXV, рис. 11)	Конический (табл. XXV, рис. 13)	Пирамидальный	Стреловидный (табл. XXV, рис. 10).	Лопатчатый (табл. XXV, рис. 12)	Конический миниатюрный (табл. XXV, рис. 14)	Лопатчатый миниатюрный (табл. XXV., рис. 15).	Параболоидный миниатюрный (табл. XXV, рис. 16)	Конический
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Усть-Тесь, № 4, I	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Усть-Сыда, 4, III	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Сыда, № 5, III	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
» № 5, XII	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
» № 5, XIII	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—
» № 7, II	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
» № 8, II	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Быстрая, № 1, II	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Саргов, I, № 2	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Саргов, II, № 1	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—
Убиенка, № 1	—	—	—	—	—	—	1	5	—	—
» № 2	—	—	—	—	—	—	1	2	—	—
» № 3	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Малая Иня, № 1, I	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
» » № 6, I	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Тесь, Большой курган	—	—	—	—	—	—	1	2	—	—
Барандат курган	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—
Быстрая (Клеменц) № 3	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Итого	3	5	3	2	1	2	4	20	3	1

ТАГАРСКИЕ НАКО

Места находок, номера курганов, погребения	Каменные	Бронзовые								
	Зажимные	Втульчатые								Черешковые
	Треугольный (табл. XXVI, рис. 1)	Трехперый треугольный (табл. XXVI, рис. 2)	Трехперый овальный (табл. XXVI, рис. 3)	Челночковый (табл. XXVI, рис. 4)	Овальный (табл. XXVI, рис. 5)	Ромбический (табл. XXVI, рис. 6)	Ромбический шипастый (табл. XXVI, рис. 7)	Пирамидальный шипастый (табл. XXVI, рис. 8)	Пулевидный (табл. XXVI, рис. 9)	Трехперый (табл. XXVI, рис. 10)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Кара-Курган, № 1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» » № 2, II . .	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
» » № 4	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Узун-Оба, № 1, I	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» » № 1, II	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
» » № 2, II	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
» » № 5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» » № 6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кызыл-Куль, № 1, I . . .	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
» » № 2, I . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Абаканская Управа, 1899 г., № 1, I	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Абаканская Управа, 1898 г., № 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Там же, № 5, I	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—
Тагарский о-в, 1895, № 2, I	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Тагарский о-в, № 42 . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Тагарское оз., № 33, I . .	—	13	—	—	—	—	—	—	—	—
» » № 34 . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» » № 35, I . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кривая II, № 2, II, ...	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Усть-Тесь, № 3, II	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кочергино, № 1, I	—	1	1	—	—	—	—	—	—	1
» № 3, II	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» № 9, II	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Галактионово, № 7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» № 8	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Аёшино, № 9, I	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Бузуново, № 4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Саргов, II, № I	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Убиенка, № 3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

НЕЧНИКИ СТРЕЛ Таблица Д

Костяные														Железные
Втульчатые					Черешковые							Зажимные		Черешковые
Конический	Пулевидный (табл. XXVI, рис. 12)	Трехгранный (табл. XXVI, рис. 13)	Четырехгранный (табл. XXVI, рис. 14)	Пирамидальный (табл. XXVI, рис. 15)	Плоский (табл. XXVI, рис. 22)	Плоский вырезной (табл. XXVI, рис. 23)	Плоский сглаженный (табл. XXVI, рис. 24)	Четырехгранный (табл. XXVI, рис. 18)	Обелисковый шпастый (табл. XXVI, рис. 19)	Обелисковый I (табл. XXVI, рис. 20)	Обелисковый II (табл. XXVI, рис. 21)	Вильчатый (табл. XXVI рис. 16)	Крыловидный (табл. XXVI, рис. 17)	Листовидный (табл. XXVI, рис. 11)
12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—
—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—
—	1	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	—	—	—
—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	1	2	—	—	—	7	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—
—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	1	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	2	3	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—

Места находок, номера курганов, погребения	Каменные: Зажимные	Бронзовые: Втульчатые								Бронзовые: Черешковые
	Треугольный (табл. XXVI, рис. 1)	Трехперый треугольный (табл. XXVI, рис. 2)	Трехперый овальный (табл. XXVI, рис. 3)	Челночковый (табл. XXVI, рис. 4)	Овальный (табл. XXVI, рис. 5)	Ромбический (табл. XXVI, рис. 6)	Ромбический шипастый (табл. XXVI, рис. 7)	Пирамидальный шипастый (табл. XXVI, рис. 8)	Пулевидный (табл. XXVI, рис. 9)	Трехперый (табл. XXVI, рис. 10)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Тесь, Большой курган . .	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Новоселово	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ачинск (Проскуряков) . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Тагарский о-в (Клеменц), № 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого . . .	1	14	1	1	1	6	2	1	1	1
Параллели из находок										
Ольвия, VI в., скифск. погр.	—	×	—	—	—	—	—	×	—	—
Ольвия, VI—V вв.	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—
Земля Бобовича, VI—V вв.	—	×	—	—	—	—	—	×	—	—
Ольвия, V в., М. погр. . .	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—
Чигир. курган, V в. . . .	—	×	—	—	—	—	—	×	—	—
Курганы степного Крыма, V в.	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—
Келермес, VII—VI вв. . .	—	—	×	—	×	×	×	×	—	—
Жаботин, VII—VI вв. . .	—	—	—	—	—	×	×	—	—	—
Журовка, VI в.	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—
Мельгуновск., VII—VI вв.	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—
Скоробор, V в.	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—
Цимбалка, VI в.	—	—	—	—	—	—	×	×	—	—
Покровка, V в.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Блуменфельд, V в.	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—
Цукурск. могильн., VI в.	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—
Ульский аул, VI в. . . .	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—
Елизаветинское, V в. . .	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—
Владиславовка, IV в. . .	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—
Шульговка, V в.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Чмырева мог., V в. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Таблица Д (продолжение)

Костяные														Железные	
Втульчатые					Черешковые							Зажимные		Черешковые	
Конический	Пулевидный (табл. XXVI, рис. 12)	Трехгранный (табл. XXVI, рис. 13)	Четырехгранный (табл. XXVI, рис. 14)	Пирамидальный (табл. XXVI, рис. 15)	Плоский (табл. XXVI, рис. 22)	Плоский вырезной (табл. XXVI, рис. 23)	Плоский сглаженный (табл. XXVI, рис. 24)	Четырехгранный (табл. XXVI, рис. 18)	Обелисковый шипастый (табл. XXVI, рис. 19)	Обелисковый I (табл. XXVI, рис. 20)	Обелисковый II (табл. XXVI, рис. 21)	Вильчатый (табл. XXVI, рис. 16)	Крыловидный (табл. XXVI, рис. 17)	Листовидный (табл. XXVI, рис. 11)	
12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	
—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	1	—	—	
1	1	10	10	2	2	4	8	17	2	1	5	2	1	1	
в скифских курганах															
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

ТАГАРСКИЕ

Места находок, номера курганов, погребения	Бронзовые: Дугообразно: Вкладышевый (табл. XXIII, рис. 1)	Фигурный I (табл. XXIII, рис. 2)	Фигурный II (табл. XXIII, рис. 3)	Однодырчатый (табл. XXIII, рис. 4)	Двудырчатый (табл. XXIII, рис. 5)	Трехдырчатый (табл. XXIII, рис. 6)	Кольчатый (табл. XXIII, рис. 12)	Однопетельный (табл. XXIII, рис. 7)	Двупетельный (табл. XXIII, рис. 8)	Трехпетельный (табл. XXIII, рис. 9)	Трубчатый (табл. XXIII, рис. 10)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Узун-Оба, № 5	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
» » № 6	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—
Оз. Кызыл-Куль, № 1, I	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—
» » № 2, II	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» » № 2, IV	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
» » № 3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Абаканская Управа 1899 г., № 1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
» » 1899 » № 2, I	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Джесос, № 14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Самохвал, 1898 г., № 3, I	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» 1898 » № 4, I	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
» 1898 » № 10	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Тагарский о-в, 1895 г., № 1, I	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
» » 1895 » № 2, I	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» » (Клеменц), № 2	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Тагарское оз., № 32, I	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
» » № 33, I	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
» » № 35, I	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
» » «Большой курган»	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Кривая I, № 2, I	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
» I, № 4, I	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
» II, № 1, I	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» II, № 2, I	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Усть-Тесь, № 2, I	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
» № 2, III	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Кочергино, № 1, II	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
» № 2, II	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
» № 2, III	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
» № 3, I	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
» № 3, III	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—

НОЖИ

Таблица Е

| Железные | | |

Места находок, номера курганов, погребения	Б р о н										
				Дугообразно							
	Вкладышевый (табл. XXIII, рис. 1)	Фигурный I (табл. XXIII, рис. 2)	Фигурный II (табл. XXIII, рис. 3)	Однодырчатый (табл. XXIII, рис. 4)	Двудырчатый (табл. XXIII, рис. 5)	Трехдырчатый (табл. XXIII, рис. 6)	Кольчатый (табл. XXIII, рис. 12)	Однопетельный (табл. XXIII, рис. 7)	Двупетельный (табл. XXIII, рис. 8)	Трехпетельный (табл. XXIII, рис. 9)	Трубчатый (табл. XXIII, рис. 10)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Кочергино, № 4, V	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
» № 6, I	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» № 7, I	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
» № 7, III	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Тесь I, № 2, IV	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
» I, № 3, III	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
» I, № 4, I	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» I, № 4, II	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
» I, № 4, V	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Усть-Сыда, № 1, I	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
» № 3, I	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
» № 3, III	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
» № 5, II	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
» № 5, III	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Сыда, № 1, III	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
» № 1, IV	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
» № 2, I	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
» № 3, I	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
» № 3, IV	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» № 3, VI	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
» № 5, IX	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
» № 5, XIII	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
» № 6, III	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
» № 7, IV	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
» № 9, I	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
» № 10, I	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
» № 10, IV	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Быстрая (Клеменц), № 5	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Быстрая (Киселев), № 3, I	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Откнинский к. № 1	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
» » № 2, III	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Биря курган	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Новоселовское, курган	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—

Таблица Е (продолжение)

Бронзовые													Железные	
обушковые					Змейчатообушковые								Дугообразнообушковые	
Дужковый (табл. XXIII, рис. 11)	Сердечковый (табл. XXIII, рис. 14)	Ажурный (табл. XXIII, рис. 13)	Пестиковый (табл. XXIII, рис. 15)	Крючковый (табл. XXIII, рис. 16)	Однодырчатый I (табл. XXIII, рис. 18)	Однодырчатый II (табл. XXIII, рис. 19)	Трехдырчатый (табл. XXIII, рис. 20)	Однопетельный (табл. XXIII, рис. 21)	Двупетельный (табл. XXIII, рис. 22)	Прорезной (табл. XXIII, рис. 23)	Дужковый (табл. XXIII, рис. 17)	Гладкий (табл. XXIII, рис. 24)	Крючковый (табл. XXIII, рис. 26)	Кольчатый (табл. XXIII, рис. 25)
13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—

Места находок, номера курганов, погребения	Бронзовые										
							Дугообразно				
	Вкладышевый (табл. XXIII, рис. 1)	Фигурный I (табл. XXIII, рис. 2)	Фигурный II (табл. XXIII, рис. 3)	Однодырчатый (табл. XXIII, рис. 4)	Двудырчатый (табл. XXIII, рис. 5)	Трехдырчатый (табл. XXIII, рис. 6)	Кольчатый (табл. XXIII, рис. 12)	Однопетельный (табл. XXIII, рис. 7)	Двупетельный (табл. XXIII, рис. 8)	Трехпетельный (табл. XXIII, рис. 9)	Трубчатый (табл. XXIII, рис. 10)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Саргов, I, № 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» I, № 5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
» I, № 12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» II, № 1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» II, № 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Абаканская Управа, 1898 г. № 1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
» » 1898 » № 2	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
» » 1898 » № 3	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Тесь, Большой курган	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Тесь, курган Аспелина	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Барандат курган	—	—	—	10 мин.	—	—	1 мин.	11 мин.	—	—	—
Уйбат курган (Клеменц)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Частоостровское, № 1	—	—	—	5 мин.	—	—	—	5	1	—	—
» № 3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Убиенка, № 3	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—
Суэтук курган	—	—	—	1 мин.	—	—	—	—	—	—	—
Назаровское, курган	—	—	—	2 мин.	—	—	—	—	—	—	—
Красноярск (Проскуряков)	—	—	—	6 мин.	—	—	—	2 мин.	—	—	—
Красноярск (Карцов)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Новоселовское, курган	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—
Кызыл-Куль, № 8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Малая Иня, № 1, II	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
» » № 2, I	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
» » № 2, II	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» » № 3, II	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
» » № 4	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—
» » № 5, I	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» » № 5, II	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
» » № 6, I	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
» » № 6, II	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
» » № 15, II	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Итого	5	2	1	55	2	3	5	53	1	1	3

Таблица Е (продолжение)

Бронзовые													Железные	
обушковые					Змейчатообушковые								Дугообразно-обушковые	
Дужковый (табл. XXIII, рис. 11)	Сердечковый (табл. XXIII, рис. 14)	Ажурный (табл. XXIII, рис. 13)	Шестиковый (табл. XXIII, рис. 15)	Крючковый (табл. XXIII, рис. 16)	Однодырчатый I (табл. XXIII, рис. 18)	Однодырчатый II (табл. XXIII, рис. 19)	Трехдырчатый (табл. XXIII, рис. 20)	Однопетельный (табл. XXIII, рис. 21)	Двупетельный (табл. XXIII, рис. 22)	Прорезной (табл. XXIII, рис. 23)	Дужковый (табл. XXIII, рис. 17)	Гладкий (табл. XXIII, рис. 24)	Крючковый (табл. XXIII, рис. 26)	Кольчатый (табл. XXIII, рис. 25)
13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	1	—	—	—	5	—	—	—	1	—	—	—	—
1	—	—	—	—	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
1 мин.	—	1	—	—	3 мин.	—	—	1 мин.	—	—	1 мин.	1 мин.	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1 мин.	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	3	—	—	—	—	1	—	—	—
1 мин.	—	—	—	1 мин.	7 мин.	—	—	—	—	—	2 мин.	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3 мин.	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	1 мин.	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 мин.	—	—
2	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
8	1	2	1	1	17	18	2	2	1	1	8	4	1	2

ТАГАРСКИЕ

Глиняные

Места находок, номера курганов, погребения	Плоскодонные				
	Баночный (табл. XXVII, рис. 1, 2, 3, 5, 6, 7, 9, 13)	Эллипсоидный I (табл. XXVII, рис. 20)	Эллипсоидный II (табл. XXVII, рис. 21)	Баночный плечный (табл. XXVII, рис. 4)	Конический (табл. XXVII, рис. 10–12, 15–19)
1	2	3	4	5	6
Кара-Курген, № 4	1	—	—	—	1
Узун-Оба, № 5, II	—	—	—	—	1
Кызыл-Куль, № 8	—	—	—	—	1
Самохвал, 1898 г., № 3	1	—	—	—	1
» 1898 г., № 9	1	—	—	—	1
Тагарский о-в, № 42	1	—	—	—	1
Тагарское оз., № 33, II	—	—	—	—	1
Кривая I, № 1, II	1	—	—	—	1
» I, № 2, I	1	—	—	—	1
» I, № 2, II	1	—	—	—	1
» I, № 5, I	1	—	—	—	1
» I, № 5, II	1	—	—	—	1
Тагарский о-в, № 1	1	—	—	—	1
Усть-Тесь, № 1, II	—	—	1	—	1
» » № 2, I	—	—	—	—	1
» » № 2, II	—	—	—	—	1
» » № 3, II	—	—	1	—	1
» » № 3, III	—	—	—	—	1
» » № 4, I	—	—	—	—	1
» » № 4, II	—	—	—	—	1
» » № 5, I	—	—	—	—	1
» » № 5, III	—	—	—	—	1
» » № 5, IV	—	—	—	—	1
Кочергино, № 1, I	1	—	—	—	1
» № 2, I	1	—	—	—	1
» № 2, II	1	—	—	—	1
» № 2, III	1	—	—	—	1
» № 3, I	1	—	—	—	1
» № 3, II	1	—	—	—	1
» № 4, V	1	—	—	—	1
» № 6, I	1	—	—	—	1
» № 7, I	1	—	—	—	1
» № 7, II	1	—	—	—	1
» № 7, III	1	—	—	—	1
» № 8, I	1	—	—	—	1

Таблица Ж

СОСУДЫ

няные							Бронзовые	Каменные	
С коническим поддоном				Круглодонные			Плоскодонные	С поддоном	Плоскодонные
Эллипсоидный (табл. XXVII, рис. 29)	Рюмковидный (табл. XXVII, рис. 33)	Котловидный I (табл. XXVII, рис. 30)	Котловидный II (табл. XXVII, рис. 32)	Полусферический (табл. XXVII, рис. 27)	Черепковый (табл. XXVII, рис. 26)	Усеченно-конический (табл. XXVII, рис. 28)	Зонный (табл. XXVII, рис. 23)	Чашевидный (табл. XXVII, рис. 25)	Кубический (табл. XXVII, рис. 31)
7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	3	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	4	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	1	—	—	—	1	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Места находок, номера курганов, погребения	Гли				
	Плоскодонные				
	Баночный (табл. XXVII, рис. 1, 2, 3, 5, 6, 7, 9, 13)	Эллипсоидный I (табл. XXVII, рис. 20)	Эллипсоидный II (табл. XXVII, рис. 21)	Баночный плечный (табл. XXVII, рис. 4)	Конический (табл. XXVII, рис. 10–12, 15–19)
1	2	3	4	5	6
Кочергино, № 9, I	1	—	—	—	1
» № 9, II	1	—	—	—	1
Тесь I, № 2, III	1	—	—	—	1
» » № 2, IV	1	—	—	—	1
» » № 3, I	1	—	—	—	1
» » № 3, II	1	—	—	—	1
» » № 4, I	1	—	—	—	1
» » № 4, III	1	—	—	—	1
Тесь II, № 1, I	1	—	—	—	1
» II, № 2, I	1	—	—	—	1
Усть-Сыда, № 1, I	1	—	—	—	1
» » № 1, II	1	—	—	—	1
» » № 3, II	1	—	—	—	1
» » № 4, II	1	—	—	—	1
» » № 4, III	1	—	—	—	1
» » № 5, I	1	—	—	—	1
» » № 5, II	1	—	—	—	1
» » № 5, III	1	—	—	—	1
ыда, № 1, II	1	—	—	—	1
» № 1, III	1	—	—	—	1
» № 1, IV	1	—	—	—	1
» № 1, VII	1	—	—	—	1
» № 3, I	1	—	—	—	1
» № 4, II	1	—	—	—	1
» № 5, IV	—	—	—	—	1
» № 5, IX	1	—	—	—	1
» № 5, X	1	—	—	—	1
» № 5, XII	—	—	1	—	1
» № 5, XIII	5	—	—	—	1
» № 6, II	1	—	—	—	1
» № 6, III	1	—	—	—	1
» № 7, I	1	—	—	—	1
» № 7, III	1	—	—	—	1
» № 8, I	1	—	—	—	1
» № 8, II	1	—	—	—	1
» № 8, III	1	—	—	—	1

Таблица Ж (продолжение)

няные							Бронзовые	Каменные	
С коническим поддоном				Круглодонные			Плоскодонные	С поддоном	Плоскодонные
Эллипсоидный (табл. XXVII, рис. 29)	Рюмковидный (табл. XXII, рис. 33)	Котловидный I (табл. XXVII, рис. 30)	Котловидный II (табл. XXVII, рис. 32)	Полусферический (табл. XXVII, рис. 27)	Черепковый (табл. XXVII, рис. 26)	Усеченно-конический (табл. XXVII, рис. 28)	Зонный (табл. XXVII, рис. 23)	Чашевидный (табл. XXVII, рис. 25)	Кубический (табл. XXVII рис. 31)
7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Места находок, номера курганов, погребения	Глиняные плоскодонные				
	Баночный (табл. XXVII, рис. 1, 2, 3, 5, 6, 7, 9, 13)	Эллипсоидный I (табл. XXVII, рис. 20)	Эллипсоидный II (табл. XXVII, рис. 21)	Баночный плечный (табл. XXVII, рис. 4)	Конический (табл. XXVII, рис. 10—12, 15—19)
1	2	3	4	5	6
Сыда, № 9, I	1	—	—	1	1
» № 9, II	1	—	—	—	1
» № 10, I	1	—	—	—	1
» № 10, II	1	—	—	—	1
» № 10, III	1	—	—	—	1
» № 10, IV	1	—	—	—	1
Быстрая, № 1, I	1	—	—	—	1
» № 1, II	1	—	—	—	1
» № 2, I	1	—	—	—	1
» № 2, III	1	—	—	—	1
» № 3, II	1	—	—	—	1
» № 3, III	1	—	—	—	1
Малая Иня, № 1, I	1	—	—	—	1
» » № 3, I	—	—	—	—	1
» » № 3, II	—	—	—	—	1
» » № 4	—	—	—	—	1
Абаканская Управа, 1898 г., № 1, I	1	—	—	—	1
» » 1898 » № 2	1	—	—	—	1
» » 1898 » № 3, II	—	—	—	—	1
» » 1898 » № 4, II	—	—	—	—	1
» » 1898 » № 5, III	—	—	—	—	1
Тесь, Большой курган	16	—	—	—	1
Большой курган Аспелина	—	—	—	—	1
Барандат	—	—	—	—	1
Частоостровское, № 1	1	—	—	—	1
Назаровское, № 1	—	—	—	—	1
Биря	—	1	—	—	1
Саргов, I, № 4	1	—	—	—	1
» I, № 7	1	—	—	—	1
Саргов, II, № 1	4	—	—	—	1
» II, № 4	2	—	—	—	1
Итого	100	1	3	1	102

Таблица Ж (продолжение)

няные							Бронзовые	Каменные	
С коническим поддоном				Круглодонные			Плоскодонные	С поддоном	Плоскодонные
Эллипсоидный (табл. XXVII, рис. 29)	Рюмковидный (табл. XXVII, рис. 33)	Котловидный I (табл. XXVII, рис. 30)	Котловидный II (табл. XXVII, рис. 32)	Полусферический (табл. XXVII, рис. 27)	Черепковый (табл. XXVII, рис. 26)	Усеченно-конический (табл. XXVII, рис. 28)	Зонный (табл. XXVII, рис. 23)	Чашевидный (табл. XXVII, рис. 25)	Кубический (табл. XXVII, рис. 31)
7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	4	—	5	—	—	—	—	—	—
—	—	—	1	—	—	—	1	1	—
—	—	—	5	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	19	1	11	1	2	2	1	1	1

Таблица 3

ТАГАРСКИЕ ЗЕРКАЛА

Места находок, номера курганов, погребения	Бронзовые						
	Дисковидные						Медалеобразные
	Дужковое	Дужковое — закрайное	Дужковое — миниатюрное	Гвоздковое	Петельное	Кнопковое	Фигурное
1	2	3	4	5	6	7	8
Кара-Курген № 2, I	1	—	—	—	—	—	—
Узун-Оба № 5, II	1	—	—	—	—	—	—
» » № 6, II	1	1	—	—	—	—	—
Кызыл-Куль, № 1, I	1	—	—	—	—	—	—
» » № 2, IV	—	—	1	—	—	—	—
» » № 8	—	—	1	—	—	—	—
Абаканская Управа 1899 г., I, № 2, I	1	—	—	—	—	—	—
» » 1899 » № 3, I	1	—	—	—	—	—	—
» » 1899 » II, № 1, I	1	1	—	—	—	—	—
Самохвал № 5, I	1	1	—	—	—	—	—
» № 8, I	1	—	—	—	—	—	—
» № 10	1	—	—	—	—	—	—
Тагарский о-в, № 3, I	1	—	—	—	—	—	—
» » № 42	1	—	3	—	—	—	—
Тагарское оз., № 32, I	1	—	—	—	—	—	—
» » № 33, I	1	—	—	—	—	—	—
» » № 35, I	1	—	—	—	—	—	—
Усть-Тесь, № 1, I	1	—	—	—	—	—	—
» » № 1, II	1	—	—	—	—	—	—
» » № 2, I	1	—	—	—	—	—	—
» » № 2, II	1	—	—	—	—	—	—
» » № 4, II	1	—	—	—	—	—	—
Кочергино, № 1, II	1	—	—	—	—	—	—
» № 2, II	1	—	—	—	—	—	—
» № 4, V	1	—	—	—	—	—	—
» № 7, I	1	—	—	—	—	—	—
» № 9, I	1	—	—	—	—	—	—
Усть-Сыда, № 1, II	1	—	—	—	—	—	—
» » № 3, I	1	—	—	—	—	—	—
» » № 3, III	1	—	—	—	—	—	—
» » № 4, II	1	—	—	—	—	—	—
» » № 4, III	1	—	—	—	—	—	—
Сыда, № 5, IX	1	—	—	—	—	—	—
» № 5, X	1	—	—	—	—	—	—
» № 5, XII	1	—	—	—	—	—	—
» № 5, XIII	1	—	—	—	—	—	—

Таблица 3 (продолжение)

Места находок, номера курганов, погребения	Бронзовые						
	Дисковидные						Медалеобразные
	Дужковое	Дужковое — закрайное	Дужковое — миниатюрное	Гвоздковое	Петельное	Кнопковое	Фигурное
1	2	3	4	5	6	7	8
Сыда, № 6, I	1	—	—	—	—	—	—
» № 6, II	1	—	—	—	—	—	—
Узунжул	1	—	—	—	—	—	—
Саргов, I, № 1	—	—	—	—	—	—	—
» № 2	—	—	1	—	—	—	—
» № 12	1	1	—	—	—	—	—
Саргов, II, № 1	1	—	2	—	—	—	—
» № 4	1	—	—	—	—	—	—
Малая Иня, № 2, II	1	—	1	—	—	—	—
» » № 3, II	1	—	—	—	—	—	—
» » № 4	1	—	—	—	—	—	—
» » № 5, I	1	—	1	—	—	—	—
» » № 6, I	1	—	1	—	—	—	—
» » № 6, II	—	—	1	—	—	1	—
Тесь, Большой курган	—	—	3	—	—	—	—
Барандат	14	—	4	1	—	2	5 мин.
Убиенка, № 3	1	—	—	—	—	—	—
Частоостровское, № 1	7	—	20	—	—	2	—
Назаровское	—	—	7	—	1	1	4 мин.
Ачинск (Проскуряков)	1	—	3	—	—	2	1 мин.
Большой курган Аспелина	—	—	—	—	—	—	1 мин.
Итого	68	4	49	1	1	8	11 мин.

И. ВИДЫ ПОГРЕБЕНИЙ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ [1]

I

Невысокая насыпь с четыреугольной оградкой, квадратной или удлиненной с севера на юг (часты отклонения на восток и запад). По углам и серединам восточной и западной сторон оградок поставлены крупные камни, на которых иногда высечены изображения людей и животных

[1] Киселев С. В. Материалы 1928 г. и неизданные 1929 и 1931 гг.; Спицын А. А. Коллективные погребения (о раскопках Боголюбского и Оссовского); его же. О раскопках Проскурякова (ОАК за 1895 г.); Адрианов А. В. Выборки из дневников. Минусинск, 1902—1924; Merhart G. Beiträge zur Urgeschichte. SMYA, XXXIV—1; Tallgren A. Trouvailles tombales Sibériennes en 1889; рукописные отчеты С. А. Теплоухова (хранятся в Архиве ИИМК АН СССР за 1924 г., дело № 55 и за 1926 г., дело № 64); рукописный отчет Д. Клеменца о раскопках в Уйбатской степи в 1889 и 1890 гг. (хранится в Архиве ИИМК АН СССР, дело № 23 за 1888 г.).

и знаки. Во всех погребениях встречено исключительно индивидуальное трупоположение и очень редко коллективное (взрослых не больше трех, с детьми не больше пяти).

Варианты конструкций погребальных камер:

А. Могильные ямы ничем не укреплены, покрыты плитами, положенными на продольные лиственничные балки. Очень редки в покрытии бревна, обычно комбинированные с плитняком. На дне поставлены невысокие срубы, меньших размеров, чем яма.

Сооружены исключительно в первой стадии: Кара-Курген, курган № 2, I, II; Узун-Оба, № 2, 4; Кызыл-Куль, № 1, № 2, I, № 3; Абаканская Управа 1899 г., гр. I, № 1, I—IV, № 2, I, V, № 4, II, № 5, I, II; гр. II, № 1, I, II, № 2, I; Джесос, № 23; Самохвал 1891 г., № 1, № 4, № 6; Самохвал 1898 г., № 1, I, № 2, II, № 3, I, II, № 4—8; Тагарский о-в 1895 г., № 3, I, II, № 2, I, III, № 6, I, II; Тагарское озеро, № 32, I, II, № 33, I, № 34, № 35, I; Абаканская Управа 1898 г., № 4, I — раск. Адрианова; Кривинское, гр. I, № 2, I, № 4, № 5, I, II; гр. II, № 1, I, II, № 2, I, II; Тагарский о-в, № 1, № 2; Усть-Тесь, № 1—4; Кочергино, № 1—9; Тесь, гр. I, № 2, I—IV, № 3, I, № 4, I—V; гр. II, № 1, 2; Усть-Сыда, № 1—5, Сыда, № 1, I—III, № 2, № 3, I, II, III, № 4, I, II, № 5, XI, XII, № 6, № 7; Быстрая, № 2, № 3 — раск. Киселева. Оз. Горькое, могилы № 8—10 и оз. Подгорное курган № 1, 2 и 3, I — раск. Теплоухова 1924 и 1926.

Б. Могильные ямы покрыты и обставлены по стенам плитами в виде ящиков. Сооружались только в первой стадии.

Взрослые. Кара-Курген, № 3, № 4; Абаканская Управа 1899 г., гр. I, № 3, I, IV, № 4, I, III; гр. II, № 2, V; Джесос, № 14, № 21; Самохвал 1896 г., № 2, № 3; Самохвал 1898 г., № 2, I, № 4, I, III, IV, № 5, I, II, № 9, № 10; Тагарский о-в 1895 г., № 1, I— раск. Адрианова; Кривинское, гр. I, № 1, I, II; Усть-Тесь, № 5; Тесь, гр. I, № 3, II, № 11; Сыда, № I, IV, V, № 3, III, IV, № 5, IX; Быстрая, № 1 — раск. Киселева.

Детские. Усть-Тесь, № 2, IV, № 3, IV, V; Кочергино, № 1, III, № 3, III, № 4, II, III; Тесь, гр. I, № 3, III—V, № 4, VI; Усть-Сыда, № 5—1; Сыда, № 3, V, VII, № 4, III; Быстрая, № 2, IV — раск. Киселева.

В. Могильные ямы не покрыты. В них нет ни срубов, ни ящиков. Только в первой стадии: Кызыл-Куль, № 3; Джесос, № 4 — раск. Адрианова; Кривинское, № 2, II — раск. Киселева.

Г. Четыреугольные ящики из плит (покрытые плитами), поставленные на горизонте, в насыпи. Все детские, только в первой стадии: Сыда, № 5, I—VIII, Кривинское, I, № 2 — раск. Киселева.

II

Внешнее строение кургана отличается от типа I наличием боковых оградок меньших размеров, примыкающих к центральным. Обрядовость та же. Могильные ямы вариантов А и Б встречаются вместе. Только первая стадия: Сыда, № 3—10—раск. Киселева.

III

Курганы высокие. Ограды имеют камни по углам и серединам всех четырех сторон.

Варианты конструкций и обряда в погребальных камерах:

А. В ямах, покрытых накатами и укрепленных по стенкам доходящими доверху срубами, остатки 2—10 костяков, похороненных после освобождения от мышечной ткани. Кости в беспорядке. Черепа обычно сложены в кучи. Только во второй стадии: Тагарский о-в, № 47, III, IV; Тагарское озеро, № 33, II, № 35, II; «Большой курган»; Малая Иня, № 5, I, II; Кара-Курген, № 1, II; Абаканская Управа 1898 г., № 1 — раск. Адрианова; Тесь, «Большой курган»; Сыда, № 5, X, XIII — раск. Киселева.

Б. Внешний вид, как у типа III А. В непокрытой ничем яме невысокий сруб меньших размеров, содержащий трупоположения небольших коллективов (взрослых не более 8). Только вторая стадия: Кызыл-Куль, № 2, II — раск. Адрианова; Чартыков, Хакасской АО— раск. Липского.

В. Ямы обширны, укреплены высокими срубами и покрыты накатами и берестой. В ямах остатки значительного числа трупов (до 140). Только во второй стадии: Карымское и Татарское Красноярского края — раск. Проскурякова; Назаровское, Ачинского окр.— раск. Клеменца; Аскыровка, ст. Камышта, Хакасской АО—раск. Липского.

IV

Курганы высокие. В пределах Минусинского края обычно имеют оградки с высокими камнями. Расположенные в Красноярском, Ачинском и Мариинском округах оградок лишены. Ямы обширны, укреплены высокими срубами и покрыты накатами и берестой. В ямах остатки множества сожженных трупов (до 50 человек). Только во второй стадии: Малая Иня, № 1—4, № 6 — раск. Адрианова; курган, раскопанный Боголюбским; Барандат, Мариинского округа, «курган за поскотиной»—раск. Оссовского. «Военный городок», курган 1928 г., с. Эсаульское, курган 1929 г.— раск. Карцова.

V

А. Высокий курган с четыреугольной оградкой. Яма очень обширна и глубока (7×7×4 м) По стенам она укреплена высоким срубом. Покрыта бревнами и берестой. На дне остатки 109 костяков, похороненных после освобождения от мышечной ткани. Черепа трепанированы, обмазаны глиной; на некоторых гипсовые раскрашенные маски. Третья стадия — Кызыл-Куль, курган № 8 — раск. Адрианова.

Б. Курган особенно велик (до 8 м). От оградки остались лишь отдельные плиты. Яма обширна и глубока (6×8×5 м). Ее стенки укреплены только в нижней части. Покрытие образует берестяной настил, поддерживаемый бревенчатыми стояками. Над настилом устроен из толстого слоя бересты куполообразный свод. В могиле следы обжига стен, обгорелая береста, зола и уголь. В центральной части показались плиты. Клеменц считает их остатками ящиков для главных покойников. Остальные сожженные, обгорелые и необожженные останки лежали по дну могильной ямы. По мнению Клеменца, яма после заполнения была обложена по стенкам берестой и хворостом и зажжена. При останках найдены глиняные сосуды, железные орудия, бронзовые, золотые и глиняные украшения и терракотовые маски. Все эти находки и в особенности обряд весьма напоминают позднейшие таштыкские. Очевидно, относимые сюда Большой курган у с. Тесь, раскопанный Аспелином, и Уйбатский курган, раскопанный Клеменцом, принадлежат к наиболее поздним из тагарских.

VI

Округлая земляная насыпь высотой до 1 м. В ней заключена четыреугольная оградка 9×8 м, сложенная из хорошо пригнанных, положенных плашмя плиток. Высота ограды до 1 м. Ширина ее кладки — 1—1.6 м. В центре огороженного пространства открылась погребальная яма в 4×4×0.8 м. Ее стенки укрепил сруб из лиственничных бревен. Бревнами же был выстлан пол и потолок. Сверху, помимо наката, погребальную камеру укрыли берестой. Стены, пол и провалившийся потолок были сильно обуглены. На дне камеры найдены в большом количестве жженые кости человека, угли, железные шлаки, черепки от глиняных сосудов с коническим поддоном и обломки бронзовых изделий. К этому типу относится раскопанный Теплоуховым около оз. Горького курган № 14. Его конструкция, особенно сложенная из плитняка стенка ограды, ставит его между тагарскими и таштыкскими погребальными сооружениями.

3. ПЕРВАЯ СТАДИЯ

КУРГАНЫ И ИХ ИНВЕНТАРЬ

Как показывают приведенные в приложении сводки, основным видом древнетагарского кургана является сравнительно небольшая земляная насыпь, эллиптическая в плане (высота до 1.5 м, наибольший диаметр, чаще с севера на юг,— до 20 м). На этой насыпи расположена четыреугольная оградка из поставленных на ребро плит, вытянутая с севера на юг, точной ориентировкой всегда совпадающая с направлением могильных ям. Размеры оградок различны. Они зависят от величины диаметров насыпей. Они меньше насыпей на 2—3 м. По углам, а иногда и посредине стенок, особенно западных и восточных, поставлены крупные обломки плит, нередко достигающие 1—1.5 м высоты (вид I). Изредка встречаются курганы, у которых к основной, большой оградке примыкает меньшая, боковая, также с камнями по углам (вид II). Вполне возможно предполагать, что боковые оградки тагарских курганов являются пережитками, восходящими к карасукской культуре, в эпоху которой было особенно распространено «обстраивание» центральных могильных оградок боковыми. Вместе с тем нельзя считать одни только тагарские курганы с боковыми оградками древнейшими из всех изученных в настоящее время. Их инвентарь, обрядовость и конструкция погребальных камер ничем не отличаются от обнаруженных под насыпями типа I и относятся ко времени, когда новая культура уже вполне сформировалась. В переходный же карасукско-тагарский период вероятнее ожидать продолжения бытования маленьких карасукских курганов с квадратной оградкой, подобных тому, в котором я нашел около с. Быстрой в 1929 г. вместе с карасукской бронзой тагарскую керамику.

Под насыпями курганов обоих типов всегда находились погребения в ямах. Лишь изредка (4%) дети хоронились в четыреугольных ящиках из плит, поставленных в насыпи, на горизонте. Ямы четыреугольны и имели в длину от 0.6 до 3 м, в ширину от 0.35 до 2 м и в глубину от 0.35 до 1.3 м. В длину большинство из них ориентировано с запада на восток с отклонениями к югу и северу (94%) и совсем немного с севера на юг (6%). Последняя ориентировка встречалась лишь в тех случаях, когда площадь кургана, уже занятая могилами, не позволяла устраивать новые с нормальной ориентировкой.

На дне большинства ям (66%), обычно ничем не укрепленных, покрытых плитами, положенными на продольную балку, или, что очень редко, бревенчатым накатом с плитами, устанавливались срубы в один или два венца лиственничных бревен, рубленных в лапу, иногда покрывавшиеся тонкими жердями или плашками. Полом обычно служил грунт, редко обработанные теслом доски. Срубы иногда с боков обставлялись мелкими, песчаниковыми плитками. Реже встречаются могильные ямы, не только покрытые, но и обставленные по стенкам плитами в виде ящика, подобно господствующим в карасукских погребениях (27%). Замечено

что большинство детских погребений (исключая помещенные в ящики, стоящие на горизонте) имеет ямы, выложенные плитами,— ямы-ящики (8%). Совершенно незначительно число тагарских погребений в непокрытых ямах, без сруба или ящика (3%).

Все описанные конструкции погребальных камер должны считаться одновременными. В том убеждает не только одинаковость заключенных в них инвентарей, но и частое нахождение в одном кургане двух, а то и всех трех конструктивных вариантов. Однако ящичную конструкцию можно считать пережиточной, связанной с типом погребений, характерным для предшествующей, карасукской культуры.

Наблюдения во время раскопок позволяют представить в следующем виде картину сооружения древнейших тагарских курганов. Сначала делали оградку, плиты которой врывали в грунт. На то, что могилы вырывались после сооружения оградки, указывают упомянутые выше случаи нарушения основного направления в ориентировке могильной ямы при заполнении всей огороженной площади. На это указывает также и встреченное несколько раз расширение оградки для новых могил, не поместившихся в пределах старой площади. Самые могилы, может быть за исключением детских ящиков на горизонте, вырывались до сооружения насыпи. Об этом свидетельствует выкинутая при рытье земля, оказавшаяся на плитах покрытия соседних погребений, а не на вершине кургана. Об этом же свидетельствует и полное отсутствие следов повторных раскопок насыпи для сооружения новых могил, что особенно знаменательно, так как всякие нарушения насыпей, например при проведении кладоискательских мин, видны вполне ясно.

К особенностям тагарских курганов относятся и следы их ограблений, к сожалению, очень частых. Наиболее распространенным приемом является проведение от поверхности кургана узкой вертикальной мины, почти всегда приводившей к середине покрытия. Соответственно этому в большинстве случаев каждое погребение грабили через особый ход. Лишь иногда грабители, пробившись в северное погребение, проникали в центральное и южное через боковые ходы, прорезавшие грунтовые перегородки. Все ограбления были произведены до заполнения погребальной ямы землей, до разрушения балок, поддерживавших покрытия, плиты которых уже потом обрушились вниз, но всегда после освобождения костей от мышечной ткани. Доказательством этому служат те же признаки, которые приводились и выше при обсуждении вопроса об ограблениях погребений карасукской культуры. Но это не все. Имеются факты, позволяющие точнее определить время ограбления тагарских курганов. Прежде всего отмечу очень большую уверенность в проведении мин, всегда отыскивающих погребение, даже не совсем нормально расположенное (например, отыскано крайнее, южное, погребение, бывшее четвертым, а не третьим, как обычно). В этой уверенности, в каком-то «умении видеть сквозь землю» грабители достигли совершенства при ограблении погребений посредством горизонтальных ходов из могилы в могилу. Дело в том, что если северное

погребение, в которое они проникали сверху, было покрыто плитами обычной толщины, сравнительно легко пробиваемыми на весу, то следующие имели покрытия из чрезвычайно толстых и широких плит (толщина до 0.45 м, вес каждой около 4 т), совсем не поддающихся пробиванию. Ведя свои ходы горизонтально под такие плиты, грабители как бы «предвидели» препятствия и, изменив обычный способ, обошли их (Тесь, гр. I, курган № 2). Еще большее «предвидение» обнаружили грабители курганов около с. Кочергино. Здесь обычно в центральной могиле хоронился мужчина, в боковых — женщина. Все мужские погребения были разграблены, женские же в большинстве оказались нетронутыми. Уже этот факт очень знаменателен, однако его еще можно объяснить, например, большой практикой грабителей, имевших случаи убедиться именно в таком расположении погребений. Но тогда совершенно необъяснимым оказывается следующее: в кургане № 2 мужчина положен не в центральной, а в северной яме (погр. № 1), в центральной же положена женщина (погр. № 2). Женское погребение прекрасно сохранилось, мужское основательно разграблено, несмотря на то, что находится не на обычном месте.

Суммирование всех приведенных наблюдений и фактов приводит к заключению о несомненной причастности к ограблению тагарских курганов современников строителей этих курганов, знавших все особенности их конструкции.

Из-за ограблений не всегда можно выяснить все подробности относительно самих погребенных, их положения и ориентировки.

Так, в более чем 400 известных мне, точно описанных погребениях удалось определить 40 мужчин, 45 женщин (1 очень пожилая) и 38 детей от 2 до 12 лет (больше маленьких).

Большинство ям содержало индивидуальные трупоположения, причем в ряде случаев удалось выяснить, что при наличии под насыпью двух или более ям очень редко встречалось рядом несколько мужских погребений. Обычно под одной насыпью находились могилы одного мужчины, одной или двух женщин и иногда детей (семья). Встречаются также и коллективные погребения. Так, мне известны 44 парных (из них определены: 9 — мужчина с женщиной, 5 — женщина с ребенком), 10 тройных (из них определены: 2 — мужчина, женщина и ребенок, 2 — мужчина и две женщины), 1 — четверное (ребенок, юноша и 2 взрослых) и 1 пятерное.

Следует отметить, что все виды коллективных погребений обычно встречаются под одной насыпью с индивидуальными, а в одном кургане в одной оградке оказались 2 парных и 1 индивидуальное.

Господствующим положением погребенных было вытянутое на спине, с руками, вытянутыми вдоль тела. Лишь один мужчина оказался положенным на бок, да однажды встретился ребенок, лежавший скорченно.

Ориентировка головой на запад, с незначительными отклонениями, особенно распространена (75%). Менее часто направление на восток (20.9%) и редко на

север (2%) и юг (2.1%). Заслуживает внимания наличие трепанации на одном черепе из древнейшего тагарского погребения (Тесь, гр. 1, к. № 3, I). Трепанация здесь отлична от встреченной Адриановым на черепах конца тагарской культуры. Два миндалевидных отверстия, расположенных одно над другим, прорезаны не в височной, но в затылочной кости. Однако самый факт находки трепанированного черепа в одном из древнейших тагарских курганов представляет исключительный интерес, позволяя отодвинуть возникновение в Минусинском крае обычая трепанации умерших на много веков вдаль от времени, определявшегося прежде.

Если оценивать тагарские погребения по составу их инвентарей, то ясно выделяются содержащие большое количество вещей и бедные, часто ограниченные парой сосудов да одной-двумя бронзовыми бляшками. Можно назвать ряд погребений женщин, отличающихся разнообразием убранства (диадемы и повязки, украшенные бляшками, на голове, привески и богатые ожерелья на груди, нашивные бляшки по одежде, зеркала у пояса, браслеты на ногах и сбоку или в ногах нож и шило). Выделяется также довольно значительное количество погребений воинов, украшенных теми же повязками с бляшками, небольшими ожерельями и ножными браслетами и вооруженных прикрепленными на поясе кинжалами и ножами, положенными на руки клевцами или боевыми топорами и стрелами с костяными и бронзовыми наконечниками, иногда клавшимися связкой (может быть, в колчане) у локтя левой руки, иногда же раскидывавшимися по одной, вдоль боков покойника, перпендикулярно оси ориентировки. Иногда около кинжалов находились бронзовые изогнутые прутья, концы которых украшены головами животных или копытами. Назначение их неясно; возможно, что они служили украшениями луков. Следует отметить, что вооруженными оказываются не только воины-мужчины, но иногда и положенные с ними женщины.

Особую группу погребений образуют изредка встречающиеся могилы хорошо вооруженных воинов, при которых найдены специальные отличительные знаки — навершия.

Однако все перечисленные виды древних тагарских погребений, если и различаются иногда по количеству положенных с покойником предметов, не могут служить основанием для предположений наличия имущественной разницы отдельных семей. Если рассматривать каждый древнетагарский могильник в целом, сравнивая его с другими, то при очень большой близости их во всех отношениях друг к другу будут заметны отдельные отличия. То это весьма незначительная высота курганной насыпи у одних и гораздо бóльшая высота у соседних (Тесь и Кочергино, Кривая и Тагарское озеро), то это квадратные оградки из высоко выступающих на поверхность плит с 2—3 каменными столбами по углам, то это низкие, еле выступающие над поверхностью кургана плиты оградки, с правильно расположенными по углам и серединам сторон невысокими каменными столбиками (могильники в верховье р. Беи, около ст. Уйбат) и т. д. То же можно наблюдать и в

строении погребальных сооружений, в преимущественном применении в том или ином могильнике определенной ориентировки.

Такие местные различия, как мне кажется, говорят о принадлежности каждого древнетагарского могильника к определенной группе населения, связанной между собой общностью местных традиций. Так как для рассматриваемого времени нет еще доказательств крушения первобытного общинного строя, то уместнее всего в древнетагарских могильниках видеть родовые кладбища, так же близкие друг к другу, как близки друг к другу роды одной или нескольких тесно связанных племенных групп, но так же и отличающиеся один от другого в деталях, как обычно отличаются даже соседние родовые общины.

Постоянной принадлежностью древнетагарских погребений являются сосуды, ставившиеся в головах, реже в ногах покойников, у каждого по паре: большой, обычно баночный, и плошечка, сделанная из нижней части старого сосуда. Последняя помещалась иногда и у пояса. В каждой могиле находятся также и остатки мясной пищи, положенной вместе с погребенным; обычно в ногах лежат кости передней ноги (чаще левой) коровы (или лошади) и барана. Изредка попадаются остатки целой передней четверти туши.

Вещи из погребений первой стадии отличаются аккуратностью выделки и выдержанным единством форм. Среди них особенно характерны:[1]

Кинжалы — бронзовые, крыловидноэфесовые: вкладышевый, фигурный I, валиковый, фигурный II. Позднее — валиковый миниатюрный.

Клевцы — бронзовые, втульчатые: плоскообушный, овальнообушный, гранчатообушный, круглообушный. Позднее — круглообушный уменьшенный, гранчатообушный уменьшенный.

Втоки — бронзовые, втульчатые: клиновидный, конический, пирамидальный, колоколовидный. Из костяных найден конический.

Топоры — бронзовые, проушные: плоскообушный и фигурнообушный.

Наконечники стрел — бронзовые втульчатые: пирамидальный шипастый, пирамидальный, трехперый, трехперый овальный, ромбический, пулевидный; черешковый, трехперый; костяные втульчатые: трехгранный, четырехгранный, пирамидальный, конический, пулевидный; черешковые: плоский, плоский вырезной, четырехгранный, четырехгранный шипастый, обелисковый и обелисковый шипастый, зажимной, вильчатый.

Ножи — бронзовые дугообразнообушные: однодырчатый, двудырчатый, трехдырчатый, кольчатый, однопетельный, двупетельный, трехпетельный, вкладышевый, фигурный I и II, пестиковый, трубчатый.

Шилья первой стадии отличаются правильностью четырехгранного острия и тщательно отделанными ручками, заканчивающимися кольцом, грибовидной, иногда плоской шляпкой или парой примкнутых друг к другу шариков. Шилья

[1] Описание кинжалов, клевцов, втоков, топоров, наконечников стрел, ножей, зеркал и керамики см. в Приложении в соответствующих таблицах.

с грибовидной шляпкой весьма близки к скифским юга России. Находят их преимущественно вместе с ножами. Судя по ряду находок, носили их в одном кожаном футляре с ножом.

Удильные крючки, бронзовые.[1]

Серп бронзовый, совершенно аналогичный массе найденных случайно на полях Минусинского края. Характерно, что он был положен при женщине.[2]

Иглы бронзовые,[3] частично находят в погребениях согнутые крючком. Находка в кургане № 7 около с. Кочергино в 1928 г. выяснила, что в таком виде они применялись для укрепления в ушах серег — маленьких снизок из бус.

Игольник бронзовый[4] лежал вместе с зеркалом у пояса женщины.

Зеркала бронзовые, дисковые, дужковые и дужковые закраинные.

Бляшки бронзовые, штампованные, полушарные. Найдены почти во всех погребениях первой стадии. Служили украшением ременных головных повязок.

Пуговица бронзовая, коническая с ушком внутри.[5]

Бронзовые бусы первой стадии, бочковидные,[6] реповидные[7] и биконические. Последние в большинстве случаев штампованы из листка,[8] и лишь в одном древнейшем погребении встретилась биконическая, литая бусина, сходная с найденным в курганах второй стадии.[9] Тальгрен сближает минусинские биконические бусы со скандинавскими императорского времени.[10] Это неправдоподобно, так как дата минусинских, встреченных только в погребениях второй и первой стадии, значи-

---

[1] Кызыл-Куль, кург. № 1, 2 и «ненумерованный»; Саргов, II, кург. № 1, курган около Новоселова; Джесос, кург. № 23; Самохвал, 1898 г., кург. № 3, 7, 8; 1896 г., кург. № 4; Абаканская Управа, 1899 г., кург. № 2, I, № 3; Кара-курген, кург. № 2, I — раск. Адрианова; Тагарский остров, кург. № 2; Быстрая, кург. № 3— раск. Киселева (К и с е л е в, Материалы, 86); Галактионово, кург. № 8 — раск. Д. Клеменца; улус Баинов, кург. № 3; улус Мохов, кург. № 1; улус Откинский, кург. № 2, кург. № 7, III — раск. Левашовой и Карцова; Тесь I, кург. 3, I — раск. Киселева.

[2] Найден в раск. С. Теплоухова, хранится в Этнографическом музее. (О значении случайных находок серпов — ниже.)

[3] Кочергино, кург. № 7, I, III — раск. С. Киселева (К и с е л е в, Материалы 1928 г., стр. 91); Саргов, II, кург. № 1; Кызыл-Куль, кург. № 2 — раск. Адрианова (ГИМ).

[4] Усть-Тесь, кург. № 2, I — раск. Киселева (хранится в Минусинском музее).

[5] Самохвал, кург. № 5, I — раск. Адрианова (ГИМ).

[6] Кара-курген, кург. № 2, I — раск. Адрианова (ГИМ).

[7] Самохвал, кург. № 2, II — раск. Адрианова 1898 г. (ГИМ); Кочергино, кург. № 2, II, № 4, V, № 9, I; Тесь I, кург. № 2, IV, № 4, III — раск. Киселева (К и с е л е в, Материалы, 89).

[8] Узун-Оба, кург. № 6 — раск. Адрианова (ГИМ); Кривинское I, кург. № 3, № 5; Усть-Тесь, кург. № 1, III, № 3, III, № 4; Кочергино, кург. № 1, I, № 2, № 4, V, № 7, III, № 9, I; Тесь, I, кург. № 4, I — раск. Киселева (К и с е л е в, Материалы, 89); Сухая Ерба, курган; Откинский, кург. № 1—раск. Мерхарта (SMYA, XXXIV—1); Галактионово, кург. № 8 — раск. Клеменца (ГИМ).

[9] Тесь I, кург. № 3, I — раск. Киселева (К и с е л е в, Материалы, 89).

[10] T a l l g r e n A. Trouvailles tombales Sibériennes en 1889. SMYA, XXIX, 1922.

тельно древнее. Кажется более правдоподобным сближение минусинских биконических бус с эллино-скифскими VI в. до н. э.[1]

Бусы из белой пасты имеют вид удлиненных и коротких цилиндриков и тонких колесиков-бисерин. Бусы из розовой и коричневой пасты — только короткоцилиндрические и бисерные.[2] Пастовые бусы всех цветов найдены в тагарских курганах только в первой и второй стадиях. Белые и красные цилиндрические встречаются еще в андроновских и карасукских могильниках.

Стеклянные бусы, цилиндрические и реповидные, а также бисер окрашены в желтоватый, коричневый и голубой цвет.

Бусы из сердолика и *зеленого нефрита*, все боченковидные; встречаются очень редко.[3] Несомненно, что некоторые из них привезены из других областей (например, нефритовые из Прибайкалья).

Пронизки, бронзовые и золотые, трубчатые, свернутые из пластинки или спирально из ленты. Некоторые из бронзовых и все золотые имеют рубчатую поверхность, что роднит их, с одной стороны, с найденными на западе в погребениях андроновской и срубной культур, а с другой, со скифскими из Солохи, Аксютинец и Мастюгина. Гладкие пронизки возможно связывать с бронзовыми трубочками карасукской культуры.[4]

Кроме пронизок, древнейшие тагарские ожерелья дополняли различные *привески*. Наиболее распространенными были вертикальные, короткие низки бус, просверленные когти медведя, клыки волка, лисицы и особенно кабарги.

Последние даже воспроизводились в кости и бронзе и украшались резьбой и скульптурными изображениями, о которых еще придется говорить ниже. Позднее ожерелья дополнялись еще пастовыми и бронзовыми изображениями раковины *Cyprea moneta*.[5]

---

[1] Из Ольвии, хранится в Гос. Эрмитаже («Ольвийская зала»).

[2] Тагарское оз., кург. № 35, II; Саргов II, кург. № 4; Джесос, кург. № 4; Абаканская Управа 1899 г., кург. № 2, I; Узун-Оба, кург. № 6; Самохвал, 1896 г., кург. № 4 — раск. Адрианова; Галактионово, кург. № 6 — раск. Клеменца (хранятся в ГИМ, з. V); Усть-Тесь, кург. №. 1, III, № 2, I, № 3, III, № 4, II, III, № 5, V; Кочергино, кург. № 1, II, № 2, II, №4, V; Тесь I, кург. № 2, IV, № 4, II, III — раск. Киселева (К и с е л е в, Материалы 1928 г., 89—90).

[3] Усть-Тесь, кург. № 5, I; Тесь I, кург. № 4, III— раск. Киселева (К и с е л е в, Матери, алы, 90). Тагарское озеро, кург. № 35; Самохвал, 1896 г., кург. № 1; Узун-Оба, кург. № 5, I — раск. Адрианова (ГИМ, з. V).

[4] Кривинское I, кург. № 4, I; № 5, I; Усть-Тесь, кург. № 1, III, № 2, I, № 3, III, № 4, I, II, III; Кочергино, кург. № 1, II, № 2, II, № 4, V, № 7, III, № 2, I; Тесь I, кург. № 3, II, № 4, III — раск. Киселева (К и с е л е в, Материалы, 90), Саргов II, кург. № 1; Джесос, кург. № 14; Тагарский о-в, 1895 г., кург. № 1, № 6; Самохвал, 1896 г., кург. № 1, № 4; Кара-Курген, кург. № 2, Кызыл-Куль, кург. № 4 — раск. Адрианова; Быстрая, кург. № 3 и № 5; Галактионово, кург. № 6, № 8 — раск. Клеменца (ГИМ, з. V).

[5] Сыда, кург. № 5, XIII — раск. Киселева и найденные случайно, хранящиеся в Минусинском музее.



Изображения животных на предметах тагарского времени (рис. *1—4*, *6—10*, *12—17*—бронза; рис. *5*, *11*, *18*, *19* — кость) из Минусинской котловины

Диадемы бронзовые, пластинчатые с эсовидноизогнутыми концами, соединенными тонким ремешком.[1]

Серьги двух видов — одни состоят из небольшого колечка бус, привешиваемого на согнутой крючком игле, другие составлены из проволочного крючка, иногда затейливо изогнутого змейкой из прикрепленного к крючку конуса. Серьги обоих типов всегда находятся поодиночке. Носились они как женщинами, так и мужчинами.[2]

Перстни первой стадии тагарской культуры очень просты, из согнутой колечком бронзовой проволоки.[3]

Гребни, вырезанные из кости, обычно имеют вид прорезного полудиска с опущенными вниз зубцами. Иногда прорезь фигурная — схематически изображены стоящие друг против друга животные. Плоскости изредка покрывались циркульным орнаментом.[4]

Навершие боевого значка, найденное в погребении у горы Самохвал, имеет вид прорезного остова скифского котла. Он составлен из двух перекрещивающихся в основании дуг, скрепленных вверху и посредине двумя обручами. Внизу имеется втулка для насаживания знака на древко. Сверху, над каждым из четырех концов дуг помещены фигурки стоящих козлов (табл. XX, рис. 13).[5] Подобные значки были дважды найдены и случайно в Минусинском крае.[6]

В том же погребении найден еще один значок. Он имеет вид колокола, насаждавшегося на толстую палку (ее остатки сохранились внутри). В верхней прорези колокола закрепляется штифт, заканчивающийся фигуркой козла, аналогичной фигуркам первого знака (табл. XX, рис. 3). Кажется, что к этому же типу значков должны быть причислены и колоколовидные навершия с фигурками козлов, найденные в Минусинском крае,[7] в Северном Китае [8] и в б. Пермской губернии (табл. XXII, рис. 5 и 6).[9]

Пышность и необычайная конструкция содержавшего значки погребения как бы подчеркивают выдающееся положение при жизни трех положенных в нем покой-

---

[1] Кочергино, кург. № 1, I; Усть-Тесь, кург. № 2, II — раск. Киселева (К и с е л е в, Материалы, 91). Самохвал 1899 г., кург. № 1 — раск. Адрианова (ГИМ, з. V).

[2] Кочергино, кург. № 7, I, III; Сыда, кург. № 7, I — раск. Киселева (Минусинский музей); Тагарское озеро, кург. № 32, I; Тагарский о-в 1895 г., кург. № 1, № 3 — раск. Адрианова (ГИМ, з. V и кладовая Скифского подотдела Гос. Эрмитажа).

[3] Самохвал, кург. № 8 — раск. Адрианова в 1898 г.

[4] Саргов, I, кург. № 12; Самохвал 1896 г., кург. № 4; Кара-курген, кург. № 2, I — раск. Адрианова (ГИМ, з. IV); Усть-Тесь, кург. № 5, V; Сыда, кург. № 7, I — раск. Киселева (Минусинский музей).

[5] Самохвал, курган № 1, I — раск. Адрианова, 1898 г. (ГИМ, з. V).

[6] По 1 экз. хранится в Гос. Эрмитаже и в Минусинском музее.

[7] M a r t i n T. R. L'âge du bronze..., pl. 33, 4. B o r o v k a G. Skythian Art, pl. 44-B.

[8] R o s t o v z e v M. Animal Styl, pl. XXXI, 2.

[9] A s p e l i n. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, t. I, pl. 306.

ников. Оно относится к немногим могилам конца первой стадии с обширным по размерам (4 × 4 × 2 м) высоким в четыре венца срубом и комбинированным покрытием из бревенчатого наката и плит.[1]

Повидимому, обладатель значка отличался не только от массы рядового населения, но и от слоя воинов, в древнейших погребениях которых еще ни разу никаких наверший значков найдено не было. Возможно, что он являлся предводителем воинов племени.

Из сосудов в древнейших тагарских курганах первой стадии известны пока лишь плоскодонные — баночный, эллипсоидный I, баночный плечный, конический; круглодонные черепковые, на поддоне — котловидный I, рюмковидный.

Большинство сосудов первой стадии имеют вдоль верхнего края орнаментальные пояса, элементы которых объединяются в ряд комплексов.

ДРЕВНЕЙШИЙ ТАГАРСКИЙ ЗВЕРИНЫЙ ОРНАМЕНТ

Значительное место в находках из погребений первой стадии занимают скульптурные произведения тагарцев — украшения рукоятей кинжалов и ножей, зеркал, привесок, пуговиц и блях. Путем сравнения к ним присоединяются и некоторые случайно найденные памятники.

Весь комплекс древнейших тагарских скульптур распадается на несколько групп соответственно основным сюжетам.

Прежде всего обращает на себя внимание группа головок животных — как отдельных скульптур, так и украшений привесок и рукояток ножей.[2] Материалом служат кость и бронза. Впрочем, разница в материале оказывается несущественной — тагарский художник уже умел преодолевать его особенность, и резьба по кости в том случае, когда нет умышленной стилизационной жесткости, была столь же мягка и округла, как и бронзовое литье. При рассмотрении тагарских головок сразу же бросается в глаза их тесная связь с карасукскими скульптурами. Здесь также господствует стремление к реалистическому изображению. Тагарский художник, как и его предшественник, обязательно подчеркивает все отличительные черты своей натуры. Его лошади не могут быть смешаны с лосихами, он знает средства, которые даже схему наполняют индивидуальными качествами хищника. Но не только это роднит тагарские головки с карасукскими. Самые приемы изображения, пути, которыми художник достигает эффекта, оказываются общими. Сравним хотя бы великолепного лося с карасукского ножа с тагарскими лосихами. Здесь одинакова передача движения, вытянутости склоненной шеи и типичного для лосей нависания тяжелых, утолщающих конец морды губ.

---

[1] Адрианов А. В. Выборки из дневников курганных раскопок. Минусинск, 1902—1924, стр. 65.

[2] Martin. L'âge du bronze...; pl. 14, fig. 19; оз. Кызыл-Куль, кург. № 1 — раск. Адрианова (хранятся в Гос. Эрмитаже); Киселев, Материалы, табл. III, рис. 121—126.

Известный исследователь археологии Урала Д. Н. Эдинг, изучая найденные им в Горбуновском торфянике деревянные и костяные фигуры животных XIII—VIII вв. до н. э., высказал предположение, что на основе подобного искусства мог развиться и скифский «звериный стиль» (см. Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала, М., 1940). К сожалению, эта гипотеза еще не может быть обоснована достаточным количеством находок. В южнорусских степях не найдено вполне ясных местных произведений искусства доскифской эпохи. Поэтому нельзя установить прямую связь между новым скифским искусством и более древним, в котором на том же Урале сохранилось так много черт древнего неолитического мастерства. На самом Урале в скифское время (в ананьинской культуре) слишком много чисто скифских южных черт в звериной орнаментации. Они перекрыли старые схемы, сохранявшиеся со времени поселения на Горбуновском торфянике. Эти старые местные образцы вновь распространились позднее, в искусстве пьяноборского времени, и особенно богато представлены в гляденовских находках. Однако самая легкость ассимиляции скифских произведений на далекой лесистой Каме объясняется, конечно, подготовленностью эстетического и религиозно-магического восприятия местных племен произведениями доананьинского искусства. Сибирь в этом отношении выгодно отличается и от скифского Причерноморья и от ананьинского Урала. На юге Сибири сохранились такие карасукские и тагарские памятники, которые позволяют проследить развитие на основе реалистических изображений животных, характерных для конца бронзового века, нового «звериного стиля», очень близкого к скифскому. Помимо уже отмеченных, такую же близость подчеркивает и сравнение карасукской и тагарской голов быка, где использованы совершенно тождественные приемы реалистического изображения. Наконец, разве не поразительно совпадение в трактовке головок животных на карасукском кинжале и тагарской саблевидной привеске (табл. XI, рис. 7, табл. XX, рис. 11, 12).

Выше при рассмотрении карасукских изображений была показана их близость к скульптурам Сеймы, Урала и окрестностей Красноярска. Сейчас говорится о непосредственной преемственности стиля тагарских головок от карасукских. Поэтому и в стиле тагарских головок можно искать пережитки тех особенностей, которые связывали его прототипы с Сеймой, Уралом и Красноярском. И сопоставления это дают. Чтобы убедиться, достаточно сравнить тагарские ножи, украшенные головкой лося, с ножом VI типа Сейминского могильника (по Городцову) [1] или сличить древнетагарские костяные головки лошади (табл. XX, рис. 5) с костяными же Базаихской стоянки (Красноярск) и Шигирского торфяника (Средний Урал).[2] Сходство видно здесь не менее ярко, чем при сравнении с карасукскими головками, и полностью подтверждает связь этой группы тагарской скульптуры через

[1] Городцов В. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отч. Историч. музея за 1914 г., стр. 200.

[2] См. табл. XI, рис. 15 и Borovka G. Skythian Art, p. 78, 79 and pl. 68—A, C, D; 69—C.



Художественная бронза тагарского времени из Минусинской котловины (рис. *1*, *3—13*, *6— 8*) и из Ордоса (рис. *2*, *14*, *15*)

карасукское искусство с обширным пластом тератологии северо-востока Европы, Урала и палеометаллических стоянок Красноярска. Очевидно, авторы тагарских головок лосих на ножах и на предметах неизвестного назначения воспитывались на достижениях всего предшествовавшего развития скульптуры еще в карасукское время и именно оттуда приобрели свои основные навыки.

В связи с таким выводом неизбежно встает вопрос об отношении к только что сказанному найденного в одном из Чигиринских скифских погребений VI—V вв. до н. э. железного ножа, украшенного схематически трактованной головкой животного, живо напоминающей головки лосих и лошадей на древнетагарских бронзовых ножах.[1] Прямая связь изображения тагарских головок с предшествующим развитием карасукского искусства не позволяет ставить их в зависимость от скифского «прототипа». Не позволяет этого делать и хронологическое различие. Тагарские ножи с головками могут относиться к более раннему времени, чем чигиринский. В последнем, может быть, приходится видеть одно из отражений древнейших скифо-сибирских связей, зафиксированных находкой в скифском кургане до VI в. н. э. на Полтавщине сибирского кельта, долота и бляшек с грифонами.[2]

Вторую группу древнейших тагарских скульптур составляют изображения стоящего животного-хищника (может быть, медведя) или козла. Оба мотива, переживая различные изменения, удерживаются и в позднейшей тагарской орнаментике второй стадии.

Первый мотив (хищник) зарождается еще в карасукском искусстве — на рукоятке одного вогнутообушного ножа имеется его первый робкий эскиз (табл. XII, рис. 61). Зато в древнейших известных сейчас тагарских погребениях встречаются уже вполне сформировавшиеся образцы. В древнейших тагарских погребениях стоящий хищник представлен двумя вариантами (1-й — табл. XXIII, рис. 2, табл. XXV, рис. 2;[3] 2-й — табл. XXV, рис. 3).[4] Однако, кроме них, к первой же стадии следует относить еще третий вариант (табл. XX, рис. 1) на основании наличия его на проушном бронзовом топоре, встречающемся только в древнейших погребениях тагарской культуры.[5]

---

[1] Хранится в Гос. Эрмитаже, см. Borovka G. Skythian Art, pl. 10—C.

[2] ОАК за 1896 г. Часть находки хранится в Эрмитаже, часть в ГИМ.

[3] Первый — Merchart G. Bronzezeit am Jenissei, t. VIII, 8; остальные —Тагарское озеро, кург. № 33, I; Абаканская Управа 1899 г., кург. № 2, II — раск. Адрианова (ГИМ); Тесь I, кург. № 4, III — раск. Киселева (Киселев, Материалы, 86); Ордос; Северный Китай (Minns E. H. Small bronzes..., pl. I, 2).

[4] Первый — Самохвал, кург. № 4 — раск. Адрианова в 1896 г. (ГИМ); второй хранится в Минусинском музее, см. Merchart G. Bronzezeit am Jenissei, t. VIII, 3; третий хранится в Минусинском музее, не издан.

[5] Один хранится в Томском краевом музее (Мягков. Древности Нарымского края табл. III, рис. 8); второй известен лишь по фотографии с негатива, имеющегося в Минусинском музее. Вероятно, входил в собрание И. Кузнецова.



1



2



3



4



5



6



7



8

Художественные изделия из бронзы (рис. *1*, *5*—*8*), железа (рис. *3*) и золота (рис. *2*, *4*), найденные в Южной Сибири и Прикамье (рис. *7*)

Первый из этих вариантов наиболее архаичен и более близок к карасукскому прототипу. Его характеризует тяжесть форм, приземистость, энергичная подчеркнутость мускулатуры и опущенная до земли морда.

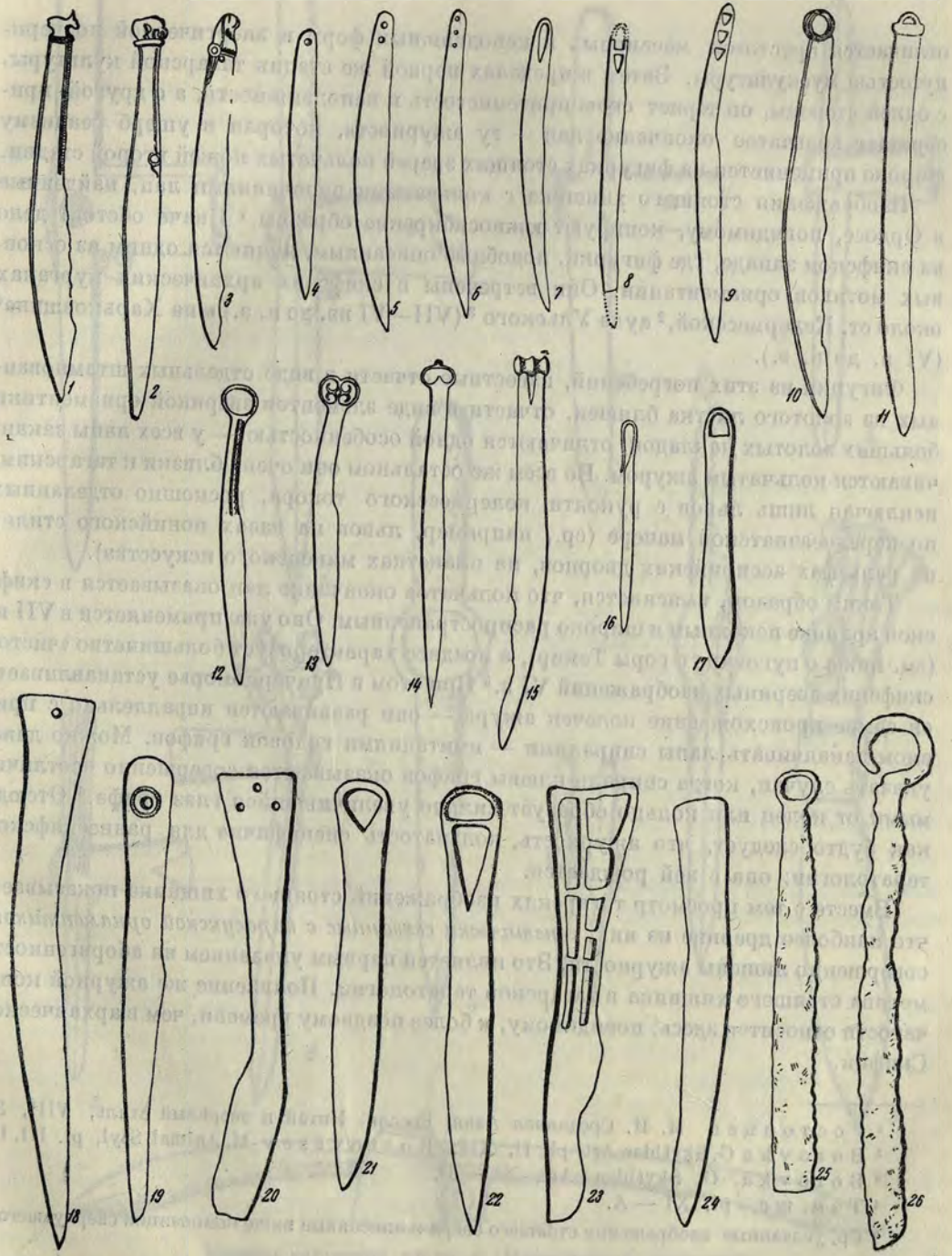
Второй, несомненно, является дальнейшим развитием первоначальной формы, утрачивающей приземистость и подчеркнутость мускулатуры. Нарушается и неподвижность позы — животное движется, куда-то карабкается. Вместе с тем здесь нисколько не нарушается реалистическое соотношение отдельных частей тела и естественность положений. Если сравнить фигурки второго варианта со скульптурами второй стадии, то сходство обнаруживается именно в утрате неподвижности, характерной для первого варианта (см., например, галопирующих оленей и баранов). Это служит указанием на возникновение второго варианта в результате исканий новых форм. Однако первый архаический тип не вытесняется целиком новыми произведениями тагарской пластики, в этом убеждает находка его в погребении второй стадии (Сыда, кург № 5, погр. X). Очевидно, он продолжает существовать как некий архаизм наряду с новыми вариантами.

Третий вариант фигурки стоящего хищника в первоначальной своей трактовке очень близок к первому. Здесь та же монументальность, та же подчеркнутость мускулатуры, та же неподвижность позы. Отличительной чертой является лишь окончание лап в виде колечек (табл. XX, рис. 1).[1] Однако уже в первой стадии, поскольку можно судить по типу кинжала, на котором эта разновидность встречена,[2] «строгий» стиль кольчатой фигурки изменяется, возникает композиция пары зверей, слитых крупами и смотрящих в разные стороны. Их характеризует уже большое количество колечек, придающих группе ажурность. Последняя с течением времени усиливается. Самое же изображение постепенно теряет реалистические пропорции. Заключительную фазу развития третьего варианта фигурки стоящего хищника дают типичные для второй стадии тагарской культуры кольчатые ножи (табл. XXIII, рис. 13). Верхнюю половину колечка, увенчивающего их рукоятки, образует сильно схематизированное, подчиненное изгибу дуги изображение того же стоящего зверя. Его кольчатость усилена — голова, ноги, хвост — все это не только заканчивается, но даже целиком трактуется в виде комбинаций колечек. Вместе с тем, самое туловище зверя вытягивается, теряет естественные формы рельефа, почти превращаясь в прямое продолжение гладкой проволоки верхней половины кольца.

Таковы пути изменения фигуры стоящего хищника. Мы видим, что, возникая еще в карасукском орнаменте, этот мотив в древнейших тагарских погребениях

[1] Топор — см. Мягков И. Древности Нарымского края, табл. III, рис. 8 и Киселев С. В. Тагарская культура. Ножны, вероятно, из исчезнувшей коллекции И. Кузнецова, воспроизводятся по негативу, хранящемуся в Минусинском музее (замечательно, что и в монголо-китайской коллекции Loo имеются подобные ножны). Ростовцев М. И. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль, VIII, 39; Martin, L'âge du Bronze..., pl. 14, fig. 13.

[2] Хранится в ГИМ, з. V. Весьма близок к карасукским (см. отчет Исторического музея за 1915 г., стр. 13, рис. 19).



Ножи тагарской эпохи из Минусинской котловины.

отличается простотой массивных и неподвижных форм и энергической подчеркнутостью мускулатуры. Затем в пределах первой же стадии тагарской культуры, с одной стороны, он теряет свою приземистость и неподвижность, а с другой, приобретает кольчатое окончание лап — ту ажурность, которая в ущерб реализму широко применяется на фигурках стоящих зверей кольчатых ножей второй стадии.

Изображения стоящего хищника с кольчатыми окончаниями лап, найденные в Ордосе, повидимому, копируют южносибирские образцы.[1] Иначе обстоит дело на скифском западе, где фигурки, подобные описанным, являются одним из основных мотивов орнаментации. Они встречены в скифских архаических курганах около ст. Келермесской,[2] аула Ульского [3] (VII—VI вв. до н. э.) и на Харьковщине[4] (VI в. до н. э.).

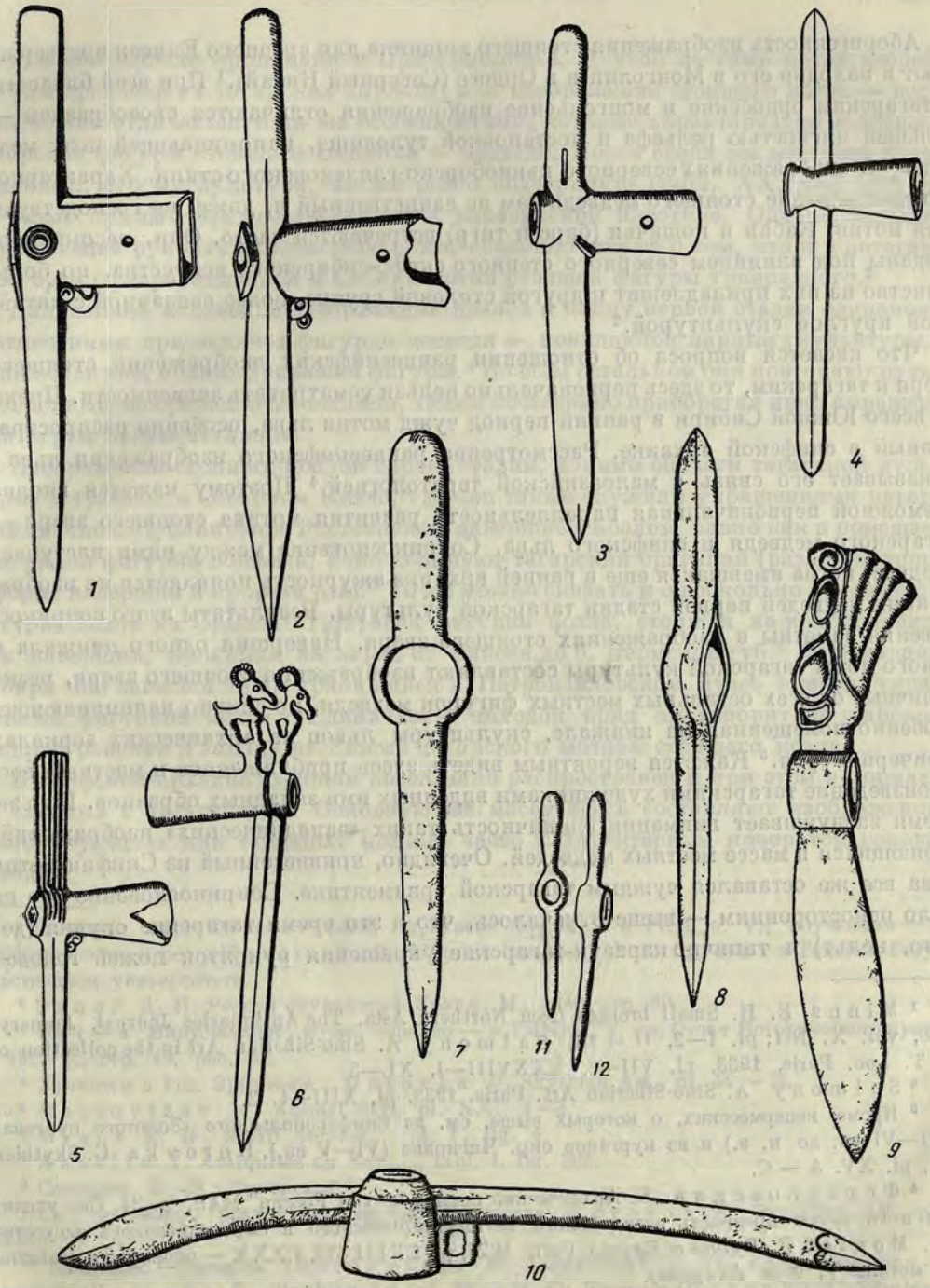
Фигурки из этих погребений, известные отчасти в виде отдельных штампованных из золотого листка бляшек, отчасти в виде элементов звериной орнаментики больших золотых накладок, отличаются одной особенностью — у всех лапы заканчиваются кольчатым ажуром. Во всем же остальном они очень близки к тагарским, исключая лишь львов с рукояти келермесского топора, роскошно отделанных по переднеазиатской манере (ср., например, львов на вазах ионийского стиля, на рельефах ассирийских дворцов, на плакетках микенского искусства).

Таким образом, выясняется, что кольчатое окончание лап оказывается в скифской архаике исконным и широко распространенным. Оно уже применяется в VII в. (см. ниже о пуговице с горы Темир), а позднее характеризует большинство «чисто» скифских звериных изображений VI в.[5] При этом в Причерноморье устанавливается самое происхождение колечек ажура — они развиваются параллельно с приемом заканчивать лапы спиралями — имитациями головок грифов. Можно даже указать случаи, когда спирали-клювы грифов оказываются совершенно неотличимыми от колец или кольцо образует сильно увеличившийся глаз грифа.[6] Отсюда как будто следует, что ажурность, кольчатость специфична для раннескифской тератологии: она с ней рождается.

Вместе с тем просмотр тагарских изображений стоящего хищника показывает, что наиболее древние из них, *генетически связанные с карасукской орнаментикой*, совершенно лишены ажурности. Это является первым указанием на аборигенность мотива стоящего хищника в тагарской тератологии. Появление же ажурной кольчатости относится здесь, повидимому, к более позднему времени, чем в архаической Скифии.

---

[1] Ростовцев М. И. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль, VIII, 39.
[2] Borovka G. Skythian Art, pl. II, XII; Rostovtzev M. Animal Styl, pl. III, IV.
[3] Borovka G. Skythian Art, XI — D.
[4] Там же, pl. XI — A.
[5] Ср. указанные изображения стоящего зверя и описанные ниже композиции свернувшегося зверя.
[6] См. из б. Харьковской губ. VI в. до н. э. Borovka G. Skythian Art, XI — A.



Клевцы тагарской эпохи из Минусинской котловины.

Аборигенность изображения стоящего хищника для среднего Енисея подтверждают и находки его в Монголии и в Ордосе (Северный Китай).[1] При всей близости к тагарским ордосские и монгольские изображения отличаются своеобразием — большей мягкостью рельефа и постановкой туловища, напоминающей позу медведей на изображениях северного пьяноборско-гляденовского стиля. Характерно, что изображение стоящего медведя там не единственный и, даже, не господствующий мотив. Кабан и кошачьи (барс и тигр) встречаются часто. Они, несомненно, созданы под влиянием северного степного скифо-сибирского искусства, но большинство из них принадлежит к другой стилевой группе, более связанной с китайской круглой скульптурой.[2]

Что касается вопроса об отношении раннескифских изображений стоящего зверя к тагарским, то здесь первоначально нельзя усматривать зависимости. Прежде всего Южной Сибири в ранний период чужд мотив льва, особенно распространенный в скифской архаике. Рассмотрение раннескифского изображения льва [3] показывает его связь с малоазийской тератологией.[4] Поэтому кажется вполне возможной первоначальная параллельность развития мотива стоящего зверя — тагарского медведя и скифского льва. Соприкосновение между ними наступает позднее, когда имевшаяся еще в ранней архаике ажурность появляется на изображениях медведей первой стадии тагарской культуры. Результаты этого соприкосновения заметны в изображениях стоящего зверя. Навершия одного кинжала и одного ножа тагарской культуры составляют изображения стоящего зверя, резко отличные от всех остальных местных фигурок медведя, но сильно напоминающие, особенно помещенная на кинжале, скульптуры львов на архаических зеркалах Причерноморья.[5] Кажется вероятным видеть здесь приближенное к местным воспроизведение тагарскими художниками виденных ими западных образцов. В то же время заслуживает внимания единичность таких «западнических» изображений, теряющихся в массе местных медведей. Очевидно, привнесенный из Скифии мотив льва все же оставался чуждым тагарской орнаментике. Соприкосновение это не было односторонним — выше отмечалось, что в это время тагарские орудия (долото, кельт) и типично карасук-тагарские украшения рукояток ножей головой

---

[1] Minns E. H. Small bronzes from Northern Asia. The Antiquaries Journal, January, 1930, vol. X, N 1; pl. 1—2, II — 16; Salmony A. Sino-Siberian Art in the collection of C. T. Loo. Paris, 1933, pl. VII—6, XXXVIII—I, XL—5.

[2] Salmony A. Sino-Siberian Art. Paris, 1933, pl. XIII—1, 2.

[3] Кроме келермесских, о которых выше, см. из Симферопольского «Золотого кургана» (VII—VI вв. до н. э.) и из курганов окр. Чигирина (VI—V вв.). Borovka G. Skythian Art, pl. XV, A — C.

[4] Фармаковский Б. Архаический период на юге России. МАР, в. 34. Она уходит там в глубокую древность ассирийского, хетто-митаннийского и сиро-микенского искусства (см. Montet P. Byblos et Egypte. Paris, 1929, pl. CXLII 878, CXXX — саркофаг и плакетка из могилы V, царя Ахирама).

[5] Фармаковский Б. Архаический период..., стр. 1—29.

лосихи или лошади проникают в Причерноморье. Другой местный мотив второй группы древнейших тагарских скульптур — изображение стоящего козла — первоначально отличается теми же особенностями, которые характеризуют и древнетагарские фигуры стоящего хищника — медведя. Козел столь же массивен и неподвижен, его мускулатура так же резко подчеркнута (табл. XX, рис. 3).[1] Он не имеет прямых предшественников в карасукской пластике. Однако бараны, украшающие рукоять турбинского ножа, свидетельствуют о том, что и в дотагарское время разрабатывался в Сибири мотив стоящей фигуры травоядного.[2]

Дальнейшее изменение изображений козлов к концу первой стадии одинаково с отмеченным при анализе фигурок медведя — появляются парные скульптуры,[3] а также легкие, полные движения фигуры.[4] Во всем остальном они повторяют путь, пройденный изображениями медведя, также постепенно приобретая ярко выраженные черты орнаментализма.

Изображения стоящих козлов первой стадии, помимо области тагарской культуры, встречены в Северном Китае, где они также служили украшениями наверший значков. Публикуемое Ростовцевым навершие с козлом, равно как и помещаемые рядом фигурки лошадей, явно копируют тагарский оригинал (различие лишь в форме навершия и прорези рта).[5] То же можно сказать и о несколько измененной фигурке козла из Ордоса.[6] Тагарская фигурка козла, стоящая на колоколовидном навершии, проникла на запад от Енисея до б. Пермской губ.[7] Из Западной Сибири мне известен лишь хранящийся в Петропавловском музее клевец, украшенный фигуркой козла.[8] Единичность находок вряд ли говорит за широкое распространение к западу от Енисея тагарского мотива стоящего козла.

В скифской архаике стоящий козел мало распространен и при этом в формах, не сходных с тагарскими.[9] Основную же массу здесь составляют изображения «галопирующих» или «спящих» козлов, часто с характерным поворотом головы назад.[10]

---

[1] Самохвал, кург. № 4, I — раск. Адрианова (хранится в ГИМ, в. V), случайные — 1 в Минусинском музее (Martin T. R. L'âge du bronze..., pl. 33, fig. 4) и 1 в Томском Государственном университете.

[2] Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала, М., 1940, стр. 80.

[3] Нож — в Минусинском музее, зеркало — в ГИМ, в. V, см. Отчет Исторического музея за 1915 г., стр. 19, рис. 53.

[4] Хранится в Гос. Эрмитаже. Borovka G. Skythian Art., pl. 44 — B.

[5] Rostovtzev M. Animal Styl, pl. XXI, 1—3.

[6] Minns E. H. Small bronzes..., pl. I, fig. 4.

[7] Aspelin J. Antiquitès du Nord..., tabl. I, fig. 306.

[8] Сообщено В. П. Левашовой.

[9] См., например, козлов на келермесском котле (Borovka G. Skythian Art. pl. XXIX).

[10] Келермесс — топорик (Rostovtzev M. Animal Styl, pl. IV, 1); Ульский аул — навершия (Borovka G. Skythian Art, pl. 32 — D, F); Чигирин (Borovka G. Skythian Art. pl. III, D); Майкоп (Borovka G. Skythian Art., pl. III, G); Симферополь, находка Ку-

Суммируя все наблюдения над группой древнетагарских изображений стоящих животных, можно наметить следующее.

Из зарождающегося еще в карасукской орнаментике эскиза в первой тагарской стадии вырабатываются изображения стоящего медведя и козла. Первоначально они отличаются тяжестью, неподвижностью и подчеркнутостью энергически трактованной мускулатуры, иногда выделенной еще спиралями.[1] Затем эта форма видоизменяется — с одной стороны, она теряет свою тяжесть и неподвижность, а с другой, приобретает воспринятую из архаической Скифии кольчатую ажурность. За время своего бытования обе фигурки проникают и в другие области, доходя на юго-востоке до Ордоса, а на западе до территории Ананьинской культуры.

Третью группу древнейших тагарских скульптур составляют изображения зверя, свернувшегося клубком, помещенные на пуговицах, вкладышах кинжалов и на кнопковых ручках зеркал. Найденные в древнейших тагарских курганах изображения свернувшегося зверя отличаются всеми чертами, характерными для архаических скульптур. Они трактованы в тяжелых реалистических формах с энергически подчеркнутой мускулатурой (табл. XX, рис. 10).[2] Затем совершенно так же, как и на фигурах стоящих животных, здесь появляется кольчатая ажурность лап (табл. XX, рис. 8, 9, табл. XXII, рис. 2),[3] постепенно исчезает подчеркнутость мускулатуры (табл. XXI, рис. 12).[4] Иногда фигурка окружается еще рубчатой рамкой (табл. XX, рис. 9).[5]

Последней ступенью изменения свернувшегося зверя является подчинение его изображений чистой орнаментальности. Сначала она выражается в округлении рельефа и его разделке ажурными спиралями (табл. XXI, рис. 10).[6] Далее самое

лаковского (Borovka G. Skythian Art, pl. XIII). Отдельные головки козлов, например Келермесс (Borovka G. Skythian Art, pl. 32 — D, F); Чигирин (Borovka G. Skythian Art, pl. 33 — B), особенно сходные с имеющимися на тагарском кинжале — Ольвия VI в. до н. э. (Borovka G. Skythian Art. IX). Замечательно наличие фигурок «галопирующих» козлов с закинутой на спину головой, сходных со скифскими, в Ордосе. Если дальнейшими находками не опровергнется отсутствие подобных фигурок на Енисее, то будет возможно предположить непосредственные связи Центральной Азии и скифского мира.

[1] Эта деталь также весьма интересна. В тагарском искусстве она одинаково часто встречается и на бронзах и на скальных рисунках. На западе она заменена в Скифии головой грифа, помещаемой на плече, круп же обычно ничем на древнескифских фигурах не заполнен. На Урале спираль на крупе имеется лишь у фигурки зверя из Гляденова. Зато в Китае этот прием известен еще в среднечжоуское время (IX—VII вв. до н. э.— The Museum of Far Eastern Antiquities. Bulletin N 6, Stockholm. 1934, стр. 109, табл. XX).

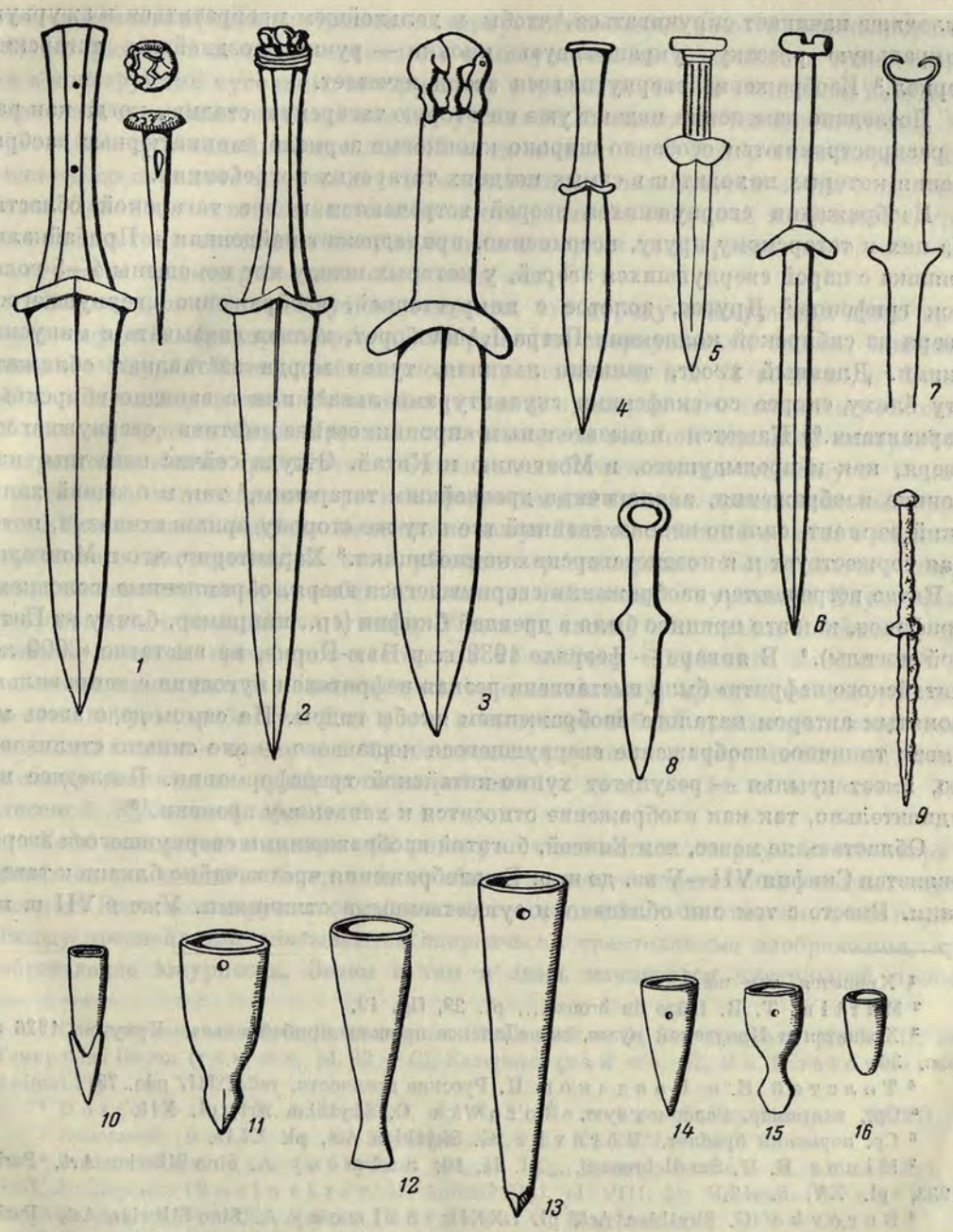
[2] Тагарское озеро, кург. № 32, I — раск. Адрианова (ГИМ, з. V).

[3] Хранится в Минусинском музее. Кроме того, аналогичное изображение имеется на кнопке — ручке зеркала (хранится в ГИМ, з. V).

[4] Хранятся в Гос. музее им. Мартьянова в г. Минусинске.

[5] Хранятся в Гос. музее им. Мартьянова в г. Минусинске.

[6] Хранится в Гос. музее им. Мартьянова в г. Минусинске.



Кинжалы и втоки тагарской эпохи из Минусинской котловины.

туловище начинает скручиваться,[1] чтобы в дальнейшем превратиться в ажурную спиральную розетку, украшающую кнопки — ручки позднейших тагарских зеркал.[2] Изображение свернувшегося зверя исчезает.

Последние изменения падают уже на вторую тагарскую стадию, когда как раз и распространяются особенно широко кнопковые зеркала, миниатюрные изображения которых находятся в самых поздних тагарских погребениях.

Изображения свернувшихся зверей встречаются и вне тагарской области. Из них к тагарскому кругу, несомненно, принадлежит найденная в Прибайкалье бляшка с парой свернувшихся зверей, у которых между ног помещены 4—5 головок грифонов.[3] Другое, золотое с инкрустацией, изображение свернувшегося зверя из сибирской коллекции Петра I,[4] наоборот, нельзя связывать с минусинскими. Длинный хвост, типично львиная, тупая морда заставляют сближать эту бляху скорее со скифскими скульптурами льва[5] или с западносибирскими вариантами.[6] Кажется показательным проникновение мотива свернувшегося зверя, как и предыдущего, в Монголию и Китай. Оттуда сейчас известны как ранние изображения, аналогичные древнейшим тагарским,[7] так и поздний ханьский вариант, сильно видоизмененный все в ту же сторону орнаментализма, которая торжествует и в позднетагарских композициях.[8] Характерно, что в Монголии и Китае встречаются изображения свернувшегося зверя, обрамленные головками грифонов, как это принято было в древней Скифии (ср., например, бляху из Витовой могилы).[9] В январе — феврале 1939 г. в Нью-Йорке, на выставке «3000 лет китайского нефрита» была выставлена резная нефритовая пуговица с неправильно понятым автором каталога изображением якобы гидры. На самом деле здесь мы имеем типичное изображение свернувшегося кошачьего — оно сильно стилизовано, имеет крылья — результат хунно-китайской трансформации. Последнее неудивительно, так как изображение относится к ханьскому времени.[10]

Областью, не менее, чем Енисей, богатой изображениями свернувшегося зверя, является Скифия VII—V вв. до н. э. Ее изображения чрезвычайно близки к тагарским. Вместе с тем они обладают и существенными отличиями. Уже в VII в. мы

---

[1] Хранится там же.

[2] Martin T. R. L'âge du bronze..., pl. 29, fig, 19.

[3] Хранится в Иркутском музее, см. «Далекое прошлое прибайкалья». Иркутск, 1926 г., рис. 36.

[4] Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности, табл. III, рис. 73.

[5] Ср., например, келермесскую. Borovka G. Skythian Art, pl. XII.

[6] Ср. пермский браслет. Borovka G. Skythian Art, pl. XLII.

[7] Minns E. H. Small bronzes..., pl. II, 10; Salmony A. Sino-Siberian Art, Paris, 1933, pl. XV, 8, 13.

[8] Borovka G. Skythian Art, pl. LXXII; Salmony A. Sino-Siberian Art, Paris, 1933, pl. XV—7, 9, 10, 11, 12.

[9] Хранится в ГИМ, з. V.

[10] «3000 Years of Chinese Jade». New York, 1939, стр. 80, № 221.

имеем раннескифские изображения свернувшихся зверей в кости, золоте и бронзе.[1] Некоторые из них почти совпадают с минусинскими не только в трактовке, но и в конструкции пуговицы, которую они украшают. Чтобы убедиться, достаточно сравнить тагарское изображение из кургана № 33 около оз. Тагарского (табл. XX, рис. 10) с пуговицей из могилы VII в. до н. э. с горы Темир близ Керчи.[2] Все, вплоть до передачи головы двумя выпуклостями, оказывается почти тождественным. Однако, соответственно особенностям развития скифской тератологии, сразу же бросаются в глаза и некоторые отличия, и среди них, прежде всего, кольчатая ажурность или спиральность окончания лап.

Впрочем, необходимо тут же заметить, что наряду с ажурными в это время существуют в Причерноморье и изображения свернувшихся зверей, лишенные всякого ажура.[3] Такая двойственность продолжается и в VI в. до н. э.[4] Только V в. приносит существенное изменение стиля, примером чего являются роскошные бляхи из кургана Семи Братьев, отличающиеся пышной отделкой поверхности, шерсти и особенно гривы львов. Однако это обстоятельство знаменует вымирание сюжета, становящегося простым предлогом для пышных орнаментальных эффектов. При этом наблюдаемые явления не могут быть поставлены в связь с влиянием греческого мастерства. В этом убеждает рассмотрение свернувшегося зверя, вырезанного на одном из кабаньих клыков, найденных в кургане с. Блуменфельд в Поволжье, относящегося к концу V в. и по своему положению лишенного признаков влияния греческого мастерства на местное самобытное искусство.[5] Тем не менее здесь уже все подчиняется орнаментализму, превращая фигуру зверя в затейливую «арабеску». Еще резче и выпуклее победа орнаментальности доказывается наиболее поздним изображением свернувшегося зверя на золотой бляшке с инкрустациями из сарматского погребения I в. до н. э.— I в. н. э. около ст. Тифлисской Кубанской области.[6]

Если сопоставить теперь оба ряда развития мотива свернувшегося зверя — скифо-савроматский и тагарский, то обнаруживается поразительно точный параллелизм. Нет такого крупного изменения, которое не было бы отмечено и там и здесь. Всюду древнейшими оказываются энергически трактованные изображения, приобретающие ажурность. Затем и там и здесь начинается длительный процесс

---

[1] Симферополь, находка Кулаковского (Borovka G. Skythian Art, pl. XIII); гора Темир близ Керчи (там же, pl. 32 — C); Келермесс (там же, 32, B и Rostovtzev M. Animal Styl, pl. V—2).

[2] Rostovtzev M. Animal Styl, pl. VI, 3; Borovka G. Skythian Art, XXXII—C.

[3] Келермесс (Borovka G. Skythian Art, pl. XXXVII — B).

[4] Ольвия (Borovka G. Skythian Art, pl. IX; Rostovtzev M. Animal Styl, pl. VIII, 3); Деревки (Rostovtzev M. Animal Styl, pl. VIII, 2); Чигирин (Borovka G. Skythian Art, XIV — C); Кубань (Borovka G. Skythian Art, XIV — D).

[5] Grakov B. Monuments de la culture scythique entre Volga et les Monts Oural. ESA, vol. III, 35, fig. 19.

[6] Хранится в ГИМ.

трансформации древнейших «строгих» форм в чисто орнаментальные, причем опять поразительны совпадения, даже в деталях. На западе в V в. начинают тщательно прорабатывать мех и особенно гриву свернувшихся львов. На Енисее также находим бляшку, на которой в отступление от всех традиций раннего тагарского искусства, показывавшего всякую натуру без деталей выпуклыми чертами, как на изображениях из семибратних курганов, обозначается волнистая шерсть (табл. XXI, рис. 2).

Четвертую группу древнетагарских изображений составляют скульптурные украшения в виде головок хищных птиц. Они уже имеются на древнейших плоскообушных клевцах первой стадии в виде строгой, лишенной орнаментальности схемы.[1] Таковы же головки хищных птиц на обухе топора из Самохвала.

Совершенно точное воспроизведение такой простой головки хищной птицы мы встречаем на плоскообушном клевце древнетагарского типа, найденном в одном из древнейших погребений Ананьинского могильника.[2] Возможно, что этот клевец копирует тагарские образцы или сам занесен с Енисея. Близкими к схематическим являются и головки грифонов на иркутской бляшке с парой свернувшихся зверей и на минусинских ножнах с архаическими ажурными изображениями стоящих зверей (табл. XXII, рис. 8). Несколько более орнаментальны головки грифонов, украшающие, вместе с типично тагарскими изображениями ажурных стоящих зверей, зеркало и кинжал, найденные в Северном Китае.[3]

Наряду с простыми изображениями имеются тагарские головки более изысканной трактовки. Таковы, например, украшения роскошного боевого топора, псалий и наверший кинжалов. Их можно сближать с многообразными вариантами того же мотива в архаической Скифии. Там уже от VII и VI вв. имеются высокоразвитые образцы, переходящие в орнаментальные спирали.[4] Они же, часто украшенные розеткой, господствуют в V в.[5] Большинство из них отличается характерным утолщением возле глаз, наличием нарочито выделенного надклювия, ясно выраженными ушами и вырезом в виде запятой, отмечающим рот. Все эти особенности точно воспроизводят и развитые тагарские грифы топора, псалий и кинжалов. При этом на кинжалах композиция грифового навершия оказывается совершенно аналогичной скифским VI—V вв. до н. э.[6]

Такое наличие в тагарском орнаменте двух типов головок хищных птиц весьма важно. Характерно, что среди найденных в курганах первой стадии отсутствуют

---

[1] Тагарское озеро, кург. № 32, I и Кызыл-Куль, кург. № 1, I — раск. Адрианова (ГИМ, з. V и Гос. Эрмитаж).

[2] Tallgren A. L'époque dite d'Ananino, рис. 9.

[3] Ростовцев М. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль, VIII, 39.

[4] Гора Темир около Керчи (Borovka. Skythian Art, 32 — A); Ульские навершия (там же, 24—25), Ольвия (там же, IX); Полтава (там же, 33, A); Дон, окр. (там же, 11 — F); Чигирин (там же, pl. XI—E, C).

[5] Семибратние (Borovka G. Skythian Art, pl. VIII — A).

[6] Чигирин (Borovka G. Skythian Art, pl. X — A).

более сложные изображения, сходные со скифскими. Можно предполагать, что появление головок хищных птиц, сходных со скифскими, явилось результатом последующего знакомства тагарских художников с западными скифскими образцами. Исконно западное происхождение последних подтверждается глубокой древностью их ионийских прототипов, восходящих еще к сирийской и хеттской древности.[1]

Необходимо остановиться еще на одной группе изображений. В скифском инвентаре встречаются обоймы для ремней, трактованные в виде головки грифона с выступающим клювом. Костяная обойма в виде головы грифа с клювом, загнутым крючком, найдена еще на горе Темир в Крыму в погребении VII в.[2] Есть и бронзовые образцы. К ним же принадлежат изображения грифоньих голов, вырезанные на кабаньих клыках, найденных в кургане V в. до н. э. около с. Блуменфельд в Нижнем Поволжье.[3]

Среди бронз Минусинского музея значительное количество подобных предметов. Все они общими очертаниями воспроизводят клык кабана или кабарги. Острая часть трактована в виде головы птицы. Это наиболее распространенное изображение. Но наряду с ним встречается и дополнение в виде оскаленной морды хищника, помещенной на тупой части «клыка». Клювы некоторых изображений загнуты весьма сильно. Это заставляет предполагать и другое назначение предмета. Если слабозагнутые по аналогии с алтайской находкой, о которой речь будет ниже, следует считать нащечными обоймами уздечных ремней, то в «клювах», загнутых крючком, следует видеть крюки для подвешивания вооружения, прежде всего колчана.

Подобные предметы имеются и в Монголии, где крюки вообще весьма часты в находках. Среди многочисленных крюков, найденных в Монголии и Северном Китае, обычно украшенных фигурой хищника местной трактовки, встречено несколько орнаментированных совершенно аналогично минусинским головам хищника и грифа.[4]

Мы рассмотрели все основные виды древнетагарского звериного орнамента. Обнаружился значительный параллелизм в его развитии со скифским. Вместе с тем, особенно в отношении сюжета, можно говорить о значительной самостоятельности обеих областей. В Скифии лев и барс господствуют в изображении хищника, в Минусинском крае в древности их заменяет медведь. Кабан встречается в обеих областях, но изображается по-разному. В Минусинском крае его фигура

---

[1] Ср. грифа, терзающего быка, на плакетке из гробницы царя Ахирама (Montet P. Byblos et l'Egypte, pl. CXLII, № 878).

[2] Rostovtzev M. Animal Styl, pl. VII—4.

[3] Grakov B. Monuments de la culture scythique entre Volga et les Monts Oural. ESA, III, fig. 9.

[4] Salmony A. Syno-Siberian Art, pl. XVIII—XX. Киселев С. В. Монголия в древности. ИОИФ, т. IV, № 4, М., 1947, стр. 367, рис. 5, б.

строится по медвежьему образцу. То же можно сказать и о баране. В Скифии галопирующий олень исконен, но его нет в древнейшем тагарском искусстве. Истоком древнетагарского искусства является мастерство карасукских художников. Лишь во второй половине первой стадии появляются западные скифские элементы. Среди них — гриф со спиральным клювом и надклювьем, кошачий хищник и галопирующий олень. Это не позволяет ставить звериный стиль скифов в генетическую зависимость от Сибири (разумею местные элементы этого стиля). Однако есть все основания искать начало скифского звериного орнамента не только в скрещении художественных влияний ассиро-вавилонской и хетто-хуррийской Передней Азии, Западного Ирана и урартского Кавказа,[1] но и в местном творчестве мастеров рубежа II и I тысячелетий до н. э. К сожалению, пока единичны находки произведений искусства этой поры в степях Причерноморья и Западной Сибири. Однако такой факт, как счастливая находка О. А. Граковой на позднеандроновской стоянке около с. Алексеевского близ Кустаная резной костяной головки медведя, весьма симптоматичен.[2] Более чем вероятно, что и для западной области скифо-сибирского звериного стиля удастся выявить древнюю местную подоснову, обнаруженную на Енисее. Признаки самостоятельности развития скифских и сибирских звериных изображений не исключают, конечно, связи между отдельными районами. Соответствия в звериной орнаментике Скифии и Сибири, как и в других областях материальной культуры, для скифской и тагарской эпохи настолько велики, что, конечно, зависят не только от близости условий возникновения, но и от взаимного проникновения в обе стороны новых образцов.

ДАТА ПЕРВОЙ СТАДИИ

Дата начала древнейших тагарских форм намечается прежде всего временем сосуществования карасукских, сейминских и древнетагарских типов. Уже было установлено, что такое сосуществование не могло иметь места позднее начала I тысячелетия до н. э.[3] В VII в. все формы древнетагарских погребений и вещей уже сложились, вытеснили карасукские пережитки и распространились в соседние и более отдаленные области. Ранняя их дата определяется находкой характерных для них плоскообушных клевцов в древнейших погребениях Ананьинского могильника, наличием среди них втульчатых, пирамидальных шипастых наконечников стрел, сходных с древнейшими келермесскими, и параллельностью в развитии древнейших основных мотивов тагарского звериного стиля и наиболее

---

[1] Rostowtzev M. The animal Style, p. 25; его же. Iranians and Greeks, p. 40. Пиотровский Б. Б. Урарту, 1939, стр. 52—56.

[2] Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, в. XVII, рис. 22, 2.

[3] См. выше о литейной форме Томского университета. Это подтверждает и тесная связь карасукской и тагарской пастовой техники, весьма сходной с закавказской начала I тысячелетия до н. э.

ранних архаической Скифии. На такую же дату первых тагарских погребений, характеризующихся наличием плоскообушных клевцов и вкладышевых и фигурных кинжалов (VIII—VII вв. до н. э.), указывает наличие в скифских курганах VI в. древнейших тагарских элементов не только в чистом их виде, но и подвергнутых известной ассимиляции.[1] Наконец, справедливость такой даты подтверждает и состав инвентарей второй ступени первой стадии, характеризующейся овально- и круглообушными клевцами и валиковыми кинжалами. В них входят в большом количестве ромбические, ромбические шипастые, трехгранные, пулевидные и конические наконечники стрел, точно воспроизводящие скифские образцы VII, VI и начала V вв. Эти же даты подтверждает и находка в погребении второй ступени первой стадии желтой глазчатой бусины, совершенно аналогичной изданной Kisa из Италии «доримского» периода.[2]

Очевидно, на то же время падает и развитие тагарский «строгой», но уже кольчатой тератологической скульптуры. Таким образом, оказывается, что время, по крайней мере VI—V вв., заполняется большим количеством иных тагарских погребений с новыми руководящими признаками.

Конец первой стадии тагарской культуры определяется находками в погребениях второй стадии бронзовых ромбических шипастых наконечников стрел, близких к более древним, но более всего сходных со скифскими конца V в.[3] При учете признаков связи между Енисеем и архаической Скифией это заставляет именно V век считать временем перехода к новым формам оружия и к новым погребальным обрядам. Это подтверждает и дальнейший анализ памятников второй стадии.

БЫТ ДРЕВНЕТАГАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Раньше чем перейти к изучению позднетагарских курганов, необходимо рассмотреть ряд других памятников, относящихся к древнетагарскому времени.

Прежде всего поселения. Несчастной особенностью минусинской археологии является разрушенность культурных слоев на приречных дюнах. Поэтому огромное количество остатков тагарских поселков погибло. На дюнах можно встретить лишь груды черепков тагарской посуды и отдельные бронзовые вещи — ножи, стрелы, украшения, реже кинжалы и кельты.

В 1931 г. мною было открыто древнетагарское поселение в степи в 4 км на юго-запад от с. Усть-Ерба. Оно было укреплено валом и рвом до 2 м глубины, сообщавшимся с древним оросительным каналом. В плане все укрепление было округло и имело в диаметре до 200 м. В южной части вала был перерыв на месте существо-

[1] Ср. сказанное выше о бляшке с парой зверей и грифами из кургана VI в. б. Полтавской губ. и о железном (тагарские все бронзовые) ноже с головой лосихи или лошади из кургана VI в. близ Чигирина.

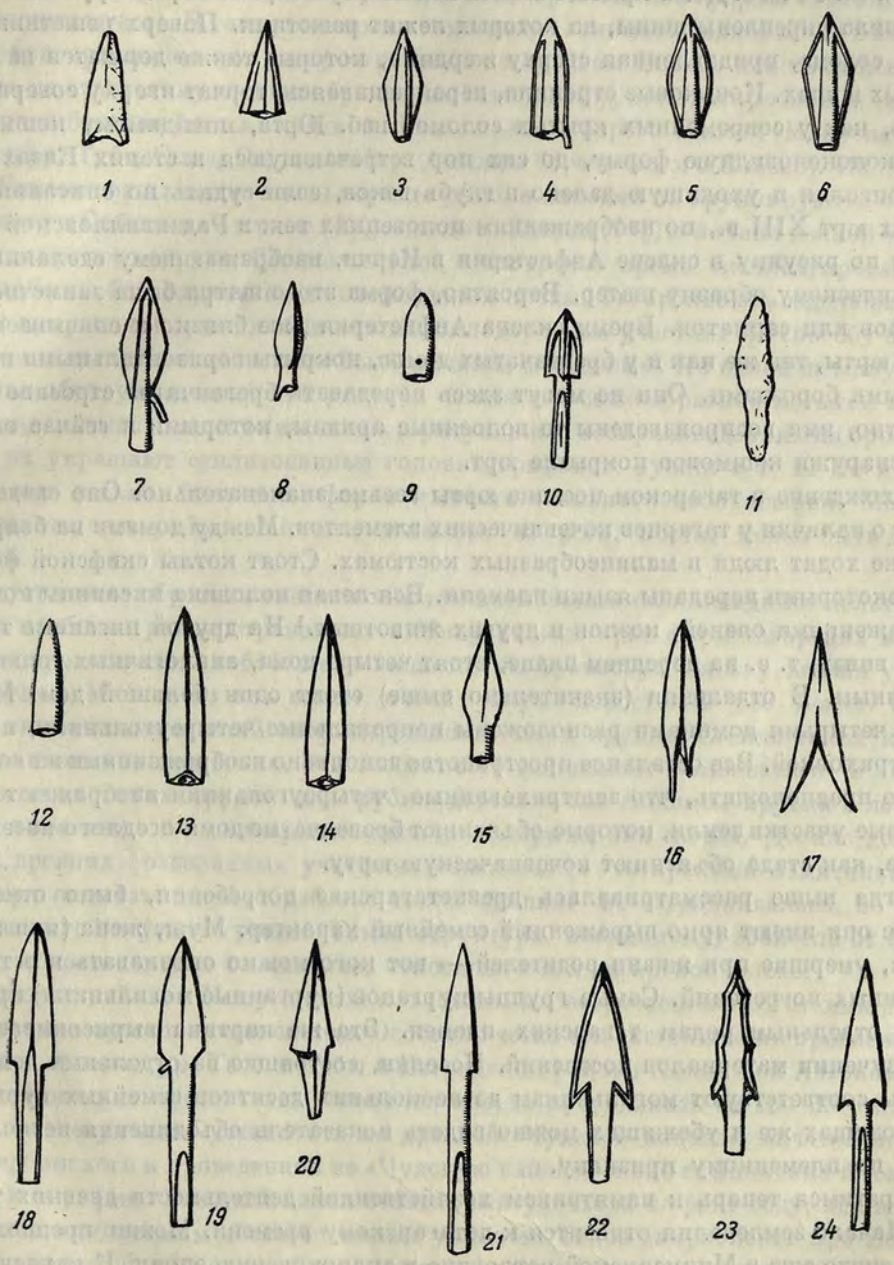
[2] K i s a. Das Glas. Bd. II.

[3] См. в приложении «Наконечники стрел» (табл. Д).

вавших некогда ворот. Особенностью укрепления было расположение вала на внешней, а не на внутренней стороне рва. Шурфовка на площади, ограниченной укреплениями, показала незначительную мощность культурного слоя (до 0.5 м), бедного находками. Найдены были кости домашнего быка, лошади, овцы и свиньи, а также обломки баночных тагарских сосудов, гладких и с орнаментом в виде вышуклостей вдоль бортика. Никаких признаков нарушения почвы землянками или другими сооружениями не замечено. Создалось впечатление, что усть-ербинское укрепление не служило местом постоянного обитания, но являлось временным убежищем во время опасности для окрестного населения, жившего поселками иного типа. Близкое по форме и характеру культурного слоя тагарское укрепление было обследовано в 1932 г. Л. А. Евтюховой и мною на Ининской степи в 3 км к востоку от с. Тесь на р. Тубе. При скудости культурного слоя, который достигал едва 0.25 м, здесь, так же как и в Усть-Ербе, нельзя видеть укрепленной деревни. Это — убежище на случай военной опасности. Были обнаружены даже следы обороны этого укрепления. Вокруг его валов на гладкой степи, лишенной каких-либо речных отложений (ее почва состоит из чернозема и тонкого лёсса), по радиусу в 50—80 м густо набросаны речные гальки. Размер и форма галек заставляют видеть в них метательные камни, раскиданные некогда при обороне укрепления.

О поселках, окружавших такие укрепления, можно судить по немногочисленным уцелевшим культурным слоям и по наскальным изображениям. Мною осматривались тагарские стоянки около с. Кривая, Абаканское и Качулька. Они отличаются довольно мощным культурным слоем (до 0.7 м), содержащим большое количество обломков тагарской посуды и костей домашних животных. Это позволяет видеть в них остатки долговременных поселений. Но вместе с тем бросается в глаза ограниченность жилой территории, указывающая на сравнительную их малолюдность. Перед нами заимка, а не большой поселок. То же можно сказать и на основании наскальных изображений. Уже давно известны рисунки отдельных домов на писаницах, расположенных по скалам Оглахтинского хребта. Они очень схематичны и не позволяли говорить о конструктивных деталях. В 1904 г. А. В. Адриановым впервые были описаны и заэстампированы замечательные писаницы на хребте Бояры в районе с. Абаканское-Перевозное.[1] В 1931 г. я осмотрел Боярские писаницы и сделал с них эстампажи (табл. XIX, рис. 1). На одной из скал имеется рисунок целого тагарского поселения. В ряд стоят четыре дома и одна юрта. Три дома бревенчатые, рубленные в обло. Бревна переданы параллельными горизонтальными бороздами, покрывающими стены. Четвертый дом, повидимому, глинобитный. Его стены покрыты не бороздами, а сплошной пунктирной выбивкой, которая хорошо передала глинобитную фактуру. Все четыре дома обращены к зрителю фронтонной стеной со входом. В квадрате входа виднеется круг — условное

[1] Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1904, № 4, стр. 30; 1906, № 6 стр. 53—57.



Наконечники стрел тагарской эпохи из Минусинской котловины.

изображение очага. Дома крыты соломой по способу покрытия среднерусских изб— в стропила укреплены шипы, на которых лежит решетник. Поверх решетника настлана солома, придавленная сверху жердями, которые также держатся на стропильных шипах. Коньковые стропила, перекрещиваясь, торчат кверху совершенно так же, как у современных крытых соломой изб. Юрта, повидимому кошмовая, имеет колоколовидную форму, до сих пор встречающуюся в степях Казахстана и в Монголии и уходящую далеко в глубь веков, если судить по описаниям татарских юрт XIII в., по изображениям половецких веж в Радзивилловской летописи и по рисунку в склепе Анфистерия в Керчи, изображающему сделанный по кочевническому образцу шатер. Вероятно, форма этого шатра была заимствована у скифов или сарматов. Время склепа Анфистерия уже близко к описываемому. Стены юрты, так же как и у бревенчатых домов, покрыты горизонтальными параллельными бороздами. Они не могут здесь передавать бревенчатое строение стен. Вероятно, ими воспроизведены те волосяные арканы, которыми и сейчас окутывают снаружи кошмовое покрытие юрт.

Нахождение в тагарском поселке юрты весьма знаменательно. Оно свидетельствует о наличии у тагарцев кочевнических элементов. Между домами на боярском рисунке ходят люди в малицеобразных костюмах. Стоят котлы скифской формы. Под некоторыми переданы языки пламени. Вся левая половина писаницы покрыта изображениями оленей, козлов и других животных.[1] На другой писанице тех же Бояр, внизу, т. е. на переднем плане, стоят четыре дома, аналогичных только что описанным. В отдалении (значительно выше) стоит один большой дом. Между ним и четырьмя домиками расположены неправильные четыреугольники, покрытые штриховкой. Все остальное пространство заполнено изображениями животных. Можно предположить, что заштрихованные четыреугольники изображают обработанные участки земли, которые объясняют бревенчатые дома оседлого населения так же, как стада объясняют кочевническую юрту.

Когда выше рассматривались древнетагарские погребения, было отмечено, что все они имеют ярко выраженный семейный характер. Муж, жена (или жены) и дети, умершие при жизни родителей,— вот кого можно опознавать в останках курганных погребений. Самые группы курганов (курганные могильники) принадлежат отдельным родам тагарских племен. Эта же картина вырисовывается и при изучении материалов поселений. Поселки, состоящие из отдельных домиков, как бы соответствуют могильникам из нескольких десятков семейных курганов. В городищах же и убежищах можно видеть показатель объединения нескольких родов по племенному признаку.

Обратимся теперь к памятникам хозяйственной деятельности древних тагарцев. Начало земледелия относится к дотагарскому времени. Можно предполагать его наличие еще в Минусинской котловине в андроновскую эпоху. К карасукской эпохе, несмотря на общее усиление скотоводства, все же могут относиться отдель-

[1] Грязнов М. П. Боярская писаница. ПИМК, 1933, № 7—8, стр. 41.

ные бронзовые серпы, наиболее примитивной, архаической формы (хранятся в Минусинском музее). В тагарское время земледелие занимает видное место в хозяйстве. Территориальное его распространение на среднем Енисее можно выяснить, опираясь на статистику находок бронзовых серпов. 83% всех датированных тагарских серпов были найдены в степной полосе правого берега Енисея (Минусинская степь, по рр. Тубе, Сыде, Ое, низовья р. Амыла и берега самого Енисея). На левом берегу Енисея серпы встречаются гораздо реже, и находки их группируются около с. Бейского и Сабинского на юге (6%), около с. Батени (7%) и в степи южной части б. Красноярского округа. Следовательно, в тагарское время эксплоатировались лишь наиболее благоприятные для земледелия почвы. Тагарские земледельцы еще не были вынуждены приспосабливать малоплодородные участки. По способу обработки земли тагарское земледелие было ручным, мотыжным. На одной из минусинских скал обнаружен тагарский рисунок человека с сечкообразной мотыгой в руках. Самые мотыги дошли до нас лишь в ритуальных воспроизведениях из бронзы; иногда их украшают стилизованные головки грифонов, дужки и т. п. Несмотря на это, они весьма близки по форме к мотыге скального изображения. Можно предполагать, что рабочие мотыги делались из рога, кости, может быть даже из камня.

Следует также обратить внимание на так называемые «клиновидные» кельты — одну из наиболее распространенных в Минусинском крае форм тагарских кельтов. Они представляют собой всего лишь литую бронзовую оковку лезвия ударного орудия. Многие из них имеют очень узкую полость. В нее может быть загнан лишь весьма тонкий затес деревянной части орудия. Стенки таких кельтов часто также весьма тонки. Эти особенности заставляют сомневаться в пригодности всех таких орудий для рубки дерева — они слишком хрупки и легки. Вполне возможно, что они применялись для разрыхления почвы. До нас дошли остатки древних возделанных участков, связанных с тагарскими памятниками. Земля при окончательной обработке такой «пашни» не выравнивалась, но сбивалась мотыгой в узкие грядки. Такая структура, повидимому, зависела от важнейшего нововведения в земледелие, относящегося к тагарской эпохе.

Во многих районах Минусинской котловины мы встречаемся с остатками древних тагарских оросительных систем. Особенно четко эти системы были прослежены в 1931 г. в долинах рр. Теси и Ербы в Баградском районе Хакасской Автономной области. Вода для оросительных каналов иногда проводилась за 15—20 км. Это особенно ясно удалось установить по древней «Чудской канаве», начатой около с. Сухоербинского и проведенной на «Чудскую пашню» около с. Знаменка в том же Баградском районе. Главный канал отводил взятую вверх по реке воду, идя почти по горизонтали с самым незначительным уклоном. Такое направление при значительном уклоне долины уже в 5 км от головы канала давало значительные орошаемые участки. Вода на эти пашни выпускалась через отверстия во внешнем валу канавы. Чтобы вода равномернее орошала участок, земля при окончательной

обработке сбивалась мотыгами в узкие грядки. По бороздам между грядками и растекалась выпущенная из канала вода.[1]

Осмотр головы канала около с. Сухоербинского не дал остатков каких-либо водоподъемных сооружений. Повидимому, вода отводилась в канал с уровня реки. При проведении канала производились очень большие земляные работы. Местами приходилось вести канаву по скале, выламывая камень на значительном протяжении, и строить подпорные стенки, развалины которых местами видны и до сих пор. Такое строительство не могло, конечно, вестись силами одного поселка, которому принадлежала пашня в конце канала. Вероятнее предполагать, что для такого грандиозного по тому времени строительства объединялись силы ряда поселков. Такое объединение поддерживалось и после постройки канала необходимостью согласованно его эксплоатировать, ремонтировать и охранять. В связи с последним обстоятельством особый интерес приобретают сторожевые укрепления, обнаруженные нами в районе каналов. Одно из них находится при выходе описанного выше канала Сухоербинское — Знаменка в широкую долину, лежащую к западу от хребта Коровы (параллелен хребту Бояры и перпендикулярен течению р. Енисея). Канал, несомненно, орошал эту долину, проходя здесь по увалу, ограничивающему ее с запада. Здесь начало «оазиса». Поэтому вполне понятно наличие около канала укрепления. Второе укрепление было осмотрено нами невдалеке от Боярских писаниц в 0.5 км к западу от западного конца хребта Бояры. Оно также расположено около канала в том месте, где он вступает в орошаемую его водами долину р. Теси между хребтами Коровы и Бояры. Оба укрепления окружены валами со рвом. В плане они округлы. Площадь их гораздо меньше, чем у городища-убежища, обнаруженного в степи около с. Усть-Ерба (там диаметр до 200 м, здесь не превышает 60 м). Шурфовка на территории этих укреплений не обнаружила следов поселка, жители которого занимались бы хозяйством. Не отыскано и остатков постоянных жилищ. Однако найденная в культурном слое тагарская керамика не оставляет сомнения во времени существования укреплений.

Коснувшись земледелия, мы вошли в круг таких вопросов, которые тесно связываются с важнейшей проблемой форм общественной жизни в древнетагарское время. Однако прежде чем переходить к этому вопросу, необходимо проанализировать другие стороны тагарского хозяйства.

Наряду с земледелием, а в ряде районов и безраздельно господствуя, развивалось тагарское скотоводство. Каков был состав тагарского стада,— к сожалению, можно установить только приблизительно. Главным препятствием здесь является отсутствие материалов с поселений.

Статистика находок костей домашних животных в погребениях может приниматься лишь условно, так как она отражает хозяйственные изменения преломленными в культе. Однако сравнение этих данных с аналогичными наблюдениями

---

[1] Apelgren-Kivalo. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, 24, Abb. 123.

карасукского времени все же дает до известной степени показательные результаты. В могилах преобладают кости крупных животных — коровы и лошади. Это, конечно, не означает падения роли овцеводства, развившегося в карасукское время, но свидетельствует о новом росте значения крупного скота. Если же учесть вещевой материал, то станет ясным, что лошадь становится в это время важнейшим элементом хозяйства. Тагарская эпоха — время, когда впервые в Северной Азии разрабатывается верховая конская сбруя. Правда, в карасукскую эпоху мы уже видели лошадь, запряженную в кибитку, однако никаких признаков использования лошади под верх в бронзовом веке Минусинского края не имеется. Вероятно, и изображение лошади, запряженной в кибитку, относится к позднекарасукскому времени.

Среди тагарских древностей большое количество удил и наременных бляшек от узды. Все они сделаны из бронзы. Бляшки очень близки к скифским аналогичного назначения. Большинство из них имеет вид двух округлых блях, расположенных одна над другой и соединенных тремя или четырьмя перемычками. В промежутки между перемычками протягивались ремни, пересекаясь или расходясь на три. Сверху такие бляшки-обоймы иногда украшены рельефным изображением спирали или свернувшегося зверя. Всеми этими чертами они совпадают с уздечными бляхами скифских курганов. Особый интерес представляют тагарские удила Все они отлиты из бронзы и двусоставны. Наиболее распространены простые удила, с кольцами по концам. Однако наряду с ними встречаются заканчивающиеся петлями в виде треугольника, треугольника с перемычкой и треугольника, основание которого выгнуто во внешнюю сторону; иногда имеется также и перемычка. В вершине треугольника, там, где от него отходит стержень удил, имеется обычно отверстие для укрепления трензеля (псалия). Изучение форм древнейших удил Причерноморья убеждает в том, что треугольные формы удильных петель являются наиболее ранними. Сошлемся хотя бы на известную находку В. А. Городцовым удил с подтреугольными петлями в погребении типа «в насыпях».[1]

Не меньший интерес представляют тагарские бронзовые удила, заканчивающиеся петлями в виде стремян. Это также весьма ранняя форма. Она особенно характерна для скифских погребений VI в. до н. э.[2] Отмечая большое количество случайных находок тагарских удил, поддающихся даже известной хронологизации, необходимо учесть, что удила не встречаются в тагарских погребениях. Это резко отличает их от одновременных погребений Монголии, Тувы и Алтая. Может быть, в этом отразился оседлый земледельческий характер тагарского хозяйства.

Охота и рыболовство, несомненно, играли значительную роль в тагарское время. Охота давала материал для верхней одежды, остатки которой в виде кусков

[1] Труды XIII Археологического съезда, т. I.

[2] Ульский аул, кург. № 11908 (ОАК, стр. 118); кург. 1910 г. (ОАК за 1909/10 г., стр. 156); кург. у ст. Костромской (ОАК за 1897 г., стр. 14, рис. 48).

и отпечатков меха часто обнаруживаются в древнетагарских погребениях. Мясное ее значение было ограничено, так как основные ресурсы здесь давало, конечно, скотоводство. Ловля рыбы производилась удочками и сетями (найдены удильные бронзовые крючки и грузила), но удельный вес ее в древнетагарском хозяйстве установить пока не удается.

Как было организовано описанное сложное древнетагарское «сельское хозяйство»?

В районах поливного земледелия, где каналы вели иногда воду за 15—20 км от возделываемых земель, несомненно, огромная землекопная работа проделывалась сообща всеми земледельческими поселками данного района. Также и необходимые для скота пастбища, при значительной величине стад тагарских земледельцев и при сравнительной скудости трав сухих гор, требовавших больших прогонов, удобнее было эксплоатировать сообща. Нераздельность участков, прилегавших к отдельным поселкам, подтверждает второй рисунок на хребте Бояры, где стада, не обособляясь, заполняют все пространство между поселками. Все это позволяет считать, что на тагарских поселках земледельцы жили в условиях, поддерживавших старые родовые связи. Вместе с тем есть основания предполагать объединение поселков, принадлежащих к нескольким родам, живущим по соседству в одном районе. Их могли связывать общие хозяйственные и военные заботы. Отражение такого более широкого объединения в тагарскую эпоху можно видеть в особенностях погребальных обрядов, которые со временем все более и более объединяются.

Отмеченное еще в карасукское время накопление усиливается теперь с развитием земледелия и совершенствованием обработки меди. Уже не прежним, доступным большинству производством была выработка медных тагарских орудий, оружия и украшений. Стандартизация форм, размеров, орнаментов и усовершенствование способов отливки — все это заставляет предполагать значительную специализацию в меднолитейном деле. Из истории бронзы в различных странах, в том числе и у нас в южнорусских степях, известно, что наивысший расцвет литейного дела находит свое археологическое выражение в многочисленных кладах и складах изделий, заготовленных мастерами.

В Минусинской котловине такие клады относятся к тагарскому времени. Их образцом может служить клад бронзовых инструментов, найденный в 1901 г. около с. Брагиной. Его составляют:

а) Девять серпов обычного тагарского типа. Серпы сделаны в разных литейных формах. На двух имеются тамги — три соединенные между собой спирали и фигурка животного.[1]

б) Три втульчатых долота, также из разных форм.[2]

---

[1] Хранится в Минусинском музее, № 1506, 1507, 1630, 1632, 1659, 1661. Левашова В., Из далекого прошлого..., табл. VII, рис. 1 и 2.

[2] Там же, № 537—539.

в) Кельты: три так называемых «носатых» с ушками вверху узких граней, один «городковый», также с ушками, два безухих клиновидных. Один из них, более вытянутый, как и все предшествующие, применялся в качестве топора, о чем свидетельствует симметричность профиля его клина. Другой, более низкий и широкий, с двумя отверстиями для закрепления гвоздями, служил наконечником тесла или мотыги, так как имеет профиль вытянутого прямоугольного треугольника.[1]

г) Совершенно уникален наконечник втульчатого копья, воспроизводящий в огромных размерах пулевидный втульчатый наконечник стрелы.[2]

д) Особый интерес представляет набор из четырех клейм для горячего тавренья животных. Одно представляет просто бронзовую прямую пластинку, с двумя ушками для держания. Другое — две параллельные пластины, соединенные перемычками и дугообразной ручкой. Третье имеет вид плоской прямоугольной решетки с дужкой на обратной стороне. Четвертое также решетчатое, но округлой формы.[3]

Нельзя недооценивать находку этих клейм. Они свидетельствуют о дальнейшем развитии представлений о собственности. Однако было бы неправильно видеть в них безусловное доказательство зарождения частнособственнических тенденций. Тавренье скота широко применяется и в первобытно-общинных условиях. Исходя из всей суммы сведений об общественном устройстве раннетагарского времени, этот набор клейм следует считать показателем укрепления норм родовой собственности и наличия необходимости всячески ее оградить от посягательств иноплеменников. Все, что мы знаем о военной технике раннего тагарского времени, говорит о том же. Особый вопрос — наличие в одном кладе нескольких различных клейм. Это указывает на принадлежность клада мастеру-литейщику, изготовившему клейма в расчете на заказ. Очевидно, мы имеем в Брагинской находке склад изделий и брака мастера, подобный Сосново-Мазинскому.[4] Поломанные и сработанные серпы, а также явно неудавшийся безухий кельт служили сырьем, «утилем», ждавшим переливки.

О той же специализации литейщиков и о работе их для обмена говорит и широкое распространение клеймения изделий знаками мастеров, уже стремившихся к тому, чтобы их различали. Очевидно, именно в раннетагарское время металлургия начинает складываться в специальную отрасль производства, возникают основы второго великого общественного разделения труда.

---

[1] Хранится в Минусинском музее, № 26, 28, 63, 100, 351, 423.

[2] Там же, № 7235. Левашова В., ук. соч., табл. VII, рис. 6.

[3] Там же, № 9361, 9365. Левашова В., ук. соч., табл. VI, рис. 1.

[4] Спицын А. Некоторые находки медного века. ИАК, в. 29, СПб., 1909; Tallgren, A. La Pontide préscythique. ESA, II, 1926, стр. 154, 190; Гольмстен В. В. Серпы из Сосновой Мазы. ИИМК, 1933, № 5—6.

Развитие меднолитейного мастерства в Минусинской котловине обусловило значительное распространение тагарских изделий по Западной и Восточной Сибири, их проникновение в глухие уголки таежных районов Чулыма, Томи, Оби, Иртыша, Ангары и Лены и даже в Европейскую часть СССР.[1]

Роль специализации мастерства и вызванного им усиления обмена очень велика в развитии общинного строя. В первобытных общинах «...частная собственность развивается в форму товара, сначала в обмене с чужестранцами. Чем больше продукты общины принимают товарную форму, т. е. чем меньшая часть их производится для собственного потребления производителей и чем бо́льшая для целей обмена, чем больше обмен вытесняет и внутри общины первоначальное, стихийно сложившееся разделение труда,— тем более неравным становится также имущественное положение отдельных членов общины, тем глубже подрывается старое общинное землевладение...».[2]

Эти изменения первоначально проявлялись не постоянно, сочетаясь с весьма архаическими чертами. Вспомним хотя бы единообразие инвентаря древнейших тагарских курганов и встречаемые местами погребения вооруженных женщин. Однако семья, во главе которой стоит отец, именно в это время становится господствующей формой. Это особенно ярко выражает подавляющее большинство древнетагарских курганов, скрывающих под своими насыпями погребения семьи. Из них могила мужчин всегда выдвинута на первое место расположением или в центре кургана или под наиболее высокой северной его полой.

Дальнейшая история тагарской эпохи на Енисее показывает новые успехи наметившегося развития.

4. ВТОРАЯ СТАДИЯ

КУРГАНЫ

Для второй тагарской стадии характерны курганы, имеющие эллиптические высокие насыпи с вершиной в северной части (высота до 2 м, диаметры до 40 м). На насыпи курганов в Минусинской котловине имеются четыреугольные оградки из поставленных на ребро плит, вытянутые с севера на юг, точной ориентировкой всегда совпадающие с направлением могильных ям. Размеры оградок различны. Они зависят от величины диаметров насыпей, которых они меньше на 3—5 м.

---

[1] а) Типично сибирские клевцы ананьинских могильников (T a l l g r e n A. M. L'époque dite d'Ananino).

б) Типично тагарские ножи и клевец из Тюкалинского и Тарского окр. Зап. Сибири (хранятся в ГИМ, № 39096 и 38209).

в) Находка тагарских вещей в кургане б. Полтавской губ. (ОАК за 1893 г., стр. 44, рис. 26—28).

[2] Э н г е л ь с Ф. Анти-Дюринг. М., Госполитиздат, 1946, стр. 151.

По углам и серединам всех четырех сторон оградок поставлены крупные обломки плит, нередко достигающие 1—1.5 м высоты.

Под насыпями всегда находились погребения. Большинство из них заключено в четыреугольные ямы (3—4.5 × 3—2 × 1.85 — 0.7 м), укрепленные доверху срубами из лиственничных бревен или горбылей, рубленных в лапу, и покрытые накатом в один или три ряда толстых бревен. Полом в них служат настланные на материк тонкие доски или береста. Однако конструктивное сходство не позволяет объединить все курганы второй стадии в один тип. В близких по конструкции камерах заключены погребения с различной обрядовостью.

В одних случаях (вид III) на полу находятся остатки костей, захороненных после освобождения от мышечной ткани. Кости всегда разбросаны по всему срубу, образуя сплошной известковый слой, в котором без всякого порядка и заметного отношения друг к другу залегают различные вещи. Некоторая правильность наблюдается лишь в расположении черепов, сложенных грудками у западной или восточной стенки сруба. Около них сосредоточены и крупные глиняные сосуды и плошки, да однажды были найдены обломки маски. Подсчет костей показывает, что в одну яму хоронили по нескольку человек (от 3 до 28). Кроме того, четыре раза встретились индивидуальные «расчленения».

Более редко встречающимся вариантом этого вида являются большие курганы, в обширных камерах которых сложены в несколько рядов свыше ста умерших. Наиболее ясны результаты сделанных Д. Клеменцом раскопок Назаровского кургана в б. Ачинском уезде на левом берегу р. Чулыма. Могильная яма и здесь была сильно потревожена грабителями. Судя по чертежу исследователя, более трети ее площади было перерыто минами, уничтожившими в затронутых местах все остатки до самого дна. Зато в середине и южной стороне могилы погребения сохранились лучше. Удалось установить, «что трупы клались преимущественно головой на север друг на друга в три ряда безразлично — и лицом вниз и навзничь. Северо-южное направление сохраняется только приблизительно — уцелевшие кости позвоночников перекрещиваются между собой. Насколько можно было определить по костякам, между взрослыми было найдено не менее 20 детских трупиков в возрасте от 7 до 14 лет... Всех же трупов в могиле было не менее 100. Кости сохранились очень плохо... Обломки горшочков попадались крайне редко. В северо-восточной части могилы был найден целый горшок». Из других вещей исследователь упомянул медную бляшку и найденный у северного края могилы «маленький медный боевой молоток» (клевец).[1]

Другим видом погребения во второй стадии являлись также коллективные захоронения покойников разного пола и возраста, часто сложенные в 2—3 яруса друг над другом. Отличием этих погребений от описанных выше является обычай сожжения камеры после заполнения ее известным количеством трупов (вид IV).

---

[1] Письмо Д. Клеменца Тизенгаузену от 2 февраля 1889 г. Архив ИИМК, дело № 23 за 1881 г.

Осуществлялось это путем накладывания поверх трупов обрубков дерева, хвороста, лиственничного и елового лапника и т. п. Все это поджигалось, но горело, очевидно, под землей при малом доступе воздуха. Поэтому происходило обугливание дерева и лишь частично обжигались останки погребенных.

Так же как и в могилах первого вида, и здесь число покойников в отдельных курганах было различно. В курганах, раскопанных А. В. Адриановым около с. Малая Иня, удавалось установить в каждой яме от 3 до 20 погребенных.[1] В количестве «нескольких десятков» были обнаружены обожженные костяки в курганах, раскопанных в окрестностях Красноярска Проскуряковым (у д. Солонечной, Карымской и у с. Лодейского).[2] Особенно велико число костяков в кургане, раскопанном Оссовским «за поскотиной» с. Б. Барандат в б. Мариинском округе. До 140 костяков лежат там в три яруса. Они также подвергнуты сожжению при помощи набросанных в яму и зажженных обрубков дерева. Как видно из описания обоих этих видов коллективных погребений (см. приложение, таблица И), содержащие их курганы второй стадии распространены гораздо шире древнетагарских. В Минусинской котловине именно они занимают подтаежные зоны юга, востока и запада, на севере они достигают широты Красноярска и Ачинска, километров на 100 оставляя к югу границу распространения курганов первой стадии.

К сожалению, большинство курганов с большим числом схороненных в одной яме покойников было раскопано еще в конце прошлого столетия методами, оставлявшими и тогда желать много лучшего. В этой связи остались неясны многие вопросы, возникающие при их изучении. Прежде всего неизвестно, одновременно или в течение долгого времени складывались покойники в могильные ямы. Между тем сходство этого погребального обряда с позднейшим, таштыкским, детально изученным по раскопкам склепов Уйбатского чаатаса, позволяет предполагать и здесь наличие входных галлерей — дромосов, через которые было возможно вносить покойников в погребальную камеру в течение многих месяцев. Наличие среди скелетов детских и женских также противоречит старому взгляду на коллективные тагарские погребения как на братские могилы и скорее подтверждает наше предположение.

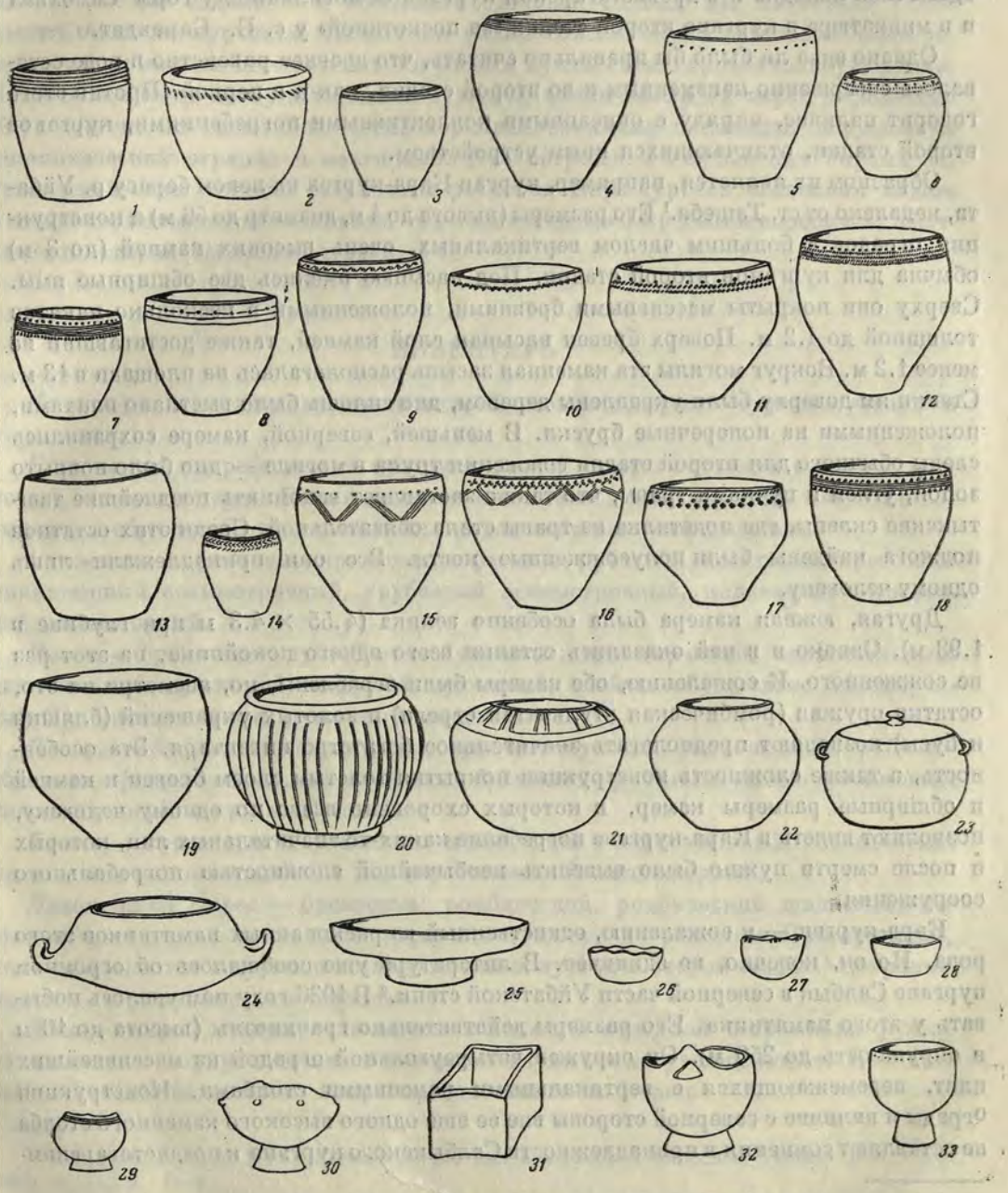
Состав инвентаря коллективных погребений ничем по существу не отличается от инвентаря раннетагарских могильников, только то, что там находилось в нескольких курганах, здесь сосредоточено в одном.

Если не считаться с тем, что все оружие и орудия в курганах второй стадии заменены миниатюрными изображениями, мы будем иметь примерно то же соотношение между вооруженными (главным образом мужчинами) и невооруженными (главным образом женщинами). Даже такая деталь, как ажурное навершие в форме скифского котла, украшенное фигурками козлов, встречена в виде

---

[1] Адрианов А. В. Выборки из дневников курганных раскопок, стр. 61—64.

[2] Спицын А. А. Коллективные могилы в верховьях Енисея и Чулыма. Зап. РАО, 1899, т. 11, в. 1—2.



Тагарская посуда из Минусинской котловины.

одиночной находки и в древнетагарском курганном могильнике у горы Самохвал и в миниатюре в кургане второй стадии «за поскотиной» у с. Б. Барандат.

Однако едва ли было бы правильно считать, что древнее равенство в роде оставалось совершенно неизменным и во второй стадии, как и в первой. Против этого говорит наличие, наряду с описанными коллективными погребениями, курганов второй стадии, отличающихся иным устройством.

Образцом их является, например, курган Кара-курген на левом берегу р. Уйбата, недалеко от ст. Ташеба.[1] Его размеры (высота до 4 м, диаметр до 56 м) и конструкция оградок с большим числом вертикальных, очень высоких камней (до 3 м) обычна для курганов второй стадии. Под насыпью имелись две обширные ямы. Сверху они покрыты массивными бревнами, положенными в несколько накатов толщиной до 1.2 м. Поверх бревен насыпан слой камней, также достигавший не менее 1.2 м. Вокруг могилы эта каменная засыпь располагалась на площади в 13 м. Стенки ям доверху были укреплены деревом, дно сплошь было выстлано плахами, положенными на поперечные бруски. В меньшей, северной, камере сохранились следы обычного для второй стадии сожжения трупа в могиле — дно было покрыто золой, углем и пучками травы, что также заставляет вспомнить позднейшие таштыкские склепы, где подстилка из травы стала обязательной. Среди этих остатков поджога найдены были полусожженные кости. Все они принадлежали лишь одному человеку.

Другая, южная камера была особенно велика (4.55 × 4.3 м при глубине в 1.93 м). Однако и в ней оказались останки всего одного покойника, на этот раз не сожженного. К сожалению, обе камеры были ограблены, но, несмотря на это, остатки оружия (ромбическая втульчатая стрела) и золотых украшений (бляшки и бусы) позволяют предполагать значительное богатство инвентаря. Эта особенность, а также сложность конструкции покрытия толстым слоем бревен и камней и обширные размеры камер, в которых схоронено всего по одному человеку, позволяют видеть в Кара-кургене погребение каких-то значительных лиц, которых и после смерти нужно было выделить необычайной сложностью погребального сооружения.

Кара-курген,— к сожалению, единственный из раскопанных памятников этого рода. Но он, конечно, не единичен. В литературе уже сообщалось об огромном кургане Салбык в северной части Уйбатской степи.[2] В 1936 году нам удалось побывать у этого памятника. Его размеры действительно грандиозны (высота до 10 м и окружность до 250 м). Он окружен четыреугольной оградой из массивнейших плит, перемежающихся с вертикальными каменными столбами. Конструкция ограды и наличие с северной стороны вне ее еще одного высокого каменного столба не оставляют сомнения в принадлежности Салбыкского кургана к позднетагарским

[1] Адрианов А. В. Выборки из дневников, стр. 55.

[2] Merchart G. Beiträge zur Urgeschichte der Jenissei Gubernie. SMYA, XXXIV, рис. 1.

Однако он не одинок — в котловине урочища Салбык мы насчитали более десяти таких же курганов. Из них два равны описанному, а остальные лишь незначительно меньше его. Все они сохранили лучше свою первоначальную форму. Некогда это были не куполовидные курганы, каким выглядел перед раскопками Кара-курген, но гигантские четырехгранные земляные пирамиды, окруженные мегалитической оградой и менгирами. Кто погребен в Салбыкских пирамидах, пока неизвестно. Однако результаты раскопок Кара-кургена позволяют видеть в них нечто более исключительное, чем коллективные погребения сородичей, обычные для второй тагарской стадии.

ИНВЕНТАРЬ

Инвентари тагарских курганов второй стадии содержат оружие, утварь и украшения.

Вооружение погребенных в курганах второй стадии состояло из кинжалов, ножей, клевцов и стрел. Большинство из них клалось в могилу лишь в виде миниатюрных изображений, отличающихся притом небрежностью выделки.

Кинжалы — бронзовые, крыловидноэфесовые, рубчатый, крестовый, крестовый миниатюрный асимметричный, трубчатый асимметричный, кольчатый — прорезной миниатюрный.

Ножи — бронзовые, дугообразнообушковые: однодырчатый, однопетельный, двупетельный, дужковый, ажурный, крюковый; змейчатообушковые; однодырчатый (I), однопетельный, дужковый, гладкий.

Клевцы — бронзовые, втульчатые, гранчатообушные, уменьшенные, рубчатообушные, фигурнообушные: втульчатообоймовые; рубчатообушные обоймовые; плоскообушный и круглообушный.

Втоки — бронзовые втульчатые: конический — миниатюрный, лопатчатый, лопатчатый миниатюрный I и II, параболоидный миниатюрный.

Наконечники стрел — бронзовые: ромбический, ромбический шипастый; костяные и железные; последние сохранились только из раскопок Проскурякова, хотя упоминаются и другими исследователями курганов второй стадии.[1] Сохранившиеся — черешковые, листовидные.

Шилья второй стадии отличаются небрежной отделкой стерженька ручки, не имеющего сверху шляпки, замененной двумя-тремя утолщениями. При этом часты и общие недостатки, например недоотлитость острия.[2]

---

[1] Спицын А. А. Коллективные погребения в верховьях Енисея и Чулыма. Зап. РАО. 1899, т. 11, в. 1—2.

[2] Раскопки Адрианова — Малая Иня, кург. № 2, II; Частоостровское, кург. № 1; раскопки Клеменца — Назаровское, курган; раск. Оссовского — с. Барандат, «курган за поскотиной» (хранится в ГИМ).

Иглы, чаще бронзовые, весьма распространены в курганах второй стадии.[1]

Украшения и принадлежности одежды составляют второй значительный комплекс находок в погребениях второй стадии. В него входят бляхи, бусы, серьги, диадемы, браслеты, пуговицы, булавки, иглы, зеркала, фигурные, нашивные, прорезные пластины и пр.

Бляхи — полушарной формы, небольших размеров, сходны с более древними, описанными выше.

Бусы погребений второй стадии — преимущественно стеклянные. Из голубого, реже коричневого и зеленого стекла делались цилиндрические, рубчатые и реповидные бусы и «рубленый» бисер. Встречены почти во всех могилах второй стадии. Бронзовые, литые, биконические сходны с найденными в погребениях первой стадии. Сердоликовые, боченковидные, раскрашены белой краской, нанесенной прямыми линиями.[2] Ожерелья второй стадии дополнялись еще бронзовыми трубчатыми пронизками, гладкими и рубчатыми, просверленными клыками лисицы[3] и пастовыми и бронзовыми изображениями раковины *Cyprea moneta*.[4] Одежда времени второй стадии не сохранилась. Остались лишь пестикообразные каменные и бронзовые застежки, близкие к найденным в курганах б. Елизаветпольской губ.

Браслеты и диадемы (венчики) встречаются лишь в погребениях переходного типа от второй стадии к третьей. Как и их предшественники из второй стадии, они делались из бронзовых пластинок, плоских или желобчатых.

Пуговицы бронзовые двух типов. Первый — круглый выпуклый, снабжен с обратной стороны дугообразной петелькой. Другой — также круглый, выпуклый, имеет еще ободок.[5]

Зеркала — бронзовые, дисковидные; дужковое, гвоздковое, петельное, кнопковое; фигурное, сердцевидное. Все, кроме дужкового, встречаются исключительно в погребениях второй стадии и отличаются миниатюрностью (табл. XXI, рис. 1—5).

К принадлежностям одежды, вероятно, относятся находимые в большом количестве в курганах второй стадии *золотые листики*, нашивавшиеся на ткань. Большей частью это небольшие полоски с дырочками для пришивания. Иногда встречаются более крупные, орнаментированные гирляндами треугольников с фесто-

---

[1] Раскопки Адрианова — Малая Иня, кург. № 4; Частоостровское, кург. № 1; Абаканская Управа, раск. 1898 г., кург. № 3. Раскопки Клеменца — ст. Назаровское, курган. Раскопки Оссовского — с. Барандат, «курган за поскотиной» (хранятся в ГИМ).

[2] Тесь, «Большой курган», раскопки Киселева; сходные найдены в сарматском кургане, раскопанном покойным Г. В. Подгаецким на 14-м км ж.-д. линии Орск — Н. Аккермановка. Вместе с бусами лежали два бронзовых трехгранных наконечника стрел III в. до н. э. Материалы демонстрировались на выставке ГАИМК в 1937 г.

[3] Сыда, кург. № 5, XIII, раскопки Киселева.

[4] Сыда, кург. № 5, XIII, раскопки Киселева и найденные случайно (хранятся в Минусинском музее).

[5] Раскопки Оссовского — с. Барандат, «курган за поскотиной» (хранится в ГИМ).

нами или звездами, линии которых, обычно ельчатые, подражают шитью кожаных ножен ножей и кинжалов.[1]

Пряжки — бронзовые, овальные и восьмерковидные, найденные в позднейших тагарских курганах, отличаются иногда отсутствием замка, замененного торчащим спереди шпеньком. Такие пряжки известны довольно рано в Скифии. В Минусинском крае они появляются к концу тагарской культуры и особенно распространяются в первой стадии древнехакасской.[2]

Бронзовые прутья (может быть, оковки луков) сходны с более древними и находятся лишь в курганах конца второй стадии. Один из них, изогнутый в три дуги с лошадиными копытами на концах, точно совпадает с изображенным на одном случайно найденном крестовом кинжале.[3]

Неясно назначение найденной Оссовским *бронзовой змейки* с прорезной мордой.[4]

Значки, найденные в кургане, содержавшем сожжение 140 костяков, по форме точно воспроизводят найденные на г. Самохвал (см. выше). Фигурки козлов, судя по сохранившимся ножкам, были очень плоски и тонки. Это отличает их от древнейших, сближая со схематическими изображениями на обухе фигурного клевца второй стадии (табл. XXIV, рис. 6) и с одним из случайно найденных значков, хранящимся в Минусинском музее.

Особую группу среди предметов второй стадии занимают *бронзовые скульптурные изображения* в виде рельефных бляшек, украшений оковок лука, обухов клевцов и рукояток ножей. Один из весьма распространенных во второй стадии видов изображений — фигурки стоящего зверя, постепенно утрачивающие энергическую монументальность и превращающиеся в ажурный, чисто орнаментальный мотив, уже описывались выше. Головки лошади, украшающие оковки лука, во второй стадии мало чем отличаются от найденных в древнейших тагарских курганах. Они лишь более схематичны и часто утрачивают всякую связь с натурой, превращаясь в неосознанные художником выпуклости и заострения.[5]

Среди рельефных бляшек основную группу составляют изображения оленя с подогнутыми ногами — поза, в которой видят передачу «летящего галопа».[6] Действительно, они довольно экспрессивно передают бег и характерную при нем загнутость вверх головы с прижатыми к спине рогами (табл. XX, рис. 2, 4, 6, 7,

---

[1] Раскопки Оссовского — с. Барандат «курган за поскотиной» (хранятся в ГИМ).

[2] «Курган за поскотиной», с. Барандат, б. Мариинского окр.; раскопки Оссовского (хранится в ГИМ).

[3] Раскопки Оссовского — с. Барандат, б. Мариинского окр., «курган за поскотиной». Раскопки Адрианова — Частоостровское, кург. № 1 (хранятся в ГИМ).

[4] Раскопки Оссовского, «курган за поскотиной», с. Барандат (хранится в ГИМ).

[5] Тесь, Большой курган — раск. Киселева; Малая Иня, кург. № 5, Тагарский о-в 1894 г., кург. № 4, IV; Кызыл-Куль, кург. № 2; Тагарское оз., Большой курган, раск. Адрианова; р. Убиенка, б. Мариинского округа, кург. № 1, № 3 — раск. Оссовского.

[6] Reinach S. La représentation du galop dans l'art ancien et moderne, chap. XI. Reuve Archéologique, 38, 1901, p. 31, fig. 98, 99.

14—16. Различия намечаются лишь в деталях. Так, глаза изображают не только рельефные кружки, но и округлые отверстия. Рога также неодинаковы. На одних бляшках они трактованы в виде ряда сливающихся друг с другом колечек, срезанных внизу горизонтально, на других же передают ветвистость сложным плетением и поднимающимися над ним загнутыми вперед отростками. При этом обращает на себя внимание загибающийся крючком отросток, вытянутый вперед, надо лбом животного. Общей же отличительной чертой всех изображений оленя является мягкость рельефа, нигде не подчеркнутого резким переломом или срезом.[1] Очень частые и многочисленные для территории тагарской культуры второй стадии бляшки «галопирующие олени» редки в соседних областях Урала и Сибири.[2] Лишь одна сходная с тагарскими фигурка галопирующего оленя известна из Центральной Азии (навершие из Ордоса).[3] Зато подобные изображения очень распространены в Скифии. Штампованные на золотых пластинках фигурки «галопирующего» оленя из Причерноморья с VII по начало V в. особенно близки к тагарским. Вполне совпадает не только поза, но и трактовка деталей, например ветвистых рогов с горизонтальным, крючковатым отростком над головой. Даже способ передачи рельефа почти всегда аналогичен — отсутствуют резкие срезы и острые грани переломов, встречающиеся лишь на крупных изображениях, вроде костромской бляхи и елизаветинского золотого рельефа.[4] Уже в V в. большинство скифских изображений оленя претерпевает резкие изменения, впоследствии развивающиеся еще более. Прежде всего распространенная ранее фигурка «галопирующего» оленя заменяется оленем «отдыхающим», положившим голову на спину. Рога, разрастаясь пышными, ветвистыми букетами, постепенно превращаются в сложный, полурастительный ажур. Самое тело животного, подчиняясь орнаментальным требованиям, теряет свою реальность и превращается в подчиненный элемент замысловатого узора.[5] Сохраняющиеся же в IV и в III вв., но реже встречающиеся изображения архаического типа несут на себе все следы вырождения сюжета — на

---

[1] Саргов II, кург. № 1; Малая Иня, кург. № 5, II — раск. Адрианова; Новоникольское — раск. Мерхарта (МПК); Тесь, Большой курган — раск. Киселева. Сюда же относятся бляха из кург. № 3, раскопанн. на р. Убиенке Оссовским, изображ. барана (табл. XIII, рис. 97). Раскопки Адрианова—Малая Иня, кург. № 3, II; Частоостровское, кург. № 1 (хранятся в ГИМ, з. IV).

[2] Aspelin I. Antiquités du Nord..., livr. I, fig. 314, 315.

[3] Minns E. Small bronzes etc., pl. I, fig. 7.

[4] Ст. Костромская (Borovka, I), Ульский аул (Borovka, 3, E), ст. Келермесская (Borovka, 2 и Rostovtzev, IV, 1) — VII—VI вв. до н. э.; Ак-Мечеть близ Евпатории (Borovka, 3, B) — VI—V вв.; появляются на рогах грифоны. К этому же времени следует, кажется, отнести и бляхи Будапештского музея (Rostovtzev M. Animal Styl, pl. V, 1).

[5] Дубовая близ Верхнеднепровска (Borovka, 3, A), Семь Братьев (Borovka, 4, A. C.), Чигирин (Borovka, 4, B), Мелитополь (Borovka, 28) — V в.; ст. Елизаветинская и Кубань (точнее неизвестно) (Borovka, 7, A — D), Блуменфельд (Grakov B., 28) — V—IV вв.; Александропольский курган (Rostovtzev M. Animal, Styl, XII, 2)— III в. до н. э.

теле оленя помещаются стилизованные изображения зверей, а львица на шее кульобского оленя свидетельствует о переработке старой темы в новую, постепенно распространяющуюся — сцену борьбы зверей.[1]

Отсутствие изображений оленя в древнейших тагарских погребениях, с одной стороны, а с другой, наличие их во вполне разработанном виде, совершенно совпадающем с тагарскими второй стадии, в погребениях Скифии VII—VI вв., заставляет самое их появление на Енисее связывать со скифским влиянием, наметившимся, как мы видели выше, во второй половине первой стадии. Может, правда, показаться странным более позднее восприятие тагарскими художниками изображения оленя сравнительно, например, с пришедшей с того же Запада ажурностью. Однако такая задержка вполне естественна. В случае с ажурностью перед нами перенесение орнаментального приема со скифских изображений на тагарские, им аналогичные (свернувшийся и стоящий зверь). В случае же с оленем имеется уже восприятие совершенно нового художественного образа, дотоле в бронзе на Енисее не воспроизводившегося. Поэтому вполне естественно, что его усвоение было более медленным, а в силу этого и распространение его, приведшее к находкам в погребениях, совпало уже не с концом первой, а с началом второй тагарской стадии.

Такой вывод еще раз подтверждает, что V в. до н. э. был временем, когда в Минусинском крае изменились формы вещей и обрядов и развились новые, характерные для второй тагарской стадии. Заимствование скифского изображения оленя в том виде, который господствовал среди енисейских бронз, едва ли могло осуществиться позднее начала V в., так как впоследствии в самой Скифии олень стал изображаться уже совершенно по-иному. Однако рассмотрение некоторых, случайно найденных оленьков, как будто указывает и на их более позднее существование.

Так, обращают на себя внимание грубо сделанные оленьки с гребнем вместо рогов. Своей примитивностью они указывают на огрубение и на непонимание темы. Это подтверждается и схематическим изображением ног в виде прямой линии, без прогиба, характерного для всех остальных галопирующих.[2] Такие особенности изображения наводят на мысль о происхождении «гребенчатых» оленьков в более позднее время, когда уже забывалась старая традиция. Кроме того, «гребенчатые» оленьки своей трактовкой рогов в виде гребешка и прежде отсутствующей разинутостью рта приближаются к схематическим, прорезным фигуркам зверей Урала и Северной Сибири, датирующимся временем около начала н. э. по находкам на Гляденовском костище,[3] в кладах на горе Кулайка Нарымского округа [4] и около д. Ишимки Ачинского округа.[5]

---

[1] Елизаветинская (Borovka, 22, B), Куль-Оба (Borovka, 34) — V—III вв.

[2] Хранится в Минусинском музее (См. Киселев С. В. Тагарская культура, 58).

[3] ОАК за 1896 г., стр. 129, рис. 254а.

[4] Мягков Н. Находка на горе Кулайке. Томск, 1927, и он же. Древности Нарымского края, Томск, 1929.

[5] Ермолаев, Ишимская коллекция. Красноярск, 1914, т. VII, п. 1 и 4.

Кроме оленьков, следует отметить бронзовую круглую статуэтку, довольно живо и реально изображающую кулана.[1] Значение этой статуэтки в том, что она доказывает сохранение в искусстве конца II стадии тагарской культуры, наряду со стилизацией, древнего реализма (табл. XXI, рис. 8).

Исключительную важность представляет найденный Оссовским обломок прорезной бронзовой четыреугольной бляхи. К сожалению, нельзя по нему целиком восстановить имевшееся некогда рельефное изображение.[2] Однако четыреугольная форма, с несколько округлыми углами, а также продолговатые «сердечковые» вырезы делают несомненной ее принадлежность к ряду отделанных вырезами рельефных блях, найденных случайно в Сибири, в Северном Китае и в Монголии. Мало того, особенности расположения вырезов, очень многочисленных, рассыпанных без всякого порядка и часто перебивающих естественные границы рельефа, позволяют определить более точно место описываемого обломка среди других рельефных блях.

Сейчас положительно установлено, что круг распространения рельефных блях, впервые собранных в кунсткамеру Петра I, очень широк. Он охватывает не только Сибирь, но и Забайкалье, Монголию и Северный Китай. На западе он связывается с областью сарматского искусства, а на далеком юго-востоке сливается с искусством позднечжоуского и ханьского Северного Китая.[3]

Комплекс северно- и центральноазиатских рельефных изображений на бронзовых, золотых и деревянных бляхах и апликаций из шелка и войлока весьма разнороден. Даже при самом суммарном рассмотрении его можно разделить на две группы.

Первая объединяет изображения, отличающиеся высокой степенью реализма и умеренностью орнаментации овальными и первоначально еще спиральными выемками, заполнявшимися разноцветной эмалью. Места расположения выемок здесь строго определены. Выемки отделывают листву деревьев, копыта, когти, уши и иногда основания перьев крыл. Шерсть в большинстве случаев передается весьма реально бороздчатостью поверхностей тела, и лишь изредка ее свисающие клочья превращаются в крупные сердцевидные выемки.

Сюда можно причислить следующие бляхи (ср. табл. XXI и XXII):

---

[1] Раскопки Адрианова: Малая Иня, кург. № 3, I (хранится в ГИМ).

[2] Раскопки Оссовского — «курган за поскотиной», с. Барандат б. Мариинского округа (хранится в ГИМ, см. Киселев С. В. Тагарская культура, рис. 59).

[3] Ростовцев М. И. Скифия и Босфор, гл. X; он же. Iranians and Greeks in South Russia, гл. VIII; он же. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Прага, 1929; он же. The Animal Styl in South Russia and China. Leipzig, 1929; Minns E., Skythians and Greecks. Cambridge, 1913; он же. The Art of the Northern nomads, 1944; Boroffka G. Der Skythische Tierstil. Jahresbuch d. d. Arch. Instit., Bd. XLI. H. 3—4; Borovka G. Skythian Art. London, 1928; Boroffka G. Die Funde der Expedition Koslow in der Mongolei. Jahrbuch d. d. Arch. Inst., Bd. XLI, H. 3—4; Salmony A. Sino-Siberian Art. Paris, 1933.

1) Дракон, пожирающий лошадь (Сибирь).[1] С ним вполне сходны изображения на Майкопском серебряном поясе II в. до н. э.[2] и на поясе, найденном в Болгарии, того же времени.[3]

2) Лев, напавший на лошадь (Китай, сибирского дела).[4]

3) Кабано-лев, пожирающий верблюда (Сибирь).[5]

4) Гриф и два льва, терзающие теленка (Сибирь).[6]

5) Лев, нападающий на грифа, схватившего быка (Сибирь).[7]

6) Орел-лев, вцепившийся в животное (Северный Китай, сходен с № 2).[8]

7) Два грифа, стоя на животных, терзают козла (Северный Китай, по выемкам крыльев сходен с № 2).[9]

8) Четыреугольные — с парой верблюдов и парой лошадей (Северный Китай[10] и Минусинский край).[11]

9) Хищник, пожирающий барана (Минусинский край).[12]

10) Охота на кабана (Сибирь).[13]

11) Крылатый зверь (Сибирь).[14] С ним очень близок, особенно по украшению бедер и плеч спиральными выемками, рельеф на бляхе III в. до н. э. из с. Козихина б. Ставропольской губ.[15]

В эту же группу по силе реализма включаются и те бляхи, которые по сравнению с предыдущими отличаются более усложненной орнаментикой (бóльшим количеством выемок, ветвистыми рогами, усаженными грифоновидными головками):

12) Борьба двух человек в лесу (Северный Китай).[16]

13). Человек с кибиткой (Северный Китай).[17]

---

[1] Borovka G. Skythian Art, pl. 46, A.
[2] Там же, pl. 46, B.
[3] Rostovtzev M. Animal Styl, pl. XIII, 3.
[4] Borovka G. Skythian Art, pl. 47.
[5] Там же, pl. 49, B.
[6] Там же, pl. 50.
[7] Там же, pl. 51.
[8] Там же, pl. XXVI, 2.
[9] Там же, pl. XXVI, 1.
[10] Там же, pl. XXVIII, 4, 5.
[11] Хранятся в Минусинском музее.
[12] Merhart G. Bronzezeit am Yenissei, табл. X—XI, 16.
[13] Rostovtzev M. Animal Styl. Pl. XVI, 2. Ростовцев. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль, X, 54.
[14] Borovka G. Skythian Art, pl. 36, B.
[15] Borovka G. Skythian Art, pl. 36, A.
[16] Ростовцев М. И. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль, XI, 55. Rostovtzev M. Animal Styl, pl. XXIX, 3.
[17] Ростовцев М. И. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль, XI, 56.

14) Грифон, схватывающий хищника, напавшего на жеребенка (Дерестуйский Култук, Забайкалье, могила I в. до н. э. Сходен по сюжету с № 5, 6).[1]

15) Борьба двух хищников (Сибирь).[2]

16) Четыреугольные: а) быки (Минусинский край — табл. XXII, рис. 1);[3] сходен трактовкой морд с изображениями бычьих голов из могилы I в. до н. э. того же Дерестуйского Култука;[4] б) борьба лошади с кабаном (Минусинский край — табл. XIII, рис. 26;[5] Сев. Китай [6] и могила I в. до н. э. в Дерестуйском Култуке).[7]

17) Борьба оленя-хищника с барсом (Катанда).[8]

18) Грифон, нападающий на лося (Ноин-Ула, Монголия, 2 г. до н. э.).[9]

19) Борьба быка с хищником (там же).[10]

20) Борьба льва (барса) с человеком (астраханская бляха).[11]

Из приведенных примеров видно, что бляхи первой группы, появляясь в III в. до н. э., существовали еще в I в. до н. э. При этом в стиле их изображений, так же как и в древнейшем тагарском искусстве, сосуществуют два направления: реалистическое и реалистическо-орнаментальное.

Около начала нашей эры появляются бляхи второй группы, отличающиеся сильнейшей стилизацией, фантастичностью форм, подчиненных исключительно орнаментальным заданиям, и перегруженностью мелкими миндалевидными ямками для эмалей. Сюда можно причислить следующие рельефные и круглые изображения:

21) Вереницы распластавшихся зверей (Сибирь;[12] Пешавар — Индия).[13]

22) Хищник, нападающий на лошадь (Северный Китай).[14]

23) Два грифона (Северный Китай).[15]

---

[1] Талько-Гринцевич Ю. Д. Труды Т.-КОРГО, т. III, в. 2—3, табл. III.

[2] Borovka G. Skythian Art, pl. 48.

[3] Хранятся в Минусинском музее (Martin. Op. cit., pl. 29), Эрмитаж (Borovka G. Skythian Art, pl. 53), ГИМ, зал коллекций.

[4] Талько-Гринцевич Ю. Д. Труды Т.-КОРГО, III, в. 2—3, табл. III.

[5] Эрмитаж (Borovka G. Skythian Art, pl. 53).

[6] Rostovtzev M. Animal Styl, pl. XXVI, 3; Ростовцев М. И. Срединная Азия, табл. III, 9.

[7] Талько-Гринцевич Ю. Д. Труды Т.-КОРГО, III, в. 2—3, табл. II.

[8] Borovka G. Skythian Art, pl. 61.

[9] Borovka G. Skythian Art, pl. 73 (по выемкам на крыльях ск. с № 2).

[10] Borovka G. Skythian Art, pl. 74.

[11] Хранится в ГИМ.

[12] Rostovtzev M. Animal Styl, pl. XVIII, 1—3.

[13] Там же, pl. XVIII, 5.

[14] Там же, pl. XXV, 5.

[15] Там же, pl. XXVIII, 3.

24) Четыреугольные: а) лев и два грифона (Сибирь);[1] б) грифоно-козлы перед деревом (Минусинский край, табл. XXII, рис. 4,[2] Сибирь).[3]

25) Фантастический зверь (Минусинский край, табл. XXI, рис. 18;[4] Ачинский округ;[5] Северный Китай).[6]

26) Орнаментика вещей Новочеркасского клада I в. н. э.[7]

27) Львы, нападающие на змею-грифона (Сибирь).[8] Сходен по сюжету и композиции с рельефом на футляре Новочеркасского клада I в. н. э.[9]

28) Орнаментика эрмитажных, усыпанных бирюзой, фалар (Сибирь).[10]

29) Львы, заканчивающие гривны (Сибирь).[11]

30) Два сплетшихся зверя (ст. Тифлисская, курган около начала н. э.).[12]

31) Сплетшиеся звери и дракон на пряжке из Лу-Лана в Корее, начала н. э.[13]

Перечисленные изображения второй группы не оказываются, однако, исключительно господствующими в поздней сармато-сибирской пластинке. Они лишь отмечают новый шаг на пути ее к исключительному господству полихромии, заслоняющей сюжет. Наряду с ними продолжают существовать наиболее стилизованные изображения первой группы (№ 24, 16).

Возвратимся теперь к обломку бляхи, найденному Оссовским в кургане второй стадии. Обращает внимание особенность трактовки поверхностей — наличие, кроме обычных продолговатых выемок, передающих копыта, уши или свисающую шерсть, еще большего количества миндалевидных выемок, беспорядочно рассыпанных, перебивающих естественные линии рельефа. Подобные выемки или вовсе отсутствуют на бляхах первой группы, или располагаются в строго логическом порядке. Зато их рассыпанность характерна для блях второй группы. Однако высокие и округленные формы рельефа и округлые отверстия на выпуклых частях рельефа отличают барандатский обломок от самых поздних, сближая с дерестуйскими и им подобными из первой группы (напр. № 15). Отливка бляхи из бронзы также в минусинских условиях скорее служит указанием на более раннее время,

---

[1] Borovka G. Skythian Art, pl. 52-A.

[2] Минусинский музей, Martin. Op. cit., pl. 29, fig. 15.

[3] Borovka G. Skythian Art, pl. 52, 2, B.

[4] Минусинский музей, Martin. Op. cit., pl. 29.

[5] Rostovtzev M. Animal Styl., pl. XXV, 4.

[6] Хранится в Ачинском музее.

[7] Borovka G. Skythian Art, pl. 37. A — C, 38 B — C. Ростовцев М. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль, II, 5, 6.

[8] Ростовцев М. И. Срединная Азия..., II, 4.

[9] Там же, II, 5, 6.

[10] Borovka G. Skythian Art, pl. 54.

[11] Там же, pl. 56.

[12] Хранятся в ГИМ.

[13] Sekino T. The Ancient Lo Lang District. Chosen Gouv. General Special Report of the service of Antiq. IV, Seul. 1925. pl. LXIX, 477—478.

чем дата блях второй группы. Поэтому кажется более правильным относить обломок бляхи, найденный Оссовским, к позднейшим из первой группы сармато-сибирских блях и датировать ее первой половиной I в. до н. э.

Сосуды второй стадии — глиняные, плоскодонные: баночный, конический; на поддоне: рюмковидный, котловидный II; круглодонный, усеченноконический; бронзовый, плоскодонный, зонный; каменные на поддоне — чашевидный. Все глиняные сосуды леплены от руки, может быть с применением скалачивания. Орнаментика глиняных сосудов очень бедна и редка. Встречены лишь кресты и выпуклости вдоль бортика да накладные валики на котловидных II, имитирующие «шнуры» бронзовых котлов «скифского» типа.

Этим исчерпывается обзор материалов второй тагарской стадии. Он показывает, что первоначально формы вещей второй стадии всецело обусловливаются предшествующим развитием (крестовые миниатюрные кинжалы, рубчатообушные клевцы, накладки на луки, украшения и звериные изображения). Однако со временем вырабатываются и новые формы, знаменующие новый шаг в быту тагарцев (проушные клевцы и их миниатюры, небрежность в выделке миниатюр, широкое распространение бляшек со скифским скачущим оленем, появление изображений в бронзе, аналогичных золотым с полихромной инкрустацией из сибирской коллекции Эрмитажа, столь близким к гуннским и сарматским).

О ДАТЕ ВТОРОЙ СТАДИИ

Для определения времени начала второй стадии очень важны находки плоских ромбических и шипастых стрел. В Скифии позднейшие из них относятся к половине V в. Мы видели, что нет оснований и в Сибири относить их к более позднему времени.

Для определения времени второй стадии важно также решение вопроса о возникновении местной железной индустрии Минусинского края.

Распространение местной железной индустрии следует приурочивать ко второй стадии. На это указывает нахождение наиболее ранних для Минусинского края железных изделий исключительно в погребениях второй стадии тагарской культуры. Такими являются железные натуральные и миниатюрные ножи и наконечники стрел курганов около Красноярска, раскопанных в 1923 и 1929 гг. Карцовым, и курганов, раскопанных Проскуряковым в Ачинском округе. Курганы эти скорее следует относить ко второй половине второй стадии.

Многое, однако, уточняет анализ случайно найденных клевцов и кинжалов. Мы видели, что в погребениях второй стадии господствующей формой являются миниатюрные проушные клевцы; втульчатые же встречаются реже, становятся пережитком.

Изучение случайных находок объясняет это. В собрании Исторического музея имеется единственный втульчатый клевец, сделанный с применением железа.

Он относится ко времени борьбы бронзы с железом — у него втулка бронзовая, а боек и обух железные. Железных же целиком втульчатых клевцов нет вовсе. Очевидно, их делать было трудно, и они были упрощены — распространились проушные железные клевцы. Такие же указания дает и изучение кинжалов. Среди бронзово-железных кинжалов прежде всего встречаются крестовые, датируемые находками и в ранних и в позднейших погребениях второй стадии. Кроме крестовых, среди бронзовожелезных кинжалов бывают грифоновые, не известные в погребениях первой стадии. Важно отметить, что и крестовые и грифоновые одинаково выделывались и из бронзы и из железа.

Дальнейшее рассмотрение выводов хронологической классификации кинжалов и клевцов, найденных в приенисейских округах, дает основание для определения момента возникновения местной массовой обработки железа.

Обратимся к результатам анализа железных кинжалов.

Если исключить из этой группы формы, представляющие собой звенья в развитии местных видов (включаю сюда крестовые, грифоновый и все прорезные), то остается комплекс, который составляют различные формы крыловидно- и крестовидноэфесовых: рогатый, волютовые, ажурный, кольчатый и дисковый, а также все лишенные эфеса. Из всех этих форм, не поддающихся пока точным сближениям, остается дисковый, развившийся на месте и нигде, кроме Минусинской котловины, не найденный. Остальные же образуют интересный хронологический ряд.

Рогатый (его ближайший вариант — волютовый) вполне совпадает с кинжалами и мечами курганной культуры степей Южного Приуралья и Западной Сибири, начиная с III в. до нашей эры. При этом следует заметить, что рогатые кинжалы особенно характерны для ее древнейших погребений.[1]

Ажурный и кольчатый кинжалы находят полную аналогию в мечах и кинжалах позднейших, кубанских курганов в раннеимператорское время.[2]

Наконец, лишенные эфеса кинжалы оказываются вполне сходными с китайскими конца династии Чжоу и начала династии Хань, когда завязываются тесные сношения с Сибирью и Китай испытывает ее сильное влияние.[3] Время между этими двумя династиями (эпоха Цинь) относится к III в. до н. э. Таким образом, дата лишенных эфеса кинжалов соответствует времени появления в Минусинском крае западных рогатых типов. К этому же времени, вероятно, относится и бытование на Енисее железного проушного клевца с обухом в виде головы фантастического зверя со спирально закрученными губами, находящего ближайшие аналогии

---

[1] Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, вып. 37.

[2] Ср. из раскопок Веселовского (хранятся в Гос. Эрмитаже).

[3] Münsterberg, Chinesische Kunstgeschichte, Bd. I—II; Ростовцев М. И. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль; Reineke. Ueber einige Beziehungen der Alterthümer Chinas. Z. f. Ethnologie, 1898, H. V.

в орнаментике эпохи Хань (табл. XXIV, рис. 9).[1] Однако железо появилось на Енисее раньше. Оно послужило материалом для выделки крестовых и грифоновых кинжалов и даже втульчатых клевцов. Следовательно, оно распространилось там ранее III в.; к тому же времени нужно относить и начало второй стадии тагарской эпохи.[2] Что касается конца второй стадии, то для его определения особое значение имеют находки в кургане Большого Барандата, раскопанном Оссовским. Мы уже рассмотрели обломок от четыреугольной бляхи и определили его время I в. до н. э. Этому не противоречит и другая определимая находка — бронзовая кастрюлечка, имеющая аналогию в вещах из Гляденовского костища. Главным же подтверждением такой даты являются позднейшие курганы, совмещающие в себе только что изученные особенности тагарских курганов второй стадии и новые черты, характерные для последующих, таштыкских, форм.

Эти переходные типы курганов необходимо рассмотреть особо. Здесь же нужно еще отметить следующее: среди тагарских курганов второй стадии возможна в дальнейшем новая дифференциация. Судя по имеющемуся сейчас крайне ограниченному числу находок, погребения, содержащие миниатюрные изображения рубчатообушных клевцов и крестовых кинжалов, отличающиеся тщательностью отделки и нормальным соотношением частей,— более древни по сравнению с курганами, в которых находятся небрежные миниатюры кинжалов (в том числе и рогатых) и проушных клевцов. Это подтверждается и тем, что только с первыми были найдены архаические наконечники стрел, а также тем, что в дополнительных присыпках к курганам первой стадии встречаются погребения только с нормальными миниатюрами. Может быть, с увеличением их числа можно будет предложить такую хронологию: V—IV вв.— погребения с «нормальными» миниатюрами, III—I вв. до н. э.— с «небрежными». Однако это дело будущего.

5. ПОЗДНЕЙШИЕ ТАГАРСКИЕ КУРГАНЫ

(Переходная, третья стадия)

О связи тагарской эпохи с последующим развитием, о времени перехода к новым формам и о других очень важных вопросах истории минусинских племен того времени, к сожалению, можно судить на основании весьма ограниченных данных.

Может быть, это объясняется тем, что основным источником здесь являются большие курганы. Их раскопки предпринимались не часто и то только в конце прошлого века. В 1885 и 1890 гг. такой очень большой курган исследовал

[1] Münsterberg. Chinesische Kunstgeschichte, Bd. I, Abb. 40.

[2] Это подтверждает и раскопанный мною в 1928 г. Большой курган у с. Тесь. Он далеко не древнейший во второй стадии. Между тем он датируется раскрашенными сердоликовыми бусами, аналогичными восточносарматским III в. до н. э.

Д. Клеменц на окраине Уйбатского чаатаса.[1] Несмотря на далеко не полную раскопку насыпи «глухой» траншеей, эти раскопки дали особенно много для суждения о конструкции и обрядовости позднейших тагарских курганов. Д. Клеменц очень тщательно зафиксировал в большом числе промеров наблюденные им факты. В гораздо более общих чертах известны результаты ведшихся в то же время в 1889 г. проф. Аспелином в окрестностях с. Тесь на р. Тубе раскопок так называемого «Большого кургана».[2] Третьим памятником является курган № 8 близ озера Кызыл-Куль, раскопанный в 1897 г. А. В. Адриановым.[3]

Остальные находки или случайны и неясны, или малозначительны.[4]

Данные отчета Д. Клеменца таковы. На краю Уйбатского чаатаса расположен очень крупный земляной курган диаметром до 60 и высотой до 4 м. Он не имеет на своей насыпи обычной для тагарских курганов ограды из плит и менгиров. Только на северной и на юго-восточной полé кургана стоят две плиты. В насыпи, сильно разрытой грабителями, можно было проследить три кладоискательские ямы. Под ними встретились выброшенные из глубины остатки — кости, обломки бревен, обрывки прошитой кожи и бересты. В нижней части насыпи был обнаружен обширный куполообразный свод из берестяных листов, наложенных друг на друга слоем толщиной более полуметра. Купол этот покрывал всю среднюю площадь. Под ним и была вырыта могильная яма. Раскопки позволили утверждать, что берестяной купол, который Д. Клеменц назвал «юртой», поддерживала бревенчатая конструкция, опиравшаяся на вертикальные толстые бревна, поднимавшиеся со дна могилы. Яма была обширна — 8.2 × 6.4 м и глубиной до 4.5 м. В нижней части ее стены были укреплены деревянным срубом. Ее, несомненно, посетили грабители, проломившие в средней части берестяной купол. Под грабительским проломом оказалось много обломков берестяного свода, и среди них на уровне горизонта был найден миниатюрный, сильно оржавевший железный кинжал. На 1 м ниже в тех же условиях оказались обломки второго железного кинжала и черешковый железный нож. На глубине 3 м по краям ямы, где не было нарушений от грабительского лаза, был обнаружен более чем полуметровый слой пережженных костей людей и животных. В нем найдены медные кольца и обломки миниатюрных медных удил. Ниже этого слоя находки пережженных костей, перемешанных с жженой землей, углем и золою, идут до самого дна. На дне оказались стоящие на ребре и валяющиеся плашмя каменные плиты. Д. Клеменц предполагал,

---

[1] Спицын А. Коллективные могилы в верховьях Енисея и Чулыма и особенно рукописный «Отчет Археологической комиссии о раскопках, произведенных по поручению ее в Минусинском округе в 1889 и 1890 гг. Дмитрием Клеменц». Архив ИИМК за 1888 г., дело № 23.

[2] Tallgren A. M. Trouvailles tombales Sibériennes en 1889. SMYA, XXIX, Helsinki, 1922.

[3] Адрианов А. В. Выборки из дневников курганных раскопок, стр. 60—61.

[4] Напр., находка близ улуса Нурилкова, описанная Д. Клеменцом в «Древностях Минусинского Музея».

что это остатки гробниц. Однако нет доказательств этого. Скорее это остатки перегородок, деливших дно ямы на несколько общих могил, подобно найденным Титовым в кургане, раскопанном в Уйбатских горах. Там в каждом из четырех отделений оказались кострища дров, на которых найдены остатки жженых костяков, а также кости лошадей и баранов.[1] Против предположения Д. Клеменца о гробницах, стоявших на дне Уйбатского кургана, говорит и отсутствие подобных сооружений во всех других позднейших тагарских курганах.[2] Неясен вопрос о том, где сжигали умерших, схороненных в Уйбатском кургане. Возможно, что первоначально их жгли, как и в кургане Титова, на дне ямы, однако затем стали хоронить остатки сожжений, совершенных вне кургана. За это говорит сравнительно малая и далеко не повсеместная обожженность стенок ямы.

Д. Клеменц обратил внимание на обугленность многих бревен, поддерживавших берестяное купольное покрытие, а также на наличие углистых прослоек под самым куполом. Из этого он сделал вывод, что в известный момент долго оставававшаяся без насыпи камера была подожжена и тотчас же закидана землей. Если это наблюдение верно, то в нем можно видеть указание на сохранение и в позднейших тагарских курганах обычая, широко применявшегося в курганах с сожжениями второй стадии и не менее распространенного позднее в таштыкских склепах. Находки вещей, сделанные Д. Клеменцом среди остатков сожжений в Уйбатском кургане, немногочисленны, но очень важны. Поскольку многие из них повторяются и в других позднейших тагарских курганах, мы рассмотрим их все вместе.

Большой курган, раскопанный Аспелином в 3 км от с. Тесь на р. Тубе, представляет полную аналогию Уйбатскому. Его насыпь диаметром в 45 м и высотой до 4.5 м также земляная и также не имеет оградки из плит. Лишь с западной и восточной стороны врыты два каменных столба. Над могильной ямой, так же как на Уйбате, было сделано куполообразное перекрытие из толстого берестяного слоя, опиравшегося и здесь на бревенчатые подпоры. Посредине этот берестяной купол проломлен грабителями, проникшими в могильную яму. Ее размеры — 7.8 × 4.5 м и особенно глубина в 4 м — очень близки к размерам могильной ямы Уйбатского кургана. Аналогично и устройство с креплением стен высоким срубом. Что касается обряда погребения, то и в нем многое совпадает с наблюдениями Клеменца на Уйбате. На полу камеры в три слоя лежали останки до 100 погребенных. Здесь встречались и целые костяки, но особенно много было остатков расчленений и сожжений. Это позволило издателю раскопок сделать вывод, что «la sepulture de Tes est un ossuaire».

---

[1] Спицын А. А., Коллективные могилы в верховьях Енисея и Чулыма.

[2] А. А. Спицын в своей работе о коллективных могилах на Енисее ошибся, указав на наличие и в кургане, раскопанном Аспелином, на дне могилы каменных гробниц. На самом деле каменный ящик был найден в полé Тесинского кургана и к основному погребению отношения не имеет.

Детали обряда также аналогичны обнаруженным на Уйбате. В отчете Д. Клеменца упомянута находка на дне могилы Уйбатского кургана куска глины (№ 27), который «имеет форму подбородка, нижняя часть напоминает шею». «В нем оказался обломок кальцинированной нижней челюсти». Таким образом, сообщается об открытии обычая наложения погребальной маски на скелет, который затем сжигался. Этот обычай мы еще увидим в последующее, таштыкское время. Однако его распространение относится именно к концу тагарской культуры. Это подтверждают обломки масок, налепленных прямо на лицевые кости, найденные Аспелином в Большом Кургане близ с. Теси.

Третий позднетагарский курган, раскопанный А. В. Адриановым в 1897 г. около оз. Кызыл-Куль под № 8, значительно меньше Уйбатского и Тесинского (диаметр 22 м и высота 2 м). Отличает его и наличие на насыпи обычной тагарской ограды из плит. Однако внутреннее устройство очень близко к только что описанному. Несмотря на меньшие размеры, насыпь кургана № 8 скрывает такую же обширную яму (7 × 7 м при той же глубине 4 м). Стены и пол и здесь забраны деревом — массивными горбылями. На полу оказался слой в 78 см, состоявший из останков 109 покойников. Среди них опять обнаружились маски, налепленные глиной прямо на кости лица. Кроме того, здесь были встречены черепа со следами ритуальной посмертной трепанации.[1]

Среди останков покойников находились и различные вещи. Из них прежде всего отметим *оружие*: кинжалы, найденные в позднейших тагарских курганах,— все железные. Из них особый интерес представляет встреченный Д. Клеменцом в Уйбатском кургане у южного края могилы. От него сохранилась только рукоятка, обложенная золотом. Это сближает его с кинжалом, найденным в Берельском кургане на Алтае В. Радловым.[2] Другие железные кинжалы из Уйбатского и Тесинского курганов представляют собой миниатюрные изображения настоящих. Сделаны они, как и бронзовые миниатюры конца второй стадии, очень небрежно и отличаются только тем, что все выкованы из железа. Изготовление даже миниатюрных изображений из железа, несомненно, свидетельствует о полной его победе над бронзой на среднем Енисее. [3]

В Тесинском и Уйбатском курганах найдены также и *железные ножи*. Один из них имеет кольчатое навершие рукоятки и близок к кольчатым бронзовым ножам второй стадии,[4] а также к ножу, найденному в 1941 г. около г. Абакана в развалинах дома китайской архитектуры Ханьской эпохи (табл. XXIII, рис. 26, XLV, рис. 11). Другой нож свидетельствует о том, что уже в конце тагарского времени

[1] Горощенко К. Гипсовые маски и особый вид трепанации в курганах Минусинского округа. Труды X Археологического съезда, т. I.

[2] Рукоп. отчет Д. Клеменца (хранится в Архиве ИИМК, дело № 23 за 1888 г.); «Опись древностям из мог. Чаатас, раск. Клеменцом в 1890 г.», № 7.

[3] Tallgren A. M. Trouvailles tombales..., fig. 4, 8, 9.

[4] Там же, fig. 4, 10.

разрабатывалось дотоле неизвестное черешковое скрепление ножа с рукояткой, получившее широкое распространение в позднейшее время.[1] О полной победе железа и возникновении в связи с этим новых форм говорит и находка в Тесинском кургане железного пальштабовидного топора,[2] совершенно сходного с позднейшими хакасскими. Иглы в это время также уже железные.[3]

Среди находок в позднейших тагарских курганах немало и принадлежностей конской сбруи. Д. Клеменц нашел на Уйбате обломки миниатюрных удил, аналогичных находимым в последующее время в большом количестве в таштыкских склепах. Их отличает только традиционное изготовление из бронзы, а не из железа. Традиционны и найденные в Тесинском кургане уздечные бляхи. Все они медные, в виде округлых выпуклых пуговиц. Одни с обратной стороны имеют простое ушко, другие — четырехногую обойму и, очевидно, служили для покрытия скрещений ремней.[4] Последняя форма была широко распространена в скифо-сарматское время у степных наездников Причерноморья, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока.

Принадлежности одежды и украшения составляют третий комплекс находок в позднейших тагарских курганах. Среди них выделяются новые бляхи, плоские, дисковидные, с отверстием в центре.[5] Они очень близки к таким же бляхам из светлой бронзы, найденным среди кулайкских древностей Нарыма и в Ишимском кладе около начала н. э.[6]

В ожерельях теперь реже встречаются бусы и бисер из желтоватой и розовой пасты.[7] Зато более часты цилиндрические, рубчатые и реповидные бусы и «рубленый» бисер из голубого, зеленого и коричневого стекла.[8]

Очень важны находки *серег*. В кургане № 8 около оз. Кызыл-Куль и в Тесинском кургане были обнаружены золотые проволочные спирали, на нижний крючок которых были привешены золотые миндалевидные листочки, стерженьки с нанизанными на них бисеринами, «гроздьи» зерен и кусочки кораллов. Тальгрен считает этот тип серег западным, эллинистическим.[9] В Южной Сибири он был широко распространен около начала н. э. Совершенно такие же серьги мы находим на Алтае.[10]

---

[1] Рукописный отчет Д. Клеменца (хранится в Архиве ИИМК, дело № 23 за 1888 г.); «Опись древностям из мог. Чаатас, раск. Клеменцом в 1890 г.», № 6.

[2] Tallgren A. M. Trouvailles tombales..., fig. 4, 11.

[3] Там же, fig. 5, *5*.

[4] Там же, fig. 5, 9, 10.

[5] Кызыл-Куль, курган № 8 (хранятся в ГИМ).

[6] Мягков И. М. Древности Нарымского края. Томск, 1929, табл. II, рис. 16; Ермолаев А. Ишимская коллекция. Красноярск, 1914, табл. IV, рис. 5.

[7] Tallgren A. M. Trouvailles tombales, fig. 5, 7.

[8] Там же, fig. 5, *7—8*.

[9] Там же, fig. 5, *1—4*.

[10] иселев С. В. Из работ Алтайской экспедиции ГИМ в 1934 г. Сов. этнография, 1935 г. № 1, стр. 97 и сл.

Талько-Гринцевич обнаружил их около Кяхты в погребении Дерестуйского Култука I в. до н. э.— I в. н. э.[1]

Другого типа серьга была найдена Клеменцом в Уйбатском кургане. Она состоит из овального щитка, в который был вставлен камень (утерянный), и изогнутой ножки — острия.[2] Такие серьги найдены в позднейших таштыкских склепах.

Зеркала из позднетагарских курганов все миниатюрные, отлитые плохо. Одни из них имеют ручку в виде кнопки в центре диска,[3] другие, медалевидные,— сбоку.[4] Если первые аналогичны найденным в курганах второй стадии, то медалевидные более оригинальны. Они имеют большое число аналогий в случайных находках Минусинской котловины[5] и Северного Китая.[6] Эти их оригиналы обычно имеют ушко в виде фигурки зверя. Единственное медалевидное зеркало, найденное в погребении, происходит из Каракольского кургана I в. до н. э., раскопанного на Алтае в долине р. Урсул[7] (табл. XXI, рис. 1—3, 5, 7, 9, табл. XXXII, рис. 13).

К одежде принадлежат и найденные Аспелином восьмерковидные и круглые пряжки и крючок.[8] По форме они очень близки к найденным в позднейших таштыкских погребениях.

Изделия из глины в позднетагарских курганах представлены лепными украшениями, погребальными масками и сосудами.

Лепные украшения из глины обкладывались золотыми листиками. Они или округлы и покрыты выпуклостями,[9] или продолговаты. На продолговатых имеется рельефный ветвистый узор.[10] Их назначение пока неясно. Очевидно лишь, что они не служили налепами на деревянных вещах, как это предположил Тальгрен, сравнивший их с терракотовыми орнаментами южнорусских саркофагов. Против этого говорит позолота, наложенная со всех сторон. Аналогичные украшения найдены не только в позднейших курганах тагарской культуры, но и в более поздних таштыкских склепах, например в раскопках С. Киселева и В. Левашовой на Уйбатском чаатасе. Их отличает лишь изготовление в большинстве случаев из дерева.[11]

---

[1] Талько-Гринцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Тр. Т.-КОРГО, т. IV, 1900, в. 3.

[2] Хранится в ГИМ.

[3] Tallgren A. M. Trouvailles tombales..., fig. 5, *11—13*.

[4] Там же, fig. 5, *14*.

[5] Клеменц Д. Древности Минусинского музея. Атлас, табл. XII, рис. 1, 2, 4, 5.

[6] Salmony A. Sino-Siberian Art, pl. XLI; Minns E. H. The art of the northern nomads. 1933, pl. XXIII, C, CI.

[7] Киселев С. В. Из работ Алтайской экспедиции. Сов. этнография, 1935, № 1, стр. 102.

[8] Tallgren A. M. Trouvailles tombales..., fig. 4, *5—7*.

[9] Tallgren A. M. Trouvailles tombales..., fig. 4, *1, 3*.

[10] Там же, fig. 2, *4*.

[11] Найденные в Уйбатском чаатасе хранятся в ГИМ (см. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., стр. 314, рис. 91).

Погребальные маски, найденные в позднейших тагарских погребениях, к сожалению, представлены разрозненными мелкими обломками, не позволяющими судить ни об их виде, ни о типе лица покойников. Материал, из которого они изготавливались, не отличается от применявшегося позднее в таштыкских погребениях (см. ниже). Аналогичен, очевидно, и способ формовки масок. На их обломках следы раскраски красной и темной краской в виде спиралей и треугольников. Это особенно сближает позднетагарские маски с последующими таштыкскими. С ними связывает позднетагарские маски и наличие под некоторыми глиняной прослойки, как бы восстанавливающей на черепе уже утраченные ткани.[1] То же мы встретим в таштыкском Оглахтинском могильнике около начала н. э.[2]

Сосуды третьей стадии — глиняные, плоскодонные, баночные; на поддоне — рюмковидный и котловидный II; каменные — плоскодонный, кубический. Все глиняные сосуды леплены от руки, может быть с применением сколачивания. Орнаментика глиняных сосудов очень бедна и редка. Встречены лишь комплексы № 24 и № 25 да накладные валики на котловидных II, имитирующих «шнуры» бронзовых котлов скифского типа. Однако и эти бедные узором формы сосудов очень важны. Зарождаясь во второй стадии, они получают широкое распространение в последующую, таштыкскую эпоху. Этим исчерпывается обзор материалов третьей тагарской стадии. Он показывает, что многие формы вещей третьей стадии обусловливаются предшествующим развитием (крестовые миниатюрные кинжалы, кольчатые ножи). Однако они знаменуют новый шаг в быту тагарцев — окончательную победу железа, о чем свидетельствуют и железные кинжалы, и их железные миниатюры, железные обоймовые клевцы, железные мотыги, ножи и пр. Но в это же время возникают особенности, распространившиеся только в следующий, таштыкский период.

Время позднейших тагарских курганов прежде всего определяется находками в них вещей, сходных с обнаруженными в яснее датируемых комплексах. Такими вещами являются: 1) миниатюрный кубический сосудик из песчаника, аналогичный найденным в Поволжье и на Кубани в погребениях около начала н. э.,[3] 2) миниатюрные изображения «скифских» котлов, появившиеся на Кубани также около начала н. э.;[4] 3) золотые серьги с гроздевыми и листовидными привесками, аналогичные найденным в погребениях Дерестуйского Култука, около Кяхты, вместе с китайскими чохами начала н. э.[5] Кроме этих вещей, на время около начала н. э., как на время конца тагарской культуры, указывают и приведенные выше

[1] Кызыл-Куль, кург. № 8 — раск. Адрианова.

[2] Tallgren A. M. The South Siberian Cemetery of Oglakty from the Han Period, ESA, 1937, т. XI, стр. 69.

[3] Доклад Б. Н. Гракова в Секции археологии НИИ археологии и искусствознания РАНИОН 9 мая 1927 г.

[4] Хранятся в Эрмитаже.

[5] Талько-Гринцевич Ю. Д. Материалы по палеоэтнологии Забайкалья. Тр. Т.-КОРГО, т. IV, в. 3, 1900.

наблюдения над эволюцией минусинских рельефных блях, точно повторяющих изменения северокитайских, монгольских, алтайских, западносибирских и позднесарматских Причерноморья. То же подтверждается и превращением к концу третьей стадии «кудреватых» оленьков в «гребенчатые», сходные с прорезными фигурками животных кулайкской культуры и Гляденовского костища.[1]

К концу тагарской эпохи появляются и такие вещи и формы обряда, которые особенно характерны для следующего, таштыкского времени. К ним относится обычай погребальных масок и укрепление их на глиняной обмазке черепов, глиняные и бронзовые миниатюрные «скифские котелки», пряжки без замка с торчащим вперед шпеньком, ажурные пальметы внутри колец на рукоятках ножей, глиняные, обернутые золотым листком украшения и обычай специально погребальных изображений бытовых вещей. Об этой же связи говорят конструкции и обрядовость позднейших тагарских погребений. В них очень много переходных черт. И если бы не огромные размеры насыпей, можно было бы колебаться в отнесении особенно Уйбатского кургана Д. Клеменца к тагарской группе памятников. Все его вещи — железные, золотые, глиняные и особенно маски — совершенно сходны с найденными в соседних таштыкских склепах. В 1938 г. нам удалось исследовать среди этих склепов особенно близкие к клеменцовскому кургану. Над ними еще насыпались довольно обширные курганы и на их полах еще устанавливались отдельные каменные плиты — последний пережиток прежних оградок с менгирами тагарского времени (см. об этих курганах в след. главе).

Ниже мы увидим характернейшую особенность таштыкской эпохи — наличие одновременно двух видов погребений: рядовых могильников из одиночных грунтовых могил и таштыкских склепов — усыпальниц племенной знати. Может быть, этот процесс раздвоения погребального обряда начался еще в конце тагарской эпохи. В позднейших курганах второй стадии можно различать коллективные погребения рядового населения. Их классическим примером являются раскопанные Адриановым курганы у с. Ини и у с. Частоостровского. Но наряду с ними выделяются такие курганы, как Назаровский Д. Клеменца и Б. Барандатский Оссовского. Они отличаются чрезвычайно большим числом погребенных (в уцелевшей части Назаровского удалось насчитать свыше 100 костяков) и неравномерным распределением инвентаря. Кроме вооруженных мужчин и известного числа невооруженных женщин, там лежат останки людей, положенных без всякого инвентаря. Это же можно наблюдать и в позднейших тагарских курганах и в склепах таштыкской знати. Только там это неравенство еще более подчеркивает наличие лишь у ограниченной группы покойников масок—несомненных доказательств полноправного положения. Но этого мало. Раскопки на Уйбатском чаатасе в 1938 г. доставили первый материал, позволивший относить уже к позднетагарскому времени появление индивидуальных грунтовых погребений без курганной насыпи.

[1] Мягков Н. Древности Нарымского края. Томск, 1929; ОАК за 1896 г., рис. 454.

Изучение позднетагарских грунтовых могил на Уйбате не оставляет сомнения в их тесной связи с позднейшими таштыкскими. На поверхности все четыре раскопанные могилы (А, Б, В и Г) отмечены прямоугольными выкладками из каменных плит, аналогичными таштыкским.[1] Под выкладками были открыты четыреугольные ямы, ориентированные с севера на юг, глубиной до 1.1 м. Особенностью всех четырех могил было наличие врытых в их засыпь по длинной средней оси погребальной ямы поставленных на ребро каменных плит. На дне ям прослежены остатки деревянных гробов (может быть, срубов) и берестяных оберток покойников — черты ритуала, также встречаемые и в грунтовых таштыкских могилах. Скелеты лежали вытянуто на спине. При них оказались железные пряжки от пояса округлой формы, сходные с найденными в позднейших тагарских курганах и в таштыкских склепах. На шее одного из покойников (могила В) было ожерелье из типичных для тагарского времени бус — бронзовых бочонковидных, пастовых цилиндрических и хрустальных.

В каждой могиле стояли глиняные горшки баночной формы. Более крупные из них сходны с тагарскими, а мелкие совершенно аналогичны найденным в таштыкских грунтовых могилах около клеменцовского кургана на Уйбатском чаатасе.

Все приведенные особенности не оставляют сомнения в том, какое место занимают изученные Г. Ф. Дебецом грунтовые могилы среди других минусинских погребений. Многие черты связывают их с таштыкскими индивидуальными могилами. Однако ожерелья и некоторые виды керамики не позволяют видеть в них таштыкский тип. Они, несомненно, принадлежат более раннему времени перехода от позднейших тагарских форм. Может быть, не случайно, что эти могилы расположены возле большого позднетагарского кургана. Во всяком случае теперь можно считать, что переходность позднетагарского времени выражается не только в большой близости конструкций, ритуала и инвентаря позднейших тагарских курганных и таштыкских коллективных склепов, но и в наличии одновременно с ними индивидуальных могил. Таким образом, характернейшая особенность таштыкской эпохи — раздвоение погребального ритуала — находит свои истоки еще в позднейшей, тагарской обрядовости. К сожалению, ограниченность числа позднетагарских памятников пока не позволяет выяснить до конца причины двойственности погребений в конце тагарской эпохи. Это более возможно при изучении многочисленных таштыкских могильников.

Другой большой вопрос, связанный с позднетагарской обрядовостью, — о коллективности погребений, также мало выяснен. Несомненно, прав был С. А. Теплоухов, когда видел в позднетагарских курганах «родовые усыпальницы».[2] Назаровский, Б. Барандатский и другие курганы с большим количеством погребенных по составу не отличаются от раннетагарских могильников, состоящих из десятков

[1] Исследования этих могил осуществил участник Саяно-Алтайской археолог. экспедиции ИИМК, проф. Г. Ф. Дебец. Находки хранятся в ГИМ, в Москве.

[2] Теплоухов С. А. Опыт классификации..., стр. 46.

курганов. Вооруженные мужчины, женщины, дети и люди «второго ранга» — бедные родственники или рабы — встречаются и там и тут.

Но что же заставило изменить обряд семейных курганов, утвердившийся еще в карасукское время, и перейти к погребениям с более широким составом? В этой связи, может быть, следует еще раз задаться вопросом: а что совершенно новое обнаруживается в тагарском быту? Рассматривая его, мы убедились в больших успехах основных хозяйственных отраслей и в совершенствовании мастерства и художества. Вместе с тем нельзя было не заметить усиленного развития военного дела. Оно выразилось в усовершенствовании старых видов оружия, появлении новых, ранее неизвестных на Енисее, а также в резком увеличении количества вооружения и вооруженных. В отличие от карасукских, в ранних тагарских курганах все основные мужские погребения и даже часть женских содержат оружие. Увеличение же его количества наглядно показывает статистика случайных находок, например кинжалов. Во всех известных мне собраниях—всего 15 карасукских кинжалов, найденных в Минусинской котловине. Зато в одном только Минусинском музее имеется до 230 бронзовых и железных тагарских кинжалов. Совершенно очевидно, что война в тагарское время вошла в быт минусинских племен. Причиной этого были различия в богатстве отдельных родов и племен, все более возраставшие с развитием производственных успехов. В случае нападения все сородичи вставали на защиту своих угодий, полей, стад, домов и имущества. Однако и в мирное время нужно было быть наготове. Недаром тагарские рисунки на скалах изображают главным образом лихие отряды воинов, то несущихся лавами, то подплывающих в лодках.[1] Кое-где начинали даже строить укрепления против набегов. В бассейне Ербы и Теси до сих пор видны небольшие округлые рвы и валы острожков, построенных не на случайном месте, но в обоих случаях около начала главных каналов оросительной сети. Несомненно, тревожная обстановка требовала особого сплочения и организации. Родовой строй становился все в большей и большей степени военным. И вот, в этих-то условиях и произошла на среднем Енисее смена погребальных обрядов: старый семейный курган уступил место усыпальнице сородичей. Их снова сблизили общие задачи, на этот раз не только хозяйственные, но и политические. Общая могила, общее сожжение останков после ее наполнения, совместный труд над сооружением склепа, величественной насыпи и грандиозных курганных оград с многотонными менгирами — все это служило выражением объединения и агитировало за него.

Однако со временем стали ощутимы новые силы общественного развития. Коллективные погребения перестали быть всеобщими. Наряду со старым обрядом возник другой, заметный в позднейших тагарских грунтовых могилах Уйбата. Причины, обусловившие этот новый этап, станут более ясны при изучении таштыкских погребений.

---

[1] Appelgren-Kivalo, Alt-Altaische Kunstdenkmäler, Helsinki, 1931.

6. ПАМЯТНИКИ ТАГАРСКОЙ ЭПОХИ В СОСЕДНИХ СО СРЕДНИМ ЕНИСЕЕМ ОБЛАСТЯХ

КРАСНОЯРСКИЙ РАЙОН

Соседние с Минусинской котловиной области изучены гораздо слабее, и многое в их истории в I тысячелетии до н. э. остается до сих пор неясным. Часто можно наметить лишь общие контуры культурного развития.

Красноярский район представляет особый интерес для этого времени. Материалы из второго (сверху) слоя Усть-Собакинской стоянки показывают, что местная культура, уже ранее подвергавшаяся влиянию минусинского юга, вновь изменяется.[1] Керамика становится плоскодонной, баночной. Она очень похожа на тагарскую, но сохраняет древнюю орнаментацию зубчатым чеканом.[2] Распространяется значительное количество тагарских бронзовых изделий.[3] Развивается и собственное бронзовое мастерство с оригинальными «красноярскими» формами кельтов и кинжалов, близкими к ангаро-байкальским и западносибирским.[4] Достигает новых успехов скотоводство, и появляется земледелие. Судя по формам зернотерок (доски с поперечной планкой, сходные с современным алтайским паспак), земледелие это южного, тагарского происхождения. Однако его отличает более низкий уровень. Об этом свидетельствует отсутствие в Красноярском районе находок бронзовых тагарских серпов, столь многочисленных в Минусинской котловине.

Своеобразие культуры Красноярского района раннетагарского времени в последующем было сильно нарушено. Касаясь памятников второй половины второй стадии, мы уже упоминали о раскопках позднетагарских курганов вокруг Красноярска и в сторону Ачинска. Большинство из них раскопано Проскуряковым между с. Торгашинским и Ладейским, у д. Солонечной, Татарской и Карымской.[5] Кроме того, Адрианов раскопал курганы у с. Частоостровского,[6] Урусов — у д. Мининой, Анучин — у с. Сухобузимского и Карцов — с. Есаульского и близ «Военного Городка».

Поскольку курганы эти описаны в общей тагарской сводке, здесь можно только напомнить, что их инвентарь и обряд похорон целиком совпадают с обнаруженным в одновременных тагарских курганах Минусинской котловины, например в курганах у с. Малая Иня. Местной особенностью является только отсутствие на насыпи четыреугольной оградки с менгирами.

---

[1] Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района, стр. 23.
[2] Там же, стр. 39, табл. III, 22, V, 2, 4, 9, 91.
[3] Там же, табл. III.
[4] Merchart G. Bronzezeit am Jenissei, стр. 40. и сл.
[5] ОАК за 1895 и 1896 гг.
[6] ОАК за 1902 г., стр. 117.

В этих курганах мы имеем явное свидетельство о расширении области расселения южных племен, занявших в конце второй тагарской стадии значительную часть Красноярского района в бассейне рр. Качи и Бузима. Крайние на север курганы расположены примерно в 80 км от г. Красноярска вниз по Енисею в Большемуртинском районе. На восток от Енисея они почти неизвестны; что же касается запада, то они обнаружены южнее Ачинска и до юго-восточной части Мариинского района.

Высказывалось предположение, что эти северные тагарские курганы свидетельствуют о переселении тагарских племен на юг под давлением вторгшихся из Центральной Азии чужеземцев. С этим никак нельзя согласиться, так как не меньшее, а неизмеримо большее число одновременных северным позднетагарских курганов имеется в Минусинской котловине. Именно в это время тагарские курганы насыпались в подтаежных районах котловины, в том числе и в предгорьях Саян. Очевидно, и там происходило расширение зоны расселения тагарских племен, столь ярко проявившееся в появлении позднетагарских курганов на севере, в Красноярском, Ачинском и Мариинском районах.

Быт населения этих северных районов в позднетагарское время уже значительно отличался от более ранних форм, прослеженных в средних слоях Усть-Собакинской стоянки. Об этом хорошо свидетельствует позднетагарская стоянка, исследованная В. Г. Карцовым около с. Есаульского, а также верхний горизонт Усть-Собакинской и Бирюсинской стоянок. Там найдены типично тагарские виды керамики и бронзовые орудия. Среди последних — типичный позднетагарский нож с расширяющейся кверху рукояткой. Как и на юге, и здесь в это время распространяются железные изделия — найдены ножи. Однако наряду с этими признаками, изобличающими всю значительность южных влияний, у красноярских позднетагарских стоянок очень много архаизирующих черт. Попрежнему господствуют каменные орудия — черешковые и выемчатые стрелы, высокие скребки с двусторонней обработкой. Попрежнему отсутствуют находки серпов, и о земледелии свидетельствуют все те же обломки зернотерных досок и пестов. Наряду с костями домашних животных — коровы, лошади и овцы, на Есаульской стоянке оказалось много костей косули. Очевидно, охота на нее была важным источником питания. Попрежнему большую роль в хозяйстве играла рыбная ловля, о чем свидетельствуют многочисленные грузила от сетей.

Интересен вопрос о жилище этого времени. На Есаульской стоянке был обнаружен большой очаг в виде ямы, диаметром около 2 м, с кострищем на дне. Никаких остатков стен вокруг очага не было. В. Г. Карцов предположил наличие здесь легкого жилища, может быть юрты. Однако одновременно с нею существовал и другой вид жилья. В 1932 г. на острове около б. монастыря (к югу от Красноярска) открылись остатки деревянного рубленого дома 4 × 4 м. Внутри дома оказалась керамика, по словам В. Г. Карцова, «типично курганная». Таким образом, можно констатировать известный прогресс в области домостроительства на севере под

влиянием проникновения туда южного тагарского рубленого дома совершенно того же типа, который изображен на скалах «Бояры».

В итоге мы видим, как медленно воспринимала южные черты местная северная культура. Даже расселение тагарцев на север не внесло резкого перелома в местный традиционный уклад. Более того, этот уклад, очевидно, оказал свое влияние и на новопришельцев. Их поселения, вроде Есаульского, во многом были сходны с более ранними, открытыми в устье р. Собакиной.

АЛТАЙ

(Майэмирская культура)

В IV главе были показаны своеобразные карасукские памятники Алтая. К сожалению, скудость их инвентаря не позволила представить полный очерк культурного развития алтайских племен в ту эпоху. В частности, нам ничего неизвестно об изобразительном искусстве алтайских карасукцев. Однако есть основание считать, что и на Алтае, так же как и на Енисее, в Прибайкалье и Северном Китае, звериные изображения, столь излюбленные в последующее время, получили свое развитие еще в карасукскую эпоху. На это указывает находка, сделанная С. М. Сергеевым в кургане № 2 Березовского могильника на р. Катуни. Все курганы этого могильника по инвентарю и прежде всего по керамике должны быть отнесены к раннетагарскому времени. Но они сохраняют и еще более архаические черты, прежде всего в погребальном обряде. Все костяки, уцелевшие от грабителей, лежали на боку в скорченном положении, напоминая об обрядовости бронзового века. Курган № 2 был особенно архаичен. При скорченном скелете женщины в нем оказался массивный бронзовый нож с полушарной шляпкой на рукояти и с отогнутой назад концевой частью клинка.[1] Все это придает ножу явно карасукский облик. И вместе с этим архаическим ножом найдена костяная палочка, украшенная наверху резной головкой лошади. Вытянутая морда и расположение несколько вверх от вертикали палочки сближают эту головку также с карасукскими скульптурами, украшающими навершия коленчатых ножей Минусинска, Прибайкалья и Ордоса.

Так намечается и для звериного орнамента Алтая, столь богато представленного на памятниках скифо-тагарского времени, древняя, еще карасукская, основа.

Послекарасукское развитие культуры алтайских племен во многом совпадает с тагарским. Его первые шаги удалось проследить благодаря раскопкам, произведенным А. В. Адриановым в Майэмирской степи у истоков Нарыма, а также в верховьях Бухтармы под Солонечным Белком и у с. Черновая.[2] В этих местностях,

---

[1] Хранится в Гос. Эрмитаже, Сибирский отдел, инв. № 253, № 1 и 2.

[2] Адрианов А. В. К археологии Западного Алтая. ИАК, вып. 62; Руденко С. И. К палеоантропологии Южного Алтая. Сб. «Казаки», Л., 1930; Грязнов М. П. Древние культуры Алтая, стр. 6—7.

наряду с широко известными на Алтае более поздними курганами, насыпанными из чистого камня, оказались курганы, сложенные из крупных обломков скалы, пересыпанных землей. Под курганами открывались четыреугольные ямы длиной с запада на восток до 2.05 м, шириной до 1.5 м и глубиной до 2.57 м. Южная половина могилы обычно была вырыта до полной глубины, и на дне ее стоял сруб из деревянных лиственничных плах высотой до 0.85 м, покрытый узкими плашками. Северная половина могилы была более мелкой. Ее дно находилось на уровне верхнего края сруба. Судя по остаткам, уцелевшим от грабителей, нарушивших все погребения, раскопанные Адриановым, в северной части могилы лежали одна или две лошади головой на запад. В срубах же находились останки человека. При покойниках и лошадях были собраны следующие вещи:

Бронзовый нож дугообразнообушковый, украшенный сверху протомой хищника, выполненной с типичной для раннетагарских скульптур массивностью форм.[1]

Костяное трехгранное шило, также украшенное сверху фигуркой зверя, вырезанного в раннетагарской манере.[2]

Точильные бруски из яшмы и песчаника имели четырехгранную форму с отверстием для подвешивания.[3] Подобные бруски изредка встречаются в раннетагарских курганах и особено распространены на Алтае и в Приуралье в курганах скифо-сарматского времени.

Два *бронзовых зеркала* дисковидны и отличаются высоким бортиком, идущим по краю со стороны дужки.[4] Описывая тагарские зеркала, мы уже отмечали, что эта особенность — бортик по краю — характерна для древнейших зеркал. В Скифии такие зеркала датируются VII—VI вв.[5] Третье зеркало имеет ушко сбоку. Его края прорезные, украшенные как бы ажурными завитками. Однако в этом ажуре легко увидеть стилизацию подкрадывающегося хищника или дракона — мотив, характерный для северокитайского искусства скифо-тагарской поры.[6]

Бронзовые стрелы трехперые, со слегка округленными гранями. Все они черешковые.[7] Ближайшей их аналогией является черешковая стрела, найденная мною в раннетагарском кургане № 1 у с. Кочергино, в погребении 1 вместе с бронзовыми же втульчатыми наконечниками: трехперым — треугольным и трехперым — овальным.[8] Скифские аналогии последних датируются VII—VI вв.; в V в. они начинают

---

[1] Руденко С. И. К палеоантропологии Южного Алтая, фиг. 1, *1*.

[2] Там же, фиг. 1, *4*.

[3] Там же, фиг. 1, *2*, *3*.

[4] Там же, фиг. *2*.

[5] Рабинович Б. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья Сов. археология, № 1, стр. 79—100.

[6] 3000 Years of Chinese Jade. New York, 1939, N 154, 176; Salmony A. Sino-Siberian Art, pl. XLI, fig 5.

[7] Руденко С. И., ук. соч. фиг. 1, *5*.

[8] См. табл. XXVI, рис. 10.

превращаться в пирамидальные. Близки к майэмирским и черешковые бронзовые стрелы из савроматских погребений близ с. Покровки около Чкалова — V в. до н. э. Однако покровские более вытянуты, хотя и не утратили еще округленности граней.[1]

Костяные стрелы, найденные Адриановым, все черешковые, трехгранные. Они явно подражают бронзовым.[2] Не менее замечательны принадлежности сбруи, обнаруженные Адриановым при остатках коней.

Особый интерес представляют *бронзовые удила* двусоставные со стремянообразными концевыми ушками.[3] Они воспроизводят архаический тип скифских удил VII—VI вв.

Совершенно оригинальны найденные при удилах п с а л и и в виде бронзовой развилки. *Уздечные ремни*, скрученные в круглый жгут, были унизаны бронзовыми бочонковидными бусинами и обоймами с отверстиями для прикрытия ременных скрещений.[4] Среди них одна обращает особое внимание (Черновое, курган № 2). Несмотря на то, что она вырезана из рога, она представляет миниатюрное воспроизведение набалдашников из Мельгуновского кургана VII—VI вв. до н. э.[5]

Типичным украшением уздечки этих древнейших на Алтае погребений с конем являлись также *кабаньи клыки*. У корня они просверлены крестообразно, очевидно, для закрепления на уздечных ремнях.[6]

Здесь же по бокам лошади находились *бронзовые пряжки* с неподвижным запором — крючком — спереди. Этот тип затем надолго остается господствующим на Алтае в скифосарматское время.[7]

Кроме этих вещей, из курганных раскопок Адрианова в тот же комплекс должна быть включена и еще одна его находка.

В Майэмирской степи к юго-западу от кургана № 2 находилась овальная площадка, обставленная семью массивными каменными глыбами. Раскопки на самой площадке показали, что она не имеет каких-либо нарушений природной почвы. Зато при извлечении самой большой глыбы белого кварца был найден комок слежавшихся предметов. Среди них оказались:

Бронзовые удила, двусоставные. со стремянообразными ушками, совершенно аналогичные найденным в курганах.[8] Их также датируют скифские аналогии VII—VI вв. до н. э.

---

[1] МАР, № 37, табл. VI, рис. 19—22.
[2] Руденко С. И., ук. соч., фиг. 1, 8.
[3] Там же, фиг. 4, *2*.
[4] Там же, фиг. 4, 6, 8.
[5] Там же, 4, 7 (рисунок не точный); ср. МАР, № 31, табл. 1.
[6] Там же, фиг. 4, *3*.
[7] Там же, фиг. 1, *6*.
[8] Там же, фиг. *4*, *1*.

Массивный *бронзовый кружок* с глубокими выемками вокруг среднего отверстия. По размеру (диаметр 2.7 см) и форме этот кружок напоминает находимые в раннетагарских курганах.[1]

Оригинальна наременная бронзовая бляшка в виде запятой, укреплявшаяся при помощи стерженька, напоминающего современную запонку.

Пять золотых выпуклых округлых пластин, вложенных одна в другую, были украшены одним и тем же изображением свернувшегося в кольцо кошачьего.[2] Судя по небольшой высоте рельефа почти линейного рисунка, можно предполагать, что пластины были набиты на бронзовую основу. Это подтверждает и находка вместе с ними бронзовой головки длинноклювой птицы, обложенной такой же золотой пластинкой. Стиль всех изображений весьма близок к обнаруженным на раннетагарских вещах из минусинских курганов. Вместе с ними они находят себе аналогии в наиболее архаичных скифских изображениях свернувшихся хищников, лапы которых еще лишены позднейшей ажурности.[3]

Толщина золотой пластинки также служит показателем древности. Позднее, в эпоху господства торевтики, на Алтае будут пользоваться гораздо более тонкими, настоящими листками золота. То же наблюдается в Минусинской котловине — бронзовые бляшки из древнетагарских курганов обложены массивными золотыми пластинками, а позднейшие тагарские украшения из глины, дерева или кожи покрыты тончайшими золотыми листками.

Подытоживая наблюдения над адриановскими находками, можно сказать, что послекарасукское время на Алтае характеризуется развитием форм, весьма близких к древнетагарским. Так же как и для последних, для них характерно наличие наряду с местными типами вещей и изображениями многих особенностей, близких к скифским архаической поры. Особенностью алтайских курганов VII—VI вв., очевидно, является погребение вместе с конем. Это сохранится на тысячелетия. Характерно, что и здесь, как и в древнетагарских курганах, нет железа.

М. П. Грязнов предложил называть алтайские древности типа адриановских майэмирскими, видя в них отражение определенного этапа в истории культуры алтайских племен.[4] Нет никаких причин с этим не соглашаться. Случайные находки, сделанные на Алтае, еще более убеждают в необыкновенной близости майэмирских древностей к тагарским. Бронзовые ножи, кельты, наконечники стрел, хранящиеся в Бийском, Барнаульском и Семипалатинском музеях, принадлежат к древнетагарским типам. О том же говорят и находки на алтайских стоянках майэмирского времени. Раскопанные М. П. Грязновым две стоянки около с. Большереченского содержали наслоения, целиком принадлежавшие к майэмирским.[5]

---

[1] Адрианов А. В. К археологии Западного Алтая, ИАК, 62, стр. 58.
[2] Там же, рис. 29 и Руденко С. И., ук. соч., фиг. 5.
[3] См. выше, стр. 245–246.
[4] История народов СССР. Изд. ИИМК АН СССР на правах рукописи, стр. 400.
[5] Грязнов М. П. Древние культуры Алтая, стр. 6—7.

В них находились в большом числе чешуя и кости рыб, множество костей благородного оленя, соболя, выдры, лисицы, волка, зайца и косули, а также (но в меньшем количестве) кости лошади, коровы, овцы и собаки. Скотоводство, рыболовство и промысловая охота являлись, таким образом, необходимыми источниками существования майэмирского населения алтайских предгорий. О земледелии пока сведений нет. Однако обилие керамики как будто указывает на значительную оседлость, причиной которой могло быть земледелие.

Керамика большереченских стоянок по своей форме (главным образом баночные сосуды), по орнаментации (в которую особенно часто входит ряд выпуклостей, выдавленных изнутри вдоль бортика) и по качеству теста (после обжига коричневого или темного цвета) ближайшим образом напоминает древнетагарскую Минусинской котловины.[1] На древность большереченских стоянок указывают и находки бронзовых изделий. Массивные пластинчатые ножи — однодырчатый и двудырчатый даже примитивнее древнейших тагарских. То же можно сказать и о бронзовом четырехгранном шиле без головки. На архаизм указывают и находки двух бронзовых втульчатых плоских наконечников стрел — ромбического и ромбического-шипастого, близких к скифским.[2]

Следующий этап культурного развития алтайских племен следует считать второй стадией майэмирской культуры. В этом я расхожусь с М. П. Грязновым, считающим ее памятники одновременными пазырыкским.[3] Сейчас мы увидим их близкое родство с древнейшими майэмирскими, а в следующей главе убедимся в более позднем времени и глубоком отличии от них пазырыкских.

Позднемайэмирские памятники объединяет с древнейшими майэмирскими прежде всего полное сохранение курганной конструкции и обряда. Наиболее детально это удалось выяснить при раскопках в 1937 г. четырех курганов у с. Туяхта на р. Урсуле.[4]

Все четыре кургана (№ 6, 8, 10 и 11) представляли собой округлые невысокие насыпи высотой до 0.7 м и диаметром до 12 м. Они были сложены из крупных обломков скалы, весом до 30—40 кг, обильно пересыпанных землей. Снаружи курганы были сплошь задернованы и резко отличались от соседних огромных, больших и мелких курганов пазырыкского типа, насыпанных из чистого, более мелкого камня и поэтому лишенных растительности. Зато всеми особенностями туяхтинские курганы сходны с майэмирскими.

Под насыпью со следами грабительского хода открывалась четыреугольная яма длиной с запада на восток до 2.95 м, шириной до 2 м и глубиной до 3.5 м. Дно ямы не всегда было ровным. В кургане № 6 южная половина ямы была глубже северной на 12 см, а в кургане № 8 — на 65 см.

---

[1] Грязнов М. П. Древние культуры Алтая, рис. 66, 67.

[2] Грязнов М. П. Древние культуры Алтая, рис. 53—56, 58—63.

[3] Вещи хранятся в ГИМ, инв. № 79601. История народов СССР, изд. ИИМК АН СССР, стр. 402.

[4] ВДИ, 1938, № 2, стр. 237 и 1947, № 2, стр. 157 и сл.

В более глубоких, южных, частях ям этих курганов были открыты остатки срубов из лиственничных плах, покрытых лиственничной корой так, что покрытие находилось на одном уровне с дном более мелкой, северной, половины. В северной части в обоих случаях лежал костяк коня, хвостом на запад.

Обстановка погребения вполне совпадает с обнаруженной Адриановым в Майэмире, под Солонечным белком и у д. Черновой.

В курганах № 10 и 11 дно ямы было ровным. Срубы стояли различно. В кургане № 11 сруб стоял попрежнему в южной части могилы, но так, что пространство между ним и стенкой ямы оставалось не только с северной, но и с западной стороны. С обеих сторон лежало по коню. Северный конь, как и в первых курганах, лежал хвостом на запад, а западный конь — хвостом на юг. В кургане № 10 сруб занимал всю ширину ямы, и узкое пространство оставалось лишь вдоль западной стенки. Туда и был втиснут конь, положенный хвостом на юг. Большую сложность погребениям № 10 и 11 придавала также обкладка срубов крупными камнями (табл. XXVIII, рис. 19—22).

Однако отмеченные особенности мало чем отличают курганы № 10 и 11 от курганов № 6 и 8. Инвентарь также оправдывает их объединение в одну группу.

К сожалению, все четыре кургана пострадали от грабителей, проникших через вертикальный узкий лаз в срубы. Вследствие этого все погребения людей были нарушены. Лишь в одном случае удалось установить положение покойника. В кургане № 6 он лежал головой на восток скорченно на правом боку, что является пережитком обычаев бронзового века. Череп этого покойника резко выделяется из числа остальных майэмирских. «Он весьма сходен с черепами казахов и является бесспорным доказательством того, что уже в эту эпоху на Алтай проникали по крайней мере отдельные представители племен юго-восточного происхождения».[1]

Вещи, найденные в срубах четырех туяхтинских курганов, интересны.

Прежде всего отмечу находки двух железных кинжалов (табл. XXVIII, рис. 8). Оба они имели крыловидное перекрестие скифского акинака. Навершия же были различные: у одного нужно предполагать сходство с крестовыми кинжалами Минусинска, у другого навершие было в виде рогов или обращенных друг к другу головок грифов.[2] Сильная ржавчина не позволяет восстановить эти кинжалы. Можно лишь заметить, что они совершенно не схожи с изящными, легкими тагарскими кинжалами. Они гораздо ближе к массивным акинакам персепольских рельефов.[3]

В кургане № 11 найден массивный параболоидный *вток* с остатками деревянной рукоятки. Он свидетельствует о наличии у майэмирцев наряду с кинжалом также и типично тагарского оружия — клевца. По своей форме туяхтинской вток ближе к древнейшим тагарским, например из моих раскопок в Сыде (курган № 8)

[1] Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М., 1948, стр. 137.

[2] Кург. № 8 и № 11 (хранятся в ГИМ, 79601).

[3] Herzfeld. Iran and the ancient East, pl. XLI.

В двух курганах нашлись *бронзовые наконечники стрел*. В кургане № 6 они были обнаружены в обрывках кожаного колчана, лежавшего к югу от колен мужчины. Все шесть наконечников — бронзовые, втульчатые, трехгранные. Грани совершенно плоские, сходящиеся к острию несколько округленно. В основании граней имеется глубокий дугообразный вырез (табл. XXVIII, рис. 9). Среди известных мне сибирских стрел эти наконечники не встречены. Редки они и в южнорусских степях. П. Рау указал лишь одну находку весьма сходной стрелы в архаическом комплексе из Магнитной станицы.[1]

В кургане № 11 оказалось всего две стрелы, они также втульчаты, трехгранны и имеют дугообразные вырезы в основании. Их отличает более сложный профиль — расширение от острия к середине грани, затем сужение и новое расширение книзу. При этом жальца несколько выступают наружу. Это также весьма редкий тип стрелы. В Сибири известен лишь один такой наконечник, но и он по форме более вытянут.[2] В Скифии точных аналогий туяхтинскому наконечнику нет. Близкие по профилю отличаются ребристостью граней. Считаю, однако, существенным, что скифские наконечники туяхтинского профиля появляются впервые в V в. (Кара-Меркит).[3] Позднее они встречаются вплоть до III в. (Чмырева Могила).[4] Кроме того, показательны их изменения на протяжении двух столетий. Позднейшие имеют втулку, выступающую ниже направленных в разные стороны жалец.[5] Только среди наконечников V в. встречаются наиболее близкие к туяхтинским без выступающей втулки, заканчивающиеся такими же дугообразными вырезами между жалец.[6]

Костяные наконечники стрел все трехгранные, черешковые, широко распространенных в Сибири форм.

Железный крюк, найденный возле рукоятки меча в кургане № 11, очевидно, служил для подвешивания ножен к поясу. По форме он близок к бронзовым крюкам, найденным в других позднемайэмирских курганах Алтая.

От поясов, на которых носился меч, уцелели лишь разрозненные части. Ремни были украшены коническими бронзовыми бляхами и четыреугольными обоймами (табл. XXVIII, рис. 12, 13). Они еще встретятся нам в других позднемайэмирских курганах Алтая. Конические бляхи имеют сходство с тагарскими первой стадии.[7] На поясе же, вероятно, висели *бронзовые и костяные костыльки* каплевидной формы (табл. XXVIII, рис. 15). Их бытование на Алтае очень длительно. Позднейшие,

---

[1] Rau P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. 1929, Taf. XVIII, 1, *L*.

[2] Хранится в Томском университете, № 5—20.

[3] Rau P., цит. соч., табл. VII, 1, A.

[4] Там же, табл. IX, 2.

[5] Чмырева Могила, Малая Лопатиха, Шульговка (там же, табл. IX—XI).

[6] Кара-Меркит (там же, табл. VII, 1). Аналогичные стрелы найдены в Сокровищнице Персеполя, датируемой монетными находками с конца VI по IV в. до н. э. (Schmidt E. F. The Treasury of Persepolis, Chicago, 1939, стр. 47, рис. 28).

[7] Самохвал. кург. № 5, погр. 1.

сильно укороченные, встречены в Кудыргинском могильнике V—VI в. н. э.[1] Значительное их число найдено в Ордосе.[2] Сохранившаяся в кургане № 6 *стеклянная реповидная бусина* (табл. XXVIII, рис. 17) имеет кремовый цвет фона и синие глазки, окруженные белыми обводами, соединенными между собой усиками. По образцам, опубликованным Kisa, она может быть отнесена к бусам, датируемым «доримским периодом».[3] В том же кургане уцелели украшения в виде ряда просверленных в двух местах для нашивки раковин Cypraea moneta (11 штук; табл. XXVIII, рис. 16). Мы уже встречали пастовые подражания этим раковинам среди тагарских находок. В Минусинской котловине определенно устанавливается появление этих украшений только во второй стадии, в погребениях не древнее конца V в. до н. э. На это же время указывает их находка в курганах с. Покровки под Чкаловом.[4]

Конская сбруя, найденная в туяхтинских курганах, состоит из остатков седельных ремней и пряжек, а также из уздечных украшений, блях и удил с псалиями.

Удила все кольчатые. Четверо из них железные и только одни бронзовые (табл. XXVIII, рис. 18). Они совершенно сходны со скифскими железными, распространяющимися с VI в. до н. э. Псалии железных удил все прямые, с утолщениями по концам и с двумя отверстиями посредине. Этим они отличаются от древнейших майэмирских бронзовых псалий, имевших три отверстия. Бронзовые удила снабжены изогнутыми псалиями, известными в скифское время в V в. до н. э.[5] Можно только сказать, что скрещения их ремней были украшены кабаньими клыками, имевшими в корневой части две, три и четыре сверлины. Кабаньи клыки найдены во всех четырех туяхтинских курганах и могут считаться характерными для майэмирских древностей (табл. XXVIII, рис. 1). Узда с бронзовыми удилами и псалиями, украшенная бронзовыми же бляхами, счастливо сохранила их первоначальное расположение и может быть восстановлена в следующем виде (табл. XXVIII, рис. 18).

На носу коня оказалась бляшка — обойма, сквозь четыре отверстия которой были продеты ремни, шедшие вверх и в обе стороны вбок. Эти боковые ремни шли к паре бляшек, расположенных с обеих сторон несколько выше угла рта, на середине щеки. По два ремня от этих бляшек шли к обоим отверстиям псалий и были там закреплены. Повидимому, для того чтобы эти пары ремней не расходились, их скрепляли специальными бронзовыми обоймочками с двумя отверстиями, найденными также по обеим сторонам морды. Ремни, шедшие от нащечных обоймочек вверх, достигали околоушных бляшек, из которых поперечные ремни шли

---

[1] Руденко С., Глухов А. Могильник Кудыргэ на Алтае. Мат. по этнографии, т. III, вып. 29, Л., 1927, рис. 15, 5—9.

[2] Archaeologia Orientalis, B Series, vol. I, Tokyo, 1935, pl. XVIII, 1, 3, 4, XIX, 6.

[3] Kisa. Das Glas, Bd. II.

[4] МАР, № 37, табл. VI, 15.

[5] Grakov B. Monuments de la culture scythique entre Volga et les monts Oural. ESA, III, fig. 12.

вокруг шеи и на лоб за уши. Все бляшки были одинаковы — округлы, с четырьмя отверстиями в нижней части (табл. XXVIII, рис. 4). Эта форма была широко распространена в скифском уздечном наборе. От них отличалась лишь одна — левая околоушная. Она представляла собой бронзовое подражание кабаньему клыку (табл. XXVIII, рис. 11). Острие его было трактовано в виде клюва хищной птицы, а корневая часть была оформлена в виде оскаленной морды хищника. Бронзовые бляхи в виде клыка кабана, украшенные так же, как туяхтинские, найдены в Минусинской котловине. Среди них есть почти точные аналогии и несколько вариантов,[1] а также родственная форма, отличающаяся тем, что голова хищной птицы здесь как бы выступает из пасти длинномордого хищника.[2] Аналогичный бронзовый клык найден в кургане конца V в. около Саратова.[3] Отсутствие подобных украшений в других областях Сибири еще раз подчеркивает близость майэмирского Алтая и тагарского Енисея. Эти бляхи, несомненно, представляют собой бронзовые подражания украшенным резным рисунком настоящим клыкам кабана. Мы уже отмечали, что неорнаментированные кабаньи клыки являлись характернейшим украшением майэмирских уздечек. Поскольку в тех же курганах найдено орнаментированное бронзовое подражание им, вполне вероятно наличие на Алтае в майэмирское время настоящих кабаньих клыков, украшенных резными изображениями морды хищника и клюва хищной птицы. Вид этих рисунков можно легко представить по аналогии со знаменитыми резными клыками, открытыми Б. Н. Граковым в савроматских курганах конца V в. у с. Блуменфельд (близ Саратова).[4]

В Западное Приуралье ведет нас и другая, более северная аналогия. В Музее антропологии АН СССР хранится происходящая из Ананьина бронзовая привеска, также подражающая кабаньему клыку. Ее острие оформлено в виде клюва, но корневая часть изображает кабанью морду.[5]

Костяные пряжки, найденные в туяхтинских курганах, — без вращающегося замка, иногда с носком или кнопкой на передней дужке. Они сходны с тагарскими и майэмирскими бронзовыми. На Алтае они сохраняются и в позднейшее время (табл. XXVIII, рис. 2, 3, 6 и 14).

К сожалению, в туяхтинских курганах найдены обломки всего лишь одного сосуда. Он имел баночную форму и был украшен горизонтальным рядом

---

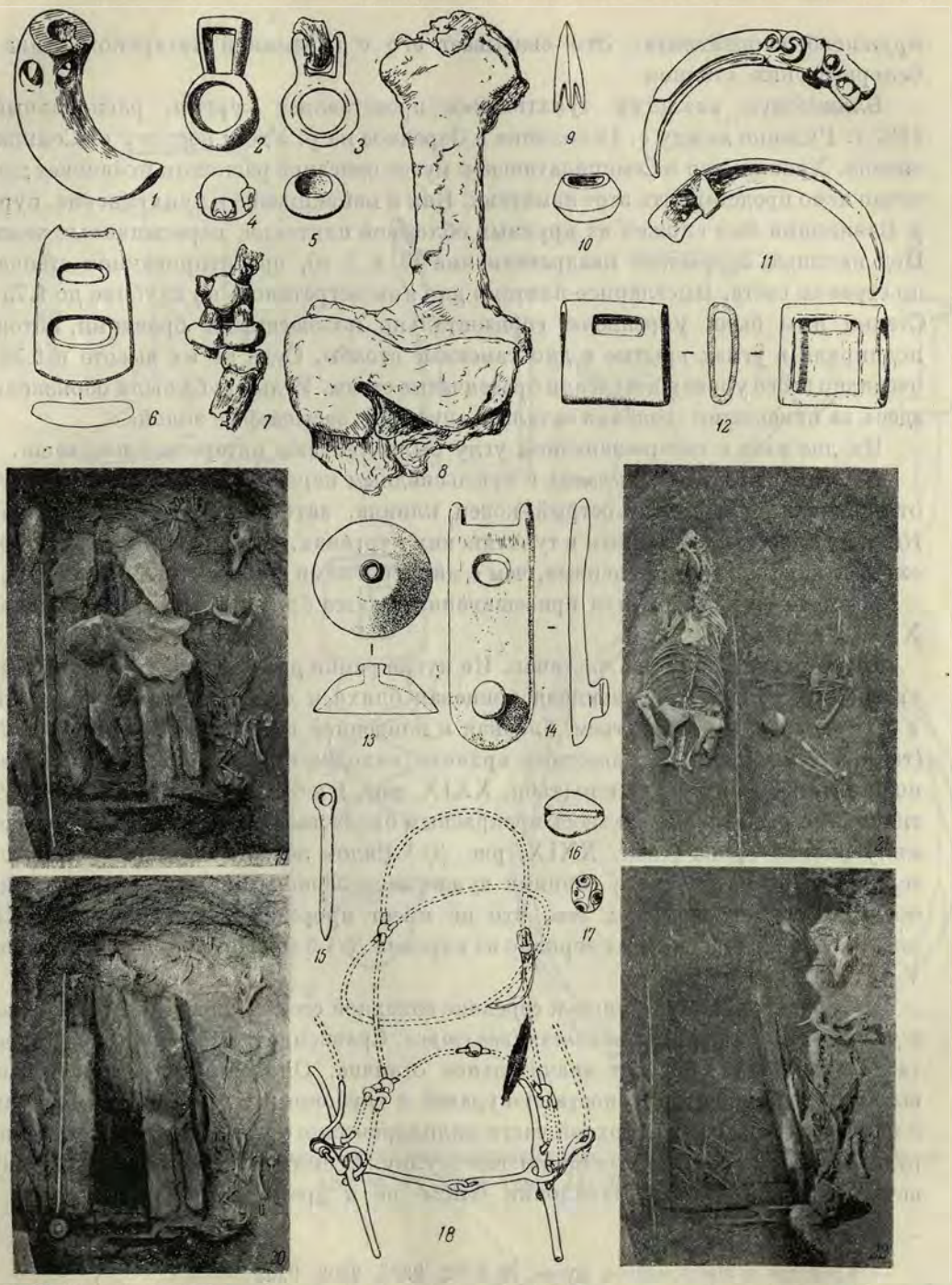
[1] Хранится в Минусинском музее, № 9297, 9296, 9294, 9303. Salmony A. Sino-Siberian Art, pl. XVIII, 1, 2.

[2] Хранится в Минусинском музее № 9291.

[3] Grakov B., ук. соч., рис. 10.

[4] Там же, ук. соч., рис. 19—21.

[5] Salmony A. Sino-Siberian Art, табл. XX, рис. 12. Кабаний клык — уздечная бляха с четырьмя отверстиями, отлитый из бронзы, найден в Сокровищнице Персеполя вместе с монетами конца VI, V и IV вв. до н. э. (Schmidt E. F. The Treasury of Persepolis, Chicago, 1939, стр. 47, Pl. 3, 367).



Виды погребений и инвентарь позднемайэмирских курганов у с. Туяхта на Алтае

кружкового орнамента. Это связывает его с керамикой тагарского типа из белореченских стоянок.

Ближайшую аналогию туяхтинским представляет курган, раскопанный в 1927 г. Руденко между с. Вавилонка и Заречное на р. Уде к востоку от Семипалатинска. Хранящееся в Семипалатинском музее описание раскопок позволяет достаточно ясно представлять этот памятник. Как и майэмирские и туяхтинские, курган у Вавилонки был сложен из крупных обломков плитняка, пересыпанных землей. Под насыпью открылась квадратная яма (3 × 3 м), ориентированная стенками по странам света. Выстланное плитами дно ямы встретилось на глубине до 1.75 м. Стенки ямы были укреплены горизонтально положенными бревнами, которые подпирали в углах врытые в дно каменные столбы. Судя по их высоте в 1.36 м очевидно этого уровня достигали бревенчатые стены. Углы сруба были обожжены— здесь за каменными столбами остались «пустоты, засыпанные золой».

На дне ямы в северо-западном углу были найдены интереснейшие вещи.

Железный крестовой кинжал с крыльевидным перекрестьем. Кроме рукоятки, от кинжала сохранился острый конец клинка, заточенного на четыре грани. Кинжал близок к найденным в туяхтинских курганах. Он так же массивен и более схож со скифскими и иранскими, чем с минусинскими (табл. XXIX, рис. 5).

Мусат с отверстием для привешивания, также близок к майэмирским (табл. XXIX, рис. 4).

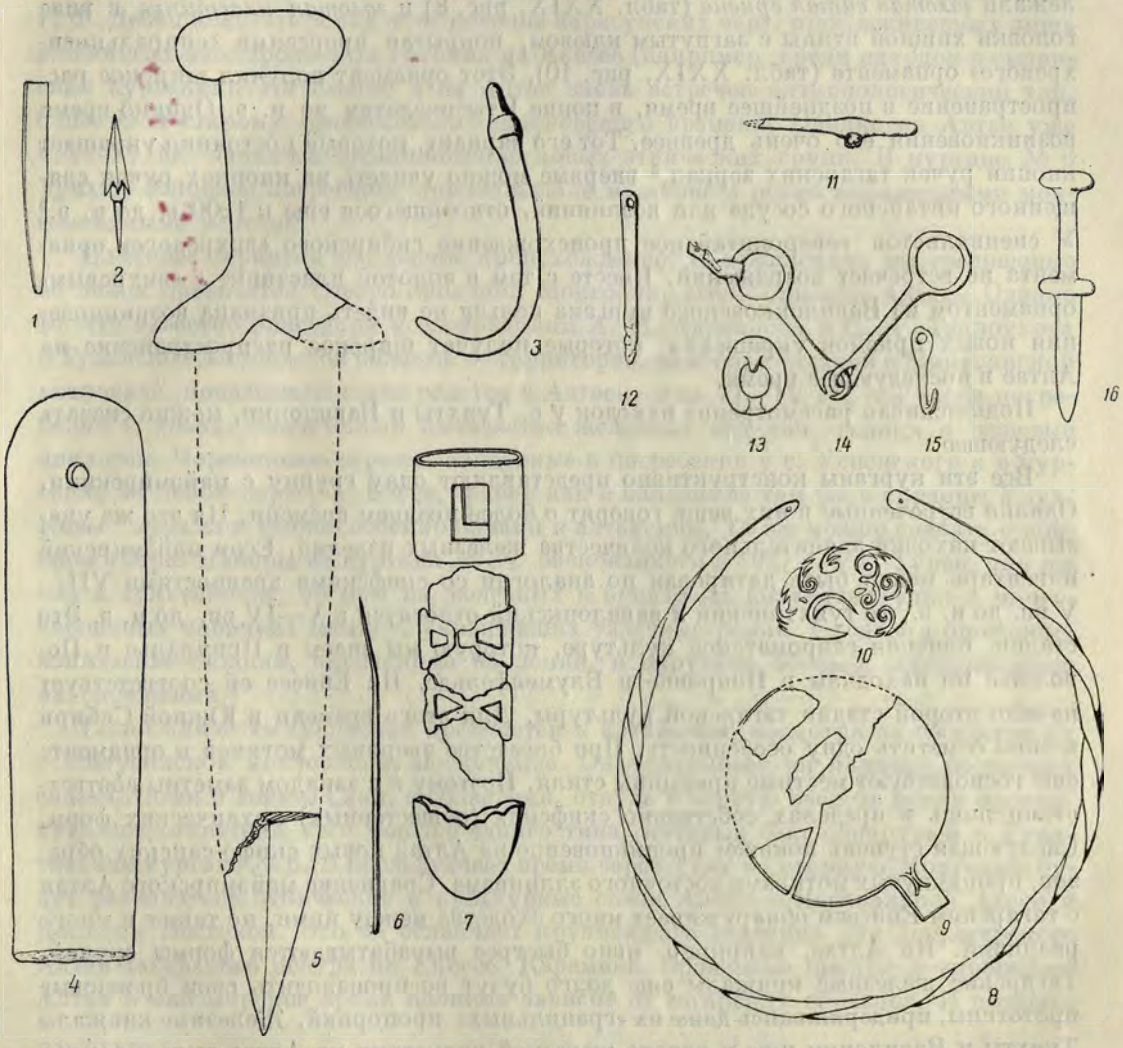
Пояс сохранился лишь частично. На куске ремня две бронзовые бляшки в виде римской X, рядом сердцевидная концевая бляха и овальная массивная обойма с четыреугольным отверстием, близкая к найденной в Туяхтинском кургане № 6 (табл. XXIX, рис. 7). Известный архаизм находке придает *обломок* бронзового ножа и такое же тонкое шило (табл. XXIX, рис. 1 и 6). Железный к р ю к туяхтинских курганов заменен здесь прекрасным бронзовым, имеющим аналогии среди минусинских бронз (табл. XXIX, рис. 3).[1] Рядом лежало сломанное бронзовое зеркало. Оно не сходно с ранними дужковыми зеркалами, но отличается и от позднейших медалевидных тем, что не имеет прорезного ушка (табл. XXIX, рис. 9). Ближе всего к нему зеркало из кургана № 1 близ Покровки под Чкаловом, V—IV вв. до н. э.[2]

Несколько поодаль, ближе к середине западной стенки, лежали пять *бронзовых черешковых трехгранных наконечников стрел*. Сравнение с майэмирскими и раннетагарскими обнаруживает значительное отличие. Оно заключается в большей вытянутости пера, в плоскости его граней с глубокими вырезами в основании и в наличии у черешка в верхней части цилиндрического утолщения, как бы имитирующего выступающую под шипиками втулку. Всеми этими особенностями наконечники из кургана у Вавилонки ближе не к древнейшим майэмирским, но

---

[1] Хранятся в Минусинском музее, № 9292, 9295, 9302, 9303.

[2] МАР, № 37, табл. VI, 35.



Вещи из курганов у с. Вавилонки близ Семипалатинска (рис. *1—10*) и из курганов в урочище Арагол на Алтае (рис. *11—16*).

к найденным под Оренбургом (Чкаловом) у с. Покровки в кургане № 2, V—IV вв. до н. э. (табл. XXIX, рис. 2).[1]

Также несколько особняком, ближе к середине северной стенки могилы, лежали *золотая витая гривна* (табл. XXIX, рис. 8) и *золотая пластинка* в виде головки хищной птицы с загнутым клювом, покрытая прорезями «спирально-вихревого» орнамента (табл. XXIX, рис. 10). Этот орнамент получил широкое распространение в позднейшее время, в конце I тысячелетия до н. э. Однако время возникновения его очень древнее. Тот его вариант, который постоянно украшает кнопки ручек тагарских зеркал,[2] впервые можно увидеть на кнопках ручек священного китайского сосуда для возлияний, относящегося еще к 1200 г. до н. э.[3] У специалистов северокитайское происхождение сибирского «вихревого» орнамента не встречает возражений. Вместе с тем в золотой пластинке с «вихревым» орнаментом из Вавилонковского кургана нельзя не видеть признака возникновения новых приемов украшения, которые получат широкое распространение на Алтае в последующее время.

Подытоживая рассмотрение находок у с. Туяхты и Вавилонки, можно сказать следующее.

Все эти курганы конструктивно представляют одну группу с майэмирскими. Однако встреченные в них вещи говорят о более позднем времени. На это же указывают находки значительного количества железных изделий. Если майэмирский инвентарь может быть датирован по аналогии со скифскими древностями VII—V вв. до н. э., то туяхтинский и вавилонкский относятся к V—IV вв. до н. э. Это стадия, близкая савроматской культуре, которую мы знаем в Приуралье и Поволжье по находкам в Покровке и Блуменфельде. На Енисее ей соответствует начало второй стадии тагарской культуры. Для этого времени в Южной Сибири можно отметить одну особенность. При богатстве звериных мотивов в орнаменте еще господствуют местные принципы стиля. Поэтому и с западом заметны соответствия лишь в пределах собственно скифских (общестепных) архаических форм. Следующая ступень покажет проникновение на Алтай новых скифо-сакских образов, проникнутых мотивами восточного эллинизма. Сравнение майэмирского Алтая с тагарским Енисеем обнаруживает много сходства между ними, но также и много различий. На Алтае, например, явно быстрее вырабатываются формы орудий. Тагарские железные кинжалы еще долго будут воспроизводить свои бронзовые прототипы, придерживаясь даже их «грацильных» пропорций. Железные кинжалы Туяхты и Вавилонки уже в начале железной индустрии на Алтае выделываются по совершенно новым принципам, приближаясь в этом отношении к скифскому западу и ирано-сакским образцам. То же приближение к скифскому обнаруживается и в погребальном обряде. В майэмирских курганах, ранних и поздних,

[1] МАР, № 37, табл. VI, рис. 22.

[2] Хранятся в Минусинском музее, № 4605, 4607, 4608, 4622, 4632.

[3] Exhibition of Chinese Art. Mills College, 1934, pl. 5.

господствует погребение с конем, не известное тагарским курганам Минусинской котловины.

Палеоантропологическое изучение останков, обнаруженных в тагарских и майэмирских курганах, дало очень интересные результаты. И в той и в другой серии Г. Ф. Дебец констатировал исчезновение карасукских черт, прослеживаемых лишь в немногих изолированных группах на Енисее (например, среди находок в сыдинских курганах). На Енисее и на Алтае вновь встречен антропологический тип, близкий к старому афанасьевско-андроновского времени. Однако на Алтае уже в V—IV вв. началось проникновение новых этнических групп. В кургане № 6 Туяхты основное погребение принадлежало мужчине с резко выраженными монголоидными чертами.[1]

Наиболее вероятно его южное происхождение. К сожалению, мы совершенно не знаем древностей Северо-Западной Монголии, столь близкой Алтаю. Однако то, что известно благодаря исследованиям А. В. Адрианова и С. А. Теплоухова о Тувинской Автономной области — территории, наиболее близкой к Минусинской котловине, показывает явное родство с Алтаем. Для VI—IV вв. там часты погребения с конем, значительно количество железных изделий, велики и вещевые аналогии. Черешковые стрелы, найденные в погребении у с. Успенского и в курганах на левом берегу р. Бегре,[2] равно как и найденные там же в урочище Улух-Ковы [3] мусаты и втоки особенно близки к алтайским. То же можно сказать о конском уборе. Наборы из кургана № 34, раскопанного в 1927 г. у с. Туран, так же как и туяхтинские, состоят из железных и бронзовых кольчатых удил и многочисленных кабаньих клыков, украшавших уздечные ремни. Сходны и бронзовые конические бляшки, нанизанные на ремни, и округлые обоймы, прикрывавшие их скрещения.[4]

Такая близость тувинских древностей к алтайским, несмотря на соседство их с Минусинской котловиной, не случайна. Она указывает на наличие восточных связей Алтая и южнее Саян, с областями, откуда в первую очередь могли проникнуть представители того монголоидного типа, который был обнаружен в Туяхтинском кургане № 6. В последующее время через Туву и Северную Монголию будут развиваться этнические и культурные связи Алтая с Центральной Азией и Дальним Востоком. Это не ослабляет крупнейшего значения для майэмирского Алтая тагарского центра на Енисее. Керамика, бронзовые орудия и украшения Алтая в майэмирское время целиком зависят от тагарских образцов. И позднее,

---

[1] Дебец Г. Ф., Палеоантропология СССР, стр. 137, рис. 49.

[2] Раскопки С. А. Теплоухова. Хранятся в Этнографическом музее в Ленинграде, № 4566. Раскопки А. В. Адрианова в 1915 г. Хранятся в Томском университете.

[3] Раскопки С. А. Теплоухова 1927 г. Хранятся в Этнографическом музее в Ленинграде.

[4] Раскопки С. А. Теплоухова в 1927 г. Хранятся в Этнографическом музее, в Ленинграде, № 4747.

уже в пазырыкскую эпоху, можно проследить эту связь. В исследованных в 1927 г. курганах на урочище Арагол, наряду с уже знакомыми нам по Туяхте бронзовыми удилами и крюками от колчана, найдены бронзовые ножи и миниатюрные крестовые кинжалы и проушные клевцы, типичные для второй тагарской стадии (табл. XXIX, рис. 11—16). Однако наряду с ними получают в это время распространение новые формы, указывающие на иные направления связей алтайского населения, начиная с конца IV в. до н. э.

Среди вопросов, возникающих при изучении древностей Южной Сибири в тагарское время, все большее значение приобретают соотношения с МНР и Суйюанью. Поразительные совпадения в технике и формах вещей, а также в содержании изображений заставляют предполагать наличие постоянных связей. Однако почти полное отсутствие раскопочного материала препятствует пока выяснению хронологии, а следовательно и направления сношений.

Забайкалье за тридцатые годы было предварительно обследовано экспедицией Г. П. Сосновского.[1] Собранные данные позволили расклассифицировать древности, современные тагарской эпохе. При этом выяснилась одна существенная деталь. Бронзы Селенгинского района, несмотря на общую близость к тагарским, отличаются теми же особенностями, которые характерны и для красноярских изделий раннетагарского времени. Очевидно, последние не представляют собой узколокального явления, но отражают особенности, существовавшие в культуре, широко распространенной на границе азиатских степей. Изучение кинжалов и ножей, найденных Г. П. Сосновским в ранних, так называемых «плиточных», могилах Забайкалья, как будто открывает и основы этих особенностей. Как и в Красноярском районе, на Селенге, в раннетагарское время еще сохранились некоторые карасукские черты, быстрее изжитые в Минусинской котловине и, повидимому, в Ордосе. В самом деле, кинжалы из ранних «плиточных» могил еще сохраняют признаки выемчатоэфесовых, а тяжелые ножи еще очень близки к карасукским. Лишь позднее, с IV в. до н. э. в Забайкалье распространяются новые формы. Однако общий облик культуры с этого времени начинает изменяться уже в ином направлении. Забайкалье становится более близким Алтаю, чем Минусинской котловине. Это связано с крупнейшими изменениями в истории и культуре всей Срединной Азии в IV—III вв. до н. э.

Прежде чем перейти к этой новой эпохе, необходимо отметить важнейшее в изученном.

Раннетагарское время явилось тем периодом в истории Сибири, когда вновь расширились культурные связи. Черты общности культурно-исторического раз-

---

[1] Сосновский Г. П. Ранние кочевники Забайкалья. Краткие сообщения ИИМК, вып. VIII, стр. 36—42, и его же: Плиточные могилы Забайкалья. Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, вып. 1, Л., 1941. О плиточных могилах Монголии. См. Киселев С. В. Монголия в древности. Известия АН СССР. Серия истории и философии, т. IV, № 4, 1947, стр. 361—367, рис. 3—5.

вития мы прослеживали еще в афанасьевское время. Андроновская эпоха отличалась еще большим сближением востока и запада евразийских степей. Сходство андроновских памятников со срубными, их необыкновенное территориальное расширение особенно замечательны. Несмотря на ограниченное распространение собственно карасукских комплексов, карасукская бронзовая индустрия, столь тесно связанная с достижениями восточных металлургов, способствовала расцвету бронз на широчайших пространствах Сибири, Урала и Среднего Поволжья. При этом всюду были использованы местные традиции и среди них — древняя звериная орнаментация. Ее великолепные образцы именно в это время с исключительным единством стиля одинаково блистали в степях Ордоса, на берегах Байкала и Енисея, на Алтае и Урале и у слияния Волги и Оки.

Тогда была подготовлена почва для нового этапа историко-культурного развития древнего населения СССР. Он отличался еще большей общностью. Скифы на западе, савроматы Поволжья и Южного Приуралья, массагетосакский мир Средней Азии, дин-лины,— майэмирские и тагарские племена Саяно-Алтая, население Прибайкалья, Монголии и Ордоса пользовались одним оружием, одинаковой конской сбруей, сходными украшениями и увлекались одними образами и настроениями в искусстве. Их различали местные особенности. Но это не могло ослабить исключительной близости их культуры. Великий пояс степей уже тогда соединил Восточную Европу и Северную Азию единством материальной культуры и художественных идей.

Часть вторая

ГУННО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Чем шире исследуются древности великого пояса степей, тем яснее становится тесная связь событий из истории обитавших там племен и народов. При этом выделяются такие переломные периоды, когда решение даже частных вопросов требует особенно пристального внимания к широкому историческому фону. Несомненно, таким периодом явился важнейший этап в истории кочевого мира, когда на смену скифо-савроматским и динлинским племенам выступили новые силы и среди них, прежде всего, сарматские и хуннские племена. Выяснение условий, в которых совершилась эта смена на Востоке, имеет очень большое значение для истории различных областей нашей страны, особенно для истории Южной Сибири, Прибайкалья и Среднеазиатских республик.

КИТАЙ

Китай в эпоху Чжоу был разделен на множество небольших государств. В центральных городах этих государств жили князья, возглавлявшие местную знать. Их зависимость от императора была весьма слабой. Земледельцы — наиболее многочисленный слой населения — жили общинами. Основой их общественного быта были родовые патриархальные отношения. Однако чжоуские крестьяне уже не были самостоятельными. Они попадали во все бóльшую зависимость от богатых. Это ярко показано в песне «Нинюэ»:

В дни второго месяца мы идем на большую охоту
Однолетних кабанов берем себе,
А трехлетних отдаем князю.

. . . . . .

В восьмом месяце начинаем прядение,—
Делаем темные и желтые ткани.

Наши красные ткани превосходны
Они предназначаются для нижней одежды князя.

. . . . . .

В десятом месяце передаем снопы,
Просо раннее и позднее,
Пшеницу и другие злаки,
И коноплю, и бобы.

Ши-Цзан, ч. I

Однако не всем удавалось удержаться на этой ступени зависимости. «Мое сердце печально, все мы будем превращены в слуг и в рабов» — жалуется в Ши-Цзине крестьянин, под угрозой порабощения. И действительно, многих ждало долговое рабство. Один древний текст прямо указывает, что «на самом низу общественной лестницы — перешедшие в зависимое состояние из-за бедности и осужденные за преступления в рабство группы,— приравненные к скоту и продаваемые подобно ему»:[1]

Рабы, действительно, были сведены до положения рабочего скота. Наравне с лошадьми, раковинами, колесницами и оружием знатные китайцы передавали их друг другу, то продавая, то даря. Об этом свидетельствует ряд надписей на бронзовых сосудах:

1. «Дарю тебе людей 659 человек. Еще дарю тебе людей 10, 200 и 1050 человек».

2. «Дарю Лу-Гуну драгоценный треножник, хороший лук, красные стрелы, рабов и лошадей».

3. «Дарю тебе лук и стрелы, рабов 5 семей и земли 30 участков».

4. «Дарю тебе колесницы, лошадей, военное оружие и рабов в количестве 150 семей».

5. «Цзян пожаловал раковин 10 связок, рабов 10 семей, людей 100 человек».

6. «Дарю тебе рабов и разные музыкальные инструменты. Дарю тебе рабов из рода Цзин».

7. «Ян-Уай говорит: «Послать Шу-Сю низшим прислужником, чтобы получить раковин связки и 3 семьи рабов».[2]

Известно, что цзиньский князь Цзин (599—581 гг. до н. э.) подарил своему сановнику Сюнь-Линь-фу 1000 семей рабов-чужеземцев; другой князь Лин из владений Ци (581—554 гг. до н. э.) отдал в подарок 500 семей рабов-чужеземцев; В чжоуский период рабов покупали и закладывали. Выход из рабского состояния, признанного наследственным, уже тогда был возможен только путем выкупа.[3] Этот рост рабства увеличивался разорением крестьянства.

---

[1] Textes historiques, т. I, p. 77.

[2] ПИДО за 1935 г., № 7—8, стр. 151.

[3] Иванов А. И. Китай в эпоху раннего средневековья, прим. 1. (Рукопись хранится в архиве ИИМК АН СССР).

Рабовладельцы создавали и свою идеологию борьбы за расширение частной собственности на землю, за рост рабовладения. Особенно активно действовала в этом отношении так называемая школа Фацзя, оказавшая определяющее влияние на реформы Шан-Яна в царстве Цинь (358—348 гг. до н. э.)[1] и на реформаторскую деятельность Цинь-Ши-хуанди.

Реформы Цинь-Ши-хуанди, сплотив Китай, создали общекитайский рынок, способствовали развитию торговли, но не подрывали рабовладения. Они способствовали его дальнейшему развитию. Военные походы давали все большее и большее число военнопленных, превращаемых в рабов, гнет податей и повинностей в еще невиданных размерах способствовал превращению мелких земледельцев в кабальных людей (в «рабов-осужденных»).

В эпоху ханьской династии древний Китай вступил с уже развитым рабовладельческим устройством, когда не только отдельные князья, сановники, крупные и средние землевладельцы, но и само государство было рабовладельцем, используя труд невольников для разработки горных богатств, постройки каналов, дорог, укреплений и т. п. Все это еще при старших Хань получило самое большое развитие. Уже первый император династии Хань — Лю-Бан — разрешил продажу детей и внуков в рабство.[2] Походы армий, дошедших на юге до Кохинхины, а на севере до Хотана, Северной Монголии и Кореи, развитие денежных отношений, выразившееся во введении упорядоченной монетной системы, расцвет не только внутренней, но и внешней торговли — все это способствовало распространению рабовладения, внедрению рабства даже в мелкие хозяйства.[3] Большое число терминов, обозначавших в ханьское время «раба» указывает на разнообразные категории рабов в Китае. Во II—I вв. до н. э. в городах существовали рынки рабов и действовали крупные компании работорговцев, получавшие огромные прибыли. Количество рабов в одном хозяйстве достигало иногда 800 человек.[4] Все это особенно усилилось ко времени кризиса и реставрации младших Хань. Этот период ознаменован ростом крупного рабовладельческого хозяйства. Тысячами рабов владеют крупные землевладельцы, «чьи владения тянутся от одной провинции к другой... Почести, оказываемые этим людям, их благосостояние превосходит то, что есть у князей, их власть и влияние равны силе любого правительственного чиновника».[5] Рост крупных рабовладельческих хозяйств и сильнейшее обогащение их владельцев способствовало в эпоху младших Хань еще большему обнищанию

---

[1] Симоновская Л. В. Вопросы периодизации древней истории Китая (ВДИ, 1950, № 2).

[2] Сыма-Цянь. Исторические записки, гл. 8.

[3] Wilbur M. C. Slavery in China during the former Han Dynasty, Chicago, 1943, p. 206.

[4] Бань-Гу, История старших Хань, отд. экономики.

[5] Lee M. P. H. The economic history of China with sepcial reference to Agriculture. Columbia University, 1921, p. 187.

свободного крестьянства. В эту эпоху «народ занялся людоедством, и кости мертвых были рассеяны по всей стране».[1]

Восстания потрясали империю Хань. Уже в I в. до н. э. несколько раз восставали рабы на горных разработках, и поднимались крестьяне, убегавшие от порабощения в леса и горы, но особенно крупные восстания охватили страну в I и в начале II в.[2] Из них самым сильным было движение так называемых «желтых тюрбанов». Несмотря на то, что оно было подавлено, новые восстания вспыхивали с возрастающей силой, и в 220 г. под их ударами пала династия Хань. Рабовладельческой империи был нанесен решительный удар. Однако во время возникшего затем «троецарствия» династий У, Вей и Шу рабовладельческий способ хозяйства не только не был оставлен, а наоборот, им пытались заменить пришедшее в упадок хозяйство свободных земледельцев. «Долговременное кровопролитие,— говорит Захаров,— уменьшало число народа крупного и здорового...; притом в это бурное время множество народа скрывалось и бродило из места в место для избежания тягостных налогов. При таком чувствительном недостатке в людях правительства царств Шу и У принуждены были отправлять суда на смежные с материком острова, чтобы брать в плен тамошних жителей и привозить на твердую землю для обрабатывания полей или употребления на службу».[3]

Даже в условиях разложения рабовладельческой системы в V в. при династии Тоба законодатели по традиции считали рабский труд нужным в хозяйствах, включая и небольшие. Об этом свидетельствует закон 420 г. Вероятно, он не был осуществлен, но рабовладельческую традицию он выразил очень ярко, рекомендуя, чтобы «вся земледельческая работа исполнялась рабами; восемь полагалось каждой семейной паре, четыре — каждому холостяку; десять быков считалось за восемь рабов и земли делились на обрабатываемые быками и обрабатываемые рабами».[4]

Однако в это время в полной мере проявляются новые тенденции. Еще в III в., когда в 268 г. Китай вновь был объединен западной династией Цзинь, сильное поредение населения, недостаток рабочих рук, недобор в казну необходимого количества продуктов земледелия привели к изданию специальных законов о прикреплении земледельцев к земле. Это мероприятие было в китайской истории, как и в истории греко-римского мира, предвестником новых крупнейших социальных и политических изменений. Они и здесь произошли в результате восстаний рабов, с которыми объединились «варвары» и вместе разрушили оплот рабовладельческого строя на востоке Азии.

---

[1] Lee M. P. H. Ук. соч.

[2] Симоновская Л. В. Вопросы периодизации древней истории Китая (ВДИ, 1950, № 2).

[3] Захаров И. Историческое обозрение народонаселения Китая. Тр. членов Российской духовной миссии, т. I, стр. 156—157.

[4] Parker E. N. China past and present, p. 399.

При изучении истории «варварских» племен, живших на периферии Китая, особенно в эпоху Цинь и Хань (256 г. до н. э.— 220 г. н. э.) необходимо прежде всего иметь в виду существование на юго-востоке Азии могущественного государства с развитыми рабовладельческими отношениями. Влияние этого государства на соседние «варварские» племена осуществлялось путем постоянных сношений. Издавна на северных окраинах Китая шла оживленная меновая торговля с кочевниками. Еще в чжоускую эпоху совершались опустошительные набеги северных племен и ответные походы китайских военачальников.

Одним из крупнейших мероприятий Цинь-Ши-хуанди была экспедиция под начальством Мэн-Тяня против «северных варваров». Эта военная экспедиция очистила от кочевников значительные области северного Китая и, в частности, вытеснила из Ордоса кочевья хунну (гуннов). Вместе с тем походы Мэн-Тяня во многом способствовали знакомству сторон друг с другом. Не прервала сношений с севером и достройка Цинь-Ши-хуанди Великой Китайской стены. После ее сооружения даже вторжения гуннов продолжались. Во II в. они принудили китайцев платить ежегодную дань. Лишь в 119 г. ханьский император У-Зи снарядил против гуннов большую военную экспедицию, нанесшую им сильный урон. За этой победой последовали новые походы на север. Но поход 99 г. до н. э. опять был неудачным для китайцев. Их главнокомандующий Гуан-Ли был разбит гуннами, а начальник вспомогательной армии генерал Ли-Лин попал в плен. Замечательно, что гуннский шаньюй с почетом принял знатного пленника, женил его на своей дочери и сделал своим наместником в земле Хягас на Енисее.[1] Известны и другие случаи службы знатных и опытных пленников-китайцев у гуннов и у более северных племен. Это, конечно, способствовало проникновению на север китайской культуры.

Для распространения китайских влияний еще большее значение, чем война, имели торговые связи. В эпоху династий Хань оживленные торговые сношения Китая распространяются далеко за пределы его границ. Император У-Ди в 126 г. до н. э. отправил на запад, с целью военно-торговой разведки ученого и полководца Чжан-Цзяня. Чжан-Цзянь был задержан гуннами и прожил у них 10 лет. Ему все же удалось бежать на запад. Там он познакомился со страной Юэчжи, проник в пределы Бактрии, посетил Фергану (Да-вань) и через 13 лет вернулся на родину. Однако У-Ди, не дожидаясь Чжан-Цзяня, в 121 г. отправил многочисленное войско на северо-запад, против гуннов. Гунны были разбиты и покорились. «Китайцы тогда вступили в дружественные отношения с правителями Западной

---

[1] Евтюхова Л. и Левашова В. Раскопки китайского дома близ г. Абакана (Краткие сообщения ИИМК вып. XIV; Бернштам А. Рецензия на эту работу. Известия АН СССР. Серия истории и философии, т. III, № 5, стр. 479); Евтюхова Л. и Левашова В. Ответ А. Бернштаму (Известия АН СССР. Серия истории и философии, т. III, № 3, стр. 573).

Азии. Владения Китайской империи расширялись день ото дня».[1] Быстро развернулись торговые сношения. Вскоре после смерти Чжан-Цзяня (114 г.) в западные страны отправился первый караван. Позднее же «до двенадцати караванов, насчитывавших по сотне человек, с массой вьючных животных, ежегодно покидали Китай. Начались оживленные сношения с жителями оазисов Таримского бассейна, принявшими китайское покровительство».[2] На всем пути из Китая в Восточный Туркестан строились селения и города. Порядок и безопасность обеспечивали гарнизоны и военные поселения «западного края», подчиненные военным губернаторам — ванам. Однако китайские караваны проникли и дальше на запад. Скоро их увидели в Фергане и в Парфии. В 64 г. до н. э., благодаря завоеванию Помпея, далекая Сирия стала римской провинцией и центром перевалочной торговли Рима с Востоком, в том числе с Китаем, откуда в Сирию привозили шелк. Из Сирии, главным образом в переработанном виде, китайский шелк направлялся в Рим. В свою очередь различные сирийские товары ввозились в Китай. В одном китайском источнике перечислены 17 сортов тканей, крашеные материи, пестрые ковры, разноцветное стекло, металлы, драгоценности, украшения, яшма, кораллы и лекарства.[3] Из Бактрии в Китай были тогда вывезены крупные и сильные бактрийские кони и даже верблюды.[4]

Только в эпоху кризиса затихла китайская торговля с западными странами. В конце I в. н. э. она вновь оживилась. При этом был захвачен Восточный Туркестан. При императоре Мин-Ди (58—76 гг.) был выполнен план генерала Вань-Чао: «В Яркенде и в Кашгаре,— сказал он,— много обработанной плодородной земли. Пастбища там цветущие и обширные. Там можно поселить воинов, и они ничего не будут стоить».[5] Вань-Чао был назначен военным губернатором. Для охраны караванных путей он возобновил цепь военных поселений и охранных постов.

Помимо отношений с Персией, Сирией и Римом немалую роль центральноазиатский торговый путь сыграл и в торговле с Индией. Еще Чжан-Цзянь установил, что в Индию можно попасть из Хотана через Кабул. Ассортимент товаров, шедших по этому пути, был очень пестрым. В эпоху младшей ханьской династии, помимо шелка и шелковой парчи, ценившейся на вес золота, из Китая на запад вывозили железо, меха, шерстяные и пеньковые ткани, ковры, кожи, киноварь, нефрит, знаменитые китайские лакированные чашки, ларцы, мебель и украшения. Западные товары, как мы видели, также были разнообразными. Это разнообразие товаров, а также то обстоятельство, что эти товары везли из разных стран, не могло не оказать большого влияния на развитие культуры тех областей, через которые пролегал их путь. Исследования академика С. Ф. Ольденбурга и Ауреля Стейна пока-

---

[1] Pauthier M. C. Chine. Paris, 1879, p. 243.
[2] Hermann A., Die ålten Seidenstrassen zwischen China und Syrien. Berlin, 1910, S. 2—3.
[3] Hermann A., ук. соч., стр. 5—6.
[4] Hetherington. The early ceramic vases, p. 67.
[5] Grousset R. Historie de l'Asie, t. II, Paris, 1922, p. 189.

зали силу этого влияния на культуру Восточного Туркестана, где западные, греко-бактрийские и парфянские черты сливались с мощными индийскими и китайскими.[1] Это влияние испытали и гунны. Его элементы проникли даже на далекий Алтай.

Китай еще в первой половине II тысячелетия до н. э. стал мощным центром бронзовой индустрии. Об этом свидетельствуют разнообразные высококачественные бронзовые изделия эпохи Шан-Инь.[2] В эпоху Чжоу, в середине I тысячелетия до н. э., китайские металлурги попрежнему ограничивались совершенствованием бронзолитейного дела. Железные изделия встречались весьма редко. Лишь к концу эпохи Чжоу, а особенно в ханьскую эпоху, железо стало широко применяться в Китае. Так, уже при императоре У-Ди (II в. до н. э.) в 40 округах, главным образом на севере, были поставлены специальные люди, на обязанности которых лежало управление железными разработками, принадлежавшими государству.[3]

Эта особенность развития китайской металлургии наложила характерный отпечаток на культурное развитие всех соседних северных племен. Несмотря на то, что выработка железных изделий началась в ханьском Китае сравнительно поздно, эта отрасль металлургии была усовершенствована там очень быстро. Китайское железо отличалось высоким качеством. Вспомним в связи с этим указание Плиния, который говорил, что из всех сортов железа, привозимых в Рим, китайское (sericum ferrum) — самое лучшее. Соответственно качеству материала улучшилась и его обработка. Китайские кузнецы стремились создать из железа при помощи ковки такие же пластичные вещи, как и из бронзы. Это нашло свое отражение и на севере, куда стали проникать, особенно в ханьскую эпоху, изделия и из других материалов. Достаточно вспомнить распространение на севере китайской глиняной посуды, замечательных лаковых изделий, чаш и украшений из нефрита, бронзовых зеркал и, главное, шелка.

Все перечисленные изделия китайских ремесленников проникали на север двояким путем: или в виде дани — подарков, которыми вынуждены были откупаться ханьские императоры от кочевников, или путем торгового обмена. Китай в эпоху Хань усиленно искал рынки для сбыта своих товаров. Это доказывается всей историей торговли шелком. Северный кочевнический мир был одним из важнейших рынков для сбыта китайских товаров. Кроме уже приведенного ассортимента, крупнейшую роль в торговле со стороны Китая играла продажа соли и хлеба.[4] В обмен северные племена давали скот, лошадей, пушнину, кожи и рабов. Однако

---

[1] Ольденбург С. Ф. Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. Краткий отчет, СПб, 1914, Stein A. Innermost Asia, vol. I.

[2] Greel G. La naissance de la Chine. Paris, 1937.

[3] Иванов А. И. Китай в эпоху раннего средневековья, стр. 16.

[4] Hirt Fr. Notes on the early history of the salt monopoly in China. Journ. of China Brauch of RAS, 1887, p. 59.

находки в Монголии и даже на Среднем Енисее ханьских монет свидетельствуют и о денежных сделках. Если к этому прибавить уже отмечавшееся влияние транзитной торговли, то роль Китая в производственной и общественно-экономической жизни Центральной Азии выступит весьма рельефно.

Однако отмечая эту выдающуюся роль ханьского Китая, как крупнейшего центра высокой материальной культуры, нужно прежде всего учитывать его общественное устройство. То, что Китай в это время был крупнейшим рабовладельческим государством, имело огромное значение для истории всех стран Азии.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Политическая история Средней Азии эпохи эллинизма постоянно привлекает внимание исследователей. В СССР суммирование исторического материала по древнейшей и эллинистической Средней Азии впервые в широком плане произведено группой авторов в изданной Академией Наук СССР на правах рукописи «Истории СССР» (ч. I—IV).[1] Особый раздел посвятил этому вопросу Б. Г. Гафуров в своей «Истории таджикского народа».[2] За границей вышла книга В. Тарна,[3] подвергшаяся обсуждению в нашей специальной печати.[4]

Значительную помощь изучению эллинистической Средней Азии оказало фундаментальное издание К. В. Тревер «Памятники греко-бактрийского искусства». Предпосланное атласу историко-культурное введение заострило внимание на многих сторонах быта, социально-политической и идейной жизни древней Бактрии и сопредельных стран.[5]

Проблемы социального, политического и культурного развития Средней Азии подверг тщательнейшему обследованию С. П. Толстов.[6]

---

[1] История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства, ч. I—II и ч. III—IV, М.— Л., 1938.

[2] Гафуров Б. Г. История таджикского народа, т. 1, М., 1949, стр. 7—100.

[3] Tarn W. W. The Grecks in Bactria and India. Cambridge, 1938.

[4] Толстов С. П. Подъем и крушение империи эллинистического Дальнего Востока (ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 194).

[5] Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. Л. 1940.

[6] Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948; его же. Древности Верхнего Хорезма (ВДИ, 1941, № 1); его же. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит (ВДИ, 1938, № 4); его же. Древнехорезмийские памятники Каракалпакии (ВДИ, 1939, № 3); (его же. Хорезмийская экспедиция в 1939 г. (Краткие сообщения ИИМК, в. VI); Древняя культура Узбекистана, изд. УзФАН СССР, Ташкент, 1943. (Рецензию см: ВДИ за 1946 г. № 1, стр. 177); его же. Хорезмийский всадник (Краткие сообщения ИИМК, вып. 1, 1939); его же. Новые материалы по истории культуры Древнего Хорезма (ВДИ за 1946 г., № 1, стр. 60—100); его же. Древний Хорезм, опыт историко-археологического исследования (тезисы докторской диссертации), (Краткие сообщения ИИМК, вып. XIII, 1947.

Мы не можем останавливаться здесь на увлекательнейших страницах истории оседлого населения Средней Азии. Отметим лишь, что работы Хорезмской экспедиции С. П. Толстова открыли забытую высокую цивилизацию Хорезма — самобытный форпост древневосточной рабовладельческой культуры, выдвинутый далеко в глубь евразийских степей.

Своеобразные государственные формы, сложившиеся в Хорезме, и сохранение его самостоятельности оказали самое положительное влияние на всю историю Средней Азии в эпоху персидской и македонской экспансии.

Одновременно племена, населявшие степные пространства между Аралом и Каспием и области к востоку от Сыр-Дарьи, известные под именем массагетов и саков, также переживали эпоху подъема. Судя по изображениям на ахеменидских рельефах и на пластинках из Аму-Дарьинского клада, их костюмы, вооружение, конская сбруя и стиль украшений были аналогичны со скифскими. Много общего имел и их общественный строй. Несмотря на пережитки матриархата, их знать обладала большим богатством, выражающимся в огромных стадах и в драгоценностях, подобных Аму-Дарьинским.[1]

Исследования последних лет и здесь принесли много нового. Прежде всего отметим установленную С. П. Толстовым связь между хорасмиями и массагетами. В связи с этим Хорезм представляется теперь не противоположным степи, но родственным ей передовым ее оплотом. Не меньшее значение имеет и отождествление массагетов (великих гетов античной традиции) с да-юэчжи—великими юэчжи, (т. е. теми же гетами) китайских хроник. Еще Абель Ремюза [2] и Клапрот,[3] исходя из законов исторической фонетики китайского языка, считали да-юэчжи хроники старшей династии Хань идентичными массагетам античных авторов. В 1871 г. эту же точку зрения весьма энергично поддерживал такой знаток истории Востока, каким был В. В. Григорьев.[4] Позднее, несмотря на многочисленные попытки иных определений да-юэчжи, построение Абеля Ремюза и Клапрота, находило новые подтверждения.[5]

В последние годы этот вопрос был пересмотрен С. П. Толстовым, который на основе новых фактов, освещенных на широком фоне событий III—IV вв.

стр. 143—150); его же. К вопросу о протохорезмийской письменности (Краткие сообщения ИИМК, вып. XV, 1947, стр. 38—42); его же. Городища с жилыми стенами (Краткие сообщения ИИМК, вып. XVII, 1947); его же. Города гузов (СЭ за 1947 г., № 3, стр. 55—102). История СССР, изд. АН СССР, ч. II, гл. 1, §§ 5—6; гл. III, §§ 1—5; гл. IV, § 1, гл. V, § 6—7; ч. III; гл. II § 2, 3 и 5; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948.

[1] Грязнов М. П. Массагеты и саки (История СССР, изд. АН СССР, ч. II, гл. I, § 7).

[2] Abel Remusat. Nouveaux melanges asiatiques, p. 220.

[3] Klaprot. Tableaux historiques, p. 287—288.

[4] Григорьев В. В. О скифском народе саках, стр. 136—139.

[5] Franke O. Beitrage aus schinesischen Quellen zur Kenntnis der Türkvölker und Skythen Zentralasiens. Berlin, 1904, S. 25.

в Центральной и Средней Азии, особенно убедительно доказал идентичность даюэчжи и массагетов.[1]

Это позволило расширить представление о народах Средней Азии и о связи событий на Среднем и Дальнем Востоке.

Соседство сакских и массагетских племен с северо-восточной окраиной Ахеменидской державы лишь на первых порах привело к столкновениям. Вспомним 530 г. до н. э., когда массагеты разбили персов и убили Кира, или поражение, нанесенное персам Спаретрой, «царицей» саков. С македонским вторжением в Среднюю Азию положение изменилось. Как известно, оно вызвало упорную борьбу среднеазиатских народов и племен против завоевателей. Для хода этой борьбы характерно активное участие в ней с самого начала наряду с оседлым населением и кочевников массагето-сакских степей.

Массагеты и саки заняли непримиримо враждебную позицию по отношению к македонским захватчикам. Вся история эллинистической Средней Азии полна их нападениями на пришельцев, в чем им помогало придавленное македонским владычеством оседлое население.

Борьба против Александра и продолжателей его господства, несомненно, привела к укреплению сако-массагетских племен. В сако-массагетской среде произошли значительные изменения. Одним из таких изменений, осуществленных массагетами-хорасмиями в связи с неспокойными условиями эпохи, была реформа вооружения: создание тяжело вооруженной кавалерии.[2] Другим изменением были значительные перегруппировки племен, вызванные греко-македонским вторжением. Если древняя античная традиция V в. знает массагетов только в качестве населения степей между Каспийским и Аральским морями, то в III в. до н. э. массагеты-юэчжи оказываются господствующей силой далеко на востоке: к северо-западу от Хуан-хэ, между Дунхуаном и горами Циданьшань. Лишь в самом конце III в. и во II в. до н. э. они были вынуждены под ударами хуннов отступить на запад, к Бактрии.[3] Эта восточная экспансия массагетских (юэчжийских) племен, с которыми тесно связаны были и азиатские скифы—саки, не могла не способствовать широкому распространению особенностей их культуры и искусства на восток. Одним из первых отражений распространения на Восток сако-массагетской культуры, близкой к культуре ахеменидского Ирана, являются своеобразные черты знаменитых Пазырыкских курганов на Алтае. Другим свидетельством этого процесса следует считать реформу военного дела у хуннов, а затем и в Китае, где главное место в войске также занял тяжело вооруженный воин.[4] Не менее убедительна

---

[1] Толстов С. П. и Грязнов М. П., Средняя Азия во II—I вв. до н. э. История СССР, изд. АН СССР, ч. II, гл. 4, § 2.

[2] Толстов С. П. Древний Хорезм, стр. 211—227; его же. Хорезмийский всадник (КСИИМК, вып. 1).

[3] Иакинф (Бичурин). Собрание сведений о народах..., ч. III, стр. 55.

[4] См. ниже, стр. 320.

поразительная близость и многих сторон культуры хунну к западным культурам, связанным с сако-массагетским миром.

Задолго до походов ханьских армий к Тариму и Фергане и до хуннских вторжений к усуням Семиречья грозные потрясения Запада, вызванные победами Александра, способствовали возобновлению древних связей между восточными и западными пределами великих азиатских степей.

ДРЕВНИЕ ХУ

Сходство древностей, найденных в Монголии и Суйюани, с тагарскими памятниками Минусинской котловины отмечалось уже неоднократно. Для них характерно то же позднее господство бронзы, те же формы кельтов и ножей, кинжалов и копий, стрел, удил и псалий. Так же как и на Среднем Енисее, кинжалы, наконечники стрел, удила и псалии своей формой напоминают скифские и сарматские из степей Причерноморья и южного Приуралья. Более того, некоторые из них повторяют ту же эволюцию, которая характерна для их западных аналогов. В Северной Монголии и в районе Великой Китайской Стены, так же как и в Скифии (и в Южной Сибири), первоначально господствуют плоские овальные или ромбические наконечники стрел. Позднее и там и здесь они заменяются трехгранными — пирамидальными. То же можно сказать и об удилах. Найдены древнейшие типы скифских удил с конповыми петлями в виде стремечка и большое число позднескифских с округлыми кольцами. Даже формы кинжалов изменяются так же, как и на Западе. Сначала они имеют характерное для скифского акинака и древнетагарского кинжала перекрестие в виде раскрытых крыльев бабочки. Позднее перекрестие становится прямым, как у сарматского меча. Сходны и памятники изобразительного искусства Монголии и Минусинской котловины в тагарское время. И там и здесь в типично «скифском» стиле выдержаны округлые бляшки с изображением свернувшегося зверя, украшения в виде головы грифа и фигурки скачущего оленя. Вместе с тем и там и здесь встречаются изображения зверей местной фауны: барсов, медведей и горных козлов. Так же, как в Южной Сибири, древнейшие изображения представляют местных зверей и отличаются большой статичностью массивных резко очерченных форм.[1]

---

[1] Ростовцев М. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Прага, 1929; Киселев С. В. Монголия в древности (Известия АН СССР. Серия истории и философии, т. IV, № 4, 1947, стр. 355—372); Salmony A. Sino-Siberian Art. Paris, 1933; Inner Mongolia and the region of the Great Wall (Archaeologia Orientalis, B. series, v. I, Tokyo — Kyoto, 1935). The Museum of Far Eastern Antiquities, Stockholm, Bull. N 6, 1934. Rostovzev M. The Animal Style in South Russia and China, 1922; Janse O. L'émpire des steppes (Revue des arts asiatiques, 1935, v. IX); Reinecke P. Über einige Beziehungen der Altertümer Chinas zur denen des Skythisch-sibirischen Völkerskreisen (Zeitschrift für Ethnologie, Bd. XXIX, S. 15, Berlin, 1897).

Природные условия создавали для населения Монголии и района Великой Стены, оставившего все эти древности скифо-тагарского типа, особенно благоприятную обстановку для занятия скотоводством. В степях Ордоса — области, с трех сторон омывающейся рекой Хуан-хэ,— а также в северных областях современной Монголии, в бассейне Орхона и Толы с успехом разводились стада и табуны, обеспеченные прекрасными пастбищами и водопоями. Предгорья Саян и Алтая на севере, Б. Хингана на востоке и Хангайского хребта в центре Монголии также служили удобным местом для кочевок. Кроме того, леса этих горных областей изобиловали зверем и дичью. Там с успехом можно было охотиться, добывая мясо и ценную пушнину.

Наконец, нужно отметить, что во многих районах Монголии и Великой Китайской Стены уже в скифо-тагарское время было развито земледелие. Об этом прежде всего говорят находки зернотерок как в Северной Монголии, так и в районе Великой Китайской Стены. Эти зернотерки формой своей напоминают тагарские и находятся в тех же местах, где найдены вещи скифо-тагарского типа. Это позволяет считать их памятниками земледелия именно скифо-тагарского времени.[1]

Таким образом, хозяйство племен Монголии и области Великой Стены уже в скифо-тагарское время было разнообразным: наряду с охотой там было развито скотоводство и, что особенно важно, земледелие.

Общественные отношения, существовавшие у этих племен, могут быть очерчены только суммарно. Главным источником сведений о них служат погребальные памятники, но и они исследованы еще недостаточно. Можно только отметить, что так называемые «плиточные» могилы (характерные погребения скифо-тагарского периода в Забайкалье и Монголии) в древнейшем своем виде не позволяют говорить о сколько-нибудь заметном нарушении древнего родового единства. В них еще мало заметно стремление выделить чем-либо знаменитых покойников — ни размерами надгробных сооружений, ни относительно большим богатством инвентаря. В этом отношении «плиточные могилы» весьма сходны с древнетагарскими курганами Минусинской котловины, относящимися к VII—III вв. до н. э. Иначе обстоит дело с позднейшими «плиточными могилами», датированными Г. П. Сосновским II в. до н. э.[2] Это уже не однородные памятники. Одни из них продолжают сооружаться по древнему архаическому образцу (так называемый II тип), другие же представляют собой своеобразные фигурные каменные выкладки (III тип). Фигур-

[1] Боровка Г. И. Археологическое обследование среднего течения реки Толы («Сев. Монголия», т. II, Л., 1927). Archaeologia Orientalis. B. Series, v. I, part III.

[2] Сосновский Г. П. Ранние кочевники Забайкалья (Краткие сообщения ИИМК, вып. VIII, стр. 36 и сл.); его же. Плиточные могилы Забайкалья (Тр. Отд. Истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, т. I, 1941, стр. 273—309). Возможно, что впервые плиточные могилы II и III типов появляются еще в IV в. до н. э., а во II в. уже не распространены так широко. В настоящее время выяснено, что западные варианты древних плиточных могил распространены до Центрального Казахстана — см. Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегаза (КСИИМК XXXII, 1950, стр 126—136).

ные выкладки располагаются всегда обособленно от плиточных могил II типа, небольшими группами. Такое разделение видов надмогильных сооружений находит параллель в позднетагарских и особенно таштыкских могильниках Минусинской котловины.

Отметим еще одну важную деталь. В позднетагарских курганах и в позднейших «плиточных могилах» впервые появляется железо. Напомним, что такое позднее его появление на среднем Енисее, а особенно в Монголии, может быть поставлено в связь только со сравнительно поздним распространением железа в Китае. На соседнем с Минусинской котловиной Алтае железо применялось еще в V—IV вв. до н. э. Однако оно тогда не нашло себе массового применения на Енисее, где выдержало упорную борьбу с бронзой. В более восточных областях Сибири оно тогда не было известно. То же, очевидно, относится и к Монголии. Только в конце чжоуской эпохи, когда железо стало широко применяться в Китае, оно проникло и на север, в район будущей Китайской Стены, и еще севернее — на Орхон, на Толу и на Селенгу.

Формы сношений северных племен с Китаем в ту пору были различны. Уже тогда устанавливались какие-то торговые связи. Памятью о них служат находки на севере чжоуских монетных ножей и других металлических изделий, главным образом оружия. Известно также, что северные племена получали из чжоуского Китая соль.[1] Однако наряду с торговыми связями не менее часто были в эпоху Чжоу столкновения северных племен с Китаем. Хроники упоминают о постоянных набегах воинственных племен на северные окраины Китая. Их набеги достигают большой силы к концу династии Чжоу (середина III в. до н. э.). При этом китайцы еще задолго до Цинь-Ши-Хуанди прибегают к прославившей его мере. Еще в IV в. до н. э. «Дом Цинь приобрел Лун-Си, Бей-Ди и Шан-Гюнь и для ограждения себя от Ху построил Долгую стену».[2]

* * *

К IV—III вв. до н. э. относится ряд событий большой важности. Чжоуский Китай в то время переживал глубокий кризис, вызванный неудачей попыток охранить мелкое землевладение от кабалы и других видов рабства. Этот кризис нашел внешнее выражение в упадке единства Китая. Наступил период Чжань-го, период «борющихся государств», выступавших совершенно самостоятельно. В это время у степных племен наметились значительные перемены, которые отразились прежде всего в раздвоении погребальной обрядности. Очевидно, родовая знать получила возможность к обособлению от общины. Весьма вероятно, что помимо внутренних причин роль в этом играли и военные набеги на окраинные области

[1] Journ. of China Brauch of the RAS, 1887, p. 58.

[2] Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I, СПб, 1851, стр. 9.

Северного Китая, приносившие богатую добычу. Успешные набеги были стимулом к объединению сил отдельных северных племен. Это выразилось прежде всего в том, что китайские анналы уже не перечисляли разноименные племена «северных варваров», а называли их общим именем «Ху».

Успехи Ху в борьбе против Китая были вызваны прежде всего тем, что организация их войска резко отличалась от чжоуской. Китайцы знали два рода оружия. Главную массу войска составляла пехота, отличавшаяся малой маневренностью вследствие тяжести вооружения. Каждый воин нес на себе шлем, панцырь, лук с 50 стрелами, меч, копье с топором и запас продовольствия на три дня. При такой выкладке пехотные части могли делать переходы не более 30 км в день. Основную ударную силу китайской армии составляли боевые колесницы, но и они также не могли соперничать в маневренности с кавалерией Ху, которой чжоуский Китай не знал. Однако не только в этом было преимущество кавалерийских отрядов северных племен. В «Ши-Цзи» сказано: «Ву-Лин, князь из дома Чжоу, в 307 году ввел в своих владениях одеяние кочевых Ху и начал обучать своих подданных стрельбе из лука».[1] Что же представляло собой это «одеяние кочевых Ху», которое вынуждены были перенимать китайцы? Этому вопросу посвятил интересные страницы Лауфер, исследовавший китайские глиняные статуэтки.[2] Ему удалось доказать, что в IV—III вв. до н. э. происходит перевооружение армий Востока под влиянием реформы кавалерии, проведенной в Средней Азии в позднеахеменидское время.

На смену легко вооруженной коннице пришли тяжело вооруженные всадники, напоминающие античных катафрактариев. Это наименование происходит от названия доспеха «catafracta». Он состоял из кирасы, сделанной из кожи или из материи, на которую были нашиты в виде чешуи медные пластинки. Такая кираса ловко облегала туловище и не мешала воину двигаться. Иногда кираса заменялась кольчугой, известной на Ближнем Востоке еще со времен Ассирии. Лошади также были защищены доспехом, но без металлической чешуи. Воин был вооружен длинным штурмовым копьем, которое спереди поддерживала цепь, прикрепленная к шее коня. Конец копья со втоком также был укреплен у конского бедра. Таким образом, в силу удара копьем вкладывался весь вес мчавшегося коня. По данному сигналу эскадрон таких всадников бросался в атаку на врага и представлял ужасное оружие против пехоты, вооруженной луками, так как кираса делала всадника неуязвимым для стрел. «Новая кавалерия была машиной, пускавшейся в ход по воле и слову одного командира».[3]

Преимущество нового строя кавалерии на западе степей Евразии было продемонстрировано сарматскими племенами. Их тяжелая бронированная конница,

---

[1] Иакинф. Собрание сведений..., ч. I, стр. 9.

[2] Laufer B. Chinese Clay-Figures, part I. Prolegomena on the History of Defensiv Armour, 1914, p. 217.

[3] Laufer B., ук. соч., стр. 221.

вооруженная длинными штурмовыми копьями и длинными мечами, одержала победу над легкой кавалерией скифских лучников и помогла сарматам быстро овладеть всей обширной территорией от Дона до Дуная и Тиссы, где к I в. н. э. уже расселились некогда жившие у Азовского моря языги. Причерноморские древности дали возможность определить, когда появились в орбите скифо-сарматского мира тяжело вооруженные кавалеристы, резко отличавшиеся от скифских наездников-лучников. Эти находки, сопоставленные с изображениями сарматских воинов на памятниках более позднего времени, позволили заключить, «что железные чешуйчатые панцыри принесены были на берега Черного моря и низовья наших великих рек теми сарматами, которые уже в III веке наслояются на прежнее население, которое мы привыкли называть скифским».[1]

Этот вывод позволяет предположить достаточно широкое применение панцырной кавалерии на Востоке еще в IV в. до н. э. Вполне возможно, что основы ее возникновения были заложены еще в ассирийской армии, знавшей не только чешуйчатый, но и кольчужный доспех и предохранительные покрышки коней. В войске ахеменидской Персии также были панцырные кавалеристы, однако их было там немного. Очевидно, обстановкой, в которой развился панцырный кавалерийский доспех, были окраины древневосточного мира, с одной стороны, так тесно связанные с передней Азией, что могли воспринять достижения ее военной техники, а с другой стороны, родственные сарматской среде. Это были уже знакомые нам сакские и массагетские племена, жившие еще во времена Геродота на огромном пространстве между Каспийским и Аральским морями, а также к северу и к востоку от Сыр-Дарьи.[2] Необходимо, однако, внести оговорку. Кочевые племена саков и массагетов едва ли могут считаться той средой, в которой развился панцырный кавалерийский доспех. По крайней мере описание их быта Геродотом, изображение их на золотых пластинках Аму-дарьинского клада и на Бегистунских рельефах скорее говорят о близости их к скифскому типу легко вооруженных всадников-лучников, мало еще пользовавшихся доспехом. Оседлые же племена, а особенно массагеты-хорасмии, издавна славились своим оружием и на изображениях позднеэллинистического и раннесредневекового времени выступают как закованные в тяжелый доспех кавалеристы.[3] Создание нового вида тяжело

---

[1] Ростовцев М. Античная декоративная живопись на юге России. Текст, т. I, СПб, 1914, стр. 337.

[2] На близость сарматов к сакским и массагетским племенам, помимо культурно-исторических параллелей, выраженных в археологических памятниках, указывают и письменные источники. Так, например, Стефан Византийский ставит массагетское племя аппасиаков рядом с сарматами-аорсами (Tarn W. The Grecks in Bactria and India. Cambridge, 1938, p. 80—81).

[3] Ср. Толстов С. П., Хорезмийский всадник (Краткие сообщения ИИМК, вып. 1); Тереножкин А. И., Рельеф «сасанидского» блюда и архитектурные памятники Хорезма («Искусство» за 1939 г., № 2); Sarre F. Die Kunst der alten Persien. Berlin, 1923, S. 55. Помимо приведенных работ, этой теме посвящен специальный раздел «Конница Кангюя» в ра-

вооруженной конницы в Средней Азии в массагетском Хорезме — не могло не играть большую роль в военной истории восточных стран. Мы уже говорили о теории Абеля-Ремюза, Клапрота и В. В. Григорьева, поддержанной теперь С. П. Толстовым, утверждающей идентичность массагетов и да-юэчжи. Было отмечено и большое практическое значение этого вывода, позволившего установить, что юэчжи-массагеты в IV—II вв. до н. э. пережили немало изменений. В частности, выяснилось продвижение значительной их части в Центральную Азию, где они господствовали в III в. над всеми кочевыми племенами. Их кочевья располагались там в провинции Гань-су. Жившие к востоку от них хунну были в то время их данниками. Лишь при шаньюе Модэ (206—174 гг.) хунну смогли нанести юэчжи первый серьезный удар. Для восточных юэчжи борьба с хуннским шаньюем Лаошань оказалась роковой. В 165 г. он разбил юэчжи-массагетов и вынудил их к поспешному отступлению в Среднюю Азию.[1]

Юэчжи во время своего могущества в Центральной Азии находились в тесных взаимоотношениях с местными племенами. Они вполне могли быть передатчиками новостей среднеазиатской военной техники на Восток — в Монголию и Китай, который, как мы видели, уже в 307 г. до н. э. стал перенимать «новое одеяние Ху». Так в тесный узел сплетаются Восток и Запад. Монголия и Китай, Средняя Азия и сарматское Причерноморье оказываются вовлеченными в общее изменение военной структуры и вооружения.

Цинь-Ши-хуанди соответственно размаху своих преобразований, направленных к консолидации Китая в единое деспотическое рабовладельческое государство, осуществил в широких масштабах военную реформу. При нем в китайскую армию были введены значительные кавалерийские подразделения, обеспечивавшие успех операций Мэн-Тяня против северных племен Ху. Однако, несмотря на то, что Мэн-Тяню удалось вытеснить Ху из Ордоса, несмотря на завершение постройки Великой Стены, затруднившей набеги, северные племена не ослабели, а наоборот, в конце III в. приобрели новую силу.

Китайские источники сообщают, что в последней четверти III в. завершается объединение северных племен в грозный племенной союз, во главе которого становятся вожди из племени хунну. Объединение это вызвано было различными причинами. Среди них не малую роль играла организация грабительских походов.

Мы уже видели, что археологические материалы IV—III вв. до н. э., указывая на известный прогресс в культуре северных племен, не позволяют противопоставить их общественный быт обычным формам родового строя.

боте С. П. Толстова «Древний Хорезм». Приурочение развития тяжелого кавалерийского доспеха к Хорезму убедительно доказано в этой работе на обширнейшем историко-археологическом материале.

[1] Толстов С. П. Основные вопросы древней истории Средней Азии (ВДИ, 1938, № I, стр. 185); его же. Хорезмийский всадник (Краткие сообщения ИИМК, вып. I); его же. Средняя Азия во II—I вв. до н. э. (История СССР, ч. I—II, стр. 303 и сл.).

То же самое можно установить и по древнейшим письменным известиям. Если сопоставить, например, сообщения «Исторических записок» Сыма-Цяня о хунну в установленной им последовательности, то, несмотря на некоторую условность, можно сделать важные наблюдения. Помещенная Сыма-Цянем в начале его описания хунну первая общая картина их жизни отличается от последующих характеристик. Это описание представляет собой, повидимому, пересказ какого-то древнейшего сообщения о хунну и изображает их всецело в рамках родового строя.

Сообщается, что древнейшие хунну занимались, главным образом, скотоводством. Они «переходят с одних пастбищ на другие. Из домашнего скота более содержат лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, частью разводят верблюдов, ослов, лошаков и лошадей лучших пород. Перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде».[1] Все свои потребности хунну в основном удовлетворяют продуктами того же скотоводства: питаются мясом домашних животных, одеваются в кожаные, шерстяные и меховые одежды. Лишь «полевая охота» составляет дополнительный источник существования. О земледелии китайский историк здесь даже не упоминает.

Это хозяйство вели у хунну отдельные семьи, пользовавшиеся обособленными территориями пастбищ (см. известие о том, что у каждого есть отдельный участок земли).[2] Вместе с тем семьи объединялись в упоминаемые Сыма-Цянем «роды». Семейная организация хунну к моменту первых записей о них, повидимому, представляла собой форму, характерную для конечной стадии родового строя. Это подтверждается известием о рабстве захватываемых хунну пленников и свидетельством о растущем значении родовых старейшин и военных предводителей, которые «ели жирное и лучшее».[3]

Археологические находки позволяют наметить и причины постепенного ослабления у хунну родовой собственности и первобытного равенства. Их изучение показывает, что наряду со скотоводством, по составу стада весьма уже дифференцированным, все более заметное место занимает у хунну мастерство, в первую очередь меднолитейное. Прекрасное бронзовое оружие — кинжалы и стрелы, кельты и ножи, а также поясные наборы и пряжки, украшенные сложным звериным орнаментом, указывают на высокий уровень меднолитейного дела.[4] Высококачественная обработка современного оружия, орудий и украшений уже не является производством, доступным любому человеку. Строгая стандартизация форм, размеров, типов украшений и усовершенствование способов отливки — все это заставляет предполагать развитие специализации в бронзолитейном деле древних хунну.

---

[1] Иакинф. Собрание сведений о народах..., ч. I, стр. 2.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Киселев С. В. Монголия в древности, стр. 361—367, рис. 3, 4, 5.

Это еще более подтверждается тем, что хунну в IV—III вв. до н. э. стали обрабатывать железо: это было вызвано совершенствованием военной техники. Обработка железа по сравнению с литьем из бронзы гораздо сложнее. Кузнецом, который сначала был и плавильщиком, обжигавшим руду в примитивных «сыродутных» горнах, уже не мог быть всякий член общины. Обработка железной руды и ковка самых несложных предметов требовали гораздо большей специализации, чем литье богато украшенных бронзовых кинжалов. Поэтому домашнее занятие, доступное всем и различающее только более или менее искусных исполнителей, иногда даже художников, уступает место ремеслу; появляется специалист-ремесленник — общинный кузнец. В дальнейшем ремесел у хунну становится больше. Имеется, например, известие о мастерах, выделывавших стрелы, и о специалистах по изготовлению военных луков.[1]

Все это указывает на обособление ремесла у хунну еще на том этапе их развития, который зафиксировали древнейшие китайские анналы. Такое обособление ремесла не могло не способствовать изменению при помощи обмена более древних форм разделения труда внутри родовых объединений хунну. В силу же производственной обособленности скотоводы-земледельцы и ремесленники хунну становились обособленными не только производственно, но и имущественно. Новое разделение труда становилось главной основой частной собственности. Растущий же на его основе обмен оказался основной причиной неравномерной концентрации собственности. Она накапливалась самыми различными путями, с самой различной степенью эффективности и, так как накопление было уже частное, никем не регулировалась.

Каковы же были пути и источники этого нового накопления? Об этом свидетельствуют сообщения о бесконечных набегах хунну на китайские владения позднечжоуской эпохи. Но не только этот неприкрытый грабеж служил тогда источником обогащения хуннских воинов. Среди их добычи были рабы — военнопленные. Еще Дегинь на основании изучения Сыма-Цяня отметил, что у хунну интересующего нас времени «ces captifs faisaient leurs principales richesses, ils les employaient auprès de leurs troupeaux et leurs bestiaux».[2]

Применение рабов в производстве, повидимому, сильно увеличивало количество производимых продуктов, способствуя развитию торговли хунну с соседними странами. Важность торговли для хозяйства хунну можно видеть уже в том, что первые же шаньюи (вожди), а особенно знаменитый Модэ (206—174 гг. до н. э.), ставили одной из главных своих задач обеспечение менового торга с Китаем, заключая для этого специальные договоры.

Таковы сведения, рисующие состояние древнейших хунну. Они указывают, что старая родовая организация хунну уже тогда расшатывалась выраставшей на

---

[1] Deguignes. Histoire générale des Hunns, des Turcs, des Mogoles et des autres Tartares occidentaux, t. I, 2-me partie, p. 25.

[2] Deguignes. Histoire générale..., t. I, 2-me partie, p. 15.

основе новых форм разделения труда частной собственностью, рабством и усилением обмена. При этом все большее и большее значение получали богатевшие руководители военных набегов, предводители племен и родовые старейшины. Из них складывалась сильная и богатая степная аристократия хунну. Однако не постепенная узурпация родовых преимуществ превращала их из представителей рода в повелителей. Частная собственность подтачивала самое основное в родовом строе — коллективное производство и присвоение. Частные рабы, руками которых знатные вели свое собственное хозяйство, накопленное ими частное имущество — все это также вело к разложению родового строя. Не как защитники интересов рода, но, прежде всего, как собственники, они поддержали и новую верховную власть, слагавшуюся в племенном союзе хунну.

Носителями этой власти были шаньюи. Сначала они выполняли только военные функции, возглавляли походы и набеги. При этом власть их была временной: они избирались. Об этом говорит Сымацянь, указывая, что у шаньюев до Модэ прежнее потомственное наследование определить невозможно.[1]

Однако со времени Модэ (с 206 г. до н. э.) их положение изменилось. Этот шаньюй выступает уже как глава могущественного суверенного племенного союза, и сын его наследует власть по праву родства. Хунну вступают в новый период своей истории.

* * *

Три важнейших явления нужно учитывать, изучая историю племен Южной Сибири с III в. до нашей эры и в начале нашей эры. В это время рабовладельческий Китай перешел в наступление против племен Центральной Азии, пролагая торговые пути на запад. Немногим раньше весь Передний Восток и Среднюю Азию потрясло македонское вторжение, образование эллинистических государств, борьба против чужеземцев и творческое восприятие новых форм эллинистической культуры. В Средней Азии происходили значительные передвижения сакских и массагетских племен. С этим связано начало сарматской активности на западе и восточная экспансия юэ-чжи. Наконец, в III—II вв. до н. э. сложился в Центральной Азии могущественный хуннский военный союз с гораздо более сложным устройством, чем рисовавшийся прежде быт хищных кочевников. Надежной базой хунну было Южное Прибайкалье, их шаньюи временами подчиняли себе и Саяно Алтайское нагорье. Культура хунну в области социальной явилась опорой для аристократических слоев племен Саяно-Алтая. Хунну во многом способствовали развитию и в Южной Сибири своеобразных вариантов сармато-гуннского стиля в искусстве, сменившего «скифский» на огромных пространствах от Дуная до Желтой реки и Селенги. Хунну собственную культуру строили на основе тех

[1] Бичурин. Собрание сведений..., ч. I, стр. 17.

достижений, к которым пришли племена Ху в предшествующий, скифо-тагарский, период. Однако они обогатили ее. В результате сношений с государствами Восточного Туркестана и Средней Азии на восток, не только к хунну, но и в Китай проникли веяния восточного эллинизма. Вместе с тем новые явления культуры эллинизированной Скифии также стали достоянием Дальнего Востока.

Мирные связи и военные столкновения хунну с юэ-чжи (массагетами), усунями и хорезмийцами способствовали созданию и на Дальнем Востоке идеологии, весьма близкой к той, которую отразили столь аналогичные хуннским (ноин-улинским) сарматские художественные произведения. И для тех и для других основой был скифо-сакский, тагарско-хуский фундамент. Однако удивительная близость художественных вкусов черноморского запада и ордосского востока может быть объяснена только в свете политической истории Центральной Азии. С этой точки зрения значение хуннского союза огромно. Впервые в Центральной Азии слагалось государство племенной аристократии, опиравшейся на богатство и силу, созданные применением рабского труда и примитивной эксплоатацией соплеменников. Впервые создавалась политическая система, впоследствии надолго ставшая характерной для истории Центральной Азии. Война и добыча ослабляли на время глубокие противоречия, развивавшиеся внутри великой «империи» хунну. Но это же предопределяло конечное ее падение. Вместе с тем неизбежная военная активность обусловливала быстрое расширение «империи шаньюев» до фантастических пределов. А это означало включение в одно целое самых разнообразных областей с различными общественными и культурными особенностями. Несмотря на условность централизации, отличавшей «империю» хунну, не могло не происходить слияния этих особенностей и образования на их основе новых форм культуры и общественных связей.

Несомненно, этим и объясняется блеск и своеобразие культуры хунну, впитавшей в себя лучшие достижения востока (прежде всего Китая эпохи Хань) и запада (Турфана, Средней Азии и Причерноморья).

Одновременно экспансия хунну способствовала появлению и у соседних племен и народов особенностей, развитых в хуннской среде. История военной техники и художественного ремесла ханьского Китая это ярко иллюстрирует. Не менее рельефно выступает значение хунну при изучении их северных соседей — племен, населявших Саяно-Алтайское нагорье и объединявшихся китайцами под общим именем дин-лин.

Глава VI

ПАЗЫРЫКСКАЯ ЭПОХА АЛТАЯ

В пятой главе мы знакомились с памятниками Алтая того времени, когда населявшие его племена переживали вторую стадию «скифообразной» майэмирской культуры. Археологически эта стадия оказалась весьма близкой к тагарской стадии Минусинской котловины.

В погребениях этой стадии были также найдены вещи, сходные со скифскими классической и раннеэллинистической эпохи — трехгранные бронзовые наконечники стрел, железные и бронзовые кольчатые удила и скифские железные кинжалы. От тагарских позднемайэмирские погребения горного Алтая отличаются постоянными находками при покойнике одного или двух коней. В приалтайских степях и для этого времени были обнаружены свидетельства оседлости — стоянки с большим количеством глиняной посуды и курганы без конских погребений.

В послемайэмирское время, синхроничное с периодом хуннского преобладания в Центральной Азии, на Алтае произошли значительные изменения. Они коснулись многих сторон жизни местного населения и выразились в большом своеобразии дошедших до нас памятников. Это позволяет выделить новый этап в истории племен Алтая. Назовем его п а з ы р ы к с к и м, по имени самых замечательных алтайских курганов интересующего нас здесь времени.

1. РЯДОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПАЗЫРЫКСКОГО АЛТАЯ

Первое, что бросается в глаза при изучении курганов Алтая пазырыкского времени,— это их неоднородность, резкое различие и в размерах, и в конструкции, и в погребальной обрядовости. Наиболее простые отмечены небольшими кучками камня или просто концентрическими кольцами, выложенными из плитняка на поверхности земли. Затем идут многочисленные каменные курганные насыпи

средних размеров и, наконец, огромные «курумы», также насыпанные из обломков скал. Их диаметр достигает 100 м, и в высоту они имеют до 4—5 м.

Значительно отличаются все эти погребальные памятники и по своему внутреннему содержанию.

Рассмотрим сначала первый, наиболее скромный тип. В 1935 г. Саяно-Алтайская экспедиция исследовала каменный курганчик в окрестностях с. Курай Кош-Агачского аймака Горно-Алтайской области (группа V). Курганчик был первоначально настолько плоским, что его без труда приспособили в VIII в. н. э. под новое погребение. Покойника вместе с конем положили поверх древней насыпи, имевшей вид округлой плоской вымостки, и насыпали над ним новый холмик камней. Под древней плоской насыпью (диам. 7 м) открылась четыреугольная яма 2 на 1.95 м, в которой на глубине 1.4 м стоял низкий сруб в один венец лиственничных бревен. Пол был выстлан деревом. Сверху сруб покрывал потолок из досок. Сруб не занимал всей ямы, оставляя северную половину свободной. Там лежала лошадь на животе, хвостом к западо-северо-западу. Вторая лошадь, очевидно, была положена рядом на северной части потолка. К сожалению, ее останки разрушили грабители. С левой стороны морды первой лошади были найдены четыре деревянных резных изображения кабаньих клыков со сверлинами в корневой части. Такой же деревянный «клык» оказался над мордой лошади. Очевидно, деревянные «клыки» украшали уздечку (табл. XXXII, рис. 10). Они очень близки к украшениям одной из уздечек Пазырыкского кургана. На ней найдены прекрасно вырезанные из дерева головки львов, из пасти которых торчит кабаний клык.

В сильно разграбленном срубе были обнаружены останки мужчины и двух женщин. По заключению Г. Ф. Дебеца, они принадлежали к местному древнему европеоидному населению.

От их инвентаря остались обломки железных предметов, обрывки золотых листков и две фрагментированные деревянные скульптуры — изображение морды животного и головы грифона. Последняя выполнена в манере, знакомой нам по хуннским бронзам. Характерен глаз, переданный в виде овального углубления, окруженного бортиком. Так была изображена, например, свисающая шерсть у пары быков на бронзовой пластинке из Суйюани (табл. XXXII, рис. 1).[1]

Другое погребение простейшего типа было исследовано Саяно-Алтайской экспедицией в 1937 г. на р. Урсуле над с. Курота (группа III). На поверхности могила была отмечена круговыми выкладками из камней диаметром в 5 м. В центре круга открылась четыреугольная яма длиной 2.7 м и шириной 1.9 м. На дне ямы на глубине 3.2 м стоял сруб, рубленный в два венца из лиственничных плах и покрытый такими же плахами. Сруб был поставлен вплотную к южной стенке ямы так, что

[1] Евтюхова Л. А. и Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Труды ГИМ, в XVI, М., 1941, стр. 88—89, рис. 6—11. Salmony A. Sino-Siberian Art. Paris, 1933, pl. XXVI, 3; Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР, стр. 140—141.

между его северной стенкой и северной стенкой ямы было пространство шириной до 0.6 м. Здесь на уровне потолка сруба лежал на брюхе конь хвостом к западу. Это является полным повторением положения в кургане группы V Курая.

Погребение было ограблено через вертикальный ход и отверстие, прорубленное в покрытии сруба. При расчистке сруба в заполнявшей его земле на разных уровнях найдено множество обрывков золотых листков. Среди них удалось расправить круглые нашивные бляшки и золотые листочки, вырезанные крестиком, с концами, заканчивающимися своеобразными «кринами». Оба вида находят себе аналогию среди находок в Шибинском, Катандинском и Берельском курганах. При этом выясняется, что «крины» представляют собой стилизацию животных мотивов. Кроме золотых листков, нашлись S-видные серьги из золотой проволочки, сходные с каракольскими и березовскими. Здесь же в беспорядке встречались, часто переломанные, кости человека и обломки двух глиняных сосудов — баночной, тагарской, формы и высокогорлого, сходного с найденным в кургане Шибэ.

Более многочисленна группа исследованных рядовых курганов пазырыкского времени в приалтайских степях. Саяно-Алтайская экспедиция исследовала их в 1935 г. на обширном курганном кладбище близ села Быстрянского. Эти сравнительно небольшие полушарные земляные насыпи отличаются от крупных не только размерами, но и отсутствием каменной одежды по поверхности (курганы №№ 1—3, 5, 7—15).

В заполненных землей ямах большинства курганов не было замечено никаких дополнительных сооружений. Исключение составил лишь курган № 11, на дне погребальной ямы которого стоял покрытый обломками глинистого сланца четыреугольный ящик из плит. Северная и южная стенки ящика сделаны каждая из трех сланцевых плиток, а западная и восточная — каждая из одной. Длина ящика — 1.75 м, ширина — 0.8 м и высота — 0.5 м. Большинство погребений оказалось разоренными грабителями, потревожившими костяки, унесшими вещи и обронившими или разбросавшими те из них, которые не представляли для них ценности. Все покойники лежали головами на запад. Не установлена ориентировка лишь в курганах №№ 5, 11 и 15, с особенно перепутанными погребениями.

В остальных обнаружено следующее: в курганах №№ 7, 8, 12, 13, 14 костяки лежали вытянуто на спине, с руками или вытянутыми или положенными кистями на таз.

В кургане № 9 костяки лежали на правом боку скорченно, правая рука у них была вытянута, левая согнута в локте, кистью на кисти правой. В кургане № 10 (единственный случай) были открыты два костяка, лежавшие рядом на спине, но с несколько согнутыми ногами (коленами немного к югу). Ноги южного костяка скрестились.

При покойниках найдены уцелевшие от грабителей вещи. В погребениях, сохранивших нормальное расположение костей, находимые вещи распределялись следующим образом.

В кургане № 7 на шее — 4 золотых бусины-трубочки, у таза — часть тонкой золотой обкладки; в ногах — ребро и ножные кости барана и позвонки молодой лошади.

В кургане № 8, в восточной части засыпи могильной ямы, на глубине 1 м,— обломки костей черепа и ног барана; в головах покойника — глиняный сосуд с налепным орнаментом; у рта — S-видная серьга; у подбородка — овальная привеска из белого металла; на шее — 2 золотые бусины-трубочки; у конца пальцев правой руки — 5 белых пастовых и 1 голубая бусинка.

Курган № 9. В головах — горшковидный сосуд и у затылка две глиняные округлые пуговицы.

Курган № 10. В восточной части засыпи ямы, на глубине 1.3 м,— железный нож в вертикальном положении (воткнут); у головы южного костяка — глиняный сосуд с налепным орнаментом; у носового отверстия — золотая S-видная серьга; у затылка — несколько позвонков барана; в ногах — второй глиняный сосуд с налепным орнаментом. У затылка северного костяка — тонкие золотые пластинки.

Курган № 12. В ногах — ребра барана.

Курган № 13. У головы — баночный сосуд с налепным орнаментом и крестец барана.

Курган № 14. У правой голени — обломки сосуда, украшенного вдоль бортика рядом выпуклостей и небольших вдавлений, и ребра барана.

В курганах №№ 5, 11, 15 среди беспорядочно разбросанных костей были найдены золотые, стеклянные и каменные бусины, обрывки золотых листков, золотая серьга и обломки железных предметов.

Совершенно аналогичную картину дали и раскопки 9 земляных быстрянских курганов, предпринятые в 1930 г. Бийским музеем под руководством С. М. Сергеева.[1] Их диаметры также не превышали 11 м. В ямах четырех из них найдены каменные ящики. В пяти случаях женщины и дети были положены скорченно. Инвентарь составляют различные предметы. Прежде всего отметим глиняную посуду. Это все высокие кринки с вертикальными налепными валиками.[2] Исключение составляют два горшка с высокой шейкой. Они украшены по основанию шейки треугольными вдавлениями и резными треугольными фестонами.[3] Так же как и при раскопках 1935 г., здесь постоянно встречались конические глиняные пряслица, железные ножи, булавки и обломки зеркал. Из украшений найдены золотые серьги, близкие к каракольским и куротинским,[4] и ожерелья из золотых рубчатых пронизок, раковин *Cyprea moneta*, бусин — цилиндрических и округлых, белопастовых, сер-

---

[1] Вещи и дневники хранятся в Гос. Эрмитаже, Отд. доклассового о-ва, колл. № 253.

[2] Кург. № 1, I; № 4, I, II; № 5, III, № 7; № 9; № 10; № 12, II; Кроме того, такой же сосуд найден в кургане, исследованном в 1932 г. А. П. Марковым (хранится в Бийском музее).

[3] Кург. № 1, II; кург. № 5, II.

[4] Кург. № 4, I, II.

доликовых, бронзовых и из зеленого стекла. По такому набору бус быстрянские курганы ближе всего стоят к позднетагарским Минусинской котловины.

Особо следует отметить две находки: обломок зернотерки типа паспак, найденный в кургане № 2 в ногах у старой женщины, и четыреугольную каменную плитку с углублением посредине.[1] Паспак может свидетельствовать о земледелии у населения, оставившего быстрянские могилы. Каменную плитку С. М. Сергеев в своем отчете считает жировой лампой грабителей. Нам кажется, что это наиболее простая форма четыреугольной светильни из тех, которые мы еще встретим в погребениях пазырыкского времени.

Изучение вещей, найденных в быстрянских земляных курганах, позволяет отметить: а) идентичность золотых проволочных серег с найденными в хуннских могилах Дерестуйского Култука времени около начала н. э., с позднетагарскими Минусинской котловины, а также со встреченными нами в 1937 г. в Куротинской могиле и в 1934 г. в кургане около Каракольской МТС, относящемся к I в. до н. э.; б) аналогии в бусах с позднетагарскими курганами; в) своеобразие глиняной посуды. В быстрянских земляных курганах только изредка встречаются баночные горшки, сходные с тагарскими. Несколько чаще находят боченкообразные сосуды, напоминающие сарматские из омских и южноуральских курганов. Господствуют же кринки с украшением в виде вертикальных налепных валиков с нарезками. Они совершенно сходны с кринкой, найденной нами в 1935 г. в кургане № 1 второй группы Курая; курган этот весьма близок к каракольскому. Последний вид сосудов вообще может считаться характерным для пазырыкского времени. Необходимо отметить их сходство с таштыкскими из-под Минусинска.

К этому времени можно отнести еще ряд памятников. Среди них особый интерес представляют земляные курганчики, исследованные в 1929 г. М. П. Грязновым в г. Бийске.[2] Кроме керамики с характерными кринками и боченковидными сосудами восточносарматского типа, в них найдены различные вещи. Отметим трехгранные костяные стрелы, железные ножи, сходные с быстрянскими и позднетагарскими, костяные безъязычковые пряжки, кольчатые железные удила с роговыми псалиями, заостренными с одного конца, и бронзовые изображения кабаньих клыков, являющиеся параллелью деревянным резным имитациям из кургана пятой группы Курая и из Пазырыка. Кроме того, найдены бронзовые бляшки, имитирующие вырезной лепесток с прорезью в виде завитка. Подобные бляшки найдены также в одном из больших курганов близ с. Березовки на р. Катуни вместе с вещами IV в. до н. э. Вполне допустимо, что эта параллель служит указанием на несколько бо́льшую древность бийских курганчиков по сравнению с быстрянскими.

Большой интерес вызывают также погребения, открытые в Пригородном хозяйстве г. Бийска, при рытье силосной ямы. Найденная здесь керамика несколько

---

[1] Кург. № 13.

[2] Вещи хранятся в Бийском музее, колл. № 268, и в Гос. этногр. музее. См. также Грязнов М. П. Древние культуры Алтая, рис. 71, 73, 76, 78, 82, 84, 88, 91—93.

отличается от только что описанной. Она представлена довольно широкими толстостенными вазами с высоким развернутым горлом. Орнамент — или елочный, или арочный — резной и налепной. Нужно заметить, что елочный орнамент имеется и на одной кринке из кургана № 2, раскопанного М. П. Грязновым в Бийске. Отличительной особенностью этой керамики служит роспись, нанесенная на нижнюю часть сосудов желтой охрой. Рисунок имеет вид парных завитков и волнистых полос. Поскольку на Алтае роспись сосудов применялась только в глубокой древности (ср. окрашенные красным афанасьевские курильницы), описываемые вазы представляют выдающийся интерес. Однако самым замечательным является находка в погребении, открытом С. М. Сергеевым и А. П. Марковым в стенке силосной ямы, двух медных блях, украшенных ажурным рисунком, изображающим ту же сцену, что и апликации Ноин-Улинских ковров,— изнемогшего в беге оленя, терзаемого фантастическим грифом. Несмотря на некоторые отступления, продиктованные необходимостью заполнить рисунком полукруглое поле бляхи, сходство с Ноин-Улинскими изображениями поразительно.[1] Его усиливают выемки на рогах и на туловище оленя и на голове грифа. Фигурные выемки как бы воспроизводят те цветные вставки, которые так ярко расцвечивают апликации ковров Ноин-Улы.[2]

Таким образом, уже рядовые погребения Алтая пазырыкской эпохи отражают известную близость к хуннским Северной Монголии.

Однако наряду с ними встречены и другие погребения. Их инвентарь более близок предшествующему майэмирскому времени и свидетельствует о сохранении древних связей Алтая и Минусинской котловины. Особенно характерны в этом отношении курганы, раскопанные С. И. Руденко в местности Арагол.[3] Там под каменными насыпями трех курганов найдены погребения с конем, по устройству очень близкие к позднемайэмирским из Туяхты. С ними сближает Арагол и находка бронзовых кольчатых удил (табл. XXIX, рис. 14). Однако обнаружены и большие отличия. Во всех трех арагольских курганах оказались бронзовые миниатюрные однодырчатые ножи. В одном же кургане уцелели бронзовые миниатюры — клевец и кинжал. Клевец типично позднетагарский — проушной, круглообушный миниатюрный. Кинжал — крестовый миниатюрный, отличающийся значительной небрежностью отливки и асимметрией. Эта форма также характерна для второй половины второй стадии тагарской культуры, времени III—I вв. до н. э. (табл. XXIX, рис. 11, 16).

В степной зоне Алтайских предгорий ближайшую аналогию арагольским курганам представляют погребения, раскопанные С. М. Сергеевым в 1930 г. около с. Быстрянского в земляных курганах, обложенных по верху булыжником. Осо-

[1] Вещи хранятся в Бийском музее, колл. № 321—322 и № 268.

[2] Trever C., Excavations in northern Mongolia. L. 1932, табл. 9.

[3] Сведения об арагольских курганах мне сообщил покойный Г. П. Сосновский.

бенно интересные находки сделаны в кургане № 8.[1] Как и все другие, он пострадал от грабителей, но тем не менее уцелела значительная часть его инвентаря. В нем значительно количество украшений, сделанных из тонкой золотой пластинки — полукруглые бляшки, перстень, венчик, головка хищной птицы, а также золотые серьги — проволочное кольцо и дужка с прикрепленным к ней конусом, в основание которого вставлен голубоватый камень (бирюза?). Кольчатые серьги характерны для позднетагарских погребений II—I вв. до н. э.[2] Серьги с конусом широко распространены в инвентаре курганов приалтайских степей [3] и в курганах Тувинской Автономной области.[4]

В кургане № 8 найдено много бронзовых и костяных стрел. Костяные черешковые обычной формы, одна втульчатая — пулевидная, сходная с бронзовой древнетагарской. Среди бронзовых наконечников два черешковых, отличающихся от майэмирских более длинным черешком. Один из втульчатых наконечников также напоминает майэмирский из Туяхты своими глубокими вырезами в основании, но отличается четырехгранностью. Остальные трехгранны, с выступающими ребрами. Они близки к найденным в кургане № 3, датируемом III в. до н. э.,[5] у с. Прохоровки под Чкаловом. Помимо стрел, вооружение состояло из железного кинжала с дисковидным перекрестьем и железного же клевца со втоком. Клевец проушной, круглообушный, совершенно сходный с позднетагарскими миниатюрными и с найденным в Ишимском кладе начала н. э.[6]

Керамика быстрянских курганов 1930 г., как и других аналогичных им, раскопанных в степных предгорьях Алтая, представлена главным образом небольшими кринками, украшенными накладными валиками с нарезками. Кринки эти встречались и в рядовых курганах пазырыкского времени в горном Алтае. Может быть, больше, чем все другие вещи, подчеркивают они отличие пазырыкских памятников от майэмирских, даже в тех случаях, когда они еще сохраняют старые черты и близость с тагарской керамикой.

Интереснейший комплекс вещей этого времени был обнаружен в местности Кумуртук на берегу р. Чулышмана. Находка передана в Барнаульский музей Е. А. Ламоновым. Ее составляют (табл. XXX, рис. 1—11):

а) четыре костяных наконечника стрел обычной трехгранной, черешковой формы;

б) три браслета, согнутых из бронзовых прутьев, и один бронзовый браслет с насечками на внешней стороне;

в) бронзовая цепочка;

---

[1] Хранятся в Гос. Эрмитаже, Сибирский отдел, колл. № 254.

[2] См. стр. 163.

[3] Березовка, кург. №№ 47, 52; Быстрянское, кург., №№ 4 (хран. в Гос. Эрмитаже, №№ 253—254).

[4] Степь по левой стороне р. Бегре, кург., № 40, раск. Адрианова, 1915 г. (хран. в музее Томского университета).

[5] МАР, № 37, табл. V, 10.

[6] Ермолаев. Ишимская коллекция, табл. II, 11, 13.

г) серебряная пластинчатая гривна;

д) бронзовая бляшка, украшенная рельефным спиральным орнаментом;

е) бронзовая бляшка с изображением барса, очень близкая к найденным в описанных выше курганах III—I вв. у с. Быстрянского [1] и Березовки [2];

ж) бронзовая массивная бляха с отверстием в центре;

з) бронзовая массивная бляха с отверстием в центре, украшенная рельефным изображением трех грифов;

и) бронзовая полусферическая бляха, украшенная рельефными изображениями кабанов. Аналогичные ей особенно часты в Минусинской котловине.[3] Назначение их неясно. Возможно, что они служат наременными украшениями. Кумуртукская бляха с кабанами и очень близкая к ней бляха Минусинского музея, украшенная изображением двух хищников, находят себе близкую аналогию в форме и рельефах ребряного фалара из Старобельского клада.[4] К. В. Тревер считает его бактрийским;[5]

к) бронзовый крыловидноэфесовый кинжал, украшенный на навершии двумя головками грифов, несомненно минусинского происхождения. В этом убеждает не только его внешний вид, совершенно аналогичный минусинским грифам, но и полное сходство в металле, покрытом типичной благородной патиной. В описании тагарских кинжалов уже отмечено, что грифоновые кинжалы появились на Енисее сравнительно поздно. Это подтверждают и алтайские находки. Ближайшей аналогией кумуртукскому кинжалу служит найденный в Б. Берельском кургане I в. до н. э.[6]

Итак, среди рядовых погребений пазырыкского времени на Алтае мы встречаем две особенности. При всей оригинальности одни из них отражают связи с позднетагарскими формами, другие находят параллели в искусстве хунну и кочевников Средней Азии, в сакско-массагетском мире.

Одновременно с ними на Алтае и в Минусинской котловине возникают новые формы вещей и орнаментов.

2. БОЛЬШИЕ КУРГАНЫ ПАЗЫРЫКСКОГО АЛТАЯ

Летом 1927 г. М. П. Грязнов в течение 47 дней исследовал огромный каменный курган на р. Урсуле в урочище Шибэ.[7] Насыпанный из крупных обломков скалы,

---

[1] Быстрянское, раск. С. М. Сергеева, кург. № 14 (хран. в Гос. Эрмитаже).

[2] Березовка, раск. С. М. Сергеева, кург. № 14. (хран. в Гос. Эрмитаже).

[3] Клеменц Д. Древности Минусинского музея. Атлас, табл. XII, 7, а также хранящ. в Минусинском музее, № 7024—28, 7030, 7032.

[4] Спицын А. А. Фалары южной России. ИАК, вып. 29, 43.

[5] Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства, табл. 7 и 8.

[6] См. ниже, стр. 185.

[7] Грязнов М. П. Раскопка княжеской могилы на Алтае. «Человек», 1928, № 2—4 стр. 217—219, и его же. Fürstengrab. Wiener Prähistorische Zeitschrift. 1928, XV. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР, стр. 139—145, рис. 50.

курган имел до 45 м в диаметре и до 2 м высоты. Под курганом открылась большая яма глубиной до 7 м. На дне ее стоял сруб длиной с запада на восток 5.5 м и шириной до 3 м, рубленый, из лиственничных бревен, плоско стесанных с внутренней стороны. Сруб был покрыт потолком, бревна которого лежали с запада на восток (по длине). Внутри сруба был выстроен меньший, который и служил погребальной камерой. Он имел особое бревенчатое покрытие, также положенное продольно, и дощатый пол. Доски пола лежали по длине сруба. В погребальной камере стоял саркофаг — выдолбленная огромная колода. Пространство между стенками ямы и срубом с трех сторон, с запада, востока и юга, было забито камнем. В северной половине ямы были положены 14 лошадей. Сверху над срубом были протянуты поперек всей ямы три массивные переводины, а на них в 13 рядов были навалены бревна. Кроме того, поверху бревна гигантского наката были перекрыты хворостом.

Исключая помещение для лошадей, всеми остальными особенностями погребальное сооружение кургана Шибэ ближайшим образом напоминает конструкцию склепов курганов хуннской знати в Ноин-Уле. Сходство особенно подчеркивает двойная камера. Только коридоры здесь условны. Ширина их между стенками срубов не превышает 20 см.

Близость конструкции склепов Шибинского и Ноин-Улинских курганов не была случайной. В этом убеждает результат палеоантропологического обследования останков погребенных в саркофаге. По утверждению Г. Ф. Дебеца, в Шибэ были погребены старик могучего телосложения и семилетний ребенок. Оба были мумифицированы своеобразным способом. Были удалены не только головной мозг и внутренности, но также и мускулатура, замещенная растительной набивкой. Все разрезы, а также глаза были зашиты толстыми нитками. Таким образом хоронили мумию-чучело. Изучение костей скелетов показало, что в Шибинском кургане был погребен не местный человек. Останки погребенных в рядовых алтайских курганах пазырыкского времени принадлежат потомкам местного европеоидного населения, жившего на Алтае еще в эпоху бронзы. Только в курганах приалтайских степей Г. Ф. Дебец прослеживает некоторую монголоидную примесь.

Старик из Шибэ резко отличается своим ярко выраженным тунгусо-маньчжурским типом. Г. Ф. Дебец предполагает, что в кургане Шибэ похоронен выходец с востока. Возможно, что это представитель хуннской аристократии, прибывший на Алтай в связи с установлением зависимости от хуннского союза. Однако при известном сходстве с хуннским, ритуал погребения в Шибэ все же местный. Это прежде всего подчеркивает наличие трупов лошадей, не клавшихся в Ноин-Уле в одну яму с покойником.

К сожалению, грабители сумели прорубить бревенчатый накат и потолки склепов Шибэ и сильно их пограбили. Но все же и то, что осталось, а также находки, сделанные на нетронутых лошадях, дают большой материал для характеристики местной культуры.

Прежде всего нужно отметить обломки китайских лаковых чашечек. Проф. Умехара отнес их изготовление ко времени между 86 и 48 гг. до н. э.[1] Таким образом, вторая половина I в. до н. э. оказывается наиболее вероятным временем сооружения кургана Шибэ.

В эпоху Шибэ на Алтае уже господствовали принципы того направления в искусстве, которое стало характерным для хунну на востоке и для сармат на западе. Вещи из склепа Шибэ ярко демонстрируют любовь к вычурной орнаментальности, к пестрым инкрустациям и апликациям. Там найдены многочисленные золотые листки, вырезанные в виде причудливых фигур, спиралей, веток, городков и т. п. Все это — части некогда сверкавших золотом изображений, украшавших кожаные чепраки, покрышки седел, нагривные чехлы и пр. Замечательно, что блеск золота не удовлетворял художников Алтая. Многие золотые листки по верху сохранили еще следы яркокрасной раскраски не менее причудливыми узорами (табл. XXX, рис. 12—37). Из отдельных вырезных листков, найденных в склепе Шибэ, отметим силуэт головы лося (Гос. Этнографический музей, № 4888—24), свидетельствующий о высокой наблюдательности художника-реалиста, замечательно исполненную голову длинномордого зверя (№ 4888—9), напоминающую аналогичные изображения, характерные для южноуральского и поволжского еще савроматского искусства, а также треугольную бляшку, обрамленную выпуклым жемчужником (№ 4888—10). На поле этой бляшки вырезан силуэт какой-то звериной фигуры, напоминающей изображения священного быка и оленя на серебряных пластинах из шестого кургана Ноин-Улы.

Особую группу составляют найденные в склепе Шибэ нашивные бляшки от одежды. Среди них и полушарные, уже описанные в числе находок в рядовой могиле над с. Курота, и колечки, сходные с найденными в 1934 г. в кургане под Каракольской МТС.[2] Но, кроме того, встречены бляшки ромбические, трех- или четырехлепестковые, трапециевидные, треугольные, овальные и имеющие вид стрелы.[3] Такое богатство форм, да и самый прием украшения одежд золотом, так широко применявшийся на Алтае, заставляют вспомнить декоративные, сверкающие показным блеском одежды сарматской знати и перенимавших их от соседей-варваров богатых граждан Пантикапея времени около начала н. э.[4] Убранство шибинских покойников при всем блеске золота часто граничило с бутафорией. Бусы кажутся массивными, но на самом деле они вырезаны из дерева и только завернуты в золотой листок (№ 4888—127). Этим же способом выполнены и деревянные украшения уздечек, найденные на конях. Одни из них представляют собой гладкие бляхи, другие украшены резными изображениями зверей.

---

[1] Griaznov M. P. The Pazirek Burial of Altai. The American Journal of Archaeology, vol. XXVII, 1933, № 1, примечание 3.

[2] Хранится в Гос. Этнографическом музее, колл. № 4888—12 и 15.

[3] См. № 4888—16 и 29.

[4] Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia, Oxford, 1922, стр. 131, рис. 17.



Вещи, найденные в кургане Кумуртук (рис. *1—11*) и в кургане Шибэ (рис. *12—37*) на Алтае.

Из гладких блях обращает на себя внимание овальная, заостренная книзу. Она совершенно сходна с бронзовыми налобниками хуннского времени из Суйюани.[1] Однако важно отметить, что в Китае эта форма имеет гораздо более значительную древность. Аналогичные бляхи, украшенные изображениями зверей, найдены среди украшений колесниц эпохи Шан-Инь в Аньяне.[2]

Среди звериных мотивов на деревянных сбруйных украшениях в Шибэ господствуют изображения головки тигра или ирбиса. Особенно характерны головы, украшающие псалии «интегральной» формы. Они сделаны в сибирском духе — с резкими гранями срезов, глубокими прорезями линий, с ухом, завернутым в спираль. Последняя деталь ясно видна и на округлой деревянной бляхе, украшенной изображением звериной морды. Однако этот рельеф значительно отличается от головок на псалиях. Здесь изображению головы хищника из породы кошачьих приданы некоторые медвежьи черты. Это произошло потому, что художник применил прием расширения носа книзу — хорошо известный мастерам северосибирского уральского искусства пьяноборского времени. Они очень тонко подметили эффект такого расширения именно для передачи en face морды медведя и широко им пользовались. Применение этого приема в кургане Шибэ может только подчеркивать глубоко местное происхождение рассмотренных деревянных скульптур.

Из других находок, сделанных около лошадей, следует особо отметить роговые пластинки, украшавшие седла. Они раскрашены красным и расцвечены накладным золотом. Образуемые этой расцветкой узоры сходны с орнаментальными вставками апликаций на коврах Ноин-Улы. Вместе с тем, как уже было отмечено М. П. Грязновым, узоры роговых пластинок из Шибинского кургана чрезвычайно близки к современным орнаментам алтайцев, казахов и тяньшанских киргизов.[3] Это еще раз подчеркивает важность изучения южносибирских древностей в связи с вопросом о происхождении современного населения Северной Азии.

К кургану в Шибэ особенно близок курган, раскопанный в 1865 г. в Берельской степи на юге Алтая.[4] Он также отличался обширностью и глубиной погребальной ямы, и также в северной части его было обнаружено 16 лошадей. В южной половине могилы, значительно более углубленной, среди обломков дерева (очевидно, остатков рубленого склепа) стоял такой же, как в Шибэ, долбленый саркофаг. По его углам были укреплены четыре статуэтки из бронзы с изображениями хищных птиц.

---

[1] Archaeologia Orientalis. B Series, vol. I, Tokyo and Kyoto, 1935, pl. X—4, 5.

[2] G r e e l. La naissance de la Chine. Paris, 1937.

[3] Глубоко местное происхождение этого орнамента доказывается наличием его и на других предметах — не только на отделке седельных чепраков, но даже на технически сложной инкрустации золотом по железу, украшающей обломок рукоятки шибинского кинжала (хран. в Гос. этнографическом музее, инв. № 4888).

[4] R a d l o f f W. Aus Siberien, Bd. II, S. 110—112. Р а д л о в В. Сибирские древности. Зап. Русского археологического о-ва. Новая серия, т. VII, вып. 3—4, стр. 186—188; Z a k h a r o v A. Materials on the Archaeology of Siberia. ESA, V, III, стр. 132—140.

Клювы птиц отличаются массивностью, столь характерной для сибирских и хуннских изображений грифов. Однако берельские статуэтки выделяются высоким гребнем на голове, между ушами. Эта деталь весьма редко встречается среди сибирских звериных изображений. Исключение представляет лишь знаменитая золотая инкрустированная бляха, на которой имеется рисунок орла со змеиной головой, терзающего козла, и описанные ниже деревянные псалии из Пазырыкского кургана. Не свойственен гребень и изображениям хищных птиц и грифонов из Средней Азии и Ирана. Зато в эллино-скифском искусстве Причерноморья гребень на голове грифона встречается постоянно.

Как и Шибинский, Берельский курган еще в древности был ограблен. Останки покойника были выброшены из саркофага, поднятого грабителями на уровень лошадей. Они остались на дне могилы вместе со скелетом семнадцатого коня. В Берельском кургане было собрано большое количество золотых вырезных листков и украшений из кожи, бересты и кедра. Большинство из них принадлежало к сбруе восьми верхних лошадей. Остальные лошади украшены не были. Среди этих украшений весьма реалистично исполнены головки оленей. Наибольший же интерес представляют профильные рисунки крылатого гиппокампа. Можно отметить два района распространения на востоке этого греческого изображения. Его знало греко-бактрийское искусство и художественное ремесло причерноморских городов, работавшее на скифов. Берельский крылатый гиппокамп имеет рога. Эта деталь заставляет вспомнить рогатых гиппокампов (ошибочно считающихся грифонами), украшающих золотую вырезную пластинку из Александропольского кургана III в. до н. э.[1] С ними берельские рельефы роднит и двойная крылатость. Александропольский курган весьма своеобразен в группе эллинистических скифских памятников нижнего Приднепровья.[2] Многочисленные изделия, найденные в нем, несут на себе следы варваризации и оживления азиатских традиций. Вероятно, это связано с воздействием на культуру причерноморских скифов савроматосарматских племен, искусство которых было в то время столь близким к сибирскому.

Среди других вещей из Берельского кургана наибольший интерес представляют овальные прорезные пластинки из бересты, первоначально покрытые золотым листком. Повидимому, они служили украшением передней части седла. По форме своей они весьма близки к резным ажурным нефритовым пластинкам ханьского Китая. В частности, они близки к нефритовой пластинке, найденной в шестом кургане Ноин-Улы. Кроме того, необходимо отметить находку обломков железного кинжала, сохраняющего еще древнюю скифскую форму.

Из «больших» курганов Алтая несколько особняком к группе Шибэ и Берель стоит каменный курган, исследованный в 1865 г. около с. Катанды у подножия

---

[1] Толстой И. И. и Кондаков Н. П. Русские древности, СПб, 1889, вып. II, рис. 86.

[2] Ростовцев М. И. Скифия и Босфор. Петроград, 1918, стр. 428 и сл.

горы Белухи.[1] Размеры и конструкция его насыпи, имевшей в диаметре 30 м и в высоту 2.2 м, сходны с только что описанными. В кургане найдены скелеты 6 лошадей, разрозненные человеческие кости и различные предметы от позднейших погребений в насыпи, относящихся к VII—X вв. н. э. Могильная яма по площади уступала шибинской и берельской. Она имела всего 4 × 5 м. Ее заполняла земля и крупные камни. На глубине 3.5 м в яме был открыт сруб из бревен лиственницы. Его провалившийся потолок некогда опирался на две переводины, лежавшие концами на северной и южной стенках. На западной балке в куске образовавшегося здесь льда была найдена меховая одежда в виде фрака. В южной же части могилы под западной балкой, также в куске льда, была найдена меховая шуба и различные завернутые в нее вещи (табл. XXXI, рис. 1, 3, 5—12).

На дне сруба стояли ориентированные с востока на запад два ложа, вытесанные вместе с ножками из одного куска дерева. На ложах лежали головой к востоку скелеты двух людей. На дне сруба были найдены бронзовые четыреугольные бляшки, обложенные золотом, и куски шелковой ткани.

Как видим, в Катандинском кургане не оказалось погребений лошадей. Возможно, что В. Радлов их просто не нашел. Однако их могло и не быть, и их заменяли деревянные резные изображения «коней», найденные в шубе.

Катандинский курган особенно известен находкой двух узлов одежды, которую грабители не успели вынести.[2] В одном свертке оказалась широкая шуба. Ее стан и рукава набраны из меха, окрашенного в зеленый, желтый и коричневый цвет так, что получается чешуйчатый узор, причем чешуйки разграничены нашивкой золотых бляшек. Полы, борта и оплечья шубы кожаные, некогда зашитые сплошь деревянными четыреугольными, обложенными золотом бляшками. Всего на шубе было укреплено до 8000 деревянных золоченых и около 1000 крупных и 2000 более мелких кожаных бляшек, также обложенных золотом и производивших впечатление массивных украшений. Изнутри шуба была подбита мехом. Рукава ее длинны и настолько узки, что имеют чисто декоративное значение: шубу носили наброшенной на плечи. Это еще раз подчеркивает ее парадность. С. И. Руденко находит в ее покрое и орнаменте сходство с парадными одеждами придворных ахеменидского Ирана.[3] В другом узле оказалась наборная меховая одежда в виде фрака с одной очень длинной фалдой. «Фрак» также некогда был расшит золотыми бляхами, которые спороты грабителями. У тунгусов-ламутов до недавнего времени

---

[1] Radloff W. Aus Sibirien. Leipzig, т. II, гл. VII, стр. 68—143; Радлов В. Сибирские древности. Зап. Русского археологического о-ва. Новая серия, т. VII, стр. 147—216; Minns E. H. Scythians and Greeks, pp. 248—250; Zakharov A. Antiquities of Katanda (Altai). Journal of the Antrop. Instit, vol. LV, 1925, стр. 37—57; Захаров А. Материалы по археологии Сибири. Труды ГИМ, вып. I. Разр. археологический, 1926, стр. 72 и сл.

[2] Видонова Е. С. Катандинский халат. Труды ГИМ, вып. VIII, 1938, стр. 169—178.

[3] Руденко С. И. Скифская проблема и алтайские находки. Изв. АН СССР, Серия истории и философии, 1944, № 6.

во время праздничных церемоний одевались подобные «фраки». Замечательно, что они распространены и у эскимосов Северной Америки.[1] Швы, которыми скреплены отдельные меховые кусочки обеих одежд из Катанды, имеют вид шнура. Они совершенно одинаковы со швами войлочных апликаций из других курганов Алтая.

В шубу были завернуты различные вещи. Прежде всего обращает на себя внимание меховой нагрудник. Он крыт шелком и обшит золотой пластинкой. Кроме того, на него были нашиты укрепленные на шелковых лентах деревянные фигурки «коней» (у четырех из них сохранились куски пришитой ленты, аналогичной уцелевшей кусками на нагруднике). До недавнего времени алтайские шаманы во время камлания надевали меховые нагрудники, весьма близкие к катандинскому.[2] Украшение его фигурками коней также говорит в пользу принадлежности к шаманскому костюму. Однако этнографы отмечали, что нагрудник в шаманском одеянии играет уже вторичную роль. Первоначально он имел бытовое значение. В связи с этим особенно замечательно, что у тех же тунгусов-ламутов нагрудник носят до сих пор, но только в тех случаях, когда надевается «фрак». То же характерно и для эскимосов Северной Америки, надевающих в праздники «фрак» и «фартучек».[3] Это поразительное совпадение в костюме едва ли случайно. Связи Саяно-Алтайского юга с сибирским севером и племенами севера Америки, несомненно, были.

Фигурки «лошадок» неодинаковы и требуют особого рассмотрения.

Бросается в глаза их парность. Две пары представляют собой профильные изображения стоящих лошадей, головами обращенных друг к другу. От третьей пары уцелела лишь одна фигурка. У всех стоящих лошадей поперек спины намечено два валика, очевидно соответствующие задней и передней луке полумягкого седла. Из отчета раскопок явствует, что копыта и передние луки седел были некогда вызолочены. Еще одна пара стоящих лошадей отличается тем, что головы их повернуты к зрителю. Кроме того, найдены две фигурки лежащих лошадей. Одна из них также обращена головой к зрителю, другая сильно фрагментирована. Расценивая эти статуэтки с точки зрения техники и стиля их выполнения, нельзя не отметить близости их к деревянной статуэтке оленя из шестого кургана Ноин-Улы.[4]

Вдаваясь в детали изображений, прежде всего необходимо отметить коротко подстриженные, превращенные в гребни гривы. Это вполне соответствует оформлению грив лошадей Пазырыкского кургана, где гривы также были коротко острижены и заключены в специальные гребнеобразные футляры, украшенные различными рисунками из золота, цветной кожи и войлока. Но самое замечательное —

---

[1] Rasmussens Thulefahrt. 2 Jahre in Schlitten durch unerforschtes Eskimoland von Knud Rasmussen. Frankfurt am Main, 1926, стр. 71, 102—103, 168, 225, 256, 261, 265, 268, 306, 413, 442.

[2] Вербицкий В. И. Алтайские инородцы, М., 1893, стр. 46.

[3] Rasmussen Thulefahrt, стр. 102—103.

[4] Trever C. Excavations in Northern Mongolia. M.—L., 1932, pl. 32—1.

оформление голов деревянных лошадок. Сверху на них имеются отверстия. Однако их не два, как можно было ожидать, если предположить, что в них укреплялись уши, а четыре. Очевидно, во второй паре отверстий были укреплены рога. К сожалению, не сохранилось ни одного фрагмента этих вставок. Однако следует вспомнить опять Пазырыкский курган с его маскированием лошади под оленя. Вполне возможно, что и здесь мы встречаем тот же обычай. Это тем более вероятно, что среди изображений фантастических животных на золотых бляхах сибирской коллекции можно найти изображения зверей, напоминающих экстерьером лошадь, но имеющих ветвистые рога.

Соединение черт различных животных имеется и у других катандинских фигурок.

Вместе с лошадками найдена деревянная статуэтка фантастического зверя, копытами и туловищем напоминающего лежащую лошадь, но имеющего голову грифа. Этот зверь также имел приставные уши и рога. Моделировкой морды с загнутым внутрь рта клювом он близок к ряду фантастических грифов сибирских золотых блях, а также к изображениям грифонов, украшающих вазы, ножны, гориты и многочисленные золотые пластинки из Куль-Обского, Чертомлыкского, Ильинецкого и Александропольского курганов, а также из второго погребения Солохи.[1]

То же самое можно сказать и о рельефе, украшающем деревянную резную пластинку, найденную вместе с фигурками лошадей.

На ней изображен фантастический зверь с туловищем животного кошачьей породы, но с головой грифа, увенчанной ветвистыми рогами. Рога и хвост зверя заканчиваются головками хищных птиц. Зверя схватил за горло хищник, напоминающий медведя. Мы уже отмечали прямое сходство этого изображения с хуннской верхнеудинской золотой бляхой и со знаменитым оленем из Куль-Обы. К этому надо прибавить, что моделировка морды фантастического зверя, отличающаяся тем, что клюв сливается с высунутым языком, находит себе многочисленные параллели среди изображений грифов позднескифских курганов.

Вместе с лошадками лежали еще две головы хищника с вытянутой мордой и закрученными в спираль ноздрями. Вытянутостью форм они более всего сходны с южноуральскими и нижневолжскими находками. Характерный завиток в ухе, аналогичный изображенным на подавляющем большинстве сибирских и хуннских звериных рельефов, также имеет параллель на савроматском западе.[2]

Иные связи отражает четыреугольная деревянная пластинка, пришитая к куску ремня. На ней имеется схематически выполненное изображение en face маски зверя,

---

[1] Rostovtzeff M. Iranians and Greeks; Minns E.Scythians and Greeks; Толстой И. И. и Кондаков Н. П. Русские древности, в. II и III. Сборник в честь гр. Бобринского. СПб., 1911, стр. 45—118.

[2] Grakov B. Monuments de la culture scythique entre Volga et les Monts Oural. ESA, vol. III, p. 35, fig. 18.


1


2


3


4


5


6


9


7


8


10


13


12


11

Вид кургана у с. Туяхта (рис. 2) и могильной ямы кургана у с. Курота (рис. 13) на Алтае. Вещи, найденные в Большом кургане у с. Катанда (рис. 1, 3, 5,—12). Рис. 4 — случайная находка на Алтае.

увенчанного ветвистыми рогами. Нельзя не видеть прямое сходство этого катандинского рельефа с масками тао-тэ, столь традиционными для древнекитайского орнамента.

Нам осталось рассмотреть рельефные резные изображения на катандинском «фаларе». Это — деревянная округло-выпуклая бляха, выдолбленная внутри, но не отделанная. На внешней стороне ее вырезано изображение двух переплетенных фантастических животных (льва и волка?) с вытянутыми телами. Туловище «льва» обвивается вокруг бляхи, а голова занимает ее центр; хвост льва оканчивается головой грифа. «Волк» вцепился в круп «льва». Он отличается особенно сильной вытянутостью шеи и туловища. Уши обоих зверей имеют спиральный завиток, характерный для сибирских изображений.

Из всех сибирских изображений рельефы катандинского фалара ближе всего к знаменитым украшениям драгоценностей Новочеркасского кургана. В обоих случаях тела зверей подчинены одной задаче — чисто орнаментальному заполнению пространства. Отсюда и причудливость изгибов переплетающихся звериных фигур. Сюжетная сторона, ясно выступающая на других сибирских бляхах, а также на позднескифских рельефах, здесь явно отодвинута на второй план сравнительно с орнаментом. Но не только этим определяется близость изображений на катандинском фаларе и на драгоценностях Новочеркасского кургана. Мы уже отметили, что центром всей композиции фалара является массивная голова «льва». То же характеризует и новочеркасские рельефы. Так, на полушарной коробочке с плоской крышкой имеется изображение оленя, терзаемого хищником и грифом.[1] Тела их причудливым клубком заполняют выпуклую поверхность коробочки и являются не самоцелью, но средством украшения. Только массивная голова хищника, очень близкая по положению и трактовке к катандинской, выделена и господствует над всей композицией. То же с еще большей выразительностью передано и на новочеркасском флакончике для духов.[2] Оба новочеркасских изображения отличает от катандинского иная передача ушей. Они не имеют спирального завитка и полукруглы, а не вытянуты Однако это не может считаться особенностью, характерной только для западного, сарматского, стиля. Передача ушей полукружиями была известна и в Сибири. Мы ее видим на золотых бляхах со сценами борьбы зверей из золотой коллекции Эрмитажа.[3]

Чтобы закончить рассмотрение находок в Катандинском кургане, упомянем еще о деревянных колоколовидных ворворках, находящих себе параллели в местных бронзах, а также о находках обрывков тканей.

---

[1] Rostovtzeff M. Iranians and Greeks. pl. XXVI, 4; Толстой И. И. и Кондаков Н. П. Русские древности, в. III, рис. 156 и 157.

[2] Rostovtzeff M., ук. соч., pl. XXVI, 3; Толстой И. И. и Кондаков Н. П., ук. соч., вып. III, рис. 158.

[3] Толстой И. И. и Кондаков Н. П., ук. соч., вып. III, рис. 64, 66, 67.

Лента, на которую были нашиты «лошадки», сделана из тонкой шелковой ткани зеленоватого цвета. Другие обрывки оказались кусками темнокрасной и серовато-коричневой китайской тафты («с гроденаплевым» переплетением нитей). Кроме того, найдены кусочки тканей из верблюжьей шерсти, весьма тонких и отличающихся только различной плотностью. По мнению специалистов, шерстяные ткани сработаны на примитивных ручных станках.[1] Самый набор материй в Катандинском кургане весьма близок к найденному в ноин-улинских погребениях хуннской знати — местные шерстяные ткани и шелковые, привезенные из Китая.

Расценивая материалы Катандинского кургана в целом, нельзя не отметить его отличий от Шибэ и Берели, выразившихся в возможном отсутствии особого погребения лошадей, в замене саркофага-колоды ложем и в наличии фигурок лошадей, близких по оформлению к Пазырыку. Очень важно, что Катандинский курган содержит такие произведения художественного мастерства, которые с особенной выразительностью подчеркивают близость не только к хуннскому, но и к сарматскому прикладному искусству. Этим еще раз подчеркивается значительное единство культурно-исторического развития населения степей на далеком востоке и в степях Причерноморья. Вместе с тем памятники Катандинского кургана свидетельствуют об устойчивом переживании на Алтае сюжетной традиции, возникшей на западе еще в конце скифского преобладания и наиболее ярко выраженной в Куль-Обской бляхе с оленем, схваченным за горло хищником. Наконец, совершенно особый интерес представляют связи катандинских материалов с северным миром, ярко продемонстрированные сходством меховых одежд с тунгусскими и эскимосскими.

Что касается датировки Катандинского кургана, то нет оснований резко отделять его от группы Шибэ и Берели. Искусство его памятников близко к сарматскому начала н. э. Замена колоды ложем — также не архаический признак. Мы увидим такое ложе в таштыкских погребениях I в. до н. э. — I в. н. э. на Енисее. Катандинский курган может быть лишь немного древнее Шибэ и Берели, немного ближе к Пазырыку.

К группе из трех больших алтайских каменных курганов времени конца старой и начала новой эры примыкает ряд менее значительных. По размерам сооружений, по богатству инвентаря и сложности обряда они гораздо ближе к большим курганам, чем к рядовым могилам типа Куроты III и Курая V.

Наиболее скромным по внешнему виду может считаться второй каменный курган, раскопанный в 1934 г., на верхней террасе над Каракольской МТС на р. Урсуле.[2] Он имел почти правильную округлую насыпь диаметром в 18.5 и высотой до 0.85 м. Сложен курган был из обломков скалы до 80 кг весом, пересыпанных

---

[1] Заключение о тканях Катандинского кургана было дано В. К. Клейном.

[2] Киселев С. В. Из работ Алтайской экспедиции ГИМ в 1934 г. Советская этнография, 1935, № 1, стр. 97—106.

крупной речной галькой. Среди камней были найдены отдельные кости ног коровы, лошади и овцы. В центральной части насыпи имелась впадина — следствие грабительских раскопок. С горизонта открылась погребальная яма длиной с запада на восток 4 м и шириной 3 м. Яма была заполнена землей с большим количеством, особенно на первых 1.5 м, обломков скалы и гальки. Уже с первых же слоев в яме был замечен грабительский ход диаметром до 1 м, шедший вниз, вертикально, у середины западной стенки. В земле с камнями, заполнившей грабительский ход, на глубине 0.6 м был найден обломок нижней челюсти старика, а еще на 0.6 м ниже — обломки двух плоскодонных баночных сосудов, сделанных от руки из темной глины и украшенных вдоль бортика выпуклостями и вдавлениями, чем они напоминают тагарские сосуды Минусинского края. В остальной части ямы найдены лишь кости передней ноги барана (на глубине 0.5 м).

Как было выяснено дальнейшими раскопками, погребальная яма в нижней своей части имела следующее устройство. По углам в ее дно, расположенное на глубине 5.5 м от горизонта, были врыты на 0.6 м лиственничные столбы (диаметр до 0.4 м). Они стояли отступя на 0.5 м от стенок ямы и имели высоту от дна около 1.5 м. На столбы поперек ямы были положены лиственничные бревна, на которые уже продольно был настлан накат из лиственничных же плах шириной до 0.35 м. Пол ямы был выстлан колотыми тонкими лиственничными досками, а стенки в нижней части укреплены рамой из 1 венца лиственничных плах.

Сверху накат покрытия был завален на 1.5 м тремя слоями массивных обломков скалы, преимущественно плитчатых, весом до 200 кг. К моменту раскопок все эти плиты давно уже провалились и были найдены в наклонном положении от стенок к центру ямы, причем середину расклинили более верхние плиты, сами не доставшие до дна, но и не дававшие более нижним, вставшим наклонно, сомкнуться в центре. Этим, между прочим, были образованы пустоты среди плит, из которых наиболее значительная проходила как раз по средней части погребальной камеры, чем, как мы увидим ниже, воспользовались грабители. Однако такое расположение обрушившихся плит одновременно и ограничило деятельность грабителей только серединой камеры, отгородив от них пространство вдоль северной и южной стенок ямы, где и были сделаны главные находки.

Вдоль северной стены были положены одна на другую три лошади, убитые, как это явствует из формы отверстий на лбу, подобно пазырыкским, ударом клевца, с ромбическим в сечении острием. Лошади были сброшены довольно небрежно и лежали головами на восток вдоль стены, нижняя и верхняя на брюхе, с подогнутыми ногами, а средняя на спине, с подогнутыми ногами вверх. Так как туши лошадей, повидимому, оползали к середине ямы, их подперли отдельными плитками. На верхней лошади было найдено седло, не заседланное, но положенное поперек спины. Форму седла полностью установить не представляется возможным — сохранились лишь 7 костяных наременных блях (табл. XXXII, рис. 6, 11, 14, 15), 4 костяные изогнутые обивки, наременные пряжки и обоймы и деревянная, перед-

няя лука (табл. XXXII, рис. 12). Последнее обстоятельство придает интерес находке. Известно, что в Пазырыкском кургане, прекрасно сохранившем седла, последние отличались как раз отсутствием деревянной основы, имея чисто подушечный вид.[1] Наше седло имело луку, и не только переднюю, но, повидимому, и заднюю, которую выдают изогнутые костяные обивки, как раз и сосредоточенные при нахождении на противоположной от остатков деревянной передней луки стороне лошади. Из наличия лук закономерно сделать вывод о большем совершенстве нашего седла по сравнению с пазырыкским. Возможно, что это объясняется тем, что в Караколе мы имеем дело с обыденным седлом, а в Пазырыке с чисто декоративным, церемониальным. Самая форма обивок и блях нашего седла находит себе исчерпывающие параллели в ряде памятников. Прежде всего следует указать на бляхи из кургана в Шибэ, расположенного километров на 15 выше Каракола по р. Урсулу и раскопанного в 1927 г. М. П. Грязновым. Эти бляхи не только по форме, но и по сердцевидным прорезям сходны с нашими.[2] Что же касается их орнаментации, то около наших блях были найдены вырезные листочки фольги, по рисунку близкие раскраске шибинских и, возможно, первоначально наклеенные на кость.

Для костяных обивок параллелью служит также прекрасная пластинка с резным изображением козла из собрания Исторического музея [3] и несколько более отличающаяся прорезная бляха Берельского кургана, раскопанного В. Радловым.[4]

На седло, повидимому, был брошен ошейник, от которого сохранились три деревянные ворворки и бронзовый колокольчик (табл. XXXII, рис. 2). Последний по своей форме очень напоминает деревянную ворворку Катандинского кургана, раскопанного В. Радловым,[5] и отличается оригинальным устройством язычка, подвешенного не в центре, но на ремешок, протянутый поперек колокольчика и укрепленный в отверстиях, имеющихся в стенках.

В зубах у верхней лошади сохранились железные кольчатые удила ранней формы. Около удил было найдено значительное количество обрывков вырезных золотых листков. Кажется возможным предположить, что эти листки были наклеены на ремни уздечки.

---

[1] Грязнов М. П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае. «Природа», 1929, № 11, стр. 974.

[2] Грязнов М. П. Раскопки княжеской могилы на Алтае. «Человек», 1928, № 2—4, стр. 217, рис. 1.

[3] Хранится в ГИМ, з. V. См. Zakharov A. Bone and Wood Work from the Altai, Antiquaries Journal, 1926.

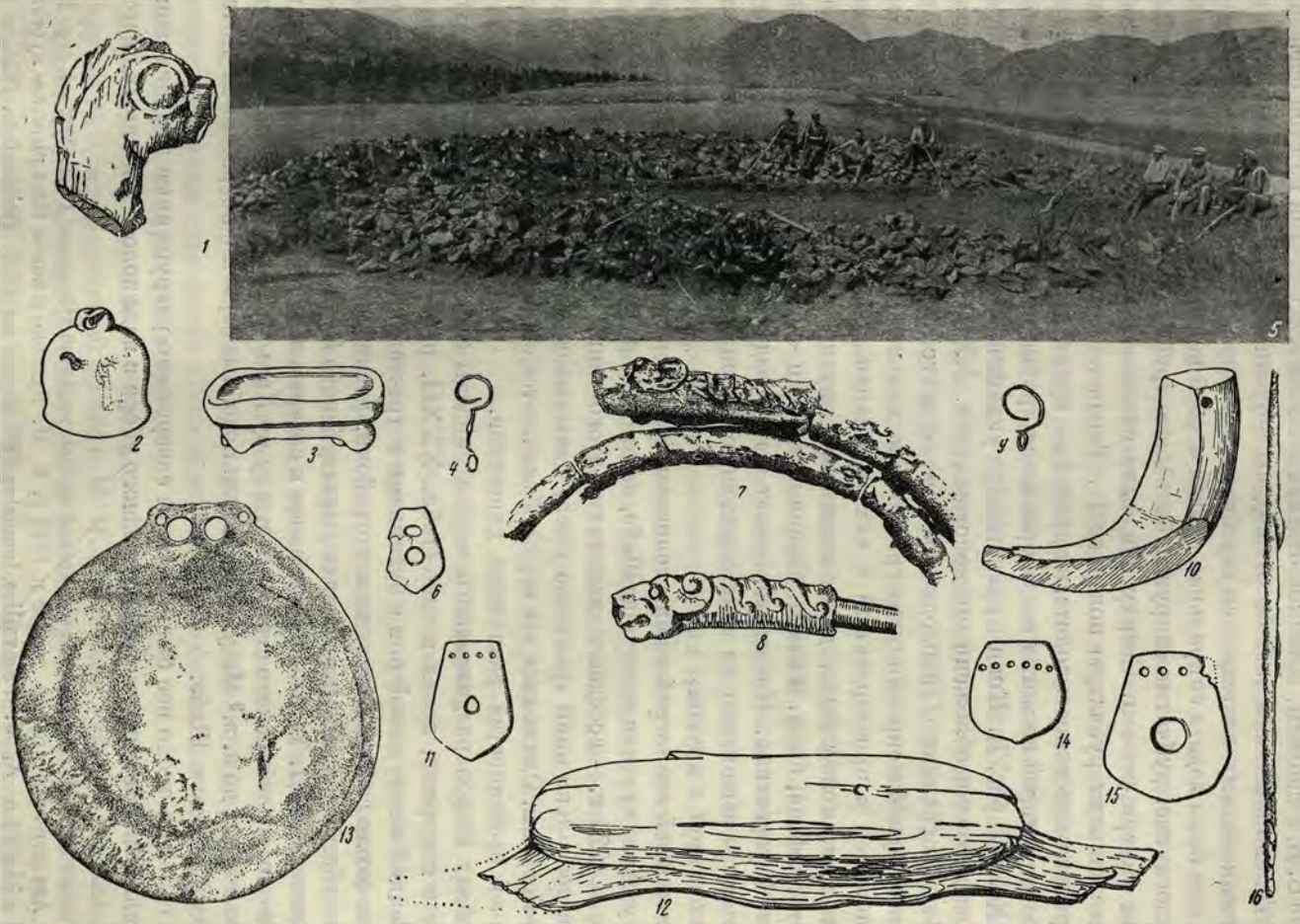
[4] Zakharov A. Materials on the Archaeology of Siberia. ESA, III, 1928, стр. 133, рис. 11.

[5] Захаров А. А. Материалы по археологии Сибири. Труды ГИМ, вып. 1. Разряд археологический, т. IV, 1920, стр. 87, рис. 2.

Все среднее пространство могилы рядом с лошадьми было тщательно обобрано грабителями, и поэтому мы нашли здесь лишь одну золотую бляшку в виде колечка и несколько мелких золотых четыреугольных бляшек. Оба типа бляшек совершенно аналогичны найденным на женском костяке. Тут же было отыскано несколько обломков от сосудов, большинство кусков которых было встречено в грабительском ходе. Это обстоятельство позволяет относить именно к средней части могильной ямы и обломок челюсти старика, найденный также в грабительском ходе несколько выше обломков сосудов. Южнее ограбленной площади, за тремя слоями обвалившихся плит, вдоль южной стенки могильной ямы был открыт костяк молодой женщины, лежавшей на восток, вытянуто на спине, с руками, вытянутыми вдоль тела. Под женщиной была подстилка из лиственничной коры. Труп был закрыт покрывалом. Судя по сохранившимся под головой отдельным кусочкам, покрывало было сделано из яркокрасной шелковой ткани. Сверху донизу все оно было расшито бляшками различных форм, в большинстве сохранивших первоначальное положение. Это позволяет не только установить размеры и расположение покрывала, но восстановить и рисунок шитья. То обстоятельство, что бляшки найдены не только лицевой стороной вверх, но под спиной и обратной, говорит о том, что женщина была завернута в покрывало, причем боковые концы его почти сходились крайними рядами шитья друг с другом. Верхний и нижний края покрывала подвернуты не были. Расшитое поле покрывала в длину имело до 1.5 м и в ширину до 0.9 м. Сверху шитье начиналось горизонтальной полоской золотой фольги шириной 1.5 см, нашитой от края до края. Все остальные края шитья были отделаны каймой из расположенных в шахматном порядке в два ряда 150 бляшек, имеющих вид выпуклых рубчатых колечек. Все они около 1 см диаметром и состоят из бронзовой основы, на которую набито золото. Посредине покрывала, как бы имитируя застежку, сверху донизу нашиты двумя вертикальными рядами 114 мелких полушарных золотых бляшек, также имевших, повидимому, распавшуюся бронзовую основу. Между ними по груди, одна под другой были нашиты до 10 более крупных полушарных бляшек той же техники. Все остальное внутреннее поле покрывала было зашито рядами расположенных в шахматном порядке 130 бляшек первой формы. Между ними также в шахматном порядке были размещены до 1180 блесток, вырезанных в виде квадратиков (0.3 × 0.3 см) из золотых листов. Каждый квадратик имеет два отверстия, проколотых при нашивке. Края квадратиков подогнуты, что придает им, как и всем другим бляшкам, массивный вид. Кольчатые, но не рубчатые, а гладкие бляшки найдены в небольшом количестве в кургане Шибэ (Государственный этнографический музей).

Чрезвычайная непрочность всех бляшек шитья позволяет считать покрывало не бытовым, но специально погребальным, рассчитанным на внешний эффект, который оно производит даже теперь, в реставрированном виде.

Под покрывалом на женщине прослежены остатки одежды, скорее из меха и тонкой кожи, чем из ткани, может быть близкой к найденной в Катандинском



Вид раскопок каменного кургана на р. Курота (рис. 5). Вещи, найденные в курганах близ с. Курай (рис. 1 и 10) и близ с. Каракол (рис. 2—4, 5—9, 11—16) на Алтае.

кургане В. В. Радловым. Никакой отделки золотом или бронзой на этой одежде не было. Только в области таза были найдены 8 бусин — 6 сердоликовых, плоских, и 2 боченковидных пастовых со «змейчатым» узором.

На шее была надета спиральная гривна особой конструкции. Ее основу составляли изогнутые, рубчатые снаружи, бронзовые трубки, плотно связанные пропущенным внутри ремнем. Сверху они были сплошь обложены золотым листком, передававшим их рубчатую поверхность. Такая конструкция, с одной стороны, имитировала массивность золота, а с другой,— придавала гривне присущую золоту упругость, которой не могла иметь бронзовая трубка, если бы она была сплошной (табл. XXXII, рис. 7). Концы гривны были украшены головками барсов, вырезанными из дерева и обложенными золотом (табл. XXXII, рис. 8). К сожалению, полностью сохранилась лишь одна головка, от другой дошли только части золотой обкладки. Головки скреплялись с гривной специальными деревянными шпеньками, вдававшимися в просверленный в них канальчик. Они могли, таким образом, сниматься и, может быть, даже заменяться другими, с иным изображением, скажем, грифона, быка, лошади, барана или оленя — этих излюбленных сюжетов сибирской торевтики. Последнее, может быть, выдвигает перед нами еще одну проблему, — изживание на закате родового строя тотемических образов, сливающихся друг с другом.

Ближайшей аналогией нашим головкам являются деревянные золоченые украшения узды из кургана в урочище Шибэ, на том же Урсуле, раскопанногоМ. П. Грязновым в 1927 г.— соседнего памятника этого типа.[1] Различие можно отметить лишь в несколько иной трактовке ушей, меньшем оскале рта и в наличии стилизованной гривы. Однако все эти черты объясняются скорее иным сюжетом головок, передачей особенностей различных хищников.

С обеих сторон раздавленного черепа найдены золотые проволочные серьги, правая в два звена, левая в одно (табл. XXXII, рис. 4, 9). Подобные серьги со вставленной жемчужиной или с бусинками встречены в позднетагарском большом кургане около с. Тесь Минусинского района, раскопанном Аспелином.[2] Близкие серьги найдены в хуннских могилах Дерестуйского Култука близ Троицкосавска, раскопанных Ю. Д. Талько-Гринцевичем и содержавших вместе с интереснейшими бляхами позднесибирского стиля монеты ву-чу Ханьской династии, впервые выпущенные в 118 г. до н. э.[3] Мы уже встретили подобные серьги в погребениях Алтая, близких Катанде и Шибэ.

На голове и около нее были найдены совершенно разрушенные придавившими череп плитами остатки какого-то головного убора в виде золотых длинных пласти-

---

[1] Грязнов М. П. Раскопки княжеской могилы на Алтае.«Человек», 1928, № 2—4, стр. 218, рис. 2. Аналогичную гривну нашел в 1948 г. С. И. Руденко в новом Пазырыкском кургане.

[2] Tallgren A. M. Trouvailles tombales Sibériennes en 1889. Helsingfors, 1921.

[3] Талько-Гринцевич Ю. Д. Материалы по палеонтологии Забайкалья, Тр. Т.-КОРГО, 1900, т. IV, вып. 3.

нок «канительного» золота и золотой полушарной бляшки. К сожалению, не удалось установить хотя бы приблизительно характер этого убора. Среди пластинок убора и даже на них попадались следы яркокрасной краски, что, повидимому, аналогично наблюденному Грязновым в Шибэ.

Сейчас же за головой, ближе к правой ее стороне, были найдены остатки раздробленной плитой, сильно сгнившей деревянной шкатулки, повидимому, первоначально оклеенной кожаной апликацией. Крышка шкатулки вращалась на железной петле. Внутри шкатулки (т. е. между двумя слоями сохранившихся от нее гнилушек) были найдены золотые вырезные листки, золотые пластинки, подобные входившим в головной убор, бронзовая булавка с распавшейся бубенчиковидной головкой (табл. XXXII, рис. 16) и бронзовое медалеобразное зеркало с ушком, схематически передающим фигуру животного (табл. XXXII, рис. 13). Подобные зеркала характерны на Енисее для позднетагарских курганов Минусинского, Ачинского и Красноярского районов.

На шкатулке с описанными «драгоценностями» стоял каменный четыреугольный корытцеобразный сосуд с четырьмя ножками (табл. XXXII, рис. 3). Внутри него заметны следы действия огня; в заполнявшей его земле найдены все те же развалившиеся пластинки головного убора. Подобные каменные сосудики в большом количестве в виде беспаспортных случайных находок с Алтая хранятся в Горно-Алтайском областном и Бийском музеях, впервые от нашей находки получая некоторую атировку. Формы их различны, встречаются как четыреугольные, так и округлые. В связи с ними вспоминается сразу каменная тарелочка, по форме близкая к греко-римским «блюдцам», найденная в кургане «за поскотиной» близ с. Б. Барандат, около Мариинска, раскопанном Оссовским в 1895 г. Курган этот относится также к позднетагарским.

Однако большинство прямых аналогий нашему сосудику находится среди памятников Нижней Волги и Южного Урала.[1] Найденные там четыреугольные и округлые каменные жертвенники или курильницы датируются временем с V по III в. до н. э. и связываются с находками в курганах покровской и прохоровской стадий. Если первые могут быть приписаны восточноскифскому, савроматскому населению Заволжья, то более поздние, прохоровские, определенно считаются сарматскими. Поскольку к востоку от Алтая, в Минусинской котловине, подобные каменные сосуды находятся весьма редко, находку в Каракольском кургане можно расценивать как еще один штрих в пользу значительной близости между культурой населения Алтая и сарматским миром.

Судя по краткой печатной информации, к Каракольскому весьма близок земляной курган № 8, исследованный в 1939 г. М. П. Грязновым в Яконуре (Усть-Канский аймак Горно-Алтайской области).[2] В его просторной прямоугольной яме

[1] Tallgren A. M. Portable Altars. ESA, XI, стр. 46—68. Сосуд, аналогичный каракольскому, в 1948 г. найден С. И. Руденко и в новом Пазырыкском кургане.

[2] Грязнов М. П. Раскопки на Алтае. Сообщ. Гос. Эрмитажа, вып. 1, Л. 1940, стр. 17.

были погребены двое взрослых и ребенок. Рядом лежали два коня. К сожалению, из-за разграбления не удалось установить первоначальное расположение скелетов и сопровождавших их вещей. Кости и вещи лежали в полном беспорядке. Судя по остаткам, погребение в кургане № 8 отличалось значительным богатством. Здесь находилась китайская лаковая посуда, от которой уцелели обломки красного лака. Одежды или покрывала покойников были расшиты бляшками, обложенными золотыми листками. Уцелело около 60 мелких нашивных украшений в виде квадратиков, кружков и различных фигур, вырезанных из тонких золотых листков. Кроме того, при погребении было найдено три глиняных сосуда, рог марала и два бронзовых зеркала. По форме эти зеркала очень близки к каракольскому, а также к позднетагарским Минусинской котловины. Значительное их число найдено также и в Суйюани.[1] Погребальный ритуал и инвентарь Яконурского кургана № 8 не оставляют сомнения в его принадлежности к интересующей нас группе пазырыкских памятников типа Каракольского кургана.

Большей сложностью погребального сооружения отличается курган, исследованный Саяно-Алтайской экспедицией в 1935 г. около Курая (группа II, курган № 1). Его могильная яма имела по сторонам до 3 м при глубине в 2.8 м. Погребальным помещением служил низкий сруб в один венец лиственничных бревен, покрытый лиственничными плахами. Сруб был двойным. Внешний имел длину с запада на восток 2.8 м и в ширину 2.7 м. Внутри к южной его стенке примыкал меньший сруб, имевший в длину с запада на восток 2.5 и в ширину 1.25 м. Южная стенка была общей для обоих срубов — стенки внутреннего были врублены в нее в лапу.

Во внутреннем срубе в полном беспорядке после ограбления лежали сильно поломанные и истлевшие кости трех человек и среди них обломок железного ножа, один треугольный и девятнадцать бесформенных кусков листового золота. Кроме того, посередине сруба оказался крестец лошади и позвонок барана, а в юго-восточном углу — обломки плоскодонного сосуда красной глины, украшенного налепными валиками с нарезками. Подобные сосуды мы уже отметили как характерные для пазырыкского этапа культуры Алтая. Лошадей было положено три. Две из них оказались во внешнем срубе. Они лежали на правом боку рядом друг с другом, параллельно северной стенке, головой на восток. У обеих в зубах уцелели железные двухсоставные кольчатые удила, а на спине скопление черного гумуса отметило место истлевшего седла или потника. У лошади, лежавшей ближе к южной стенке сруба, седло или потник были украшены двумя круглыми золотыми бляшками. Третья лошадь была положена выше на северной части покрытия сруба, вдоль северной стенки ямы, брюхом вниз, с поджатыми ногами, с приподнятой шеей и обращенной к северу мордой. В зубах у нее были такие же кольчатые двухсоставные железные удила; на лбу — золотые бесформенные листки, повидимому от уздечки или налобного украшения; на середине спины — округлая костяная бляха

[1] Salmony A. Sino-Siberian Art. Pl. XLI.

с боковым выступом и крючком, формы, близкой к ременным пряжкам без замка, характерным для пазырыкских погребений Алтая.

Рассмотренный курган представляет интереснейший памятник. Планировка его погребального сруба совпадает с планировкой двойных деревянных склепов Ноин-Улы, поставленных таким образом, что внутренний сруб примыкает к одной из стенок внешнего. Эта деталь у алтайского кургана не может быть случайной, так как курайский внутренний сруб не просто придвинут к южной стенке внешнего, но нарочито в нее врублен. Очевидно, сходство в погребальной обрядовости между хуннскими и алтайскими курганами не ограничивается приведенными выше случаями и находит свое отражение не только в самых больших, но и в более скромных погребениях.

Два других кургана средней группы исследованы на р. Урсуле — один в 1935 г. около с. Туяхта, другой в 1937 г. в долине р. Куроты. По размерам каменных насыпей они мало отличаются от только что описанных,[1] но зато по устройству погребального сооружения они стоят ближе к большим курганам типа Шибэ и Берели.

Как пример этого вида приведем результаты исследования кургана на р.Куроте.

После удаления насыпи куротинского кургана, под центральной ее частью, открылась четыреугольная яма, имевшая по верху в длину с северо-северо-востока на юго-юго-запад 6.8 м, в ширину по южной стенке 5.4 м и по северной 4.35 м. Яма сверху и до глубины 2.7 м заполнена камнем. Ее стенки были покрыты мощным слоем тонкоотмученной глины — грязи, затекавшей в могильную яму за время ее длительного открытого состояния. Очевидно, яма была вырыта задолго до похорон. На глубине 2.9 м вдоль южной, западной и северной стенок открылась кладка из камней толщиной от стенки внутрь ямы до 0.5—0.6 м (табл. XXXI, рис. 13). На верхних камнях южной и северной стенки оказались концы бревен провалившегося наката. Дальнейшая их расчистка показала, что, кроме стенок, они опирались на 3 поперечные балки, поддерживавшиеся столбами, установленными вдоль восточной и западной могилы (пара посредине стенок и по паре в углах у каменных кладок).

Расчистка провалившегося наката обнаружила также, что глинистый натек перекрывает весь накат. Отсюда следует, что яма оставалась не засыпанной после того, как накат уже был в ней установлен.

Как только было приступлено к удалению наката, в юго-западном углу ямы обнаружилась уходящая вниз конусом осыпь темной гумусной земли. Из нее были извлечены: плечевая кость человека, обрывки золотых листков и куски обгорелой бересты.

Исследование стенок могильной ямы в этом месте обнаружило округлое (до 0.5 м диаметром) отверстие хода, уходившего горизонтально к западу в западную

---

[1] Их размеры: Курота I, курган № 1 — диаметр до 20 м, высота 1 м; Туяхта 1935 г., курган № 7 — диаметр до 20 м, высота 1.4 м.

стенку. При выходе отверстия в могилу как раз на уровне наката оно сверху было подкреплено лиственничной переводинкой.

Дальнейшее исследование показало, что в полутора метрах от края могилы ход этот переходил в наклонное, а потом в вертикальное положение и выходил на поверхность грунта, как раз под тем местом в насыпи кургана, где было заметно некоторое нарушение первоначального положения камней.

Под бревнами наката заполнение могилы, исключая конусообразную осыпь, состояло из суглинка с крупнозернистым песком и мелким гравием сходного с грунтом состава.

По удалении этой породы на дне ямы, на глубине 4.9 м от горизонта, оказался низкий срубик в один венец, настолько сильно спрессованный тяжестью обвалившейся на него земли, что выяснить первоначальную высоту его было невозможно. Длина его с севера на юг была 4 м, ширина 2.6 м. Покрыт он был 11 тонкими плашками, положенными продольно. Плашки оказались прижатыми непосредственно к полу, выстланному корой лиственницы, с которой они составили одну, с трудом расслаиваемую массу. При расчистке сруба в его западной части попадались в беспорядочном состоянии обломки сильно истлевших костей человека. На некоторых обломках заметны следы окиси меди. Кроме того, по всему полу были собраны обрывки тонких золотых листков и обломки железных, сильно оржавевших предметов с остатками золотой обкладки. У середины западной стенки сруба была найдена железная пуговица, обложенная золотым листком. Кроме этих находок, следует упомянуть, что в южной части осыпи грабительского хода, покрывавшей юго-западный угол сруба, найдены куски прошитого войлока с кусочками ткани, обрывки золотых листков и куски обгорелой лучины и бересты. Последние, как мы видели, находились и выше, в самом грабительском ходу, и, несомненно, служили для освещения при работе грабителей. Нижний сруб стоял таким образом, что между ним и восточной стенкой ямы оставалось свободное пространство в 0.6 м шириной, использованное для лошадей. Они были положены между столбом, поддерживавшим перевод наката, стоявшим в северо-западном углу, и таким же столбом у середины восточной стенки. Пространство между этими столбами равнялось 2.3 м. Здесь лежали один на другом костяки двух лошадей. Каждая лошадь была расчленена на две половины и сложена так, что морда приходилась на хвост.

На ребрах верхней лошади сохранились остатки седла и его украшений в виде обрывков кожи и кусочков дерева со следами красной краски и большое количество золотых листочков, вырезанных различными фигурками: кружками, запятыми, гребешками, треугольниками, а также значительное количество обрывков, утративших первоначальную форму.

На крестце и вокруг него у верхней лошади были обнаружены 25 цилиндрических обкладок из золотых листков свернутых в трубочки, — повидимому, это остатки украшения потфейного ремня.

Остатки узды лошади были найдены между средним столбом восточной стенки и столбом юго-восточного угла, отстоявшим от первого на расстоянии 0.95 м. Благодаря небольшому обвалу земли узда была скрыта от глаз грабителей, и остатки ее сохранились нетронутыми. К сожалению, разрушение дерева и обвал не сохранили нам украшений узды в целом виде. Узду составляли железные двухсоставные кольчатые удила, три розетки, состоявшие из деревянной истлевшей основы и золотых обкладок и нескольких деревянных же резных блях с изображением звериных морд. Сохранившиеся от этих звериных блях золотые обкладки лежали одной массой и не могли быть взяты каждая отдельно, так как листки их перепутал обвал. Лишь одна лежала более обособленно. Часть ее сохранила первоначальный рельеф. Она ясно изображает верхнюю половину морды хищника с крупным овальным глазом.

В заключение описания кургана укажу, что по своей конструкции он представляет своеобразный вариант, нечто среднее между Пазырыком и Караколом (1934 г.). С первым его сближает конструкция верхнего наката, покоящегося на трех парах столбов, со вторым — низкий сруб и положение лошадей друг на друге. Совершенно оригинально расчленение лошадей, а также сооружение вдоль западной, северной и южной стенок могилы высоких кладок из камня (повидимому, вместо того заполнения камнями пространства между внешним и внутренним срубами, которое было обнаружено в Пазырыке). Наконец, следует обратить внимание на необычные ориентировки. У большинства известных нам цепочек курганов пазырыкского времени направление с севера на юг, здесь — с запада на восток. У всех курганов пазырыкского типа с лошадьми лошади лежат в северной части могильной ямы, здесь — в восточной. Сруб обычно ориентирован по длине с запада на восток, здесь — с севера на юг. Кажется, что в Куроте I это вызвано тем, что строители курганов исходили не из ориентировки по странам света, а по направлению горной цепи. Поскольку здесь горная цепь шла вдоль р. Куроты, текущей с севера на юг, а не с запада на восток, как Урсул, привычное расположение курганных цепей долины р. Урсула перпендикулярно оси долины, будучи применено здесь, дало совершенно иную ориентировку направлению цепочки курганов и всем деталям конструкции погребальной ямы.

Курган № 7 около с. Туяхта также скрывал под своей каменной насыпью обширную и глубокую погребальную яму (длина ее с северо-запада на юго-восток 4.1 м, ширина 3 м и глубина 5.2 м). В нижней части стенки ямы на высоту 1.8 м, как и в Куроте, были обложены каменной кладкой. На верхний край ее здесь также опирался потолок из лиственничных бревен. На дне ямы, занимая ее южную половину, стоял низкий сруб, рубленный в лапу, в один венец, из лиственничных плах. В срубе имелся деревянный пол. Вероятно, было и покрытие, но оно не уцелело, разрушенное грабителями, проникшими в Туяхтинский курган еще в то время, когда верхний накат был цел и под ним было просторное помещение. Сруб Туяхтинского кургана оказался ограбленным особенно основательно. Сильно

разрушившиеся обломки костей человека встречались только в грабительском ходе. В срубе же были найдены лишь несколько кусочков истлевшего дерева со следами окиси меди и бесформенные измятые мелкие листочки золота. Вместе с ними лежал обрывок тонкой кожи со следами окиси меди и с узелком нити из скрученных сухожилий,— повидимому, кусок одежды.

Так же как и в других курганах, в Туяхтинском в северо-восточной части ямы лежали три лошади, но не рядом друг с другом, а одна за другой в длинный ряд. Около головы каждой находились железные кольчатые двухсоставные удила, такие же, как и в Курайском и Каракольском курганах. Кроме того, у черепа и на лбу передней (восточной) лошади оказались бесформенные тонкие листочки золота, некогда украшавшего узду. На листках сохранились следы красной краски. Замечено, что одна сторона листков окрашена особенно интенсивно. Возможно, что краска служила одновременно и клеем, которым листки приклеивались к ремням.

Совершенно исключительный интерес представляет еще один курган пазырыкской стадии, исследованный в 1939 г. М. П. Грязновым под № 5 в Яконурской степи (Усть-Канский аймак Горно-Алтайской области).[1]

От большинства горно-алтайских курганов Яконурский отличается существенными особенностями. Прежде всего, его обширная насыпь (диаметр до 25 м) сделана из земли, а не из камня. Необычно и внутреннее строение. Так, его могильная яма на поверхности почвы имеет специальное ограждение из бревен, срубленных в два венца. Сама яма, имевшая необычный овальный план, при похоронах была засыпана землей до краев. Над ямой, в пределах ограждения, была сделана выкладка из нескольких рядов камня. После расчистки выяснилось, что в западной стенке могильной ямы была вырублена катакомба, где и находился саркофаг в виде большой колоды, заключавшей останки старой женщины. Несмотря на ограбление, удалось установить, что старуха была положена на спину, головой на север, в вытянутом положении. Ее голову украшал убор, орнаментированный золотыми пластинками в виде сложных «вихревых» спиралей. Ажурные прорези этих украшений близки к полихромным вставкам апликаций ноин-улинских войлочных ковров, к некоторым нефритовым пластинкам ханьского Китая, а также к описываемой ниже ажурной пластинке из Уйбатского чаатаса (Хакассия). Наличие аналогичного орнамента на найденном здесь же роговом гребне говорит о специальном подборе украшений по орнаменту. К сожалению, грабители лишили возможности подробнее изучить костюм и убранство покойницы. Кроме украшений головного убора, уцелели лишь отдельные золотые накладки на крупные гранчатые бусы, деревянная пуговка да железный нож с рукояткой, составляющей одно целое с клинком.

---

[1] Грязнов М. П. Раскопки на Алтае. Сообщ. Гос. Эрмитажа, вып. 1, Л., 1940, стр. 17 и 18.

Отсутствие в могиле коней, положение покойника головой на север, катакомбное устройство могилы, каменная выкладка над ней и земляная курганная насыпь — все это резко отличает Яконурский курган № 5 от всех остальных курганов Алтая пазырыкского времени. Вполне справедливы поэтому догадки М. П. Грязнова. В своем отчете он пишет: «Так как здесь погребена женщина какой-то знатной семьи, то не могла ли она быть женой богатого кочевника, взятой из далекого чужеземного племени и погребенной хотя на фамильном кладбище мужа, но по обычаям своего племени». Исследователь не решился определить это «далекое племя». Этому, действительно, препятствует единичность находки, фрагментарность ее материалов и малая изученность погребальных обрядов той же эпохи в соседних областях. И сейчас еще нет точных данных для выяснения этого случая. Можно лишь отметить, что ближайшим районом, где известны в Азии катакомбные погребения, является Семиречье. Там в 1898 г. Г. Гейкель [1] между ущельями Бешташ и Калба и в 1938—1939 гг. А. Н. Бернштам в устье р. Кенкол [2] исследовали земляные курганы, скрывавшие под своей насыпью каменные выклады и катакомбы с глубоким наклонным входом. Появление в Киргизии этого нового вида погребений, резко отличного от местных усуньских курганов III—I вв. до н. э.,[3] А. Н. Бернштам связывает с проникновением в Семиречье с востока в I в. до н. э. хунну. Близость населения Алтая к восточным хунну ярко выступает по материалам курганов Шибэ, Катанды и Каракола. Вполне возможно, что эта издавна установившаяся традиция только способствовала установлению связей между племенной знатью Алтая и новым хуннским центром на западе, тем более, что западные хунну в эпоху около начала н. э. играли столь активную роль в истории Средней Азии и Восточного Туркестана, а также сопредельных с ними областей на юге и севере.

Мы рассмотрели большую серию алтайских курганов пазырыкского периода. Изучение их позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, определяются две группы памятников — степная и горно-алтайская. Курганы степной группы, очевидно, принадлежали более оседлому населению, но и в горах кочевнический уклад не был особенно силен. Наличие искусно срубленных погребальных камер говорит о знакомстве с конструкцией деревянного дома. Очевидно, не только кибитка, но и постоянное деревянное жилище, может быть в виде рубленой юрты, было достаточно распространенным. Вполне возможно, что это определялось самим характером горно-алтайского скотоводства, связанного с сезонными передвижениями на очень ограниченном пространстве — из долины на соседние горные пастбища и обратно. И там и здесь могли ставиться постоянные рубленые жилища.

---

[1] Heikel H. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. Traveaux Ethnographiques, VII, Helsinki, 1918.

[2] Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940.

[3] Воеводский М. В. и Грязнов М. П. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3.

Обе группы памятников — и степные и горных районов — согласно свидетельствуют о значительном изменении общественного устройства племен Алтая в пазырыкское время. Ясно выступает сильнейшая дифференциация внутри племени. Несмотря на наличие золотых украшений, рядовые могилы типа Куроты все же резко отличаются от огромных курганных погребений Шибэ, Берели и Катанды с их необычайно пышным ритуалом. Очевидно, оформлялся новый слой богатой и сильной аристократии, которой еще предстояла выдающаяся роль на следующем этапе истории Алтая. Но вместе с тем многочисленные переходные типы могил и курганов, то более близкие к большим, то, наоборот, более сходные с рядовыми погребениями, говорят о том, что высший общественный слой еще только формировался, что процесс социального разграничения еще только развертывался. Количественное различие в имуществе было уже велико, однако и широкие массы населения пока еще обладали значительными богатствами. На это указывает, прежде всего, наличие во всех рядовых погребениях золотых украшений. Пазырыкское время на Алтае представляется каким-то золотым веком, когда золото было доступно, в различных, правда, количествах, всем группам населения. Племена Алтая в это время могли бы послужить сюжетом для новой легенды о грифах, стерегущих золото. Истоки легенды относятся к еще более раннему периоду, когда не Алтай, а Северный Казахстан переживал свой «золотой век» наивысшего подъема разработки золота в районе современных приисков. Возникает вопрос о причинах такой насыщенности золотом быта алтайских племен в последние три века до н. э. В хозяйстве в то время незаметно каких-либо коренных изменений. Попрежнему скотоводство и мотыжное земледелие, в разных районах, в различных соотношениях друг с другом, составляли основное содержание хозяйственной деятельности. Можно отметить лишь окончательное распространение железа, но и оно к концу предшествующего майэмирского этапа уже применялось на Алтае достаточно широко. Очевидно, не в чисто хозяйственной сфере нужно искать причин концентрации золота в пазырыкское время. Ее могли создавать успешные военные набеги алтайцев, нападающих из своих горных гнезд на ближайших соседей — искателей золота на Калбинском хребте на юго-западе, в Северном Казахстане на западе, на богатых приисках Кузнецкого Алатау на северо-востоке и в бассейне верхнего Абакана и Енисея на востоке. Однако не только военная удача способствовала концентрации золота, но и наличие его больших запасов на местах добычи. Такое «затоваривание» золота вполне объяснимо. «Алтайское» золото (т. е. золото Казахстана, Алтая, Алатау и западных Саян) издавна в больших количествах вывозилось на юго-запад, где ахеменидская Бактрия была посредником в торговле им с Ираном и скифо-сакскими племенами.[1] Этой древней традиционной торговле был нанесен сокрушительный удар завоеванием Средней Азии Александром Македонским, вступившим, как известно, в конфликт с племенами степей

[1] Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства, Л., 1940, стр. 9—10.

востока. Приток золота прекратился. Золото севера оставалось в районах добычи. Это ненормальное положение в III—II вв. до н. э. было продолжено благодаря происходившим на юге перемещениям племен (выдвижение массагетов — юэчжи, западное проникновение хунну). Юг стал испытывать нужду в золоте. Бактрия стала ввозить золото из далекого Китая, что было, очевидно, и дорого и не могло покрыть потребностей.[1] Золотой голод усилился настолько, что Евтидем I (225—189 гг.) вынужден был предпринять специальный поход в Сибирь за золотом.[2] Евтидем еще в начале своей карьеры имел связи с кочевниками, угрожая союзом с ними Антиоху III.[3] Эти связи, очевидно, позволили ему надеяться на успешное осуществление грандиозного плана сибирского похода. Как известно, Евтидем I по «старой золотой дороге» прошел из Ферганы к Иссык-Кулю, но дальше на север не пошел. Он повернул в долину Тарима, не выполнив намеченной задачи. Разрыв торговых связей не был ликвидирован.[4] Дальнейшие события в Бактрии, ориентировка ее политики главным образом на юг,[5] не содействовали установлению регулярных связей с севером и тем самым не способствовали ликвидации «затоваривания золота» на Алтае. Именно это отражают рассмотренные памятники пазырыкского времени. Их богатство, драгоценности, ставшие тогда доступными даже самым рядовым обитателям Алтая, являются особенно ярким выражением оседания сибирского золота в местах добычи в результате нарушения сбыта его на юг.

Кризис озолотил население Алтая, однако он не смог задержать его разделения на различные общественные группы. Вполне возможно, что кризис даже способствовал ускорению этого разделения, содействуя скорейшему сосредоточению главных масс ценностей в руках ограниченных кругов знати алтайских племен.

В росте имущественных различий и в усилении местной племенной аристократии играло также большую роль хуннское воздействие на Алтай. О его силе можно судить по проникновению его в самые глубины алтайской культуры. Мы видели, например, что произведения алтайского искусства конца I тысячелетия до н. э. отличались яркими чертами близости к искусству хуннов. Даже в деталях погребального ритуала можно было видеть отражение хуннских традиций. Очевидно, алтайские племена очень близко соприкасались с хуннами. В отдельные века они даже подчинялись им. Возможно, что знатный старик из кургана Шибэ — явный выходец с хуннского востока — был в конце I в. до н. э. представителем хуннской

---

[1] Kingsmill W. The intercourse of China with Eastern Turkestan and the countries in the second century b. c. Journal of the Roval Asiatic Society, New Series, vol. XIV, 1882, p. 94; Wylie A. Notes of the Western Regions. Journal of the Anthropological Institute, vol. X. 1881, стр. 46.

[2] Tarn W. Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938, стр. 109 и сл.

[3] Полибий кн. XI, гл. 34, 5.

[4] Tarn W. Greeks in Bactria and India. Cambridge. 1938, стр. 110—112.

[5] Ср. «индийскую» политику Деметрия I (189—167) и Евкратида (169—159).

«администрации», которой должны были подчиняться предводители местных племен.

Тесные связи с хуннским союзом способствовали усложнению внутренней жизни алтайских племен. Зависимость от него предполагала какие-то даннические отношения Алтая к хуннам. Одно это могло упрочить идею политического неравенства, оправдывая растущее исключительное значение знати. Вместе с тем знатные стремились всячески подражать хунну в обычаях, привычках и потребностях. Этим новая бытовая обстановка знатного алтайца сильно усложнялась и все более отличала его от остальной массы соплеменников. Так с разных сторон, и с внутренней и с внешней, действовали на Алтае в изучаемую эпоху силы, способствовавшие усилению общественного расслоения и значения племенной знати.

В рассматриваемое время это не было исключением для Алтая. Наоборот, он являлся звеном в общей цепи аналогичных явлений, характерных и для других областей. Мы еще познакомимся с близкой картиной общественных сдвигов на среднем Енисее. Но и на западе Сибири в какой-то мере можно заметить много общего с описанным. Об этом особенно ясно говорят результаты раскопок усть-тартасских курганов в Каинском округе.

По ритуалу они отличаются от алтайских. В них совершенно нет конских погребений. Но по типам вещей они очень близки к позднемайэмирским и пазырыкским памятникам Алтая, хотя детали и здесь подчеркивают местные особенности. Очевидно, тут отражается иное историческое положение, иная обстановка и связи. Однако по внутреннему устройству племена, оставившие курганы в Барабинской степи, очевидно, во многом приближались к алтайским. Здесь также, правда, в меньшей степени, проявился процесс сложения племенной знати. Об этом свидетельствуют, прежде всего, различия погребальных сооружений. На общем фоне небольших курганов резко выделяются большие, с насыпью диаметром в 35 м и высотой до 3 м. Два таких кургана были раскопаны на курганном поле около Усть-Тартаса. Они скрывали в себе богатые погребения, сохранившие, несмотря на разграбления, изделия из серебра и золота и вещи, украшенные изображениями зверей. Исключительные размеры этих курганов и относительно большее богатство их инвентаря несомненно свидетельствуют о внутриплеменной дифференциации в имущественном и общественном отношении.

Малая изученность более западных восточно-зауральских областей не позволяет делать каких-либо выводов. Можно только отметить, что рядовые курганы близ Тюмени (с. Мыс), Ялуторовска (с. Томилово) и Кургана (с. Вагина), а также близ Челябинска (ок. с. Синеглазово, Смолино и Исаково), Кустаная, оз. Койран-Куль и Троицка (пос. Шахматовский) обнаруживают сильнейшее сходство с сарматскими памятниками Поволжья и Южного Приуралья.[1] Это позволяет предпо-

[1] Дмитриев П. А. Мысовские стоянки и курганы. Труды Ин-та арх. и искусствознан. РАНИОН, вып. IV стр. 187—190.

лагать, что и в этой части Западной Сибири развивалась внутриплеменная дифференциация, ярким показателем которой являются сарматские памятники в Чкаловской области. Богатые курганы близ Прохоровки могут быть сопоставлены с большими курганами Усть-Тартаса и Алтая. Все они отражают один процесс — сложения богатой и могущественной племенной знати. В причерноморских степях и на Северном Кавказе этот процесс получил развитие еще в скифское время. Восточнее он прослеживается несколько позднее и в Приуралье связан с сарматским движением. Сходство общественных изменений объясняет, очевидно, аналогии и в материальной культуре и в произведениях искусства. Мы уже отмечали, что в искусстве алтайских племен в пазырыкское время, наряду с чертами сходства с восточными хуннскими художественными произведениями, немало родственного с сарматскими и позднескифскими, и это не случайно, так как и на востоке и на западе новая культура корнями своими уходит в полную поразительных аналогий скифо-сибирскую древность.

Обратимся теперь к особенно выдающемуся памятнику пазырыкского времени на Алтае — к первому кургану Пазырык. Он замечателен, прежде всего, именно тем, что в нем с особой выразительностью выявляются признаки тесной связи изучаемой эпохи с предшествующей скифской и вместе с тем прослеживаются все основные пути сложения новых форм.

3. ПАЗЫРЫК

Пазырыкский курган расположен среди других больших каменных насыпей, вытянутых цепочкой на покатой возвышенности в 2 км от аймачного селения Улаган Горно-Алтайской области. Улаганский аймак, самый юго-восточный на Алтае, расположенный в стороне от главных путей, до недавнего времени отличался большой самобытностью культуры, не затронутой сторонними влияниями. Всзможно, что в древние времена эта часть горного Алтая, лежащая на границе Монголии и Тувы, отличалась большой изолированностью. И несмотря на это, находки в Пазырыкском кургане дают ярчайшие примеры связей культуры местного населения не только с хуннским и скифо-сарматским миром, но и с более удаленными центрами древневосточной цивилизации.

По своей конструкции и внешнему виду Пазырыкский курган принадлежит к группе описанных выше больших каменных курганов Алтая — Шибэ и Берели. Так же, как и они, он насыпан из одних только обломков камней. Аналогичны и его размеры — диаметр около 50 м и высота более 2 м. В центральной части под каменной насыпью была открыта квадратная яма, ориентированная сторонами по странам света. По площади она превышала шибинскую (7.2 × 7.2 м), но значительно уступала ей в глубине (всего только 4 м). Погребальная камера и здесь занимала не всю яму. Северная часть была свободной и также служила местом захоронения

лошадей. Как и в Шибэ, склеп состоял из двух срубов. Внешний был рублен из лиственничных бревен. Стенки внутреннего сруба и пол были сделаны из толстых досок, отесанных топором. В этом отношении пазырыкский склеп близок не столько к Шибэ, сколько к усыпальницам хуннских шаньюев в Ноин-Уле, где с постоянством проведено такое же различие в материале внешних и внутренних срубов. Это далеко не единственная черта, сближающая Пазырыкский курган с Ноин-Улинским. Стены его камеры, как и в Монголии, были задрапированы тканями и войлоками. Даже покрытие потолка мелкими растениями имелось в Пазырыке, как и в Ноин-Уле.[1] Своеобразной чертой Пазырыкского кургана является заполнение «коридоров» между стенками внутреннего и внешнего срубов мелким камнем. Это характерная особенность алтайских больших курганов. В Шибэ, например, камнем было забутовано все пространство между западной, восточной и южной стенками ямы и стенками внешнего сруба. Полную аналогию Шибэ представляет конструкция перекрытий пазырыкского склепа. Здесь также у северной и южной стенок ямы стояло по три массивных столба с желобчатым вырубом сверху. В эти вырубы были вложены три горизонтальные массивные балки, протянутые поперек камеры. На них опирался, не сдавливая срубов склепа, многослойный накатник из 300 лиственничных бревен, заполнявший погребальную яму на значительную высоту.

Аналогию Шибэ представляет и пазырыкский саркофаг — массивная лиственничная колода, прикрытая долбленой крышкой. В саркофаге имеются специальные отверстия для палок, на которых его переносили. Судя по остаткам, крышка и колода саркофага были богато украшены. Снаружи они были оклеены весенней корой молодых побегов березы и орнаментированы вырезанными из кожи посеребренными фигурами птиц (табл. XXXIV, рис. 1, 2). Соединенные в геральдические пары, эти птицы вызывают большой интерес. Они представляют собой вычурно пышную, пестрящую сложными прорезями, стремящуюся к спиральности местную алтайскую переработку китайского «феникса» фын-хуан. Его вполне сложившееся, ставшее уже традиционным изображение можно видеть на рельефах ханьского времени.[2] Уже там он отличается характерным хохолком с несколькими ответвлениями. Этот хохолок стал еще сложнее на пазырыкских украшениях. Возможно, что стремление соединить в одном изображении черты нескольких животных, столь характерное для ордосо-сибирского и сарматского искусства, нашло свое отражение и здесь — хохолок феникса превратился на Алтае в ветвистые рога оленя.

---

[1] В Пазырыке потолок камеры был покрыт стеблями курильского чая (Potentilla fruticosa L.). На потолке Ноин-Улинского кургана № 6 были насыпаны листья брусники и шишки лиственницы и сосны.

[2] Ashton L. and Gray B. Chinese Art, pl. 17. Фын-хуан — редкий вид фазана (Rei, nardius ocellatus), отличался, судя по внешнему описанию, головкой, похожей на петушиную, и шеей, тонкой и изогнутой, как у змеи.



Вещи, найденные в первом кургане Пазырык на Алтае.

Пазырыкские изображения китайского феникса интересны и в другом отношении. Ими отмечен один из этапов проникновения на Алтай восточного мотива. Это проникновение нашло свое завершение в соединении с греко-восточным искусством, ярко продемонстрированном китайскими фениксами в орнаменте замечательной золотой чаши из Бактрии. На ее изящнейших рельефах соединены черты иранского, эллинистического и китайского искусства. По мнению К. В. Тревер, наличие китайских фениксов позволяет относить изготовление этой чаши ко второй половине II в. до н. э., когда установился «шелковый путь» и когда китайские путешественники и послы начали ездить в Бактрию и Согдиану.[1]

Как уже сказано, погребальная камера Пазырыкского кургана была начисто ограблена. Среди заполнившего ее мусора удалось найти лишь остатки богатого убранства и обстановки некогда пышных похорон. Вероятно, от деревянного столика, подобного кенкольским [2] и ноин-улинским,[3] сохранилась деревянная ножка, оклеенная черемуховой корой и позолоченная. О большом количестве золота только напоминают обрывки золотых листьев, когда-то покрывавших украшения, вырезанные из дерева и кожи. Из них уцелело лишь несколько кожаных, покрытых позолотой головок горного козла, обычных для звериного стиля Алтая. На многочисленных бронзовых гвоздях, вбитых в стены склепа, очевидно, были развешаны различные вещи. Сохранились лишь остатки войлока, драпировавшего деревянные стены. Войлок был черным, с широкой белой каймой. По ее краю шли фестоны из синего, желтого и яркокрасного войлока. Посредине каймы, на белом фоне, были нашиты вырезанные из войлока синие и красные профильные изображения головы тигра. Они весьма близки к деревянным резным головкам хищника, найденным в Шибэ, и особенно к попавшим с Алтая в коллекцию Погодина, хранящуюся в Гос. Историческом музее.[4] Что касается окраски войлочных апликаций, то нельзя не отметить их полного сходства с расцветкой хуннских войлочных ковров из первого и шестого курганов Ноин-Улы.[5]

Среди мусора, упавшего в погребальную камеру из грабительского хода, лежала деревянная рукоятка кельта. Она сломалась в месте насада и поэтому была брошена. Кто знает, может быть, эта поломка и была той счастливой случайностью, благодаря которой уцелела северная половина могилы. Грабители, очевидно, знали, что там, за двойными стенами склепа, находятся ценные вещи. Поэтому они широко прорубили северную стену внутреннего сруба. Однако что-то помешало им проделать такой же проем во внешней стене. Они только начали, успев прорубить лишь маленькое отверстие. По словам М. П. Грязнова, в это отверстие

---

[1] Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. Л., 1940, стр. 102.

[2] Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940, табл. XVIII, XIX.

[3] Trever C. Excavations in Northern Mongolia, pl. 27.

[4] Zacharov A. Bone and Wood Work from the Altai, Ant. J., 1926.

[5] Тревер К. В. Восстановление первоначальных красок ковра из Ноин-Ула. М.—Л., 1937.

«нельзя было просунуть голову, ничего нельзя было увидеть, а, просунув руку, можно было только нащупать бревна, придавившие лошадей».[1] Прекращение грабительских работ сохранило северную часть могилы. Здесь в разных положениях, так, как они были сброшены сверху, лежали 10 золотисто-рыжих и гнедых жеребцов. Все они были убиты одинаково — ударом острого клевца в лоб. Этот прием применялся еще в майэмирское время (курганы у с. Туяхта).

Мерзлота, образовавшаяся под Пазырыкским курганом, сохранила целиком конские трупы. Это позволило проф. В. О. Витту исследовать их с редкой всесторонностью. Они совершенно не похожи на современных степных лошадей, так называемых «монголок». Их отличает высокий рост, стройность, сухопарость и крепкое сложение. Пазырыкские жеребцы ближе всего к знаменитым ахалтекинским «туркменам». В связи с этим следует вспомнить, как высоко ценились среднеазиатские скакуны на востоке. Шань-ма — добрые кони Давани (Фергана) — были особенно ценными в Китае, где считалось, что эти «потокровные» скакуны происходят от породы «небесных лошадей». В Китае около 105 г. стало известно, что в Давани, в городе Эрши, имеются особо ценные кони. Туда был отправлен посол с большим количеством серебра и золотой статуей лошади. Посол имел специальное задание «получить от даваньского владетеля аргамаков, содержимых в городе Эрши».[2] Когда же даваньцы отказались дать эршикских лошадей, император начал знаменитый Западный поход 104 года, закончившийся проникновением китайских войск в Фергану. Конечно, эршикские аргамаки были только предлогом для отдаленнейшего похода китайской армии, однако и эта роль их достаточно показательна. Характерно, что во время переговоров о мире даваньцы также использовали аргамаков Эрши в качестве веского аргумента. Они угрожали перебить аргамаков, если их условия мира не будут приняты китайской стороной. О ценности эршикских аргамаков можно судить и по тому, как мало их получили победители Давани. Китайцы взяли всего «несколько десятков аргамаков» и наряду с ними «3000 жеребцов и кобылиц среднего и низшего разбора».[3]

Знатный человек, погребенный в Пазырыкском кургане, не сразу смог приобрести десять своих скакунов. Все они имеют знаки собственности. На их ушах сделаны надрезы. У одного коня имеется один надрез на левом ухе и два на правом, у другого три надреза на левом и два на правом и т. д. Ни у одного коня нет надрезов, целиком совпадающих с надрезами другого. Очевидно, первоначально все 10 жеребцов принадлежали различным владельцам и лишь со временем перешли к тому, с кем разделили место в Пазырыкском кургане. Способы приобретения могли быть различными — покупка, подарок или военный захват. Вместе с тем важен самый факт широкого распространения знаков собственности на коня. Очевидно, недаром еще среди тагарских древностей оказались бронзовые клейма для

[1] Грязнов М. П., Пазырыкский курган. Л., 1937, стр. 11.
[2] Иакинф. Собрание сведений..., ч. III, стр. 22.
[3] Там же, стр. 28. Ср. Советская этнография, 1948, № 4, стр. 155—167.

горячего тавренья лошадей. Собственность на скот, сначала родовая, а в Пазырыке, несомненно, уже личная не могла не сыграть крупной роли в развитии общественных отношений у алтайских племен. Новая собственность становилась основанием богатства и могущества молодой племенной аристократии, столь ярко проявлявшей исключительность своего положения в пышном ритуале и роскоши быта. Находка в Пазырыкском кургане среднеазиатских коней представляет исключительный интерес еще и потому, что отмечает весьма ранние связи с юго-западом, с ближайшими центрами эллинистической культуры. Эти связи для Алтая, очевидно, установились несколько раньше, чем для Центральной Азии, познакомившейся с греко-восточной цивилизацией только во II в. до н. э.

Кровные скакуны из Пазырыкского кургана представляли большую ценность. Поэтому их содержание отличалось от практиковавшегося для лошадей местных низкорослых пород. Исследование желудков лошадей показало, что они получали в качестве корма отборное зерно, т. е., иначе говоря, находились на стойловом режиме. Эта черта еще раз подчеркивает неизбежность связи кочевничества с земледельческой оседлостью. Даже в таких удаленных районах, каким является Улаганский аймак, очевидно, издавна имелись продукты земледелия. Получать их горные кочевники-коневоды могли из степи, а может быть, и у соседних племен (земледелие в настоящее время с успехом развивается в низовьях Башкауса и Чулышмана).

На груду пазырыкских коней были сброшены 10 комплектов верховой сбруи — уздечки и седла. Уздечные ремни богато украшены резными из дерева, обложенными золотом фигурными бляхами. Из дерева же вырезаны также позолоченные псалии. Удила девяти комплектов — железные, кольчатые, вполне аналогичные курайским, шибинским и каракольским. Десятый экземпляр отличается архаизмом— удила отлиты из бронзы. Бронзовые удила ближайшим образом напоминают такие же кольчатые удила, найденные в позднемайэмирском погребении близ с. Туяхты и в курганах Арагола, где они лежали вместе с позднетагарскими миниатюрами. Уже это несколько архаизирует конскую сбрую Пазырыкского кургана. То же самое подчеркивается и характером уздечных украшений.

Рассмотрим прежде всего уздечный набор с бронзовыми удилами (табл. XXXIII, рис. 8). Первоначально уздечку составляли ремни — наносный, соответствующий ему подбородочный, нащечные, налобный и подшейный. Эта система ремней может быть прослежена и на других уздечках. Ремни здесь сплошь покрыты деревянными резными украшениями — подвесками. Подвески имеют в верхней части деревянное трубкообразное утолщение, сквозь которое и продет ремень. Трубки плотно примыкали одна к другой. Сохранившиеся подвески нащечных ремней украшены двумя видами чередующихся изображений. Первое — голова аргали (каменного барана) в пасти фантастического рогатого хищника.[1] Этот мотив изве-

[1] Грязнов М. П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае, «Природа», 1929, № 11, стр. 977—978, рис. 4, *г*.

стен и на металлических бляхах. Напомним хотя бы верхнеудинскую, на которой голова каменного барана изображена в пасти грифа (табл. XXXIV, рис. 4). В Минусинском музее хранится бляшка, изображающая одну только голову барана и терзающего ее хищника. По своим особенностям обе эти бляхи принадлежат к хуннской серии памятников. Однако тот же мотив встречается и среди позднескифских украшений. Особенно близки к пазырыкским золотые пластинчатые бляшки от уздечки из Чмыревой могилы (второй половины III в. до н. э.).[1] Здесь также правую часть бляшки занимает верхняя половина морды рогатого хищника. Его сходство с пазырыкским подчеркнуто аналогично закрученными в спираль ноздрями. Рубчатое строение поверхности рога на чмыревых бляхах заменено чешуйчатым. Закончен же рог не спиралью, как в Пазырыке, а головкой птицы. Чмыревы бляхи вообще отмечаются большей орнаментальной стилизацией. Их хищник уже не держит в своей пасти реалистически изображенную голову жертвы. О ней напоминают лишь стилизованные рога оленя, помещенные в верхней левой части, как раз на том месте, где на пазырыкской подвеске прекрасно оформлены рога барана.

Другая серия подвесок вырезана в виде опускающейся вниз пышной пальметы. Однако внимательное ее рассмотрение обнаруживает не растительное, но животное ее происхождение. Она представляет собой застилизованное изображение en face рогов оленя. Ближайшей параллелью этим изображениям могут служить также превращенные в пальметтообразный узор рога оленя из Семибратних курганов V—IV вв. до н. э.[2] Так же оформлена и наносная бляха рассматриваемой пазырыкской уздечки. Ее особенность только в наличии в верхнем трубчатом утолщении отверстия, в котором, очевидно, укреплялась выступавшая вперед скульптура. Возможно, что это была голова хищника; в сочетании с рогами оленя на голове коня она образовывала еще одну сцену борьбы хищника с травоядным.

Изящные пластинки, обрамленные совершенно застилизованными в ряд спиралей головками грифов, соединяют уздечные ремни с резными деревянными псалиями. Оба псалия украшены близкими друг к другу изображениями голов грифов. Левый псалий и вверху и внизу украшен совершенно одинаковыми изображениями грифов, имеющих одну характерную деталь: рельеф их скул от рога до шеи оформлен в виде лепестков пальметки. Этот прием неоднократно применялся на изображениях голов грифов и в скифском искусстве. Особенно ярким примером служат здесь также украшающие уздечку бронзовые бляшки из Семибратних курганов — в виде головы грифа с пальметкой.[3] Эта же отделка имеется на рукоятке чертомлыкского акинака (III в. до н. э.).[4] Украшающие его навершие головы баранов также закончены лепестками пальметки, в которую превращены закрученные вниз рога. Здесь же посредине помещена пальметка в чистом своем виде. Пальметка

[1] ОАК за 1898 г., стр. 28, рис. 30.
[2] Rostovtzev M. The Animal Style, pl. X, 2.
[3] ОАК за 1880 г. Атлас, т. II, 4.
[4] Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности, вып. III, рис. 122.

эта и на бляхах Семибратних курганов, и на чертомлыкском акинаке, и на пазырыкских псалиях — восточная, особенно излюбленная в ахеменидское время как в Иране,[1] так и в Ионии.[2] Из Передней Азии эта форма так называемой «лотосовидной пальметки» проникла в Скифию и к родственным скифам среднеазиатским племенам. Памятником этого проникновения и являются орнаменты из курганов Семи Братьев и Чертомлыка, а также драгоценности из Аму-Дарьинского клада.[3]

Если сравнивать пазырыкские изображения грифов, то выясняется их отличие от древних скифских и тагарских. Бляшки из Семибратних курганов V—IV вв. служат в этом отношении образцом старой формы — на них изображена голова хищной птицы с характерным надклювием и орнаментально закругленным в спираль клювом.

Головы грифов на пазырыкских псалиях имеют уже иные особенности. Об этом говорит и псалий другой уздечки, изданной в «Сообщениях ГАИМК» (табл. XXXIII, рис. 2).[4] Особенно характерной новостью является выступающий над глазом грифа рог (или хохолок), а также гребень, идущий от затылка назад. Наиболее тщательно этот гребень отработан на правом псалии первой уздечки (табл. XXXIII, рис. 1). Он отличается своеобразным строением, напоминающим края крыльев летучей мыши с загнутыми остриями. Эти особенности (рог-хохолок и гребень) не были свойственны изображениям грифов и грифонов в тагарском, майэмирском, древнескифском,[5] сирохеттском,[6] финикийском,[7] египетском,[8] ассирийском,[9] иранском,[10] эгейском [11] и архаическом греческом [12] искусстве. Среди эллино-скифских памятников изображения грифонов с хохолком-рогом и гребнем появляются

---

[1] Dieulafoy. Suse, p. 298.

[2] Goodyear. Grammar of the Lotus, pl. XII, fig. 4.

[3] Dalton O. The Treasure of the Oxus, pl. XII, 47.

[4] Скифское погребение Восточного Алтая. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 2, рис. на стр. 28.

[5] Rostovtzeff M. Iranians and Greeks, стр. 35 и сл. и Animal Style, стр. 17 и сл.

[6] Weber O. Die Kunst der Hethites. Weltkunst Bücherei, Bd. I; Ward. The seal Cylinders of W. Asia. 1910, стр. 912 и сл.; Furtwängler. Antike Gemmen, Bd. I, Taf. I, 7.

[7] Montet P. Byblos et l'Egypte. Texte. Paris, 1928, 220—294; Perrot et Chipiez. Hist. de l'art, т. III, 632, 739, 743, 771, 789, 813, 817.

[8] Capart J. Primitive Art in Egypte. London, 1905, стр. 233; Erman. Aegypten. I, 329; Prinz H. Altorient. Symbolik. 1915, стр. 32.

[9] Weber O., ук. соч., стр. 61—64, 68, 69; Delaportes. Catalogue des Cylindres, 86, *11*; 87, *21*; Lajard F. Recherches sur le culte publique et les mystères de Mithre. Paris, 1867.

[10] Ward, ук. соч., 1114, 1122, 1123, 1131; Furtwängler, ук. соч., I, *16*; Perrot et Chipiez, ук. соч., V, 352; Sarre F. Die Kunst des alten Persien. Berlin, 1923. Taf. 7, 8, 11, 16, 21, 31—33, 36—38. 46, 47, 51; Dalton O. The Treasure of Oxus. London, 1908.

[11] Evans A. Palace of Minos, ч. I, стр. 549, 711, 712; ч. II, стр. 534; Perrot et Chipiez, ук. соч., т. VI, 414, 721, 731, 732, 801.

[12] Perrot et Chipiez, ук. соч., IX, p. 223, pl. VII, XIX; Insoof Blumer. Tier und Pflanzenbilder, Taf. XI, 25, 27; Paulsen. Der Orient und die frühgeschichtliche Kunst, стр. 100—101.



1



2



3



4



5



6



7



8



9



10

Вещи, найденные в кургане Пазырык на Алтае (рис. 1, 3, 7—10), в кургане Ноин-Ула (Монголия, рис. 5) и вещи, хранящиеся в Сибирской коллекции Гос. Эрмитажа (рис. 4, 6).

в IV в. до н. э. и продолжают существовать вплоть до начала нашей эры.[1] Они представляют собой изображение грифона, которое сменило архаическую безгребневую его форму и широко распространилось лишь с IV века до н. э., особенно в краснофигурной росписи.[2]

Все особенности изображения грифона с гребнем говорят о его связи с древнегреческими прототипами. При этом выясняется и происхождение его характернейшего признака — зубчатого гребня. Он, очевидно, был перенесен на грифона с разработанного в более раннее время гребневого изображения гиппокампа.[3]

---

[1] Ср. след. перечень находок: IV в. до н. э. Семь Братьев, курган № 3, раск. 1877 г., (Minns E. Scythians and Greeks, p. 208, fig. 106); Солоха (Rostovtzeff M. Iranians and Greeks, pl. XXI, 1); Большая Близница (ОАК за 1865 г., т. V, 3 и т. VI, 4 и ОАК за 1869 г., т. I, 15 и 28).

IV—III вв. до н. э. Куль-Оба (ДБК, II, XIII, XXXIV); Юз-Оба (ОАК за 1861 г.); Васютинская гора, склеп № 1 (Ростовцев М. Античная декоративная живопись, табл. XVIII, 4); Кара-годеуашх (МАР, № 13, табл. III, 1); Таманский курган, раск. Тизенгаузеном в 1861 г. (ОАК за 1869 г.); Курган в имении б. Пастака «Сарайлы Кият», близ Симферополя (ОАК за 1899 г., стр. 9, рис. 4 и 5); Малый Огуз (ИАК, 19, табл. XIV, 22); Дарьевка (Minns E. H., ук. соч., 178, рис. 73); склеп Мирзы Кокуватского (ДБК, XXXIV).

Пантикапейские монеты IV—III вв. до н. э. (Minns E., ук. соч., pl. V, 18). Брачков П., Общий каталог монет, табл. XIX, 39, XX, 58; Sallet A., Beschreibung, табл. II, 17; Спасский, Боспор Киммерийский, т. I, 17; Кене, Музей Кочубея, т. I, табл. V, 12).

III в. до н. э.— Александропольский курган (Толстой и Кондаков, II, 83, 89), Чертомлык (Толстой и Кондаков, II, 116, 18, 121, 127), Ильинецкий курган (Сборник А. А. Бобринского, СПб., 1911).

Пантикапейские монеты III—II вв. до н. э. (Minns E., ук. соч., табл. V, 22).

II—I вв. до н. э.— «Северский клад» (ИАК, вып. 29, стр. 37, рис. 37); Бесленеевская станица (Minns E. H., ук. соч., стр. 58, рис. 11).

Херсонесские монеты IV—I вв. до н. э. (Minns E. H., ук. соч., стр. 548—543, табл. IV, рис. 11,14).

Вне этого перечня и не согласуясь с историей грифона с хохолком и гребнем, в Северном Причерноморье и в греческой вазописи стоит изображение грифона на золотой пластинке, найденной в грабительской яме Большого кургана Ульского аула (ОАК за 1898 г., рис. 42). Все особенности этого изображения резко отличают его от безгребневых архаических грифонов и, наоборот, сближают с аналогичными изображениями Солохи, Куль-Обы, Чертомлыка и других памятников IV—III вв. до н. э. Поэтому скорее можно считать золотую пластинку из грабительской ямы Ульского кургана принадлежащей более позднему времени, чем его известное архаическое погребальное сооружение. При общей нечеткости раскопок этого кургана (Ростовцев М. Скифия и Босфор, стр. 316) неправильное отнесение этой пластинки к основному погребению было вполне возможно.

[2] Ср. черепок вазы IV в. до н. э., хранящейся в Британском музее (Brit. Museum Catalogue, III, pl. 14); Беотийская пелика IV в. до н. э. (Pfuhl E. Malerei und Zeichnung der Griechen, Bd. 247, № 606); ваза конца IV в. до н. э. из склепа № 1 Б. Близницы (Стефани, ОАК за 1869 г., атлас, табл. I—IV); пелики IV в. до н. э. из Керчи (Колл. ГИМ № 54710).

[3] Ср. вазу эпохи Перикла (Pfuhl E., ук. соч., т. II, стр. 220, № 561).

На эллинистическом среднем востоке гиппокамп появился сравнительно поздно. Его можно видеть на каменных пластинках из Таксилы времени Деметрия,[1] на рельефах Гандхары[2] и на греко-бактрийских серебряных изделиях II в. до н. э.[3] Отсюда лишь в конце II или в начале I в. до н. э. гиппокамп проник на Дальний Восток и применялся там в виде украшения ханьских зеркал.[4] Вместе с тем необходимо отметить, что ранние изображения грифов и драконов в греко-восточном искусстве, так же как и ахеменидские, отличались отсутствием гребня.[5] Все это заставляет предполагать, что изображения грифов на пазырыкских псалиях происходят с далекого запада, из области эллино-скифского художественного ремесла. Едва ли это могло произойти ранее рубежа IV и III вв. до н. э.

Другие наборы пазырыкских уздечных украшений отличаются таким же высоким художественным совершенством. В них также господствуют звериные изображения, подчиненные требованиям орнаментализма. Однако, образуя каждый раз новую, вполне оригинальную орнаментальную композицию, они не теряют реалистичности, отличавшей древние образцы скифо-сибирского, тагарского и майэмирского искусства. Примером, прежде всего, могут служить ажурные бляхи, образованные парными изображениями оленей, рога которых, обрамляя украшение, придают ему законченное округлое очертание (табл. XXXIII, рис. 5).[6] При этом весьма тактично осуществлено присоединение растительного узора. В центральную часть «лотосовидной пальметки» превращены согнутые для передачи летящего галопа передние ноги оленей. Если сравнивать эти бляхи с подобными же позднескифскими украшениями конской сбруи, преследующими, прежде всего, орнаментальные цели, то качественная высота пазырыкских останется вне сомнения. То же самое можно сказать и о псалиях в виде скачущего оленя и каменного барана (табл. XXXIII, рис. 6 и 7).[7] Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить их полные жизненной силы изображения с бронзовым псалием в виде фигуры хищника из четвертого Семибратнего кургана, датированного IV в. до н. э.[8] Искусственность подчинения фигуры зверя чисто орнаментальным задачам там очевидна.

Необходимо обратить внимание еще на одну деталь пазырыкских псалий. Внутри закрученного рога, в изгибе мускулов плеча, над копытами, в основании уха

---

[1] Marchall J. H. Excavations at Taxila. Arch. Survey of India, 1929—1930. Delhi 1935, pl. XV, 3.

[2] Foucher A. L'art greko-bouddique du Gandhara, vol. I, p. 243, fig. 121.

[3] Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства, 1940, т. I, 11.

[4] Bushell S. L'art chinois. Paris, 1910, рис. 60.

[5] Тревер К. В., ук. соч., 1940, т. III и IV; Dalton O. The Treasure of Oxus. London, 1908, табл. XVI.

[6] Грязнов М. П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае, стр. 977—978, фиг. 4,*б*.

[7] Там же, стр. 975—976, фиг. 3 и Сообщ. ГАИМК, за 1931 г., № 2, стр. 28.

[8] ОАК за 1876 г., рис. 134.

вырезаны круглые выпуклости. Они не встречаются ни в скифском, ни в скифо-сибирском искусстве тагарского и майэмирского времени. Зато, представляя собой, как это выяснил Г. Боровка, дальнейшую схематизацию спирали,[1] такие выпуклости становятся особенно характерными для произведений хуннского и столь близкого к нему сибирского искусства пазырыкского и таштыкского времени. Эту деталь можно видеть на ноин-улинском ковре, на деревянных резных изображениях зверей из Катанды и Погодинской коллекции, на хранящейся в Эрмитаже деревянной плакетке с рельефом оленя и на ряде сибирских золотых блях. Вместе с тем нельзя пройти мимо наличия подобной же стилизации спирали на звериных изображениях Аму-Дарьинского клада, уже отмеченных выше в качестве параллелей для изучаемого здесь круга памятников.[2] Таким образом, обнаруживается еще одно указание на принадлежность пазырыкских изображений зверей к более позднему кругу памятников сибирского искусства, более всего близкого к хуннскому искусству Центральной Азии. Одновременно еще раз подчеркивается связь пазырыкского Алтая с культурой и искусством среднеазиатских племен, населявших северные окраины Ахеменидской империи. Эта же связь может быть прослежена и на изображениях львиных голов, держащих в пасти клык кабана, которые украшают еще одну пазырыкскую уздечку. Представляя собой круглую скульптуру, они весьма близки к барельефным изображениям голов хищника из Шибэ и из случайных находок на Алтае, хранящихся в Эрмитаже и в Погодинской коллекции Гос. исторического музея.[3] Но вместе с тем они не менее близки и к львиным маскам Аму-Дарьинского клада.[4] Что касается кабаньего клыка, то эта деталь позволяет видеть в пазырыкских украшениях в известной степени переходные формы: из предыдущей главы мы знаем, что украшение уздечки натуральными кабаньими клыками было особенно распространено в майэмирское время.

Если уздечный набор с изображениями хищника, держащего в пасти клык кабана, указывает на сохранение в Пазырыке традиций более раннего времени, то украшения узды в виде отдельных пальметок или их ряда (табл. XXXIII, рис. 4, 11, 12) [5] ближайшим образом напоминают уздечные бляхи Берельского кургана,[6] столь характерного, как мы видели, для серии больших курганов Алтая

---

[1] Боровка Г. Культурно-историческое значение археологических находок экспедиций, стр. 24.

[2] Dalton O. The Treasure of the Oxus, pl. XI, V., 10. В связи с этим нельзя не отметить близость в оформлении овальной геммы с оленем из Аму-Дарьинского клада (Dalton O., pl. XV, 107) и деревянной бляхи с оленем с Алтая, хранящейся в Эрмитаже (Minns E. H. Scythians, p. 251, фиг. 172).

[3] Zakharov A. Bone and Wood Work from the Altai. Antiquaries Journal, 1926; Minns E. H. Scythians and Greeks, fig. 172.

[4] Dalton O. The Treasure of the Oxus, pl. XI, 40.

[5] Griaznov M. P. The Pazirik Burial of Altai, fig. 16.

[6] Zakharov A. Materials on the Archaeology of Siberia, fig. 12, 15.

II—I вв. до н. э. Здесь перебрасывается мостик в другую сторону — укрепляется близость Пазырыка с алтайскими памятниками гунно-сарматского времени. Ближайшей аналогией этой пальметки являются древневосточные позднеассирийские [1] и ирано-ионийские.[2]

Совершенно исключительный интерес представляют украшения пазырыкской уздечки в виде блях с рельефным изображением en face человеческого лица.[3] Лицо отличается известной монголоидностью, выраженной не только уплощенностью рельефа, но и раскосостью глаз. Эта особенность указывает на местное изготовление блях — на Алтае монголоидный элемент впервые зарегистрирован еще в майэмирское время. В пазырыкское он несомненно усилился хотя бы путем проникновения восточно-хуннских элементов (вспомним старика из Шибэ). С монголоидностью маски плохо вяжется (указывая на происхождение сюжета со стороны) большая борода, окаймляющая все лицо до ушей (табл. XXXIII, рис. 10).

Ряд изогнутых валиков передает густые волосы прически. Все особенности бороды и ее завершение около ушей спиралями выдают греческое ее происхождение.[4] В целом же маска особенно близко связывается с эллинизированными изображениями Беса, украшающими золотые бляхи из Аму-Дарьинского клада.[5] Расположение рубцов-волос над лбом в виде пучка воспроизводит лотосовидную пальметку, увенчивающую аму-дарьинского Беса. Полукруглые уши подражают спиралям Беса, внутри которых намечены на аму-дарьинских бляхах концы лап льва. Это позволяет видеть в среднеазиатском Бесе синкретизированное изображение Беса — Геракла, столь распространенное в эллинистическом Египте и проникшее далеко на восток вплоть до Алтая.

Однако известная статуэтка Беса, найденная на Алтае,[6]— в основном египетское произведение и не имеет, в противоположность аму-дарьинским эллинизированным маскам, тех особенностей, которые позволили бы видеть в ней возможный прообраз пазырыкских украшений.

Пазырыкские маски сближает с аму-дарьинскими масками Беса также и трактовка бороды. Ее подтреугольное разделение под подбородком соответствует высунутому языку Беса. Не исключена, однако, возможность, что при создании изображений, украсивших впоследствии пазырыкские уздечные бляхи, принимались во внимание и другие произведения греческого искусства. Именно на это как

---

[1] Arcaeologia, vol. LVIII, p. 246.

[2] Goodyear. Grammar of the Lotus, p. 49.

[3] Грязнов М. П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае, рис. 4, *b*; Griaznov M. The Pazirik Burial of Altai, fig. 13.

[4] Ср. бороды со спиралью и шлемы, имитирующие спиральное завершение бороды, на следующих памятниках греческой живописи, изданных у Pfuhl'я: № 66, № 524 и № 648. Ср. также История Древней Греции. М., 1937, ч. II, рисунок на стр. 262.

[5] Dalton O. The Treasure of the Oxus. London, 1908, pl. XI, 32.

[6] Захаров А. А. Две египетские статуэтки, найденные в Западной Сибири. Тр. Секции археологии и искусствознания РАНИОН, вып. IV, стр. 227—229.

будто указывает завершение бороды около ушей спиралью. В греческом искусстве эта деталь характерна для архаического времени. Как уже указывалось в примечании, она прослежена на чернофигурной вазописи и на архаических скульптурах. При этом следует отметить ее наличие и на древних (еще бородатых и звероподобных) изображениях горгоны, украшающих статуи VI в.[1]

Каким путем могли проникать на Алтай эти древнейшие формы, — покажут последующие раскопки. Едва ли, однако, был возможен для архаической поры путь проникновения греческих образцов на Алтай через Среднюю Азию. Скорее прямо с запада, из Причерноморья, могли быть занесены на восток древнегреческие художественные изделия. Может быть, первым подтверждением возможности этого служит факт наличия у тесно связанных со степным миром востока кубанских племен в IV в. до н. э. панцырей с изображением горгоны.[2]

Не меньшей сложностью, чем бляхи уздечек, отличаются два интереснейших убора головы коня, брошенные поверх принадлежностей сбруи.

Первый из них представляет маску, превращающую коня в оленя (табл. XXXIII, рис. 3). Верхнюю часть маски образуют высоко поднятые кверху рога северного оленя, сшитые из кожи в натуральную величину. Их поверхность обтянута тонкой цветной кожей с орнаментальными прорезями. Прорези посеребрены. Местами рога покрыты листовым золотом. В концы их отростков вставлены кисти из ярко-красного конского волоса. Во всех этих особенностях оленьих рогов проявляется принцип красочной инкрустации, отличающий искусство племен азиатских степей в хуннское время. Вместе с тем маска с оленьими рогами выдерживает и другую традицию этого искусства — на ней изображается борьба хищника с травоядным. Носовую часть маски образует фигура барса, распластавшегося в прыжке, как бы вцепившегося в основание рогов оленя. Фигура вырезана из окрашенного в ярко-синий цвет меха и покрыта наклеенными сверху мелкими золотыми кружками. Это, с одной стороны, придает всей композиции особую фантастичность, а с другой очень метко характеризует породу изображаемого зверя — соединение этих двух особенностей является отличительной чертой ранней стадии хунно-сарматского искусства.

Стремление сохранить характерные признаки натуры особенно ощутимо в трактовке рогов. При всей своей условной красочной орнаментальности они исполнены с соблюдением всех отличий, свойственных северному оленю. Мастер, их изготовивший, очевидно, специально поработал над тем, чтобы рога маски нельзя было принять за рога никаких других оленей, кроме северного.

В связи с этой особенностью пазырыкской маски возникает много вопросов культурно-исторического значения.

---

[1] Catalog of the Acropolis Museum, vol. I. Archaic sculpture by Iny Dickins. Cambridge, 1912, p. 96—97.

[2] Ср. панцырь из Елизаветинского кургана (Rostovtzeff M., Iranians and Greeks, табл. XIV).

Еще в 1896 г. Э. Ган,[1] исходя из своей теории происхождения скотоводства в Евразии из одного центра (в Двуречье), характеризовал оленеводство как поздний вариант коневодства и разведения рогатого скота.

По мнению Э. Гана, скотоводы, попав в Северо-Восточную Азию, потеряли там из-за сурового климата рогатый скот и лошадей и вынуждены были приручить другое животное, более приспособленное к климату,— именно оленя. Эту теорию, навеянную модными в конце XIX в. панвавилонистскими концепциями, позднее развивали Б. Лауфер,[2] Г. Гатт[3] и А. Н. Максимов.[4] Всех этих исследователей объединил один тезис о позднем возникновении оленеводства, явившегося, по их мнению, производным от разведения рогатого скота и коней. Вместе с тем указанные авторы все решительнее высказывались за признание древнейшей областью приручения оленя Саяно-Алтайского нагорья. Последующие этнографо-лингвистические работы, особенно исследование Г. Н. Прокофьева,[5] подтвердили новыми фактами эту точку зрения. Однако те же работы заставляют сомневаться в справедливости утверждения о позднем возникновении оленеводства в качестве местного варианта скотоводства и коневодства.

К мысли о большей древности оленеводства склоняется и С. Н. Боголюбский.[6]

Это целиком подтверждается ритуальной маскировкой коня в виде оленя, обнаруженной в Пазырыкском кургане. Все данные говорят за то, что верховым животным на Алтае в эпоху Пазырыка была лошадь, а для перевозки тяжестей применялись быки, запряженные в ярмо. Олень под верх в то время, очевидно, уже не употреблялся. Однако, как только дело касалось полных вековой традиционности областей культа и погребального ритуала, так оживало воспоминание о первоначальной роли оленя. И несмотря на то, что в погребальной процессии участвовали драгоценные потомки «небесных», «потокровных» лошадей Средней Азии, древняя традиция превращала их в оленей. Делалось ли это сознательно, или истинная основа маскировки была уже утрачена и на первом месте стояла борьба зверей — оленя и барса, сказать трудно. Во всяком случае тот факт, что

---

[1] Hahn E. Die Haustiere und ihre Beziehungen zur Wirtschaft der Menschen. Leipzig, 1896.

[2] Laufer B. The Reindeer and its domestication. Memoirs of the American Anthropological Association, vol. IV, № 2, 1917, pp. 91—147.

[3] Hatt G. Notes on Reindeer Nomadism. Memoirs of the American Antropological Association, vol. VI, N 2, 1919; pp. 75—133; его же. The Reindeer. American Anthropologist. New Serie, XXIII. 1921.

[4] Максимов А. Н. Происхождение оленеводства. Ученые записки Ин-та истории РАНИОН, т. VI, 1928, стр. 3—37.

[5] Прокофьев Г. Н. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна. Советская этнография, 1940, т. III, стр. 67—76.

[6] Боголюбский С. Н. Происхождение и эволюция домашних животных. М., 1940, стр. 155.

этот же обычай прослеживается и на других памятниках Алтая (ср. сказанное о статуэтках лошадей-оленей из Катандинского кургана), говорит о широком и длительном его бытовании.

Вместе с тем наличие одного и того же обычая маскировать лошадь под оленя еще раз подчеркивает культурное единство Катанды и Пазырыка и принадлежность последнего к той же группе алтайских памятников хунно-сарматского времени.

Вторая пазырыкская маска также изображает борьбу двух зверей — фантастического крылатого грифона и тигра.[1] Туловище фантастического хищника с подогнутыми задними лапами и спиралью закрученным хвостом передано с обеих сторон нащечными лопастями маски. Цветная кожа и здесь расцвечена позолоченными и посеребренными прорезями, имитирующими инкрустацию. Над красочным туловищем высоко подняты скульптурные крылья и голова фантастического грифа, сделанные из позолоченной и посеребренной кожи и яркокрасного конского волоса, которым отделана грива. Туловище явно передает черты зверя кошачьей породы. Голова его сложна — она увенчана рогами степной антилопы и закончена клювовидным, грифоньим оформлением морды. По лбу лошади были раскинуты мощные передние лапы этого фантастического грифона, схватившего за горло тигра, плоская фигура которого помещалась на лбу и на носу коня. Тигр также зубами вцепился в рогатого грифона. Таким образом, как и на первой маске, здесь ярко выражены обе черты хунно-сарматского искусства — красочная инкрустация и борьба зверей. При этом в изображении тигра, так же как и в изображении барса на первой маске, условность сочетается со стремлением передать все характерные особенности натуры. Тигр вырезан из золоченой кожи, а на ее блестящей поверхности темной краской нанесены не только глаза, уши, ноздри, но и полосатый рисунок шерсти.

Вторая маска в свое время была очень эффектна. Ее золотой тигр резко выделялся на фоне яркого и пестрого крылатого грифона, поражавшего своей необычайностью. Отдельные детали этого крылатого хищника настолько своеобразны, что заслуживают специального рассмотрения.

Его голова, представляющая сочетание хищной птицы и степной антилопы, находит себе почти полную параллель среди драгоценных изделий ахеменидской Средней Азии. Прежде всего назову замечательный серебряный ритон из Армении, хранящийся в Британском музее.[2] Он закончен совершенно аналогичным пазырыкскому скульптурным изображением крылатого льва-грифона с рогами степной антилопы. Издавший этот ритон О. Дальтон определяет время его изготовления V в. до н. э. по аналогии с малоазийским серебряным ритоном из четвертого Семибрат-

---

[1] С. Р. Скифское погребение Восточного Алтая. Сообщение ГАИМК, 1931, № 2, стр. 30.

[2] Dalton O. The Treasure of the Oxus. London, p. 118—119, pl. XXII, 178.

него кургана.[1] Однако подобные ритоны (серебряные с поперечными канелюрами) встречаются и позднее. Один из них, украшенный эллинизированной протомой барана, найден в Кульобском кургане.[2] Фантастический зверь, украшающий ритон из Армении и пазырыкскую маску, несомненно, связан с изобразительным искусством ахеменидского Ирана. В качестве ближайших параллелей можно указать на капитель из Персеполя,[3] украшенную протомой льва с рогами степной антилопы, а также на персепольский рельеф, изображающий мифологическую сцену борьбы с крылатым львом — грифоном.[4]

Из этого круга памятников вышли и изображения крылатых львов, украшающие многочисленные золотые бляшки Аму-Дарьинского клада. Для нас они особенно ценны потому, что совершенно сходны с пазырыкской маской в передаче крыльев — спереди продольными ленточными полосами, сзади почти поперечными, тесно сомкнутыми перьями.[5]

Не менее чем фантастический рогатый грифон ритона из Армении близки к пазырыкскому крылатые грифоны с рогами степной антилопы, украшающие концы двух замечательных браслетов из Аму-Дарьинского клада. О. Дальтон видит в этих браслетах произведение ахеменидского искусства V в. до н. э.[6] Действительно, они совершенно сходны с браслетами, изображенными на руках данников на лестнице дворца в Персеполе.[7]

Из отдельных деталей, необыкновенно усиливающих сходство пазырыкского и аму-дарьинских изображений, обращает внимание одинаковое покрытие чешуйками шеи и наличие инкрустации в виде «запятой» под глазом чудовища. Крылья также весьма близки друг другу. Однако сходство с аму-дарьинскими браслетами представляет интерес и в другом отношении. Прежде всего нужно отметить, что рогатые грифоны браслетов отличались богатой инкрустацией. Расцвечивавшие их эмали помещались в специальных ячейках, образованных или выемками, сделанными на голове и по туловищу, или сложной сеткой перегородочек из напаянных пластинок, покрывающих шею и крылья. Такое же сочетание перегородчатой и выемчатой эмали встречено и на других украшениях из Аму-Дарьинского клада.[8] Между тем наличие перегородчатой эмали здесь весьма интересно потому, что позволяет установить древнюю переднеазиатскую традицию для аму-дарьинских украшений. Система их перегородчатой эмали построена по образцам еще ассирийской древности. В этом в особенности убеждает сравнение аму-дарьинских

[1] Ростовцев М. Скифия и Босфор, стр. 354—356.
[2] ДБК, т. XXXV.
[3] Flandin et Coste. Voyage en Perse, pl. 33.
[4] Там же, pl. 21.
[5] Dalton O. The Treasure of the Oxus, pl. XI.
[6] Dalton O., ук. соч., pl. XVI; второй экземпляр издан в журнале «The Graphic» от 26 ноября 1881 г., стр. 537 (хранится в South-Kensington Victoria and Albert Museum).
[7] Herzfeld E. Iran in the Ancient East. London — New York, 1941, pl. LXXXIV.
[8] Dalton O., The Treasure of the Oxus Pl. XIX, 133.

инкрустированных изображений с найденной в Нимруде резной пластинкой из слоновой кости с инкрустацией лапис-лазури.[1] Поразительное сходство с перегородчатыми ячейками аму-дарьинских браслетов представляет на этой пластинке инкрустация в перегородках, украшающая крылья фантастических львов. При этом перегородчатая инкрустация и здесь сочетается с выемками, расположенными в других частях фигуры.

Пазырыкский рогатый грифон был далеко не одиноким подражанием юго-западным среднеазиатским образцам. Еще с 1726 г. в Кунсткамере (а затем и в Эрмитаже) хранится замечательная золотая шейная гривна, найденная в начале XVIII столетия где-то в Сибири.[2] Концы этой гривны украшены изображениями крылатых львов с рогами степной антилопы, как бы сошедших с капители Персеполя. Всеми особенностями рисунка, размещением инкрустации и сочетанием ее выемчатых и перегородчатых форм эти львы представляют ближайшую аналогию аму-дарьинским грифонам. Помимо львиной (а не грифоньей) морды, их отличает только строение крыльев, оперение которых все расположено продольно, а спереди расцвечено миндалевидными углублениями. Благодаря этой особенности, они находят себе параллели среди золотых блях Сибирской коллекции [3] и в аппликациях ноин-улинских ковров.[4]

Наличие среди сибирских находок гривны, украшенной рогатыми львами, служит первым указанием на проникновение к северным племенам и на восток произведений искусства Среднего Востока, может быть, еще в V—IV вв. до н. э. Позднее, уже в ханьское время, чудовища с рогами степной антилопы вошли и в китайскую орнаментику.[5]

Вехой, отмечающей этап на восточном пути среднеазиатских художественных произведений, очевидно, и является голова крылатого чудовища с рогами степной антилопы, украшающая вторую лошадиную маску Пазырыкского кургана. Этим еще раз подчеркивается сложность культуры и искусства алтайских племен в пазырыкское время.

Особую группу очень важных находок составляют десять пазырыкских седел, также сброшенных на убитых лошадей.

По своей конструкции эти седла наиболее близки седлам скифов, хуннов и кочевников Средней Азии и Сибири, до сих пор известным по схематическим изображениям (табл. XXXIV, рис. 3).[6]

---

[1] Archaeologia, vol. LVIII, p. 246.

[2] Придик Е. Мельгуновский клад, стр. 9—11, табл. V, 2, *1*.

[3] Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности, в. III, рис. 56, 64, 65.

[4] Trever C. Excavations in Northern Mongolia, pl. 9, 11.

[5] Pelliot P. Jades archaiques de la Chine. Paris, 1925.

[6] Приводим перечень основных изображений седел:

Скифия:

Чертомлыкский курган — ваза, меч и ножны (Толстой И. и Кондаков Н., Русские древности, т. II, рис. 114, 116, 122, 123); Куль-Оба—костяная пластинка (там же, рис. 69)

Пазырыкские седла не похожи на современные: у них нет деревянной основы. Их образуют две набитые оленьей шерстью кожаные подушки, сшитые с одной стороны вместе. При седловке их удерживал только перекинутый поверху чресседельный ремень, затягивающийся простым узлом. К ремню у середины привязывался нагрудный ремень. В задней части к седлу был прикреплен подхвостник — потфей. Оба эти ремня создавали устойчивость седла: передняя и задняя луки несколько поднимались над средней частью подушки только благодаря более толстой набивке в этом месте оленьей шерсти. Ни стремян, ни заменяющих их ременных петель (вроде изображенных на чертомлыкской вазе) здесь нет. Очевидно, перед нами одна из самых первоначальных форм седла. Если при этом учесть, что в передовых странах древнего Востока и в античной Греции седла очень долго вовсе не были известны, может быть, следует заключить, что областью самого возникновения седла были обширные пространства евразийских степей, населенные подвижными племенами, в быту которых конь играл исключительную роль не только для перевозки тяжестей и для конного боя, но и как повседневный вид верхового транспорта.

Пазырыкские седла были предназначены для пышного погребального шествия. Поэтому они богато украшены. На передних и задних срезах седельных подушек, а также на подхвостных ремнях положены разнообразные апликации из тонкой посеребренной кожи, представляющие растительный узор, восходящий, однако, к сильно застилизованным изображениям зверей. Нагрудные ремни обычно украшались теми же резными из кедра бляхами, что и уздечки. Поверх подушек на пазырыкские седла были надеты покрышки из тонкого цветного войлока, украшенные апликациями из раскрашенной, посеребренной и позолоченной кожи или из разноцветного войлока. По бокам к покрышкам прикреплены образующие бахрому ремни, кисти из цветного волоса, вставленного в деревянные вызолоченные ворворки, сходные с катандинскими и каракольскими, а также специальные подвески. Подвески, подобно покрышкам, украшены апликациями из разноцветного войлока,

---

и шейная гривна со всадниками (Художественные сокровища Эрмитажа, рис. 34); Солоха — серебряная чаша (Rostovtzeff M. Iranians and Greeks, pl. XX, 1—2).

Средняя Азия:

Аму-Дарьинский клад — серебряный диск (Dalton O. The Treasure of the Oxus, pl. IX). Следует отметить, что у всадников, украшающих ножны Аму-Дарьинского клада, седла уже имеют высокую заднюю луку (если это только не непонятый колчан — Dalton O., pl. VIII).

Сибирское золото:

«Охота на кабана», «отдыхающие всадники» и, что особенно интересно в связи с историей Алтая, статуэтка всадника с Колывано-Вознесенского завода (Толстой И. и Кондаков Н., ук. соч., в. III, рис. 69, 70, 71 и 49).

Хуннский Ордос:

Заседланные кони на бляхах, изображающих борьбу в лесу двух кочевников (Rostovtzeff M. Animal Style, pl. XXIX, 3; Salmony A. Sino-Siberian Art, pl. XXI, 1, 2).

посеребренной, позолоченной и окрашенной кожи, крашеного конского волоса и крашеного меха. Они представляют собой красочные изображения голов горного барана, фигур рыб и тигров, имитации скальпов и более сложные композиции, изображающие рыбу или дракона, схватившихся горного барана.

Большинство украшений подвесок отличается значительной стилизацией; вероятно, они прежде всего служили чисто орнаментальным целям. Некоторые мотивы этого орнамента на Алтае и во всей Южной Сибири мы впервые встречаем только в Пазырыке. Они не были свойственны орнаментации тагарско-майэмирского времени. Особенно это относится к изображениям рыб. На Дальнем Востоке в древности они не изображались. Только в ханьском искусстве Китая рыба впервые была применена для украшения зеркал, бронзовой посуды, а позднее и в качестве клейма мастера на различных металлических изделиях (например, на отвалах чугунных плугов). То же можно сказать и о Монголии и Сибири, где рыбы — приманки серовской стадии таежного неолита — не нашли себе продолжения в последующее время.

Только в таштыкское (т. е. ханьское) время как на юге, так и в таежном искусстве ишимско-кулайкского комплекса появились изображения рыб. Однако на этих изображениях рыба не сочетается с каким-либо другим животным.

Иначе обстоит дело в Скифии, где изображения рыб в противоположность востоку характерны, прежде всего, для древнейшего периода. Характерно при этом, что изображения рыб встречены на тех скифских памятниках, которые отличает близость к новоассирийскому и урартскому искусству. Вспомним украшения золотых ножен Келермесского и Мельгуновского курганов. На них изображены шествующие друг за другом фантастические звери, по строению туловища и лап то полульвы-полуптицы с головой барана или быка, то полукони-полульвы с головой льва или хищной птицы. Грифы и львы стреляют из луков.[1] Стилистические особенности изображения в виде стрельцов и сочетание у одной фигуры лап различных зверей самым тесным образом связывают рельефы ножен с ассиро-вавилонскими изразцовыми рельефами из Ниневии и Вавилона. Однако одна особенность отличает архаические скифские изображения от ассиро-вавилонских: вместо крыльев у келермесских и мельгуновских зверей всюду имеется рисунок рыбы. Если же приглядеться к рыбам-крыльям, то легко обнаружить и еще одну характерную деталь. Так же как и основное изображение, рыбы-крылья имеют головы льва или грифона (льва — в том случае, когда главная фигура с головой травоядного, грифона — когда главная фигура с головой хищника).[2]

---

[1] Rostovtzeff M. Iranians and Greeks, pl. VIII. Придик Е. Мельгуновский клад 1763 года, табл. I, III и IV.

[2] Наиболее четкое воспроизведение, позволяющее точно проследить все детали изображений на келермесских ножнах, см. в путеводителе Н. Макаренко. Художественные сокровища Эрмитажа. II, 1916, стр. 56. рис. 22 и 23.

Но сейчас важна не столько эта мифологическая сложность, сколько не ограниченное одной орнаментальной заменой крыльев значение рыб-львов и рыб-грифонов. Они переданы в действии, вцепившимися зубами или хищным клювом в плечо того зверя, крыло которого по ассирийской традиции ими изображается. Сохраняя лишь традицию древневосточной крылатости, рыбы-львы и рыбы-грифоны даны в новой сложной композиции — сцене борьбы различных зверей, более характерной для раннего скифского искусства, а также для искусства ахеменидского Ирана и для художников понтийских городов.

Позднее эта же «активная» роль рыбы в сценах борьбы зверей может быть прослежена как раз на тех скифских вещах, которые близки ионийским произведениям. Примером здесь могут служить знаменитая золотая рыба и рельефы на золотых ножнах из Феттерсфельде.[1]

В это же время в уборе скифских коней появляются нащечники в виде рыбы, особенно ярко представленные в инвентаре архаических погребений конца VI в., раскопанных в Волковцах на Полтавщине.[2] Любопытно, что в этой же серии можно видеть и замену рыбы в нащечнике крылом.[3] В более позднее время неслучайность такой замены как будто подтверждается применением в качестве нащечников золотых блях, оформленных в виде дельфина, объединенного с крылом (ср. Цимбалову могилу IV—III в. до н. э.).[4] Замена рыбы дельфином закономерна, если вспомнить, насколько распространенным было его изображение в классической и раннеэллинистической орнаментации.

Таким образом, мы видим, что на протяжении всей многовековой истории скифское прикладное искусство, наряду с другими животными мотивами применяло в орнаментике и изображения рыб. Однако эти изображения были особенно ярки в архаический период. Соединение их с образами, навеянными древневосточным монументальным искусством, доказывает, что они были одним из тех древнейших элементов скифского орнамента, которые связаны с азиатскими звеньями скифской культуры. При этом еще раз нужно подчеркнуть, что на древнейшей скифо-азиатской ступени изображения рыб не были изолированы и статичны, но выступали действенными персонажами в сценах борьбы зверей. Это особенно важно отметить потому, что аналогичные черты отличают и пазырыкские изображения рыб. Они также не изолированы и не статичны, а даны нападающими на горных козлов. Основа этого мотива пазырыкской орнаментики, наряду с другими, была

---

[1] Furtwängler. Der Goldfund von Vettersfelde. Berlin, 1883, Taf. I, III. Фуртвенглер определил вещи из Феттерсфельде как произведения, созданные в милетской или мегарской мастерской специально для скифов в самом конце VI или в начале V в. до н. э.

[2] Ханенко, Древности Поднепровья, т. III, № 404.

[3] Там же, № 403.

[4] Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности, в. II, рис. 100. Более подробно о нащечниках в виде рыб. см. Rostovtzev M. Fische als Pferdeschmuck. Opusc. arch. O. Montelio dicata, S. 223.

занесена на Алтай с юго-запада, из областей скифо-сакской культуры. Наличие там изображений рыб зафиксировано не только косвенными указаниями (азиатским происхождением рыб-крыльев из Келермеса и Мельгунова), но и прямыми данными — находкой среди вещей Аму-Дарьинского клада золотого изображения рыбы, близкого к находкам в Волковцах и отчасти в Феттерсфельде.[1] Кроме того, нужно иметь в виду, что Ближний Восток издревле был областью культового и мифологического освоения образа рыбы. Вспомним имевшего вид рыбы Эа — бога шумерского города Эриду — и ассирийского бога Дагона, культ которого был широко распространен в Передней Азии.[2] Возможно, что отголоском этого культа является и антропоморфное изображение богини-рыбы, украшающее роспись беотийской вазы.[3] Культ рыбы прослеживается и в Иране и особенно в Закавказье, где в связи с изучением вишапов было открыто и сложное культовое значение образа рыбы.[4]

Перейдем к рассмотрению пазырыкских седельных покрышек. Поверхность покрышек украшена изображениями, выполненными апликацией из цветной кожи и войлока, настойчиво повторяющими один сюжет — победоносную борьбу хищника, фантастического зверя или птицы с травоядным (табл. XXXIV, рис. 7—10).

Хищная птица, поднимающая в небо целого лося,[5] барс, спрыгнувший на каменного барана и вцепившийся ему в горло,[6] тигр, схвативший за круп лося,[7] рогатый лев с крыльями, поймавший горного козла за ногу и за холку,[8] грифон (полулев-полуорел), терзающий горного барана,[9] орлиный грифон, напавший на львиного грифона, вот содержание наилучше сохранившихся украшений пазырыкских седельных покрышек.

Расценивая эти изображения, нельзя не отметить тех же особенностей пазырыкского искусства, которые уже приходилось подчеркивать в отношении деревянной резьбы и других видов украшений. Здесь фантастика утонченно сочетается с реалистической передачей особенно характерных черт зверя. Благодаря этому лося нельзя принять за оленя и каменного барана за козла. Вместе с тем, как и другие произведения пазырыкского прикладного искусства, апликации на седель-

---

[1] Dalton O. The Treasure of the Oxus, pl. VI.

[2] Contenau. Manuel d'Archèologie Orientale, т. I, Paris, 1927, стр. 255.

[3] Ἐφημερις ἀρχαιολογικη 1892 (Βοιοτικαι ἀρχαιοτητες).

[4] Пиотровский Б. Б., Вишапы, 1939.

[5] С. Р. Скифское погребение на Алтае, рис. на стр. 29 и Griaznov M. The Pazirik Burial of Altai, pl. II, B; Грязнов М. П. Пазырыкский курган, рис. на обложке.

[6] Грязнов М. П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае, фиг. 2 и Griaznov M. The Pazirik Burial of Altai, pl. II, C.

[7] Грязнов М. П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае, фиг. 2 и Griaznov M. The Pazirik Burial of Altai, pl. II, A.

[8] С. Р., ук. соч., рис. на стр. 29 и Griaznov M. Pazirik Burial of Altai, fig. 8.

[9] Griaznov M. The Pazirik Burial of Altai, fig. 7, 9.

ных покрышках сугубо орнаментальны. Это сказывается в причудливости композиции, а главное — в пестрой красочности, достигаемой не только простой полихромией, но и нарочитыми вставками листков золота, серебра и цветных кусков войлока и кожи. Те же «кружки», «запятые», «скобки» ярких цветов условно передают рельеф ребер и мускулатуры и пестроту окраски зверей, украшающих седла.

Однако, полностью укладываясь в рамки художественного стиля, характерного и для других пазырыкских изображений, седельные апликации содержат ряд особенностей, позволяющих уяснить несколько существенных вопросов.

Прежде всего, интересно самое содержание изображений, передающих сцены борьбы зверей.

Рассматривая аналогичные композиции на бронзовых и золотых бляхах и на ковровых апликациях хуннов, можно отметить отсутствие изображений борьбы зверей в раннем кочевническом искусстве Монголии и Северного Китая эпохи Чжоу и скифо-тагарских плиточных погребений.

То же самое можно сказать и о майэмирском искусстве Алтая. Отдельные фигуры зверей, то свернувшихся в кольцо, то скачущих летучим галопом, составляют основной сюжетный ряд. К ним можно прибавить еще изображения голов хищников, травоядных и фантастических хищных птиц. При этом только здесь наблюдается некоторое стремление объединить в одном произведении двух зверей. Создаются двусторонние скульптуры — с одного конца изображена оскаленная морда барса, с другого — длинноклювая голова хищной птицы. Однако это еще простое совмещение изображений двух зверей. Только в Пазырыкском кургане совершенно неожиданно перед нами возникают, одна другой сложнее, красочные сцены борьбы хищников и травоядных. В апликациях седельных покрышек эти сцены особенно сложны. Несмотря на богатство и неожиданность выдумки, они ясно отражают длительный процесс разработки до деталей продуманных, ставших традиционными, схем композиции и сюжета. Требованиями обычая обусловлены определенные повороты головы и туловища, расположение лап, передача деталей — перьев, рогов, клювов, а также почти стандартные формы инкрустационных вставок.

Если сравнить неожиданное появление в искусстве Пазырыка на Алтае детально разработанных сцен борьбы зверей с развитием этого сюжета в столь родственном сибирскому скифском искусстве, то там обнаружится совершенно иная картина. Изображения хищников, настигающих травоядных, составляют один из древнейших сюжетов скифского звериного орнамента.

Уже в VII—VI вв. до н. э. ими украшались самые различные вещи. Мы видим их на золотой чаше из Келермеса.[1] Они отличаются там особенностями, прямо указывающими на их зависимость от древневосточного искусства (ср., например, изображение рогов en face при профильной постановке головы). Эта же связь с классическим Востоком прослеживается и на других памятниках архаической Скифии,

[1] Rostovtzeff M. Iranians and Greeks, pl. VII, 1.

происходящих из более северных мест. Примером может служить свернувшийся лев, схвативший онагра. Он четыре раза повторен на крестообразной застежке, найденной в Деревках Харьковской обл.[1] Между тем район обитания онагра — Сирия, Аравия, Иран и Белуджистан.[2] М. И. Ростовцев собрал обширный материал, убеждающий в широком распространении в древнем искусстве Передней Азии, в странах классического Востока, сцен борьбы хищников с травоядными.[3] Возникая еще в сумеро-вавилонской древности,[4] они в Ассирии и особенно в позднеассирийском искусстве приобретают черты, воспроизведенные затем в скифской архаике.

Одновременно эти мотивы широко применяются и в малоазийских странах — в искусстве хеттов, Сирии, Финикии, Каппадокии и ионийских городов. Уже в древности знает их и Иран. Особое же развитие сцены борьбы зверей и, в частности, сцены победы хищника над травоядным получают там в ахеменидское время. Их примером может служить замечательный рельеф, украшающий лестницу дворца Ксеркса в Персеполе. На нем изображен лев, напавший на быка.[5] Подобные же сцены встречаются в орнаментации и в более северных областях Средней Азии. В этом отношении показателен бронзовый топор из Бактрии, хранящийся в Британском музее. Его украшает скульптурная группа — поймавший горного барана тигр, на которого сзади нападает вепрь.[6]

Скифское искусство в классическое и раннеэллинистическое время последовательно сохраняет традицию архаики. Как местные мастера, так и мастера-греки продолжают создавать замечательные изображения борьбы зверей и победы хищников и фантастических грифонов над травоядными. При этом в связи со все большим проникновением в Скифию греческого художественного ремесла эти композиции постепенно утрачивают свой восточный характер и приобретают особенности реалистического греческого стиля. Однако известный налет ориентализма заметен на скифских вещах даже в III в. до н. э. (Это было вызвано не сохранением древневосточных традиций, но большой ролью в развитии скифского прикладного искусства ионийских мастеров и их ориентализированного стиля.)[7] Итак, Скифия и

---

[1] Rostovtzeff M. Animal Style, pl. VIII, 2.

[2] Брэм. Жизнь животных, т. I, стр. 577.

[3] Rostovtzeff M. Iranians and Greeks, p. 58—59, 193—197; Rostovtzeff M. Animal Style, стр. 63 и сл.

[4] Ср. инкрустированные сцены борьбы львов с оленем или козлом на игральной доске из Ура (Götze A. Hettiter, Churriter and Assyrer. Hauptlinien der Vorderasiatischen Kulturentvicklung im II Jahrtausend v. Chr. Oslo, 1936, S. 46.

[5] Sarre F. Die Kunst des Alten Persien. Berlin, 1923, Taf. 21; Herzfeld E. Iran in the Ancient East, pl. LXII.

[6] Rostovtzeff M. Iranians and Greeks, pl. XI, A.

[7] Приводим перечень основных изображений победы хищника над травоядными в скифской орнаментике классической и раннеэллинистической эпохи.

V век до н. э. Семь Братьев — пластинки ритонов с изображением льва, напавшего на оле-

страны классического Востока являются областями древнего применения в орнаменте сцен победы хищников над травоядными, причем в обеих областях эти изображения существуют очень долго. Так как установлено, что на Алтае и в других районах Южной Сибири и соседних с нею стран сцены борьбы зверей в допазырыкское время отсутствуют, а затем распространяются там уже в готовом виде, то возникает вопрос о возможных путях их проникновения.

Со Скифией Южную Сибирь и, в частности Алтай, связывает значительная близость культуры, отдельные элементы которой могли свободно проникать через посредство родственных в культурном отношении племен Западной Сибири, Южного Приуралья и Волго-Донских степей. Выше мы уже разобрали несколько примеров такого проникновения.

Однако появление на Алтае сцен борьбы и победы зверей только под влиянием скифского запада не подтверждается. Эллино-скифский грифон из Причерноморья сталкивался на востоке с другими образами, выполненными в другом, хотя и родственном стиле. Это блестяще запечатлено апликацией на покрышке шестого пазырыкского седла. Западный орел-грифон борется там с крылатым львом-грифоном с рогами антилопы — типичным чудовищем древнего Ирана (табл. XXXIV, рис. 8).

ния и на козла, и орла, терзающего ягненка (Rostovtzeff M. Iranians and Greeks, pl. XIII; его же, Anymal Style, pl. IX, 2; Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности, в. II, рис. 102—104). Феттерсфельде — золотая рыба с изображением львов, настигающих оленя и кабана (Minns E. H. Scythians and Greeks, fig. 118; его же. The Art of the Northern Nomads, pl. XIV. A).

IV век. Солоха — золотая патера и горит (Rostovtzeff M. Iranians and Greeks, pl. XX, 3; XVI, 1) Б. Близница — на капители грифон терзает лань, на бляшке грифон пожирает льва (Minns E. Scythians and Greeks, fig. 314 and 318, 32).

IV—III века. Куль-Оба — олень, две золотые вазы с изображением львов, львиц и грифонов, терзающих оленя, козла и свинью (Minns E. H. Scythians and Greeks, fig. 91; Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности, в. II, рис. 117, 118); браслет с грифонами, напавшими на оленя, и ножны, украшенные грифоном и львом, терзающим оленя, и львом, схватившим козла (Minns E. H. Scythians and Greeks, fig. 92, 93). Цимбалова могила — налобник с грифонами, настигающими коней (Minns E. H. Scythians and Greeks, fig. 54, 55; Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности, в. II, рис. 101). Таманское погребение, раскоп. Тизенгаузеном,— отделка саркофага в виде грифона, терзающего оленя (Minns E. H. Scythians and Greeks, Fig. 234).

III век. Чертомлык — серебряная амфора — изображения грифонов, попарно терзающих оленя (Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности, в. II, рис. 116); горит — львы и львицы, нападающие на коней, быков и кабанов (Minns E. H. Scythians and Greeks, fig. 53); ножны — грифон с головой лося (Minns E. H. Scythians and Greeks, 207); пластинки — грифоны, напавшие на оленя, и лев, борющийся с крылатым кабаном (Толстой И. и Кондаков Н., ук. соч., в. II, рис. 127). Карагодеуашх — гривна, украшенная львами, напавшими на кабанов (МАР, вып. XIII, табл. II, 8, 9). Александропольский курган — ажурная бляха с изображением грифонов, напавших на кабана (Толстой И. и Кондаков Н., ук. соч., в. II, рис. 89).

Все известные на Алтае изображения интересующей нас группы выполнены с применением расцветки полихромной инкрустацией или игрой светотеней от причудливой резьбы по поверхностям фигур. Всего этого не знает искусство Скифии в классический и раннеэллинистический период, когда там господствуют, особенно в отношении формы, принципы греческого мастерства. На то же указывают и композиционные особенности. Так, например, на пазырыкских седельных покрышках бросается в глаза частое изображение жертв хищников, всех этих лосей и горных баранов, с вывернутой задней половиной туловища, с эффектно, но неестественно выброшенными назад ногами.[1] Скифия не знает подобной трактовки тела животного, как бы бьющегося в предсмертной агонии. Настигнутые хищником травоядные изображались у скифов в естественном беге, реже в условной передаче летучего галопа.[2] Только с сарматами — выходцами с востока — в Причерноморье появляются сцены борьбы зверей, расцвеченные полихромной инкрустацией, и наблюдается вывернутость туловища и задних ног у побежденных травоядных.[3]

Иначе выглядят древности кочевников, населявших районы Средней Азии на северной окраине ахеменидского государства.

В Аму-Дарьинском кладе, правда, почти нет вещей, украшенных сценами борьбы зверей. Исключение представляет лишь небольшая гемма с изображением льва, пожирающего какое-то животное.[4] Зато среди многочисленных одиночных изображений зверей господствуют принципы расцветки полихромной инкрустацией или игрой светотеней. В этом отношении аму-дарьинские произведения чрезвычайно близки к алтайским апликациям на покрышках пазырыкских седел. Однако этим сходство не исчерпывается. Среди аму-дарьинских находок имеется перстень, украшенный фигурой крылатого льва, изогнутой еще более причудливо, чем пазырыкские звери.[5] Обращают на себя внимание и выемки для инкрустации цветных камней, почти сплошь покрывающие льва. Форма этих выемок целиком

---

[1] Ср. лося, поднимаемого хищной птицей, горного барана, которому в горло вцепился барс, горного барана, терзаемого грифоном (С. Р. Скифское погребение на Алтае, рис. на стр. 29; Грязнов. Пазырыкское княжеское погребенье на Алтае. фиг. 2 и Griaznov M. The Pazirik Burial of Altai, pl. II, B. C. and fig. 9). Ср. также изображение козла на костяной пластинке из алтайской коллекции Погодина, хранящейся в ГИМ (Zakharov A. Antiquaries Journ . 1926).

[2] Единственное исключение представляет вся вывернутая, одинокая фигура льва, превращенная в псалий конского убора Семибратних курганов (Rostovtzeff M. Animal Style, pl. X, 1). Однако ее вывернутость объясняется чисто орнаментальными задачами, погоней за причудливо изогнутой линией, столь характерной для той части собственно скифского искусства V—VI вв., которая сохранилась в украшениях конской сбруи.

[3] Ср. майкопский пояс и его реплики из-под Одессы (МАР, № 37, табл. VIII; Rostovtzeff M. Iranians and Greeks, pl. XXV, 1; он же. Animal Style, pl. XIII; Salmony A. Lead Plates in Odessa. ESA, XI, fig. 2, 3).

[4] Dalton O. The Treasure of the Oxus, pl. XV, N 110.

[5] Dalton O. The Treasure of the Oxus, p. 106, fig. 63, N 111.

совпадает с вырезными вставками пазырыкских седельных апликаций — те же кружки, «запятые» и «скобки».

Наконец, следует обратить внимание на интереснейшую деталь в изображении на одной из седельных покрышек Пазырыкского кургана — крылатого льва, схватившего лапой за заднюю ногу убегающего горного барана. Лев этот, изображенный строго в полный профиль, имеет рога, переданные, наоборот, en face, развернуто, в виде полумесяца, как бы увенчивающего голову. Выше уже отмечалось, что такая «развернутая» передача рогов характерна для древневосточного искусства. Помимо Египта, она применялась иногда художниками сумеро-вавилонской древности, ее можно видеть на хеттских рельефах и в позднеассирийском искусстве.

Однако особенное распространение она получила в ахеменидском Иране при создании монументальных рельефов из полихромных изразцов,[1] а также в резьбе гемм.[2] Такому сопоставлению пазырыкского крылатого льва с позднеассирийскими, а затем ахеменидскими изображениями не противоречат и другие особенности его фигуры — форма крыла, оскал морды, подъем передней лапы, занесенной на холку жертвы, придание львиной лапе хватательных движений (табл. XXXIV, рис. 3). Все это можно найти на рельефах Ниневии, Вавилона, Персеполя и Суз.

Рассматривая изображения на седельных покрышках Пазырыкского кургана, мы обнаруживаем большую их сложность. В сюжетном отношении эти изображения представляют собой новый этап южносибирского искусства, не свойственный тагарско-майэмирской эпохе. Все это свидетельствует о том, что в распространении новых сюжетов по Южной Сибири и прежде всего на пазырыкском Алтае, помимо внутренних причин, о которых еще придется говорить ниже, сыграли большую роль связи с юго-западом, с кочевыми племенами Средней Азии. Кочевавшие по горным областям и равнинным степям современной Киргизии и Южного Казахстана саки и населявшие пространства между Каспием, Аралом и низовьями Сыр-Дарьи массагеты издавна развивали свое, родственное скифскому искусство во взаимодействии с художественной жизнью древнего Востока, особенно Ассирии и ахеменидского Ирана. С последними они были связаны и постоянными политическими взаимоотношениями.[3]

В художественном общении со странами классического Востока была разработана и другая сторона искусства кочевников Средней Азии, столь ярко

---

[1] Dieulafoy M. L'acropole de Suse, pl. XI; Schäfer H. und Andrae W. Die Kunst des alten Orients. Berlin. 1925; Gazette Archéologique vol. VIII, pl. 41.

[2] Rostovtzeff M. Iranians and Greeks, pl. XVI, fig. I.

[3] Вспомним хотя бы активное участие саков и массагетов во всех крупных походах персов на запад, против Греции. Битвы при Марафоне, Фермопилах и Платеях происходили в сотрудничестве с этими среднеазиатскими соседями Ирана. При Дарии I саки были даже включены в состав ахеменидского государства. По сообщению Геродота, сбором с них ежегодной дани ведала в то время XV сатрапия.

представленная памятниками Аму-Дарьинского клада, а впоследствии воспринятая и блестяще развитая мастерами Алтая пазырыкского времени. Полихромная инкрустация сопутствует всей истории прикладного искусства Сумера, Вавилона, Ассирии и ахеменидского Ирана. В последние годы блестящие находки Л. Вуллея в Уре и результаты раскопок Б. А. Куфтина в Цалке (Грузия) ярко это продемонстрировали.[1]

Выше уже отмечалась близость в приемах инкрустации браслета из Аму-Дарьинского клада, украшенного грифонами с рогами степной антилопы, к ассирийской резной плакетке из Нимруда, инкрустированной ляпис-лазурью и демонстрирующей весьма типичный пример перегородчатой инкрустации. Однако амударьинский браслет всеми своими особенностями принадлежит к среднеазиатскому искусству ахеменидского времени, лишь сохраняющему некоторые ассирийские черты. Вместе с тем он служит прямым образцом для вышедшей из рук тех же среднеазиатских мастеров шейной гривны, украшенной крылатыми львами, также с рогами степной антилопы. Эта гривна найдена в Сибири и тем самым служит вехой далекого проникновения на северо-восток образцов среднеазиатского ювелирного искусства. По совмещению выемчатой инкрустации с перегородчатой, столь характерному для искусства Аму-Дарьинского клада, сибирская гривна не одинока. Среди коллекции сибирского золота в Гос. Эрмитаже можно найти и другие примеры этого рода. Такова хищная птица, держащая в когтях лебедя,[2] и знаменитый грифон,[3] терзающий козла. Последний особенно интересен тем, что форма перегородчатых ячеек для инкрустации, украшающей его шею и грудь, совершенно совпадает не только с аналогичными ячейками на груди и шее грифона амударьинского браслета, но и с цветными вставками на груди и шее хищной птицы, уносящей оленя, украшающей одну из пазырыкских седельных покрышек.

Так перебрасывается мост между ювелирными изделиями Средней Азии, известной частью сибирских золотых находок и апликациями на покрышках пазырыкских седел.

Однако связь между искусством Средней Азии, представленным памятниками Аму-Дарьинского клада, и произведениями алтайских художников, украшавших реквизит пазырыкских похорон, устанавливалась и при изучении ряда других вещей Пазырыкского кургана (грифон второй маски, рыбы на подвесках к седлам). Это заставляет признать значительность, длительность и постоянство среднеазиатских связей, очевидно сыгравших в культурном развитии Сибири не меньшую роль, чем близость к Скифии. Эти связи, приобщая искусство и культуру племен

[1] Вопросу об инктрустациях в ювелирном мастерстве классического Востока посвящена обширная литература. В настоящее время она очень обстоятельно суммирована у Б. А. Куфтина — Археологические раскопки в Триалети. 1941.

[2] Толстой И. И. и Кондаков Н. П. Русские древности, в. III, рис. 45.

[3] Там же, рис. 43 и 44.

Южной Сибири и Алтая к родственному им восточно-скифскому, массагетскому миру, не послужили препятствием для расцвета местных особенностей.

Апликация сама по себе представляет чисто местный, южносибирский, прием, существовавший там издавна. Об этом свидетельствуют находки наборных кожаных ножен в тагарских курганах на среднем Енисее. Изображения, выполненные аппликациями, при всей связанности их с искусством Средней Азии, являются типичными произведениями нового, южносибирского, искусства. В них уже развиты, хотя отчасти и под внешним влиянием, все те особенности, которые затем становятся характерными для стиля «сибирского золота» и для сарматских художников II—I вв. до н. э. Инкрустация, ее виды и формы выемок, содержание аппликированных сцен, где местная фауна — лоси и олени — становятся особенно излюбленными, и, наконец, специфические приемы изображений вроде характерной вывернутости крупа и задних ног травоядных — жертв хищников,— все это ставит искусство Пазырыкского кургана во главе всего художественного развития востока, называемого хунно-сарматским.

В этом особенно убеждает решение вопроса о времени Пазырыка:

1. Пазырыкский курган конструктивными особенностями, деталями погребального обряда, составом и общим обликом инвентаря самым тесным образом связывается с обширной группой памятников Алтая типа курганов Шибэ — Берель — Катанда. Черты сходства у отдельных пазырыкских предметов с предшествующими майэмирскими лишь указывают на относительно бо́льшую близость Пазырыка к майэмирскому времени сравнительно с другими курганами этого ряда.

2. Вместе с тем, как и другие курганы группы Шибэ — Берель — Катанда, Пазырыкский курган отличается чертами сходства с хуннскими погребальными памятниками. Особенно ярко это выражено в конструкции двойной погребальной камеры, сближающейся с Ноин-Улой даже в обработке и качестве строительных материалов, а также в деталях отделки стен и покрытия (драпировка стен, покрытие потолка особыми растениями).

Такое сходство особенно показательно, так как погребальных форм, столь близких к хуннским Монголии, нет ни в сакско-массагетском мире на западе и юге от Алтая, ни на востоке в минусинском Тагаре, где своеобразные отражения хуннского обряда обнаруживаются лишь в таштыкское время (см. ниже). Это делает явно не случайным проводимое сближение. Одновременно, при решении хронологических вопросов, необходимо учитывать, что раскопками в Забайкалье время создания хуннского обряда погребений определяется не ранее второй половины III в. до н. э. В это столетие там еще продолжали сооружать погребения более древнего типа — «плиточные могилы».

3. Принадлежа к восточному «монгольско-алтайскому» типу памятников, Пазырыкский курган в то же время отличается рядом черт, воспринятых через родственную среду из Скифии. При этом показательно сосуществование в его инвентаре деталей, перекликающихся как с позднейшими скифскими памятниками,

так и со скифской древностью. Много общего было подмечено с памятниками конца VI и особенно V в. (Феттерсфельде, Волковцы, старшие из Семибратних курганов). Это еще раз подчеркивает некоторую архаизацию, свойственную Алтаю, выраженную особенно ярко в длительном сохранении «скифских» черт звериного стиля в деревянной резьбе. Однако не эта чисто стилистическая архаизирующая особенность в искусстве Пазырыка может влиять на определение его даты. Для этого более важны черты сходства с теми из скифских памятников, свое образие которых принадлежит уже позднейшему времени, IV—III вв. до н. э. (Здесь, прежде всего, нужно вспомнить грифона с характерным гребнем, широко распространяющегося в Скифии лишь со второй половины IV в., а также параллели в орнаментации конской сбруи скифских курганов IV—III вв.— поздних Семибратних и даже Чмыревой могилы.)

Наконец, никак нельзя недоучитывать той поразительной близости, которая обнаруживается у пазырыкских изображений борьбы зверей с сарматскими украшениями II—I вв. (а в новых Пазырыкских курганах и форм вещей — сарматских, таштыкских и хуннских).

Здесь мы уже подходим к новому ряду наблюдений, тесно связанных с вопросом о роли Средней Азии в сложении той культуры Востока, ярчайшим выразителем которой является Пазырыкский курган.

4. Многочисленны и ярки черты сходства пазырыкских находок с образцами искусства Средней Азии, представленными прежде всего знаменитым Аму-Дарьинским кладом. Через посредство произведений среднеазиатских художников далеко на Алтай оказались занесенными достижения культуры древнего Востока. В области техники — это приемы инкрустации, бывшие в Двуречье и Иране традиционными с сумеро-вавилонской древности; в области искусства — это образы фантастических чудовищ и хищников, сцены их борьбы и побед над травоядными, также уходящие в глубокую древность классического Востока. но особенно близкие аму-дарьинским и пазырыкским в произведениях ново-ассирийских и урартских мастеров и художников ахеменидского Ирана.

Среди вещей Аму-Дарьинского клада некоторые, по аналогии со скифскими Причерноморья и с древневосточными, относятся еще к V в. до н. э. Однако в этих вещах, отличающихся архаизмом, вернее видеть проявление традиционности, которая была характерна для многих памятников той эпохи, как на юге (сохранение в ахеменидском искусстве ассиро-вавилонских особенностей), так и на севере, в Средней Азии и Южной Сибири.

Дата Аму-Дарьинского клада определяется найденными в нем геммами, особенно теми из них, которые подражают монетам. В этом отношении особенно интересна гемма № 105, которую можно сравнить не только с монетой последнего македонского сатрапа Парфии Андрагора, но и с раннеаршакидскими монетами.[1]

[1] Dalton O. Ther Teasure of the Oxus. p. 103—105; Gardner P. Coins of the Greek and Scytnic Kings of Bactria and India. British Museum, 1886, p. XIX, и его же статья в Numis

Остальные геммы или относятся ко второй половине и к концу IV в. или представляют более древние типы V в. Однако возможно, что и они являются позднейшими подражаниями древним образцам.

Таким образом, третья четверть III в., очевидно, была временем окончательного сложения аму-дарьинского сокровища. Однако состав гемм показывает, что накопление его было начато в более раннее время, вероятно, с начала III столетия. К этому времени и относятся вещи клада, с одной стороны, представленные местными изделиями, связанными с традициями ахеменидского искусства, а с другой — античными произведениями, занесенными в Среднюю Азию македонской экспансией конца IV века.[1]

Во введении к настоящей главе мы уже говорили о цепи событий в истории Средней Азии IV—III вв. Смутные времена, наступившие после вторжения Александра, передвижения сакских племен, проникновения Даюэ-чжи (массагетов) далеко на восток к Китаю и их столкновения с хуннами — все это создавало наиболее благоприятную обстановку для создания той общности различных форм культуры и искусства, образцом которой является Аму-Дарьинский клад и, может быть, в еще большей степени Пазырыкский курган.

5. Однако для Пазырыкского кургана характерно и наличие подчеркнутой близости с хуннскими памятниками. Это также позволяет уточнить его дату. Сочетание хуннских и западных «массагетско-юэчжийских» особенностей могло иметь место, прежде всего, в III в. до н. э., когда, особенно во второй его половине, хунну стали крепнуть, хотя и оставались еще зависимыми от юэ-чжи.

Следует также принять во внимание, что Пазырыкский курган сближается с алтайскими памятниками типа Шибэ — Берель — Катанда и по тому необыкновенно широкому применению золота, которое стало вскоре отличительной особенностью целого «золотого периода» в истории Алтая. Между тем мы уже видели, что «золотой период» мог возникнуть на Алтае в результате задержки золота в местах добычи, вызванной македонскими завоевателями Средней Азии и перерывом торговли с Севером.

Итак, Пазырыкский курган, с его параллелями Аму-Дарьинскому кладу, с его десятью конями даваньской породы, является первой вехой проникновения на восток вместе с юэ-чжи аборигенной среднеазиатской культуры — наследницы древневосточных цивилизаций. Результаты раскопок в земле хуннов, на далеком востоке Монголии, доказывают, что и туда проникали достижения сако-массагето-юэчжийского мира. Они и там определили направление дальнейшего развития местной культуры, во многом аналогичное южносибирскому. Если же примем во внимание, что в близких условиях, в западной части областей юэчжийского расселения, в это время началось движение сарматских племен, уже в III в. вышед-

matic Chronic, 1879, p. 1. Ср. также монету Аршака, изданную в Mémoires de la Société d'Archéologie et Numismatique de St. Pétersbourg, II. 1848, стр. 17, табл. 1, рис. 2.

[1] Dalton O. The Treasure of the Oxus, N 113.

ших в степи Южного Приуралья,[1] то станет понятным поразительное единство, отличающее обширную серию памятников степной зоны Евразии. При этом находит себе обоснование и предложенное наименование их эпохи хунно-сарматской.

Раскопки Пазырыкских курганов № 2, 3, 4 и 5, осуществленные С. И. Руденко, полностью подтверждают изложенные основания принадлежности Пазырыка к гунно-сарматскому времени. В кургане № 2, с одной стороны, найдены вещи сарматские — зеркало, сосуд, «пудреница» и «диадема»,— особенно сходные с новочеркасскими,[2] а с другой — вещи, аналогичные таштыкским, например, ковш с рукояткой, загнутой крюком вниз, совершенно подобный найденным в оглахтинском и уйбатском могильниках,[3] и ханьскому, хранящемуся в Музее Университета в Сианн. В других курганах нашлись кусочки лака и обрывки шелковых тканей, несомненно, китайских и едва ли более древних, чем Хань. Что касается замечательного ковра из кургана № 5 с изображением человека, сидящего в кресле перед всадником, то совершенно не нужно искать ему параллелей в далеком Иране. Среди статуэток, вывезенных Петровским и Ольденбургом из Синьцзяна и хранившихся в Государственном Эрмитаже, можно найти им самые близкие аналогии. Наконец, зеркала «TLT», подобные найденному в кургане № 5, распространились не раньше времени Цинь-Ши-хуанди.[4]

Изучение пазырыкской эпохи на Алтае и истории хунну и сармат показывает, что расцвет был вызван важнейшим сдвигом в судьбах степного населения нашей страны. Он отразил развитие нового общественного слоя — племенной знати, подобной скифской в Причерноморье по своему богатству, могуществу и стремлению к государственности, к этому новому сильному средству защиты ее имущественной исключительности.

Хунну достигли такой ступени в своем общественном развитии уже в последние столетия до н. э. На Алтае это случилось позднее. Поэтому лучше рассмотреть этот процесс после ознакомления с историей Минусинской котловины в хунно-сарматское время.

---

[1] Ср. Прохоровские курганы (МАР, № 37).

[2] Руденко С. И. Второй Пазырыкский курган, Л., 1948, табл. X, 3; XV, I, XX, I и 3, XXIII, I, XXV. 2; его же, Раскопки Пазырыкской группы курганов. КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 11—25.

[3] Там же, табл. X, 2; ср. ниже, стр. 406, 431, табл. XXXVII, 7.

[4] Здесь я могу сослаться на экспозицию зеркал в музеях Пекина, Нанкина, Шанхая, Ханьчжоу и Сиани и на мнение китайских ученых — Го-бо-цзюн, Цаянь-Фо-цзянь, Ху Вэй-лу, Цзянь Чжао-юэ и др.

Глава VII

ТАШТЫКСКАЯ ЭПОХА НА ЕНИСЕЕ

Мы оставили Минусинскую котловину в конце тагарского времени, когда с III в. до н. э. стали особенно заметны сдвиги в материальной культуре и во внутреннем устройстве дин-линских племен среднего Енисея.

Правда, мотыжное земледелие с применением полива полей и развитое скотоводство попрежнему составляли основу местной хозяйственной системы. Однако в области металлургии произошло в это время крупнейшее изменение — железо из драгоценного металла для украшений превратилось в основной материал для выделки оружия и орудий. Что касается внутреннего устройства племен, то к концу тагарского времени стало заметно все большее нарушение прежней общественной однородности. Внешним выражением этого явилось различие в погребальном обряде. Попрежнему были особенно многочисленны сравнительно невысокие курганы с небольшими срубами, заключавшими семейные погребения со скромным инвентарем. В его состав входили главным образом горшки и миниатюрные изображения ножей, кинжалов, клевцов и т. п. Однако наряду с рядовыми курганами теперь сооружались огромные насыпи, имеющие в окружности до четверти километра и более. Чаще эти «большие» курганы располагались обособленно. Единицами разбросаны они по Минусинским степям. Только в отдельных местностях, вроде знаменитого урочища Салбык близ ст. Капчалы, они образовали величественное кладбище из гигантских земляных пирамид. С рядовыми курганами их связывают многочисленные переходные формы. Они как бы подчеркивают еще не оборванную связь между массами и выдвинувшимися из ее среды знатными соплеменниками, общественное значение которых даже после их смерти отмечается грандиозными земляными пирамидальными курганами, многотонными камнями их ограды и большой сложностью погребальной церемонии.

В центральной части этих огромных курганов скрыты обширные четыреугольные ямы необычной для более раннего тагарского времени глубины (до 5 м). Высокие деревянные срубы с прочным бревенчатым полом и потолком служили

погребальным склепом, напоминая пазырыкские и хуннские подкурганные сооружения. Пространство пола заполнялось обожженными, сожженными и целыми останками людей. При некоторых из них находятся маски, воспроизводящие их лица, а также вещи. Здесь же лежат покойники без масок и без вещей. Это еще раз подчеркивает различие в положении отдельных общественных групп, то полноправных, а то и лишенных права быть похороненными в маске, сохраняющей облик и обеспечивающей тем самым загробное существование. Среди вещей в этих позднетагарских курганах уже много железных изделий. При этом не только нормальные, бытовые ножи, топоры и т. п., но и ритуальные миниатюрные их изображения, например кинжальчики, делаются в это время из железа. Наряду с бронзовыми зеркалами, с ручкой посредине диска, в большом числе встречаются медалевидные, с ушком сбоку, подобные найденному в Каракольском кургане I в. на Алтае.[1]

При некоторых останках найдены также и золотые вещи. Особенно велико количество золотой фольги и бляшечек, украшавших одежду. Кроме того, встречены золотые серьги. Одни из них кольчатые с подвесками из бус, золотых листков и зерновых гроздей, вполне аналогичные найденным в ранних хуннских погребениях Дерестуйского Култука и в погребениях того же времени на Алтае.[2] Другие имеют вид вопросительного знака со щитком впереди, в который вставлен камень. Этот тип серег широко распространился в последнее столетие до н. э. и в начале нашей эры среди боспорских, парфянских и сарматских украшений.[3] Особенно же интересны эти серьги потому, что открывают собой ряд находок, которые продолжают встречаться на Енисее позднее, в таштыкских могилах.[4] Тем самым, наряду с известной близостью в погребальном обряде они служат основанием для установления прямой и тесной связи между позднетагарскими курганами и последующей эпохой таштыкских могил.

После серег в той же связи следует отметить частые находки в позднетагарских курганах обложенных золотом глиняных таблеток. Они то продолговаты и сверху имеют змейчатые углубления, то округлы или квадратны и украшены выпуклостями.

Замечательно, что их немало найдено и в таштыкских погребениях.[5] Следует также отметить находку их в раннесарматских курганах, например, в Буеровой

---

[1] Киселев С. В. Из работ Алтайской археологической экспедиции ГИМ в 1924 г. Советская этнография, 193, № 51.

[2] Талько-Гринцевич. Материалы к палеоантропологии Забайкалья. Тр. Т-КОРГО, т. III, вып. 2—3; Киселев С. В. Из работ Алтайской археологической экспедиции. Советская этнография, 1935, № 1.

[3] Находки в Керчи: ОАК за 1891 г., рис. 17, 31, 192; ОАК за 1903 г., рис. 62, 85, 87; Херсонес: ОАК за 1897 г., рис. 246. Находка в Бори: МАР, № 34, статья Придика, табл. II, рис. 8 и 11.

[4] Теплоухов С. А. Опыт классификации, т. II, 10.

[5] См. ниже, стр. 242, табл. XXXVII, рис. 13—25.

могиле III в. до н. э.[1] Связь позднейших тагарских курганов с таштыкскими могилами подчеркивают и находки масок, отличающихся в обоих видах погребений одинаковым материалом, способом изготовления и даже раскраской. Много общего и между позднетагарской и таштыкской глиняной посудой. Баночные и кубковидные горшки встречаются и там и здесь и имеют одинаковый орнамент. То же можно сказать и о глиняных подражаниях бронзовым котлам «скифского» типа с вертикальными ручками. Их неоднократно находили в таштыкских погребениях, но едва ли не самый разнообразный набор их был обнаружен в позднетагарском Большом кургане близ с. Тесь на р. Тубе, раскопанном в 1889 г. Аспелином.[2] О тесной связи между тагарским и таштыкским искусством говорят многие находки. Орнамент в виде примитивной пальметки одинаково часто украшает и навершия рукояток позднетагарских ножей и кинжалов и таштыкские поясные пряжки и бляхи.[3] Столь характерные для таштыкских украшений бронзовые пластинки с парными головками лосей и лошадей, несмотря на своеобразие, также подчинены художественной традиции тагарского искусства.[4]

Таким образом, мы видим, что позднетагарские курганы содержат уже немало особенностей, которые станут характерными для таштыкской культуры.

Вполне возможно, что самое возникновение этих новых форм находится в зависимости от тех изменений в культуре и общественном устройстве дин-линских племен Минусинской котловины, которые мы отметили в результате изучения позднетагарских курганов.

При этом несомненно, что самым важным среди этих новых явлений было постепенное обособление от массы соплеменников наиболее богатых и знатных, выраженное в усложнении погребального обряда.

Именно этот процесс и стал основным содержанием таштыкского времени. Именно тогда раздвоение погребальных форм особенно обострилось. На одном полюсе мы увидим массу рядовых таштыкских некрополей, состоящих из грунтовых могил, а на другом — богатые усыпальницы родовой знати, отмеченные на поверхности каменными кольцевыми кладками или подквадратными насыпями.

Это деление зашло так далеко и было настолько сильным, что оба вида таштыкских погребений при первоначальном рассмотрении кажутся совершенно чуждыми друг другу. Поэтому С. А. Теплоухов, основывавшийся в своих выводах по этому вопросу на весьма ограниченном материале, наличие двух видов таштыкских погребений мог объяснить только хронологической разницей. Таштыкские

---

[1] МАР, № 37, табл. II, рис. 7.

[2] Tallgren A. M. Trouvailles tombales Sibériennes en 1889, SMYA, Helsinki, 1921.

[3] Изображения пряжек: Киселев С. В. Материалы..., т. V, 9. Находки ножей: улус Саргов II, кург. № 1; Тагарский остров, кург. В и II; с. Барандат, «курган за поскотиной».

[4] Изображения пластинок: Киселев С. В. Материалы, табл. V; ОАК за 1895 г., рис. 336, 337. Изображения ножей — Киселев С. В. Тагарская культура, табл., рис. 7.

рядовые могилы он счел древнейшими. Погребения же второго типа («могилы с масками с бюстом») он отнес к более позднему времени.[1]

Одной из наших основных задач и является пересмотр этого вопроса — важнейшего для понимания всей таштыкской эпохи на среднем Енисее. И именно в этой связи необходимо прежде всего рассмотреть стратиграфический материал.

1. ЛУГАВСКАЯ СТОЯНКА

Уже были случаи убедиться в бедности Минусинской котловины надежными остатками поселений. Мало чем отличается в этом отношении и таштыкская группа памятников.

Поэтому единственная обнаруженная пока таштыкская стоянка при всех ее недостатках заслуживает внимания.

Летом 1929 г. в музей им. Мартьянова были принесены вещи, найденные при копке огорода во владении № 17/19 по Лугавской улице в восточной части г. Минусинска. Это были костяные стрелы, костяной резак и обломки керамики.

Осмотр места находки показал, что оно расположено на древней дюне. К сожалению, из-за застроенности не удалось точно выяснить границы культурного слоя. Однако доступным обследованию все же оказался участок в 120 × 58 м. На нем в бороздах между грядами через каждые 2 м были заложены небольшие шурфы по двум осям: по проложенной с севера на юг, посредине, вдоль всего участка и с запада на восток, примыкающей к первой в южном ее конце. Более совершенных раскопок нельзя было произвести, так как весь огород был засажен. Шурфование показало, что культурный слой на всей площади, доступной исследованию, залегает равномерно. Верхние 35 см интенсивно гумусного слоя позднейшего происхождения. Этот слой перекапывается, совершенно лишен каких-либо древних остатков и содержит лишь редкие обломки современной посуды и кости. Древние вещи залегают исключительно в нетронутом огородниками более глубоком культурном слое мощностью в 15—20 см и притом, главным образом, в нижней его части, граничащей с песком дюны. Там же прослеживаются и углистые прослои. Создается впечатление о заселении дюны вскоре после ее остановки, но заселении сравнительно кратковременном и достаточно древнем для того, чтобы после оставления стоянки ее первыми насельниками успел до наших дней отложиться значительный слой стерильного гумуса. Наблюдения, сделанные при раскопках, не дали никаких указаний на существование каких-либо углублений хозяйственных или жилых. В распространении вещей также не было заметно какой-либо группировки на отдельных участках. Несколько бóльшая густота находок намечалась лишь в центральной части обследованной площадки.

---

[1] Теплоухов С. А. Опыт классификации, стр. 50 и 51.

Особенно внимательно прослеживалась стратиграфия находок. Она дала полную уверенность в их синхроничности. Все вещи найдены в одном слое, почти на границе песка дюны. Комбинации находок были весьма однородные и также не дают оснований для каких-либо подразделений.

Среди довольно многочисленных обломков керамики на Лугавской стоянке преобладали неорнаментированные, довольно грубой работы, повидимому, от баночных и боченковидных горшков. Из поддающихся более точному определению следует отметить:

1) фрагмент баночного сосуда, украшенного накладным валиком с нарезами. Близкие этому обломки найдены мною вместе с масками в 1929 г. в таштыкском каменном кольце около с. Сыды [1] и в таком же кольце в 1928 г. около с. Кривинского,[2] а также С. А. Теплоуховым близ Батеней;[3] 2) часть баночного сосуда, украшенного на 3 см ниже края горизонтальным рядом выпуклостей и треугольниками из мелких округлых вдавлений; также ближе всего к сосуду, найденному в каменном кольце близ Батеней;[4] 3) обломок верхней части баночного сосуда с нарезками вдоль венчика с внутренней стороны. Это — характерная особенность посуды каменных колец с масками; 4) обломок боченковидного сосуда с налепом, перпендикулярным венчику. Обычно таких налепов, часто имеющих сквозные отверстия, бывает два, один против другого, иногда четыре. Эта форма особенно характерна для керамики колец с масками. Они были найдены Адриановым и мною.[5]

Кроме того, на Лугавской стоянке найдены обломки двух кубковидных сосудов: один — обломок от конического поддона, другой представляет собой дно с обломанными стенками от тулова сосуда и поддона. Подобные кубковидные сосуды встречаются и в каменных кольцах и в таштыкских могилах.[6] В последних они отличаются лучшей техникой, коричневатой глиной, заглаженными поверхностями. Если судить по этим признакам, то оба фрагмента со стоянки надо скорее сближать с могильными.

Наконец, последний орнаментированный обломок особенно интересен. Он принадлежит округлому сосуду прекрасной работы. Шейка его прямая, несколько развернутая. По ее основанию идет горизонтальный ряд овальных вдавлений, под ним резная борозда, а ниже — поле из заштрихованных треугольников. Все это

---

[1] Хранится в музее им. Мартьянова в Минусинске. Опись экспедиции 1929 г., № 435.

[2] Киселев С. В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г., табл. V, рис. 56.

[3] Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края, табл. II, рис. 13.

[4] Теплоухов С. А., ук. соч., табл. II, рис. 12.

[5] Киселев С. В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г., табл. V, рис. 67.

[6] Киселев С. В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г., табл. V, рис. 52, 53, и Сосновский Г. П. О находках Оглахтинского могильника. ПИМК, 1933, № 7—8, стр. 38.

является полной аналогией шаровидным сосудам из таштыкских могил, в частности, из могил, раскопанных мною около с. Быстрой в 1929 г. (табл. XLIV, рис. 6—8).[1]

То же сосуществование таштыкских форм и форм, характерных для каменных колец, наблюдается и в отношении костяных изделий. Менее выразительны наконечники стрел, находящие аналогию в стрелах из Айдашинской пещеры Ачинского округа и из Бирюсинской пещеры, раскопанной Еленевым.[2] Близкие к ним найдены также и в кольце с маской близ с. Усть-Сыда.[3]

Интересны найденные на стоянке заготовки, дающие представление о приемах вырезывания костяных наконечников стрел. Такие же заготовки показывают процесс изготовления костяных резаков. Пластинчатые костяные резаки, найденные в значительном количестве, известны пока исключительно из каменных колец.[4]

Найденная на Лугавской стоянке костяная булавка имеет ближайшие аналогии в таштыкских находках,[5] в частности в булавках, которыми проткнуты оглахтинские туяски, обтянутые шелковой китайской тканью времени около начала нашей эры.[6]

Подводя итоги рассмотрению находок на стоянке на Лугавской улице, прежде всего нужно отметить две группы ее памятников. Одни из них характерны для грунтовых таштыкских могил, другие же не менее обычны для погребений с масками в каменных кольцах. Однако должно принять во внимание одноярусность древнего культурного слоя стоянки, весь инвентарь которой расположен в самом нижнем, весьма тонком прослое. Это заставляет признать одновременное бытование вещей, обычно находимых в таштыкских грунтовых могилах, и вещей, характерных для таштыкских склепов с масками. Как бы учитывая всю важность этого вывода, один случай при шурфовке особенно наглядно подтвердил такое сосуществование. Заготовка костяного резака была найдена мною в непосредственном соприкосновении с обломком сосуда, типичного для керамики таштыкских грунтовых могил.

Таким образом, небольшой, но весьма выразительный стратиграфический материал, полученный при изучении стоянки на Лугавской улице, не позволяет безоговорочно разделять таштыкские грунтовые могилы от «погребений с бюстовыми масками». Наоборот, здесь обнаруживаются первые основания в пользу

---

[1] Хранится в музее им. Мартьянова в Минусинске. Опись экспедиции 1929 г., № 386, 387, 391.

[2] Хранится в ГИМ, в Москве.

[3] Хранится в музее им. Мартьянова в Минусинске. Опись экспедиции 1929 г., № 404 и 403.

[4] Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края, табл. II, рис. 15 и 51.

[5] Там же, табл. II, рис. 6.

[6] Сосновский Г. П. О находках Оглахтинского могильника. ПИМК, 1933, № 7—8, стр. 38; Tallgren A. M. The South Siberian cemetery of Oglakty from the Han period, ESA, XI, p. 82—84.

одновременного существования в таштыкскую эпоху на среднем Енисее двух видов погребений.

Изучение этих памятников не только подтверждает такой вывод, но и показывает его большое значение для выяснения истории дин-линских племен в Минусинской котловине.

2. РЯДОВЫЕ ТАШТЫКСКИЕ МОГИЛЬНИКИ

Рядовые таштыкские могильники, состоящие из грунтовых могил, найдены во многих местах Минусинской котловины. Самый северный из них был обследован Г. П. Сосновским у с. Черная на левом берегу р. Енисея.[1] Южнее, вдоль реки, тянется уже непрерывный ряд таких могильников. Прежде всего упомянем Таштыкский, давший название всей культуре и ее времени, изученный С. А. Теплоуховым на ручье Таштык около с. Батени.[2] Еще далее к югу отметим могильник у подножия террасы, на которой расположен известный Копенский чаатас. На левом берегу Енисея находятся и два могильника-соседа, изученные А. В. Адриановым: один близ улуса Саргова и другой, получивший мировую известность, Оглахтинский у подошвы гор. Оглахты.[3]

В Абаканской степи, частично на территории г. Абакана, расположен интереснейший таштыкский могильник. Он отличается тем, что его погребения врыты в более древние курганные насыпи. Такая стратиграфия наглядно указывает на более позднюю дату таштыкских могил по сравнению с тагарскими курганами. Абаканский могильник исследовали А. В. Адрианов [4] и В. П. Левашова. В 80 км к западу от Абаканского расположен Уйбатский могильник, находящийся на территории известного Уйбатского (или Бейского) чаатаса.[5] Здесь нам также удалось сделать стратиграфические наблюдения: таштыкская могила № 8 оказалась сооруженной на южном склоне позднетагарского Большого Уйбатского кургана, исследованного Д. А. Клеменцом, обнаружившим там вещи, уже близкие таштыкским. Однако этот курган всеми своими особенностями еще тагарский. Стратиграфически он древнее соседних таштыкских могил. Таштыкские же формы в его инвентаре указывают на подготовку к изменению материальной культуры, начавшуюся под

---

[1] Краткий отчет. Архив ИИМК, дело № 55 за 1924 г.

[2] Теплоухов С. А. Опыт классификации... табл. II.

[3] Адрианов А. В. Оглахтинский могильник. Иллюстр. приложение к газете «Сибирская жизнь» за 1903 г., № 249 и № 254, стр. 2; Сосновский Г. П. О находках Оглахтинского могильника. ИИМК, 1933, № 7—8, стр. 34—41; Tallgren A. M. The South Siberian cemetery of Oglakty, ESA, XI.

[4] Адрианов А. В. Выборки из дневников... стр. 68—76.

[5] Киселев С. В. Некоторые результаты Саяно-Алтайской экспедиции 1936 г. ВДИ, 1937, № 1; его же. Саяно-Алтайская экспедиция в 1938 г. ВДИ, 1939, № 1.

влиянием различных причин, охарактеризованных выше, еще в конце тагарского времени.

К сожалению, южнее р. Уйбата на левом берегу Енисея выявление таштыкских могильников пока не произведено. На правом берегу самым южным пунктом является Думная гора — высота горного кряжа, разделяющего бассейн р. Лугавки и р. Кои в том месте, где проходит Усинское Транссаянское шоссе. Здесь А. В. Адриановым была исследована одна грунтовая таштыкская могила, находившаяся рядом с погребением в каменном кольце.[1]

В окрестностях Минусинска, близ с. Быстрая, таштыкский могильник был исследован в 1929 г. С. В. Киселевым. Им же в 1931 г. были произведены раскопки таштыкских грунтовых могил под Ильинской горой близ с. Тесь, на р. Тубе. В более северных районах правобережья исследования таштыкских могильников не производились, хотя сведения о наличии их, например в низовьях р. Сыды, имеются.

Почти все перечисленные могильники состоят из очень большого числа могил. Под Ильинской горой мы насчитали 132, на Уйбатском чаатасе около 200 и т. д. Как показывают исследования Оглахтинского могильника, в первоначальном своем виде его могилы на поверхности ничем не были отмечены. Иногда с северной или западной стороны вдоль границы могильника вкапывался ряд камней. При раскопках могильника под Ильинской горой был обнаружен с северной стороны ряд вертикально врытых плит девонского песчаника, идущий правильно с запада на восток. Сохранилось 12 плит, стоящих в 6—7 м одна от другой. Узкими торцами плиты обращены на север и юг. То же прослеживается и на Уйбате.

Все могильники таштыкской эпохи, кроме Оглахтинского, подверглись почти сплошному ограблению. Поэтому легко определить местоположение всех погребений. Сверху их отмечает впадина глубиной иногда до 1 м и отвалы земли, выброшенной при рытье грабительского лаза.

Сплошное ограбление таштыкских могил сильно препятствует их изучению. Производилось оно и в древности — в таких случаях следы раскопок более замаскированы, и особенно в XVIII в., когда «бугровщики» раскапывали таштыкские могилы совершенно открыто. Академики Гмелин и Миллер сохранили в своих записях отрывки бесед с одним бугровщиком, по прозвищу Селенга, раскапывавшим таштыкские могилы под Копенским чаатасом. Следы его раскопок мы подробно осмотрели в 1939 и 1940 гг. Тогда же удалось раскопать в этом могильнике одно погребение, лишь частично затронутое ограблением. Селенга, как и другие бугровщики, называл эти могилы «сланцами», «потому что такие могилы сплошь покрыты горизонтально лежащими плитами, по бокам же не видно ни одного вертикально стоящего камня».[2] Это указание весьма важно. Удивляющая всех «точность попадания» грабителей на погребения в большинстве таштыкских могильников

[1] Адрианов А. В. Выборки из дневников курганных раскопок, стр. 51.
[2] МАР, № 15, стр. 103.

вероятнее всего объясняется наличием таких надмогильных вымосток из сланцевых плит.

По словам Селенги, в таштыкском могильнике около Копен «под плитами слой земли не толще ладони, а под этим слоем местами встречаются могилы, обставленные вертикальными плитами, которые вышиною около $1^1/_2$ локтя. В таких могилах обыкновенно находят жженые кости; иногда, однако же, попадались и цельные остовы. Вышеупомянутый Селенга держался более этого рода могил, чем других, как потому, что находил в них много золота и серебра, притом большей частью в слитках, так и потому, что ему приходилось гораздо меньше трудиться над раскопкою» (чем над курганами Чаатаса — *С. В. К.*).[1]

В большинстве таштыкских могильников погребения находятся в четыреугольных ямах, ориентированных по длине с северо-востока на юго-запад (51%) или с восток-северо-востока на запад-юго-запад (35.5%). Гораздо реже встречаются ориентировки с запада на восток (9%) и с юго-востока на северо-запад (всего 4.5%). Нельзя, однако, заметить, чтобы могильники различались по ориентировкам. Все приведенные здесь направления встречаются вместе, в одних и тех же могильниках.

Внутреннее устройство таштыкских рядовых могил несложно. Часто они оставлялись неукрепленными. Иногда стенки их обкладывались плитами или в них ставились срубы в один и два венца лиственничных бревен, рубленных в лапу.[2]

Как особый вариант, отметим могилу *А* на Уйбатском чаатасе, исследованную В. П. Левашовой. Короткие стенки ее ямы были внизу укреплены лиственничными плахами, положенными попарно, одна над другой. Продольные же стенки были обставлены 7—8 вертикальными плахами. В этой своеобразной отделке рядовой таштыкской могилы можно видеть подражание деревянным конструкциям склепов таштыкской знати, расположенных рядом. Покрывались таштыкские грунтовые могилы (или установленные в них срубы) бревнами, плахами или жердями, положенными продольно или поперек. Кроме того, поверх наката часто настилалось несколько слоев бересты.[3] Береста применялась в таштыкское время как материал,

---

[1] МАР, № 15, стр. 103. «Раскопки» Селенгой «сланцев» объясняются еще и тем, что у него за 10 лет до встречи с академиками «засохла и онемела левая рука. Тогда татары стали говорить ему, что это божье наказание за то, что он не дает покоя их предкам. Но он не обращает на это никакого внимания, лопату свою привязывает к руке и грудью вдавливает ее в землю, уверяя даже, что грудь и онемевшая рука служат ему лучше одной здоровой руки» (МАР, № 15, стр. 97, примечание 5 на стр. 96).

[2] Из 18 могил близ Абаканской Управы все 18 имели срубы, то же можно сказать и об Оглахтинском могильнике. Из 10 могил, исследованных близ с. Быстрая, в 8 были открыты срубы. Из 5 могил у Ильинской горы — 3 со срубами. Из 11 погребений на Уйбатском чаатасе всего 2 имели срубы.

[3] Покрытие из 18 могил близ Абаканской Управы в 12 — бревенчатое и в 6 — бревенчатое с берестой. Из 10 могил близ с. Быстрая 6 покрытий бревенчатых продольных и 1 бревенчатое поперечное. Из 5 могил у Ильинской горы в 2 — бревенчатые с берестой и 1 — из горбылей. Из могил Уйбатского чаатаса в 3 — бревна или жерди и береста.

обеспечивающий непроницаемость, и как консервирующее средство. В первом качестве особенно широко она была применена в больших уйбатских склепах. В виде же консервирующего средства мы обнаружили ее в могиле № 2 Уйбатского чаатаса, где ею были обернуты лиственничные бревна сруба.

Пол таштыкских рядовых могил был грунтовый или выстилался берестой.[1] Кроме того, в могиле № 12 на Уйбатском чаатасе мы обнаружили пол из лиственничных бревешек. Аналогичный пол из плах встретился С. А. Теплоухову в могиле № 13 у оз. Горького близ Батеней и А.Н. Линскому возле Госбанка в г. Абакане. В стенки нескольких прекрасно сохранившихся срубов Оглахтинского могильника были вбиты заостренные палочки, на которых, очевидно, что-то развешивалось.[2]

Особо следует отметить встреченные в одной из могил Оглахтинского могильника полати из поперечных досок, лежавших на двух продольных, укрепленных концами на четырех подставках, вырубленных из корневой части лиственницы. Корневое расширение подставок тщательно обрублено в виде утолщенной базы. Не менее тщательно отесаны на несколько граней и верхние части подставок. Совершенно аналогичная подставка из корневой части лиственницы встречена нами и в склепе земляного таштыкского кургана на Уйбатском чаатасе.

В грунтовых таштыкских могилах встречаются погребения с трупоположением и с трупосожжением. Первых насчитано 21 из 49.[3] Из 26 могил, содержавших сожжения, только 8 представляли этот обряд в чистом виде,[4] остальные содержали трупосожжения, положенные в одну могилу вместе с несожженными останками. Чем обусловливалось такое различие в обряде, в настоящее время сказать еще невозможно. Во всяком случае здесь не играла роли разница по полу. Встречены несожженные женщины, положенные вместе с кучкой жженых костей, и обратно, несожженные мужчины, также с остатками сожжения. Нет также оснований видеть в двойственности погребального обряда отражение различий в общественном положении — слишком однороден состав грунтовых таштыкских погребений.

---

[1] Берестяная застилка пола встречена в 15 (из 18) могилах близ Абаканской Управы, в 1 (из 10) могиле близ с. Быстрая; в 2 (из 5) под Ильинской горой; в 1 (из 3) могиле около оз. Горького близ Батеней.

[2] Если эти палочки действительно служили для развешивания, то, может быть, следует вспомнить, как параллель, гвозди в стенах Ноин-Улинских склепов, на которых были развешаны богатства хуннских шаньюев, или гвозди в стенах Пазырыкского склепа. Однако возможны и другие определения. Так, совершенно аналогичные палочки были вбиты в большом числе в стены юрты, служившей местом жертвоприношений алтайцев, осмотренной нами на южном склоне старого Семинского перевала на Алтае в 1932 г. Эти палочки имели какое-то самостоятельное культовое значение.

[3] Абаканская Управа, кург. № 1 А, Г, № 4, II и № 5, I, II; Уйбатский чаатас, № 3, 4, 6, 7, 8а и 8б, 12; Ильинская гора, № 5; Быстрая, № 5—9, 12; оз. Горькое, № 11 и 13; Оглахты, мог. 1, г. Абакан, около Госбанка

[4] Абаканская Управа, кург. № 1, В, № 3, Д, № 1, III; Уйбатский чаатас, № 1, 2, 5; Ильинская гора, № 1, 2.

Весьма распространена в таштыкских могилах посмертная трепанация черепа в затылочной части. В Оглахтинском могильнике оказались трепанированными *все* черепа. Мозг из них был извлечен до погребения. На это указывает наличие *внутри* черепов всех вырезанных при трепанации кусков кости.

В трех оглахтинских могилах, содержавших парные погребения, А.В. Адрианов нашел части мумифицированных трупов.

Мумификация и трепанирование являлись в эпоху таштыкских погребений весьма распространенным обычаем на нашем востоке. Достаточно вспомнить трепанированные черепа из сарматских погребений Поволжья и мумификацию (с трепанацией) останков погребенных в каменных курганах пазырыкского типа на Алтае.

Из других обрядовых особенностей таштыкских грунтовых могил следует отметить погребальные манекены, встреченные в Оглахтах. Еще в погребении, случайно открытом Егором Кокашиным ранней весной 1902 г., была обнаружена куртка из тонкой кожи, набитая травой в виде чучела туловища человека. В могиле № 1 вдоль рук и ног были положены длинные узкие кожаные мешки, как бы имитировавшие тело человека. Самые кости под ними оказались не в полном порядке, что дает основание предполагать «монтаж» погребения уже после разложения мышечной ткани. В этой же могиле, около обоих черепов были положены два чучела голов. Одно из них было изготовлено с большой тщательностью: комок травы сверху был обтянут кожей, на которой были сделаны нос, рот и глазные впадины. Сверху, покрывая бо́льшую часть «головы», была натянута шелковая, яркокрасная ткань, под подбородком собранная ниткой. На лбу материя была обшита кожей и украшена узором из шнура. Макушку и затылок искусственной головы закрывал чепец из шелковой ткани. На красной материи, наложенной на лицевую часть «головы», синевато-черной краской нарисованы брови, ноздри и рот.

Такому стремлению хотя бы с помощью манекена сохранить тело или даже его часть и прежде всего лицо служат в таштыкских могилах, так же как и в позднетагарских курганах, погребальные маски. В одной из могил А. В. Адрианов обнаружил и явную связь между применением чучел голов и масок. Найденная там маска была положена на имитировавший голову комок травы.

Другие находки масок в таштыкских грунтовых могилах и в том числе в оглахтинских погребениях самым своим положением указывают на основное их назначение — сохранить облик покойника.[1] Обычно их находят на черепах погребенных, причем исследование показывает, что они были наложены на лица покойников еще сырыми и поэтому на их внутренней стороне отпечатались все подробности лица

[1] Маски найдены в грунтовых таштыкских могилах во всех уцелевших погребениях Оглахтов (раск. Адрианова 1903 г.), близ Абаканской Управы (раск. Адрианова 1898 г.— кург. № 1, мог. К., кург. № 5, I и III; 1899 г.— кург. № 5, I); в г. Абакане (погребение, исследованное В. П. Левашовой в 1939 г.), на Уйбатском чаатасе (раск. С. В. Киселева 1936 и 1938 гг., мог. № 2, 5); в г. Абакане около Госбанка (раск. А. Н. Липского 1946 г.).

умершего: со складками и морщинами и приставшими к маске светлыми волосами. В этом отношении они явно продолжают ритуал, сложившийся еще в позднетагарское время (ср. Кызыл-Куль, курган № 8). Под некоторыми масками на глаза, на нос и на рот покойника были наложены четыреугольные кусочки тонкой шелковой ткани светлозеленого цвета. При этом на кусочках для глаз и рта были сделаны прорезы. Такая особенность не позволяет связывать маски с ритуальным предохранением живых от мертвеца, который может принести вред «взглядом» или «дыханием».

Маски из таштыкских грунтовых могил, так же как и найденные в склепах под таштыкскими каменными кольцами и под квадратными насыпями, сделаны из изобретенной еще в тагарское врем гипсовидной белой терракоты. Некоторые из них, как и в склепах, изображают не только лицо, но и половину головы с ушами и подбородком. Встречены также маски с шеей. Нет пока только масок бюстов, столь характерных для погребений в таштыкских склепах. Окраска масок впервые применялась еще в позднетагарское время. В таштыкских грунтовых могилах были обнаружены маски, сохранявшие натуральный белый цвет, окрашенные сплошь красным и раскрашенные узором, нанесенным красной краской на белый фон. Изучение узора убеждает в его полном сходстве с росписью масок из таштыкских склепов. Установлены те же спирали и «лабиринты» на лбу, полудиски под глазами и т. п. Так же как и маски из таштыкских склепов, маски из грунтовых могил иногда после выемки из формы дополнялись частями, почему-либо не отформовавшимися. При этом и здесь встречены дополнения схематически вылепленных носов, столь частые в склепах. Особенно яркий пример в этом отношении представляет маска, найденная на черепе в грунтовой таштыкской могиле, обнаруженной в 1939 г. в г. Абакане, экспонированная В. П. Левашовой в Хакасском областном музее. Эта маска интересна и в другом отношении. Она представляет собой первую находку в грунтовых таштыкских могилах широколицей маски — типа, весьма распространенного наряду с узколицыми среди масок из таштыкских склепов. Мы видим, таким образом, что по материалу, по технике формовки, по раскраске и по физиономическим особенностям маски из таштыкских грунтовых могил весьма близки к найденным в таштыкских склепах. Поэтому, поскольку в склепах найдена основная серия, дальнейшие их рассмотрения мы проведем уже совместно в следующем разделе.

В ряде грунтовых погребений Оглахтинского могильника сохранились привязные косы тонких и мягких каштановых волос. Иногда они заплетены обычным приемом, в три пряди, и тогда живо напоминают привязные косы из Ноин-Улы. Иногда же они сплетены на ременном каркасе в сложный подковообразный узел.[1] Подобные каркасные косы были встречены нами и в таштыкских склепах. Способ ношения их также стал известен: в склепе под самым большим таштыкским курганом

[1] Сосновский Г. П. О находках Оглахтинского могильника. ПИМК. 1933, № 7—8, стр. 35.

Уйбатского чаатаса (№ 1) в 1938 г. была найдена деревянная головка воина, имевшего на макушке совершенно такую же сплетенную в подкову косу.

Под черепами в ряде оглахтинских могил найдены зерна проса, как бы выделяющие в ритуале значение таштыкского земледелия. Вместе с тем почти во всех таштыкских грунтовых могилах найдены остатки мясной пищи в виде костей овец, коров и лошадей.

Вещевой инвентарь таштыкских грунтовых могил, особенно полно сохранившийся в Оглахтах, отличается большой скромностью.

Но наряду с этим в инвентаре таштыкских грунтовых могил заметна та же особенность, которую мы отмечали и у рядовых погребений пазырыкского Алтая. Если не считать уцелевших оглахтинских погребений, во всех остальных грунтовых могилах находятся остатки или признаки былого наличия похищенного грабителями золота. О золоте из грунтовых таштыкских могил рассказывал Миллеру и Гмелину в 1739 г. и бугровщик Селенга в Копенах. Очевидно, и в Минусинской котловине в таштыкскую эпоху имело место, как и на Алтае, широкое распространение золота, проникшего в быт самых широких слоев населения. Вполне возможно, что золото в это время и здесь упало в цене и поэтому обогащение им было весьма относительным и во всяком случае недостаточным для того, чтобы изменить старый самобытный и простой уклад жизни рядовых таштыкцев.

Уцелело золото в грунтовых таштыкских могилах, главным образом, в виде отдельных тонких листков, вероятно, украшавших одежду.[1] Кроме того, найдены золотые серьги своеобразной формы с миндалевидным щитком,[2] сходные с позднетагарскими.[3] Изредка встречались стеклянные бусы, позолоченные и глазчатые. Последние вполне сходны с глазчатой бусиной, найденной Проскуряковым в позднетагарском кургане в б. Ачинском округе.

Никаких металлических орудий в грунтовых таштыкских могилах не найдено. Железная оковка и железный кружок, найденный в 1899 г. в кургане № 5, погр. I близ Абаканской Управы, являются пока единственной находкой изделий из железа. Редки и бронзовые вещи. В 1898 г. в кургане № 5, погр. II были найдены бронзовая пластинка и бляшка в виде близкого к позднетагарским скачущего оленя. Кроме того, в одной из могил, раскопанных на берегу ручья Таштык, нашелся миниатюрный бронзовый котелок, сходный со встреченными в таштыкских склепах Уйбатского чаатаса. Близок он и к глиняным миниатюрным котелкам, впервые появившимся еще в конце тагарского времени.[4]

---

[1] Быстрая, раск. Киселева 1929 г., мог. № 9; Уйбатский чаатас 1936 г., мог. № 2.

[2] Р. Таштык (Теплоухов С. А. Опыт классификации..., т. II, 4); оз. Горькое, мог. № 13 (Краткий отчет, Архив ИИМК, дело № 55 за 1922 г.).

[3] Ср. серьгу, найденную Д. Клеменцом в большом кургане Уйбатского чаатаса, хранящуюся в ГИМ. См. стр. 163. Эти серьги широко распространились в I в. до н. э.—I в. н. э. среди боспорских, парфянских и сарматских украшений.

[4] Ср., напр., котелки из кургана, раскопанного Аспелином около Теси.

Своеобразны костяные изделия. Это, прежде всего, найденные на р. Таштык резаки,[1] такие же, как и собранные на стоянке на Лугавской улице в Минусинске. Особенно же часты костяные гвоздевидные шилья и булавки.[2] В Оглахтинском могильнике они были найдены воткнутыми в берестяные туяски, покрытые китайской тканью.

Уцелевшие в грунтовых таштыкских могилах куски тканей — все китайские, шелковые. Одни из них очень тонки, другие вытканы из толстых крученых нитей. Несомненно, особый интерес представляют плотные шелковые ткани, покрывающие оглахтинские берестяные туяски. Ткань на туяске из могилы № 1 украшена чередующимися в шахматном порядке синими и красными четыреугольниками. Ткань с туяска из могилы № 2 имеет более сложный рисунок. Его составляют фигуры тигров, облака и иероглифы долгоденствия.[3]

Ближайшие аналогии этой последней ткани доставили раскопки курганов хуннской знати в Ноин-Уле, где китайские ткани ханьского времени, украшенные изображениями животных и иероглифами, представлены рядом прекрасных экземпляров.[4]

Не менее убедительные аналогии можно подобрать и среди ханьских шелковых тканей, собранных Аурелем Стейном в Лу-лане.[5]

Несколько особняком от туясков, обтянутых шелком, стоит оглахтинский берестяной туяс, на который, по словам А. В. Адрианова, был нанесен орнамент «наподобие распространенного у остяков и самоедов Нарымского края».[6] Остатки берестяного туяса были также обнаружены в 1938 г. в могиле на Уйбатском чаатасе. От него сохранилось днище с прошитым узором в виде звезды (табл. XXXVIII, рис. 20). Помимо туясков, в Оглахтах найдено берестяное ведро.

Исключительный интерес представляет разнообразная деревянная посуда из Оглахтов, придающая особую простоту таштыкским грунтовым погребениям. Прекрасно сохранились круглые и корытообразные плошки, одна из которых имеет свитую из бересты ручку.

Привлекает внимание долбленый боченок со вставным дном. К нему имеются втулка, кран и воронка. Ковши двух форм — чашевидные и в виде круглодонной кринки с ручкой из сучка. Последняя форма, очевидно, была особенно распространена, так как в одном из таштыкских склепов Уйбатского чаатаса мы нашли

---

[1] Теплоухов С. А. Опыт классификации..., табл. II, рис. 15.

[2] Там же, табл. II, рис. 6.

[3] Сосновский Г. П. О находках Оглахтинского могильника. ИИМК, 1933, № 7—8, стр. 36.

[4] Trever C. Excavations in Northern Mongolia, pl. 17, 1—2; Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии. Л., 1925, в конце текста табл. 2 и 3.

[5] Stein A. Innermost Asia, pl. XXXIV, XXXV, XLII, XLIII.

[6] Адрианов А. В. Оглахтинский могильник. Иллюстрир. прилож. к газете «Сибирская жизнь» за 1903 г., № 254, стр. 2.

ее бронзовое миниатюрное изображение. Аналогичный ковш найден в 1947 г. во втором Пазырыкском кургане на Алтае[1] и среди ханьских древностей.[2]

Деревянная ложка из Оглахтов живо напоминает ложку из Ноин-Улинских курганов.[3] В нескольких оглахтинских могилах найдены обломки луков. Один из них, обнаруженный в могиле № 1, сохранился почти на три четверти. Он представляет собой прямой лук из тонкой деревянной палки, уплощенной посредине. Первоначальная его длина достигала 92 см. На уцелевшем конце его имеется зарубка для крепления тетивы. Подобные луки широко распространились в Средней Азии и у причерноморских сармат вместе с длинным мечом, штурмовым копьем и другими видами вооружения тяжелой конницы. Длина сарматского лука, судя по изображениям на надгробиях, 80—90 см.[4] Носился он со спущенной тетивой в прямом футляре. Одновременно с ним продолжал применяться и легкий изогнутый лук скифского типа. Мы видим его у сармат, изображенных на стенах керченских склепов,[5] у среднеазиатских воинов и у сибирских всадников, детально переданных на золотых бляхах хунно-сарматского времени.[6] К сожалению, неизвестны стрелы, пускавшиеся из таштыкских луков. Нужно думать, что они были вооружены сравнительно легкими наконечниками, может быть, главным образом костяными. Что касается большого числа случайно найденных на минусинских пашнях крупных «двухъярусных» железных наконечников стрел, аналогичных встреченным в ноин-улинских курганах хуннской знати, то они, несомненно, требовали более крупных луков типа ахеменидских гвардейских (длина до 120 см)[7] или дальневосточных боевых (длина до 140 см).[8]

В ряде оглахтинских могил у кистей рук и в ногах покойников были найдены узкие деревянные вырезные дощечки, окрашенные в красный цвет. Особенно хорошо сохранились две пары, найденные в могилах № 2 и 7. Состав обеих пар совершенно одинаков. Одна дощечка представляет собой сужающуюся к закругленному концу пластинку с двумя полукруглыми выступами по бокам, на которых укреплены подконические выпуклости. Возможно, что этот вид пластинок представляет собой ритуально схематизированные изображения голов змей (особенно характерна в этом отношении пластинка из могилы № 7).[9] Возможно, впрочем, и другое — имитация расширения на конце ножен сарматского меча.[10] Более сложны пластинки

---

[1] Сосновский Г. П. О находках Оглахтинского могильника. ПИМК, 1933, № 7—8, стр. 38. Руденко С. И. Второй Пазырыкский курган. Табл. X, рис. 2.

[2] Хранится в Музее Университета в Сиани.

[3] Там же, стр. 39, Ср.: Trever C. Excavations in Northern Mongolia, pl. 32, 3.

[4] Толстой И. И. и Кондаков Н. П. Русские древности..., вып. II, рис. 55.

[5] Там же, рис. 50.

[6] Там же, вып. III, рис. 69, 70, 71.

[7] Sarre F. Die Kunst des Alten Persien. Berlin, 1923, Taf. 38.

[8] Кокка. Временник искусств, 1890, № 9 (Токио).

[9] Сосновский Г. П. О находках Оглахтинск. могильн. ПИМК, 1933, № 7—8, стр. 39.

[10] МАР, № 37, табл. III.

второго вида. Их нижняя часть похожа своим строением на дощечки первого типа — закругленный конец, полукруглые выступы с накладными выпуклостями на них. Однако в верхней части они имеют вторую пару выступов и над ними шею и голову миндалевидной формы. В этих фигурках можно видеть двоякого вида образы. Это, может быть, схематическое изображение летящей водоплавающей птицы, постоянно, наряду со змеей, применявшейся в ритуале народов севера Сибири.[1] Однако не следует упускать из вида и большого сходства с антропоморфными идольчиками, подобными, например, изображению духа «гирки» у современных гольдов. В последнем случае близость подчеркивается и красной раскраской и аналогичным оформлением голов.[2] Здесь же следует отметить совершенно сходный с оглахтинскими, только отлитый из бронзы, «идольчик» из известного Ишимского клада, найденного в Ачинском округе, севернее железной дороги.[3] Помимо того, что эта находка уточняет время важнейшего памятника древней истории таежных племен, она еще раз отмечает связи южносибирского таштыкского населения с таежным севером, очевидно, в культурном отношении во многом зависевшим от юга.

Почти во всех таштыкских грунтовых могилах найдены глиняные сосуды. Преобладают три формы — баночные, сферические плоскодонные и «кубковидные» на коническом поддоне. Все они формованы от руки из глины, ставшей после обжига или темно- или светлокоричневой.

Баночные горшки (табл. XLIV, рис. 10, 11) по своей форме и орнаментике пояс подтреугольных точек, полулунных вдавлений, округлых выпуклостей) вполне совпадают с найденными в таштыкских склепах.[4] Кубковидные (табл. XLIV, рис. 2—5) также сходны с находимыми в склепах,[5] но близки и к позднейшим тагарским. продолжением которых они, очевидно, и являются. Их орнаментика опять-таки вполне совпадает с характерной для кубков из склепов (дуговые отпечатки зубчатки, полулунные вдавления, резные линии и заштрихованные треугольники).[6]

Орнаментика сферических сосудов из таштыкских грунтовых могил в большинстве случаев представлена идущим по плечам широким горизонтальным поясом резных заштрихованных треугольников, концентрических дуг или резных спи-

---

[1] Оглахтинские пластинки в этом отношении особенно близки к изображениям летящих водоплавающих птиц, найденным на палеолитической стоянке Мальта близ Иркутска (Герасимов М. М. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальте. Изв. ГАИМК, вып. 118, стр. 114, рис. 32).

[2] «Гирки» хранятся в Музее народов СССР.

[3] Ермолаев. Ишимская коллекция. Красноярск, 1914, т. IV.

[4] Кривинское, кург. № 1—4 (Киселев С. В. Материалы 1928 г., т. V).

[5] Быстрая, кург. № 1 — раск. С. В. Киселева в 1929 г.

[6] Кривинское, кург. № 3, № 4 (Киселев С. В. Материалы 1928 г., стр. 150—151).

ралей. Выше обычно расположена кайма в виде лесенки или ленты, зачерченной крестиками. Иногда в нижней части орнаментального пояса вокруг всего сосуда налеплены 5—6 выпуклостей с нарезками (табл. XLIV, рис. 6—9).[1]

Этот вид посуды из таштыкских грунтовых могил особенно интересен. Будучи глубоко своеобразным, он за последнее время все в большем числе находится и в таштыкских склепах.[2] Эти находки, вместе со стратиграфическими наблюдениями на таштыкской стоянке на Лугавской улице в Минусинске, устанавливают одновременность керамических комплексов из грунтовых таштыкских могил и из таштыкских склепов.

Это подтверждают и другие находки сходных предметов в склепах и грунтовых могилах. И там и здесь были встречены одинаковые базы подпорок для полатей — погребальных лож — из корневой части лиственницы, деревянные сосуды, кринковидные ковши, бронзовые миниатюрные котелки, сложно сплетенные косы, маски, золотые листки и т. п.

Имеются также и явные признаки связи таштыкских грунтовых погребений с позднетагарскими курганами. Эту связь подчеркивает обычай погребения в срубах, покрытых накатом и берестой, наличие трупосожжения, ритуал вторичного захоронения костей, уже лишенных ткани, трепанация, обычай масок и сходства в инвентаре — наличие баночных и кубковидных сосудов, миниатюрных котелков, глазчатых бус, миндалевидно-щитковых серег.

Однако если материальная культура населения, оставившего грунтовые таштыкские могилы, представляется в значительной мере продолжением того, что впервые сложилось в позднетагарское время, то в таком же положении оказывается и материальная культура людей, сооружавших таштыкские склепы.[3] А это еще раз подкрепляет вывод об одновременном существовании на среднем Енисее в таштыкское время двух групп населения — хоронивших в грунтовых могилах и в обширных склепах. Причины этой двойственности станут более ясными после рассмотрения таштыкских склепов.

3. ТАШТЫКСКИЕ СКЛЕПЫ

По характеру надмогильных сооружений таштыкские погребения в склепах объединяются в две близкие друг другу группы — «каменных колец» и «подквадратных насыпей».

Рассмотрим прежде всего склепы, отмеченные на поверхности «каменными кольцами» или, точнее, кольцевыми валами из беспорядочно насыпанных обломков

---

[1] Могилы у с. Быстрая, раск. С. В. Киселевым в 1929 г.; Оглахты, мог. № 5; могилы по р. Таштык, раск. С. А. Теплоуховым (Теплоухов С. А. Опыт классификации..., табл. II, рис. 1).

[2] См. ниже, стр. 236.

[3] См. об этом ниже.

девонского песчаника. Судя по данным разведок и раскопок, они распространены примерно на той же территории, что и таштыкские грунтовые могильники. Они известны в низовьях р. Сыды, около с. Усть-Сыды и Сыды, в окрестностях с. Краснотуранского.[1] По р. Тубе около с. Тесь, заимки Усть-Тесь[2] и в логе Джесос, в окрестностях озера Кызыл-Куль, в 30 км к западу от г. Абакана,[3] близ с. Быстрая под Минусинском,[4] на Тагарском острове,[5] у с. Кривинского[6] и Лугавского[7] и на Думной горе, близ с. Знаменки.[8]

Расположение таштыкских склепов, отмеченных на поверхности каменными кольцами, различно. Бóльшая их часть находится на тех же надлуговых террасах, в устьях широких логов, где расположены и могильники других периодов истории Минусинской котловины. Замечено только, что эти погребения, сгруппированные по два и даже по пять-шесть, всегда оказываются ближе к приречному краю террасы. Однако наряду с кольцами на террасах известны аналогичные погребения на вершинах горных кряжей. Там они обычно одиночны и сооружены на площадках, расположенных на самом верху окраинных мысов хребта, обрывающихся в долину. В. П. Левашова исследовала подобное одиночное погребение на одном из высоких отрогов Майдашинских гор над с. Быстрой. Мне пришлось только осмотреть аналогичное сооружение на вершине Ильинской горы близ с. Тесь.

В настоящее время на поверхности земли обычно видны лишь невысокие кольцевые валы из насыпанных беспорядочно обломков девонского песчаника. Диаметр колец колеблется от 10 до 20 м. Внутри каждого кольца всегда отчетливо видна квадратная оградка из врытых ребром плит.

Раскапывая эти кольцевые валы с захватом всей их площади, я смог установить их первоначальную конструкцию.

Оказалось, что прежде всего строители вырывали по начерченной окружности канаву с отвесными стенками. Затем ее заполняли обломками девонского плит-

---

[1] Разведки и раскопки С. В. Киселева в 1929 г. Материалы хранятся в Минусинском музее.

[2] Разведки и раскопки С. В. Киселева в 1928 и 1932 гг. Результаты 1928 г. опубликованы (Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г., стр. 144—146). Материалы 1932 г. хранятся в ГИМ.

[3] Адрианов А. В. Выборки из дневников..., стр. 41—44, 59, 60.

[4] Раскопки С. В. Киселева в 1929 г. и также В. П. Левашовой 1933 г. Материалы хранятся в Минусинском музее.

[5] Раскопки А. В. Адрианова в 1883 г. (Клеменц Д. Древности Минусинского музея, Томск, 1886, стр. 26—27). Раск. Д. Клеменца около Минусинска, Материалы хранятся в ГИМ.

[6] Раскопки С. В. Киселева в 1928 г. (Материалы археологической экспедиции, стр. 147—153).

[7] Раскопки В. Г. Карцова и В. П. Левашовой в 1930 г. Материалы хранятся в Гос. Эрмитаже.

[8] Раскопки А. В. Адрианова в 1895 г. Выборки из дневников, стр. 51, 52, и ОАК за 1895 г., стр. 141—151.

няка. На таком фундаменте, с поверхности, из тех же обломков выкладывалась стенка. Глубина фундамента у исследованных мною «колец» колеблется от 0.5 до 0.8 м. Ширина фундамента, а также, вероятно, и возводившейся на нем стенки равняется 0.8—1.25 м. Высота стенки достигала, очевидно, 1 м (если учесть объем развалившейся надземной части). К сожалению, у многочисленных «колец», исследованных. А. В. Адриановым, зафиксированы только диаметры и высоты. Если основываться на приведенных Адриановым высотах больших «колец» в 1.25—1.5 м, следует, пожалуй, считать их стенки в первоначальном виде и более высокими и, вероятно, более широкими, чем у исследованных мною.

В настоящее время все виденные мною кольцевые стенки развалились, и только у самого низа можно заметить остатки их правильной кладки.

Внутри кольца на огороженной площадке вырывалась квадратная яма, ориентированная сторонами по странам света, иногда с незначительными отклонениями. У погребений, сооружавшихся на вершинах скал, яма обычно вырубалась в плитняке на половинную глубину. Остальная часть камеры выступала над поверхностью и была скрыта в засыпке обломками камня всего пространства между деревянными стенками склепа и круговой каменной оградой.

Размеры ямы равнялись 5 × 5 — 6 × 6 м при глубине в 1—1.5 м. Ее стенки до самого верха укреплялись срубом из лиственничных бревен, рубленных в лапу. В одном случае А. В. Адрианову удалось заметить, что бревна были очищены плохо — внутри могилы торчали длинные сучья ветвей. Сверху могила засыналась землей. Поскольку в настоящее время весь склеп заполнен землей, нужно предполагать, что при засыпке использовалась вся земля, вынутая при копке ямы. Каких-либо следов потолка мы здесь не обнаружили. Не обнаружили мы и следов повторных раскрытий этих камер для последующих погребений. Удалось найти лишь остатки грабительских ходов. Таким образом, следует предположить, что рассматриваемые камеры, поскольку в них встречаются остатки нескольких погребений, оставались известное время незакопанными, отделенными от внешнего мира только кольцевой стенкой. Перед окончательной засыпкой могилы ее деревянные стены часто поджигались. Будучи вполне сухими, бревна срубов, остававшихся долгое время открытыми, сгорали часто почти целиком.

После окончательной засыпки могилы вдоль верхнего края ее стенок врывались стоймя плиты, образовывавшие заметную до сих пор квадратную оградку. Способы погребения в склепах за кольцевыми стенками были весьма разнообразны.

Применялось трупосожжение, производившееся на месте, в яме, или где-то на стороне. Если покойника сжигали в яме, все дно ее оказывается устланным мощным углисто-золистым слоем. В этом случае обгорали не только бревна сруба, но прокаливались докрасна и земляные стенки ямы. Однако чаще встречается перенесенное трупосожжение. Тогда остатки пережженных костей располагаются отдельными кучками, обычно заботливо уложенными в «гнезда», свитые из травы.

Только после завершающего сожжения всего склепа перед засыпкой гнезда также сгорали. Их трава дошла до нас чаще всего совершенно обуглившейся.

Наряду с трупосожжением мы встретили и коллективные трупоположения. Особенно интересно в этом отношении погребение № 5 около с. Кривинского. Там было обнаружено 9 костяков, лежавших в два ряда (в западной части — 5 и в восточной — 4).

А. В. Адрианову встретились склепы, содержавшие захоронения костей человека после освобождения скелета от мышечной ткани. Мною дважды был обнаружен этот же обряд повторного погребения, но совместно с трупосожжением.

Останки погребенных в большинстве случаев были положены прямо на земляное дно камеры. Лишь изредка встречались подстилы из травы, хвои кедра, коры лиственницы и сшитых пластов бересты.

Две совершенно так же устроенные камеры удалось открыть летом 1929 г. под горой Б. Бычиха у с. Сыды уже не в кольцевой ограде, но в насыпи каменного кургана. Этот курган весьма интересен с двух точек зрения. Своими размерами и общим видом он весьма близок к земляным курганам и подквадратным насыпям таштыкского времени, исследованным на Уйбатском чаатасе. Однако Сыдинский курган имеет и такие особенности, которые являются пережитками более ранних тагарских курганных обычаев.

К ним нужно отнести не одну, как у всех таштыкских, а две погребальные камеры и наличие на насыпи четыреугольной оградки из вертикально врытых плит. У оградки совершенно «по-тагарски» на каждом углу стоят крупные камни.

При изучении инвентаря таштыкских склепов мы убедимся в том, что признаки связи таштыкских конструкций с тагарскими далеко не единичны.

Вещи, находимые в таштыкских склепах за кольцевой стенкой или под каменным курганом, располагались обычно по дну. При этом далеко не всегда можно было связать их с той или иной кучкой костей или останками несожженного человека. Удалось отметить случаи установки сосудов преимущественно у стен, к которым также иногда прислонялись маски с бюстом.

В таштыкских склепах были найдены костяные наконечники стрел, железные и бронзовые принадлежности сбруи и одежды, различные вотивные фигурки и изображения бытовых вещей, украшения, керамические изделия — сосуды, маски, рельефные плакетки и кости домашних животных.

Ввиду того, что все эти предметы полностью совпадают с найденными в таштыкских склепах под земляными курганами в Уйбатском чаатасе, подробное рассмотрение их будет сделано ниже.

Здесь же следует отметить, что склепы в кольцевых оградках рядом деталей, так же как и грунтовые таштыкские могилы оглахтинского типа, связываются с предшествующим, тагарским, временем. Уже это позволяет предполагать одновременность обоих видов таштыкских погребений. Это подтверждается и совпадениями в инвентаре. Однако нельзя не отметить и те особенности, которые отли-

чают один от другого оба рассмотренных типа. Особенно бросается в глаза большая роль скота в погребальном обряде склепов. Постоянное же наличие среди их инвентаря нескольких вотивных удил подчеркивает коневодческий быт людей, похороненных в таштыкских склепах. Перед нами как бы остатки жизни двух групп населения Минусинской котловины в таштыкское время. Это особенно ярко выступает при изучении таштыкских склепов Уйбатского чаатаса.

4. СКЛЕПЫ УЙБАТСКОГО ЧААТАСА

Уйбатский, или Бейский, чаатас известен в археологической литературе уже давно. В 1887 г. этот могильник посетила экспедиция проф. Аспелина. Тогда было составлено описание всех его частей, сделаны многочисленные зарисовки и снят глазомерный план. Все эти материалы, изданные в 1931 г., прежде всего служат красноречивой иллюстрацией того, как быстро разрушаются наземные археологические остатки, — уже многое из того, что видел Аспелин, нельзя увидеть сейчас. Исчезли целые массивные каменные стелы, осыпались или были оббиты древние рисунки и изваяния.[1] Вскоре после Аспелина могильник был осмотрен Д. Клеменцом, тогда сотрудником Минусинского музея. В 1889 г. на средства Археологической комиссии Д. Клеменц предпринял здесь раскопки самого большого земляного кургана, расположенного на восточной окраине могильного поля. В 1890 г. раскопки были завершены.[2] Раскопки велись с большой тщательностью. К сожалению, отчет об этой работе в целом остался неопубликованным.[3]

Более поздние раскопки С. А. Теплоухова коснулись лишь нескольких каменных курганов и грунтовых таштыкских могил. В одном из каменных курганов им была найдена серебряная чашечка с орхоно-енисейской надписью на дне. Методика этих раскопок была очень несовершенна, в чем пришлось убедиться в результате повторных раскопок 1936 г.[4]

Наши раскопки 1936 и 1938 гг. охватили все виды памятников Уйбатского чаатаса — каменные кыргызские курганы, грунтовые таштыкские могилы и таштыкские же погребальные склепы.[5]

---

[1] Alt-Allaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildmaterial von J. R. Aspelinns Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887—1889, herausgegeben von H. Appelgren — Kivalo. Helsingfors, 1931, стр. 14, 15, рис. 158—184.

[2] См. выше, стр. 161 и сл.

[3] Отчет Археологической комиссии о раскопках, произведенных по поручению ее в Минусинском округе в 1889 и 1890 гг. Дмитрием Клеменцом. Хранится в Архиве ИИМК за 1888 г., № 23.

[4] Отчета, как и о большинстве других работ С. А. Теплоухова, не имеется. Вещи хранятся в Гос. Этнографическом музее.

[5] ВДИ за 1937 г., № 1 и за 1939 г., № 1; Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. Изд. АН СССР, М.— Л., 1941, стр. 306 и сл. План раскопок 1936 и 1938 гг. См. Е в т ю х о в а Л. А., Археологические памятники енисейских кыргызов. Абакан, 1948, стр. 19, рис. 19.

В 1936 г. Уйбатский чаатас посетили и другие исследователи. В. П. Левашова одновременно с нами раскопала один таштыкский склеп (№ 6). [1] Осенью, по поручению Гос. Эрмитажа, М. М. Герасимов вывез с чаатаса карасукские стелы и раскопал те кыргызские каменные курганы, возле которых они стояли.[2]

Уйбатский (Бейский) чаатас расположен в 6.5 км к юг-юго-востоку от ст. Уйбат по полевой дороге, идущей из улуса Чиркова на покосы, сейчас же за вторым логом, пересекающим эту дорогу. Местность — почти плоская степь, покрытая на поверхности значительным количеством дресвянистых материалов и гальки. Растительность скудная, с большим количеством лишайников, вереска и полевого чеснока.

В настоящее время с северной и южной стороны к могильнику подошли орошаемые пашни, с запада примыкает полевая усадьба бригады колхоза им. Сизых, расположенного километрах в 5—6, уже в горах, выше по течению р. Беи.

Вся прилегающая к могильнику степь (кстати, носящая также название «Чаатас») покрыта курганами тагарской эпохи.

На территории самого чаатаса расположены два больших тагарских кургана, являющихся здесь древнейшими сооружениями. Замечательно, что около каждого из них впоследствии было создано очень много разнообразнейших погребальных сооружений, которые и составляют две почти обособленные части чаатаса — северо-западную и юго-восточную (табл. XXXV, рис. 1).

Начнем с последней. Почти в самом юго-восточном углу территории могильника расположен большой земляной курган, раскопанный в 1889 и 1890 гг. Д. Клеменцом. Курган этот имел диаметр с севера на юг 60 м и с запада на восток — 50 м, при высоте в южной части до 4.25 м, и заключал в себе обширную могильную яму с остатками позднейшего тагарского погребения. Его инвентарь во многом уже был близок к таштыкскому. При обследовании кургана на его южной поле оказалось погребение позднейшего времени, прорезавшее его насыпь. Оно было отмечено на поверхности деформированной квадратной выкладкой из плиток, вполне аналогичной выкладкам позднеташтыкских могил второго могильника в 1.5 км к востоку от чаатаса. Раскопки не опровергли такого определения. К западу от большого кургана расположен протянувшийся с северо-северо-запада на юг-юго-восток ряд высоких стел, поставленных ребром на восток и запад. Многие стелы в настоящее время отбиты, и видны только их нижние части, прочно зажатые между двумя перпендикулярно врытыми плитами — «контрфорсами». Некоторые стелы повалились, и лишь немногие стоят в первоначальном виде. Вообще сравнение современного состояния этого ряда камней с зарисовками даже конца XIX в. (того же Аспелина) показывает необычайную быстроту разрушения даже таких монументальных памятников. Всего в настоящее время в ряду можно насчитать 34 стелы разной сохранности и положения. Несомненно на сохранившемся участке

---

[1] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., М.— Л., 1941, стр. 308—311.
[2] Там же, стр. 316—317.

первоначально стел было больше, но они были выкопаны, о чем свидетельствуют не только явные пропуски, нарушающие прослеживаемую ритмичность промежутков в 1.5—2 м, но и рытвины на месте некогда стоявших камней. Вполне возможно, что ряд продолжался первоначально и дальше в обе стороны. Особенно это вероятно для севера, где стелы теряются в обширной слившейся массе каменных насыпей. Тот факт, что эти последние, как и каменные курганы, давшие самому могильнику название чаатас, были сооружены позднее ряда стел, доказали произведенные нами раскопки могилы, отмеченной округлой каменной насыпью (№ 3), расположенной между двумя камнями ряда. Изучение могильной ямы показало, что она перерезала более старую выемку, сделанную при установке контрфорса каменной стелы ряда. Эти раскопки заставляют отрицать связь ряда стел с каменными курганами.

Западнее ряда камней расположены отдельные выемочки, овальные в плане (вытянутые с запада на восток) и имеющие с северной, а иногда и с южной стороны небольшие насыпки как бы выкинутой земли. Они или разбросаны в одиночку, или группируются по нескольку. 4 из них были раскопаны С. А. Теплоуховым и 7 нами. Под ними оказались таштыкские погребения оглахтинского типа. Здесь же расположен большой, но невысокий земляной курган (№ 1) с двумя выемками на вершине и двумя уцелевшими камнями. Раскопки его в 1938 г. обнаружили большой таштыкский склеп. К северо-западу от этого кургана цепочкой протянулись семь плоских, иногда еле заметных, сильно задернованных квадратных насыпей. Две из них по западной стороне имели стенку из врытых в ряд плит, и в одном случае был как бы обозначен вход из двух плит, поставленных перпендикулярно западному краю насыпи. В южной части всех насыпей заметны довольно глубокие овальные впадины. На месте такой впадины у насыпи, предпоследней с северного конца их ряда, ясно виден четыреугольный раскоп С. А. Теплоухова, занявший, однако, лишь менее половины всей площади сооружения.

Нами здесь раскопаны все 7 подквадратных (№ 1—5, 7, 8) насыпей.

К западу от середины края насыпей № 1 и № 5 лежали в поле явно упавшие широкие плиты. Под ними и в ямах, для них вырытых, ничего не оказалось.

К северу от этих насыпей, как бы продолжая их ряд, стоят на значительном расстоянии один от другого 4 невысоких камня.

Уже это обстоятельство, а также замеченное и нами и С. А. Теплоуховым расположение по западному или восточному краям таштыкских могильников рядов камней, обычно идущих с севера на юг, заставляет считать, что и описанный выше известный ряд камней возле Клеменцовского кургана также скорее связан с раскинувшимся к западу от него таштыкским некрополем. То обстоятельство, что этот ряд не протянулся вдоль всех таштыкских могил, можно скорее всего объяснить тем, что северная его часть была разрушена при постройке каменных курганов чаатаса, окружавшихся каменными стелами, взятыми с более ранних сооружений (о них см. следующую главу).

Такова юго-восточная группа чаатаса.

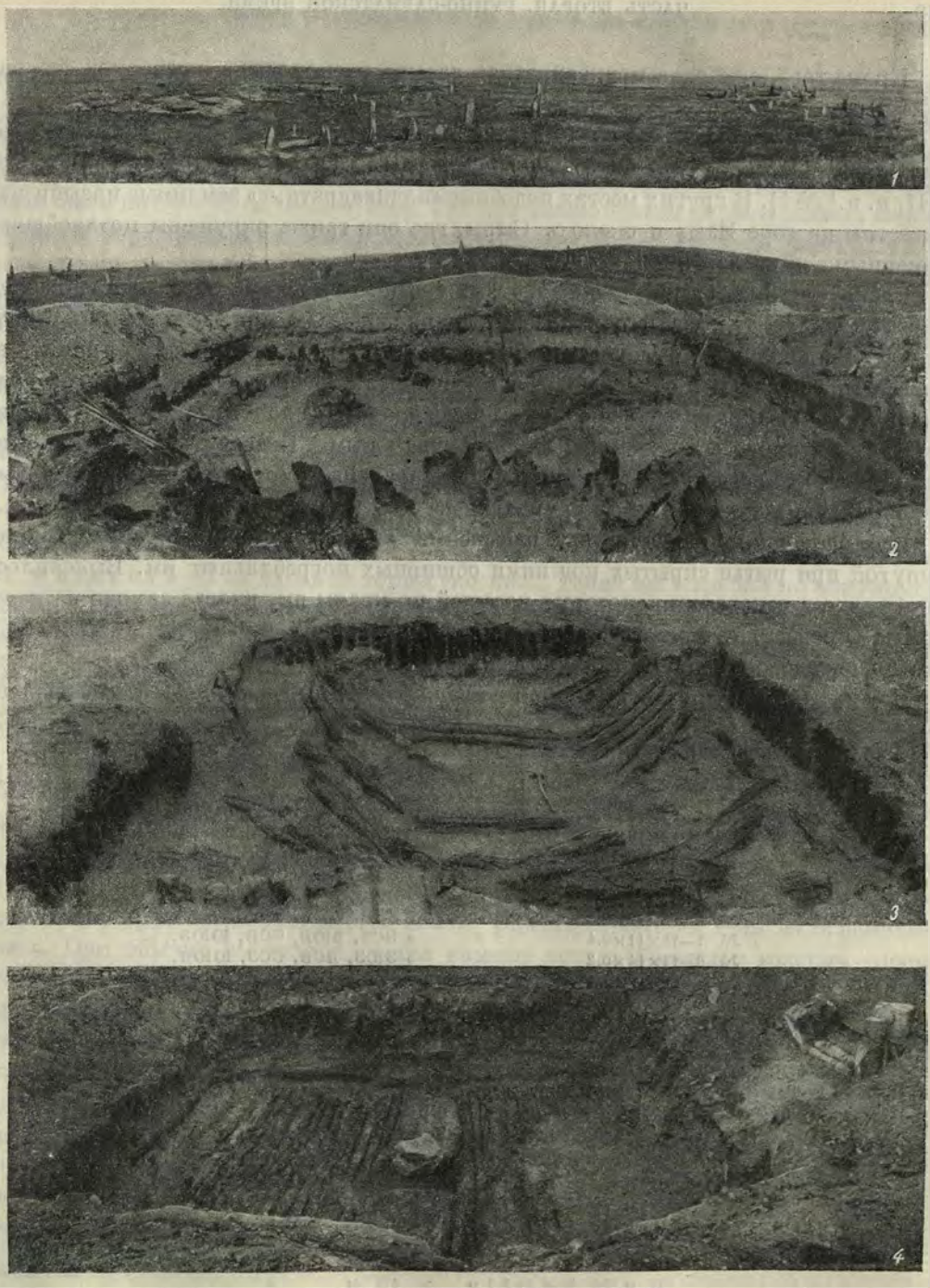
Северо-западная группа памятников расположена в основном также к северу от находящегося здесь большого тагарского кургана с четыреугольной оградкой с плитами на земляной насыпи, сохранившей следы усиленных раскопок грабителей. Здесь главной достопримечательностью является обширный могильник таштыкских маленьких могил, расположенный к северу и востоку от большого кургана. Их можно насчитать свыше трехсот. Однако, как показали раскопки четырех из них, сделанные работавшими совместно с нами сотрудниками Минусинского музея, могилы эти были целиком разрушены грабителями. Объем и «метод работ» последних резко отличаются от «лазового» приема, установленного нами в таштыкских могилах юго-восточной группы. Здесь, повидимому, могилы разрывали целиком, не опасаясь тревоги. Это обстоятельство, а также заметно бо́льшая «свежесть» отвалов заставляет задаться вопросом — не бугровщики ли XVIII или XIX вв., русские или местные, усиленно здесь поработали?

На северной окраине этого могильника расположен довольно обширный, но не очень высокий земляной курган с выемкой в центре, замечательный тем, что по поле его насыпи выложены с юга, юго-запада, востока и северо-запада четыре каменных небольших кольца. Раскопки выяснили его таштыкский возраст (это так называемый земляной курган № 2).

К западу от кургана находятся сильно расплывшиеся, частью даже сросшиеся каменные курганчики с выемками на вершине. Лишь один из них окружен плитами. Ближайший к земляному кургану был раскопан минусинцами, но оказался начисто ограбленным. С северо-запада от этих каменных курганчиков расположена подквадратная насыпь, аналогичная описанным семи в юго-восточной группе. Раскопки этой насыпи (она обозначена № 6), произведенные Левашовой, дали материал, аналогичный полученному нами. К подквадратной насыпи № 6 примыкала таштыкская индивидуальная могилка, давшая детское погребение с парой таштыкских сосудов. Помимо многочисленных выемок на площади таштыкского могильника мы заметили несколько небольших округлых земляных курганчиков с выемками в центре. Вдоль западной границы таштыкского могильника с севера на юг протянулся еще один ряд в семь округлых каменных курганов, обставленных невысокими плитами (в их числе одно карасукское изваяние). Несколько к северо-востоку от этого ряда каменных курганов имеется овальная (удлиненная с севера на юг) каменная насыпь с тремя выемками по вершине. Возможно, что это просто три слившихся каменных курганчика.

С северного и южного конца к ряду каменных курганов примыкает по одной подквадратной насыпи с выемками. На северной, вдоль западного края, стоят два камня и один камень стоит в отдалении (на запад) в поле (№ 11).

Одна подквадратная плоская насыпь, отличающаяся от всех остальных большим прогибом в середине, находится к югу от ряда только что описанных каменных курганов у самого оросителя, ограничивающего с юга нераспаханную площадь могильника Уйбатский чаатас (№ 10).



Общий вид Уйбатского чаатаса в Хакассии (рис. *1*). Стадии раскопок таштыкских склепов на Уйбатском чаатасе (рис. *2—4*).

Кроме того, еще одна подквадратная насыпь расположена с северной стороны могильника между обеими его группами.

Аналогичные подквадратные насыпи мы обнаружили также и в соседнем могильном поле, в 1.5 км к востоку от чаатаса. Там удалось раскопать лишь одну (JII, п. н.[1] № 1). В других местах подобные «подквадратные» земляные насыпи нам известны на горе Изых и около с. Сыры, где они также окружены позднейшими каменными курганами.

Раскопки 12 уйбатских подквадратных насыпей выяснили почти однообразную картину их устройства и обрядовости. Первоначально они, несомненно, имели значительно бóльшую высоту — не 30—50 см, но до 1.5 м. Ведь надо принять во внимание всю землю, опустившуюся в яму после того, как сгнили перекрытия склепа. Судя по тому, что все насыпи подквадратны в плане, первоначальный вид их надмогильного сооружения был пирамидальным.[2] В связи с этим интересно вспомнить, что известные гигантские позднетагарские курганы в урочище Салбык первоначально также были пирамидальны.

При раскопках подквадратных насыпей оказалось, что они сложены из земли, вынутой при рытье скрытых под ними обширных погребальных ям. Выяснилось также, что в основании некоторых насыпей по краям ям, иногда заходя на перекрытия последних, лежат настилом плитки девонского песчаника. В п. н. № 6 настил образовал кольцеобразную выкладку.

Под насыпями открылись обширные квадратные ямы,[3] в которых и помещались

---

[1] «п. н.» — подквадратная насыпь.

[2] Размеры (в метрах) и ориентировка уйбатских подквадратных насыпей:

№ 1—14×14×0.35	сторонами на	ЗЮЗ, ВСВ, ССЗ, ЮЮВ,
№ 2—13×13×0.35	»	» ЗЮЗ, ВСВ, ССВ, ЮЮВ.
№ 3—13.75×13.75×0.2	»	» ЮЗ, СЗ, СВ, ЮВ.
№ 4—7.75×7.75×0.25	»	» ЗЮЗ, ВСВ, ССЗ, ЮЮВ.
№ 5—12.75×12.75×0.25	»	» ЗЮЗ, ВСВ, ССЗ, ЮЮВ,
№ 6—12×12×0.5	»	» З, В, С, Ю.
№ 7—11×11×0.4	»	» ЗСЗ, ВЮВ, ССВ, ЮЮЗ.
№ 8—14×14×0.2	»	» ЗЮЗ, ВСВ, ССЗ, ЮЮВ,
№ 9—11×11×0.3	»	» З, В, С, Ю.
№ 10—12×12×0.4	»	» ЗСЗ, ВЮВ, ССВ, ЮЮЗ.
№ 11—15.2×15.2×0.4	»	» ЗЮЗ, ВСВ, ССЗ, ЮЮВ.

[3] Размеры погребальных ям на Уйбате:

П. н. № 1—9×9 м при 2 м глубины

П. н. № 2—7.4×7.4 м при 1.4 м глубины (первый раз раскапывалась С. А. Теплоуховым колодцем в 4×6.35 м)

П. н. № 3—7.6×7.6	м	при 0.8 м.	глубины
П. н. № 4—4.5×4.5	м	» 0.35 м	»
П. н. № 5—7.2×7.2	м	» 2 м м	»
П. н. № 6—5.75×5.75	м	» 1.75 м	»
П. н. № 7—7.6×7.6	м	» 1.85 м	»
П. н. № 8—8.2×8	м	» 1.8 м	»
П. н. № 9—6.5×5.7	м	» 1.7 м	»
П. н. № 10—6.5×6.5	м	» 1.75 м	»
П. н. № 11—7.1×7.1	м	» 1.9 м	»

камеры двух близких друг другу видов. Первый представлен №№ 1—5, 8 и 11, а также № 1 из второго Уйбатского кладбища (табл. XXXV, рис. 2—4). Основу сооружения составляла квадратная клетка из толстых (до 45 см) лиственничных бревен, очищенных от коры, но не зарубавшихся по концам. Ее размеры по сторонам были на 60—70 см меньше ямы. Так как концы бревен не зарубались, между бревнами образовывались промежутки. Часто посредине стороны клетки в эти промежутки вставлялись распоры — лиственничные чурбаки. Нижние бревна лежали на каменных брусьях, подложенных по углам и посредине. Число бревен на стенках клетки не было равным — на восточной и западной всегда на одно больше. Это позволяло класть на северную и южную стенки переводины потолка, который получал,таким образом, опоры одного уровня — на западные и восточные стенки и на переводины. В западной стенке только два нижних и одно верхнее бревно были сплошными. Среднее же бревно в середине было вырублено до 1 м в ширину и упиралось с обеих сторон прорубa в «косяки». Ими служили вертикальные обрубки, зажатые вторым нижним и самым верхним бревном. Никаких шипов при этом не применялось. Делались лишь округлые вырубки в верхнем и нижнем бревнах, и в них на 2—3 см входили торцы «косяка». Такие же вырубки по полукругу делались и в торцах средних бревен. В эти вырубки приходились цилиндрические поверхности косяков, и таким образом, средние бревна не могли выпячиваться ни внутрь, ни наружу.[1]

Позади «косяков» в просветы между бревнами вставлялись короткие бревна стенок хода — дромоса, трапециевидного в плане, сужающегося на запад, к выходу. После сооружения основной конструкции — клетки и каркаса дромоса — к бревнам с наружной стороны приставлялись, плотно прилегая друг к другу, вертикальные бревешки, равные по высоте восточной и западной стенкам. Бревешки шли и под «дверью» на высоту второго нижнего бревна. Ими же обставлялся и дромос. Благодаря этому стены камеры и входа становились сплошными и препятствовали проникновению внутрь земли. Однако строители этим не ограничивались. Они обычно выстилали стенки камеры поверх бревешек толстым слоем бересты, благодаря чему достигалась полная изоляция. После этого между стенками ямы и стенками камеры засыпалась земля. Одновременно на дно ямы настилался пол, всегда таким образом, что концы его стесанных сверху бревен подсовывались под нижние бревна северной и южной стенок клетки. В центре склепа № 1 в полу оказался выруб, в котором прямо на грунте был установлен квадратный камень с сильными следами обжига — своеобразный очаг дома мертвых. На этом же месте был обнаружен крупный камень и в склепе № 8. В склепе № 5 на этом месте стоял толстый столб, первоначально поддерживавший переводину потолка. Переводины оказались почти во всех камерах. Они лежали на середине южной

[1] Этот же прием полукруглого выруба в торце бревна отмечен М. П. Грязновым на стояках, поддерживавших перекрытие над склепом первого Пазырыкского кургана.

и северной стенок так, что их верх приходился на одной плоскости с верхом бревен западной и восточной стенок. На эти последние, проходя через переводину, и опирались своими концами толстые бревна потолочного наката. Дромос имел отдельный потолок из мелких бревешек, положенных на верхние бревна его стенок. Так же лежали и плашки наклонного пола дромоса. Только в склепе № 7 они были заменены каменными брусками, образовавшими своеобразную, даже в развалинах импозантную лестницу. Снаружи все сооружение плотно укрывалось несколькими слоями берестовых полос, к настоящему времени слежавшихся в сплошной слой до 2—3 см толщиною. Эта берестяная изоляция полностью преграждала доступ внутрь земле. Над склепом воздвигался пирамидальный курган, по объему близкий к кубатуре погребальной камеры. Он почти целиком исчез при провале вниз потолка и заполнил обрушившуюся камеру.

Вход в дромос с поля деревом не заделывался. По бокам его врывались плиты, а самое отверстие закладывалось каменными брусками или заставлялось массивной плитой.

Второй тип погребального сооружения, обнаруженный под п. н. № 2, 3, 4, 9 и 10, а также в земляном кургане № 2, отличался бóльшей конструктивной простотой. Клетки здесь были сложены всего из двух или трех рядов бревен и, следовательно, имели меньшую высоту. Входное отверстие в западной стенке образовалось за счет вырубки на половину толщины верхнего и нижнего бревен. Забор из вертикальных столбиков или отсутствовал или был неполным. Его заменяла одна берестовая обкладка. Пол был земляной, выстланный берестой. Все остальные части были сделаны совершенно одинаково с описанными выше. Оригинальны были лишь входы п. н. № № 2 и 4. Вход в камеру № 2 заложен не был. Его загораживал ряд вертикально врытых плит. Дромос камеры № 4 заканчивался двумя плитами, как бы продолжавшими его на поверхности земли. Проход между этими плитами перегораживала третья, впоследствии упавшая.

Особый интерес представляет конструкция погребальной камеры в земляном кургане № 1. Ее основу, так же как и у всех предыдущих, составляла клетка из незарубленных бревен. Снаружи стенки клетки были закрыты слоем бересты, но не были обставлены вертикальными бревешками. Последние стояли отдельно прислоненными к земляной стенке ямы таким образом, что между ними и стенкой клетки всюду имелся проход шириной до 0.5—0.7 м. Потолок из бревен закрывал и центральную камеру и коридоры вокруг нее. Вход в камеру был также более сложным. Обычного типа дромос, устроенный с западной стороны, вел от поверхности вниз к коридору. Вход в него снаружи загораживала массивная и высокая плита, врытая вертикально. В коридор из дромоса можно было проникнуть через проход, оставленный незагороженным вертикальными столбиками. Так как пол коридора был значительно ниже уровня внутренней части дромоса, то здесь лежали толстые обрубки. Против дромоса в западной стенке камеры было сделано отверстие. Для этого была вырублена средняя часть, но не одного, как в подквадрат-

ных насыпях, а двух средних бревен клетки, упиравшихся в массивные вертикальные «косяки». Внутри камеры были обнаружены остатки нескольких деревянных массивных колонн, поддерживавших две толстые переводины, служившие опорой для потолка. Вообще, сравнительно с другими, камера земляного кургана № 1 выглядела гораздо более массивной. Однако самым интересным является двойное членение всего сооружения, состоявшего из центрального помещения и внешних коридоров. В этом отношении конструкция Уйбатского земляного кургана № 1 полностью воспроизводит план погребальных сооружений соседних областей и в первую очередь алтайских больших курганов пазырыкского типа, а также курганов Северной Монголии с усыпальницами хуннских шаньюев и высшей знати. Очевидно, этот тип подкурганных конструкций был достаточно широко распространен во всех областях Южной Сибири и Центральной Азии в хунно-сарматское время. Эта общность найдет себе отражение и в инвентаре уйбатских погребений.

Рассматривая похоронный обряд, запечатленный в таштыкских коллективных погребениях под кольцевидными каменными стенками, мы уже обращали внимание на часто встречающиеся случаи сожжения склепа, как на заключительный акт похорон.

Этот же обычай обнаружен и в уйбатских усыпальницах. Погребальная камера земляного кургана № 1 и почти все камеры подквадратных насыпей уже после того, как они были наполнены останками погребенных с их ингентарем, поджигались и более или менее сильно обгорали. Именно благодаря этому все составные части деревянных конструкций уцелели от гниения и позволяют так подробно изучить сооружения в целом. Это сходство уйбатских погребений с отмеченными под таштыкскими кольцевидными стенками усиливается и другими аналогиями в погребальном обряде. Так же как и в склепах, под кольцевидными стенками, в уйбатских усыпальницах большинство погребенных сожжено где-то на стороне и затем уже прах их помещен в камеру. При этом во всех случаях, чаще всего прямо на полу, устраивались из травы своего рода «гнезда», внутрь которых и складывались останки. Вокруг «гнезда» размещались различные вещи и портретные маски.

Другого вида вместилища для праха сожженных покойников были замечены только в двух уйбатских камерах — в земляном кургане № 1 и в п. н. № 11. Это были два ящика из тонких досок. Ящик из п. н. № 11 сохранился сравнительно хорошо и дал интересный набор деревянных изделий, масок и других предметов, положенных поверх жженых костей. В этой же п. н. № 11 прах покойника был обнаружен в деревянной долбленой колоде корытообразной формы.

Кроме того, необходимо отметить и другие сооружения, служившие на Уйбате для размещения останков. Это своеобразные полати, особенно хорошо сохранившиеся в п. н. № 11. Там они шли вдоль северной, восточной и южной стенок камеры и представляли собой широкий (до 1.5 м) помост из колотых, тщательно отесанных лиственничных досок, настланных на высоте до 60 см над уровнем пола. Поддерживали это сооружение горизонтальные слеги, опиравшиеся на колья,

вбитые в дно ямы, между бревнами пола. На «полатях», так же как и на полу под ними, были размещены «гнезда» с остатками сожжений.

Остатки таких же «полатей» были обнаружены и под земляным курганом № 1. Здесь необходимо отметить своеобразного вида опору дощатого настила. Она состояла из нижней части ствола лиственницы, отесанного на шесть граней вместе с корневищем, которое также было обработано в виде многолопастного расширения. Так как утолщение снизу было тщательно плоско подрублено, такая «база» служила очень устойчивой опорой для дощатого настила (табл. XXXIX, рис. 7).

Самая форма этой опоры «полатей» имеет большое значение. Она вполне аналогична описанным выше подставкам лож, обнаруженным А. В. Адриановым в таштыкском Оглахтинском могильнике.[1] Эта аналогия еще раз подтверждает близость во времени уйбатских погребальных камер и таштыкских грунтовых могил.

Наряду с останками сожженных покойников в уйбатских усыпальницах находились и костяки несожженных людей. Одни из них — останки трупов, клавшихся рядом с «гнездами» трупосожжений. Но встречаются также костяки, сложенные явно искусственно из костей, перенесенных в камеру с какого-то другого, первоначального места погребения. Некоторые из этих скелетов сопровождались маской. В одном случае в п. н. № 9 маска была наложена на лицо покойного совершенно так же, как это мы видели в таштыкских рядовых могилах. Это погребение интересно еще и тем, что на мужском скелете с маской на лице в области живота оказалась кучка костей сожженного покойника, прикрытая маской. К сожалению, последняя сохранилась очень плохо, и установить индивидуальность ее оригинала не представляется возможным (табл. XXXIX, рис. 5).

Число погребенных в каждой усыпальнице различно. Так, в п. н. № 4 было обнаружено не более 4 скоплений жженых костей. Зато в больших камерах были встречены останки более чем 60 человек. Обычно «гнезда» довольно тесно покрывают всю площадь пола и полатей усыпальницы. Захоронения производились в течение длительного времени. На это указывает, например, факт, наблюденный в п. н. № 5. Там вследствие порчи подгнившего потолочного бревна в северо-восточном углу произошел небольшой обвал земли, засыпавшей гнезда на полу. Это случилось, однако, еще тогда, когда в камере хоронили,— после обвала кучу земли несколько разравняли и заложили новыми «гнездами» с остатками сожжений.

Иногда отведенные для «гнезд» части камер заполнялись настолько плотно, что приходилось совершать захоронения на полу дромоса (п. н. № 1 и 5). Впрочем, здесь хоронили хотя и из-за тесноты, но все же, очевидно, каких-то второстепенных лиц. Затоптанность их останков как будто свидетельствует о том, что через них продолжали вносить в камеру тех, кто имел больше прав на захоронение в основном месте.

---

[1] Хранятся в Красноярском музее.

Вопрос о различном положении погребенных в уйбатских усыпальницах должен быть поставлен еще и потому, что среди них явно неравномерно распределены вещи. Возле одних «гнезд» обязательно находится маска и несколько предметов. Другие же (а их иногда половина) вовсе лишены каких-либо вещей и не имеют маски. Создается впечатление, что одни останки принадлежат людям, ради которых строилась усыпальница и совершался весь сложный ритуал похорон, другие же принадлежат тем, кто сам сопровождал «полноправных» в качестве инвентаря, наряду с масками, горшками и прочим.

Это тем более интересно, что находит себе подтверждение в прошлом, в доташтыкское время. Выше уже отмечалось, что в позднетагарских курганах, содержащих большое число погребенных в одной обширной камере, вещи находятся далеко не у каждого костяка. Особенно это заметно относительно оружия, которым в находках вообще было снабжено лишь меньшинство. То же можно сказать и об украшениях, особенно драгоценных. Очевидно, уйбатские усыпальницы отражают какие-то различия в положениях умерших, существовавшие при их жизни и возникшие еще в конце тагарского времени.

В заключение необходимо отметить большую близость в устройстве погребальной камеры и в обряде похорон под уйбатскими подквадратными насыпями и под кольцевидными каменными стенками.

К сожалению, ни в одной из последних деревянные части не сохранились настолько, чтобы можно было установить полностью конструкцию сооружения. Однако такие детали, как отметка входа каменными плитами с западной стороны, сожжение камеры, положение останков в «гнезда» из травы, подчеркивают ближайшее родство обоих видов памятников. Наличие в п. н. № 2 и 7 и в земляном кургане № 1 на Уйбате обкладки из плиток вокруг могильной ямы явно имитирует каменное окружение могил под кольцевыми стенками.

Но особенно ярко демонстрируют близость обоих типов крупных таштыкских коллективных погребений поразительные аналогии в инвентаре. Поэтому при изучении и описании находок одновременно учитываются материалы из уйбатских усыпальниц и из погребений под каменными кольцевидными стенками.

Находки эти многочисленны, разнообразны и ярко характеризуют культурное единство и особенности общественного положения тех, для кого они были положены.

ПОСУДА

Главным образом это *глиняные* сосуды, сохранившиеся в обломках и в небольшом числе целыми. Большое их количество найдено прямо на полу среди «гнезд». Однако в некоторых камерах замечено преимущественное их расположение вдоль северной, западной и восточной стен (п. н. № 1) или против входа и в дромосе (п. н. № 11 и земляной курган № 2). В п. н. № 6 для размещения горшков использовали

бревна клетки камеры. На них, как на полках, была расставлена посуда. Вся глиняная посуда сделана от руки из довольно грубого теста, при обжиге принимавшего темный, серый или коричневатый оттенок. По составу теста эти горшки особенно близки к тагарским и частично напоминают карасукскую керамику (более хрупкое строение благодаря большей примеси песка, отличающее, например, сосуды с цилиндрической шейкой и сосуды с носком).

Несколько особняком стоят лишь единичные сосуды, сделанные из желто-оранжевой глины лучшего качества, отличающиеся к тому же особой стройностью и оригинальностью форм. Эти в отношении техники как бы продолжают ту традицию, которая в виде редкого исключения встречалась и среди тагарской керамики. По форме описываемая посуда хотя и близка к тагарской, но гораздо разнообразнее.

Особенно близки к тагарским баночные сосуды. Они представлены всеми формами, характерными и для позднетагарских предшественников, — гладкими, почти цилиндрическими банками и более закрытыми, приближающимися к боченковидным. Так же разнообразны и их размеры — от высоких в 40—50 см до небольших в 20—10 см.[1]

То же можно сказать и о *боченковидных*[2] (табл. XXXVI, рис. 3). Среди них имеются особенно крупные сосуды вроде найденного в ко. № 1 близ заимки Усть-Тесь, емкостью до 25 л.[3]

Горшковидные сосуды с намеченными плечами и венчиком, все более одинаковых, сравнительно небольших размеров.[4] Таковы же и немногочисленные открытые *плошки*.[5]

Узкие вытянутые сосуды в виде *кринки*, или *вазы*, интересны тем, что предвосхищают форму, особенно распространившуюся в последующий, кыргызский

---

[1] Баночные сосуды найдены: а) под кольцевидными стенками: Кривинское, ко. № 1 11 экз.), ко. № 3 (4 экз.), ко. № 4 (6 экз.), ко. № 5 (1 экз.) и у заимки Усть-Тесь, ко. № 1 (3 экз.) — раск. С. В. Киселева (см. Киселев С. В. Материалы археологической экспедиции..., табл. V, рис. 50, 57, 58, 62, 65); б) под подквадратными насыпями Уйбат I, п. н. № 1 (4 экз.), № 2 (2 экз.), № 5 (1 экз.), № 9 (2 экз.), № 10 (1 экз.), № 11 (4 экз.); Уйбат II, п. н. № 1 (3 экз.); хран. в ГИМ, № 79956.

[2] Боченковидные найдены: а) под кольцевидными стенками: с. Кривинское, ко. № 1 (2 экз.), ко. № 2 (1 экз.), ко. № 3 (2 экз.), ко. № 4 (3 экз.); заимка Усть-Тесь, ко. № 1 (5 экз.) — раск. С. В. Киселева (см. Материалы..., табл. V, рис. 49, 51, 56, 60, 61, 67, 76); б) под подквадратными насыпями: Уйбат I, п. н. № 11 (5 экз.— хран. в ГИМ, № 79956); см. также Теплоухов С. А., Опыт классификации, табл. II, рис. 12 и 13.

[3] Киселев С. В. Материалы..., табл. V, рис. 76.

[4] Горшковидные найдены: а) под кольцевидными стенками с. Кривинское, ко. № 1 (3 экз.), ко. № 2 (1 экз.), ко. № 4 (1 экз.), ко. № 6 (1 экз.); раск. С. В. Киселева (Материалы..., табл. V, рис. 63); б) под подквадратными насыпями: Уйбат I, п. н. № 1 (3 экз.), Уйбат II, п. н. № 1 (2 экз.) — хран. ГИМ, № 79956.

[5] Кривинское ко. № 4 — раск. С. В. Киселева, и Уйбат I, п. н. № 11 — хран. в ГИМ, № 79956.



Вещи из таштыкских склепов Уйбатского чаатаса в Хакассии (рис. *1—7*, *9—13*). Рис. *8*—Китай, эпоха Хань.

период.[1] Ряд исследователей эти позднейшие кыргызские вазы считали даже в VII—IX вв. привозными с юга. Наличие их прототипов уже в таштыкское время говорит скорее в пользу их местного происхождения.

Бомбовидные сферические сосуды с прямым или слегка раскрытым горлом, до известной степени напоминающие карасукские, особенно ценны тем, что подчеркивают единство всех видов таштыкских памятников. Они неоднократно находились в таштыкских грунтовых могилах; обломки их были встречены на таштыкской стоянке на Лугавской улице в Минусинске, они же найдены в погребениях под кольцевидными стенками и в уйбатских усыпальницах.[2]

Для погребений под кольцевидными стенками и для уйбатских усыпальниц под подквадратными насыпями особенно характерны сосуды с широким туловом, плоскими, часто резко отграниченными плечами и цилиндрическим горлом.[3] Некоторые из них имеют на горле носок, превращающий их в своеобразный *кувшин без ручки*.[4] К ним близки оригинальные сосуды в виде боченка, лежащего на боку и снабженного сверху цилиндрическим горлом с носиком. Эта форма интересна тем, что встречена не только в погребении под кольцевидной стенкой (Усть-Тесь, ко. № 2), но и в грунтовой таштыкской могиле.[5]

В таштыкское время выделывались сосуды с ручкой, но, к сожалению, установить форму удалось лишь однажды в кургане № 6 на Уйбате. Это невысокая горшковидная кружка.[6] Своеобразны толстостенные боченковидные сосуды, на стенках которых друг против друга расположены налепы с вертикальным отверстием, явно рассчитанным на подвешивание.[7]

---

[1] Найдены: а) под кольцевидными стенками: Кривинское, ко. № 3 (1 экз.) и ко. № 4 1 экз.) — см. Киселев С. В. Материалы..., табл. V, рис. 59, 73; б) под подквадратной насыпью № 9: Уйбат I — хран. в ГИМ, № 79956.

[2] Найдены: а) под кольцевидной стенкой № 4 близ Кривинского (Киселев С. В. Материалы..., табл. V, рис. 75); б) под подквадратной насыпью: Уйбат I, на п. н. № 5 (1 экз.), а также в земл. кургане № 1 (1 экз.) — хран. в ГИМ № 79956; в) под каменным курганом — раск. С. В. Киселевым в 1929 г. у с. Сыды.

[3] Найдены: а) под кольцевидными стенами: Кривинское, ко. № 3 (1 экз.), № 4 (2 экз.), № 5 (1 экз.) (Киселев С. В. Материалы..., табл. V, рис. 68, 71); б) под подквадратными насыпями: Уйбат I, п. н. № 8 (3 экз.) и п. н. № 11 (1 экз.); Уйбат II, п. н. № 1 (2 экз.); в) под земляным курганом № 1 на Уйбате — хран. в ГИМ, № 79956.

[4] Найдены: а) под кольцевидными стенками — Кривинское, ко. № 4 (1 экз.), заимка Усть-Тесь, ко. № 1 (1 экз.) (Киселев С. В. Материалы..., табл. V. Рис. 74 и 77), а также в логе Джесос, ко. № 5 (Адрианов А. Выборки из дневников, стр. 42); б) под подквадратными насыпями: Уйбат I, п. н. № 10; в) под земляным курганом: Уйбат I, земл. кург. № 1 — хран. в ГИМ, № 79956. (см. также Теплоухов С. А. Опыт классификации..., табл. II, рис. 11).

[5] Теплоухов С. А. Опыт классификации..., табл. II, рис. 1.

[6] Найдена: Уйбат I, п. н. № 7 — хран. в ГИМ, № 79956—2028, и Уйбат VI, п. н. № 6 — см. Археологич. исслед. в РСФСР в 1934—1936 гг., стр. 313, табл. XLVIII, р. 11.

[7] Найдены: а) под кольцевидными стенками — Кривинское, ко. № 1 (Киселев С. В. Материалы..., табл. V, рис. 67); б) под подквадратными насыпями: Уйбат I, п. н. № 1 и

Не менее оригинально найденное в п. н. № 5 на Уйбате плоское дисковидное блюдо на коническом полом поддоне. Необычность его формы усугубляется наличием в центре диска округлого отверстия (табл. XXXVI, рис. 6).

Кубки на коническом поддоне, впервые широко распространившиеся еще в конце тагарского времени, а затем постоянно находимые в грунтовых таштыкских могилах, в значительном числе найдены и в погребениях под подквадратными насыпями и под кольцевидными стенками. Важность этой общеташтыкской формы особенно усиливается тем, что она обнаружена и в последующих кыргызских курганах, как бы связывая в единый ряд развития керамику тагарской, таштыкской и кыргызской эпох.[1]

Связующим звеном между тагарской и таштыкской керамикой являются *глиняные «скифские котелки»* на коническом поддоне с ушками, налепленными вертикально на обрезе верхнего края (табл. XXXIX, рис. 6). По стенкам глиняных котелков обычно расположены рельефные валики, сделанные налепом или оттянутые защипом. Они точно воспроизводят аналогичные рельефные тяги на бронзовых «скифских котлах».

Древнейшие глиняные «скифские котелки» были найдены в позднетагарских курганах.[2] Но особенно часты они в таштыкских погребениях под подквадратными насыпями и под кольцевидными стенками.[3] Копируя бронзовые котлы, они показывают, что в таштыкское время на Енисее продолжали бытовать чисто скифские формы, как известно, значительно отличающиеся от позднейших сарматских и хуннских.[4] Однако при этом нужно вспомнить, что обычай миниатюрных воспроизведений котелков имел место не только в позднетагарских, но и в сарматских курганах около начала нашей эры.[5]

№ 70—хран. в ГИМ, № 79956, а также п. н. № 6 (см. Археологич. исслед. в РСФСР в 1934—1936 гг., стр. 313, табл. XLVIII, рис. 8).

[1] Найдены: а) под кольцевидными стенками: Кривинское, ко. № 3 (2 экз.) (К и с е л е в С. В. Материалы..., табл. V, рис. 52, 54); б) под подквадратными насыпями: Уйбат I, п. н. № 4 — и Уйбат II, п. н. № 1 (2 экз.) — хран. в ГИМ, № 78558 и 79956, а также в п. н. № 6 — см. Археологические исслед. в РСФСР в 1934—1936 гг., Л., 1940, стр. 313, табл. XVIII, рис. 2—6 и 7.

[2] С. Частоостровское — раск. Адрианова; окрестности Красноярска — раск. Карцова (хран. в Красноярском музее); с. Тесь — раск. Аспелина.

[3] Найдены: а) под кольцевидными стенками: Кривинское, ко. № 1 (1 экз.), ко. № 4 (1 экз.), Быстрая, ко. № 1 (1 экз.) (К и с е л е в С. В. Материалы..., табл. V, рис. 53); б) под подквадратными насыпями: Уйбат I, п. н. № 1 (6 экз.), № 2 (1 экз.), № 3 (1 экз.), № 5 (ок. 10), № 7 (3 экз.), № 8 (ок. 10); Уйбат II, п. н. № 1 (4 экз.) — хран. в ГИМ, № 78558 и 79956; Уйбат I, п. н. № 6 (2 экз.) (Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., стр. 313, табл. XVIII, рис. 1 и 3); в) под земляным курганом: Уйбат I, земл. курган № 1 — хран. в ГИМ, № 79956.

[4] Z o l t a n von T a k a s. Chinesisch-Hunnische Kunstformen. Bulletin de l'Institut Archéologique Bulgare, III, 1925.

[5] Миниатюрный котелок из сарматского погребения 1 в. на Кубани. Хранится в Гос. Эрмитаже.

В п. н. № 6 на Уйбате был обнаружен глиняный четырехгранный сосуд.[1] Эта находка указывает на ту же линию связей, что и глиняные «скифские котелки». Четырехгранный сосудик был найден в одном из позднетагарских курганов.[2] Аналогичные имеются среди находок в сарматских курганах Северного Кавказа и Нижнего Поволжья.[3] Позднее они встречены среди памятников Аланской стадии сарматской культуры Нижнего Поволжья, датируемой покровскими и шиповскими находками IV—V вв. н. э.[4]

Посуда из уйбатских склепов и погребений под кольцевидными стенками в большинстве своем украшена (400 из 500 сосудов).

Орнаментация здесь гораздо разнообразнее тагарской. Она включает все мотивы, разработанные в тагарское время, а также узоры, характерные для таштыкских грунтовых могил (подчеркивая и этим известную общность).

Наибольшее число орнаментальных мотивов исполнено печатным приемом. За ним следуют лепной, резной и встретившийся всего один раз — росписной.[5]

Наряду с глиняной в таштыкских склепах на Уйбате немало *деревянной* посуды.

Особо использовались долбленые деревянные *корытца*. В них помещали останки сожженных покойников и их вещи. Мы встретили их в трех склепах.[6] Вполне возможно, что они находились и в других, но сгорели. Лучше всего сохранилось корытце, стоявшее в северо-восточном углу п. н. № 11. Оно сделано из половины расколотого в длину лиственничного чурбана длиной в 1 м 30 см и диаметром до 50 см. Торцовые края его вырублены, как и у современных корыт, с выступом наверху. Размеры углубления 103 × 40 × 40 см.

Следует отметить, что среди деревянной посуды Оглахтинского могильника есть такие плошки, которые весьма близки к только что описанным корытцам.

Также близки к оглахтинским и разнообразные плошки и чаши, найденные в многочисленных обломках в склепах под подквадратными насыпями и земляными курганами Уйбата.[7] Обращают на себя внимание явно погребальные, грубо, наспех сделанные бокалообразные сосудики, может быть, заменявшие бокалы из драгоценного металла.[8] Кроме того, нашлись плоские деревянные крышки,

[1] Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., Л., 1940, стр. 313, табл. XVIII, рис. 10.

[2] Кызыл-Куль, кург. № 8, раск. А. Адрианова. Хранится в ГИМ.

[3] Известия Саратовского Института краеведения. Саратов, 1936, т. VII, стр. 92—93, рис. 9.

[4] Доклад Б. Н. Гракова «Управляемые женами», читанный 29 июня 1944 г. на заседании Кафедры археологии Московского университета. ВДИ, 1947, № 3, стр. 120 и 121.

[5] Уйбат I, п. н. № 11 (1 экз.) — хран. в ГИМ, № 79956/10633.

[6] Найдены: Уйбат I, п. н. № 7, № 8 и № 11. Части двух первых хранятся в ГИМ, № 79956/413.

[7] Уйбат I, п. н. № 5 (1 экз.), № 7 (1 экз.), № 8 (2 экз.), № 11 (4 экз.), земл. курган № 1 (1 экз.) — хран. в ГИМ, № 78558 и 79956/2038, 342, 416, 5279, 5640, 44, 46—48, 53—57, 5075, 270.

[8] Уйбат I, п. н. № 11 — хран. в ГИМ, № 79956/5676.



Вещи из таштыкских склепов Уйбатского чаатаса (Хакассия).

украшенные простым линейным резным узором.[1] Некоторые из этих сосудов имели деревянную же ручку, подобно ковшичкам из Оглахтинского могильника.[2] Применение их могло быть разнообразным. В могилу они ставились с пищей. Ее остатки до сих пор сохранились в виде нагара на некоторых обгорелых обломках.[3]

В грунтовых оглахтинских могилах, наряду с деревянной долбленой посудой, находят берестяные *туяса*. Дисковидные днища от них найдены и в уйбатских склепах.[4]

Такую же параллель оглахтинским представляет найденное в п. н. № 11 круглое дощатое донце от долбленой бочки для вина,[5] а также деревянная воронка, через которую вино наливалось в боченок.[6]

Большую близость инвентаря уйбатских склепов и грунтовых таштыкских могил подчеркивает наличие в них одинаковых деревянных ложек.[7] Эти находки интересны еще и тем, что аналогичная им деревянная ложка была найдена в кургане № 23 в Ноин-Уле (Северная Монголия), содержавшем богатое хуннское погребение.[8] Мы обнаружили связи между хуннскими и таштыкскими погребениями в конструкции склепов и не раз увидим ее в инвентаре.

Интереснейшую группу составляют *бронзовые миниатюрные воспроизведения сосудов*. Назначение их было различным. Одни применялись в виде привесок и, может быть, амулетов. Таков, например, миниатюрный котелок «скифского типа», найденный в п. н. № 1 на Уйбате II. Его коническая ножка имеет отверстие, выводящее внутрь котелка. Сквозь него был продет ремешок. Так как ремешок был закреплен при помощи узла, завязанного внутри сосудика, ясно, что котелок подвешивался ножкой вверх.[9] Другие котелки, очевидно, заменяли настоящие при погребении, как это было и раньше, еще на второй тагарской стадии (табл. XXXVII, рис. 5, табл. XXXVIII, рис. 7, 9, 10). Все они представляют вполне пропорциональную миниатюрную копию «скифского котла», полусферического, на конической ножке с парой вертикальных ручек, украшенных тремя гвоздевидными выступами. Стенки их орнаментированы рельефными тягами, разделанными под шнур.[10] Важно, что этот своеобразный вид миниатюрной посуды не только выражает

---

[1] Уйбат I, п. н. № 11 — хран. в ГИМ, № 79956/5342, 43.

[2] Уйбат I, п. н. № 1 — хран. в ГИМ, № 78558/411—116.

[3] Уйбат I, п. н. № 11 — хран. в ГИМ, № 79956/5279. Стенки этого сосуда были украшены линейной резьбой.

[4] Уйбат I, п. н. № 11 — хран. в ГИМ, № 79956/5704.

[5] Уйбат I, п. н. № 11 — хран. в ГИМ, № 79956/5675.

[6] Уйбат I, п. н. № 7—15—13 × 7—8 — хран. в ГИМ, № 79956.

[7] Уйбат I, п. н. № 7 (1 экз.), № 8 (2 экз.) — хран. в ГИМ, № 79956/2041, 301.

[8] Trever C. Excavations in Northern Mongolia, pl. 32, 3.

[9] Уйбат II, п. н. № 1 — хран. в ГИМ, № 79956/10154.

[10] Уйбат I, п. н. № 5 (1 экз.), № 7 (2 экз.), № 8 (1 экз., от которого сохранилась лишь одна ножка), земл. курган № 1 — хран. в ГИМ, № 78558 и 79956/2036, 471, 269.

родство таштыкских форм с позднетагарскими, но еще раз подчеркивает тесную связь между таштыкскими склепами и рядовыми грунтовыми могилами.[1]

Не менее интересны и другие миниатюрные сосудики. Один из них — маленький неглубокий ковшик с уплощенной ручкой, имеющей на конце отверстие для подвешивания.[2] Другой, также ковшик, но в виде круглодонного горшочка с загибающейся вниз, заостренной к концу ручкой [3] (табл. XXXVII, рис. 6 и 7). Своей формой этот горшковидный ковшик точно воспроизводит круглодонные деревянные ковши с ручкой-сучком, найденные в Оглахтинском могильнике, во втором Пазырыкском кургане [4] и среди ханьских древностей.[5]

* * *

Разбор посуды, найденной в склепах под таштыкскими курганами, подквадратными насыпями и кольцевидными каменными стенками, позволяет сделать ряд существенных замечаний.

Прежде всего устанавливается параллельность только что изученной посуды и найденной в рядовых таштыкских грунтовых могилах оглахтинского типа. Одинаковые баночные, кубковидные и бомбовидные формы, а также значительное число орнаментов (арочный, ямочный — круглый и треугольный, геометрический — резной, налепной). Употребляются также и деревянные сосуды. Та же параллельность развития подчеркивается наличием в обеих группах миниатюрных бронзовых «скифских котелков» и воспроизведением в бронзовых миниатюрах характерно-оглахтинских деревянных форм (вроде горшковидного ковшика). Если же мы вспомним, что в культурном слое таштыкской стоянки на Лугавской улице в Минусинске обломки керамики, характерной и для склепов и для грунтовых могил, залегали вместе, установленная теперь параллельность развития посуды из обеих групп таштыкских погребений станет надежнейшим *показателем одновременности сооружения таштыкских грунтовых могил оглахтинского типа и склепов* под земляными курганами, подквадратными насыпями и кольцевидными каменными стенками.

Не менее важны подмеченные черты сходства таштыкской посуды с тагарской (качество теста и обжига, баночная и кубковидная форма, ряд орнаментов, миниатюрные изображения «скифских котлов»). Они позволяют видеть в керамическом деле таштыкского времени продолжение тагарских традиций. Однако таштыкская керамика интересна еще и тем, что в ней отразились и более древние формы,

---

[1] Найден в могиле близ Батеней в Хакассии (Теплоухов С. А., Опыт классификации.., табл. II, рис. 4).

[2] Уйбат, I п. н.. № 5, сожжение № 15 — хран. в ГИМ, № 78558.

[3] Уйбат I, п. н. № 5, сожжение № 19 — хран. в ГИМ, № 78558.

[4] Tallgren A. The South Siberian cemetery of Oglakty. ESA, XI, p. 81; fig. 13. Руденко С. И. Второй Пазырыкский курган, табл. X, рис. 2.

[5] Подобный ханьский сосуд хранится в Музее Университета в Сиани.

Бомбовидные сосуды с цилиндрическим и развернутым горлом, украшенные геометрическими резными узорами, как бы воскрешают черты, характерные для карасукской посуды. Значительное число находок этих архаических изделий не позволяет видеть в них результат случайности. Очевидно, карасукские традиции продолжали жить и в тагарское время. Может быть, этим до известной степени объясняется и то разнообразие форм и видов орнамента, которое отличает таштыкскую посуду, богато отразившую все достижения предшествующего времени. Большое число находок деревянной посуды также не является неожиданностью — еще в андроновское время применялись деревянные чаши, иногда отделывавшиеся бронзовыми оковками.

Сохраняя древние формы и орнаментацию, таштыкские горшечники создали и ряд новых. Среди них крупные боченковидные сосуды и сосуды с уплощенными плечами и кувшинным носком, а также накладной валиковый орнамент являются особенно характерными для таштыкского времени. Вместе с тем таштыкская посуда отражает и современные ей сторонние влияния. Появление на Енисее высоких кринок или ваз совпадает с распространением аналогичных сосудов у хуннов Монголии. Применение спирального узора указывает на связи с Китаем. Наличие боченковидных сосудов с небольшой шейкой и маленьким дном, почти круглодонных, заставляет вспомнить керамику из западносибирских курганов сарматского времени. Наконец, особо следует отметить сохранение таштыкских форм посуды и в последующую эпоху. Через посредство позднеташтыкской стадии, о памятниках которой мы еще будем говорить позже, таштыкские формы распространялись и в кыргызское время.

В каменных курганах типа чаатас, начиная с V—VI и до X вв. н. э., мы будем встречать те же баночные боченковидные, сферические и кубковидные сосуды, а также сделанные от руки вазы, совершенно совпадающие с найденными в таштыкских склепах на Уйбате. Таким образом, намечается и еще один весьма важный вывод о связующей роли таштыкской стадии между культурой енисейских кыргызов (хакасов) и всей предшествующей дин-линской древностью.

ОРУЖИЕ И СБРУЯ

Наступательное оружие во времена сооружения таштыкских склепов опасались класть с покойниками. На это прямо указывают находки нарочно сломанного лука [1] и древков стрел, с которых заранее были сняты втульчатые наконечники.[2] Очевидно, это опасение и было причиной исключительной бедности склепов находками вооружения. Наиболее интересными являются древки стрел, сохраняющиеся вообще редко. Они представляют собой совершенно ровные, слегка утон-

[1] Уйбат I, п. н. № 1 — хран. в ГИМ, № 78558.

[2] Уйбат I, п. н. № 5, сожжения № 17, 21 и 47 — хран. в ГИМ, № 78558; то же в Пазырыке, к. № 2.

чающиеся кверху округлые палочки диаметром не более 7—8 мм (длина их из-за сильной фрагментированности остатков не устанавливается). Сверху они обрезаны горизонтальным круговым уступом, как бы зазором, соответствующим толщине втулки наконечника (до 2 мм). Над уступом древко заточено на конус высотой до 1.5 см для укрепления во втулке наконечника. Нижняя часть древка несколько расширена (до 8—9 мм) и на конце имеет глубокий арочный вырез, служащий для вставки тетивы при стрельбе (табл. XXXVI, рис. 7).[1]

Древки стрел богато украшались. На многих обломках заметна раскраска в виде многочисленных горизонтальных поясков, нанесенных красным. Некоторые древки были обложены золотыми листками.[2]

Большинство наконечников стрел были, очевидно, металлические, втульчатые, но ни один из них не был найден в склепах. Лишь под кольцевой каменной стенкой, раскопанной мною в 1929 г. у с. Усть-Сыды, были найдены три костяных наконечника. Они плоские, четырехгранные, вытянуто-листовидные, с черешком.[3] Самое их нахождение в могиле, может быть, указывает на их невоенное, охотничье значение — они не считались оружием, способным вредить человеку.

Носились стрелы в колчанах из бересты. Верхняя часть колчанов, судя по находке на Уйбате, была срезана почти горизонтально,[4] отличаясь таким образом от «колчанов с карманом» позднейшего времени. Более всего они напоминают колчаны-гориты, изображенные на золотых инкрустированных бляхах Сибирской коллекции Эрмитажа (ср. «Охота ирков» и «Отдыхающие всадники»).[5]

На распространенность колчанов указывают частые находки при сожжениях в склепах железных крючков, служивших для их подвешивания. Большинство крючков миниатюрные, что позволяет предполагать наличие в погребении миниатюрных колчанов.[6]

Таштыкские воины имели, очевидно, и защитное оружие. В земляном кургане № 1 на Уйбате нашлась пластинка из китайского папье-маше, покрытая красным лаком. Прочность пластинки весьма велика. Неправильно трапециевидная форма и отверстие в верхней части сближают ее с аналогичными лаковыми пластинками китайских и позднейших японских чешуйчатых панцырей.[7]

---

[1] Уйбат I, п. н. № 1 — хран. в ГИМ, № 78558.

[2] Уйбат I, п. н. № 1 и № 3, сожжение № 5—хран. в ГИМ, № 78558, тоже в Пазырыке, к. № 2.

[3] Усть-Сыда, ко. № 1 — хран. в музее им. Мартьянова в Минусинске, коллекционный № 402 и 403.

[4] Уйбат I, п. н. № 8 — хран. в ГИМ, № 79956/460.

[5] Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности..., в. III, рис. 69, 70 и 71.

[6] Усть-Тесь, ко. № 1, Кривая, ко. № 1, 3 (Киселев С. В. Материалы..., табл. V, рис. 19, 21—23); Уйбат I, п. н. № 2 (1 экз.), № 5 (3 экз.), № 11 (4 экз.), земл. курган № 2 (1 экз.) — хран. в ГИМ, № 78558 и 79956/5458, 5632, 33, 36, 37; 297.

[7] Уйбат I, земл. кург. № 1 — хран. в ГИМ, № 79956/289.

В военном уборе скифо-сарматской эпохи на огромном пространстве евразийских степей постоянно имеется мусат — точильный камень. Широко известны его скифские, оправленные золотом, и тагарские, украшенные скульптурами, образцы. В сарматских погребениях Приуралья они также известны.[1] Найдены они и в Западной Сибири и на Алтае. В таштыкских склепах точильные бруски с обычным отверстием для привешивания к поясу найдены уже дважды.[2]

Конь, очевидно, был неотъемлемым спутником жизни таштыкцев, схороненных в склепах. Это особенно ярко выражают постоянные находки при сожжениях *миниатюрных железных удил*.[3] По своей форме они двусоставные кольчатые, ближайшим образом напоминающие железные удила из хуннских погребений Ноин-Улы [4] и удила из погребений типа Пазырык и Шибэ на Алтае.[5]

В использовании коня под верх минусинские племена таштыкского времени достигли нового успеха. В скифо-тагарское время на среднем Енисее впервые были применены удила, сначала бронзовые, а затем и железные. Тогда же, вероятно, стали заседлывать мягкие седла типа изображенных на чертомлыкской вазе и найденных в Пазырыкском кургане на Алтае. Находка на Уйбате I, в таштыкской п. н. № 1 свидетельствует о дальнейшем усовершенствовании седла. Там у середины южной стенки уцелела берестяная обкладка передней луки седла, доныне характерного для Южной Сибири (табл. XXXVI, рис. 1).[6] Седло — деревянное, с высоко поднятой передней лукой арочной формы. Теперь выясняется, что древность его в Южной Сибири весьма велика. Его разновидность с более уплощенной передней лукой, но так же, как и современные, с обивкой по задней луке костяными пластинками, была найдена у Каракольской МТС на Алтае в кургане, относящемся ко времени около начала нашей эры.

---

[1] Ростовцев М. Курганные находки Оренбургской обл. МАР, № 37, табл. V, рис. 3, стр. 17.

[2] Кривинское ко. № 3 (Киселев С. В. Материалы..., стр. 150, табл. V, рис. 25); Уйбат I, п. н. № 11 — хран. в ГИМ, № 79956/5424.

[3] Кривинское, ко. № 1, 3; Усть-Тесь, ко. № 1 (Киселев С. В. Материалы..., табл. V, рис. 20, 30—32, 17 и 18); Сыда, ко. № 3 — хран. в Минусинском музее, коллекц. № 430; Уйбат I, п. н. № 1 (14 экз.), № 2 (1 экз.), № 3 (1 экз.), № 5 (5 экз.), № 7 (4 экз.), № 8 (5 экз.), № 11 (1 экз.), земл. кург. № 1 (2 экз.), № 2 (1 экз.); Уйбат II, п. н. № 1 (6 экз.) — хран. в ГИМ, № 78558/823, 4006, 4028, 1080, № 79956/2010, 2026, 2029, 2035; 326, 379, 464, 469, 470; 277, 283, 292; 10144, 10145, 10151, 10152, 10155—161, 10163—64.

[4] Бернштам А. Н. К вопросу о соц. строе восточных гуннов. ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 233, рис. 9.

[5] Киселев С. В. Из работ Алтайской экспедиции. Советская этнография, 1935, № 1, рис. 9; Киселев С. и Евтюхова Л. Отчет о работах... Труды ГИМ, М., 1941, вып. XVI, стр. 89, рис. 8.

[6] Уйбат I, курган № 1, сожжение № 2 — хран. в ГИМ, № 78558.



Вещи из таштыкских склепов Уйбатского чаатаса (Хакассия).

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Судя по остаткам обуглившихся кусков, одежда погребенных в таштыкских склепах шилась преимущественно из шерстяных тканей. Сорта их были весьма разнообразны, прежде всего по номерам нитей. Все нити выпрядены очень тщательно, без утолщений и обрывов. Часто встречаются крученые из нескольких прядок. Судя по размерам и толщине волосков, материалом для пряжи служила хорошо вычесанная овечья шерсть. По типу переплетения ткани делятся на две группы — простые, гладкие («гарнитуровые») и вытканные в рубчик («диагональ»).[1]

Сшивались раскроенные куски ткани двумя приемами — простым швом и швом «взад иголку». Последний шов особенно интересен. Он впервые был встречен в качестве основного способа вышивки орнаментов на кожаных ножнах еще в тагарское время. Затем он получил широкое применение при апликационных работах хуннских мастеров. В частности, знаменитые апликации ковров из Ноин-Улы все выполнены швом «взад иголку».[2] Замечательно, что и до наших дней окончательная отделка войлочных апликаций, например казахских «сырмаков», выполняется этим же способом.[3]

К сожалению, плохая сохранность и небольшие размеры обрывков тканей не позволяют восстанавливать покрой таштыкских одежд. Можно только сказать, что костюм сожженных таштыкцев состоял из нескольких одеяний, шившихся из разных сортов шерстяной ткани. Были ли среди них привозные китайские — можно будет сказать только после анализа обрывков специалистами-технологами.

Среди остатков сожжений из таштыкских склепов были встречены следы меха. Вполне возможно предполагать, что это части верхних одежд и шапок.

Войлок также был найден в сожжениях. Поскольку его обгорелые куски оказались вместе с тканями, можно видеть в них остатки войлочных частей одежды (например, стеганых чулок, подобных казахским байпак, или шапок).[4]

В п. н. № 8 на Уйбате отыскалась и жженая кожа, прошитая ремешком.[5] Современные этнографические материалы позволяют видеть в ней остатки обуви. При изготовлении кожаной посуды, насколько известно, ременная сшивка не применяется.

Одежда погребенных в таштыкских склепах украшена не только шитьем, но и нашивными бляшками. Чаще всего они вырезаны из дерева или кедровой коры

---

[1] Уйбат I, п. н. № 1, № 7, № 8, № 11 и земл. курган № 1 — хран. в ГИМ, № 78558/826; 2016, 2031, 2039; 304, 318, 421; 5319, 5336, 5339, 5370, 5352—53, 5349, 5355, 5357, 5374, 5383—84, 5386, 5389, 5391, 5393, 5401, 5403—05, 5407—09, 5420—21, 5423, 5445, 5447, 5449—50, 5452, 5454, 5469, 5471, 5493—98, 5509—10, 5512—17, 5519, 5521—23, 5525, 5531, 5544—45, 5548—49, 5595—96, 5667—70, 5672—74, 7676—78, 8208; 274, 285.

[2] Сб. «Технологическое изучение материалов курганных погребений Ноин-Ула». Л., 1932.

[3] Сб. «Казаки». Л., 1930, стр. 46—47.

[4] Сб. «Казаки». Л., 1930, стр. 47; Уйбат I, п. н. № 8 и № 11 — хран. в ГИМ, № 79956/321; 5406, 5499, 5501, 5671.

[5] Уйбат I, п. н. № 8 — хран. в ГИМ, № 79956/419.

и обернуты золотым листком. Иногда основа их была бронзовой. Возможно, что деревянные бляшки изготовлялись, как и на Алтае, специально для украшения погребальных одежд, которые должны были при относительной дешевизне казаться особо импозантными, блещущими золотом. Высокий рельеф деревянных бляшек под золотой оболочкой создавал впечатление массивных золотых украшений. Наиболее простым видом нашивных бляшек были круглые, полушарные, сходные с алтайскими из курганов пазырыкского типа (табл. XXXVII, рис. 26—27).[1] Другие бляшки более сложны. Они квадратны и сверху украшены пятью выпуклостями — четыре по углам, одна в центре (табл. XXXVII, рис. 13—25, 28—31).[2] Эти бляшки интересны прежде всего потому, что впервые появились в конце тагарского времени и таким образом служат еще одним связующим звеном между таштыкским временем и предшествующим развитием культуры в Минусинской котловине.[3] Вместе с тем они отмечают связь тагарско-таштыкских форм с причерноморскими III—II вв. до н. э., уже близкими к сарматским.[4]

О связи таштыкских украшений с тагарскими говорят также округлые бляшки с выпуклостью посредине.[5] Они имеют аналогии и среди алтайских древностей типа Пазырыка и Шибэ.

Кроме этих бляшек, одежду украшали найденные вместе с ними деревянные фигурки в виде двух головок животных, смотрящих в разные стороны в профиль. Они также обкладывались золотым листком и выглядели массивными.[6] Своим внешним видом они, несомненно, воспроизводили распространеннейшие таштыкские изображения — бронзовые пластинки в виде парных головок животных. О них еще будет речь ниже.

Золото в виде листков, которыми обкладывались различные резные деревянные украшения, парадные древки стрел, а также различные похоронные принадлежности, вообще находится в таштыкских склепах, несмотря на их ограбленность, в довольно большом количестве. Это позволяет предполагать первоначальное значительное богатство похоронного инвентаря.[7]

В таштыкских склепах весьма многочисленны находки различных *пряжек*. В настоящее время можно определенно говорить о принадлежности их к поясам, которые, очевидно, как и позднее у кыргыз, являлись обязательной деталью

---

[1] Уйбат I, п. н. № 1 и № 5 — хран. в ГИМ, № 78558.

[2] Уйбат I, п. н. № 5, сожжение № 9 (28 экз.) — хран. в ГИМ, № 78558.

[3] Найдены в Большом кургане Уйбата I, раскопанном Клеменцом — хран. в ГИМ.

[4] Ср. серебр. бляху «с овами», найденную при коне в Буеровой могиле на Тамани (Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской обл., стр. 44, табл. II, рис. 7)

[5] Уйбат I, п. н., сожжение № 9 — хран. в ГИМ, № 78558.

[6] Уйбат I, п. н. № 5, сожжение № 9 (1 экз.) и сожжение № 46 (8 экз.).

[7] Уйбат I, п. н. № 1 (в 9 сожж.), № 2 (в 1 сожж.), № 5 (в 13 сожж.), № 7 (в 2 сожж.), № 8 (в 5 сожж.), № 11 (в 1 сожж.); земл. кург. № 1 (в 2 сожж.); Уйбат II, п. н. № 1 (в 2 сожж.), хран. в ГИМ № 78558/4109; 4684, № 79956/303, 2023, 2034, 313, 317, 331, 370, 384, 411, 430; 5665; 268; 10146, 10148.

костюма. Такой вывод позволяет сделать находка на Уйбате в п. н. № 5 цельного набора бронзовых поясных блях и пряжек (табл. XXXVII, рис. 32).[1] Он состоит из семи наременных блях, шести размещенных между ними пряжечек, обращенных вниз (для привешивания оружия и мешочков—кошельков), и одной концевой пряжки. Наременные бляхи все однотипны. Они состоят каждая из трех четыреугольных обойм, между которыми отлиты овальные кольца с помещенными внутри парными волютами. В последних нетрудно узнать украшающий еще позднетагарские кольчатые ножи волютовый орнамент—стилизацию более древних парных головок соколов-грифонов. Пряжечки не имеют замковых вращающихся язычков и вместе с тем у них не вполне развит и «носок»—шпенек в передней части овала. Очевидно, они служили не столько в качестве пряжек, сколько колечками, к которым привязывались на ремешках подвешивавшиеся предметы. Иное дело концевая пряжка. На передней части овала (внутри которого также имеется парная волюта) выдается несколько вперед и вверх массивный шпенек для крепления продевавшегося ремня. Эта пряжка позволяет отнести к ременным и другие многочисленные находки аналогичных бронзовых «пряжек со шпеньком», являющихся одним из характернейших предметов таштыкского инвентаря.[2] Наличие между наременными бляхами пряжечек—колечек для подвешивания к поясу оружия и других предметов имеет большой самостоятельный интерес. Последняя деталь особенно сближает таштыкский пояс с широко известными позднейшими тюркскими Монголии и Алтая, кыргызскими (хакасскими) Енисея и многочисленными «аварскими», «алано-хазарскими» и просто «кочевническими» от Казахстана до Венгрии и от Осетии до Вятско-Камского и Волго-Окского междуречий. Те датируются V—VI, VII и позднейшими веками н. э. На Западе они не выводятся из каких-либо древних предшествующих форм.[3] На Енисее же (или, точнее, в Южной Сибири, Монголии и Ордосе)[4] уже в таштыкско-хуннское время они получают широкое распространение. Самое же возникновение поясов со шпеньковыми пряжками относится еще к тагарскому времени.[5]

---

[1] Уйбат I, п. н. № 5, сожжение № 36 — хран. в ГИМ, № 78558.

[2] Кривинское, ко. № 1, 3, 4; Усть-Тесь, ко. № 1 (К и с е л е в С. В. Материалы..., табл. V, рис. 1, 2, 9, 10, 29 и 39); Уйбат I, п. н. № 1 (4 экз.), № 2 (1 экз), № 5 (2 экз.), № 8 (11 экз.), № 11 (4 экз.), земл. кург. № 1 (1 экз.), земл. кург. № 2 (2 экз.); Уйбат II, п. н. № 1 (4 экз.) — хран. в ГИМ, № 78558/824; № 79956/406, 446—450, 463; 5374—75; 5622, 8222; 282, 290, 295; 10140—41, 10150, 10165.

[3] Из древнейших поясов Причерноморья близки к таштыкско-тюркской группе наборные пояса типа золотых из Керчи (хран. в ГИМ, см. Отчет Ист. музея за XXV лет, стр. 75 и сл.), позднесарматской (или, как прежде считали, готской) полихромной группы. Однако находки вместе с ними и в Керчи и в других местах (напр., около г. Энгельса — см. С и н и ц ы н И. В. Позднесарматские погребения Н. Поволжья, рис. 2) нефритовых китайских крючков позволяют считать и их *форму* того же восточного происхождения.

[4] Найдены сходные на Алтае (см. выше) и в Северном Китае (R o s t o v t z e f f M. The Animal Style, pl. XXVIII, fig. 7).

[5] Найдены в позднетагарском «кургане за поскотиной» с. Б. Барандат Мариинского окр., раск. Оссовским — хран. в ГИМ.

В связи с этим же вопросом представляет интерес еще одна бронзовая овальная пряжка, найденная в таштыкском склепе на Уйбате.[1] На этот раз она уже не со шпеньком, а с обычным вращающимся замковым язычком. Однако язычок здесь оформлен в виде головки коня или, скорее, лосихи с настороженными ушами, выпуклыми глазами и сильно удлиненной, горбоносой мордой. Сделана эта головка с большим мастерством и изяществом (табл. XXXVII, рис. 3). В эпоху таштыкских склепов подобные пряжки с язычком в виде головки животного нигде, кроме Сибири, не бытовали, зато позднее, правда уже в сильно стилизованном виде, они получили широкое распространение среди позднесарматских поясных наборов IV—VII вв.[2] Наряду с бронзовыми пряжками в таштыкских склепах часто находят и железные. Обычно они круглы или овальны, с вращающимся язычком. Простота форм делает бесполезным подыскание им аналогий. Таким образом, мы видим, что пряжки с подвижным язычком начинают бытовать в таштыкское время, а не «в тюркское», как это утверждает А. Н. Бернштам.[3]

Личных украшений в таштыкских склепах было найдено немного.

На первом месте стоят *бусы*. Распространенность ношения их подчеркнута находкой их гипсовых рельефных изображений даже на шее масок. Там они круглы или овальны.[4] Такие же круглые бусы вырезались и из дерева, окрашивались красным или обкладывались золотым листком [5] совершенно так же, как и на Алтае (из кургана Шибэ, I в. до н. э.).[6]

Встретились и древние виды бус — цилиндрические из белой пасты, впервые появившиеся в Южной Сибири еще в андроново-карасукское время.[7] Из стеклянных голубая также напомнила аналогичные, найденные в позднетагарских курганах.[8] Кроме того, нашлись цилиндрические бусины из синего стекла[9] и оригинальные двойная и тройная позолоченные.[10] Каменные бусы были, очевидно, более редки. Лишь однажды отыскалась плоская округлая бусина из красного непрозрачного камня.[11] Другие виды украшений представлены пока только скромным браслетом из бронзовой проволоки.[12]

[1] Уйбат I, п. н. № 3, сожжение № 1 — хран. в ГИМ, № 78558.

[2] Керченские и из Суук-Су — хран. в ГИМ (см. Отчет Исторического музея за XXV лет, стр. 75, рис. 21 и Известия Археологич. комиссии, вып. 19, табл. VIII и IX).

[3] Усть-Тесь, ко. № 1 (К и с е л е в С. В., Материалы..., табл. V, рис. 8); Уйбат I, п. н. № 1 (1 экз.), № 5 (1 экз.), № 11 (2 экз.)—хран. в ГИМ, № 78668/4110 и № 79956/5425, 5472; о-в Тагарский, кург. № 1—раск. Клеменца в 1888 г.— хран. в ГИМ. МА СССР, № 14, М.—Л., 1950, стр. 77.

[4] Уйбат I, п. н. № 8 (18 экз. и фрагменты) — хран. в ГИМ, № 79956/401—402, 410, 472.

[5] Уйбат I, п. н. № 8 (2 экз.), № 11 (60 экз.) — хран. в ГИМ, № 79956/340, 5460—66.

[6] Хранятся в Этнографическом музее в Ленинграде, № 4888—127.

[7] Уйбат I, п. н. № 7 (9 экз.) — хран. в ГИМ, № 79956/2022.

[8] Уйбат I, п. н. № 8 (1 экз.) — хран. в ГИМ, № 79956/461.

[9] Уйбат I, п. н. № 5 (1 экз.), № 11 (2 экз.) — хран. в ГИМ, № 78558 и 79956/5620, 5663.

[10] Уйбат I, п. н. № 5 (2 экз.) — хран. в ГИМ, № 78558 (сожжение № 33).

[11] Уйбат I, п. н. № 11 — хран. в ГИМ, № 79956/5621.

[12] Уйбат I, п. н. № 5, сожжение № 15 — хран. в ГИМ, № 78558.

К этой же группе вещей личного обихода можно присоединить маленькое бронзовое дисковидное зеркальце, целиком совпадающее с найденными в позднетагарских курганах.[1]

Может быть, здесь же уместно упомянуть и об интереснейших находках подвязных кос. Три из них плетены в три пряди из черных (2) и рыжих (1) волос.[2] Они совершенно сходны с косами, найденными в таштыкской грунтовой могиле близ Оглахтов,[3] а также в аристократическом хуннском кургане в Ноин-Уле.[4] Четвертая коса сделана иначе: ее пряди спирально обвивают волосяную же основу.[5] К сожалению, она сильно попорчена временем, и форму ее установить полностью невозможно. Однако ясно видно, что она совершенно сходна со сплетенными таким же способом овальными косами, найденными в грунтовой могиле таштыкского могильника близ Оглахтов. Способ ношения этих своеобразных кос удается установить также по находкам на Уйбате. Ниже описано замечательное произведение таштыкского скульптора — резная из дерева головка воина. На этом изображении ясно различается коса, уложенная овалом на макушке.

ПРЕДМЕТЫ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Среди нашивных бляшек, украшавших одежду погребенных в таштыкских склепах, мы встретили, к сожалению, фрагментированные, резные из дерева фигурки в виде двух головок коней, обращенных в противоположные стороны.

Этот мотив был особенно популярен и встречается по нескольку раз почти в каждом таштыкском склепе. Из-за нестойкости материала деревянные «двуглавые коньки» более редки. Зато аналогичные изображения из бронзы попадаются постоянно и могут считаться одной из характерных особенностей инвентаря таштыкских склепов. Иногда находили пластинки, изображающие лишь одну головку животного. Они были выполнены в той же манере (табл. XXXVII, рис. 1, 2). Все пластинки плоские, чисто силуэтные, в большинстве случаев отлитые в плоской форме. Однако наряду с литыми, более массивными, встречены просто вырезанные из тонкого бронзового листка. Все они приспособлены для прикрепления к чему-то посредством имеющегося в нижней части отверстия или обращенного вниз выступа, вокруг которого могла обматываться нитка. Различаясь по тщательности обработки, описываемые фигурки в своих лучших образцах по приемам изображения очень близки к произведениям тагарских художников. Это особенно

---

[1] Уйбат I, п. н. № 1, сожжение № 47 — хран. в ГИМ, № 78558.
[2] Уйбат I, п. н. № 11 — хран. в ГИМ, № 79956/5278, 5505, 5507.
[3] Tallgren A. The South Siberian cemetery of Oglakty, fig. 4.
[4] Trever C. Excavations in Northern Mongolia, pl. 33, fig. 2—5.
[5] Уйбат I. земл. кург. № 1 — хран. в ГИМ, № 79956/286.

подчеркивается характерной трактовкой лошадиной морды и нависающих губ.[1] Кроме деревянных и бронзовых, найден «парный конек», вырезанный из кости (табл. XXXVIII, рис. 3). Он несколько более рельефен и особенно близок к тагарским изображениям конских головок.[2] Вне Минусинской котловины парные головки коней найдены только среди хунно-китайских бронз из Ордоса. Однако там изображения более рельефны и лишены характерной таштыкской силуэтности.[3]

Рассмотренные фигурные пластинки, помимо их чисто художественной ценности, как сохраняющие традиции тагарского искусства, имеют для нас особое значение еще и потому, что обнаруживают переживание таштыкских форм и в позднейшее время, в кыргызском государстве VII—VIII вв. В кыргызских каменных курганах типа чаатас уже неоднократно находились пластинчатые изображения животных, весьма близкие к таштыкским.[4]

Наряду с пластинчатыми конскими головками в таштыкских склепах встретились выполненные той же техникой силуэтные, полные изображения коней (табл. XXXVII, рис. 8, 9, 12). Все они отличаются реалистичностью изображения конской фигуры, а одна мастерски передает коня, идущего шагом.[5] В этом отношении, несмотря на техническую простоту выполнения, они весьма близки к южносибирским бронзовым рельефам кулана, являющимся, по справедливому замечанию издателя, образцом реализма.[6]

Однако мастерская передача коня таштыкскими художниками основывалась не только на старой тагарской традиции. Ее поддерживали и те новые художественные связи Центральной Азии с ханьским Китаем, которые установились в таштыкское время. Чтобы убедиться в этом, необходимо рассмотреть еще один вид изображений коня — его деревянные, резные статуэтки. Остатки их все были найдены в п. н. № 8 Уйбата, около нескольких сожжений. Сейчас мы располагаем одной сильно обожженной головой лошади, одним полным туловищем и остатками

---

[1] О-в Тагарский, кург. № 1; Джесос, кург. № 6 — раск. Адрианова (см. ОАК за 1894 г., стр. 104—138); о-в Тагарский, кург. № 1 — раск. Клеменца; Кривинское, ко. № 3, 4; Усть-Тесь, ко, № 1; Усть-Сыда, ко. № 1, раск. Киселева, хран. в Минусинском музее (см. Киселев С. В., Материалы..., табл. V, рис. 14, 21, 33—48); Батени, раск. Теплоухова (см. Опыт классификации, табл. II, рис. 14 и 26); Уйбат I, п. н. № 1 (3 экз.), № 2 (1 экз.), № 3 (2 экз.), № 5 (1 экз.), № 7 (3 экз.), № 8 (13 экз.),№ 11 (10 экз.), земл. курган № 1 (экз.), земл. курган № 2 (2 экз.), Уйбат II, п. н. № 1 (4 экз.) — хран. в ГИМ, № 78558 и 79956/2025, 2027, 3186; 302, 309, 314, 329, 341, 367, 373, 432, 451—53, 465, 466; 5280, 5396, 5457, 5459, 5532, 5534, 5624, 5628, 5630, 5662; 271—73; 296, 298, 10142, 10143, 10149, 10153.

[2] Уйбат I, п. н. № 7 — хран. в ГИМ, № 79956/2017.

[3] Salmony A. Sino-Siberian Art, pl. XVII, fig. 10.

[4] См. ниже, след. главу.

[5] Уйбат I, п. н. № 5 (3 экз.) — хран. в ГИМ, № 78558.

[6] Минусинские экземпляры, хран. в ГИМ (Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала, стр. 83, рис. 81) и в Минусинском музее (Левашова В. П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края, табл. X, рис. 1). Сходные из Ордоса см. Salmony A. Sino-Siberian Art, pl. VIII, fig. 3, pl. X, fig. 1.

9 ног, сильно фрагментированных и сохранившихся в различных частях, то в верхней, то в средней, то в нижней вместе с тщательно вырезанным копытом (табл. XXXV, рис. 9).[1]

По уцелевшим остаткам можно установить, что статуэтки были различных размеров (наибольшая длина туловища достигала 265 мм). Они весьма реалистично передавали фигуру стоящего коня. Однако была одна особенность. По фрагментам ног можно заметить, что кони изображались стоящими на трех ногах с поднятой и вытянутой вперед правой передней, которой они как бы бьют в нетерпении о землю. Среди изображений коней в сибирском искусстве мы не знаем подобных. Зато совершенно аналогичны найденным на Уйбате статуэтки коней, применявшиеся в китайской погребальной церемонии в ханьское время (206 г. до н. э.— 220 г. н. э.). Они или вырезывались из дерева, или лепились из глины с последующим обжигом докрасна (табл. XXXVI, рис. 8).[2]

Сходство их с таштыкскими подчеркивается не только внешним видом и указанной особенностью, но и размерами. Очевидно, здесь налицо взаимодействие, в результате которого в сложном ритуале ханьской империи и на похоронах в таштыкских склепах на далеком севере применялись одни и те же обрядовые формы. В 1950 г. мой ученик Л. Р. Кызласов нашел в склепе около с. Сыры близ Аскыза две деревянные статуи оленей в уздечках.

Старая, еще в тагарское время установившаяся традиция продолжается в изображениях барана (табл. XXXVIII, рис. 1). Одно из них представляет резную из дерева, обложенную золотом фигурку отдыхающего барана с подогнутыми ногами (табл. XXXVI, рис. 5).[3] Деревянные статуэтки баранов, также обложенные золотом, встречаются и позднее, в кыргызских чаатасах VII—VIII вв. Они и тогда сохраняют старые формы, очевидно, переданные от карасукской и тагарской древности через посредство таштыкских мастеров.[4]

Кроме статуэтки, в одном из уйбатских склепов нашелся обломок деревянной пластинки, украшенной рельефной головкой барана, также выдержанной в старых формах звериного орнамента.[5]

Таштыкские мастера продолжали разработку и еще одного старого мотива — изображения грифа. Из этой серии особенно интересна одна деревянная бляха, вырезанная в виде хищной птицы и обращающая на себя внимание своеобразной передачей отдельных частей (табл. XXXVIII, рис. 8).[6] Особенно необычен хвост в виде двух дисков, покрытых резьбой в три концентрических круга. Однако близ-

[1] Уйбат I, п. н. № 8 — хран. в ГИМ, № 79956. Голова — 350; туловище — 316; фрагм. ног — 369, 371, 374, 382, 404, 418, 424, 425, 455, 458, 473.

[2] Exhibition of Chinese Art. Mills College, 1934, pl. 17.

[3] Уйбат I, п. н. № 5, сожжение № 46 — хран. в ГИМ, № 78558.

[4] Левашова В. П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, стр. 58, рис. 24—25.

[5] Уйбат I, п. н. № 11 — хран. в ГИМ, № 79956/5659.

[6] Уйбат I, п. н. № 8 — хран. в ГИМ, № 79956.

кую передачу хвоста грифа знает хуннское искусство. В этом отношении особенно схожа с уйбатской золотая пластинка из могильника времени около начала нашей эры, раскопанного в Дерестуйском култуке Бурят-Монголии. На ней изображена сцена нападения на аргаль крылатого хищника, хвост которого также передан двумя округлостями, покрытыми почти полными резными кругами, означающими перья.[1]

Вполне возможно, что и уйбатская пластинка является лишь частью композиции, составлявшейся из нескольких фигур, вырезанных отдельно, но укреплявшихся таким образом, что получалась сцена нападения хищной птицы на какое-нибудь животное. Во всяком случае сходство с дерестуйской связывает нашу пластинку — грифа — со всей группой аналогичных изображений сарматского (Майкопский пояс), алтайского (апликации пазырыкских седел) и хуннского (аппликации ноин-улинских ковров) декоративного искусства.

Другое изображение хищной птицы на бронзовой пластинке найдено в уйбатском склепе. Здесь мы видим две головы грифов, смотрящих в разные стороны, вверх и вниз (табл. XXXVIII, рис. 4). Каждая из них накрыта крылом, в котором, однако, легко угадать первоначальное изображение рога оленя. Сохранился и олений глаз в виде центральной выпуклости с ямкой посредине.[2] Очевидно, в этом сложном рельефе уже исключительно в декоративном плане дана все та же излюбленная в хунно-сарматском искусстве сцена борьбы и победы хищника над травоядным, грифа над оленем. Что касается сложного приема противопоставления двух изображений, одного направленного вверх, а другого вниз, то он был достаточно распространенным на востоке. Среди хунно-китайских бронз из Ордоса имеется ряд блях с противопоставленными таким образом головами хищных животных[3] и одна с головами грифов, борющихся со змеями, особенно близкая к уйбатской.[4]

Под п. н. № 5 на Уйбате было найдено еще одно изображение хищной птицы. У северной стенки склепа сохранилась частично поломанная четыреугольная деревянная плакетка, украшенная высоким резным рельефом.[5] Он передает симметрично расположенные, обращенные головами в разные стороны, весьма схематично трактованные передние половины фигур двух зверей (табл. XXXVIII, рис. 5). В левой стороне ясно видно длинное ухо грифона, его голова с загнутым клювом и вытянутая вперед лапа. Под лапой виден также вытянутый вперед хвост. Он симметричен хвосту правого изображения и имеет вид львиного с кистью на конце. В правой стороне также вытянуты вперед львиный хвост и хищная когтистая лапа. Над ней изображена шея зверя, покрытая гривой. В остатках фрагментированной

---

[1] Сосновский Г. П. Дерестуйский могильник. ПИДО, 1935, № 1—2, стр. 173, рис. 5.
[2] Уйбат I, п. н. № 8 — хран. в ГИМ, № 79956/431.
[3] Salmony A. Sino-Siberian Art, pl. XIV, 3, 4; XVI, 8, 7; XXX, 6.
[4] Там же, XVII, 1.
[5] Уйбат I, п. н. № 5, сожжение № 54 — хран. в ГИМ, № 78558.

морды узнается облик животного из семейства кошачьих. Очевидно, перед нами переработанная в геральдическую схему все та же сцена борьбы зверей — грифона и льва.

Своей симметричной развернутостью это двойное изображение грифона и льва входит в широкий круг скульптур Востока, начиная с ахеменидских капителей и до линейных рельефов парных фигур животных на бронзовых плакетках из Ордоса.[1] С последними сближает уйбатский рельеф та же линейность, передача деталей фигуры не столько скульптурной лепкой, сколько линиями в виде выпуклых валиков, все пространство между которыми сильно углублено. Этот прием мы уже видели в хуннском литье, стремившемся в бронзе передать углубления, в которые вкладывались на золотых экземплярах камни и другие инкрустации. Близость к инкрустационному хунно-сарматскому стилю особенно ярко подчеркнута на уйбатской плакетке изображением лап. При передаче мускула в середине его вырезана миндалевидная выпуклость, подражающая даже формой миндалевидным инкрустациям из цветных камней.

Кроме перечисленных, в уйбатских склепах были найдены еще два деревянных изображения птиц. Они сильно фрагментированы, но в одном хорошо распознается утка.[2] Водоплавающие птицы изображались в таштыкское время и в бронзе. Особенно интересны статуэтки гуся, хранящиеся в Минусинском музее.[3] Они ближайшим образом напоминают птичьи фигурки, найденные по углам саркофага Берельского кургана на Алтае, относящегося ко времени около начала н. э.[4] Аналогичные статуэтки гуся известны и среди ордосских бронз.[5] Очевидно, они имели какое-то отношение к ритуалу. Вполне возможно, что прав был И. Т. Савенков, считавший их, по аналогии с этнографическими, принадлежностью шаманского реквизита.[6]

Рассмотренные изображения, сделаны ли они из кости, дерева или бронзы, все обнаруживают большое мастерство таштыкских художников, основывавших свое искусство на старых традициях скифо-сибирского звериного стиля и вместе с тем совершенствовавших его в соответствии с новыми веяниями.

В этом отношении таштыкское искусство целиком входило в то направление, которое, зародившись еще в ахеменидское время среди сакских племен Средней Азии, стало характерным для хуннов Центральной Азии, для южно-сибирских племен и для сармат Приуралья, Поволжья, Северного Кавказа и причерноморских степей. Однако таштыкские мастера были знакомы и с другими образцами высокого искусства древности. Изучение фрагментов фигур лошади убедило в большой

---

[1] Salmony A. Sino-Siberian Art, pl. XXVI, 2 и XXVII, 3 и 4.

[2] Уйбат I, п. н. № 11 и земл. курган № 1 (утка) — хран. в ГИМ, № 79956/5467 и 287.

[3] Клеменц Д. Древности Минусинского музея. Атлас. табл. XI, рис. 7; Левашова В. Из далекого прошлого южной части Красноярского края, табл. X. рис. 23.

[4] Zakharov A. Materials on the Archaeologia of Siberia. ESA, III, 137, fig. 16—17.

[5] Salmony A. Sino-Siberian Art, pl. XXXIII, 1.

[6] Клеменц Д. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, стр. 139.



Находки в таштыкских склепах Уйбатского чаатаса: подпорка «полатей» (рис. 7), глиняные сосуды (рис. 4—6) и портретные маски (рис. 1—3, 8). Рис. 5 изображает маску, надетую на лицо мужчины, внизу видна вторая маска, покрывавшая сожжение, вероятно, женщины.

близости их к ханьским погребальным статуэткам коней. Принадлежность таштыкского искусства к большому художественному движению объясняет и тот успех, которого достигли его мастера в разрешении наиболее трудной задачи: изображения человека и особенно человеческого лица.

ТАШТЫКСКИЙ ПОРТРЕТ

(Статуэтки и маски)

Наличие в таштыкское время статуэток, изображавших людей, доказано находками на Уйбате, прежде всего в п. н. № 8. Первой там встретилась вырезанная с большим искусством из кости левая рука, сжатая в кулак.[1] Аккуратно обрезанная, высверленная внутри кость не оставляет сомнения в том, что эта рука составляет часть деревянной статуэтки, вероятно, одевавшейся в ткани, из-под которых были видны лишь костяные надставки рук, ног и головы (табл. XXXVIII, рис. 6).

Наряду со сложными статуэтками имелись также фигурки людей, вырезавшиеся целиком из дерева. От одной из них мы нашли обломок нижней части ноги со схематически вырезанной стопой.[2]

Особый интерес представляет обуглившаяся голова от деревянной резной статуэтки мужчины, найденная в склепе под земляным курганом № 1 на Уйбате (табл. XXXVIII, рис. 2).[3] Касаясь ее особенностей, прежде всего следует отметить вытянутый вверх овал головы и лица, лишенного при рассмотрении en face ярко выраженных монголоидных черт. Лишь уплощенный профиль, может быть, указывает на желание художника придать скульптуре некоторую монголоидность. Лицо мужчины — бритое, с большими усами. Высокий лоб сливается с верхней частью головы благодаря обритым спереди волосам. Только сверху, от темени ко лбу, имеется прическа в виде двойной овальной косы, плетеной на каркасе. (Статуэтки, совершенно сходные с этой, находили в таштыкских склепах и в грунтовой могиле на Оглахтах.) Задняя часть головы покрыта головным убором, напоминающим шлем. Исполнена головка с большим мастерством. Ее автор уверенно пользовался резцом, прекрасно передавая сложную натуру. Нет никаких сомнений в портретности изображения. Очевидно, скульптурное искусство в таштыкское время стояло очень высоко и не боялось самых трудных задач. Несмотря на некоторую дань симметрии, головка таштыкца отличается большой реалистической силой.

Сделанная на Уйбате находка тем более важна, что позволяет по-иному отнестись и к другой группе человеческих изображений — к погребальным маскам, столь часто находимым в таштыкских склепах (табл. XXXIX—XLIII).

---

[1] Уйбат I, п. н. № 8 — хран. в ГИМ, № 79956/409.

[2] Уйбат I, п. н. № 8 — хран. в ГИМ, № 79956/368.

[3] Уйбат I, зем. курган № 1 — хран. в ГИМ, № 79956/275.



Портретные маски из таштыкских склепов Уйбатского чаатаса (рис. *2*, *3*), из Усть-Тесь на р. Тубе в Минусинской котловине (рис. *1*)

Материалом для масок служила белая смесь, обычно принимаемая за гипс. Однако находки обожженных масок, даже потрескавшихся от пламени, но вместе с тем приобретших большую твердость, а также мои опыты с помещением обломков рыхлых масок в сильный огонь, не разрушивший их, а закаливший, заставивший их только темнеть, подобно обожженным при погребении,— оба эти обстоятельства убеждают в неправильности старого определения материала. Гипс, как известно, от обжига рассыпается, вновь приобретая утраченное свойство быстро твердеть при смешивании с водой. Отпадает также и известь, обладающая почти всеми свойствами гипса, восстанавливаемыми путем пережигания. Возможно, что в масках мы имеем дело с каким-то составом, в который могли входить и гипс и известь, смешанные с другими породами, из которых пока можно различать лишь незначительную примесь мелкого кварцевого песка. Может быть, минусинские маски делались и из белых каолинов, найденных в настоящее время по Абакану и левому берегу р. Енисея. Это все должен выяснить анализ, к сожалению, пока не осуществленный. Пока же несомненно одно — погребальные маски Минусинского края сделаны не из чистого гипса, а из терракоты неизвестного еще состава, обожженной после формования и благодаря этому довольно успешно противостоящей почвенной влаге. Эта терракота хорошо выдерживала и сильную прокалку при трупосожжении, от которой приобретала лишь большую крепость и сплошное потемнение.[1]

Все известные мне маски делались в формах, снимавшихся или прямо с лица покойника, или с его изображения, лепленного от руки. На наличие последних указывают маски со схематически трактованными частями лица, например, носом в виде полуконуса без ноздрей.

Возможно, что такой сложный способ вызывался и частичными поломками первоначальных форм — тогда приходилось на «слепке» — матрице восстанавливать недостающие части.

Самая формовка производилась не целиком всей маски, а частями, в отдельных кусках формы. Так, всегда отдельно формовались шея, грудь, подбородок (который иногда разделялся на две половинки) и нос. Терракотовая масса накладывалась в куски форм равномерными слоями и иногда сверху (с внутренней стороны будущей маски) придавливалась, очевидно, в расчете на более четкое выполнение всех деталей и получение правильного выгиба изнанки специальными шаблонами, сшитыми из ткани. Их следы в виде отпечатков складок и швов отчетливо видны на многих масках. Этот способ «вдавливания» массы также подтверждает то, что она имела не чисто гипсовый состав: густеющий гипс при вдавливании всегда давал бы трещины. Уши заготовлялись отдельно, в шаблонных формах, трактующих их схематическими завитками.

---

[1] Эти выводы, подтвержденные последующими осмотрами и реставрацией масок из Уйбата и других мест, были получены в результате обсуждения со скульпторами, керамистами и формовщиками моего доклада «Техника гипсовой скульптуры из Минусинска», прочитанного в Скульптрриой комиссии Гос. Академии Художеств. Наук 18 января 1929 г.

Вынимались части маски из форм еще непросохшими, на что указывают нанесение на глаза узких вдавлений специальным штампом и следы дополнительной обработки ноздрей и губ.

Точно так же отдельные части маски соединялись не вполне просохшими — с обратной стороны видны заглаживания еще мягких краев швов. Самое скрепление, очевидно, осуществлялось при помощи жидкоразведенной массы — глиняного клея, до сих пор применяемого в керамическом производстве.

С наружной стороны все швы тщательно заглаживались, но, вероятно, уже по вполне просохшей поверхности, так как никаких следов срезания мягкого материала нет. Высохшая маска обычно раскрашивалась. Линии, образовывавшие на лбу меандр, на висках и на щеках спирали, наносились двумя красками рядом — красной и синевато-черной. Этими же красками расписывались какими-то узорами и шея и грудь бюстов. Кроме того, при росписи щек применялась голубая и зеленая краски. Несомненно, эта раскраска передает татуировку, память о которой (а может быть, и она сама) отразилась в позднейшем сообщении китайской хроники о том, что енисейские хакасы (кыргызы) красят себе грудь и шею. Такой раскраской маски из таштыкских склепов сближаются с найденными Адриановым в кургане № 42 на Тагарском острове второй стадии тагарской культуры, а также со встреченными в грунтовых таштыкских могилах. Как новость следует отметить передачу краской ресниц.

Кроме росписи, на одной из найденных мною в 1929 г. масок оба глаза и верхняя часть носа оказались покрытыми бороздками, начерченными каким-то острием по совершенно твердой, вероятно уже обожженной, поверхности. Возможно, что здесь перед нами имитация тех ран, которые получил оригинал.

Я уже упомянул, что по своему выполнению маски могут быть разделены на сделанные в форме, снятой непосредственно с лица умершего, и в форме, снятой со слепка.

Сличение всех масок, бывших мне доступными (всего свыше 300 экз.), убедило меня в портретной индивидуальности каждой из них. Ни разу не попадались хотя бы две маски, сделанные в одной форме. Это обстоятельство приобретает особое значение, если принять во внимание, что погребения, в которых они найдены, содержат в себе главным образом трупосожжения, по которым установить внешние особенности погребенных совершенно невозможно. Здесь-то и могут помочь маски.[1]

---

[1] Маски найдены: а) под каменными кольцевидными стенками: Кривинское, ко. № 1 (15 экз.), № 4 (1 экз.); Усть-Тесь, ко. № 1 (84 экз.) (Киселев С. В. Материалы..., стр. 147, 148, 151, 152, 144—146 и его же. Маски... и т. д., табл. I—III); Усть-Тесь, раск. Киселева 1932 г., ко. № 1 (16 экз.)— хран. в ГИМ (см. Киселев С. В. Советская археология Сибири периода металла. ВДИ, 1938, № 1, стр. 240, рис. 8); Усть-Сыда, ко. № 1 (1 экз.), Сыда, ко. № 3 (14 экз.) — хран. в Минусинском музее, № 400, 417—421, 426, 428, 431—434 (см. Киселев С. В. Маски..., табл. IV); Тагарский остров, ко. № 1 (5 экз.) — раск. Адри.

По внешнему виду я разделяю маски из таштыкских склепов на четыре типа: I — маска лица; II — маска передней половины головы (с ушами); III — маска передней половины головы с шеей и IV — маска-бюст. Из них три первых встречаются и в погребениях «оглахтинского» типа. В позднетагарских курганах встречены только маски лица и передней половины головы (I и II). Все маски из таштыкских склепов изображали индивидуальные лица мужчин и женщин, которые можно свести к трем физиономическим группам.

I. Лица крупные, со слабо выраженной скуластостью, довольно полными губами, прямо поставленными глазами, выдающимся вперед подбородком и тонкими, длинными носами с горбинкой.

II. Лица крупные, более широкие, с полными губами, прямо поставленными глазами, прямыми носами.

III. Лица более тонкие, удлиненные, со слабо выраженной скуластостью, тонкими губами, прямо поставленными глазами, умеренными подбородками и миниатюрными слегка вздернутыми прямыми носами. Лишь лица последней группы приближаются к найденным в тагарских курганах и грунтовых таштыкских могилах типа Оглахтов.

Лбы преобладают прямые, высокие. Обращает на себя внимание отмечавшееся уже выше нанесение на глаза расположенных продольно, иногда внешними (от носа) концами вверх, прямых или изогнутых, штампованных или резных бороздок. Здесь интересно отметить, что их наличие, особенно в случаях направления несколько наискось, придает глазам некоторую раскосость.[1]

В общем же приходится констатировать, что в склепах, в отличие от грунтовых погребений таштыкского типа, находятся маски с лиц трех, а не одной физионо-

---

анова 1883 г. (см. К л е м е н ц Д. Древности Минусинского музея, стр. 27, атлас, табл. XX); Тагарский остров, ко. № 1 (4 экз.), раск. Д. Клеменца — хран. в ГИМ; б) под подквадратными насыпями: Сарагашинский увал близ Батеней, раск. С. А. Теплоухова (см. его Опыт классификации..., стр. 51, табл. II, рис. 19); Уйбат I, п. н. № 1 (24 экз.), № 2 (3 экз.), № 3 (6 экз.), № 5 (14 экз.), № 6 (20 экз.), № 7 (10 экз.), № 8 (10 экз.), № 10 (2 экз.), № 11 (58 экз.), Уйбат II, п. н. № 1 (1 экз.); в) под земляным курганом: Уйбат I, земл. кург. № 1 (18 экз.) — хран. в ГИМ № 78558/827—839, 841—846; 906—920, 1278—1300, 4001—04, 4007—4027, 4029—031, 4033, 4105—108, 4117—129, 1032, 1041, 1262—72; 3721—77, 3386, 8134—178; 3778—791, 3802—805, 4570—4661, 4666—683, 4685—692, 4696—4710, № 79956/2045—059, 2548—564, 3000—011; 1663—672, 1675—1752, 1754—783, 1912, 1914—933, 10691—720; 5664, 6927—7040, 7048—058, 7060—087, 7089—7300, 7901—8109, 10643—689; 2715—721; 7629—7636, 7640—7799, 7815—837. Изданы: из п. н. № 1 — К и с е л е в С. В. Некоторые результаты Саяно-Алтайской экспедиции 1936 г. ВДИ, 1937, № 1, стр. 249, рис. 2, из п. н. № 6 — Левашова В. П. Минусинский район и Хакасская автономная область. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., стр. 314, рис. 90; е е ж е. Из далекого прошлого южной части Красноярского края, стр. 41, рис. 17.

[1] При закрытии глаз веками впечатление о раскосости сильно ослабляется. Возможно, что заметившие это мастера масок восстанавливали раскосость нанесением на глаз бороздок, направленных несколько наискось.

мической группы. Из них лишь лица третьей сходны с таштыкскими — грунтовыми и позднетагарскими.

Обстоятельства находок масок весьма разнообразны. Наибольшее их число найдено в виде обломков среди остатков трупосожжений, сложенных в гнездышки из травы на полу или на полатях склепа. Реже встречаются целые маски, положенные с верху гнездышка. При этом большинство из них лежат лицом вниз. И эти маски редко сохранились целыми — их разламывало землей или действием жара при заключительном поджоге деревянных конструкций склепа. В третьем положении, и то только изредка, находились маски-бюсты. Они стояли прислоненными к стенке склепа. Остатки сожжения лежали тогда перед ними. Большинство масок не испытало действия жара и поэтому сохранилось плохо. Однако около трети всех найденных сильно прокалились, частью еще при сожжении трупа, частью уже при пожаре в склепе. Наличие в склепах обломков или целых масок (в том числе и бюстов), прокаленных еще при сожжении умершего, делает несомненным наличие маски на погребальном костре. Маски, оставшиеся необожженными, очевидно, клались на останки только в склепе. При этом их часто нарочно разбивали, очевидно, по тем же причинам, по которым ломали оружие, снимали наконечники стрел и т. п. Может быть, с этим связана и частая укладка целых масок лицом вниз.

Четвертое положение маски встретилось в таштыкском склепе пока лишь один раз. На Уйбате I, в склепе под п. н. № 10, наряду с остатками сожжений был обнаружен костяк взрослого мужчины, лежавшего вдоль южной стенки головой на восток, на левом боку, со слегка согнутыми ногами и вытянутыми вдоль тела руками. На его лице оказалась тонкая необожженная маска, к сожалению, сильно фрагментированная, но все же сохранившая массивный профиль. Как уже отмечалось выше, эта находка имеет очень большой интерес. Она еще раз связывает ритуал масок из таштыкских склепов не только с их применением в грунтовых таштыкских могилах оглахтинского типа, но и с масками из позднетагарских курганов. Там постоянно встречался именно этот обычай наложений маски на лицо покойника.

При общем описании таштыкских склепов уже отмечалось наличие масок далеко не при всех остатках сожжений, положенных в одной камере. К этому надо прибавить, что наряду с камерами, содержавшими погребения с маской, было открыто немало таких, в которых лежали те же сожжения, но ни при одном из них масок не оказалось. То же можно сказать и о трупоположениях, встречавшихся в склепах. Лишь при одном из них найдена маска. Конечно, возможно, что часть этих склепов относится ко времени, когда, как мы увидим ниже, обычай масок стал исчезать. Однако наличие в одном и том же склепе погребений с маской и без нее позволяет считать маску принадлежностью лишь тех, кто имел право на настоящие таштыкские похороны. Имущественное неравенство, в таштыкское время еще более заметное, чем в конце тагарской эпохи, отражалось и в различиях погребального ритуала. Последний же фиксирует уже не столько экономическое, сколько

социальное своеобразие в положении отдельных общественных групп. В данном случае он достаточно ясно говорит о социальных различиях, уже намечавшихся в таштыкское время. Эти различия достаточно глубоко проникли в таштыкское общество. Судя по находкам масок, они заметны не только среди похороненных в богатых склепах. Из массы погребений в грунтовых таштыкских могилах также выделяется, правда небольшая, группа, погребальный ритуал которой отличен от остальных и характеризуется наличием тех же масок и общим, относительно большим, богатством инвентаря.

Вопрос о назначении масок уже неоднократно обсуждался в специальной литературе.[1] Однако до последнего времени было слишком мало фактического материала для его решения. Исследователи могли привлекать всего несколько масок из ранних раскопок Адрианова, Аспелина и Клеменца. Самые условия нахождения этих масок не всегда были ясными.

Теперь, после раскопок таштыкских склепов под кольцевыми стенками и подквадратными насыпями около Кривинского, Усть-Теси, Усть-Сыды, Сыды и на Уйбате, можно считать установленным, что все маски представляют собой портретные изображения того покойника, около останков которого они найдены. Судя по находке в п. н. № 10 на Уйбате, маски накладывались на лицо покойника, так же как и в таштыкских грунтовых могилах.

Какой смысл имела такая маска, надетая на лицо покойника? До недавнего времени у народов севера Сибири маски из меха, надетые на лицо, служили для изоляции умершего от внешнего живого мира[2]. Это назначение вполне возможно и для таштыкской маски, сохранившей еще тагарскую традицию. Вспомним, что в позднетагарских курганах находились маски, наложенные на лицо покойного, у которого для лучшей «изоляции» были предварительно замазаны глиной глаза, уши и рот. Однако это назначение «изоляции» не было в таштыкское время ни единственным, ни господствующим. Большинство отреставрированных масок с ушами и масок с шеей настолько массивны, что не могли накладываться на лицо. Они были для него слишком узки и, очевидно, имели другой смысл. Обширная область древневосточного ритуала масок во главе со своим «лидером» Египтом имела основой применения портретных погребальных масок стремление сохранить изображения умершего — обиталище или условие жизни души, а иногда и более материального «двойника».[3] Как ни заманчива эта концепция, ее невозможно прило-

---

[1] Кузнецов С. К. Погребальные маски, их употребление и значение. Казань, 1906; Харламнович К. К. К вопросу о погребальных масках и куклах. Изв. О-ва арх., ист. и этногр., т. 23, 6; Горощенко К. Гипсовые погребальные маски и особый вид трепанации в курганах Минусинского округа. Труды X Археологического съезда, т. I.

[2] Харламнович К. К вопросу о погребальных масках и куклах. Изв. О-ва арх., ист. и этногр, т. 23, 6.

[3] Petrie Fl. The Art and Crafts of ancient Egypt. Edinburg — London, 1909; Erdmann. Die Egyptische Religion. Berlin, 1909.

жить к таштыкским маскам. Их не берегли. Они гибли в пламени погребального костра, их нарочно разбивали или клали лицом вниз, даже маски-бюсты, казалось бы, наиболее подходящие для сохранения облика покойного, в большинстве случаев были найдены разломанными на костре или разбитыми при погребении.

В связи с этим, может быть, следует вновь обратить внимание на римский ритуал масок. Общеизвестна роль древнеримской восковой маски в развитии портретной скульптуры, неповторимой по передаче индивидуальных особенностей оригинала.[1] Римская маска, истоки которой уходят еще в этрусскую древность, связана с погребальным ритуалом и культом предков.

Наличие в этрусских погребениях лицевых изображений делает вполне возможным применение масок при похоронах еще с глубокой древности. На то, что обычай погребальных масок был более распространен в древности, указал Плиний, с сожалением отметивший упадок в изготовлении масок, ранее отличавшихся большой точностью передачи образа.[2] Однако ряд авторов, рассказывая о похоронах римских императоров и высших сановников, сообщают о гипсовых и восковых портретных масках, покрывавших лицо покойника или его погребальный манекен во время collocatio и при погребении или сожжении на костре.[3]

Последнее обстоятельство особенно важно. Маска, находившаяся на трупе или на парадном манекене, *сгорала вместе с ним*. Однако одновременно изготавливались и другие маски, вероятно, в одной форме. Светоний при описании похорон Веспасиана упоминает о том, что «по обычаю» в процессии шел актер в маске императора, изображавший умершего. Кроме того, в той же форме, снятой с лица умершего, отливалась маска, превращавшаяся затем в бюст, священное изображение предка, сохранявшееся в атриуме на самом видном месте.[4] Эти изображения предков (imagines majorum) не только хранились в семье, но копии с них девушка-патрицианка приносила в дом мужа вместе с приданым. Во время погребения бюсты предков также несли в похоронном шествии. Imagines majorum должны были особенно точно воспроизв дить лицо умершего, и поэтому-то при их изготовлении и применялся механический способ. Лишь в позднейшее время строгость культа предков пала, и у выскочек-фаворитов и отпущенников появились фальсифицированные изображения.

Мы так подробно остановились на римских масках потому, что в их применении больше всего сходства с таштыкскими из склепов. Их роднит, во-первых, максимальная портретность и, во-вторых, безжалостное их уничтожение при погребении, необъяснимое с точки зрения древневосточной концепции маски как

---

[1] Блаватский В. Д. Греческая скульптура, М., 1939, стр. 198.

[2] Natur. Hist., XXXV, 4.

[3] См. Аппиана о погребении Цезаря; Диона Кассия о похоронах Августа, Британика и Пертинакса; Тацита о погребении Германика; Геродиана о церемонии с прахом Севера; Светония о похоронах Веспасиана.

[4] Полибий, VI, 53, 4.

обиталища или условия жизни души. Мы не знаем пока о существовании у таштыкцев вторых масок, хранившихся дома или в святилище в качестве изображений предков, однако только их наличие может объяснить ту поразительную портретность, которой так настойчиво добивались таштыкские мастера. Едва ли она была так необходима для погребальной церемонии и сожжения на костре.

Есть и еще одна особенность таштыкских масок, сближающая их с римскими. На некоторых из них заметны отверстия, служившие для привязывания шнуров, прикреплявших маску к голове. Это вовсе не было нужно при наложении маски на лицо покойника, но это совершенно необходимо, если маску надевали участники погребальной церемонии. То обстоятельство, что эти маски с отверстиями для привязывания были глухими, без прорезей рта, ноздрей и глаз, не является противоречием. Достаточно вспомнить заведомо церемониальные маски тлинкит, которые часто изготавливаются также глухими.[1]

Решаясь говорить о связи таштыкских масок с культом предков, необходимо поставить вопрос о том, насколько соответствует такое предположение всему предшествующему пути развития культовых форм на среднем Енисее. Но ведь еще в карасукской древности обнаруживаются ясные признаки наличия в Минусинской котловине культа предков. Его памятниками являлись тогда карасукские стелы с человеческими личинами, иногда поразительно реалистичными, но еще с животными чертами, с рогами оленя или быка.[2] От этих изваяний через тагарские маски может быть протянута связующая цепь к таштыкским. Вспомним и еще одно обстоятельство. В орнаментах карасукских стел мы различили древнекитайские символы. Карасукские памятники в честь предка имели часто оформление, принесенное из Китая эпохи Шан-Инь. В ханьском Китае, с которым таштыкский Енисей был связан весьма сильно, также применялись погребальные маски. Однако их сравнение с таштыкскими доказывает самостоятельность таштыкских мастеров. Китайские погребальные маски совершенно не обнаруживают стремления к портретной реальности. Они остаются в рамках ритуальной условности.[3] В этом отношении таштыкские погребальные маски сближаются со своими западными аналогами.[4] Однако пока нет данных о непосредственной связи между этими двумя центрами. Таштыкские маски были замечательным явлением, развивавшимся в основном самостоятельно.

Таштыкские маски являются бесспорным памятником искусства, несмотря на механичность снятия слепка. Все они несут на себе признаки обработки опытными

---

[1] Ратнер-Штернберг С. А. Музейные материалы по тлинкитам. Очерки 1 и 2. Сборник Музея антропологии и этнографии, 1917, т. VI, и 1929, т. VIII.

[2] См. выше, гл. IV.

[3] Tallgren A. The South Siberian cemetery of Oglakty. ESA, XI, 89, fig. 26.

[4] Особенно близки и по материалу (гипс, смешанный с песком и белой глиной), и по способу формовки, и по отделке (например, не только раскраска, но и рельефные бусы на шее) египетские погребальные маски-портреты I—II в. н. э. (Кобылина М. А. К вопросу о римско-египетском портрете, стр. 88—93, табл. VIII).



Портретные маски из таштыкских склепов Уйбатского чаатаса (Хакассия).

художниками, которые превращали их то путем отделки рта, то благодаря дополнительной моделировке носа или глаз в живой образ. И в этом отношении таштыкские художники превзошли многих из своих западных товарищей. В эллинистическом Египте, например, в то же время создавались погребальные маски, очень близкие к таштыкским, но они уступали им в подлинной портретности. Это объясняется, очевидно, той высокой школой, которую прошли таштыкские художники, участвуя в развитии скифо-сибирского, хунно-сарматского искусства. Созданные ими резные из дерева статуэтки воинов, вроде найденной в земляном кургане № 1 на Уйбате, убеждают в том, что воспроизведение образа человека на высоком уровне было доступно им и без помощи механического способа снятия маски.

Помимо историко-культурного и художественного, таштыкские маски имеют выдающееся значение как источник, позволяющий судить об изменениях физического типа населения среднего Енисея в изучаемое время.

Выше уже говорилось о том, что тагарское население в основном сохраняло тот же внешний облик, какой был характерен для древнейших стадий бронзового века. Попрежнему преобладал близкий к афанасьевскому длинноголовый европеоидный тип. Однако в ряде мест он был осложнен примесью брахицефального элемента. Г. Ф. Дебец находит возможным отнести эту примесь на счет пришельцев из Северного Китая, появившихся на Енисее в карасукское время. При этом отмечается, что слабая монголоидность карасукских пришельцев с юго-востока в тагарское время настолько ослабляется, что II тагарский брахицефальный тип кажется лишенным монголоидных черт. Таким образом, тагарское население до конца эпохи выглядело весьма однородным, европеоидным.

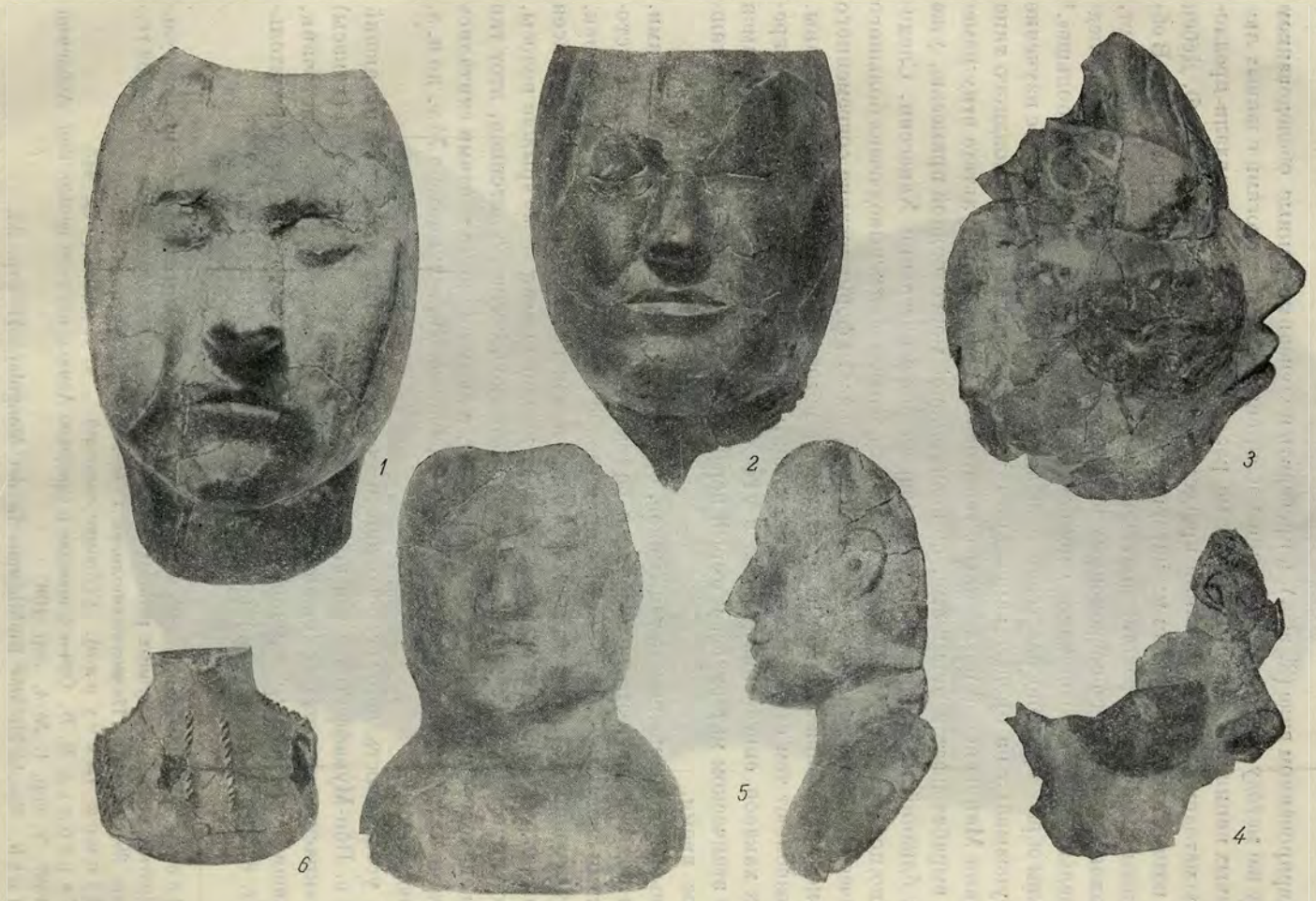
Иначе обстояло дело в таштыкское время. Описывая маски, мы уже отметили дифференцированность отраженных ими физиономических типов. Наряду с лицами, сохраняющими старый европеоидный тип, мы отметили другие, более широкие, с выраженной скуластостью. Симптоматичным показалось нам и намеренное придание раскосости глазам с помощью прорези, нанесенной наискось на выпуклость век.[1]

Поэтому мы настаивали на антропологическом обследовании таштыкских масок. Незадолго до Великой Отечественной войны Г. Ф. Дебец разработал на масках из уйбатских склепов методику их антропологического анализа.[2] Это позволило произвести измерения всех таштыкских масок, хранящихся в Москве

---

[1] К и с е л е в С. В. Маски..., Известия Гос. музея им. Мартьянова, № 1, Минусинск, 1935, стр. 5.

[2] «Основной диагностический признак обеих больших рас Северной Евразии — горизонтальная профилировка — определение путем измерения угла, вершина которого находится на наиболее выступающей вперед точке середины спинки носа, а стороны проходят через наиболее выступающие вперед точки щек. Форма горизонтального профиля лица получалась при помощи мягкой свинцовой проволоки, накладываемой на маску и потом переносимой на бумагу» (Г. Ф. Дебец).



Портретные маски и глиняный сосуд из таштыкских склепов Уйбатского чаатаса (Хакассия). Рис. 5—из склепа у с. Кривинского.

в реставрированном виде (27 экз.), и проверить полученные данные обследованием по тому же методу значительной серии масок, снятых антропологами с живых людей разных национальностей. Полученные различия не только оправдали предложенную методику, но и позволили провести сравнение. В результате Г. Ф. Дебец нашел возможным дать изученным материалам следующую характеристику: «В общем таштыкские маски представляют смешение европеоидных и монголоидных черт, напоминая больше всего современных шорцев и хакасов. Впрочем, среди последних удельный вес монголоидного компонента, повидимому, несколько больше».[1]

Таким образом, и непосредственное наблюдение, и антропометрическое изучение масок указывают на процесс изменения старого однородного европеоидного типа населения Минусинской котловины в таштыкское время. В результате этих изменений вырабатывается новый тип, со значительной монголоидной примесью, уже весьма близкий ко внешнему облику современного населения Хакассии. Следовательно, портретные погребальные маски позволяют сделать вывод очень большого исторического значения: они дают основание связать формирование современного хакасского населения со всей предшествующей историей Минусинской котловины. Они позволяют тем самым и преемников таштыкского населения, предков современных хакасов, енисейских кыргызов VI—X вв., считать народом, сложившимся на том этническом материале, который пережил столь сложные изменения в таштыкское время.

Меньшая монголоидность таштыкцев, сравнительно с современными хакасами, только подтверждает эти положения и находится в полном соответствии с историческими сведениями. В этом отношении весьма важен текст китайской летописи, приписывающий почти все черты старого дин-линского населения среднего Енисея хакасам (кыргызам). По словам летописца, последние имеют те же «рыжие волосы, румяное лицо и голубые глаза». Однако у кыргызов, согласно летописи, этот тип уже не единственный. Были у них и брюнеты, а люди с карими глазами считались потомками китайского эмигранта Ли-лина (правившего при хуннах до 74 г. до н. э. страною Хягяс).[2]

На устойчивость черт старого дин-линского типа указывал также писавший в VIII в. Ибн-Мукаффа (известен по Гардизи). Он говорил, что кыргызы (хакасы) имеют «красные волосы и белую кожу».[3] О том же сообщает и тибетский источник, отметивший у K'inc'a (кыргызов) голубые глаза, рыжие волосы и «отвратительную» (т. е. не похожую на монголоидную, тибетскую) внешность.[4]

---

[1] Дебец Г. Ф. Антропологические исследования погребальных масок таштыкской культуры. Краткие сообщ. о научных работах Института и Музея антропологии за 1938—1939 гг., 1941, стр. 29; его же. Палеоантропология СССР. М., 1947, стр. 129—135.

[2] Иакинф (Бичурин). Собрание сведений..., ч. I, отд. II, стр. 443.

[3] Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. Зап. Академии Наук, 1897, V, сер. 1, № 4, стр. 109.

[4] Huth. Geschichte des Buddhismus in der Mongolei. II, стр. 33.



Маска таштыкского склепа (Уйбат, Хакассия)

В свете всех этих археологических, антропологических и исторических фактов получает значительную достоверность китайская версия о том, что хакасы (енисейские кыргызы) произошли от дин-линов, смешавшихся около начала н. э. с тюрками и гянь-гунями.[1] О связи тюрок Алтая с енисейскими кыргызами (хакасами) еще придется говорить ниже. Гянь-гуни представляли собой племя, обитавшее во всяком случае южнее дин-лин среднего Енисея.[2]

Так же как и тюрки, первоначально обитавшие главным образом на Южном Алтае, гянь-гуни были более связаны с монголоидным миром Центральной и Восточной Азии. Поэтому обе эти народности вполне могли способствовать проникновению монголоидных черт в дин-линскую среду. Результатом этого «смешения» и стало сложение на Енисее нового кыргызского (хакасского) типа.

Теперь благодаря многочисленным находкам масок мы знаем, что этот процесс в основном протекал в таштыкское время,[3] а это позволяет уже теперь говорить о таштыкской культуре как об основе развития культуры потомков дин-лин енисейских кыргызов. В своем месте это вполне оправдается анализом кыргызских материалов.

ПРЕДМЕТЫ КУЛЬТА

При описании находок в грунтовых таштыкских погребениях близ Оглахтов были отмечены деревянные дощечки, вырезанные в виде схематических фигур птиц или рептилий. Аналогичные культовые изображения известны и из бронзы, например, в Ишимском кладе (около г. Ачинска). Обломки таких же идольчиков встретились и в таштыкских склепах на Уйбате.[4] Кроме того, там нашлись и другие вырезные дощечки, покрытые резьбой, очевидно, также служившие культовым целям.[5] Особенно интересна деревянная плакетка в виде рыбы, обложенная золотым листком и украшенная по верхней плоскости коническими позолоченными

---

[1] Огородников В. И. Очерк истории Сибири, ч. 1, 1920, Иркутск, стр. 163.

[2] По мнению ряда исследователей и в их числе акад. В. В. Бартольда (см. его «Киргизы» стр. 6), самое название «гянь-гунь» (имеющее и еще более древний вариант — гэ-гунь, встречающийся уже у Сы-ма-цян'я) является китайской транскрипцией слова кыргыз. Тогда становится понятным сообщение Тан-шу о том, что хакасы (кыргызы) «перемешались с дин-линами», после чего и образовалось на Енисее их государство [И а к и н ф (Бичурин), ч. I, отд. II, стр. 443]. Очевидно, при этом «смешении» более южные гянь-гуни — кыргызы передали свое имя новому этническому образованию. Однако и этот вариант только подтверждает то смешение различных этнических групп, которое фиксируется таштыкскими масками и которое способствовало сложению енисейских кыргызов, предков современных хакасов.

[3] Совпадение дат таштыкской эпохи и времени «смешения» (около начала н. э.) представляется замечательным и вполне оправдывающим основные хронологические сведения китайских хроник.

[4] Уйбат I, п. н. № 1 и № 3 — хран. в ГИМ, № 87558.

[5] Уйбат I, п. н. № 5 и п. н. № 11 — хран. в ГИМ, № 78558 и 79956.

шишечками.[1] В склепе под п. н. № 11 около входа стоял ящик с остатками сожжения. Среди обломков четырех масок и кусков, вырезанных из дощечки идольчиков, жженых костей, золы и угля в ящике была обнаружена деревянная шкатулка с четырехскатной крышкой, украшенная резьбой в виде елочного узора. В шкатулке оказалась разрубленная фаланга лошади и астрагал барана с тамгой, тщательно завернутые в ткани. Самый набор вещей, как кажется, свидетельствует о ритуальном назначении шкатулки. Рядом с нею, в том же погребении, в ящике был найден деревянный предмет в виде юлы и другой, снизу плоский, четыреугольный, сверху оформленный в виде несколько скругленной, четырехгранной пирамиды. Грани ее покрыты резьбой в виде сетки, весьма близкой к орнаментации шкатулки.[2] О назначении этого предмета говорить трудно. Нельзя, однако, не отметить близкого сходства с его аналогичным деревянным, украшенным резьбой обрубком, найденным в хуннском кургане № 6 Ноин-Улы.[3]

Особый интерес вызывает найденная в п. н. № 5 железная скоба с отверстиями, в которые продеты кольца с висящими на них четырехгранными бронзовыми колокольчиками-позвонками (табл. XXXVI, рис. 2).[4] Вполне возможно видеть в этом предмете принадлежность шаманского костюма, всегда увешанного звякающими привесками. Эта находка заслуживает внимания еще и потому, что имеет аналога среди бронз Северного Китая. Салмони среди разных древностей из коллекции Лу издал несколько дугообразно изогнутый бронзовый прут, заканчивающийся в верхней части головой животного. Посредством имеющихся на этом пруте ушков к нему прикреплены бронзовые же шумящие позвонки. Издатель склонен видеть в этом предмете также принадлежность шаманского костюма или ритуала.[5] Необходимо подчеркнуть, что стилистические особенности весьма схематично трактованной, сильно вытянутой головы аргали, украшающей этот таинственный северокитайский предмет, заставляют вспомнить голову животного, служащую язычком пряжки, найденной в Уйбатском склепе под п. н. № 3.

Как бы то ни было, самое наличие в таштыкских склепах на среднем Енисее и в быту племен, обитавших некогда в районе Великой Стены, аналогичных предметов ритуала заслуживает особого внимания. Здесь же следует вспомнить и о других признаках связи между таштыкской культурой и Северным Китаем, выразившейся прежде всего в проникновении далеко на север, на средний Енисей, шелковых тканей, лаковых изделий, бронзовых котлов хуннского типа и многого другого.

Во время погребения вместе с остатками сожжения в склеп вносились куски мяса от передней части туши коровы, лошади или овцы. Найдены в значительном

---

[1] Уйбат I, п. н. № 5, сожжение № 4 — хран. в ГИМ, № 78558.
[2] Хран. в ГИМ, № 79956/5597, 5612, 5613, 5680—85.
[3] Trever C. Excavations in Northern Mongolia, pl. 32, 2.
[4] Уйбат I, п. н. № 5, сожжение № 50 — хран. в ГИМ, № 78558.
[5] Salmony A. Sino-Siberian Art, pl. XLIV, 1.

количестве ребра этих животных, кости их ног, позвонки и лопатки. Кроме того, дважды были встречены кости птиц, позвонки осетровых рыб и один раз остатки костяка собаки. Большинство костей находится в южной половине склепа, обычно почти не занятой гнездами сожжения. Велико также число костей под западной стенкой у входа.

Особый интерес представляет обычай захоронения вместе с останками умершего большого количества астрагалов, очевидно, специально сохранявшихся для похоронной церемонии. Не исключено, впрочем, что эти астрагалы представляют сохраненные части животных, принесенных в жертву или съеденных во время тризны. Всегда на первом месте оказываются астрагалы коровы (в п. н. № 5 их было найдено до 400 экз.). Астрагалов лошади и овцы всегда примерно в 4 раза меньше.

ИГРАЛЬНЫЕ КОСТИ И ЗНАКИ НА НИХ

Уже при разборке костей животных в южной части склепов Уйбата были встречены астрагалы барана, специально предназначенные для игры (в т. н. «альчики»). Затем они были найдены и при сожжениях. Несколько экземпляров оказалось в ящике с остатками сожжения, стоявшем у входа в склеп п. н. № 11. Большинство из них легко выделяется благодаря наличию среза на боковой или нижней части [1] и особенно сверлиной, чаще всего проделанной ближе к одному краю.[2] Кроме того, имеются счетные знаки и тамги (табл. XXXVIII, рис. 14—18). Наиболее простые знаки счета — зарубки по верхнему краю. На разных альчиках количество их различно — 3, 10, 14.[3] Другим видом счетных отметок служат точечные ямки на боку альчика. Число их достигает 22.[4] С этой же целью наносился и циркульный узор. На боку альчиков встречены группы в два или четыре кружочка, выполненных циркульным резцом.[5] Счетным же, повидимому, нужно считать и сложный знак, состоящий из прямого креста и поставленных рядом, справа, трех параллельных черточек.[6]

---

[1] Уйбат I, п. н. № 2 (5 экз.), № 8 (2 экз.), № 11 (2 экз.), земл. кург. № 2 (3 экз.) и Уйбат II, п. н. № 1 (1 экз.) — хран. в ГИМ, № 78558/1251, 1253—56; № 79956/337, 338; 5297, 5486; 293, 294, 300; 2905.

[2] Уйбат I п. н. № 2 (2 экз.), № 8 (29 экз.), № 11 (66 экз.); Уйбат II, п. н. № 1 (2 экз.) — хран. в ГИМ, № 78558/1252, 1258; № 79956/334, 336, 336а, 344—346, 366, 385—390, 437—440, 443—445, 1650—1657, 1662; 5282—5303, 5305, 5321—5326, 5328—5332, 5475—77, 5479, 5483—87, 5550, 5555—5565, 5571, 5572, 5575, 5577, 5582, 5583, 5586, 5590, 5599, 5601, 5619; 2906, 2907.

[3] Уйбат I, п. н. № 8 (3 экз.), № 11 (2 экз.), земл. кург. № 2 (1 экз.); Уйбат II, п. н. № 1 (2 экз.) — хран. в ГИМ, № 79956/335, 348; 5294, 5558; 300, 2906, 2907.

[4] Уйбат I, п. н. № 8 (3 экз.), № 11 (1 экз.) — хран. в ГИМ, № 79956/336, 1662; 5483.

[5] Уйбат I, п. н. № 2 (1 экз.) — хран. в ГИМ, № 78558/1252.

[6] Уйбат I, п. н. № 2 (1 экз.) — хран. в ГИМ, № 78558/1252.

Совершенно исключительный интерес представляют вырезанные на альчиках тамги. При рассмотрении их сразу же бросается в глаза возможность объединения их в группы. Одна из таких групп, все знаки которой найдены на альчиках из п. н. № 8, положенных при различных сожжениях, позволяет установить три последовательные ступени развития определенного вида тамги. Первый, исходный знак — одиночная скоба (табл. XXXVIII, рис. 18).[1] Вторая ступень — знак в виде удвоенной скобы, похожий на омегу (табл. XXXVIII, рис. 16).[2] Третья ступень — сложная тамга из трех скоб, осложненных изображенными под ними несомкнутым кругом и схематической фигуркой птицы (табл. XXXVIII, рис. 15).[3] Кажется вполне возможным видеть в этом усложнении знаков отражение обычной генеалогической эволюции тамг при их передаче потомкам в семье или роде. Появление на третьей ступени развития скобочной тамги дополнительных знаков может отражать установление какой-то связи с другой группой, имевшей другие тамги. Что это вполне было возможно, доказывает находка в том же склепе под п. н. № 8 альчика с изображением птицы (табл. XXXVIII, рис. 15).[4] Ее схематический рисунок мог затем дополнить знак утроенной скобы первого ряда тамг.

В склепе под п. н. № 11 на Уйбате мы встречаем группу тамг иного вида. В их основе лежит прямая линия, которую пересекают слегка изогнутые дугой поперечные линии. Иногда такие дужки парами примыкают к вертикали с обеих сторон. Одни из этих знаков напоминают дерево,[5] другие многоногого жука (или, может быть, ветвистое дерево),[6] третьи, наконец, представляют типичный образец усложненного знака. Его верхние ветви приняли очертание птицы и осложнились дополнительным знаком в виде развилки (лапы птицы или ее хвоста?).[7] Эти тамги из п. н. № 11 пока нельзя поставить в какой-то генетический ряд. Однако своеобразные черты, характерные только для них, позволяют видеть в них пока разрозненные, но все же звенья одной или нескольких родственных тамговых линий.

Если два первых случая делают возможным предположение о размещении в каждом склепе погребений лиц, родственных друг другу или принадлежащих к нескольким близким линиям, то третий случай позволяет говорить о связях между погребенными в разных склепах и даже на разных кладбищах.

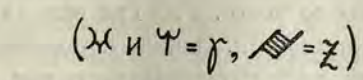
В той же п. н. № 11, наряду с «ветвистыми» тамгами, на одном альчике был обнаружен знак в виде ромба, перечеркнутого двумя диагональными линиями.[8] Каково же было наше изумление, когда мы нашли альчик с изображением двух также

---

[1] Уйбат I, п. н. № 8 — хран. в ГИМ, № 79956/744.
[2] Уйбат I, п. н. № 8 — хран. в ГИМ, № 79956/339.
[3] Уйбат I, п. н. № 8 — хран. в ГИМ, № 79956/ж—а×3—4.
[4] Уйбат I, п. н. № 8 — хран. в ГИМ, № 79956/391.
[5] Уйбат I, п. н. № 11 — хран. в ГИМ, № 79956/5558.
[6] Уйбат I, п. н. № 11 — хран. в ГИМ, № 79956/5298.
[7] Уйбат I, п. н. № 11 (шкатулка из ящика у входа) — хран. в ГИМ, № 79956/5586.
[8] Уйбат I, п. н. № 11 — хран. в ГИМ, № 79956/5598.

перечеркнутых ромбов не на Уйбате I, а в 1,5 км от знаменитого могильника на другом, совершенно обособленном кладбище Уйбат II.[1] Конечно, сейчас еще нет возможности выяснить характер связей, которые могли стать причиной такого перехода тамги в другой склеп другого могильника. Может быть, брачные отношения впоследствии станут наиболее вероятным объяснением подобных случаев. Альчики с тамгами нашел А. Н. Липский в таштыкском погребении около Банка в г. Абакане.

Тамги, вырезанные на альчиках, имеют еще одно существенное значение. Ряд из них — дуга, удвоенная дуга-трезубец, несомкнутый круг, ромб, крест и лесенка — находят себе параллель в соответственных знаках орхоно-енисейского алфавита[2]. В других тамгах, например № 79956/5298 и 5558, нельзя не видеть несколько более усложненные фигуры, которые впоследствии могли лечь в основу упрощенных буквенных знаков:



Поэтому нельзя не вспомнить, что и В. Томсен и О. Доннер затруднялись подыскать для всех знаков орхоно-енисейского алфавита их арамейско-согдо-хорезмийские и аршакидские прототипы.[3] В связи с этим были высказаны предположения о родстве некоторых орхоно-енисейских знаков с тамгами.[4] Особенно резко этот вопрос поставил Н. Аристов, утверждавший, что орхонское письмо возникло в восточной части Центральной Азии и составилось из древних местных тамг.[5] Едва ли можно согласиться с таким обобщающим заключением, особенно теперь, когда значительно продвинулось вперед знание хорезмийского письма, с одной стороны, связанного с согдийским и, следовательно, арамейским, а с другой—прототипного орхонскому.[6] Но вместе с тем обнаруженная близость таштыкских тамг на альчиках к орхоно-енисейским литерам еще раз подчеркивает полную возможность местного происхождения некоторых древнетюркских букв. Ниже мы увидим сходство между тамгами на кыргызских вазах VII—VIII вв. и только что разобран-

---

[1] Уйбат II, п. н. № 1 — хран. в ГИМ, № 79956/2905.

[2] Мелиоранский П. Н. Памятник в честь Кюль-Тегина. ЗВОРАО, т. XII, 1899, стр. 14, литеры — ш, нч, б. $д^1$, $д^2$, или Малов С. Е. Таласские эпиграфические памятники. Материалы Узкомстариса, ромб-литера, 1, 12, т. е. М.

[3] Donner A. Sur l'origine de l'alphabet turc du nord de l'Asie. Helsingfors, 1896 и Thomsen W. Inscriptions de l'Orkhon, стр. 49—50.

[4] Мелиоранский П. Н. Памятник в честь Кюль-Тегина, т. XII, стр. 47; Савенков Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Труды XIV Археъезда, т. I, стр. 356.

[5] Аристов Н. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. Живая старина, 1894, вып. III и IV, стр. 410, 418 и 420.

[6] Толстов С. П. Монеты шахов Хорезма и древнехорезмийский алфавит. ВДИ, 1938, № 5, стр. 120.

ными таштыкскими. Это придает им многовековую традиционность, может быть, идущую еще из тагарской древности — ведь на некоторых писаницах и надмогильных камнях тагарского времени находятся знаки — кресты, скобки, круги, несомкнутые круги и древовидные, весьма близкие и к таштыкским и к кыргызским.[1] В этом еще раз выступает связующая роль таштыкской эпохи, сохранившей для последующего развития населения Саяно-Алтая многие стороны древней южносибирской культуры.

ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЕ ЗОНТЫ

Изучая шаг за шагом все материалы из таштыкских склепов, мы накапливаем все больше и больше оснований видеть в них усыпальницы людей, занимавших на общественной лестнице особое место. Уже при описании погребального обряда выступила неоднородность погребений. Одни — скромные гнезда с прахом, лишенные масок и каких-либо вещей, расположенные часто так, что они неизбежно должны были растаптываться входившими в склеп. Другие — обязательно с масками и с множеством вещей, даже остатки которых говорят о дорогой одежде, художественно выполненных украшениях, богато орнаментированном оружии и значительном количестве золота. Многочисленная утварь, шаманские аксессуары и остатки обильных жертв вместе со сложностью самих погребальных конструкций ярко выделяют эти богатые погребения и заставляют предполагать их принадлежность знатным людям таштыкских племен. В склепах погребались воины-наездники, также украшавшие свою могилу статуэтками боевых коней, как это делали в ханьском Китае. Ряд предметов, найденных в уйбатских склепах, указывает также на сходство их культуры с аристократической хуннской и с так называемой «княжеской» алтайских курганов пазырыкского типа.

Эти наблюдения и предположения, основанные на изучении обряда и инвентаря таштыкских склепов, находят полное подтверждение в замечательных находках, сделанных под п. н. № 8 и № 11 на Уйбате.

Среди многочисленных вещей там были встречены три деревянных резных предмета, напоминающих в миниатюре ступицу колеса крестьянской телеги. Сходство особенно усиливала сквозная продольная сверлина и наличие на более толстой цилиндрической части щелевидных прорезей, в которых сохранились остатки шипов когда-то укрепленных лучеобразно деревянных спиц (табл. XXXVI, рис. 11—13).[2] Здесь же были найдены многочисленные обломки этих спиц в виде палочек,

---

[1] Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Труды XIV Археологического съезда, т. I, и Киселев С. В. Значение техники изображения писаниц. Труды секции Археологии Инст. археологии и искусствознания РАНИОН, вып. V, стр. 91, табл. IV, рис. 2; табл. VII, рис. 6.

[2] Уйбат I, п. н. № 8 и № 11 — хран. в ГИМ, № 79956/375.

обычно полукруглых в сечении, несколько изогнутых к утончающемуся концу. В палочке по длине имелись отверстия. В некоторых из них оказались маленькие деревянные гвоздики.[1] Изучение втулок с прорезями сразу же заставило вспомнить близкий предмет из ноин-улинских курганов—среднюю часть китайского зонта, хранящуюся в Гос. Эрмитаже. Находки рядом слегка изогнутых спиц окончательно подтвердили такое определение назначения втулок из уйбатских склепов. Важно отметить, что спицы нашлись и в других склепах, где по какой-то причине не сохранились втулки.[2] Следовательно, зонты были особенно характерны для инвентаря таштыкских склепов на Уйбате.

Назначение уйбатских зонтов может быть понято из китайского церемониала. С давних времен зонт, более или менее роскошно украшенный золотом, шелком или парчой, бусами и султаном, служил в Китае знаком власти. Представители различных рангов гражданской и военной администрации обычно появлялись в сопровождении носильщиков зонта положенного вида.

Кроме того, известно, что китайские императоры с давних времен вручали церемониальные зонты предводителям варварских племен, вступившим в союзнические отношения с Китаем. Поэтому неудивительно, что остатки церемониального зонта оказались в инвентаре ноин-улинских курганов, под которыми покоились представители высшей знати восточных хуннов, уже подчинившихся в I в. силе Хань.

Уйбатские зонты, несомненно, имели то же церемониальное назначение. И даже если они были сделаны на Енисее и только подражали китайским,[3] они все же убедительно свидетельствуют о принадлежности тех, перед которыми их носили, к высшему слою, к знати таштыкских племен. Варварская племенная аристократия, естественно, перенимала церемониал представительства у китайцев или у китаизировавшихся хунну. Так появились на Енисее церемониальные зонты — признак усиления власти, силы и независимости от соплеменников знатных людей таштыкских племен. Находки зонтов окончательно позволяют видеть в уйбатских и аналогичных им склепах усыпальницы таштыкской племенной знати. Во время пышных похорон ее представителей погребались, наряду с вещами и животными, также и подчиненные люди, вероятно рабы, сожжения которых резко отличаются своей бедностью и отсутствием какого-либо признака бережного отношения к праху.

Ритуал склепов, их инвентарь и находки зонтов свидетельствуют об усложнении общественного устройства в Минусинской котловине в таштыкское время.

---

[1] Уйбат I, п. н. № 8 и № 11 — хран. в ГИМ, № 79956/306, 315, 331, 333, 343, 383, 407, 408, 415, 426, 456, 457, 474, 475; 5412, 5435—37; 5439—40, 5442—43; 5524.

[2] Уйбат I, п. н. № 1 и № 7 — хран. в ГИМ, № 79956/840, 2011, 2019, 2043.

[3] На местную выделку зонтов, может быть, указывает находка на Уйбате в п. н. № 7 незаконченной втулки — еще без сверлины и щелевидных пазов — хран. в ГИМ, № 79956.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВРЕМЯ ТАШТЫКСКИХ ПАМЯТНИКОВ

При рассмотрении погребальных конструкций и находок, сделанных в таштыкских грунтовых могилах оглахтинского типа и в таштыкских склепах под кольцевидными каменными стенками, подквадратными насыпями или земляными курганами, удалось установить одновременность их постройки. Эта же одновременность подтверждена и раскопками таштыкской стоянки на Лугавской улице в г. Минусинске. Вещи, характерные для грунтовых могил и для склепов, находились там в одном слое небольшой мощности.

Особенности таштыкского обряда (обширные деревянные склепы с коллективными захоронениями, применение масок и обычай миниатюр), а также многочисленные аналогии в находках (глиняная посуда — баночная, кубковидная и в виде скифских котелков, те же маски, бляшки с выпуклостями, бусы, характер звериных изображений, орнаментация бронзовых пальметок, пряжки со шпеньками и мн. др.) позволяют утверждать, что существовала теснейшая генетическая связь между предшествующим тагарским развитием и таштыкским.

Таштыкская культура представляет собой дальнейшее продолжение тагарской.

Когда могло произойти переоформление последней?

При изучении позднейших тагарских курганов мы отметили ряд признаков, которые могут быть датированы II—I вв. до н. э. и I—II вв. н. э. Теперь необходимо уточнить эту дату.

Некоторые из вещей, привлеченных для датировки позднейших курганов, находятся также и в таштыкских погребениях. Таковы, например, бляшки с выпуклостями, датированные на западе находкой в Буеровой могиле III в. до н. э., а также миниатюрные бронзовые и глиняные «скифские» котелки, имеющие себе параллели среди сарматских древностей Прикубанья, времени около начала н. э. Бронзовая бляшка с изображением голов борющихся грифов и оленей, найденная в таштыкском склепе на Уйбате, также теснее всего связывается с I группой поздних тагарско-сибирских бронз, еще не утративших строгости древнего стиля. Уже это заставляет допускать, что позднейшая часть трехвекового периода первоначальной «широкой» датировки конца тагарской культуры может оказаться временем, когда вещи, подобные перечисленным, бытовали уже не в тагарском, а в таштыкском комплексе. Такое предположение вполне подтверждается другими находками в таштыкских погребениях. Прежде всего это серия вещей, сходных с найденными в ноин-улинских курганах рубежа новой эры. Сюда я отношу: 1) косы, 2) деревянные пирамидки с резным узором, 3) грибовидные предметы, сходные с бронзовыми столбиками, покрытыми пальметой, из Ноин-Улы, 4) деревянные ложки, 5) церемониальные зонты и 6) шелковые ткани, особенно покрытые китайскими иероглифами ханьского типа. В этой же связи необходимо

напомнить и бляху с резным изображением грифона, найденную на Уйбате в п. н. № 8. Как уже отмечалось, она ближе всего к бляхе с грифом-аргалем из 21 могилы Дерестуйского Култука (Бурят-Монгольская АССР), датируемой временем около начала н. э., скорее даже I в. до н. э.

В конструкции таштыкского склепа в земляном кургане на Уйбате, сохраняющем еще позднетагарскую традицию насыпи, мы также отмечаем сходство с конструкцией склепов Ноин-Улы и Алтая (эпохи Пазырыка и Шибэ).

Основываясь на приведенных сближениях, кажется вполне допустимым относить древнейшие из таштыкских погребений к началу нового летосчисления, может быть, даже к I в. до н. э.

Касаясь вопроса о дате позднейших тагарских курганов, я уже отмечал сходство ряда найденных в них вещей со встреченными в северных урало-сибирских находках типа Гляденовского костища, святилища на горе Кулайке (Нарым) и Ишимского клада (Ачинский север). Время возникновения этих памятников различно. Гляденово и Кулайка возникли еще в ананьинское и скифо-тагарское время, однако основным этапом их развития, как и временем окончательного сложения Ишимского клада, является несомненно пьяноборская, хунно-сарматская эпоха. Об этом ясно говорит фигурное бронзовое литье с фасным изображением медведей и миниатюрными эполетообразными застежками, а также сарматские типы мечей с кольчатым и ажурным навершием и хуннские наконечники стрел («ярусные» типа Ноин-Улы).

Таким образом, аналогии с этой группой древностей, устанавливаемые по позднетагарским находкам, также подводят ко времени около начала нашей эры. И совершенно так же, как это выясняется относительно хуннских и сарматских параллелей, и здесь обнаруживается близость с таштыкскими памятниками. При этом следует подчеркнуть, что сходство выражается в наличии среди ишимских находок типично таштыкской вещи — идольчика типа оглахтинских. Следовательно, в момент окончательного сложения Ишимского клада, когда в его составе оказались сарматские, гляденовские, хуннские и позднетагарские вещи, к ним были присоединены и таштыкские. Это могло произойти также около начала нашей эры. Таким образом, и этот ряд сопоставлений приводит к указанию на то же время.

Аналогичные выводы вытекают из анализа находок в интереснейшем здании китайской архитектуры, исследованном Саяно-Алтайской экспедицией около г. Абакана в 1941 г. Как будет показано ниже, этот памятник относится к ханьской эпохе, ко времени около начала нашей эры. Поэтому находка в нем типично таштыкской пряжки приобретает особое значение, еще раз подтверждая приведенные основания датировки начала таштыкской стадии.

Вопрос о длительности таштыкской эпохи едва ли может получить сейчас полное и уточненное разрешение. Находки в таштыкских погребениях и в древнехакасских (кыргызских) каменных курганах («чаатас»), а также на древнехакасских

стоянках позволяют утверждать наличие тесной генетической связи между таштыкской и древнехакасской (кыргызской) культурой. Это же подтверждают и наблюдения над таштыкскими портретными масками, которые фиксируют сложение (на основе старого тагарского) нового физиономического типа населения среднего Енисея, впоследствии господствующего у хакасов (кыргыз).

Эти факты имеют очень большое значение для решения вопроса о происхождении хакасов (енисейских кыргызов) и для выяснения истоков формирования их культуры. Однако пока нет таких находок, которые могли бы с точностью определить самый момент перехода от таштыкской к древнехакасской культуре. Поэтому приходится ограничиваться лишь следующими приближенными соображениями. Для древнехакасской (кыргызской) культуры особенно характерны каменные курганы «чаатас». Найденные в них вещи и надписи позволяют относить их главным образом к VII—VIII вв. н. э. К этому времени кыргызская культура вполне сложилась и уже очень сильно отличалась от своей предшественницы — таштыкской.

При изучении таких классических кыргызских могильников, как чаатас на Уйбате и у с. Копены, мы еще будем иметь возможность убедиться в том, что их блестящая культура является результатом длительного развития. Благодаря нашим раскопкам 1936 и 1938 гг. в Уйбате стали известны и такие древнекыргызские памятники, которые можно считать более архаичными (см. ниже об уйбатских курганах «с белым камнем»). Они отличаются сравнительно небольшими размерами и скрывают под своей каменной насыпью также небольшую четыреугольную яму, обставленную по стенкам вертикальными бревешками.[1] Если недавно подобные могилы казались только более скромным вариантом грандиозных кыргызских курганов чаатас, то теперь их можно теснее связывать с расположенными рядом с ними позднеташтыкскими могилами Уйбата II.

Приведем необходимые данные об этих последних.

ПОЗДНЕТАШТЫКСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ УЙБАТА II

От старого таштыкского обряда позднеташтыкский могильник Уйбата II сохранил обычай установки вереницы камней на восточной окраине. Внешний вид могил также в большинстве случаев напоминает старый обряд. На поверхности они отмечены подквадратными вымостками из горизонтально уложенных обломков плитняка.[2] Однако в нескольких случаях уже имеется стремление превратить вымостку в каменную насыпь. Особенно это заметно у погребения № 11, где надмо-

---

[1] Евтюхова Л. А. К вопросу о каменных курганах на среднем Енисее. Труды ГИМ, вып. VIII, М., 1938.

[2] Размеры вымосток позднеташтыкских погребений Уйбата II: № 9, 10, 12, 13, 19—3×3 м; № 14—3,5×3,5 м; № 11, 15, 17—2,5×2,5; № 16 и 18—2×2 м. Все вымостки ориентированы сторонами по странам света.

гильное сооружение представляет собой квадратный в плане курганчик, сложенный из девонского песчаника на высоту до 0,3 м (квадратность плана характерна и для кыргызских каменных курганов чаатас).

Что касается внутреннего устройства этих погребений, то они резко отличаются от древнеташтыкских. Вместо удлиненной могилы рядовых погребений или обширного склепа знати, здесь открываются квадратные (или почти квадратные), сравнительно очень небольшие ямы, покрытые бревенчатым накатом.[1] Стенки большинства ям ничем не укреплены; в четырех оказался сруб в 2—3 венца лиственничных бревешек, а в одном случае у стенок сохранилась обкладка поставленными вертикально бревешками. Этот прием был впервые широко применен в конструкции уйбатских усыпальниц таштыкской знати. Однако он прочно сохранился и позднее в отделке могильных ям каменных кыргызских курганов. Таким образом, погребения под каменными выкладками оказываются связанными этой деталью конструкции и с древними таштыкскими погребальными сооружениями и с позднейшими кыргызскими (хакасскими).

С кыргызскими (хакасскими) могилами сближает их и размер и план, для большинства почти квадратный, а также самая обстановка похорон. На земляном дне большинства ям заметна подстилка из бересты, на которой сохранились остатки погребения. Так же, как и в кыргызских курганах чаатас, покойника сжигали, и в могиле помещалась лишь кучка сильно пережженных костей, отобранных из угля и золы. Рядом ставились глиняные и деревянные сосуды числом до 10—15. На деревянных блюдах и в корытцах сохранились остатки кушаний, чаще всего это кости передней части барана или коровы. Однажды был найден целый скелет барана. Всеми этими чертами рассматриваемые погребения особенно сближаются с кыргызскими. Однако изучение вещей, найденных в них, обнаруживает ближайшее родство с классическими таштыкскими памятниками. В этом прежде всего убеждают деревянные сосуды. К сожалению, только в погребениях № 14 и № 15 они сохранились настолько, что можно судить об их количестве и форме. В других погребениях об их наличии можно только догадываться по находкам обломков и железных оковок, при помощи которых производилась починка трещин.[2] В третьей группе могил лишь кучками разложенные кости животных позволяют предполагать первоначальное размещение мяса на деревянных блюдах, в плошках и корытцах. Погребение № 14 особенно хорошо сохранило деревянную посуду (табл. XLIV, рис. 1). Там было найдено восемь овальных плоских блюд и два также овальных более глубоких корытцеобразных сосуда. Несмотря на то, что все они очень сильно погнили, удалось выяснить не только их размеры, но и

---

[1] Размеры могильных ям: № 9—1,6×1,38×0,68; № 10—1,75×1,5; № 11—1,45×1,45×0,7; № 12—2,3×2,1×1; № 13—1,75×1,75×0,8; № 14—2,9×2,3×1,3; № 15—2,1×1,4×1,5; № 16—1,1×0,8×0,55; № 17—1,8×1,8×0,8; № 18—0,7×0,55; № 19—2×1,7×1,3. Мог. ямы № 9—14 длиной с З на В, № 15—19 длиной с ЗЮЗ на ВСВ.

[2] Найдены в погребениях № 9, 10 и 19.

особенности формы. Оказалось, что большинство из них, имея овальные углубления, отличаются угловатостью очертаний внешнего края коротких сторон. Этим деревянная посуда из погребения № 14 (и № 15) теснейшим образом сближается с аналогичными плошками и блюдами из таштыкских погребений и прежде всего с оглахтинскими (см. о них выше).

То же можно сказать и о глиняной посуде, найденной в большом числе (всего в 11 погребениях 32 сосуда).[1]

Наиболее многочисленны баночные сосуды (19 из 32).[2] По форме и выделке они представляют прямую аналогию позднетагарским и таштыкским. Об этом же говорит и орнаментация полулунными,[3] угловыми,[4] четыреугольными,[5] кольцевидными [6] и узелковыми [7] вдавлениями, расположенными в один, два и пять рядов вдоль бортика. К этой же группе принадлежит и бочковидный сосуд, найденный в могиле № 16. Встречаются среди таштыкских и горшковидные сосуды, подобные найденному в могиле № 17 (Гос. исторический музей, № 10771). Впрочем, такие же сосуды характерны и для позднейших кыргызских (хакасских) находок в курганах чаатас. Зато типично таштыкскими являются найденные в переходных могилах плоскодонные сосуды с цилиндрической шейкой и сильно выпуклыми плечами.[8] Часть из них орнаментирована шишечками, у других эти налепы заполнены узорами в виде арок, треугольников и вдавлений четырехгранного штампа. Столь же характерны для таштыкской посуды найденные здесь четыре кувшина с носиком, но без ручки.[9] Они также украшены арочками и шишечными налепами. Сосуд из могилы № 19 в виде биконической кринки, украшенный узором из угловых вдавлений, имеет аналогии среди находок в таштыкских склепах Уйбата I.

Таким образом, изучение инвентаря погребений под каменными выкладками Уйбата II убедительно доказывает их принадлежность к таштыкской серии памятников. Однако ритуал похорон и некоторые конструктивные детали позволяют проследить зарождение новых особенностей, которые станут характерными в следующую эпоху кыргызской (хакасской) культуры. К какому времени может быть отнесен такой переходный тип погребений? На этот вопрос можно ответить лишь весьма обобщенно. Ниже мы будем иметь дело еще с одним «переходным»

---

[1] В погребении № 9 найдено 2 сосуда, в погребении № 10—1; № 11—1; № 12—6; № 13—6; № 14—6; № 15—2; № 16—1; № 17—3; № 18—1; № 19—3.

[2] Баночные найдены в погребениях № 9 (1), №10 (1), № 11 (1), № 12 (4), № 13 (4), № 14 (5), № 15 (1), № 18 (1), № 19 (1).

[3] Уйбат II, перех. могила № 14 (1).

[4] Уйбат II, перех. мог. № 12 (1), № 13 (1), № 14 (1), № 18 (1).

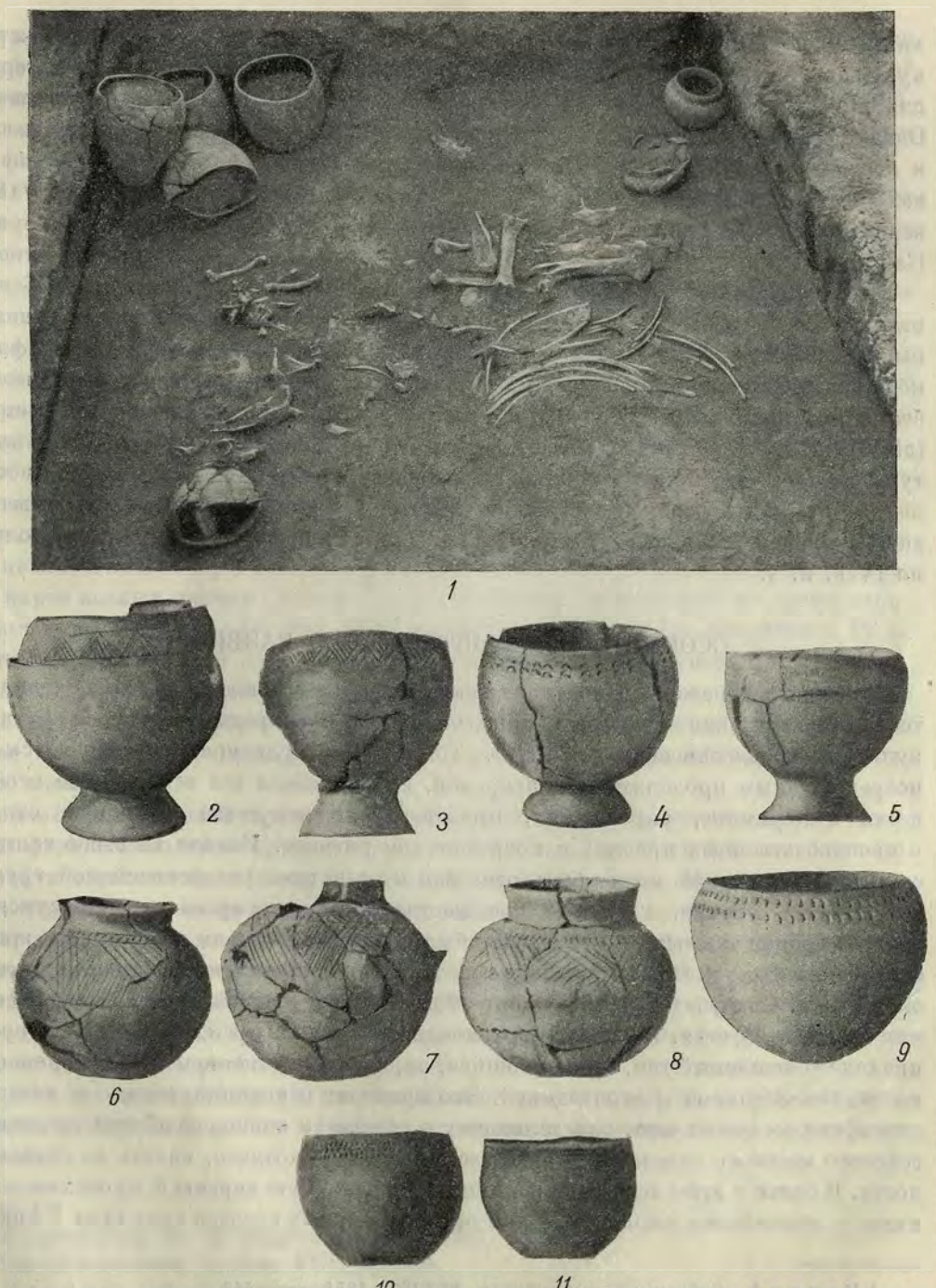
[5] Уйбат II, перех. могила № 13 (1), № 14 (1).

[6] Уйбат II, перех. могила № 14 (1).

[7] Уйбат II, перех. могила № 14 (1).

[8] Уйбат II, перех. могила № 12 (1), № 13 (1), № 14 (1), № 15 (1), № 17 (1) и № 19 (1) — хран. в ГИМ.

[9] Уйбат II, перех. могила № 9 (1), № 12 (1), № 13 (1), № 17 (1) — хран. в ГИМ.



Вид позднеташтыкского склепа Уйбата II в Хакассии (рис. 1). Глиняные сосуды из рядовых погребений таштыкского могильника у с. Быстрая близ Минусинска (рис. 2—11).

памятником—алтайским могильником Кудыргэ. В нем мы увидим уже иную картину. Большинство вещей имеет там вид, близко напоминающий формы, характерные для инвентаря алтайских и кыргызских могильников VII и след. столетий. Однако среди украшений там сохранились формы таштыкских, пазырыкских и позднеханьских изделий. Эта особенность позволяет видеть в кудыргинских находках образцы вещей, бытовавших на Саяно-Алтайском нагорье ранее VII в., вероятно, в V и VI вв. Это подтверждают и параллели с памятниками Северного Кавказа VI в.

Рассмотренные же только что погребения под каменными выкладками Уйбата II отличаются от кудыргинских тем, что содержат вещи, теснейшим образом связанные с таштыкскими. Лишь немногие черты в них говорят о зарождении новых форм, которые станут характерными для кыргызского времени. Следовательно, погребения под каменными выкладками можно отнести к докудыргинскому времени (до V века н. э.). Очевидно, тогда и началось переоформление материальной культуры саяно-алтайских племен в новую, ставшую характерной для времени выступления алтайских тюрок и енисейских кыргызов. Таким образом, время таштыкской культуры мы можем приближенно определить пятью веками — с I в. до н. э. по IV в. н. э.

ОСОБЕННОСТИ ТАШТЫКСКОГО РАЗВИТИЯ

В результате рассмотрения таштыкских погребений и поселков стала очевидной тесная генетическая зависимость таштыкских форм от предшествующего развития культуры среднеенисейских племен. Таштыкская культура представляется непосредственным продолжением тагарской, сохраняющей все основные ее особенности в керамике, украшениях, произведениях искусства (звериный стиль), в производственных приемах и погребальном ритуале. Исходя из этого таштыкская культура также может быть отнесена к развитию среднеенисейской группы дин-линских племен, как и ее предшественницы — тагарская и карасукская. Однако период таштыкской культуры был временем больших изменений в жизни енисейских племен. Об этом, прежде всего, свидетельствуют погребальные таштыкские маски. Они убедительно говорят об изменениях в этническом составе населения среднего Енисея. На смену европеоидному типу тагарской эпохи в это время приходит смешанный тип, отличающийся, наряду с сохранением старой европеоидности, значительной монголизацией. Это приводит к возникновению в таштыкское время основных черт, определяющих особенности внешнего облика среднеенисейского местного населения в кыргызскую эпоху и позднее, вплоть до современности. В связи с этим нельзя не вспомнить и китайскую версию о происхождении хягас — енисейских кыргызов от дин-лин и их южных соседей гянь-гунь.[1] Анализ

[1] И а к и н ф. Собрание сведений..., ч. I, СПб., 1851, стр. 443.

этнонима гянь-гунь позволил специалистам связывать носившие его племена с верхним Енисеем и видеть в них представителей древнетюркской группы.[1] Это подтверждается и легендой о происхождении тюркских народов Саяно-Алтайского нагорья.[2] Встает вопрос о причинах смешения, приведшего к созданию нового физического облика среднеенисейского населения в таштыкскую эпоху.

Значительную роль в этом процессе могли играть те внешнеполитические изменения, которые приводили к господству над Центральной Азией различные племенные объединения. Мы видели, как широко распространилась власть хунну, поставивших в зависимость от своих шаньюев и южносибирские племена. Уже тогда новые этнические группы могли проникнуть из Центральной Азии на север. Достаточно вспомнить рассказ «Истории Старших Хань» о подчинении хуннами во второй половине I в. до н. э. одновременно и «народа» гянь-гунь и дин-лин Южной Сибири. При этом важно отметить и сообщение о том, что предводитель хуннов прожил тогда некоторое время в стране гянь-гунь. Подобные явления, конечно, способствовали смешению соседних племен и проникновению в их среду новых элементов. Когда под ударами сяньбийцев пало могущество хунну, значительные группы их разошлись на юг, в пределы Китая и на запад, в Среднюю Азию. Их путь на запад лежал через северные области и не мог не отразиться на этнографической карте южных окраин Сибири. То же, вероятно, происходило во время сяньбийского господства (I—IV вв.). Ведь и позднее жуань-жуани, захватив в IV в. власть над Центральной Азией, стремились подчинить себе племена Саяно-Алтая, совершали походы на север и посылали туда сборщиков дани. Таким образом, внешнеполитическая обстановка в Северной Азии в эпоху таштыкской культуры вполне благоприятствовала нарушению этнической однородности, внедрению новых элементов.

Однако одни внешние причины едва ли смогли привести к значительному изменению физического типа среднеенисейских племен. Для этого должно было бы произойти переселение на север больших монголоидных масс. Между тем предполагать такое переселение не позволяет теснейшая связь таштыкских памятников с тагарскими и прежде всего отмеченная выше при изучении таштыкских масок устойчивость старых европеоидных типов, существующих наряду с новыми монголоидными. Таштыкские маски и приведенные в разделе о масках описания внешнего вида кыргызов VIII—IX вв. в китайских, тибетских и арабских источниках согласно свидетельствуют о наличии у населения среднего Енисея даже в позднейшее время значительных групп, сохранивших старые характерные черты тагарцев. «Жители вообще были рослы с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами».[3]

---

[1] Бартольд В. В. Киргизы. Фрунзе, 1927, стр. 6—7.

[2] См. об этом ниже, в главе VIII, стр. 493.

[3] Иакинф. Собрание сведений..., ч. I, СПб., 1851, стр. 443.

Очевидно, проникновение монголоидных элементов на средний Енисей происходило в таштыкскую эпоху постепенно, в течение длительного времени, и не встречало серьезного сопротивления среди местного населения. Наоборот, среднеенисейские племена, как показывают маски, все в большем и большем количестве воспринимали монголоидную примесь. Повидимому, это было вызвано не только эпизодически возникавшими внешними обстоятельствами, но и внутренними причинами. Необходимо попытаться выяснить и их.

В конце тагарской эпохи мы уже отмечали заметное нарушение прежнего социального единства внутри племен, населявших Минусинскую котловину. Оно выразилось особенно ярко в усложнении погребального обряда, в появлении огромных позднетагарских курганов, подчеркивавших обособление от массы соплеменников наиболее богатых и знатных. Это общественное расслоение только усиливало межплеменные распри. Их рост отразился в особенно быстром совершенствовании позднетагарского оружия, в особенно частом изображении на енисейских писаницах сражений тагарских воинов.

В таштыкскую эпоху эти явления еще более усилились.

Грунтовые таштыкские погребения оглахтинского типа показывают окончательное сложение наиболее многолюдного слоя рядовых общинников. От тагарских предков их отличает многое. Те даже в позднетагарское время во многом были близки к своим племенным магистратам. Они еще оставались не только земледельцами-скотоводами, но и воинами своих родов и племен. Тогда еще в полной силе была та «самодействующая вооруженная организация населения», которая считается характерной особенностью первобытного общества.[1] Недаром даже в позднейших рядовых тагарских погребениях большинство полноправных мужчин, а иногда и женщин находят с оружием.

В грунтовых таштыкских могилах оружие не было найдено ни разу.[2] Вся обстановка этих погребений показывает, что люди, их оставившие, были заняты главным образом сельским хозяйством. Но быт был весьма прост. Его простоту особенно выпукло выражает грубая деревянная посуда, так хорошо сохранившаяся в Оглахтах. Никаких ясных признаков участия в общественных действиях не прослеживается. Только культ в известной мере выводил таштыкского рядового общинника за пределы его узкого и простого, чисто утилитарного кругозора. Однако культ был еще весьма примитивен. Души предков, анимистические символы и пережитки тотемных представлений, выраженные в деревянных «идольчиках» из Оглахтов, рисуют весьма ограниченный круг общественных идей этой наиболее многочисленной части населения среднего Енисея в таштыкское время. Очевидно, внутриплеменные отношения уже «освобождали» таштыкских общинников от ряда общественных функций. Только в исключительных случаях должен был скотовод менять свое пастушеское седло на седло конного воина, а земледелец

[1] Ленин В. И. Государство и революция. Соч. т. XXI, изд. 3-е, стр. 374—375.

[2] Кроме луков, которые являлись одновременно и охотничьим оружием.

по-военному использовать свой топор и охотничий лук. В остальное время военные обязанности выполнялись другой, более молодой общественной группой. Нужно только подчеркнуть, что не было еще резкого разграничения между этими новыми общественными силами и массой соплеменников. Но существовала значительная разница внутри рядового общинного населения. Оглахтинский могильник это ясно показывает. В одних погребениях мы находим инвентарь, изобличающий более чем скромное положение его хозяина. В других большое количество вещей и относительная сложность конструкции могилы и погребального обряда приближается к тому, что явилось особенностью похорон в таштыкских склепах. Еще раз напомним, что именно в этих наиболее сложных и богатых грунтовых таштыкских могилах находились маски, вообще более характерные для погребений в склепах. Очевидно, среди таштыкского населения продолжался рост имущественных различий, приводивших к росту других общественных групп.

Их особенности ярко характеризует своеобразие таштыкских склепов. В склепах все противоположно грунтовым могилам. Прежде всего, они отличаются гораздо большей сложностью сооружений и погребального обряда. Как показывает рассмотрение состава погребений в уйбатских склепах, можно предполагать, что в них хоронили не только основных покойников, но и насильственно сопровождавших их. Основные погребения отличались богатством инвентаря, большим числом различных золотых украшений. Они позволяют представить блестящий вид одежд и конской сбруи погребенных в склепах. Обязательной была здесь и маска. Постоянно подчеркивался конный быть погребенных — особенно часто останки сопровождались миниатюрными изображениями железных удил. Конный быт характеризуют и многочисленные остатки статуэток коней. Но богатые покойники из таштыкских склепов были всадниками-воинами. Об этом прежде всего свидетельствует изображение воина в шлеме, найденное в земляном кургане № 1 на Уйбате. То же самое особенно ярко подчеркивается и наличием в склепах большого числа древков стрел. Они принадлежали воинам, а не охотникам. За это говорит не только их богатая отделка золотом и раскраской, но и тот знаменательный факт, что со всех древков сняты наконечники. Их снимали из боязни стрел, именно как оружия, которое в руках умерших воинов могло нанести вред живым. То же самое нашел С. И. Руденко в 1948 г. в Пазырыкских курганах № 2 и 3.

Таким образом, на основании изучения особенностей погребений в таштыкских склепах можно говорить о военной знати уже обособившейся от соплеменников, отличавшейся от них богатством и бытом конников и даже различием в обряде погребения. В распоряжении этих воинов имелись и подчиненные им люди, совершенно бесправные, обрекавшиеся на следование за ними даже в могилу. Повидимому, это рабы — третий элемент в усложняющейся общественной организации динлинско-хягасских племен. Сильно обособившийся круг богатых воинов занимал руководящее место в таштыкских племенах. Он отличался не только богатством и силой, но и знатностью. В пользу такого заключения говорят прежде всего

находки церемониальных зонтов в склепах Уйбата. Если даже они только подражали китайским, они все же являлись такими же знаками отличия и власти, символами знатности. Обращает на себя внимание организация воинов и знати таштыкских племен. Из сравнения разобщенности рядовых погребений с коллективностью погребений в склепах можно сделать вывод о родовых формах организации военно-аристократического слоя. Такое возрождение родовых связей — явление, характерное для племенной знати накануне падения первобытности. Ниже мы убедимся в сохранении этой формы организации знати и в более позднее время сложения государственности — тюркской на Алтае и кыргызской на Енисее.

Таштыкская знать, конечно, не являлась послушной служанкой широких масс своих соплеменников. Правда, нет еще данных о столкновениях между ними. Однако стремление влиять на массы в выгодную для себя сторону — несомненно. Это достигалось через религиозные действия. Их основными участниками были, прежде всего, представители знати. Недаром принадлежности культа, напоминающие современные шаманские, были найдены именно в склепах Уйбата.

Таким образом, жизнь таштыкских племен представляется более сложной сравнительно с предшествующей эпохой. В это время не могли не возникать в больших размерах и межплеменные распри, становившиеся источником приобретения добычи и рабов для воинственной знати. Уже тогда могли организовываться и дальние походы ради захвата рабов, подобные упомянутым историей Тан для более позднего кыргызского периода. Такое положение могло только способствовать смешению и внедрению в дин-линскую среду новых элементов и среди них—отличавшихся монголоидностью. Создавались внутренние причины, наряду с внешними благоприятствовавшие сложению новых этнических особенностей у населения среднего Енисея в таштыкское время.

Рассматривая исторические известия о дин-линах, нельзя не обратить внимания на сообщения китайцев об объединении енисейских племен под единым управлением.

Один из первых шагов в этом отношении, возможно, был сделан еще в позднетагарское время. В истории династии Тан приводится известие о том, что еще в конце II века до н. э. хунны поставили «государем у дин-линов» Вэй-люя, степняка по происхождению, китайца по культуре, бывшего советника шаньюев. Ближайший современник этого события Сыма-цянь умалчивает о нем. Однако едва ли будет правильным на этом основании совсем не принимать его в расчет. История Вэй-люя не единична, ей придают правдоподобие аналогичные события начала I в.

В 99 году до н. э. был организован под общим командованием известного ханьского полководца, завоевателя Ферганы Ли-Гуан-ли поход против хуннов. Основные силы должен был поддерживать внук Ли-Гуан-ли, также крупный военачальник, Ли-лин. Он выступил с 5000-ным отрядом пехоты, но был окружен превосходящими силами хуннов и после упорного сопротивления попал в плен. Шаньюй

Цзюйдихэу принял храброго китайца с почетом и женил на своей дочери. Когда выяснилось, что в Китае Ли-лин будет подвергнут за свою неудачу тяжелому наказанию, он решил остаться у хуннов «и получил во владение хягас».[1] Память о Ли-лине прочно сохранялась у енисейских кыргызов. Даже в XI в., когда писалась история династии Тан, на Енисее считали всех черноглазых потомками Ли-лина.[2] Кыргызские каганы вели свою династию от Ли-лина, и эта генеалогия официально признавалась Танским правительством (например, в переговорах 841 г.[3]). Такая традиционность не позволяет сомневаться в действительности пребывания Ли-лина на Енисее в качестве хуннского наместника.

Ли-лин умер в 74 г. до н. э. После его смерти дин-лины в союзе с ухуань и усунями напали на хуннов, нанесли им сильное поражение и объявили себя самостоятельными.[4] Свои походы против хуннов дин-лины продолжали и позднее. Так, начиная с 63 по 60 г. три раза подряд громили они земли хуннов.[5] Их удары особенно способствовали распадению Хуннского союза на две части в результате усобицы, вспыхнувшей при шаньюе Хуханье. Следует отметить роль в этой усобице сына Ли-лина. Он поддерживал одного из незаконных претендентов Уцзи-Дуюя.[6] Поскольку последний опирался на области северо-запада,[7] можно предполагать, что сын Ли-лина оставался после отца наместником дин-лин — хягасов. Однако он вел себя иначе, чем отец. Он интриговал против шаньюев и, очевидно, являлся деятельным участником сокрушительных набегов дин-лин на хуннские земли. Дальнейшая судьба его неизвестна, может быть потому, что вскоре после его интриги с Уцзи-Дуюем, в 49 г. дин-лины и гянь-гуни были на время подчинены отколовшимся от Хуханье шаньюем северных хуннов Чжичжи. Даже ставка Чжичжи находилась несколько лет в земле гянь-гунь. Отсюда Чжичжи начал свой поход на Запад, закончившийся его гибелью в Кангхе в 36 г. до н. э.

Рассматриваемые события имеют важное значение для понимания эпохи. Оказывается, в земле дин-линов на рубеже тагарской и таштыкской эпох сидели наместники шаньюев — проводники принципов господства, созданных в варварском государстве хуннов. Их приемы управления, их политика обложения данью не могла не оказать влияния на внутреннее состояние племен, очевидно, стимулируя те общественные и имущественные различия, которые намечались в конце тагарского времени. Вероятно, этим во многом и объясняется сложение на среднем

---

[1] Иакинф. Собрание сведений..., ч. I, стр. 50—51; Pfizmaier. Die Heerführer Li-Khuang und Li-ling, Sitzungberichte d. phil.-histor. Klasse d. Akad. d. Wissenschaft zu Wien, 1863. XLIV, 529; Mailla M. Histoire générale de la Chine, t. III, p. 79.

[2] Иакинф. Собрание сведений..., ч. I, стр. 443.

[3] Там же, стр. 419 и 451.

[4] Там же, ч. I, стр. 63—64.

[5] Там же, стр. 66.

[6] Там же, стр. 72.

[7] Там же, стр. 70—71.

Енисее богатой, обособленной от масс аристократии, оставившей нам свои пышные погребения в таштыкских склепах Уйбата и других мест.

Нетрудно убедиться в том, что эта местная знать вовсе не была пассивна в своих отношениях к хуннам. Вполне возможно, что именно ее влияние заставило уже сына Ли-лина выступать против усиления хуннов. Выступления против хуннов, постоянных соперников ханьского Китая, могли быть успешными только при наличии высокого уровня военного дела и, главное, организационной сплоченности. Повидимому, дин-линские племена Южной Сибири нашли эти формы объединения, может быть, усиленные, а может быть и разработанные администрацией хуннских наместников. Замечательно, что все это весьма напоминает позднейшее положение енисейских кыргыз — традиционных противников очередных властителей Центральной Азии. Очевидно не только в области происхождения и сложения кыргызской материальной культуры, но и во внутреннем состоянии и внешней политике динлино-хягасских племен таштыкское время явилось подлинной основой всего дальнейшего развития енисейских кыргыз.

Рассматривая находки в таштыкских погребениях, удалось установить их основные характерные особенности. Определилась принадлежность таштыкских памятников к широкому хунно-сарматскому кругу культур Сибири и Центральной Азии. Особенно ярко это проявилось в таштыкском зверином орнаменте, столь же декоративном, как и искусство хуннов, алтайцев и западносибирских и приуральских сармат. Вместе с тем, так же, как и у хуннов и алтайцев (у сармат это заметно в меньшей степени, ср. главным образом, зеркала и позднее нефрит), у таштыкского (динлино-хягасского) населения бытовало большое количество привозных китайских изделий. Оружие, панцыри, лаковая посуда, зеркала, украшения и ткани, сделанные в Китае, в значительном количестве находятся в таштыкских могилах и на полях Минусинской котловины. В церемониале таштыкской знати также заметно влияние китайской культуры.

Сравнивая, однако, материалы, свидетельствующие о китайском влиянии на северные культуры хуннов, алтайских племен и енисейских дин-лин и хягасов, в настоящее время можно сделать новые наблюдения. Они выясняют глубокое своеобразие и силу таштыкской культуры в ее соприкосновении с китайской цивилизацией. Последние работы в Минусинской котловине обнаружили новые данные о проникновении образцов китайской культуры на средний Енисей. Теперь можно говорить не только об импорте ремесленных изделий, но и о работе на Енисее китайских мастеров, взятых в плен. Очевидно, китайские вельможи-эмигранты, становившиеся во главе динлино-хягасских племен, были не одиноки. Было кому создать для них привычные формы быта. Но самое замечательное заключается в той реакции, которую вызвало это проникновение образцов китайской культуры со стороны местных сил.

Чтобы составить об этом представление, обратимся к самым последним результатам Саяно-Алтайской экспедиции.

ДВОРЕЦ ЛИ-ЛИНА?

Летом 1940 г. в 8 км к югу от столицы Хакасской автономной области г. Абакана, близ колхоза «Сила», при постройке шоссе был срезан край холма и при этом было найдено много черепицы различных размеров и вида, явно китайского происхождения. Среди этих черепиц обращали особое внимание круглые диски торцовых нижних завершений полуцилиндрических черепиц, прокладывавшихся по крыше сверху вниз для прикрытия стыков между основными черепичными досками. Диски эти, свешиваясь с нижнего края крыши, должны были прикрывать торцы деревянных стропил, поддерживавших черепичную крышу (табл. XLVI, рис. 5). На всех дисках оказалась одна и та же надпись китайскими иероглифами, оттиснутая по сырой еще глине двумя штампами, по выполнению близкими друг другу.

Эстампажи, рисунки и фото этих дисков были переданы акад. В. М. Алексееву, который определил ханьский возраст иероглифов и сделал следующий перевод надписей: «Сыну неба (т. е. императору) 10 000 лет мира, а той, которой мы желаем (т. е. императрице) 1000 осеней радости без горя». Грамматические особенности этого текста также, по мнению В. М. Алексеева, характерны для ханьской эпохи. Эту надпись изучил и президент Академии Наук Китайской Народной Республики Го Мо-жо. Он также считает ее ханьской[1].

В 1941, 1945 и 1946 гг. осуществлено полное исследование холма соединенной экспедицией ИИМК АН СССР и Хакасского института, Исторического и местных музеев — Хакасского и Минусинского.[2] Раскопки выяснили, что под холмом скрыты развалины здания с глинобитными стенами. Детально удалось проследить 16 помещений здания, в том числе центральные — квадратное 12 × 12 м и соседние с ним с западной и восточной стороны (табл. XLV, рис. 7). Стены этих помещений особенно толсты — до 2 м. Возможно, что это было вызвано большой высотой этой части здания. Поскольку со всех сторон этих центральных помещений были найдены черепицы с дисками, нужно считать крышу четырехскатной, как у большинства китайских построек. Вокруг центральной части здания сохранились внешние стены меньшей толщины и, вероятно, меньшей высоты. Судя по тому, что и вдоль этих стен были найдены диски с надписями, можно предполагать наличие над внешними помещениями односкатных черепичных крыш, верхней стороной примыкавших к соответственной стене центральной части здания. Это значит, что все здание можно реконструировать в виде типично-китайского сооружения, четыреугольного в плане, покрытого двухъярусной четырехскатной черепичной крышей.[3]

[1] Го Мо-жо. 50 дней в СССР (перевод Вл. Рогова), Шанхай, 1947, стр. 60.

[2] Л. А. Евтюхова и В. П. Левашова. Раскопки китайского дома близ Абакана КСИИМК XII; Л. А. Евтюхова. Развалины дворца в «земле Хягас» КС ИИМК XXI. См. также полемику; Известия АН СССР, серия истории и филос., М., 1946, т. III, № 5 и 6.

[3] Четырехскатные кровли особенно распространены в китайской храмовой и дворцовой архитектуре (Kelling R. Das chinesische Wohnhaus, Tokyo, 1935).

Под глинобитным полом помещений во всех частях здания были обнаружены отопительные каналы в виде канавок, обставленных по бокам и покрытых сверху каменными плитками. Судя по расположению каналов, в южной части здания помещалась печь, доставлявшая в каналы горячий воздух. Этого усовершенствованного отопления, однако, не было достаточно для сибирской зимы, и на полу сохранились следы жаровен, дававших значительное тепло. Жар в них был настолько силен, что пол под ними прокалился на значительную толщину.

В стенах здания имелись дверные проемы, обычно более узкие с внутренней и более широкие с наружной стороны. Рассмотрение черепицы показало, что основу кровли составляли крупные и толстые четыреугольные черепичные доски, слегка вогнутые вдоль (по скату). Продольные швы — стыки между этими рядами черепиц — перекрывались полуцилиндрическими выпуклыми черепицами, снизу заканчивавшимися, как уже говорилось, дисками с надписями. Большой интерес представляют знаки на черепицах (табл. XLV, рис. 1, 2, 4, 5), предвосхищающие орхонские. Такая кровля издавна применялась в китайской архитектуре. Древнейшие образцы такой кровли можно видеть на глиняных моделях домов из погребений ханьского времени.[1] Особенно близкую аналогию этой кровле, благодаря наличию таких же свисающих по краям крыши дисков, представляют двухскатные крыши глиняных моделей домов, найденные в погребениях эпохи династии Хань, расположенных у подножья горы Лао-тье близ Порт-Артура (табл. XLV, рис. 9, 12).[2] Черепица, подобная найденной в развалинах у колхоза «Сила», была собрана в большом количестве и на поселениях циньского и ханьского времени, исследованных у тех же гор Лао-тье близ Порт-Артура.[3] Выше были приведены основания для реконструкции на здании у колхоза «Сила» четырехскатной кровли. Ханьские модельки домов показывают, что четырехскатные покрытия тогда уже были известны.[4]

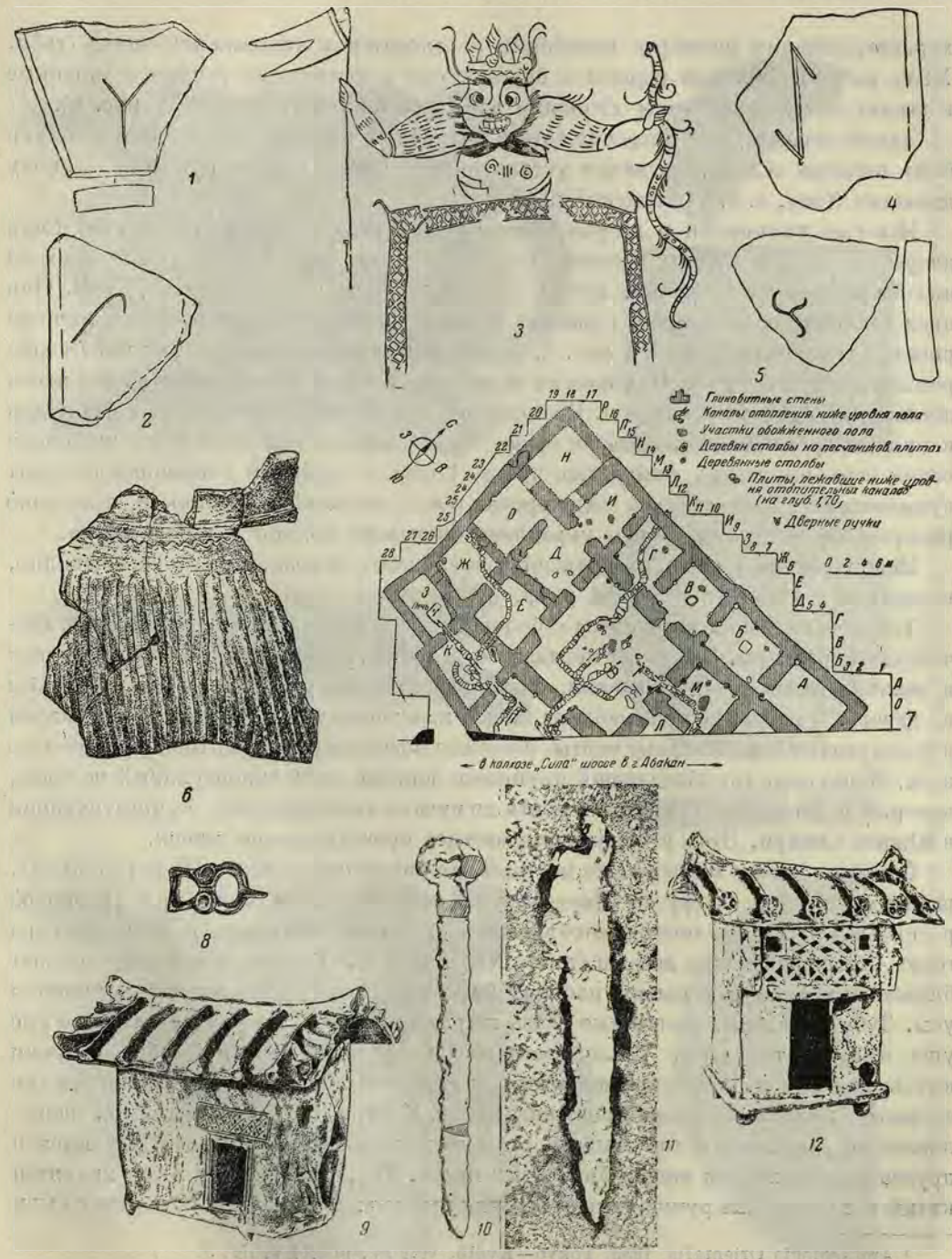
На тех же ханьских модельках можно видеть отделку стен и дверных проемов рельефными узорами в виде косой сетки, зигзага и т. п. В развалинах нашего здания неоднократно были встречены квадратные глиняные плитки с аналогичным орнаментом (табл. XLVI, рис. 6). Предметы, найденные в развалинах у колхоза «Сила», относятся также к эпохе Хань. Таковы овальная вазочка из зеленого нефрита (табл. XLVI, рис. 7) и нож с массивным кольцом на рукоятке. Совершенно аналогичные ножи были обнаружены в погребениях и на поселениях ханьской эпохи близ Порт-Артура (табл. XLV, рис. 10 и 11). В развалинах была найдена бронзовая пряжечка с выдающимся вперед носком. Подобные пряжки являются

[1] Münsterberg O. Chinesische Kunstgeschichte, Esslingen, 1910, Bd. I, S. 72, Abb. 69—71.

[2] Nan-Shan-Li. Brick Tombs of the Han Dynasty at the Foot of Mt. Lao-T'ieh near Port-Arthur, South Manchuria. Tokyo — Kyoto. 1933, pl. XX—XXII, XLI, XLIII a, XLIV.

[3] Mu-Jang-Chéng. Han and pre-Han sites at the Foot of Mt. Lao-T'ieh in South Manchuria. Tokyo—Kyoto, 1932.

[4] Münsterberg O. Chinesische Kunstgeschichte. Esslingen, Bd. II, S. 237, Abb. 369.



План и находки в развалинах здания китайской архитектуры близ г. Абакана в Хакассии (рис. 1, 2, 4—8, 11). Рис. 9, 10,12—находки в гробницах эпохи Хань близ Порт-Артура. Рис. 3—фреска на стене гробницы эпохи Хань близ Порт-Артура.

характернейшими местными изделиями и относятся к таштыкской эпохе (табл. XLV, рис. 8). Обломки горшка с бороздчатым и волнистым узором, найденные в дверях зала, аналогичны хуннским из Прибайкалья (табл. XLV, рис. 6).

Таким образом, рассмотрение самых различных находок, сделанных в здании близ колхоза «Сила», согласно устанавливает время его сооружения — эпоху династии Хань, т. е. таштыкский период.

Мы уже упоминали о дверях, соединявших помещения этого здания. Семь дверей были прослежены в стенах большого центрального зала. Возле двух из них были найдены их ручки. Третья оказалась в дверях из комнаты *Д* в *И*. Они представляли собой отлитые в разных формах бронзовые фантастические личины рогатых гениев (табл. XLVI, рис. 1, 2). Их человеческие лица сверху имеют звериные уши и бычьи рога. По бокам их обрамляют волосы. У всех личин изображены длинные завитые в кольца усы. Несмотря на то, что нижняя часть — подбородок и нижние зубы — изображена не была, художник мастерски передал звериный оскал верхних редких клыкастых зубов. Глаза в глубоких глазницах смотрят прямо вперед. Замечательно моделирован нос — высокий с горбинкой, с широко раскрытыми ноздрями. В нем укреплено бронзовое кольцо — ручка двери.

Между рогами у масок изображены три сложных спиральных узора, очевидно, передающих какой-то головной убор.

Технически маски выполнены с большим мастерством, несмотря на свои значительные размеры. В деталях передачи отдельных частей, например складок щек и резких граней глазных впадин, сказались приемы, укоренившиеся от резьбы по дереву. Однако это не ослабляет общей пластичности рельефов. Ручки-маски явно передают европеоидные черты, особенно подчеркнутые трактовкой высокого носа. Перед нами тот обладавший крупными чертами лица европеоидный человек, который с древнейших времен и почти до начала нашей эры был господствующим в Южной Сибири. Этим утверждается местное происхождение масок.

Однако в основе их лежит не местный, но китайский образец. В могиле № 11, расположенной к северу от Порт-Артура, входная дверь окружена фресковой росписью. Среди различных изображений обращает внимание поясная фигура гения, помещенная над дверью (табл. XLV, рис. 3).[1] Голова гения представляет ближайшую аналогию нашим маскам. Лицо также окружено волосами, имеются усы. Зубы оскалены, скошенные глаза широко открыты. Сверху видны звериные уши и изогнутые рога, между которыми изображен головной убор с тремя вытянуто-ромбическими украшениями, ближайшим образом напоминающими три сложных спиральных узора бронзовых масок. Могила № 11, как и другие, расположенные у подножья гор Лао-тье, относится к ханьскому времени. Имеются и другие параллели для наших бронзовых масок. Так, в коллекции Sirén хранятся китайские бронзовые ручки, также состоящие из личины и кольца.[2] Эти ручки были

[1] Archaeologia Orientalis. 1933, Tokyo—Kyoto, vol. IV, pl. XLV, fig. 3.

[2] Rostovtzeff M. The Animal Style. 1929, p. 72, pl. XIX, 5.



Вещи, найденные в развалинах здания близ г. Абакана в Хакассии (рис. 1, 2, 5—7). Рис. 3 и 4—архитектурные детали зданий эпохи Хань, найденные близ Порт-Артура.

сделаны в то же ханьское время и отличаются от наших лишь большей стилизацией и значительным усилением звериных черт, приближающих их личины к схеме маски Тао-тье — духа благополучия,— столь широко распространенной в китайской орнаментике. Тем не менее на ручках Sirén сохранились многие черты, одинаково характерные и для личины из развалин у колхоза «Сила» и для головы гения из ханьской могилы № 11 близ Порт-Артура. Видны усы, волосы вдоль щек, звериные уши, рога и сложный головной убор. Прямую аналогию нашим представляют ручки в виде личины с кольцом и с короной, вырезанные на каменных дверях из ханьской гробницы провинции Хунань.[1] Этот же мотив постоянно украшает глиняные вазы эпохи Чжан-го и особенно эпохи старших Хань.[2]

Так еще и еще раз подтверждается датировка развалин у колхоза «Сила» эпохой династии Хань, а тем самым определяется дата ручек от дверей в виде личин рогатых гениев[3]. Вместе с тем сравнение фрески, рельефа и ручек из коллекции Sirén с личинами дверных ручек Абакана не оставляет никаких сомнений в местном, минусинском, их изготовлении. Создававшие их скульпторы в основу положили китайские изображения духа — охранителя дверей. Однако они переработали эти образы и создали свои изображения, отличающиеся большой реалистичностью и высоким мастерством почти портретной скульптуры. Поэтому в абаканских масках ярко подчеркнуты их не китайские черты. Они даже более европеоидны, чем самые европеоидные из современных им таштыкских погребальных портретных масок.

Таким образом, перед нами раскрывается наиболее древний случай творческого преодоления прахакасскими, таштыкскими художниками иноземных моделей. В более позднее время преемники этих мастеров, художники енисейских кыргызов-хакасов, сохранившие славные традиции своего многовекового искусства в новой обстановке художественной жизни VI—IX вв., так же умело и совершенно перевоплотят в своем местном стиле орнаментальные и сюжетные композиции двух великих центров раннесредневекового искусства на востоке—произведения сасанидского Ирана и Китая эпохи династии Тан.

---

[1] Chinese Sculpture, presents an exhibition. New York. 1944 (N 150), pl. II.

[2] Особенно много таких ваз имеется в музее г. Сиань, а также во множестве находится при раскопках ханьских могил в окрестностях г. Лояна (провинция Хэнань).

[3] А. И. Бернштам в ВЛУ (1950, № 4, стр. 166) приписывает своему «влиянию» мое сомнение в принадлежности дворца Ли-Лину. Это не верно. Еще в первой публикации Л. А. Евтюхова и В. П. Левашова говорили о Ли-Лине предположительно. Наши же разногласия с А. И. Бернштамом заключались в том, что, будучи незнаком с китайской и Минусинской археологией, он пытался датировать дворец не временем Хан, а XIV в. н. э. и тем самым вообще не мог по-деловому ставить вопроса о Ли-Лине (см. литературу: стр. 479, прим. 2).

Часть третья

СЛОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВ

*

Глава VIII

АЛТАЙ В V—X ВВ. Н. Э.

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

По мере развертывания археологических исследований в Южной Сибири и Монголии уходит в прошлое старое представление о неподвижности и господстве здесь в течение тысячелетий первобытности. Выше было показано, что еще в середине I тысячелетия до н. э. центральноазиатские племена уже достигли значительных успехов в развитии своей культуры. Все они перешли к кочевому скотоводству, местами сочетая его с земледелием на зимниках, овладели высотами бронзолитейного мастерства, научились добывать железо. Повидимому, у большинства из них уже утвердилась отцовская форма рода. В хозяйстве иногда применялись рабы. Однако развитие различных областей огромной страны в центре Азии имело и свои особенности, о чем рассказывают нам археологические памятники. «Скифский» этап в истории Алтая (майэмирская культура) не похож на «скифский» этап в истории Минусинской котловины (тагарская культура), и оба они отличаются от современных им культур Забайкалья и Тувинской автономной области. Культура Ордоса не тождественна с одновременными этапами развития в Восточном Туркестане, во Внутренней Монголии и в Южной Маньчжурии.

Это заставляет предполагать различия и неравномерность в развитии отдельных районов, с наибольшей силой заметные в «послескифскую» эпоху. Кочевавшие в наиболее благоприятных условиях, теснее связанные с культурой Китая, хунну первые шагнули к грани первобытно-общинного строя и создали государство шаньюев. Оно было детищем богатой племенной знати, еще недостаточно сильной для экспроприации соплеменников. Знати приходилось очень считаться с отношением остального общества к развивавшемуся имущественному и социальному неравенству. Еще нужно было в интересах самой знати поддерживать традиционную сплоченность первобытно-общинного строя. В качестве «общественной связи» это государство использовало грабительскую войну, дарившую всех надеждой на возможность удачи, успеха и обогащения. Поэтому-то

именно войне была подчинена политика Хуннского союза II века до н. э. Нетрудно, однако, увидеть, что такая политика, раз примененная, должна действовать постоянно. Ее перерывы влекут за собой новое и еще большее усиление тех внутренних противоречий, которые она призвана заглушать. Но длительность ее невозможна. С одной стороны, она сталкивается с внешним противодействием, которое не всегда удается осилить. С другой стороны, усиленный приток богатств, при наличии первых шагов частного присвоения и весьма крупных преимуществ знати в дележе добычи, в конце концов ускоряет, а не замедляет рост общественных различий. Все это осложняется постоянным стремлением покоренных иноплеменных групп к освобождению. Рано или поздно,— это зависит уже от всей обстановки,— наступает кризис, особенно быстро развившийся у хунну под влиянием усиления Китая. Между тем в другом районе Центральной Азии, на востоке, вследствие более замедленного темпа развития сяньбийских племен стало складываться новое государство, уже при Тяньшихае (141—181 гг.), не менее воинственное, чем хунну в эпоху Модэ-шаньюя. Однако, достигнув первоначальных успехов, в дальнейшем оно оказалось значительно более слабым, что и было, видимо, причиной быстрого его распадения в середине III в. О возможном направлении дальнейшего развития внутреннего устройства этого государства до известной степени можно лишь догадываться по положению, установившемуся в северокитайских государствах, основанных в результате завоевания кочевниками, входившими в Сяньбийский союз.

При завоевании и в среду местного китайского населения на севере внедрялись архаические принципы общинной собственности, но уже модифицированные условиями молодой государственности. Особенно ярко это выражено земельной реформой по закону 465 г., проектировавшемуся во владениях северной династии Вэй сяньбийского происхождения. Тогда предполагались земельные наделы для всего взрослого населения, по 80 му мужчинам и по 40 му женщинам. Земля должна была быть признана общественной — в виде государственного фонда, куда каждый участок должен был возвращаться по достижении пользователем предельного возраста (для мужчин 66 лет). Даже если этот закон устанавливал порядок, реально никогда не осуществленный, все же он свидетельствует о назревании переворота огромной важности. Нужно ведь учесть, что в предшествующую эпоху Китай знал главным образом крупные рабовладельческие хозяйства знати и купцов и массу арендаторов из давно разорившихся общинников. Рабовладение и в V в. сохранялось, но ограничивалось. Тот же закон стремился установить его нормы в зависимости от положения хозяина. Свободному населению и мелким чиновникам разрешалось иметь 60 рабов и от 100 до 300 рабов давалось высшей знати.[1] Заметен также переход к натуральному хозяйству и упадок денежного обращения. Уже с III в. разрешалось пользование зерном, шелковыми и пеньковыми тканями

[1] Lee M. The Economic History of China. 1921, стр. 225—226.

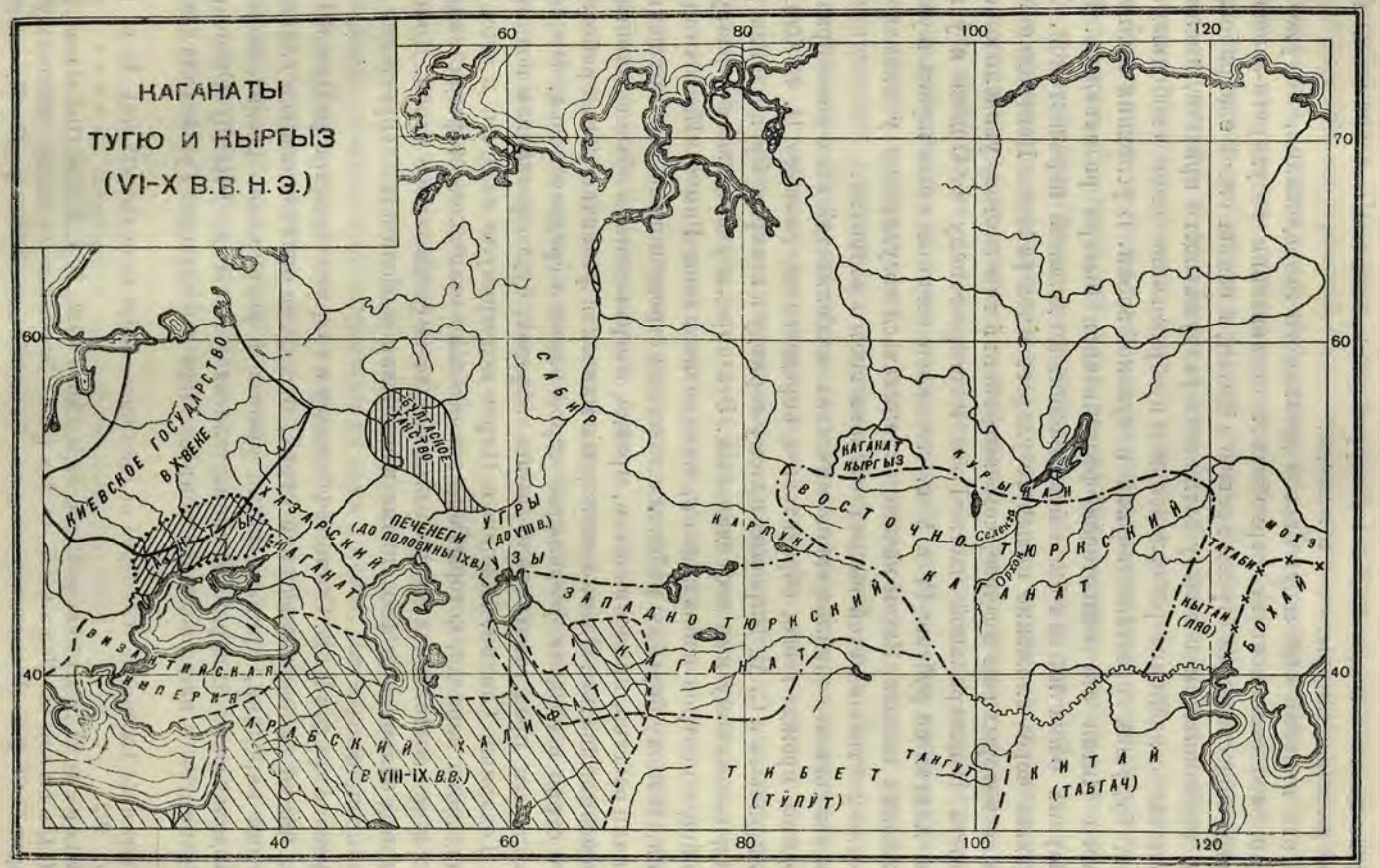


ТАБЛИЦА XLVII

в качестве денежных единиц,[1] а на территориях, занятых кочевниками, ходячей монетой делались шкуры, скот и лошади.[2]

Все эти явления еще ждут своего детального исследования, но уже сейчас очевидно, что столкновение первобытной организации государств-завоевателей со старым общественным строем древнего Китая, в основе своей еще рабовладельческим, но попавшим в полосу затяжного разрушающего кризиса, имело своим результатом ослабление рабовладельцев и образование слоя свободных земледельцев, будущих крестьян танской и сунской эпохи. В условиях культурного Северного Китая эта подготовка феодализации быстро развивалась. В более же северных областях она была неизбежной, но далекой перспективой. Путь к ней лежал через сложение новых государств в тех районах Центральной Азии, население которых еще позднее, чем сяньбийский юго-восток, увидело конец первобытности. В центральной части Гоби к северо-западу от Ордоса и у южных отрогов Хангая на рубеже IV и V в. сложился военный союз жуань-жуаньских и гаогюйских племен. Затем начало складываться государство у племен Алтая, еще позже достигших этой высшей ступени своего развития.

При выяснении социально-экономических особенностей этих новообразований необходимо, прежде всего, обратиться к определению, данному И. В. Сталиным, А. А. Ждановым и С. М. Кировым целому периоду в истории Руси и ряда других народов, названному ими дофеодальным. Эти народы участвовали в разрушении крупнейших центров рабовладения, какими являлись Рим и Восточноримская империя. В эпоху борьбы с рабовладельческим строем и после его крушения они сами знали рабство, применявшееся, правда, в ограниченном объеме главным образом племенной знатью. Однако эти народы миновали развитие у них рабовладельческого строя и создали феодальный строй раннего средневековья. Но было бы неправильным представить дело таким образом, будто феодализм возник здесь сразу. Товарищи Сталин, Жданов и Киров подчеркнули наличие в этом случае дофеодального периода, который еще значительно отличался от феодализма, хотя именно в нем создавались предпосылки будущего феодального строя. Дофеодальный период отличала от феодализма важнейшая особенность —«крестьяне еще не были закрепощены».[3]

Изучение трудов И. В. Сталина убеждает в том, что создание феодальных отношений, минуя рабовладельческий строй, отнюдь не ограничивалось славянством и другими народами, принимавшими участие в разрушении средиземноморских рабовладельческих империй. В своих тезисах к X съезду РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», касаясь народов Туркестана, большей

---

[1] Terrien de Lacouperie. Catalogue of the Chinese Coins from the VII cent. B. C. London, 1892, p. 402.

[2] Wieger P. L. Histoire politique de la Chine. 1922. T. I. Textes Historiques, p. 1093.

[3] И. Сталин, А. Жданов, С. Киров. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР (Сб. «К изучению истории», Госполитиздат, 1938, стр. 22—24).

части Азербайджана, Дагестана, горцев, татар, башкир, киргизов и др., товарищ Сталин определял их прежний общественный строй как полупатриархальный — полуфеодальный, патриархально-феодальный.[1] Такие определения ясно показывают, что и эти народы пережили переходный дофеодальный период и, таким образом, миновали рабовладельческий строй. Дальнейшее исследование общественных отношений у алтайских тюрок и енисейских кыргызов представляет новое этому подтверждение. Вместе с тем мы увидим, что в истории этих народов будут периоды, когда их молодая государственность подчинит себе огромные пространства Центральной Азии, населенные другими народностями и племенами. В такие периоды их расширившиеся государства будут очень близки к тем империям древности и средневековья, «которые не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения. Эти империи не только не имели, но и не могли иметь единого для империи и понятного для всех членов империи языка. Они представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки».[2]

Формирование позднейших народов Центральной Азии было результатом сложного развития. Самые различные элементы в конкретных условиях и благодаря определенным историческим причинам в разное время втягивались в этот бурный процесс. Одновременно складывались новые формы культуры, как материальной, так и духовной. Материальная культура V в. уже совершенно не похожа на пропитанную «скифскими» пережитками культуру хунну около начала н. э. Иные формы оружия, сбруи, бытовых предметов, одежды и украшений употребляются в различных районах Центральной Азии.

О языке говорить труднее, но следует принять во внимание указание на тюркский характер речи сяньби, позднее вероятную тюркоязычность жуань-жуаней и наконец, классическую тюркскую речь алтайских туг-ю.

О культуре племен Алтая в VI—X вв. сообщают различные источники как письменные, так и археологические. Среди письменных источников, прежде всего, нужно отметить сообщения, занесенные в китайские династийские летописи. Особенно важные сведения были извлечены из двух хроник: Вэй-шу (написана в половине VI в.) и Тан-шу (окончательно отредактирована в начале XI в.).[3] Вэй-шу сохранила наиболее архаичные сведения об алтайских племенах, в частности важнейшую версию о расселении племен алтайских тюрок (китайских туг-ю) и их ближайшем родстве с енисейскими кыргызами (китайские хягас — современные хакасы).[4] В Тан-шу подробно излагается история и быт алтайских тюрок от их возвышения

---

[1] И. Сталин. Сочинения, т. 5, стр. 25.

[2] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 12.

[3] Иакинф. Сообщение сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. II, СПб., 1851.

[4] Journal Asiatique. 6-me série. III, 1864.

и победы в 552 г. над жуань-жуанями, прежде них господствовавшими в Центральной Азии, до крушения государства туг-ю под ударами уйгуров (в 745 г.). Из китайских источников ясно огромное значение Алтая в формировании каганата (ханства) Туг-ю. Вместе с тем китайские сообщения показывают, что очень скоро после победы над жуань-жуанями центр созданного алтайскими тюрками каганата был перенесен на юго-восток, в бассейн р. Орхона и Толы в Монголии (поэтому и туг-ю называются иначе орхонскими тюрками). На Орхоне, в местности Кошо-Цайдам в 1889 г. Н. М. Ядринцев открыл важнейшие памятники — надгробные надписи тюркского хана Могиляна (Билге-кагана) и его брата Кюль-Тегина (конец VII, начало VIII в.).[1] Надписи сделаны на древнетюркском языке особым «руническим» орхонским алфавитом. Ключ к расшифровке надписей был создан в 1893 г. датским ученым В. Томсеном.[2] Академик В. В. Радлов первым перевел орхонские надписи, а также огромное количество надписей, собранных экспедициями в Монголии, Туве и в Минусинской котловине.[3] Несмотря на то, что надписи, открытые Ядринцевым, относятся к позднему периоду истории туг-ю на Орхоне, они сообщают много таких особенностей быта, хозяйства и социальных институтов тюрок, которые, являясь пережитками, позволяют более детально, чем по китайским источникам, представить различные стороны развития каганата Туг-ю в тот период, когда его базой был Алтай. Мусульманские писатели сохранили гораздо более скудные сведения об Алтае. Здесь нужно, прежде всего, упомянуть сообщения Гардизи, Рашид-Эддина, анонима Туманского и Махмуда из Кашгара о происхождении языка, внешнем виде и образе жизни населения Саяно-Алтайского нагорья.[4]

Бедность письменных свидетельств об алтайских тюрках (особенно в VIII—X вв.) увеличивает ценность археологических памятников. Таковыми, прежде всего, являются на Алтае курганы. В интересующую нас эпоху курганы на Алтае насыпались небольшие. Даже принадлежащие знатным лицам не превышают в диаметре 15—20 м при незначительной высоте (не более 1.5 м). Рядовые же курганы отличались и еще меньшими размерами. Некоторые могильники, например раз-

---

[1] Ядринцев Н. М. Предварительный отчет о поездке с археологической и этнографической целью в Северную Монголию и вершины Орхона. Изв. ВСОРГО, 1889, т. 20, № 4. стр. 1—13.

[2] Thomsen W. Dechifrement des Inscriptions de l'Orkhon et de l'Jenissei. Bulletin de l'Ac. Sc. et Lettres de Danemark, 1894. Capenhague.

[3] Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei Lief. 1—3, St. Pet. 1894—1895. Neue Folge. St. Pet. 1898; Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. I—IV; Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-Тегина. ЗВОРГО, т. XII, СПб., 1900; Thomsen W. Alttürkische Inschriften aus der Mongolei. Leipzig, 1921, и его же новое издание в Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Neue Folge, 3, Leipzig, 1934.

[4] Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. Зап. Академии Наук по Историко-филологическому отделению. VIII серия, 1897, т. 1, № 4. Рашид-Эддин. История Монголов. Перевод И. Н. Березина. Труды Вост. отд. Арх. о-ва, т. VII и XIII, XV. Mahmud al Kašgari. Kitābu divāni lugati-t-turki. Стамбул, 1933. Hudud al Alam. The regions of the World. Oxford — London. 1937.

бираемый ниже Кудыргэ на Чулышмане, состоят из очень незначительных насыпей, напоминающих скорее выкладки из камней. В настоящее время можно различать древнейшие могильники алтайских тюрок, относящиеся еще к V—VI вв.; их примером является могильник Кудыргэ. Затем выделяется наиболее значительная серия курганов VI—VIII вв., образцами которых является большинство курганов в Курайской степи и около Туяхты на Урсуле, а также Сросткинский могильник около Бийска. Среди этих же курганов в Курае и в Сростках выделяются по позднейшим формам удил и украшений, а также по монетным находкам наиболее поздние курганы IX—X вв. Анализ инвентаря и обрядовости всех этих курганов и могильников дается в соответствующих местах ниже.

Помимо могильных памятников, мы встречаем на Алтае различные сооружения поминально-культового назначения — священные жертвенные площадки, круги из камней. Следует также отметить каменные изваяния людей, стоящие около священных площадок. Особую группу составляют остатки производительной деятельности — древние оросительные сооружения и рудники. Очень скуден Алтай изображениями, высеченными на скалах. Совсем нет надписей, выбитых на камне. Вся эпиграфика древнего Алтая заключается в четырех орхонских надписях на серебряных изделиях, найденных в курганах.

2. АЛТАЙ И ТЮРКИ

Среди нескольких легенд о происхождении тюрок туг-ю, записанных в китайскую летопись, одна особенно ценна. Сообщив, что в 40-х годах V в. туг-ю жили на Южном Алтае и добывали железо для жуань-жуаней, китайский историк передает версию о том, что туг-ю происходят из племени Со, обитавшего некогда на север от хунну. Первоначально их было 70 братьев. Старший из них, Ниширу, родился от волчицы. Он мог вызывать ветры и дожди. Жены его были: одна — дочь лета, другая — дочь зимы. Дочь лета родила ему четырех сыновей. Первый превратился в лебедя. Владения второго были расположены между реками Абу и Гянь, его звали Ци-гу. Третий жил при реке Чу-си, а четвертый около гор Басы Чу-си-ши. Старший, которого звали Надулу, «произвел тепло», и ему все подчинились. Он имел десять жен и «все сыновья прозывались по дому матерей». После смерти Надулу вместо отца был избран младший его сын, так как он, по условию, вспрыгнул выше всех на дерево.

Нетрудно увидеть, что эта легенда представляет причудливое сплетение различных повествований. Во-первых, можно выделить тотемические представления: род туг-ю происходит от волчицы. Эта версия была особенно в ходу у древних авторов. Затем следуют детали космического происхождения — лето и зима (т. е. год), так же как и ветры, дожди и тепло, оказались в подчинении у туг-ю. Среди этих зафиксированных легендой весьма древних представлений, с которыми тесно связана и версия о получении сыном Надулу власти через магический акт

соединения с деревом, огромный интерес имеет свидетельство о сохранении у туг-ю счета родства по материнской линии. Это место особенно убеждает в том, что в основе разбираемых легенд лежат некогда бывшие реальными события и представления. Такое же наблюдение позволяет с известным доверием отнестись и к историко-географической части рассказа. Это тем более позволительно, что расселение сыновей Нишиду устанавливается очень легко. Здесь прямая заслуга Аристова. В своих «Заметках об этническом составе тюркских племен» он первый увязал Со легенды с родом Со в составе населения б. Верхне-Кумандинской волости на р. Бие. Он же увидел в превращении старшего сына Нишиду в лебедя (ку) возможность связи с современными ку-кижи, так называемыми лебединцами северного Алтая. Области третьего и четвертого сыновей, повидимому, находятся в бассейне р. Чуи, берущей начало у современной границы с Монголией и впадающей в Катунь. Долина ее, служащая и теперь единственным удобным путем с Алтая на юг, изобилует различными древними памятниками. Наконец, кочевья второго сына Нишиду Аристов помещает между Енисеем (Гянь) и Абаканом (А-бу) и даже считает возможным в его имени Ци-гу видеть одно из искаженных китайцами названий енисейских кыргыз (кики).[1]

Мы видим, таким образом, что почти весь Алтай, а также юг Хакасской автономной области в эпоху, предшествующую выдвижению алтайских тюрок, рисуются в легенде заселенными родственными племенами.

Археологические исследования последних лет в Горно-Алтайской области и в Хакассии на Енисее также показали значительное сходство культуры, особенностей и темпов развития населения этих областей в первые века нашего летосчисления. Изучение на Енисее памятников таштыкской эпохи открыло культуру предков будущих кыргызов. Она во многом напоминает культуру Шибэ, явившуюся основой развития культуры алтайских тюрок.

Однако какого-либо изначального единства здесь не наблюдается. Близкими являются лишь направление, темп и слагаемые этногонического процесса, что вызвано близостью исторических судеб племен Енисея и Алтая, сходством их хозяйственного, политического и культурно-исторического развития.

В Минусинском крае европеоиды долихо и брахикраны, а также отмеченный с карасукского времени северокитайский компонент, вместе с проникновением с I в. до н. э. монголоидности образовали тот субстрат, на котором вырос древнекыргызский физический тип. На Алтае в формировании тюрок с V—IV вв. до н. э., наряду с древним европеоидным, участвует монголоидный компонент, наличие которого становится в начале нашей эры особенно ощутительным. Кроме того, здесь должны быть отмечены маньчжурские черты, прослеживаемые на материале из богатых курганов эпохи Шибэ.

---

[1] Аристов Н. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Живая Старина, 1896, III, стр. 5.

Отмечаемая сложность сопровождалась не менее сложной глоттогонией — формированием тюркской речи. Это включило население Саяно-Алтайского нагорья в широкий процесс развития тюркских языков Центральной Азии.

3. АЛТАЙСКАЯ ДРЕВНОСТЬ ТЮРОК

Племенам Алтая, первым из южносибирских, суждено было выступить на широкой исторической арене Азии. Вероятно, это объясняется тем, что Алтай представляет собой страну, открытую на юг, тогда как Минусинский край и даже Тува замкнуты горными цепями Саян и Танну-Олы. Поэтому Алтай и оказался быстрее втянутым в центральноазиатские дела, а кыргызскому Енисею пришлось оспаривать господство на юге уже у сменивших власть туг-ю уйгуров в IX в. Тот высокий уровень развития, который был достигнут алтайскими племенами в период пазырыкской культуры и Шибэ благодаря благоприятнейшим природным условиям Алтая с его плодородными пастбищами и обилием металла, явился надежной отправной точкой для дальнейшего движения.

Особо надо обратить внимание на сообщения о широком распространении у туг-ю добычи железа. Повидимому, к 40-м годам V в. относится известие о том, что туг-ю добывают железо в горах Алтая и даже платят им дань жуань-жуаням. Это еще раз подтверждается китайским известием середины VI в. о том, что, отказывая в сватовстве усилившемуся вождю туг-ю, жуань-жуаньский Анахуань, все еще считавший себя могущественным, заявил: «Ты — мой плавильщик, как осмелился сделать такое предложение?»

Занятие рудным и железообрабатывающим промыслом не могло не послужить еще одним стимулом усиления не только производственной дифференциации, оформления ремесел, но и еще большего развития обмена и частной собственности. На достижение алтайскими племенами еще более высокого уровня развития производительных сил ко времени образования государства туг-ю указывает также распространение в эту эпоху на Алтае поливного земледелия. Нам удалось исследовать ряд древних оросительных систем Алтая. Особый интерес представляют древние ирригационные сооружения степи Тötö у подножия Чуйских Альп и долины Б. и М. Ильгумена. Система каналов Тötö стратиграфически датируется серединой I тысячелетия н. э. Специальными ботаническими исследованиями было установлено, что степь Тötö в древности распахивалась и засевалась, а не орошалась, как теперь, только для травы.[1]

Традиция видеть в азиатских племенах по преимуществу скотоводов приводит к явной недооценке роли земледелия, особенно в эпохи формирования новых

[1] Подробности о каналах см. ниже. Некоторые сведения о системе Тötö см. Евтюхова Л. А. и Киселев С. В. Отчет о работе Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Труды ГИМ, в. XVI, М., 1941, стр. 80.

этнических и политических образований. Между тем земледелие издавна наличествовало в хозяйстве этих племен. Как это видно на алтайском примере, оно могло играть важную преобразующую роль в переломные моменты их истории. В связи с этим заслуживает особого упоминания отмеченная С. П. Толстовым параллель к türk в виде кумандинского tur-an — железный плуг и чувашского терен — лемех плуга.[1] Может быть, эта древняя языковая параллельность является новым подтверждением значения земледелия на важнейшем этапе сложения алтайских тюрок.

Интенсификация хозяйства применением поливного земледелия, так же как и занятия горным делом и обработкой железа, не могли не оказать сильного влияния на развитие имущественного расслоения и дальнейшее усиление богатых родов и отдельных семей. Хозяйства этих семей, как это было и раньше, велись трудом рабов, о которых в дальнейшем постоянно будут говорить памятники времени орхоно-енисейского письма. Каково было состояние алтайских племен накануне их победы над жуань-жуанями,— об этом можно судить и по раскопкам могильников.

Из них наиболее известен Кудыргинский на р. Чулышмане в районе современных теленгитских поселений алтайцев.[2] Весь облик материальной культуры, которую мы можем изучать по Кудыргинскому могильнику, уже резко отличен от того, что мы видели на Алтае к началу I тысячелетия н. э. Вместе с тем находки в этом могильнике ясно указали на его бóльшую древность сравнительно с другими кладбищами Алтая второй половины I тысячелетия. Однако совершенно так же, как ранние могильники енисейских кыргызов (хакасов) содержат вещи, сохранившиеся в виде пережитков от таштыкской эпохи, так и в кудыргинских погребениях встречаются предметы, имевшие широкое распространение в предшествующее время. Позднее этих вещей уже нет.

Здесь, прежде всего, следует обратить внимание на каплеобразные стерженьки— привески к сбруе или поясу.[3] Такие стерженьки нами встречены в туяхтинских курганах V—IV вв. до н. э. Затем следуют четыреугольные бляшки с четырьмя выпуклостями, воспроизводящие типично таштыкские, а также сарматские (из Буеровой могилы II в.).[4] Наконец, типично таштыкской является и серьга с плоским вертикальным щитком.[5] К этой группе нужно отнести и костылек с углублением посредине, находки которого идут с бронзового века, но позднее конца тагарской эпохи они до сих пор не находились.[6] Если к этому прибавить зеркало, ко-

[1] Толстов С. П. К истории древнетюркской социальной терминологии. ВДИ, 1938, № 1, стр. 80, примечание 74.

[2] Руденко С. и Глухов А. Могильник Кудырга на Алтае. Материалы по этнографии, т. III, в. 2, Л., 1927, стр. 37—52.

[3] Руденко С. и Глухов А., ук. соч., рис. 15, *5—9*.

[4] Там же, рис. 15, *1*, *2*.

[5] Там же, рис. 7.

[6] Там же, рис. 10, 15.

торое является ремесленным воспроизведением ханьского оригинала,[1] и монету времени младших Хань (до 220 г.),[2] то будет немало указаний в пользу большей близости Кудыргинского могильника к предшествующему времени. Это во всяком случае позволяет кудыргинские могилы считать более ранними, чем время сложения древнего государства алтайских туг-ю во главе с ханом (каганом) Бумыном (ум. в 553 г.). Как же выглядят эти кудыргинские могилы и что нового дают они по сравнению с предыдущей эпохой?

На поверхности могилы отмечены плоскими овальными выкладками камней. Под ними в неглубоких ямах лежат покойники, прямо на земле или в долбленой колоде. Рядом с ними постоянно обнаруживается скелет коня. На покойниках сохранились остатки одежды, сшитой или из меха, или из шерстяной ткани, а в некоторых могилах и из китайского шелка разных сортов. Украшения кудыргинских покойников весьма скромны, но неравномерно распределяются по могилам. Золотые серьги в виде колец и колтов являются наиболее драгоценными украшениями. Затем идут серебряные и бронзовые серьги и поясные наборы. Все эти вещи оригинальны и, имея общее сходство, каждая в отдельности сильно отличается от аналогичных предметов следующей стадии, VI—IX вв. Оружие представлено в кудыргинских могилах многими видами. Чаще всего встречаются железные плоские и трехперые наконечники стрел. Применялись вместо стрел и простые заостренные палочки. В некоторых могилах, повидимому там, где стрелы нужно рассматривать как военное оружие, они были вложены в берестяные колчаны (найдено 3). Форма этих расширенных книзу колчанов отличается от позднейших отсутствием открытого кармана. Только в одной могиле был найден прямой обоюдоострый железный меч с эфесом и накладными кольцами на деревянных истлевших ножнах. Он примыкает к серии мечей «ранних кочевников» I тысячелетия н. э. (Перещепино, Орловский клад и раннее Салтово),[3] но отличается от них длиной, большей узостью клинка и строением эфеса. В сбруе коней надо различать две группы. В первую войдут наременные наборы. Они резко отличаются от предыдущих. На них редко можно встретить орнамент, нет крестообразных и звездчатых форм. Вторую группу составляют удила, стремена, костяные и металлические пряжки и цурки. Повидимому, в эту эпоху они уже сложились в те традиционные формы, которые с незначительными изменениями доживут до IX и даже более поздних веков.

Исключительный интерес представляет находка в кудыргинской могиле № 9 пары костяных накладок на переднюю луку седла. Они украшены гравированными изображениями охоты двух всадников на медведя, кулана, оленей, коз, ланей, на

---

[1] Там же, стр. 42—43, рис. 8.

[2] Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг., Л., 1926, стр. 76.

[3] Бобринский А. А. Перещепинский клад. МАР, № 34, II, 1914; Покровский А. М. Верхнесалтовский могильник. Труды XII Археологического съезда, т. I, М., 1905; Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1, стр. 337, рис. 5.

зайца и на лисицу. Кроме того, на широких концах пластин, прикрывавших верхнюю часть луки, выгравированы стоящие друг против друга огромные тигры. Всадники изображены на полном галопе, стреляющими из небольших изогнутых луков. Одного из них сопровождает собака. Лошади под всадниками заседланы, на них уздечки. Ясно видны подседельные чепраки, нагрудные и подфейные ремни. У всадников хорошо различимы широкие штаны, обшитые сзади оборками или мехом. Они стянуты по сапогу у щиколотки. Характерна посадка без стремени, с низко опущенным носком.

В основе этих изображений лежит иранский прототип. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить их со сценами охоты сасанидских царей, украшающими серебряные блюда и скальные рельефы Так-и-Бостана.[1] Совершенно совпадают сбруя, подстриженные «городками» гривы коней, посадка всадников, форма луков, штаны, обшитые сзади оборкой. Там же находят себе аналогии и многие из животных — козы, лани, олени, тигры и зайцы. Однако кудыргинский мастер был далек от рабского воспроизведения чужеземного образца. Он сумел преодолеть характерную репрезентативную условность, сковывающую даже жанровые сцены сасанидских рельефов. Он выполнил свои изображения с необычайной непосредственностью наблюдательного реалиста. Вместе с тем алтайский художник дополнил свои сцены новыми, местными персонажами — появился медведь, кулан и лисица, рыбы. Но особенно важно, что он изменил самый сюжет. Центральной фигурой его изображений уже не является всадник, его заменил тигр, гравированный в преувеличенных размерах. Это также не случайно, но вызвано местными условиями. Тигр — могучий хищник — играл, очевидно, большую роль в генеалогиях знатных родов Саяно-Алтая. Вспомним торжественное вступление енисейской эпитафии: «У моего живущего на земле рода тигра, у моих, одаренных превосходством, не нахожусь».[2] Кудыргинский гравер подчинялся именно этому своеобразному возрождению в аристократических генеалогиях пережитков древнего тотемизма

Таким образом, изучение изображений на седельных костяных накладках из могилы № 9 позволяет притти к очень важным выводам. Устанавливается новая связь Алтая с Ираном, теперь сасанидским. Обнаруживается мастерство алтайских художников, способных творчески переработать заимствованный образец в древних традициях высокоразвитого местного искусства. Выясняется подчинение изученных изображений новым генеалогическим представлениям знати, как бы возрождающим древние тотемические образы. Последнее особенно важно. Уже отмечалось, что по составу инвентарей кудыргинских могил можно сразу заметить общественное расслоение. Теперь можно предполагать, что эти различия в погребениях отражают не только разницу в имущественном положении, но и особенности

[1] Орбели И. и Тревер К. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, т. 4—15. Восточное серебро, № 53, 57, 59, 61, 380; Sarre F. und Herzfeld s. Iranische Felsreliefs, Berlin. 1910, табл. XXXIII—XXXIV, XXXVII—XXXIX.

[2] Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften. Dritte Lieferung, 1895, стр. 331.

в общественном состоянии. Очевидно, та племенная знать, от которой остались огромные курганы в пазырыкское время, продолжала развиваться и позднее.

Это предположение делает весьма достоверным еще одна находка, сделанная в Кудыргинском могильнике. Среди могил Кудыргэ несколько особняком стоит одна, ничем не выделявшаяся снаружи, имеющая обычную каменную выкладку. В могиле оказался грудной ребенок, положенный, однако, в обратном направлении сравнительно с обычной ориентировкой покойников Кудыргэ (большинство головой на восток). Возраст, повидимому, послужил причиной отсутствия при костяке каких-либо вещей и конского погребения. Но это искупает рисунок, обнаруженный на валуне, находившемся в засыпке могилы прямо над головой ребенка.[1]

В развернутом виде рисунок изображает: справа ребенка и женщину (последняя, повидимому, сидит) в роскошных одеждах. Рисунок хорошо передает узоры плотной китайской парчи. На женщине надет, кроме того, трехрогий головной убор. У обоих в ушах серьги. Рядом с ребенком изображен колчан и футляр от лука.

Перед этой роскошно одетой парой стоят в ряд три лошади в полной сбруе. Седла у них с узорчатыми чепраками. Как у пазырыкских лошадей и у коней только что разобранных изображений на костяных пластинках, и здесь гривы подстрижены и одеты в чехлы. Двух лошадей держат за повод коленопреклоненные люди. У первого хорошо передан панцырь и шлем со спускающейся на плечи кольчугой. У второй фигуры на голове убор, похожий на убор знатной женщины. Может быть, это тоже женщина. Не исключена, однако, возможность видеть в головном уборе второй фигуры трехрогий шлем, подобный изображенному на одном сасанидском блюде.[2] За лошадьми виднеется еще один человек на коленях. Он подпоясан, на голове у него шапка с кистями. Перед ним еще один колчан и чехол от лука, связанные вместе. Налево, за лошадью нарисовано крупным планом лицо мужчины с бородкой и усами. Очевидно, этот третий наиболее значительный из всех троих. Ему приготовлена третья лошадь, ему принадлежит оружие, которым ведает третий из коленопреклоненных.

Вся описанная сцена сделана с большим настроением. Она отражает не только имущественную, но и социальную разницу в положении отдельных лиц. Настало время, когда на Алтае перед знатными и богатыми стали преклонять колена.[3]

Эта находка заставляет видеть в могиле, где она обнаружена, погребение далеко не простого лица. Так, содержанием сцен на костяных накладках и на валуне

[1] Руденко С. и Глухов А., ук. соч., стр. 51—52, рис. 18.

[2] Орбели И. и Тревер К. Сасанидский металл. табл. 21.

[3] Новое разъяснение значения кудыргинских изображений (Кызласов Л. Р. К истории шаманских верований на Алтае, КСИИМК XXIX, стр. 48—54) не противоречит отмеченным мною классовым чертам. Остроумно анализируя многочисленные археологические и этнографические факты и кудыргинские изображения, автор приходит к выводу, что гравированная сцена хотя и ритуального характера, «но в ней нашли место и отражения значительной дифференциации древнетюркского общества» (там же, стр. 53).

ярко показывается, насколько усилилась на Алтае внутриплеменная дифференциация. Мы еще увидим ее дальнейшее развитие. Она вступает в противоречие с основами первобытно-общинного строя. Показателем роста этого противоречия и является образование государства алтайских племен в VI в.

Выясняемые сложнейшие изменения в общественной структуре алтайских племен сопровождались, судя по материалам того же Кудыргинского могильника, завершением формирования нового физического типа. Поскольку это позволяла сохранность трех мужских и двух женских скелетов, исследовавшие их специалисты дали следующую характеристику кудыргинцам: «Они существенно отличались от высокорослых долихоцефальных древних насельников Алтая и имеют много общих черт с той расой, которая в железном веке широко распространилась в Западной Азии и Восточной Европе. Ряд физических признаков сближает кудыргинцев также и с современным населением Восточного Алтая».

4. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ТЮРОК

Как известно, усилившимся алтайским тюркам (китайским туг-ю) удалось уже в 552 г. разбить войско жуань-жуаней, подчинявших тогда себе население обширных территорий Центральной Азии. Затем, в течение всего двадцати пяти лет, было установлено господство ханов алтайских тюрок на огромной территории от Б. Хингана и Внешней Монголии на востоке до Аму-Дарьи на западе.

Мы не знаем, когда именно центр каганата передвинулся с Алтая на юг. Повидимому, это случилось очень скоро после разгрома жуань-жуаней. В обычае Азии было занимать важнейшие кочевья разгромленного противника. Ханьгай был таким центром для жуань-жуаней. Неудивительно, что соседняя долина Орхона стала местом основных кочевий «голубых тюрок», центром нового варварского государства Центральной Азии. Во всяком случае мы не находим на Алтае несомненных признаков наличия там крупного центра в эпоху первых головокружительных успехов завоевательной политики туг-ю. Изучение могильников Алтая за VI—VIII вв., как мы увидим, ни в обряде, ни в содержании погребений не дает полных параллелей известиям о погребальных обрядах орхонских тюрок.[1] Не отражают они и того сказочного богатства, которое, судя хотя бы по рассказам о приеме Зимарха Дизабулом, царило на основных кочевьях аристократии туг-ю. Общественный строй тюрок на Орхоне, конечно, был усложнен в новой обстановке господства над многочисленным и разноплеменным населением покоренных территорий и подвергся изменяющему влиянию сторонних и центральноазиатских традиций, уже укрепившихся там в предшествующий период. Однако приводимый

[1] Однако многое имеет место только на Орхоне и на Алтае, например, обычай установки около могил верениц камней. См. об этом ниже и в работе Л. А. Евтюховой. Каменные изваяния Северного Алтая. Труды ГИМ, в. XVI, стр. 119—134.

ниже анализ источников об общественном строе и государстве туг-ю на Орхоне обнаруживает, прежде всего, их глубоко архаический характер и теснейшую связь с тем периодом первобытно-общинного развития, который был пройден и преодолен еще на Алтае.

Это оправдывает и использование, для выяснения особенностей сложения на Алтае государства тюрок в V—VI вв., памятников более позднего времени (вплоть до VII в.) — китайских и тюркских, происходящих с Орхона, куда был перенесен центр каганата алтайских туг-ю. Рассмотрение общественного строя и государства алтайских тюрок должно предшествовать изучению дальнейшей их судьбы на Орхоне, так как вся их история становится понятной только в свете особенностей их общественных институтов.

Самая организация верховной власти в государстве алтайских тюрок — триумвират кагана, Ябгу и Шада (ср. шаньюй и вост. и зап. джуки-князья у хунну) восходит также к первобытности, где, например, у долган еще в недавнее время рядом с вождем, «старшим Kohuun'эм» стояли: «распоряжающийся богатством» и шаман-охранитель, главные функции которого заключались, повидимому, в военной магии.[1]

Самое слово türk не имеет еще в рассматриваемую эпоху определенного этнического значения, а это указывает на его значительный архаизм и на архаизм отраженных в нем отношений. Это имя политического объединения, в состав которого входили различные племена, каждое со своим именем. Даже позднее, у Махмуда Кашгарского словом тюрк не обозначается какой-либо народ: «Говорит бог великий и могучий: есть у меня войско, я назвал его türk и поселил на востоке».[2]

Нам предстоит теперь выяснить, какая же «общественная организация» легла в основу государства алтайских тюрок.

Исследование археологических фактов и те немногие исторические сведения, которые приводились выше, согласно подчеркивают все усиливающуюся роль племенной знати. При этом можно видеть, что наряду со старыми аристократическими родами, которые достаточно ярко зафиксированы еще в эпоху Шибэ, к началу интересующего нас сейчас периода роста внутриродовой дифференциации оформляется новый аристократический слой богатых родовичей. Главное богатство этой аристократии заключалось в стадах и награбленных ценностях; древнетюркские эпитафии постоянно упоминают об этих богатствах.[3]

Собственное обширное хозяйство знатных родов велось при помощи рабов, которых мы встретим и в алтайских погребениях VII—IX вв.

[1] Попов А. А. Материалы по родовому строю долган. Советская этнография, 1934, № 6, стр. 119 (цитирую по С. П. Толстову).

[2] Mahmud al Kašgari. Kitābu divāni lugati t-turki. Стамбул, 1933, т. I, стр. 203 и 204.

[3] Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften. Dritte Lieferung, СПб., 1895, стр. 314—330.

О том, что рабство было широко распространено у алтайских тюрок в эпоху каганата, свидетельствуют и местные надписи и китайская летопись.

Так, Кошо-Цайдамская эпитафия Кюль-Тегина (VIII в.) сообщает: «в то время (наши) рабы имели рабов, а наши рабыни невольниц».[1]

Сохранились указания и на источники рабства у туг-ю. Прежде всего, это военнопленные. Тан-шу неоднократно об этом рассказывает. Так, например, в 623 г. Хели-хан в результате одного из своих походов «в плен взял до 5000 мужчин».[2] Про другого знатного тюрка, Були-ше, та же хроника рассказывает: «В продолжение трех дней он забрал в городе всех женщин и детей и ушел».[3] Из орхонской надписи в честь Кюль-Тегина также видно, что поражение для врагов кончалось рабством: «Каган (тюргешей) был убит, а народ его стал невольницами и рабами».[4]

Насколько много невольников бывало у туг-ю, можно судить по сообщению хроники о том, что около 630 г. н. э., при Хели-хане, воспользовавшись ослаблением туг-ю из-за эпидемии, «по повелению императора, выкуплено было на золото и шелковые ткани до 80 000 душ обоего пола».[5]

Были у туг-ю и внутренние каналы пополнения рабов. Излагая их законы, Тан-шу сообщает: «повредивший глаз повинен отдать дочь, а если нет дочери, отдать женино имущество».[6]

Вследствие широкого использования рабского труда аристократия алтайских племен очень усилилась. Для нее стали возможны попытки посягнуть на свободу своих родовых соплеменников. Есть прямые свидетельства конфликтов между «народом» и «бегами». В большой надписи Кюль-Тегина сообщается, что китайцы «ссорили младших братьев со старшими и вооружали народ и бегов друг на друга».[7] Правда, здесь подстрекателями борьбы называются китайцы, но ясно, что их «подстрекательства» могли лишь тогда иметь успех, когда почва была подготовлена на месте. Обращу внимание на то, что выражение «ссорить младших братьев со старшими», повидимому, указывает и на внутриродовые противоречия.

Попытки покончить со старой свободой первобытно-общинного строя встречали, однако, сильный отпор со стороны рядовых кочевников. Известия о постоянных возмущениях и восстаниях среди самих туг-ю и у подчиненных племен как раз и отражают это.

---

[1] Радлов В. и Мелиоранский П. Древнетюркские памятники в Коше-Цайдаме. Сб. Трудов Орхонской экспедиции, IV, СПб., 1897, стр. 22.

[2] Иакинф. Собрание сведений..., ч. I, СПб., 1851, стр. 296.

[3] Там же.

[4] Радлов В. и Мелиоранский П. Древнетюркские памятники..., стр. 21.

[5] Иакинф. Собрание сведений..., ч. I, СПб., 1851, стр. 307.

[6] Там же, стр. 269.

[7] Мелиоранский П. Памятник в честь Кюль-Тегина. ЗВОРАО, т. XII, СПб., 1900, стр. 65.

Такое положение и обусловило коренное изменение общественной организации у алтайских племен.

Первое, что здесь приходится отметить, — это объединение аристократии различных племен в организационно сплоченный, заимствованными у того же родового строя традициями, аристократический слой — «вечный эль» туг-ю. Этому «элю» орхонские надписи требуют поддержки со стороны народа (будун).

Такая трактовка эля не совсем совпадает с принятой в историографии. В. Радлов и П. Мелиоранский, В. Бартольд, В. Томсен и Ф. Хирт считают «эль» родом, племенем, родовым союзом.

А. Н. Бернштам пришел к выводу, что «äl» олицетворяет турецкую аристократию: «Äl — выражение государственной организации. Турецкий äl — господствующий класс... Турецкий äl — олицетворение народа, известного нам в истории под самоназванием türk».[1] Однако в этой работе явно переоценивается классовая зрелость аристократии туг-ю и вместе с тем все еще сказывается старое увлечение феодализмом (ср., например, «türk» — конкретное название феодально-аристократической корпорации»).[2]

Эль иногда, повидимому, имеет значение племени (если не рода) в самом узком смысле. Например: kämkä älig kazγanurmän, т. е. «для кого мне добывать племена?»[3] Это значение подтверждается и проделанным А. Бернштамом анализом qaγan и qatun, которые он убедительно переводит как «племеустроитель», «вождь» и «родоуправительница».[4]

Вполне возможно для äl и значение «племенной союз» — ряд приведенных тем же А. Бернштамом примеров в этом убеждает (особенно «türk budun älin tör(üs)in», т. е. «турецкий народ в эль узаконивая».[5]

Однако ряд текстов указывает еще на одно значение äl.

В важнейшем месте кошо-цайдамских памятников, описывающем, как увидим ниже, разыгравшиеся классовые бои народа и бегов, результат изложен так: türk budun älläduk älin yčγynuydmyš, gaγanladuk qaγanin jitrüydmyš, т. е. «турецкий народ эльствовавший эль уничтожил, ханствовавших ханов истребил».[6]

Здесь побеждающий народ тюрок не только уничтожает ханскую власть, но, судя по всему контексту, изгоняет и бегов. Здесь, как и в большинстве орхонских текстов, хан и беги по вполне понятным причинам выступают рядом. Лишь к «развязке» хан оказывается в одном положении уже не с бегами, а элем. Это позволяет заключить, что судьбы эля связаны вовсе не с архаическими союзными

---

[1] Бернштам А. Н. Возникновение классов и государства у турок VI—VIII вв. Отдельный оттиск из «Энгельсовского сборника», ГАИМК, стр. 889.

[2] Там же, стр. 889.

[3] Радлов В. и Мелиоранский П., ук. соч., стр. 18.

[4] Бернштам А. Родовая структура туг-ю в VIII в., стр. 563.

[5] Там же, стр. 565—566.

[6] Радлов В. и Мелиоранский П., ук. соч., стр. 18.

отношениями племен, не с родо-племенными связями, но с судьбами хана и бегов— с судьбами представителей аристократии. Эль есть организация хана и бегов, противостоящая массам, обеспечивающая в рамках возможного господство над ними. Эта организация, как показывает и самая история термина äl, выступает в старых формах родо-племенной традиции, используя их пережитки в своих целях,— явление, обычное при переходе к классовому строю. Но ранняя форма этой организации существенно отличается от государства на его развитой стадии. Здесь государство и господствующий слой — аристократия — сливаются. Государство здесь не только орган аристократии, но и форма ее организации. Отсюда äl может означать не только государственное устройство туг-ю, но и знать, организованную в эль, т. е. в аристократическое племя или даже род, самые права которых вечны («вечный эль»).

Такое понимание эля подтверждается и другими орхонскими текстами.

Большая надпись в честь Кюль-Тегина говорит, что турецкий каган в результате побед «отнял эли у имевших эли и отнял каганов у имевших каганов». Следовательно, уничтожение местной аристократии есть и уничтожение эля. Далее, упрекая турецкий народ, Могилянь-хан в той же надписи говорит о «низости», которую народ этот допустил по отношению к хану «и к элю, хорошему по своим качествам и делам».[1] Здесь самое выражение не позволяет видеть в эле только «племенной союз» или государство, здесь подразумевается именно весь аристократический слой, расхваливаемый его лидером.

Эти наблюдения подтверждаются и енисейской эпиграфикой, позволяющей выяснить и состав эля, но об этом ниже.

В работе «Тиранния Абруя» С. П. Толстов высказал точку зрения на äl, близкую к нашей. Он пишет: «Нам представляется наиболее адэкватным перевод термином «государство» в античном понимании этого слова — в политическом, а отнюдь не территориальном значении».[2] При этом С. П. Толстов также обращает особое внимание на рабство у тюрок, указывая, что «знать каганата выступает перед нами как военно-рабовладельческая аристократия».[3]

Вечный эль тюрок, возглавляемый каганом (ханом), узаконивает и защищает частную собственность. В Тан-шу, в сообщении о каганстве сына первого хана туг-ю Бумыня приведены и древнейшие законы тюрок. Из них видно, что посягательства на частную собственность караются строжайше: «укравший лошадь и другие вещи платит в 10 крат против стоимости покражи». Похищение спутанной лошади наказывается смертью. Личное имущество также является частным владением. Об этом свидетельствует закон оплаты им «за увечье глаз».[4]

Наряду с этим мы видим со стороны аристократии меры к установлению

---

[1] Радлов В. и Мелиоранский П., ук. соч., стр. 23.

[2] Толстов С. П. Тиранния Абруя. Исторические записки, т. 3, стр. 42.

[3] Там же, стр. 51.

[4] Иакинф. Собрание сведений..., ч. I, стр. 269.

принудительного подчинения народа элю. «Бунт, измена... наказываются смертью»,— сообщает Тан-шу закон алтайских племен. Однако одно сплочение аристократических элей в «вечный эль» всех тюркских племен Алтая и попытки защитить себя примитивным законодательством не обеспечивали знать. Между тем народ отвечал на такие попытки бунтом, вплоть до убийства аристократов и даже хана.

Необходим был какой-то компромисс, и он был найден в политике непрерывных завоеваний, которая уже частично нам знакома из истории хунну, сяньби и жуань-жуаней.

Государство тюркских племен Алтая, защищая аристократию, формировавшуюся во владельческий класс, одновременно вынуждено было в интересах самой аристократии не допускать окончательного закабаления нищающих, но и протестующих масс. Это и было осуществлено путем организации военных походов против ближних и дальних соседей, походов, успех которых временно глушил внутреннюю борьбу, доставляя их участникам, знати и рядовым воинам богатую добычу.

Эту тенденцию ярко выразила надпись Бильге-кагана, заявляющая от его имени: «Став каганом, я поднял благосостояние жалкого, бедного народа, п р е д п р и н и м а я п о х о д ы, нищий народ сделал богатым, малочисленный народ сделал многочисленным».[1] То же в своей эпитафии говорит и крупнейший политик древних туг-ю Тоньюкук. Но он же откровенно показывает, чего стоила эта политика тем, кто становился объектом завоевания. «Эта страна,— говорит он,— стала не имеющей хозяина, так было сделано потому, что я, мудрый Тоньюкук, наступая в этой стране, привозил (оттуда) красное золото и светлое серебро, красный шелк и агри-каменья, (всякую) дань без числа».[2] О том, насколько эта политика завоеваний и грабежа вошла в быт древних туг-ю, свидетельствуют небольшие орхонские надписи. Вот, например, две надписи из Хоито-Тамир (Монголия), ярко передающие наивную радость хищника-воина, стремящегося в богатый город Восточного Туркестана — Бешбалык: № 1 — «Мы идем с Куличуром Тардушей в Бешбалык... там он может быть счастливым», и № 2 — «В год обезьяны в девятом месяце... мы идем в Бешбалык. Счастлив облик витязя войско (ведущего)... Народ, твой приход мог быть там счастливым. Счастливый человек».[3]

5. КУЛЬТУРА НА ОРХОНЕ В VII — VIII вв.

Об уровне культуры алтайских тюрок на Орхоне в VII—VIII вв. мы знаем очень мало. Китайские источники рисуют их попрежнему кочевниками-скотоводами, живущими в юртах, кочующими с места на место со своими стадами. Охота также еще имеет большое значение в их хозяйстве: звероловство китайский

[1] Радлов В. и Мелиоранский П., ук. соч., стр. 39—40.
[2] Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften, Neue Folge, стр. 49.
[3] Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften. Dritte Lieferung, стр. 261—262.

летописец особо отмечает. Земледелие, которое мы видели еще в ранний алтайский период истории орхонских тюрок, несомненно продолжало играть роль и в последующее время. Здесь помогала и старая местная традиция, сохранявшаяся в районах, некогда населенных занимавшимися земледелием гаогюйцами, ушедшими от жуань-жуаней на запад. О наличии на Орхоне земледелия свидетельствует и попытка реорганизовать старое земледелие кочевников на более широкой основе. Мочжо-хан требовал у китайцев 100 000 ху проса на посев и 3 000 земледельческих орудий. Это ему было дано. Находки в Забайкалье и на Енисее чугунных китайских плугов с отвалом говорят о наличии китайской земледельческой техники у тюрок даже к северу от Монголии.

Утвердившись в Монголии и пережив там бурные времена подчинения китайцам, орхонские тюрки, повидимому, сократили свое исконное алтайское занятие — добычу железа. Характерно, что тот же Мочжо, требуя у Китая сельскохозяйственной помощи, надеялся одновременно получить «несколько десятков тысяч гинов железа». Вместе с тем случайные находки и раскопки погребений VI—VII вв. в Монголии говорят о наличии у орхонских тюрок развитого кузнечества и других видов металлургических ремесел. Рационально сработанное оружие — прежде всего разнообразные свистящие наконечники стрел, сложные луки, латы, копья, палаши и сабли, а также различные принадлежности сбруи — стремена, удила, всевозможные бляхи и пряжки от уздечек и седел — все это является образцом тогдашней степной техники. К сожалению, малый объем раскопок древнетюркских памятников, главным образом могил, производившихся на Орхоне и Толе в Монголии, не позволяет пока детально изучить эти изделия.[1] Вполне возможно, что дальнейшие исследования памятников типа Кудыргэ позволят считать именно Алтай родиной нового оружия и сбруи. Тогда в орхонских изделиях можно будет видеть образцы для мастеров различных племен необъятных степей от Хингана до Венгрии. Этим оружием и снаряжением снабжалось орхонское войско, достигавшее временами ста тысяч воинов, главным образом конников.

Повседневный быт орхонских тюрок был, конечно, неоднороден. Образ жизни массы кочевников, составлявшей ядро каганата, едва ли сильно отличался от традиционного быта прежних кочевых племен Монголии. Скот, кошмовые юрты, вся обстановка дома, рассчитанная на передвижение, нашла отражение в источниках. Можно предполагать, что на зимниках были возделываемые участки земли. Лишь изредка попадаются указания на оседлые поселения, городки «балык»,

---

[1] Основные сведения по этому вопросу до сих пор можно получить только в работе Г. Боровки. Археологические обследования среднего течения р. Толы. Сб. «Северная Монголия», вып. II, изд. АН СССР, Л., 1927, стр. 43—88. См. особ. могилы у Наинтэ-Суме (стр. 73—76, табл. II, 3, 4, 5; III, 1—12; IV и V) и на Ихэмалыке (табл. III, 13). См. также у Владимирцова Б. Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах. Сб. «Северная Монголия», вып. II, стр. 1—42. В особенности см. раскопки тюркской могилы в местности Боин-даванэ-аман, стр. 38—41, рис. 1.

но и то главным образом ближе к Семиречью, которое славилось своими городами, центрами ремесла и торговли западнотюркского каганата.

Гораздо лучше жила орхонская знать — беги, тарканы, тегины, каганы и пр. Дань с зависимых и покоренных и военная добыча доставляли им огромные богатства, и не только в виде стад. Мы уже знаем, что из походов привозилось «красное золото и светлое серебро, красный шелк и каменья без числа». В 1939 г. нам удалось впервые увидеть сокровища этого периода. Они принадлежали не орхонским властителям, а знатным кыргызам среднего Енисея (подробно об этом ниже). Роскошные золотые кувшины, украшенные драгоценными камнями и фантастическим орнаментом из цветов и грифонов, золотые и серебряные блюда с рисунком, который может спорить с самыми совершенными произведениями китайских мастеров,— дают впервые возможность представить обстановку кочевой знати интересующей нас эпохи. Рассказ Земарха о наполненных золотой посудой повозках и золотых статуях зверей, расставленных вокруг юрт западнотюркского кагана во время приема византийского посольства, приобретает теперь ощутимую конкретность. Не менее пышной, чем обстановка, была и одежда орхонской знати. Мы уже познакомились с костюмами людей, изображенных на камне из Кудыргэ. Этот же костюм — длинный кафтан, «застегивающийся на левую сторону», описывают и китайцы. Такие же одежды мы видим на статуях, стоящих у гробниц тюркских каганов.[1] Из ценнейших шелковых тканей Китая и Ирана [2] шились эти одеяния. Обрывки их, найденные в могилах, сохранили свой узор. Драгоценности и роскошные ткани, вино и сладости, парфюмерию и диковинных животных доставляла в далекие орхонские степи оживленная торговля с Китаем и западными странами. Она запечатлена не только в описаниях древних путешественников и хронистов, но и в вещественных находках. Большое количество китайских зеркал и монет найдено в Монголии. Главное их число относится к танскому периоду. Начинают попадаться в руки исследователей не только иранские, но даже византийские изделия и монеты.

На службу роскоши орхонской знати ставились также и старое местное ремесло и прикладное искусство. Типично степные орнаменты мы встречаем на различных изделиях, вплоть до роскошных ханских надгробий.[3]

Опираясь на силу и богатство, постоянно приумножаемые войной, данью и подневольным трудом зависимых и рабов, орхонская аристократия выработала не только своеобразную, поражавшую современников дикой роскошью материальную культуру кочевий, но и характерную идеологию степных рыцарей-хищников.

---

[1] Атлас древностей Монголии, вып. I и III, 1893—1896; Боровка Г. И. Археологическое обследование..., табл. VI; Казакевич В. А. Намогильные статуи в Дариганге, Л., 1930.

[2] Боровка Г. И. Археологическое обследование..., стр. 74, рис. 7 и табл. V.

[3] Там же, стр. 76, рис. 8 — орнамент на гранитных плитах древнетюркского саркофага в Улан-Худжире.

Основные ее направления могут хорошо быть прослежены по памятникам орхонской письменности.

Самое наличие письменности у орхонских тюрок — явление весьма знаменательное. Это, повидимому, первая письменность населения «Великой Монгольской степи». Ее вызвали к жизни различные обстоятельства. Конечно, усложнение политической организации играло здесь не последнюю роль. Необходимость сношений с отдельными «сторонами» (областями) обширной территории, подвластной «элю тюрок», не могла не стимулировать распространения письменности. Но характерно, что ее первые заметные шаги приурочиваются к наиболее бурной эпохе орхонской истории — к эпохе Эльтерес-Гудулу-кагана, этого борца за независимость от Китая и вместе с тем реставратора власти эля в Монголии. Не случайно поэтому классические образцы орхонской письменности представляют собой скорее политические памфлеты и прокламации, чем печальные эпитафии, которыми они должны были быть. Письменность и здесь, у тюрок древней Монголии, появляется в связи с борьбой социальных страстей, в которой рождается новое общество, разрушающее старый первобытно-общинный строй. Повидимому, с этим связано и самое оформление орхонского письма. Несмотря на сильнейшее влияние Китая, оно ни в какой мере не копировало распространенной там письменной системы. Орхонское письмо должно было быть доходчиво до широких масс кочевников, и оно приняло буквенный, западный строй. Общепринято считать, что орхонская письменность являлась наиболее восточным из производных арамейского письма. Устанавливается даже ряд «передаточных» этапов в виде различных переднеазиатских алфавитов. Сейчас обнаружен еще один, наиболее восточный этап связи — древнехорезмийский доарабский алфавит.[1] Однако, если бесспорны связи прототипов, то во внешнем оформлении орхонское письмо зависит не только от западных аналогов, но и от своих местных предшественников — тамг, знаков-«бирок». О них упоминают китайцы, и в значительном числе они обнаружены за последние годы археологами на различных предметах и на могильных камнях, главным образом в Хакассии, где орхонское письмо также было весьма распространено. Сходство этих «дописьменных» знаков, например, описанных выше начертаний на таштыкских игральных костях, с буквами орхоно-енисейского алфавита иногда настолько велико, что соединение их в какой-то генетический ряд не вызывает сомнений. Орхонское письмо столь же заимствованное, сколь и местное изобретение.

Помимо важнейших данных о социальной организации орхонских тюрок, уже приводившихся выше, орхонские документы содержат немало сведений о мировоззрении знати и верованиях широких масс древней Монголии. Хищные воины Орхона в массе своей были шаманистами, особенно усердно поклонявшимися синему небу «täŋri, покровительнице материнского начала umaj и sub-jär, духам

[1] Толстов С. П. Монеты шахов Хорезма и доарабский древнехорезмийский алфавит. ВДИ, 1938, № 4, стр. 120—145.

воды и земли».[1] Китайский летописец сообщает также любопытнейшую деталь, что орхонские тюрки «по принесении овец и лошадей в жертву до единой вывешивают их головы на вехах».[2] Этот обычай до недавнего времени был распространен у шаманистов Алтая, как бы напоминая о тесных связях современного населения Голубых гор с «голубыми тюрками» V—VIII вв.

Однако целиком связанная с первобытной традицией система верований орхонских тюрок не могла явиться достаточным средством ослабления в массах их вражды против богатеющей и притесняющей их знати. И вот еще в 572 году Тобохан импортировал буддизм.[3] Лицемерный гуманизм этой религии призван был укрощать социальные страсти кочевого мира. Тобо-хан усердно распространял новую веру среди зависимых от него племен. Он построил храм, выписал из Китая священные книги и сам принимал участие в богослужении. Неизвестно, однако, насколько прочно было это первое проникновение религии Будды в степные кочевья Монголии. Раскопки в Северной Монголии позволяют нам уточнить сведения китайцев о похоронном обряде орхонских тюрок. Сложный церемониал, описанный летописцем, конечно, не являлся общераспространенным. Простого кочевника хоронили под кучей камней с весьма скромным инвентарем. Даже коня далеко не всегда клали ему в могилу.

Иначе хоронили знатных тюрок. Их долго оплакивали, в знак скорби по ним заставляли резать лицо, так что «кровь и слезы вместе льются». Им приносили жертвы. Знатного покойника сжигали вместе со всеми его вещами и с конем. Раскопки заставляют предполагать, что и люди насильственно следовали за своим господином. Гробницы, высеченные из камня, покрывали сложным узором степных украшений. Их ставили на искусственном возвышении. При гробницах ханов строили часовни с изображениями умершего и каменными плитами, на которых высекалась его хвалебная биография иногда даже на двух языках, тюркском и китайском. Около этих сооружений рядами расставлялись статуи ближайших родственников. Кроме того, от могилы в степь рядами вкапывались камни — каждый из них отмечал побежденного врага. Иногда простые камни заменялись грубо сделанными изваяниями, «балбалами». На тех из них, которые отмечали особо важных неприятелей, имеются пояснительные надписи, сообщающие, что здесь изображен побежденный «хан кыргызов» или «шад телесов» и т. д. Явно заимствованными у китайцев являются находимые вокруг богатых могил орхонских тюрок каменные изваяния львов и других животных.[4]

---

[1] Бернштам А. Н. Родовая структура туг-ю VIII в., стр. 562.

[2] Иакинф. Собрание сведений..., СПб., 1851, ч. I, стр. 270.

[3] Там. же, стр. 274.

[4] Там же, стр. 269—270; Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. I—V; Атлас древностей Монголии, вып. I—III; Боровка Г. Археологическое обследование..., стр. 76—79; Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Северного Алтая. Труды ГИМ, в. XVI, стр. 132—133.

6. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА АЛТАЯ VI — VIII вв.

Еще труднее, чем на Орхоне, изучить отдельные элементы культуры тех племен, которые остались в горном Алтае. Почти единственным источником здесь является археологический материал. Но он пока еще очень скуден. Достаточно напомнить, что для древнейшего периода материалы описанного выше могильника в Кудыргэ являются единственными.

Позднейший период в истории культуры племен Алтая падает на эпоху расцвета тюркского каганата уже в Центральной Азии и на время уйгурского преобладания. В этот период Алтай не играет, повидимому, заметной роли в событиях Азии. Археологический же материал заставляет предполагать развитие более тесных связей алтайского населения с енисейско-кыргызским востоком, чем с уйгурским югом.

Это находит свое отражение и в исторических сообщениях. Народ теле (алтайские племена) считается современниками зависимым от кыргызов.

Это может быть объяснено окраинным положением Алтая для каганата тюрок и уйгур, интересы которых связывались в VII и IX вв. с более южными областями. Их влияние на Алтае слабело, а влияние кыргызов, наоборот, росло. Если же сравнивать уровень культуры кыргызов и алтайских тюрок в этот период, то конечно, преимущество будет за жителями Енисея. Алтай с уходом наиболее сильных племен на юго-восток, к Орхону, был ослаблен и обескровлен. Кыргызы же на основе расцветающих ремесел, плужного ирригационного земледелия и других сторон хозяйства в это время строили здание своего нового социального строя Их молодому государству еще предстояло сыграть выдающуюся роль в истории Азии в IX—X вв.

Основным в хозяйстве алтайских теле после образования каганата на Орхоне попрежнему оставалось кочевое скотоводство. Оно накладывает свой отпечаток на различные стороны жизни, даже на погребальный культ. Попрежнему основной формой погребения оставалось захоронение человека вместе с конем в полной седельной сбруе. Алтаец и в загробный мир должен был отправляться всадником, кочевником. О форме скотоводства мы можем скорее догадываться. Известно, например, что до прихода на Алтай русских поселенцев местное население занималось заготовкой корма в очень ограниченных размерах, не имея для этого более совершенного орудия, чем кривой нож — «оргуж», которым нарезали пучки травы, подвешивавшиеся затем на деревья. Там и находил их зимой отощавший скот. Скот обычно проводил зиму и лето на подножном корму. Летом он пасся на богатейших пастбищах высоких альпийских лугов, а на зиму подтягивался ближе к зимовкам, на склоны долин. Нет никаких оснований полагать, что и тысячелетием раньше не существовал тот же режим, который зафиксировали у алтайских народов первые русские наблюдатели. Никаких признаков косы или даже горбуши не обнаружено археологами. Нет их и в числе случайных находок на Алтае, хранящихся в местных и центральных музеях. В этом отношении Алтай невыгодно

отличается от Минусинского края, где найдены древнехакасские косы-горбуши. О составе стада древних алтайцев приходится говорить, ограничиваясь исключительно малопоказательными данными погребений. В них на первом месте стоят находки костей коня. Целые скелеты, по одному, по два, а иногда и по три, обнаруживаются в могилах. К сожалению, собранная нами обширная коллекция конских скелетов еще не нашла себе исследователя-специалиста, и поэтому невозможно говорить о разводившихся некогда на Алтае породах. Поскольку же позволительно здесь привести впечатление не специалиста, могу только сказать, что основной породой, повидимому, была местная небольшая алтайская лошадка. Кроме скелетов лошади, мы встречаем кости овец, быков и домашних яков, коз и верблюдов. Все эти животные и сейчас входят в местное стадо. Однако наш материал не дает никаких данных о количественном соотношении в стаде всех перечисленных видов.

Охота играла в жизни алтайцев изучаемого времени значительную роль. Находки в погребениях изделий из рога и целых рогов (повидимому, магического значения) крупных диких травоядных — маралов, горных козлов, лосей — показывают, что жизненные ресурсы населения постоянно пополнялись и продуктами мясной охоты. Однако наряду с этим большое значение имела и промысловая пушная охота. Во всех погребениях, где в силу известных условий сохранились остатки одежды, мы видим наряду с одеждами из тканей также и мех. При этом в большинстве случаев это не овчина и не козлина, а обрывки шкур пушных зверей. Вполне вероятно предполагать, что пушнина являлась также товаром, вывозившимся с Алтая на южные центральноазиатские рынки. В обмен на нее получали иноземные товары — ткани, украшения, драгоценности и т. п.

Говоря об алтайской охоте, нельзя не коснуться еще одной ее стороны, запечатленной археологически. Как и у других центральноазиатских народов, и на Алтае, особенно у местной знати, охота была средством военной тренировки, спортивной игрой. Это прекрасно отражено в охотничьих сценах, вырезанных на костяных обкладках передней луки седла, найденного в могильнике Кудыргэ (табл. LVIII, рис. 3).

Необходимо обратить внимание и на усовершенствование основного орудия охоты древних алтайцев, а также важнейшего их оружия — лука. Находки предшествующего времени, эпохи бронзы и раннего железа, говорят о применении на Алтае простого лука, согнутого из цельного куска дерева. Кудыргинский могильник не дал остатков лука. Однако мы можем судить о его форме по изображению упоминавшейся уже костяной обкладки передней луки седла. Это небольшой М-образно изогнутый лук, какими и теперь являются сложные луки монголов. Раскопки на Алтае курганных могильников VII—IX вв. дали несколько случаев остатков сложного лука. Его деревянные части обычно не сохранились, зато часты находки костяных обкладок концов и середины лука. В тех случаях, когда эти обкладки лежат не потревоженными, удается установить, что лук имел в распущенном виде (без тетивы) размер до 1.25 м. В стянутом же состоянии он был

М-образным, со слегка загнутыми концами.[1] Таким образом, именно в интересующее нас время на Алтае и на охоте и в бою стал применяться лук новой системы — сложный М-образный, с костяными обкладками, более совершенный по сравнению с древним и по дальности, и по силе, и по меткости (табл. L, рис. 12).

Едва ли, однако, лук и стрелы были единственным оружием охоты, тем более что шкура пушного зверя, пробитая стрелою, не могла не портиться. Вполне допустимо предположение, что наряду с лучной охотой применялись и другие способы. Нет никаких оснований отрицать наличие капканов и ловушек, весьма примитивные древние формы которых дожили до наших дней и хорошо известны по этнографическим описаниям Алтая. Для более крупного зверя мог применяться также недавно только запрещенный из-за многочисленных несчастных случаев, им вызванных, так называемый самострел — устанавливавшийся в зарослях натянутый лук со стрелой, направленной на то место, где расположена спусковая педаль. Попадая на педаль, животное получало немедленно смертельный удар стрелой.

Совсем мало мы знаем о древнем алтайском рыболовстве. Здесь нам на помощь приходят все те же изображения охоты на седле из Кудыргэ. На них среди различных животных мы видим двух рыб. Даже если здесь налицо какое-то воспроизведение древнего сюжета, то все же нельзя не заметить, что в композиции рисунков на костяных пластинках из Кудыргэ эти рыбы, может быть и подсказанные художнику традицией, приобрели живую реальность — они также объект добычи.

Сложнее вопрос об алтайском земледелии. В предшествующий период, вплоть до начала нашей эры, оно если и имелось, то занимало весьма скромное место в системе хозяйства. Хозяйство алтайцев XVIII и XIX вв. даже в тех случаях, когда оно не было затронуто влиянием земледельческой культуры русских переселенцев, наряду с архаической ручной обработкой земли (при помощи мотыги-абыла) уже знало и туземное пашенное земледелие с помощью примитивного андазына — деревянного плуга, еще не приспособленного для перевертывания пласта земли, но только «расцарапывавшего» ее поверхность. Когда возникло это пашенное андазынное земледелие — неизвестно. Наличие же абыла зафиксировано находкой его железного наконечника в виде подтреугольной лопатки в курганах VIII—IX вв., раскопанных около с. Катанды в 1865 г. и около с. Тоба-Жек.[2] К рассматриваемому нами периоду VI—X вв. относятся некоторые существенные усовершенствования земледелия. В ряде местностей Среднего и Южного Алтая: в степи Тötö — в Курайской долине, в долине р. Урсула — между р. Куротой

---

[1] См., например, изображение лука, найденного в погребении кургана № 1 группы IV в Курайской степи — раск. Киселева 1935 г. Евтюхова Л. А. и Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Труды ГИМ, в. XVI, стр. 108, рис. 50.

[2] Zakharov A. Antiquities of Katanda. The Journal of Royal Anthropological Institute, vol. LV, 1925, стр. 55, рис. 3; его же. Материалы по археологии Сибири. Труды ГИМ, в. 1, 1926, стр. 75, табл. 1, рис. 1 и 2.

и с. Шишикман, в долине р. М. Ильгумен — около с. Хабаровки и в долине р. Б. Ильгумен — около с. Купчегень, а весьма вероятно, и в других местах Алтая, еще не изученных с этой стороны, сохранились остатки древних оросительных систем большей мощности, чем современная кустарная. Их магистральные каналы имеют иногда протяжение на десятки километров, преодолевая на своем пути скалистые выступы, которые проламывались для устройства ложа. Через выемки канал проводился по искусственным насыпям. Сложны водосбросы и распределительная сеть. Назначение этих каналов исследовалось, к сожалению, только в степи Тётё, в связи с постройкой там в 1935 г. инженерами-гидротехниками новой оросительной сети, использовавшей, между прочим, и остатки древних распределительных оросителей. Специальные ботанические исследования этой степи, производившиеся перед постройкой, выяснили, что в древности степь Тётё обрабатывалась под пашню. Сообщившие эти данные гидротехники, со своей стороны, добавляли, что самый характер древней распределительной сети также убеждает в ее назначении орошать пашню.

Когда строились эти каналы? Можно сказать уверенно — позднее эпохи Шибэ (нач. н. э.). В этом убеждает тот факт, что головные каналы Тётё и М. Ильгумена обходят большие курганы типа Шибэ, следовательно уже существовавшие во время их проводки. Уточнение их датировок намечается из следующих наблюдений. В долине р. Б. Ильгумен, под южным склоном Чешикмана, где имеются остатки сложной оросительной системы, особенно много археологических памятников VII—X вв. Курганные могильные и ритуальные площадки, ряды менгиров и каменные изваяния во главе с Купчегеньским балбалом составляют их богатую серию. Создается впечатление о наличии здесь, именно в эту эпоху, значительного населения.

Прямое указание на это же время обнаружено и в системе Тётё. На 6-м километре от головы на опорной насыпи канала оказалось выложенное из камней кольцо. Второе такое же кольцо было выложено на пологом склоне ниже канала. Такие кольца встречаются на Алтае около курганов как эпохи Шибэ, так и интересующего нас периода VI—X вв., и имеют ритуальное значение. Позднее они не известны. Поскольку датировка эпохой Шибэ, как мы видели, исключена по стратиграфическим особенностям, наиболее вероятной остается последняя дата, совпадающая как раз с изучаемым здесь временем.

На более заметную роль земледелия в VI—X вв. в хозяйстве алтайских племен указывает и еще один факт, наблюденный в Курайской степи. В курганной группе около заправочного пункта «Совмонголторга» при исследовании ненарушенной каменной насыпи кургана, в ее основании, на погребенной почве, около могильной ямы была обнаружена пара каменных прекрасно сделанных жерновов ручной мельницы. Жернова лежали один на другом в естественном положении. В могильной яме было обнаружено женское погребение VIII—IX вв. н. э.[1]

[1] Евтюхова Л. А. и Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции 1935 г. Труды ГИМ, вып. XVI, стр. 98, рис. 21.

В истории техники размола зерна применение ручной вращающейся мельницы является важнейшим шагом вперед. Достаточно сказать, что эта мельница в 5—6 раз производительнее лучших зернотерок. (За 12 часов работы она дает до 50 кг зерна, что равняется дневной производительности современных подливных кустарных мельниц на Алтае.) Самое их появление связывается с разложением старой родовой общины и развитием сельских общин, этих переходных форм к классовому строю. Недаром Маркс, резюмируя их значение в процессе формирования классового строя средневековой Европы, счел возможным заявить, что «ручная мельница дает общество с сюзереном во главе». Появление на Алтае ручной мельницы, сменившей в изучаемое нами время зернотерку, несомненно не случайно. Ручная мельница и здесь отмечает усложнение общественного строя, на основе которого сложился каганат алтайских туг-ю. Но вместе с тем, ручная мельница является признаком усиления роли земледелия в хозяйстве алтайских племен VIII—IX вв.[1] Позднее они мельницу не знали и вновь применили ее только с XIX в., позаимствовав ее от русских.

Прежде чем перейти к изучению других сторон материальной культуры алтайских племен в VII—X вв. н. э., остановимся на характере основных, только что изученных производств. Кто и как работал на пашнях, строил каналы, пас скот? Кому принадлежали в это время угодья и т. п.? Важнейший вопрос о собственности на землю едва ли может быть решен сейчас со всей определенностью. Для этого слишком мало данных. Однако необходимо принять во внимание следующее. Как уже было сказано выше, у выходцев с Алтая, орхонских тюрок, еще не установилось частное присвоение земельных участков. Земля находилась, повидимому, в руках отдельных общин, родовых групп, племен. Вместе с тем уже зародился принцип верховного суверенитета на землю со стороны бегов, ханов и других представителей аристократии. Нужно думать, что так же обстояло дело и на Алтае, тем более, что частное присвоение земельных участков здесь окончательно оформилось лишь в годы капиталистического развития. Однако известные элементы верховного суверенитета в отношении земли можно найти и в эти позднейшие времена у баев и зайсанов. Непосредственным свидетельством такого верховного права знатного лица на территории, занятые зависимым населением, можно считать один очень интересный памятник, исследованный нами в Ябоганской степи. Там, при переходе Верхне-Ябоганской степи (на которой расположен теперь Ябоганский

[1] История ручной мельницы в древности убеждает в ее появлении на определенной ступени общественного развития и в связи с применением плужной обработки земли. Лишь в редких случаях (особенно это наблюдается в позднейшее время, изучаемое этнографами) ручные жернова, будучи заимствованы со стороны, применялись племенами, знавшими только мотыжное земледелие. Для Алтая такое заимствование не исключено даже в описываемое время, хотя бы от кыргызов, у которых вместе с плужным земледелием широко применялись ручные мельницы. Самое заимствование ручной мельницы на Алтае безусловно свидетельствует о развитии земледелия, которое уже при мотыжной обработке с применением орошения становилось более производительным.

конесовхоз) в Канскую степь, через долину протянулся длинный ряд крупных валунов, как бы разграничивающий две территории. Местные жители считают этот ряд камней границей владений сказочного богатыря, некогда жившего в Ябоганской степи.

Если поставить эту «грань» и легенду, с ней связанную, в один ряд с приводимой нами ниже пограничной надписью «владельца Карасэнгира», то, может быть, ее традиционное объяснение не будет казаться только результатом народной фантазии.

Что касается отношения широких масс населения к земле, то вероятнее всего здесь предполагать общинное пользование ею. Отдельные группы землепользователей объединяло в одних случаях коллективное использование выпасов, в других — коллективное сооружение оросительной системы. Конечно, все это основывалось на различных родовых и племенных традициях, до недавнего еще времени казавшихся многим этнографам не пережитком, а господствующей системой. Однако основной производящей ячейкой этого времени едва ли можно считать род в целом. Против этого говорит и ясно видимая по материалам могильников резкая дифференциация погребений, и резкое имущественное неравенство, зафиксированное алтайским эпосом, и те сообщения о семейном быте, которые мы черпаем из орхонских и китайских источников в отношении орхонских тюрок и соседей алтайцев — столь близких к ним енисейских кыргызов (хакасов). Повидимому, каждая семья уже хозяйствует отдельно.

Металлургия и ремесла по металлу алтайских племен VII—X вв. представляют особенно интересный раздел их культуры. Из первых разделов этой главы мы знаем, что добыча железа была характерной чертой хозяйства алтайских тюрок на заре их истории в V—VI вв. «Плавильщиками» называла их центральноазиатская молва. Следы добычи железной руды известны в различных местах Южного и Северного Алтая. Теперь они представляют собой засыпанные неглубокие шурфы и забои. К сожалению, в противоположность медным и золотым древним выработкам, их никто не обследовал. Судя по осмотренному мною в 1935 г. месту обжига железной руды около Аржаной горы на Чуйском участке трансалтайского шоссе, способ добычи железа, как и следовало ожидать, был сыродутным. Этим способом древнего прямого восстановления железа путем химического соединения окиси железа (в руде) с окисью углерода, выделяемой углем, алтайский плавильщик получал наряду со сплавленными в шлак минеральными веществами, губчатую тестообразную (никогда не жидкую) массу металла, так называемую крицу. Вес ее не мог быть значительным при небольших размерах алтайских сыродутных горнов, описанных у черневых татар посещавшими их путешественниками и этнографами. Качество кричного железа даже теперь считается гораздо выше доменного. Особенности же алтайских руд, повидимому, делали его особенно хорошим. До сих пор, когда уже давно исчезла кустарная добыча железа, в горном Алтае помнят отдельные месторождения, дававшие прославленные сорта стали. Так, гора Салынчак известна

по выработке из ее руды твердой, но хрупкой стали «сай-болот». Из руды другой горы Онугуг получали, наоборт, мягую ковкую сталь «ой-болот».[1]

В каком отношении стояли древние алтайцы-металлурги к своим соплеменникам? Повидимому, это были отдельные группы, иногда целые роды, жившие в районе месторождений и занимавшиеся там добычей металла. Названия алтайских сеоков или костей — древних родовых объединений сохранили, например, роды металлургов. «Про сеок «Кобурчи конгдош» говорят, — сообщает Л. П. Потапов,[2] — что люди этого сеока специализировались на обжигании угля, который они употребляли для плавки железной руды («кобурчи» — угольщик)».[3] Наряду с такими общинами металлургов существовали, конечно, и отдельные мастера, особенно кузнецы, не занимавшиеся добычей металла, но только обрабатывавшие его для своей или нескольких соседних общин.

Что же выделывали алтайские кузнецы из своего высокосортного железа? (См. табл. XLVIII, рис. 2, табл. L, рис. 14—16, 18, 19, 22—24).

Прежде всего, различные орудия и инструменты. Среди них на первом месте стоит, конечно, простой однолезвийный нож и «керги» — тесло-топор, универсальное деревообделочное орудие.[4] Затем по находкам мы знаем четырехгранное долото, служившее для пробивания пазов при изготовлении различных деревянных изделий.[5] Сюда же нужно присоединить различные инструменты самого кузнечного дела. Они пока не найдены на Алтае, но изучение изделий древних кузнецов с несомненностью предполагает их наличие. Можно утверждать, что употреблялись наковальни с «рогом», на котором загибали втулки (керги и пр.). Имелись также различного размера и формы молотки — от крупного тяжелого молота для обработки крицы и первоначальной отковки заготовок до мелких молотков для нанесения тонкого узора и изгибов. По различным отверстиям можно установить наличие набора пробойников, а также зубил для разрубания или разметки металла.

Все эти инструменты были особенно необходимы алтайским кузнецам при изготовлении более тонких изделий — оружия и принадлежностей сбруи. Кузнецами выделывались самые ответственные части алтайской сбруи, стремена, удила с псалиями и подпружные пряжки.

Стремена изготовлялись трех форм. Самая распространенная имела вид восьмерки с широкой нижней частью, снабженной снизу плоской подножкой и небольшой верхней петлей для ремня, отделенной от нижней части вплотную сходящимися боковыми прутьями стремян.[6] Эта форма появляется в Южной Сибири еще

---

[1] Потапов Л. П. Очерк истории Ойротии. Новосибирск, 1933, стр. 28.

[2] Потапов Л. П., ук. соч., стр. 96—97.

[3] Там же, ук. соч., стр. 96—97.

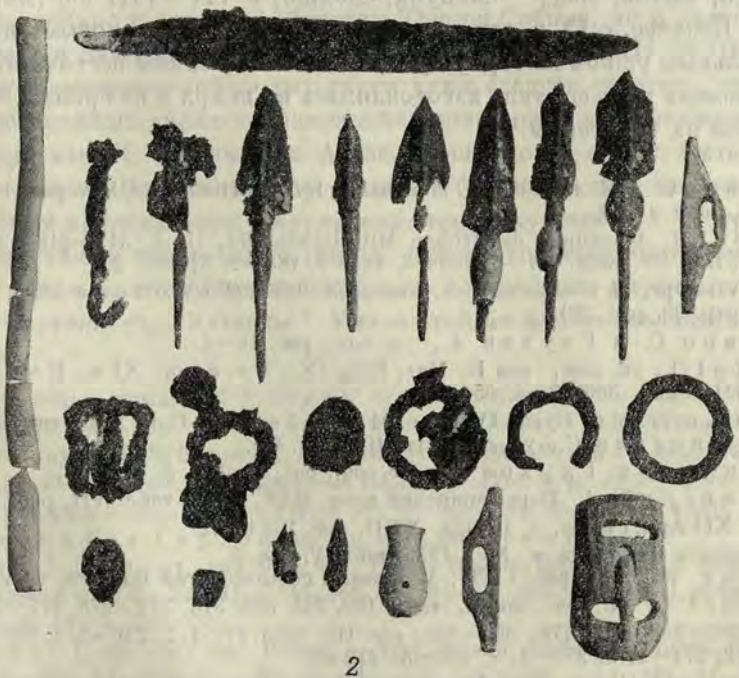
[4] Евтюхова Л. А. и Киселев С. В. Отчет..., стр. 103, рис. 39 (нож); стр. 97, рис. 20 и стр. 116, рис. 69 (керги).

[5] Там же, стр. 112, рис. 63.

[6] Курай III, кург. № 2 и Курай V, кург. № 1— раск. Киселева 1935 г. (Евтюхова Л. и Киселев С. Отчет о работах Саяно-Алт. экспедиции в 1935 г., стр. 99, рис. 28).



1



2

1 Вид погребений в каменных ящиках близ с. Туяхта (рис. 1). Вещи из рядового погребения у с. Курай (рис. 2). Алтай.

в таштыкское время, о чем свидетельствуют находки на среднем Енисее ее миниатюрных изображений, хранящихся в Минусинском музее. На Алтае она уже имеется в инвентаре кудыргинских могил.[1] В Западной Европе она впервые распространяется с VI в. (например, в Венгрии в могильниках Böleske (VI в.), Szent — Endre (VI—VII в.), Regöly, Czicó (VII в.) и Kassa (VI—VIII в.).[2]

Вторая, наиболее простая форма стремян имеет вид дуги с расплющенной верхней частью, в которой пробито отверстие для привязывания ремня.[3] На Алтае такие стремена также впервые появились еще в кудыргинское время.[4] Характерно, что в Западной Европе явно производные от них формы появились только в IX в.[5]

Наиболее сложным является третий тип алтайских стремян. Петля для ремня у них пробита в пластинке, иногда довольно длинной, укрепленной на специальной «ножке» в вершине дуги.[6] Стремена этой системы, как и предыдущие, имелись на Алтае уже в эпоху Кудыргэ.[7] На юге Европейской части СССР они найдены в Перещепинском кладе VII в.,[8] в инвентаре катакомб Верхне-Салтовского могильника,[9] в могильнике у с. Воробьево близ Воронежа[10] и северо-кавказских могильниках VI—IX вв.[11] В Венгрии третий тип стремян впервые появляется в VI в. (мог. Martely, Szent — Endre, Böleske) и широко известен среди древностей VII (мог. Czikó, Szeged, Szirak, Nagy — Manyok, Csökmö) и VII—VIII вв. (мог. Keszthely и Kassa[12]). Позднее, с IX в. эти стремена вытесняются там новым видом стремян с четыреугольным ушком на верху дуги, повидимому также восточного происхождения.[13] Стремена третьего типа изготовлялись в Сибири и из бронзы.[14] Бронзовыми же делали их и китайцы.[15]

---

[1] Руденко С. и Глухов А. Могильник Кудыргэ на Алтае. Материал по этнографии, т. III, вып. 2, рис. 16—2.

[2] Hampel I. Altertümer des frühen Mittelalters. Bd. II, S. 313—316, 345, 229—230, 236—237, 314; Bd. III, табл. 241—1, 265—3, 183—9, 188—2, 240—1, 2.

[3] Курай VI, кург. № 1 — раск. С. В. Киселева 1935 г. (Евтюхова Л. и Киселев, С., ук. соч., стр. 99, рис. 26).

[4] Руденко С. и Глухов А., ук. соч., рис. 16—4.

[5] Hampel I., ук. соч., том II. Мог. Pilin IX—X в. и мог. XI в.: Bodrog-Vécs, Bezded, том III, табл. 330—3—4, 354—2.

[6] Курай III, кург. № 6, Курай IV, кург. № 1 и № 3 — раск. С. В. Киселева 1935 г. (Евтюхова Л. и Киселев С., ук. соч., стр. 108, рис. 48).

[7] Руденко С. и Глухов А., ук. соч., рис. 16, *1, 3, 5, 8*.

[8] Бобринский А. Перещепинский клад. МАР, № 34, табл. VII, рис. 15 и 16.

[9] Труды XII Арх. съезда, т. I, табл. XXII, рис. 101 и 102.

[10] Archaeologia Hungarica, в. XVI, 1935, табл. V, рис. 3.

[11] Там же, табл. V, рис. I и II; Материалы по археологии Кавказа, т. VIII.

[12] Hampel I., ук. соч., том II, табл. 109, 345, 315, 316, 272—273, 277—279, 114—115, 84—86, 360, 362—363, 177—178, 363—366; том III, табл. 87—1, 2; 241—2, 3; 208—2, 212—1, 2; 94—8; 68—1, 2; 271—1, 2; 273—1, 2; 146—3; 272—2.

[13] Там же, том II, мог. Pilin (IX—X вв.), Bodrog-Vécs, Neszemelg, Csorna, Vereb, Bezded (XI в.); том III, табл. 336—1—3; 339—5; 340—1—3, 5; 343—1, 2; 344—1—6; 347—1, 2; 355 А — 1; 356—1, 2.

[14] См. ниже описание находок в Копенах на Енисее.

[15] Rostovtzeff M. The Animal Styl. pl. XXIII. 4.

Изучение алтайских стремян указывает на большое мастерство кузнецов. Встречаются стремена, дужки которых закручены для красоты винтом, подножки же пробиты затейливым узором. На отдельных стременах уцелели остатки инкрустации серебром в виде растительного рисунка.

С не меньшим мастерством сделаны и удила с псалиями. Все они двусоставные, но иногда встречаются асимметричные, у которых одно звено короче другого. Обычно удила по бокам имеют по одному кольцу.[1]

Часто встречаются также удила с двумя кольцами. Иногда в крайние кольца вдеты обоймы для поводка.[2] Псалии обычно имеют эсовидную форму и заканчиваются сверху и снизу раскованными расширениями. У псалий обязательны ушки для привязывания к уздечным ремням. Их изучение показывает, что они не всегда приклепывались, но и приваривались к стержню псалия. Таким образом, устанавливается, что алтайские кузнецы умели сваривать отдельные куски металла, для чего необходимо иметь при горне воздуходувный мех значительной силы.

Простые кольчатые удила известны на Алтае еще со скифо-сарматской эпохи. Встречены они и в Кудыргинском могильнике. Там иногда они оснащены изогнутыми костяными псалиями.[3] Более сложные формы алтайских удил находят себе аналогию не только в соседних областях Южной Сибири, но и далеко на Западе, где, например в Венгрии, они встречаются в могильниках VII—VIII вв.[4] В связи с вопросом о датировке отдельных типов удил следует отметить, что в Венгрии одним из позднейших являются удила с большими свободно вращающимися кольцами, датируемые X—XI вв.[5] На Алтае, повидимому, может быть установлена та же очередность. По крайней мере, удила с большими свободно вращающимися кольцами были найдены нами в Курайской степи в кургане № 1 VI группы, вместе со стременем также позднейшего типа (с четыреугольным выступом для ушка).[6] Такие же удила были найдены в 1865 г. в позднейших впускных погребениях Большого кургана у с. Катанды.[7] Удила этой же формы оказались и в одном из

---

[1] Курай I, подкв. оградка № 1; Курай V, кург. № 1 (Евтюхова Л. и Киселев С., ук. соч., стр. 116, рис. 70).

[2] Курай II, кург. № 3; Курай III, кург. № 1, кург. №2; Курай IV, кург. № 1 и кург. № 3; Курай V, кург. № 1 — раск. С. В. Киселева 1935 г.; Туяхта, кург. № 4 — раск. С. М. Сергеева 1935 г. (Евтюхова Л. и Киселев С., ук. соч., стр. 95, рис. 14 и стр. 114).

[3] Руденко С. и Глухов А., ук. соч., рис. 16—*6*, *7*, *9*.

[4] Hampel I., ук. соч., том II — мог. VII в., Regöly, Szeged, Czikó, Szirak и мог. VII—VIII вв.— Kassa (стр. 236—237, 114—115, 268, 314, 84—86, 265—266; т. III, табл. 188—4, 94—5; 205—4; 240—3, 68—3, 275—3).

[5] Hampel I., ук. соч., мог. Bodrog — Vécs, Csorna, Neszemely, Vereb, Bezded, см. т. II, стр. 458—459, 481—82, 476—78, 487—88, 514—515 и том III, табл. 339—11, 344—8, 343—4, 347—3, 354—3, 355; Archaeologia Hungarica, т. XXII, 1937, табл. CXXXVII, рис. 4.

[6] Евтюхова Л. и Киселев С. Отчет...., стр. 98, рис. 24 и стр. 99, рис 26.

[7] Zakharov A. Antiquities of Katanda, pl. IX, fig. 2.

недавних теленгитских погребений, открытых при исследовании Большого кургана во II группе Курайской степи.[1]

Наряду с удилами и стременами в погребениях VI—VIII вв. постоянно находят пряжки от подпруги или ремней седельной шлейки. Особенно часты находки костяных пряжек. О них еще будет речь ниже. Здесь же рассмотрим железные и бронзовые. Они или округлые и овальные или четыреугольные.[2] Из последних особенно интересны имеющие язычок, вращающийся вместе с осью.[3] Совершенно такие же встречены в кыргызских могилах на Енисее.[4] Замечательно, что и на Западе в VI—VIII вв. распространены, например в Венгрии, совершенно аналогичные металлические пряжки.[5]

Оружие, выделывавшееся в алтайских кузницах, разнообразно. Рубящее оружие представлено одно- и двулезвийным, сравнительно узким мечом или палашом и слегка изогнутой саблей, последняя только в позднейших погребениях. Сабли и мечи найдены в ряде могильников на Алтае (Берель I, Кокса I, Яконур, Катанда I, Кудыргэ, Сростки I). Однако в каждом могильнике только единичные могилы содержат мечи или сабли. Повидимому, меч и сабли в рассматриваемую эпоху не были еще массовым оружием, но принадлежали только выдающимся знатным воинам, как это было и у других народов (ср., например, древних славян). Если сравнивать отдельные мечи, найденные на Алтае, между собой, то можно выделить среди них группу очень совершенных по технике выделки. Образцом для более ранних явится меч из Кудыргэ,[6] а для более поздних — меч из Сросток, украшенный роскошным звериным орнаментом.[7] Вполне возможно, что это лучшее оружие было привозным, на месте же выделывались более простые клинки. Происхождение сабли до сих пор остается не выясненным в военной истории. Если еще недавно Ближний Восток считался ее родиной, то теперь положительно установлено, что ни Иран, ни Малая Азия, ни Египет не знали сабель до XIV в. Начиная с Омейядской эпохи и у арабов и у персов господствовал меч. Единственной областью, где сравнительно рано стала применяться сабля, была Причерноморская степь, но и здесь древнейшие сабли едва ли старше IX—X вв. Между тем, заслуживает всяческого внимания постоянное изображение искривленной сабли на изваяниях воинов на Алтае. Л. А. Евтюховой удалось доказать принадлежность этих извая-

---

[1] Курай II, кург. № 1 — раск. С. В. Киселева 1935 г., хран. в ГИМ.

[2] Курай II, кург. № 2; Курай IV, кург. № 1— раск. С. В. Киселева 1935 г. (Евтюхова Л. и Киселев С. Отчет..., стр. 106, рис. 106).

[3] Курай III, кург. № 2—раск. 1945 г. (Евтюхова Л. и Киселев С., Отчет..., стр. 100, рис. 32); Катанда I, кург. № 1 (Zakharov A. Antiquities of Katanda, табл. XV, рис. 1, 2).

[4] Уйбатский чаатас, кург. № 3 — раск. 1936 г., хран. в ГИМ.

[5] Hampel I., ук. соч., т. II, мог. VI в. Böleske, мог. VII в. Szeged, Regöly, Czicó, мог. VII—VIII вв. Csorna, мог. VIII в. Zavod (т. II, 317—318, 114, 236—237, 285—288, 164—165, 324—325, том III, табл. 243—5, 94—6, 188—II, 217—5, 137—9, 249—1).

[6] Руденко С. и Глухов А., ук. соч. рис. 14.

[7] См. ниже, табл. LVIII, рис. 5, а также Archaeologia Hungarica, XVI, табл. VIII.

ний к той же эпохе орхонского господства тюрок, к которой принадлежат и изучаемые здесь алтайские памятники. Таким образом, выясняется, что у алтайских тюрок сабля стала применяться едва ли не раньше, чем у других воинственных народов евразийской степи (табл. XLIX, рис. 5).[1] Судя по изображениям, алтайская сабля VII—VIII вв. имела еще сравнительно небольшой изгиб и значительную массивность клинка — особенности, характерные и для ранних типов сабли нашего степного юга.[2] Еще реже сабель и мечей встречаются кинжалы, обычно двулезвийные с длинным треугольным клинком. Их рукоятка делалась отдельно, вероятно из дерева (деревом же и костью обкладывались рукоятки мечей и сабель).[3] Следует также упомянуть отдельные находки железных наконечников копий с длинной втулкой и узким граненым пером, рассчитанным на преодоление панцыря.[4]

Несомненно местными являются многочисленные и разнообразные железные наконечники стрел. Основной формой стрелы для рассматриваемого времени на Алтае являлся простой черешковый трехперый наконечник треугольных очертаний. Из трехперых встречаются еще имеющие вертикальные боковые грани и лишь небольшое треугольное заострение сверху. Большинство трехперых наконечников имеют в нижней части перьев округлые отверстия. Кроме трехперых, но гораздо реже, попадаются трехгранные овальных и полуовальных очертаний.[5] Все эти виды железных черешковых наконечников стрел впервые появляются на Алтае в Кудыргинском могильнике. Однако там они сопровождаются значительным количеством плоских ромбических, треугольных и фигурных наконечников.[6]

Это же господство трехперых и трехгранных над плоскими наблюдается в изучаемое время и на Западе. Особенно интересны в этом отношении могильники VII—VIII вв. в Венгрии. Они дают наконечники, из которых большинство совершенно тождественны алтайским.[7]

Очень часто алтайские наконечники снабжены надетыми на черешок костяными шариками с отверстиями. При полете такие стрелы издают пронзительный

---

[1] Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Северного Алтая. Труды ГИМ, в. XVI, М., 1941, стр. 119—134, рис. 2—4, 5, 11, 13.

[2] Например, из кургана на уроч. «Лучки» близ с. Россавы около Канева (хран. в ГИМ, Самоквасов Д. Я. Основания хронологической классификации. Варшава, 1892, стр. 80, № 4022) или из кургана у с. Таганчи, близ Канева (Хайновский И. Археологические сведения о предках славян. Киев. 1896, стр. 121, № 656, табл. VII).

[3] Курай III, кург. № 6 — раск. С. В. Киселева 1935 г. (Евтюхова Л. и Киселев С. Отчет..., стр. 95 и 97, рис. 18).

[4] Катанда (Zakharov A. Antiquities of Katanda, табл. IX, рис. 1, 12).

[5] Курай III, кург. № 1 (Евтюхова Л. и Киселев С., ук. соч., стр. 95—97) и Курай IV, кург. № 1 (там же, стр. 111, рис. 54). Катанда I, кург. № 1 (Zakharov A. Antiquities of Katanda, табл. XV, рис. 1, 8 и 9).

[6] Руденко С. и Глухов А., ук. соч., стр. 44, рис. 12, 1—8.

[7] Hampel I., ук. соч., мог. VII в. Czikó и мог. VII—VIII в. Keszthely и Veszprem (т. II, табл. 265 и 178—179 и т. III, табл. 204 и 147—7).

свист, наводящий панику на неприятеля (табл. L, рис. 15, 18, 19, табл. XLVIII, рис. 2).

Наряду с железными в алтайских курганах найдены и костяные стрелы.[1]

Здесь же уместно отметить, что стрелы обычно хранились на Алтае в берестяных колчанах. Первоначально колчан имел форму берестяного плоского футляра, расширяющегося книзу. Сверху его горловина заканчивалась плоским горизонтальным срезом. Таков колчан из Кудыргэ.[2] Позднее, сохраняя основную форму с расширением книзу, у колчана усложняют верхнюю часть. Задняя и боковые стенки вытягиваются выше передней. Образуется своеобразный карман, предохраняющий воина от случайного поранения торчащими вверх наконечниками стрел (табл. L, рис. 24).[3]

Алтайские кузнецы, вероятно, выделывали и защитное оружие — шлемы и панцыри, но их остатков до сих пор не обнаружено. Однако, основываясь на уже разобранном выше рисунке на камне одного из кудыргинских курганов, можно утверждать наличие длинной панцырной рубашки и защиты головы в виде своеобразной мисюрки. Алтайские кузнецы обладали всеми техническими приемами, необходимыми для изготовления защитного оружия. Они умели, например, выделывать тонкие листы металла, из которых могли склепывать котлы (а, следовательно, и шлемы). Здесь мы касаемся нового вида работы алтайских кузнецов — изготовления ими железной посуды. Основными ее формами были два вида котлов— круглого, подвесного, и стоячего на конической ножке. Делались они из отдельных листов, которые склепывались. Швы тщательно расчеканивались в нагретом состоянии. Ножки обычно приваривались (табл. L, рис. 23).[4] В связи с этой отраслью алтайского кузнечества, может быть, уместно вспомнить, что и позднее, даже в Джунгарский период их истории, алтайцы платили хану ясак котлами и таганами. Правда, при этом они сами часто оставались без необходимой посуды, согревая воду первобытным способом, накидывая раскаленные камни в берестяные туяса!

Особым мастерством, стоявшим на весьма высокой ступени развития, была у алтайцев обработка цветных металлов — бронзы, серебра и золота. Из них изготавливались прежде всего украшения как личные, так и сбруйные.

В этом деле можно наметить ряд этапов. Из них древнейший представлен уже рассмотренными украшениями из могильника Кудыргэ. Второй этап характеризуется памятниками, относящимися к VI—VIII вв. н. э., изучаемыми именно в этой части работы. Третий этап может быть изучен по памятникам IX—XI вв., рассмотрение которых будет сделано особо.

[1] Курай IV, кург. № 3 —раск. С. В. Киселева 1935 г. (Евтюхова Л. и Киселев С., ук. соч., стр. 112, рис. 62).

[2] Руденко С. и Глухов А., ук. соч., стр. 45, рис. 13.

[3] Курай III, кург. № 1, Курай IV, кург. № 1— раск. С. В. Киселева 1935 г. (Евтюхова Л. и Киселев С., ук. соч., стр. 97, рис. 19 и стр. 108, рис. 50).

[4] Курай IV, кург. № 1 (Евтюхова Л. и Киселев С., ук. соч., стр. 108, рис. 49).











Поминальные оградки с вереницами камней и с изваяниями в Курайской степи на Алтае.

Основное отличие изделий первого, кудыргинского, периода заключается в скупости украшения поверхности. Пряжки, наременные пластинки и бляшки за редкими исключениями имеют гладкую поверхность или весьма условный рельеф. Богатый растительный орнамент следующего этапа здесь только зарождается. Что же касается пластинок, украшенных звериной орнаментикой, то они, повидимому, не местного, но северокитайского происхождения.

Иначе выглядят украшения следующего периода — VI—VIII вв. Их внешние очертания не менее изысканны, чем более ранних, но они отличаются более богатой орнаментацией. Бронзовые и серебряные уздечные бляшки приобретают растительные очертания. Однако они еще редко покрыты тонким гравированным узором. Рисунок или растительный, или передает необыкновенно тонко исполненные изображения пчел и бабочек (табл. L, LII).[1] Особенно украшаются бляхи поясных наборов. В богатых погребениях они серебряные и золотые. Мы можем здесь представить, как образец, серебряные украшения поясов, обнаруженных в 1935 г. в курганах Курайской степи и окрестностей с. Туяхта на р. Урсуле.[2] Одно время считалось, что вся богатая орнаментация алтайских украшений представляет собой результат китайских влияний. Однако изучение этих узоров обнаружило происхождение очень многих из них из звериного орнамента скифо-сибирской эпохи, некоторые элементы которого постепенно теряли свой первоначальный сюжетный смысл, превращаясь в растительные завитки. Характерно, что и в современной орнаментике казахов и особенно киргизов Тянь-Шаня все еще продолжается этот процесс переосмысления животных мотивов глубокой древности.[3] Самая широта распространения орнаментов, родственных изучаемым, у современных народов Южной Сибири, Казахстана и Киргизии также свидетельствует об их глубоконародных местных корнях.

Кто были талантливые ювелиры, оставившие нам замечательные произведения своего мастерства, — сказать пока трудно. Если судить по недавнему прошлому, то эти мастера не были многочисленны и не объединялись в отдельные общины ювелиров, как кузнецы. Однако вполне возможно, что в прошлом такие объединения могли существовать. Только еще начавшееся изучение Алтая показывает, что продукты этого ремесла имели широкий спрос и могли вызвать массовое производство.

Технические приемы, которыми пользовались алтайские ювелиры-литейщики, достаточно разнообразны. Для формовки вещей они применяли главным образом отливку в твердой литейной форме. Самые формы были двух сортов — каменные,

---

[1] Курай III, кург. № 2, Курай IV, кург. № 1 и № 3, Туяхта, кург. № 4—раск. 1935 г. (Евтюхова Л. и Киселев С., Отчет..., стр. 99, рис. 27, стр. 105, рис. 41, стр. 106, рис. 45, стр. 112, рис. 60—61).

[2] Курай II, кург. № 3, Курай IV, кург. № 1 и № 3, Туяхта, кург. № 4— раск. 1935 г. (Евтюхова Л. и Киселев С., ук. соч., стр. 95, рис. 15, стр. 104, рис. 40 и табл. III, А и Б).

[3] Бернштам А. Н. Кыргыз Элинин искусство-сунун Тарихий белгилери. Советтик Кыргызстан, 1943, № 3, стр. 29—38, табл. II.

в которых рисунок вырезался, и глиняные, в которых оттискивался или готовый предмет или его заготовка из дерева или воска. Предметы, формовавшиеся по восковой заготовке, имеют более мягкие очертания, чем отлитые в форме, резной из камня. Формы были весьма сложны, так как в них отливались не только плоские рельефы, но и вещи со значительной выпуклостью и ажуром, имевшие к тому же с обратной стороны закраины и шпеньки-заклепки для прикрепления украшений к ремням сбруи или пояса. Реже встречаются штампованные бляшки, выбитые на болванке из тонкой бронзовой, золотой или серебряной пластинки.[1] Для отделки готовых изделий помимо полировки применяли различные способы. Прежде всего, заслуживает упоминания золочение. Оно производилось уже не холодным способом инкрустации и не путем простого обертывания предмета тонким золотым листком, как это было в древности, но и горячим способом с применением амальгамы. При этом золотильщики достигали больших эффектов, часто золотя предметы не сплошь, но только детали орнамента или только фон.

В отношении золочения Алтай в изучаемое время догнал соседей из Минусинской котловины, где горячий способ позолоты применялся уже со второй половины I тысячелетия до н. э. Следует также отметить гравировку, с помощью которой наносился тонкий графический узор на плоские поверхности украшений. Гравировали тонкими стальными зубильцами, чеканами и резцами, нанося прерывистые линии, как бы составленные из отдельных тире. В этом гравированный орнамент Алтая целиком совпадает с гравировкой на украшениях, выделывавшихся на Енисее кыргызскими ремесленниками VII—X вв. (табл. L и LII).

Близко к металлическим украшениям стоят разные изделия из кости и рога (главным образом оленя, марала). Это — рукояти плетей, псалии от удил, пластинки для отделки передней и задней луки седла, обкладки концов и средней части лука, пряжки от подпруги и шлейки седла, цурки, костыльки, застежки от пут. Вырезались они острым резцом и тщательно отполировывались снаружи. Те же части, которые должны были плотно прилегать к предмету из другого материала, например к дереву лука, обычно покрывались бороздчатой нарезкой. В ней, повидимому, задерживался клей, которым костяная пластинка таким образом приклеивалась прочнее.[2] Снаружи костяные и роговые изделия орнаментировались. Иногда это были резные изображения, например зверей, как на кудыргинских пластинках с передней луки седла. Иногда самый предмет вырезался в виде головки животного. Образцом этого может служить замечательная рукоятка плети из богатого кургана Курая (табл. L, рис. 2) и пластинка от луки седла из

[1] Туяхта, кург. № 2, раск. 1937 г. Найдены шестигранные штампованные золотые бляхи с растительным узором.

[2] Курай III, кург. № 1, № 2; Курай IV, кург. № 1, № 2, № 3. Туяхта, кург. № 4— раск. 1935 г. (Евтюхова Л. и Киселев С. Отчет..., стр. 106, рис. 47, стр. 109, рис. 52, стр. 116, рис. 64). Пряжки находят себе аналогию в венгерских могильниках, начиная с VI в. Hampel I., ук. соч., т. II, 316—317.

Туяхты.[1] Большинство же костяных и роговых накладок, пластинок и других предметов украшались резным линейным и спиральным, а также кружковым (т. н. циркульным) орнаментом. Это производство носило, конечно, чисто домашний характер. Лишь иногда алтайцу приходилось обращаться к кузнецу, чтобы изготовить язычок замка к костяной пряжке или заклепать железом ременную плеть в резной рукоятке. Впрочем, чаще и здесь он обходился сам, мастеря, например, костяные же язычки для пряжек.

Изготовление глиняной посуды в это время несомненно было на Алтае в упадке. Находимые изредка в могилах глиняные сосуды — все из очень плохого теста с несоразмерной примесью дресвы.[2] От этого после обжига горшок делался хрупким и очень быстро разваливался, несмотря на большую толщину грубо сформованных стенок. Низкий уровень изготовления глиняной посуды особенно выпукло подчеркивает оторванность алтайских племен в VII—VIII вв. от своих сородичей, ушедших на Орхон. Те оставили в своих могилах глиняные вазы прекрасного качества.[3] Своеобразная «провинциальность» алтайцев по отношению к югу выступает и в том, что их восточные соседи, енисейские кыргызы, казалось бы более обособленные от Центральной Азии, выделывали в то время совершенно такие же вазы, какие находят в погребениях орхонских тюрок. Повидимому, основная посуда на Алтае делалась из другого материала — из дерева, бересты (туяса) и из кожи. Однако остатки этих сосудов пока не обнаружены. Кроме того, были в употреблении еще железные котлы. Одни из них были приспособлены для подвешивания над костром,[4] другие сохраняли древнюю сармато-гуннскую форму высокого колоколовидного сосуда на прорезной конической ножке. Такой сосуд ставился прямо в костер.[5]

Производство обуви и одежды, так же как и в позднейшие времена, было делом каждой семьи, особенно женщин, которые и сейчас на Алтае являются не только портными, но и сапожниками. Форма обуви, на основании раскопок, может быть установлена довольно точно — это в основном мягкие выворотные сапоги — сагы, без каблуков, с носком, слегка загнутым кверху. В них вставлялся чулок из тонкого войлока с простроченной подошвой. Сапоги обычно обвязывались у щиколотки ремешком, застегивавшимся на пряжку.[6]

---

[1] Киселев С. В. Саяно-Алтайская археологич. экспедиция 1935 г. Советская археология, 1936, № 1, стр. 283, рис. 3; Евтюхова Л. и Киселев С. Отчет..., стр. 106, рис. 42.

[2] Евтюхова Л. и Киселев С., ук. соч., стр. 99, рис. 27.

[3] Боровка Г. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. Сб. «Северная Монголия», в. II, Л., 1927, стр. 65, табл. II, рис. 5.

[4] Туяхта, кург. № 1 — раск. С. М. Сергеева в 1935 г.

[5] Курай IV, кург. № 1 — раск. С. В. Киселева в 1935 г. (Евтюхова Л. и Киселев С. Отчет..., стр. 108, рис. 49 и 50).

[6] Курай IV, кург. № 1 (Евтюхова Л. и Киселев С. Отчет..., стр. 110—111). Катанда, 1 кладбище (Радлов В. Сибирские древности, ЗВОРАО, т. VII, 1895, стр. 183).

Нижнюю часть одежды составляли штаны. К сожалению, единственный почти полный экземпляр их, найденный Радловым в первом могильнике Катанды в середине июня 1865 г., не сохранился; известно только, что штаны были сшиты «из ткани ручной работы», повидимому, шерстяной, чем и объясняется их сохранность.[1] Остатки меха в нижней части костяков некоторых исследованных нами погребений иногда позволяли предполагать наличие меховых штанов, а не подол меховой шубы. Верхняя одежда известна крайне фрагментарно, только по богатым погребениям (главным образом здесь помогают находки в кургане № 1 IV группы Курая). Прямо на тело, видимо, надевалась рубаха из бумажной китайской ткани. У бедняков она могла заменяться и местной тканью из кендыря, обработка которого на примитивных станках уцелела до последнего времени у народов Северного Алтая. На рубаху богатые алтайцы надевали халат с длинными рукавами. Иногда эти рукава были, повидимому, откидными, так как отверстие обшлага очень узко. Халаты делались из различных сортов шелка, иногда покрытого сложным рисунком. Ткани эти главным образом китайского происхождения, хотя некоторые из них украшены рисунком, близким к орнаментации иранских тканей VII—VIII вв.[2] Шелком же крылись и меховые шубы, носившиеся знатными алтайцами поверх халата. Остатки меха сохранились очень плохо, поэтому едва ли будет возможно его определение. Сейчас можно только сказать, что в богатых погребениях найдены не бараньи шубы, но сшитые из более ценного меха. Интересно изучение швов, которыми сшивались все перечисленные одежды. Обычно это мелкий, очень ровный выворотный шов. Однако иногда в интересах украшения применялся елочный шнуровой шов. Эти же способы украшения мы видим и на древних одеждах из Катанды и в современном швейном деле алтайцев.

Помимо указанных материалов, в жизни алтайцев играл большую роль и войлок, однако детали его производства для этой эпохи изучить нельзя из-за плохой сохранности материала.

Непременной принадлежностью костюма алтайцев VII—X вв. был ременный пояс. Он украшался фигурками, бляхами, лунницами и привесками. На специальных пряжках к нему пристегивались сабля, огниво и мешочек с трутом (табл. LI).[3]

К швейному делу тесно примыкает шорное — изготовление ременной сбруи и седел. В настоящее время этим делом занимаются мужчины. О сбруе изучаемой эпохи мы можем судить по остаткам ремней и седел и расположению наременных блях на скелетах лошадей, а также по рисункам. По своей форме седла, повидимому, уже целиком совпадали с современными алтайскими. Они имели твердую

---

[1] Катанда, I кладбище (Радлов В. Сибирские древности, ЗВОРАО, т. VII, 1895, стр. 183).

[2] Zakharov A. Antiquities of Katanda, стр. 51—54, рис. 2 [ср. ткани мешочков, найденных в кургане № 4 у с. Тяхута на р. Урсуле (табл. LI)].

[3] Здесь, может быть, уместно отметить, что в рассматриваемое время высекание огня было делом, повидимому, еще новым. Ведь в Кудыргэ еще найдена дощечка для добывания огня сверлением (Руденко С. и Глухов А., ук. соч., стр. 44, рис. 11).

деревянную, высоко поднятую дугообразную луку, деревянные дощатые крылья и округлое сидение. Передняя лука украшалась костяными вырезными накладками, иногда имевшими вид головок животных. Такие же костяные пластинки помещались и по краю задней луки. Эти костяные украшения покрывались сверху затейливым орнаментом в виде кружков, спиралей, крестиков и т. п. Сложное изображение охоты на луке кудыргинского седла остается пока единственным. К седлу привязывались ремни для тороков и для подпруги, которая обычно застегивалась на железную пряжку. Более легкая костяная пряжка употреблялась для крепления нагрудного ремня. Кроме того, мы могли проследить и наличие подхвостного седельного ремня. Таким образом, древнее алтайское седло было снабжено легкой шлейкой. Характерно, что к подхвостному ремню обычно привязывались путы, костяные застежки которых (так называемые цурки) постоянно находятся около крупа лошади. Уздечка делалась или из гладкого ремня, или из плетеного в канатик. Судя по расположению ремней, она не отличалась от современных. Скрещения ремней соединялись обычно узлами, а их прикрывали специальные крестовинные бляхи. Кроме того, бронзовые или серебряные бляшки украшали и самые ремни. К уздечке прикреплялись железные удила с псалиями, от которых шел двойной ремень — чумбур и повод. На ремнях, иногда снабженных пряжками, к седлу подвешивались стремена.

Нельзя не сказать несколько слов о каменотесном деле древних алтайцев, об их замечательных скульптурах.

В разделе о погребальных обычаях орхонских тюрок мы упоминали о каменных статуях около ханских могил. Одни из них изображали родственников, другие, более схематичные, наиболее сильных врагов хана. Как показала Л. А. Евтюхова, на Алтае статуи изображают, повидимому, самого покойника. Стоят они около жертвенных холмиков из камней, под которыми скрыты остатки поминальной жертвы: кости животных, пепел священного костра, отдельные предметы.[1]

Конечно, эти статуи ставились только особо почитаемым и знатным людям и поэтому сравнительно редки. Однако нам удалось обследовать значительное число их. Все они распадаются на две группы — плоских и круглых скульптур. Плоские обычно представляют собой весьма схематические изображения лица усатого мужчины и реже его рук. Круглые же отличаются необычайной тщательностью моделировки всей верхней части изображаемой фигуры. Не только лицо, имеющее несомненно индивидуальные, портретные черты, но так же тщательно высекаются и плечи, и руки, и детали костюма. В руках статуя обычно держит небольшой сосуд или опирается на эфес сабли. Сабля висит на поясе, на котором тщательно отмечены даже отдельные бляхи поясного набора. Поэтому алтайские изваяния оказываются не только первоклассными памятниками местной скульптуры, но

---

[1] Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Северного Алтая. Труды ГИМ, в. XVI, М., 1941.

и источником нашего знания о внешнем виде древних знатных алтайцев (табл. XLIX, рис. 3—5).

Вопрос о древнеалтайских жилищах,— может быть, один из наиболее неясных. До нас совершенно не дошли их остатки. Невозможно сделать какой-либо вывод и на основании анализа погребальных сооружений — простые грунтовые ямы или каменные ящики, конечно, не отражают никакой конструкции дома. Эпос сохранил нам две формы жилища: «аил», или «аланчик», и юрта — «кереге». Аил обычно изображается как жилище бедняка. Это — шалаш, сделанный из конически составленных жердей, обложенных корой лиственницы или берестой. В нем зимой стужа, даже если все время пылает костер посредине. В юрте — «кереге» — обычно живут эпические герои, богатыри, ханы. Это — легкие складные жилища, покрытые войлочными листами. В них тепло от очага, не задувает горный ветер. Повидимому, эти две формы были в употреблении и в изучаемую нами эпоху. Современной этнографии известен еще третий вид алтайского жилища — «агаш аил» — шести- или восьмиугольная юрта из бревен, рубленных в лапу или обло.[1] В предреволюционный период таких юрт ставилось все меньше и меньше. Неудержимо нищавшие массы не могли уже мечтать о постройке такого «сложного» жилища. Что же касается байско-зайсанской верхушки, то ее представители перенимали у русских более совершенную форму пятистенной избы с печью, стеклянными окнами и другими особенностями европейской культуры, вплоть до зеркал и венской мебели. Между тем, рубленая юрта, «агаш-аил», была, повидимому, очень древней формой жилища на Алтае. Еще в богатых курганах типа Пазырык и Шибэ мы находим ее воспроизведение в виде сруба погребальной камеры. Замечательно, что даже угловые пазы этих срубов оказываются сходными с современными. Алтайские юрты и теперь рубятся главным образом в лапу.

Могло ли быть построено подобное бревенчатое жилище в VI—VIII вв.? Какие мы знаем деревообделочные инструменты этого времени? Срубы эпохи Шибэ, если судить по уцелевшим зарубкам на бревнах, рубили орудием с узким лезвием. По сломанной рукоятке, оставленной грабителями в Пазырыкском кургане, мы можем считать это орудие кельтом. В инвентаре погребений интересующей нас эпохи уже нет древних кельтообразных форм, зато постоянно встречается железный небольшой наконечник теслообразного орудия — «керги», дожившего до прихода русских, от которых алтайцы позаимствовали обыкновенный топор.[2]

«Керги» был в ту эпоху распространеннейшим орудием у всех племен Южной Сибири. В минусинских степях древние железные «керги» до сих пор постоянно выпахиваются, особенно на новинах. При помощи этого орудия, действуя им

---

[1] Потапов Л. П. Очерк истории Ойротии. Новосибирск, 1938, стр. 80.

[2] Курай I, кург. № 1; Курай III, кург. № 1, Курай IV, кург. № 1 (Евтюхова Л. и Киселев С. Отчет..., стр. 116, рис. 63, стр. 97, рис. 20).

скорее, как теслом, а не топором, можно не только срубить толстое дерево и очистить его от ветвей и коры, но и вырубить пазы для сруба. Таким образом, постройка бревенчатой юрты была обеспечена основным плотничьим орудием. Следовательно, она вполне могла строиться, особенно на зимниках богатых алтайских семей.

7. ГРУППЫ АЛТАЙСКИХ КУРГАНОВ

Из всего предшествующего изложения очевидна неоднородность состава древнеалтайских племен.

Мы уже касались этого, когда изучали Кудыргинский могильник в связи с вопросом об общественном устройстве алтайского населения перед началом его борьбы с жаунь-жуанями. Затем мы ознакомились со структурой государства орхонских тюрок. Известных отражений социальных форм, характеризующих развитие населения Центральной Азии этой поры, мы вправе ожидать и на Алтае. И действительно, это ярко подчеркивают особенности погребальных обрядов, изученные при раскопках древнеалтайских кладбищ.

Все многообразие алтайских погребений VI—VIII вв. мы можем свести к трем основным группам. Первую и наиболее многочисленную составляют небольшие каменные курганы, под которыми находятся четыреугольные грунтовые могилы.[1]

---

[1] Размеры этих курганов следующие:

Курай (раск. С. В. Киселева 1935 г.):

Группа	1,	курган	№ 1	— диам.	5.9	м, высота	0.48 м
»	II	»	№ 2	»	7	» »	0.5 »
»	II	»	№ 3	»	5.5	» »	0.35 »
»	II	»	№ 4	»	8	» »	0.75 »
»	III	»	№ 1	»	7.5	» »	0.8 »
»	III	»	№ 2	»	5.6	» »	0.55 »
»	III	»	№ 6	»	7.8	» »	0.5 »
»	III	»	№ 11	»	7	» »	0.45 »
»	V	»	№ 1	»	7.1	» »	0.9 »
»	VI	»	№ 1	»	7	» »	0.8 »
»	VI	»	№ 2	»	5	» »	0.4 »
»	VII	»	№ 1	»	5	» »	0.45 »

Туяхта (раск. С. М. Сергеева 1935 г.):

Курган	№ 1	— диаметр	8	м,	высота	0.45 м	
»	№ 2	»	8.5	»	»	0.45	»
»	№ 5	»	9.6	»	»	1.0	»

Туяхта (раск. С. В. Киселева 1937 г.):

Курган	№ 1	— диаметр	8	м,	высота	0.7 м	
»	№ 3	»	8.75	»	»	0.6	»
»	№ 7	»	8	»	»	0.55	»
»	№ 9	»	8.5	»	»	0.6	»

Курота, группа 1 (раск. С. В. Киселева 1937 г.):
Курган № 1 — диаметр 8 м, высота 0,6 м

На дне их обнаруживаются останки иногда вооруженных, иногда безоружных мужчин или женщин.[1] Они похоронены вместе со своим конем.[2] В большинстве погребений люди лежат головой на восток, вытянуто, на спине.[3]

Кони обычно клались головой в обратном направлении сравнительно с человеком и вдоль его левого бока.[4] Иногда коня отделяла от человека обкладка камнями, земляной порожек[5] или заборчик из кольев.[6] К сожалению, многие погребения еще в древности были разграблены и дали лишь случайно уцелевшие вещи.

---

[1] Размеры и ориентировки погребальных ям:

Курай (раск. С. В. Киселева 1935 г.):

Группа II, курган № 2 — неправильная форма, глуб. 0.8 м
» II » № 3 — длина с З на В — 1,6 м, ширина 1.6 м, глубина 0.61 м
» II » № 4 — длина с З на В — 36 м, ширина 3.0 м, глубина 0.35 м
» III » № 1 — длина с СВ на ЮЗ — 3.0 м, ширина 2.7 м, глубина 0.7 м
» III » № 2 — длина с СВВ на ЮЗЗ — 3.2 м, ширина 2.8 м, глубина 0.6 м
» III » № 6 — длина с В на З — 2.5 м, ширина 3 м, глубина 0.62 м
VI » № 1 — длина с ЮВВ на СЗЗ — 2.1 м, ширина 1.1 м, глубина 0.95 м

Туяхта (раск. С. В. Киселева 1937 г.):

Курган № 1, длина с З на В — 2.1 м, ширина 1.5 м, глубина 0,5 м
» № 4 » с ЮВВ на СЗЗ — 2,2 м, ширина 1.8 м глубина 0.8 м
» № 7 » с В на З — 2.4 м, ширина 1.6 м, глубина 0.8 м
» № 9 » с В на З — 2.4 м, ширина 1.9 м, глубина 0.5 м

Курота, группа I (раск. С. В. Киселева 1937 г.):

Курган № 1, длина с В на З — 2.04 м, ширина 1.5 м, глубина 0.5 м

[2] Обычно в этих погребениях находят по одному коню и только в кургане № 4 группы II и в кургане № 2 группы III Курая, а также в кургане № 9 Туяхты было найдено два коня. Из них один, ближайший к покойнице — в сбруе, а другой даже без удил (Евтюхова Л. и Киселев С. Отчет..., стр. 99, рис. 27).

[3] Ориентировки в погребениях: с. Курай, группа II, кург. № 2, головой на ССВ, кург. № 3— на ССВ, кург. № 4 — на В; группа III, кург. № 1 — на СВ, кург. № 2 — на ВСВ, кург. № 6 — на СВ; группа V, кург. № 1 — на СВ; группа VI, кург. № 1 — на ЮВВ; с. Туяхта (1937 г.), кург. № 1 — на В, кург. № 4 — на В; кург, № 9 — на В (?).

[4] Исключение составляют: Курай, группа II, кург. № 2 и 3, Туяхта (1937 г.), кург. № 4, 7 и 9 и с. Курота, группа I, кург. № 1. В этих погребениях кони были положены головами в том же направлении, что и человек. Однако каких-либо различий в инвентаре заметить нельзя.

[5] Курай, группа II, кург. № 3, группа III, кург. № 2 (Евтюхова Л. и Киселев С., ук. соч., стр. 94, рис. 13 и 27).

[6] Курай, группа III, кург. № 6 (там же, стр. 94).

В сохранившихся прежде всего привлекает внимание сбруя. Остатки седел лежат вместе с пряжками и стременами уже рассмотренных выше форм.

Передняя лука одного седла была украшена костяными пластинками, напоминающими кудыргинские, но оформленными в виде головки животного.[1] Иногда находятся обрывки ремней от седельной шлейки, украшенные бронзовыми или серебряными бляшками. Уздечки также сохранились лишь в кусках. Они имели современный вид. Их украшали железными, бронзовыми и серебряными бляхами узорчатых очертаний, но обычно без орнамента на поверхности.

Для декорировки перекрестий ремней в это время на Алтае употреблялись полушарные бляхи с тремя направленными в разные стороны лопастями, украшенными по краям вырезами. Прямоугольных, крестовидных и Т-образных уздечных блях еще не было.

Украшением как мужчин, так и женщин являлись серьги с подвижными или неподвижными бусинными привесками и выступами в верхней части дуги,[2] ожерелья из костяных бус и раковин Cauri и пояса с бронзовыми или серебряными бляшками четыреугольных, овальных и полулунных форм, также с гладкой поверхностью.[3] У пояса обычно висел простой железный нож.[4] Однажды был найден треугольный кинжал. Из оружия, кроме того, встречены железные черешковые наконечники стрел, рассмотренные выше. Обычно они снабжены свистульками. В трех курганах оказались берестяные колчаны с выступающим карманом.[5] Луки имели костяные накладки в средней части и по концам.[6] Они совершенно аналогичны найденным в погребениях других групп.

Уже отмечалось низкое качество алтайской посуды VI—VIII вв., находимой в небольшом количестве. В описываемых могилах в редких случаях встречаются грубо сделанные горшки.[7]

Привозных вещей в погребениях первой группы почти не встречается. Исключением было китайское зеркало VI—VIII вв.[8] Но оно, очевидно, ценилось очень

---

[1] Туяхта, кург. № 4 — раск. С. В. Киселева, 1937 г., хран. в ГИМ, № 79601/94. Близкая накладка найдена в приалтайских степях С. М. Сергеевым в кург. № 3, погреб. I, раскопанном в 1929 г. на р. Змеевке близ с. Красноярского, Смоленск. р-на. Хран. в Бийском музее, № 293.

[2] Евтюхова Л. и Киселев С. Отчет..., рис. 17, 23 и 35.

[3] Там же, ук. соч., рис. 15, 29—31.

[4] Курай II, кург. № 2, Курай III, кург. № 1 и № 6; Туяхта (1937 г.), кург. № 1, № 4, № 7 и № 9. Хран. в ГИМ, № 79601/21, 78, 172, 183.

[5] Курай III, кург. № 1 (Евтюхова Л. и Киселев С., ук. соч., стр. 96, рис. 16, стр. 97, рис. 19); кург. № 1 и № 4 (хран. в ГИМ, № 79601/19).

[6] Туяхта (1937), кург. № 7 и Курота I, кург. № 1 (хран. в ГИМ, № 79601/170—171 и 250—253).

[7] Курай III, кург. № 2 (Евтюхова Л. и Киселев С., ук. соч., стр. 99, рис. 27); Туяхта (1937 г.), кург. № 4 (хран. в ГИМ, № 79601/77).

[8] Определение времени дано по аналогии с зеркалом из Наинтэ-Суме (Боровка Г. Археологич. обследование среднего течения р. Толы, стр. 74, табл. IV, рис. 1).

высоко (табл. L, рис. 7). Это доказывается тем, что найдено оно не целиком, но в виде небольшого обломка, который, однако, судя по стертости краев, бережно хранился долгие годы.[1]

Расценивая в целом первую группу алтайских погребений VI—VIII вв., нельзя не заметить их скромности, выраженной и во внешнем виде небольших курганов, и в ритуале, и в составе инвентаря. Но вместе с тем в них отражается и большая самостоятельность оставивших их людей (табл. XLVIII, рис. 2).

Несмотря на их скромность, все вещи отличаются хозяйственной добротностью. Кони в большинстве молоды и сильны, хотя и принадлежат к местной породе. Люди не были вооружены саблями, но имели прекрасные стрелы и луки, копья, кинжалы, ножи и универсальный «керги». Перед нами, повидимому, наиболее многочисленный слой населения старого Алтая, обладавший собственным хозяйством и имуществом, еще во многом самостоятельный, имеющий право на вооружение. Напрашивается сопоставление его с «kara budun», с «черным народом» орхонских надписей — со свободным кочевым населением древнетюркского каганата.

Вторая группа алтайских погребений VI — VIII вв. резко отличается от первой.

К ней относятся незаметные погребения, отмеченные на поверхности или небольшим кольцом из камней,[2] или каменной кучкой вроде «кургана» № 5 Туяхты, имевшего в диаметре 3 м и в высоту 0.25 м. Вполне возможно, что необычное скорченное положение покойника в этом курганчике объясняется тем, что его хоронили насильственно, связанным.[3] Пять могил расположены вокруг наиболее богатого кургана этой части Туяхтинского некрополя — № 2 (у двух соседних курганов, № 3 и 4, имеется лишь по одному кольцу). Вполне возможно, что курганы принадлежат подчиненным главному покойнику людям, убитым во время его похорон и погребенным вокруг его кургана. Это тем более вероятно, что часть аналогичных погребений скрыта и под главной курганной насыпью № 2. Здесь мы затрагиваем уже другую серию могил второй группы — дополнительные погребения в богатых аристократических курганах зависимых людей, насильственно положенных в курган, чтобы сопровождать главного покойника в загробном мире.[4]

Туяхтинские погребения подчиненных людей все были однотипны. Семь из них, отмеченные на поверхности кольцевыми выкладками из 6—8 камней, были

---

[1] Курай III, кург. № 2 (Евтюхова Л. и Киселев С. Отчет..., стр. 100, рис. 34).

[2] Туяхта, раск. С. В. Киселева в 1937 г., кольца № 1 — № 5.

[3] Инвантарь этого погребения — костяная пряжка и железный нож (хран. в ГИМ, № 79601/126—127) — вполне аналогичен обнаруженным в соседних курганах изучаемого времени, где покойники лежали вытянуто.

[4] Туяхта (1937), кург. № 1, погр. I—IV и Курай IV, кург. № 1 погребение, остатки которого обнаружены в грабительском ходе.

заключены в открывавшихся с горизонта каменных ящиках, покрытых плитами (табл. XLVIII, рис. 1).

Ящики имеют преимущественную ориентировку длинной оси с запада на восток, только пустой седьмой ящик оказался ориентированным по длине с северо-северо-востока на юго-юго-запад. В большинстве ящиков лежали прямо на грунтовом дне костяки взрослых, головой на восток, вытянуто, на спине, с протянутыми вдоль тела руками. Железные пряжки или ножичек, аналогичные найденным в курганах первой группы, составляют инвентарь курганов второй группы. Выделяются только два погребения. В обоих из них к югу от ящиков в яме лежали кони на брюхе с поджатыми ногами, хвостом на запад (кольцо № 1 и № 5).

У коня погребения № 1, не имевшего следов ограбления, отсутствовала голова.

Погребение под кольцом № 1 отличалось еще и тем, что помимо каменной обкладки покойник был заключен в деревянную колоду. При нем оказались остатки лука, к сожалению, разбросанные землеройкой. От лука сохранились верхняя, нижняя и средняя обкладки. Кроме того, найдена медная пряжка и железные колечки от пояса.

Покойник из кольца № 5 имел медные наременные оковки, железную пряжку и медную пластинку с двумя отверстиями. Особенно же интересным оказался инвентарь покойника из кольца № 4. При нем лежали нетронутые остатки лука: у головы — верхние, у кисти правой руки — средние и у правого колена — нижние костяные обкладки. Удалось измерить расстояние между концами лука — 1.35 м. На правом боку против локтя, остриями вверх, лежали два костяных наконечника стрел — втульчатый и черешковый. Такие же два костяных наконечника лежали на середине правой бедренной кости. Кроме того, под тазом была найдена железная пряжка, на животе — железный стерженек и под левой локтевой — железный нож.[1]

Нельзя не обратить внимания на одну деталь. В алтайских погребениях первой группы преобладают железные наконечники стрел. В них, конечно, нужно видеть прежде всего оружие. В рассматриваемых же «подчиненных» могилах стрелы костяные.

При широчайшей распространенности в ту эпоху в Северной Азии железных наконечников костяные стрелы скорее могли применяться на охоте, где архаические формы были более допустимы. Если это подтвердится новыми находками, можно будет с еще большим правом считать людей из «подчиненных» погребений зависимыми от «главных» курганных покойников, их слугами-охотниками, а не воинами.

Совершенно аналогичны отмеченным кольцами «подчиненные» погребения в большом туяхтинском кургане № 2. Они также были заключены в каменных ящи-

[1] Вещи хранятся в ГИМ, № 79601/44—56, 115—125.

ках, покрытых плитами, ориентированных длиной с запада на восток. Два из них — расположенные у середины северного края кургана (погребения I и II) и открытое в юго-западной поле (погребение III)— содержали останки людей, положенных вытянуто на спине, головой в первом случае на запад, во втором на восток. У середины западного края кургана было открыто еще одно погребение (IV). Покойник и здесь лежал вытянуто на спине, головой на восток. Рядом с ящиком IV в небольшой яме, длиной 1.3, шириной 0.7 и глубиной 0.5 м, также покрытой плитами, был положен жеребенок, сильно согнутый (в спящей позе) на брюхе, с подогнутыми ногами, с шеей, повернутой на юг, так что морда его прижата весьма близко к задним ногам. В зубах у жеребенка железные двусоставные удила.

Бедность этих погребений, столь резко отличающая их от богатств центрального, особенно ярко подчеркивает глубокое различие в общественном положении погребенных в них людей.

На это же указывает и погребение, остатки которого были обнаружены в богатейшем кургане № 1 четвертой группы Курая. Там костяк какого-то человека, при котором был очень скромный инвентарь (среди его костей найдена лишь пряжка и две пластинки), лежал над тремя конями основного погребения.

Так как костяк был разрушен грабителями, обобравшими главного покойника, есть все основания относить погребение этого бедняка к одному времени с основным и считать его слугою, может быть конюхом, положенным насильственно в могилу вместе со своим господином.[1]

Подводя итог изучению алтайских погребений второй группы, можно сказать, что на этот раз перед нами останки людей, стоявших при жизни на низших ступенях социальной лестницы алтайского общества VI—VIII вв. Это — зависимые разных положений и, может быть, просто рабы. Орхонские qul и Kün (раб и рабыня), а также tat («принужденный стать в зависимость от кого-либо») особенно соответствуют этой группе.[2]

Третью группу погребений VI—VIII вв. составляют памятники, резко отличающиеся не только от рассмотренных сейчас, но и от погребений рядовых свободных алтайцев. Бросающимися в глаза их особенностями являются большие размеры, сложность погребального ритуала и несоизмеримое богатство инвентаря. Таковы три кургана четвертой группы Курая, раскопанные С. В. Киселевым в 1935 г. два кургана (№ 3 и 4), исследованные около с. Туяхта в том же году под руководством С. М. Сергеева,[3] два кургана (№ 2 и 3), раскопанные около с. Туяхта в 1937 г.

---

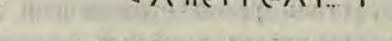
[1] Евтюхова Л. и Киселев С. Отчет..., стр. 109.

[2] Толстов С. Тиранния Абруя. Исторические записки, 1939, т. 3, стр. 44 и сл.; стр. 52—53.

[3] Евтюхова Л. и Киселев С., ук. соч., стр. 103—114. Туяхтинские погребения, раскопанные в 1937 г., еще не изданы, вещи хранятся в ГИМ, № 79601/33—43 и 57—76.

С. В. Киселевым, и курган № 2 «второго кладбища» у с. Катанда, раскопанный в 1865 г.[1]

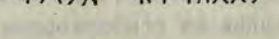
В большом 12-метровом кургане № 1 четвертой группы Курая под позднейшим теленгитским погребением (в грабительской выемке) с горизонта открылась четыреугольная яма с несколько округленными углами, длиной с юга на север 3 м и шириной 2.4 м. При углублении в нее на 45 см от горизонта на обнаружившемся у северной стенки уступе вышиной в 42 см, в 20 см от северо-западного угла могилы, найден склад различных вещей (табл. LII, рис. 1). Сверху острием вверх выступает железный черешковый нож. Под ним открылся серебряный кувшинчик (табл. LII, рис. 4, 6) с орхонской надписью на дне:



Транскрипция ^{a}r.....k(?)$^{\check{s}a}$d^{y}n ^{a}rl^{i}g^{i}n $^{a}\check{s}$

Перевод: «Человек... (имя?) ...(с) шадом мужественный спутник». В центре еще две буквы—  — ög, т. е. «почет» или «мудрый». На этом же уровне, частично под кувшинчиком, был найден поясной набор, состоявший из серебряных вызолоченных предметов: пряжка, 21 четыреугольная бляшка, украшенная растительным орнаментом, с четыреугольным отверстием в нижней части, 9 бляшек-лунниц и массивная концевая бляха (табл. L, рис. 5—6).

При расчистке удалось установить следующий порядок чередования блях на поясе: 1) пряжка с обоймой; 2) четыреугольная; 3—5) четыреугольные с малым наконечником и обоймой, свисающими вниз; 6) четыреугольная с большим наконечником, свисающим вниз; 7) аналогичная № 3; 8) аналогичная № 6; 9) аналогичная № 3; 10) четыреугольная, со свисающими вниз двумя обоймами и пряжкой; 11) аналогичная № 6; 12—20) 9 лунниц; 21) аналогичная № 6; 22) четыреугольная со свисающими вниз ремнем с пряжкой и обоймами, наконечником и привеской с кольцом; 23) то же, с 1 обоймой; 24) аналогичная № 3; 25 и 26) аналогичные № 6; 27) аналогичная № 3; 28 и 29) аналогичные № 6; 30) четыреугольная; 31) наконечник концевой, на обороте которого надпись:



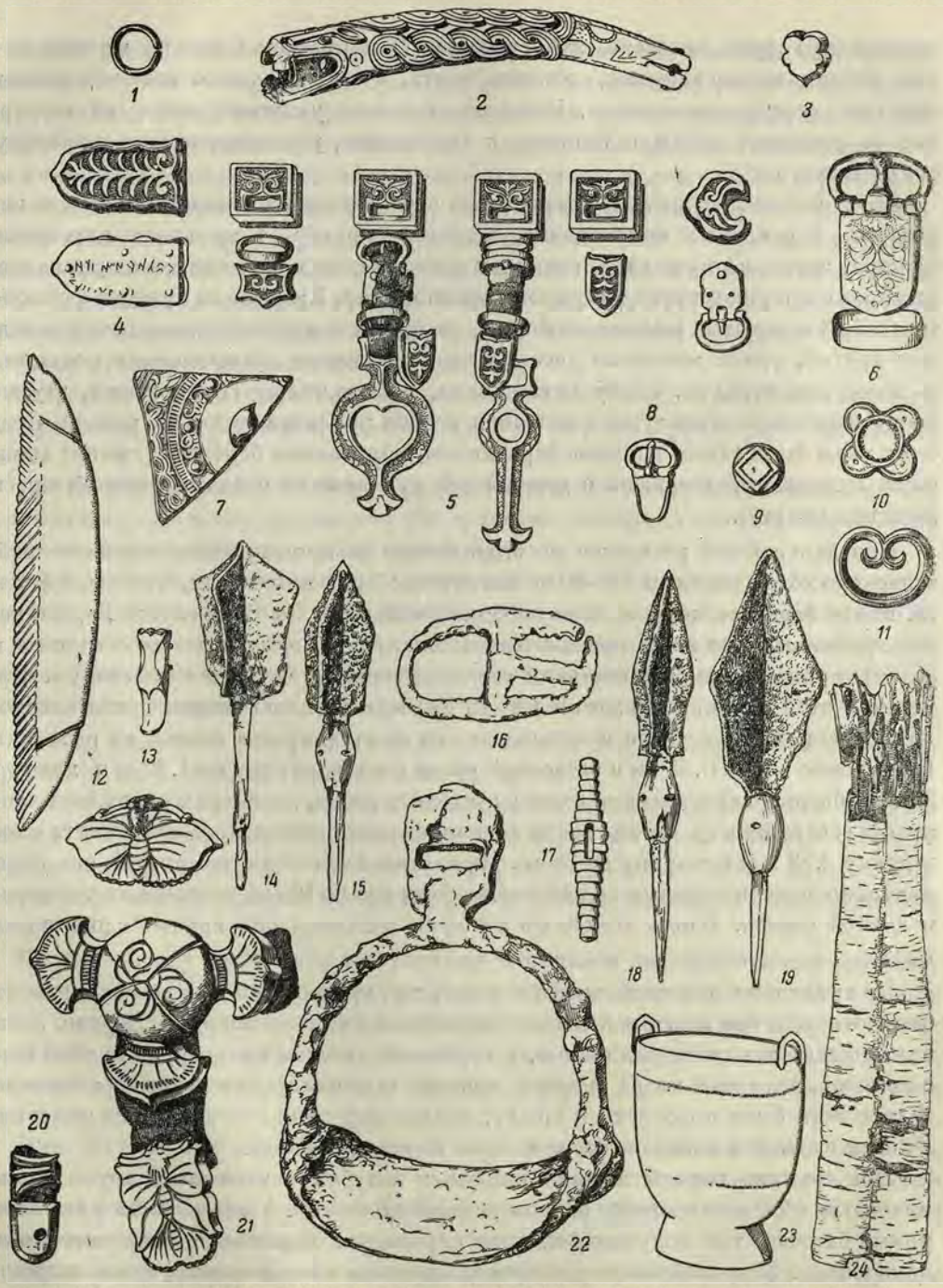
Транскрипция otč^{i} ^{a}q kün..... quš$^{a}\gamma$

Перевод: «Хозяина (господина) Ак-Кюна... кушак...» (табл. L, рис. 4).

К пряжке № 10 был, повидимому, прикреплен шелковый мешочек, отделанный серебряными бляшками и лунницами, в котором находилось трапециевидное железное кресало и два шелковых мешочка меньших размеров. В первом

---

[1] Радлов В. Сибирские древности. ЗВОРАО, т. VII, стр. 185—186; Zakharov A. Antiquities of Katanda, стр. 57, табл. XV, рис. 2 и 3.



Вещи, найденные в курганах у с. Курай на Алтае

лежали три зуба человека, зуб грызуна (?) и кусочек бересты; во втором — два кремня и, повидимому, остатки трута. Около большого мешочка найдена еще одна серебряная пряжка. Под поясом лежал уздечный набор из серебряных и железных обойм и бляшек, к сожалению, утративших первоначальную связь между собой.

Здесь извлечены последовательно: 25 серебряных массивных бляшек в виде розеток, 3 ременных наконечника, железное кольцо, 4 железные наременные бляшки, железная пряжка, 8 железных колец, целых и сломанных, с прикрепленными к ним двумя и тремя железными же обоймами, 2 железные пряжки и обломок третьей, 2 кольчатые железные обоймы, железная подковообразная петля и обломок другой, удила железные двусоставные со вторым вращающимся кольцом и обоймой для чумбура. Сбоку кувшинчика, во всю толщу груды вещей, втулкой вверх вертикально выступала костяная резная рукоятка (табл. L, рис. 2). Среди блях узды были также найдены деревянные, обмотанные берестой (лыком) ножны ножа и железный стержень в деревянной рукоятке со следами красной краски (остатки вилки?).

При дальнейшей расчистке могильной ямы из продолжавшегося вниз грабительского хода с глубины 40—60 см извлечены: 2 плечевые кости, 4 ребра, 1 фаланга, малая берцовая кость и обломки черепа человека. На 75 см глубже, среди камней грабительского хода, имевшего здесь овальную форму (длина с севера на юг 85 см), найдена пряжка, костяная отшлифованная и железная пластинки. Примерно с этой глубины (ниже на 10—15 см) прекратились камни грабительского хода, а еще ниже исчезли и остальные его следы (окраска почвы, ее рыхлость). На глубине 1 м — 0.95 см в восточной части ямы, в ширину на 1.40 м и длину на 2.38 м, было обнаружено покрытие из колотых досок, лежавших вдоль могильной ямы (с севера на юг). Из-под досок виднелись кости лошадей. Доски наката имели в длину 2.38 м и в ширину до 25 см. По снятии досок обнаружено, что они первоначально лежали концами на небольших (ширина до 10 см) уступчиках у северной и южной стенок. Вдоль западного их края выступал ряд врытых вдоль могилы плах.

На грунтовом дне этой части могилы, на глубине 1 м и до 40 см от горизонта, были открыты три костяка лошадей, лежавших в полном порядке. Первая, западная, лошадь лежала вдоль стенки, у горбылей, хвостом на север, на правом боку, с головой, загнутой назад к левой лопатке так сильно, что шея переломилась, задние ноги были подогнуты к брюху, правая передняя подогнута под туловище, а левая вытянута поперек, через вторую и третью лошадь.

При костяке первой лошади найдены: в зубах — железные, двусоставные, кольчатые удила со вторыми вращающимися кольцами. У левой части удил серебряные бляшки: три полушарные, одна наременная вырезная и один наременный наконечник. У правой части удил ремень с одним наконечником, одной вырезной и двумя полушарными серебряными бляшками.

У носа лошади — полушарная серебряная бляшка и наременный серебряный наконечник; у лба — серебряная пряжка с железным язычком, ромбическая серебряная обойма, серебряный наременный наконечник, две полушарные наременные бляшки на остатках ремня. Под затылком — серебряная пряжка с железным язычком и серебряный наременный наконечник. На спине у холки — часть деревянного крыла седла с отверстием для путлища, часть низа деревянной луки и часть деревянной накладки на дугу передней луки: рядом с накладкой — серебряная пряжка с железным язычком, четыреугольная наременная обойма и наконечник и там же изогнутая овальная железная пряжка (табл. L, рис. 16). У хвоста — полушарная серебряная наременная бляшка и наременный наконечник; у задних ног — две костяные цурки с нарезками (табл. L, рис. 17).

Вторая, средняя, лошадь лежала вдоль первой, на брюхе; ее ноги были поджаты под туловище, шея вытянута, головой к югу, с мордой, приподнятой несколько вверх.

Третья лежала рядом со второй, вдоль восточной стенки ямы, головой на юг, на левом боку, с ногами, поджатыми под туловище, голова на вытянутой несколько вверх шее была повернута мордой к западу.

Западная часть могильной ямы за «забором» из плах оказалась на 25 см глубже передней. Ширина этой части 1 м. Здесь на грунтовом дне вдоль «забора» и в 40 см от северной стенки стояла колода, выдолбленная из половины лиственничного бревна. Длина колоды 2.30 м, ширина на северном конце 63 см, на южном 47 см, высота 30 см, толщина боковых стенок 7 см, торцовых 18 см.

Между колодой и северной стенкой могильной ямы найдены пара железных стремян (табл. L, рис. 22) и пара костяных пурок.

У юго-восточного угла колоды, завалившись в «лошадиную» часть ямы, лежал на боку, вероятно, первоначально стоявший на краю колоды, железный параболоидный котел на коническом прорезном поддоне (табл. L, рис. 23). Под котлом найден полный костяк барана без головы, лежавший шеей под ногами лошади № 2.

Колода сверху была закрыта тонкими колотыми лиственничными досками, положенными вдоль; ширина досок 20 см; при расчистке досок в щели между ними был виден череп человека. По расчистке колоды в ней открыт костяк взрослого мужчины, лежавшего головой на север, вытянуто на спине, с руками, несколько согнутыми в локтях, с кистями у бедер. Правая кисть была согнута в горсть.

При костяке найдено: около ушей — по золотой кольчатой серьге (табл. L, рис. 1); вдоль правого бока на руке и ноге — остатки деревянного лука с двумя костяными обкладками посредине(табл. L, рис. 12). Длина лука 1.10 м. Он был расположен ниже плеча на 35 см и выше пятки на 10 см.

Вдоль всего правого бока от плеча и до колена сохранились сплошным куском шелковые и шерстяные ткани. У середины левой локтевой кости — костяной

прорезной шарик от свистящей стрелы. От таза до пятки на левой ноге лежал берестяной колчан, сильно истлевший и содержавший железные наконечники стрел с костяными свистульками и без них (табл. L, рис. 24). Древки стрел окрашены в красный цвет. Колчан заметно расширен в нижней части. На правой бедренной кости — медная бляшка с отверстием и наременный наконечник. Под тазом — серебряная наременная обойма и обломок серебряной пряжки. У таза слева — фигурное серебряное кольцо и два таких же кольца у таза под костяком (табл. L, рис. 11). Под колчаном вдоль левой части таза — кусок ремня с бляшками, серебряная пряжка с железной задней частью и язычком, две серебряные обоймы, две наременные бляшки в виде вырезного листка (табл. L, рис. 3), один серебряный наременный наконечник и железный крюк.

Здесь же, параллельно колчану (сверху вниз), лежал ремень с двумя обоймами, двумя бляшками и наконечником. Между ног у таза человека — серебряная пряжка с железной задней пластиной. Под колчаном у левого колена — костяная трубочка; у правого колена — обломок деревянной рукоятки, в которую вделан железный черешок какого-то предмета. Под колчаном сохранился также большой кусок ткани. У правой пятки — серебряная пряжка и наременная концевая бляшка с язычком (табл. L, рис. 13); у левой пятки — такая же бляшка. По удалении костей выяснилось, что колода была выстлана, повидимому, войлоком (образцы взяты).

Вероятно, кости, найденные в грабительском ходе, принадлежали человеку, похороненному на покрытии колоды. Он был принят грабителями за основное погребение и спас таким образом нижнее от разграбления.

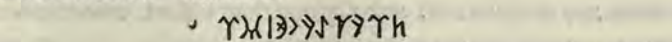
По обрядовости ближайшую аналогию этому исключительному погребению представляло погребение, найденное в кургане № 3 этой же группы, к сожалению, сильно потревоженное грабителями. Здесь также было три лошади, также покойник лежал в колоде. В ногах у него также найден склад вещей — стремена, удила и серебряные бляшки уздечки, украшенные изумительными по тонкости работы резными изображениями пчелы (табл. L, рис. 21).

Другой соседний курган содержал ограбленное погребение с двумя конями, давшее, однако, ряд интересных вещей — костяные, втульчатые, четырехгранные стрелы, железное долото в роговой рукоятке и костяную пряжку.

Не меньшую близость, особенно в инвентаре, мы должны отметить в погребениях курганов № 3 и № 4 Туяхты. Курган № 3 потревожен грабителями, и поэтому в засыпи грабительского хода найдены отдельные продолговатые серебряные бляшки, повидимому, от узды, и обломок костяного шарика от свистящей стрелы.

На дне ямы вдоль северо-западной стенки лежал костяк старого мужчины, головой на северо-восток, вытянуто, на спине, с вытянутыми руками. В левую руку вложен железный нож с деревянной рукояткой. Кроме того, найдены: у головы слева — серебряный сосуд с ручкой (табл. LII, рис. 5, 7); по дну его выре-

вырезана орхоно-енисейская надпись:



Транскрипция: $t^{ü}$ rq ša qum^{ü}š $^{a}\gamma^{y}$ ^{ä}r

Перевод: «Тюрк-Ша серебро подать (дар)».[1]

На груди — остатки кожаного пояса с 11 золотыми бляшками, украшенными растительным рельефным орнаментом, и такой же пряжкой (табл. LII, рис. 2). Около правой руки — круглый костяной набалдашник с отверстиями и такая же втулка. Правее был положен лук, от которого сохранились только две костяные пластинки (обкладки), и 7 железных трехперых наконечников стрел. Около костяных обкладок лука лежало серебряное кольцо и такое же второе ниже, по другую сторону. Около него серебряная пряжка, 7 бляшек и серебряный ременный наконечник. Около пяточных костей — по серебряной пряжечке. В ногах — железный клепаный ведровидный котел. Все эти предметы аналогичны найденным в кургане № 1 четвертой группы урочища Тадила.

На груди покойника сохранилось большое количество обрывков тонкого узорчатого шелка от костюмов: верхнего — цвета бордо, среднего — зеленоватого и нижнего—золотисто-желтого. Между слоями одежды на груди лежал небольшой шелковый мешочек цвета бордо с темнозеленым узором иного характера, чем одежда.

Ближайшая к покойнику лошадь лежала хвостом на северо-восток, на брюхе с подогнутыми ногами. Голова повернута мордой к покойнику. На лошади было положено седло; от него сохранились остатки дерева. Там же нашлись две костяные пряжки и три костяных костылька. Вторая лошадь, повидимому, лежала вдоль первой, ее костяк потревожен грабителями, ход которых, проложенный, повидимому, в заполненной землей яме, пришелся прямо на нее.

Курган № 4 также разграблен, но то, что уцелело, очень интересно, особенно наличие «тайничка» с ценными вещами. Это делает не случайным и склад вещей в кургане № 1 Тадилы и указывает на стремление надежно укрыть наиболее ценные вещи. Повидимому, в эпоху погребений Курая и Туяхты опасность ограбления была реальна. Это — небольшая ямка в северной части могилы диаметром 0.4 м, в которой уцелели от грабителей: остатки двух конских узд, украшенных серебряными бляшками, с железными удилами, кожаный пояс с литыми серебряными бляхами, пряжками и привесками, более простой, но напоминающий найденный в кургане № 1 в Тадиле, и кожаный мешочек с несколькими кремнями, железным огнивом, остатком трех шелковых мешочков (табл. LI) и четырех деревянных призматических предметов, из которых у двух верхних грани покрыты нарезками в виде косого креста.[2]

[1] При первом опубликовании этой надписи (Советская археология, 1936, № 1, стр. 284) был использован фотоснимок Горно-Алтайского музея с прорисованными от руки буквами. Публикуемый здесь снимок сделан позднее в ГАИМК; оказалось, что знаки первой половины надписи выглядят иначе.

[2] Такие же найдены нами в кург. № 6 Копенского чаатаса VII—VIII вв.

На дне ямы кургана № 4 вдоль юго-юго-восточной стенки оказались потревоженные костяки двух лошадей, лежавших бок о бок, хвостами на северо-востоко-восток, на брюхе, с подогнутыми ногами.

От человека, лежавшего, повидимому, вдоль северо-северо-западной стенки, сохранился лишь разбитый череп. Все остальные кости выброшены грабителями; на их месте нашлись лишь две медные и часть железной пряжки, медный наконечник от ремня и кусочки бесформенного железа.

Туяхтинские курганы № 2 и № 3 из моих раскопок 1937 г. отличаются погребением в каменном ящике, врытом с краями в грунт или почти целиком стоящем на горизонте.

В кургане № 3 диаметром 9.50 м имелась одна четыреугольная яма в центре. Длина ее с западо-северо-запада на восток-юго-восток 2.2 м, ширина 1.8 м и глубина 0.8 м. Несмотря на ее нарушенность грабителями, удалось установить, что вдоль северной стенки ямы стоял каменный четыреугольный ящик, в котором оказались остатки дощатого гроба, сбитого железными гвоздями. В гробу лежал покойник вытянуто на спине, головой на востоко-юго-восток, с руками, вытянутыми вдоль тела. При нем найдены: на груди — глиняные пряслица и костяная свистулька от стрелы, у левой части таза — два когтя хищной птицы, у правого бедра — деревянная палочка длиной 0.27 м с костяным навершием и с медной петелькой, повидимому, рукоять плети. На ногах найдены бронзовые и серебряные наременные наконечники. В южной половине ямы рядом с ящиком лежал костяк коня на брюхе, с подогнутыми ногами, хвостом на запад, сильно разрушенный грабителями. Характерно, что в отделении коня западная стенка могилы была укреплена плитой так же, как и та ее часть, которая примыкала к ящику.

Курган № 2 Туяхты был самым крупным из всех поздних курганов, исследованных в 1937 г. При разборке насыпи в нем был сделан ряд находок. Так, в камнях южного края кургана встретился железный черешковый нож, на горизонте же под камнями восточной полы кургана лежала бронзовая наременная бляшка с выпуклым орнаментом; в 2.5 м к северу от середины южного края кургана, среди камней, лежали грудкой два железных стремени, железная оковка передней луки седла, железная пряжка и удила с псалиями, все типичных форм VI—VIII вв.

Под насыпью были открыты четыре каменных ящика, ориентированные по длине с запада на восток, покрытые плитами. Три из них, расположенные в полах кургана, содержали уже описанные выше рядовые погребения. В центральной части кургана погребение также было заключено в каменный ящик (погребение I). Однако он был почти целиком разрушен грабителями. В нижней части их хода среди земли и камней мы нашли 2 золотые четыреугольные бляхи со штампованным орнаментом, 1 маленькую выпуклую золотую бляшку с двумя отверстиями и 1 округлую золотую бляшку с рельефным изображением головы восточного властелина и с надписью буквами, напоминающими орхонский курсив (табл. LII, рис. 3).

К описанным курганам Курая и Туяхты близок курган № 1 «второго кладбища» Катанды. По размерам и скромному обряду похорон с одним конем он напоминает курганы первой группы, однако инвентарь его ближе к только что описанным богатым курганам третьей группы. Правда, на лошади оказались обычные удила, всего одно стремя и пряжка. Зато мужчина был одет в роскошную одежду из шелковой ткани ирано-китайского типа VII—VIII вв. Ее украшали сложные растительные узоры и круглые медальоны с изображением драконов.[1] Вдоль левого бока мужчины лежал прямой острый меч,[2] 17 трехгранных железных и несколько костяных наконечников стрел.[3] Около головы, как и в кургане № 3 Туяхты, стоял серебряный сосудик с ручкой.[4] На дне его была вырезана тамга ᛟ и надпись из четырех орхонских букв: ᛋᛦᛚᛉ

П. Мелиоранский[5] находил возможным две транскрипции: 1) $l^{ü}g\check{c}^{ü}|n$ т. е. Логучен — город (может быть, указание на место изготовления сосудика и 2) $^{ä}l^{i}g\ \check{c}^{ä}|n$, т. е. пятьдесят ченгов — указание на цену сосудика в мерах веса чая 1 ченг = полутора фунтам).

Описанные курганы Курая, Туяхты и Катанды несомненно являются важнейшими памятниками эпохи.

Найденная в них сбруя — стремена, уздечки, пряжки и удила, а также типы ножей, колчанов и наконечников стрел целиком совпадают с найденными в рядовых погребениях первой группы. Они принадлежат тому же комплексу форм, который в VI—VIII вв. получил столь широкое распространение в Евразии. В этот же комплекс должны быть включены и замечательные ювелирные изделия-украшения, пояса и серебряная посуда курайских и туяхтинских курганов. Пояса, несмотря на свою драгоценность и узорчатость, полностью сходны со скромным набором блях пояса из погребения первой группы в кургане № 3 Курая. То же можно сказать и о серьгах, добавив, что массивные кольчатые серьги из кургана № 1 Курая VI находят себе аналогию и на Западе в погребениях VII в.[6]

Следует также отметить сходство отдельных украшений с найденными в курганах кыргызской знати на среднем Енисее, относящихся к тому же времени. Таковы, например, удлиненные серебряные бляшки из Туяхтинского кургана № 3, совершенно сходные с найденными в первом тайнике кургана № 6 Копенского

---

[1] Zakharov A. Antiquities of Katanda, стр. 53, рис. 2.

[2] К сожалению, меч утрачен.

[3] Zakharov A., ук. соч., табл. XV, рис. 1.

[4] Там же, стр. 54, табл. XV, рис. 1 и 2.

[5] Мелиоранский П. Небольшая орхонская надпись на серебряной кринке Румянцевского музея ЗВОРАО, т. XV, в. I, стр. 034—036, табл. II.

[6] Hampel I., ук. соч., могильник VII в. Szirak (см. т. II, стр. 82—84; т. III, табл. 67—24, 25, 30, 31).

чаатаса.[1] Золотые шестиугольные бляхи из Туяхтинского кургана № 2 по своей орнаментации очень близки к бляхам, покрытым растительным узором, из второго тайника кургана № 2 Копенского чаатаса.[2] Сходные бляхи обнаружены и на западе, например, в составе Романовской находки на Дону (VI в.) и в Перещепинском кладе (VII в.).[3]

Серебряные кувшинчики Курая, Туяхты и Катанды принадлежат к большой серии аналогичных серебряных и золотых сосудов. Всего ближе к ним серебряный кувшинчик, найденный в Сибири в могиле и доставленный в Кунсткамеру еще в 1726 г.[4] На дне его также имеются тамги и надписи. По характеру начертаний и орфографии надписи на этом кувшинчике П. Мелиоранский относит его «к более поздним енисейским, т. е. ко времени не древнее VII в. по Р. Х.».[5] Если произвести палеографическое сличение надписей на алтайских сосудиках и на курайской поясной обойме с кунсткамерными, то обнаруживается большое их сходство. Это также может служить некоторой опорой для отнесения погребения ко времени не позднее VIII в. Ту же дату подтверждают и сходные с сибирскими серебряные и золотые сосуды из Перещепинского клада VII в.[6] Не противоречат ей и золотые и серебряные сосуды, найденные в Уйбатском и Копенском чаатасах енисейских кыргызов.[7]

Надписи на серебряных кувшинчиках и на пряжке драгоценного курайского пояса не оставляют сомнения в общественном положении людей, похороненных в богатых курганах третьей группы. Перед нами погребения алтайской знати VI—VIII вв. Мы узнаем ее быт, ее стремление и у себя в горах завести пышность аристократических кочевий Центральной Азии.

Материалы, добытые в описанных курганах, важны нам также и еще с одной частной, но весьма существенной стороны. Весь инвентарь их — кувшинчики, пояса с узорными бляхами, привесками и мешочками с кресалом, кремнями и амулетами — целиком повторяет вещи, изображенные на наиболее детально выполненных каменных изваяниях Алтая, например, на изваянии, вывезенном из Б. Ануя в Томский университет, или на открытых нами около с. Кулада на Караколе, в кургане № 1 близ Куроты (первая группа) и в урочищах Тётё и Тадила в

---

[1] Евтюхова Л. и Киселев С. Чаатас у села Копены. Труды ГИМ, в. XI, стр. 39, рис. 33.

[2] Там же, стр. 38, рис. 24.

[3] Рыбаков Б. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1, стр. 336, рис. 4 Д.

[4] Указание на находку в могиле укрепляет уверенность в сибирском, а не камско-уральском происхождении сосуда. Большинство находок т. н. восточного серебра сделано в Приуралье в виде кладов.

[5] Мелиоранский П. Два серебряных сосуда с енисейскими надписями. ЗВОРАО, т. XIV, в. I, стр. 20.

[6] Бобринский А. Перещепинский клад. МАР, № 34.

[7] Евтюхова Л. и Киселев С. Чаатас у села Копены, стр. 43—48; Теплоухов С. Опыт классификации..., табл. II, рис. 25.



Шелковые мешочки для огнива и амулетов (с. Туяхта, Алтай)

Курайской степи (табл. XLVIII, рис. 3—5). Указанное обстоятельство позволило Л. А. Евтюховой реально обосновать хронологию изваяний Алтая и отнести их к VI—VIII вв.[1] Вместе с тем встал вопрос об их назначении.

Еще в 1934 г. нами было замечено, что изваяния на Алтае стоят всегда с восточной стороны четыреугольной оградки из поставленных на ребро плит, внутри засыпанной камнями. Тогда же при раскопках оградок (около урочища Кулада на Караколе) выяснилось их ритуальное значение. В их центре оказались углубления диаметром 0.4—0.5 м и глубиной до 0.6 м, заполненные золой, углем и обожженными камнями, иногда со врытыми обрубками дерева.

Это подтвердилось в 1935 г. нашими раскопками оградки сзади изваяния «Кезер» в степи Тötö близ Курая: она была квадратной в 4 × 4 м и ориентирована сторонами по странам света. По удалении из оградки обломков, образовавших небольшой холмик посредине, на горизонте, в центральной части открылась круглая яма диаметром 0.75 м. В ней на глубине 12 см были встречены угольки, а под ними — толстый обрубок дерева диаметром в 0.7 м, имевший сверху чашевидное углубление, заполненное землей с угольками. Внизу обрубок был заострен на конус и имел в длину 0.75 см. Под ним ничего не найдено.

Но если такое устройство имели оградки сзади каменных изваяний, то совершенно таково же устройство и у раскопанных нами в группах первой, второй и четвертой оградок без изваяний, но часто с рядами камней, тянущимися к востоку (табл. XLIX, рис. 1, 2). Во всех случаях в центре под холмиком в оградке мы находим углубления, заполненные углем и золой. Находки некоторых вещей, как-то: железного пальштабовидного топора, удил и крюка, сделанные под насыпями оградок, также не противоречат, а скорее поддерживают сближение этих оградок, сопровождающихся рядами камней, с оградками, имеющими изваяния,— тем более, что, как, например, на Караколе, в урочище Кулада, эти изваяния сами являются первыми камнями в тянущемся от них ряду других необработанных.

За отнесение этих оградок к одной эпохе с только что описанными курганами говорит и постоянная сопровождаемость ими последних. Оградки оказываются расположенными главным образом по краям курганного могильника. В пользу их одновременности свидетельствует и наличие у площадок без оградок (но совершенно того же содержания, что и в оградках, исследованных во второй группе Курая) с восточной стороны, наряду с вертикально врытыми камнями, кольцевидных выкладок, аналогичных выкладкам с восточной стороны курганов.[2]

[1] Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Северного Алтая. Труды ГИМ, вып. XVI, стр. 128—130.

[2] Оградки были нами исследованы: около «Кезера» — 1, в первой группе Курая — 5, во второй группе — 1 (овальная), в группе четвертой (Тадила) — 1, около с. Кулада на Караколе — 2, во второй группе Куроты — 1 и в Туяхте — 3. Кроме того, с теми же результатами исследовал оградку с вереницей камней М. П. Грязнов в степи Яконур. Жаль только, что он без достаточных оснований счел свою оградку «могилой воина» (Сообщения Гос. Эрмитажа, вып. 1, Л., 1940, стр. 20, рис. 4).

Таким образом, и алтайские изваяния и вереницы камней связываются с оградками, устраивавшимися около курганов. Вероятно, они были поминальными сооружениями.

Сравнивая весь этот комплекс источников с погребальным ритуалом орхонской знати, мы уже отметили выше вслед за Л. А. Евтюховой, что на Алтае в каменных изваяниях следует видеть изображения знатных покойников, а в рядах камней — напоминание об убитых врагах.[1]

В результате исследования погребальных сооружений и ритуала алтайцев VI—VIII вв. можно было установить близость их общественного устройства к тем социальным формам, которые лежали в основе орхонского каганата. И здесь на разных ступенях общественной лестницы стояли рабы и зависимые, свободные общинники и богатая знать, стремившаяся во всем подражать роскоши орхонских беков и ханов.

Наличие богатого класса, способного покупать, отмечают и памятники иноземных торговых сношений Алтая в рассматриваемую эпоху. Правда, список привозимых товаров невелик, но показателен. Его составляют предметы роскоши, находимые только в богатых погребениях. Чаще всего это китайские изделия: бумажные и шелковые ткани, отдельные, тонко украшенные китайскими ювелирами пряжки, бляхи поясов и бронзовые зеркала. Привозились на Алтай и произведения среднеазиатских мастеров. К ним нужно отнести найденную в Туяхтинском кургане № 2 золотую бляшку с изображением мужской головы в пышном убранстве восточного властителя. Черты индийского искусства, может быть, указывают на ее хотанское происхождение.

Находки на Алтае монет не только рассказывают о торговле, но открывают важнейшие детали внешних сношений. К интересующему нас здесь времени VI—VIII вв. относятся не только китайские монеты, главным образом династии Тан, но также и западные. В кладе, найденном у с. Усть-Чарышская Пристань, среди других оказались монеты Анастасия I, Юстиниана, Юстина и Маврикия (т. е. с конца V по начало VII в.).[2] Как известно, именно с VI в. наблюдалось оживление связей между народами Центральной Азии и Южной Сибири и западными странами. Восточный и западный каганаты тюрок захватили в это время власть над всей Центральной и Средней Азией от Ордоса до Мавераннагра. На западе своих владений тюрки столкнулись с противодействием Ирана. В поисках поддержки против Ирана, а позднее — против арабов, западнотюркский каганат вошел в тесные сношения с Византией, согласовывая совместные действия через посредство посольств тюрок в Константинополь и византийцев на Восток, в Семиречье. Однако установившиеся связи с Византией, как мы видим, не ограничивались Средней Азией, но распространялись и дальше на восток, достигая Алтая и даже более

[1] Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Северного Алтая, стр. 132—134.

[2] Киселев С. Находки античных и византийских монет на Алтае. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 361—362.



Вещи из курганов у с. Курай (рис. 1, 2, 4, 6) и у с. Туяхта (рис. 3,5, 7). Рис. 3 сильно увеличен.

северных областей. Так, в 1908 г. у с. Терехина, Кузнецкого района, в составе клада ценнейших золотых вещей VI—VIII вв. были найдены (впоследствии утраченные) три золотые монеты, судя по описанию находчика, византийские (с «изображением на одной стороне женщины, а на другой — мужчины с крестом и надписью нерусской»).[1]

Мы видим, что алтайской знати знакомо было и высшее проявление культуры орхонских тюрок — письменность. Однако она не служила здесь орудием агитации и распространения идей, выгодных господствующему классу. Повидимому, алтайская знать VII—VIII вв., может быть, при меньшем развитии в глухих горных местах социальных противоречий, не нуждалась в тех мерах, которые вынуждены были применять тюрки Орхона и Семиречья и кыргызы Енисея.

Поэтому рунические надписи почти не встречаются здесь на скалах, нет их и на погребальных стелах. Их нашли только на донышках серебряных кувшинов да на бляхе драгоценного пояса из тайников богатых курганов. В них содержится титулатура местных аристократов, аналогичная орхонской. Надписи говорят также о даннических отношениях племен.

Все изученные памятники свидетельствуют о сложном составе алтайского общества в VI—VIII вв. Аристократические роды, опираясь на труд рабов и зависимых бедняков, и здесь, как и на Орхоне, создают эли «бегов», «господ». К сожалению, у нас нет прямых сведений о том, в каком отношении находились они к бывшим своим землякам — знати орхонского каганата. В эпоху возвышения енисейских кыргызов (IX в.) они зависели от власти их ханов. Формы взаимоотношений были, вероятно, столь же различны и сложны, как и у зависимых и завоеванных племен орхонского периода. Специально исследовавший эти формы С. П. Толстов на основании изучения не только орхонских, но и позднейших источников эпохи киданей (X в.) и ранних монголов, исходя из доказанного им большого значения рабства у этих народов, приходит к следующему выводу: «Перед нами сложный конгломерат занимающих по отношению к господствующему «элю» различное положение общественных объединений, взаимоотношения которых с «элем» — гегемоном, по существу, являются как бы проекцией отношений, господствующих в нем самом,— отношений рабства и клиентелы».[2]

Ограниченное употребление на Алтае письменности лишает нас возможности по письменным источникам хотя бы наметить основные линии и идеи древнеалтайской литературы. Поэтому единственным и богатейшим источником здесь остается величественный алтайский эпос.

Его структура сложна. В нем отложились влияния различных эпох многовековой истории алтайцев. Однако основные сюжеты и основные события, изображенные в эпических произведениях Алтая, несомненно, могут смело приурочиваться к периоду, рассматриваемому здесь. В ярких красках рисует алтайский

---

[1] См. в архиве ИИМК АН СССР, дело за 1909 г., № 75.

[2] Толстов С. П. Тиранния Абруя. Исторические записки, т. 3, стр. 53.

певец подвиги сказочных героев — великих богатырей и ханов. Несомненно, это те песни, которые создавались на кочевьях древней алтайской знати. Однако и они отмечают неоднородность социального состава древнеалтайских племен. Но только поэма «Когутэй» [1] приподнимает завесу, скрывающую от нас бурные проявления борьбы между богатейшей аристократией и утесняемыми народными массами. Сказочный герой, сын бедняка Когутэя, превращающийся в непобедимого Кускуна-Кура-Матыра, всю свою жизнь посвящает борьбе с несправедливостью богачей, с главой их могучим Караты-Каном. Ему удается жестоко отплатить за унижения, которые испытал его бедняк-отец от заносчивых аристократов.

«В одну горсть схватил,
Девятигранной черной плетью взмахнул,
Стегать их стал
По спинам,
По шеям,
По местам,
Куда плеть попадала...
...В лицо Караты-Кану
Он трижды плюнул».

Однако и этот богатырь не нашел сил для освобождения своего народа. И он вынужден был удалиться —

«А куда он уехал,
Никто не знает.
Ни один живущий
Не заметил,
Ни один дышащий
Не видел».

Освобождение алтайского народа от гнета знати, о чем мечта воплотилась в грандиозной картине «Когутэя», совершилось только недавно, в огне Великой Октябрьской социалистической революции, с помощью братского русского народа. Но до этого немало пришлось пережить людям голубого Алтая.

8. АЛТАЙ в IX — X вв.

В 745 г. господство над Центральной Азией от тюрок перешло к уйгурам, а в IX в. на первое место выдвинулись енисейские кыргызы. В 840 г. они взяли уйгурскую столицу на Орхоне (ныне развалины Харабалгас). Лишь через 80 лет,

[1] Когутэй. М. Изд. «Академия», 1935.

в начале X в., кыргызы вынуждены были оставить Монголию. Однако и после этого у себя на Енисее они сохраняли значение самостоятельного сильного государства. Уйгуры вновь вернули себе многие области в Центральной Азии, но могли удерживать их лишь при поддержке киданей (кытаев), основавших в 916 г. могущественную северокитайскую империю Ляо. Империя Ляо двести лет играла господствующую роль не только в Северном Китае, но и в Центральной Азии. Только в 1125 г. государство киданей было уничтожено маньчжурским народом — джурженями, основавшими новую северокитайскую империю Цзинь, просуществовавшую вплоть до разгрома монголами Чингиз-хана в 1234 году. Киданям пришлось уйти с востока. Во время своего переселения они подверглись нападению енисейских кыргызов, не допустивших их остановки в районе современного Чугучака. Киданям пришлось с боями пробиваться к Семиречью, где скоро город Баласагун стал центром их нового государства, известного в литературе под именем государства кара-кытаев.

Из приведенных известий видно, что алтайские племена, еще во времена орхонского каганата оказавшиеся в стороне, и в последующее время не играли заметной роли в центральноазиатской истории. Даже когда в непосредственной близости от них, к югу от озера Зайсан, стали оседать кидане, не алтайцы, а енисейские кыргызы приняли меры к избавлению Саяно-Алтая от опасного соседства. Однако в пределах своего «провинциализма» Алтай не порывал прежних связей. В этом убеждают в первую очередь монетные находки.

Среди монет, собранных в окрестностях села Усть-Чарышская Пристань, помимо уже приводившихся, имеются еще две: одна — Константина и матери его Зои (913—919 гг.) и другая императора Романа (919—921 гг.).[1] Наличие далеко на Алтае византийских монет начала X в. весьма показательно. Оно не может быть объяснено, как прежде, сношениями более сильных соседей алтайцев — тюрок — с Византией. Здесь, очевидно, отражение собственных связей с более западными областями Сибири и Казахстана, которые могли служить посредниками. На Западе же в это время условия для сношений с восточными странами складывались благоприятно. После кризисов иконоборчества, внешне выражавших длительный процесс формирования византийского феодализма, в эпоху македонской династии империя вновь крепнет. Военные удачи на Балканах, связи с Хазарией, а затем союз с Русью и успешная политика на Кавказе способствовали усилению Византии. При этом характерно, что политика византийцев этого периода так или иначе, через болгар, через хазар или через Кавказ, соприкасалась с кочевыми тюркоязычными племенами. Повидимому, эти связи были значительны и взаимны, если монеты Константина VII и Романа достигали Алтая. Очевидно, существовал оживленный обмен «местных произведений».

---

[1] Киселев С. В. Находка античных и византийских монет на Алтае. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 362, рис. 78.

К сожалению, наши сведения о культуре алтайского населения в эту эпоху очень ограничены.

В горном Алтае известны лишь отдельные погребения, которые могут быть отнесены к этому времени на основании находок в них вещей позднейших типов. Таков, например, курган № 1 из шестой группы Курая.[1] Он уже упоминался в связи с находкой в основании его насыпи пары жерновов ручной мельницы.[2] Самое погребение мало чем отличалось от других курайских, более древних. Женщина лежала вытянуто на спине, головой на востоко-юго-восток. С правой ее стороны, отделенная березовым бревном, была положена лошадь головой на западо-северо-запад. У женщины оказались обычный железный нож и бронзовые серьги с полой шаровидной бусиной, подвешенной на подвижном стерженьке.[3] Подобные серьги впервые появляются в VI в.,[4] но наиболее близкие к курайской найдены на Алтае в курганах, датированных IX—X вв.[5] Конский убор составляла узда. Она состояла из нащечных, носового и шейного ремней, украшенных 21 серебряной округлой бляшкой с выпуклым вписанным квадратом. Всем своим видом бляшки имитируют китайскую монету с квадратным отверстием. Скрещения ремней около удил прикрывались крестообразными серебряными бляхами (табл. L, рис. 9, 10).[6] Удила резко отличались от находимых в алтайских погребениях VI—VIII вв. Они снабжены большими свободно вращающимися кольцами.[7] Выше уже отмечалось, что подобные удила на Западе распространились поздно. Например, в Венгрии они встречены исключительно в могильниках XI в.[8] Алтайские находки позволяют возникновение этого типа удил — со свободно вращающимися кольцами — относить еще к VIII в.[9] Однако ни в одном из погребений того времени не найдено удил с большими кольцами. Очевидно, и на Алтае описываемый тип удил возник позднее, может быть, в IX—X вв. В справедливости такого предположения убеждает и то обстоятельство, что в курайском кургане № 1 шестой группы этот позднейший тип удил встречен совместно с поздним стременем. Всего в этом кургане найдено двое стремян. Одно из них — с выступающей плоской петлей «на ножке» — имеет самое широкое распространение от кудыргинского времени до IX в. и даже позднее. Другое имеет верхнюю часть дуги, расплющенную в виде четыреугольного выступа, в котором пробиты два отверстия. Близкие стремена на западе

---

[1] Евтюхова Л. и Киселев С. Отчет..., стр. 100, 103.

[2] Там же, стр. 98, рис. 21.

[3] Там же, стр. 98, рис. 23.

[4] Ср. Катакомбы Кобани. Матер. по археологии Кавказа, т. VIII, табл. XVI, рис. 15.

[5] Сростки, раск. Копылова (хран. в Бийском музее, № 151).

[6] Евтюхова Л. и Киселев С. Отчет..., стр. 99, рис. 25.

[7] Там же, стр. 98, рис. 24.

[8] Hampel I., ук. соч., т. II, стр. 458—459, 476—478, 481—482, 487—488, 514—515.

[9] Ср. находку удил с небольшими вращающимися кольцами в кург. № 1 Катанды II вместе с серебряным сосудом с орхонской надписью и шелковой тканью VII—VIII вв. Захаров А. Материалы по археологии Сибири. Труды ГИМ, в. I, стр. 100—104, табл. VI, I.

появляются не раньше IX в. и особенно распространены среди венгерских находок XI в.[1] Такое совпадение — находка в курайском кургане № 1 шестой группы и удил и стремени позднейшего типа — позволяет относить его погребение ко времени более позднему, чем VIII в. Среди других находок в горном Алтае пока известно очень мало подобных погребений. Судя по типам удил с большими свободно вращающимися кольцами, поздними погребениями следует считать вводные могилы Большого кургана, раскопанного В. Радловым в 1865 г. близ с. Катанда.[2] К сожалению, качество этих раскопок не позволяет выяснить погребальный обряд даже приблизительно. Несколько лучше обстоит дело с находками в предгорьях Алтая. Особенно выделяется богатейший комплекс находок, сделанных главным образом сотрудниками Бийского музея при раскопках курганов близ с. Сростки на р. Катуни. Однако и здесь при проведении основных работ не были достаточно соблюдены требования научных раскопок, что сильно снизило ценность результатов.[3]

Погребения в сросткинских курганах отличаются от горноалтайских новыми особенностями ритуала. Здесь часто встречаются остатки трупосожжений. Лошадь иногда отсутствует, и вместо нее в могиле находятся уздечка и седло. Седла снабжены стременами простейшего типа с выгнутым из прута дужки ушком.[4] При седлах найдены сделанные из рога или кости массивные пряжки. Некоторые из них повторяют форму более старых пряжек из Кудыргэ, Курая и Туяхты.[5] Другие же отличаются более изысканными формами, сильной заостренностью передней дужки и сердцевидными очертаниями.[6] Более резкая профилировка и бóльшая сложность формы этих пряжек обусловлены тем, что они в кости подражают распространяющимся в то время металлическим. Особенностью седельного убора сросткинских курганов являются подвесные бляхи в виде бронзового заостренного книзу щитка, украшенного в центре выпуклым изображением головы усатого мужчины. Вокруг личины обычно имеется рельефный растительный узор.[7] Предшественниками этих блях являются кудыргинские костяные, украшенные в центре бронзовой миндалевидной накладкой.[8] Позднее, в VI—VIII вв., такие бляхи выделывались уже из бронзы. Они имели ушко для подвешивания и выпуклость в центре. Только

---

[1] Hampel I., ук. соч., т. II, стр. 450—451, 458—459, 476—478, 481—482, 484—488, 514—515.

[2] Zakharov A. Antiquities of Katanda, табл. XV, 1.

[3] Исключение составляют работы экспедиции Русского музея, но о них ничего не напечатано, и отчеты их пока недоступны. То же можно сказать о тщательно проведенной раскопке С. М. Сергеевым 5 курганов у Сросток и 8 — у с. Красноярского. (Вещи и отчет хранятся в Сибирском отделе Гос. Эрмитажа.)

[4] Грязнов М. П. Древние культуры Алтая, рис. 145.

[5] Бийский музей, № 140.

[6] Грязнов М. П., ук. соч., рис. 152—153.

[7] Там же, рис. 170.

[8] Хранятся в Этнографическом музее в Ленинграде.

выпуклость тогда представляла собою как бы вмонтированный в щиток бубенчик с обычным для него разрезом. Такие бляхи с бубенчиком продолжали применяться и позднее. Об этом свидетельствует находка одной из них в Минусинской котловине около с. Тюхтяты в кладе IX в.[1] Что же касается блях с личинами, то помимо Алтая они найдены на среднем Енисее, близ Минусинска,[2] в курганах долины р. Ини около Ленинска-Кузнецкого[3] и даже далеко на западе в Гнездовском дружинном кургане № 23, раскопанном С. И. Абрамовым в 1905 г. и отнесенном А. А. Спицыным к X в.[4]

Особенно сильно отличаются от разобранных выше бляхи, украшавшие уздечные ремни. Если в Курае и Туяхте большинство их имело, так же как и в Кудыргэ, гладкую поверхность, то в сросткинских курганах они богато украшены рельефным растительным узором с цветами. Нова и их форма. Вместо округлых и округлолопастных очертаний бляхи строго четыреугольны и Т-образны.[5] Почти полную аналогию сросткинским представляют наборы из клада, обнаруженного близ с. Тюхтяты в восточной части Минусинской котловины (см ниже). Клад этот датируется найденными в нем четырьмя монетами императора Ву-цзуна (841—846 гг.).[6] Замечательно, что эти же монеты были найдены в сросткинских погребениях.[7] Такое совпадение позволяет уверенно говорить о IX—X вв. как о времени курганов первой сросткинской группы.

Это было время наивысшего подъема енисейских кыргызов, период их «великодержавия» (Бартольд). Есть все основания считать сросткинские уздечные наборы по стилю и форме кыргызскими. В пользу такого предложения говорит следующее. Среди более ранних уздечных украшений времени орхонотюркского господства VI—VIII вв., найденных на Алтае, нет указаний на зарождение тех растительных узоров, которые украшают сросткинские бляхи. Что же касается их аналогов с Енисея — тюхтятских блях, то основы их орнаментации необходимо искать среди

---

[1] Хран. в Минусинском музее, № 5748.

[2] Левашова В. Из далекого прошлого..., табл. XVI, рис. 25; Клеменц Д., Древности Минусинского музея. Атлас, табл. XI, 10; Salmony A. Eine Chinesische Schmuckform in Eurasien. ESA, IX, стр. 327, фиг. 7 и 8.

[3] Kuznezova V. Altertümer aus dem Tal der mittleren Inya. ESA, стр. 82, рис. 6—1.

[4] А. С. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. М. С. Абрамовым в Смоленской губ. Записки Отд. русской и славянской археологии РАО, т. VIII, в. 1, СПб., 1906, стр. 204, рис. 19.

[5] Грязнов М. Древние культуры Алтая, стр. 10, рис. 162, 164.

[6] Хран. в Минусинском музее, № 5747 — 5886. Монеты — № 5816, 5884 — 5886 (см. Fetich N. Metallkunst der Landnehmender Ungarn. Archaeologia Hungarica, XXI, табл. XXIII и XXIV).

[7] Четыре хранятся в Бийском музее, № 154. Одна найдена в 1930 г. С. М. Сергеевым в кург. № 2 и хранится в Сибирском отделе Гос. Эрмитажа, шифр А 10—19. Тип монет см. S. de Chandoir. Recueil de monnaies de la Chine, du Japon de la Corée, d'Annam et de Java. СПб, 1842, табл. IV, 37, 38, табл. V — I, табл. VI, 21—26.

местных кыргызских украшений более раннего времени. Достаточно в качестве примера привести ажурную золотую обойму от пояса, найденную в кургане № 2 Копенского чаатаса VII—VIII вв. Ее украшают те же переплетающиеся стебли и цветы, которые затем составят узор тюхтятских и сросткинских бляшек.[1] Тот же орнамент покрывает бляхи, найденные в первом тайнике «золотого» копенского кургана, датируемого надписями и формой золотых кувшинов, т. е. тем же временем, VII—VIII вв.[2]

Инвентарь самих сросткинских покойников весьма разнообразен. Прежде всего следует остановиться на оружии, которое, по свидетельству раскопщика, клалось с левой стороны. В плохо сохранившихся, расширенных книзу, берестяных колчанах находились наконечники стрел. Среди них изредка попадались костяные, но в большинстве они были железные, черешковые. Из железных больше всего трехгранных. Некоторые из них снабжены костяными свистульками.[3] Эти стрелы совершенно аналогичны более древним из погребений Курая и Туяхты. Наряду с ними найдены и плоские наконечники копьевидно-ромбической формы. Такие наконечники получили наибольшее распространение уже в IX—X вв. удерживаясь затем и до более позднего времени.[4] То же можно сказать и о плоских с вогнутыми лезвиями верхней половины.[5]

Ручное оружие представлено в Сростках главным образом кинжалами. Они принадлежат к тому же обоюдоострому — треугольному типу, который найден и в более ранних алтайских курганах.[6]

Длинные клинки встречены трижды. Обращает на себя внимание узкий и тонкий однолезвийный клинок длиной 82 см. К сожалению, он очень плохо сохранился. Это не позволяет окончательно определить, принадлежал ли он прямому палашу или слегка изогнутой сабле. В пользу сабли говорит и его незначительная ширина (максимум 23 мм). Перекрестье клинка — обычно для алтайских сабель VIII—X вв.

Полнее сохранился однолезвийный палаш с наклоненным вперед черешком, найденный в 1930 г. С. М. Сергеевым в Сросткинском кургане № 2 (10).[7] Наклон черешка сближает его с саблями VIII—X вв.

---

[1] Евтюхова Л. и Киселев С. Чаатас у с. Копены. Труды ГИМ, вып. XI, стр. 33, рис. 8.

[2] Там же, стр. 38, рис. 24—27.

[3] Грязнов М. Древние культуры Алтая, стр. 10, рис. 150—151.

[4] Там же, рис. 149. Ср., например, Сизов В. Курганы Смоленской губ. МАР, № 28, табл. IX; Спицин А. Курганы Петербургской губернии. МАР, № 20, табл. XVIII; Кузнецов С. К. Отчет об археологич. разысканиях в окрестностях Томска, табл. II, 13; ст. Белореченская, ОАК за 1896 г., стр. 9, рис. 55.

[5] Сростки, кург. № 2, Красноярское, кург. № 3, раск. С. М. Сергеева 1930 г. (хран. в Гос. Эрмитаже).

[6] Грязнов М. Древние культуры Алтая, рис. 146.

[7] Хранится в Сибирском отд. Гос. Эрмитажа.

Еще в лучшем виде дожил до нас замечательный меч, найденный в Сростках при раскопках 1925 г. (табл. LVIII, рис. 5).[1] Его лезвие, совершенно прямое, уцелело от основания черена на 95.5 см, но конец найден не был. Ширина клинка в верхней части — до 3.5 см, в нижней 2.7 см. Толщина по одному краю 5 мм, по другому 8 мм. Создается впечатление, что перед нами однолезвийный меч — палаш. Сделан он из волнистой дамасской стали. На мече нет каких-либо остатков рукоятки и ее украшений. Зато совершенно цело перекрестье. Его образуют парные бронзовые пластинки, узорчато расширенные по краям и в середине. Перекрестье украшено рельефным орнаментом, одинаковым с обеих сторон. В центре изображены пальмета и две звезды. Они разделяют прыгающих друг на друга львов. Тот же мотив повторен и на бронзовых петлях для портупеи. Прыгающий лев украшает также четыре бронзовые обоймы от ножен, к которым прикреплены эти петли. Фигуры прыгающих львов несомненно восходят к прототипам сасанидского стиля. Достаточно сравнить их с изображениями львов на серебряных блюдах, украшенных сценами охоты сасанидских царей и воинов.[2] Обращает на себя внимание близость позы и имеющая много общего трактовка отдельных частей фигуры, например, вытянутых вперед лап и завитых в кольца грив. Особенно близки к сросткинским морды двух львов, сидящих против сасанидского царя на одном из староэрмитажных блюд.[3] Однако сросткинских львов нельзя считать копией древних сасанидских. В этом, прежде всего, убеждает одна деталь — изображение кистей их хвостов в виде растительного вырезного узора. Такая орнаментальная стилизация совершенно не встречается в сасанидском, нет ее и в степном искусстве VI—VIII вв.[4] Распространение подобного мотива явно падает на более позднее время, о чем свидетельствует, например, орнамент иранской ткани VIII—IX вв. из Исторического музея.[5]

К позднейшим особенностям восточного искусства относится и еще одна черта в орнаментации ножен сросткинского палаша. Сохранился бронзовый наконечник ножен, украшенный растительным узором и фигурой прыгающего льва. У льва своеобразно положение хвоста. Он подогнут вниз, пропущен между лап и поднят завитком над спиною зверя. При этом конец хвоста также имеет вид причудливо вырезанного листа. Такое положение хвоста не свойственно ни сасанидскому орнаменту, ни более позднему, в том числе и степному VI—VIII вв. Наиболее ранним памятником, на котором имеется лев с таким положением хвоста, является серебряный ковш, найденный около Коцкого городка. Я. И. Смирнов относил его к VIII—X вв.[6] Наиболее вероятной кажется позднейшая из выдвинутых дат.

---

[1] Archaeologia Hungarica, XVI, 1934, табл. VIII.

[2] Орбели И., Тревер К. Сасанидский металл. табл. 3, 6, 18 и 26.

[3] Там же, табл. 18.

[4] Там же, табл. 26.

[5] Якунина Л. И. Древняя иранская ткань из собрания Исторического музея. ВДИ, 1938, № 1, стр. 104—107, рис. 1.

[6] Смирнов Я. Восточное серебро, табл. LVIII, № 92; о дате см. текст к Атласу, стр. 8.

В ее пользу говорит отсутствие в VIII—IX вв. других изображений львов с просунутым между лап хвостом. Зато позднее они распространяются очень широко в орнаментации серебряных изделий и архитектурных сооружений не только на востоке, но и на романском западе и у нас на Руси. К XI—XII вв. относятся восточные бляхи с изображением двух львов, найденные под Березовом.[1] К XII в. принадлежит и киликийская серебряная чаша, на ее дне имеются львы, особенно близкие к сросткинским.[2] Такие же львы украшают и восточные ткани (ср. найденную в гробнице Андрея Боголюбского).[3] К XII в. относят и каменный рельеф из Кубачей, изображающий льва и кабана.[4] В это же время и на романских зданиях, например, на портале церкви Трофима в Арле, устанавливаются такие же фигуры львов.[5] На Руси уже в XI в. изображали льва с хвостом, просунутым между лап. Об этом свидетельствует орнамент миниатюры рождества в Трирской псалтыри.[6] В XII—XIII вв. этот мотив во множестве повторяют рельефы Покрова на Нерли, Дмитриевского собора во Владимире, Суздальского собора и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском.[7] Очевидно, зародившись на Востоке в IX—X вв., изображение льва с хвостом, просунутым между лап, становится распространеннейшим элементом орнаментации. Его наличие на наконечнике сросткинских ножен служит новым доказательством принадлежности меча и других находок в первой группе курганов у Сросток ко времени не ранее конца IX в. Что касается происхождения сросткинского меча, то в нем скорее следует видеть изделие Переднего Востока. В пользу этого говорит не только орнаментация, находящая параллели в Иране, Киликии и на Кавказе, но также и материал клинка — струйчатый дамаск. Повидимому, оставаясь в стороне от главных событий истории Центральной Азии, алтайская знать имела возможность пользоваться лучшими образцами культуры переднеазиатского средневековья.

Кроме оружия, при сросткинских покойниках было найдено очень много украшений.

Это, во-первых, различные бляхи от поясов, сделанные из бронзы и позолоченные. В большинстве случаев они сохраняют те же формы, что и более древние VI—VIII вв., только теперь чаще встречаются украшенные рельефным растительным узором.

---

[1] Смирнов Я. Восточное серебро, табл. 81 и 82, № 147.

[2] Орбели И. Киликийская серебряная чаша конца XII в. Сб. «Памятники эпохи Руставели». Изд. Гос. Эрмитажа. Л., 1938, табл. 48.

[3] Гущин А. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XII—XIII вв. Л., 1936, табл. XXIV.

[4] Орбели И. Албанские рельефы и бронзовые котлы XII—XIII вв., табл. 64.

[5] Кожин Н. и Сидоров А. Архитектура Средневековья. М., 1940, рис. 106.

[6] Некрасов А. И. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 53 рис. 19.

[7] Некрасов А. И. Древнерусское зодчество. М., 1936, рис. 73, 78, 80. Его же. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, рис. 63, 64, 65.

Своеобразную группу украшений составляют в Сростках бляшки и подвески с человеческими изображениями. В одних случаях — это фигурка всадника с копьем в руках и с искривленной саблей на левом боку. Ясно видно, что конный воин одет в мягкие сапоги и шаровары. На голове у него округлый, слегка заостренный кверху шлем. Характерно, что голова воина дана на фоне большого диска, передающего своеобразный нимб. Такая особенность вновь выдвигает вопросы о сибирско-иранских взаимосвязях. Правда, нимб известен на весьма ранних буддийских изображениях Китая, Индии и Турфана.[1] Манихейство также оставило рисунки божеств с нимбом.[2] Однако все они священного характера. Только сасанидское искусство придало нимб светским фигурам. При этом существенно, что именно в Иране стали изображать с нимбом не только торжественную фигуру царя, восседающего на троне,[3] но и царя- и даже царевича-всадника.[4] Эта сасанидская традиция продолжала существовать там и позднее, вплоть до хулагидской эпохи [5] и тимуридов.[6]

Находки фигурок всадников с нимбом не ограничиваются Сростками на Алтае. Совершенно аналогичные встречены и в Минусинской котловине. Этим еще раз подчеркивается уже прослеженное по сбруйным украшениям единство культуры Саяно-Алтая в эпоху кыргызского преобладания.

То же отмечают и другие сросткинские привески, имеющие вид головы человека. Близкие к ним найдены в особенно большом количестве на среднем Енисее. Однако сросткинские отличаются своими местными чертами. Среди них оказались рельефные изображения головы бородатого мужчины, одетого в кочический шлем.[7] Подобных пока не найдено в Минусинске. Своеобразна и другая бляшка. В ее верхней части рисунок широкого лица усатого мужчины, а в нижней — каплевидный стерженек.[8] Обе привески очень близки к лицам алтайских каменных изваяний. Каплевидный же стерженек у второй из них совершенно аналогичен кудыргинским, восходящим в свою очередь к прототипам скифского времени. Это сходство еще раз подчеркивает местные корни сросткинского этапа алтайской культуры. Бляхи, украшавшие сросткинские пояса, в основном сохранили старые формы. Они или четыреугольны с прорезью в нижней части для укрепления ремня с привеской, или овальны, или имеют вид шестилепестковой розетки.

Также сохранили старые формы концевые обоймы ремней. Некоторую эволюцию можно заметить лишь у наременных бляшек, имевших прежде «лунничную»

---

[1] First Exhibition Chinese Art. Mills College, 1934, табл. 30, 33, 40.
[2] Денике Б. Живопись Ирана. М., 1938, табл. 4.
[3] Орбели И. и Тревер К. Сасанидский металл, табл. 13, 18.
[4] Там же, табл. 5, 8, 11, 17.
[5] Денике Б., ук. соч., табл. 14 и 15.
[6] Автобиография Тимура. М., 1934, табл. между стр. 208 и 209.
[7] Грязнов М. Древние культуры Алтая, рис. 167.
[8] Там же, рис. 169.

форму. На сросткинских ремнях их заменили бляхи в виде сердца или червонного туза.[1] Поскольку и среди поясных наборов соседних областей эта форма появляется в позднейшее время, можно считать такое изменение характерным для времени после VIII в.

Сросткинские серьги все одного типа: на несомкнутом овальном кольце при помощи специального шарнира прикреплена свободно вращающаяся металлическая бусина.[2] Выше уже было отмечено ее сходство с курайской из горного Алтая.

В заключение обзора инвентаря сросткинских курганов первой группы еще раз отметим находку китайских монет середины IX в. Они не позволяют относить сросткинский комплекс ко времени более раннему, чем вторая половина IX в.

Таким образом, в сросткинских курганах и позднейших погребениях горного Алтая открывается новый этап в истории материальной культуры алтайского населения. Мы уже говорили, что этот этап отличался особенно большой близостью к минусинскому того же времени. Очевидно, кыргызское преобладание играло определяющую роль в культуре соседних областей. Значительность кыргызских черт в алтайской культуре IX—X вв. может служить новым основанием для предположения не только о культурной, но и о политической зависимости Алтая от кыргызов. Среди письменных известий об этом же позволяет говорить сообщение рукописи Туманского о том, что в Кашгарии проходила граница между кыргызами, тибетцами, Китаем и Ягма. Если в какой-то период кыргызы могли распространить свою власть так далеко на юго-запад, едва ли они могли сделать это без укрепления своих позиций на фланге, среди алтайских теснин. Однако это не означало какого-то коренного изменения в жизни алтайцев. Мы видели, что их культура сохраняла особенности прошлого. Алтайская знать вела прежнюю роскошную жизнь, окружая себя лучшими изделиями мастеров Востока. Если многое заимствовалось у соседей-кыргызов, то другие вещи, и в их числе оружие, привозилось издалека, из крупных ремесленных центров Переднего Востока. Монетные находки также говорят о связях с дальними рынками — с Китаем и Черноморьем. Но вместе с тем, сравнение алтайских находок IX—X вв. с одновременными енисейскими убеждает в том, что Алтай в это время продолжал оставаться в стороне. Его главная роль в истории Востока была сыграна раньше, когда его племена заложили основы орхонского каганата.

---

[1] Грязнов М. Древние культуры Алтая, рис. 156.

[2] Хранятся в Бийском музее, № 151 (4 экз.), см. Грязнов М. Древние культуры Алтая, рис. 166.

Глава IX

ЕНИСЕЙСКИЕ КЫРГЫЗЫ

(ХАКАСЫ)

1. ВВЕДЕНИЕ

В различных источниках по истории алтайских племен мы встречали указания на значительную их близость по происхождению и по культурному развитию к населению Минусинской котловины. Наоборот, горно-таежные области к востоку от енисейских степей отличались бóльшей обособленностью. Основываясь на сообщениях китайских летописей, здесь можно выделить три района.

Первый, наиболее восточный, приурочивается к области, лежащей к западу от Селенги. Его население не знало ни лошадей, ни овец. Домашним скотом были олени. Ими, повидимому, питались, на них ездили в одноколках, шкуры их употребляли на одежду. Охота на соболей была одним из важных промыслов. Жили большими семейными общинами в деревянных низких юртах.[1]

Северо-западнее Косогола в восточносаянской тайге Тувинской автономной области и юга Карагассии обитало население, отличавшееся иным, охотничье-рыболовческим бытом. Оно питалось рыбой, зверем и птицей, а также дикорастущей сараной, приготовляя из ее кореньев кашу. Лишь у немногих имелись олени и лошади, жилищем служили шалаши. Весь строй жизни отличался большой первобытностью. Здесь не знали «ни наказаний, ни пеней» и даже кражу личного имущества карали простой двойной отплатой.[2]

Более высоким был уровень культуры племен, живших севернее на территории современного Черемховского, Зиминского, Нижнеудинского и Канского районов.

По сообщению китайцев, там, как и на Енисее, занимались скотоводством, а местами и пашенным земледелием. Жилища здесь более совершенны — деревянные срубы, крытые берестой. Общественной организацией были общины,

---

[1] Иакинф. Собрание сведений..., ч. 1, стр. 441—442.

[2] Там же, стр. 419.

независимые друг от друга, возглавлявшиеся старейшинами. Однако и эти племена были чужды кыргызам (хакасам). Они не только «часто дрались с хягасами... но говорили другим языком».[1] Очевидно, их следует отнести к палеазийской группе. Ее последних представителей в лице аринов и ко́тов еще застали там русские в XVII в.

Такая обособленность восточносаянских районов еще раз указывает направление разысканий о происхождении кыргызов (хакасов).

Язык кыргызских надписей, обнаруженных на Енисее, родственен орхонскому (алтайскому, в своей основе). На ту же близость к Алтаю указывает и разобранная выше легенда о происхождении алтайских тюрок и енисейских кыргыз от одного предка Ниширу из рода Со. Рассмотрение таштыкских памятников на Енисее и пазырыкских на Алтае позволяет говорить о большой близости древней культурной основы, на которой формировались алтайские и кыргызские племена. Эта близость прослеживается и в более раннюю эпоху. Уже в карасукское время она отражала культурное единство многих южносибирских племен, называвшихся китайцами общим именем дин-лин.

Рассматривая таштыкские материалы, мы нашли в них ряд форм, сохранившихся и позднее, среди кыргызских древностей. Эта преемственность подтверждается и собственно кыргызскими вещами.

Однако наряду с такими данными о значении местной енисейской традиции в кыргызской культуре, таштыкские памятники указали на неоднородность, на смешанность состава енисейских племен около начала н. э. Наиболее ярко эту неоднородность продемонстрировали таштыкские погребальные маски. Они доказали распространение в таштыкское время монголоидности и сложение благодаря этому нового типа енисейского населения, сохранившегося затем вплоть до современности. При рассмотрении таштыкских масок были привлечены все письменные свидетельства о смешанном типе енисейских кыргызов, сохранивших в известной мере вплоть до XI в. древние европеоидные черты. При этом было обращено внимание и на прямое указание китайской летописи на происхождение хягас (енисейских кыргызов) в результате смешения дин-линов с алтайскими тюрками и гянь-гунями. Сближение с алтайцами подтверждается родством кыргызов и тюрок в легенде о сыновьях Ниширу.

Что касается гянь-гунь, то большинство исследователей видит в них племена, издавна носившие название «кыргыз», сохраненное в искажении китайской транскрипцией «Шицзи» и «Истории старших Хань». Смешиваясь с енисейскими дин-линами в таштыкское время, они передали на Енисей и свое имя «кыргыз». Однако было бы неправильно считать, что гянь-гуни издавна обитали, наряду с дин-линами, на Енисее.[2] Это опровергается, прежде всего, той областью их рас-

---

[1] Иакинер. Собрание сведений..., ч. 1, стр. 442.

[2] Такое мнение высказал акад. В. В. Бартольд. См. Киргизы, стр. 7. Близко к этому представляет себе события и А. Н. Бернштам (Историч. прошлое киргизск. народа, Фрунзе, 1941, стр. 5).

пространения, которая дана в «Истории старших Хань». Там сказано, что известный Чжи-чжи-шаньюй в своем движении на Запад, «покорив гянь-гунь, утвердил здесь свое пребывание, в 7000 ли от орды восточного Шаньюя на запад, в 5000 от Чешы на север...».[1] Если принять эти координаты, то при размерах ли I века до н. э. примерно в $^1/_3$ версты, отсчитывая, с одной стороны, от бассейна Толы на запад, а с другой, от Турфана на север, мы не достигнем даже верхнего Енисея. Зато скрещение обеих линий произойдет в интереснейшей области северо-западной Монголии, центром которой является озеро Киргиз-нур. Очевидно, к юго-востоку от Алтая и к югу от Енисея — районов тогда дин-линских, и следует разместить кочевья гянь-гуней. Возможно, что и наименование озера Киргиз относится к этому древнейшему периоду.[2]

Обитатели южных районов, лежавших на пути завоевательных походов хуннов, гянь-гуни, могли раньше воспринять монголоидную примесь. Впоследствии они передали ее своим северным соседям — енисейским дин-линам. Возникает, однако, вопрос о причинах смешения. В этой связи нельзя не отметить одного совпадения. Судя по таштыкским маскам, монголоидные черты начали распространяться среди енисейского населения около начала нашей эры. Между тем в это же время — в сороковые годы до нашей эры — Чжи-чжи-шаньюй покорил гянь-гунь и там утвердился.

Легко представить себе, что означало для гянь-гуней покорение их хуннами и длительное пребывание Чжи-чжи в их стране. Хунны пришли в немалом числе. Достаточно вспомнить, что, двигаясь к гянь-гунь, Чжи-чжи присоединил к своему войску 50 тыс. воинов разбитого им Илиму-шаньюя.[3] Нашествие многотысячной орды, вероятно, вызвало значительное вытеснение гянь-гуней из их кочевий в районе оз. Киргиз. Они покинули свою страну и, прикрываясь горами, перешли на Енисей, где смешались с таштыкскими дин-линами. Это смешение и зафиксировали таштыкские маски. Что касается языка, то победителем вышел язык тюркоязычных гянь-гуней. С тех пор китайские источники связывали гянь-гуней (позднее хягасов), т. е. кыргызов, уже с Енисеем. То же размещение кыргызов на Енисее в начале VIII в. дают и местные центральноазиатские источники — надписи орхонских тюрок. Однако ни в одной «рунической» надписи, найденной на Енисее, в области расселения самих кыргызов ни разу не встречено это их имя. В енисейских надписях господствуют местные наименования племен, позволяющие нанести на карту некоторые из кыргызских племенных объединений. Так, на территории современной Тувинской автономной области, в бассейне Улукема и Бейкема, в VII—VIII вв. обитали племена тюльбари, а в долине Кемчика — кешдимы. На территории Минусинской котловины, в степях между Абаканом и Енисеем,

[1] Иакинф. Собрание сведений..., ч. 1, стр. 443.
[2] Бартольд В. Киргизы, стр. 7.
[3] Иакинф. Собрание сведений..., ч. 1, стр. 76.

надписи размещают «превосходный народ большар». Что же касается более северных районов, то там на обширном пространстве от Уйбата до Белого Июса, на запад от Енисея, жили «народы» ач и белиг.

Такое господство местных наименований при отсутствии общего — «кыргыз» (в то же время хорошо известного политикам Центральной Азии и Китая), очевидно, указывает на два обстоятельства. Во-первых, на превосходство исконно енисейских элементов, для которых очень долго имя «кыргыз» было чуждым. Во-вторых, на известную слабость политического единства енисейских племен в VII в., когда была создана основная масса надписей тувинских и минусинских степей.

Последнее подтверждается тем, что в VII в. союз енисейских племен еще не рассматривался как первостепенная величина на политической арене Центральной Азии. Это можно заключить хотя бы из того, что в период своего недолговременного господства над хягясами дом Сеяньто (орх.— Тардуши) «имел там своего гелифу для верховного надзора».[1] Слово «гелифа» или «сылифа» соответствует титулу «эльтебер» орхонских памятников. В этих надписях четко различаются два вида народов («budun»), наиболее значительные каганства («qaγanlyγ budun») и второстепенные эльтеберства («älteberlig budun»). Таким образом, если Сеяньто держали на Енисее гелифу — эльтебера, это не говорит о большой силе подчиненных ему племен в начале VII в. Сказанное подтверждается и тем, что китайское правительство, овладев землями туг-ю в 630 г. и распространив свою власть на соседние области, поставило над енисейскими племенами, вероятно из местной знати, «главноначальствующего» с тем же титулом «сылифа». Даже тогда, когда енисейский «сылифа», наиболее значительный хягасский старейшина Шибокюй-Ачжань в 648 г., впервые в истории сношений с Китаем, прибыл ко двору императора, он был пожалован всякими наградами, ему оказали торжественный прием, но сохранили его старый скромный титул.[2]

Усиление енисейских племен совпадает с эпохой борьбы восточных тюрок с Китаем за восстановление независимости в 6.9—682 гг. К сожалению, источники не сохранили сведений о позиции енисейцев в этой борьбе. Известно лишь, что в результате успеха тюрок власть китайцев пала и на Енисее. Однако есть основания видеть в этом далеко не простое отражение событий орхонского юга. Повидимому, енисейские племена сами сплотились для активной борьбы с иноземцами. Об этом позволяет заключить тот факт, что в орхонских надписях начала VIII в. на севере выступают объединенные кыргызы, возглавляемые сильным каганом. Тюркский каган Мочжо (692—716) очень считался с каганом кыргызов Барс-бегом. Он выдал за него дочь своего предшественника—кагана-освободителя Гудулу (орх.—Ильтерес). Впоследствии хягасский каган стал главным врагом Мочжо, и его уничтожение ставилось последнему в главную заслугу. Это видно из того, что, согласно тюркско-

---

[1] Иакинф. Собрание сведений..., стр. 448.

[2] Там же, стр. 448.

му обычаю ставить изображения убитых врагов у могил ханов и беков, на первом месте у могилы Мочжо было поставлено изображение Барс-бега—кагана кыргызов.[1]

Из надписи советника орхонских ханов — «мудрого Тоньюкука», открытой Д. Клеменцом близ Улан-Батора, видно, что кыргызы при кагане Барс-беге действительно представляли внушительную силу и являлись полноправными членами противоорхонской тройственной коалиции, в которую помимо них входил Китай и западные тюрки, возглавляемые тогда тюргешами.[2] Сам «мудрый Тоньюкук» руководил походом на кыргызов зимой 710—711 г. Только благодаря предательству соседних азов тюрки, «проложив дорогу через снег глубиною в копье и поднявшись в Когменскую чернь (Саяны), разбили и обратили в бегство кыргызский народ. С их каганом мы сразились в черни Сунга... Кыргызского кагана мы убили и эль его покорили».[3] Однако и после убийства их энергичного кагана Барс-бега кыргызы не потеряли полностью самостоятельность. Это видно хотя бы из того, что их посольства и после поражения 711 г. при императоре Сюань-цзуне (713—755 гг.) четыре раза приходили в Китай.[4]

Как известно, господство орхонских тюрок в Монголии продержалось до 745 г., когда они были разбиты уйгурами. Но только в 758 г. решились уйгуры выступить против кыргызов. Судя по изданной Рамстедтом селенгинской надписи, в 50-х годах VIII в. у кыргызов опять был каган. Его-то и постигла неудача — «в 758 году уйгуры завоевали сие государство». На этот раз удар был более сильным, чем при Тоньюкуке: «Хягасские посольства уже не могли проникнуть в Срединное государство».[5] Ослабление енисейских кыргыз видно и из того, что новый «хягасский владетель» получил от уйгурского хана титул «Пицьсе Тунге Гинь» без прибавления слова «каган». Однако это же известие показывает, что подчиненные уйгурам кыргызы не утратили известной самостоятельности. И они использовали ее в борьбе за освобождение. При уйгурском хане Бао-и (808—821 гг.) «были войны между уйгурами и царством гянь-гунь», т. е. кыргызами, в то время уже очень сильными. У них было 400 тыс. воинов, вооруженных луками. Эта цифра явно преувеличена, как преувеличен а и победа уйгур над кыргызами, приведшая будто бы к прекращению самого существования кыргызского государства.[6] Между тем с 820 г. новый кыргызский владетель Яглакар в течение двадцати лет вновь воевал с уйгурами. На этот раз он добился в 840 г. полной победы над уйгурским ханом Чжан-синем.[7]

Еще во время этой победоносной войны Яглакар восстановил свой ханский титул, а после победы и разгрома столицы уйгуров на Орхоне (совр. развалины

[1] Мелиоранский П. Памятник в честь Кюль-Тегина, ЗВОРАО, т. XII, СПб., 1899, стр. 70.
[2] Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge, СПб., 1899, стр. 21.
[3] Там же, стр. 29.
[4] Иакинф. Собрание сведений..., ч. 1, стр. 449.
[5] Там же, стр. 449.
[6] Бартольд В. Киргизы. Фрунзе, 1927, стр. 15.
[7] Бернштам А. Историческое прошлое киргизского народа. Фрунзе, 1942, стр. 11—13.

Харабалгас) он перенес собственную ставку с берегов Енисея на южные склоны Ду-мань (по мнению Иакинфа, к югу от Танну-Ола).[1] Этим было положено начало господствующему положению в Центральной Азии енисейских кыргызов. Оно не было длительным. Новые претенденты на господство в Срединной Азии — кидане или кытаи, очевидно, принудили кыргызов отказаться от завоеваний в Монголии (это «отступление» связывают с походом киданей на запад, в частности, на Орхон в 924 г.). Однако и после этого кыргызы сохраняли свое государство на Енисее, отличавшееся независимостью и силой. Непоправимый удар кыргызам был нанесен лишь завоеванием Чингиз-хана. О силе их сопротивления свидетельствует то, что поход против кыргызов был начат тотчас же после курултая 1206 г. и длился целых два года. Только к 1209 г. сопротивление кыргызов было сломлено. Однако они оставались опасными. Об этом свидетельствует тот факт, что кыргызские отряды не были включены в армию Чингиз-хана. И они оправдали недоверие — в 1218 г., в самый разгар западного похода Чингиз-хана против Хорезма, кыргызы восстали в тылу монгольских армий, к этому времени уже далеко ушедших на восток и на запад от собственно монгольских кочевий. Восстание подавила специальная карательная армия под командой опытнейшего Джучи. Жестоко наказанные кыргызы были причислены к уделу младшего сына Чингиз-хана, Тулуя.

Однако они не теряли надежды на освобождение. Новое восстание было поднято кыргызами в 1254 г. во время избрания на престол Чингиза Мункэ-хана. События вновь приняли настолько широкие размеры, что монголы вынуждены были двинуть на Енисей 20 тыс. воинов.

Несмотря на военную силу, волнения у кыргызов не прекращались. Лишь с 1270 г. снова утвердилась на Енисее власть монгольских ханов, и кыргызы подчинились ханскому наместнику. Но и усмиренные кыргызы представляли, очевидно, большую опасность. Поэтому Хубилай-хан распорядился в 1293 г. вывести часть кыргызов в Маньчжурию, в область На-Янь.

Разумеется, все эти события XIII в.— неоднократный военный погром и вывоз в чужие земли — гибельно отразились на кыргызах и их оригинальной культуре, служившей сотни лет основой их силы и самостоятельности.

Происхождение и особенности этой культуры, различные ее стороны и ее связи с окружающим миром должны быть рассмотрены на возможно бóльшем материале.

2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ КЫРГЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Рассматривая таштыкские маски, мы уже отмечали наличие в них, наряду с новыми монголоидными примесями, старых тагарских европеоидных черт. Там же были приведены свидетельства восточных писателей об устойчивом сохранении у кыргызов вплоть до XI в., и даже позднее, дин-линской белокурости и светлых глаз.

---

[1] И а к и н ф. Собрание сведений..., ч. 1, стр. 450.

Эту устойчивость в кыргызской среде местных дин-линских элементов косвенно подтверждает и тот факт, что общее наименование «кыргыз» отсутствует в минусинских и тувинских надписях. Очевидно, для большинства приенисейского населения, издревле местного, южное имя «кыргыз» (гянь-гунь) долго было чуждым. Лишь в упорной борьбе за самостоятельность против тюрок и уйгур в VIII—IX вв. приенисейские «народы» объединились под общим наименованием «кыргыз».

Совершенно такую же сильнейшую связь с древней местной культурой обнаруживает и изучение кыргызских древностей.

Внешний вид кыргызских каменных курганов типа Чаатас во многом повторяет земляные тагарские курганы. Особенно ярко это выражено в наличии оград из врытых в землю каменных плит и особенно в установке по углам и серединам сторон курганов высоких каменных стел. Совершенно так же, как это наблюдается у позднетагарских и таштыкских курганов и насыпей, у многих курганов типа Чаатас парные стелы, выступающие за линию ограды, образуют своего рода «вход» в курган, а отдельные одиноко стоящие в поле столбы отмечают «входную сторону» (табл. LIV, рис. 1; табл. LIX, рис. 1).

Однако если сходство во внешнем оформлении курганов до известной степени может быть результатом подражания более древним памятникам, всегда бывшим перед глазами и поэтому служившим невольными образцами, то этого нельзя сказать о внутреннем устройстве курганов. Между тем и здесь выявляются поразительные совпадения. Основной особенностью таштыкских погребальных склепов было укрепление стенок обширной ямы поставленными плотно друг к другу вертикальными столбиками. Совершенно тот же способ применялся и в погребальных камерах курганов типа Чаатас как богатых, так и рядовых, очень бедных. Покрытие таштыкских склепов обычно поддерживалось массивными бревенчатыми переводинами. Так как пролет потолка иногда достигал 9—10 м и над ним насыпалась значительная насыпь, переводины таштыкских склепов подпирались одной или несколькими бревенчатыми подпорками. Могильные ямы кыргызских курганов типа Чаатас редко достигают в ширину более 3 м. Между тем в некоторых из них, и при этом далеко не в самых крупных, обнаружились такие же массивные подпорки — столбы. Они совершенно излишни конструктивно и могут быть объяснены только как пережиток более старой таштыкской конструкции.

Эту же связь подчеркивают и позднейшие таштыкские погребения, уже не имевшие, как мы видели, огромных размеров усыпальниц таштыкской знати, но приближавшиеся в этом отношении к кыргызским курганам типа Чаатас.

То же можно сказать и о погребальной обрядовости. В позднетагарских курганах распространен обряд погребения многих умерших в одном большом склепе. При этом часты трупосожжения. Таштыкская эпоха сначала применяла оба способа — трупоположения встречаются главным образом в рядовых могильниках типа Оглахты, трупосожжения — в коллективных усыпальницах знати. Однако в поздних таштыкских погребениях находили остатки трупосожжений одного,

реже двух человек, лежавших у одной из стенок ямы, а при них глиняные сосуды, деревянные блюда и плошки с костями коровы и барана. Совершенно ту же картину видим и в могильных ямах кыргызских курганов типа Чаатас. У одной из стенок, возле группы глиняных сосудов, лежат грудкой пережженные кости человека. Иногда таких грудок в одной яме две и три, но не больше. Зато во множестве лежат кости барана и коровы — главным образом бараньи скелеты и их курдючные части и ребра коровы. Как видно, задолго до VII—VIII вв. уже началось приближение к обряду погребения, который стал характерным для курганов типа Чаатас (табл. LIV, рис. 11).

Не менее показательны и некоторые вещи из погребального инвентаря кыргызских курганов.

Одной из характернейших и распространеннейших находок в таштыкских погребальных склепах являются бронзовые пластинки, отлитые или вырезанные в виде плоского «силуэтного» изображения пары головок животных, обращенных в противоположные стороны. Чрезвычайно важно, что аналогичные пластинки в виде парных головок коньков неоднократно встречены и в киргизских курганах VII—VIII вв.[1] (табл. LIV, рис. 2; табл. LIII, рис. 16).

На такую же связь, но уже в области изобразительного искусства, указывают находки в курганах Уйбатского чаатаса и соседнего Капчальского могильника VII—VIII вв. деревянных фигурок баранов, обложенных золотом и серебром (табл. LIV, рис. 3—5). Приемы их изготовления, детали резьбы по дереву и покрытие их металлическими листками очень близки к таштыкской торевтике. О близком родстве кыргызского искусства с более древним тагарско-таштыкским свидетельствуют замечательные орнаменты находок в Копенском чаатасе, о чем мы еще будем говорить специально.

Наконец, эту же связь кыргызской культуры VI—VIII вв. с предшествующим таштыкским развитием демонстрирует глиняная посуда.

Уже при описании кыргызских курганов, раскопанных мною у с. Тесь в 1931 г., отмечалась находка рюмковидного сосуда, напоминающего сосуды на коническом поддоне конца тагарской и таштыкской эпохи [2] (табл. LIV, рис. 8). Однако особенно ярко зависимость кыргызской керамики от таштыкской выявилась при исследовании Л. А. Евтюховой кыргызского поселения у с. Малые Копены.[3]

В копенском поселении было обнаружено два слоя. В нижнем слое после его

---

[1] С. Тесь. кург. № 1 — раск. С. В. Киселева 1931 г. (Евтюхова Л. К вопросу о каменных курганах на среднем Енисее. Труды ГИМ, в. VIII, М., 1938, стр. 113, рис. 2); с. Батени, одиночные кам. курганы VII в. (Теплоухов С. А. Опыт классификации..., табл. II, рис. 26); Уйбатский чаатас, кург., раскопанный в 1936 г. М. М. Герасимовым (хран. в Гос. Эрмитаже), и курган, раскопанный в 1938 г. С. В. Киселевым (хран. в ГИМ).

[2] Евтюхова Л. А. К вопросу о каменных курганах, стр. 116. Ее же. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан. 1948, стр. 14, рис. 12.

[3] Евтюхова Л. А. Кыргызское поселение у с. Малые Копены. КС ИИМК АН СССР, в XVI. М., 1947, и ее же Археологические памятники..., стр. 73—80.

отложения были вырыты углубления, очевидно, служившие основанием юрт. За время жизни в этих юртах накопился второй, верхний, культурный слой. Находки в обоих наслоениях настолько однородны, что нет никаких сомнений в их принадлежности к одной кыргызской культуре времени курганов типа Чаатас.

Если исключить находку в верхнем слое явно случайных двух обломков андроновского сосуда, украшенного елочным орнаментом, вся остальная керамика Копенского поселения из обоих слоев может быть объединена в две группы. В одну входят обломки посуды, обычные для курганов типа Чаатас. Это, прежде всего, 39 фрагментов так называемых кыргызских ваз — высоких, узкогорлых, украшенных штампованным елочным узором, и 126 фрагментов грубых горшков из темной глины, в погребениях, обычно сопровождающих вазы. (Эта группа составляет 11.2 + + 36.2 = 47.4% всей найденной керамики.)

Вторая группа состоит из 183 обломков (52.6%) баночных сосудов коричневого и темного цвета. Края украшены точечным и полулунным (ногтевым) орнаментом. По качеству теста, по технике выделки с заглаживанием поверхности, по слегка суженной у бортика «боченковидной» форме и по характеру орнамента эти обломки совершенно отличны от находившихся до сих пор в кыргызских могилах. Зато они целиком совпадают с керамикой из позднетагарских и таштыкских курганов. Поскольку обломки сосудов второй группы находились на Копенской стоянке в обоих слоях, и в верхнем и в нижнем, вместе с фрагментами сосудов первой группы, характерных для кыргызских погребений VI—VIII вв., нет никаких оснований разделять их во времени.[1] Очевидно, в кыргызские могилы ставилась только та посуда, которая или была сделана с применением новых технических приемов (кыргызские вазы), или формовалась наспех, небрежно, может быть специально для погребальной церемонии. Массовой обыденной посуды в могилы не ставили, и поэтому она при раскопках курганов не встречалась. Но как только начались раскопки кыргызского поселения, в большом количестве встретилась повседневная кыргызская посуда, оказавшаяся весьма сходной с таштыкской.

Такое сохранение в кыргызской керамике поселения наряду с новыми прежних тагарско-таштыкских форм, технических приемов и орнаментов несомненно служит еще одним аргументом в пользу местного происхождения важнейших элементов древней кыргызской культуры.

---

[1] Состав керамики поселения у с. Малые Копены:

Верхний слой

Андроновских с елочным орнаментом	2 (0.8%)	
«Кыргызских ваз»	10 (4.0%)	44.2%
Грубых, типичных для Чаатас	103 (40.3%)	44.2%
Тагарско-таштыкского типа	140 (55.0%)	

Нижний слой

«Кыргызских ваз»	29 (31%)	55%
Грубых, типичных для Чаатас	23 (24%)	55%
Тагарско-таштыкского типа	43 (45%)	

3. КЫРГЫЗСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Еще в тагарское время в Минусинской котловине определились районы преимущественного занятия или скотоводством, или земледелием. Это деление, обусловленное географическими различиями, позднее было поддержано особенностями общественного и имущественного состояния. Племенная знать таштыкской эпохи, судя по инвентарю уйбатских усыпальниц, вела более подвижной образ жизни, ее быт был более связан с конем, чем быт рядового населения, оставившего скромные могилы оглахтинского типа. Очевидно, это было вызвано тем, что накопление богатства в скоте было особенно удобным.

Копенское поселение показывает, что быт населения в кыргызскую эпоху был своеобразен. В нем очень сильны были черты кочевничества. В этом, прежде всего, убеждает форма жилищ. От них на поверхности почвы остались многочисленные округлые и овальные углубления. Всего в настоящее время их уцелело до пятидесяти. Раскопки двух из них и рекогносцировка третьего и четвертого показали, что эти углубления образовались там, где были неглубокие выемки диаметром в 12—15 м, служившие некогда местом, над которым устанавливалось легкое жилое сооружение. Поскольку не было обнаружено никаких следов столбов и кольев, это была, очевидно, юрта. У двух из этих углублений, отличавшихся большей глубиной (до 60 см), до сих пор сохранились остатки наклонных сходов. Между обширными углублениями расположены в большом количестве меньшие, диаметром в 1—3 м. Такие ямы существовали на территории поселения с самого его возникновения, еще до расчистки углубленных площадок для установки юрт. Таковы, например, ямы № 1 и № 2 в первом раскопе, из которых было извлечено большое количество колотых костей коровы, овцы, коня и обломки кыргызских ваз. Они служили для свалки кухонных остатков.

Найденное в обоих слоях Копенского поселения позволяет сделать ряд наблюдений. Выше уже была разобрана керамика, подтвердившая большую силу древних местных традиций в культуре енисейских кыргызов VI—VIII вв. Определение костей животных, найденных в обоих слоях, показало, что в жизни обитателей Копенского поселения большую роль играл домашний скот[1]. Костей диких животных почти не найдено. Это, однако, не позволяет отрицать значение охоты. Тушек пушных зверей могли не приносить в поселок, так как шкурки снимались на охоте. Помимо доказательства скотоводства, на стоянке были обнаружены указания

[1] Состав костей, найденных на поселении у с. Малые Копены.

	1-й слой		2-й слой	
Баран	70	(38.%)	43	(48%)
Корова	18	(15%)	28	(31%)
Лошадь	31	(25%)	16	(18%)
Косуля	1	(0,8%)	—	—
Птица	—	—	1	(1%)
Рыба	—	—	1	(1%)

на земледелие. В первом слое на участке 7—8 × АБ, между двумя жилыми углублениями был встречен обломок жернова от вращающейся ручной мельницы. Он совершенно сходен с жерновами, случайно найденными в Минусинской котловине, хранящимися во всех коллекциях минусинских древностей сибирских и центральных музеев. Судя по его незначительной толщине (около 7 см),— это кусок нижнего жернова. Первоначально он имел диаметр до 40 см. В его центре имелось небольшое отверстие для закрепления осевого стержня. Верхний жернов таких мельниц имеет сверху выпуклую, почти полушарную форму с плоской трущей поверхностью. Посредине в нем высечено широкое отверстие, края которого несколько выступают своего рода втулкой. На внешней поверхности верхнего жернова имеются всего 3—5 ямочных углублений — следы прикрепления рукоятки, которая была, вероятно, простой, вертикальной. Опыты с подобными мельницами убеждают в том, что они не предназначались для размола зерна в муку. На таких маленьких жерновах, несмотря на медленное вращение и повторный и даже по третьему разу пропуск вполне сухого зерна, мука не получалась, но вырабатывалась крупа — зерно дробилось на две-три части. Повидимому, действительно маленькие жерновки употреблялись для размола на крупу, из которой, как сообщает китайская летопись, у хягасов изготавливали кашу и вино.[1] Однако тот же источник рассказывает, что на Енисее «муку мелют ручными мельницами».[2] Очевидно, для этого употреблялись жернова диаметром до 50—70 см, также находимые случайно в Минусинской котловине. Наши наблюдения над подобными мельницами, до сих пор применяющимися в крестьянском быту (мы испытывали их в Московской обл., в Минусинском районе и Горно-Алтайской области), показывают, что самая примитивная из таких мельниц при удовлетворительном качестве муки, достигаемом замедленным вращением, может дать до 50 кг за 12 часов работы. Если принять во внимание, что самая усовершенствованная зернотерка при совершенно сухом зерне за те же 12 часов беспрерывной работы выдает не больше 10—12 кг муки, становится ясным огромный рост производительности в помоле с введением на Енисее ручных мельниц. Это свидетельствует, прежде всего, о значительнейшем увеличении значения земледелия, во много раз расширившего свою производительность и благодаря этому наполнившего кыргызское (хягасское) хозяйство большими массами зерна, для переработки которого уже не были достаточными старые приемы размола на зернотерках.

Таковы основные выводы, которые можно сделать на основании находок на поселении у с. Малые Копены.[3] Они целиком согласуются и с другими сведениями о древнекыргызском хозяйстве.

---

[1] И а к и н ф. Собрание сведений..., ч. 1, стр. 448.

[2] Т а м ж е, стр. 447.

[3] Помимо перечисленных находок керамики, костей и жернова, на кыргызском поселении у с. М. Копены были найдены: обломки костяных накладных пластин, костяные наконечники стрел обычного вида, костяная свистулька от стрелы, бусы из сердолика и перламутра, камен-

В Минусинской котловине найдено значительное количество китайских тяжелых, литых из чугуна плужных лемехов с отвалами. Один из них хранится в Государственном историческом музее, два мне известны из ленинградских собраний и двадцать экземпляров находятся в Минусинском музее (табл. LIII, рис. 2, 3).[1] На некоторых из них имеются клейма мастеров — изображения рыб, кресты, подражания китайским иероглифам и китайские надписи. В частности, на отвале, хранящемся в Государственном историческом музее, читается рельефная надпись «человек сделал». Эта надпись важна и в другом отношении. В 1940 г. ее осмотрели ученые хранители Государственного музея б. дворца в Пекине искусствовед Фу Чжэн-Лун и палеограф-каллиграф Ли Най-Чжи. Оба китайские ученые пришли к единодушному мнению, что, по эпиграфическим данным, надпись на отвале свидетельствует о его изготовлении еще до династии Тан, всего вернее в V в. н. э. Это определение имеет очень большое значение. Оно позволяет сближать во времени сложение ранних форм кыргызской государственности и значительнейший шаг вперед в хозяйстве минусинских племен — распространение плужного земледелия. Вполне возможно, что усовершенствование техники обработки пашни оказало и на Енисее такое же большое влияние на ход общественного развития, какое можно предполагать на Алтае в эпоху сложения тюркского каганата.

Помимо китайских плугов кыргызы применяли и собственные. От них дошли концевые оковки лемехов подтреугольной формы.[2] Кроме того, в Минусинских степях найдено большое число железных наконечников от трехзубой сохи, своеобразного древнего типа (табл. LIII, рис. 4).[3] Вместе с тем не исключена возможность употребления и в кыргызское время мотыги. Различные ее виды также имеются среди случайных находок, хранящихся в музеях.[4]

Земледелие в кыргызское время охватило еще более широкие территории, чем раньше. Это доказывают находки железных серпов в более засушливых или горных местностях, где не было найдено бронзовых серпов тагарского типа. Так, кыргызские железные серпы найдены на р. Тёе, на верхнем Абакане, в верховьях Уйбата и на таежной р. Убей.[5] Использование новых земель стало возможным главным образом благодаря усовершенствованию орошения. Сравнительно простые арычные системы тагарского времени заменялись сложными. Арыки сеткой покрывали

ные плитки, глиняное пряслице, железный нож и игральные астрагалы — бараний со срезом с одного бока и коровий, отмеченный знаком в виде четыреугольника, заштрихованного прямоугольной решеткой. Последняя находка, так же как и керамика, связывает поселение и с кыргызскими курганами и с таштыкскими погребениями в склепах.

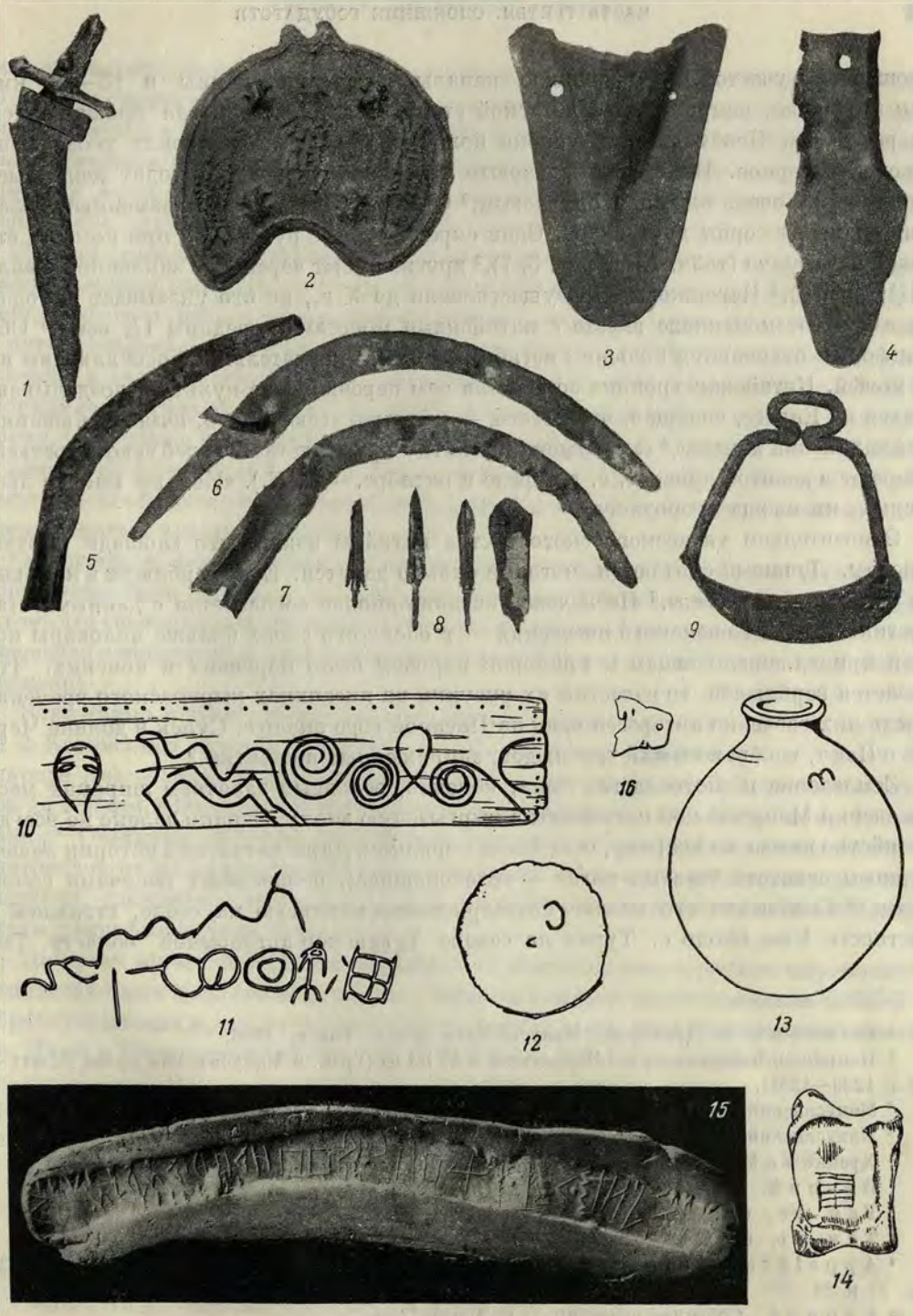
[1] Минусинский музей, № 1187—1204 и 1281. ГИМ, № 54746—1642, 3810.

[2] Минусинский музей, № 1277—1279, и Красноярский музей. Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск, 1929, табл. IV, рис. 33.

[3] Хранится в ГИМ, колл. Згерского-Струмилло, и в Минусинском музее.

[4] Минусинский музей, № 1283, 1224.

[5] Минусинский музей, № 909, 1268—1272.



Орудия и оружие енисейских кыргыз (рис. 1—9).

Древнейшие надписи, тамги и изображения енисейских кыргыз (рис. *10—15*).

орошаемый участок.[1] Подводящие каналы достигали длины в 15—20 км, как это видно, например, в Уйбатской степи на землях, некогда орошавшихся из реки Беи. Необходимость уборки больших урожаев обусловила усовершенствование серпов. На смену бронзовым тагарским серпам приходят железные. Сначала они очень близки к бронзовым.[2] Однако со временем их заменяют более рациональные серпы двух видов. Одни скрепляются с рукояткой при помощи откованной втулки (табл. LIII, рис. 5, 7),[3] другие имеют черешок с заклепкой (табл. LIII, рис. 6).[4] Черешковые просуществовали до X в., на что указывает находка их в Тюхтятском кладе вместе с китайскими монетами середины IX века.[5] Обе эти формы отличаются большим изгибом лезвия, окончательно обособляющим их от ножей. Китайская хроника сохранила нам перечисление культур, возделывавшихся на Енисее, сообщив, что хягасы — кыргызы «сеют просо, ячмень, пшеницу и гималайский ячмень»,[6] там же можно узнать и другие детали: «хлеб сеют в третьей, убирают в девятой луне» (т. е. в апреле и октябре. — *С. К.*). «Нет ни плодов древесных, ни овоща огородного».[7]

Относительно хягасского скотоводства китайцы знали, что «лошади плотны и рослы. Лучшими считаются, которые сильно дерутся. Есть верблюды и коровы; но более коров и овец».[8] Последнее указание вполне согласуется с данными статистики костей Копенского поселения — в обоих его слоях больше половины костей принадлежало овцам и примерно поровну было коровьих и конских. Что касается верблюдов, то известны их рисунки на писаницах кыргызского времени. Среди них особенно интересен один на Писаной горе около с. Сулек в долине Черного Июса, изображающий верблюдов, запряженных в кибитки.[9]

Земледелие и скотоводство были, конечно, основным занятием широких масс населения Минусинской котловины в кыргызскую эпоху. Однако далеко не всегда хозяйство велось по-старому, общинным порядком. Даже китайский историк нашел нужным отметить богатых хягас — «хлебопашцев», обладавших тысячами голов скота.[10] Сообщение это вполне подтверждается надписью на стеле, стоявшей в местности Уюк около с. Туран на севере Тувинской автономной области. Там

---

[1] Клеменц Д. Древности Минусинского музея, Томск, 1886.

[2] Например, найденные у с. Черемушки и с. Калы (хран. в Минусинском музее, № 911—913 и 1226—1231).

[3] Минусинский музей, № 893—910, 1272—1274 и 1276.

[4] Минусинский музей, № 855—892, 1265—1271 и 1275 (более крупный).

[5] Хранятся в Минусинском музее, № 5183 и сл.

[6] Иакинф. Собрание сведений..., ч. 1, стр. 444.

[7] Там же, стр. 444.

[8] Там же, стр. 444.

[9] Appelgren-Kivalo H. Alt-Altaische Kunst-denkmäler, Helsingfors, 1931 рис. 77 и 84.

[10] Иакинф. Собрание сведений..., ч. 1, стр. 444.

говорится, что покойный «не мог остаться» среди «моих шести тысяч коней».[1] О том же, перечисляя богатства кыргызского бега, говорит надпись на стеле, находившейся в Койбальской степи, в 22 км от с. Ачуры. У бега Уры, которому она посвящена, «на земле снабженные тамгой (т. е. собственные.— *С. К.*) табуны лошадей были бесчисленны... в сумах находившееся имущество было бесчисленно, как черные волосы».[2]

Чьими силами обеспечивался уход за этими «бесчисленными» табунами, принадлежавшими кыргызским бегам, и кто обрабатывал земли «богатых хлебопашцев»,— на этот вопрос также имеется ответ в китайской хронике. Рассказывая о пути китайского посольства к хягасам, китайский хронист описывает таежные племена и замечает по их поводу, что «хягасы ловят их и употребляют в работу».[3] Повидимому, старое рабство, замеченное археологами еще в предшествующую эпоху, не исчезло, но приобрело большее значение. Рабский труд стал применяться в хозяйстве кыргызской знати. Эту важнейшую особенность, ставящую древнекыргызское общество в один ряд с раннеклассовыми организациями средневековья, подтверждают и другие факты.

У китайцев нет указаний на какие-либо повинности, которыми кыргызские общинники были бы обязаны своей аристократии. Известное китайское сообщение о том, что «ясачные вносят подать соболями и белкою»,[4] говорит лишь о дани, взимавшейся с покоренных кыргызами «ясачных» племен (т. е. кыштымов позднейшего времени).

Зато прямо о дани говорят надписи на известных золотых сосудах из кургана № 2 Копенского чаатаса. На одном из них написано: «Золото... дар Ача», т. е. «народа Ач» — ветви кыргызов, населявшей степи современной Хакассии от Июсов до Уйбата.[5] Надпись на другом копенском сосуде гласит: «Бегское серебро мы дали».[6] Очевидно, формой зависимости кыргызских свободных земледельцев и скотоводов от их аристократии на первом этапе были дани и всевозможные приношения, одинаково присущие и рабовладельческим и «дофеодальным» государствам раннефеодальной поры.

Не менее значительной, чем земледелие и скотоводство, отраслью кыргызского хозяйства были различные ремесла. Среди них первое место занимали добыча и обработка железа и других металлов. Их наличие в земле хягас было широко известно. Даже в Китае отмечали, что там «есть золото, железо и олово».[7]

---

[1] Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften. Dritte Lieferung. СПб., 1895, стр. 307.
[2] Там же, стр. 330.
[3] Иакинф. Собрание сведений..., ч. 1, стр. 448.
[4] Там же.
[5] Евтюхова Л. и Киселев С. Чаатас у с. Копены, стр. 43—44.
[6] Там же, стр. 43.
[7] Иакинф. Собрание сведений..., ч. 1, стр. 444.

Развитие обработки железа, обусловленное еще в тагарско-таштыкское время потребностями вооружения, было затем поддержано дальнейшим совершенствованием хозяйства. Распространение плужного земледелия увеличило необходимость в железе для изготовления лемехов, сошников, отвалов, серпов и других сельскохозяйственных орудий. То же можно сказать и о конской сбруе, где железо стало основным материалом для изготовления всех важнейших частей. В IX—XIII вв. рост хягасского ремесла стимулировался также обменом не только с соседними, но и с более удаленными областями Азии.

Железо добывалось в кыргызское время во многих местах. Памятниками этого являются многочисленные железные рудники, «чудские ямы». Они расположены не только в горах, окружающих Минусинскую котловину,— на отрогах Саян и Алтая и в Кузнецком Алатау, но и в центре Минусинских степей, например, за рекой Тубою. К сожалению, до сих пор эти копи не исследовались, и знают о них лишь немногие, хотя они постоянно служат важными указателями при геологических разведках.

Добытая в копях руда, очевидно, в горах не обрабатывалась, но переправлялась в центральные районы. Именно там, на дюнных холмах и в сосновых борах, тянущихся вдоль Енисея и его главных притоков — Абакана, Тубы, Ои и других рек, в большом количестве встречаются остатки сыродутных мастерских. Еще в XVIII в. следы большого числа таких мастерских были видны при устье р. Абакана. Однако детальное их изучение было начато лишь недавно.[1] Особенно большие результаты дали в этом отношении раскопки В. П. Левашовой в окрестностях г. Минусинска в 1933, 1934, 1936—1938 гг.[2]

Этими исследованиями также установлено, что выплавка железа производилась вдали от рудников. Магнитный железняк, закладывавшийся в горны около Минусинска, происходит из месторождений, расположенных за р. Тубой и южнее с. Означенного. Таким образом, он привозился не менее чем за 100 км. Почти во всех сосновых лесах Минусинского района удалось встретить остатки древних железоплавилен. Добыча железа из руды производилась в небольших горнах. Они устраивались обычно на юго-юго-восточных склонах дюнных холмов, очевидно, с таким расчетом, чтобы господствующие западные и северо-западные ветры, продувая по лощинам между дюн, способствовали разжиганию горна, а затем относили бы в сторону выделяемые газы. Уголь для горнов применялся древесный, обжигавшийся рядом в воронкообразных ямах. Самые горны несколько вкапывались в склон дюнного холма и имели вид прямоугольных или трапецоидных ящиков из каменных плит длиной 0.9, шириной 0.8 и высотой до 0.7 м. Изнутри их стенки вымазывались глиной. Сверху горны покрывались плитами и глиняной

---

[1] Merhart G. Ein Eisenschmelzofen am Jenisseï. ESA, т. IV, 1929.

[2] Левашова В. П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, стр. 48—51; Евтюхова Л. А. Археологические памятники и т. д., стр. 96—98.

обмазкой, в которой проделывались отверстия для выхода газов. Передняя стенка была разборной. В ней имелось довольно широкое отверстие. Судя по находкам Г. Мерхарда, в это отверстие вмазывалось глиняное сопло мехов. Перед горном выкапывалась круглая яма диаметром в 2—3 м. Во время действия горна здесь устанавливались мехи для подачи воздуха. По окончании дутья южную стенку горна разламывали, и жидкие шлаки сливались в яму, образуя корки, которые раскалывали и выбрасывали наверх. Со временем из них накапливались вокруг ям большие подковообразные отвалы. Остальные отходы, спекшиеся в виде глыбы, также выбрасывались. Подсчет числа таких глыб показывает, что каждый горн использовался от 25 до 40 раз. Самый металл, восстановленный в сыродутном горне в виде тестообразной массы, так называемой «крицы», после остывания извлекался со дна горна для дальнейшей обработки кузнечным способом. Судя по найденным В. П. Левашовой остаткам, в кыргызские горны закладывали древесный уголь, размельченный магнитный железняк и обломки камней, служивших флюсами. Качество руды было очень хорошее, с 65—70-процентным содержанием железа. Однако лишь ничтожная его часть восстанавливалась в крицах. Так, из руды с 67-процентным содержанием железа 50 процентов металла оставалось в шлаках и лишь 17 процентов доставалось мастерам в крицах. Зато качество этого кричного железа было очень высоким. Судя по тому, что вокруг горнов не было найдено почти никаких бытовых находок, можно предполагать, что мастера приходили сюда только на время плавки. Получив нужное число криц, они возвращались в свои поселки, где железо дорабатывалось и из него изготовлялись кузнечные изделия.

Остатки поселков, где жили искусные кыргызские кузнецы, тянутся непрерывной цепью по дюнам вдоль берегов Енисея и его главных притоков. К сожалению, большинство культурных наслоений там развеяно, и вещи находятся во вторичном залегании. Однако находки очень показательны. Нам удалось осмотреть такие места кыргызских поселков на дюнах у с. Кривинского, Краснотуранского и Копен на Енисее и у с. Шалоболино и Тесь на р. Тубе. Значительные площади (иногда до 0.5 км) отмечены сплошными находками кыргызской керамики, аналогичной изученной на поселении у с. М. Копены, и очень большим количеством шлаков и угля. Местами встречаются целые их груды, очевидно, отмечая расположение кузнечных горнов, от которых иногда уцелели и разбросанные камни. Там же, особенно весною или после больших ветров, находят различные вещи и среди них, прежде всего, железные изделия.[1] Большое число костей животных и черепков говорит о долговременности этих поселков.

Сравнение материалов, добытых на поселениях с большим числом кузнечных горнов, и результатов исследования поселка у с. Малые Копены обнаруживает

[1] Как было выяснено путем опросов населения с. Шалоболина, Теси и Копен, главное количество железных находок, «сданных» в свое время в Минусинский музей и частным коллекционерам, собрано «на песках», на месте древнехакасских поселений.

значительные различия. При раскопках жилищ в различных траншеях и шурфах, а также в многочисленных нарушениях культурного слоя, например на пашне в поселке у Малых Копен, нигде не было найдено ни скоплений углей и шлаков, ни каких-либо других признаков металлургического производства. Между тем, в 2 км, на дюнах Копен-Карагай, в ту же эпоху находилось поселение, вся площадь которого усыпана углем и шлаками. Очевидно, именно там работали копенские кузнецы-кыргызы. Но они там и жили, оставив после себя не только развалины горнов, но и большое число черепков и кухонных отбросов, главным образом в виде костей домашних животных.

Такое различие двух соседних поселений позволяет предполагать, что кыргызские кузнецы обособлялись от остальной общинной массы даже территориально. Повидимому, на Енисее для этой поры уже можно говорить об отделении ремесла от сельского хозяйства и о концентрации ремесленников в особых пунктах. Пока мы знаем эти ремесленные поселки в виде приречных поселений. Возможно, что эта тяга к реке объяснялась стремлением жить поближе к основной артерии края — системе Енисея, которая одна только в зимнее время давала удобный выход на юг за Саяны. Вполне вероятно, что в эпоху наибольшего распространения кыргызского господства ремесленники группировались также и вокруг городов, пока еще не отысканных археологами, но имена которых сохранила китайская летопись (например, Гянь-Чжеу, Илан-Чжеу и др.). Все это свидетельствует о сложной организации важнейших отраслей кыргызского ремесла.

Выше уже говорилось об одном из основных видов кыргызской кузнечной продукции — местных лемехах, сошниках, серпах, горбушах и мотыгах. К ним надо прибавить также многочисленные топоры. Все они еще с конца тагарской эпохи сохраняют пальштабовидную форму.[1]

Выделывали кыргызские кузнецы и орудия своего ремесла, а также инструменты для обработки цветных металлов. В Минусинском музее хранятся всевозможные молотки. Одни из них довольно крупных размеров — кузнечные, другие, мелкие, служили зубилами, метчиками, подковными молотками и чеканами для нанесения орнамента на бронзовые, золотые и серебряные изделия.[2] Особенно искусны были кыргызские кузнецы в выделке оружия. Об этом знали даже китайцы. Их хронисты отметили, что железное оружие, изготовленное кыргызскими кузнецами, было столь остро, что могло пронзить кожу носорога. Повидимому, этими высокими качествами и объясняется широкое распространение кыргызского оружия вплоть до арсеналов танского Китая.

До нас сохранились различные образцы этого оружия. Особенно велико было производство железных наконечников стрел. Об этом свидетельствует уже тот

---

[1] В одном Минусинском музее их хранится 204 экз. (№№ 914—1117).

[2] Время этих инструментов определяется находкой в Тюхтятском кладе двух молотков-метчиков вместе с китайскими монетами IX в. (хран. в Минусинском музее, № 5183 и сл., см. табл. LXI, рис. 1).

факт, что среди случайных находок в Минусинском музее хранятся 4144 наконечника.

Судя по находкам в кыргызских погребениях, в VI—VIII вв. выделывались главным образом трехгранные и трехлопастные наконечники, а также плоские со сравнительно тонкой лопаточкой острия, заточенной горизонтальным лезвием.[1] Эти наконечники совершенно аналогичны описанным выше алтайским. Позднее, в IX—X вв., кыргызы выделывали в особенно большом количестве плоские массивные наконечники ромбоидальной формы. Их наиболее характерной особенностью является наличие невысоких граней на широких плоскостях.[2] Наряду с ними продолжали бытовать и трехлопастные стрелы с округлыми и полулунными прорезями.[3]

Во всех соседних с Минусинской котловиной областях Южной Сибири на Алтае, в Кузбассе, под Ачинском и Красноярском, а также в Канском районе и в Карагассии находят наконечники стрел, совершенно аналогичные кыргызским. Однако ни в одной из этих областей находки их далеко не достигают такой степени концентрации, как на среднем Енисее. На основании этого можно предположить, что центром наконечников стрел, применявшихся в V—X вв. на широких пространствах Саяно-Алтая, была область енисейских кыргызов. С кыргызскими мастерами лишь в некоторой степени состязались в это время племена Прибайкалья, особенно так называемые «курумчинские кузнецы».[4]

Помимо наконечников стрел кыргызские кузнецы выделывали и другое оружие, прежде всего, мечи и кинжалы. Мечи были длинные (до 80—90 см), обоюдоострые, с прямым перекрестьем. Рукоятки, очевидно, изготовлялись из дерева или кости и насаживались на черешок. Встречена и другая разновидность — однолезвийный палаш.[5] Кинжалы первоначально имели ту же подтреугольную черешковую форму, что и на Алтае в VI—VIII вв. Позднее, в IX—X вв., кроме них стали изготовлять более широкие кинжальные клинки с почти параллельными лезвиями.[6] Особо следует отметить кинжал, найденный в кургане Уйбатского чаатаса. Он имеет черешок, указывающий на расположение рукоятки под углом, как у некоторых сабель VIII—IX вв. Аналогично с ними устроено и его перекрестье (табл. LIII, рис. 1).[7]

---

[1] В Минусинском музее таких наконечников хранятся 2377 экз.— № 1287—3322 и № 5234—5574.

[2] В Минусинском музее хранятся 1767 таких наконечников — № 3425—5191. Из них №№ 5183—5191 найдены в Тюхтятском кладе с китайскими монетами IX в. См. табл. LXI, рис. 4.

[3] Капчалы II, кург. № 2, 4 и 5 — раск. Левашовой 1935 г. (хран. в Минусинском музее).

[4] Петри Б. Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье. «Наука и школа», (Чита) 1923, № 1, стр. 21 и сл.

[5] Хранится в Минусинском музее (Левашова В. П. Из далекого прошлого..., табл. XV, рис. 9).

[6] Хранятся в Минусинском музее из Тюхтятского клада IX—X вв., № 5183 и след.

[7] Archaeologia Hungarica, в. XVI, табл. VI, 3 и рис. 22.

Копья, повидимому, применялись в меньшем числе, и находки их наконечников, имеющих вид массивной рогатины, сравнительно редки.[1]

Здесь же следует упомянуть о защитном вооружении. Китайский хронист отметил, что у хягасов (кыргыз) «конники прикрывают руки и ноги деревянными щитиками; еще на плечи накладывают круглые щитики, которые могли б защищать от острия стрел и сабель».[2]

Замечательно, что на местных изображениях кыргыз действительно видны эти «щитики». На копенских рельефах мы их увидим спереди на коленях,[3] на Сулекской писанице они в виде округлого щитика-зерцала прикрывают грудь, овальные же видны на плече.[4] Однако кыргызские кузнецы выделывали в большом количестве и пластинчатые панцыри. Об этом свидетельствуют хранящиеся в Минусинском музее 200 отдельных железных панцырных пластин, найденных случайно в различных местах на среднем Енисее.[5] Внешний вид кыргызских панцырей можно восстановить по изображениям воинов на енисейских писаницах. Там, особенно на писанице у с. Сулек и на камне одного из курганов чаатаса на р. Ташебе, хорошо видны панцырные рубашки, доходившие до колен. Писаничные рисунки передают также форму кыргызских шлемов — обычных на востоке шишаков.[6]

Наряду со всевозможными орудиями и оружием кыргызские кузнецы вырабатывали очень большое количество различных принадлежностей конской сбруи. В погребениях VI—VIII вв., исследованных в Минусинской котловине, найдено много удил, стремян, седельных пряжек и т. п. На основании этих находок и сравнительных данных представляется возможным установить и здесь последовательность форм.

Как и на Алтае, следует отметить стремена из выгнутой восьмеркой проволоки с плоским подножием, часто украшенным прорезями (табл. LIII, рис. 9).[7]

Судя по наличию в коллекции Минусинского музея шести миниатюрных изображений стремян этого типа, они появились на Енисее еще в таштыкское время[8]

---

[1] Левашова В. П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края, табл. XV, рис. 1.

[2] Иакинф. Собрание сведений..., ч. I, стр. 445.

[3] Евтюхова Л. и Киселев С. Чаатас у с. Копены, рис. 54.

[4] Appelgren-Kivalo H. Alt-Altaische Kunstdenkmäler, стр. 93.

[5] Хранятся в Минусинском музее, № 6579—6779 (Левашова В. П. Из далекого прошлого..., табл. XV, рис. 11—13).

[6] Appelgren-Kivalo H. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, рис. 77, 80, 81, 93 и 342.

[7] Ташеба, кург. № 3 — раск. Адрианова 1895 г.; Каменный курган по р. Таштык (Теплоухов С. Опыт классификации..., табл. 1, рис. 40); с. Кривинское, кург. № 7, заимка Усть-Тесь, кург. № 2 — раск. С. В. Киселева 1928 г. (Материалы археологич. экспедиции 1928 г., табл. V); Капчалы, № 1, погр. II— раск. В. П. Левашовой 1936 г. Из случайных находок в Минусинском музее хранится 83 экз. этого типа — №№ 6371, 6372, 6374—6378, 6394, 6396, 6420—6433, 6461—6520.

[8] Хранятся в Минусинском музее. №№ 6375—6378, 6394 и 6432.

и просуществовали вплоть до X в., о чем свидетельствует находка их в минусинских погребениях с конем.[1] Такая хронология совпадает с алтайской.[2] На западе впервые восьмеркообразные стремена распространяются с VI в.[3] Наиболее поздняя их находка сделана в Максимовском могильнике X в.[4]

Несколько позднее восьмеркообразных стал выделываться на Енисее второй тип стремян, отличающийся тем, что на вершине дуги имеется пластина, в которой пробито ушко для путлища. Большинство стремян этого типа имеет квадратную пластинку (табл. LIX, рис. 5 и 6, последнее — бронзовое). [5]

У некоторых стремян пластинка сильно вытянута вверх. При этом замечено, что такие стремена отличаются еще своеобразной изогнутостью нижней части боковых дуг при переходе их в подножие (табл. LIV, рис. 12).[6] Этот вариант имеет полную аналогию только в бронзовых стременах, найденных в Китае.[7] Повидимому, такое сближение подтверждается и наличием в Минусинской котловине среди стремян с пластинчатым ушком нескольких отлитых из бронзы. [8] На китайское происхождение формы стремян с вытянутым вверх пластинчатым ушком прямо указывает одно из них, найденное в кургане № 5 Уйбатского чаатаса. Стремя украшено богатой инкрустацией: среди серебряных завитков растительного узора и цветов порхают птицы из золотистой бронзы (табл. LIV, рис. 12). Этот орнамент находит себе полную параллель в китайском искусстве Танской эпохи и позднее.[9] Стремена с пластинчатым ушком выделывались на Енисее и в IX—X вв., на что указывает их находка в Тюхтятском кладе.[10] Таким образом, в бытовании у кыргызов этого типа стремян обнаруживается значительная параллельность не только

---

[1] Усть-Тесь, кольцо № 2 — раск. С. В. Киселева (Киселев С. В. Материалы..., табл. V, рис. 12 и 16).

[2] См. выше, стр. 291.

[3] Например, в Венгрии в могильниках Böleske (VI в.), Szent Endre (VI—VII вв.), Regölv, Czicó (VII в.) и Kassa (VII—VIII вв.) (Hampel I. Alterthümer der frischen Mittelalters, Bd. II, 313—316, 345, 229—230, 236—273, 314).

[4] Хранятся в ГИМ.

[5] Копены, кург. № 2 и № 7 (Киселев С. и Евтюхова Л. Чаатас у с. Копены, рис. 37 и 43); Уйбат, кург. № 1 (Евтюхова Л. К вопросу о каменных курганах, рис. 8); р. Таштык, «могила на седловине» (Теплоухов С. Опыт классификации.... рис. 38). Из случайных находок в Минусинском музее хранится 70 экз. №№ 6379—6415, 6434—6448, 6451—6460, 6541, 6543, 6570, 6572, 6573, 1258, 1259.

[6] Уйбат I, курган № 5 — раск. С. В. Киселева 1938 г.; Капчалы I, кург. № 4 и № 5 — раск. В. П. Левашовой 1934 г.

[7] Rostovtzeff M. The Animal Styl, табл. XXIII, рис. 4.

[8] Копены, курган № 2 и курган № 7 (Евтюхова Л. и Киселев С. Чаатас у с. Копены, рис. 37; табл. LIX, рис. 6).

[9] Ashton L., Gray B. Chinese Art, стр. 150— золотой диск эпохи Тан, украшенный аналогичными цветами; Tch'ou Tō-yi, Bronze antique de la Chine. 1924, табл. XXXVI — зеркало эпохи Тан с аналогичными птичками и табл. XXXVII — зеркало эпохи Цзинь с аналогичными птичками.

[10] Хран. в Минусинском музее № 5183 и сл.

с Алтаем, но и с югом Европейской части СССР. Там они найдены в Перещепинском кладе VII в.,[1] в инвентаре Верхне-Салтовского могильника,[2] в Воробьевском могильнике близ Воронежа [3] и в могильниках VI—IX вв. на Сев. Кавказе.[4]

В Венгрии этот вид стремян впервые появляется в VI в. и широко распространяется в VII и VIII вв.[5] Позднее, с IX в., его заменяют стремена с четыреугольным ушком на верху дуги.[6] Эти стремена также восточного происхождения. Они имеются среди случайных находок в Минусинском музее.[7] Некоторые имеют ушко, украшенное головками животных совершенно так же, как украшено головами драконов хранящееся в Минусинске замечательное бронзовое стремя явно китайского происхождения.

В большом количестве выделывали кыргызские кузнецы и наиболее простые стремена с отверстием для путлища, пробитым в слегка расплющенной верхней части дуги. [8] В погребениях кыргызов эти стремена пока не найдены. В соседнем Алтае они появились еще в кудыргинское время. [9] Однако на западе они распространились гораздо позднее, только с IX ст.[10]

Кыргызские кузнецы выделывали огромное количество железных удил.[11] Господствующей их формой в VI—X вв. были двусоставные кольчатые удила с вращающимися по концам дополнительными кольцами. В большинстве случаев они снабжены эсовидными псалиями с приклепанными ушками для поводка.[12] Некоторые псалии VI—VIII вв. сверху были украшены головками баранов, а снизу — схематическим изображением копыт (т. LVIII, рис. 4).[13] Такая орнаментация весьма интересна, так как является еще одним указанием на живучесть старых традиций скифо-тагарского времени, когда украшение псалий головками и копытами животных было широко распространено. Позднее кыргызские удила IX—X вв. имеют более простые железные псалии с утолщенными концами

---

[1] Бобринский. Перещепинский клад. МАР, № 34, табл. VII, рис. 15 и 16.

[2] Труды XII Арх. съезда, т. I, табл. XXII, рис. 101 и 102.

[3] Archaeologia Hungarica, вып. XV , 1935, табл. V, рис. 3.

[4] Там же, табл. V, рис. I и II.

[5] Hampel I., ук. соч., т. II, стр. 109, 345, 315—316, 272—273, 277—279, 114—115, 84—86, 360, 362—363, 177—178, 363—366.

[6] Там же, т. III, табл. 336—1, 3, 339—5, 340—1—3, 5, 343—1, 2, 344—1, 6, 347—1, 2, 355 А — 1, 356—1, 2. Archaeologia Hungarica, в. XXI, табл. CXXXVII, рис. 1 и 2, табл. CXXXV, рис. 19.

[7] Минусинский музей, №№ 6417—6419, 6443, 6571.

[8] Хранятся в Минусинском музее 49 экз., № 6521—6540, 6542, 6544—6569, 6576, 6577.

[9] Руденко С. и Глухов А. Могильник Кудыргэ на Алтае, рис. 16—4.

[10] Hampel I. Ук. соч., т. III, табл. 330—3, 4, 354—2.

[11] В Минусинском музее хранится 780 экз. (№№ 5591—6370).

[12] Найдены в каменных курганах: Уйбат I, кург. № 1 (Евтюхова Л. К вопросу..., рис. 9). Капчалы I, кург. № 1, погр. 1, кург. № 4 (2 экз.) — раск. Левашовой 1934 г.

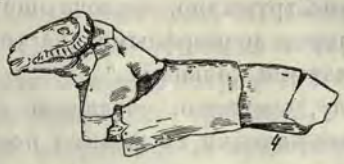
[13] Евтюхова Л. А. К вопросу о каменных курганах на среднем Енисее, стр. 121, рис. 9























Вид кыргызских курганов Уйбатского чаатаса в У
погребения в Уйбате II (рис. *11*). Вещи, найденные
чаатаса в Хакассии (рис. *2*, *5—10*, *12*), и I К

(табл. LXI, рис. 1).[1] Тогда же применяются и костяные эсовидные псалии.[2] Затем и на Енисее, так же как и на Алтае, удила с небольшими кольцами, рассчитанные на применение псалий, сменяются новой формой, отличающейся бóльшими размерами концевых, свободно вращающихся колец.[3]

Для конской сбруи кыргызские кузнецы ковали всевозможные пряжки. Среди них совершенно аналогичны алтайским дугообразные с замковым язычком, вращающимся вместе с осью. Такие пряжки применялись и в VI и в X вв.[4] Сходные металлические пряжки в VI—VIII вв. распространены и на западе, например в Венгрии.[5] В IX—X вв. кыргызы начали ковать лошадей, применяя подковы.[6] К этому же времени относится распространение выделываемых кыргызскими кузнецами железных украшений сбруйных и поясных ремней. В неоднократно упоминавшемся Тюхтятском кладе IX—X вв. найдено несколько таких железных блях в виде длинных заостренных наременных пластинок. Сверху они украшены тонким чеканным узором геометрического точечного, кружкового и чешуйчатого рисунка.[7] Немало подобных блях, украшенных еще серебряной инкрустацией, найдено случайно на полях Минусинской котловины. Особенно выделяется уздечный набор из собрания Згерского-Струмилло, включающий прекрасные удила с покрытыми тонким чеканным узором зооморфными пластинчатыми псалиями и свободно вращающимися пластинчатыми кольцами.[8]

Кыргызские мастера по металлу, очевидно, соединяли занятия кузнечным и литейным делом. На это указывают находки на дюнных поселениях кыргызских металлургов одновременно и железных шлаков и пролитой бронзы. Обработка драгоценных металлов — золота и серебра — велась, повидимому, в той же среде, возможно, лишь более узким кругом специалистов. В пользу этого говорит тесная связь между изделиями из бронзы и золотыми и серебряными вещами. Трудно отделить на Енисее ювелира от литейщика и кузнеца. Впрочем, и сейчас эти специальности у хакассов и алтайцев обычно соединены. Основными изделиями кыр-[illegible]их литейщиков и ювелиров были личные украшения, украшения поясов

лад — 3 экз. (хранится в Минусинском музее № 5183). Погребения с конем, Затеней. Теплоухов С. А. Опыт классификации..., табл. II, рис. 41.
В. Материал..., табл. V, рис. 13.
А. Опыт классификации..., табл. II, рис. 62. Эту же смену мы наблю-

№ 3 — раск. С. В. Киселева в 1936 г., хран. в ГИМ; Тюхтятский музее, № 5183 и след.

Минусинском музее, № 5183 и сл., см. табл. LXI, а также е памятники и т. д., стр. 67—72.

чет ГИМ за 1915 г., стр. 9—20.

Рядовые погребения кыргыз сохранили формы украшений VI—VIII вв., весьма близкие к описанным выше алтайским. Особенно показательны в этом отношении находки, сделанные В. П. Левашовой в курганах первого Капчальского могильника.[1] Уздечки украшены округлыми и четыреугольными бляхами с выпуклостями, близко напоминающими кудыргинские. Скрещения же их ремней прикрыты округлыми бляхами с тремя лопастями вырезных очертаний, совершенно аналогичными алтайским, например из курганов III группы Курая. Также сходны с курайскими и туяхтинскими пряжки и обоймы уздечных ремней. Кроме уздечных наборов, в Капчальском кургане № 1 (погребение II) были найдены сердцевидные бляхи, вырезанные из тонкой бронзовой пластины. Они, вероятно, украшали нагрудные ремни (табл. LIX, рис. 30). Их форма ближайшим образом напоминает бляхи, найденные в погребениях Салтовского могильника [2] и в катакомбах Балты [3] VI—IX вв.

Так же, как и на Алтае в VI—VIII вв., скромны и капчальские серебряные бляхи от поясов. Это, главным образом, несколько усложненные лунницы и четыреугольные или полукруглые бляшки с отверстием в нижней части.[4] Концевые удлиненные бляхи отличаются, как и на Алтае, округленным внешним краем. Одна из наременных концевых блях, найденная в кургане № 5, украшена рельефным изображением хищника, терзающего барана. Мастерски выполненная, эта бляха еще раз свидетельствует о сохранении в кыргызской среде старых тагарско-таштыкских, «скифо-сарматских» традиций.[5]

Было бы, однако, неправильным представлять себе работу кыргызских мастеров по металлу только на основании скромных капчальских образцов. Если даже в наиболее богатых курганах Алтая находятся только их аналогии, то это лишь показывает его захолустность в VII—VIII вв., когда политический центр алтайских тюрок переместился далеко на юг и на восток.

Одновременные находки в курганах кыргызской знати показывают необыкновенную изощренность енисейских мастеров, с успехом удовлетворявших стремление своих богатых заказчиков к пышной роскоши. Особенно ярки в этом отношении материалы, добытые Л. А. Евтюховой и мною в курганах Копенского чаатаса в 1939 и 1940 гг. [6]

Уже то немногое, что уцелело от ограбления могил в копенских курганах, отличалось от капчальских вещей. Золотые нашивные и наременные бляхи из курганов № 5, 6 и 7 были украшены сложным узором, по преимуществу растительных

[1] Хранятся в Минусинском музее (Левашова В. Из далекого прошлого..., табл. XVI, рис. 9—11, 16—18, 22—24, 26—33, 38).

[2] Труды XII Археологич. съезда, т. I, табл. XXII, рис. 92—95.

[3] Материалы по археологии Кавказа, т. VIII, табл. XVI, рис. 3 и 4.

[4] Левашова В. Из далекого прошлого..., табл. XVI, рис. 18 и 24.

[5] Там же, табл. XVI, рис. 38.

[6] Евтюхова Л. А. и Киселев С. В. Чаатас у с. Копены. Труды ГИМ, т. XI, М., 1940, стр. 21—55.

форм. Но особенно четко новый вид орнаментации проявился на массивной золотой бляхе от пояса, найденной в грабительском лазе второго копенского кургана. Она была украшена растительным орнаментом. Стебли образовали сложный тонкий ажурный узор, среди которого располагались цветы. Это работа местного мастера (табл. LVII, рис. 8), знавшего китайские образцы — цветы орнаментов Танской эпохи.[1] Этот источник новых орнаментальных форм обнаруживается и на других вещах из копенских курганов.

В углу, образованном стенкой грабительского хода и южной стенкой могильной ямы копенского кургана № 2, в небольшом углублении-тайничке был найден узелок из кошмы, в котором были завязаны различные украшения от сожженной вместе с покойником сбруи и пояса.

Несомненно, к одному набору принадлежат шесть больших и пять мелких пластинчатых блях, двойных, склепанных узорчатыми гвоздиками (табл. LIX, рис. 8, 10). Между ними сохранились остатки обгорелой кожи, на которую они были нашиты. Бляхи украшены тонким чеканным узором в виде лепестка цветка. На одном китайском золотом блюде орнамент составлен из цветов, очень близких описываемым.[2] Здесь уместно отметить, что до сих пор в уздечных и седельных наборах хакассы любят гравировку в виде цветов. К конскому же убору принадлежат и 23 ворворки от кистей (табл. LIX, рис. 15). Их трубки заканчиваются изящными расширениями в виде розетки. Вероятно, и 13 крупных бубенчиков украшали сожженую сбрую (табл. LIX, рис. 15). Рассматривая весь набор в целом, мы найдем в нем много общего с наборами VII—IX вв. из таких могильников, как Салтовский, Балта и Чми.[3]

Иного характера массивные бронзовые бляхи. Четыре из них овальные, с выгнутыми краями. Они украшены ажурным растительным орнаментом, окружающим отверстие. К ним же принадлежат: полукруглая бляшка, наконечник пояса, сердцевидная бляшка, большая концевая обойма ремня и тонкая наременная обойма. Это остатки поясного набора, передняя часть которого всегда украшалась бляшками с отверстием (к ним привязывали ремни для сабли, мешочки с трутом и огнивом), а задняя—сердцевидными или полулунными бляхами. Сюда же, возможно, относится и массивная литая пряжка, язычок которой, вероятно, был сделан из железа. По своей форме эти пряжки также весьма характерны для кочевников VII—IX вв.

---

[1] Ср. цветы, украшающие стенки фарфорового китайского кувшина эпохи Тан (A s h t o n L., G r a y B. Chinese Art. pl. 57).

[2] A s h t o n L. and G r a y B. Chinese Art, табл. 47а.

[3] Труды XII Археологич. съезда, т. I, 1905, табл. XXII, рис. 91—95; Труды XIII Археологич. съезда, т. I; Труды XIV Археологич. съезда, 1911, рис. 131; Труды XV Археологич. съезда, 1914; Материалы по археологии Кавказа, т. VIII, табл. 66. Должно также отметить чередование кистей и бубенцов на ремнях сбруи еще сасанидского времени (О р б е л и И. Т р е в е р К. Сасанидский металл. Л., 1935, табл. XVII).

Третью группу составляют пластинчатые бляхи, покрытые тонким растительным узором. Из них пять квадратных и две треугольных, выгнутых одинаковым образом, как будто их набивали на твердый выступ (табл. LIX, рис. 11). Все они имели подкладки, с которыми соединялись фигурными заклепками, причем на подкладке имеются те же прорезы, что и на бляхах.

Повидимому, бляхи набивали на нечто тонкое — бересту, кожу, войлок. По орнаменту и выделке к ним же принадлежит пластинка с продолговатым отверстием. Такие бронзовые и костяные пластинки на берестяных колчанах служили отделкой петель для ремней. Наконец, особую группу составляют тонкие и длинные бронзовые пластинки с отверстиями для гвоздиков.

Три пластинки украшены рельефными звездочками. Все они имеют следы двух перегибов, что указывает на набивку их на гранчатый предмет. Такие же перегибы имеются и у найденных там же трех широких обойм из тонкого листа бронзы. Обращает на себя внимание сходство последних с обоймами ножен мечей.[1]

Особую группу составляют золотые наременные бляшки. Так как их орнаментация очень близка по своей тематике к украшениям сосудов, мы разберем их ниже.

В заключение упомянем о сильно оплавившихся обломках медного блюда, оказавшихся в узелке вместе с описанными предметами.

* * *

На второй тайник кургана № 2 очень похожи оба тайника, найденные в центральной части кургана № 6. В обоих оказались главным образом принадлежности сбруи.

Первый из них, расположенный под северовосточной стороной центральной части кургана, также содержал узелок из войлока со сбруйными украшениями. Среди них отметим уздечный набор из бронзовых бляшек довольно грубого литья. Бляшки были укреплены на ремне двумя, тремя или четырьмя расклепывавшимися шпеньками; 18 из них овальны и украшены схематическим изображением цветка (табл. LIX, рис. 4); 13 имеют подтреугольную форму; их орнамент беспредметен. Сюда же следует отнести узкую удлиненную бляшку, небольшую пряжечку и ряд мелких концевых обойм. Бляшки, украшенные схемой цветка, находят себе ближайшую аналогию в уздечном наборе из могилы под круглой каменной насыпью при керексуре около Наинтэ-Сумэ, в Северной Монголии. Эта могила со скелетами человека и двух коней датируется шелковой сасанидско-китайской тканью VI—VII вв.[2] Вторую группу предметов составляют принадлежности седельного набора:

---

[1] Сходная обойма найдена в кладе около с. Терехина б. Кузнецкого уезда с вещами VII в. Архив ИИМК за 1909 г., дело № 75.

[2] «Северная Монголия», вып. II, Л., 1927, стр. 73—75, табл. IV, 9—20. Узкая удлиненная бляшка вполне аналогична бляшкам этого же времени, найденным нашей экспедицией в 1935 г. на Алтае в кургане № 3 близ с. Туяхта, Онгудайского аймака Горно-Алтайской области.

пара крупных концевых наременных обойм, крупные бронзовые пряжки и 13 подвесных блях, украшавших седельную шлейку (табл. LIX, рис. 9). Это массивные бронзовые литые щитки с тремя лопастями и петлей для подвешивания, украшенные растительным ажуром. На средней лопасти изображена морда кошачьего зверя, такие мотивы в искусстве Саяно-Алтая известны еще в деревянной резьбе гунно-сарматской эпохи. Затем они распространяются в орнаментации бронзового литья позднейшего времени, вплоть до VIII—IX вв. На боковых лопастях изображены морды хищников, совпадающие с аналогичными изображениями на минусинских бронзах тагарского времени (I тысячелетие до нашей эры), что имеет большое значение для установления происхождения звериной орнаментации кыргызского искусства. К седельному же набору относятся и две пары стремян —одна железная, другая из бронзы (табл. LIX, рис. 5, 6); по форме они обычны для VI—IX вв.

Совершенно особую серию предметов составляют найденные в том же узелке первого тайника штампованные бронзовые рельефные изображения различных зверей, двух скачущих всадников (одно из них сломано) и др. Так как эти рельефы имеют большое значение для истории древнекыргызской культуры, мы рассмотрим их особо. Здесь же только отметим наременные бронзовые овальные бляшки, выполненные той же техникой, что и рельефы.

Второй тайник кургана № 6 расположен на одной линии с первым, но в юго-западной стороне. Он более сложен. В его овальной ямке (40 × 35 см) на дно была положена продолговатая каменная плитка 20 × 35 см. На ней насыпаны густым слоем пережженные кости человека. Среди них собраны обрывки золотых листков, обломок золотой оплавившейся серьги, обломки оплавившегося золотого браслета с расширяющимися концами, золотая пуговица и капли расплавленного золота, очевидно, от браслета. Под слоем костей на камне найдены обломки глиняной крестовидной бляшки. Интересен браслет, близкий браслетам VII в. из кочевнических погребений Венгрии [1] и кладов VII—VIII вв. Украины.[2] Ближайшей же его аналогией является браслет из погребений около Капчальского баритового рудника в Хакассии.[3] Глиняная бляшка, очевидно, была покрыта золотом. Глиняные бляшки, обложенные золотом, были широко распространены в таштыкскую эпоху.

К юго-восточной стенке тайника был прижат узелок из кожи со сбруйным набором. Сверху лежала пара железных стремян, аналогичных найденным в первом тайнике, и железные удила с эсовидными псалиями, сильно попорченные ржавчиной. Сбоку и между этими вещами были плотно уложены 13 литых бронзовых позолоченных блях (табл. LVII, рис. 9), подвешивавшихся к седельной шлейке;

---

[1] Hampel I., ук. соч., табл. II, 81—82; табл. III, 66, 5, 6.

[2] МАР, в. 34, табл. XI, рис. 37.

[3] Левашова В. П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края, табл. XVI, 3.

они листовидной формы, с вырезными краями, отделанными рельефным спирально-растительным узором. В центре бляхи — округлая выпуклость с цветком. По сторонам — рельефные изображения двух разъяренных львов; поле покрыто чеканным кружковым узором. Чеканом же нанесены детали на фигуры львов и рельеф. Подобного рода бляхи широко распространены в сбруйных наборах кочевнического мира; укажем на бляхи из Салтовского могильника [1] и катакомб Балты.[2] На Енисее они найдены в Капчальском могильнике.[3] Однако там обнаружены неорнаментированные пластинки, между тем в Минусинском крае и на Алтае среди случайных находок имеются очень близкие к нашим бляхи с рельефным орнаментом, но более сухим и ограничивающимся главным образом растительным узором да изображением на месте центральной выпуклости усатой личины.[4] Зато в Китае мы находим близкие аналогии: особенно интересны две бляхи, хранящиеся в Париже: на одной изображены дерущиеся львы, очень схожие с нашими; другая бляха с прекрасным изображением несущегося коня имеет на вырезных краях завитки растительного узора, весьма близкие к узору по краю копенских блях.[5] Китайская струя в орнаментации наших блях со львами дает о себе знать и в рисунке, причудливо изысканном, и в чешуйчатой разделке фона, и в композиции двух зверей, разделенных выпуклостью — «пылающей жемчужиной» китайского мифа. Только здесь традиционные драконы заменены львами. Помимо перечисленных предметов, во втором тайнике лежали такие же бронзовые рельефные изображения всадников, зверей, гор и пр., что и в первом. О них будем говорить позже.

Сравнивая еще раз украшения капчальских и копенских курганов, мы видим все разнообразие продукции кыргызских литейщиков и ювелиров VI—VIII вв. Они выделывали и скромные украшения сбруи и поясов простых кыргызов, и пышное убранство знати. Сложную орнаментацию богатых уборов они не просто обогащали заимствованиями иранских и китайских образцов, в ней проявлено также и их собственное творчество, сохранявшее славные и плодотворные традиции тагарско-таштыкского мастерства.

О вопросах кыргызского искусства еще придется говорить ниже.

* * *

В IX—X вв. изделия кыргызских мастеров по металлу сильно отличаются от более ранних. Мы это уже отмечали в кузнечном и оружейном деле. То же обнаруживается и в литье.

---

[1] Труды Археологич. XII съезда, т. I, табл. XXII, рис. 92—95.

[2] Материалы по археологии Кавказа, т. VIII, табл. XVI, рис. 3 и 4.

[3] Левашова В. П. Из далекого прошлого..., табл. XVI, рис. 30 и 33.

[4] Там же, табл. XVI, рис. 25.

[5] Salmony A. Eine chinesiche Schmuckform und ihre Verbreitung in Eurasien. ESA, стр. 325, рис. 1 и 2.

В этом отношении ценным источником являются наременные бляхи уже упоминавшегося клада, найденного около с. Тюхтяты на р. Казыре в северо-восточной части Минусинской котловины. Клад точно датирован четырьмя китайскими монетами IX в.

Тюхтятские бронзовые бляхи характеризуются господством четыреугольных форм с вырезными краями. Даже бляхи ременных скрещений имеют прямоугольные лопасти. Почти все бляхи покрыты сложным рельефным растительным узором с цветами, весьма близким к рисунку золотой наременной бляхи из кургана № 2 Копенского чаатаса (табл. LXI, рис. 1). Кроме четыреугольных и крестовидных блях, в кладе имеются «лунничные», покрытые тем же рельефным узором, а также сердцевидные бляхи с выпуклым полубубенчиком в середине. Совершенно новой формой являются овальные бляшки с дополнением, похожим на рыбий хвост. Всеми этими особенностями — квадратностью формы, литым рельефным узором, наличием сердцевидных и особенно «хвостатых» блях уздечные и поясные наборы Тюхтятского клада совершенно аналогичны украшениям, обнаруженным в погребениях IX—X вв. сросткинских курганов Северного Алтая. Эта близость усиливается сходством сросткинских и тюхтятских удил, одинаково отличающихся уплощенностью концов эсовидных псалий, тождеством форм кинжалов и другими особенностями. Очевидно, в IX—X вв. по всему Саяно-Алтайскому нагорью распространилась новая мода на вещи тюхтятско-сросткинского типа. Аналогичные наборы так называемого Змиевского кургана близ Семипалатинска свидетельствуют о наличии этих форм и далее к Западу.

Вопрос о происхождении этой новой моды уже рассматривался выше при изучении столь близких к тюхтятским сросткинских украшений Алтая. Там отмечалось, что если на Алтае не были известны более ранние орнаментальные мотивы, на основе которых мог бы развиться узор сросткинских и змиевских наборов, на Енисее такой узор создавался еще в VII—VIII вв. При этом была сделана ссылка на только что изученную золотую поясную бляху из Копенского кургана, украшенную сложным растительным ажуром и цветами. Изучение этого ажурного узора показало, что в нем имеются китайские элементы. Между тем нигде в Сибири не проявляются в такой степени для VI—X вв. сношения с Китаем, как у енисейских кыргызов. В этом можно видеть еще один довод в пользу кыргызского происхождения новых тюхтятских, сросткинских и змиевских украшений IX—X вв.

* * *

Из других ремесел кыргызов обращает на себя внимание гончарное (табл. LIV, рис. 6—9). Как показали раскопки поселения у с. Малые Копены, наряду с хозяйственной посудой, формованной от руки, в массе своей сохранившей старые таштыкские черты, кыргызы имели прекрасно выполненные на гончарном круге высокие вазы. Они в очень большом количестве найдены в кыргызских курганах

VI—VIII вв.[1] Их отличает совершенно своеобразное качество глины. Тонко отмученная, после обжига она превращается в звонкий черепок, напоминающий больше всего не керамику, но камень серого цвета. Уже эта особенность заставляет вспомнить китайские черепицы и отделочные плиты стен построенного в китайском стиле в эпоху Хань здания, исследованного в 1941, 1945 и 1946 гг. около г. Абакана. Не менее близки к кыргызским вазам по качеству глины и обломки сосудов из ноин-улинских курганов хунну — времени около начала н. э.[2] Форма кыргызских ваз — вытянутое яйцевидное тулово, с высоким развернутым вверху горлом — имеет лишь очень отдаленное сходство с некоторыми таштыкскими сосудами. Зато полную аналогию по внешнему виду кыргызские вазы находят в некоторых сосудах, найденных в Северном Китае, Монголии и Бурятии.[3] Особенно близка к кыргызским ваза, найденная в кургане VI—VII вв. в урочище Нанитэ-Сумэ в Монголии.[4] Сходство здесь подчеркнуто не только единством формы и качеством материала, но и тождеством орнамента. Как монгольская, так и большинство енисейских «кыргызских ваз» украшены широким поясом идущего по плечам елочного орнамента, нанесенного путем последовательных отпечатков штампа.

Все эти особенности и сходства не оставляют сомнений в южном происхождении техники, формы и печатной орнаментации «кыргызских ваз». Во всем этом они воспроизводят китайские приемы. Однако было бы глубоко ошибочным присоединяться к мнению тех исследователей, которые на основании этих черт сходства были склонны самые вазы, найденные на Енисее, считать привозными с юга, если не из Китая, то из Монголии. Этому противоречит их особенно широкое распространение у енисейских кыргызов. Невозможно допустить, чтобы такой громоздкий, сравнительно хрупкий и весьма тяжелый товар ввозился бы массами с далекого юга через труднопроходимые горные тропы, требующие месяцев пути.

В действительности несомненно существовало местное енисейское производство «кыргызских ваз», вырабатывавшихся в большом количестве с применением приемов выделки, заимствованных с юга. Находки в развалинах ханьского здания близ г. Абакана позволяют предполагать давнее знакомство минусинцев с китайской техникой обработки глины, дававшей после обжига «каменный» черепок. Что

---

[1] Раск. Адрианова в логе Джесос, кург. № 6, 11—13 (хран. в ГИМ, № 34524); раск. Киселева у с. Кривинского, кург. № 7, у с. Усть-Тесь, кург. № 2 (Материалы арх. экспедиции, табл. 1, рис. 72); Уйбатский чаатас, кург. № 1—11 и Уйбат II, кург. № 1—2 (Евтюхова Л. К вопросу о каменных курганах, рис. 1, 4, 5); Копенский чаатас, кург. № 1—10 (хран. в ГИМ, см. Евтюхова Л. и Киселев С. Чаатас у с. Копены, стр. 28, 30, 32, а также Теплоухов С. Опыт классификации..., табл. II, рис. 20, Левашова. Из далекого прошлого..., табл. XIV, рис. 2).

[2] Бернштам А. Н. К вопросу о соц. строе вост. хуннов. ПИДО, 1935, № 9—10.

[3] Тр. Т.-КОРГО, т. I, в. 2, 3; т. III, в. 1—3; т. IV, в. 3; Archaeologia Orientalis, табл. IV, XIV, XV и XVI.

[4] Боровка Г. Археологические обследования среднего течения р. Толы, табл. II, рис. 5.

касается формы ваз, то она была разработана лишь в VI—VII вв. и, вероятно, на юге. Основанием этому служит наличие в Бурятии и Монголии еще в хуннскую эпоху крупных сосудов, по форме своей близких к вазе из Наинтэ-Сумэ и к аналогичным ей «кыргызским». Утверждая местное производство «кыргызских ваз» по заимствованным с юга образцам, мы сталкиваемся еще с одним указанием на особенно тесные связи, существовавшие у енисейских кыргызов с Монголией и Китаем. На то, что в этих связях кыргызы занимали исключительное положение сравнительно с другими народами Южной Сибири, указывает распространение ваз. Они найдены только в Монголии и Бурятии и в особенно большом числе в Минусинской котловине. Ни на севере под Красноярском, ни на востоке от Енисея, ни на Алтае они до сих пор не встречались. Факт этот сам по себе очень интересен, так как указывает на наличие деловых связей кыргызов с населением Монголии в эпоху тюркского каганата в разгар военных столкновений. Очевидно, кыргызы проявляли большую предприимчивость и сумели сохранить сношения с югом, несмотря на политические трудности.

Помимо кузнецов и литейщиков, оружейников и гончаров, у кыргыз работали и другие мастера. Несомненно, особую группу ремесленников составляли ювелиры и художники. Об их замечательных работах мы еще будем говорить ниже, рассматривая особенности развития кыргызской культуры и искусства. Здесь же упомянем резчиков по кости и дереву, создавших отделку колчанов и седел,[1] сапожников и седельников, изделия которых можно видеть на кыргызских писаницах.[2]

Кроме того, третья уйбатская надпись сохранила указание на специалистов-каменотесов и резчиков орхонского алфавита, людей грамотных. В надписи уцелела ценнейшая деталь — мастера названы «сыновьями искусных людей».[3] Очевидно, навыки в мастерстве передавались наследственно. Это указывает на известную обособленность кыргызских ремесленников, которая могла вести к зачатку ремесленных организаций.

4. ТОРГОВЛЯ КЫРГЫЗОВ

Вся довольно сложная система кыргызского ремесла, конечно, в той или иной степени ориентировалась на обмен и в свою очередь его стимулировала. Выше уже отмечалось, что на тесную связь кыргызского кузнечного ремесла с обменом указывает широкое распространение в соседних областях Сибири железных наконечников стрел кыргызского изделия. То же можно сказать и о кыргызском литей-

[1] Колчан с богатой отделкой костяными пластинками, покрытыми растительным и циркульным узором, найден в 1938 г. в катакомбном погребении с конем на Уйбате II. Хранится в ГИМ.

[2] Appelgren-Kivalo H. Alt-Altaische Kunstdenkmäler, Helsingfors, 1931, рис. 72 и сл.

[3] Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften. Dritte Lieferung, стр. 340.

ном деле. Сообщение китайцев о высоком качестве кыргызского оружия позволяет предполагать его проникновение и на международный рынок, в армию китайских императоров.

Укреплявшаяся связь кыргызских металлообрабатывающих ремесел и обмена делала их самостоятельной и очень важной отраслью хозяйства. Кроме железных изделий, кыргызы торговали золотом и пушниной — богатствами, особо отмеченными источниками.[1] Связь кыргызов с азиатскими рынками сохранялась и в IX—XI вв. В частности, арабские купцы хорошо знали пути в страну кыргызов. При этом мы узнаем, что наряду с прежними товарами, вывозившимися из страны кыргызов, приобрел значение мускус. Так, в X в. Ибн-Хаукаль отметил, что лучший по цене и качеству мускус привозился из Тибета и из области кыргызов.

В известной «Рукописи Туманского», написанной по-персидски в 982—983 гг., сообщается о вывозе от кыргызов березы и рога хуту, шедшего на рукоятки ножей. Возможно, что хуту — моржовый клык, который кыргызы перепродавали, получая его с севера. Что касается торговли березой, то это совпадает с сообщением китайцев о том, что у кыргызов «более всего растет береза».[2] Вероятно, ее продавали и в Китай.

Импортную торговлю кыргызов можно представить по археологическим данным. Из Китая, например, ввозились металлические изделия — плуги с отвалом, сбруйные принадлежности (даже стремена), украшения, лаковые изделия (табл. LIV, рис. 10) и особенно в большом количестве зеркала. Интересные выводы о торговых сношениях с Китаем в связи с внешнеполитическими переменами в положении кыргызов рисуют находки в Минусинской котловине монет. Пользуемся для этого собранием Минусинского музея, где все китайские монеты имеют надежный местный паспорт.

В смутные времена истории Китая до Танской эпохи сношения с Севером были весьма ограничены. На Енисей проникло тогда очень мало китайских монет. Так, найдено всего 4 монеты VI в. (зап. Вэй 554 г.).[3] Очевидны военная слабость Китая и противодействие со стороны жуань-жуаней и тюрок, в первый период, кыргызской торговле с Китаем.

Совершенно иным стало положение в VII в., когда в 20-х годах танский Китай овладел землями восточных тюрок. Торговля оживилась, и это отмечается находкой 45 танских монет чеканки 621 г. в разных местах Минусинской котловины.[4] Однако освободительная война тюрок против китайцев, начавшаяся восстанием 661—663 гг. и закончившаяся восстановлением самостоятельности каганата в 682 г.,

---

[1] Иакинф. Собрание сведений..., ч. 1, стр. 444.

[2] Бартольд В. Киргизы, 1927, стр. 21. Иакинф. Собрание сведений..., ч. I, стр. 444; Hudud al Alam. The regions of the World. Translated and explained by V. Minorsky. Oxford-London, 1937, § 14, p. 96.

[3] Хранятся в Минусинском музее, № 5620—5623.

[4] Хранятся в Минусинском музее, № 5295—5339.

опять затруднила сношения кыргызов с Китаем. Среди минусинских находок нет китайских монет ни второй половины VII, ни первой половины VIII в., когда тюрки не только усилились, но и вступали в борьбу с кыргызами. Китайская хроника, правда, сообщает о неоднократных посольствах кыргыз ко двору императоров именно в это время.[1] Но, очевидно, это были дипломатические миссии с целью координировать борьбу с общим врагом — тюрками и торгового значения они не имели. Слабо были развиты торговые связи кыргызов с Китаем и в период господства уйгур. Правда, на первые годы их владычества — 758 и 759 — приходятся находки 12 монет,[2] но это, возможно, объясняется еще недостаточным контролем торговых путей со стороны новых властителей Центральной Азии. Позднее только от 780 г. имеется в Минусинской коллекции 6 монет.[3]

Напомним, что и китайская хроника отмечает, что после 758 г., когда уйгуры завоевали кыргызов, «хягасские посольства уже не могли проникнуть в Срединное государство».[4] Но вот в истории кыргызов наступает резкий перелом. Их войска разбили уйгуров, и кыргызский хан Ажо (Яглакар) «перенес свое пребывание на южную сторону гор. Лао-Шань (вероятно Танну-Ола)».[5] Случилось это около 840 г. И тотчас же усилилась торговля с Китаем. Количество найденных в Минусинской котловине монет, относящихся к 814—846 гг., рекордно — 237 экз.[6] Подъем кыргызской торговли с Китаем в IX в. несомненно был связан с захватом кыргызами господствующего положения в Центральной Азии. Однако это продолжалось недолго. Выше уже отмечалось, что под давлением киданей в начале X в. кыргызы вынуждены были оставить свои кочевья южнее Танну-Ола. Связи с Китаем опять затруднились. От середины X в. в Минусинском музее имеются только 4 монеты.[7] Лишь в конце X и в XI в. сношения вновь оживились и снова стали проникать на Енисей китайские монеты. Всего собрано 37 монет чеканки династии Сун и 3 японских 1001 г.[8] XII в. с господством в Северном Китае династии Цзинь не принес нового оживления связей с Китаем. В минусинской коллекции оказалось всего 8 цзиньских монет, найденных в одном месте около с. Каптырево.[9] Повидимому, политическая обстановка в Центральной Азии того времени не способствовала развитию кыргызско-китайских сношений. Наконец наступил грозный XIII в. В минусинской коллекции нет ни одной монеты этого времени. Только от середины

---

[1] Иакинф. Собрание сведений..., ч. I, стр. 448 и сл.

[2] Минусинский музей, № 5264—68, 5617—18 и 5709, 710, 716, 718, 720.

[3] Минусинский музей, № 5711—715, 717.

[4] Иакинф. Собрание сведений..., ч. I, стр. 449.

[5] Там же, стр. 450.

[6] Минусинский музей, № 5340—5558, 5279—90, 5816, 5884—5886 — последние 4 из Тюхтятского клада. Кроме того, 1 монета найдена Левашовой в кургане № 19 второй группы Капчалов в 1935 г.

[7] Минусинский музей, № 5291—94.

[8] Минусинский музей, № 5569, 5574—5609 и 5652—5654.

[9] Минусинский музей, № 5610—5616 и 5619а.

XIV в. имеется одна юаньская монета.[1] Если не считать этой единичной находки, можно сказать, что в результате монгольского разгрома китайские монеты исчезли с Енисея почти на 400 лет. Лишь в XVII в. в небольшом числе они появляются вновь (найдено всего 12 монет чеканки 1621 и 1628 гг.).[2] В XVIII в. намечается оживление. В Минусинском музее от этого времени имеется 69 экземпляров.[3]

Заинтересованность кыргызов в обмене сказалась и на их западных связях. В отличие от многих центральноазиатских владений кыргызы, по словам китайцев, находились в дружественных торговых сношениях с карлуками (Гэлолу), с тибетцами (Туфанью), с Тохаристаном (Дахя) и с арабами (Даши). Туда кыргызы сбывали свои «произведения» и оттуда получали ценные товары. Об этой торговле хорошо были осведомлены китайцы. Им были известны даже такие детали, что «туфаньцы при сообщении с Хягасом боялись грабежей со стороны ойхоров, почему брали провожатых из Гэлолу».[4] Китайский хронист знал также о том, что к кыргызам «из Даши не более двадцати верблюдов приходило с узорчатыми шелковыми тканями; но когда невозможно было уместить всего, то раскладывали на двадцать четыре верблюда. Такой караван отправляли один раз в каждые три года».[5] В другом месте тот же источник сообщает, что ткани привозились на Енисей не только от арабов, но также из Кучи и Бейтина, т. е. из знаменитого Бешбалыка, принадлежавшего уйгурам.[6] Это показывает, что, несмотря на враждебность уйгурских ханов к кыргызам, последние все же торговали с уйгурскими городами Восточного Туркестана.

Все приведенное о хозяйстве и торговле кыргыз показывает, что они отличались трудолюбием, талантливостью в ремеслах и предприимчивостью в торговых предприятиях.

Неудивительно поэтому, что енисейские кыргызы владели и высшим достижением центральноазиатской культуры — орхоно-енисейским письмом. Многочисленные надписи, собранные в Тувинской автономной области и в Минусинской котловине, являются драгоценнейшими источниками для выяснения многих сторон их жизни и, прежде всего, их общественного устройства.

5. ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО КЫРГЫЗОВ

Местные древнекыргызские надписи и китайские свидетельства сообщают, что во главе кыргызов стояла богатая аристократия, обладательница бесчисленных стад и всяческого имущества, в том числе и рабов.

---

[1] Минусинский музей, № 5619.
[2] Минусинский музей, № 5624, 5625, 5627—5636.
[3] Минусинский музей, № 5637—5651, 5655—5708.
[4] И а к и н ф. Собрание сведений...,ч. I, стр. 449.
[5] Т а м ж е, стр. 449.
[6] Т а м ж е, стр. 445.

Однако народ, повидимому, еще не находился на такой ступени подчинения, когда можно было бы говорить о полной зависимости от представителей этой аристократии, от бегов, каганов и просто батуров енисейских эпитафий.

Правда, представители знати рассматривают себя в качестве владельцев целых областей, о чем прямо сообщают надписи. Так, на стеле, стоявшей у с. Юдиной, в надписи Умай-бега читаем: «Из-за моего превосходства владел я этой страной».[1]

О том же в надписи на скале Кая-баши в долине Кемчика говорит бег Чигши: «Вы, люди, слышите владельца Кара-Сэнгир... Кара-Сэнгиром я владел»...[2]

Но вместе с тем нигде в источниках мы не найдем указаний на владение народом («Я владею» в надписи Эрен-улука — слова, дополненные академиком Радловым «по смыслу»).[3] Наоборот, народ всячески восхваляется («превосходный народ Большар, могучий народ»).[4] Во всех надписях он выступает как самостоятельная сила наряду с ханом и аристократическим родом — элем «От моего черного народа, от вас, моего эля, я отделился» (т. е. умер.— *С. К.*) — такова формула аристократической эпитафии.[5]

Только однажды в надписи с Белого Июса говорится «моего эля, моего хана народ Тэрс».[6] Может показаться, что здесь содержится указание на более прочную зависимость. В связи с этим рассмотрим, что такое эль (äl). Академик Радлов едва ли правильно отожествлял эль с народом. Народ в орхонских документах всегда «будун». Содержание же эля у кыргызов в VI—VII вв. с предельной ясностью вскрыто в формуле одной из надписей: «Мой рыцарский эль».[7] Однако термин äl имеет как бы два содержания. С одной стороны, это вся кыргызская аристократия, то же, что и «вечный эль» орхонских тюрок. Ее возглавляет кыргызский каган (ср. «у моего эля, моего хана, я не мог остаться»).[8] С другой стороны, это лишь эль данного витязя, локальная группа знатных, вероятно, родственников между собой (ср: «у моего живущего на земле эля тигра, у моих одаренных превосходством, я не нахожусь»).[9]

Во главе такого аристократического рода могла стоять даже женщина (ср. «мать эля Билгэ, как увидела мужа среди трупов...»).[10]

Выше мы видели, что древнекыргызское население занималось в большом объеме земледелием, осваивая даже малоудобные земли постройкой внушительных ирри-

---

[1] Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung, стр. 334.
[2] Там же, стр. 326.
[3] Там же, стр. 335.
[4] Там же, стр. 335.
[5] Там же, стр. 323.
[6] Там же, стр. 344.
[7] Там же, стр. 335—336.
[8] Там же. стр. 341; äl в этом значении и стал исходным для приобретения нового значения, сохраняющегося до сегодня: äl — государство.
[9] Там же, стр. 333.
[10] Там же, стр. 329.

гационных сооружений вроде виденных Клеменцом между левым берегом р. Базы и р. Аскызом и на Абакане ниже устья Еси. Отсюда ясно, что постоянные передвижения были для этого населения невозможны. Между тем для аристократии кыргызов, обладательницы главных богатств в виде скота, наоборот, необходимо было вести полукочевой образ жизни, что и подтверждает китайское известие и анализ богатых погребений рассматриваемой эпохи. Если эль принимать в нашем толковании, то и свидетельства о постоянных его кочевках также не будут стоять в противоречии со значительно оседлым бытом народа «будун». О передвижениях народа в надписях, как и следует ожидать, ничего не говорится. Зато владельческий эль, например, эль Эрен-Улуга, такого же обладателя табунов, как и упоминавшийся Уры-бег, постоянно в движении со своим скотом. Эрен-Улуг прямо говорит об этом в своей эпитафии: «С моим элем я во все четыре (страны света.— *С. К.*) кочевал».[1]

О составе каждого местного эля можно также судить на основании рунических текстов. Так, в надписи Уры-бега, наряду с пришедшими оплакать умершего витязями и бегами, его товарищами и союзниками по походам, упоминаются пятьдесят витязей, «лучших спутников» и старшие и младшие братья, т. е. родня и дружина, необходимая опора для осуществления владельческих прав.[2] Аналогичный состав местного эля сообщает надпись на обратной стороне стелы в Уюке. Учин-Кулуг умер, «не мог остаться» «среди вас, моих витязей сородичей, витязей огушей, витязей огланов».[3] Можно видеть, что помимо родственников в эль входили дружинники — клиенты богатого аристократа (oγuš)[4] и дружинники — огланы, конная молодежь [5] (дружина молодшая?).

Об этом своем эле главные заботы владельцев. Так Таркан-Шангун приобретает только для эля;[6] Бай-Апа назван «элю угодивший».[7]

Стремясь осветить возможно детальнее вопрос об эле у кыргыз (хакасов), естественно будет обратиться и к современному хакасскому языку. В нем выясняется очень любопытная особенность. Народ по-хакасски «чон». Однако очень часты сложные выражения, например, «халых-чон», «албаты-чон» (халых, албаты — плата), т. е. народ плательщик, может быть в более раннее время— «данник». Другое выражение «арга чон» (арга—спина), т. е. трудящийся народ. И, наконец, употребляемое без перевода «ил-чон»—народ (не смешивать с «илбэк-чон»: великий народ). Здесь перед нами уцелевшая с древних времен сложная форма, указывающая на наличие у народа эля; это народ, имеющий эль

[1] Там же, стр. 326—327.

[2] Там же, стр. 330.

[3] Там же, стр. 306

[4] Толстов С. П. Тиранния Абруя. Исторические записки, т. 3, стр. 52.

[5] Бернштам А. Н. Родовая структура Тугю VIII в. Сб. «Из истории докапиталисти; ческих формаций», 1933, стр. 570—571; Мелиоранский П. Памятник в честь Кюль-Тегина, примеч. 1, стр. 79.

[6] Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften. Dritte Lieferung, стр. 340.

[7] Там же, стр. 315.

(ср. орхоно-енисейское «эльтеберлиг будун» — народ, имеющий эльтебера[1], или «каганлыг будун» — народ, имеющий кагана). Вернее всего был бы перевод «ил-чон»—самостоятельный народ.[2]

Нельзя пройти мимо слова «илбэк». По-хакасски «илбэк»—великий. Легко увидеть, что это сложная форма, состоящая из «ил», сейчас хакассами непереводимого, и «бэк»—глава, вождь, знать. Первоначально, очевидно, «илбэк» означало главу эля, главного среди бэгов.[3]

Все эти пережиточные факты из хакасского языка подкрепляют толкование «эль», данное на основании материалов енисейских кыргызских надписей. Не исключено также, что в хакасском «ил-чон» отмечено то состояние, которое способствовало переходу на «эль», «иль» значения «чон» — народ. Недаром «будун»—наиболее распространенный термин в древне-тюркском языке для передачи значения народ позднее исчез. Его заменили другие и в их числе «иль», «эль», имевшие ранее совсем иное значение знатного рода и объединения аристократических родов, сыгравшего большую роль в процессе сложения государств алтайских (орхонских) тюрок и енисейских кыргызов (хакасов).

Следовательно, эль в широком смысле — это организация степной аристократии, возглавляемая каганом кыргызов. Отсюда в будущем разовьется эль-государство. В узком же значении — это аристократический род того или иного народа «будун» — недавнего племени, будущей «землицы» документов XVII в. Его главное богатство — стада, добыча на войне и рабы, при помощи которых ведется личное хозяйство. Народ выступает еще как самостоятельная сила, подобно тому, как это можно видеть у орхонских тюрок. Однако не нужно думать, что народ не затронут происходящими переменами. Его старый родовой строй распадается, на одном полюсе накапливаются богатства, на другом нищета.

Найденные в 1939 г. надписи на золотых кувшинах из Копен говорят о стремлении кыргызской знати обложить данью собственный народ. Орхонские памятники показывают, что такой порядок иногда создает положение, опасное для знати. Народ восстает против своего кагана.

Может быть, нечто подобное имел в виду и хвастливый аристократ Эрен-Улуг, когда ставил себе в заслугу, что при нем «народ Большар не жил в возбуждении».[4] Пока народ еще силен, пока не удается смелому витязю окончательно разорвать узы старой социальной организации и перейти к открытой эксплоатации народа, с нуждами его надо считаться. Что же предпринимает для этого «превосходством

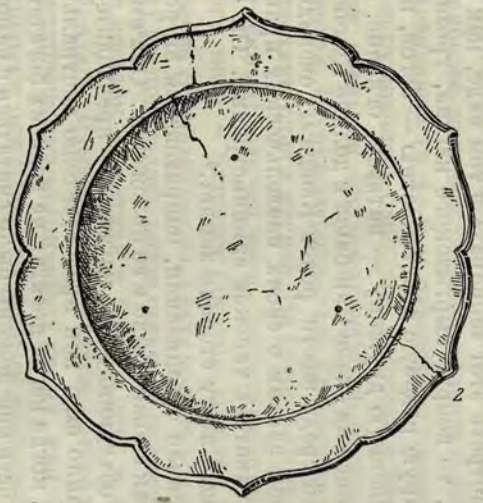
---

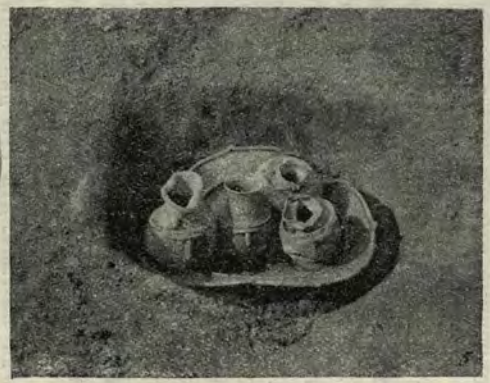
[1] Эльтебер по Бартольду („Киргизы". Фрунзе, 1927 г.) соответствует китайскому сылифа и представляет титул правителя народа, не имевшего хана.

[2] В этой связи следует вспомнить выражение орхонских текстов «у имевших эли, эли отнял», т. е. лишил покоренные народы самостоятельности путем уничтожения знати, главной носительницы в то время «государственного суверенитета».

[3] Близкая форма из древне-тюркского «тутук-бэг»—державный бэг (от тудар—держать).

[4] Там же, стр. 335.


Серебряное блюдо и золотые сосуды с надписями, найденные в кургане № 2 Копенского чаатаса в Хакассии (рис. *1—4, 6*). Рис. *5* — вид на сосуды в момент находки.

одаренный батур» Эрен-Улуг? Оказывается, под прямым давлением масс («и по мысли моих превосходных Большар») Эрен-Улуг начинает войну, «чтобы добыть золота».[1] Война, которая дает рабов, война, ради которой предпринимаются далекие походы, обогащает Эрен-Улуга, но она сулит многое и его «свободному народу». Обогатившийся сам может сделаться основателем нового эля или быть принятым в старый эль. Народ еще свободен, формально еще открыт путь вверх по общественной лестнице.

Война, как средство обогащения и, одновременно, как средство ослабления социальных противоречий у себя дома, определяет «внешнюю политику» не одних только кыргызов. В интересах войны старая родовая аристократия объединяется вокруг удачливого вождя, подчиняется военной власти и создает такую организацию управления, которая представлялась китайскому историку сложной системой чиновничьего аппарата. Если же рассмотреть этот «аппарат» в том виде, как его нам сохранили кыргызские источники, то вокруг кыргызского кагана, грозного врага орхонских тюрок, мы увидим старую родовую аристократию — бегов, принятых на службу тарканов и многочисленную дружину — витязей, огланов. Это ярко показано в уже цитированной надписи на скале Кая-баши в долине Кемчика. Владелец Кара-Сэнгира, «самый высший среди шести родов Кэшдим», очевидный представитель родовой знати бег Чигши, заявив о своих владельческих правах, сообщает, что одновременно он и представитель ханской администрации. Он «согласно письма хана — Тутук-бег лежащей по ту сторону земли».[2]

Таким образом, обнаруживается военная организация, опирающаяся на родовую знать. Интересы ее были сложны, как сложно было и ее положение. Она имела свои собственнические интересы. Это и объединяло ее с каганом — предводителем выгодных походов — и противопоставляло ему, как представителю центральной власти. Эти противоречия усиливались, когда каган посягал на долю их богатства, вводя сборы и повинности. Кроме того, беги еще должны были считаться с народом и иногда возглавлять его движение против кагана, вспоминая даже о старых принципах первобытной демократии. К сожалению, енисейские надписи в этом отношении молчаливы, но о таких движениях, возникавших в аналогичных условиях социальной борьбы, много говорят орхонские эпитафии Могилян-кагана, Кюль-Тегина и Тоньюкука.

Археологический материал ярко иллюстрирует сложное общественное устройство кыргызов на Енисее. Особенно показательны в этом отношении погребальные памятники.

---

[1] Radloff, W. Die Alttürkischen Inschriften. Dritte Lieferung, стр. 335.

[2] Там же, стр. 326. Я опускаю kyrkyz, так как мой осмотр надписей в 1947 г. показал, что это слово отсутствует. Имеющиеся в этом месте знаки совершенно иные.

По сообщению китайцев, кыргызы — хягасы «при похоронах не царапают лиц, только обертывают тело покойника в три ряда и плачут; а потом сожигают его, собранные же кости через год погребают».[1]

Остатки именно такого обряда и обнаружены на Енисее при раскопках так называемых Чаатас — групп кыргызских курганов VI—VIII вв. Под каменными насыпями этих курганов открывались могильные ямы, на дне которых находились грудки сожженных костей покойника, тщательно очищенные от угля, золы и других остатков погребального костра.

Однако, если не считать некоторых конструктивных деталей, сохранившихся еще с таштыкского времени (например, обыкновения обставлять стенки могилы вертикальными бревёшками), пожалуй, только этот обряд сожжения одинаков для всех кыргызских погребений; вообще же их несколько типов, значительно различающихся между собой. Л. А. Евтюховой принадлежат опыты их определения.[2] Наиболее многочисленными являются рядовые погребения. Они заключены под маленькими (в 4—6 м диаметром) каменными курганами. По удалении насыпи обнаруживались одна, две, а иногда и три погребальные ямы неправильной круглой, овальной или подквадратной формы. Сверху ямы были закрыты накатом из жердей. Стенки укреплялись бревёшками или кольями, вбитыми в дно могилы, вплотную одна к другой. На грунтовом дне в одной или двух кучках лежали пережженные кости человека. Восточную половину занимали обычно кости от жертвенного мяса — главным образом скелеты баранов. Вещи — мелкие украшения и посуда (грубые сосуды, «кыргызские вазы» и однажды — китайская лаковая чашка) располагались возле остатков сожжений. Все погребения этого типа скромны по составу инвентаря и близки друг к другу по формам вещей и особенностям обряда.[3] Известным вариантом этого типа являются каменные курганчики с удлиненными могильными ямами, как бы рассчитанными на трупоположение. Однако и они содержат остатки сожжений. Инвентарь их также очень скромен. Вещи аналогичны обнаруженным в курганчиках первого типа.[4]

---

[1] Иакинф. Собрание сведений..., ч. 1, стр. 446.

[2] Евтюхова Л. А. К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее, Тр. ГИМ, вып. VIII, М., 1938, стр. 111—112. Ее же. Археологические памятники и т. д., стр. 6—72.

[3] Уйбат II, кург. № 1, кург. № 2 «с белым камнем» — раск. С. В. Киселева 1936; с. Тесь, кург. № 1— 6 — раск. С. В. Киселева 1932 г. (Евтюхова Л. А. К вопросу о каменных курганах на среднем Енисее. Труды ГИМ, в. VIII, М., 1938, стр. 111 и сл.). Быстрая, кург. № 1—4 — раск. Левашовой (хран. в Минусинском музее). Джесос, кург. № 18, 20 и 24 — раск. А. В. Адрианова (Выборки из дневников курганных раскопок. Минусинск, 1924, стр. 43—44)' а также «одиночные каменные курганы VII в. н. э.», исследованные С. А. Теплоуховым близ Батеней Хакасской автономной области (см. его Опыт классификации..., стр. 54—56). Переходными к курганам кыргызской знати по богатству инвентаря являются курганы, раскопанные В. П. Левашовой в I группе близ Капчальского баритового рудника (Левашова В. Из далекого прошлого южной части Красноярского края, стр. 57 и сл.).

[4] Курганы с удлиненными ямами мы исследовали в 1932 г. на нижней террасе Копенского чаатаса (Евтюхова Л. К вопросу о каменных курганах, стр. 116—118).

Оба варианта скромных кыргызских погребений чаще встречаются в виде обособленных групп, состоящих из нескольких цепочек курганчиков. В них легко можно признать кладбища нескольких семей, составлявших кочевье или оседлый кыргызский поселок. Реже рядовые погребения составляют крайние цепочки чаатасов, где главное место занимают большие курганы кыргызской знати. Зато там особенно ярко выступает их скромность в сравнении с пышностью инвентаря и более сложным ритуалом соседей.

Крупные каменные курганы, так называемые Чаатас, т. е. «камень войны», отличаются не только размерами, но и внешним видом. Первоначально они были четыреугольными, и почти всегда обставлялись каменными стелами. На некоторых имеются орхоно-енисейские надписи с именами погребенных витязей.[1] Наиболее сложные по конструкции имеют с западной стороны как бы «крыльцо» в виде выступа насыпи и на нем парные плиты, образующие «вход» на насыпь кургана. Против «входа» в степи устанавливались одиночные плиты. Во всем этом нельзя не видеть пережиток особенностей, характерных для устройства усыпальниц таштыкской знати.

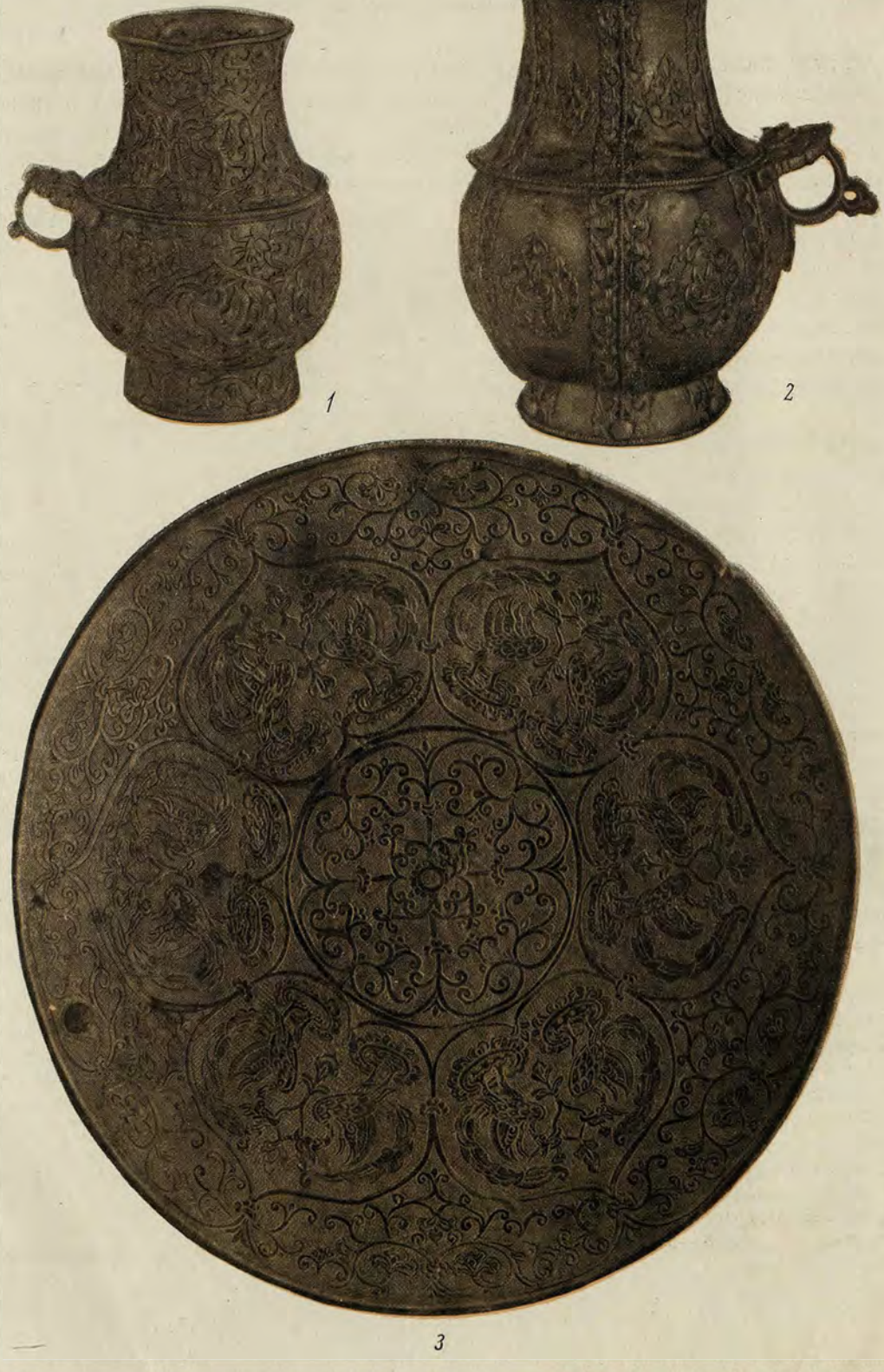
Рядом с крупными курганами часто расположены могилки, отмеченные на поверхности каменными курганами. В них никогда не были найдены остатки сожжений, но всегда лежали скелеты мужчин без вещей. Очевидно, это погребения слуг или рабов, насильственно сопровождавших хозяина. Они не были достойны сожжения — погребального обряда свободных кыргызов.

Под насыпями больших кыргызских курганов обычно находят одну или две округлые или подквадратные могильные ямы, отличающиеся от рядовых лишь большими размерами. Зато их ритуал и инвентарь сильно отличны. На дне ямы обычно лежат остатки сожжений и при них вещи, посуда и жертвенное мясо. Выше, в засыпи могилы или на ее покрытии, находятся скелеты людей, не удостоившихся сожжения. Есть все основания видеть в них слуг или рабов, насильственно следовавших в могилу за господином. Их убивали не на погребальном костре, но во время похорон праха в кургане. При этом, вокруг могилы жгли костры в специально вырытых ямках, иногда забрасывая их камнями. Вместе с остатками сожжений в яму клали жертвенное мясо — главным образом те же тушки баранов, а также посуду и вещи.[2] К сожалению, все погребения в больших кыргызских кур-

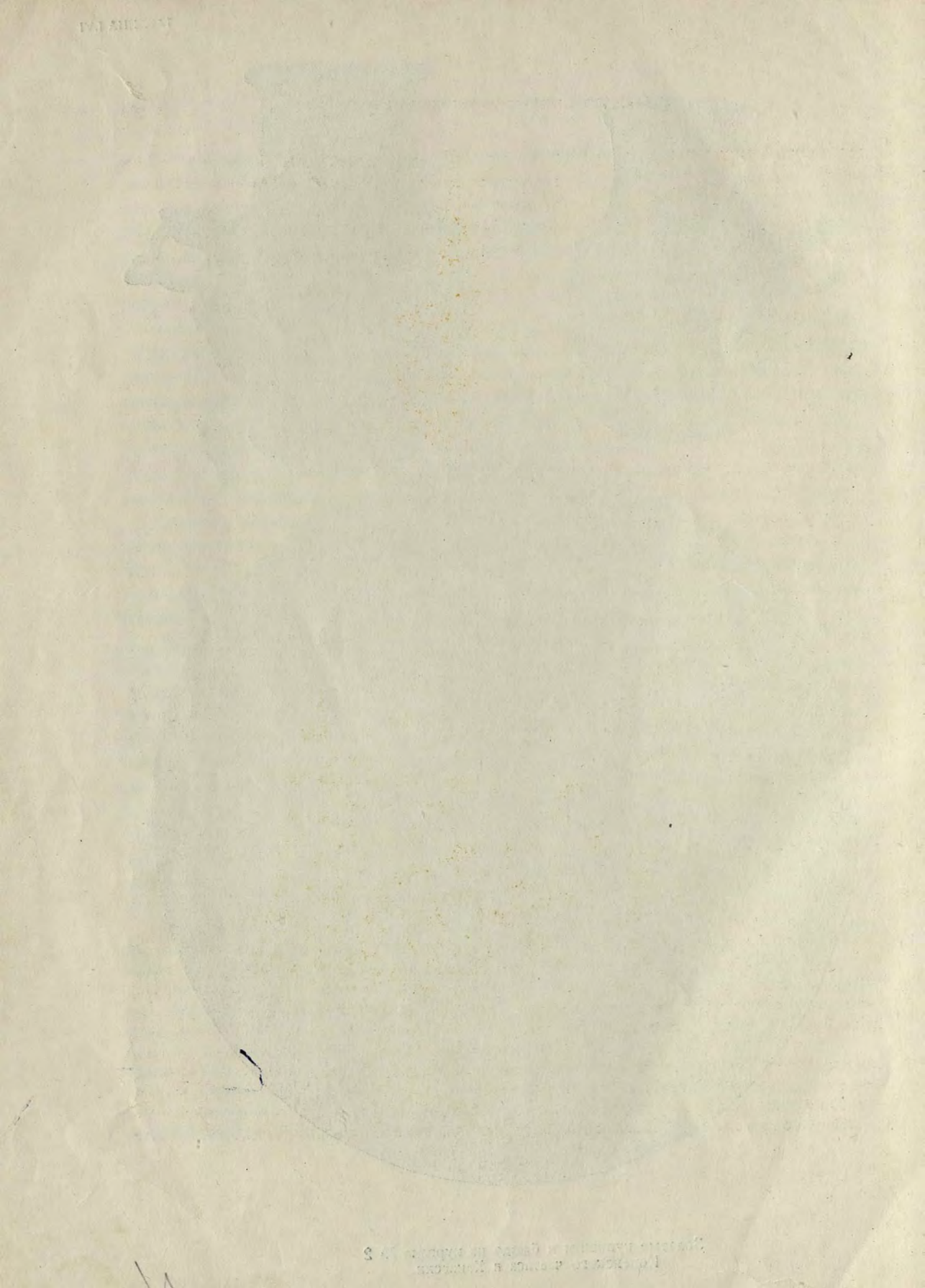
---

[1] Надпись на кургане Ташебинского чаатаса: «Эрдем-Анар его имя; доброму элю также все золото (он отдал?)» (R a d l o f f W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung, СПб., 1895, стр. 345).

[2] Чаатас в логе Джесос на р. Тубе, кург. № 9—13, 15, 17—раск. Адрианова 1894 г., Чаатас за р. Ташебой, кург. № 1—3, 11, 24, 27, 30, 67 — раск. Адрианова 1895 и 1898 гг.; Чаатас у Соленого озера Кызыл-куль, гр. II, кург. № 1—7— раск. Адрианова 1895 и 1897 гг. (А д р и а н о в В. В. Выборки из дневников курганных раскопок, стр. 42—43, 53, 54, 68, 59—60); Уйбатский чаатас, кург. № 1—11 — раск. С. В. Киселева в 1936 и 1938 гг. (Е в т ю х о в а Л. А. К вопросу о каменных курганах, стр. 118 и К и с е л е в С. В. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1938 г. ВДИ за 1939 г., № 1, стр. 252 и сл.). Кроме того, здесь в 1936 г. 2 кургана раскопал М. М. Герасимов (сб. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.,



Золотые кувшины и блюдо из кургана № 2
Копенского чаатаса в Хакассии.



ганах оказались разграбленными. Их грабили и в древности и в более позднее время. В XVIII в. некоторые русские поселенцы специально промышляли раскопкой богатых могил. Один из них, по прозвищу «Селенга», много лет жил на Копенском чаатасе, сбывая его сокровища в ближайший шинок.[1] Но несмотря на ограбление, даже жалкие остатки говорят о резком отличии погребений в больших курганах от рядовых. Достаточно сослаться на массивную золотую бляху от пояса из могилы кургана № 2, на золотые серьги и нашивные бляшки из курганов № 5 и № 6 в Копенах или на серебряный сосудик с орхонской надписью, найденный в могиле кургана, раскопанного С. А. Теплоуховым на Уйбате.

К счастью, в больших кыргызских курганах при погребении далеко не все складывалось в могилу. Многое укрывалось в тайниках — ямках, выкапывавшихся вокруг могильной ямы. Открытие этих тайников позволило наглядно представить пышность ритуала и богатство кыргызской знати.

Первый открытый нами тайник был обнаружен возле могильной ямы кургана № 1 Уйбатского чаатаса. В нем оказались стремена, удила с псалиями, украшенными баранчиками, плоские и трехгранные шипастые железные стрелы, долото, нож и обломки от оковки седла.[2] Гораздо богаче были тайники копенских курганов № 2 и № 6.

Поскольку их содержимое подробно описано в специальной статье,[3] нам нет необходимости повторять все вновь. Необходимо остановиться лишь на тех вещах, которые имеют значение в вопросе об общественном устройстве кыргызов.

В этой связи, прежде всего, обращает на себя внимание первый тайник кургана № 2. Он представлял собою вырытое возле западной стенки могилы углубление, покрытое небольшой плиткой. На дне ямки стояло сильно покоробленное огнем серебряное блюдо и на нем четыре золотых сосуда (табл. LV, рис. 2 и 5). Уже их вес (в блюде 2070.5 г серебра; в сосудах 2352.6 г золота) говорит о значительном богатстве и выдающемся положении их владельца. Это подтверждается и особенностями каждого памятника. Обращает, например, на себя внимание гладкая золотая бутылочка с утраченной крышкой (табл. LV, рис. 1, 4). Она, несомненно, местной работы, так как ей аналогичны глиняные бутылочки, найденные

стр. 316—317); Копенский чаатас, кург. № 1—10 — раск. Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева 1939 и 1940 гг. (Евтюхова Л. А. и Киселев С. В. Чаатас у с. Копены. Труды ГИМ, в. XI, М., 1940, стр. 21—54; их же. Десятый сезон раскопок Саяно-Алтайской экспедиции. ИИМК и ГИМ, Краткие сообщения ИИМК, в. III, М.—Л., 1940, стр. 39 и 42; их же. Открытия Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1939 г. ВДИ, 1939, № 4, стр. 159—168. Евтюхова Л. А. Археологические памятники и т. д., стр. 14—53).

[1] Селенга сыграл и положительную роль в археологии. Он сообщил о своих наблюдениях Миллеру и Гмелину. В их записях сохранились до нас важные детали, окончательно исчезнувшие после «исследований» Селенги и других кладоискателей. МАР, № 15, стр. 96, 97, 101—103.

[2] Евтюхова Л. К вопросу о каменных курганах на среднем Енисее, стр. 119—120.

[3] Евтюхова Л. и Киселев С. Чаатас у с. Копены, стр. 35 и сл.

в «Чаатасах» на Уйбате и в логе Джесос.[1] Поэтому тем более важно, что на дне бутылочки имеется орхоно-енисейская надпись:



Транскрипция: b^{a}glük kümüš b^{a}rt^{i}m^{i}z

Перевод: «Бегское серебро мы дали».

Надпись вызывает большой интерес.

Возьмем сначала слово Kümü š—«серебро» на сосуде из чистого золота. Возможны два предположения. Золотая бутылочка могла быть наполнена серебряными слитками или могла стоять сверху большого числа поднесенных серебряных изделий. Но не менее вероятно и употребление слова «серебро» в значении ценности вообще, как имеет место в ряде языков.[2] Однако ни один из вариантов не изменяет самого важного. Надпись на бутылочке сообщает о наличии у кыргызов освященных обычаем приношений бегам, представителям древнейшей родовой знати.

В этой связи не менее интересен и другой золотой сосуд первого тайника. Это гладкий золотой кувшинчик, у которого утрачена ручка (табл. LV, рис. 3, 6). Сосуды подобной формы, сделанные из серебра, уже неоднократно находили в Сибири и, в частности, на Алтае.

Замечательно, что на большинстве из них имеются надписи орхоно-енисейскими знаками. Они говорят о принадлежности сосудов местной знати—бегам и ханам.[3] Даже маленькая серебряная кружечка этой формы, найденная экспедицией Русского музея в 1921 г. на Уйбате, имеет орхонскую надпись. Копенский кувшинчик не представляет исключения. На дне его посередине вырезана тамга, а сбоку надпись:



Транскрипция: ^{a}ltun š(?)^{a}γy ^{a}č^{i}n

Перевод: «Золото... дар Ача».

«Ач» или «народ Ач» енисейских текстов, высеченных на каменных стелах,— имя ветви кыргызов, населявшей степи Хакассии от рр. Июсов до р. Уйбата. Следовательно, перед нами первая из надписей на вещах, которая бесспорно сделана в том же районе, где обнаружен предмет. Это еще более повышает ее значение. Она сообщает о той же форме обязательных дарений знатным людям, что и преды-

---

[1] Хранится в ГИМ (Евтюхова Л. К вопросу о каменных курганах на среднем Енисее стр. 117, рис. 7).

[2] А. Н. Бернштам (ВЛУ, 1950, № 4, стр. 167) вновь рекомендует мне читать «Чумиш»— горшок вместо «кюмюш» — серебро. Я не могу этого сделать. В надписи нет č, а стоит k, одинаково начертанное и в слове bäglük и в слове kümüš.

[3] Мелиоранский П. М. Небольшая орхонская надпись на серебряной кринке Румянцевского музея. ЗВОРАО, т. XV, в. 1, стр. 34; его же. Два серебряных сосуда с енисейскими надписями. ЗВОРАО, т. XIV, в. 1, стр. 4; Евтюхова Л. и Киселев С. Отчет о Саяно-Алтайской экспедиции 1935 г. Труды ГИМ, в. XVI, М. 1941, стр. 103 и 113.

дущая надпись, но теперь мы узнаем и дарителя. Это не завоеванный чужой народ, кыштым, это сами кыргызы, свободный «народ Ач». Ссылаясь на эти надписи, мы уже отмечали, что дани-дары, очевидно, еще в VII—VIII вв. характеризовали отношения кыргызского народа и его знати.

Третий и четвертый сосуды из первого тайника сохранились полностью. Это золотые кувшины той же формы, что и «дар Ача» (табл. LVI, рис. 1, 2). Но они отличаются тонким накладным и чеканным орнаментом. Его узоры свидетельствуют о своеобразии искусства кыргызских мастеров, умевших творчески переработать образцы художественного ремесла Китая, Ирана и далекой Византии. Об этом еще придется говорить несколько позднее. Здесь же еще раз отметим значение драгоценностей первого тайника. Они ярко демонстрируют изысканность быта кыргызской знати, умножавшей свои богатства не только войной и рабским трудом, но и данями своих соплеменников.[1]

То же значение имеют находки и во втором тайнике кургана № 2. Его составляют главным образом различные наременные бляхи от конской сбруи и, может быть, от ножен меча или от отделки колчана (табл. LVII, рис. 5—7). Они сделаны, преимущественно, из серебра и золота и украшены тонкими растительными узорами и изображениями птиц и зверей. Однако эти драгоценности затмевает найденное вместе с ними золотое блюдо, орнаментированное тончайшими растительными узорами и медальонами с изображением птиц (табл. LVI, рис. 3). Все эти украшения позволят ниже говорить о важнейших особенностях в развитии кыргызского искусства и культурных сношений. Там же мы рассмотрим и находки из обоих тайников кургана № 6 Копен. Менее ценные материально, они особенно ярко покажут своеобразие кыргызского искусства и утонченность вкусов богатой кыргызской знати.

В IX—X вв. в погребальном обряде кыргызов произошло крупное изменение. Обычай сожжения был почти оставлен. Распространились погребения с конем, особенно хорошо изученные В. П. Левашовой в Капчальском могильнике II.[2] Как показали наши раскопки на Уйбате II, капчальский тип погребения в общей яме с конем имел и другой вариант. В обоих случаях на Уйбате II покойники лежали в подбоях под северной стенкой, несколько выше коня, занимавшего дно ямы. Уйбатские погребения принадлежали воинам, колчаны которых были украшены

---

[1] Остатки этих богатств кыргызской знати встречаются в Минусинской котловине и в виде кладов. Из них наиболее значительный Биджинский, найденный в 1846 г. и хранящийся в ГИМ. Он состоит из десяти серебряных кринок совершенно той же формы, что и копенские кувшины, но без ручек. Три такие же кринки были найдены в 1898 г. около Торков на Большом озере и хранятся в Гос. Эрмитаже (см. Восточное серебро, № 181—193).

[2] Левашова В. Из далекого прошлого южной части Красноярского края, стр. 47, рис. 20 и ее же отчет в сборнике «Археологические исследования в РСФСР за 1934—1936 гг.», изд. ИИМК, 1939. Евтюхова Л. А. Археологические памятники и т. д., рис. 112—115.

богато орнаментированными костяными пластинками (табл. LIX, рис. 26, 27).[1] Сейчас еще рано делать какие-либо выводы, но все же встает вопрос, не является ли наличие у кыргызов IX—X вв. наряду с ямными — подбойных погребений сохранением старого обыкновения выделять похороны более значительных лиц более сложным ритуалом. О том, что и в это время совершались погребения с богатым инвентарем, может быть, не уступавшие копенским, свидетельствуют замечательные сбруйные наборы с серебряной и черневой отделкой, хранящиеся в коллекции Згерского-Струмилло в Гос. историческом музее. Ряд наременных пластин этих наборов совершенно аналогичен найденным в Тюхтятском кладе, датируемом IX—X вв.[2] Следовательно, наборы из коллекции Згерского-Струмилло относятся к одному времени с погребениями с конем Капчальского II и Уйбатского II могильников.

Вместе с тем, изящнейшие бляхи наборов Згерского-Струмилло отличаются одной особенностью. Все они носят следы сильного обжига, частично выплавившего серебро инкрустаций. Трудно видеть в этом случайность. Вернее считать, что эти украшения участвовали в погребальном сожжении богатого кыргыза IX—X вв. Вероятно, их нашел какой-нибудь минусинский крестьянин из тех, кто «из любопытства» раскапывает курганы на отдаленных пашнях. Если это так, то можно говорить о сохранении в кыргызской аристократической среде архаического обряда сожжения даже тогда, когда в других слоях общества распространилась новая форма похорон. Очевидно, различия в богатстве инвентаря и разнообразие погребальных обрядов одинаково резко отражали сложность общественного устройства кыргыз, как в VI—VIII, так и в IX—X вв.

6. КУЛЬТУРА ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ

ПИСЬМЕННОСТЬ

Высокому уровню хозяйства и сложному общественному и государственному устройству кыргызов вполне соответствовало их культурное развитие. Его высота наиболее ярко проявилась в письменности.

Относительно ее возникновения существует несколько точек зрения.

Большинство исследователей признали, что в основе орхонского алфавита лежит арамейский. П. Мелиоранский считал возможным предполагать, что на востоке арамейско-аршакидский алфавит держался и позднее III в.[3] В настоящее

---

[1] Весь материал хранится в ГИМ. Евтюхова Л. А. Археологические памятники и т. д., рис. 116.

[2] Кратко описаны в Отчете Ист. музея за 1915 г., М., 1917, стр. 18. Евтюхова Л. А. Археологические памятники и т. д., стр. 67—72.

[3] Мелиоранский Н. П. Памятник в честь Кюль-Тегина. ЗВОРАО, т. XII, 1899, стр. 47.
Donner O. Sur l'origine de l'alphabet turc du nord de l'Asie. Helsingfors, 1896.
Thomsen V. Inscriptions de l'Orkhon. Memoires de la Soc. Fin. Ougr., Helsingfors, 1894—1896.



Бронзовые рельефы и золотые бляхи из курганов Копенского чаатаса в Хакассии (рис. *5—8* — золото, рис. *1—4*, *9* — позолоченная бронза).

время его предположение нашло себе вескую поддержку в исследовании С. П. Толстовым хорезмийского алфавита по надписям на монетах шахов Хорезма. Выяснилось, что хорезмийский шрифт восходит к III—IV вв., причем древнейшие «его знаки целиком укладываются в вариации арамейского шрифта, как такового». Однако и позднее, вплоть до VIII в., хорезмийский шрифт «сохраняет крайне архаический облик, во многом более сближающий его с арамейскими шрифтами парфянского и даже ахеменидского времени».[1] Такое наблюдение над хорезмийской письменностью, подтверждая устойчивость архаических арамейских черт в алфавитах Средней Азии, еще более подкрепляет гипотезу о проникновении арамейского письма дальше к востоку, на Енисей и Орхон, через посредство пехлевийского, согдийского и хорезмийского. Глубоко знающий орхоно-енисейскую эпиграфику С. П. Толстов именно так и ставил вопрос.[2]

Однако едва ли он прав, когда склоняется к сравнительно позднему времени этого проникновения, ссылаясь на широкое распространение тюркского рунического алфавита лишь к VIII в. н. э.

Как известно, орхонские эпитафии были высечены в тридцатых годах VIII в. Но уже в то время орхонский классический стиль был близок к изменению. Оно выразилось в сложении нового рунического «устава» второй половины VIII в., образцом которого являются письмена Селенгинского камня.[3] Подобная перемена отмечена на далеком северо-востоке, но она охватила и западные области тюркского рунического письма. В этом убеждают рукописные рунические тексты начала IX в. из китайского Туркестана.[4] В том же позднейшем варианте руническое письмо помнили и писцы Дун-Хуана в XI—XII вв.[5] А. Н. Бернштам совершенно правильно отметил близость их начертаний к «уставу» Селенгинского камня.[6]

Все изложенное не позволяет мне считать VIII в. временем, близким к возникновению тюркского рунического письма. Предположение П. Мелиоранского, реализованное исследованиями С. Толстова, лишь снимает с нас необходимость подтягивать время зарождения тюркской руники обязательно к III—IV вв. и тем самым становиться на путь Е. Блоше, предполагавшего, что руника была заим-

---

[1] Толстов С. П. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит. ВДИ, 1938, № 4, стр. 133—134.

[2] Там же, стр. 145. Толстов С. П. Древний Хорезм, стр. 173 и сл.

[3] Ramstedt G. I. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. Helsingfors, 1913 и его же перевод надписи Селенгинского камня (Тр. Т.-КОРГО, т. XV, в. 1, СПб., 1914).

[4] Tomsen V. M. A. Stein's. Manuscripts in turkish «runic» script from Miran and Tuhuang. The Journal of the Asiatic Society. London, 1912, January, p. 181—227.

[5] W. Bang in Verbindung mit D. A. von Gabain und Dr. G. R. Rachmati. Türkische Turfantexte. IV. Das Buddistische Sutra Säkiz jükmäk. Sitzungsberichte d. Dr. Akademie d. Wissenschaften. VIII—X, 1934, p. 97.

[6] Бернштам А. Н. Руническая надпись в уйгурской рукописи. Зап. Инст. Востоковедения АН СССР, т. VII, стр. 303—305.

ствована туг-ю через посредство жуань-жуан у хуннов, которые в свою очередь заимствовали свою письменность из какого-нибудь арамейского алфавита III в. до н. э.[1] При всей заманчивости такой гипотезы, она не имеет пока надежных оснований.

Однако остается в силе высказанное еще В. Радловым и поддержанное П. Мелиоранским наблюдение о значительно большей древности енисейских рунических письмен сравнительно с орхонскими. В. Радлов относил их к VII в.,[2] а П. Мелиоранский нашел возможным «отнести их вообще к VII, а может быть и к VI в.».[3] В 1926 г. эту же точку зрения поддержал С. Малов. В докладе на Туркологическом съезде в Баку он высказал мнение, что енисейские памятники «датируются даже двумя-тремя столетиями раньше орхоно-селенгинских», т. е. тем же VI в.[4]

В этой связи следует вспомнить важное указание В. Радлова на то, «что между Хануем и Танну-Ола мы не находим никаких следов надписей». По его мнению, это также не позволяет считать, что древнетюркское письмо достигло истоков Енисея, распространяясь от Орхона на запад.[5] Вместо этого В. Радлов выдвинул другой предполагаемый путь проникновения письма туг-ю к кыргызам. На Кемчике много рунических надписей. В VI в. «орда тюркских князей» могла находиться на Черном Иртыше. От Черного Иртыша сравнительно близко до Кемчика. Поэтому, по В. Радлову, именно оттуда и проникла к кыргызам на Кемчик руника туг-ю.[6]

Едва ли такое построение правильно. Прежде всего, оно не снимает вопроса — откуда появилось руническое письмо на Черном Иртыше? Ведь известно, что на Южном Алтае нет образцов его раннего развития. Затем, правильно придавая значение отсутствию рунических надписей между р. Хануем и областями современной Тувинской автономной области, следовало бы отметить и полное отсутствие сведений о наличии надписей на всем протяжении от Кемчика до Черного Иртыша и на самом Черном Иртыше. Локализация «орды тюркских князей», т. е. центра державы туг-ю в VI в. на Черном Иртыше также пока не подтверждается источниками. Наоборот, кошо-цайдамские тексты и памятники Тоньюкука традиционным центром на востоке считают р. Орхон, что же касается Запада, то уже в VI в. опорой тюркской экспансии являлось там Семиречье. Считают также, что около Кульджи, под горою Ак-Таг, находилась в 568 г. ставка западнотюркского хана Дизабула.[7]

---

[1] Blochet E. Les inscriptions turques de l'Orkhon. Revue Archeologique, III série, t. XXXII, p. 356—382 et t. XXXIII, p. 352—365.

[2] Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Dritte Lieferung, СПб., 1895, стр. 301—302.

[3] Мелиоранский П. Памятник в честь Кюль-Тегина, стр. 47.

[4] Цитирую по В. Бартольду (Киргизы, стр. 22).

[5] Radloff W. Die alttürkischen Inschriften. Dritte Lieferung, p. 301.

[6] Там же, стр. 301.

[7] Бернштам А. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 25.

Однако, если гипотеза В. Радлова о роли предполагаемых тюркских кочевий по Черному Иртышу в передаче кыргызам рунической письменности и не может быть принята, все же это не снимает вопроса о проникновении руники к кыргызам от западных тюрок. Ведь рядом с их центрами в Семиречье на р. Таласе и на Иссык-куле были открыты рунические надписи. Напомним эти находки. В 1896 г. В. Каллаур обнаружил около с. Дмитриевского на верхнем Таласе первую руническую надпись, изданную и переведенную В. Радловым,[1] а позднее Неметом[2] и С. Маловым.[3] Тогда же В. Каллаур видел рунические строчки среди уйгурских письмен в ущелье Терексай Александровского хребта, но судьба копий этой надписи, дошедшей до В. Радлова, в дальнейшем неизвестна. В 1898 г. В. Каллаур открыл около с. Дмитриевского еще две рунические надписи, изданные П. Мелиоранским, прочитавшим, однако, лишь одну из них (так называемый «первый камень»).[4] Позднее эту надпись также переводили Д. Немет[5] и С. Малов.[6] Второй же камень был переведен Неметом[7] и подробно рассмотрен С. Маловым.[8] После открытий В. Каллаура, около с. Дмитриевского было найдено еще две надписи на камнях, стоявших над погребениями, исследованными Г. Гейкелем в 1898 г. По мнению Г. Гейкеля, могилы эти относятся к V в. н. э.[9] Стоявшие над ними надписи были изданы тем же Г. Гейкелем в 1918 г.[10] и переведены С. Маловым.[11] За советский период в Семиречье обнаружились новые рунические надписи. В 1926 г. благодаря понижению уровня Иссык-куля около урочища Койсара выступил из-под воды камень с арабскими и руническими письменами, изданными С. Маловым.[12]

В 1930 г. в Терексае около с. Дмитриевского Е. Массон открыл новую наскальную руническую надпись, впоследствии переведенную С. Маловым.[13] Наконец, в 1932 г. в древнем шурфе на месторождении серного колчедана в окрестностях

---

[1] Радлов В. Разбор древнетюркской надписи на камне, найденном на урочище Аиртам-ой Кенкольской вол., Аулеатинского уезда. ЗВОРАО, т. XI, в. I—IV, СПб., 1899, стр. 85—87.

[2] Nemeth J. Die Köktürkischen Grabinschriften aus dem Tale des Talas in Turkestan. Körösicsoma — Archiv. Bd. II, Budapest, 1926, p. 135—136.

[3] Малов С. Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас. Изв. АН СССР. Отд. гуманитарных наук, Л., 1928, стр. 802—804.

[4] Мелиоранский П. По поводу новой археологической находки в Аулеатинском у. ЗВОРАО, т. IX, в. I—IV, стр. 271—272.

[5] Nemeth J., ук. соч., стр. 140—141.

[6] Малов С. Древнетурецкие надгробия..., стр. 799—802.

[7] Nemeth J., ук. соч., стр. 137—138.

[8] Малов С. Таласские эпиграфические памятники. Материалы Узкомстариса, вып. 6—7, М.—Л., 1936, стр. 17—23.

[9] Heikel H. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. Travaux ethnographiques, VII, Helsinki, 1918, p. II, 1, II, 14.

[10] Heikel H., ук. соч., табл. XXIII и XXIV.

[11] Малов С. Таласские эпиграфические памятники, стр. 23—26.

[12] Малов С. Древнетурецкие надгробия бассейна р. Талас, стр. 804—805.

[13] Малов С. Таласские эпиграфические памятники, стр. 27—28.

с. Дмитриевского была обнаружена еловая палочка, покрытая резными рунами. В 1936 г. этот исключительный памятник был издан С. Маловым с переводом и важнейшими комментариями.[1]

Таким образом, до настоящего времени в Семиречье известно 9 рунических надписей, причем большинство обнаружено около с. Дмитриевского на верхнем Таласе и лишь одна на берегу Иссык-куля. Однако эта последняя находка имеет очень большое значение, так как не позволяет видеть в надписях у с. Дмитриевского случайное, узко местное явление в Семиречье. Наоборот, не подлежит никакому сомнению, что определенная часть Семиречья представляла такой же очаг рунической письменности, каким были области верхнего и среднего Енисея и северо-восточная Монголия.

Благодаря последним раскопкам и разведкам А. Н. Бернштама удалось выяснить, что в VI—VII вв. на территории Семиречья развивались два параллельных процесса — складывался западнотюркский каганат, имевший тесные связи с Согдианой, и вновь проникали в Семиречье значительные массы согдийского населения. При этом удалось определить границы согдийских колоний и тем самым выяснить, что «центрами распространения тюрок оказались горные долины: Верхний Талас, Чон-Кемин и Иссык-куль. В долине Чон-Кемина открыт город Суяб и могильники тюрок с балбалами. На Иссык-куле обнаружены каменные бабы, в верхнем Таласе, по р. Кенкол около ур. Терскул — тюркский могильник».[2] Тюркские племена этих районов—пять дулу и пять нушиби, или, как их называют рунические тексты, «десятистрельный народ», потеряли свою политическую самостоятельность в 704 г., когда сложилось новое государство тюргешей. Таким образом, не подлежит сомнению, что памятники VI—VII вв., исследованные С. Теплоуховым и А. Бернштамом в горных районах Семиречья, принадлежали именно западным тюркам. Нет никаких оснований из комплекса этих памятников исключать рунические надписи на камнях и скалах, найденные на верхнем Таласе и на Иссык-куле. Дело в том, что все исследователи этих надписей отмечают их большое сходство по характеру букв и по содержанию с енисейскими VI—VII вв. и заметное отличие от орхонских и тем более селенгинских VIII в.[3] Отнесению их к VIII в. препятствует также и то обстоятельство, что в тюргешском государстве получила развитие уже другая, уйгурская письменность. Это доказано легендами тюргешских монет. На них, и то лишь в качестве тамги, удерживется в VIII в. всего один рунический знак.[4] Это доказано также господством уйгурской письменности в документах VIII—IX вв., найденных в Китайском Туркестане. Рунические тексты

---

[1] Маслов С. Таласские эпиграфические памятники, стр. 28—38.

[2] Бернштам А. Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941, стр. 60.

[3] Малов С. Древнетурецкие надгробия, стр. 800, и Бернштам А. Археологический очерк Северной Киргизии, стр. 61.

[4] Бернштам А. Тюргешские монеты. Труды Отд. Востока Гос. Эрмитажа, т. II, 1940, стр. 105—111.

встречаются там лишь изредка. Можно считать вполне установленным наличие в Семиречье, в районах, занимавшихся в VI—VII вв. тюрками, рунической письменности и притом более архаического типа, чем орхонская. Такой вывод позволяет поставить вопрос о месте формирования рунического алфавита. Если не подлежит сомнению арамейская основа большинства таласо-енисейских литер, проникшая на восток через Среднюю Азию, через согдийское и хорезмийское письмо, то Семиречье, связанное с Хорезмом, колонизованное в значительной части согдийцами и в то же время в VI—VII вв. занятое западными туг-ю, становится наиболее вероятным местом первого применения рунической письменности, приспособившей арамейский алфавит к тюркской речи.[1] Оттуда тюркизированный алфавит широко распространился сначала на восток. Пока не найдено в Восточном Туркестане рунических надписей на камне, но зато имеются документы на бумаге. Они, вероятнее всего, составляют памятники тюркоязычного народа ягма, обитавшего в VI—VIII вв. в Кашгарии и входившего в западнотюркский каганат. Это позволяет сделать вывод, что отсутствие рунических надписей на камнях и скалах не является безусловным доказательством незнакомства населения ряда областей Центральной Азии с руникой. В частности, вполне возможно допустить наличие рунического письма у карлуков, одного из наиболее крупных племен, входивших в состав западнотюркского каганата. Между тем, карлуки очень долго занимали территорию Западного Алтая и Тарбагатая и в том числе бассейн Зайсана и Черного Иртыша. Китайская хроника сохранила указание на постоянство дружественных связей енисейских кыргызов с карлуками (Гэ-ло-лу).[2] Гипотеза В. Радлова о роли населения Черного Иртыша в передаче кыргызам руники туг-ю приобретает в новом виде большую достоверность, уже не нуждаясь в придуманной «орде тюркских князей». Вероятно, так же, как ягма и как кыргызы, восприняли руническое письмо западных туг-ю и орхонские тюрки. Однако их древнейшие тексты VI—VII вв. пока не выделены, так как исследователей, естественно, влекут к себе монументальные надписи Онгина, Кошо-Цайдама и Налайхи, относящиеся к первой половине VIII в.

Что касается кыргызов, то западнотюркская письменность попала на Енисее на подготовленную почву. Уже почти два тысячелетия существовали там разнообразнейшие рисунки на скалах и на нарочито поставленных стелах. Многие из них представляют собою целые повествования о выдающихся событиях — сражениях, больших охотах, постройке новых поселков и переездах на новые места. Другие с различной условностью передают в символах отвлеченные представления, главным образом космогонического характера. Косые и прямые кресты, квадраты, круги, звезды, дуги и другие фигуры высекались еще в карасукское время. В та-

[1] О тесной связи каганата с городскими центрами Средней Азии см. Толстов С. Тиранния Абруя. Исторические записки, т. III, М., 1939, стр. 3—53.

[2] Иакинф. Собрание сведений..., ч. 1, стр. 449. Сообщение об общей границе (стр. 448) относится уже к IX в.

гарскую эпоху эти знаки умножились и к ним прибавились разнообразные тамги. В таштыкское время мы отметили новый шаг вперед — появление наряду с тамгами счетных знаков. При такой древности и разнообразии средств фиксации, в условиях нового усложнения общественных отношений, когда возникала кыргызская государственность, естественны были попытки создания собственной письменности. Об одном таком опыте рассказывает нам обломок грубого горшка, найденный в кыргызском кургане № 2 Уйбатского чаатаса. В его нижней части под волнистой чертой расположена целая строка различных знаков — квадрат с крестом внутри,[1] две наклонные черты, схематическая фигура мужчины, два вписанных один в другой круга, круг с чертой посредине, примыкающая к нему дуга, горизонтальная черта и черта вертикальная (табл. LIII, рис. 11). Перед нами несомненная надпись, для которой использованы знаки, давно бытовавшие на Енисее, но только теперь поставленные в строку. Об отношении этого примитивного письма к руническому алфавиту можно заключать из того, что далеко не все рунические знаки восходят к арамейской системе. Занимавшийся этим вопросом В. Томсен не нашел арамейских основ для 15 орхонских знаков и пришел к выводу, что они представляют собой местное дополнение. Он же в специальной таблице выделил «главнейшие и наименее сомнительные» варианты знаков, характеризующие енисейские надписи.[2] В настоящее время количество определимых енисейских вариантов может быть еще увеличено. Уже самое количество их (до 8 к одному звуку) подтверждает относительную древность енисейского и очень близкого к нему таласского алфавита, отразившего ту стадию рунической письменности, на которой еще не закончилось сложение буквенных форм. Однако и теперь, как и при выходе в свет «Заметок об этническом составе тюркских письмен и народностей» Н. Аристова, нельзя соглашаться с его теорией происхождения тюркской руники исключительно из тамг.[3] Наоборот, новые открытия в области среднеазиатских алфавитов еще раз подкрепляют теорию О. Доннера и В. Томсена об их арамейском происхождении.

Руническая письменность у кыргызов была распространена очень широко. На это указывает то обстоятельство, что в степях Кемчика, Улукема, Бейкема, Енисея, Абакана и их притоков уже найдено около 50 одних только надгробных надписей, из которых некоторые очень велики.[4] Но не только количество надгробных

---

[1] Близкий знак обнаружен и на игральном астрагале, найденном на Копенском селище (табл. LIII, рис. 14).

[2] Thomsen V. Inscriptions de l'Orkhon, стр. 10—44.

[3] Аристов Н. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. Живая Старина, 1896, в. III и IV, стр. 410, 418, 420.

[4] Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung. СПб., 1895, стр. 299—387 (21 тувинская и 12 минусинских надгробий и 4 наскальных надписи); Малов С. Е. Новые памятники с турецкими рунами (3 тувинских надгробных надписи); Киселев С. В. Неизданные надписи енисейских кыргызов (1 минусинская и 3 тувинских надгробных и 2 «светских», но вырезанных на стелах). Кроме того, мне прислали еще 5 надписей, собранных Тувинским государственным музеем. В 1947 г. мы собрали в Туве 6 надписей.

С. В. Киселев

надписей свидетельствует о широком знании письма. Рунические эпитафии верхнего Енисея и Минусинской котловины явно рассчитаны на широкий круг читателей не только из представителей знати. Рассматривая содержание этих надписей, мы уже извлекли из них ценные сообщения о внутреннем устройстве кыргызского общества в VI—VII вв. При этом мы видели постоянные упоминания о народе, составленные в таких выражениях восхваления, которые не оставляют сомнения в том, что они писались в расчете на их прочтение простым кыргызом. Еще в большей степени в том же убеждает обилие ненадгробных надписей. Большинство из них находится на скалах, часто представляя как бы беглые, торопливо начерченные острием отметки. К сожалению, этот материал остается до сих пор не только не прочитанным, но в значительной массе своей и не собранным. Только А. Адрианов во время своих работ по эстампированию енисейских писаниц списал некоторое число таких наскальных надписей-отметок.[1] Известная часть их видна также на рисунках, сделанных с писаниц экспедицией Аспелина.[2] В своих поисках писаниц я также встречал отдельные рунические знаки на камнях Майдашинских и Оглахтинских гор близ Минусинска. В этих надписях несомненно таятся важнейшие факты внутренней жизни кыргызов. В этом можно быть уверенным, исходя из содержания единственной прочитанной наскальной надписи, скопированной Д. Клеменцом на утесе Кая-бажи у р. Кемчика. Мы уже обращались к ней при изучении общественного строя кыргызов. Здесь же приведем ее целиком, так как ее текст особенно убеждает в доступности руники многим:

«Вашего владения — моего хана и моего эля — это памятник на Кара-Сэнгире. Его писал Аншин. Вы, люди, слышите владельца Кара-Сэнгир. Витязь.— Инанчу, Чигши-бег, по моим заслугам я самый высший среди шести родов Кэш-дим, это мое превосходство. Кара-Сэнгиром владел я — победоносный Чигши, в тридцать восьмом году — премудрый Шангун. Согласно письма... хана (я) — Тутук-бег лежащей по ту сторону земли».[3]

Обращение «Вы, люди, слышите владельца Кара-Сэнгир» не оставляет сомнения в том, что памятник на Кая-бажи должны были читать очень многие. О том же можно заключить и по распространенности рунических надписей на различных бытовых предметах. Некоторые из них, вырезанные на золотых и серебряных сосудах, мы рассмотрели выше. Однако надписи, обычно указывающие имя владельца, встречаются и на менее роскошных вещах — на поясных украшениях, на китайских зеркалах, на пряслицах и даже на китайских монетах.[4] Надписи на монетах

[1] Хранятся в архиве А. А. Спицына в ИИМК АН СССР.

[2] Appelgren-Kivalo, Alt-Altaische Kunstdenkmäler, рис. 77 и сл. Перевод надписей с Писаной горы около Сулека см. Radloff W. Die alttürkischen Inschriften. Dritte Lieferung, стр. 345.

[3] Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung. СПб., 1895, стр. 326—327.

[4] Там же, стр. 346.

особенно важны. Поскольку монеты были чеканены в 841 г., они свидетельствуют о том, что руническое письмо продолжало применяться на Енисее еще и в IX—X вв. Это подтверждает и отсутствие в стране кыргызов древних уйгурских надписей.

Особый интерес представляет надпись, вырезанная на каменном дисковидном пряслице из Минусинского музея (табл. LIII, рис. 15).[1] Ее литеры весьма своеобразны и значительно отличаются от других енисейских. Интересно редкое начертание m =  , k.  . r  и наличие  очевидно, в значении z или γ. Особый же интерес представляет употребление двух вариантов  и  . Эти знаки-«лесенки» до недавнего времени вообще были неизвестны в азиатской рунике, наличествуя лишь в печенежском письме и венгерских резах в значении z.[2] Теперь же они встретились сразу в двух центрах азиатского рунического письма — на енисейском пряслице и на таласской палочке, изданной С. Маловым.[3] С надписью на таласской палочке роднит надпись на минусинском пряслице и близость других начертаний:  и общий стиль знаков.[4] Рассматривая особенности алфавита обеих надписей, нельзя не признать наряду с большой близостью друг к другу, их сильного отличия от орхонской и таласской лапидарной руники. Ни на Орхоне, ни на Таласе мы не встречаем M в вариантах  Нет на Орхоне и на Таласе и š в виде  , а также nč или č в виде  Зато енисейские надписи изобилуют этими начертаниями. Основываясь на этом, я не могу полностью согласиться с выводом С. Е. Малова относительно надписи на таласской палочке, что будто бы «при первом же взгляде на буквы этой палочки видна их своеобразность в сравнении с буквами орхонской, енисейской и восточнотуркестанской рунических письменностей».[5] Необходимо сделать исключение для енисейских аналогий, особенно после счастливой находки В. П. Левашовой минусинского пряслица.

Однако все сказанное выше позволяет ставить вопрос и о происхождении таласской деревянной палочки с рунами. Она найдена в древнем шурфе, пробитом для

---

[1] Рисунок и слепок любезно предоставлены мне В. П. Левашовой; инв. номер пряслица 2164.

[2] Nemeth I. Die Inschriften des Schatzes von Nagyszent-Miklos. Bibliotheca Orientalis Hungarica, II, Budapest — Leipzig, 1932, Beilage V, VI. Исключительно важно, что в 1947 г. А. Н. Липский при раскопках таштыкского погребения с маской в г. Абакане нашел в погребальном срубе альчик барана со знаком лесенки. Это еще увеличивает число орхоно-енисейских знаков местного происхождения.

[3] Малов С. Таласские эпиграфические памятники, стр. 28—38.

[4] Я решаюсь употребить выражение «стиль» потому, что перед нами надписи на различном материале и тем не менее очень сходные по почерку. Очевидно, они подчинены не только одной алфавитной традиции, но и одному почерковому стилю.

[5] Малов С. Е. Таласские эпиграфические памятники, стр. 30.

добычи железного купороса или квасцов на южном склоне Киргизского хребта к северо-западу от г. Дмитриевского в местности Ачикташ. Содержание ее надписей, мастерски раскрытое С. Е. Маловым, вполне обосновывает его вывод о том, что эта палочка не имела аналогии с уйгурскими деревянными кольями культового или магического значения, но «является своего рода путевым жезлом, путеводной палочкой».[1]

Но кто был тот путешественник, которого привела в VII или VIII в.[2] путеводная палочка на р. Талас? Нам кажется возможным предполагать его кыргызское происхождение. В пользу этого говорит отмеченное выше отличие путеводных надписей палочки от других восточнотуркестанских рунических начертаний и, наоборот, ближайшее сходство с енисейскими надписями, особенно со строчкой, вырезанной на пряслице № 2164 Минусинского музея.

Вероятно, это был один из тех предприимчивых кыргызских воинов-торговцев, которые, проникая в дальние страны вплоть до двора китайских императоров, разносили по Востоку славу о высоком мастерстве енисейских ремесленников, оружейников и художников-ювелиров. Если это так, то таласская палочка приобретает и еще одно значение. Она может стать первым документом, прямо фиксирующим проникновение кыргызов на Тянь-шань ранее IX—X вв.

Заканчивая этим рассмотрение кыргызской письменности, нельзя не признать в ней действительный показатель высоты культуры енисейских кыргызов, сложности их общественного устройства и прочности их связей с соседними народами Азии. Эти связи обогащали кыргызов новыми достижениями восточной цивилизации, но они не могли стереть оригинальных черт, характерных для отважного и свободолюбивого народа енисейских долин.

РЕЛИГИЯ

То же можно сказать и о религии кыргызов.

Тан-шу говорит о шаманизме у кыргызов. «Шаманов называют гань».[3] В. В. Бартольд видит в этом слове китайскую передачу енисейского «кам», до сих пор обозначающего и на Енисее и на Алтае шамана.[4] Как и недавно, так и в IX в. кыргызы

---

[1] Перевод надписи: «Поднявшись, я перевалил через вершину горы. Своих домашних товарищей... Теперь открывая сосуды... Крайняя равнина. Помогая друг другу на новом пути через вершину горы и поднимаясь выше, огибая таким образом... Я подошел; вот — равнина. Переваливая через внутреннее ущелье, восхождение хорошо... Открывая (дорогу) и высоко переправляясь, немного...» (там же, стр. 37).

[2] Это время определяется в связи с тем, что древние шурфы Ачикташа, по словам М. Е. Массона, оказались засыпанными землей с обломками керамики IX—X вв. (М. Е. Массон. К истории открытия древнетурецких руничных надписей в Средней Азии. Материалы Узкомстариса, вып. 6—7, стр. 13).

[3] Иакинф. Собрание сведений..., ч. 1, стр. 446.

[4] Бартольд В. Киргизы, стр. 22.

почитали огонь и приносили жертвы различным духам. При этом Тан-шу замечает, что кыргызы (хягасы) «жертву духам приносят в поле. Для жертвоприношений нет определенного времени».[1] Однако постоянные сношения кыргызов с народами, принявшими буддизм и мусульманство, очевидно, не прошли для них даром и в религиозной сфере. Автор X в. Абу-Дулеф сообщает, что у кыргызов «есть дом богослужений» и что они знают «мерную речь, которой они пользуются во время молитвы». Молясь, они обращаются к югу.[2] В этих словах нельзя не видеть указаний на известное усложнение у кыргызов религиозной обрядовости. Подобные явления нередки в условиях создания на основе недавней первобытности первых классово-государственных форм. Пошли ли кыргызские каганы дальше по этому пути и подобно своим современникам — Владимиру Киевскому, кагану Булану Хазарскому, Тобо — кагану Орхонскому и др.— приняли затем одну из религий Востока — об этом нет ясных известий. Исследователи, затрагивавшие этот вопрос, согласно отрицают проникновение к древним кыргызам буддизма.

За это говорит почти полное отсутствие вещественных и молчание письменных источников. Из страны кыргызов известен лишь один памятник древнего буддизма. Это замечательная алтарная группа, отлитая из бронзы и покрытая позолотой. Она найдена около с. Батени на левом берегу р. Енисея и хранится в Гос. историческом музее.[3] Ее составляют пять фигур, установленных на подставке: Будда, бодисатвы и лев. По качеству выполнения алтарь из Батеней представляет собою образцовое произведение буддийского искусства IV—VI вв. В нем еще сохранились высокие мотивы Гандхары, хотя сделан он в Китае, о чем свидетельствует китайская надпись: «Генерал Ши сделал это для своего усопшего брата». Однако, прежде чем попасть на Енисей, алтарная группа достаточно попутешествовала. На это указывает наличие на подставке вырезанной позднее уйгурской строки. Нужно думать, что на Енисей алтарная группа попала в качестве трофея после одного из походов кыргызов на уйгур в IX в. Такое происхождение буддийского памятника не позволяет видеть в нем доказательство наличия у кыргызов буддизма. Иначе обстоит дело с исламом. Ряд исследователей допускает распространение у кыргызов в IX—X вв. ислама.[4] Основанием этого мнения послужило толкование Иакинфом Бичуриным названия жилища хягасского (кыргызского) хана. В китайской летописи оно названо Мидичжы. По этому поводу И. Бичурин сделал следующее примечание: «кажется, что Медичжы должно быть не дворец, а мяшит или мечеть, храм мусульманский».[5] В настоящее время такое толкование едва ли может

[1] Иакинф. Собрание сведений..., ч. 1, стр. 446.

[2] Цитирую по В. Бартольду. Киргизы, стр. 21—22.

[3] Инв. № 54746—3605. Получила свое определение от ряда советских и китайских специалистов во время выставки «Искусство Китая», организованной в Москве в 1940 г. См. Каталог выставки «Искусство Китая», М., 1940, стр. 32.

[4] Особенно категорично решал этот вопрос В. Огородников в своей вообще страдающей неточностями «Истории Сибири», ч. 1, стр. 169.

[5] Иакинф. Собрание сведений..., ч. 1, стр. 445, примечание 5.

быть принято после разъяснения В. В. Бартольда, который пришел к выводу, что «китайская транскрипция этого названия (у Иакинфа — Мидичжы, у Шотта — Мидичжита) заставляет предполагать в персидском тексте чтения Микиджет (последний слог — иранское слово, часто прибавляемое к названию городов и селений, например, Ахсикет, Пенджикет и т. п.)».[1] Однако это не исключает полностью возможности проникновения ислама к кыргызам. За последние годы удалось даже найти его следы вблизи кыргызов. Из экспозиции Алтае-Саянского отдела Этнографического музея в Ленинграде еще в 1930 г. стало известно, что С. А. Теплоухов нашел в Тувинской автономной области мусульманский могильник предмонгольского времени (XII—XIII вв.). К сожалению, эти важнейшие материалы остались необработанными и недоступными. Поэтому нельзя сказать, имеется ли там единичный некрополь приезжих купцов-мусульман или это один из могильников обитателей долины верхнего Енисея.

ИСКУССТВО ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ

Еще недавно искусство кыргызов представлялось ограниченным задачами орнамента, а кыргызский орнамент считался лишенным иных образов, кроме растительных завитков с цветами.

Правда, при изучении техники енисейских писаниц было выяснено более позднее, чем тагарское, время рисунков, исполненных резьбою.[2] Однако их датировка не была уточнена и не был поставлен вопрос об их принадлежности кыргызам.

Вместе с тем значительное число китайских художественных изделий — танских зеркал, блях и сбруйных украшений, создавало впечатление о пассивном восприятии енисейскими кыргызами произведений иноземного художественного ремесла.[3]

Все это сильно изменили находки, сделанные за последние годы при раскопках кыргызских курганов «Чаатас» VI—VIII вв.

Уже отмеченные выше находки в курганах Теси и Убата медных пластинок, вырезанных в виде парных головок животных, поставили вопрос о сохранении в кыргызское время старых традиций таштыкских произведений.

Такое предположение еще более утвердилось, когда в 1934 г. в Капчальском кургане В. П. Левашова[4] нашла две статуэтки баранов, вырезанные из дерева и покрытые золотыми, серебряными и бронзовыми листками. Стало ясно, что не только животные образы, но и технику торевтики сохраняли кыргызские худож-

[1] Бартольд В. Киргизы, стр. 21.

[2] Киселев С. В. Значение техники нанесения енисейских писаниц. Труды Секции археологии РАНИОН, вып. V, М., 1930.

[3] Salmony A. Eine chinesische Schmuckform und ihre Verbreitung in Eurasien. ESA, IX, стр. 328—335.

[4] Левашова В. Из далекого прошлого южной части Красноярского края, рис. 24 и 25.

ники от предшествующей поры скифо-сибирского искусства. Находка в 1938 г. совершенно аналогичного баранчика в кургане Уйбатского чаатаса показала широту распространения у кыргызов VI—VIII вв. деревянных резных изображений животных, покрытых золотыми листками (табл. LIV, рис. 3—5).[1]

Однако особенно полно осветили кыргызское искусство VI—VIII вв. находки, сделанные в 1939 и 1940 гг. в курганах Копенского чаатаса.

Раскопки в Копенах доставили очень большой материал для изучения растительных узоров, которыми любили украшать бляхи сбруи и поясов кыргызские литейщики и ювелиры. Об этих вещах мы уже говорили при рассмотрении кыргызских ремесел. Здесь уместно обратить внимание на один набор сбруйных украшений из второго тайника кургана № 2 (табл. LIX, рис. 8, 10). Он состоял из шести больших и пяти меньших пластинчатых блях низкопробного серебра, украшенных тонким чеканным узором в виде лепестков цветка. На одном китайском золотом блюде орнамент состоит из цветов, очень близких к нашим.[2] Но не в этом значение орнамента копенских блях. Изучение современных уздечных и седельных наборов хакасов показывает, что до настоящего времени излюбленным украшением плоских наременных блях из светлых сплавов является гравированный рисунок цветка, совершенно аналогичный копенским. В этой связи копенские бляхи с цветком приобретают особый интерес. Они представляют первую из нитей, связывающих современное искусство хакасов с их кыргызской древностью.

Зато другие находки соединяют искусство Копен с древней традицией тагарско-таштыкской эпохи. Из них прежде всего рассмотрим подвесные бронзовые бляхи, найденные в первом тайнике кургана № 6 и в кургане № 7 (табл. LIX, рис. 9).[3] Это массивные литые щитки с тремя лопастями и петлей для подвешивания, украшенные ажурным растительным узором. На средней лопасти изображена маска хищника кошачьей породы; такие морды en face известны на Енисее и на Алтае еще в искусстве гунно-сарматской эпохи, и именно от той поры сохраняют копенские маски своеобразную трактовку ушей.[4] Но и в позднейшее время, вплоть до VIII—IX в., в различных местах они удерживаются в орнаментике бронзовых изделий.[5] На боковых лопастях изображены морды хищников в профиль. Они замечательно точно совпадают с аналогичными изображениями на минусинских бронзах тагарского времени (например, на ручках ножей).[6] Таким образом, устанавливается генетическая зависимость обоих звериных изображений копенских блях

---

[1] Хранится в ГИМ.

[2] Ashton L. and Gray B., Chinese Art.

[3] Евтюхова Л. и Киселев С. Чаатас ус. Копены, табл. 47, а, стр. 40, рис. 36.

[4] Zakharov A. Bone and Wood from the Altai, Antiquaries Journal. 1926.

Грязнов М. П. Раскопки княжеской могилы на Алтае. «Человек», 1928, № 2—4, стр. 218.

[5] Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности, вып. V, рис. 40 и 62.

[6] Клеменц Д. Древности Минусинского музея, Атлас, табл. VI, рис. 16.

от древних произведений звериного стиля. Это имеет большое значение для выяснения основ звериной орнаментации в кыргызском искусстве VI—VIII вв.

О том же свидетельствуют и украшения драгоценных золотых сосудов и блях, найденных в тайниках копенских курганов. Только здесь древние звериные мотивы находятся в сложном сочетании с другими элементами орнамента.

Обратимся, прежде всего, к золотой тарелке из второго тайника кургана № 2 (табл. LVI, рис. 3).[1] Ее поверхность украшена очень тонким чеканным орнаментом. Растительные побеги с цветами образуют сложный узор, в котором вокруг центральной виньетки расположены шесть медальонов. В каждом из них помещена пара грифов, особенно схожих с китайским фениксом.[2]

В качестве ближайшей параллели здесь можно привести орнаментацию одной шелковой ткани Танской эпохи, украшенной растительным узором, поразительно напоминающим узор копенской тарелки.[3] Сохранились от Танской эпохи и другие изображения китайских фениксов, особенно интересные тем, что они отличаются парным, геральдическим их размещением.[4] Стоят грифы на «облаках», в условности которых также выражено китайское влияние. В клювах у них расцветающий ромб. В связи с этой деталью особый интерес представляет изображение на одном танском зеркале пары птиц, также держащих в клюве ромб с петлями по углам и лентами снизу.[5] Ромб с лентами служит в Китае символом победы.[6]

Однако трактовкой головы и мощных лап грифы золотой копенской тарелки теснейшим образом связываются с древним грифом скифо-сибирского звериного стиля. О том же, но в гораздо более усложненном виде говорят и богатейшие чеканные орнаменты одного из золотых кувшинов первого тайника кургана № 2 (табл. LVI, рис. 2).[7]

В основе их тот же растительный узор, широко распространенный на сасанидском серебре, на металлических изделиях танского Китая и на сбруйных украшениях VI—VIII вв. у кыргызов на Енисее и на Алтае.

Так же, как и на тарелке, растительный узор обрамляет ряд медальонов, расположенных в два яруса — по горлу и по тулову кувшина. В каждом медальоне

---

[1] Евтюхова Л. и Киселев С. Чаатас у с. Копены, рис. 53.

[2] Во вполне сложившемся виде, с характерным хохолком, феникс в Китае изображается на ханьских рельефах (Ashton L. and Gray B., Chinese Art, pl. 17). В Танскую эпоху он очень распространен в орнаментации различных вещей (Ashton L. and Gray B., ук. соч., табл. 42 и 47 — a; Tch'ou To-yi. Bronzes antiques de la Chine, pl. XXXVIII; Münsterberg O. Chinesische Kunstgeschichte, Bd. I. Abb. 38, 112, Bd. II, Abb. 316).

В Иране совершенно такой же феникс встречается лишь с XIII в., когда при хулагидах искусство испытало влияние Китая (Денике Б. Живопись Ирана. М., 1938, рис. 8).

[3] Ashton L. and Gray B. Chinese Art, pl. 42.

[4] Там же, табл. 47, a.

[5] Tch'ou To-yi. Bronzes antiques de la Chine. Paris, 1927, pl. XXXVIII.

[6] Fry R. Backham B. Chinese Art. London, 1925.

[7] Евтюхова Л. и Киселев С. Чаатас у с. Копены, табл. IV, рис. 6, табл. V, стр. 46, рис. 48.

помещено изображение одного ушастого грифа, держащего в клюве рыбу, переданную схематически в виде петли с хвостом и плавниками. На тулове сверху и снизу медальонов размещены другие парные изображения грифов, терзающих рыбу. История этой сцены длительна. В античной Греции орел, терзающий рыбу, был геральдическим символом; Ольвия познакомила с ним наше Причерноморье.[1] Позднее этот мотив встречается на ранневизантийских и особенно сасанидских изделиях.[2] Однако там неизвестны изображения держащей рыбу птицы в виде не только ушастого грифа, но даже простого хищника. Рельефы изображают скорее голубя, чем сокола или орла. Вместе с тем гриф на копенском кувшине отличается и от изображений хищных птиц на сасанидском серебре. Трактовка тела и оперения сближает его с грифами золотой тарелки, столь похожими на китайского феникса.[3] Бросается также в глаза, что ушастая хищная голова грифов кувшина сохраняет многие черты схемы, разработанной еще в древнем степном зверином стиле. Очевидно, сохраненная для востока в сасанидском орнаменте схема — птица, терзающая рыбу,— получает новое оформление от мастеров степного искусства, которым одинаково был известен и сасанидский Иран и танский Китай.

Насколько отдельные схемы широко распространялись, внедряясь в сознание мастеров, можно судить по украшению горизонтального щитка ручки копенского кувшина (табл. LVI, рис. 2). На нем вычеканены грифы, похожие на изображенных на стенках сосуда. Но размещены они так же, как и грифы, в медальонах золотой тарелки. Сидя друг против друга, они держат в клювах ромб — все тот же символ победы.[4]

Распространенность разобранных мотивов орнаментации кувшина в искусстве кыргызских мастеров подчеркивается наличием аналогичных изображений грифов держащих в клюве рыбу, на двух золотых бляшках, найденных во втором тайнике кургана № 2 (табл. LVII, рис. 6).[5] Среди изображений на других бляшках того же тайника интересна группа из двух птиц, скрестивших шеи (табл. LVII, рис. 7).[6] Эта схема имеет в степях Центральной Азии очень давнюю традицию. В аналогичной позе изображены две фантастические птицы на бронзовой прорезной пластинке из Северного Китая, принадлежащей к большой серии бронзовых блях

---

[1] Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.

[2] Восточное серебро, № 80, 102, 105, 111, 127 (И. Орбели и К. Тревер. Сасанидский металл, табл. 28, 29 и 33).

[3] Следует отметить, что Я. И. Смирнов считал золотой кубок Эрмитажа, на котором изображены птицы, очень близкие к копенским грифам, «стоящим в связи с Китаем» (Восточное серебро, № 24).

[4] Пары птиц с ромбом украшают стенки серебряных сосудов, найденных на р. Томыз около г. Глазова. Несмотря на то, что на их ручках имеется сасанидское изображение человека, Я. И. Смирнов не считал орнаментацию их стенок типичной для сасанидского круга (Восточное серебро, № 113).

[5] Евтюхова Л. и Киселев С. Чаатас у с. Копены, рис. 49.

[6] Евтюхова Л. и Киселев, С. Чаатас у с. Копены, рис. 50.

времени около начала нашей эры.[1] В том же тайнике кургана № 2 Копен найдена золотая бляшка с изображением рыбы и петуха (табл. LVII, рис. 5).[2] Нечто подобное можно усмотреть и на позднеиранском сосуде, найденном у с. Майкор близ Соликамска.[3] Наконец, особенно близок к иранским фрагмент золотой бляшки с изображением крылатого сказочного зверя.[4] Он хорошо сопоставляется с рельефом сасанидского блюда, найденного у с. Томыз около г. Глазова.[5]

Эти же особенности можно усмотреть и в украшениях другого золотого кувшина из первого тайника кургана № 2 Копенского чаатаса (табл. LVI, рис. 1).[6] Он покрыт изящнейшей накладной орнаментацией. Мелкий жемчужник обрамляет край горла и дна, а также ребро плечевого уступа. Тот же жемчужник вместе с растительным ажуром составляет шесть пластинок орнамента, напаянных от горла до дна и разделяющих весь сосуд на шесть вертикальных полос. В каждой из них на тулове и на горле укреплен ажурный золотой щиток растительного узора. В центре щитка полумесяц, из-за которого вырастает цветок. Этот мотив имеется в орнаментации сасанидского круга.[7] Ручка кувшина сложная. Ее верхний горизонтальный щиток украшен растительным узором. Расположенное под щитком кольцо ручки имеет выступ в виде соколиной головы.[8] Ее форма типична для поздних стадий сарматской звериной орнаментации Причерноморья.[9]

Рассмотренные памятники Копен, Капчалов и Уйбата убедительно показывают, что прикладное искусство кыргызов было очень сложным. Выросшее в степях на традициях высокого скифо-сибирского стиля, оно обладало большой творческой силой и переработало в новые оригинальные формы все накопленное веками, а также все привнесенное с иранского запада и китайского востока. Однако все нами виденное до сих пор в значительной мере органично вытекало из исторически сложившихся основ кыргызского искусства и той реальной обстановки, в которой оно развивалось.

Гораздо более неожиданными кажутся бронзовые рельефы, найденные в курганах № 5, 6, 7 Копенского чаатаса. Только внимательное изучение их показывает, что и они типичны для художественного движения, отраженного в кыргызском искусстве VI—VIII вв. (табл. LVIII, рис. 1, 2; табл. LVII, рис. 1—4).

---

[1] Chinese Art. Burlington Magasine Monographs, pl. 11.

[2] Евтюхова Л. и Киселев С. Чаатас у с. Копены, рис. 51.

[3] Восточное серебро, № 153.

[4] Евтюхова Л. и Киселев С. Чаатас у с. Копены, рис. 52.

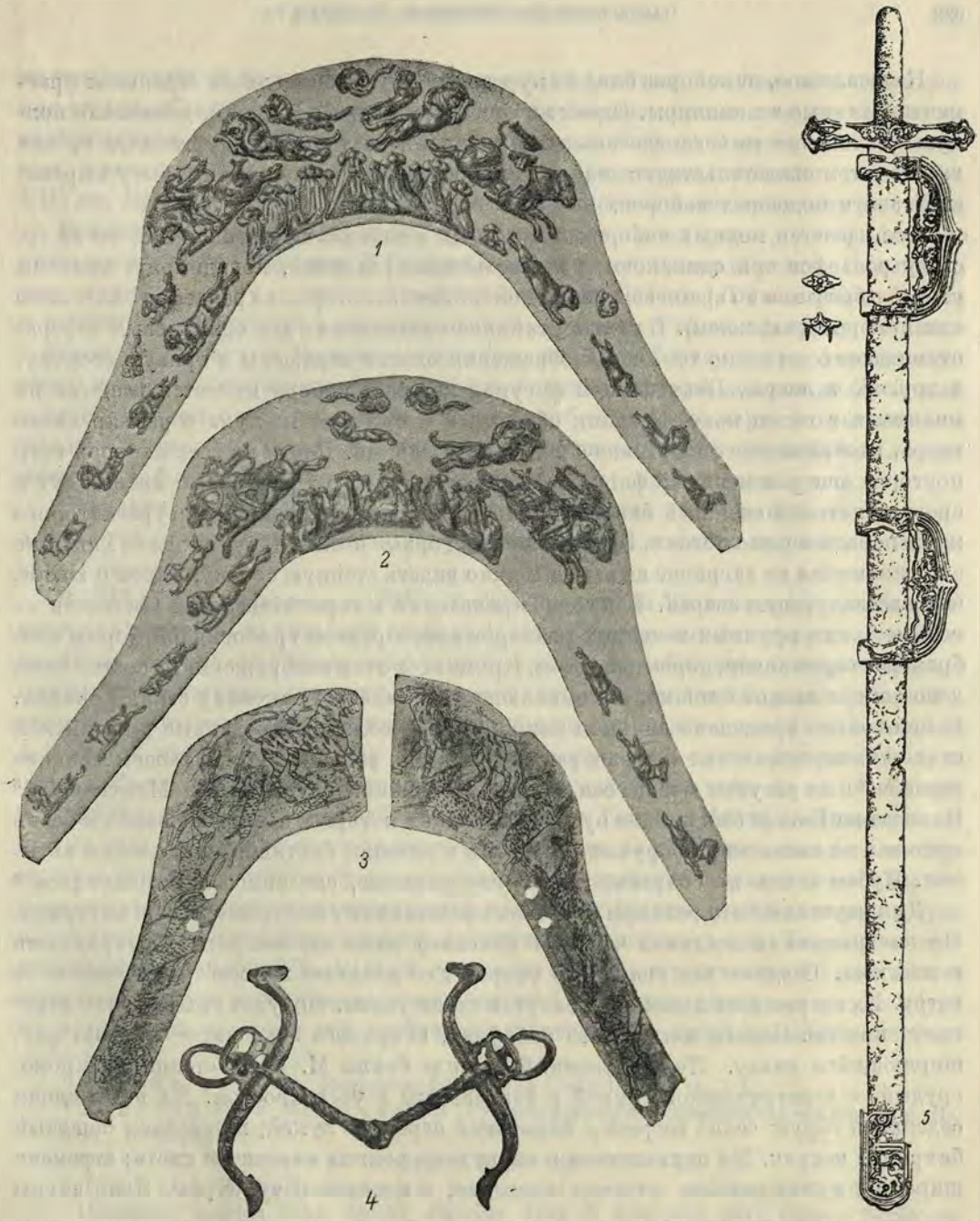
[5] Восточное серебро, № 48; Орбели И. и Тревер К. Сасанидский металл, табл. 22.

[6] Евтюхова Л. и Киселев С. Чаатас у с. Копены, табл. IV, а. Там же, стр. 44, рис. 45.

[7] Восточное серебро, № 288—Орбели И. и Тревер К. Сасанидский металл, табл. 40.

[8] Евтюхова Л. и Киселев С. Чаатас у с. Копены, рис. 46 и 47.

[9] Ср. Пальчатые фибулы и пряжки типа Суук-су. ИАК, в. 19, табл. VI, VIII и IX.



Реконструкция размещения бронзовых рельефов, найденных в кургане № 6 Копенского чаатаса, на передней луке седла (рис. *1*, *2*). Костяные обкладки передней луки седла из могильника Кудыргэ (рис. *3*). Удила из Уйбатского чаатаса (рис. *4*). Меч из могильника у с. Сростки около г. Бийска (рис. *5*).

К сожалению, от наборов блях из курганов № 5 и 7 дошли лишь отдельные фрагментированные экземпляры. Однако и они весьма ценны, так как, доказывая полную аналогичность с замечательными наборами из тайников кургана № 6, они вместе с тем свидетельствуют о значительной распространенности в быту кыргызской знати подобных наборов.

Что касается полных наборов, найденных в тайниках кургана № 6, то по составу рельефов они одинаковы; количественные различия, повидимому, вызваны утерей в быту или во время сожжения покойника (некоторые из рельефов оплавлены или покороблены огнем). В каждом тайнике оказалось по два одинаковых набора, отличающихся только тем, что изображения одного обращены в правую сторону, а другого в левую. Центральной фигурой каждого набора является всадник на мчащемся в галоп коне. Всадник обернулся и стреляет из лука в разъяренного тигра, изображенного в прыжке с поднятыми лапами. Почти во всех наборах тигр повторен еще раз меньшей фигуркой. От всадника бегут различные звери. Тут и среднеазиатский снежный барс, и дикий кабан, вся сжавшаяся фигура которого живо передает ужас погони. Здесь и лани, и горные козлы. В тупомордом хищнике с поднявшейся на загривке шерстью можно видеть степную собаку, рядом с хозяином преследующую зверей. Вся сцена происходит в горной лесистой местности — особые бляхи крупных и мелких размеров своеобразной грибовидной формы изображают горные цепи, поросшие лесом. Кроме всех этих изображений, в состав каждого набора входят бляшки, напоминающие кудреватую раковину стиля рокайль. К ней только приделана длинная ножка. Это — облака, переданные в китайской схеме.[1] Совершенно так же изображены они на рельефе, украшающем танские зеркала,[2] и на рисунке мчащегося оленя на сбруйной бляхе из-под Минусинска.[3] Некогда на Енисее был найден кубок, на стенках которого были изображены очень похожие на копенских вооруженные луком всадники, охотящиеся на птиц и антилоп. Кубок исчез, но сохранилось его изображение, сделанное Мессершмидтом.[4]

Для изучения быта рельефы из Копен представляют исключительный материал. На изображениях всадника чеканом нанесены даже мелкие детали снаряжения и костюма. Всадник без головного убора. Его длинные волосы развеваются по ветру. Их сдерживает повязка, затянутая сзади узлом. Полудлинный кафтан перетянут поясом. Сапоги мягкие, без каблуков. С правого бока висит колчан, расширяющийся книзу. Лук — сложный, в виде буквы М. Конь степной, широкогрудый, с подстриженной гривой и завязанным в узел хвостом. На нем полная седельная сбруя; седло твердое с невысокой передней лукой; под седлом обшитый бахромой чепрак. На подхвостном и нагрудном ремнях навешаны кисти; стремена широкие, дугообразные; уздечка плетеная, с поводом и чумбуром. Ясно видны

[1] Exhibition of Chinese Art. Mills College. California, 1934, pl. 41.
[2] Münsterberg O. Chinesische Kunstgeschichte, Bd. II, Abb. 276.
[3] Salmony A. Eine chinesische Schmuckform in Eurasien. ESA, IX, 1934, fig. 5.
[4] Сибирские древности, т. I, вып. 2, стр. 27, табл. III и IV.

не только круглые бляхи на пересечении ремней уздечки, но даже эсовидные псалии от удил. Сзади седла развеваются по обеим сторонам ремни, совершенно так же изображенные и на кубке Мессершмидта. Впервые перед нами предстает целиком, в костюме, с оружием и на вполне снаряженном коне, наездник степей VI—VIII вв. Не менее велико и культурно-историческое значение копенских рельефов.

Всадник, стреляющий из лука в преследуемое им животное,— старый мотив степного искусства Евразии. В Скифии издавна известны его образцы. Напомним, как пример, сцену охоты на серебряной чаше из Солохи.[1] То же можно сказать и о сибирском искусстве гунно-сарматского времени. Укажем фигурку всадника с луком, найденную в Колыванском заводе на Алтае,[2] фигурки из Аму-Дарьинского клада[3] и особенно парные золотые бляхи сибирской коллекции Эрмитажа с изображением охоты на кабана.[4] В них особенно много черт, сохранившихся вплоть до копенских рельефов. Это можно заметить и в мчащемся кабане, и в стремительной фигуре скачущей лошади с всадником — стрелком из лука.

Недавние находки в Китае позволяют установить, что еще в позднеханьское время этот сюжет степного искусства с рядом других мотивов проник и в китайскую орнаментику.

В 1942 г. в Нью-Йорке и в 1944 г. в Сан-Франциско были экспонированы четырехгранные столбы из ханьских гробниц I—II вв., украшенные тисненными узорами по штуковой обмазке.[5] Среди этих узоров обращают особое внимание два. Первый представляет несомненное воспроизведение сцены борьбы зверей, взятой из репертуара степного искусства Евразии.[6] Второй передает сцену охоты двух всадников в гористой местности на оленя и лань.[7] Преследующий оленя стреляет из лука вперед. Своей фигурой и особенно положением мчащегося коня он весьма близок к всаднику, преследующему кабана на сибирских бляхах. Иначе изображен охотник на лань. Он мчится вслед за первым охотником, за уходящим оленем. Он обернулся и стреляет в убегающую в горы лань. Его сходство с копенским всадником поразительно. Особенно это чувствуется в повороте фигуры, положении рук и лука и в трактовке непокрытой головы с откинутыми назад волосами. Только отсутствие сбруйных наборов VI—VIII вв., позднего колчана и завязанного в узел хвоста отличает ханьское изображение от копенского. Совершенно очевидно, что, несмотря на разницу во времени, оба изображения зависят от одной традиции великого

[1] Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia, pl. XX.

[2] Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства, в. III, СПб., 1890, рис. 49.

[3] Dalton. The treasure of the Oxus, London, табл. VIII и IX.

[4] Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности, в. III, рис. 69 и 70.

[5] Illustrated London News, 385—4, Oktober. 1942. N 5398 (vol. 201); Chinese Skulpture. Prezent an Exhibition. July 16 to August 15, 1944. New York, pl. IV—VI.

[6] Chinese Skulpture, pl. V—B.

[7] Там же, pl. V—A. Подобные рельефные изображения весьма часты и на поливных сосудах, находимых в Ханьских могилах гг. Сиань и Лоян.

искусства степных художников скифо-сарматской эпохи. Изображения охотничьих сцен на скальных рельефах и серебряной посуде сасанидского Ирана также близки к сибирским, сарматским и скифским. Влияние степных мастеров и здесь нельзя исключить, хотя сасанидский Иран несомненно в большой степени использовал для своих охотничьих композиций традицию ассирийских рельефов. Многие сцены охоты, особенно в камышах, на рельефах Так-и-Бостана (VII в.) почти копируют изображения зверей в болотных зарослях на рельефах из дворца Сеннахериба (VII в. до н. э.).[1]

Однако и от искусства скифо-сарматских степей и от ассирийских произведений сасанидские рельефы, даже самой ранней поры, отличает меньшая подвижность, торжественная иератическая условность нового дворцового стиля. Очевидно, перед нами искусство иной общественной структуры, для которой характерно сочетание давних форм восточного деспотизма с возникновением, ростом и победой новых общественных форм раннеиранского феодализма.[2]

Но, несмотря на глубокие отличия в стиле, сасанидские изображения охот в персонажах очень близки к своим современникам из степей Севера, образцом которых являются копенские рельефы. Те же кабаны,[3] горные козлы,[4] снежные барсы[5] и лани [6] являются излюбленными зверями в сценах охоты сасанидских царей. Только лев на Енисее заменен разъяренным тигром. Даже нападение хищника со спины и выстрел всадника из лука назад достаточно распространены в орнаментации сасанидских блюд.[7] Общее же сравнение копенских фигур с изображениями на блюдах позволяет заключить, что и в том и другом случае мы имеем дело с изображением одной и той же сцены охоты. Отличие лишь в том, что размеры блюд не позволяли развернуть ее полностью. Приходилось каждый раз давать вместе с царем только одну группу изображений — или преследование зверей, или борьбу со львом.

Если продолжать сравнение отдельных деталей сбруи, конского убора, узлом завязанных хвостов и т. п., можно обнаружить еще некоторые параллели с сасанидским искусством. Однако на этом они и окончатся. При всей сюжетной близости сасанидские изображения так же резко отличаются от копенских, как и от более ранних степных и ассирийских. Они призваны прославить могущество сасанидского царя, изображаемого в установленной иконографии.

---

[1] Sarre und Herzfeld. Iranische Felsreliefs. Berlin, 1910, табл. XXXIII—XXXIX., Ср. Weber O. Assyrische Plastik. Orbis pictus. Weltkunst Bücher 19, табл. 31.

[2] Заходер Б. Н. История восточного средневековья, М., 1944, стр. 8 и 11—13.

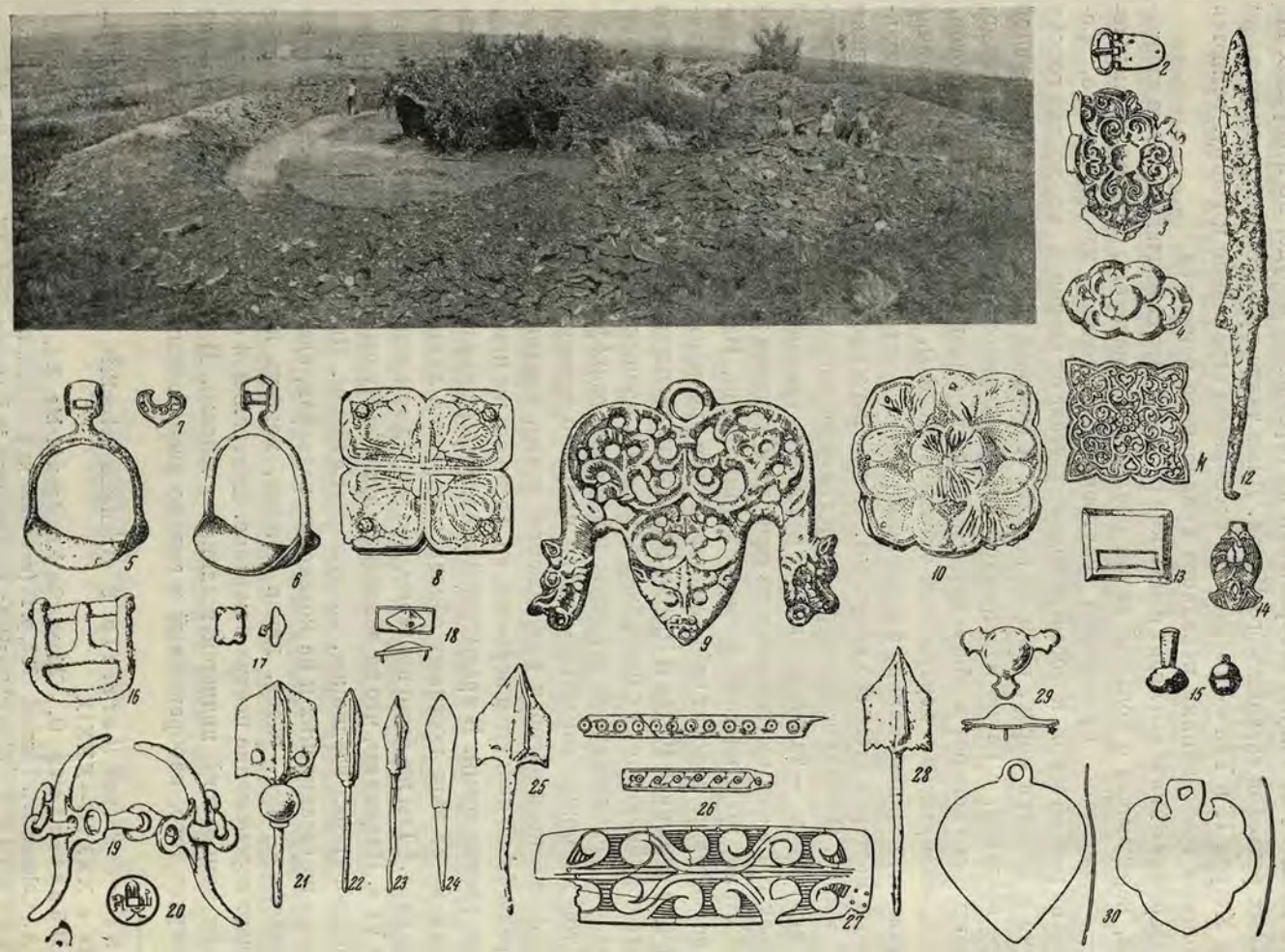
[3] Восточное серебро, № 53, 57, 61. Орбели И. и Тревер К., ук. соч., табл. 3, 4, 9.

[4] Орбели И. и Тревер К., ук. соч., табл. 5, 13.

[5] Восточное серебро, № 380. Орбели И. и Тревер К., ук. соч., табл. 7.

[6] Восточное серебро, № 59. Орбели И. и Тревер К., ук. соч., табл. 11.

[7] Восточное серебро, № 61. Орбели И. и Тревер К., ук. соч., табл. 3, 6, 13 (последние две с изображением Шапура II (309—379) и Хозроя I (531—578).



Вид кургана № 7 Копенского чаатаса (рис. *1*). Вещи из курганов Копенского чаатаса (рис. *2—13*, *15*, *16*), Уйбата II (рис. *26*, *27*), I и II Капчальских могильников (рис. *17—25*, *28—30*). Рис. *14* — Случайная находка в Минусинской котловине.

Это касается не только изображений на серебряной посуде, но и царских наскальных рельефов сасанидского Ирана. Даже такие произведения, как рельефы эпохи Хозроя II в Так-и-Бостане, где несомненно стремление к жанру, остаются скованными требованиями парадного придворного искусства.[1]

Совершенно иначе выглядят копенские рельефы. Это необычайно живые изображения, передающие с большой силой реализма подмеченные тонким наблюдателем — художником проявления внутреннего состояния изображаемого. Сошлемся на рельеф вепря, который не только убегает от всадника, но, вобрав голову в плечи и закинув морду, ревет от страха. А сколько реализма в экспрессивной фигуре всадника, с какой изощренной наблюдательностью, чуждой схематизма, переданы и его поворот и общее неудержимое стремление вперед! Здесь самостоятельная, «внеиранская» переработка охотничьей сцены. В этом убеждает и наличие в составе композиции, наряду с иранскими, также и китайских элементов, использованных мастером степного искусства. Китайского происхождения своеобразная схема облака. Особенность изображения главного тигра — подчеркнутая квадратность его головы — также заставляет вспомнить традиции китайского искусства.[2] В пользу той же самостоятельности говорит и наличие не только местных особенностей стиля, но и местных элементов композиции. Изображения гор на копенских рельефах не находят себе параллели ни в орнаменте по металлу, ни в миниатюре, ни в живописи Китая и Ирана. Зато среди находок около Минусинска можно указать сбруйную бляху с изображением оленя, мчащегося через горы, точно повторяющие грибообразные вершины копенских рельефов.[3]

О том же можно заключить, ставя вопрос о времени появления у населения Саяно-Алтайского нагорья изображений охоты, близких к сасанидским. Копенские рельефы не являются первыми; на Алтае эта же композиция разрабатывалась в более раннее время. В предыдущей главе уже рассматривались рисунки, выгравированные на паре костяных обкладок передней луки седла из Кудыргинского могильника.[4] Там же было показано, что могильник может датироваться временем ранее VI в. Напомним, что на обкладках луки из Кудыргэ изображены сцены преследования зверей всадником, вооруженным луком. Наряду со зверями, изображенными на сасанидских и на копенских рельефах, здесь имеются чисто местные дополнения — лиса, олень, дикая лошадь, медведь и рыбы. Особое внимание обращает перемещение центра в картине. Центральной фигурой копенских и сасанидских композиций является всадник — человек. В Кудыргэ над всей сценой доминирует тигр, изображенный в сильно увеличенных размерах. Здесь все ды-

---

[1] Sarre F. und Herzfeld E. Iranische Felsreliefs. Berlin. 1910, табл. XXXIII—XXXIV и XXXVII—XXXIX.

[2] Münsterberg O. Chinesische Kunstgeschichte, Bd. II, Abb. 89; Fry R. Backhan A. Chinese Art. London, 1935, p. 16 (изваяние на могиле императора Ци-у-Ди, ум. в 493 г.)

[3] Salmony A. Eine Chinesische Schmuckform in Eurasien. ESA, IX, 1934, fig. 5.

[4] Руденко С. и Глухов А., ук. соч., таблица и стр. 48—49.

шит еще большей первобытностью, которая по-своему особенно активно перерабатывает сасанидский вариант охотничьей сцены (табл. LVIII, рис. 3).

Находка в Кудыргэ на Алтае позволяет также связать копенские рельефы с изображениями сцен охоты поздних писаниц на приенисейских скалах. Их объединяет большое стилистическое сходство, а также ряд аналогий в деталях.[1] Все сказанное позволяет заключить, что изображение охоты, еще в весьма раннее время на древних основах выработанное сасанидскими художниками и ювелирами (наиболее ранняя сцена — охота царя Варахрана I, 273—276 гг.), попав в степной мир и, в частности, к тюркоязычным племенам Саяно-Алтая, нашло благодарную почву для развития. При этом именно основная сасанидская схема была переработана в духе местных художественных традиций реализма и дополнена мотивами, взятыми из искусства Китая.

Можно, однако, утверждать и более значительную роль степного искусства в художественной жизни Востока. Наряду с непосредственными связями Китая с Ираном, степное искусство способствовало распространению новых охотничьих композиций на Дальний Восток. Среди танских древностей Китая известно зеркало, украшенное изображением двух всадников. Один из них, вооруженный копьем, преследует тигра, второй стреляет на-скаку в убегающего кабана. Всадники очень похожи на копенских, из зверей же особенно близок кабан.[2] Аналогичные изображения украшают стенки китайского серебряного кубка той же эпохи. Всадник с луком в руках преследует ланей; кругом цветы, птицы и облака.[3] Даже в Японии в одном из монастырей хранится серебряный сосуд 776 г., украшенный сценами охоты, очень близкими к копенским. Всадники с луками преследуют среди гор и леса вепря, ланей, горного козла и зайца; воспроизведен и характерный выстрел назад.[4]

Если сравнивать эти дальневосточные изображения с их западными аналогами, то ясно обнаруживается их большая близость к копенским, а не к иранским. Они воспроизводят реалистическую живость и непосредственность копенских рельефов и совершенно лишены условностей торжественных композиций с охотами на сасанидских блюдах и на скалах Ирана. Это позволяет предполагать, что культурное сближение Ирана и Китая в позднесасанидскую и раннетанскую эпоху, давно замеченное специалистами, происходило при деятельном участии степной культуры Азии.[5]

Художники степей особенно быстро восприняли иранские схемы, так как их

---

[1] Appelgren-Kivalo. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. 1931, Abb. 77, 302.

[2] Ashton L. and Gray B. Chinese Art. Pl. 52.

[3] Там же, табл. 46в.

[4] Münsterberg O. Chinesische Kunstgeschichte. Bd. II, Abb. 312.

[5] Предполагать развитие в Китае сцен охоты исключительно на основе ханьских изображений препятствует отсутствие непрерывности и значительность поздних черт, особенно в деталях сбруи, костюма и т. д. у изображений Танской эпохи.

собственная художественная традиция этому вполне способствовала. Выше уже было показано, что еще в глубокой древности, в хунно-сарматское время, они создавали близкие изображения.

Из них особенно близки к копенским сцены охоты на кабана, украшающие парные золотые бляхи сибирской коллекции Эрмитажа.[1] Мы уже отмечали это в фигуре мчащейся лошади и убегающего кабана. Однако сходство этим не ограничивается. Исключительный интерес представляет один из охотников, забравшийся на дерево (см. бляху с кабаном, бегущимнаправо).[2] Низкое переносье и слегка поднятый кончик носа при наличии длинных волос придает его лицу совершенно те же черты, которые так ярко выражены у всадников на копенских рельефах. Замечательно, однако, что в хунно-сарматское время изображения людей с такими лицами были широко распространены. В один ряд с золотой бляхой из Гос. Эрмитажа, несомненно сибирского происхождения, встают северокитайские бронзовые плакетки. На одних из них изображена борьба двух спешившихся всадников, отличающихся такими же «вздернутыми» носами.[3] Другие передают повозку, из которой виднеются головы путников, особенно похожих на копенских охотников.[4]

Пока еще этого недостаточно для каких-либо этногенетических гипотез, но вместе с другими чертами сходства изображений хунносарматского времени с копенскими, эти физиономические детали делают совершенно очевидным огромное значение местных древних основ в творчестве художников, создававших рельефы, найденные в курганах чаатаса у с. Копен.

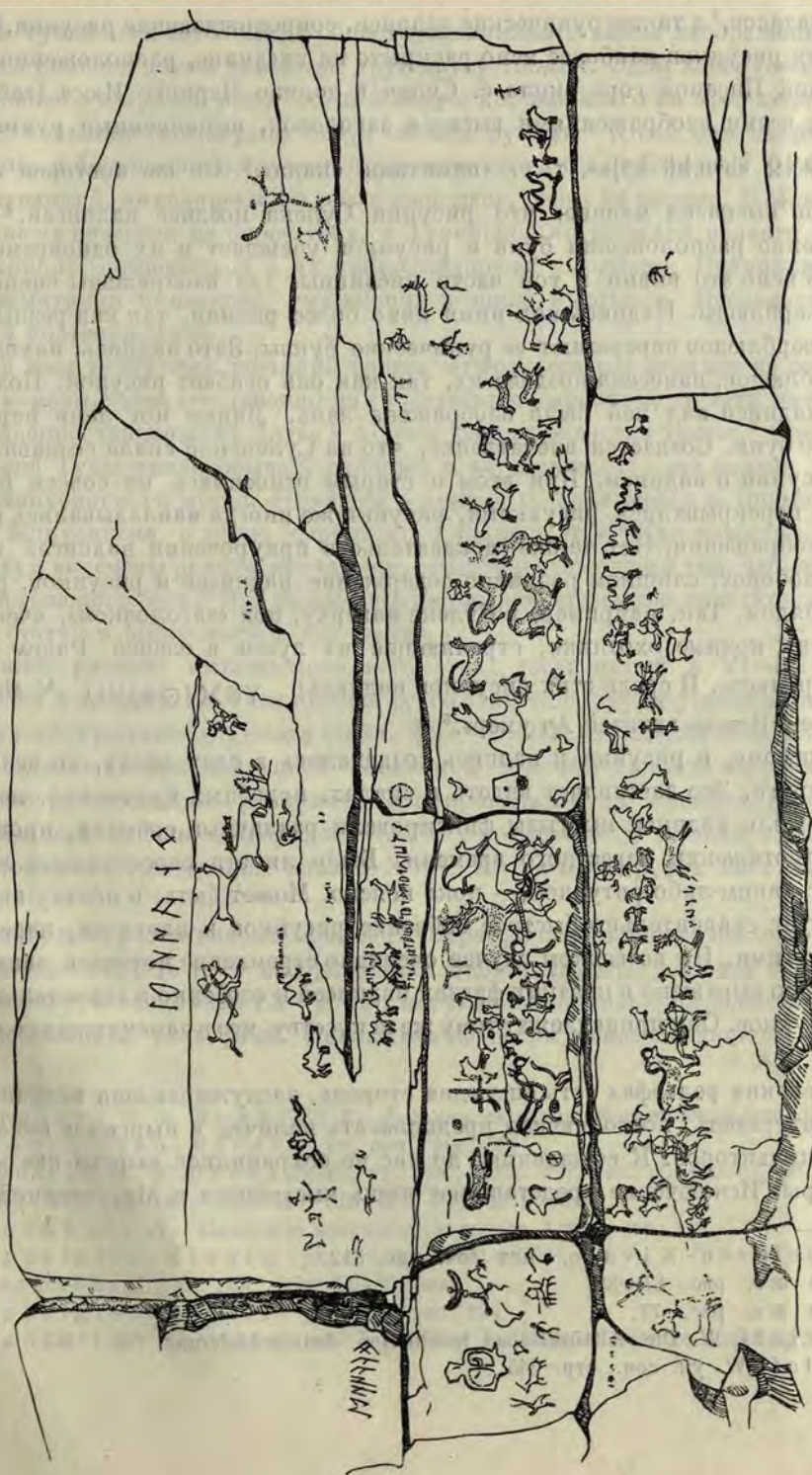
То, что этими мастерами были кыргызы, позволяет утверждать самое распространение изображений. Несмотря на наличие в соседних странах близких произведений, рельефы найдены только в Копенах и сразу в большом числе в нескольких курганах. Не исключена и такая возможность, что копенские сцены охоты имели узко местное значение фамильных знаков одного из знатных родов «народа Ач». Ведь ни в одном из многочисленных курганов, раскопанных в «Чаатасах» других мест земли кыргызов, до сих пор не найдено ни одной бляшки, хотя бы отдаленно напоминавшей копенские рельефы VI—VIII вв.

Для полной характеристики древнекыргызского искусства остается сделать лишь небольшие дополнения.

Выше уже отмечалось сходство алтайского прототипа копенских рельефов с минусинскими писаницами, выполненными линейной резьбой. Писаницы эти более редки, чем исполненные пунктирной техникой, но также встречаются во всех частях Минусинской котловины. Изображают резные писаницы, главным образом, сражения и охоты. Помимо стилистического сходства, основанием к отнесению их к кыргызскому времени служит наличие аналогичных изображений на

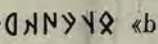
---

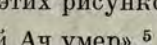
[1] Толстой И. и Кондаков Н., ук. соч., в. III, рис. 69 и 70.
[2] Там же, рис. 69.
[3] Salmony A. Sino-Siberian Art, pl. XXI, 1, 2.
[4] Там же, табл. XXI, 3, 4.



Рисунки и надписи на скале около улуса Сулек в Хакассии.

стелах чаатасов,[1] а также рунические надписи, сопровождающие рисунки.[2] Назначение этих рисунков наиболее ясно раскрыто на писанице, расположенной на так называемой Писаной горе около с. Сулек в долине Черного Июса (табл. LX). Там, над всеми изображениями высится заголовок, выполненный руникой:

 «b^{a}n,kü k^{a}ja», т. е. «памятная скала».[3] Он же повторен и сбоку.

В. Радлов высказал мнение, что рисунки Сулека позднее надписей.[4] Однако рассмотрение расположения букв и рисунков убеждает в их одновременности. Особенно ясно это видно в той части писаницы, где изображены сцепившиеся в драке верблюды. Надпись над ними явно более ранняя, так как резные линии рисунка верблюдов перерезают ее рунические буквы. Зато надпись, находящаяся ниже верблюдов, нанесена позднее их, так как она огибает рисунок. Позже этой нижней надписи над ней была изображена лань. Линии ног лани перерезали несколько букв. Создается впечатление, что на Сулекской скале создавались все новые рисунки и надписи. При этом к старым относились не совсем бережно. Надписи перекрывались рисунками, рисунки же иногда накладывались на более старые изображения. Нет также доказательств приурочения надписей к рисункам, и наоборот: слишком различно содержание надписей и рисунков, расположенных рядом. Так, например, в Сулеке наверху, под «заголовком», очень живо изображены конные охотники, стреляющие из луков в оленей. Рядом — дерущиеся верблюды. И среди этих рисунков надпись:  ^{a}č sü b^{a}šl^{y}γ^{y} öl(ti), т. е. «Вождь витязей Ач умер».[5]

Повидимому, и рисунки и надпись создавались в одну эпоху, но независимо друг от друга. Это заставляет видеть в скалах, подобных Сулекской, места, где в рисунке или надписи кыргызы фиксировали различные события, происходившие на протяжении известного времени. Были ли эти своеобразные летописи связаны с каким-либо ритуалом,— пока неясно. Может быть, в пользу этого свидетельствует сравнительно быстрое забвение рисунков и надписей, перекрывавшихся другими. Но во всяком случае очевидно стремление поточнее запечатлеть событие. Это выражено в кратких фразах надписей и особенно в значительном реализме рисунков. Они принадлежат тому же искусству, что и замечательные рельефы Копен.

В копенских рельефах есть еще одна сторона, заслуживающая внимания. Это их скульптурность, позволяющая предполагать наличие у кыргызов высоко одаренных скульпторов. К сожалению, до нас не сохранились кыргызские круглые скульптуры. Исключение представляют лишь имеющиеся в Минусинской котло-

[1] Appelgren-Kivalo, цит соч., рис. 312.
[2] Там же, рис. 87—89.
[3] Там же, рис. 77.
[4] Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften, Dritte Lieferung, стр. 345.
[5] Radloff W. ук. соч., стр. 345.

вине и в Тувинской автономной области изваянные в камне изображения людей. Они представлены двумя близкими друг другу типами. Одни изображают мужчину, держащего в правой руке сосуд, а левую положившего на эфес меча.[1] Другие (и таких большинство) держат сосуд обеими руками.[2] (Этим они отличаются от алтайских, в большинстве случаев держащих сосуд в одной руке.)[3] Однако количество изваяний, находящихся в земле кыргызов, очень не велико. В Минусинской котловине их известно не более трех, в Тувинской автономной области тридцать. Это заставляет сомневаться в их принадлежности кыргызам. Правильнее видеть в них памятники иноземцев, умиравших в земле кыргызов. Последнее находит себе ряд подтверждений.

Сзади всех тувинских изваяний видны четыреугольные оградки из плит, засыпанные камнем.[4] Они совершенно не свойственны кыргызам, но зато имеют широчайшее распространение на Алтае и в более южных областях тюрок.[5] Следовательно племена Тувы имели обычай, сходный с алтайским. Но это нельзя сказать о статуе Минусинского музея, стоявшей в долине р. Теси около с. Знаменки к северу от Минусинска, в земле кыргызского «народа Ач».[6] Как известно, на спине этой статуи высечены рунические строки, свидетельствующие о том, что она изображает тюргешского бега.[7] Это только подтверждает иноземное происхождение единичных статуй в Минусинской котловине.

Высокий уровень кыргызского искусства, достигнутый в VI—VIII веках, сохранился и позднее. Об этом прежде всего свидетельствуют украшения наременных блях из Тюхтятского клада (табл. LXI—LXIII). Выше уже отмечалось большое их сходство с орнаментацией копенской поясной золотой ажурной бляхи, а также с растительным рисунком, гравированным на бронзовых накладках на ножны или колчан. Говорилось также о возможности в связи с этим видеть и в аналогичных тюхтятским бляхах X в. с Алтая и из других мест кыргызские изделия.

Но не только растительный орнамент сохранял свое прежнее высокое качество. То же можно сказать и об изображениях людей. Правда, ни разу еще не были найдены фигуры всадников IX—X вв., могущие поспорить совершенством мастерства с копенскими рельефами. Однако обе подвески в виде всадников, найденные

---

[1] Грязнов М. и Шнейдер Е. Древние изваяния Минусинских степей, табл. VII, рис. 64; Appelgren-Kivalo, ук. соч., рис. 301

[2] Грязнов М. и Шнейдер Е., ук. соч., табл. VII, рис. 60, 62, 63, 67 Appelgren-Kivalo, ук. соч., рис. 216, 318, 320, 323, 333, 333A.

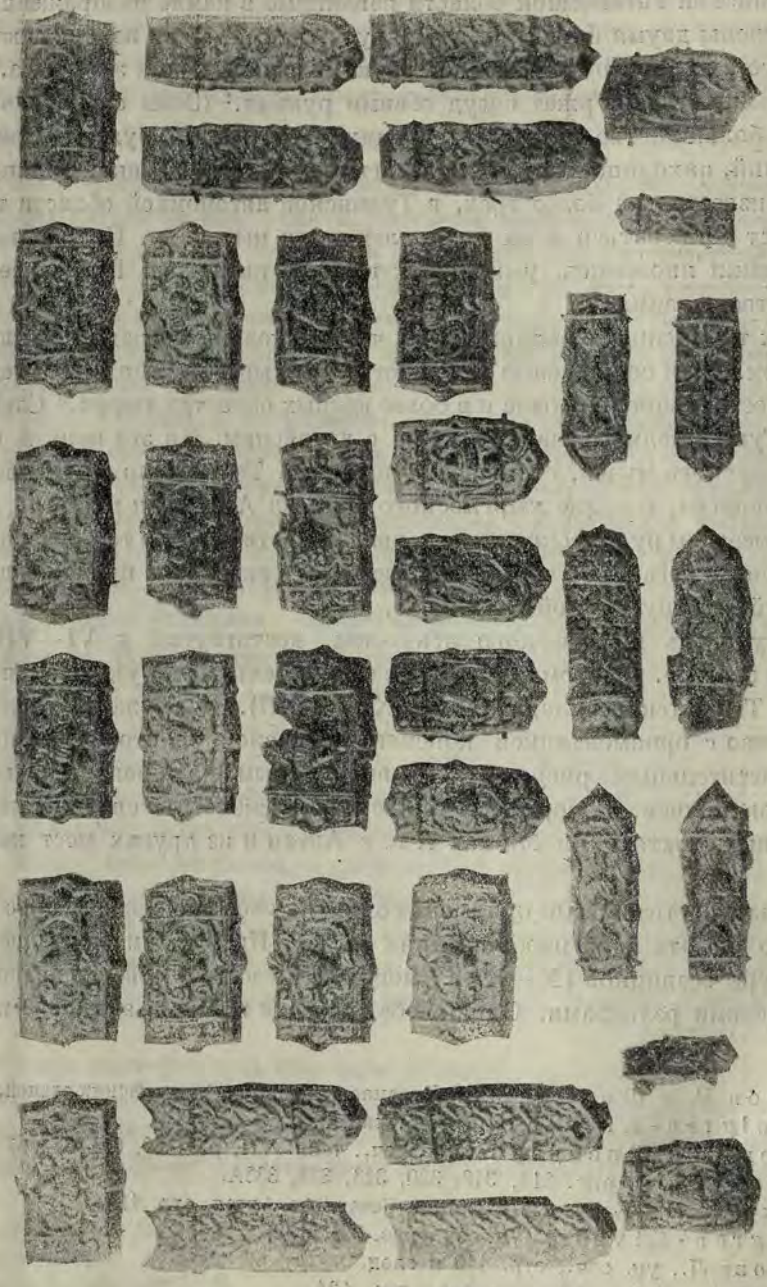
[3] Евтюхова Л. Каменные изваяния Северного Алтая, стр. 119.

[4] Appelgren-Kivalo, ук. соч., рис. 321 и 326.

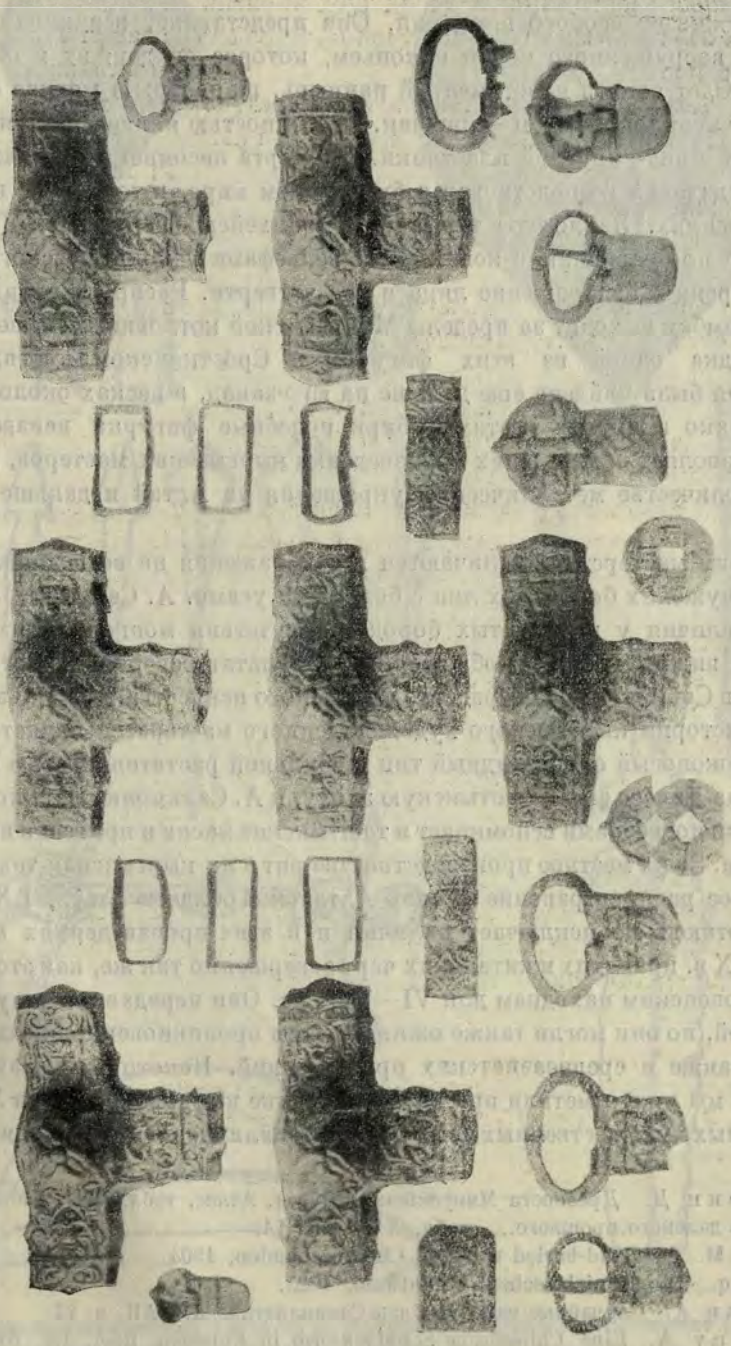
[5] Евтюхова Л., ук. соч., стр. 119 и след.

[6] Appelgren-Kivalo, ук. соч., рис. 124.

[7] Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung. СПб., 1895, стр. 344.



Вещи из Тюхтятского клада на р. Казыре в Минусинской котловине



Вещи из Тюхтятского клада на р. Казыре в Минусинской котловине.

около с. Колмаковой, все же сохраняют многие черты Копенского стиля.[1] Одна из них заслуживает особого внимания. Она представляет всадника на идущем шагом коне, вооруженного мечем и копьем, которое он держит в обеих руках «наперевес». Одет воин в пластинчатый панцырь, шаровары и мягкие сапоги. На голове у него невысокий шлем — шишак. Особенностью является наличие вокруг головы нимба в виде круглой пластинки. Эта черта несомненно отражает южные связи. Нимб издавна господствовал в буддийском мире, в том числе и на хотанских изображениях.[2] Знало его и турфанское манихейское искусство.[3] Дальнейшим шагом вперед по сравнению с копенскими рельефами у колмаковского всадника является уверенное изображение лица в три четверти. Распространение фигурок всадника с нимбом выходит за пределы Минусинской котловины. Выше уже отмечалась находка одной из этих фигурок в Сросткинском могильнике на Алтае. Другая была найдена еще дальше на юго-запад, в песках около Семипалатинска.[4] Однако в других местах Сибири подобные фигурки неизвестны. Это опять же позволяет видеть в них произведения кыргызских мастеров, сбывавших в большом количестве металлические украшения на Алтай и дальше вплоть до Семиречья.

Не меньшим мастерством отличаются и изображения на всевозможных подвесках en face мужских бородатых лиц с большими усами. А. Сальмони недоумевал по поводу наличия у них густых бород и отсутствия монголоидных черт.[5] Он склонен был видеть в этих изображениях результат североиранского влияния, переданного в Сибирь через посредство китайского искусства. Однако это построение в свете истории кыргызского художественного мастерства является искусственным. Высоконосый европеоидный тип с обильной растительностью на лице зафиксирован на Енисее еще в таштыкскую эпоху, и А. Сальмони прав, когда в связи с кыргызскими подвесками вспоминает и таштыкские маски и привески из Пазырыкского кургана. За их местное производство говорит и их кыргызская техника и преимущественное распространение в Саяно-Алтайской области (табл. LXIII, рис. 5).

Все это отнюдь не исключает наличия и в этих произведениях кыргызских художников X в. иранских и китайских черт совершенно так же, как это было обнаружено по копенским находкам для VI—VIII вв. Они передавались художественной традицией, но они могли также оживляться и проникновением позднетанских, сунских, а также и среднеазиатских произведений. Некоторые китайские вещи этой группы мы уже отметили при характеристике кыргызской сбруи X в. Что касается западных художественных изделий, то их наличие на Енисее для IX—X вв.

---

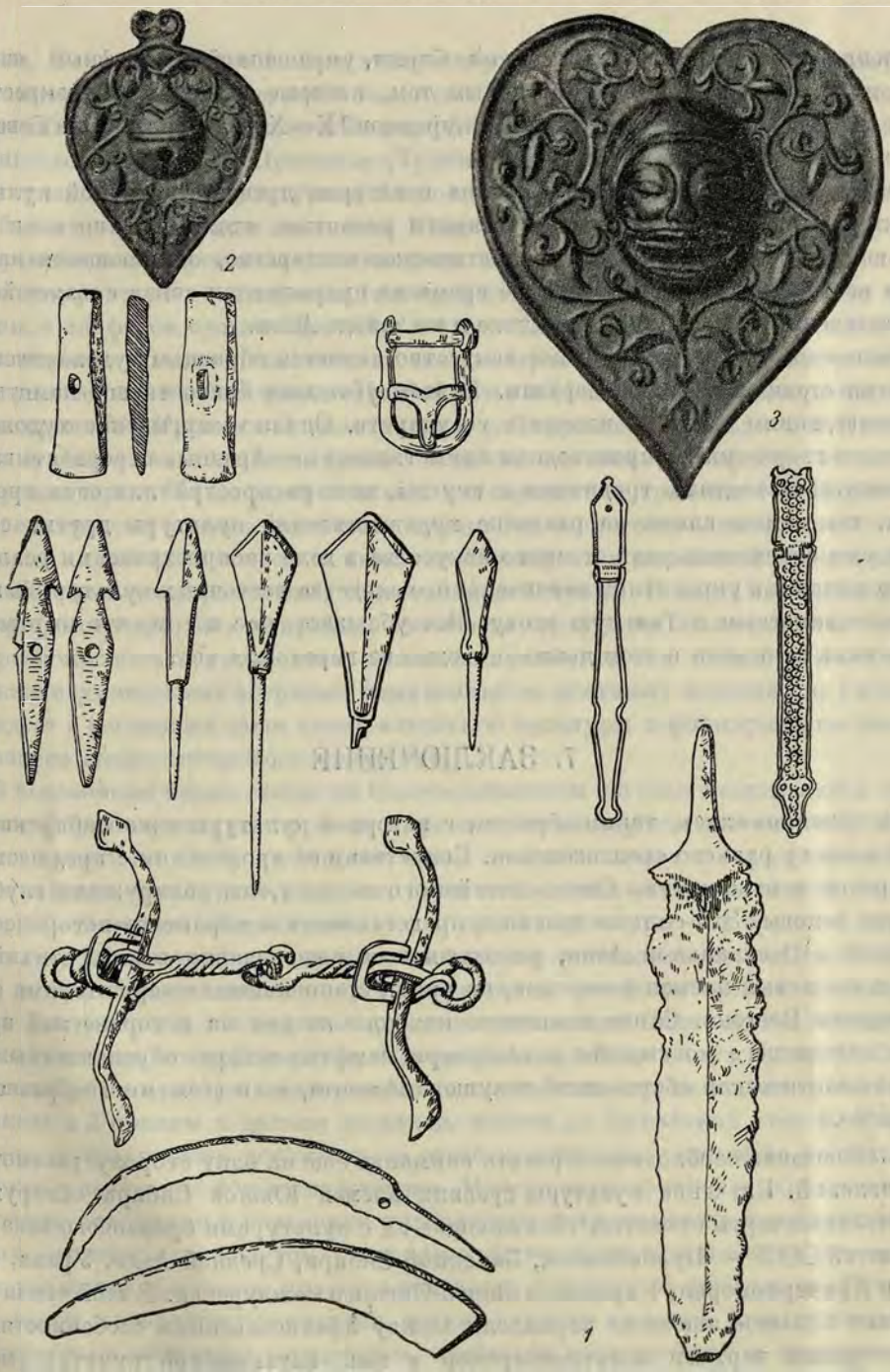
[1] Клеменц Д. Древности Минусинского музея. Атлас, табл. VIII, рис. 21; Левашова В. Из далекого прошлого..., табл. XVI, рис. 14.

[2] Stein M. A. Sand-buried ruins of Chotan. London, 1904.

[3] Le Coq. Die Manichäischen Miniatüren, 1923.

[4] Спицын А. Случайные находки близ Семипалатинска. ИАК, в. 12.

[5] Salmony A. Eine Chinesische Schmuckform in Eurasien. ESA, IX, Helsinki, 1934.



Вещи из Тюхтятского клада на р. Казыре в Минусинской котловине (рис. *1*).
Бляхи, случайно найденные в Минусинской котловине (рис. *2*, *3*).

зафиксировано находкой наременной бляхи, украшенной рельефным изображением льва, совершенно аналогичным тем, которые украшают перекрестье и петли от ножен замечательного меча из курганов IX—X вв. у Сросток на Северном Алтае (табл. LVIII, рис. 5).

Таким образом, и для второго этапа в истории древнекыргызской культуры характерны те же черты художественного развития, что и для времени VI—VIII вв. Сохраняется высокое реалистическое мастерство, опирающееся на традиции местного искусства, и в то же время не прерываются связи с важнейшими художественными центрами на востоке и на западе Азии.

Несомненно, древнекыргызское искусство является образцом художественного развития степных народов Евразии. В этом убеждает близость его памятников к произведениям соседних племен и государств. Однако кыргызские художники не только творчески воспроизводили заимствованные образцы, перерабатывая их соответственно местным традициям и вкусам, но и распространяли свои произведения, тем самым влияя на развитие художественной культуры других стран. Выше уже отмечалась роль степного искусства в деле распространения реалистических начал и в укреплении значительного сходства восточных культур, бывшего особенно заметным в Танскую эпоху. Все убеждает нас в том, что кыргызские художники занимали в этом движении одно из передовых мест.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы познакомились, таким образом, с историей культуры южносибирских народов в эпоху раннего средневековья. Сопоставив ее проявления с предшествующим развитием населения Саяно-Алтайского нагорья, мы обнаружили глубокие местные основы. Это сильно изменяет представление о характере исторического процесса в Центральной Азии, рисовавшегося еще недавно в виде стихийного потока все новых племен и народов, на время становившихся вершителями судеб Срединного Востока. Самое появление каждого из них на исторической арене, время наивысшего могущества и его утери кажутся теперь обусловленными не только политической обстановкой текущего момента, но и всем многообразием их прошлого.

В заключение необходимо обратить внимание еще на одну сторону рассмотренных явлений. Изучение культуры древних племен Южной Сибири обнаружило значительные черты сходства, сближающие их с культурами бронзового века других частей СССР — Прибайкалья, Западной Сибири, Средней Азии, Урала, Кавказа и Причерноморья, Украины и Волго-Окского междуречья. В этой связи приобретают большое значение параллели между афанасьевскими особенностями и характерными чертами кельтеминарской и ямно-катакомбной культур, между андроновскими и тазабагъябскими, срубными и абашевскими памят-

никами. В конце бронзового века этому все увеличивающемуся культурному объединению способствует восточное карасукское воздействие, прямые следы которого можно обнаружить не только в Западной Сибири и на Урале, но и в своеобразии сейминских памятников Прикамья (Турбино) и Поволжья (Сейма).

С началом железа культурная близость древних племен на территории СССР еще более усиливается, и население Южной Сибири особенно ясно ее выражает. Тагарские и майэмирские памятники представляют один из наиболее ярких вариантов того культурного движения, которое охватило широчайшие области нашей страны в скифское время. При этом и здесь Сибирь внесла свой большой вклад в расширение областей, охваченных новым культурно-историческим развитием, поддерживая его и на востоке, в Прибайкалье и Монголии, и на северо-западе, на территории Обь-Иртышской низменности, в Зауралье, на Урале и в Прикамье, где в ананьинском комплексе можно выделить не только скифские, но и скифо-сибирские черты. То же можно сказать и о сарматском времени. Уже поразительная ритмичность в сложении новых принципов сарматского, пазырыкского, таштыкского и хуннского искусства является неоспоримым доказательством прочности связей среди племен различных областей нашей страны. И опять население Южной Сибири выступает, как и прежде, активным строителем этого единства. Анэлиз северосибирского и уральского, ишимско-кулайкского и гляденовского литья, а также изумительных звериных композиций на костяных изделиях из Салехарда убеждает в решающей роли саяно-алтайской культуры в формировании северных вариантов скифо-сибирского искусства.

В позднейшее время, когда на Саяно-Алтайском нагорье складываются своеобразные формы культуры тюрок и кыргызов, используется все тысячелетнее наследие прошлого. Скифо-сибирские черты входят в качестве определяющего элемента в новое культурное развитие. Этим несомненно объясняется и та близость, которую мы можем наблюдать во всех сторонах культуры — в оружии, орудиях, керамике, украшениях и памятниках искусства и письменности на всей территории, в прошлом являвшейся ареной развития скифо-сибирских особенностей. Выше указывалось, что тюрко-кыргызские памятники Саяно-Алтая находят себе ближайшие аналогии в Семиречье, в Средней Азии, в Восточной и Западной Сибири, на ее севере и в булгаро-хазарском Поволжье, а также среди аланских памятников Кавказа и Украины и дальше на запад, вплоть до Дунайских степей. Было бы, однако, неправильным исключать из этого культурного комплекса восточноевропейские, славянские и чудские племена. Многие виды оружия и украшений сбруи и поясов, находимые в рязанских и муромских могильниках и в славянских курганах, свидетельствуют о том, что и здесь многое было связано с тем же культурным развитием. Особенно ярко это сказалось в искусстве этой эпохи. Растительные узоры и звериные композиции, весьма сходные по стилю и везде восходящие к скифским и сибирским прототипам, одинаково господствуют в кыргызском и в аварском орнаменте и в художественной резьбе армянских, грузинских и владимиросуздальских храмов.

К сожалению, очень мало внимания уделяется у нас древним алфавитам. Между тем и здесь можно обнаружить хотя бы в предварительном плане интереснейшие явления. Специально рассмотрев вопрос о кыргызской рунике, мы убедились в ее тесной связи со среднеазиатскими алфавитами арамейского происхождения. Вместе с тем мы видели, что областью ее распространения в Сибири являются все те же районы, которые и в прошлом выделялись общностью многих культурных особенностей. От Лены и Прибайкалья через Саяно-Алтайское нагорье и Монголию вплоть до Семиречья простирается эта «руническая зона». Однако и за ее пределами мы находим аналогичные явления. Открытие Д. Неметом печенежского письма, явно связанного с восточной руникой, необыкновенно расширило область ее распространения в западном направлении. Но это только первый, хотя и очень значительный шаг. Нельзя не обратить внимание на рунические знаки на многочисленных вещах северносибирского и урало-камского чудского мира; они весьма близки к южносибирским. Их связь с последними более чем реальна. Ведь на север проникали памятники настоящей орхоно-енисейской письменности, уже обнаруженные там на завозном серебре. В этой же связи нельзя пройти мимо и славянских «языческих» письмен. Их сходство с орхоно-енисейскими и печенежскими значительно, и совершенно не исключена их принадлежность к тому кругу явлений, которые позволяют и восточное славянство вводить в семью народов и племен, издавна развивавшихся во взаимодействии и создававших на протяжении тысячелетий, наряду с местным народным своеобразием, также и большое культурное единство.

Дальнейшие исторические пути многих сочленов древнего культурного единства на некоторое время разошлись в результате нашествий Чингиза и Чингизидов и вновь сблизились уже в новых условиях сложения Русского государства.

Ценою огромных потерь и усилий была восстановлена политическая и культурная мощь и независимость Русского государства. На далеком востоке кыргызы под тройным ударом Чингиза и его армий утеряли многое из своей прежней силы. Физическое истребление и переселения на юг уменьшили их число в степях верхнего Енисея. Сократилось земледелие и основное производство металлических изделий. Заметно упало художественное ремесло. В позднейших орнаментах енисейских хакасов и тянь-шаньских киргизов можно только угадывать остатки прежнего мастерства. Утеряли кыргызы и важнейшее достижение своей культуры — письменность. Лишь воспоминания о ней сохранились в хакасских тамгах.

Однако годы несчастий не сломили кыргызский народ. И в наше время на Енисее и на Тянь-шане кыргызы-хакасы вновь соединили свои силы в построении союза свободных народов с потомками тех, кто в далекие времена на севере и на юге, на востоке и на западе нашей страны закладывал первые камни великого тысячелетнего единства.


МОНГОЛЬСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ
XIII ВЕКА
СОСТАВИЛ С. В. КИСЕЛЕВ
РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА
ЗОЛОТАЯ ОРДА
СИБИРЬ
ГОСУДАРСТВО ДЖАГАТАЙСКОЕ
КАРА-КИТАЕВ
ГОСУДАРСТВО ХОРЕЗМШАХОВ
ГОСУДАРСТВО ХУЛАГУ
ИРАН
АРАВИЯ
МОНГОЛО-КИТАЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
ИМПЕРИЯ СУН
ТИБЕТ
(ТÔБÔТ)
ГОС ГУРИДСКИХ МАМЛЮКОВ
ИНДИЯ
ИНДОКИТАЙ
КЕМЕР
границы государств до монгольского завоевания
СИ-СЯ
названия государств, существовавших до монгольского завоевания
МЕРКИТЫ
названия народов времени монгольского завоевания
примерная граница владений, завоеванных Чингиз-ханом, к году его смерти (1227)
походы войск Чингиз-хана (цифры - годы прохождения)
походы Бату на Булгар, Русь и Зап. Европу
границы наибольшего распространения власти монгольских ханов ко времени смерти хана Хубилая (1294 г.)
походы прегемников Чингиз-хана
поход Хулагу в Переднюю Азию (1255-60 г.)
границы государств, основанных монголами
место битвы на Калке 16-IV-1223
место битвы при Перване
место битвы при Оломуце
Масштаб
0 500 1000 км

5

СПИСОК ПРИНЯТЫХ В КНИГЕ СОКРАЩЕНИЙ

АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы.
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия.
ВДИ — Вестник Древней Истории.
ВЛУ — Вестник Ленинградского Университета.
ВОРАО — Восточное отделение Русского археологического общества.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГАХН — Государственная Академия художественных наук.
ГИМ — Государственный Исторический музей.
ДБК — Древности Боспора Киммерийского.
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua.
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
ИАИ РАНИОН — Институт археологии и искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИГН — Институт геологических наук АН СССР.
Изв. ВСОРГО — Известия Восточносибирского отделения Русского географического общества.
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР.
МАР — Материалы по археологии России.
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР.
МАЭ АН СССР — Музей антропологии и этнографии Академии Наук СССР.
МОИИМК — Московское отделение Института истории материальной культуры АН СССР.
ОАК — Отчет Археологической комиссии.
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РАО — Русское археологическое общество.
SMYA — Suomen Muinaisnuistoyhdistyksen Aikakayuskirja.
Т-КОРГО—Троицесавско-Кяхтинское отделение Русского географического общества.
ТСА — Труды Секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН.
Узкомстарис — Узбекский Комитет по охране памятников старины и искусства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Предисловие ко второму изданию 3
2. Предисловие к первому изданию 5

Часть первая

ДРЕВНОСТЬ

Глава I. Южносибирский неолит. 13

Глава II. Афанасьевская эпоха. 23
1. Афанасьевские могильники. 23
2. Жизнь «афанасьевцев» на среднем Енисее. 45
3. Афанасьевские памятники Алтая. 55
4. Сибирская тайга в афанасьевское время. 60

Глава III. Андроновская эпоха. 67
1. Описание андроновских могильников Минусинской котловины 68
2. Инвентарь могильников. 76
Орудия (76). Украшения (78). Одежда (80). Посуда (81).
3. Данные об андроновских стоянках в Минусинской котловине 86
4. Археологическая характеристика Сибири андроновской эпохи 87
5. Заключение. 99

Глава IV. Карасукская эпоха 106
1. Карасукские могильники 106
Распространение (106). Описание (109).
2. Население среднего Енисея в карасукскую эпоху 114
3. Инвентарь. 116
Орудия и оружие (116). Украшения (127). Посуда (132). Остатки одежды (140). Остатки пищи (140).
4. Заключение о карасукских могильниках. 142
5. Карасукское расселение. 147
6. Карасукский быт. 159
7. Карасукское общество. 164
8. Карасукское искусство. 172
9. Хронология карасукской эпохи. 177

Глава V. Тагарская эпоха. 184
1. Вводные замечания. 184
2. Классификация тагарских древностей. 192
3. Первая стадия. 224
Курганы и их инвентарь (224). Древнейший тагарский звериный орнамент (233). Дата первой стадии (250). Быт древнетагарского населения (251)
4. Вторая стадия. 260
Курганы (260). Инвентарь (265). О дате второй стадии (264).
5. Позднейшие тагарские курганы (переходная, третья стадия) 276
6. Памятники тагарской эпохи в соседних со средним Енисеем областях . . 286
Красноярский район (286) Алтай (Майэмирская культура) (288)

Часть вторая

ГУННО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

Вводные замечания. 307
Китай (307). Средняя Азия (314), (Древние Ху. (317)
Глава VI. Пазырыкская эпоха Алтая 327
1. Рядовые погребения пазырыкского Алтая. 327
2. Большие курганы пазырыкского Алтая. 334
3. Пазырык. 361

Глава VII. Таштыкская эпоха на Енисее. 393
1. Лугавская стоянка. 396
2. Рядовые таштыкские могильники. 399
3. Таштыкские склепы. 409
4. Склепы Уйбатского чаатаса. 413
Посуда (423). Оружие и сбруя (432). Одежда и украшения (436). Предметы изобразительного искусства (440). Таштыкский портрет (446). Предметы культа (459). Игральные кости и знаки на них (461). Церемониальные зонты (464).
5. Заключение. 466
Время таштыкских памятников (466). Позднеташтыкские погребения Уйбата II (468). Особенности таштыкского развития (472). Дворец Ли-Лина? (479).

Часть третья

СЛОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВ

Глава VIII. Алтай в V—X вв. н. э. 487
1. Вводные замечания. 487
2. Алтай и тюрки. 493
3. Алтайская древность тюрок. 495
4. Общественный строй тюрок. 500

5. Культура на Орхоне в VII—VIII вв. 505
6. Материальная культура Алтая VI—VIII вв. 510
7. Группы алтайских курганов. 530
8. Алтай в IX—X вв. 549

Глава IX. Енисейские кыргызы (хакасы). 559
1. Введение. 559
2. Происхождение кыргызской культуры. 564
3. Кыргызское хозяйство. 568
4. Торговля кыргызов. 590
5. Общество и государство кыргызов. 593
6. Культура енисейских кыргызов. 604
Письменность (604). Религия (614). Искусство енисейских кыргызов (616).
7. Заключение. 636

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *С. Т. Попова*

Технический редактор *А. А. Киселева*

Оформление художника *Б. В. Грозевского*

Заставки выполнены по мотивам древнего
южносибирского искусства

*

РИСО АН СССР № 3176. Т-06494. Издат. № 2832
Тип. зак. № 588. Подп. к печ. 6/XII 1950 г.
Ф. бум. 84×108$^{1}/_{16}$. Печ.л. 66,01+5 вкл. Б.л. 20,78
Уч.-издат. 48,5. Тираж 4000. Цена в пер. 43 р.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
92	5 св.	ндроновские	андроновские
176	1 сн.	типа	типам
308	9 св.	Ши-Цзан	Ши-Цзин
309	2 сн.	sepcial	special
311	17 св.	У-Зи	У-Ди
369	3 сн.	(рис. 1, 3, 7—10)	(рис. 1—3, 7—10)
392	18 св.	«TLT»	«TLV»
484	3 сн.	Хан	Хань
562	13 сн.	6.9—682	679—682